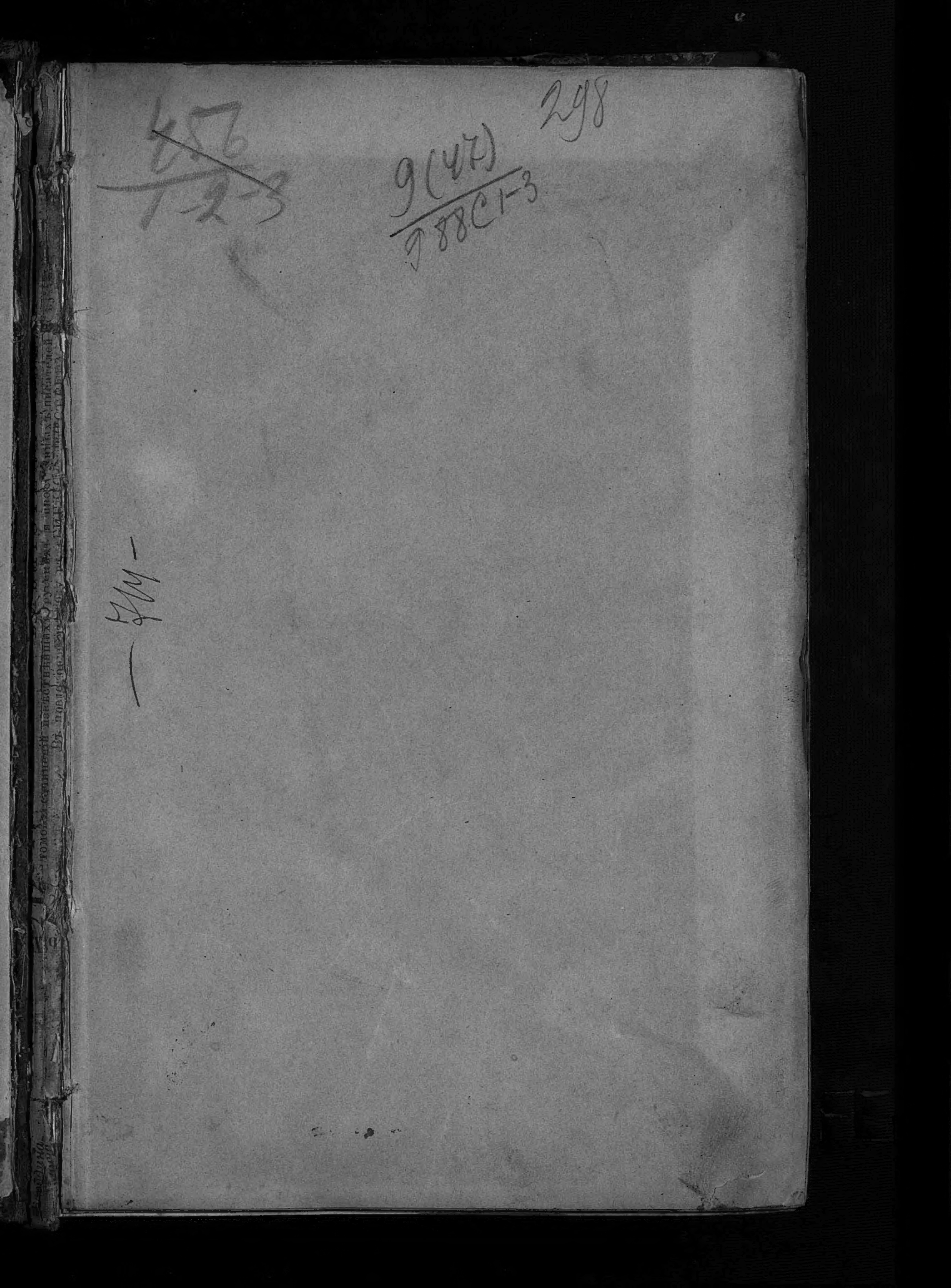
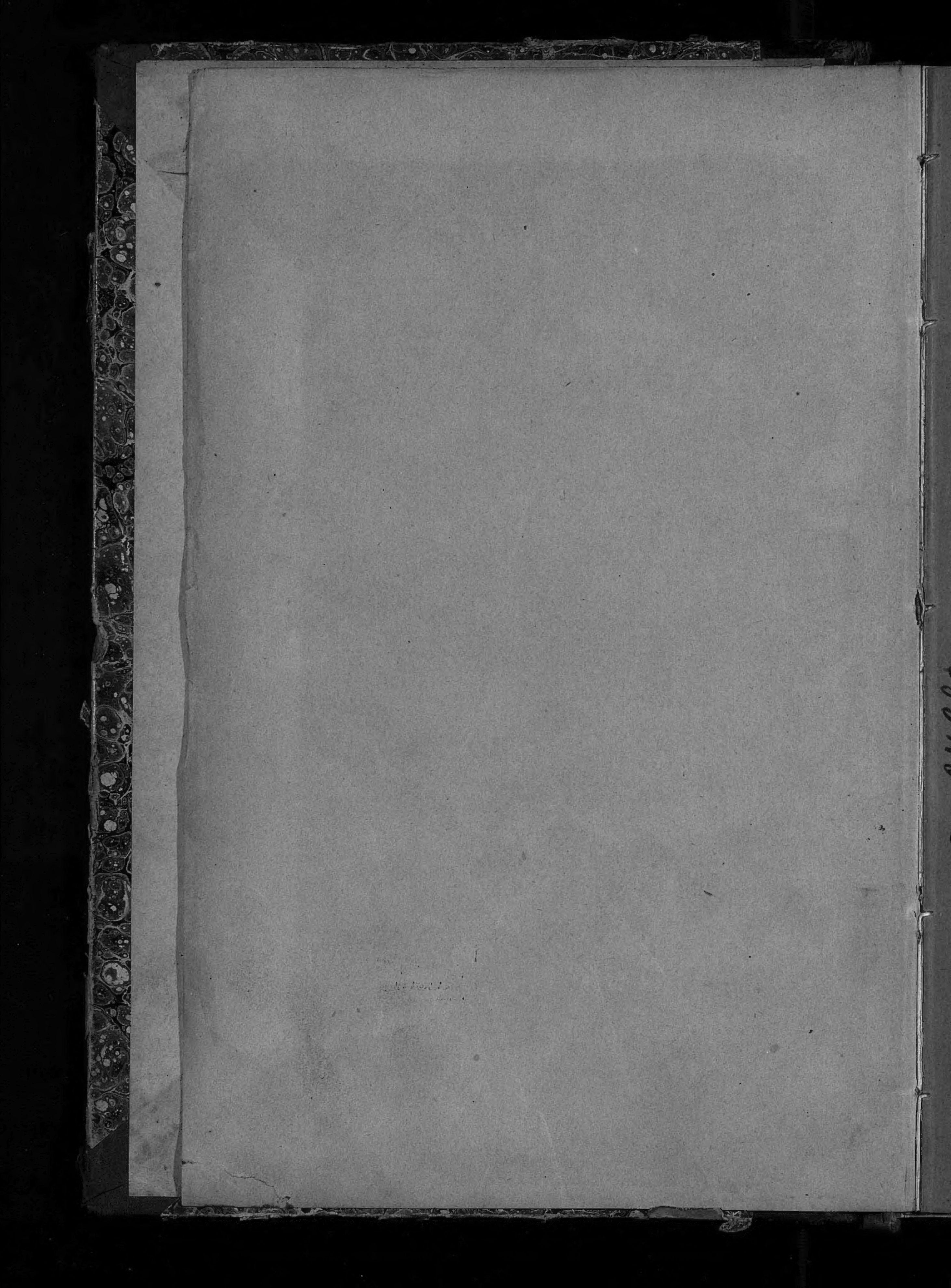
79


298
9(47)



9(47)
9 Р8 Р1-3
24980
414
19 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. ЯНВАРЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1894.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1894 г.

Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. сост. Н. А. Орловъ. Спб. 1892 г.

Книга эта, въ 23 печатныхъ листа, составляетъ прекрасное изложеніе дѣйствій Суворова въ Италіи, обработанное по новѣйшимъ источникамъ и снабженное весьма обильно планами и портретами.

Севастопольскій разгромъ. Воспоминанія участника славной обороны Севастополя. М. А. Вроченскаго. Кіевъ. 1893 г. 256+IV стр. Цѣна 1 рубль.

Воспоминанія М. А. Врѳченскаго состоятъ изъ двѣнадцати главъ и заключаютъ въ себѣ описаніе событій съ сентября 1854 по 28 августа 1855 года.

Начинаетъ авторъ свое изложеніе съ выясненія причинъ, подавшихъ поводъ къ неожиданному появленію на берегахъ Крыма 60-ти-тысячной союзной арміи французскихъ, англійскихъ и турецкихъ войскъ и обложенію славнаго Севастополя; объясняетъ причины потери сраженія на рѣкѣ Алмѣ. По его словамъ, — главною причиною неуспѣха была малочисленность нашихъ войскъ (30.000 противъ 60 000), затѣмъ нераспорядительность князя Меншикова относительно изученія и укрѣпленія позиціи и превосходство вооруженія непріятельской пѣхоты противъ вооруженія нашихъ войскъ. Далѣе говоритъ объ отступленіи нашихъ войскъ на Сѣверную сторону Севастополя, наступленіи союзниковъ и ихъ первой ошибкѣ, о распоряженіяхъ непопулярнаго въ средѣ войскъ князя Меншикова, о появленіи союзниковъ подъ Севастополемъ и второй ихъ ошибкѣ, а также о первоначальныхъ осадныхъ и оборонительныхъ работахъ.

Вторая глава начинается описаніемъ перваго бомбардированія Севастополя 5-го октября 1854 г. Энергичное артиллерійское состязаніе нашихъ батарей съ врагомъ произвело на него такое нравственное вліяніе, что онъ не рѣшился и въ этотъ день двинуть свои войска на штурмъ. Это была третья и послѣдняя ошибка союзниковъ. Князь Меншиковъ, желая отвлечь вниманіе непріятеля отъ севастопольскихъ укрѣпленій, рѣшился произвести наступательное движеніе отъ Черной рѣчки. Далѣе въ этой главѣ говоритсяо дѣлѣ 13-гооктября, о Инкерманскомъ боѣ („3.000 убитыхъ и 6.000 раненыхъ выбыли изъ строя нашихъ войскъ"—говоритъ авторъ),—свидѣтелями котораго были великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, прибывшіе въ армію наканунѣ этого сраженія.

Въ третьей главѣ г-нъ Врочепскій разбираетъ положеніе войскъ нашихъ и непріятельскихъ, останавливается на описаніи города и Корабельной стороны и говоритъ о защитникахъ Севастополя: Э. И. Тотлебенѣ, адмиралахъ Нахимовѣ и Истоминѣ, баронѣ Сакенѣ, князѣ Васильчиковѣ и др.

Четвертая глава обнимаетъ собою январь и февраль 1855 года. Непріятельскія войска начинаютъ прибывать въ Евпаторію, и къ концу января тамъ сосредоточились три турецкія и одна египетская дивизіи (всего болѣе 20-ти тысячъ). На разсвѣтѣ 5-го февраля, послѣ сильной артиллерійской канонады съ самой близкой дистанціи, войска наши пошли на штурмъ Евпаторіи и понесли значительныя потери. Опасаясь еще бо̀льшихъ потерь, генералъ Хрулевъ приказалъ войскамъ отступить. Далѣе говорится о дѣлѣ съ 10-го на 11-е февраля, о заложеніи Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и образованіи 5-го отдѣленія оборонительной линіи. Въ февралѣ же произошли и другія событія большой важности: князь Меншиковъ подаетъ просьбу объ увольненіи его, по болѣзни, отъ командованія Крымскою арміею и, не дождавшись разрѣшенія, уѣзжаетъ изъ Севастополя, передавъ начальствованіе барону Сакену; въ то же время разнеслась между войсками вѣсть о болѣзни императора Николая, и великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи неожиданно покидаютъ Сѣверную сторону. Получивъ, 28 февраля, оффиціальное извѣстіе о смерти императора, войска присягаютъ Александру Николаевичу, который на мѣсто князя Меншикова назначаетъ князя М. Д. Горчакова, съ сохраненіемъ ему званія командующаго и Южною арміею. Въ слѣдующей главѣ говорится о возведеніи Камчатскаго люнета, о прибытіи въ Севастополь главнокомандующаго князя Горчакова, смерти контръ-адмирала Истомина и о дѣлѣ 10-го марта. Нѣсколько страницъ посвящено авторомъ памяти С. А. Хрулева и его сослуживцевъ.

Шестая и седьмая главы содержатъ въ себѣ описаніе втораго и третьяго бомбардированія Севастополя, причемъ авторъ объясняетъ причины захвата французами нашихъ передовыхъ редутовъ тѣмъ, что князь Урусовъ, принявъ командованіе отъ генерала Хрулева, измѣнилъ всѣ установившіеся порядки по нарядамъ войскъ и, вмѣсто высылки въ гарнизоны укрѣпленій цѣлыхъ частей войскъ съ ихъ начальниками, началъ дробить войска и высылать для защиты укрѣпленій и контръ-апрошъ какія-то сборныя команды, не имѣвшія единства въ управленіи.

Въ восьмой главѣ авторомъ приводится весьма подробное описаніе расположенія укрѣпленій 5-го отдѣленія и говорится о четвертомъ бомбардированіи. Штурмъ третьяго бастіона, произведенный англичанами одновременно съ атакою французами Малахова кургана, былъ блистательно отбитъ нашими войсками; не увѣнчалась также успѣхомъ и попытка англичанъ штурмовать наши батареи на Пересыпи; такимъ образомъ, въ день 6-го іюня, союзники потерпѣли полную

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

XXV на 1894 годъ. XXV

Принявъ на себя изданіе «Русской Старины», въ 1893 году, новая редакція заявила, что, преслѣдуя тѣ начала, которыя легли въ основу изданія, начавшагося еще въ 1870 году, она употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежняго интереса, но, напротивъ, оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сыраго матеріала и какъ можно болѣе матеріала литературно разработаннаго. Смѣемъ думать, что наши подписчики не могутъ упрекнуть насъ, что мы не сдержали своего обѣщанія. Не трогая драгоцѣннаго и обширнаго архива, собраннаго покойнымъ издателемъ «Русской Старины» и пріобрѣтеннаго редакціею, благодаря благосклонному содѣйствію многихъ достойныхъ лицъ, намъ удалось дать въ теченіе года не мало интересныхъ статей, которыя составили солидный вкладъ въ отечественную историческую литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшеніе журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произведеній: воспоминаній и обширныхъ записокъ разныхъ лицъ за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній наши читатели имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадлежатъ, между прочими, Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Воспоминанія

В. А. Панаева и записки М. Я. Ольшевскаго, начатыя печатаніемъ въ книжкахъ текущаго года.

Кромѣ того, въ теченіе 1894 года будутъ печататься между прочими слѣдующія произведенія:

Записки В. А. Инсарскаго.

Автобіографія архимандрита Фотія.

За полстолѣтія, мемуары доктора А. И. Ильинскаго.

Записки П. Н. Глѣбова.

Записки С. Н. Глинки.

Изъ записокъ принца Евгенія Виртемберскаго.

Воспоминанія А. А. Харитонова.

Изъ прошлаго, А. И. Ильинскаго.

Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣтенія въ теченіе одного года новыхъ историческихъ вполнѣ обработанныхъ матеріаловъ, устанавливая связь редакціи съ интеллигентнымъ обществомъ лицъ, интересующихся отечественною исторіею, даютъ намъ надежду, что и на будущее время редакція въ состояніи будетъ удовлетворить любознательность лицъ, интересующихся историческими событіями въ разныя эпохи русской жизни.

Въ 1893 году редакція начала новый отдѣлъ «Обозрѣніе историческихъ журналовъ». Давая краткое содержаніе помѣщающихся въ нихъ статей, редакція «Русской Старины» имѣетъ полную возможность и на будущее время знакомить своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

Такимъ образомъ программа изданія на 1894 г. будетъ слѣдующая:

1. Семейныя хроники.
2. Записки и воспоминанія.
3. Историческія изслѣдованія.
4. Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ.
5. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ

русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.

6. Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.

7. Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники.

8. Историческіе разсказы и преданія.

9. Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ.

10. Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи.

11. Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ.

12. Народная словесность.

13. Архивные документы.

14. Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно** въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145**. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ Петербургскую контору.

русскихъ писателей и государственныхъ дѣятелей, а также матеріалы [illegible]
[illegible] духовныхъ и свѣтскихъ писателей и [illegible].

6. Статьи по исторіи русской литературы и [illegible].

7. Переписка замѣчательныхъ людей [illegible]

8. Историческіе разсказы и повѣсти.

9. Воспоминанія и записки, [illegible]
общества прошлаго времени.

10. Мемуары и разсказы иностранцевъ [illegible]
[illegible] Россіи и ея исторіи.

11. Отзывы о новѣйшихъ историческихъ [illegible]
[illegible] періодическихъ [illegible]
и въ общей литературѣ.

12. Народная словесность.

13. Лѣтопись [illegible].

14. Родословія.

По примѣру прежнихъ [illegible]
портреты выдающихся русскихъ [illegible]
художниками.

[illegible] выходитъ [illegible]

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкою.

[illegible] подписка [illegible]
[illegible] непосредственно въ главную контору въ Петербургѣ,
Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается [illegible]
[illegible] Варшавѣ, [illegible]
городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

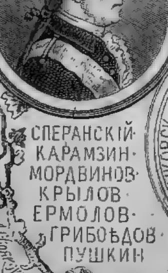
За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность, только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ Петербургскую контору.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1894.



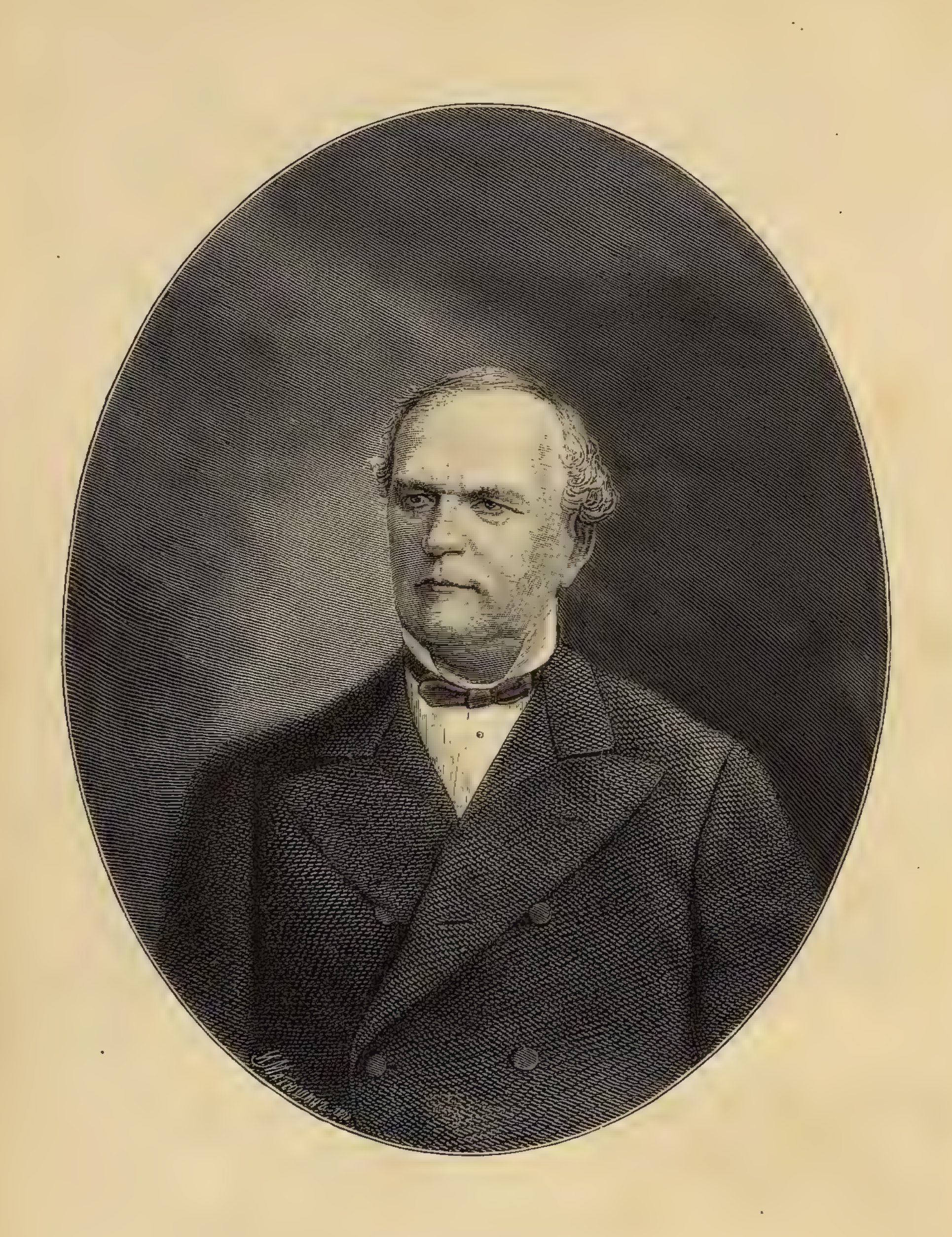
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Дозволено цензурою. Спб., 25 ноября 1893 г.

Рис. К. Брожъ.

Тип. Высоч. утвержд. товарищ. „Обществ. польза", Б. Подъяч., 39.

Дозволено цензурою. Спб., 4 декабря 1893 г. Тип. Высочайше утв. товар. „Общ. польза“, Б. Подъяч., 39.



В. А. ИНСАРСКІЙ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

ЯНВАРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО [1]).

ГЛАВА I.

Что-за человѣкъ я самъ.—Мое происхожденіе и воспитаніе.—Дядя Муръ, погибшій въ Японской экспедиціи.—Двѣнадцати-лѣтній офицеръ.—Честолюбивыя мечты моего отца.—Путешествіе мое въ Петербургъ.—Первое соприкосновеніе мое съ литературнымъ міромъ.—Вельтманъ.—Бѣлинскій.

Прежде нежели буду изображать дѣйствія, которыя совершались передъ моими глазами, и выводить на сцену личности, съ которыми судьба ставила меня въ различныя отношенія, я нахожу не безполезнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, что-за человѣкъ я самъ? Чуждый всякой тщеславной мысли выдвинуть впередъ мою собственную личность, я хочу простымъ и искреннимъ объясненіемъ моего простаго происхожденія, своего бѣднаго

---

[1]) Пріобрѣтенныя редакціею и начатыя печатаніемъ съ настоящей книжки записки В. А. Инсарскаго въ 6 томахъ полны самаго живаго интереса. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ, напечатанные 20 лѣтъ назадъ въ „Русскомъ Архивѣ", тогда же обратили на себя общее вниманіе какъ по интересу своего разнообразнаго содержанія, такъ и по формѣ вполнѣ литературнаго изложенія.

Среди самой разнообразной своей дѣятельности, составитель записокъ не пропускалъ ни одного факта, въ которомъ былъ дѣйствующимъ лицомъ или свидѣтелемъ, ни одной личности, съ которою ему приходилось сталкиваться въ жизни. А дѣятельность Инсарскаго, какъ уже сказано, была самая разнообразная. Сынъ провинціальнаго чиновника, начавшій службу въ Петербургѣ также мелкимъ чиновникомъ, онъ своими способностями и добросовѣстнымъ трудомъ пробилъ себѣ широкую дорогу, бывъ впослѣдствіи директоромъ канцеляріи Кавказскаго намѣстника и окончивъ за смертью службу московскимъ почтъ-директоромъ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаемъ необходимымъ указать, что глава 2, 3, 4 и 5 были помѣщены частью вполнѣ, а частью въ извлеченіи въ „Русскомъ Архивѣ" 1873 г.

образованія, помочь тому, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, опредѣлить ту мѣру, въ какой онъ можетъ довѣрять моимъ разсказамъ.

Я сынъ небогатаго дворянина Пензенской губерніи. Отецъ мой занималъ разныя, незначительныя, впрочемъ, должности въ мѣстной администраціи и слылъ человѣкомъ умнымъ и благороднымъ. Въ немъ былъ одинъ недостатокъ, истекавшій, впрочемъ, изъ добраго начала. Тщеславный своимъ благородствомъ и прямотою, онъ не совсѣмъ искусно и умѣренно прилагалъ эти добрыя качества къ практической жизни и потому имѣлъ много самыхъ непріятныхъ столкновеній. Упорный въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ не только не скрывалъ ихъ, но считалъ какою-то непремѣнною обязанностью высказывать ихъ всегда и всюду. Если какое-либо изъ распоряженій своего начальства онъ находилъ неосновательнымъ, онъ прямо говорилъ и писалъ это; если онъ подмѣчалъ гдѣ-либо тѣнь неправды и недобросовѣстности, онъ считалъ своимъ долгомъ выводить это на чистую воду. Въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, подобныхъ случаевъ, разумѣется, представлялось много, и весьма понятно, что отецъ мой кончилъ тѣмъ, чѣмъ и долженъ былъ кончить: неуспѣхами по службѣ и разстройствомъ отношеній въ той средѣ, въ которую былъ поставленъ и въ которой долженъ былъ жить. Съ образованіемъ въ 1838 году новаго управленія государственными имуществами,—онъ перенесъ туда свои достоинства и свои недостатки и занималъ должность окружнаго начальника. На этомъ поприщѣ, которое для многихъ представляло обильную жатву, онъ особенно желалъ показать примѣръ правды и безкорыстія. Разумѣется, подобно многимъ другимъ предпринимателямъ въ этомъ родѣ, онъ не только не могъ сломить стѣны заманчивыхъ обычаевъ и привычекъ, но самъ былъ подавленъ общимъ отпоромъ и, бросивъ службу, проводилъ остатокъ жизни въ небольшомъ своемъ имѣніи Саратовской губерніи, гдѣ и умеръ въ 1860 году.

Наши отношенія съ нимъ безъ преувеличенія можно назвать примѣрными. Онъ во мнѣ цѣнилъ осуществленіе надеждъ, дорогихъ каждому отцу. Я ставилъ его высоко, какъ человѣка. Если мы и не сходились во взглядѣ на самую форму проявленія его благородныхъ порывовъ, то я никогда не терялъ сочувствія къ источ-

нику, изъ котораго они у него истекали. Я сильно и всѣми моими средствами, моральными и вещественными, поддерживалъ его, стараясь, если не разрушить, то ослабить то разочарованіе, то нравственное, такъ сказать, разслабленіе, которое одолѣвало его послѣднее время въ бездѣятельномъ и одинокомъ его существованіи. Однимъ словомъ, мы были истинными друзьями.

Въ доказательство и нѣкоторое назиданіе сыновьямъ нынѣшняго, новѣйшаго сорта, приведу нѣсколько словъ изъ уцѣлѣвшихъ писемъ моего отца:

23 мая 1850 г. «Великая слава Богу, что Онъ сохранилъ тебя и меня отъ горьчайшихъ послѣдствій твоей болѣзни. Дай Богъ, чтобъ ты схоронилъ кости мои, какъ человѣка, стоящаго прежде тебя на очереди идти въ невозвратную дорогу, и какъ отца, оставившаго на бѣломъ свѣтѣ неоцѣненнаго сына не только для жизни собственной, но для людей, для общества, для службы государю и отечеству и для того, наконецъ, чтобы твой отецъ-покойникъ и на томъ свѣтѣ могъ говорить: «Тебѣ Бога хвалимъ!» Ужасаюсь мыслить наоборотъ. Это былъ бы невообразимый ударъ для меня... «Лучше, еже-бы не видѣти мнѣ свѣта!» Нынѣ я говорю съ тобой хотя не лично, но какъ съ ангеломъ, и въ этомъ единственное мое утѣшеніе, кромѣ котораго совершенно ничего не имѣю...»

9 сентября 1858 г. «Давай, генералъ, поговоримъ что-нибудь... мнѣ скучно. Живя въ уединеніи, часто думаешь о многомъ добромъ и многомъ недобромъ. Въ жизни каждаго человѣка едва-ли не первое мѣсто занимаютъ дѣти и достоинство ихъ. На дѣтей добрыхъ и посторонніе, по примѣненію къ себѣ, смотрятъ съ пріятнымъ чувствомъ и любуются ими; но такое примѣненіе далеко не равняется подлинному чувству родителей, которымъ Богъ даровалъ добрыхъ дѣтей Меня судьба осчастливила» и т. д.

Мать моя была урожденная Муръ. Здѣсь неизбѣжно представляется вопросъ: какимъ образомъ на почвѣ Пензенской губерніи могли явиться какіе-то Муры? Людей, болѣе, чѣмъ моя простая семья тщеславныхъ и жаждущихъ родоваго значенія, могъ бы заинтересовать другой, не менѣе знаменательный, вопросъ: не отрывокъ ли это знаменитыхъ Муровъ Великобританіи? Но я долженъ откровенно сказать, что моя семья не была поставлена въ такое по-

ложеніе, гдѣ могла бы зародиться подобная претензія. Никому изъ членовъ нашей семьи и въ голову не приходили подобные вопросы, а тѣмъ менѣе мысль объ изслѣдованіи ихъ. Между тѣмъ, если бы изслѣдованіе это было предпринято, оно повело бы, быть можетъ, къ результатамъ, не лишеннымъ значенія. Семейная хроника гласитъ, что отецъ моей матери былъ истинный и дѣйствительный англичанинъ, по какимъ-то темнымъ и мало извѣстнымъ обстоятельствамъ оставившій свою родину и поступившій въ русскую военную службу. Дослужившись до извѣстнаго чина, онъ былъ назначенъ городничимъ одного изъ уѣдныхъ городовъ Пензенской губерніи, гдѣ и кончилъ свое существованіе, оставивъ нѣсколько сыновей и дочерей, изъ которыхъ одна и была моею матерью. Всѣ они отличались замѣчательнымъ умомъ и на лицахъ своихъ носили ясную печать не русскаго происхожденія.

Двухъ моихъ дядей со стороны матери я очень хорошо зналъ. Одинъ изъ нихъ былъ нескончаемое число лѣтъ любимѣйшимъ исправникомъ Пензенской губерніи и умеръ въ этой должности, сколько ни просилъ у дворянъ снять съ него трудныя и хлопотливыя обязанности, съ этою должностью связанныя. Красивый, ловкій, любезный, онъ былъ общимъ любимцемъ. Изъ этой общей любви значительная доля приходилась ему за его молодечество. Въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, физическая сила, ловкость, удаль были еще, особенно въ провинціи, въ большой цѣнѣ, и въ должности исправника были свойствами, не только не лишними, но даже весьма полезными. Изъ множества событій, къ тому времени относящихся, я очень живо помню, какъ мой удалой дядя долженъ былъ одѣваться мужикомъ и лично проводить нѣсколько ночей въ лѣсахъ, чтобъ собственноручно изловить изъ числа разбѣжавшихся крестьянъ какой-нибудь деревни слѣдующаго съ нея рекрута; какъ онъ, тоже лично и собственноручно, поймалъ, въ овчарныхъ сараяхъ, какого-то разбойника, наводившаго своими злодѣйствами страхъ на деревенскихъ жителей, которые не только не могли сами его задержать, но и не осмѣливались даже помогать полицейскимъ мѣрамъ, къ изловленію его принимавшимся. Владѣя страшною физическою силою, дядя мой вполнѣ олицетворялъ собою идеалъ русскаго молодца и дѣйствительно лично совершалъ богатырскіе подвиги.

Другой изъ моихъ дядей былъ незначительнымъ помѣщикомъ Саратовской губерніи. Сколько помню, онъ отличался необычайною страстью къ лошадямъ, которыхъ покупалъ и продавалъ цѣлыми табунами. Страсть эта именно и разорила его состояніе...

Третьяго изъ моихъ дядей я вовсе не зналъ, хотя судьба его запечатлѣлась наиболѣе замѣчательными событіями. Съ раннихъ лѣтъ отданный въ морской кадетскій корпусъ, онъ впослѣдствіи участвовалъ въ извѣстной японской экспедиціи. Обстоятельства, неудачи и конецъ этой экспедиціи подробно изложены въ сочиненіи Головнина. Имя Мура выдвинуто тамъ весьма рельефнымъ образомъ. По свидѣтельству этого сочиненія, Муръ, умный, образованный, красивый, однимъ словомъ, блестящій во всѣхъ отношеніяхъ, во время плѣна у японцевъ, сталъ дѣйствовать отдѣльно отъ товарищей и какъ будто во вредъ имъ; потомъ сошелъ съ ума и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Хотя несовсѣмъ ясно и опредѣлительно, Головнинъ приходитъ, однако, къ такому выводу, что сумасшествіе и самоубійство Мура были какъ будто послѣдствіемъ раскаянія его въ его поступкахъ противъ товарищей. Выводъ совершенно ошибочный! Не сумасшествіе было слѣдствіемъ поступковъ Мура, а поступки его были слѣдствіемъ сумасшествія [1])!

Кто внимательно прослѣдитъ всѣ разсказы о Мурѣ, приведенные въ этомъ сочиненіи, тотъ не можетъ не согласиться съ этимъ. Я же утверждаю этотъ фактъ самымъ положительнымъ образомъ, на томъ основаніи, что въ дѣтствѣ моемъ самъ видѣлъ удивительное явленіе: видѣлъ, какъ два родные брата его, вышереченные мои дяди, сходили съ ума и потомъ выздоравливали! И замѣчательно, что во время этого съумасшествія они точно такъ же, какъ и погибшій ихъ братъ, страдальчески взводили на себя какія-то преступленія и, обливаясь слезами, умоляли всѣхъ не приближаться къ нимъ, какъ къ прокаженнымъ, и постоянно искали случая къ самоубійству. Нѣтъ сомнѣнія, что и братъ ихъ, при лучшемъ надзорѣ, не только не погибъ бы, но и выздоровѣлъ, какъ они, и судя по его качествамъ, описаннымъ Головнинымъ, былъ бы полезнымъ слугою государю и отечеству.

---

[1]) Точно также Головнинъ неправильно утверждаетъ, что отецъ Мура былъ нѣмецъ. Самое слово „Муръ" противорѣчитъ тому.

Обращаясь къ воспоминаніямъ моего дѣтства, я долженъ сказать, что воспитаніе мое не имѣло ни системы, ни полноты. Сначала меня учили разные богословы и философы изъ мѣстной семинаріи, какъ преподаватели самые дешевые. Этотъ экономическій способъ образованія дѣтей былъ самый употребительный во всѣхъ семействахъ того разряда, къ которому принадлежало и мое. Степень успѣха этого домашняго образованія трудно опредѣлить; но результатомъ было то, что меня отдали въ мѣстную гимназію. Къ сожалѣнію, и гимназическій курсъ былъ прерванъ вслѣдствіе честолюбивыхъ и несовсѣмъ вѣрно направленныхъ стремленій моего отца.

Въ числѣ различныхъ отступленій отъ закона, существовавшихъ въ то время, было и такое, что мальчика, едва принявшагося за грамоту, старались уже зачислить въ службу. Мой отецъ, въ этомъ отношеніи, безспорно, былъ счастливѣе другихъ. Едва-ли не въ одно время съ порученіемъ меня первымъ изъ моихъ домашнихъ учителей, онъ успѣлъ опредѣлить меня въ мѣстный Уѣздный Судъ, когда мнѣ было только восемь лѣтъ. Такимъ образомъ ученіе шло своимъ чередомъ, а учетъ службы своимъ. Въ 12 лѣтъ, когда едва-ли я умѣлъ писать правильно, я былъ уже произведенъ въ офицеры. Весьма живо помню это замѣчательное событіе. Отецъ мой, подъ вліяніемъ тѣхъ же честолюбивыхъ и невѣрно направленныхъ стремленій, соорудилъ мнѣ форменное платье, и я, облеченный въ маленькій мундиръ, съ маленькой шпаженкой, дивилъ своей фигурой гражданъ роднаго города. Затѣмъ, во время нахожденія моего въ мѣстной гимназіи, я уже состоялъ, кажется, въ чинѣ губернскаго секретаря, и это обстоятельство значительно путало мысли сколько учебнаго начальства, столько и моего отца, который желалъ это быстрое преуспѣяніе мое въ гражданскихъ чинахъ употребить съ вящшею пользою.

Въ Пензенской губерніи въ то время были значительныя имѣнія сенатора Дубенскаго, который управлялъ департаментомъ государственныхъ имуществъ, входившимъ тогда въ составъ министерства финансовъ. Для обозрѣнія этихъ имѣній нерѣдко пріѣзжали въ Пензу сыновья Дубенскаго и другія, довѣренныя отъ него лица. Лица эти, по дѣламъ имѣнія, имѣли какія-то отношенія къ моему

отцу. На этихъ данныхъ отецъ мой и основалъ планъ моей будущности. Осуществленіе этого плана онъ началъ съ того, что рѣшился просить старшаго изъ сыновей Дубенскаго, Порфирія, о содѣйствіи къ опредѣленію меня въ департаментъ. Старикъ Дубенскій изъявилъ согласіе, и мое отправленіе въ Петербургъ было рѣшено. Событіе это, какъ и предвѣщало родительское сердце моего отца, имѣло громадное вліяніе на всю мою жизнь.

Путешествіе мое изъ Пензы въ Петербургъ было длинно и скучно. Устраняя изображеніе тѣхъ разнородныхъ впечатлѣній, какія на провинціальнаго мальчика производило это путешествіе, я не могу не упомянуть о впечатлѣніи, испытанномъ мною при первомъ соприкосновеніи моемъ съ литературнымъ міромъ. Соприкосновеніе это произошло слѣдующимъ образомъ.

Покойный отецъ мой имѣлъ какія-то дѣловыя сношенія съ Селивановскимъ, содержателемъ извѣстной типографіи въ Москвѣ. Селивановскій, очень хорошо помню, высылалъ намъ множество книгъ, которыя, такъ сказать, поглощались мною вслѣдствіе какого-то неудержимаго стремленія, одолѣвавшаго меня съ раннихъ лѣтъ, читать всевозможныя книги. Такимъ образомъ въ планѣ моего путешествія было опредѣлено, что, по прибытіи въ Москву, я долженъ остановиться у Селивановскаго.

Старика Селивановскаго, о которомъ часто упоминалъ мой отецъ, и съ которымъ онъ преимущественно велъ дѣла, я уже не засталъ въ живыхъ, когда пріѣхалъ въ Москву. Хозяиномъ типографіи былъ сынъ его, кажется Николай, весьма образованный и милѣйшій господинъ, только-что женившійся на красавицѣ итальянскаго происхожденія. Много лѣтъ прошло съ того времени, но я и теперь съ благодарностью вспоминаю тѣ любезныя попеченія, которыми этотъ Селивановскій окружилъ молодаго провинціальнаго дикаря. Онъ ежедневно таскалъ меня по всевозможнымъ клубамъ и театрамъ, и тутъ впервые я узрѣлъ знаменитыхъ Щепкина, Живокини и др., слава которыхъ разносилась по всей Россіи.

У Селивановскаго были, между прочимъ, литературные вечера, и на этихъ-то вечерахъ судьба такъ рано сподобила меня взглянуть на сіявшія тогда величайшимъ блескомъ свѣтила нашей литературы. Въ то время литературныя личности окружались какимъ-

то благоговѣніемъ... Тотъ, кто пишетъ книги, казался существомъ, несравненно превосходящимъ простаго смертнаго, и съ личностью его непремѣнно связывались какія-нибудь поэтическія легенды. Только реальное направленіе послѣдняго времени развѣнчало этихъ господъ и показало, что пишущая и печатающая свои писанія братія—тѣ же смертные, да еще далеко не перваго сорта. Но тогда было иначе. Тогда видѣть лично какого-нибудь автора казалось счастьемъ, трудно и рѣдко досягаемымъ.

Всѣхъ литераторовъ, бывшихъ на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ Селивановскаго, гдѣ и я присутствовалъ, я уже не помню. Помню только, что болѣе всѣхъ поразила меня личность Вельтмана. Въ числѣ другихъ книгъ, предъ моимъ отъѣздомъ съ родины высланныхъ отцу моему Селивановскимъ, былъ и «Странникъ» Вельтмана. Въ книгѣ этой били, такъ сказать, ключемъ веселость и остроуміе. Вся семья моя читала съ наслажденіемъ игривыя страницы этой книги, подхваливала и вмѣстѣ со мной выражала полнѣйшее убѣжденіе, что авторъ долженъ быть такой весельчакъ, какого свѣтъ не производилъ. Какъ я удивился, когда Селивановскій, въ числѣ своихъ гостей, показалъ мнѣ задумчиваго, рѣдко и медленно говорящаго господина съ высокимъ лбомъ и вообще съ оттѣнками какой-то сумрачности, и сказалъ, что это авторъ веселаго «Странника», Вельтманъ.

Весьма живо помню также, что въ одной комнатѣ, передъ каминомъ, совершенно отдѣльно отъ другихъ, сидѣлъ молодой еще, но весьма невзрачный, господинъ, съ длиннымъ сѣрымъ и некрасивымъ лицомъ, съ длинными же плоскими волосами и какъ-то мрачно сопѣлъ. Во всей его фигурѣ было что-то непріятное и отталкивающее. Указывая на него, Селивановскій сказалъ: «это Бѣлинскій! Онъ прославился тѣмъ, что за отсутствіемъ Надеждина заграницу, издавая «Телескопъ», успѣлъ уже со всѣми переругаться!»

Повидимому, извѣстность Бѣлинскаго тогда только-что начиналась. Но онъ скоро пошелъ въ гору. Помню, что переходъ его, впослѣдствіи, изъ Москвы въ Петербургъ, по приглашенію Краевскаго, въ рабочіе «Отечественныхъ Записокъ» производилъ въ свое время значительный шумъ въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ Петербурга. Едва-ли нужно говорить, что именно въ этотъ періодъ

онъ поднялъ своими трудами «Отечественныя Записки» и свою собственную славу. Въ этотъ же періодъ мнѣ доводилось нерѣдко видѣть Бѣлинскаго въ собственной моей квартирѣ и вотъ по какому случаю.

Когда, съ помощью всегда благосклонной ко мнѣ судьбы, я укрѣпился и, такъ сказать, оперился въ Петербургѣ, я считалъ долгомъ подавать, въ свою очередь, руку помощи своимъ землякамъ, являвшимся туда за счастіемъ. Однимъ изъ такихъ искателей былъ нѣкто Исаевъ, молодой человѣкъ, весьма даровитый, но весьма болѣзненный и потому скоро погибшій безъ всякихъ слѣдовъ. Исаевъ былъ бѣдный пензякъ, и этого было достаточно, чтобъ я пріютилъ его у себя. Оказалось, что Исаевъ былъ близкимъ родственникомъ Бѣлинскому, тоже пензяку. Исаевъ часто ѣздилъ къ Бѣлинскому, куда-то на Петербургскую сторону, гдѣ онъ жилъ, а Бѣлинскій нерѣдко посѣщалъ Исаева. Двѣ-три комнаты, которыя я занималъ, разумѣется, не имѣли никакого раздѣленія, и потому посѣтители Исаева необходимо были и моими посѣтителями.

Съ тою же сѣрою непривлекательною наружностью, на которой выступали уже признаки какихъ-то недуговъ—Бѣлинскій большею частью ложился на диванъ, закрывалъ глаза, сопѣлъ или читалъ стихи выступавшаго тогда на сцену Лермонтова... Помню, что разъ прочитавъ извѣстное его стихотвореніе «въ минуту жизни трудную», Бѣлинскій прибавилъ: «что-за прелесть! а онъ (Лермонтовъ) еще спрашиваетъ: годится ли?» (для печати, вѣроятно). Нѣтъ нужды говорить, что и потомъ, послѣ безвременной смерти Исаева, мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ, какъ знакомые....

ГЛАВА II.

Департаментъ стараго времени.—Первыя мои впечатлѣнія.—Сенаторъ Дубенскій, типъ начальника прежняго времени.—Мои работы и успѣхи.—Радость при полученіи штатнаго мѣста.—Первая награда.—Поѣздка на родину.—Возведеніе меня въ столоначальники и шутка по этому случаю Дубенскаго.—Мое знакомство съ Лермонтовымъ.—Разрушеніе департамента государственныхъ имуществъ и паденіе Дубенскаго.—Переворотъ въ моей служебной карьерѣ.

Мнѣ было около 18 лѣтъ, когда я прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ составъ департамента государственныхъ имуществъ,

помѣщавшагося тогда въ зданіи главнаго штаба. Это было въ концѣ 1832 года. Описывать первыя впечатлѣнія мои при вступленіи въ столицу я также не стану. Многіе сами испытали эти впечатлѣнія; остальные же не разъ имѣли случай и возможность читать изображеніе этихъ впечатлѣній въ многоразличныхъ произведеніяхъ нашей литературы. Кромѣ того, я не имѣю рѣшительно никакой претензіи придать моимъ разсказамъ какое-либо литературное достоинство. Единственная моя претензія заключается въ томъ, чтобы вѣрно и просто передать то, что на мои глаза было замѣчательнаго въ моей жизни. Замѣчательнымъ я считаю то, что когда я вступилъ въ широкія и высокія палаты департамента, наполненныя петербургскими чиновниками, мною овладѣло чувство великаго счастія. Надобно замѣтить, что въ мой родной городъ пріѣзжали иногда чиновники изъ Петербурга, и, разумѣется, дѣлались предметомъ изумленія и изученія всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Такъ, я помню, пріѣзжалъ туда сенаторъ Горголи съ толпою чиновниковъ для ревизіи. Боже милосердый! Сколько было толковъ и разсужденій относительно фасоновъ платья, которыя они вывезли изъ столицы, ихъ причесокъ, ихъ манеръ. Это были идеалы чистѣйшаго совершенства, которымъ, во что бы то ни стало, всѣ старались подражать. Понятно, что я не могъ не выpости въ собственныхъ глазахъ, становясь самъ петербургскимъ чиновникомъ и тотчасъ задумывая, въ свою очередь, самъ задать шику брошеннымъ провинціальнымъ моимъ товарищамъ. Что ни говори, а стремленіе отличиться, чѣмъ бы то ни было предъ другими, стать какъ-нибудь повыше своего ближняго, такъ присуще человѣчеству, что едва-ли кто-нибудь не испытываетъ его подъ тою или другою формою. Это стремленіе, направленное на первый разъ исключительно на среду, которую я оставилъ въ Пензѣ, не ограничивалось одною внѣшнею стороною. Я испытывалъ великое наслажденіе, занимаясь въ высокихъ, свѣтлыхъ, чистыхъ комнатахъ, въ которыя я входилъ, какъ свой человѣкъ, среди серьезныхъ, благоприличныхъ, увѣшанныхъ крестами чиновниковъ, тогда какъ мои прежніе товарищи служили или должны были служить въ грязныхъ комнатахъ и съ грязноватыми товарищами мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Припоминая, однакожъ, первыя мои впечатлѣнія петербург-

ской жизни и службы, я долженъ сказать, что надъ всѣми этими тщеславными ощущеніями рѣшительно и могущественно господствовала надежда, своими успѣхами, рано или поздно, возвеселить сердце родительское. Безъ преувеличенія, со всею искренностію, утверждаю, что эта надежда была главнымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ моимъ въ новой средѣ.

Весьма понятно, что мальчикъ, менѣе, чѣмъ полуобразованный, безъ всякихъ связей и знакомствъ, безъ покровительства, я и не могъ ничего другаго ожидать, какъ зачисленія меня въ многочисленную касту департаментскихъ писцовъ. Жалованія мнѣ было назначено 300 р. ассигнаціями. Здѣсь кстати замѣтить, что Дубенскій, управлявшій департаментомъ, имѣлъ свою особую систему распредѣленія жалованья чиновникамъ. Ни писцамъ, ни штатнымъ чиновникамъ онъ никогда не давалъ сразу всего жалованья, слѣдующаго по штату, а назначая сначала сколько можно меньшую сумму, потомъ, постепенно и въ нѣсколько пріемовъ, увеличивалъ ее и такимъ образомъ въ годъ или два только доводилъ ее до окладнаго размѣра. Этимъ способомъ онъ достигалъ двухъ цѣлей: образованія значительныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ, изъ которыхъ, по большимъ торжественнымъ днямъ, онъ давалъ награды наиболѣе достойнымъ и отличившимся чиновникамъ, и въ то же время самаго дѣйствительнаго способа поощренія, ибо какой бы ни былъ чиновникъ, трудолюбивый или не трудолюбивый, для него равно было необходимо стремиться къ достиженію полнаго оклада. Еще болѣе понятно, что мое жалованье составляло ничтожную часть той суммы, какая требовалась на мое содержаніе, и отцу моему, несмотря на ограниченныя его средства, приходилось дѣлать значительныя дополненія, хотя, подъ вліяніемъ того же сильнаго стремленія доставлять моей семьѣ всевозможныя радости своей службою и своимъ поведеніемъ, я старался быть экономнымъ до крайней степени, и требованія мои денежныхъ пособій основаны были на самой неотвратимой необходимости.

Департаментъ всецѣло привязалъ меня къ себѣ. Я съ наслажденіемъ ожидалъ времени отправленія туда и приходилъ едва-ли не ранѣе всѣхъ, оставаясь тамъ такъ долго, какъ только можно. Этому способствовало и то обстоятельство, что Дубенскій, пріѣзжая и

уѣзжая изъ департамента, проходилъ мимо того стола, за которымъ я сидѣлъ, и иногда молчаливо заглядывалъ въ лежащія предо мною бумаги. Первымъ моимъ начальникомъ былъ правитель канцеляріи департамента Шелеховъ, бывшій впослѣдствіи, по образованіи министерства государственныхъ имуществъ, директоромъ втораго департамента этого министерства. Шелеховъ былъ человѣкъ дѣловой, но съ застарѣлыми пріемами и топорной, такъ сказать, формы. Репутація его была весьма сомнительна. Завѣдуя дѣлами о замѣщеніи должностей, о наградахъ и тому подобное и пользуясь довѣріемъ Дубенскаго, онъ имѣлъ большое значеніе въ вѣдомствѣ и, какъ говорили, порядкомъ нагрѣвалъ себѣ руки. Поведеніе его тоже не было безукоризненно потому, во-первыхъ, что онъ имѣлъ связь съ какою-то, отбитою имъ у мужа, женою матроса, сдѣлавшеюся впослѣдствіи его женою, а во-вторыхъ, потому, что любилъ разныя питія, такъ что люди съ тонкимъ обоняніемъ постоянно замѣчали у него запахъ извѣстнаго рода. Впрочемъ, по отношенію ко мнѣ, онъ былъ вполнѣ добрый начальникъ и, вѣроятно, во вниманіе къ моей молодости, любилъ приласкать меня. Часто проходя мимо, осѣненный Владиміромъ, котораго никто не умѣлъ носить такъ блестяще и эффектно, какъ онъ, бывало остановится, посмотритъ на мою работу и, потрепавъ меня по плечу, скажетъ: «хорошо, трудись!»

Каллиграфическое искусство страшно поглотило меня. Я старался подражать всѣмъ извѣстнымъ въ этомъ отношеніи мастерамъ и достигъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ, что и было причиною, что меня скоро засадили въ какую-то отдѣльную коммиссію, занимавшуюся составленіемъ обширнаго труда, подъ названіемъ «Статистическаго обозрѣнія государственныхъ имуществъ», съ планами и другими многообразными и затѣйливыми приложеніями. Въ этой коммиссіи я такъ усердно занимался, что у меня кровь стала показываться горломъ; но въ то же время начала у меня образовываться репутація хорошаго и усерднаго чиновника. Заправлялъ этимъ дѣломъ начальникъ чертежной Вестенрикъ, не блестящій нѣмецъ, но хорошій спеціалистъ по своему дѣлу, подъ главнымъ, впрочемъ, наблюденіемъ другаго нѣмца, вице-директора департамента Энегольма, бывшаго впослѣдствіи членомъ коммиссіи

прошеній и отличавшагося не столько дѣловитостію, сколько любовью къ прекрасному полу и разными разсказами по этой части. Трудъ, которымъ они занимались, сколько могу припомнить, былъ трудъ весьма почтенный, состоявшій изъ нѣсколькихъ большихъ томовъ; отдѣлывался весьма тщательно лучшими писцами и чертежниками и былъ представленъ государю. Ожидали, по обыкновенію, большихъ наградъ, но эти ожиданія, кажется, не исполнинились; по крайней мѣрѣ я ничего не получилъ, кромѣ порядочной репутаціи, которую себѣ тамъ заслужилъ.

По окончаніи этой работы, меня прямо сдѣлали писцомъ перваго разряда (мимо втораго), съ окладомъ 750 р., назначеннымъ, по обычаю Дубенскаго, не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ, и перевели въ отдѣленіе, вновь образованное для завѣдыванія конфискованными тогда у поляковъ имѣніями. Здѣсь я съ благодарностію долженъ вспоминать о двухъ ближайшихъ моихъ начальникахъ: столоначальникѣ Ждановѣ, бывшемъ потомъ долгое время харьковскимъ вице-губернаторомъ, и начальникѣ отдѣленія — Голубевѣ, заключившемъ свою карьеру должностію члена совѣта министерства финансовъ и чиномъ тайнаго совѣтника. Замѣтивъ мою ретивость и смышленость, они стали занимать меня дѣлопроизводствомъ и этимъ самымъ первые, такъ сказать, открыли мнѣ дорогу къ той будущности, которую многіе признавали весьма счастливою. Труды мои на этомъ пробномъ полѣ, вѣроятно, не отличались бездарностію, потому что при первой открывшейся вакансіи помощника столоначальника Ждановъ и Голубевъ завоевали ее мнѣ, несмотря на страшное упорство Дубенскаго, упорство, основанное единственно на моей молодости.

Здѣсь я долженъ остановиться. Какъ ни ничтожно это обстоятельство само по себѣ, но я не помню въ моей жизни другаго момента, столь блестящаго, столь полнаго самыхъ отрадныхъ ощущеній, хотя Богу угодно было даровать мнѣ много успѣховъ и много счастія. Восторгъ мой не имѣлъ предѣловъ. Мнѣ казалось, всѣ на меня смотрятъ и всѣ мнѣ удивляются. Здѣсь можно бы привести множество сравненій, но я полагаю болѣе вѣрнымъ уподобить мои ощущенія упоенію кадета, надѣвшаго новый красивый офицерскій мундиръ. Но меня радовала не внѣшняя перемѣна, ко-

торой и не было: я гордился тѣмъ, что изъ массы механическихъ тружениковъ я переходилъ въ ряды умственныхъ дѣятелей, что выдвинулся въ то положеніе, гдѣ буду не переписывать уже, а сочинять бумаги, вышелъ на ту дорогу, которая можетъ вести далеко, далеко...

И дѣйствительно: на этой дорогѣ мнѣ тотчасъ выпали труды страшные, которые уже положительно утвердили за мною репутацію человѣка способнаго. Въ ряду задачъ новаго отдѣленія было производство люстраціи конфискованнымъ у польскихъ мятежниковъ имѣніямъ. Люстраціей называлось подробное, во всѣхъ отношеніяхъ, описаніе имѣній, установленіе повинностей крестьянъ къ такъ называемой экономіи, замѣнившей владѣльца, и опредѣленіе дохода, какой долженъ былъ поступать въ казну. Часто имѣніе, принадлежавшее какому-нибудь знаменитому польскому владѣльцу, Сапѣгѣ, Чарторійскому, Потоцкому, состояло изъ нѣсколькихъ деревень и фольварковъ. Понятно, что въ департаментъ поступали, подъ названіемъ люстраціи, горы огромныхъ кипъ съ планами и разнообразными приложеніями. Разсмотрѣніе и критическій разборъ этихъ книгъ и плановъ составлялъ главнѣйшій трудъ отдѣленія, трудъ, требовавшій большаго вниманія и соображенія. Дѣлопроизводитель, на долю котораго доставалась какая-либо люстрація, большею частію скрывался со всѣмъ скарбомъ, къ ней относящимся, изъ департамента, на недѣлю или на двѣ, зарывался дома въ этой работѣ и вновь появлялся тогда только, когда окончательно одолѣвалъ ее. Въ этой-то именно работѣ, которая рѣшительно подавляла многихъ изъ моихъ товарищей, мнѣ Богъ послалъ какое-то особенное разумѣніе, такъ что я скоро сдѣлался истиннымъ художникомъ по этой части. Какъ бы ни были громадны матеріалы, какъ бы ни были сложны данныя, опредѣляющія повинности, доходы и т. п., я быстро находилъ свѣтлую дорогу, по которой и приходилъ къ самымъ существеннымъ результатамъ. Достаточно было одной или двухъ ночей, чтобъ одолѣть самую сложную люстрацію самаго огромнаго имѣнія и составить ясный, полный и отчетливый докладъ. Труды эти рѣшительно прославили меня въ департаментѣ, такъ что Голубевъ, мой начальникъ отдѣленія, рѣшительно изумлялся моимъ способностямъ и но-

силъ представляемые мною доклады самому Дубенскому, какъ нѣчто поражающее.

Въ воздаяніе этихъ подвиговъ, я скоро былъ представленъ къ Высочайшей наградѣ и получилъ полугодовой окладъ жалованья, составлявшій, за вычетомъ, 540 р. Деньги эти я тотчасъ убилъ на сооруженіе себѣ щегольскаго гардероба, что было весьма кстати, потому что вслѣдъ затѣмъ я получилъ неожиданно радостную возможность отправиться на родину. Обстоятельство это такъ рельефно выдается въ моей молодости, что я не могу не посвятить ему нѣсколько строкъ.

Между молодыми и недостаточными чиновниками того времени былъ въ большомъ употребленіи слѣдующій экономическій способъ: нѣсколько человѣкъ, двое, трое, иногда четверо, отдѣльно скудные въ средствахъ, соединяли эти средства во едино и гуртомъ нанимали квартиру, держали столъ и имѣли прислугу. Понятно, какъ этотъ способъ былъ дѣйствителенъ по своей выгодности. Такъ точно и я жилъ вмѣстѣ съ двумя братьями Юркевичами, изъ которыхъ одинъ лучшій, скоро умеръ, а другой, недовольный Петербургомъ, закопался въ своей Малороссіи. Жили мы не роскошно, но чрезвычайно весело. Не проходило дня, чтобъ у насъ не собиралась толпа пріятелей или мы сами не были бы у знакомыхъ. Домъ, въ который входилъ одинъ изъ насъ, дѣлался доступнымъ для всѣхъ. Время рождественскихъ праздниковъ, масляница и т. п. представляли цѣпь безконечныхъ пировъ, съ которыхъ мы прямо, безъ сна, отправлялись къ должности... Я помню, однажды, возвратившись съ какого-то бала, я долженъ былъ выслушать несвязный докладъ нашего пьянаго слуги, что ко мнѣ кто-то присылалъ, меня кто-то приглашалъ... Не добившись отъ него толку и сочтя все это произведеніемъ пьянаго его воображенія, я преспокойно улегся спать и на другой день столь же спокойно отправился въ департаментъ. Едва я появился туда, какъ одинъ изъ курьеровъ тотчасъ спросилъ меня: былъ ли я у Дубенскаго, который вчера посылалъ ко мнѣ? Ошеломленный этимъ вопросомъ и смутно начиная понимать безсвязную болтовню нашего лакея, — я рѣшительно сталъ втупикъ и не зналъ, что дѣлать. Надобно сказать, что Дубенскій былъ по истинѣ грозой своего департамента. Его трепетали начальники отдѣленій,

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
24980

несмотря на то, что были ежедневно въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. До нашего брата онъ никогда не снисходилъ, и если случалось, что кто-нибудь изъ незначительныхъ чиновниковъ удостоивался его слова, то это было предметомъ толковъ на цѣлую недѣлю. Мысль, что я не исполнилъ его приказанія, неизвѣстность, зачѣмъ онъ меня требуетъ, сознаніе, наконецъ, что въ ту минуту я одѣтъ былъ далеко не по формѣ, а съ признаками несомнѣннаго франтовства, которое скрыть и уничтожить было невозможно,—все это до такой степени перепуталось въ моей головѣ, что я стоялъ, какъ полоумный, и не знаю, что бы изъ этого вышло, если бы тотъ же курьеръ, видя мою растерянность, не сказалъ тономъ, почти повелительнымъ: «ступайте же сейчасъ, а то бѣды наживете». Бросившись на перваго извощика, я полетѣлъ къ Таврическому саду, гдѣ жилъ Дубенскій въ своемъ домѣ. Нечего и говорить, что мысли одна другой мрачнѣе, одна другой тревожнѣе преслѣдовали меня. Вопросъ: зачѣмъ я потребованъ, страшно и неотступно мучилъ меня. Робкими шагами вступилъ я въ переднюю и голосомъ, до крайности мягкимъ и заискивающимъ, объяснилъ камердинеру свое положеніе. Какъ преступникъ, съ трепетомъ ожидалъ я въ пріемной появленія грозной фигуры Дубенскаго. Когда онъ вышелъ, у меня въ глазахъ потемнѣло; но въ ту же минуту по тону его голоса я убѣдился, что бѣдственнаго ничего не предстоитъ. Своеобразный, съ пріемами истиннаго барина, онъ ласково подошелъ ко мнѣ съ словами: «Я очень доволенъ тобой и хочу сдѣлать тебѣ пріятное. Сынъ Порфирій ѣдетъ въ Пензу, если хочешь, можешь отправиться съ нимъ и повидаться съ отцомъ». Трудно объяснить переходъ мой изъ положенія страшно томительнаго въ положеніе, полное надеждъ и радостей. Я пустился было въ изъясненіе благодарныхъ чувствъ, но Дубенскій полуласково, полушутливо сказалъ: «хорошо, хорошо, только такимъ франтикомъ въ другой разъ мнѣ не попадайся». Нечего говорить, что чувства, съ которыми я возвращался отъ Дубенскаго, были далеко не тѣ, съ которыми я ѣхалъ къ нему.

Порфирій Дубенскій, въ то время блестящій адъютантъ военнаго министра, сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на другой день, въ простой зимней повозкѣ, на курьерскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ при-

гласилъ меня не брать съ собою много вещей. Этому требованію для меня было не трудно удовлетворить, потому что у меня и вообще не было много вещей. Сосредоточивъ все свое вниманіе на моихъ фракахъ и пальто, которыми я разсчитывалъ произвести эффектъ на родинѣ, и запаковавъ ихъ въ небольшой чемоданъ, я вовсе не озаботился по части дорожнаго платья и, отправившись налегкѣ, испыталъ весьма горькія послѣдствія. Зима тогда была самая суровая, морозы стояли выше 30 градусовъ, дорога была убійственная по своимъ страшнымъ и безконечнымъ ухабамъ. Скоро я началъ положительно страдать сколько отъ морозовъ, столько же и отъ дороги. Дни еще были сносны сколько-нибудь, хотя и въ теченіе дня мы должны были поочередно оттирать безпрерывно бѣлѣвшіе наши носы и уши. Великолѣпные обѣды, которые задавалъ ежедневно Дубенскій, значительно здабривали дневной нашъ путь. Но о безконечныхъ ночахъ я и теперь не могу вспомнить безъ ужаса. Быстрая ѣзда была невозможна потому, что при малѣйшемъ опытѣ насъ всѣхъ разбрасывало въ стороны; идти пѣшкомъ, чтобъ сколько-нибудь согрѣться, по глубокимъ выбоинамъ тоже было нельзя. Мы должны были оставаться въ повозкѣ и медленно нырять изъ одного ухаба въ другой, окоченѣлые до полусмерти. Живо помню, что какъ ни радостно было сознаніе, что я ѣду на родину, мною часто овладѣвало отчаяніе, и Богъ знаетъ, едва-ли не былъ бы я согласенъ возвратиться, если бы какой-нибудь волшебникъ предложилъ мнѣ перенестись мгновенно опять въ Петербургъ.

Но все имѣетъ свой конецъ. Такъ точно кончилось и наше, можно сказать, ледяное путешествіе, и въ одну лунную ночь я укрылся подъ родительскимъ кровомъ. Говорить о радостяхъ свиданія съ моимъ семействомъ значило бы изображать вещи избитыя и едва-ли не всѣмъ извѣстныя. Меня просто на рукахъ носили, видя во мнѣ, вмѣсто недоученаго мальчика, отправленнаго въ Петербургъ, петербургскаго чиновника, вполнѣ сформировавшагося, съ петербургскими манерами, въ петербургскомъ платьѣ Разнообразныя удовольствія, въ которыхъ я буквально плавалъ, увеличились выходомъ старшей моей сестры замужъ и сопряженными съ нимъ свадебными церемоніями, которыя открывали мнѣ

широкое поле для проявленія моихъ талантовъ, оправленныхъ въ петербургскую форму...

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я скоро былъ сдѣланъ столоначальникомъ. Надобно сказать, что въ мое время эти мѣста, теперь незначительныя, считались весьма достопочтенными, и я помню много сѣдыхъ головъ въ разрядѣ столоначальниковъ. Естественно, что мальчишка, возведенный въ этотъ разрядъ, долженъ былъ производить различные толки, какъ нѣчто небывалое. Я выше сказалъ, что Дубенскій имѣлъ обычай всѣ милости своимъ чиновникамъ: повышеніе въ должностяхъ, увеличеніе жалованья и т. п., разсыпать предъ большими праздниками или въ большіе и торжественные царскіе дни. 6-го декабря, день именинъ государя и самого Дубенскаго, былъ самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи.

Мое опредѣленіе столоначальникомъ пришлось предъ Пасхой. По обычаю, издавна заведенному, всѣ осчастливленные должны были въ извѣстный день являться къ Дубенскому и приносить ему свою благодарность. Когда мы явились, Дубенскій обошелъ всѣхъ и, поздравивъ ихъ, довольно сурово обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «ты зачѣмъ?» Вопросъ этотъ чрезвычайно смутилъ меня; тѣмъ не менѣе я отвѣчалъ: «благодарить ваше превосходительство за назначеніе столоначальникомъ». Дубенскій, сдѣлавъ изумленный видъ, спросилъ: «Что такое? столоначальникомъ? Кого? Тебя столоначальникомъ? Съ ума, братъ, видно, сошелъ! Мальчишку, и молоко еще на губахъ не обсохло, столоначальникомъ! Далеко я уѣду съ такими столоначальниками! Да кто тебѣ сказалъ такую нелѣпость? Э, братъ, понимаю! Тебя просто кто-нибудь вздумалъ обмануть и ввести въ просакъ! Вѣдь нынче апрѣль. А ты и повѣрилъ! Ну, вотъ спросимъ Ивана Ивановича (правителя канцеляріи Ш., о которомъ я выше говорилъ), онъ долженъ навѣрно знать. Иванъ Ивановичъ! Что онъ тутъ толкуетъ? Говоритъ, что столоначальникомъ сдѣланъ. Кажись, у насъ еще и не бывало такихъ столоначальниковъ. Я полагаю, что его обманули, а онъ и повѣрилъ. Разувѣрь, братецъ, его»... Ш., вмѣстѣ со всѣми другими присутствовавшій при этой сценѣ, почтительно и полушутливо отвѣчалъ: «дѣйствительно, ваше превосходительство, онъ сдѣланъ

столоначальникомъ. Министръ утвердилъ докладъ».—«Что ты», возразилъ Дубенскій,—«можетъ ли это быть? Это, видно, какая-нибудь ошибка! Ну, нечего дѣлать. Не докладывать же министру, что такой промахъ сдѣлали. Нечего дѣлать. Поздравляю. Служи хорошенько!»

Дубенскій былъ великій мастеръ на подобныя штуки, которыми онъ такъ умѣлъ возвышать цѣну своихъ милостей. Вообще, сколько самъ могу припомнить эту личность и безконечные толки и отзывы о ней—это былъ человѣкъ, въ высшей степени замѣчательный, который умѣлъ держать власть въ рукахъ сильно и твердо. Богатый, гордый, истинный баринъ прежняго времени, онъ отличался совершенною независимостію. По общему мнѣнію, онъ самого министра подчинялъ своему вліянію и при малѣйшемъ разногласіи тотчасъ подавалъ въ отставку. Высокомѣріе его не знало предѣловъ и, разумѣется, произвело тысячи самыхъ ожесточенныхъ враговъ, которые наконецъ и свалили его... Состоя въ званіи сенатора, онъ держалъ себя такъ, что какъ будто дѣлалъ величайшее одолженіе правительству, что управлялъ государственными имуществами, въ несомнѣнномъ сознаніи, что замѣнить его невозможно. Мнѣ грустно припоминать, что этотъ колоссъ своего рода, сверженный разными интригами, долженъ былъ имѣть нужду въ томъ самомъ мальчишкѣ, который для него былъ едва замѣтенъ въ огромной массѣ трепетавшихъ предъ нимъ департаментскихъ чиновниковъ. Но я не буду забѣгать впередъ... Другимъ столоначальникомъ въ томъ же отдѣленіи былъ Раевскій, кажется, самъ ничего не написавшій, но имѣвшій значительныя литературныя связи. Былъ ли онъ родственникъ Лермонтову, или однокашникъ по мѣсту образованія, или наконецъ просто землякъ, я не знаю; но только въ то время они жили вмѣстѣ съ Лермонтовымъ. Я весьма часто бывалъ у нихъ и, конечно, не могъ предвидѣть, что этотъ некрасивый, мало симпатичный офицерикъ, такъ любившій распѣвать тогда не совсѣмъ скромную пѣсню, подъ названіемъ «поповна», сдѣлается впослѣдствіи знаменитымъ поэтомъ. Раевскій постоянно приносилъ въ департаментъ поэтическія издѣлія этого офицерика. Я живо помню, что на меня навязали читать и вывѣрять «Маскарадъ», который предполагали еще тогда поставить на сцену. Точно также

помню одинъ пріятельскій вечеръ, куда Раевскій принесъ только-что написанные Лермонтовымъ стихи на смерть Пушкина, которые мы и переписывали на томъ же вечерѣ въ нѣсколько рукъ и за которые на другое же утро Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ, а Раевскій, кажется, въ Саратовскія или Астраханскія степи, гдѣ и пріютился у какого-то хана въ качествѣ секретаря...

Въ періодъ моего столоначальничества, я сталъ уже окончательно на твердую ногу въ мірѣ чиновничества и глядѣлъ на этотъ міръ самоувѣренно. Въ этомъ періодѣ, иногда, подобно громовымъ раскатамъ, раздавались какіе-то зловѣщіе толки относительно будущности нашего департамента. Въ этихъ толкахъ и вѣстяхъ всегда произносилось имя Киселева, и мало-по-малу онъ, таинственный и неизвѣстный, принялъ для насъ, небольшихъ чиновниковъ, значеніе Антихриста, который разразитъ департаментъ и насъ всѣхъ съѣстъ. Мы знали, не совсѣмъ впрочемъ ясно, что предъ тѣмъ образовано V-е отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, что этому отдѣленію отдана для образцоваго управленія Петербургская губернія (по части государственныхъ имуществъ) и что этимъ отдѣленіемъ командуетъ какой-то генералъ Киселевъ. Высшимъ чинамъ, и особенно Дубенскому, безъ сомнѣнія, извѣстны были его грозныя отношенія, въ которыя поставлено V-е отдѣленіе къ нашему департаменту, и то значеніе, которое постоянно забиралъ Киселевъ. Мы просто ничего не знали по этой части, а если и прислушивались иногда къ нѣкоторымъ толкамъ, то мало тревожились ими и считали ихъ относящимися ко второму пришествію. Между тѣмъ буря приближалась и, внезапно разразившись, поколебала нашъ бѣдный департаментъ съ низу и до верху...

Событія открылись слѣдующимъ образомъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1836 г., когда мы, усиленно занимаясь дѣлами, работали при свѣчахъ, вдругъ разнеслась по департаменту вѣсть, что государь требуетъ всѣ заготовляемые по департаменту доклады, помимо министра, прямо къ себѣ, на свое разсмотрѣніе. Можно представить, какъ радостна была эта вѣсть для всѣхъ занимающихся дѣлопроизводствомъ, и главное, для столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій. Но бѣда пришла съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ожидать ее. По закону, дѣйствитель-

но, каждый департаментъ долженъ представлять министру свои доклады съ изложеніемъ своихъ соображеній и мнѣній. Когда министръ утвердитъ докладъ, тогда только должны быть заготовляемы исполнительныя бумаги. У насъ дѣлалось не такъ, и докладовъ вовсе не составлялось. При огромной массѣ дѣлъ эта процедура неизбѣжно замедляла бы движеніе ихъ и страшно обременяла бы дѣлопроизводителей. Дубенскій согласился съ министромъ не заготовлять особыхъ докладовъ, а прямо представлять ему исполнительныя бумаги, для чего въ извѣстные докладные дни, вмѣстѣ съ Дубенскимъ, отправлялись къ министру и всѣ начальники отдѣленій, которые и могли объяснять ему сущность дѣла и всякія недоумѣнія, какія министръ могъ встрѣтить. Такой порядокъ, вслѣдствіе давности времени, до такой степени казался намъ правильнымъ и естественнымъ, что департаментъ, нисколько не задумываясь, послалъ государю проекты исполнительныхъ бумагъ, т. е. то самое, что представляли и посылали министру. Такое распоряженіе казалось намъ вполнѣ удовлетворительнымъ и отвѣчающимъ требованію государя; но грозное его замѣчаніе, что онъ требуетъ не бумагъ, а докладовъ, которые, на основаніи закона, должны представляться министру, ошеломило насъ и повергло въ пучину мрачныхъ думъ. Разумѣется, составлено было объясненіе, почему дѣлается такъ, а не иначе; но событія пошли такъ быстро, что никакія объясненія не могли остановить ихъ напора, истекавшаго изъ другихъ и заранѣе предуготовленныхъ соображеній и цѣлей. Кажется, на другой же день объявлено было Высочайшее повелѣніе, что Дубенскій увольняется; для управленія департаментомъ образуется особый совѣтъ изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, а Киселеву присвоено званіе докладывающаго государю по дѣламъ этого совѣта. Этотъ внезапный разгромъ вполнѣ оправдалъ священныя слова: «поражу пастыря, и разыдутся овцы». Дубенскій, дѣйствительно, былъ страшно пораженъ; свергнутый съ своего величія, онъ, естественно, не могъ ничего другаго ожидать, кромѣ еще болѣе тягостныхъ послѣдствій. Мы бродили въ какомъ-то туманѣ и тоскливо ожидали, что будетъ дальше, въ какомъ-то безотчетномъ убѣжденіи, что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. Вообще мы имѣли видъ какихъ-то и почему-то осужденныхъ. Шелеховъ, ис-

полненный большихъ грѣховъ и бѣдный характеромъ, первое время скрылся вовсе изъ департамента, подъ видомъ болѣзни, и пилъ мертвую...

Съ разсчетомъ или безъ разсчета, временный совѣтъ для управленія департаментомъ образованъ былъ (конечно, не безъ участія Киселева) изъ людей самыхъ бездарныхъ. Тутъ былъ древній и пустоголовый сенаторъ Княжнинъ, тутъ былъ извѣстный авторъ «Семейства Холмскихъ» Бѣгичевъ, человѣкъ добрый, но ничтожный администраторъ, тутъ были и другіе господа, столь же капитальные. Нѣчто въ родѣ предсѣдательства было предоставлено тоже сенатору Демьяну Кочубею, безспорно, разумнѣйшему изъ другихъ членовъ совѣта. Киселевъ, присвоивъ себѣ скромное наименованіе простаго докладчика государю по дѣламъ совѣта, сразу становился министромъ и повелителемъ этого совѣта, который положительно трепеталъ предъ нимъ. Это я могу сказать утвердительно, потому что, какъ послѣдствія покажутъ, въ этомъ періодѣ преобразованія управленія государственныхъ имуществъ я былъ не послѣднею спицей въ колесницѣ...

Не знаю почему, но Киселеву захотѣлось, несмотря на значительный составъ подчиненнаго ему V отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, пріобрѣсти, для веденія дѣлъ, которыя будутъ поступать къ нему изъ временнаго совѣта, особаго чиновника и именно изъ числа чиновниковъ прежняго управленія. Когда это намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ мы напряженно слѣдили, кого именно пріобрѣтетъ Киселевъ? Мы знали, что этотъ счастливый избранникъ будетъ имѣть существенное вліяніе и на дѣла наши, и на лица, и во всякомъ случаѣ составлять единственную связь между міромъ новымъ и міромъ старымъ. Надобно замѣтить, что въ канцеляріи министра финансовъ состояли особые секретари, изъ которыхъ каждый занимался спеціально дѣлами того или другаго департамента. Такъ точно тамъ былъ и секретарь по департаменту государственныхъ имуществъ и къ нему же, прежде всего, было обращено требованіе отъ имени Киселева. Я не помню личности этого секретаря, но намъ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ подъ вліяніемъ, какъ говорили тогда, трусливыхъ соображеній, уклонился отъ этого приглашенія. Затѣмъ обратились

къ секретарю, состоящему при директорѣ департамента, князю Баратову. Это была милѣйшая и юная личность. Сынъ богатаго казанскаго помѣщика, онъ просто былъ домашнимъ и любимымъ человѣкомъ Дубенскаго. О дѣлахъ онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія и никогда ими не занимался. Требованіе Киселева до такой степени поразило его, что онъ тотчасъ вышелъ въ отставку подъ предлогомъ болѣзни, хотя былъ свѣжъ, юнъ и здоровъ, какъ персикъ. Нѣсколько дней прошло въ совершенной неизвѣстности, и въ этотъ промежутокъ мы, разумѣется, постоянно стремились прозрѣть и угадать: на кого падетъ выборъ? Общее убѣжденіе было таково, что выборъ будетъ сдѣланъ, во всякомъ случаѣ, между камеръ-юнкерами и вообще людьми, принадлежащими къ хорошимъ фамиліямъ, въ которыхъ у насъ въ департаментѣ не было недостатка. Между тѣмъ въ этомъ вопросѣ, всѣхъ занимавшемъ, мы умѣли открыть и веселую сторону. Нѣсколько товарищей, сговорившись, объявляли вдругъ кому-нибудь изъ нашихъ незнатныхъ и рядовыхъ тружениковъ, что Киселевъ требуетъ его къ себѣ, и наслаждались блѣдностію, которая мгновенно разливалась по его лицу. Разумѣется, шутка эта, удавшись два-три раза, скоро избилась и никого уже не вводила въ заблужденіе... Въ такомъ положеніи было дѣло, когда однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, Вольватьевъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи богатымъ и извѣстнымъ агрономомъ въ Петербургской губерніи, и засталъ меня спящимъ.

Надобно сказать, что въ то молодое время сонъ мой былъ истинно богатырскимъ, и разбудить меня было дѣломъ очень нелегкимъ и даже небезопаснымъ. Люди, которые служили у меня, хорошо знали и испытывали это. Привычка спать послѣ обѣда истекала изъ моихъ огромныхъ и трудныхъ занятій. Возвратившись изъ департамента, утомленный морально и физически, съ портфелемъ, набитымъ бумагами, я долженъ былъ спать, чтобъ снова сидѣть цѣлую ночь за работой. Обыкновенно, ложась спать послѣ обѣда, я приказывалъ человѣку разбудить меня чрезъ два часа. Когда начиналась операція этого разбужденія—между мною и человѣкомъ завязывались сначала нѣжные переговоры; но они скоро переходили въ борьбу, которую справедливо можно назвать вѣроломной. При первыхъ атакахъ моего врага, я кротко про-

силъ дать мнѣ еще полчаса поспать. Слуга, зная, что за подобныя снисхожденія ему же доставалось потомъ, когда я вставалъ и видѣлъ, что вмѣсто двухъ я проспалъ три, а иногда и четыре часа, разумѣется, былъ неумолимъ, продолжая неоступно жалобно выть надъ ухомъ: «да вставайте, баринъ, что это такое, Господи!» Тогда я, на рубежѣ сна и пробужденія, начиналъ придумывать, куда бы его отправить съ какимъ-нибудь порученіемъ, чтобъ только отвязаться отъ него. Но и эти хитрые планы, удавшись разъ или два, скоро теряли свою силу, и слуга, несмотря ни на какія мои приказанія, не отходилъ отъ меня съ своимъ вытьемъ. Тогда во мнѣ являлась злоба, и я старался или поймать его и, притянувъ къ себѣ, надавать ему тумаковъ или пустить въ него чѣмъ ни попало. Но слуга хорошо зналъ этотъ опасный для него періодъ; при наступленіи его, онъ скрывался въ другую комнату и продолжалъ оттуда тревожить меня какимъ-нибудь длиннымъ орудіемъ: палкой, зонтикомъ, а иногда и кочергой, готовый, при малѣйшемъ моемъ движеніи, обратиться въ постыдное бѣгство... Часто случалось, что, пробудившись окончательно, я узнавалъ, что приходилъ тотъ или другой изъ товарищей, что у насъ въ карты играли, пѣли... для меня все это оставалось чуждымъ, хотя товарищи, гуртомъ и по одиночкѣ, принимались меня будить... Придя въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Вольватьевъ съ помощію моего слуги, старался тоже меня разбудить, но встрѣтилъ то же самое упорство, о которомъ я сейчасъ говорилъ...

Въ просонкахъ я слышалъ увѣренія Вольватьева, что меня требуетъ Киселевъ; но я зналъ, что это избитая шутка, и продолжалъ спать...

Слова Вольватьева не были, однакоже, шуткой. Когда на другой день я пришелъ въ департаментъ, мнѣ торжественно объявили, что по требованію Киселева, изложенному въ оффиціальной бумагѣ, я долженъ явиться немедленно въ V отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи, къ управляющему имъ Карнѣеву. Изъ какихъ соображеній и основаній образовалось новое мое назначеніе,—для меня осталось совершенно неизвѣстнымъ. Другіе полагали, что оно истекало единственно изъ моей сильной репутаціи отличнаго чиновника. Нѣтъ нужды говорить, что я тотчасъ и страшно выросъ въ

глазахъ всего департамента. Старики, заслуженные и поглядывавшіе доселѣ на меня свысока, окружили меня и снабжали разными совѣтами. Я тотчасъ отправился въ V отдѣленіе и явился къ Карнѣеву.

ГЛАВА III.

V отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи и генералъ Киселевъ.—Дѣятели этого учрежденія: Карнѣевъ, Клоковъ, Калашниковъ.—Мое первое знакомство съ генераломъ Киселевымъ.—Мои занятія при немъ.—Поразительная быстрота въ работахъ.—Карнѣевъ, какъ идеалъ чиновника прежняго времени.—Полезное вліяніе этого періода на развитіе моихъ дѣловыхъ способностей.—Положеніе павшаго Дубенскаго.—Дѣятельность V отдѣленія.—Киселевъ и Карнѣевъ.—Пріуготовительныя коммиссіи—какъ рычагъ, чтобъ повалить старое и создать новое.—Комическія отношенія Карнѣева къ толпѣ чиновниковъ, жаждущихъ мѣстъ.—Карнѣевъ и Клоковъ, представители отличительныхъ свойствъ русскихъ людей: страшной безпечности и страшной даровитости.—Губернаторскій комитетъ, созванный для разсмотрѣнія проектовъ новаго управленія государственными имуществами.—Муравьевъ (М. Н.) и Гамалея, лучшіе ратоборцы этого комитета.—Мое участіе въ законодательныхъ работахъ.—Финансовый споръ генерала Киселева съ графомъ Канкринымъ.—Венцель и его наивность въ дѣлахъ.—Выговоръ государя за ошибки въ проектахъ.

Карнѣевъ былъ личностію весьма замѣчательною. Самаго простаго происхожденія, онъ былъ первоначально ничтожнымъ чиновникомъ какого-то присутственнаго мѣста въ Казани или Саратовѣ. Въ то же время, владѣя великолѣпнымъ почеркомъ, онъ былъ учителемъ чистописанія въ одномъ изъ знатныхъ домовъ роднаго его города. Случилось такъ, что извѣстный Желтухинъ проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ на пути къ своему назначенію въ Молдавію и Валахію, и обѣдалъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ училъ Карнѣевъ, и хозяинъ котораго былъ стариннымъ пріятелемъ Желтухина. По рекомендаціи ли хозяина, или просто случайно, Желтухинъ обратилъ вниманіе на Карнѣева и предложилъ ему служить у себя. Карнѣевъ тотчасъ согласился и отправился за счастіемъ въ новую и неизвѣстную страну. Здѣсь должно кстати замѣтить, что въ этомъ отношеніи я говорю то, что̀ слышалъ въ различныхъ разсказахъ о Карнѣевѣ а повѣрять эти разсказы по дѣйствительнымъ источникамъ я не

имѣлъ ни охоты, ни времени. Одаренный безпримѣрными способностями чиновника, онъ быстро пошелъ тамъ по пути успѣховъ и скоро сдѣлался правителемъ канцеляріи главнаго начальника. Въ этой должности засталъ его Киселевъ, назначенный послѣ Желтухина. Съ умомъ Киселева не трудно было понять, какое пріобрѣтеніе онъ находилъ въ Карнѣевѣ и, разумѣется, онъ держалъ его при себѣ все время до того момента, пока по политическимъ обстоятельствамъ наше управленіе Молдавіею и Валахіею упразднилось, и самъ Киселевъ былъ отозванъ. Когда Карнѣевъ прибылъ въ Петербургъ, Киселевъ, своимъ покровительствомъ, предоставилъ ему мѣсто директора хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, по общимъ отзывамъ, онъ былъ плохой директоръ и значительно позапустилъ департаментъ. Это было весьма естественно и понятно для всѣхъ, кто такъ хорошо и близко зналъ Карнѣева, какъ я. Онъ могъ дѣлать чудеса быстроты, когда работа была заказана Киселевымъ, котораго онъ трепеталъ до невыразимой степени. Но тамъ, гдѣ надъ нимъ не было страха или другихъ неотступныхъ побужденій, онъ дѣлался лѣнивъ, безпеченъ и небреженъ въ той же невыразимой степени. Послѣдующіе мои разсказы фактически подтвердятъ то, что я теперь сказалъ. Затѣмъ, когда государь предоставилъ Киселеву образовать Ѵ-е отдѣленіе и заняться преобразованіемъ государственныхъ имуществъ, Киселевъ назначилъ его управляющимъ этимъ отдѣленіемъ, хотя въ то время Карнѣевъ былъ только въ чинѣ статскаго совѣтника. При огромныхъ способностяхъ исполнителя, Карнѣевъ не имѣлъ характера, отвѣчающаго его положенію. Какъ человѣкъ—онъ былъ совершенной тряпкой, не имѣя ни воли, ни самостоятельнаго воззрѣнія. Для него ничего не стоило въ одинъ вечеръ написать, красивымъ слогомъ и красивымъ почеркомъ, любой проектъ, когда Киселевъ ему приказывалъ и указывалъ основныя мысли... За этой чертой царствовала лѣнь и безхарактерность... Нѣтъ сомнѣнія, что я буду имѣть много случаевъ полнѣе обрисовать эту личность. Теперь остается сказать, что еще въ молодости, въ малыхъ чинахъ, онъ сманилъ въ родномъ городѣ изъ какого-то женскаго монастыря юную подругу и, не владѣя возвышеннымъ благородствомъ, порывался не одинъ разъ бросить ее, пользуясь своимъ переѣздомъ въ

Молдавію и Валахію, а оттуда въ Петербургъ. Но онъ напалъ на женщину несравненно съ сильнѣйшимъ характеромъ, чѣмъ онъ самъ: она преслѣдовала его на перекладныхъ всюду, куда онъ бѣжалъ отъ нея, и кончила тѣмъ, что, угрожая скандалами и жалобами государю, заставила его завершить все законнымъ бракомъ. Впослѣдствіи Карнѣеву удалось узаконить и всѣхъ дѣтей, рожденныхъ до брака.

У Карнѣева въ то время были, въ составѣ V-го отдѣленія, два главные помощника, которые носили названіе дѣлопроизводителей: Клоковъ и Калашниковъ. Клоковъ происходилъ изъ купеческаго званія Саратовской губерніи, получилъ прочное образованіе, кажется, въ Педагогическомъ институтѣ, и былъ человѣкомъ умнымъ и замѣчательнымъ. Онъ долго служилъ по государственнымъ имуществамъ и, до перехода въ V отдѣленіе, былъ самымъ капитальнымъ и уважаемымъ начальникомъ отдѣленія нашего департамента. Независимо отъ этой должности, онъ состоялъ при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, и едва-ли не всѣ узаконенія, внесенныя въ сводъ по части государственныхъ имуществъ, принадлежали его перу. Когда приступили къ образованію V отдѣленія, онъ первый, вслѣдствіе своей знаменитости, приглашенъ въ составъ его, и я могу сказать, какъ свидѣтель и очевидецъ, что онъ былъ тамъ главнымъ строителемъ новаго зданія. Самъ Киселевъ называлъ его своимъ учителемъ, хотя впослѣдствіи, съ образованіемъ министерства государственныхъ имуществъ, когда Клокову данъ былъ въ управленіе 2-й департаментъ, этотъ милый ученикъ страшно огорчалъ его.

Калашниковъ былъ сибирякъ, случайно ставшій, еще на родинѣ, въ весьма близкія отношенія съ пріятелемъ Сперанскаго—Словцевымъ. Объ отношеніяхъ этихъ Калашниковъ всегда вспоминалъ съ глубокимъ благоговѣніемъ. Они дали ему образованіе и проложили дорогу въ петербургской службѣ. По прибытіи сюда, онъ скоро женился на дочери Масальскаго, сестрѣ извѣстнаго автора плохихъ романовъ. Самъ Калашниковъ тоже былъ авторомъ «Дочери купца Жолобова», «Камчадалки» и другихъ произведеній съ сибирскимъ характеромъ, которые въ свое время имѣли значительный успѣхъ.

Калашниковъ былъ типомъ русскаго человѣка съ большимъ запасомъ ума и хитрости, и совершенно безпечнымъ характеромъ. Находясь съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, я не помню времени, когда бы Калашниковъ, съ своею обширною и милою семьею, не нуждался въ деньгахъ и не искалъ бы случая и возможности занять ихъ. Но какъ скоро являлась такая возможность, Калашниковъ бралъ деньги и тотчасъ задавалъ пиръ на весь міръ. Отъ этого произошло, что хотя впослѣдствіи онъ занималъ значительныя должности, но на старости лѣтъ сильно нуждался и умеръ въ крайней бѣдности, облеченный, впрочемъ, чиномъ тайнаго совѣтника.

Говорить о другихъ личностяхъ, принадлежавшихъ къ составу V отдѣленія, я не считаю нужнымъ, потому что это, не представляя большаго интереса, утомило бы только вниманіе того, кто вздумаетъ читать мои записки. Тамъ былъ, впрочемъ, въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя, Бураковъ, который, углубившись въ составленіе проекта уголовнаго кодекса для крестьянъ, сошелъ съ ума. Онъ вообразилъ, что старшая изъ дочерей Карнѣева, дѣвушка весьма красивая, страстно влюблена въ него, и что дѣло пришло бы къ удовлетворительному окончанію, еслибы не препятствовали тому совокупныя интриги и великихъ князей, и артистовъ итальянской оперы. Онъ утверждалъ, что когда бывалъ въ оперѣ, то ясно видѣлъ, какъ пѣвцы перемигивались съ ними и насмѣшливо глядѣли на него. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, онъ послалъ жалобу государю, вслѣдствіе чего по Высочайшему повелѣнію былъ освидѣтельствованъ и, разумѣется, найденъ сумасшедшимъ. Ему дали хорошую пенсію и уволили отъ службы... Былъ еще тамъ Шеншинъ, замѣчательный типъ промышленниковъ своего рода. Изъ формуляра его видно было, что онъ былъ во всевозможныхъ университетахъ и проходилъ всевозможные факультеты. Дѣйствительно, онъ имѣлъ видъ человѣка умнаго и образованнаго, съ даромъ слова и вкрадчивымъ обращеніемъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти дарованія обращены были на дѣятельность самую позорную. Онъ объявилъ себя, разумѣется, не печатно, поставщикомъ всевозможныхъ мѣстъ и какъ паукъ ловилъ въ свои сѣти довѣрчивыхъ мухъ, въ такомъ обиліи слетающихся въ Петербургъ за счастіемъ, въ видѣ хорошихъ мѣстъ.

Жилъ онъ роскошно, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ ослѣплять своимъ положеніемъ провинціальныхъ простаковъ. На каждомъ балѣ его всегда можно было отыскать жертву, на счетъ которой этотъ балъ давался, гдѣ-нибудь въ углу, съ провинціальными манерами, въ костюмѣ произведенія какого-нибудь туземнаго Иванова изъ Парижа. Отыскиваніе на балахъ Шеншина этихъ личностей и постоянное наблюденіе за ними было для насъ съ Калашниковымъ любимымъ и забавнымъ дѣломъ. Шеншинъ брался доставлять всевозможныя мѣста, начиная съ губернаторскихъ; все различіе заключалось въ цѣнѣ, какая за каждое мѣсто имъ опредѣлялась. Впрочемъ, это главное его занятіе не препятствовало ему входить въ другія темныя дѣла, такъ что конецъ его оригинальной дѣятельности былъ самый печальный: замѣшанный во множествѣ самыхъ гнусныхъ дѣлъ, онъ попалъ въ тюрьму и скоро умеръ.

Когда я явился въ V отдѣленіе, Карнѣевъ объявилъ мнѣ, что по волѣ Киселева я долженъ вести дѣла по временному совѣту, учрежденному для управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ оглядѣться въ новомъ положеніи, въ тотъ же день пріѣхалъ въ V отдѣленіе самъ Киселевъ, прямо отъ доклада государю. Пройдя въ кабинетъ Карнѣева, онъ скоро потребовалъ меня, и я очутился лицомъ къ лицу съ тѣмъ страшнымъ человѣкомъ, котораго пугливое воображеніе моихъ департаментскихъ сослуживцевъ представляло какимъ-то чудовищемъ. Первое впечатлѣніе, которое Киселевъ производилъ на другихъ, всегда было выгодно. Красивый, статный, съ прекрасными глазами, онъ былъ типомъ блестящаго царедворца. Деспотическія замашки, эгоизмъ, безсердечіе, хитрость—проявлялись потомъ и преимущественно для людей, поставленныхъ въ близкія и обязательныя къ нему отношенія. Принялъ онъ меня весьма любезно и ласково, говорилъ, что имѣетъ обо мнѣ отличные отзывы, и въ заключеніе просилъ помогать Василію Ивановичу (Карнѣеву) по дѣламъ совѣта. Это первое свиданіе мое съ государственнымъ человѣкомъ, только-что возвратившимся отъ государя, не могло не поднять меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Киселевъ скоро уѣхалъ, и вслѣдъ затѣмъ Карнѣевъ, пригласивъ меня, поручилъ мнѣ отправиться къ нему въ домъ съ Высочайшими указами, на которыхъ Киселевъ позабылъ выста-

вить день и мѣсто Высочайшаго подписанія. Съ портфелемъ, въ которомъ заключались такія государственныя бумаги, я отправился къ Киселеву. Онъ жилъ тогда на Мойкѣ, близъ Почтамта, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ Зурова. Вся обстановка его квартиры отличалась большою скромностію и не имѣла въ себѣ ничего блестящаго. У него было два кабинета: большой и малый. Въ большомъ онъ принималъ доклады, и я очень хорошо изучилъ эту, для многихъ страшную, комнату, потому что впослѣдствіи я еженедѣльно являлся туда съ своими докладами. Въ маломъ, вѣроятно, онъ занимался, когда былъ одинъ. Когда камердинеръ доложилъ обо мнѣ, я былъ введенъ въ малый кабинетъ, въ которомъ, прежде всего, бросились мнѣ въ глаза красные обои и обиліе зеркалъ. При моемъ входѣ Киселевъ удивленно взглянулъ на меня; я тотчасъ объявилъ ему, въ чемъ дѣло. «Скажите, забылъ совсѣмъ», сказалъ Киселевъ. Потомъ началъ очень привѣтливо и продолжительно разспрашивать меня о моемъ происхожденіи: кто мой отецъ, гдѣ учился и т. д. Мои ясные отвѣты, очевидно, нравились ему. Сначала онъ говорилъ мнѣ «вы», но потомъ скоро и незамѣтно перешелъ на «ты», что служило хорошимъ признакомъ, потому что всѣмъ близкимъ людямъ, начиная съ Карнѣева, онъ говорилъ «ты». Сѣвъ за письменный столъ, заваленный бумагами и не отличающійся большимъ порядкомъ, онъ началъ изъ кучи перьевъ, лежавшихъ на столѣ, перебирать и пробовать одно за другимъ, съ улыбкою замѣтивъ мнѣ: «видишь, какой я бѣдный по части канцелярской». Помѣтивъ указы, онъ ласково кивнулъ мнѣ головой въ знакъ прощанія, и я бросился къ двери; но, къ несказанному удивленію моему—дверь исчезла. Растерявшись—я быстро окинулъ глазами всю комнату, отыскивая выхода, но не находилъ ни одной двери. Киселевъ съ улыбкой смотрѣлъ на мое замѣшательство и, сказавъ: «что, братъ, попался!» указалъ мнѣ на одно изъ зеркалъ, которое совершенно маскировало дверь.

Войдя, такимъ образомъ, въ составъ V отдѣленія, я не могъ не обратить вниманія на его обстановку. Помѣщалось оно тогда близъ Синяго моста, въ какомъ-то казенномъ домѣ, выходившемъ одною стороною на Мойку, а другою въ Новый переулокъ. Потомъ, когда образовалось министерство, въ этомъ же домѣ, вмѣстѣ съ V отдѣ-

леніемъ, помѣщалась и канцелярія министра. Впослѣдствіи домъ этотъ проданъ съ публичнаго торга, разрушенъ, и на мѣстѣ его построенъ огромный домъ Якунчикова. Въ обстановкѣ V отдѣленія меня, прежде всего, поразили прекрасные шкафы съ различными, затѣйливыми надписями. Такъ, на одномъ было написано: «работы органическія», на другомъ: «историческіе матеріалы». Видя эти надписи и зная, что V отдѣленіе имѣло главною цѣлью составить новые проекты для управленія государственными имуществами, я тотчасъ выразилъ своимъ новымъ товарищамъ увѣренность, что эти великолѣпные шкафы, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ много готовыхъ уже и драгоцѣнныхъ работъ. Оказалось, что въ ту минуту въ нихъ рѣшительно ничего не было; никакихъ работъ, ни органическихъ, ни другихъ, не было не только сдѣлано, но и начато, и что вся дѣятельность V отдѣленія до того времени ограничивалась текущею перепискою по образцовому управленію Петербургскою губерніею. Впослѣдствіи я еще болѣе убѣдился, что V отдѣленіе, въ лицѣ своего управляющаго, владѣло неподражаемымъ искусствомъ пускать пыль въ глаза...

Я выше сказалъ уже, что Киселевъ, со дня учрежденія временнаго совѣта, становился министромъ. И дѣйствительно: съ одной стороны всѣ важнѣйшія дѣла по совѣту приходили къ нему, большею частію, въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ. Тѣ изъ этихъ докладовъ, которые соотвѣтствовали воззрѣніямъ Киселева, представлялись имъ государю; по другимъ, которыхъ онъ не раздѣлялъ, онъ давалъ предложенія совѣту съ изложеніемъ своихъ соображеній. Съ другой стороны, какъ само правительство, такъ и общество, смотря на него, какъ на министра, обращались прямо къ нему въ дѣлахъ, относящихся къ государственнымъ имуществамъ, помимо совѣта. Такъ, напримѣръ, всѣ заключенія по важнѣйшимъ изъ этихъ дѣлъ требовались комитетомъ министровъ и другими министерствами непосредственно отъ самого Киселева. Точно также различныя просьбы частныхъ лицъ большею частію направлялись также къ нему. Одни изъ этихъ дѣлъ и просьбъ, смотря по сущности ихъ и степени важности, передавались просто въ совѣтъ, для надлежащихъ распоряженій; по другимъ Киселевъ или давалъ тому же совѣту отдѣльныя предложенія, указывая направленіе, какое онъ счи-

таетъ нужнымъ дать дѣлу, или дѣлалъ прямо докладъ государю и сообщалъ Высочайшія повелѣнія по принадлежности. Люди, знакомые съ бытомъ чиновничьимъ, поймутъ, что тутъ было работы много и стало бы, по крайней мѣрѣ, на цѣлое отдѣленіе. Все это, однакожъ, лежало исключительно на мнѣ одномъ, безъ всякихъ сотрудниковъ и помощниковъ. Но трудъ, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, самъ по себѣ не подавлялъ бы меня, еслибы онъ не соединенъ былъ съ невѣроятною и почти безсмысленною быстротою, которою Карнѣевъ, самъ непостижимо быстрый въ работѣ, любилъ щеголять и которая отъ меня требовалась. Я разскажу, какъ шли наши занятія. Всѣ бумаги, адресованныя Киселеву, относились къ нему въ домъ, и онъ самъ распечатывалъ ихъ и читалъ. Карнѣевъ отправлялся къ нему съ докладомъ ежедневно въ 12 часовъ. Возвращаясь отъ доклада, часа въ два или три, онъ приносилъ кучу полученныхъ имъ отъ Киселева бумагъ и тотчасъ сдавалъ мнѣ съ примѣчаніями, что̀ по каждой должно сдѣлать. Соображая массу этихъ бумагъ и краткость времени отъ возвращенія его отъ доклада и объясненія со мною, я рѣшительно не понималъ, когда Карнѣевъ имѣлъ возможность прочитать ихъ, и постепенно пришелъ къ убѣжденію, что онъ, большею частію, не читалъ ихъ внимательно, а передавалъ мнѣ то самое, что̀ ему приказывалъ Киселевъ. Моею непремѣнною обязанностію было въ тотъ же день, разумѣется, вечеромъ, разсмотрѣть всѣ эти бумаги, заготовить по нимъ проекты исполнительныхъ бумагъ, показать эти проекты Карнѣеву и вообще распорядиться такъ, чтобы всѣ они на другой день были готовы къ докладу и чтобы ни одна бумага, какого бы свойства, содержанія, объема она ни была, не осталась неисполненною. Сначала я сильно страдалъ въ этомъ, страшно тяжеломъ и натянутомъ положеніи, которое грозило рѣшительно убить заслуженную мною добрую репутацію. Часто было рѣшительно невозможно, въ теченіе одного вечера, не только исполнить всѣ данныя мнѣ бумаги, въ числѣ которыхъ нерѣдко случались очень пространныя и полновѣсныя, но даже только прочитать ихъ съ тѣмъ толкомъ и вниманіемъ, которые требуются отъ каждаго дѣльнаго производителя. Мнѣ предстояло или сознаться въ безсиліи и тѣмъ уничтожить, вмѣстѣ съ прежнею репутаціею, и заманчивую будущность, которая предо мной откры-

валась, или, во что бы то ни было, побѣдить трудности, меня окружавшія.

Я съ благодарностію долженъ сказать, что занятія мои въ V отдѣленіи, несмотря на страшную обременительность ихъ, принесли мнѣ огромную пользу въ смыслѣ окончательнаго образованія моихъ дѣловыхъ способностей. V отдѣленіе было для меня истинной школой, въ которой Карнѣевъ былъ великолѣпнымъ учителемъ. Тамъ я научился не смущаться никакими задачами, какъ бы трудны онѣ ни были, смѣло встрѣчать каждую работу и благополучно выходить изъ всевозможныхъ положеній. Карнѣевъ былъ для меня такимъ же идеаломъ, какъ чиновникъ, какимъ потомъ былъ князь Барятинскій, какъ человѣкъ государственный. Поставленный въ самое безвыходное положеніе работами, превосходящими человѣческія средства, я сказалъ самъ себѣ, что лучше работать, пока могу и какъ умѣю, чѣмъ отступать, объявивъ во всеобщее извѣстіе свое безсиліе. Въ такомъ сознаніи я спокойно принималъ отъ Карнѣева бумаги и все вниманіе сосредоточивалъ на существѣ рѣшеній, данныхъ Киселевымъ и переходившихъ отъ него къ Карнѣеву, а отъ Карнѣева ко мнѣ, стараясь удержать въ памяти главныя черты этихъ рѣшеній. Этого было достаточно. Тотчасъ послѣ обѣда, являясь снова въ V отдѣленіе, я ближайшимъ образомъ обозрѣвалъ массу бумагъ, мнѣ переданныхъ. Если я находилъ, что у меня достанетъ времени на подробное ихъ разсмотрѣніе, — я приступалъ къ этому разсмотрѣнію. Если же я находилъ, что цѣлаго дня недостало бы на одно прочтеніе ихъ, то, обозрѣвъ ихъ самымъ поверхностнымъ образомъ, я прямо начиналъ писать отвѣтныя бумаги, варіируя цвѣтистыми фразами на заданную тему. Этому смѣлому пріему много способствовали, во-первыхъ, то обстоятельство, что въ исполнительныхъ бумагахъ не излагалось содержаніе той бумаги, по которой дѣлалось исполненіе, а во-вторыхъ, пріобрѣтаемый каждымъ истинно дѣловымъ человѣкомъ навыкъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ, взятымъ съ отдѣльныхъ страницъ понимать тонъ и содержаніе бумаги. Бумаги, мною заготовляемыя, были хоть и не столько дѣловиты, какъ бы слѣдовало, но всегда красивы и эффектны. Справедливость требуетъ сказать, что работать съ Карнѣевымъ было чрезвычайно легко и пріятно. Когда, часовъ въ 9 или 10 вечера,

я приносилъ ему кучу заготовленныхъ мною бумагъ, онъ тотчасъ садился за письменный столъ и разсматривалъ ихъ. Бумаги, которыя приходились по его вкусу, онъ молчаливо возвращалъ мнѣ; бумаги, въ которыхъ находилъ какія-либо неполноты, онъ также молчаливо дополнялъ и поправлялъ самъ, не теряя времени ни на какія разсужденія, зачѣмъ это такъ, а не этакъ, большею частію, какъ опытъ убѣдилъ меня, совершенно безплодныя. Все это оканчивалось въ теченіе получаса или часа. Затѣмъ я раздавалъ бумаги писарямъ, а остатокъ вечера посвящалъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Утромъ я читалъ переписанныя бумаги и, часамъ къ 11-ти передавая ихъ Карнѣеву, для доклада Киселеву, ожидалъ новаго наплыва новыхъ бумагъ. Дѣло шло быстрымъ и великолѣпнымъ образомъ...

Само собою разумѣется, что занятія наши имѣли тѣсное соотношеніе съ дѣлами временнаго совѣта и находились въ полнѣйшей зависимости отъ матеріаловъ, въ старомъ департаментѣ находящихся. Мы или давали ему предложенія или заимствовали у него различныя свѣдѣнія, необходимыя для сношеній съ другими мѣстами и лицами. Отношенія наши съ департаментомъ, конечно, были отношеніями высшаго учрежденія къ низшему. Проводникомъ или посредникомъ этихъ отношеній былъ я. Понятно, какъ много интереса приносилъ я съ собою, когда приходилъ въ департаментъ за какими-нибудь справками, тѣмъ болѣе, что чиновники департамента продолжали еще находиться въ ожиданіи различныхъ напастей. Весьма естественно они жаждали новостей, а кто имъ могъ сообщить что-нибудь новое, кромѣ меня? Старый мой начальникъ, Шелеховъ, оправившійся отъ первыхъ ужасовъ и силою своихъ знаній и опытности пріобрѣвшій крѣпкое значеніе у жалкихъ членовъ совѣта, ничего не знающихъ и мало понимающихъ, — несмотря на свои обычно грубыя манеры, встрѣчалъ и провожалъ меня съ такою утонченною внимательностію, на какую только этотъ старый медвѣдь былъ способенъ. Вообще мое положеніе тогда представлялось да такой степени блестящимъ и высокимъ, что воображеніе моихъ прежнихъ сослуживцевъ и товарищей затруднялось даже опредѣлить: на какой ступени я буду поставленъ, когда создастся новое министерство, хотя, при этомъ созданіи, я остался, неожиданно для

себя и для другихъ, совершенно на той же ступени, на которой стоялъ и до этого переворота.

Нѣтъ нужды говорить, что всѣ распоряженія, исходившія отъ Киселева, представляли величайшій интересъ для Дубенскаго, и тутъ-то, какъ я выше замѣтилъ, для него дорогъ сталъ мальчикъ, который нѣкогда не дерзалъ возводить на него, какъ на солнце, своихъ взоровъ. Въ этотъ тяжелый для него періодъ ходило множество самыхъ тревожныхъ для него слуховъ; но грознѣе всѣхъ былъ слухъ о неизбѣжной ревизіи его дѣйствій. И дѣйствительно: всѣмъ было извѣстно страшное негодованіе на него государя и непремѣнная его воля назначить ревизію. Свергнутый, униженный, оскорбленный, Дубенскій томительно проводилъ дни въ своемъ домѣ и никуда не показывался. Весьма нерѣдко онъ приглашалъ меня къ себѣ самымъ обязательнымъ образомъ и тревожно разспрашивалъ меня обо всемъ, что́ дѣлается. Я велъ себя, въ отношеніи къ нему, такимъ образомъ, что потомъ, когда бури пронеслись и все улеглось въ обширныхъ берегахъ новаго министерства, я сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ его семействѣ и постоянно являлся къ его хорошимъ обѣдамъ по воскресеньямъ. Никакихъ услугъ, противныхъ моему долгу, я ему не дѣлалъ, потому что былъ исполнителемъ высшей воли и никакой самостоятельной силы не имѣлъ; никакихъ тайнъ я ему не открывалъ, потому что то, что́ я сегодня зналъ, на другой день осуществлялось и дѣлалось извѣстнымъ всѣмъ. Но въ моментъ его паденія, когда всѣ его бросили, всѣ отъ него отвернулись, я чтилъ въ немъ падшее величіе и выражалъ это всѣми способами. Высочайшее повелѣніе о ревизіи, наконецъ, состоялось. Въ этомъ распоряженіи нельзя не предполагать сильнѣйшаго участія Киселева, для котораго главнѣйшею задачею было доказать, во что бы то ни было, что прежній порядокъ былъ безпорядокъ и что истинный порядокъ изойдетъ изъ его головы. Ревизоромъ былъ назначенъ, если не ошибаюсь, сенаторъ Безобразовъ, слывшій свирѣпѣйшимъ изъ сенаторовъ. Впрочемъ, какія бы ни были личныя его свойства, онъ не могъ, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, плыть противъ теченія. Ревизія длилась долго и, разумѣется, въ результатахъ ея оказалось обиліе матеріаловъ для окончательнаго осужденія Дубенскаго.

Дѣйствительно, государь настоятельно желалъ предать его суду; но Киселевъ, умный и хитрый, достигнувъ вполнѣ своей цѣли, прикинулся агнцемъ доброты и кротости, сдержалъ гнѣвъ государя, и судъ не состоялся...

Кромѣ дѣятельности, лично и непосредственно мнѣ принадлежащей, я долженъ коснуться занятій V отдѣленія и по другимъ частямъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ занятіяхъ, пріуготовлявшихъ зданіе новаго министерства, я тоже принималъ немалое участіе. Занятія V отдѣленія раздѣлялись на два рода: распорядительныя и законодательныя. Къ разряду распорядительныхъ главнѣйшимъ образомъ принадлежало образованіе особыхъ коммиссій и отправленіе ихъ въ губерніи, для производства описанія государственныхъ имуществъ, или, лучше сказать, для изображенія настоящаго положенія, въ какомъ они находятся. Коммиссіи эти составлялись, сколько помню, изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ одинъ назывался предсѣдателемъ, двое старшими, а двое младшими членами. Людей этихъ, которыхъ требовалось множество, набирали отовсюду, не исключая и Невскаго проспекта. Киселевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе брать чиновниковъ изъ всѣхъ министерствъ, съ временнымъ откомандированіемъ къ V отдѣленію. Многіе шли охотно, увлекаемые умышленно распущенными слухами, что лица, участвующія въ коммиссіяхъ, получатъ прочныя мѣста въ будущихъ палатахъ государственныхъ имуществъ, что́ и дѣйствительно имѣлось въ виду, хотя не было принято общимъ и непремѣннымъ правиломъ. Но такихъ желающихъ все-таки было мало для наполненія всѣхъ коммиссій, и потому пришлось брать изъ отставныхъ, ищущихъ мѣстъ, чиновниковъ, всегда такъ обильно наводняющихъ Петербургъ. Сначала, разумѣется, придерживались сильныхъ протекцій, хорошихъ отзывовъ, добрыхъ слуховъ, а потомъ уже просто заботились, чтобы шли только люди, отлагая разборъ ихъ до будущаго времени, и тутъ-то я разумѣю участіе Невскаго проспекта.

Коммиссіи эти назывались пріуготовительными. Обнадеженные различными обѣщаніями, на которыя Карнѣевъ былъ такой мастеръ, онѣ отправлялись въ губерніи и изготовляли кипы писаной бумаги. Какъ ни слабъ былъ составъ этихъ коммиссій — онѣ хорошо понимали, что вся ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы пред-

ставить все въ самомъ отвратительномъ видѣ, обставивъ все это разными статистическими данными и другими письменными хитростями. Для Киселева это только и нужно было. Впрочемъ, въ мое время ему и этого не было уже нужно, потому что главная цѣль его была достигнута пятью коммиссіями, которыя онъ отправилъ первоначально и еще до переворота въ нѣкоторыя, наиболѣе обильныя государственными имуществами, губерніи. Донесенія этихъ коммиссій, сопровождаемыя краснорѣчивыми докладами государю произведенія искуснаго пера Карнѣева были для Киселева главнымъ и сильнымъ рычагомъ для того, чтобы повалить прежнее управленіе. Когда это было сдѣлано, въ дальнѣйшемъ отправленіи подобныхъ коммиссій не предстояло существенной надобности; но Киселевъ не могъ уже отступить отъ проформы, дорого стоющей государству, въ пользѣ и необходимости которой онъ самъ увѣрилъ государя. Многотомныя донесенія этихъ коммиссій имѣли уже мало цѣны. Когда они представлялись, Карнѣевъ, не читая ихъ, поручалъ самой же коммиссіи вообще, или кому-нибудь изъ наиболѣе даровитыхъ членовъ ея, составить проектъ всеподданнѣйшаго доклада, по тому образцу, какой на этотъ случай предлагался; докладъ этотъ великолѣпно отдѣлывался краснорѣчивымъ перомъ Карнѣева, представлялся государю, и дѣло тѣмъ оканчивалось.

Между тѣмъ все это, въ то время, производило страшный шумъ вообще, а въ мірѣ чиновниковъ въ особенности. Напоръ всевозможныхъ искательствъ былъ для Карнѣева самымъ мучительнымъ, по натурѣ его, дѣломъ. Сухой, непредставительный, безъ дара слова, страшно занятой, подавляемый разнообразными и столь грозными для него приказаніями Киселева, онъ долженъ былъ ежедневно выдерживать истинную осаду толпы чиновниковъ, жаждущихъ мѣстъ и назначеній. Тутъ было много и комическаго..... Обыкновенно дѣло происходило такъ. Всѣ знали, что до доклада Карнѣева видѣть было невозможно и что отъ доклада онъ возвращался часа въ два. Къ этому времени пріемная V отдѣленія наполнялась алчущими и жаждущими. Какъ только дѣлалось извѣстнымъ, что Карнѣевъ возвратился, весь этотъ людъ вставалъ, выравнивался, охорашивался и настроивалъ свои физіономіи на тотъ ладъ, какой каждый считалъ наиболѣе трогательнымъ и соотвѣт-

ственнымъ грустному своему положенію. Худой, длинный, сутуловатый, некрасивый, Карнѣевъ, при входѣ въ пріемную, прямо приближался къ тому изъ просителей, который стоялъ на флангѣ, и наклонялъ ухо, какъ бы для того, чтобы внимательнѣе выслушать его изъясненіе. Тотъ обыкновенно начиналъ: «Ваше превосходительство, позвольте имѣть честь»... или «осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству»... или «позвольте прибѣгнуть къ благосклонному вниманію вашему...» и т. д., но прежде, чѣмъ онъ выпутывался изъ этихъ вступительныхъ фразъ и переходилъ къ существу своей просьбы, Карнѣевъ, съ тѣмъ же наклоненнымъ ухомъ переходилъ уже къ другому, съ которымъ повторялась та же исторія. Такимъ образомъ выходило, что какъ будто Карнѣевъ всѣхъ выслушалъ, а между тѣмъ не выслушалъ никого, и это убѣжденіе какъ-то неопредѣленно отражалось на лицахъ самихъ просителей; вслѣдствіе того, они являлись въ V отдѣленіе на другой день, пріумноженные въ своемъ числѣ новыми мучениками и смѣшанные въ одной, безразличной для Карнѣева, массѣ; потомъ приходили на третій день, ходили недѣли и мѣсяцы до того времени, когда для какой-нибудь коммиссіи понадобится нѣсколько экземпляровъ, Карнѣевъ нахватаетъ ихъ изъ толпы и отправитъ въ губернію. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Карнѣева было мало достоинства, но за то много ловкости и комизма, разумѣется, невольнаго для него. Этою неопредѣленностью своихъ отношеній къ просителямъ онъ постоянно и весьма продолжительно удерживалъ у себя подъ рукой кучу личностей, изъ которой онъ всегда могъ черпать, сколько ему угодно. Были, впрочемъ, люди, которые возмущались такимъ положеніемъ и, видя невозможность объяснить Карнѣеву свои желанія и цѣли, удалялись съ проклятіями съ этого поприща, по истинѣ исключительнаго по своей оригинальности. Они, впрочемъ, не совсѣмъ были правы. Всѣмъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ просителями, хорошо извѣстно, въ какой ужасающей степени они многословны. Они могутъ быть уподоблены больнымъ хроническими болѣзнями, которые не только своихъ докторовъ, но и всѣхъ своихъ знакомыхъ осаждаютъ малѣйшими подробностями своихъ недуговъ. Каждый чиновный проситель непремѣнно старается разъяснить, гдѣ онъ служилъ, какъ онъ служилъ,

какъ имъ былъ доволенъ его превосходительство, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Карнѣеву назначено было выслушивать каждаго просителя подробно и внимательно — у него на одно это не достало бы времени. Онъ видѣлъ и зналъ это и потому нашелъ безполезнымъ терять на это время, столь необходимое для других занятій. Онъ зналъ, что всѣ эти господа желаютъ мѣстъ—и для него этого было довольно. На этомъ желаніи, какъ на какомъ-нибудь инструментѣ, онъ игралъ, какъ великій артистъ. Кромѣ того, подобно тому, какъ по нѣсколькимъ фразамъ онъ угадывалъ содержаніе самой обширной бумаги, Карнѣевъ, по нѣсколькимъ отрывочнымъ и несвязнымъ фразамъ просителя, довольно точно зналъ, чего именно ему хочется. Но все это извѣстно было людямъ, хорошо изучившимъ, какъ я и другіе мои товарищи, характеръ и пріемы Карнѣева. Просители, разумѣется, не могли знать этого и послѣ операціи прохожденія его предъ ихъ строемъ съ наклоненнымъ ухомъ оставались изумленными и тоскливо смотрѣли другъ на друга. Здѣсь-то именно и являлся комизмъ, невольный для Карнѣева и просителей, но понятный мнѣ съ товарищами. Возвращенія Карнѣева отъ доклада и своеобразнаго его объясненія съ просителями мы всегда ожидали, какъ забавнаго представленія, интересъ котораго не могъ не увеличиваться оригинальностію многихъ провинціальныхъ личностей. Одна изъ этихъ личностей особенно увеселяла насъ разсказами о своихъ семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ и страшными сѣтованіями на Карнѣева, что онъ никакъ не даетъ возможности высказать ему положенія этихъ дѣлъ. Выведенный изъ терпѣнія его невниманіемъ и равнодушіемъ, онъ рѣшился возвратиться во-свояси и умолялъ только о томъ, чтобы ему дали свидѣтельство, что онъ желаетъ служить по новому управленію. Когда Карнѣеву доложили объ этихъ настояніяхъ, онъ велѣлъ удовлетворить имъ, и этому оригиналу, за подписью самого Карнѣева и печатью V отдѣленія, выдано было свидѣтельство, удостовѣряющее, что предъявитель его дѣйствительно желаетъ служить по новому управленію. Съ этимъ комическимъ свидѣтельствомъ, совершенно довольный, чудакъ скрылся изъ Петербурга...

Поглощаемый этими хлопотами и вообще неспособный къ какой-либо инициативѣ, Карнѣевъ мало или почти вовсе не зани-

мался законодательными работами. Клоковъ дѣлалъ что-то, но такъ вяло и неопредѣленно, что ничего изъ его рукъ не выходило, и мы уже не знали положительно, что именно онъ дѣлалъ. Бураковъ возился съ своимъ судебнымъ уставомъ для крестьянъ, который онъ умѣлъ представить столь же почтеннымъ, сколько нескончаемымъ трудомъ и за которымъ, какъ за стѣною, онъ укрывался отъ всѣхъ другихъ работъ, принадлежа вообще къ разряду тружениковъ, быть можетъ полезныхъ, но тяжелыхъ и неповоротливыхъ и нисколько не отличаясь быстрыми способностями. Калашниковъ преимущественно занимался пріисканіемъ и займомъ денегъ, и по этой части былъ истиннымъ художникомъ. По части займовъ и всѣ другія личности V отдѣленія, не исключая самого Карнѣева, были не безъ грѣха, такъ что касса этого учрежденія видѣла у себя деньги только въ день полученія ихъ изъ государственнаго казначейства, быстро опустошалась и въ такомъ видѣ оставалась до новаго полученія. Но въ этомъ отношеніи никто не мучилъ такъ себя и другихъ, какъ Калашниковъ. Онъ былъ истиннымъ бичемъ нашего казначея, Евреинова, милѣйшаго и остраго господина, который почти ежедневно и съ самаго утра долженъ былъ отражать безпрерывныя атаки Калашникова. Изобрѣтательность этого господина не имѣла предѣловъ. Когда изсякали всѣ способы, онъ предъявлялъ какую-либо вещь и предлагалъ купить, а когда у желающаго купить не было денегъ—онъ же брался быть ходатаемъ у Карнѣева и испросить этому желающему заемъ, въ счетъ жалованья. Такъ точно онъ и мнѣ продалъ плохую енотовую шубу, неизвѣстно гдѣ имъ добытую, и получилъ 200 р., которые онъ же мнѣ выпросилъ у Карнѣева. Въ отношеніи дѣловомъ, по природѣ лѣнивый, онъ умѣлъ ловко изворачиваться и, лично ничего не дѣлая, представлять, что будто чѣмъ-то постоянно занятъ: то пойдетъ объясняться съ Карнѣевымъ о чемъ-нибудь, то прочтетъ какую-нибудь переписанную бумагу, то покричитъ на писаря за какое-нибудь вранье въ рукописи «Автомата», котораго онъ тогда сочинялъ. Капитальнаго онъ ничего не дѣлалъ. Самымъ сильнымъ и трудолюбивымъ работникомъ былъ самъ Киселевъ, который почти каждое утро высылалъ кучу полулистовъ, исписанныхъ его крючковатымъ почеркомъ, на которыхъ онъ излагалъ различныя

мысли и соображенія, относящіяся къ новому устройству государственныхъ имуществъ. Эти листы несомнѣнно свидѣтельствовали, что Киселевъ былъ дѣйствительно государственный человѣкъ; но такъ какъ они не требовали никакого поспѣшнаго исполненія, то и присоединялись довольно небрежно къ числу матеріаловъ для законодательныхъ работъ, до того времени, когда наступитъ моментъ для этихъ работъ.

Моментъ этотъ наступилъ неожиданно. Разнеслась вѣсть, что графъ Бенкендорфъ, этотъ любимецъ государя, заболѣлъ серьезно въ своемъ имѣніи «Фалль». Безъ сомнѣнія, угадывая мысли государя, всѣ царедворцы опрометью бросились туда съ своимъ поддѣльнымъ участіемъ. Киселевъ тоже предположилъ туда ѣхать. Предъ отъѣздомъ, за нѣсколько дней, онъ объявилъ Карнѣеву, что, разсчитывая провести тамъ нѣсколько дней, онъ желаетъ, чтобъ ему представили все, что сдѣлано V отдѣленіемъ по части законодательной. Карнѣевъ былъ въ страшномъ положеніи. По части законодательной у него не было ничего рѣшительно приготовлено; но сказать объ этомъ грозному для него Киселеву онъ не смѣлъ. Но если съ одной стороны въ этотъ моментъ болѣе, чѣмъ когда-либо, выразилась страшная его безпечность, то съ другой тутъ же проявилась вся сила его способностей и находчивости. Условившись съ Клоковымъ, они вдругъ исчезли, подъ видомъ болѣзни, изъ V отдѣленія и заперлись дома. Въ нѣсколько дней, остававшихся до отъѣзда Киселева, они совершили гигантскій трудъ, изготовивъ двѣ первыя части новаго учрежденія: Сельское управленіе и Волостное управленіе. Какое впечатлѣніе произвелъ этотъ первый опытъ на Киселева, положительно мнѣ не извѣстно; но есть поводъ предполагать, что онъ остался недовольнымъ, и имъ указаны многія измѣненія, потому что въ послѣдовавшихъ затѣмъ комитетахъ и главномъ изъ нихъ, губернаторскомъ, читались, и именно мною, подъ видомъ новаго учрежденія, черновые листы, вновь изготовлявшіеся Клоковымъ. Какъ бы то ни было, но съ того времени законодательныя работы оживились и быстро пошли впередъ. Въ то же время, какъ я сказалъ, стали учреждаться различные комитеты и приглашаться извѣстные спеціалисты по разнымъ частямъ. Такъ я помню

въ особенности такъ называемый Юридическій комитетъ, въ которомъ игралъ главную роль Карніолинъ Пинскій, бывшій тогда оберъ-прокуроромъ Сената, а впослѣдствіи сенаторомъ, столь извѣстный своими дарованіями, и Плисовъ, служившій тогда во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Рекрутская часть поручена была художнику по этой части Рѣпинскому, который тоже служилъ тогда во II отдѣленіи, а впослѣдствіи былъ также сенаторомъ. Наконецъ Киселевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе вызвать, для разсмотрѣнія составляемыхъ V отдѣленіемъ проектовъ, губернаторовъ нѣкоторыхъ губерній и образовать изъ нихъ особый комитетъ. На этомъ основаніи вызваны были, сколько помню, губернаторы: московскій — Олсуфьевъ, курскій — Муравьевъ, тамбовскій — Гамалея, витебскій — Жиркевичъ, псковскій — Пещуровъ, саратовскій — Переверзевъ. Къ нимъ присоединенъ былъ и петербургскій губернаторъ — Жемчужниковъ. Докладывать и объяснять проекты долженъ былъ Клоковъ. Клоковъ, какъ и всѣ другіе мои сослуживцы, зналъ, что я хорошо читаю, и требовалъ, чтобы чтеніе проектовъ въ этомъ комитетѣ было возложено на меня. Такимъ образомъ я былъ, не скажу, участникомъ, но свидѣтелемъ замѣчательнаго момента въ періодъ преобразованія. Тутъ-то я видѣлъ и зналъ положительно, что полнаго учрежденія составлено не было и что то начало его, которое, какъ я выше сказалъ, представлено было Киселеву, не пошло въ дѣло. Этого мало. Киселевъ очевидно не зналъ, что будетъ представлено комитету, и не хотѣлъ уронить своего достоинства, подвергая разбору губернаторовъ работы, имъ уже просмотрѣнныя и одобренныя. Онъ предавалъ имъ на жертву V отдѣленіе, оставаясь холоднымъ зрителемъ и свидѣтелемъ. Этой демонстраціи не чужды и другіе государственные люди. Когда выйдетъ на сцену князь Барятинскій, бывшій намѣстникъ кавказскій, читатель увидитъ, что онъ часто прибѣгалъ къ подобному способу... Клоковъ каждое утро выносилъ и передавалъ мнѣ, для чтенія въ комитетѣ, кучу листовъ и полулистовъ, исписанныхъ его оригинальнымъ некрасивымъ почеркомъ. То, что̀ предстояло читать завтра, Клоковъ долженъ былъ изготовлять сегодня вечеромъ. Бѣдный Клоковъ! Едва-ли онъ имѣлъ болѣе

трудныя и тяжелыя минуты въ своей жизни, какъ тѣ, въ которыя онъ возился съ этимъ комитетомъ. Съ одной стороны тяжкій, напряженный трудъ по срочному приготовленію матеріаловъ для комитета, которыхъ прежде, до того времени, заготовлено не было, по крайней мѣрѣ вполнѣ и отчетливо; съ другой—самыя свирѣпыя атаки, которымъ подвергался онъ въ комитетѣ, дѣлали положеніе его въ высшей степени затруднительнымъ. Губернаторы: Олсуфьевъ, Пещуровъ, Жиркевичъ, Переверзевъ были балластомъ комитета. Жемчужниковъ весьма остро разсказывалъ какія-то забавныя исторіи и былъ увеселителемъ комитета. Истинною и замѣчательною силою его были: Муравьевъ и Гамалея. Предъ ихъ замѣчаніями ничто не могло устоять. Приготовлялись ли они къ предстоящему имъ дѣлу или оно ужь давно и близко было имъ знакомо вслѣдствіе необъятной опытности, пріобрѣтенной ими въ различныхъ должностяхъ, я не знаю, но помню хорошо, что могущество ихъ свѣдѣній и соображеній поражало меня. Они-то и были истинными мучителями Клокова, который, при всей спеціальности въ подобныхъ работахъ, не могъ бороться съ ними. Различіе ихъ силъ несомнѣнно происходило оттого, что Клоковъ былъ сильный теоретикъ, а Муравьевъ и Гамалея были умными и великолѣпными практиками. Гамалея былъ умѣреннѣе, но Муравьевъ страшно и неумолимо разилъ новое произведеніе, приправляя свои замѣчанія ѣдкостью, ему одному свойственною. Никакихъ журналовъ и докладовъ по этому комитету не составлялось; но ясно было, что губернаторы находились съ Киселевымъ постоянно въ личныхъ сношеніяхъ, и воззрѣнія ихъ на новыя работы были хорошо ему извѣстны. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ личныхъ соотношеній истекало основаніе, по которому Киселевъ призвалъ Гамалею къ участію въ новомъ управленіи...

По мѣрѣ движенія впередъ законодательныхъ работъ приближалось время составленія штатовъ для новаго министерства. Нечего и говорить, что это былъ вопросъ, самый интересный, не только для чиновниковъ стараго департамента и V отдѣленія, но и для чиновниковъ всѣхъ другихъ министерствъ. Извѣстно уже было, что новое министерство будетъ состоять изъ нѣсколькихъ департаментовъ и что наполнить ихъ чиновниками двухъ своихъ

учрежденій невозможно. Поэтому почти весь чиновническій міръ Петербурга всколыхался различными видами и разсчетами. Извѣстно также было и то, что оклады новаго министерства будутъ богаче окладовъ другихъ вѣдомствъ, за исключеніемъ военнаго, въ которомъ они только предъ тѣмъ были подняты, тогда какъ повсюду оставались въ прежнихъ старинныхъ размѣрахъ. Дѣло составленія новыхъ штатовъ поручено было Заблоцкому и мнѣ. Заблоцкій былъ тогда прикомандированъ къ V отдѣленію, потомъ былъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ, директоромъ департамента сельскаго хозяйства и наконецъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ [1]). Заблоцкій былъ человѣкъ умный, образованный и извѣстный уже своими экономическими сочиненіями, что́ и было причиною приглашенія его въ новое министерство, въ которомъ хозяйственныя начала долженствовали стоять на первомъ планѣ. По учрежденіи министерства, онъ долго былъ издателемъ журнала министерства государственныхъ имуществъ. Въ томъ же департаментѣ, который первоначально носилъ названіе «третьяго», а потомъ переименованъ въ департаментъ сельскаго хозяйства, было двое молодыхъ людей: Гирсъ, впослѣдствіи членъ совѣта министерства финансовъ, и Веселовскій, который, съ самаго начала своей службы, выказывалъ большую наклонность къ ученымъ и литературнымъ трудамъ и впослѣдствіи былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ. Оба они были столоначальниками и не только сотрудниками, но главными работниками по журналу министерства государственныхъ имуществъ, тогда какъ Заблоцкій обращалъ преимущественное вниманіе на экономическую сторону этого предпріятія, которое, вслѣдствіе обязательной подписки всѣхъ частей министерства и значительной субсидіи отъ казны, не могло не представлять значительныхъ выгодъ.

Когда мы приступили къ составленію штатовъ новаго министерства, разумѣется, мы старались быть щедрыми и тотчасъ взяли нормою великолѣпные штаты, данные военному министерству. Съ

---

[1]) А. И. Заблоцкій былъ впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта.

обычнымъ тактомъ, Киселевъ, чтобъ не дразнить другія вѣдомства, сдѣлалъ нѣкоторое, незначительное, впрочемъ, уменьшеніе этой нормы, такъ что, представляясь умѣренными сравнительно съ военными, наши штаты все-таки были лучше всѣхъ другихъ....

Во время занятій этимъ дѣломъ, мы были свидѣтелями новыхъ продѣлокъ Карнѣева съ новыми просителями, искавшими мѣстъ въ новомъ министерствѣ. Приведу одну сцену: однажды, когда мы съ Заблоцкимъ были въ кабинетѣ Карнѣева, является молодой человѣкъ и объясняетъ свое желаніе поступить въ это министерство столоначальникомъ. Карнѣевъ, молчаливо осмотрѣвъ юношу, преважно отвѣчалъ: «О! это не такъ легко. У насъ столоначальники будутъ не то, что въ другихъ министерствахъ; мѣста эти у насъ чрезвычайно подняты; столоначальники будутъ получать до 3 тыс. рублей, кромѣ квартиры». Когда Карнѣевъ говорилъ о 3 тыс. руб. жалованья, Заблоцкій шопотомъ сказалъ мнѣ: «300 рублей прибавилъ». Когда Карнѣевъ сказалъ: «кромѣ квартиры», Заблоцкій замѣтилъ: «которую каждый можетъ нанимать на свой счетъ». Дѣйствительно: оклады содержанія столоначальникамъ предполагалось опредѣлить въ 2700 руб. ассиг., вмѣстѣ съ квартирными; объ отдѣльныхъ же квартирахъ въ нашихъ штатахъ и помину не было. Здѣсь вполнѣ выразилось, съ одной стороны, умѣнье Карнѣева продать товаръ лицомъ, а съ другой—глубокое пониманіе окружающими его замашекъ и пріемовъ.

Всѣхъ подробностей моего участія въ законодательныхъ работахъ V отдѣленія, весьма естественно, я припомнить не могу, но считаю не лишнимъ привести еще одно обстоятельство, важное не по моему участію въ немъ, но по борьбѣ, возникшей между Киселевымъ и Канкринымъ, бывшимъ въ то время министромъ финансовъ. Проводя ту мысль, что каждое разстроенное хозяйственное имѣніе, какимъ онъ считалъ государственныя имущества, требуетъ, для своего исправленія, денежныхъ пожертвованій, Киселевъ, повидимому, въ первоначальныхъ своихъ соображеніяхъ полагалъ возможнымъ сдѣлаться полнымъ распорядителемъ всѣхъ денежныхъ источниковъ, какіе государственныя имущества представляютъ. Когда министръ финансовъ далъ сильнѣйшій отпоръ этому странному предположенію, утверждая, что всѣ государственные доходы

составляютъ принадлежность государственнаго казначейства и что всякій расходъ, за исключеніемъ опредѣленныхъ штатами и положеніями, долженъ находиться въ зависимости отъ министра финансовъ, Киселевъ, какъ бы не довѣряя этому утвержденію, приказалъ изслѣдовать вопросъ этотъ исторически. Трудъ этотъ первоначально возложенъ былъ на Калашникова, но онъ, съ обычною лѣнью и ловкостью, успѣлъ какъ-то перевалить его на меня, такъ что я долженъ былъ совершенно закопаться въ книгахъ Полнаго собранія законовъ, для извлеченія нужныхъ данныхъ. Составленное мною изслѣдованіе Карнѣевъ и другіе признали блестящимъ. Но не въ томъ дѣло. Оно показало, что съ самаго начала нашего законодательства всѣ государственные доходы и расходы были поставлены въ полную зависимость государственнаго казначея, т. е. министра финансовъ. Поэтому, отступивъ отъ первоначальной своей мысли, Киселевъ придумалъ другую комбинацію. Онъ вступилъ съ графомъ Канкринымъ въ слѣдующій оригинальный торгъ. Онъ предлагалъ изъ всѣхъ прошедшихъ годовъ избрать самый лучшій и высшій по поступленію доходовъ съ государственныхъ имуществъ и сумму этого года опредѣлить обязательною нормою для новаго министерства, съ тѣмъ, чтобы все, что будетъ выше, предоставлено было въ полное распоряженіе этого министерства, какъ результатъ его улучшенной администраціи. Онъ говорилъ, что министерство финансовъ, получая самый высшій изъ прежнихъ доходовъ, ничего не потеряетъ, а между тѣмъ министерство государственныхъ имуществъ будетъ имѣть средства для многихъ матеріальныхъ улучшеній въ своемъ вѣдомствѣ.

Разумѣется, и это предложеніе было разбито въ пухъ и прахъ на томъ простомъ основаніи, что вмѣстѣ съ развитіемъ государства не могутъ не развиваться и всѣ отрасли государственнаго быта; что будущее и постепенное возвышеніе доходовъ государственныхъ имуществъ, подобно возвышенію торговли, промышленности и т. п., должно составлять явленіе естественное, а никакъ не непреложное свидѣтельство мудрости новаго министерства. Споръ длился долго, но, по моимъ соображеніямъ, не вслѣдствіе сущности его, а единственно потому, что Киселевъ, избранный государемъ строителемъ новаго зданія, пользовался особеннымъ его благоволеніемъ и под-

держкою, и потому, какую бы странную затѣю ни предпринялъ Киселевъ—ее опасались называть по имени. Я помню, что, передъ самымъ открытіемъ министерства, Киселевъ спросилъ министра финансовъ, не представится ли возможнымъ предоставить для его помѣщенія домъ, занимавшійся тогда департаментомъ государственнаго казначейства (въ Большой Садовой). Принадлежала ли эта мысль государю или Киселеву, я положительно не знаю; но самый вопросъ сдѣланъ былъ несомнѣнно съ Высочайшаго свѣдѣнія. Графъ Канкринъ отвѣчалъ, что этотъ домъ ему самому нуженъ, и между прочимъ упомянулъ какъ-то, что тамъ помѣщается часть недостаточныхъ чиновниковъ. Государь, которому Киселевъ доложилъ эту бумагу, покрылъ ее обширными собственноручными замѣчаніями. Эта резолюція произвела тогда большой шумъ въ Петербургѣ. Точныхъ словъ государя, разумѣется, я не помню, но помню, что главнымъ содержаніемъ ея было сѣтованіе, что какъ онъ несчастенъ, встрѣчая постоянно (?) противодѣйствіе своей волѣ, и что какъ ему непріятно обыкновеніе раздавать квартиры чиновникамъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы графъ Канкринъ могъ предугадать содержаніе этой резолюціи, содержаніе его отзыва, волею-неволею, было бы иное. Такъ точно было и въ другихъ дѣлахъ. Въ глазахъ всѣхъ опытныхъ людей, стремленіе Киселева присвоить себѣ независимое распоряженіе доходами государственныхъ имуществъ не можетъ не казаться страннымъ и даже ребяческимъ, но съ этимъ капризомъ обходились деликатно изъ опасенія грознаго защитника Киселева. Впрочемъ, бѣдный не умомъ, а опытностью, Киселевъ умѣлъ таки достигнуть своей цѣли, имѣть въ своихъ рукахъ деньги, и при установленіи сборовъ съ государственныхъ имуществъ, опредѣленъ былъ особый сборъ на образованіе такъ называемаго хозяйственнаго капитала, который и составилъ дѣйствительно сильное и ни отъ кого независимое средство для всѣхъ хозяйственныхъ улучшеній и операцій....

Я забылъ сказать, что при V отдѣленіи существовала въ то время какая-то межевая коммиссія. Какая была ея задача и что она дѣлала, я не зналъ и не знаю, хотя она помѣщалась не только въ томъ же домѣ, гдѣ было V отдѣленіе, но даже въ смежныхъ, ничемъ не отдѣленныхъ, комнатахъ. Начальникомъ этой коммиссіи

былъ Венцель, тогда полковникъ генеральнаго штаба, впослѣдствіи, разумѣется, губернаторъ одной изъ сибирскихъ губерній, а нынѣ, тоже само собою разумѣется, одинъ изъ сенаторовъ. Вообще, милѣйшій господинъ, Венцель, быть можетъ, былъ и сильный спеціалистъ по своему дѣлу, но по части дѣлопроизводства онъ былъ просто невообразимъ. Надобно сказать, что коммиссія эта подчинялась V отдѣленію, и потому Венцель долженъ былъ писать ему разные рапорты и представленія. Нѣтъ сомнѣнія, что все это заготовлялось кѣмъ-либо изъ дѣловыхъ его подчиненныхъ, а онъ только подписывалъ бумаги съ полнымъ къ нимъ пренебреженіемъ, столь обычнымъ въ военныхъ людяхъ. По его представленіямъ заготовлялись въ V отдѣленіи разрѣшенія, подписывались и запечатывались съ надписью на его имя. Часто случалось, что въ концѣ присутствія онъ переходилъ въ наши комнаты и случайно взглядывалъ на пакеты, на его имя заготовленные, и съ удивленнымъ взоромъ спрашивалъ: «что это такое?» Ему объясняли, что это бумага, ему слѣдующая, и онъ тотчасъ начиналъ смѣяться надъ нелѣпостью бумажнаго порядка, по которому, вмѣсто того, чтобъ прямо отдать ему бумагу, ее запечатываютъ и надписываютъ. Потомъ, онъ бралъ пакетъ, вскрывалъ его и, часто прочитавъ бумагу, тутъ же клалъ ее на столъ и преравнодушно замѣчалъ, что онъ это ужь знаетъ, что Карнѣевъ ему уже объ этомъ говорилъ, что все сдѣлано, и никакой бумаги уже не нужно. Для нашего журналиста иногда было очень трудно сбыть ему бумагу, которую онъ признавалъ ненужною. Иногда случалось такъ, что, получивъ и прочитавъ бумагу у себя въ кабинетѣ и видя, что она начинается «въ слѣдствіе рапорта или представленія вашего отъ такого-то числа», онъ тотчасъ являлся въ V отдѣленіе и просилъ показать ему его представленіе, на которое дѣлается ссылка, чтобъ узнать, о чемъ именно онъ представлялъ... Для насъ, истыхъ чиновниковъ, во всемъ этомъ было много смѣшнаго; но Венцель называлъ это упрощеннымъ дѣлопроизводствомъ, будучи вообще человѣкомъ умнымъ, но только совершенно незнакомымъ съ обычными пріемами дѣлопроизводства...

Въ V отдѣленіи, не столько отъ недостатка рабочихъ, сколько отъ неумѣнія Карнѣева распоряжаться ими, ничто не дѣлалось

тихо, спокойно и постепенно. Напротивъ, или вовсе ничего не дѣлалось, или вдругъ закипала такая спѣшная, напряженная работа, которая рѣшительно всѣхъ съ ногъ сбивала. Такъ точно было и съ представленіемъ на окончательное утвержденіе всѣхъ составленныхъ проектовъ. Пока они исправлялись и дополнялись довольно небрежно и апатически, незамѣтно приблизилось 1-е января 1838 г., т. е. тотъ срокъ, когда все новое должно было возъимѣть свою силу и дѣйствіе. Вдругъ всѣ чины V отдѣленія изъ положенія, довольно спокойнаго, перешли въ состояніе, которое по справедливости можно назвать лихорадочнымъ. Собрали со всего Петербурга самыхъ отличныхъ писцовъ, началась переписка и прочитываніе. Всѣ суетились, какъ очумленные, тѣмъ болѣе, что многіе проводили ночи безъ сна. Но самое главное вниманіе обращено было на особое произведеніе, которое носило наименованіе: «Изложеніе главныхъ основаній преобразованія управленія государственныхъ имуществъ». Трудъ этотъ впослѣдствіи Калашниковъ приписывалъ себѣ, но это было несправедливо. Онъ былъ совершонъ совокупными усиліями Карнѣева и Клокова. Калашникову, какъ литератору, предоставлено было только смотрѣть, чтобъ не вкралось въ него какого-либо неправильнаго оборота и вообще грамматическихъ погрѣшностей. Всѣ были того убѣжденія, что это только «изложеніе» и будетъ предметомъ особаго вниманія какъ Государственнаго Совѣта, такъ и самого государя, и потому обширные томы, въ которыхъ излагались самыя учрежденія, были распредѣлены между второстепенными чиновниками и вообще не пользовались особымъ попеченіемъ, какъ балластъ, котораго читать не будутъ. И дѣйствительно: ни Клоковъ, ни Карнѣевъ, ни Киселевъ и даже никто въ Государственномъ Совѣтѣ не заглянулъ въ эти томы. Заглянулъ въ нихъ, сталъ читать и прочиталъ ихъ самъ государь. Разумѣется, какъ и должно было ожидать, ошибокъ открылось множество; къ числу дѣйствительныхъ ошибокъ государь причислилъ и такія вещи, которыя собственно не были ошибками, но составляли нововведенія въ правописаніи, какъ напр. «вслѣдствіе того» и т. п. государь страшно разсердился и готовился чуть ли не посадить подъ арестъ самого Корфа, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ, но Киселевъ, особымъ докладомъ, принялъ всю

вину на себя, ссылаясь на чрезвычайную быстроту, съ которой изготовлялись всѣ эти работы. Какое объясненіе произошло у Киселева съ бѣднымъ Карнѣевымъ, угадать не трудно...

ГЛАВА IV.

Открытіе новаго министерства государственныхъ имуществъ.—Первые директоры.—Страданія Клокова.—Неожиданное паденіе барона Деллинсгаузена.—Жеребцовъ.—Кеппенъ.—Тарасенко-Отрѣшковъ.—Директоръ канцеляріи Токмачевъ.—Мои несбывшіеся разсчеты.—Княгиня Б—нъ.—Канцелярскій чиновникъ—соперникъ своего министра.—Мое постоянное дежурство при Киселевѣ.—Неудавшаяся хитрость Энегольма.—Новое участіе мое въ дѣлахъ V отдѣленія.—Хрущевъ.

Новое министерство наконецъ образовалось. Директоромъ перваго департамента назначенъ былъ тамбовскій губернаторъ Гамалея, бывшій потомъ товарищемъ министра и наконецъ, когда Киселеву надоѣло уже министерство, забравшій его въ свои руки. Но въ то время, возвратившись въ свою губернію, онъ долго оставался тамъ, и на первыхъ порахъ департаментомъ долженъ былъ управлять вице-директоръ Энегольмъ, о которомъ я также говорилъ, человѣкъ мало-дѣловой, трусливый и трепетавшій предъ Киселевымъ. Во второй департаментъ назначенъ былъ директоромъ Клоковъ, который, въ этомъ назначеніи, обрѣлъ истинное свое несчастіе, никакъ не умѣя угодить Киселеву. Впослѣдствіи, когда я снова поступилъ въ V отдѣленіе, я часто видѣлъ тамъ Клокова, который, по окончаніи своего доклада, любилъ отъ Киселева заходить къ намъ. Онъ открыто проклиналъ Киселева и называлъ его «убійцею» на томъ основаніи, что Киселевъ, какъ у насъ говорили, имѣлъ когда-то дуэль и застрѣлилъ кого-то. Въ третій департаментъ назначенъ былъ директоромъ, уже не знаю по какимъ соображеніямъ, милѣйшій генералъ-адъютантъ баронъ Деллинсгаузенъ, печальная исторія котораго, въ свое время, возбуждала общее сочувствіе. Дѣло въ томъ, что около Пасхи, когда во дворцѣ былъ какой-то сборъ всѣхъ придворныхъ и знатныхъ лицъ, баронъ Деллинсгаузенъ вышелъ изъ дворца и ожидалъ своей кареты. Отысканная карета двинулась было впередъ, но жандармъ

остановилъ ее и требовалъ, чтобъ она вошла въ очередь. Завязался споръ, во время котораго форрейторъ барона Деллинсгаузена ударилъ кнутомъ жандарма. Когда баронъ возвратился домой, полицейскій чиновникъ тотчасъ явился требовать форрейтора. Пылкій баронъ Деллинсгаузенъ завязалъ съ нимъ новый споръ, послѣдствіемъ котораго было весьма рѣзкое письмо его оберъ-полиціймейстеру. Кокошкинъ представилъ это письмо подлинникомъ государю, и когда на Свѣтлый день, въ числѣ другихъ, Деллинсгаузенъ приблизился къ государю христосоваться, грозный Николай отстранилъ его и сказалъ, что съ ослушниками закона онъ христосоваться не желаетъ. Воспріимчивая натура барона Деллинсгаузена была глубоко поражена столь сильнымъ и неожиданнымъ гнѣвомъ государя. Скоро онъ вышелъ въ отставку, сталъ болѣть, уѣхалъ заграницу и умеръ. Здѣсь надо замѣтить, что этотъ третій департаментъ, переименованный потомъ въ департаментъ сельскаго хозяйства, становился, по самому учрежденію своему, на совершенно отдѣльное отъ другихъ положеніе съ характеромъ ученымъ и прогрессивнымъ. Въ то время, когда другіе департаменты должны были идти обычнымъ путемъ всѣхъ другихъ департаментовъ, пишущихъ бумаги и исполняющихъ существующіе законы, третьему департаменту предстояло чистое поле для инціативы всевозможныхъ родовъ. Агрономія, во всѣхъ ея отрасляхъ, кадастръ, ирригація, артезіанскіе колодцы и тому подобныя новыя или неразработанныя у насъ вещи были его задачей. Поэтому всѣ тѣ, которые считались у насъ мыслителями и прожектерами, тотчасъ примкнули къ этому департаменту. Такъ вице-директоромъ поступилъ туда извѣстный Н. А. Жеребцовъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ публицистомъ по крестьянскому вопросу и издателемъ разныхъ французскихъ брошюръ, къ этому вопросу относящихся. Начальникомъ статистическаго отдѣленія, въ то же время, или немного позже, поступилъ туда Заблоцкій, о которомъ я говорилъ. Затѣмъ начальникомъ одного изъ другихъ отдѣленій былъ столь извѣстный академикъ Кеппенъ. Начальникомъ другаго—не менѣе извѣстный Тарасенко-Отрѣшковъ, неутомимый сочинитель и издатель разныхъ экономическихъ брошюръ; личность, столь замѣчательная, что я буду имѣть случай обратиться къ ней не одинъ разъ. Директоромъ

канцеляріи, наконецъ, Киселевъ, ко всеобщему изумленію, назначилъ какого-то нелѣпаго и по наружности и по внутреннимъ его качествамъ старца Токмачева, бывшаго впослѣдствіи тоже сенаторомъ. Это назначеніе было старымъ виномъ, влитымъ въ новые мѣха, или лучше гнилою спицею въ новомъ колесѣ. Бездарный, застарѣлый, тяжелый, онъ имѣлъ видъ стараго секретаря уѣзднаго суда старыхъ временъ и навлекалъ на себя общее презрѣніе и насмѣшки. Онъ когда-то прежде служилъ у Киселева, который и цѣнилъ въ немъ, какъ говорили тогда, большую аккуратность. Я буду имѣть случай разсказать, какова была эта аккуратность. V отдѣленіе хотя исполнило свою задачу, но было оставлено въ полномъ составѣ. Киселеву было полезно, въ лицѣ Карнѣева, удержать при себѣ, на первыхъ порахъ, столь славнаго въ чиновномъ мірѣ джигита, къ которому онъ такъ привыкъ и который, по мановенію его, могъ дѣлать чудеса своего рода. И дѣйствительно: большая часть департаментскихъ докладовъ государю, проектовъ, представленій въ Государственный Совѣтъ, комитетъ министровъ и т. п. обдѣлывались изящнымъ перомъ Карнѣева, въ чемъ, главнѣйше, и сосредоточивалась дѣятельность V отдѣленія. Въ то же время Петербургская губернія, по-прежнему, оставлена въ его завѣдываніи.

Для того, кто будетъ читать мой нескладный разсказъ, здѣсь именно представится вопросъ: какими же благостынями воспользовался при образованіи новаго министерства я самъ, примкнувшій къ нему съ такими блестящими надеждами, принимавшій въ немъ такое дѣятельное участіе? Увы!—рѣшительно никакими! Репутація моя оставалась въ всей своей чистотѣ и славѣ. Ничего вреднаго для меня не случилось, и всѣ мои товарищи съ участіемъ ожидали, что́ произойдетъ со мною, въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что произойдетъ что-нибудь великолѣпное. Не тутъ-то было. Я остался совершенно тѣмъ, чѣмъ и пришелъ въ V отдѣленіе. Нѣкоторые изъ вновь назначаемыхъ директоровъ, преимущественно Клоковъ, такъ хорошо знавшій меня и по старому департаменту, и по V отдѣленію, дѣлали мнѣ лестныя предложенія, но ни одно изъ нихъ не могло осуществиться, вслѣдствіе той же неопытности Киселева, связанной съ неумѣстнымъ упорствомъ. Началь-

ники отдѣленій, разумѣется, положены были въ VI классѣ и, по убѣжденію Киселева, должны быть замѣщены полковниками, или равными гражданскими чинами, а я былъ только титулярный совѣтникъ. Киселевъ, какъ говорили Карнѣевъ и Клоковъ, самъ жалѣлъ, что не могъ повысить меня, но никакъ не хотѣлъ отступить отъ закона и требовалъ, чтобы я прежде выслужилъ штабъ-офицерскій чинъ. Дѣлать было нечего. Я долженъ былъ бросить мечты, связанныя съ моментомъ учрежденія новаго министерства, и перенести ихъ вообще на будущее; но мнѣ не хотѣлось уже поступать въ который-либо департаментъ. Во всѣхъ министерствахъ служба въ канцеляріи министра считалась всегда виднѣе и эффектнѣе службы въ департаментахъ, и я поступилъ въ канцелярію министра государственныхъ имуществъ, какъ ни тяжело мнѣ было, послѣ блестящихъ отношеній съ истинно-даровитыми людьми, поступить въ команду тупоголоваго Токмачева. Въ то время канцелярія состояла изъ двухъ отдѣленій. Одно должно было завѣдывать дѣлами по совѣту министра, куда должны были поступать наиболѣе важные вопросы изъ департаментовъ, а другое называлось распорядительнымъ и занималось опредѣленіемъ, формулярами, приказами и тому подобными предметами. Очевидно, что первое изъ этихъ отдѣленій представлялось наиболѣе солиднымъ и капитальнымъ по своему назначенію и потому отдано было старому моему начальнику Шелехову, который, во время существованія временнаго совѣта, хотя и не могъ уже исправить своей сомнительной репутаціи, но сдѣлался извѣстнымъ, какъ человѣкъ дѣловой и чрезвычайно опытный. Я поступилъ въ это отдѣленіе. Другимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Холодовскій, взятый передъ тѣмъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ въ высшей степени порядочный, хотя крайне бѣдный способностями и отличавшійся, по примѣру Токмачева, единственно страшною копотливостью и большою аккуратностью. Въ этомъ отдѣленіи я много разъ, по разнымъ случаямъ, управлялъ столами, сохраняя и настоящую свою должность. Говорю это совсѣмъ не для того, чтобъ выставить свою дѣятельность (потому что во всей канцеляріи, на первыхъ порахъ, дѣла было очень мало), но чтобъ показать, что меня всюду, такъ сказать, пихали, такъ какъ въ новомъ составѣ я

былъ самый наметанный, самый знакомый съ новыми порядками человѣкъ. Все время, которое я провелъ въ канцеляріи, было самымъ безцвѣтнымъ временемъ моей службы. Токмачевъ умѣлъ наполнять свое время, лично распечатывая всѣ поступающія въ министерство бумаги и читая каждую сначала до конца. Что дѣлали Шелеховъ и Холодовскій, я не знаю, но мы положительно ничего не дѣлали и отъ праздности сдѣлались рѣшительно школьниками. Нѣтъ шалости, которой бы мы не выдумывали и не исполняли. Собирались мы чрезвычайно поздно и прежде всего разспрашивали о разныхъ курьезахъ нашего директора, въ которыхъ никогда не было недостатка. Насъ болѣе всего забавляла столь обольстившая Киселева аккуратность Токмачева. Я не знаю, существуетъ ли въ другихъ министерствахъ обычай, чтобъ самъ директоръ канцеляріи распечатывалъ всѣ безъ исключенія бумаги, поступающія въ министерство. Впослѣдствіи я самъ былъ директоромъ и считалъ постыднымъ заниматься этою чисто матеріальною работою: пакеты вскрывались при мнѣ чиновникомъ. Такъ было и у Лаубе, когда онъ былъ директоромъ почтоваго департамента, въ которомъ я нѣкогда служилъ. Но для Токмачева это было главнымъ и, кажется, любимымъ занятіемъ. Вскрывъ пакетъ, онъ прежде всего повѣрялъ нумеръ, выставленный на пакетѣ съ нумеромъ, выставленнымъ на бумагѣ, и если видѣлъ какое-нибудь различіе, тотчасъ гналъ чиновника въ то мѣсто, откуда пришла бумага, за справками и разъясненіями. Если случалось, что вскорѣ послѣ новаго года попадались бумаги съ полновѣсными нумерами, онъ посылалъ справляться, нѣтъ ли тутъ ошибки, ибо, по его мнѣнію, съ 1-го января не могло быть выпущено столько нумеровъ. Онъ во всемъ сомнѣвался и при малѣйшемъ сомнѣніи посылалъ за справками. Читая поступившія бумаги, онъ исправлялъ въ нихъ карандашомъ всѣ описки, какъ будто онъ за нихъ отвѣчалъ и испещрялъ ихъ различными замѣтками чисто внѣшняго содержанія. Эта тупая мнительность и недовѣрчивость, однажды, впрочемъ, была весьма кстати, хотя проявилась въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которомъ рѣшительно одинъ Токмачевъ могъ усомниться и потребовать справокъ. Извѣстенъ обычай, по которому бѣднымъ чиновникамъ всегда дѣлаются пособія по случаю свадьбы, крестинъ, смерти и другихъ

экстренныхъ происшествій въ ихъ частной жизни. Одинъ изъ нашихъ мелкихъ чиновниковъ представилъ записку, въ которой просилъ пособія на погребеніе умершаго отца. По своему обычаю, Токмачевъ велѣлъ предварительно справиться, дѣйствительно ли у него есть отецъ и дѣйствительно ли онъ умеръ? Всѣ были изумлены, когда оказалось, что у этого господина отецъ дѣйствительно есть, но что умирать и не думалъ, а напротивъ здравъ и невредимъ! Холодовскій, только въ другой формѣ, но былъ совершенно подъ стать Токмачеву и точно также мучилъ своихъ сотрудниковъ безпрерывными недоумѣніями и справками. Разъ, — это было при мнѣ, — онъ спрашиваетъ чиновника, съ которымъ онъ работалъ, «который часъ?» Вынувъ свои часы, чиновникъ отвѣчалъ: «четверть пятаго». Тогда Холодовскій вынимаетъ свои часы и, взглянувъ на нихъ, съ удивленіемъ говоритъ: «а у меня только четыре! Отчего это?» Чиновникъ прехладнокровно говоритъ: «вѣроятно оттого, что или мои часы впереди, или ваши назади». Холодовскій совершенно удовлетворился этимъ отвѣтомъ и, положивъ часы въ карманъ, продолжалъ свою работу.

Послѣ разспросовъ и разсказовъ о директорѣ, мы принимались за шалости. Одною изъ нихъ было переглядываться съ княгинею Б—ъ, которая жила въ частномъ домѣ, противъ канцеляріи, и слыла фавориткою Киселева. Не знаю, какое удовольствіе находила княгиня въ нашихъ мимическихъ атакахъ, но что онѣ нравились ей или забавляли ее, — это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Она или безпрестанно перебѣгала въ виду нашемъ по комнатамъ, противуположнымъ нашимъ комнатамъ, или садилась у котораго-нибудь окна и бросала на насъ самые ласковые взоры. У женщинъ, привыкшихъ къ кокетству и особенно у женщинъ немолодыхъ, бываютъ странные и необъяснимые капризы. Какъ бы то ни было, но нашимъ милымъ и вполнѣ невиннымъ отношеніямъ къ княгинѣ былъ скоро и неожиданно положенъ конецъ самимъ Киселевымъ. Случилось это такимъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ и незначительныхъ чиновниковъ былъ дежурнымъ и, по обыкновенію, оставался въ канцеляріи и послѣ обѣда, когда никого изъ другихъ чиновниковъ тамъ не было. Это время онъ нашелъ самымъ лучшимъ и удобнымъ для своихъ демонстрацій съ княгинею, ибо въ

другое время, въ теченіе утра, онъ совершенно затушевывался другими, болѣе комильфотными, господами. Былъ прекрасный лѣтній день. Послѣ предварительныхъ мимическихъ перестрѣлокъ, чиновникъ беретъ листъ бумаги и огромными буквами выводитъ на немъ «я васъ люблю» подобно тому, какъ пишутъ: «сія квартира отдается», и приставляетъ листъ къ стекламъ окна. Княгиня не смутилась ни этою смѣлостію, ни этимъ чистосердечіемъ. Она беретъ сама листъ и точно также пишетъ на немъ «не вѣрю». Чиновникъ тѣмъ же порядкомъ отвѣчаетъ «клянусь небомъ». Но небо разгнѣвалось на него. Въ тотъ моментъ, когда чиновникъ опять приставилъ свой листъ къ стекламъ, въ противоположномъ окнѣ явилась во всей цѣлости фигура Киселева и погрозила нашему Донъ-Жуану указательнымъ перстомъ. Разумѣется, чиновникъ обомлѣлъ и скрылся въ заднихъ комнатахъ. Происшествіе это тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, и всѣ ждали: что будетъ? На другой, или на третій день Станкоръ, нѣкогда адъютантъ Киселева, а въ то время, о которомъ говорю, казначей и экзекуторъ канцеляріи, объявилъ приказаніе Киселева, чтобъ чиновники вели себя скромнѣе.

Такъ тянулось это безцвѣтное время. Впрочемъ, въ началѣ учрежденія министерства, у меня была одна исключительная обязанность, въ нѣкоторой степени льстившая моему самолюбію. Я былъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени постояннымъ и безсмѣннымъ дежурнымъ у Киселева, пока постепенно образовался сонмъ чиновниковъ порученій, секретарей и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ министра. Сначала обязанность эта нравилась мнѣ, составляя особую печать отличія и доставляя мнѣ возможность видѣть многія интересныя личности. Кромѣ того никто изъ смертныхъ, по общечеловѣческой слабости, не прочь поболтаться на глазахъ у большаго человѣка, а этого наслажденія у меня такъ было много, что оно наконецъ потеряло для меня и цѣну. Киселевъ постоянно былъ любезенъ со мною; случались иногда недоумѣнія, но онъ всегда былъ снисходителенъ. Только разъ или два, сколько помню, онъ выразилъ свое неудовольствіе. Одинъ изъ этихъ случаевъ былъ слѣдующаго содержанія. Однажды, въ день, назначенный для доклада перваго департамента, Киселевъ, выйдя въ свой большой кабинетъ, потребовалъ меня и спросилъ: «здѣсь ли Эне-

гольмъ?» Энегольмъ, какъ я говорилъ уже, управлялъ сначала первымъ департаментомъ до пріѣзда Гамалеи и былъ человѣкъ трусливаго десятка. Я отвѣчалъ, что нѣтъ еще. Чрезъ нѣсколько минутъ Киселевъ снова звонитъ и опять спрашиваетъ Энегольма. Я повторяю свой отвѣтъ. Вскорѣ послѣ этого втораго вопроса пріѣзжаетъ Энегольмъ съ своими докладами. Когда я объявилъ ему, что Киселевъ спрашивалъ его два раза, Энегольмъ сильно поблѣднѣлъ и, когда я бросился докладывать, онъ упросилъ меня обождать, пока Киселевъ снова спроситъ, и тогда сказать, что онъ, Энегольмъ, здѣсь. Не знаю почему, но этому нѣмецкому человѣку казалось, что такъ будетъ лучше и что вина его, въ глазахъ Киселева, значительно облегчится. И дѣйствительно, скоро раздался сильный звонъ колокольчика, знаменующій бурю. Когда я вбѣжалъ въ кабинетъ, Киселевъ, уже суровый, спросилъ: «здѣсь Энегольмъ?» Едва я сказалъ: «здѣсь», Киселевъ топнулъ ногою и громко вскричалъ: «что жъ ты не докладываешь?» Я бросился назадъ, чтобъ пригласить несчастнаго Энегольма, и, вводя его въ кабинетъ, сказалъ Киселеву: «я не докладывалъ потому, что такъ желалъ его пр-во» и съ этими словами вышелъ. Притворяя дверь кабинета, я слышалъ начало грозной рѣчи, обращенной къ Энегольму. Въ другой разъ дѣло было такъ: Киселевъ приказалъ мнѣ не принимать рѣшительно никого. Подобное приказаніе исполнялось потомъ всѣми дежурными самымъ непреклоннымъ образомъ. Едва я получилъ это приказаніе, входитъ Жуковскій, котораго дотолѣ я никогда не видалъ. Исполненный благоговѣнія къ его имени (лишь только было оно произнесено), я опрометью бросился въ кабинетъ въ какомъ-то смутномъ убѣжденіи, что предъ знаменитымъ поэтомъ всевозможные министры должны быть почтительны. Когда я доложилъ о Жуковскомъ, Киселевъ молчаливо погрозилъ мнѣ пальцемъ и велѣлъ просить его. Въ числѣ посѣтителей были, впрочемъ, и такіе, которые мало обращали вниманія на дежурнаго и прямо ломились въ кабинетъ. Изъ нихъ особенно безцеремонны были князь Орловъ, тогда еще графъ, князь Меншиковъ, графъ Левашевъ, которые, посѣщая Киселева почти ежедневно, казались задушевными его пріятелями.

Но дежурить и вообще дѣйствовать на подобномъ поприщѣ не было моимъ назначеніемъ, и когда накопилось достаточно другихъ

личностей подъ видомъ чиновниковъ порученій,—я незамѣтно уклонился отъ дежурства и сталъ искать серьезныхъ занятій. Когда я не нашелъ ихъ въ канцеляріи, я сильно сталъ жаловаться на бездѣятельность, и жалобы эти сдѣлались извѣстны Карнѣеву. Однажды, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Я слышалъ, что вы скучаете безъ дѣла. Не хотите ли опять мнѣ помочь? Я былъ бы очень благодаренъ, если бы вы взяли на себя дѣла С.-Петербургской губерніи, по правдѣ сказать, сильно у насъ запущенныя». Я согласился; сдѣланъ былъ докладъ Киселеву, и я снова сталъ работать въ V отдѣленіи, сохраняя свое мѣсто и обязанности по канцеляріи.

Подъ видомъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи мнѣ указали просто уголъ, заваленный бумагами, въ самомъ хаотическомъ видѣ. Дѣла эти мало уже интересовали лично Киселева, и потому на нихъ во всемъ блескѣ отразилось равнодушіе и безпечность Карнѣева. И потомъ, когда я разобралъ и привелъ въ порядокъ эти дѣла, мнѣ приходилось постоянно бороться съ этимъ свойствомъ Карнѣева. Безъ моихъ напоминаній и настояній у него наклоплялись громады представленныхъ мною бумагъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ остававшихся неподписанными. Злобный и желчный Баллинъ, управлявшій въ то время С.-Петербургскою палатою и впослѣдствіи бывшій директоромъ капитула орденовъ, тоже ничего не могъ сдѣлать, хотя почти ежедневно являлся въ V отдѣленіе и послѣ безплодныхъ объясненій съ Карнѣевымъ утѣшалъ себя тѣмъ только, что переходилъ въ наши комнаты и проклиналъ его апатію. Также часто являлся туда въ то время начинавшій службу свою въ Петербугской палатѣ Хрущевъ, и тутъ впервые образовалось наше знакомство, превратившееся потомъ въ тѣсную дружбу. Случалось, напр., что во время набора представлялся какой-нибудь вопросъ относительно какихъ-нибудь двойниковъ и тройниковъ, подлежащихъ очереди. Несмотря на то, что вопросъ подлежалъ разрѣшенію именно во время самаго набора, несмотря на постоянныя просьбы и напоминанія Баллина, вопросъ этотъ такъ и оставался неразрѣшеннымъ до конца набора, и тогда Карнѣевъ разрѣшалъ увѣдомить палату, что такъ какъ наборъ конченъ, то и возникшій вопросъ не требуетъ уже разрѣшенія. Вообще, онъ часто говорилъ, что многіе вопросы разрѣшаются

временемъ, и дѣйствительно, судя по его лѣни, можно было думать, что время онъ считалъ лучшимъ и надежнымъ своимъ сотрудникомъ.

На долгомъ пути своей служебной дѣятельности я встрѣчалъ не разъ подобныя натуры. При всей ихъ талантливости, онѣ не имѣли успѣховъ, а иногда совсѣмъ затирались, именно вслѣдствіе своей безпечности. Напротивъ, я зналъ и знаю много людей, несравненно менѣе способныхъ, которые выдвигались собственно потому, что были точны и отчетливы и съ яростью бросались на дѣло, которое къ нимъ подходило. Не мнѣ судить о моихъ способностяхъ, но по натурѣ я всегда принадлежалъ къ послѣднему разряду. Я не могъ быть покоенъ и не могъ спать, пока за мною стояло какое-нибудь дѣло. Я всѣми силами старался одолѣть и сбыть его, и отъ этого образовалась у меня репутація дѣятельнаго и быстраго дѣловаго человѣка. Впослѣдствіи, когда иныя обстоятельства поставили меня въ соотношенія съ Краевскимъ и мы должны были вмѣстѣ и много работать, онъ назвалъ это свойство высшимъ выраженіемъ лѣни, стремящейся отбиться отъ всякаго дѣла, и въ этомъ оригинальномъ объясненіи я не могъ не признавать значительной доли истины... Если вообще Краевскій былъ не отличный человѣкъ, то во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкъ умный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1841 — 1854).

ГЛАВА I.

Приготовленіе къ учебному заведенію.—Первая неудача.—Казанскій пожаръ.—Поступленіе въ 2-ю Казанскую гимназію.—Жизнь у Блосфельда.—Переходъ въ 1-ю гимназію.—Учителя.

Въ началѣ великаго поста 1840 г. отецъ мой объявилъ, что 1-го августа того же года везетъ меня и сестру мою Наталью въ Казань, съ цѣлью опредѣлить меня въ одну изъ казанскихъ гимназій, а сестру въ Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Казани. Все время, съ начала великаго поста до Пасхи и послѣ нея, до конца іюля, было посвящено устнымъ занятіямъ для приготовленія къ экзамену. Меня и сестру подготовляли для поступленія въ учебныя заведенія, по закону Божію и ариѳметикѣ—священникъ отецъ Михаилъ (фамиліи не упомню), по чистописанію и русскому языку—подчиненный отца, лѣкарскій ученикъ Мурашкинъ. Во время этихъ занятій я страдалъ сильными головными болями, которыя объяснялись тогда моею лѣностію и притворствомъ, но, въ сущности, какъ оказалось впослѣдствіи, зависѣли отъ малокровія, вслѣдствіе перенесеннаго мною въ концѣ 1840 года брюшнаго тифа. Это впослѣдствіи разъяснилъ мой отецъ, который, будучи врачемъ, легко

пришелъ къ такому заключенію, избавившему меня отъ несправедливыхъ нареканій моихъ первоначальныхъ учителей.

Въ концѣ іюля 1840 г., напутствуемые благословеніями матери, я и сестра моя отправились съ отцомъ въ Казань. Помню, что мы ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ, 150 верстъ до г. Екатеринбурга и 939½ верстъ отъ Екатеринбурга до Казани, цѣлую недѣлю, считая однодневцую остановку въ Екатеринбургѣ, гдѣ отецъ мой, служившій тогда врачемъ на Кыштымскихъ Зотова и наслѣдниковъ Расторгуевыхъ заводахъ, долженъ былъ представиться главному начальнику Уральскихъ горныхъ заводовъ и медицинскому инспектору.

Главнымъ начальникомъ Уральскихъ заводовъ въ то время былъ генералъ-лейтенантъ Владиміръ Андреевичъ Глинка, а медицинскимъ инспекторомъ Маркъ Андреевичъ Вульфъ.

Оставивъ сестру у знакомыхъ, отецъ взялъ меня съ собою къ генералу Глинкѣ и при представленіи заявилъ ему, что везетъ меня и сестру въ Казань для опредѣленія въ учебныя заведенія. Владиміръ Андреевичъ Глинка потрепалъ меня по плечу и спросилъ: «кѣмъ желаю я быть». Я молчалъ и смотрѣлъ на него исподлобья. «Что же ты молчишь»?—сказалъ опять генералъ. Я упорно молчалъ. Отецъ поправилъ мнѣ голову и приказалъ смотрѣть прямо и отвѣчать на вопросы генерала. Оба они смотрѣли на меня и ожидали отвѣта, но отвѣта не послѣдовало. Тогда они заговорили о чемъ-то и отошли отъ меня, направляясь въ другую комнату, а я продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ и въ той же позѣ. Спустя добрыхъ полчаса оба они вышли изъ боковой комнаты. Генералъ держалъ яблоко въ рукѣ и, приблизясь ко мнѣ, вручилъ мнѣ это яблоко, промолвивъ: «скушай яблочко и развеселись». Но я молчалъ по-прежнему и не прикасался къ яблоку, съ тѣмъ чтобы его съѣсть. «Какой же ты упрямецъ», сказалъ генералъ. Затѣмъ отецъ, сверкая на меня недовольными очами, началъ прощаться съ генераломъ, понуждая меня къ тому же; но я молчалъ и не двигался съ мѣста. Отецъ взялъ меня за руку и повелъ внизъ, по лѣстницѣ. Когда мы сходили внизъ, онъ сказалъ мнѣ: «какой же ты увалень! Развѣ можно быть такимъ упрямцемъ? Очень сожалѣю, что взялъ тебя съ собою. Вотъ, теперь мы поѣдемъ къ Марку Андреевичу, и если ты будешь держать себя такъ же, то будетъ дурно». Затѣмъ, мы по-

ѣхали къ Вульфу. Вульфъ, будучи медицинскимъ инспекторомъ, довольно часто бывалъ у насъ въ Кыштымѣ, гдѣ мой отецъ служилъ заводскимъ врачемъ. Всѣ мы очень любили его и всегда ему говорили: «Маркъ Андреевичъ sprechen sie Deutsch!» А онъ намъ отвѣчалъ «Лучше какъ по-русски; а вы — большой шалуны». Поэтому у Вульфа я держалъ себя совершенно развязно. Маркъ Андреевичъ также спросилъ меня: «кѣмъ хочу я быть». Я отвѣтилъ ему прямо: «я не знаю кѣмъ я буду». «Резонъ», сказалъ онъ и продолжалъ: «онъ правда говоритъ; нельзя сказать, что онъ будетъ... можетъ быть докторомъ, а можетъ быть и офицеромъ». Затѣмъ, онъ взялъ меня за руку, и всѣ мы вошли въ столовую, гдѣ принялись за завтракъ. Пробывъ около часу у Вульфа, мы вышли отъ него и, заѣхавъ за сестрой, оставленной у знакомыхъ, направились въ гостиницу, уложили вещи и въ тотъ же день выѣхали изъ Екатеринбурга въ Казань. Въ дорогѣ не случилось ничего особеннаго. Всю послѣднюю станцію, отъ Собакина до Казани, мы съ сестрой ѣхали съ большимъ нетерпѣніемъ, сгорая желаніемъ поскорѣе увидѣть Казань, которая представлялась намъ, по разсказамъ, какимъ-то очаровательнымъ и знаменитымъ городомъ. Наконецъ мы въѣхали въ Казань черезъ Подлужную слободу, къ мѣсту остановки, на Проломную улицу, въ гостиницу Жарова. Мы были разочарованы: городъ показался намъ не лучше Екатеринбурга, и дѣйствительно, въ то время Казань была довольно грязнымъ и вовсе не привлекательнымъ городомъ. У отца былъ въ Казани старый знакомый, нѣкто Ворожцовъ. Онъ служилъ когда-то въ Екатеринбургѣ полицiймейстеромъ, а теперь былъ въ отставкѣ и жилъ въ особенномъ домѣ, на горѣ, въ Старой Горшечной улицѣ. Оставивъ меня и сестру въ гостиницѣ, подъ присмотромъ мѣстной прислуги, отецъ отправился къ Ворожцову, а отъ него въ первую Казанскую гимназію. Здѣсь онъ узналъ, что опредѣлить меня въ первую Казанскую гимназію на казенный счетъ не удастся. Побывавъ въ Родіоновскомъ институтѣ, отецъ узналъ, что и сестру придется отдать въ институтъ на собственный счетъ, пансіонеркой. Любя насъ, отецъ хотѣлъ устроить дѣтей какъ можно лучше и по совѣту Ворожцова рѣшился опредѣлить меня во 2-ю Казанскую гимназію своекоштнымъ, оставивъ на жительствѣ у кого-либо изъ принадлежащихъ

къ учебному персоналу. Не зная никого въ Казани, отецъ, проходя по Новой Горшечной улицѣ, увидѣлъ надпись: «профессоръ докторъ Блосфельдъ». Не долго думая, онъ зашелъ къ Блосфельду. Какъ все шло, что дѣлалось и что говорилось, не знаю; но результатъ былъ тотъ, что на другой же день отецъ свезъ меня во 2-ю гимназію, помѣщающуюся за Булакомъ, гдѣ меня проэкзаменовали и приняли въ 1-й классъ приходящимъ ученикомъ. Дѣйствительно, я былъ плохо подготовленъ: умѣлъ только писать кое-какъ, зналъ нѣсколько молитвъ и исторій изъ ветхаго завѣта, да умѣлъ еще дѣлать сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ. Послѣ экзамена отецъ объявилъ мнѣ, что я буду жить у Блосфельда, а сестру опредѣлилъ пансіонеркою въ Родіоновскій институтъ.

Едва только отецъ возвратился изъ института, гдѣ опредѣлилъ и оставилъ сестру мою, какъ вдругъ началась сильная буря, погода измѣнилась, вѣтеръ сдѣлался сильнымъ и порывистымъ, и мы вскорѣ были поражены звуками набатнаго колокола. Выйдя на улицу съ отцомъ, мы узнали, что пожаръ очень сильный, что одинъ домъ загорается за другимъ, что вѣтеръ перебрасываетъ искры, цѣлыя головни на большое разстояніе, что отъ этого загораются дома одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ.

Дѣйствительно, свирѣпствовавшая въ этотъ день буря была до того сильна и продолжительна, что горящія головни легко перелетали на огромныя разстоянія, такъ что вскорѣ загорѣлась Забулачная сторона города, отдѣленная большой и широкой канавой, въ которой протекаетъ тинная рѣчка Булакъ. Разстояніе это будетъ не менѣе 15—17 саж. Пожаръ принялъ столь серьезные размѣры, что къ вечеру пылалъ весь городъ. Устрашенные и обезумѣвшіе жители метались въ испугѣ и спасали свои пожитки, всюду слышенъ былъ плачъ и стонъ, въ церквахъ звонили въ колокола, надъ городомъ всюду взвивались огненные языки, улицы были полны густымъ дымомъ, отъ котораго трудно было дышать и щипало глаза. Гостиница, въ которой мы остановились на Проломной улицѣ, также была угрожаема пожаромъ, а потому отецъ рѣшился оставить ее и мы перебрались къ Ворожцову, въ Старую Горшечную улицу; но и домъ Ворожцова находился въ большой опасности. Нельзя было рисковать оставаться тутъ. Наступила ночь, которая была тѣмъ

страшнѣе, что буря не унималась, вѣтеръ бушевалъ съ страшною силою, надъ всѣмъ городомъ стояли тучи ѣдкаго дыма, и громадное зарево освѣтило пылающую Казань. Съ наступленіемъ этой страшной ночи жители стали перебираться на Арское поле, лежащее между городомъ и военнымъ госпиталемъ и представляющее громадную площадь. Мы съ отцомъ, имѣя свой тарантасъ, приказали его запречь и выѣхали также на Арское поле. Арское поле походило на какую-то лагерную стоянку. Все поле было заставлено экипажами, мебелью, пожитками и вещами казанскихъ жителей, всюду были слышны стоны, вздохи, плачъ и отчаяніе. Никто не ложился спать въ эту страшную ночь; многіе, стоя на колѣняхъ, призывали на помощь святыхъ угодниковъ и просили ихъ заступничества предъ Богомъ. Все Арское поле было освѣщено огромнымъ заревомъ, изъ города доносились крики и глухіе стоны жителей, багровый дымъ взвивался огромными клубами, дома продолжали загораться одинъ за другимъ, пожарныя команды были малочисленны, бездѣйствовали отъ недостатка воды и отъ изнуренія. Буря свирѣпствовала всю ночь, и горѣвшіе дома были предоставлены разрушительному дѣйствію пламени. Къ утру вѣтеръ и буря стали стихать. Пожаръ города длился отъ 2—3 дней, и онъ выгорѣлъ почти весь. Только къ утру мы, истомленные и измученные, заснули въ своемъ тарантасѣ, но спали не долго. Вслѣдствіе перемѣны въ направленіи вѣтра, дымъ относился къ Арскому полю, воздухъ наполнился гарью, стало щипать глаза, и сонъ сдѣлался невозможнымъ. Около полудня, оставивъ тарантасъ подъ надзоромъ надежнаго человѣка, мы съ отцомъ рискнули отправиться къ Ворожцову, чтобы узнать, уцѣлѣлъ его домъ отъ пожара, или сгорѣлъ. Мы съ трудомъ пробрались въ Старую Горшечную улицу и нашли домъ Ворожцова уцѣлѣвшимъ [1]), а такъ какъ уже не представлялось опасности, что домъ этотъ загорится, то къ вечеру мы ходили по городу, опустошенному пожаромъ. Послѣдній истребилъ почти весь городъ. Сгорѣли до тла: улицы Воскресенская, Проломная, Грузинская, Забулачная сторона, Мокрая слобода, Старая и Новая Горшечныя улицы, Рыбная и множество

[1]) Домъ этотъ и теперь еще существуетъ и находится въ томъ же самомъ видѣ и принадлежитъ доктору Николаи.

другихъ. На Воскресенской улицѣ сгорѣли до тла семинарія и множество частныхъ домовъ, гостиный дворъ. Уцѣлѣли зданіе городской думы и университетъ. На Грузинской—уцѣлѣла 1-я Казанская гимназія и нѣсколько частныхъ домовъ. За Булакомъ пожаръ пощадилъ зданіе 2-й гимназіи. Уцѣлѣли также въ Кремлѣ присутственныя мѣста и школа кантонистовъ. Это объясняется тѣмъ, что когда пожаръ началъ свирѣпствовать съ ужасающей силою, то по недостатку пожарной команды, инструментовъ и воды для тушенія огня, ограничились по необходимости спасеніемъ казенныхъ зданій. Пожаръ былъ столь силенъ, что по Воскресенской улицѣ сгорѣла даже мостовая, которая тогда была деревянная (торцовая). Городъ послѣ пожара, длившагося около трехъ сутокъ, представлялъ груду пепла и развалинъ, въ которыхъ еще былъ виденъ огонь и дымъ. Многія церкви, каковы: Воскресенская, Грузинская и нѣкоторыя другія также сдѣлались жертвами пламени. Вообще, городъ послѣ пожара представлялъ грустный видъ: какъ будто бы онъ былъ осаждаемъ непріятелемъ, подвергся бомбардировкѣ и изъ цвѣтущаго торговлею и жизнію пункта превратился въ груду развалинъ.

Мы очень боялись, что сгорятъ гимназіи и что придется ѣхать обратно ни съ чѣмъ, но, благодареніе Богу, этого не случилось.

Вскорѣ отецъ свезъ меня къ Блосфельду, съѣздилъ въ институтъ навѣстить сестру, простился съ нами и уѣхалъ на Уралъ.

Очень грустно было мнѣ впервые покинуть родительскій домъ, очутиться въ незнакомой семьѣ, гдѣ я не слышалъ даже роднаго языка. Вся семья Блосфельда, онъ самъ и жена его говорили всегда по-нѣмецки, а нѣмецкій языкъ былъ вовсе мнѣ незнакомъ.

Мнѣ сшили гимназическое платье, шинель на ватѣ и фланели, и приказали ежедневно въ 8 часовъ утра отправляться во 2-ю гимназію.

Вставалъ я въ 7 часовъ утра, наскоро умывался, выпивалъ стаканъ молока, облекался въ гимназическій костюмъ и отправлялся пѣшкомъ въ гимназію. Путь былъ не близкій: нужно было пройти половину бывшей Новогоршечной улицы, спуститься съ огромной горы, ведущей на Рыбную площадь и улицу, пройти всю эту улицу до Булака и выдти на Булакъ, гдѣ помѣщалась 2-я гимназія.

Лѣтомъ и зимой это хожденіе въ гимназію и обратно было еще

сносно, но осенью и весною, когда съ Новогоршечной горы катились цѣлые потоки грязи и воды, да и Рыбная улица, будучи немощеной, представляла изъ себя сплошную по колѣна грязь, означенное путешествіе въ гимназію и обратно было въ высшей степени мучительнымъ.

Осенью и весною ноги у меня всегда были промочены и высыхали въ гимназіи, а на обратномъ пути я опять ихъ промачивалъ, и онѣ у меня высыхали дома. Все это крайне меня утомляло, наводило сонливость и лѣнь, мѣшавшія успѣшнымъ занятіямъ. Когда я возвращался домой, въ грязи и мокрый до колѣнъ и когда всѣ садились за обѣдъ, надо мной вся семья профессора смѣялась, издѣвалась, говоря различныя остроты на мой счетъ, на незнакомомъ мнѣ нѣмецкомъ языкѣ, и я считалъ себя отверженнымъ и брошеннымъ на посмѣяніе въ эту чуждую семью, гдѣ никто и никогда не изъявилъ ко мнѣ ни малѣйшаго сострадания и участія. Кормили плохо: нѣмецкіе—кислые, сладкіе, молочные, тыквенные, дынные и пивные супы не лѣзли мнѣ въ ротъ. На жаркое чаще всего давали зайца, который тогда былъ очень дешевъ въ Казани (кажется отъ 5 — 3 копѣекъ цѣлый заяцъ) и котораго я не могъ взять въ ротъ, потому что прежде никогда не ѣлъ его и чувствовалъ къ нему какое-то непонятное отвращеніе. Самъ профессоръ увѣрялъ меня, что заяцъ очень вкусное жаркое, что король прусскій не ѣстъ другаго жаркаго, что если я не буду ѣсть зайца, то умру и что мнѣ инаго жаренаго не дадутъ. Все это довело меня почти до отчаянія: умышленно, или чтобы пріучить меня къ зайцу, стали подавать его каждый день. Я, при видѣ этого кушанья, плакалъ, но это возбуждало смѣхъ всей семьи, и меня начинали передразнивать. Самъ профессоръ заявилъ мнѣ, что двѣ недѣли подъ-рядъ я не получу другаго кушанья, какъ зайца, и онъ сдержалъ слово: каждый день предо мною ставили порцію зайца, а сами ѣли другое кушанье. Послѣ обѣда и вечеромъ я голодалъ, принимался за уроки и не имѣлъ никакой охоты къ занятіямъ: голодъ мѣшалъ мнѣ учить уроки, и я получалъ ежедневно дурныя отмѣтки. Часто я просилъ чернаго хлѣба и воды съ солью, но мнѣ его не давали. Блосфельдъ постоянно мнѣ твердилъ: «satur venter non studet libenter» (сытое брюхо къ ученію глухо). Въ эти кри-

тическія минуты я нашелъ утѣшеніе со стороны одного существа въ домѣ: это была кухарка Матрена. Она, сожалѣя меня, каждый вечеръ тихонько приносила мнѣ ломоть чернаго хлѣба, посыпанный солью, и я, лежа въ постели, съѣдалъ этотъ хлѣбъ съ большимъ удовольствіемъ. Несмотря на означенныя выше путешествія въ гимназію и обратно, на ежедневное промачиваніе ногъ и на голоданіе, я оставался здоровымъ. Послѣ перенесеннаго въ предшествовавшемъ году тифа, я такъ окрѣпъ, что всѣ эти невзгоды не оказывали на меня дурнаго вліянія.

По воскресеньямъ я ходилъ въ 1-ю гимназію, гдѣ воспитывался сынъ сосѣдняго съ нами помѣщика Гордѣева, Кессарь Николаевичъ Гордѣевъ. Онъ былъ старше меня лѣтъ на шесть. Ему я разсказывалъ мое горе и все отвращеніе мое къ семьѣ Блосфельда и къ жизни въ его домѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ написать къ отцу и просить о переводѣ въ 1-ю гимназію пансіонеромъ, но я не могъ этого сдѣлать, потому что каждое воскресенье я писалъ къ отцу подъ диктовку Блосфельда, и письма мои приблизительно были слѣдующаго содержанія:

«Я живъ и здоровъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за то, что вы помѣстили меня у проф. Блосфельда. Мнѣ такъ хорошо здѣсь, что я и дома никогда лучше не жилъ: кормятъ меня съ утра до вечера, всѣ любятъ меня, а сыновья профессора каждый день помогаютъ мнѣ приготовлять уроки. Учусь, при помощи ихъ, порядочно и надѣюсь еще лучше успѣвать».

Однажды я воспротивился писать письмо подъ диктовку и хотѣлъ написать, что ежедневно заставляютъ меня ѣсть зайца, но Блосфельдъ не дозволилъ мнѣ написать это и сказалъ, что не дастъ денегъ на отправку письма. Но я все-таки отказался писать подъ диктовку письмо къ отцу и получилъ за это порядочный щелчокъ въ лобъ.

На другой день, какъ только вся семья Блосфельда и я сѣли за обѣдъ, одинъ изъ сыновей профессора подалъ мнѣ посылку, зашитую въ холстъ, обвязанную веревкой и запечатанную пятью печатями. Самъ Блосфельдъ сказалъ мнѣ, что это посылка отъ отца, которую привезъ одинъ пріѣзжій, въ то время, какъ я былъ въ гимназіи. «Посмотри, что тебѣ прислалъ отецъ, сказалъ онъ, но помни

условіе: не будь жаденъ и подѣлись съ нами: вѣроятно, въ посылкѣ лакомства». Повѣривъ всему этому, я тутъ же принялся распарывать посылку. Каково же было мое удивленіе, когда, по вскрытіи посылки, въ ней оказалось нѣсколько штукъ заячьихъ лапокъ, завернутыхъ въ заячью шкурку. Я, при общемъ хохотѣ всей семьи, принялся рыдать, и вслѣдъ за этимъ подали опять жаркое изъ зайца. Я вышелъ изъ-за стола, сказавъ имъ, что зайца ѣсть не буду и что они меня не пріучатъ къ нему. Весь день я ничего не ѣлъ. Мнѣ объявилъ Блосфельдъ, что за уходъ отъ стола я буду лишенъ вечерняго чая. Если бы добрая Матрена не принесла мнѣ украдкою куска чернаго хлѣба, то я рѣшительно голодалъ бы въ этотъ день. Голодъ меня мучилъ ежедневно, и я долженъ былъ изыскивать средства, чтобы питаться чѣмъ-нибудь. Оставалось одно: добыть гдѣ-нибудь денегъ, купить себѣ калачъ и еще что-нибудь. Но гдѣ взять денегъ? Вспомнилъ я, что отецъ оставилъ мнѣ на необходимые расходы деньги у Блосфельда. На этомъ основаніи, я, однажды, предсталъ предъ Блосфельдомъ и началъ просить денегъ на покупку книгъ. Онъ, повидимому, не ожидалъ этого. «Ты бѣдный мальчикъ и можешь брать книги въ гимназіи у товарищей и списывать Я всегда такъ дѣлалъ, когда учился, дѣлай такъ и ты» — отвѣтилъ мнѣ Блосфельдъ. Я не нашелся, что отвѣтить ему. Голодъ меня мучилъ, учиться не было никакой охоты; всѣ помышленія стремились только къ тому, чтобы какъ-нибудь унять голодъ, а науки вовсе не шли на умъ. Поэтому табель объ успѣхахъ въ 1-й мѣсяцъ была очень плоха: большею частію единицы и двойки. Самъ профессоръ, разсмотрѣвъ табель, ужаснулся и сказалъ мнѣ, что «я лѣнтяй, что меня нужно высѣчь розгами». Я возразилъ ему, что у меня нѣтъ многихъ книгъ, что списывать мнѣ нѣтъ времени, что для этого нѣтъ бумаги и т. д. Онъ приказалъ мнѣ придти къ нему утромъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, то онъ мнѣ далъ 5 руб. ассигнаціями (синюю бумажку) и сказалъ, чтобы я купилъ всѣ книги, которыя нужны мнѣ. Получивъ деньги, я, по дорогѣ въ гимназію, купилъ себѣ два московскихъ калача, которые съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Изъ книгъ же я пріобрѣлъ только подержаную Священную Исторію Ветхаго Завѣта, соч. Зонтагъ, а остальныя деньги оставилъ для покупокъ съѣдомаго, чтобы не голодать. Затѣмъ, я рѣшился

послѣдовать совѣту Блосфельда и началъ списывать съ книгъ товарищей, для чего завелъ себѣ толстую тетрадь.

Спустя нѣсколько дней, Блосфельдъ потребовалъ отчетъ о купленныхъ книгахъ и самыя книги. Я, разумѣется, не могъ ему представить ничего, кромѣ Исторіи Зонтагъ. Вслѣдствіе этого произошла бурная сцена между мною и профессоромъ, который назвалъ меня разбойникомъ. Я отвѣчалъ ему, что деньги проѣлъ, что напишу объ этомъ отцу и сообщу ему, что я зайца ѣсть не могу, а меня каждый день кормятъ зайцемъ, что я всегда голоденъ и принужденъ былъ проѣсть деньги, данныя на книги. Тогда онъ нѣсколько смирился и приказалъ мнѣ принести ему списокъ книгъ, сказавъ, что самъ ихъ купитъ. Съ этихъ поръ заяцъ, хотя и появлялся на столѣ, но гораздо рѣже, и я нѣсколько ожилъ и укрѣпился въ силахъ, а купленныя мнѣ книги дали возможность учиться.

Скажу теперь о томъ, какъ я учился во 2-й гимназіи и каковы были мои учителя.

Могу припомнить изъ нихъ только двухъ. Это—законоучитель, священникъ Ласточкинъ, и учитель латинскаго языка, Иванъ Васильевичъ Тимоѳеевъ.

Законоучитель Ласточкинъ былъ священникомъ церкви св. Николая, на Вознесенской улицѣ. Онъ преподавалъ намъ въ 1-мъ классѣ Ветхій Завѣтъ и отличался нѣкоторыми странностями. Напримѣръ, за незнаніе урока, а особенно за шалость въ классѣ, виновному объявлялось: «откушу тебѣ ухо десное». Дѣйствительно, онъ подходилъ къ ученику и говорилъ: «клади мнѣ ухо въ ротъ». Ученикъ, послѣ нѣкотораго настоянія, повиновался, приближалъ ухо ко рту отца Ласточкина, который схватывалъ ухо и кусалъ его иногда довольно сильно. «Батюшка! больно!» кричалъ ученикъ. «Не шали! для того и кусаю, чтобы ты помнилъ и не шалилъ»... Иногда, если ученикъ шалилъ и вмѣстѣ не зналъ урока, наказаніе усугублялось и кромѣ уха батюшка кусалъ и носъ ученика. Часто происходила борьба: ученикъ не давался, а батюшка обхватывалъ его мощными руками вокругъ шеи, приближалъ къ себѣ и укусывалъ ему ухо или носъ. Обыкновенно укусы были легкіе, но часто ученикъ кричалъ неистово, въ классѣ возникалъ хохотъ, и урокъ Закона Божія превращался въ какое-то странное зрѣлище. Несмотря на эти

странности, законоучитель Ласточкинъ былъ человѣкъ весьма почтенный, образованный, уважаемый и даже любимый.

Весьма замѣчателенъ былъ старшій учитель латинскаго языка, Иванъ Васильевичъ Тимоѳеевъ.

Этотъ почтенный педагогъ сороковыхъ годовъ ввелъ, вѣроятно для болѣе легкаго и скораго изученія латинскаго языка, какіе-то инквизиторскіе пріемы.

Каждому поступившему въ классъ ученику вручалась самимъ учителемъ записка, написанная стихами слѣдующаго содержанія:

Принести въ классъ:
„Двѣ тетради въ два листа
„Двѣ тетради въ три листа,
„Два пера, указку".
Кто не принесетъ:
„Тому дамъ таску".

Замѣтка оканчивалась прозой:

«Кромѣ того непремѣнно каждому имѣть при себѣ: линейку, тряпку для вытиранія перьевъ (тогда были гусиныя перья) и, если можно, одно запасное перо».

Послѣ прочтенія молитвы предъ ученіемъ, Иванъ Васильевичъ Тимоѳеевъ садился на каѳедру, обводилъ взоромъ всѣхъ учениковъ, бралъ въ руку перо и выкликалъ кого-нибудь изъ учениковъ, говоря вызванному: «дай мнѣ тряпку обтереть перо». Ученикъ подходилъ къ учителю, вынималъ изъ кармана тряпку и подавалъ учителю, который, обтерши перо, возвращалъ тряпку ученику со словами: «положи обратно въ карманъ и не потеряй». Если случалось, что вызванный ученикъ не могъ предъявить тряпки, то ему говорилось:

— А, ты не исполняешь моихъ приказаній! Почему нѣтъ тряпки?

— Я забылъ ее!—отвѣчалъ ученикъ сквозь слезы, предчувствуя и зная, чѣмъ кончится дѣло...

— А, ты забылъ! Проси у товарищей! приказывалъ учитель. Ходи между рядами столовъ и говори каждому: «подайте Христа ради тряпочку... нужно дескать учителю обтереть перо, а я, болванъ, забылъ захватить тряпочку»... Что же ты стоишь? Иди и проси!...

Ученикъ повинуется и, жалобно протягивая руки къ товарищамъ, проситъ у нихъ тряпочки... Ученики смотрятъ на товарища съ участіемъ, на учителя съ недоумѣніемъ и страхомъ, желая прочесть на его лицѣ, что ему угоднѣе, чтобы они дали тряпочку, или нѣтъ... Взоръ учителя строгъ, видъ сумраченъ, ученики боятся ссудить тряпку товарищу, учитель стоитъ за виновнымъ и грозно сверкаетъ очами.

— Вотъ видишь ли, тебѣ никто не даетъ тряпки!.. говоритъ учитель... Буду тебя колотить въ спину кулаками, пока не сжалятся надъ тобою товарищи и не подадутъ тебѣ Христа ради тряпку!

И съ этими словами, учитель наноситъ виновному ударъ кулакомъ въ спину. Удары кулакомъ сыплются по мѣрѣ того, какъ ученикъ ходитъ между товарищей и слезно проситъ у нихъ тряпку, учитель идетъ по пятамъ его и понукаетъ, приговаривая: «проси же лучше; авось кто-нибудь сжалится!» Когда гонимый учителемъ и ударяемый кулаками въ спину ученикъ получитъ значительное число ударовъ и отъ боли начнетъ рыдать, учитель возглашаетъ: «дайте же ему тряпку, сжальтесь надъ нимъ, а то буду бить, пока не дадите». Въ это время кто-нибудь сжалится и дастъ тряпку; учитель возьметъ ее, оботретъ ею перо и скажетъ виновному: «ну, садись на мѣсто и благодари благодѣтеля».

Случилось однажды, какъ я слышалъ уже по окончаніи университетскаго курса, т. е. приблизительно лѣтъ черезъ 12 послѣ описываемаго времени, что Иванъ Васильевичъ Тимоѳеевъ вздумалъ, за непринесеніе въ классъ тряпки, «гонять сквозь строй», какъ мы называли это наказаніе, одного ученика, нѣмца, по фамиліи Гильтера, котораго товарищи недолюбливали и потому долго не давали ему тряпки. Послѣ многихъ кулаковъ, полученныхъ Гильтеромъ въ спину отъ руки учителя, у обливающагося слезами ученика хлынула кровь горломъ.

Иванъ Васильевичъ не на шутку струсилъ и поблѣднѣлъ.

Событіе сдѣлалось гласнымъ, и только теперь начальство гимназіи узнало, что учитель латинскаго языка за непринесеніе тряпки «гоняетъ сквозь строй» и награждаетъ солидными ударами кулака. И все это всплыло наверхъ, благодаря тому обстоятель-

ству, что братъ Гильтера былъ профессоромъ университета и, конечно, не оставилъ дѣла безъ должнаго вниманія.

Только по этой причинѣ Иванъ Васильевичъ былъ удаленъ отъ должности учителя латинскаго языка въ гимназіи и получилъ, какъ говорятъ, мѣсто директора въ одной изъ отдаленныхъ гимназій округа!

Но посмотримъ, какъ шло преподаваніе латинскаго языка.

Какъ уже извѣстно, классъ начинался съ удостовѣренія— есть ли тряпка у того ученика, который былъ намѣченъ учителемъ.

Когда это удостовѣреніе пріобрѣталось, мирнымъ ли путемъ, или избіеніемъ виновнаго, то начиналась перекличка учениковъ по списку журнала. Каждый выкликаемый при этомъ вставалъ и говорилъ тотъ баллъ, на который онъ приготовилъ урокъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, Ивановъ назначилъ себѣ два балла, Петровъ—три, Сидоровъ—единицу, Кузьминъ—четыре, Прохоровъ—нуль. Объявить же, что знаетъ на пять—никто не дерзалъ. Эти отмѣтки заносились учителемъ въ журналъ. Понятно, что оцѣнка знаній баллами вещь весьма эластичная. Ученику казалось, что онъ знаетъ урокъ на 4 балла, а учителю, что только на 3. Чтобы не было обмановъ въ оцѣнкѣ своихъ познаній учениками, тотчасъ послѣ переклички и проставки балловъ въ журналѣ, учитель приступалъ къ повѣркѣ.

— Ну-ка, Кузьминъ, ты сказалъ, что знаешь на четыре балла... Посмотримъ! Поди-ка сюда!—возглашалъ учитель.

Кузьминъ выходилъ къ каѳедрѣ, учитель спрашивалъ урокъ, сильно, какъ говорится, дожимая ученика. Ученикъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и нерѣдко путался въ отвѣтахъ.

— Ты сказалъ, что знаешь на 4, а по повѣркѣ оказалось, что урокъ приготовленъ только на 3 балла... Ты прибавилъ себѣ цѣлый баллъ... это дурно!.. это гордость! И Спаситель сказалъ: «еже есть высоко въ человѣцѣхъ—мерзость предъ Богомъ». Эта гордость, эта мерзость должна быть наказана... за излишне прибавленный баллъ ты будешь стоять десять классовъ подъ рядъ на колѣняхъ, съ поднятыми кверху руками... Становись на колѣни и подними руки!—восклицалъ учитель.

Виновный исполнялъ приказаніе. Затѣмъ вызывался Прохоровъ.

— Ты сказалъ, что не приготовилъ урока и оцѣнилъ твои познанія нулемъ. Посмотримъ! склоняй—mensa!

Ученикъ, впопыхахъ и сконфузясь, начиналъ склонять и дѣлалъ при этомъ мало ошибокъ.

— Видишь ли, любезный, ты знаешь на единицу, а не на нуль... Ты убавилъ себѣ одинъ баллъ... зачѣмъ ты обманулъ учителя? Но ты меньше виновенъ, нежели Кузьминъ, потому что въ тебѣ все-таки есть проблескъ смиренія... Поэтому я простилъ бы тебя, но вѣдь подумай, что на единицу нельзя приготовлять урока... По совокупности проступковъ ты за обманъ простоишь на колѣняхъ одинъ урокъ, да за лѣность одинъ урокъ... Сегодня за лѣность съ приподнятыми руками, а въ будущій разъ за обманъ безъ приподнятыхъ рукъ.

Ученикъ немедленно исполнялъ приказаніе.

Этимъ оканчивалась повѣрка знаній учениковъ и то, правильно ли они оцѣнили свои познанія. Учитель, довольный выкинутыми имъ фарсами, приступалъ теперь къ задаванію урока на слѣдующій разъ. Для этого, самъ онъ становился въ проходѣ между двумя рядами скамеекъ, съ линейкою въ рукахъ, намъ приказывалъ взять въ руку указку и водить ею по книгѣ или по тетради. Мы, вооруженные указками, слѣдили чтеніе, склоненіе или спряженіе, которыя производились подъ руководствомъ учителя, махавшаго линейкой, нараспѣвъ. Иванъ Васильевичъ, изображая изъ себя капельмейстера, слѣдилъ, чтобы всѣ пѣли задаваемый урокъ въ голосъ и безъ ошибокъ. Если же кто-либо пѣлъ не въ ладъ или неправильно произносилъ слова, учитель подлеталъ къ такому нарушителю гармоніи и ударялъ его линейкой по головѣ или по рукамъ. Звонокъ, оповѣщавшій окончаніе урока, прекращалъ это упражненіе въ чтеніи, склоненіи или спряженіи и вмѣстѣ въ пѣніи. Каковы были результаты такого преподаванія латинскаго языка—предоставляю судить читателю.

Такъ протекло время ученія моего въ первомъ классѣ второй Казанской гимназіи!

Инспекторомъ гимназіи въ то время былъ Скорняковъ, только-что переведенный изъ 1-й гимназіи, директоромъ Ковалевскій, который извѣстенъ больше, какъ профессоръ китайской

словесности. Изъ воспитателей того времени (или какъ ихъ тогда называли, надзирателей) припоминаю нѣкоего Табуре. Это была совершенно безцвѣтная личность, къ чести которой, однако, слѣдуетъ сказать, что, будучи отъ природы французомъ, онъ настолько хорошо освоился съ русскимъ языкомъ, что въ немъ трудно было признать француза.

Вообще, годъ пребыванія моего въ первомъ классѣ 2-й Казанской гимназіи я считаю совершенно потеряннымъ для меня, и это время могу назвать чисто-мученическимъ, потому что, съ одной стороны, ежедневныя хожденія изъ Новой Горшечной на Булакъ, въ два конца верстъ около 4-хъ, были въ высшей степени утомительны, особенно въ осеннее и весеннее время, когда я, вслѣдствіе непроходной грязи по Рыбной улицѣ и на Новогоршечной горѣ, возвращался домой мокрый почти до колѣнъ; съ другой же, въ домѣ Блосфельда, я, какъ русскій, ничего не встрѣчалъ кромѣ презрѣнія, насмѣшекъ, а иногда и побоевъ, сопровождаемыхъ нерѣдкимъ голоданіемъ. Однимъ словомъ, я не видѣлъ ни малѣйшаго участія къ моему истинно-безотрадному положенію. И за все это мой отецъ платилъ весьма солидную по тому времени сумму, а именно съ августа по іюнь (за 10 мѣсяцевъ) тысячу рублей ассигнаціями (тогда деньги считали еще на ассигнаціи).

Да и можно ли было ожидать чего-нибудь хорошаго въ домѣ человѣка, который ненавидѣлъ и презиралъ все русское и этимъ духомъ пропиталъ свою семью? Жена его, Лаура (вторая) была женщина злая, которую ненавидѣли старшіе сыновья Блосфельда отъ перваго брака: Карлъ, Александръ и Вильгельмъ. Мачиха, въ свою очередь, не любила дѣтей отъ перваго брака, а любила только дѣтей своихъ, Людвига и Амалію, которые были въ то время очень маленькими и приглядными существами.

Когда наступило лѣто 1841 года, я отправился въ домъ отца, на каникулы, въ Кыштымскій заводъ, на Уралъ.

Лѣто пролетѣло быстро, кончались каникулы, и нужно было опять ѣхать въ Казань для продолженія ученія.

Тутъ я началъ слезно умолять отца—не отдавать меня опять къ Блосфельду, а опредѣлить въ 1-ю Казанскую гимназію. Уси-

ленныя просьбы и доводы мои о претерпѣнныхъ мною козняхъ въ домѣ Блосфельда умилостивили отца. Мы поѣхали въ Казань, а такъ какъ брату моему Ивану исполнилось 10 лѣтъ, то и его взяли съ собою для опредѣленія въ гимназію.

Вскорѣ по прибытіи въ Казань, удалось опредѣлить меня казенно-коштнымъ въ 1-ю Казанскую гимназію. Я выдержалъ экзаменъ во 2-й классъ, а братъ мой Иванъ былъ принятъ въ 1-й классъ пансіонеромъ, съ платой по 600 руб. ассигнаціями въ годъ. Отецъ, опредѣливъ насъ, вскорѣ уѣхалъ на Уралъ.

Грустно было намъ смотрѣть съ крыльца гимназіи на экипажъ отца, удаляющійся по Грузинской улицѣ въ дальній путь, на Уралъ. Казалось, что мы съ нимъ навсегда разлучились, и мы заливались горячими слезами, которыя наконецъ превратились въ неудержимыя рыданія.

Директоромъ 1-й Казанской гимназіи въ то время былъ Николай Алексѣевичъ Галкинъ, инспекторомъ Кропачевъ, переведенный на эту должность изъ смотрителей уѣзднаго училища, на мѣсто бывшаго инспектора Скорнякова, который въ свою очередь былъ переведенъ во 2-ю Казанскую гимназію, за годъ предъ тѣмъ, какъ я поступилъ въ первую гимназію. Попечителемъ округа былъ тайный совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Первая Казанская гимназія въ это время была заведеніемъ закрытымъ. Большая часть воспитанниковъ были козенно-коштные, но при гимназіи былъ пансіонъ, въ который принимались пансіонеры съ платою по 600 р. ассигнаціями, и полупансіонеры (имѣли свое платье и свои книги) съ платою по 400 р. ассигнаціями. Классы помѣщались въ верхнемъ этажѣ, а спальни въ среднемъ и отчасти въ нижнемъ этажахъ. Занятія начинались въ 9 часовъ утра и продолжались до 12-ти, каждый урокъ 1½ часа, а слѣдовательно утромъ было 2 урока. Въ 12 часовъ обѣдъ и послѣ обѣда отдыхъ до 3-хъ часовъ; отъ 3 же до 6 часовъ опять были уроки по 1½ часа. Всего, слѣдовательно, 4 урока въ день. Въ 6 часовъ былъ такъ называемый полдникъ, а въ 9 часовъ ужинъ. Время отъ 6 до 9 часовъ вечера посвящалось занятіямъ для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню. Въ 10 часовъ ложились спать.

Собираясь къ обѣду, полднику и ужину, всѣ шли въ рекреаціонный залъ, строились по два въ рядъ и, подъ предводительствомъ класснаго надзирателя, спускались въ нижній этажъ, гдѣ помѣщалась обширная столовая комната.

На третій день поступленія въ гимназію, мы съ братомъ были поражены дотолѣ нами невиданнымъ зрѣлищемъ. Это зрѣлище — публичная экзекуція надъ тремя воспитанниками гимназіи высшихъ классовъ, какъ зачинщиками, виновными въ избитіи бывшаго инспектора гимназіи Скорнякова.

Это событіе случилось, кажется, за годъ до поступленія моего въ 1-ю гимназію, и поэтому-то инспекторъ Скорняковъ и былъ переведенъ во 2-ю гимназію, а на мѣсто его былъ назначенъ Кропачевъ.

Какъ говорили, Скорняковъ былъ очень строгъ, немилосердно преслѣдовалъ воспитанниковъ и жестоко сѣкъ ихъ розгами, распаренными въ горячей водѣ. Жестокости инспектора вызвали взрывъ негодованія, составился заговоръ изъ учениковъ высшихъ классовъ (кажется 5-го, 6-го и 7-го). Какъ передавали мнѣ гимназическіе старожилы, дѣло происходило такъ: ожесточенные Скорняковымъ ученики составили заговоръ—побить его. И вотъ, однажды, когда онъ уходилъ изъ гимназіи въ вечернюю пору и долженъ былъ проходить чрезъ дворъ въ свою квартиру, въ выходныхъ сѣняхъ на него напало нѣсколько человѣкъ воспитанниковъ и нанесли ему побои. Началось дѣло, которое открыло виновныхъ и раздѣлило ихъ на главныхъ зачинщиковъ заговора и на участниковъ его. Главные виновники (ученики высшихъ классовъ) были исключены изъ гимназіи и даже опредѣлены солдатами въ дальніе гарнизоны, а менѣе виновные и младшіе были присуждены къ публичному наказанію розгами, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ. Изъ трехъ воспитанниковъ послѣдней категоріи я помню только двухъ: это—Максутовъ и Паттю, оба они были теперь въ 6 классѣ, слѣдовательно, судя потому, что преступленіе было совершено годомъ раньше, нужно полагать, что тогда они были въ 5 классѣ.

Максутовъ происходилъ изъ башкиръ Оренбургской губерніи, которые тогда принимались въ 1-ю Казанскую гимназію пансіонерами башкирскаго войска. Паттю былъ, кажется, сынока обрусѣвшаго француза изъ остатковъ Наполеоновской арміи.

Возвращаюсь къ экзекуціи. Мы вошли въ залъ и выстроились по два въ рядъ, съ той и другой стороны зала. Предъ каждымъ классомъ стоялъ надзиратель. Стоимъ мы 15 и 20 и 30 минутъ, и удивляемся, почему такъ долго не ведутъ насъ къ обѣду. Прошло болѣе 1/2 часа. Наконецъ дверь въ залъ отворилась. Вошелъ попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ, въ сопровожденіи директора гимназіи Галкина, инспектора Кропачева и дежурнаго по гимназіи надзирателя. Начальство остановилось посреди двухъ выстроенныхъ рядовъ воспитанниковъ, и попечитель прочиталъ распоряженіе, которымъ Максутовъ, Паттю и еще одинъ воспитанникъ (фамиліи не упомню), чуть ли не Кирьяновъ, присуждались за участіе въ нападеніи на инспектора Скорнякова къ публичному, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ, тѣлесному наказанію розгами, каждый по 50 ударовъ. Вслѣдъ затѣмъ попечитель удалился, директоръ вызвалъ на средину зала присужденныхъ къ наказанію воспитанниковъ; изъ сосѣдней комнаты вышли въ залъ трое или четверо рослыхъ служителей, изъ которыхъ производившій экзекуцію былъ злой татаринъ Рахматулка, нарочно выбранный начальникомъ для усугубленія экзекуцій по гимназіи вообще (т. е. наказаній розгами провинившихся воспитанниковъ). Разложили по срединѣ зала сѣренькій изъ солдатскаго сукна коврикъ и приказали виновнымъ раздѣться, что̀ они и исполнили, оставшись въ однѣхъ рубахахъ. Первый былъ положенъ на коврикъ Максутовъ, двое или трое служителей его держали, а Рахматулка сѣкъ довольно большими и, кажется, размоченными розгами, сильно ударяя и крѣпко размахивая розги, такъ что мѣста, подвергавшіяся сѣченію, сильно вспухли, покраснѣли и побагровѣли. Наказуемый сильно кричалъ и вертѣлся, жалобные крики и стоны его раздирали намъ душу и сердце, инспекторъ Кропачевъ прехладнокровно считалъ громко число ударовъ, и только тогда, какъ изъ ягодицъ прыснула уже кровь, а Кропачевъ, несмотря на то, досчиталъ до 50 ударовъ, наказаніе Максутова было прекращено. Лица двухъ приговоренныхъ къ такому же наказанію учениковъ, стоявшихъ тутъ же, въ ожиданіи своей очереди, въ бѣлыхъ рубахъ съ бѣлыми и голыми ногами, при видѣ наказанія Максутова, искажались, по мѣрѣ приближенія ихъ очереди, смертельною блѣдностію. Когда наказаніе Максутова кончилось и

онъ всталъ, то еще и теперь раздавались его стоны и глухія рыданія, а изъ ягодицъ, испещренныхъ крѣпкими ударами розогъ, капала кровь. Кропачевъ приказалъ ему выйти въ сосѣднюю комнату и одѣваться. За Максутовымъ было совершено наказаніе Паттю, а затѣмъ и третьяго воспитанника. Оба они были наказаны тѣмъ же образомъ и претерпѣли то же количество ударовъ, съ тою разницею, что наказаніе двухъ послѣднихъ было нѣсколько слабѣе. Кропачевъ подошелъ къ Рахматулкѣ, шепнулъ ему что-то, и удары розгами были размашисты, но слабѣе, нежели при наказаніи Максутова, хотя у обоихъ наказанныхъ также ягодицы вспухли и выступила кровь. Оба они неистово кричали и просили испить воды, но имъ воды не дали. Экзекуція продолжалась около часа и походила на средне-вѣковую инквизиціонную пытку. По окончаніи экзекуціи, насъ повели въ столовую, къ обѣду, который прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ, но съ большимъ говоромъ между воспитанниками, возмущенными жестокимъ, претерпѣннымъ ихъ товарищами, наказаніемъ. Наказанные были посажены за отдѣльный позорный столъ, стоявшій съ боку другихъ столовъ, куда сажались всѣ, лишаемые обѣда за лѣность или дурное поведеніе. Наказаннымъ въ этотъ разъ воспитанникамъ былъ поданъ черный хлѣбъ съ водою. Какъ послѣ они сообщали товарищамъ, послѣ наказанія они не имѣли никакого позыва на пищу, вслѣдствіе сильной головной боли и изнеможенія. Дѣйствительно, они были больны послѣ столь жестокаго наказанія и послѣ обѣда ихъ свели въ больницу, гдѣ ихъ лѣчилъ гимназическій докторъ Соколовскій, прикладывая холодную воду и свинцовыя примочки къ распухшимъ ягодицамъ.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ экзекуторѣ, татаринѣ Рахматулкѣ. Это былъ рослый и сильный дѣтина, съ монгольскимъ типомъ лица, узкими глазами, широкимъ приплюснутымъ носомъ, выдающимися скулами, бѣлокурый, гладко-обстриженный, весьма сильный и мускулистый. Такъ какъ наказаніе розгами въ то время въ гимназіяхъ было въ сильномъ ходу и расправы происходили не только въ очередный день, въ субботу, но нерѣдко и внѣ очереди, то воспитанники, знавшіе за собою грѣшки и опасавшіеся наказанія розгами, старались задобрить Рахматулку, который,

будучи главнымъ экзекуторомъ тѣлесныхъ наказаній, въ то же время былъ и служителемъ (дядькой) въ гимназіи, а потому прислуживалъ за столомъ, подавая кушанья, и вотъ тутъ-то Рахматулка, по врожденной ему хитрости, и катался, какъ сыръ въ маслѣ. Ничего не могло быть естественнѣе со стороны опасавшагося наказанія розгами воспитанника, какъ желаніе задобрить на всякій случай главнаго экзекутора тѣлесныхъ наказаній—Рахматулку. Съ другой стороны, такъ какъ наказаніе чаще всего претерпѣвали одни и тѣ же (отличавшіеся лѣностію и шалостями) воспитанники, то и Рахматулка отлично зналъ всѣхъ кандидатовъ для наказанія розгами. Но чѣмъ воспитанникъ могъ задобрить Рахматулку? Единственнымъ для этого средствомъ являлась уступка ему булки или порціи кушанья. И потому, чувствующій за собою грѣхи воспитанникъ нерѣдко говорилъ подающему кушанье Рахматулкѣ: «возьми себѣ эту порцію, я не хочу ѣсть». Рахматулка дѣлалъ при этомъ лукавую улыбку, прищуривалъ свои и безъ того узкіе глаза, отлично понимая — почему вдругъ являлось такое расположеніе къ нему воспитанника, и нужно отдать ему справедливость: онъ старался отплачивать за вниманіе къ нему, если наказанію розгами подвергался такой, угодившій ему, воспитанникъ. Рахматулка при сѣченіи розгами тогда крѣпко замахивался, но удары, несмотря на то, были слабые. Поэтому, часто претерпѣвшій такое наказаніе воспитанникъ говаривалъ: «мнѣ вовсе не было больно», и само собою, въ видѣ благодарности, опять надѣлялъ Рахматулку или булкою, или порціей кушанья. А Рахматулка былъ очень прожорливъ, почему такое вознагражденіе приходилось ему какъ разъ по вкусу. Но за то бѣда тому воспитаннику, на котораго былъ золъ Рахматулка, особенно, если воспитанникъ этотъ имѣлъ несчастіе показать Рахматулкѣ конецъ салфетки, въ видѣ свинаго уха (обыкновенный способъ дразнить татаръ и башкиръ, употребляемый въ Казани): такому несчастливцу онъ крѣпко исполосовывалъ ягодицы и спину, такъ что если инспекторъ замѣчалъ экзекутору: «не бей такъ сильно», послѣдній отвѣчалъ: «онъ вертится крѣпко и нельзя попасть на одно мѣсто». Но за то про воспитанника, котораго Рахматулка видимо слабо ударялъ, на замѣчаніе инспектора: «ты слабо бьешь», Рахматулка говорилъ: «у него шкура тонкая, сичасъ пойдетъ

кровь», и инспекторъ, испуганный этимъ, не рѣдко прекращалъ наказаніе, благодаря такому заявленію экзекутора.

Нужно сказать правду, что начальство того времени очень любило наказаніе розгами и приступало къ нимъ съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ и особенною торжественностію. Наказывали всего чаще воспитанниковъ первыхъ четырехъ классовъ. Ученики 5-го и выше класса обыкновенно не давались и, если случалось, что ученикъ пятаго класса даетъ себя наказать розгами, таковаго товарищи подвергали остракизму, переставали съ нимъ говорить и часто избивали, такъ что онъ волей-неволей долженъ былъ уходить изъ гимназіи. Тѣхъ же, которые не давали себя наказывать розгами, или исключали изъ гимназіи за сопротивленіе, или предлагали родителямъ наказать ихъ розгами въ гимназіи публично, и тогда родители вступали уже въ права начальства, и такое наказаніе родителями не считалось позоромъ между воспитанниками.

ГЛАВА II.

Порядки въ 1-й гимназіи.—Нѣмецкіе преподаватели.—Знаменитый потомокъ знаменитаго пруссака.

Во время утренняго питья сбитня, во время обѣда и вечерняго сбитня, воспитанники, пришедши въ столовую, стояли каждый у своего мѣста и ждали команды. Дежурный по гимназіи надзиратель (воспитатель) командовалъ обыкновенно по-нѣмецки: «beten-sie meine Herren». По этой командѣ читалась молитва. Вслѣдъ за молитвой слѣдовала новая команда: «Setzen-sie sich meine Herren», послѣ которой воспитанники садились. По окончаніи каждаго обѣда, питья сбитня и ужина вставали опять по командѣ: «Stehen-sie auf meine Herren»; потомъ, по той же командѣ, какъ и предъ началомъ, слѣдовала молитва. Молитву пѣли всѣ хоромъ. Послѣ ужина «молитва на сонъ отходящимъ» пѣлась всѣми воспитанниками и затѣмъ шли изъ столовой прямо въ спальни. Означенныя выше команды были иногда очень смѣшны. Чаще другихъ командовалъ отличавшійся сильнымъ голосомъ надзиратель, нѣмецъ, Богданъ Ива-

новичъ Зоммеръ, который былъ довольно хитеръ и заискивалъ расположеніе воспитанниковъ высшихъ классовъ. Бывало предъ концомъ обѣда или ужина воспитанники высшихъ классовъ скажутъ ему: «Богданъ Ивановичъ, ну-ка, крикнете по-молодецки». Богданъ Ивановичъ попатужится и такъ рявкнетъ: «Stehen sie auf meine Herren», что стѣны затрещатъ, и послѣ этого, бывало, онъ, торжествующимъ взглядомъ и съ радостною улыбкой смотритъ на учениковъ высшихъ классовъ, а они, проходя мимо него, говорятъ ему: «Браво, Богданъ Ивановичъ!» Онъ, бывало, нерѣдко скажетъ имъ въ отвѣтъ: «права у мине, гашпода, груть заболютъ». Вообще русскій языкъ онъ зналъ плохо. Напримѣръ, онъ говорилъ нерѣдко: «эта такова падлецъ, что я на нево не хочетъ плунить». Ниже скажу нѣсколько подробнѣе объ этомъ оригинальномъ нѣмцѣ.

Теперь же необходимо упомянуть о весьма замѣчательной личности. Это — гимназическій буфетчикъ Артемій Павловичъ. Онъ считалъ себя чуть ли не поэтомъ, потому что очень любилъ говорить стихами, имъ самимъ сложенными, при чемъ рифмы подбирались имъ самыя чудовищныя, напримѣръ къ слову булка— рифма была втулка, къ слову бульонъ—полонъ, къ слову котлета - комплетъ (комплектъ). И такъ онъ говорилъ: «эта булка хороша, какъ втулка; этотъ бульонъ навару и жиру полонъ; эта котлета сверхъ комплета и т. п.

Артемій Павловичъ былъ человѣкъ лѣтъ 50 отъ роду, бѣлокурый, прическа его была верхъ совершенства: одна прядь волосъ прикрывала плѣшь на головѣ, остальные волосы были зачесаны на виски, гдѣ лежали кудрями, лицо было покрыто веснушками и мѣстами большими рябинами, носъ слегка горбатый, громадный ротъ, отъ угловъ котораго шли вверхъ до ушей жидкія бакенбарды, глаза сѣрые, съ глупымъ выраженіемъ, улыбка сладкая, проникнутая сознаніемъ собственнаго достоинства, весь костюмъ засаленный и прикрытый спереди длиннымъ бѣлымъ фартухомъ. Онъ непремѣнно самъ разносилъ намъ булки, сложенныя въ большой корзинѣ, висѣвшей у него на шеѣ, на кожаномъ ремнѣ. Собственноручная разноска булокъ дѣлалась имъ для того, что онъ зорко слѣдилъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ не взялъ лишней булки, что на

*

языкѣ Артемія Павловича называлось словчить. Отъ него и всѣ воспитанники переняли это выраженіе. Несмотря, однако, на зоркое со стороны Артемія Павловича наблюденіе, у него всегда былъ недочетъ въ булкахъ. Потомъ Артемій Павловичъ только разводилъ руками и, широко раскрывъ свой огромный ротъ, удивлялся, куда дѣвались 5 или 6 словченныхъ у него булокъ. Недочетъ же замѣчался въ каждое утреннее и вечернее питье сбитня.

Необходимо сказать, что словчить булку у Артемія Павловича между воспитанниками считалось не преступленіемъ и не грѣхомъ, а молодечествомъ: у всѣхъ былъ отличный аппетитъ, а булки были не велики, да кромѣ того въ гимназіи въ то время существовало обыкновеніе, что торговля вмѣсто денегъ, которыхъ не было въ обращеніи, или было весьма мало, шла на булки. Напримѣръ, А продавалъ В. перочинный ножикъ за 15 булокъ, уплачиваемыхъ каждый завтракъ и полдникъ по полбулкѣ. Были случаи, что должали до 100, 120, 150, 200 и болѣе булокъ. Являлась необходимость непремѣнно словчить булку у Артемія Павловича, чтобы расплатиться и быть сытымъ. Вообще разсчетъ на булки производился такъ: каждая булка оцѣнивалась въ пятакъ ассигнаціями, а слѣдовательно, если кто-либо долженъ былъ заплатить десять булокъ, то принужденъ былъ 10 дней голодать, а платящій долгъ, отдавая его тутъ же, въ столовой, оставался полуголоднымъ. Понятно, что онъ, изъ чувства самосохраненія и для утоленія голода, ловчилъ булки у Артемія Павловича. Ни надзиратели, ни другое начальство не обращали на это никакого вниманія и, кажется, не подозрѣвали, что въ гимназіи идетъ торгъ булками и что булка есть единица гимназической ходячей монеты. Все это дѣйствовало растлѣвающимъ образомъ на нравственность, потому что на обыкновенномъ-то языкѣ словчить—значитъ просто украсть. Если Артемію Павловичу удалось поймать словчившаго у него булку, то онъ былъ весьма радъ и, отбирая булку, говорилъ: «нѣтъ-съ, сударь, это пардонъ-съ; я донесу на васъ иншпектору» (онъ такъ называлъ инспектора).

Въ то время въ 1-й Казанской гимназіи было много воспитанниковъ изъ башкиръ, которые, будучи сынами природы, не получившими до поступленія въ гимназію никакой полировки, вносили въ

заведеніе въ высшей степени растлѣвающій элементъ. Особенными безобразіями отличались Диваевъ и Бухаровъ. Оба они были первыми зачинщиками всякихъ безобразій и, отличаясь атлетическимъ тѣлосложеніемъ и большою физическою силою, держали въ рукахъ другихъ воспитанниковъ. Всякое нарушеніе повиновенія къ нимъ кончалось кулачной расправой. Однако оба они дошли съ 1-го до 5-го класса и были исключены изъ гимназіи при инспекторѣ Сахаровѣ за выходящія изъ ряда безобразія...

Товарищество тогда свято соблюдалось. Выдать товарища, пожаловаться на него—значило не только покрыть себя безчестіемъ въ глазахъ товарищей, но и подвергнуться остракизму. Результаты измѣны товарищескимъ отношеніямъ кончались кулачною расправою съ виновнымъ: соберутся всѣ, сговорятся, да и отколотятъ такъ, что долго будешь помнить. Само начальство смотрѣло на все это сквозь пальцы. Но сколько въ этомъ было хорошаго, столько же, если еще и не болѣе, дурнаго. Взрослые силачи и лѣнтяи не рѣдко держали въ повиновеніи слабыхъ силами, успѣвавшихъ въ наукахъ и нравственныхъ товарищей.

На основаніи такихъ товарищескихъ отношеній часто продѣлывались такія вещи, что хорошіе ученики не смѣли отвѣчать урока, если лѣнтяи его не выучили почему-либо. На вопросъ учителя знавшій урокъ долженъ былъ молчать, и онъ молчалъ, или отговаривался, что не могъ выучить урока, потому что послѣдній очень великъ. Если же случалось, что знавшій урокъ ученикъ отвѣчалъ его учителю, то такого въ удобное время избивали, весь классъ переставалъ съ нимъ говорить, всѣ относились къ нему съ презрѣніемъ, кормили тычками, щелчками, рвали тетради его и прятали книги, нанося, однимъ словомъ, всевозможный ущербъ его здоровью, успѣхамъ и т. п.

Время отъ 7 до 9 ч. вечера было посвящено занятіямъ для приготовленія уроковъ на слѣдующій день. Мы шли въ классы и приготовляли тамъ уроки подъ надзоромъ класснаго воспитателя, или, какъ его тогда называли, надзирателя.

Надзиратели въ классахъ были всѣ нѣмцы, а именно: 1) Богданъ Ивановичъ Зоммеръ. 2) Карлъ Ивановичъ Вейль. 3) Евгеній Аристовичъ Гельманъ. 4) Ваксмундъ. 5) Вольфъ. 6) Карлс-

бергъ. 7) Николаи. 8) Люстигъ. 9) Китнеръ (именъ послѣднихъ шести не упомню).

Посмотримъ теперь, какъ шли занятія подъ руководствомъ этихъ нѣмецкихъ воспитателей.

Къ несчастію, въ то время, несмотря на исключительно нѣмецкую національность всѣхъ воспитателей гимназіи, педагогическія способности и познанія воспитателей въ 1-й гимназіи были не только ниже всякой критики, но даже непростительно безтактны, странны и смѣшны. Можетъ быть это зависѣло и отъ дурнаго выбора. Хотѣли набрать въ воспитатели все нѣмцевъ и набрали, что́, конечно, объясняется тогдашнимъ теченіемъ, господствовавшимъ въ педагогіи, но слѣдовало также не упускать изъ виду, что саратовская нѣмецкая колонія, изъ которой происходила большая часть тогдашнихъ воспитателей-нѣмцевъ, вовсе не была разсадникомъ хорошихъ педагоговъ, а только теплымъ гнѣздышкомъ, свитымъ нѣмцами вовсе для другихъ цѣлей.

Считаю необходимымъ для подтвержденія моихъ словъ охарактеризовать вкратцѣ тогдашнихъ воспитателей-нѣмцевъ.

Богданъ Ивановичъ Зоммеръ. Это былъ нѣмецъ, уроженецъ Саратовской губерніи (изъ нѣмецкихъ колоній). Въ юности онъ занимался земледѣліемъ, садилъ картофель и продавалъ его, а затѣмъ, вслѣдствіе какихъ-то невзгодъ, бросилъ колонію, прибылъ въ Казань и уже въ довольно солидныхъ лѣтахъ сдѣлался воспитателемъ въ гимназіи. Въ мое время онъ уже насчитывалъ 20-й годъ своей службы въ должности воспитателя. Служба эта, повидимому, сильно повліяла на утучненіе тѣла Богдана Ивановича, потому что онъ отличался четыреугольной фигурой, огромнымъ выступавшимъ впередъ животомъ, толстыми короткими ногами и такими же руками, которыя онъ всегда держалъ согнутыми въ локтяхъ и проведенными къ туловищу, что́ дѣлало всю его фигуру весьма смѣшною. Лицо его имѣло доброе, но смѣшное выраженіе: лобъ маленькій, покрытый многими морщинами, глаза не большіе, сѣрые съ бараньимъ выраженіемъ, носъ громадный и толстый, походившій на картофельную шишку, покрытый многими синеватыми пятнами и жилками. Прибавьте къ этому огромную голову, покрытую сѣдыми, гладкоостриженными волосами, нарядите эту фигуру въ форменный синяго

цвѣта вицъ-мундиръ (фракъ) съ бѣлыми пуговицами, сообщите ей неуклюжія движенія, добавьте къ этому неповоротливость, сонливость, вялость и сильную страсть къ нюханію табаку, и вы получите ясное понятіе о Богданѣ Ивановичѣ.

Познаній онъ не имѣлъ никакихъ и даже роднаго языка, т. е. нѣмецкаго, не зналъ грамматически, по-французски читалъ почти по складамъ; о наукахъ вообще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

У Богдана Ивановича была супруга, толстая, жирная и старая нѣмка, которая очень любила канареекъ и держала мужа подъ башмакомъ; дѣтей у нихъ не было. По вечерамъ, супруга и онъ, говорятъ, часто проводили время (въ свободные для Богдана Ивановича дни)—онъ за стаканчикомъ пива, она за вязаньемъ чулокъ.

Богдана Ивановича давно прозвали б у т е й к о й. Что значило это выраженіе—трудно сказать. Воспитанники отождествили это слово съ словомъ б у д к а, вѣроятно потому, что фигура Богдана Ивановича была четвероугольная и походила на будку, въ которую ставятъ часовыхъ, хотя въ сущности трудно было найти большое сходство его съ будкой.

Когда начинались вечернія занятія, Богданъ Ивановичъ садился въ кресло и надзиралъ за тѣмъ, какъ учатся воспитанники. При этомъ онъ часто нюхалъ табакъ и нерѣдко засыпалъ, такъ что вдругъ слышалось его храпѣніе. Въ это время одинъ изъ учениковъ подходилъ къ доскѣ, какъ будто бы для занятій математикой, рисовалъ на ней мѣломъ солдатскую будку, на крышѣ которой пририсовывалъ толстую голову съ большимъ носомъ и начиналъ бить кулакомъ въ доску, чтобы разбудить Богдана Ивановича. Богданъ Ивановичъ просыпался, нюхалъ табакъ и оглядывалъ классъ. Замѣтивъ ученика у доски (а ученикъ, боясь товарищей, не смѣлъ уйти, чтобы Богданъ Ивановичъ не подумалъ, что будка нарисована кѣмъ-нибудь другимъ) и нарисованную будку, онъ немедленно вскакивалъ съ кресла и, очутившись однимъ почти прыжкомъ подлѣ виновнаго, давалъ ему въ затылокъ порядочную затрещину, приговаривая: «а х ъ, т ы б о л ь в а н ъ». Это сопровождалось дружнымъ взрывовъ смѣха цѣлаго класса. Ученикъ шелъ на свое мѣсто, а Богданъ Ивановичъ, слегка покраснѣвшій, опять усаживался на свое кресло. Все успокоивалось. Нужно замѣтить, что Богданъ Ивано-

вичъ говорилъ по-русски плохо и къ каждому слову прилагалъ «те-те», напримѣръ «я тебя, те-те», «ты дуракъ, те-те». Ученики, приготовляя французскія спряженія замѣтили, что, благодаря означенной привычкѣ Богдана Ивановича, надъ нимъ можно подтрунить. И вотъ, какъ только онъ успокоивался послѣ продѣлки съ будкою, къ нему подходилъ другой шалунъ съ французской книгой и говорилъ: «я незнаю, какъ перевести на русскій языкъ выраженіе: il avait-été». Богданъ Ивановичъ немедленно догадывался, что ученикъ трунитъ надъ нимъ, вскакивалъ съ мѣста и, ударивъ ученика по затылку, произносилъ: «пошелъ, больванъ—те-те, на мѣсто». Опять слѣдовалъ дружный хохотъ всего класса, Богданъ Ивановичъ кричалъ «мольшать». Все успокоивалось. Спустя короткое время, кто-нибудь изъ учениковъ вставалъ и, прижавъ согнутые локти къ туловищу, проходилъ по классу, изображая Богдана Ивановича. Онъ всматривался долго и вдругъ вскакивалъ, подбѣгалъ къ воспитаннику и, нанесши ему ударъ въ затылокъ, произносилъ: «ахъ, ты больванъ, пошелъ на свой мѣстъ, те-те».

Такія исторіи повторялись ежеминутно: говоръ въ классѣ, смѣхъ, хохотъ дѣлали занятія невозможными. Вдругъ раздавался звонокъ, и всѣ направлялись въ залъ, чтобы идти подъ предводительствомъ того же Богдана Ивановича къ ужину. Такъ шли день за днемъ: каждый день одна и та же потѣха, тотъ же смѣхъ, тѣ же затрещины по затылку. Богданъ Ивановичъ переносилъ все съ терпѣньемъ и не обнаруживалъ этихъ продѣлокъ предъ инспекторомъ и директоромъ, боясь повредить самому себѣ.

Но за то, переваривая всѣ выходки и насмѣшки со стороны воспитанниковъ, Богданъ Ивановичъ находилъ другое средство мстить тому, кто уже черезъ-чуръ надоѣдалъ ему. Для этого онъ сдружался съ воспитанниками высшихъ классовъ и, дѣлая имъ потачки до той степени, что пилъ съ ними водку и позволялъ пѣть неприличнаго содержанія пѣсни, въ то же время упрашивалъ ихъ оказать ему защиту противъ шалуновъ. «Онъ мине не даютъ жить, гонитъ со свѣтъ»—плакался Богданъ Ивановичъ. Тогда воспитанники высшихъ классовъ вздували указаннаго Богданомъ Ивановичемъ ученика, приговаривая: «вотъ тебѣ за

Богдана Ивановича; тронь его еще разъ: вздуемъ на чемъ свѣтъ стоитъ».

Такой самосудъ былъ обычнымъ явленіемъ. Одинъ воспитанникъ сильно поплатился за то, что затронулъ Богдана Ивановича. Этотъ воспитанникъ имѣлъ неосторожность швырнуть камнемъ въ открытое окно квартиры Богдана Ивановича и сшибъ клѣтку, въ которой помѣщалась любимая канарейка. Богданъ Ивановичъ отдалъ это дѣло на судъ воспитанниковъ высшихъ классовъ, разсказавъ имъ, со слезами на глазахъ, объ испугѣ своей супруги, Каролины Карловны, и объ отчаяніи ея вслѣдствіе ушиба любимой канарейки. Виновнаго, въ угоду Богдана Ивановича, приговорили къ наказанію жгутами, сплетенными изъ носовыхъ платковъ, и такъ крѣпко вздули, что онъ едва не зачахъ.

Карлъ Ивановичъ Вейль. Это былъ тощій нѣмецъ громаднаго роста, поразительно похожій на орангутанга. Онъ имѣлъ привычку нюхать табакъ, носилъ золотыя очки, что придавало его лицу еще болѣе смѣшное выраженіе. Воспитанники чрезвычайно мѣтко прозвали его мартышкой. По-русски онъ говорилъ плохо, грамматики не только русской, но и нѣмецкой, не зналъ. Онъ очень преслѣдовалъ преимущественно тѣхъ воспитанниковъ, которые, зная его невѣжество въ грамматикѣ, обращались къ нему за разъясненіемъ тѣхъ или другихъ грамматическихъ правилъ. Онъ тогда краснѣлъ, пыхтѣлъ, часто нюхалъ табакъ и говорилъ: «въ книга вѣрна написана, какъ должна быть, а ти, больванъ, не понимай». «Да я знаю, что въ книгѣ вѣрно, но мнѣ нужно знать, какія тутъ формы глаголовъ», возражалъ ученикъ. «Я тебѣ покажетъ такой форма, что тебѣ розга даютъ». Правда, что всего чаще Карлу Ивановичу надоѣдали съ басней: «Мартышка и Очки». Онъ зналъ, что его зовутъ «мартышкой» и, конечно, возмущался, но не хотѣлъ обнаружить, что онъ знаетъ о данномъ ему прозвищѣ. Карлъ Ивановичъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Екатерину Карловну, уже довольно пожилую дѣву, которая, повидимому, держала своего папашу въ рукахъ. Это было видно оттого, что дочь его сама нашла себѣ жениха и обвѣнчалась съ нимъ, безъ вѣдома папаши, а когда ему объявили объ этомъ, то онъ былъ очень радъ и говорилъ всѣмъ: «хадите на Катерина Кар-

ловна и паздравляйте его: она выходилъ замужъ Евгеній Аристовичъ». Пользы воспитанникамъ этотъ почтенный воспитатель никакой не приносилъ.

Гельманъ. Это былъ человѣкъ, строгій, солидный, державшій себя всегда прилично. Когда онъ выходилъ изъ терпѣнія, то моментально вспыхивалъ, лицо его краснѣло, и онъ начиналъ кричать. По-русски зналъ онъ порядочно, но имѣлъ нѣмецкій акцентъ. Однако, особенной пользы онъ не приносилъ потому, что считалъ русскихъ неспособными къ изученію нѣмецкаго языка. Онъ всегда говорилъ: «Вы, господа, скорѣе вашими головами разобьете эту печь, нежели изучите нѣмецкій языкъ... О, вы не знаете, что такое нѣмецкій языкъ. Кто его знаетъ, тому не нужно учиться ничему!» И мы вѣрили Гельману, что нѣмецкій языкъ для насъ недостижимъ, и плохо его изучали.

Ваксмундъ. Это былъ сухопарый нѣмецъ, съ мелкими чертами лица, высокій, тощій и худой. Онъ отличался тѣмъ, что никогда ничего не говорилъ, но постоянно, во время дежурства и въ классѣ при вечернихъ занятіяхъ, ходилъ впередъ и назадъ, все въ одномъ и томъ же направленіи и не переставая жевалъ что-то. Долго мы ломали голову, желая рѣшить—что онъ жуетъ. Наконецъ убѣдились, что онъ жевалъ корки чернаго хлѣба, вынимая ихъ изъ кармана, въ которомъ всегда былъ большой запасъ хлѣбныхъ корочекъ. Видно было, что человѣкъ этотъ относился къ своей обязанности съ совершеннымъ неглижерствомъ и что у него были какія-то особыя думы, потому что онъ постоянно жевалъ, и фамилія его была Ваксмундъ; воспитанники надъ нимъ трунили и, какъ только онъ начиналъ ходить по классу и жевать, говорили, что онъ ваксить ротъ (правильнѣе было бы сказать — вощитъ ротъ). Вообще этотъ воспитатель имѣлъ видъ ненормально-мыслящаго. Пользы онъ своимъ молчаніемъ никакой не приносилъ, да и не могъ приносить потому, что и самъ не имѣлъ необходимыхъ познаній ни въ чемъ. Впослѣдствіи онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Это случилось такъ: онъ влюбился въ одну даму высшаго общества города Казани, мужъ которой былъ въ генеральскомъ чинѣ. Ваксмундъ явился къ ней однажды и объяснился въ любви. Она отвергла его

любовь, и онъ застрѣлилъ ее, а вслѣдъ затѣмъ пустилъ пулю и себѣ въ високъ. Это случилось на Казанскомъ пороховомъ заводѣ.

Вольфъ. Онъ былъ рябой, имѣлъ громадную голову, огромныя уши, большой толстый носъ, толстыя губы, маленькіе сѣрые глаза и очень большіе и бѣлые зубы, а такъ какъ онъ постоянно улыбался самодовольно и простодушно, то зубы его также постоянно представлялись нашимъ взорамъ. Тѣлосложеніе Вольфа напоминало бычачье и тѣмъ больше, что онъ имѣлъ толстыя короткія ноги и такія же руки, а животъ былъ очень большой, сильно выдавшійся впередъ. Поэтому воспитанники прозвали его быкомъ, хотя по фамиліи онъ былъ волкъ, если сбавить одинъ f на концѣ его фамиліи (Wolff). Пользы этотъ ожирѣвшій и апатичный воспитатель никакой не приносилъ: онъ не только не имѣлъ никакихъ познаній, но отличался еще и тѣмъ, что вѣчно спалъ, а поэтому его всего чаще назначали въ спальни, на ночное дежурство, гдѣ онъ крѣпко и засыпалъ въ назначенномъ для дежурнаго волтеровскомъ креслѣ. Въ то время, когда раздавался по спальнямъ храпъ Вольфа, съ различными переливами и оттѣнками, воспитанники ходили на головахъ и нерѣдко запускали въ носъ Вольфа гусара (вдуваніе черезъ трубочку щепоти табаку). Вольфъ просыпался, чихалъ и бѣжалъ съ своего мѣста, чтобы поймать виновнаго; но это ему не удавалось. Однажды ему во время сна бросили снѣжный комъ въ лицо. Ему удалось поймать тогда виновнаго, котораго онъ порядкомъ притузилъ, но инцидентъ этотъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для виновнаго.

Карлсбергъ. Кажется, что онъ былъ, какъ исключеніе изъ правила, англичанинъ. Видъ его былъ весьма важный, волосы рыжіе, глаза сѣрые, большіе, носъ громадный и покрытый какими-то прыщами, а потому всѣ говорили, что онъ болѣлъ французскою болѣзнію. Онъ по-русски говорилъ весьма плохо, но зналъ англійскій языкъ и одно время преподавалъ намъ этотъ языкъ, но это продолжалось недолго, такъ какъ преподаваніе англійскаго языка въ гимназіи было вскорѣ уничтожено. Карлсбергъ не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ и не приносилъ никакой пользы уже потому, что не зналъ русскаго языка, а только безобразно коверкалъ его. Напримѣръ вмѣсто баня онъ говорилъ банъ, вмѣсто спальня—

шпалнъ, вмѣсто комната—комотъ и т. п. Все это возбуждало всеобщій смѣхъ.

Люстигъ былъ нѣмецъ. Онъ зналъ хорошо русскій языкъ, былъ всегда изящно одѣтъ и раздушенъ, старался понравиться начальству и жить въ ладу съ воспитанниками, но не приносилъ никакой пользы, потому что къ обязанности своей относился совершенно индифферентно.

Николаи. Это былъ вполнѣ обрусѣвшій добрый нѣмецъ. Какъ воспитатель, онъ не приносилъ никакой пользы, а именно по той причинѣ, что относился совершенно индифферентно къ своей обязанности. То же самое нужно сказать и о Китнерѣ. Этотъ обрусѣвшій нѣмецъ, хорошо знавшій русскій языкъ, былъ постоянно занятъ охотой, къ которой имѣлъ особую страсть, а потому воспитанники могли отъ него выучиться искусству охотиться, но отнюдь не нѣмецкому языку. Въ классѣ, во время вечернихъ занятій и во всякое удобное время, Китнеръ заводилъ рѣчь о томъ, какъ онъ удачно охотился за зайцами, или какъ онъ убилъ медвѣдя и при этомъ лгалъ немилосердно. Жизнь свою онъ кончилъ на охотѣ, задѣвъ ногой за курокъ, причемъ выстрѣлъ изъ ружья угодилъ ему въ животъ, отчего онъ и умеръ часа черезъ два.

И такъ подборъ воспитателей сильно грѣшилъ въ двухъ отношеніяхъ, а именно: или это были ни къ чему неспособные и незнавшіе русскаго языка нѣмцы, или обрусѣвшіе и знавшіе русскій языкъ нѣмцы, которые совершенно индифферентно относились къ своимъ обязанностямъ. Результатъ ихъ заботъ не только былъ равенъ нулю, но и приносилъ значительный вредъ воспитанникамъ черезъ поблажки, которыя допускались воспитателями и вели къ укорененію шалостей и къ подрыву нравственности.

Преобладаніе нѣмецкаго элемента среди воспитателей (или, какъ ихъ иногда называли, надзирателей) объяснялось благимъ намѣреніемъ начальства—способствовать практическому изученію нѣмецкаго языка; но эта благая цѣль вовсе не достигалась, потому что воспитатели равнодушно относились къ практическимъ занятіямъ и сами не были подготовлены къ нимъ, а иные отличались совершеннымъ невѣжествомъ. Поэтому, все дѣло практическаго изученія нѣмецкаго языка ограничивалось тѣмъ, что бывало Богданъ

Ивановичъ Зоммеръ прокричитъ въ столовой: «beten-sie meine Herren» или: «Stehen-sie auf meine Herren».

Инспекторомъ гимназіи въ то время, какъ я уже сказалъ, былъ Кропачевъ, директоромъ Галкинъ.

Вотъ характеристика этихъ личностей.

Кропачевъ былъ прежде смотрителемъ Казанскаго уѣзднаго училища. По удаленіи Скорнякова, онъ былъ назначенъ на мѣсто инспектора, какъ отличавшійся строгостями и порядкомъ въ ввѣренномъ ему училищѣ. Попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ дѣйствительно сдѣлалъ удачный выборъ. Кропачевъ былъ строгъ, но справедливъ, ни малѣйшаго звѣрства, такъ свойственнаго педагогамъ сороковыхъ годовъ, онъ при наложеніи взысканій и наказаній не обнаруживалъ, старался дѣйствовать внушеніями, но не строгими наказаніями. Даже столь любимыя тогда тѣлесныя наказанія примѣнялись Кропачевымъ весьма рѣдко и въ крайнихъ случаяхъ. Одинъ упрекъ, который можно было сдѣлать Кропачеву, былъ тотъ, что онъ обращалъ мало вниманія на непригодность воспитателей и не могъ оцѣнить того вреда, который приносили воспитанникамъ эти господа своею неспособностію; но это объясняется тѣмъ, что Кропачевъ самъ, будучи смотрителемъ уѣзднаго училища, былъ мало подготовленъ къ широкой и весьма отвѣтственной дѣятельности инспектора гимназіи. Однако доброе сердце этого человѣка, его природный умъ и тактъ при примѣненіи наказаній въ столь критическое время, послѣдовавшее за удаленіемъ избитаго воспитанниками инспектора Скорнякова, когда воспитанники гимназіи далеко не были настроены въ пользу начальства,—должны быть приведены здѣсь, какъ доказательства, что Кропачевъ былъ весьма почтеннымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ. При мнѣ онъ оставался инспекторомъ не болѣе четырехъ лѣтъ и былъ переведенъ директоромъ, кажется, въ Пензенскую гимназію.

Директоръ гимназіи, Николай Алексѣевичъ Галкинъ. Это былъ очень добрый и мягкій человѣкъ, но такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ педагогическихъ данныхъ, то и не могъ принести гимназіи той пользы, которую можно ожидать отъ энергичнаго и опытнаго директора. Притомъ онъ слишкомъ мало вникалъ въ дѣло воспитанія и преподаванія въ гимназіи, являясь въ нее весьма

рѣдко, а слѣдовательно и не могъ знать всего, что творилось въ стѣнахъ ввѣреннаго ему заведенія.

Послѣ Кропачева инспекторомъ гимназіи былъ назначенъ Зейдлицъ, который вскорѣ и прибылъ изъ Петербурга.

Это было одно изъ самыхъ несчастнѣйшихъ назначеній для заведенія, гдѣ все было распущено, все требовало обновленія и освѣженія, новыхъ лучшихъ порядковъ, даже коренныхъ реформъ, къ чему Зейдлицъ рѣшительно не только не былъ способенъ, но, представляя изъ себя какое-то чудовищное явленіе въ педагогическомъ смыслѣ, наносилъ даже огромный вредъ ввѣренному ему заведенію.

Зейдлицъ велъ свой родъ отъ знаменитаго прусскаго генерала Зейдлица, пріобрѣвшаго извѣстность въ Семилѣтнюю войну.

Объ этомъ онъ и заявилъ намъ при вступленіи въ свою должность.

— Я, сказалъ Зейдлицъ, не простой инспекторъ, какіе до сихъ поръ были въ гимназіи... я потомокъ того храбраго генерала, который отличился въ Семилѣтнюю войну, и буду вести дѣло вашего воспитанія и ученія по традиціямъ, унаслѣдованнымъ мною отъ моего великаго предка... Первое дѣло — дисциплина... Безъ дисциплины не можетъ быть ни воспитанія, ни ученія.

На основаніи этихъ словъ инспектора, мы приготовились къ большимъ строгостямъ; но послѣдствія показали, что этихъ строгостей и дисциплины вовсе не было, что инспекторъ не только не походилъ на своего великаго предка, какъ онъ выражался, но былъ ниже всякой посредственности и даже трудно сказать, былъ ли онъ умственно здоровъ, или психически боленъ.

Начнемъ съ наружности. Тощій, худой, сухой нѣмецъ съ непріятнымъ выраженіемъ лица, съ странными ненормальными движеніями тѣла, болѣзненнымъ видомъ лица и страннымъ, ненормальнымъ выраженіемъ глазъ, Зейдлицъ съ перваго раза дѣлалъ впечатлѣніе умственно-больнаго человѣка. Вѣчное недовольство, несвязность рѣчи, странность пріемовъ, даже необдуманность дѣйствій, куча выходящихъ изъ ряда несообразностей, рѣзкость всѣхъ поступковъ и странное самообольщеніе—вотъ главныя черты этого чудовищнаго инспектора. Появленіе его въ гимназіи встрѣтилось

всеобщимъ хохотомъ. И нельзя было удержаться отъ смѣха: онъ чрезвычайно быстро бѣгалъ по корридорамъ и классамъ гимназіи, вездѣ отпускалъ какія-то короткія, безсвязныя фразы, вбѣгалъ въ классъ во время урока и произносилъ что-то, а затѣмъ быстро убѣгалъ изъ класса, и никто не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ ему было нужно, или какое онъ сдѣлалъ замѣчаніе. «Я, говорилъ онъ, долженъ узнать всѣхъ учениковъ». Но какъ онъ узнавалъ ихъ? Часто, войдя въ классъ во время занятій (урока), онъ садился на заднюю скамейку и такъ какъ воспитанники сидѣли по алфавитному списку, онъ вынималъ изъ кармана списокъ и повѣрялъ учениковъ по списку, упуская изъ виду, что нѣкоторыхъ учениковъ не было по разнымъ причинамъ въ классахъ, а между тѣмъ онъ дѣлалъ въ спискѣ замѣтки, у кого изъ воспитанниковъ какія уши, какая спина, плечи, какая стрижка волосъ и какой цвѣтъ послѣднихъ. Противъ одного онъ отмѣчалъ: «волосы торчатъ, похожи на свиную щетину»; противъ другаго: «уши большія, напоминающія ослиныя»; противъ третьяго: «уши маленькія, похожи на пельмень»; противъ четвертаго: «въ плечахъ широкъ, голова—какъ пивной котелъ». Другой разъ онъ стоялъ у дверей, ведущихъ въ классъ (двери всѣ были до половины стеклянныя) и, замѣчая, какъ ученики выглядятъ спереди, дѣлалъ отмѣтки въ спискѣ. Противъ одного онъ отмѣчалъ: «Носъ большой и нечистъ»; противъ другаго: «носъ маленькій и часто чешетъ его»; противъ третьяго: «глаза сонные, должно быть, лѣнтяй»; противъ четвертаго: «губы похожи на телячьи, лобъ широкій». Если онъ шелъ по корридору и встрѣчалъ воспитанника, который грызъ орѣхъ, то онъ останавливалъ такого, спрашивалъ фамилію, вынималъ списокъ и отмѣчалъ противъ него: «Орѣхъ». Бѣда была при встрѣчѣ съ нимъ улыбнуться. Онъ принималъ эту улыбку на свой счетъ (а не улыбнуться или не смѣяться нельзя было), останавливалъ воспитанника, вынималъ списокъ и, справившись о фамиліи, отмѣчалъ: «Смѣхъ». Встрѣтившись однажды съ нимъ, я улыбнулся, онъ меня остановилъ.

— Какъ твоя фамилія? Я назвалъ себя. Зейдлицъ вынулъ списокъ. Ты уже дважды отмѣченъ здѣсь за «смѣхъ», сказалъ онъ. Видишь, читай, здѣсь ясно написано... Я прочелъ противъ себя:

«Смѣхъ». Читай еще дальше, рядомъ. Я прочелъ еще: «дерзкій смѣхъ».

— Видишь, каковъ ты! сказалъ Зейдлицъ.

Всѣ эти отмѣтки дѣлались для того, чтобы лучше узнать воспитанника, изучить его характеръ, имѣть полное понятіе о поведеніи.

— Я каждаго изъ васъ знаю, какъ свои пять пальцевъ. У меня каждый изъ васъ отмѣченъ, и этими отмѣтками я буду руководиться при оцѣнкѣ вашего поведенія и на экзаменахъ, говорилъ намъ, чуть ли не каждый день, Зейдлицъ.

Если кто-нибудь изъ воспитанниковъ обращался къ инспектору по какому-нибудь дѣлу, то онъ спрашивалъ фамилію. Спрашиваемый произносилъ свою фамилію. Тогда инспекторъ спрашивалъ: какого класса? Удостовѣрясь у дежурнаго надзирателя или другимъ способомъ, что спрашиваемый правильно назвалъ свою фамилію и классъ, Зейдлицъ полушопотомъ начиналъ читать наизусть алфавитный списокъ того класса, къ которому принадлежалъ имѣющій къ нему дѣло воспитанникъ, и когда доходилъ до его фамиліи, то спрашивалъ имя, а затѣмъ вынималъ изъ кармана книжку, въ которой находился списокъ всѣхъ учениковъ, раскрывалъ книжку и удостовѣрялся о томъ, какая сдѣлана отмѣтка. Теперь онъ спрашивалъ воспитанника, напримѣръ, такъ:

— Ты грызешь еще орѣхи?

Воспитанникъ конфузился и, зная, что противъ него сдѣлана отмѣтка «орѣхъ», молчалъ.

— Грызешь ли орѣхи? повторялъ Зейдлицъ.

Воспитанникъ заявлялъ, что если случится, то грызетъ орѣхи.

— Не грызть орѣховъ! объявлялъ инспекторъ, и тогда уже дѣлалъ резолюцію на просьбу воспитанника.

Другому онъ говорилъ, продѣлавъ прежде то же, что и съ первымъ.

Отчего у тебя носъ такой широкій?

Воспитанникъ конфузился.

— Ты сжимай его почаще пальцами,—совѣтовалъ инспекторъ.

Однажды я просился въ отпускъ у Зейдлица и пришелъ къ нему на квартиру.

— Какъ фамилія? спросилъ онъ.

Я назвалъ себя.

— Котораго класса?

— Пятаго, отвѣтилъ я.

Зейдлицъ полушопотомъ сталъ читать алфавитный списокъ учениковъ пятаго класса (онъ зналъ наизусть списки учениковъ всѣхъ классовъ): Антроповъ Николай, Бетюцкій Николай, Голстунскій Константинъ, Домонтовичъ Петръ, Зоммеръ Сергѣй, Ивановъ Василій, и наконецъ громко произнесъ мою фамилію и при этомъ вопросительно сказалъ: Александръ? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ты какъ смѣешь смѣяться надо мною? спросилъ Зейдлицъ.

— Я не смѣялся надъ вами, былъ мой отвѣтъ.

— Ты негодяй! У меня отмѣчено, что дважды и даже дерзко смѣялся... Тебѣ неизвѣстно, что мой предокъ извѣстный прусскій генералъ. Ты, вѣроятно, ничего не знаешь объ этомъ знаменитомъ генералѣ? Имѣешь ли ты понятіе о Семилѣтней войнѣ?

— Нѣтъ! Мы изучали только среднюю исторію.

— Ну, такъ знай же: этотъ знаменитый генералъ Зейдлицъ отличился въ Семилѣтнюю войну, и онъ мой предокъ... Я веду отъ него мой родъ... И смѣяться надъ собою не позволю! Я тебя съ грязью смѣшаю, я тебя выброшу въ эту форточку... Я тебя въ Сибирь упрячу... Меня лично знаетъ прусскій король и нашъ русскій императоръ... Понимаешь ли, я вездѣ извѣстенъ, а ты смѣешься надо мною! Я тебя въ бараній рогъ согну! Иди прочь! Но помни: еще одинъ смѣхъ—и ты пропалъ!

— Я прошу объ отпускѣ, сказалъ я.

— Отпуска такому негодяю нѣтъ! Отпускъ даютъ за хорошее поведеніе, а ты поведенія самаго дурнаго... Мало! ты преступникъ! Иди прочь! Никогда не получишь отпуска... Безъ отпуска навсегда остаешься!..

Я слушалъ все это и не вѣрилъ своимъ ушамъ, и тѣмъ болѣе, что рѣшительно не считалъ себя виновнымъ. Зейдлицъ меня особенно не взлюбилъ, но какая была причина—до сихъ поръ не могу уяснить хорошо. Кажется, что я однажды, при встрѣчѣ съ нимъ, улыбнулся, и сдѣланная имъ противъ меня замѣтка: «смѣхъ», по всей вѣроятности, и вызвала неудовольствіе Зейдлица и тѣмъ бо-

лѣе, что ему еще какъ-то показалось, что я смѣялся надъ нимъ, что̀ и вызвало другую отмѣтку: «дерзкій смѣхъ». Вотъ послѣ этой-то послѣдней отмѣтки и разразился Зейдлицъ вышеозначенными угрозами.

Воспитанники прозвали Зейдлица почему-то Зяблицею. Бывало онъ идетъ по двору гимназіи, а изъ отвореннаго окна воспитанники кричатъ ему: Зяблица! Зяблица!

— Ахъ вы, негодяи! отвѣчаетъ инспекторъ.—Стойте тамъ! Я сейчасъ приду,—добавляетъ онъ и быстро идетъ наверхъ.

Пришедши на то мѣсто, откуда раздавались крики: Зяблица! Зяблица! инспекторъ никого не видитъ и возглашаетъ:

— Гдѣ же они, негодяи? Какъ смѣли уйти?

Онъ бѣжитъ въ классы и въ каждомъ возглашаетъ:

— Кто былъ у окна и кто кричалъ—Зяблица? Выходи сюда!

Разумѣется, никто не выходитъ. Инспекторъ сбавляетъ всѣмъ ученикамъ гимназіи по два балла въ поведеніи.

— Я вамъ покажу, какая я Зяблица! Всѣмъ сбавлю баллы въ поведеніи.

Дѣйствительно, такъ какъ эти шутки и крики вслѣдъ инспектору повторялись часто, дѣло дошло до того, что почти у всѣхъ учениковъ было по единицѣ въ поведеніи, у рѣдкихъ учениковъ по два балла. Инспекторъ, не зная, кто кричитъ ему вслѣдъ «Зяблица», началъ бѣгать по классамъ, вызывать воспитанниковъ, приглядываться къ физіономіямъ, желая прочесть на лицѣ каждаго—не кричалъ ли онъ вслѣдъ слова «Зяблица», сдѣлавшагося инспектору ненавистнымъ. Каждому вызываемому онъ говорилъ: я знаю, что ты кричишь мнѣ вслѣдъ «Зяблица». Большинство молчало или краснѣло, и вотъ тутъ-то инспекторъ, по внутреннему вдохновенію, и поставитъ единицы и двойки за поведеніе. Нѣсколько человѣкъ только имѣло отмѣтку въ поведеніи по три балла: не болѣе трехъ во всей гимназіи и изъ этихъ трехъ двое всего больше и чаще участвовали въ вышеозначенномъ преслѣдованіи инспектора словомъ «Зяблица». Такъ Зейдлицъ оцѣнивалъ поведеніе учениковъ!

Зейдлицъ считалъ себя спеціалистомъ по всеобщей исторіи.

— Я долженъ былъ изучить исторію, заявлялъ онъ намъ,—

потому, что мой знаменитый предокъ, генералъ Зейдлицъ, былъ историческимъ лицомъ, и ему Европа обязана тѣмъ, что карта ея такая, а не иная...

На основаніи этого, Зейдлицъ особенно ревностно слѣдилъ за преподаваніемъ исторіи, для чего онъ каждый классъ исторіи стоялъ у дверей, слегка ихъ отворялъ и прислушивался изъ корридора къ словамъ учителя исторіи. Если ему казалось, что учитель несправедливо преподаетъ исторію, то онъ вбѣгалъ въ классъ и, стоя у дверей, скороговоркой заявлялъ учителю, что «онъ самъ не знаетъ исторіи и едва-ли можетъ учить другихъ». Едва изумленный учитель раскрывалъ ротъ, чтобы отвѣтить инспектору, какъ послѣдній убѣгалъ столь же быстро изъ класса, какъ и входилъ въ него. На экзаменѣ исторіи (одинъ только разъ, когда онъ оставался еще инспекторомъ) онъ каждаго ученика спрашивалъ—изучалъ ли онъ Семилѣтнюю войну и что̀ ему извѣстно о подвигахъ знаменитаго генерала Зейдлица.

Зейдлицъ составилъ списокъ всѣхъ учителей и противъ каждаго, такъ же, какъ и противъ воспитанниковъ, дѣлалъ отмѣтки. Противъ учителя исторіи, Цилле, человѣка почтеннаго и знающаго, онъ отмѣтилъ: «не имѣетъ понятія о томъ, что́ такое симонія». Противъ учителя математики, Больцани, отлично знавшаго свое дѣло, онъ написалъ: «едва-ли онъ знаетъ алгебру, а геометріи, вѣроятно, не знаетъ» и т. д.

Во времена Зейдлица я былъ въ 5-мъ классѣ. Случилось такъ, что я за одинъ мѣсяцъ имѣлъ изъ всѣхъ предметовъ отмѣтку пять (высшій баллъ). Тогда такихъ учениковъ записывали на красную доску.

Однажды Зейдлицъ вбѣжалъ въ классъ и объявилъ:

— Результаты успѣховъ за прошедшій мѣсяцъ: такой и такой-то записываются на отличную доску, а такіе-то на черную доску.

Затѣмъ онъ вызвалъ меня и объявилъ:

— У тебя изъ всѣхъ предметовъ высшіе баллы, но въ поведеніи — нуль, а потому ты не можешь быть записанъ на отличную доску, и только благодаря успѣхамъ въ наукахъ, избавляешься отъ записыванія на черную доску.

Сбавки балловъ за поведеніе дошли до того, что, какъ уже за-

*

мѣчено, огромное большинство воспитанниковъ имѣли по два балла, по единицѣ и по нулю за поведеніе. Совѣтъ гимназіи обратилъ на это вниманіе. Подробности неизвѣстны, но дѣло кончилось тѣмъ, что Зейдлицъ скоро былъ удаленъ изъ гимназіи. Какъ все это случилось, намъ въ то время достовѣрно не было извѣстно. Радость и ликованіе и воспитанниковъ и учителей по поводу удаленія Зейдлица, который былъ ненавидимъ всѣми, не поддаются описанію. Изъ всего, что до сихъ поръ сообщено о Зейдлицѣ, кажется, трудно не придти къ заключенію, что онъ былъ или психически нездоровъ, или имѣлъ превратное понятіе о ввѣренной ему должности инспектора гимназіи. О немъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, будучи нѣмцемъ, онъ, несмотря на то, какъ исключеніе изъ правила, зналъ отлично русскій языкъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. ХАРИТОНОВА.

Дѣтство и воспитаніе.

Составъ нашего семейства въ 1824 году.—Мое поступленіе въ Лицейскій пансіонъ.—Встрѣча тѣла государя Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ.—Смерть отца въ 1826 году.—Прохожденіе его военной службы, участіе въ походахъ и боевыя отличія.—Хоръ пѣвчихъ въ Лицейскомъ пансіонѣ и мое въ немъ участіе.—Упраздненіе Лицейскаго пансіона въ 1829 году и переходъ мой въ Царскосельскій лицей.—Бывшія собранія лицеистовъ первыхъ 7 курсовъ 19 октября.—Я породнился съ семействомъ профессора барона Е. В. Врангеля.—Перемѣны и преобразованія въ лицеѣ въ 1832 году.—Наши усиленныя занятія въ старшемъ курсѣ.—День нашего выпуска 13 іюня 1835 года и прощальная лицейская пѣснь.—Я первый изъ лицеистовъ рѣшился поступить на службу въ военное министерство.

Родился я 5-го февраля 1816 года и, какъ себя помню, мы жили въ собственномъ домѣ въ г. Гродно, гдѣ стоялъ 48-й Егерскій полкъ, которымъ командовалъ отецъ; когда же онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ, то мы переѣхали, въ 1821 году, въ г. Кременецъ Волынской губерніи. Тамъ я началъ себя сознавать и тамъ протекли первые годы моего школьнаго дѣтства.

Грамотѣ русской и первымъ молитвамъ училъ меня Н. В. Мильковичъ, бывшій бригаднымъ адъютантомъ у моего отца, а для дальнѣйшаго приготовленія по другимъ предметамъ взятъ былъ учителемъ студентъ Кременецкаго лицея (закрытаго послѣ возстанія 1831 года). Гувернера у меня не было, а ходилъ за мной, какъ дядька, старый денщикъ, онъ же дворецкій, Сорокинъ. Всѣхъ насъ дѣтей было десять: шесть сестеръ и четыре брата.

Къ тому времени, съ котораго я начинаю, т. е. къ 1824 году, три старшія сестры: Елена, Екатерина и Анна были уже замужемъ,

двѣ другія—Наталья и Юлія воспитывались въ Смольномъ монастырѣ, старшій братъ Александръ былъ въ Лицейскомъ пансіонѣ въ Софіи (въ Царскомъ Селѣ), а младшая сестра Софья и младшіе братья Николай и Константинъ находились пока дома. Потомъ и они поступили: Софья въ Смольный монастырь, а Николай и Константинъ въ Пажескій корпусъ; изъ нихъ первый умеръ пажемъ въ 1831 году.

Вообще изъ всѣхъ насъ дѣтей только одна сестра Анна, вышедшая за Мильковича, получила домашнее воспитаніе и была любимицей или (какъ тогда говорили) фавориткой родителей, особенно отца. Остальные, въ томъ числѣ и я, воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ по ходатайству великаго князя цесаревича Константина Павловича, командовавшаго отдѣльнымъ Литовскимъ корпусомъ и бывшаго, такимъ образомъ, главнымъ начальникомъ моего отца. Его высокому покровительству вообще много обязано наше многочисленное семейство, такъ: матушка уже послѣ смерти отца получила въ натурѣ, на 12 лѣтъ, аренду, которой срокъ истекалъ въ 1841 году. Доставшееся ей въ аренду казенное имѣніе было староство Полепіе въ Россіенскомъ уѣздѣ Виленской (нынѣ Ковенской) губерніи, по сосѣдству съ имѣніями помѣщиковъ трехъ братьевъ Довгирдовъ, изъ которыхъ средній, Михаилъ, женился въ 1837 году на сестрѣ моей Софьѣ.

Изъ воспоминаній дѣтства сохранилось у меня очень немного. Помню домъ, въ которомъ мы жили въ Кременцѣ, подъ горою Боной, нашъ дворъ и устроенныя подлѣ дома сошки, къ которымъ мы съ братомъ Николаемъ становились во фронтъ и отдавали честь съ барабаннымъ боемъ отцу, когда онъ возвращался съ развода или ученья. Тогда еще каждому генералу били походъ при проѣздѣ мимо гауптвахты—честь, которая теперь отдается только государю Ровно въ 12 часовъ мы садились за столъ обѣдать, а въ 8 часовъ вечера подавали ужинъ, который также начинался съ супа. Помню наши прогулки за 7 верстъ отъ города въ мѣсто, называемое «Королевскій мостъ»; тутъ, въ прекрасномъ паркѣ, играла полковая музыка, и мы пили чай подъ тѣнью тополей и липъ.

Изъ постороннихъ лицъ всего болѣе остался у меня въ памяти генералъ Гогель, бывшій начальникомъ 25-й пѣхотной дивизіи, въ

которой служилъ отецъ, и хорошимъ знакомымъ нашего дома. Мы ѣзжали къ нему въ г. Дубно, верстъ за 40 отъ Кременца.

Это отецъ генералъ-адъютанта Григорія Ѳедоровича Гогеля, съ которымъ я познакомился въ 1844 году и сохранилъ дружескія къ нему отношенія до самой его смерти, въ ноябрѣ 1881 года. Менѣе остался у меня въ памяти Скобелевъ (дѣдъ знаменитаго Скобелева, скоропостижно умершаго въ 1882 году), который былъ также сослуживецъ отца и матушку мою называлъ обыкновенно «мать командирша»; но за то хорошо помню Максимовича, который, послѣ Мильковича, былъ у отца бригаднымъ адъютантомъ. Тогда онъ былъ бѣдный армейскій офицеръ, жившій однимъ жалованіемъ, а въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ командованія Образцовымъ пѣхотнымъ полкомъ, купилъ громадный домъ на Невскомъ проспектѣ и умеръ милліонеромъ.

Въ 1824 году вышелъ срокъ, когда я долженъ былъ поступить въ Лицейскій пансіонъ, гдѣ уже съ 1820 года находился старшій братъ Александръ, и матушка повезла меня изъ Кременца, за 1.500 верстъ, на долгихъ, въ коляскѣ, запряженной шестью лошадьми, которыми управлялъ фурманъ жидъ — одинъ безъ форрейтора. Живо сохранился въ памяти моей этотъ переѣздъ, съ безконечными остановками въ корчмахъ и на постоялыхъ дворахъ, въ прекрасное, впрочемъ, время года — весной. Пріѣхали мы въ Петербургъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня и остановились у моей тетки, Екатерины Карловны Стефановской, въ двухъэтажномъ домѣ но Фонтанкѣ, на углу Косаго Дементьевскаго переулка, противъ дома, занимаемаго нынѣ Императорскимъ училищемъ правовѣдѣнія.

1-го августа 1824 года матушка отвезла меня въ г. Софію (Царское Село) и сдала на руки подполковнику Алабову, директору Лицейскаго пансіона. Мнѣ было тогда 8½ лѣтъ, и такимъ-то ребенкомъ я покинулъ навсегда родительскій домъ.

Въ пансіонѣ я пробылъ 5 лѣтъ и за все это время не пользовался отпусками, по неимѣнію ни родныхъ, ни знакомыхъ, а всѣ праздники и каникулы проводилъ въ стѣнахъ казеннаго зданія, которое мы называли шкатулкою. Послѣ же упраздненія Лицейскаго пансіона оно служило помѣщеніемъ для Александровскаго малолѣтняго кадетскаго корпуса, а теперь обращено въ казармы

для лейбъ-гвардіи Стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи. Общимъ для насъ, воспитанниковъ, развлеченіемъ были товарищескія игры въ лапту, бары и зимой въ снѣжки, да еще прогулки лѣтомъ съ гувернеромъ въ Павловскъ или Баболово и въ большой царскосельскій садъ купаться. Обращеніе съ воспитанниками въ пансіонѣ было хотя и не столь сурово, какъ въ кадетскихъ корпусахъ, однакожъ практиковались разныя мѣры взысканія, теперь неизвѣстныя: оставленіе безъ чаю, безъ обѣда или безъ ужина, постановка на колѣни въ продолженіе двухъ и трехъ часовъ во время класса или рекреаціи и даже розги. Я самъ за совершенно дѣтскія шалости подвергся три раза послѣднему наказанію.

За пятилѣтній періодъ пребыванія моего въ лицейскомъ пансіонѣ особенно осталась у меня въ памяти встрѣча тѣла государя Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ. Въ церемоніи встрѣчи участвовали и мы, воспитанники пансіона и лицея, идя по три въ рядъ, при самой холодной погодѣ, въ однихъ мундирахъ, безъ наушниковъ и башлыковъ, какіе теперь и солдатамъ даются. Я, какъ самый младшій по лѣтамъ и по росту, шелъ въ первомъ ряду. Помню также присягу прежде Константину, а потомъ, чрезъ недѣлю, Николаю Павловичу, о бунтѣ же 14-го декабря доходили до насъ въ Царское Село смутные слухи, и у меня объ нихъ ничего въ памяти не осталось, что̀, впрочемъ, не мудрено потому, что мнѣ тогда не было и полныхъ десяти лѣтъ.

Въ 1826 году пріѣзжала матушка въ Петербургъ, чтобы отдать сестру Софью въ Смольный монастырь, и застала меня въ больницѣ, гдѣ я пробылъ три мѣсяца, медленно поправляясь послѣ страшной болѣзни—водянки въ головѣ, отъ которой рѣдко кто выздоравливаетъ.

Матушка и сестра Софья были въ траурѣ по отцѣ, который умеръ въ нѣсколько часовъ (отъ холодной ботвиньи) 10-го августа 1826 года. Скажу при этомъ объ отцѣ, что онъ былъ истый воинъ, всегда служилъ въ строю и, участвуя въ походахъ противъ Наполеона 1-го и въ Шведскую кампанію 1809 года, имѣлъ всѣ военные знаки отличія. Такъ, за боевые подвиги въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ онъ получилъ: въ 1807 году, въ чинѣ капитана, золотую шпагу съ надписью: «за храбрость», а въ Отечественную войну

1812 года, въ чинѣ маіора, ордена: Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, Георгія 4-го класса (за Бородинское сраженіе), Анны 2-й степени и произведенъ въ подполковники; въ 1813 же году, послѣ сраженія подъ Бауценомъ, получилъ за отличіе чинъ полковника.

Матушка моя сопровождала отца во всѣхъ заграничныхъ походахъ, была съ нимъ въ Парижѣ и возвратилась съ войсками въ Россію уже въ 1816 году. Тутъ и я появился на Божій свѣтъ въ г. Невелѣ Витебской губерніи и крещенъ въ походной церкви 48 Егерскаго полка, котораго отецъ былъ командиромъ.

Замѣчательно, что послѣ командованія полкомъ и бригадою, въ продолженіе 10 лѣтъ мирнаго времени (1816—1826 г.), отецъ умеръ въ генеральскомъ чинѣ, не имѣя высшаго ордена послѣ Анны 2-й ст. съ брильянтами, которую онъ получилъ еще въ чинѣ маіора въ 1812 году за отличіе въ дѣлѣ подъ Тарутиномъ. Это указываетъ, впрочемъ, только на то, какъ прежде высоко цѣнились и рѣдко давались ордена, потому что отецъ за отличное командованіе не оставался безъ наградъ. Изъ формуляра его видно, что за представленіе командуемыхъ имъ частей въ примѣрномъ порядкѣ и благоустройствѣ онъ за это именно время, съ 1816 по 1826 годъ, получилъ пять Высочайшихъ благоволеній, денежную награду въ 4.000 руб. ассигнаціями и на 12 лѣтъ аренду въ натурѣ, которою матушка воспользовалась уже послѣ его смерти [1]).

Послѣ опасной болѣзни, которую такъ счастливо перенесъ, я уже во все остальное время пребыванія моего въ пансіонѣ и лицеѣ, въ продолженіе 9 лѣтъ, постоянно былъ здоровъ и только одинъ разъ поступилъ въ лазаретъ, когда открылась у меня корь уже въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Въ 1827 году (значитъ, когда мнѣ было 11 лѣтъ) я поступилъ въ число пѣвчихъ пансіонскаго хора и былъ солистомъ, какъ soprano primo.

Въ хорѣ Лицейскаго пансіона было много хорошихъ голосовъ. Особенно отличались Константинъ Булгаковъ (извѣстный повѣса, служившій потомъ въ л.-гв. Московскомъ полку), Н. И. Лаубе,

---

[1]) О моемъ отцѣ, когда онъ былъ бригаднымъ генраломъ, упоминается неоднократно въ запискахъ Веригина. („Рус. Стар.“ 1893, кн. 2 и 3).

И. Н. Андреевъ (теноръ), Варламъ и Брянчаниновъ (басы). Мы не только пѣли простую обѣдню, но исполняли также самые трудные концерты Бортнянскаго, какъ напримѣръ: «Тебѣ Бога хвалимъ», «Слава въ вышнихъ Богу» и проч. Пѣли мы у себя въ пансіонской церкви, а иногда, особенно въ великомъ посту, вмѣстѣ съ лицеистами, приходили пѣть въ большую дворцовую церковь, въ которой тогда была служба круглый годъ, не такъ, какъ теперь, только во время пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ. Тріо «Да исправится молитва моя» я пѣлъ съ Бекманомъ и Комовскимъ [1]). Мы же трое приглашены были въ лицейскій хоръ (въ которомъ, по возрасту, не доставало дискантовъ и альтовъ). для исполненія прощальной пѣсни на выпускѣ лицеистовъ V-го курса въ 1829 году.

Памятно мнѣ въ томъ же 1829 году роковое для пансіона посѣщеніе государя 15-го января. Его величество, какъ донесъ по начальству директоръ лицея, «не былъ доволенъ». Вслѣдъ за симъ прибылъ къ намъ въ пансіонъ главный директоръ пажескаго и кадетскаго корпусовъ Демидовъ, и нашелъ, «что гувернеры не исполняютъ своей обязанности, чему служитъ доказательствомъ необразованный видъ воспитанниковъ, ибо почти ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни отвѣчать». (Ср. историческій очеркъ Императорскаго лицея, Селезнева, 1861 г., стр. 241). Такой дикій и невѣроятный отзывъ генерала Демидова объясняется только тѣмъ, что онъ самъ былъ преисполненъ странностей и суевѣрныхъ предразсудковъ. А послѣ того, какъ государь, при посѣщеніи Лицейскаго пансіона, остался недоволенъ, Демидовъ счелъ, конечно, своею обязанностію найти разные недостатки, но, какъ видно, не нашелъ другихъ, кромѣ относящихся къ наружному виду воспитанниковъ, да и тутъ поусердствовалъ: не мужики же мы были въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, наружная часть воспитанія была вообще слабостью Демидова, и на нее онъ обращалъ главное вниманіе, въ чемъ можно удостовѣриться изъ его приказа отъ 29-го марта 1828 года (приведеннаго въ томъ же очеркѣ Селезнева, стр. 235 и 236). Въ немъ

---

[1]) Это тотъ Комовскій, который потомъ дослужился до званія статсъ-секретаря и сенатора и умеръ въ Египтѣ, кажется, въ 1863 году. Его дневникъ за трт года, 1859, 60 и 61, довольно интересный, помѣщенъ въ трехъ книжкахъ журнала „Колосья“, за апрѣль, май и іюнь 1884 года.

предписывается: «почаще напоминать воспитанникамъ. какъ они должны ходить, стоять, сидѣть, кланяться, говорить, и какъ неприлично становиться на окна, высовываться въ форточки на улицу, быть въ каморахъ въ фуражкахъ, съ разстегнутыми мундирами, ибо, на основаніи Высочайшей воли, имъ позволено только разстегивать воротники, да и то во время стола и въ классахъ».

Какъ бы то ни было, уже въ февралѣ 1829 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи Лицейскаго пансіона; въ іюнѣ оно было приведено въ исполненіе, и въ стѣнахъ опустѣвшаго зданія (шкатулки) остались только 25 воспитанниковъ, которые предназначены были къ переводу въ лицей. Въ ихъ числѣ былъ и я, имѣя отъ роду 13 лѣтъ. Скажу кстати, что тогда въ лицеѣ весь комплектъ состоялъ изъ 50 человѣкъ и пополнялся чрезъ каждые три года только воспитанниками Лицейскаго пансіона, лучшими изъ двухъ меньшихъ классовъ 2-го и 3-го; остальные же воспитанники, переходя въ 4-й, 5-й и 6-й классы пансіона, оканчивали тамъ курсъ ученія и пользовались одинаковыми правами при поступленіи въ военную службу; выходившіе же изъ пансіона въ гражданскую службу получали, при высшихъ баллахъ, только X-й классъ, тогда какъ лучшимъ изъ лицеистовъ выдавался аттестатъ съ правомъ на чинъ IX-го класса.

Послѣ упраздненія пансіона порядокъ поступленія въ лицей измѣнился, комплектъ увеличенъ былъ на 50 своекоштныхъ воспитанниковъ и, вмѣсто двухъ курсовъ, образовано четыре класса. по полтора года въ каждомъ. Вотъ почему нашъ курсъ, по счету VII-й, считается послѣднимъ курсомъ стараго или первобытнаго Царскосельскаго лицея, хотя онъ перемѣщенъ въ Петербургъ и переименованъ въ Александровскій только съ 1844 года, слѣдовательно, еще 5 курсовъ, по XII-й включительно, окончили воспитаніе въ Царскомъ Селѣ. На этомъ основаніи, въ день общаго лицейскаго праздника 19-го октября, бывшіе воспитанники лицея первыхъ 7-ми выпусковъ или курсовъ собираются вмѣстѣ отдѣльнымъ кружкомъ, съ допущеніемъ въ него питомцевъ Лицейскаго пансіона. Въ числѣ послѣднихъ приглашались на моей памяти и постоянно участвовали въ лицейскомъ обѣдѣ Н. И. Лаубе (бывшій директоръ почтоваго департамента и статсъ-секретарь), А. П. Самсоновъ (генералъ-лейте-

нантъ и почетный опекунъ) и Ѳ. П. Корниловъ (членъ Государственнаго Совѣта). Теперь изъ нихъ остался въ живыхъ только послѣдній, да и всѣхъ насъ, представителей первобытнаго лицея, уже немного. Въ 1879 году собралось только 17, въ 1880 г.—13 и особо приглашенный сынъ А. С. Пушкина, а въ 1881 году—14 и кромѣ того бывшій директоръ лицея Н. Н. Гартманъ. Это былъ послѣдній обѣдъ, на которомъ я присутствовалъ. Закончился онъ печально внезапною смертію Д. Н. Замятнина, который былъ, при введеніи судебной реформы, министромъ юстиціи и считался старѣйшимъ между нами, какъ единственный представитель III-го выпуска 1823 года. Изъ II-го выпуска никого уже не было въ живыхъ, а изъ I-го оставался тогда еще одинъ, переживишій всѣхъ своихъ товарищей, государственный канцлеръ кн. А. М. Горчаковъ. Онъ и былъ тотъ (по словамъ Пушкина) «несчастный другъ, средь новыхъ поколѣній, докучный гость и лишній и чужой, кому подъ старость день лицея (19 октября) торжествовать пришлося одному». Наконецъ, въ 1884 году собралось всего 8 человѣкъ, да и изъ нихъ одного (И. Х. Бреверна) не стало. Оно и понятно: мы теперь всѣ уже юбиляры и къ намъ всѣмъ примѣнимы стихи Пушкина:

„Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ:
„Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
„Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ.
„Невидимо склоняясь и хладѣя,
„Мы близимся къ началу своему...“

Затѣмъ возвращаюсь къ давно прошедшему времени и прерванному разсказу.

Кромѣ насъ 25-ти, перешедшихъ въ лицей въ 1829 году, и 12, окончившихъ курсъ ученія въ томъ же году въ Лицейскомъ пансіонѣ, остальнымъ воспитанникамъ его предоставлено было, по желанію, поступать въ разныя учебныя заведенія, и на этомъ основаніи старшій братъ мой Александръ, которому оставался всего одинъ годъ до выпуска, перешелъ, вмѣстѣ со многими другими товарищами, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и зачисленъ былъ сперва въ Измайловскій, а потомъ въ л.-гв. Уланскій полкъ. При открытіи польской кампаніи братъ пошелъ съ полкомъ въ походъ, былъ произведенъ за Остроленское сраженіе въ офицеры и, не доходя до Варшавы, умеръ отъ холеры.

Первые два года въ лицеѣ я такъ же, какъ и въ пансіонѣ, оставался безъ отпусковъ и за время каникулъ [1]) 1830 года выучился, съ помощью лексикона Татищева, свободно читать по-французски. Я прочелъ всѣ бывшіе въ ходу романы Вальтеръ-Скотта, Виктора Гюго, Бальзака и другихъ, не отставая при этомъ и отъ русской литературы, которая тогда вся почти заключалась въ беллетристикѣ. Первые романы Василія Нарѣжнаго, Булгарина, Загоскина читались съ наслажденіемъ и производили сильное впечатлѣніе на мое юное воображеніе, тѣмъ болѣе, что они составляли запрещенный плодъ.

Въ концѣ 1831 года сестра Юлія вышла замужъ за командира Люблинскаго пѣхотнаго полка барона Александра Васильевича Врангеля, котораго братъ Егоръ Васильевичъ былъ у насъ профессоромъ юридическихъ наукъ и жилъ постоянно въ Царскомъ Селѣ съ семействомъ. Съ тѣхъ поръ я уже пересталъ быть сиротой и каждую субботу отправлялся въ отпускъ въ это почтенное семейство со старшимъ сыномъ профессора, Василіемъ Егоровичемъ, который былъ мнѣ товарищемъ по лицею и замѣнилъ роднаго брата. Въ домѣ Е. В. Врангеля меня обыкновенно звали сватомъ—Schwager—и обходились со мною, какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ. У профессора были четыре дочери и три сына, изъ которыхъ младшій, Егоръ Егоровичъ, тогда еще грудной ребенокъ, поступилъ потомъ въ училище правовѣдѣнія, шелъ хорошо по службѣ, былъ при Замятнинѣ директоромъ департамента министерства юстиціи, затѣмъ сенаторомъ 1-го департамента, но кончилъ печально, разстроивъ совершенно свои и женины денежныя дѣла, и умеръ еще не старымъ человѣкомъ. Теперь, изъ всего семейства Егора Васильевича Врангеля въ живыхъ только одна дочь, оставшаяся дѣвицей, Анна Егоровна.

Въ семействѣ Врангеля я научился порядочно говорить по-нѣмецки и сталъ заниматься камерной музыкой, распѣвая съ дѣвицами и съ приходившими лицеистами morceaux d'ensemble изъ нѣмецкихъ

---

[1]) Замѣчу здѣсь кстати, что каникулы въ то время продолжались только пять недѣль, съ 25-го іюня (день рожденія государя Николая Павловича) по 1-е августа.

оперъ: Фрейшица, Оберона, Волшебной флейты, Фиделіо и др. Тутъ я, поневолѣ, познакомился съ главными основаніями нотнаго пѣнія, которое потомъ играло такую важную роль въ моей жизни.

Въ 1832 году мы, всѣ 25 человѣкъ, поступившіе изъ упраздненнаго Лицейскаго пансіона, перешли въ старшій курсъ и пользовались удобствами просторнаго и роскошнаго помѣщенія во флигелѣ большаго Царскосельскаго дворца, который и до сихъ поръ сохранилъ названіе лицея.

Тогда же даны были воспитанникамъ лицея трехъугольныя шляпы и начали назначать изъ нихъ дежурныхъ ко Двору, во время присутствія Ихъ Величествъ въ Царскомъ Селѣ, по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ. Воспитанники старшаго курса сравнены были въ этомъ случаѣ съ камеръ-пажами, а младшаго — съ пажами. А такъ какъ государь Николай Павловичъ любилъ Царское Село и постоянно проводилъ въ немъ часть лѣта, а иногда весну или осень, то намъ приходилось довольно часто дежурить: наряжали обыкновенно трехъ или четырехъ, по одному къ императрицѣ и къ великимъ княжнамъ: Маріи, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Кромѣ того, мы были приглашаемы въ Александровскій[1]) дворецъ на танцовальные вечера и спектакли. Выбирали для этого преимущественно тѣхъ, которые были покрасивѣе и лучше танцовали. Впрочемъ, и кромѣ Двора, въ обыкновенномъ дамскомъ обществѣ лицеисты отличались любезностью, ловкостью, и на царскосельскихъ балахъ были желанные кавалеры. Съ 1832 же года разрѣшены были отпуски въ Петербургъ на большіе, т. е. длинные праздники: въ Рождество, на Пасху и на время лѣтнихъ каникулъ, чего прежде не было, и вотъ почему Пушкинъ, говоря о лицеѣ, выразился: отечество намъ Царское Село. Для этихъ отпусковъ изданы были особыя правила, по которымъ въ театрѣ дозволялось быть только въ ложѣ, но отнюдь не въ креслахъ или въ партерѣ, а посѣщать балы Дворянскаго собранія и маскарады строго воспрещалось.

Вспоминая нашъ лицей, я долженъ сказать, что духъ заведенія

---

[1]) Государь Николай Павловичъ не жаловалъ большаго (Екатерининскаго) дворца въ Царскомъ Селѣ и никогда въ немъ не жилъ.

былъ превосходный: старинныя преданія поддерживались прежними выпускными, которые пріѣзжали не только изъ Петербурга, но и изъ болѣе дальнихъ мѣстъ, чтобы навѣстить насъ.

Я помню, напримѣръ, какъ Вольховскій (I-го выпуска), который былъ начальникомъ штаба на Кавказѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ счелъ заглянуть въ родной лицей. Мы работали, учились и читали много: изъ 25-ти воспитанниковъ нашего курса больше половины въ послѣдніе два года вставали въ 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тѣмъ, въ чемъ чувствовалъ себя слабѣе. Обыкновенно же мы читали въ эти часы извѣстныхъ авторовъ по любимымъ предметамъ, а также занимались составленіемъ записокъ или сочиненій на заданныя темы. Я, напримѣръ, предпочиталъ книги по части политической экономіи, финансовъ, статистики и философіи. Любимыми авторами моими были: Адамъ Смитъ, Ж. Б. Сей, Шторхъ и Сисмонди, а изъ философовъ читалъ я Теннемана, Энгеля и Гарве. Кромѣ того я занимался, по лекціямъ И. П. Шульгина, составленіемъ записокъ изъ статистики, общей и русскаго государства. Начальство не запрещало этихъ раннихъ занятій и отпускало для нихъ зимой казенныя свѣчи.

У насъ была также своя литература: альманахи и журналы. Такъ, я съ Ханыковымъ издавалъ журналъ подъ названіемъ «Сынъ Лицея». Это тотъ Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ, который потомъ сдѣлался извѣстнымъ, какъ правитель канцеляріи рижскаго генералъ-губернатора Головина и первый секретарь Русскаго географическаго общества, учрежденнаго въ январѣ 1850 года. Онъ впослѣдствіи былъ оренбургскимъ губернаторомъ и умеръ въ сумасшествіи.

Наконецъ наступилъ день нашего выпуска изъ лицея—13-го іюня 1835 года. Когда окончился послѣдній выпускной экзаменъ изъ статистики, при профессорѣ И. П. Шульгинѣ (до того времени послѣдній экзаменъ назначался обыкновенно изъ опытной физики, какъ болѣе интересный для публики), мы пропѣли, можетъ быть въ послѣдній разъ, умилительную прощальную пѣснь первыхъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея 1817 года (слова барона Дельвига, музыка Теппера). Говорю: въ послѣдній разъ потому,

что не только нынѣшнимъ лицеистамъ, но и тѣмъ, которые выпущены въ пятидесятыхъ годахъ, эта пѣснь, представляющая собою прекрасную музыкальную кантату, совсѣмъ неизвѣстна. А въ наше время каждый лицеистъ зналъ ее и пѣлъ, какъ каждый студентъ знаетъ и поетъ «gaudeamus igitur». Эта прощальная пѣснь была исполнена хоромъ почтамтскихъ пѣвчихъ въ день празднованія пятидесятилѣтія лицея 19-го октября 1861 года и приложена къ вышедшей по этому случаю объемистой книгѣ, въ которой изложенъ историческій очеркъ Императорскаго лицея Селезневымъ, бывшимъ его библіотекаремъ: на него я уже выше ссылался. Потомъ эта пѣснь была исполнена также на лицейскомъ обѣдѣ 19-го октября 1865 года хоромъ пѣвчихъ Измайловскаго полка и, наконецъ, по моей усиленной просьбѣ, въ день празднованія семидесятипятилѣтія въ 1886 году. Приведу изъ нея здѣсь два куплета: первый и предпослѣдній:

„Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье
„Въ объятьяхъ сладкой тишины,
„И ужь отечества призванье
„Гремитъ намъ: шествуйте сыны!

„Другъ на другѣ остановите
„Вы взоръ съ прощальною слезой.
„Храните, о друзья, храните
„Ту жъ дружбу съ тою же душой,
„То жъ къ правдѣ пылкое стремленье,
„Ту жъ юную ко славѣ кровь,
„Въ несчастьи - гордое терпѣнье,
„А въ счастьи—всѣмъ равно любовь!“

Раздались громко пропѣтыя и сквозь слезы прослушанныя заключительныя слова кантаты: «Прощайтесь, прощайтесь, обнимемтесь въ послѣдній разъ». Исполнивъ это приглашеніе по завѣту праотцевъ лицея и по собственному чувству, наполнявшему наши юныя сердца, мы поднялись въ дортуары, гдѣ ожидали насъ петербургскіе портные и, нарядившись во фраки, отправились in corpore къ почтенному нашему директору Ѳ. Г. Гольтгоеру благодарить, въ его лицѣ, все лицейское начальство и наставниковъ за полученное воспитаніе, какъ училъ насъ великій поэтъ-лицеистъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
„Не помня зла, за благо воздадимъ“.

Затѣмъ сошлись мы къ обѣду въ ресторанъ Друммеля и разстались навсегда, такъ какъ потомъ уже не могли собраться въ полномъ комплектѣ.

Изъ моихъ 24 лицейскихъ товарищей-однокурсниковъ осталось теперь (т. е. въ ноябрѣ 1885 года) въ живыхъ только восемь: В. И. Александровъ (бывшій еще недавно, въ 1880 году, алексинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства), А. И. Колеминъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій когда-то богатымъ откупщикомъ), К. К. Гротъ (членъ Государственнаго Совѣта), Н. И. Бухаринъ (гофмейстеръ, бывшій прежде генеральнымъ консуломъ въ Марсели, а потомъ градоначальникомъ въ Одессѣ), А. П. Озеровъ (оберъ-гофмейстеръ, бывшій когда-то совѣтникомъ посольства въ Константинополѣ и потомъ посланникомъ въ Швейцаріи), С. А. Костливцевъ [1]) (тайный совѣтникъ, ѣздившій въ Америку для переговоровъ о продажѣ нашихъ сѣверо-американскихъ колоній), Лаксманъ (вѣчный консулъ въ Лиссабонѣ) и Барановъ (графъ Александръ Трофимовичъ, полковникъ въ отставкѣ). Послѣдній, впрочемъ, не существуетъ для общества и свѣта, потому что онъ, живя въ Петербургѣ, никуда не показывается и никого самъ не принимаетъ, какъ я еще не очень давно справлялся у роднаго брата его, покойнаго Эдуарда Трофимовича [2]). Наибольшую извѣстность между нами имѣлъ въ свое время Я. В. Ханыковъ (о которомъ я упомянулъ выше), а самаго высокаго положенія по службѣ достигъ К. К. Гротъ, который съ 1881 года состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта и еще недавно занималъ, хотя, впрочемъ, не долго, важный постъ главноуправляющаго Собственною Е. И. В. канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи.

Передъ выпускомъ спрошены мы были отъ конференціи лицея, кто куда желаетъ поступить на службу, и я въ этомъ случаѣ послѣдовалъ совѣту Деларю, извѣстнаго поэта и бывшаго лицеиста Ѵ-го курса, который, служа самъ въ канцеляріи военнаго министерства, приглашалъ насъ туда же. Его я, впрочемъ, уже

---

[1]) Позднѣйшая приписка: онъ умеръ въ январѣ 1887 года.
[2]) Онъ также умеръ въ іюнѣ 1888 года.

тамъ не засталъ, такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ былъ уволенъ, по жалобѣ митрополита Серафима, за переводъ стихотворенія Виктора Гюго «Красавица», помѣщенный въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за 1834 годъ. Стихотвореніе это приведено въ сборникѣ Гербеля: «Русскіе поэты» (стр. 352), и состоитъ всего изъ двухъ куплетовъ.

Второй изъ нихъ, возмутившій наиболѣе митрополита, переданъ въ слѣдующихъ стихахъ:

И еслибъ Богомъ былъ — селеньями святыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ, съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что прежде считалось предосудительнымъ (mouvais genre) для порядочнаго и благовоспитаннаго молодаго человѣка служить въ военномъ и морскомъ министерствахъ или въ сенатѣ и синодѣ. Но ко времени нашего выпуска обстоятельства, а съ ними и личный составъ канцеляріи военнаго министерства измѣнились къ лучшему, и я рѣшился поступить въ нее, какъ ни отговаривали меня отъ этого товарищи.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ меня военное и морское министерства наполнились лицеистами, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали тамъ хорошую карьеру, какъ, напр., Кирилинъ, Рейтернъ, Головнинъ, Цеэ, князь Н. М. Голицынъ, графъ Д. А. Толстой и выше названный А. Д. Комовскій [1]).

Послѣ выпуска надо было еще ожидать акта и утвержденія въ чинахъ, которое и послѣдовало 31-го октября 1835 года, и я тогда же получилъ чинъ титулярнаго совѣтника, но почему-то (теперь не помню) поступилъ на дѣйствительную службу мѣсяцемъ позже.

---

[1]) Послѣдній былъ еще при князѣ Меншиковѣ управляющимъ военно-походною по флоту канцеляріею, находился при немъ въ Севастополѣ и съ этой должности назначенъ былъ сенаторомъ. Прочіе же (кромѣ Кирилина) появились уже при в. кн. Константинѣ Николаевичѣ, когда все морское министерство наполнилось лицеистами и правовѣдами. Изъ послѣднихъ въ 1855 году были кн. Дм. А. Оболенскій—директоромъ и Дм. Н. Набоковъ—вице-директоромъ коммиссаріатскаго д-та морскаго министерства: первый—въ чинѣ статскаго, а второй—въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Этотъ пятимѣсячный промежутокъ времени, отъ выпуска изъ лицея до поступленія на службу, оставилъ во мнѣ самыя грустныя воспоминанія: тутъ я въ первый разъ познакомился съ нуждой и не зналъ, куда голову приклонить. Семейство Врангеля оставалось еще въ Царскомъ Селѣ, а въ Петербургѣ у меня не было знакомствъ и близкихъ родныхъ; о развлеченіяхъ же и удовольствіяхъ молодости нечего было и думать, потому что на это нужны деньги, а у меня ихъ не было. Кромѣ прогулокъ въ яликѣ по Фонтанкѣ, да пѣшкомъ въ Лѣтнемъ саду я ничего не могъ себѣ позволить. Иногда, впрочемъ, по воскресеньямъ я ходилъ обѣдать къ Виссаріону Саввичу Комарову, который занималъ должность начальника счетнаго отдѣленія въ инженерномъ департаментѣ и пользовался казенной квартирой въ Инженерномъ замкѣ. Онъ былъ братомъ мужа моей сестры Елены Александровны и отцомъ многочисленнаго семейства. Изъ сыновей его вышли три извѣстныхъ генерала на Кавказѣ: одинъ, Дмитрій, былъ начальникомъ дивизіи и не очень давно умеръ отъ ранъ, полученныхъ во время послѣдней войны съ Турціей; другой, Константинъ, теперь комендантомъ въ Ивангородской крѣпости, а третій (собственно говоря старшій), Александръ, начальникъ Закаспійской области. Одержанная послѣднимъ побѣда надъ афганцами 18-го марта 1885 года сдѣлала имя его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ [1]). Четвертый, младшій братъ названныхъ генераловъ, Виссаріонъ, полковникъ генеральнаго штаба въ отставкѣ, извѣстный литераторъ, издающій нынѣ весьма распространенную газету «Свѣтъ». Еще навѣщалъ я иногда полковника Геллера, квартировавшаго въ зданіи Главнаго штаба по должности начальника топографическаго депо; жена его, урожденная Майдель, была сестрою мужа моей несчастной сестры Натальи, умершей въ сумасшествіи.

Наконецъ, я сошелся съ однимъ бывшимъ лицеистомъ, вышедшимъ три года прежде меня, А. П. Философовымъ, и мы поселились съ нимъ въ Средней Мѣщанской въ домѣ Македонскаго. Квартира была на дворѣ и состояла изъ двухъ комнатъ, съ кухней и перед-

---

[1]) Константинъ позднѣе назначенъ комендантомъ Варшавской крѣпости, а Александръ произведенъ въ полные генералы, съ зачисленіемъ въ запасныя войска.

ней; платили мы въ мѣсяцъ за нее 45 руб. ассигнаціями или 12 руб. серебромъ (считая по тогдашнему ходячему курсу цѣлковый въ 3 руб. 75 коп. ассигн.). Какъ теперь помню, у Философова былъ крѣпостной человѣкъ, старикъ Евстигней, который служилъ намъ за лакея и повара. Обѣдъ обходился намъ тремъ въ 30 коп. серебромъ и состоялъ изъ супа или щей и куска говядины, которая вынималась оттуда и безъ всякой приправы, кромѣ хрѣна или горчицы, представляла собою второе блюдо, а третьимъ были ягоды лѣтомъ и стаканъ молока зимой. Весь мѣсячный приходъ мой составляло лицейское жалованье, которое давалось намъ до поступленія на штатное мѣсто. Я, по чину титулярнаго совѣтника, получалъ 65 руб. ассигнаціями, и этого было мнѣ достаточно на всѣ текущіе расходы, такъ что еще очищалось къ концу мѣсяца нѣсколько рублей, на которые я позволялъ себѣ пойти въ Александринскій театръ, тогда единственный (кромѣ Михайловскаго), на которомъ давались русскія представленія: драматическія, оперныя и балетъ.

Начало службы въ С.-Петербургѣ.

Канцелярія военнаго министерства, Военно-цензурный комитетъ. — Мои въ нихъ занятія и первая, полученная мною награда. Новое учрежденіе военнаго министерства 1836 года. — Полученіе штатной должности въ инженерномъ департаментѣ. — Первые годы молодости въ кругу лицейскихъ товарищей и въ холостой компаніи. — Перемѣна образа жизни съ 1842 года. — Любительскія занятія пѣніемъ и преимущественное посѣщеніе дамскаго общества. — Участіе мое въ серенадѣ Даргомыжскаго на Черной рѣчкѣ и первое появленіе въ публичныхъ концертахъ. — Временное управленіе гр. Клейнмихеля военнымъ министерствомъ. — Выходъ изъ этого министерства Брискорна, Позена, Якобсона, Булгакова и Буткова. — Образованіе высшаго комитета по дѣламъ Закавказскаго края и при немъ особаго отдѣленія въ составѣ Собственной Е. И. В. канцеляріи. — Переходъ мой на службу въ это отдѣленіе подъ начальствомъ статсъ-секретаря Позена.

Наконецъ, 29-го ноября 1835 года, сдѣлавъ себѣ форменную одежду, явился я на службу въ канцелярію военнаго министерства и былъ принятъ, какъ говорится, à bras ouverts. Самъ директоръ канцеляріи, Максимъ Максимовичъ Брискорнъ провелъ меня черезъ всѣ комнаты и сдалъ секретарю, столь извѣстному впослѣдствіи

В. П. Буткову, который, впрочемъ, и тогда былъ на счету отличныхъ чиновниковъ: находясь на службѣ всего три года, по выходѣ изъ высшаго училища XIV классомъ, онъ имѣлъ уже чинъ титулярнаго совѣтника. Будучи весь преданъ службѣ и приходя въ канцелярію въ 5 часовъ утра, онъ прочелъ чуть ли не весь ея архивъ. Поведенія онъ былъ самаго благонравнаго, такъ что, когда чиновники военно-походной канцеляріи Суковкинъ, Пейкеръ и Алфераки приходили бывало къ намъ въ 1-е отдѣленіе разсказывать скабрезныя исторіи, то онъ краснѣлъ, какъ стыдливая дѣвица, и затыкалъ себѣ уши: можно ли было предвидѣть, что современемъ тотъ же В. П. Бутковъ сдѣлается самымъ усерднымъ посѣтителемъ всѣхъ маскарадовъ, поклонникомъ французскихъ актрисъ и танцовщицъ и заслужитъ прозвище государственнаго шалуна? Начальникомъ отдѣленія (инспекторскаго), куда я былъ опредѣленъ, былъ тогда Петръ Петровичъ Павловъ (отецъ генерала Павлова, который при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ былъ въ послѣднее время начальникомъ штаба на Кавказѣ, а теперь командуетъ корпусомъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ). Въ двухъ другихъ отдѣленіяхъ канцеляріи начальниками были: II-го, по дѣламъ военнаго совѣта — Иванъ Давыдовичъ Якобсонъ и III-го, счетнаго — Фонъ-Дервизъ, отецъ знаменитаго богача, проживавшаго въ послѣднее время настоящимъ Крезомъ въ Ниццѣ, между тѣмъ какъ самъ онъ, т. е. отецъ, не имѣлъ никакого состоянія и, вмѣсто всякихъ другихъ наградъ, получалъ денежныя пособія, не превышавшія годоваго оклада содержанія, которое составляло всего 5.000 руб. ассигнаціями или по тогдашнему казенному курсу (360 коп.) 1.390 рублей серебромъ.

Меня, какъ получившаго лицейское образованіе, сразу стали занимать серьезными работами и на другой же мѣсяцъ, въ декабрѣ 1835 года, назначили производителемъ дѣлъ военно-цензурнаго комитета, вновь учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, извѣстнаго писателя по военной исторіи, жившаго въ собственномъ домѣ, подлѣ синода, томъ самомъ, который въ послѣднее время до нынѣшняго (1885) года принадлежалъ С. В. Яфимовичу. Нельзя сказать, чтобы генералъ-историкъ представлялъ собою симпатичную личность: льстивый угодникъ пе-

редъ начальствомъ, онъ держалъ себя гордо передъ подчиненными. Разъ, какъ-то, идя по другой сторонѣ улицы и, конечно, не замѣтивъ его, я ему не поклонился. Онъ не замедлилъ пожаловаться на меня директору канцеляріи Брискорну, которому я объяснилъ такой случай моей близорукостью и съ тѣхъ поръ началъ носить очки: это было въ началѣ 1836 года, когда мнѣ минуло 20 лѣтъ. Строгъ онъ былъ и къ авторамъ статей и книгъ, поступавшихъ на его просмотръ. Хорошо еще, что его цензорскую ретивость сдерживали члены комитета: Веймарнъ, Философовъ, Траскинъ и какой-то морякъ (фамиліи не помню)—все флигель-адъютанты. Особенно въ памяти осталась у меня цензировка поступившей въ комитетъ рукописи на нѣмецкомъ языкѣ о польской кампаніи 1830—31 г. Это было очень извѣстное сочиненіе почтоваго чиновника Шмидта, который еще передъ тѣмъ заявилъ себя военно-историческимъ трудомъ о фельдмаршалѣ князѣ Суворовѣ. Предисловіе, въ которомъ излагались предшествовавшія возстанію событія и дѣйствія цесаревича Константина Павловича, подверглось большимъ сокращеніямъ; все же сочиненіе признано было весьма удовлетворительнымъ и разрѣшено къ напечатанію заграницей. Вскорѣ потомъ оно было издано въ Берлинѣ, переведено же на русскій языкъ гораздо позже, въ царствованіе императора Александра II, а именно въ 1864 г., и теперь этотъ переводъ составляетъ библіографическую рѣдкость: первоначальная цѣна его 6 руб. возрасла до 35 рублей.

Военно-цензурный комитетъ былъ учрежденъ случайно, въ видѣ временной мѣры, по поводу ходатайства извѣстнаго журналиста Н. И. Греча, который, предпринимая изданіе военно-энциклопедическаго лексикона, просилъ сосредоточить просмотръ входящихъ въ него статей въ военномъ министерствѣ, во избѣжаніе медленности гражданской цензуры. Занятія мои по комитету были не велики, но я былъ еще прикомандированъ къ военно-походной Е. И. В. канцеляріи, которою управлялъ извѣстный Михаилъ Павловичъ Позенъ, подъ главнымъ начальствомъ В. Ѳ. Адлерберга, бывшаго съ тѣмъ вмѣстѣ товарищемъ военнаго министра. Кромѣ прямаго своего назначенія сопровождать государя въ вояжахъ (техническій терминъ) по Россіи и заграницею, военно-походная канцелярія, по возвращеніи въ Петербургъ, занималась приготовленіемъ и обра-

боткою законодательныхъ проектовъ, отчетовъ и всего того, чтó выходило изъ ряда такъ называемыхъ текущихъ дѣлъ.

Въ то время, т. е въ концѣ 1835 и въ началѣ 1836 года, самая горячая работа сосредоточивалась на проектѣ новаго учрежденія военнаго министерства, которое и вышло къ Пасхѣ, 29-го марта 1836 года.

Но были и отдѣльные вопросы и редакціонные труды, которые возлагались на военно-походную канцелярію или, правильнѣе, на прикомандированныхъ къ ней изъ разныхъ департаментовъ и канцеляріи военнаго министерства чиновниковъ, подъ личнымъ руководствомъ М. П. Позена. Мнѣ досталось, между прочимъ, написать для общаго министерскаго отчета статью по военно-медицинскому вѣдомству, составить проектъ положенія о переформированіи артиллеріи по примѣру тому, какъ была уже переформирована пѣхота, приведеніемъ дивизій изъ трехбригаднаго въ двухбригадный составъ, и разработать вопросъ: въ какомъ вѣдомствѣ долженъ быть комитетъ для снабженія войскъ сукнами. Министръ финансовъ гр. Канкринъ, во избѣжаніе пререканій и постоянныхъ жалобъ на недостаточную добротность армейскаго сукна, желалъ передать отъ себя этотъ комитетъ военному министерству, а мнѣ было поручено доказать, что комитетъ долженъ оставаться въ вѣдѣніи департамента мануфактуръ министерства финансовъ, въ чемъ и успѣла коммиссія, для которой я составилъ окончательный журналъ, подъ руководствомъ, конечно, и по указаніямъ Позена. Комитетъ для снабженія войскъ сукнами, какъ подвѣдомственное министерству финансовъ учрежденіе, находился въ Москвѣ и существовалъ потомъ еще долго, чуть ли не до конца царствованія Николая Павловича.

Вообще мы, чиновники канцеляріи военнаго министерства, работали много и являлись на службу къ 9 часамъ утра, а выходили въ 5, 6 и иногда въ 8 часовъ по полудни, не зная при этомъ ни воскресныхъ, ни праздничныхъ дней. За то и награждали насъ щедро. Я, напримѣръ, за 5 мѣсяцевъ службы, къ Пасхѣ 1836 года, получилъ брильянтовый перстень съ изумрудомъ, цѣною 750 руб. ассигнаціями, и штатное мѣсто помощника производителя дѣлъ общаго присутствія инженернаго департамента, куда и поступилъ 1-го

мая, въ день, назначенный для введенія въ дѣйствіе новаго учрежденія и штатовъ военнаго министерства. На этомъ мѣстѣ, положенномъ по должности и мундиру въ VIII классѣ, я началъ получать 2.750 руб. въ годъ, или въ мѣсяцъ, за вычетами, 224 руб. ассигнаціями. Такое содержаніе давало уже мнѣ возможность жить безбѣдно, а такъ какъ при этомъ служба моя была гораздо легче, потому что общее присутствіе собиралось только два раза въ недѣлю, то у меня явились разныя прихоти: сталъ я часто посѣщать театръ и началъ играть въ карты. Нужды увеличились и появились долги; на покрытіе ихъ шли обыкновенно денежныя награды, которыя я получалъ почти ежегодно изъ такъ называемаго экономическаго капитала по канцеляріи военнаго министерства, потому что хотя я числился на службѣ и занимался въ инженерномъ департаментѣ, но оставался въ зависимости директора канцеляріи. Для объясненія этого скажу, что по учрежденію военнаго министерства 1836 года, общее присутствіе составлялось не изъ начальниковъ отдѣленій, какъ это установлено общимъ учрежденіемъ министерствъ и соблюдалось до того въ инженерномъ и другихъ хозяйственныхъ департаментахъ военнаго министерства, а изъ особыхъ членовъ, поставленныхъ въ независимое положеніе тѣмъ, что какъ назначеніе ихъ, такъ и дальнѣйшая оцѣнка ихъ службы принадлежали непосредственно военному министру. Въ такомъ же положеніи находились производитель дѣлъ общаго присутствія и его помощникъ. По новому же учрежденію военнаго министерства, изданному въ 1867 году, въ такъ называемыхъ главныхъ управленіяхъ, которыя, собственно говоря, замѣнили собою прежніе департаменты, не полагается общихъ присутствій, и совершенно напрасно. При такихъ присутствіяхъ немыслимы были бы вопіющія злоупотребленія и произвольныя, во вредъ казны, распоряженія по главному артиллерійскому и медицинскому управленіямъ, о которыхъ ходили слухи въ послѣдніе годы прошедшаго царствованія.

Въ декабрѣ 1835 года открылось училище правовѣдѣнія, въ которомъ профессоръ баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель былъ назначенъ инспекторомъ классовъ, и такимъ образомъ опять открылся для меня домъ, въ которомъ я находилъ родственный пріемъ. Это было счастливое время первой моей молодости. Въ 1836 году ма-

тушка пріѣзжала въ Петербургъ взять изъ Смольнаго монастыря сестру Софью, которая пробыла тамъ 9 лѣтъ и на другой годъ стала уже невѣстой. Почему я, въ 1837 году, на все лѣто поѣхалъ домой въ Ковенскую губернію, откуда мы еще до свадьбы отправились въ Гродно, чтобы продать деревянный домъ, выстроенный отцомъ за время командованія полкомъ.

На возвратномъ пути изъ Гродно заѣзжали мы въ Друскеники, гдѣ только-что открыты были цѣлебные источники, и матушка брала ванны въ палаткѣ. Время моего четырехмѣсячнаго отпуска прошло скоро и весело въ обществѣ недурныхъ паненокъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей. Поневолѣ началъ я говорить по-польски, и меня, какъ титулярнаго совѣтника, называли: панъ капитанъ, а матушку пани генералова. Поляки вообще большіе охотники до титулованія, только и слышишь бывало: панъ подкоможій, пани маршалкова и т. д.

Возвратившись изъ отпуска, я, въ томъ же 1837 году, началъ брать уроки итальянскаго пѣнія; проходилъ всѣ гаммы и сольфеджи, какъ баритонъ, и пѣлъ даже басовыя партіи въ дуэтахъ съ тенорами и женскими голосами. У меня былъ счастливый тембръ голоса, такъ что матушка, бывало, не могла слышать моего пѣнія безъ слезъ. Жилъ я тогда уже втроемъ съ бывшими лицеистами VI-го курса Философовымъ и Харламовымъ на Никольской улицѣ, въ домѣ Бенуа, куда къ намъ по субботамъ собирались лицейскіе товарищи и приходилъ изъ пажескаго корпуса братъ мой Константинъ. Когда же Харламовъ уѣхалъ въ Вильно для собиранія свѣдѣній о государственныхъ имуществахъ [1]) и тамъ женился, то я поселился въ Госпитальномъ переулкѣ также съ бывшимъ лицеистомъ И. Х. Бреверномъ. Онъ послѣ трехъ лѣтъ службы въ иностранной коллегіи (такъ называли тогда министерство иностранныхъ дѣлъ) принятъ былъ по особому Высочайшему повелѣнію, офицеромъ въ л.-гв. Волынскій

[1]) Съ этою цѣлью разосланы были чиновники, въ составѣ приготовительныхъ коммиссій, во многія губерніи въ 1838-мъ году, когда для управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ, находившимся въ составѣ министерства финасовъ, учрежденъ былъ, послѣ увольненія директора Дубенскаго, особый временный совѣтъ, а докладывающимъ государю по дѣламъ этого совѣта назначенъ генералъ-адъютантъ Киселевъ. Это и послужило началомъ образованія министерства государственныхъ имуществъ.

полкъ; но, чтобы перейти въ конную артиллерію, ходилъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища [1]). Потомъ эти классы получили громкое названіе академіи, и такимъ образомъ, вмѣсто одной военной академіи, образовалось вдругъ три: артиллерійская, инженерная и генеральнаго штаба, да къ нимъ присоединена потомъ еще четвертая, военно-юридическая, и пребываніе въ каждой изъ нихъ знаменуется для офицера на всю жизнь ношеніемъ особаго значка. Почему такое отличіе предоставлено только военнымъ академіямъ и какая польза отъ этой вывѣски полученнаго образованія (которое, вообще говоря, еще ничего не доказываетъ), я никогда не могъ понять.

Лѣто 1838 года я проводилъ съ лицейскимъ товарищемъ моимъ Борисомъ Борисовичемъ Рихтеромъ, который пригласилъ меня на городскую квартиру (по Мойкѣ, домъ Неелова), остававшуюся порожнею за выѣздомъ матери его, сестеръ и меньшаго брата въ деревню недалеко отъ Нарвы. Тутъ часто собирались къ намъ по вечерамъ лицейскіе товарищи и нѣкоторые изъ сослуживцевъ Рихтера, который состоялъ при министрѣ государственныхъ имуществъ, графѣ Киселевѣ, и былъ уже въ званіи камеръ-юнкера. Послѣ чаю играли мы обыкновенно въ вистъ и бостонъ, рѣдко въ азартныя игры. У меня былъ за лакея жмудинъ, вывезенный мною изъ аренднаго имѣнія, не твердо знавшій русскій языкъ и не бывавшій прежде въ комнатной прислугѣ. Помню, какъ разъ кто-то изъ гостей спросилъ вмѣсто рому, который обыкновенно подавался къ чаю, коньяку. Я позвонилъ и, когда вошелъ мой жмудинъ, по имени Доминикъ, говорю ему: подай коньякъ Онъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, но, когда я повторилъ приказаніе подать коньякъ, вышелъ. Черезъ нѣсколько времени мы слышимъ за дверью какой-то шумъ, какъ будто тащутъ по полу тяжелую вещь. За тѣмъ отворилась дверь, и мы видимъ, какъ мой Санхо-Пансо усердно влечетъ деревянную лошадь, игрушку меньшаго брата Рихтера. Раздался общій

[1]) И. Х. Бреверпъ не долго оставался въ военной службѣ и, женившись вышелъ въ отставку; но потомъ опять поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству, былъ губернаторомъ въ Митавѣ и наконецъ сенаторомъ. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1885 года.

хохотъ, а Доминикъ обидѣлся и говоритъ: что же вы смѣетесь, вы требовали коня, я и привелъ его.

Бориса Рихтера мы очень любили за его симпатичный характеръ. Умеръ онъ въ ранней молодости отъ нервнаго удара въ каретѣ. Меньшой же его братъ, числившійся пажомъ, которому принадлежала насмѣшившая насъ деревянная лошадь, и есть всѣмъ извѣстный нынѣ генералъ-адъютантъ Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ, командующій Императорской главной квартирой и членъ Государственнаго Совѣта.

Въ 1839 году братъ Константинъ вышелъ изъ пажескаго корпуса прапорщикомъ арміи и поступилъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, входившій въ составъ бригады, которою командовалъ мужъ моей сестры Юліи, баронъ Александръ Васильевичъ Врангель; полкъ расположенъ былъ недалеко отъ тѣхъ мѣстъ (въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи), гдѣ было имѣніе Довгирда и наше арендное. Въ концѣ же 1840 года я отправился туда, для сдачи этого имѣнія въ казну, такъ какъ съ того времени прекращено было награжденіе арендами въ натурѣ, а на счетъ доходовъ съ арендныхъ имѣній, поступавшихъ въ распоряженіе казны, стали производить денежныя выдачи, и матушкѣ продолжена была аренда въ суммѣ 1.259 руб., составлявшей доходъ съ имѣнія Полепіе по инвентарю 1796 года.

Сдача арендпаго имѣнія не обошлась безъ угощенія исправника и окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, которымъ я, при прощаньи, поднесъ въ мѣшкѣ 600 карбованцевъ, т. е. цѣлковыхъ: въ западныхъ губерніяхъ тогда почти не было въ обращеніи ассигнацій. Какъ ни трудно и совѣстно мнѣ было, но я долженъ былъ рѣшиться на подобный поступокъ: иначе, какъ меня увѣряли, не обраться бы потомъ разныхъ придирокъ и начетовъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ отпуска, въ апрѣлѣ 1841 года, инспекторъ классовъ училища правовѣдѣнія баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель умеръ скоропостижно отъ нервнаго удара, а вслѣдъ затѣмъ умеръ и братъ его, Александръ Васильевичъ. Эти двѣ утраты сильно на меня подѣйствовали, а тутъ еще случилась неудача по службѣ. Надо сказать, что въ 1838 году ближайшій мой начальникъ, производитель дѣлъ общаго присутствія инженернаго

департамента Чеславскій, былъ командированъ на слѣдствіе въ Севастополь по открывшимся безпорядкамъ и злоупотребленіямъ въ тамошней инженерной командѣ и оставался въ отсутствіи три года. Во все это время я исправлялъ его должность, а когда Чеславскій, самъ запутавшись въ дѣлѣ, порученномъ его разслѣдованію, былъ наконецъ уволенъ, то на открывшуюся послѣ него вакансію производителя дѣлъ общаго присутствія назначенъ былъ изъ канцеляріи военнаго министерства занимавшій тамъ должность секретаря Ѳ. Е. Гартманъ, тотъ самый, который потомъ долго былъ секретаремъ великихъ княгинь Елены Павловны и Екатерины Михаиловны, а нынѣ почетный опекунъ[1]).

Такими печальными событіями закончился для меня 1841 годъ, а съ нимъ прошла и пора первой моей молодости, т. е. тотъ періодъ въ жизни, когда каждому юношѣ нужно, какъ говорятъ, перебѣситься. Въ 1842 году я началъ выѣзжать въ свѣтъ, т. е. въ дамское общество, пробавляясь до тѣхъ поръ больше въ холостой компаніи товарищей и кутилъ. Гдѣ-то встрѣтился я съ извѣстнымъ тогда пѣвцомъ Андреемъ Петровичемъ Лоди, который особенно отличался прекраснымъ исполненіемъ романсовъ Глинки и поступилъ было на сцену въ русскую оперу, подъ именемъ Несторова[2]), но скоро ее оставилъ и сдѣлался учителемъ пѣнія: это отецъ нынѣшняго опернаго пѣвца Лоди. Услышавъ меня, онъ сразу, по звуку средняго регистра, опредѣлилъ, что я не баритонъ, а теноръ, и совѣтовалъ мнѣ прямо перейти къ низкимъ теноровымъ партіямъ, которыя я могъ исполнять однимъ груднымъ голосомъ, доходившимъ уже до la. Я такъ и сдѣлалъ. Скоро потомъ, чрезъ моего товарища по службѣ А. П. Опочинина старшаго (который до сихъ поръ занимаетъ должность начальника архива въ инженерномъ департаментѣ—что нынѣ главное инженерное управленіе—и слишкомъ 50 лѣтъ живетъ на одной и той же казенной квартирѣ[3]), я

---

[1]) Онъ умеръ въ 1887 году.

[2]) Такъ назвалъ онъ себя для сцены въ честь Нестора Кукольника, которому онъ былъ пріятель и вѣрный собутыльникъ

[3]) Позднѣйшая приписка: въ маѣ 1886 года онъ былъ уволенъ, по болѣзни, отъ службы съ чиномъ тайнаго совѣтника, съ правомъ оставаться на казенной квартирѣ до самой смерти, которая и не замедлила прійти въ мартѣ 1887 года.

познакомился съ А. С. Даргомыжскимъ. Живя лѣтомъ 1842 года въ семействѣ отца на дачѣ, маэстро задумалъ устроить на Черной рѣчкѣ серенаду. На большомъ казенномъ катерѣ, который досталъ, какъ морякъ, всѣмъ извѣстный нынѣ Владиміръ Петровичъ Опочининъ, поставлено было фортепіано, и мы, плывя по рѣкѣ, въ числѣ 12 человѣкъ, однихъ любителей [1]), исполняли, подъ аккомпаниментъ знаменитаго композитора, разные хоры, morceaux d'ensemble и нѣкоторые отдѣльные нумера. Я пѣлъ, между прочимъ, каватину изъ «Аскольдовой могилы» «Близко города Славянска» и произвелъ въ громадной публикѣ фуроръ. Вечеръ былъ необыкновенно тихъ и тепелъ, голоса раздавались звучно; публика, провожая насъ и постоянно увеличиваясь, неистовствовала въ апплодисментахъ и крикахъ одобренія, меня же заставила пропѣтый романсъ повторить. На другой день только и разговору было, что о нашей серенадѣ и о моемъ теноровомъ голосѣ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался извѣстностью, меня всюду стали приглашать на музыкальные вечера и концерты. Въ первый разъ выступилъ я передъ публикой въ январѣ 1843 года въ концертѣ, который давалъ въ залѣ графа Кушелева-Безбородко (на Гагаринской пристани) пріѣзжій итальянскій пѣвецъ (онъ же красавецъ, которому не было проходу отъ петербургскихъ дамъ на балахъ и маскарадахъ) Чіабато. Я пѣлъ въ концертѣ съ нимъ и съ другимъ итальянцемъ Пиццолато, а также съ бельгійскою пѣвицей Мертѝ два квартета изъ «Лучіи» и «Пуританъ». Послѣдній, какъ извѣстно, составляетъ скорѣе арію или каватину для тенора, поддерживаемаго только другими голосами; въ ней, послѣ Рубини, были такъ хороши Кальцолари и потомъ, на первыхъ порахъ, Марини. О моемъ же пѣніи вотъ какъ отозвался извѣстный въ то время музыкальный хроникеръ Элькань въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» (1843, № 25): «Но въ особенности понравился намъ квартетъ изъ «Пуританъ». Мы съ удовольствіемъ услышали пѣніе г-на Харитонова, котораго голосъ, чистый, сильный, звучный теноръ, передалъ съ чувствомъ и отчетливостью прекрасные мотивы непо-

[1]) Изъ нихъ, кромѣ насъ двухъ, остался въ живыхъ еще Влад. Ѳед. Пургольдъ (членъ департамента удѣловъ), недавно праздновавшій свой 50-ти-лѣтній юбилей службы. Къ этому надо прибавить, что и В. П. Опочининъ умеръ въ 1889 году.

дражаемой пьесы. Это феноменъ на горизонтѣ петербургскихъ любителей, потому что не только у насъ, но и вездѣ хорошіе тенора рѣдкость». Вскорѣ потомъ я вступилъ въ общество артистовъ, музыкантовъ и литераторовъ, собиравшихся у Даргомыжскаго, Владиславлева [1]), А. Ѳ. Львова, графа Мих. Юр. Вьельгорскаго и князя В. Ѳ. Одоевскаго. Тамъ я познакомился съ М. И. Глинкой, Брюлловымъ, Кукольникомъ, Самойловымъ, Петровыми, Каратыгинымъ (младшимъ), Сосницкимъ, Гребенкой, гр. В. А. Соллогубомъ, Ив. Матв. Толстымъ и братомъ его Ѳеофиломъ (извѣстнымъ въ журнальной литературѣ подъ псевдонимомъ Ростислава), Мусорскимъ, Арнольди, Н. А. Степановымъ (каррикатуристомъ), а по военно-цензурному комитету, который я оставилъ еще въ 1838 году, и съ Н. И. Гречемъ. Перестaлъ я думать и о переходѣ на службу въ Закавказскій край, куда манили было меня особыя преимущества, предоставленныя гражданскимъ чиновникамъ новымъ учрежденіемъ 10-го апрѣля 1840 года или гановскимъ, какъ его называли, потому что оно было составлено или выработано сенаторомъ Ганомъ. Тогда же, т. е. въ 1842 году, поѣхалъ на Кавказъ статсъ-секретарь Позенъ на правахъ ревизующаго сенатора, и я рѣшился выждать, чѣмъ кончится его командировка. По поводу этой ревизіи я долженъ сказать, что она была вызвана жалобами на неудобство вновь введеннаго, по гановскому учрежденію, гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ; для принятія же на мѣстѣ скорыхъ мѣръ къ устраненію безпорядковъ или замѣшательствъ, какіе будутъ открыты ревизіею, посланъ былъ государемъ самъ военный министръ, графъ Чернышевъ, съ такими полномочіями, что его предписаніямъ присвоена была сила Высочайшихъ повелѣній. А такъ какъ бывшій, по званію начальника военно-походной Е. И. В. канцеляріи, товарищемъ военнаго министра, гр. Вл. Ѳ. Адлербергъ получилъ передъ тѣмъ новое назначеніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, то управленіе военнымъ министерствомъ, на время отсутствія Чернышева, возложено было на дежурнаго генерала гр. Клейнмихеля, который, повиди-

---

[1]) Онъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусѣ жандармовъ и издавалъ послѣдній литературный альманахъ подъ названіемъ „Утренняя Заря", расходившійся въ большомъ числѣ экземпляровъ.

мому, хотѣлъ утвердиться въ этой должности окончательно. По крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ, во время своего четырехмѣсячнаго интерима, распоряжался, какъ полный хозяинъ, и завелъ даже свои особые по дѣлопроизводству порядки. Такъ, напр., всеподданнѣйшіе доклады приказано было приготовлять въ самомъ краткомъ и сжатомъ видѣ, безъ обращенія къ лицу государя и съ отмѣтками на поляхъ: обстоятельства дѣла, справка и (въ заключеніе) Испрашивается разрѣшеніе, а также съ подчеркиваніемъ существенныхъ мѣстъ доклада и справки красными и синими чернилами. Я помню, какой страхъ нагнала на всѣхъ дѣлопроизводителей въ военномъ министерствѣ строгая требовательность новаго начальника, хотя и временнаго, и его неумолимая расправа за малѣйшій промахъ или оплошность. Но при этомъ не мало удивляло всѣхъ, знавшихъ гр. Клейнмихеля, какъ онъ, при своей гордости и недоступности, любезно обращался съ директоромъ канцеляріи Брискорномъ и настолько благосклонно къ нему относился, что даже посѣщалъ его на дачѣ по Петергофской дорогѣ. Объясняли это тѣмъ, что Клейнмихель хотѣлъ вывѣдать отъ Брискорна секреты чернышевскаго управленія и когда въ этомъ успѣлъ, то о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ доложилъ государю. Судя по послѣдствіямъ, можно думать, что подобное что-нибудь да было, по крайней мѣрѣ вотъ что вышло: Чернышевъ, на возвратномъ пути съ Кавказа, остановился въ домѣ своего пріятеля князя Димитрія Владиміровича Голицына, бывшаго тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, и хотѣлъ тамъ отдохнуть. Но кн. Голицынъ, находившійся временно въ Петербургѣ, замѣтивъ перемѣну въ отзывахъ государя Николая Павловича о Чернышевѣ, какъ военномъ министрѣ, далъ знать ему по телеграфу, чтобъ онъ ускорилъ свой пріѣздъ, что тотъ и сдѣлалъ и 10-го августа вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, а Клейнмихель, въ то же время, назначенъ былъ на мѣсто гр. Толя, умершаго еще весной, главноуправляющимъ путями сообщеній и публичными зданіями. Между тѣмъ отношенія Чернышева къ Брискорну, который съ самаго начала, т. е. съ 1832 года, былъ его директоромъ канцеляріи, измѣнились и разстроились до такой степени, что приказомъ 20-го октября 1842 г. Брискорнъ былъ отъ этой должности уволенъ, безъ всякаго новаго назначенія.

Тогда Клейнмихель, бывшій въ большой милости, счелъ, вѣроятно, своимъ долгомъ защитить передъ государемъ Брискорна, потому что онъ, спустя мѣсяцъ послѣ увольненія, именно въ исходѣ ноября, былъ опредѣленъ, съ прежнимъ званіемъ статсъ-секретаря, членомъ коммиссіи прошеній, а вслѣдъ затѣмъ, 2-го февраля 1843 года, назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, т. е. на такую должность, которой до того времени вовсе не было. Съ тѣхъ поръ эта должность постоянно замѣщалась, за исключеніемъ, впрочемъ, времени, около 10 лѣтъ (съ 1864 по 1873 годъ), когда былъ государственнымъ контролеромъ статсъ-секретарь Татариновъ, который обходился безъ товарища. Въ контролѣ Брискорнъ оставался долго, лѣтъ 10, пока опять не случилась съ нимъ бѣда, и онъ въ 1853 году, по прикосновенности къ знаменитому дѣлу Политковскаго о растратѣ инвалиднаго капитала, былъ вовсе уволенъ отъ службы, съ потерею навсегда званій сенатора и статсъ-секретаря. Въ чемъ эта прикосновенность заключалась, я не знаю, но вѣроятно была не важная, потому что года черезъ три (уже въ новое царствованіе) онъ вновь былъ принятъ на службу и назначенъ, въ маѣ 1856 года, членомъ военнаго совѣта и управляющимъ канцеляріею военнаго министерства, которою временно завѣдовалъ, послѣ смерти барона Вревскаго (убитаго подъ Севастополемъ въ сраженіи на р. Черной), вице-директоръ Ѳ. Г. Устряловъ. Впрочемъ, Брискорнъ скоро оставилъ канцелярію, а членомъ военнаго совѣта оставался до конца жизни и умеръ въ глубокой старости, кажется, въ 1873 году.

Что касается возложенной на Позена ревизіи Закавказскаго края, то она окончилась для него благополучно. Послѣ представленія всеподданнѣйшаго подробнаго отчета, въ которомъ онъ указывалъ на цѣлый рядъ мѣръ для гражданскаго развитія края, удостоившихся Высочайшаго одобренія, послѣдовалъ именной указъ 30-го августа 1842 года объ учрежденіи особаго высшаго комитета по дѣламъ Закавказскаго края [1]) и, сверхъ того, временнаго отдѣленія, въ составѣ Собственной Е. И. Величества канцеляріи,

[1]) Комитетъ сей предназначался быть постояннымъ учрежденіемъ, вмѣсто временно открытаго, по указу 24-го апрѣля 1840 года (П. Соб., № 13413), собственно для разрѣшенія случаевъ по введенію изданнаго въ то время учрежденія для управленія Закавказскимъ краемъ. Составъ новаго комитета

для обработки всѣхъ новыхъ предположеній по устройству края. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ кн. Чернышевъ, а Позену повелѣно быть членомъ комитета и управляющимъ временнымъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи, въ которомъ сосредоточено было и производство дѣлъ комитета. Всѣ же сношенія по дѣламъ отдѣленія съ министрами, главноуправляющими и мѣстнымъ главнымъ начальствомъ предоставлены были ему же, статсъ-секретарю Позену, который при этомъ имѣлъ и собственный у государя докладъ.

Устроивъ такимъ образомъ свое особое служебное положеніе, Позенъ оставался еще нѣкоторое время въ военномъ министерствѣ при дѣлахъ по своду военныхъ постановленій и вообще по усовершенію военнаго законодательства, отъ которыхъ уволенъ окончательно только въ маѣ 1843 года. Скажу, при этомъ, что вообще важнѣйшія законоположенія по военному вѣдомству за то время (въ тридцатыхъ годахъ), какъ, напр., учрежденіе военнаго министерства 1836 года, самый сводъ военныхъ постановленій и въ особенности положеніе о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго вѣдомства 1838 года были обработаны большею частію Позеномъ лично или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Въ послѣднемъ положеніи проведена, между прочимъ, мысль объ ограниченіи отвѣтственности подрядчика точно опредѣленною въ кондиціяхъ неустойкою отъ 10 до 25 процентовъ, съ требованіемъ только на сумму этой неустойки и залоговъ въ обезпеченіе исправнаго выполненія подряда. По общему же своду законовъ хотя и требуются залоги на третью часть подрядной суммы, но самая отвѣтственность передъ казною за убытки, причиненные неисправнымъ подрядчикомъ, ничѣмъ не ограничена, потому что ближайшее начальство, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, въ правѣ, при его неисправности, дѣйствовать на его счетъ съ какою бы то ни было передачею въ цѣнахъ, а онъ въ концѣ-концовъ долженъ,—кромѣ штрафовъ за просрочку, могущихъ возрасти до шести процентовъ со всей подрядной сум-

опредѣленъ былъ съ точностью. Въ него входили членами шесть лицъ по своимъ должностямъ: предсѣдатель департамента законовъ Государственнаго Совѣта, министры: финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и управляющій временнымъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи.

мы,—возмѣстить дѣйствительный казенный убытокъ, происшедшій отъ передачи при покупкѣ или наймѣ на его счетъ, по сравненію съ цѣною подряда или поставки (св. зак., т. X, ч. I, ст. 1980, п. 1 и 3).

Мысль объ ограниченной отвѣтственности подрядчика, соотвѣтствующая здравымъ экономическимъ началамъ, сколько мнѣ извѣстно, принадлежала самому Позену, а основанный на ней законъ, дѣйствующій и донынѣ по одному военному вѣдомству, не мало содѣйствовалъ тому, что въ подряды по этому вѣдомству начали охотно и предпочтительно вступать солидныя фабричныя и торговыя фирмы. Понятно, что ими въ этомъ случаѣ руководило отсутствіе опасенія разориться въ конецъ при случайной неисправности, которая не рѣдко зависитъ отъ внезапнаго измѣненія условій денежнаго или торговаго рынка и потому неотвратима.

Однимъ словомъ, Позенъ былъ въ свое время для военнаго вѣдомства тѣмъ, чтò представлялъ собою въ высшемъ государственномъ управленіи и въ общемъ ходѣ законодательства Сперанскій. Почему, съ выходомъ Брискорна и Позена изъ военнаго министерства, послѣднее много потеряло, а тутъ еще надо было такъ случиться, что и Якобсонъ (Иванъ Давыдовичъ), бывшій долго начальникомъ II-го отдѣленія канцеляріи, по дѣламъ военнаго совѣта, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ, также вышелъ въ отставку [1]). Наконецъ, П. А. Булгаковъ и В. П. Бутковъ перешли изъ военнаго министерства во временное отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи старшими чиновниками. Такимъ образомъ, кн. Чернышевъ лишился вдругъ лучшихъ своихъ работниковъ по военному министерству, не говоря уже о Вл. Ѳ.

---

[1]) Поводъ къ тому былъ самый пустой Якобсону предстояло ѣхать съ военнымъ министромъ на Кавказъ по возложенному на кн. Чернышева обозрѣнію края. Все уже было рѣшено, и самое отправленіе назначено, какъ вдругъ онъ вломился въ обиду изъ-за того, что ему опредѣлены были подъемныя деньги въ одинаковомъ размѣрѣ съ Бутковымъ, который тогда былъ гораздо младше его чиномъ и моложе по службѣ. Претензія его, однако, не была уважена, и вотъ онъ, не долго думая, подалъ въ отставку, которая и состоялась въ мартѣ 1842 года. Скоро, однако, поступилъ онъ опять на службу и все по тому же военному министерству: былъ послѣдовательно генералъ-аудиторомъ, генералъ-кригсъ-коммиссаромъ и, наконецъ, членомъ военнаго совѣта, гдѣ засѣдалъ вмѣстѣ съ Брискорномъ, котораго пережилъ годомъ или двумя и самъ умеръ въ 1874 году.

Адлербергѣ и Клейнмихелѣ, которые были главными его сотрудниками собственно по военному управленію.

Въ директоры канцеляріи послѣ Брискорна Чернышевъ представлялъ барона Вревскаго, но государь самъ назначилъ свиты Е. И. В. генералъ-маіора Н. Н. Анненкова, обратившаго на себя Высочайшее вниманіе еще во время сбора нашихъ и прусскихъ войскъ подъ Калишемъ въ 1835 году. Анненковъ былъ тогда флигель-адъютантомъ и, завѣдывая какою-то канцеляріею, отличился быстротою въ приготовленіи и разсылкѣ ежедневныхъ приказовъ при происходившихъ тогда парадахъ и маневрахъ. Впрочемъ, Чернышевъ добился таки потомъ назначенія Вревскаго директоромъ канцеляріи военнаго министерства и, чтобы очистить для него вакансію, провелъ Анненкова въ члены Государственнаго Совѣта въ то время, когда онъ самъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта, т. е. въ 1849 году, сохранивъ при этомъ за собою должность военнаго министра. Такое назначеніе Анненкова изъ директоровъ канцеляріи прямо въ члены Государственнаго Совѣта произвело въ свое время сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ, отозвавшееся и у насъ въ Тифлисѣ, особенно послѣ того, какъ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ изъ командировъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и съ должности главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ былъ назначенъ только сенаторомъ. О томъ времени, когда Анненковъ поступилъ въ военное министерство директоромъ канцеляріи, сохранились у меня въ памяти нѣкоторые случаи курьезныхъ пререканій между нимъ и ген.-адъютантомъ Геруа, который управлялъ тогда инженернымъ департаментомъ, оставаясь по-прежнему начальникомъ штаба генералъ-инспектора инженеровъ. Вышли эти пререканія изъ-за установившейся тогда эпистолярной формы сношеній. Даже Высочайшія повелѣнія, объявляемыя однимъ министромъ другому, излагались въ видѣ обыкновенныхъ писемъ, только занумерованныхъ, и съ надписью внизу на первой страницѣ: его пр-ву, или его сія-ву. Не нравилась такая форма сношеній нашему генералу, привыкшему къ строгимъ военнымъ порядкамъ. Пока, однако, въ военномъ министерствѣ были директорами лица подходящія, т. е. чиновныя и сколько-нибудь ему равныя, онъ еще подчинялся утвердившемуся обычаю, по древне-римской поговоркѣ: usus est tirannus.

Но вдругъ является молодой генералъ-маіоръ и также относится къ нему оффиціальными письмами. Не выдержалъ Геруа и говоритъ: какой я ему милостивый государь и на что мнѣ его увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности? Отвѣчайте форменнымъ отношеніемъ: директору канцеляріи военнаго министерства. Такъ и велась между ними переписка, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Между тѣмъ, однажды, во время засѣданія общаго присутствія, которому я докладывалъ, пріѣзжаетъ фельдъегерь изъ министерства съ пакетомъ, на которомъ надпись: весьма нужное. Вскрылъ нашъ предсѣдатель поданный пакетъ и, прочитавъ бумагу, надписалъ на ней діагональю: «Ген.-адъютантъ Геруа на подобныя записки не отвѣчаетъ»; потомъ вложилъ въ новый конвертъ, самъ запечаталъ и отдалъ фельдъегерю, сказавъ: вручите тому, отъ кого получили. Оказалось, что присланная бумага заключала въ себѣ записку съ однимъ росчеркомъ и безъ подписи, въ третьемъ лицѣ отъ имени директора канцеляріи, который, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокопревосходительству Александру Клавдіевичу, просилъ доставить, съ тѣмъ же посланнымъ, чертежи и планы по дѣлу, разсматривавшемуся въ военномъ совѣтѣ. Черезъ полчаса пріѣхалъ опять фельдъегерь съ подписаннымъ отношеніемъ, и тогда посланы съ нимъ были требуемые планы и чертежи. Да не подумаютъ, однако, читатели настоящихъ воспоминаній, чтобы я хотѣлъ выставить генерала Геруа въ смѣшномъ видѣ. Напротивъ, онъ представлялъ собою весьма почтенную личность и, несмотря на свою требовательность, внушалъ намъ, его подчиненнымъ, полное къ себѣ уваженіе. Передъ начальствомъ держалъ онъ себя съ достоинствомъ и въ почтительномъ отдаленіи отъ военнаго министерства, подражая въ этомъ случаѣ генералъ-инспектору инженеровъ, великому князю Михаилу Павловичу, который вообще не долюбливалъ Чернышева и сохранялъ къ нему чисто оффиціальныя отношенія. Разсказывали, между прочимъ, что когда послѣдній пріѣзжалъ въ Михайловскій дворецъ, то великій князь высылалъ адъютанта спросить: кто пріѣхалъ, и если скажутъ, что военный министръ, то приказывалъ принять, а если назовутъ князя Чернышева, то отвѣтъ былъ, что его высочества нѣтъ дома.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1849 году.

Въ февралѣ 1849 года я былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 20-ой пѣхотной дивизіи. Штабы полковъ этой дивизіи были расположены: Апшеронскаго—въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дагестанскаго — въ Ишкартахъ, Кабардинскаго—въ Хасавъ-Юртѣ и Куринскаго—въ Воздвиженской. Несмотря на такое расположеніе этихъ полковъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, начальникъ 20-ой дивизіи былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и начальникомъ этого фланга. И этимъ, моимъ начальникомъ, былъ генералъ-лейтенантъ Нестеровъ, тотъ самый, съ которымъ я познакомилъ читателя въ майскую экспедицію 1844 года, въ Малой Чечнѣ.

Назначеніе меня на лѣвый флангъ согласовалось съ моимъ желаніемъ, слѣдовательно, каждый пойметъ, съ какой поспѣшностью разстался я со Ставрополемъ и съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть Грозную, Воздвиженскую и другія мѣста, оставленныя мною четыре года тому назадъ.

Проѣзжая по Тереку, черезъ Горскій и Моздокскій полки, я не замѣтилъ никакихъ перемѣнъ. Тѣ же грязныя станицы. Такой же грязный, молчаливый, съ закрытыми ставнями, Моздокъ; только лѣсъ возлѣ этого города какъ-будто порѣдѣлъ. Такіе же частые, однообразные посты и вышки. Даже и тотъ постъ, между Ищорской и Галюгаевской, на которомъ я провелъ бурную и безпокойную ночь, при пріѣздѣ моемъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь, 1893 г.

въ 1845 году изъ Грозной въ Ставрополь, несмотря на ветхость свою, не покачнулся въ сторону.

Только полковые командиры перемѣнились. Въ Горскомъ былъ ипохондрикъ Товбичъ, вскорѣ застрѣлившійся. Моздокскимъ же полкомъ командовалъ султанъ Казы-Гирей, мой старый знакомый, любитель картъ и вина; онъ родился мусульманиномъ, окончилъ же жизнь добрымъ, истиннымъ христіаниномъ. Не забылъ заглянуть въ Червленную, но и тамъ, кромѣ полковаго командира, не замѣтилъ ничего новаго. Даже между знакомыми червленскими казачками не произошло ничего особеннаго.

Зато Терекъ, на мѣстѣ прежде бывшей паромной переправы, стоившей мнѣ не мало безпокойства при переправѣ войскъ въ 1844 году, совершенно измѣнился. Деревянный мостъ на сваяхъ устранилъ ту медленность и опасность, которыя существовали при паромной переправѣ войскъ. При томъ, берега Терека, будучи укрѣплены, сдѣлались менѣе болотисты; а тетъ-де-понъ, домъ смотрителя и другія строенія оживили эту мѣстность.

Но если, съ устройствомъ Николаевскаго моста, устранилась опасность и ускорилась самая переправа черезъ Терекъ, то сообщеніе между Терекомъ и Грозною по-прежнему было медленно и опасно. Какъ и прежде, нужно было переѣзжать это пространство съ пѣхотнымъ прикрытіемъ и въ назначенные дни; экстренныя же «оказіи» назначались не иначе, какъ по особому распоряженію.

Хотя появленіе большихъ непріятельскихъ партій, по эту сторону Сунжи, а тѣмъ болѣе, нападенія на оказіи случались рѣже противъ прежнихъ лѣтъ, но хищники-чеченцы, по-прежнему скрывавшіеся на Нефтянкѣ и подъ обрывами Сунжи, слѣдили за проѣзжающими и пользовались малѣйшею ихъ неосторожностью. Такъ, за нѣсколько дней до прибытія моего на лѣвый флангъ, офицеръ Куринскаго полка, поѣхавшій отъ Нефтянки впередъ, едва не былъ схваченъ тремя конными чеченцами, внезапно бросившимися на него изъ-подъ обрыва, и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ быстротѣ своего коня. И гдѣ же это случилось? Только въ трехъ верстахъ отъ крѣпости Грозной.

Особенныхъ перемѣнъ я не нашелъ и въ Грозной. Впрочемъ, церковь, госпиталь, бульваръ, садъ возлѣ дома начальника лѣваго фланга, и нѣсколько домовъ съ лавками, въ родѣ гостинаго двора, были новостью для меня. Обращено было вниманіе также на обновленіе вала и усиленіе обороны крѣпости, а равно на внутреннюю чистоту и порядокъ. И все это нужно было приписать заботливости и попечительности военнаго начальника, маіора Кульмана.

Генералъ Нестеровъ принялъ меня, какъ знакомаго—ласково и привѣтливо. Впрочемъ, такой пріемъ не былъ исключеніемъ для меня.

Нестеровъ былъ всегда одинаково вѣжливъ и привѣтливъ. Доброта и спокойствіе выражались на его красивомъ лицѣ. Его стройный станъ, высокій ростъ и пріятныя манеры невольно обращали на него вниманіе каждаго. Всѣ знакомые находили его умнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ; всѣ подчиненные—добрымъ, справедливымъ начальникомъ. Нестеровъ былъ женатъ на дочери одного офицера, не получившей никакого образованія, притомъ женщинѣ чопорной, сварливой и скупой. Бракъ этотъ былъ, какъ говорятъ, не по желанію, а по необходимости. Говорятъ такъ же, что со времени этой женитьбы измѣнился не только его характеръ, но и образъ жизни. Изъ милаго, веселаго собесѣдника любившаго карты и вино, Нестеровъ сдѣлался задумчивымъ и грустнымъ, старался удаляться отъ общества и сидѣть дома.

И дѣйствительно, жизнь его въ Грозной была уединенная, тихая и ограничивалась, преимущественно, служебными занятіями и сношеніями съ должностными лицами.

Совсѣмъ другимъ являлось семейство Викентія Михайловича Козловскаго, состоявшее изъ глухой, но доброй и привѣтливой жены, урожденной изъ сердца Россіи, какъ выражался самъ глава семейства, и двухъ свояченицъ, но только болѣе пожилыхъ, нежели свояченицы моего прямаго начальника. Домъ этотъ, съ утра до полуночи, былъ наполненъ преимущественно военною молодежью, и не потому, чтобы она привлекалась красотою жены или свояченицъ, а ради хлѣбосольства и привѣтливости хозяевъ. Кто приходилъ пообѣдать, кто поболтать и, пожалуй, полюбезничать съ младшей свояченицей, болѣе красивой и молодой, а кто поиграть въ карты съ хозяиномъ и поневолѣ послушать его длинныхъ, монотонныхъ разсказовъ.

А по правдѣ сказать, Викентій Михайловичъ любилъ поразсказать и помучить своихъ слушателей, про разные случаи своей боевой кавказской службы. А такихъ случаевъ онъ пережилъ слишкомъ много.

Слылъ онъ храбрымъ и, дѣйствительно, былъ такимъ на самомъ дѣлѣ. Спокойствіе и невозмутимость, во время дѣла съ непріятелемъ, были главнымъ его достоинствомъ. Онъ любилъ солдата и заботился о немъ, и солдатъ любилъ его. Про него разсказывалось много анекдотовъ, и причиной ихъ была его же простота и страсть къ разсказамъ, съ повтореніемъ безпрестанно словъ: «да» и «какъ-бишь», изъ которыхъ составлялись смѣшные, а пожалуй, глупые каламбуры.

Для бо̀льшаго охарактеризованія этого стараго кавказскаго ветерана, разскажу про него слѣдующіе два анекдота, которыхъ я былъ свидѣтелемъ:

Во время зимней экспедиціи 1850 года, мнѣ что-то понадобилось передать Викентію Михайловичу. Былъ хотя лунный, но облачный вечеръ. Когда я подходилъ къ кибиткѣ Викентія Михайловича, то встрѣтилъ

его на порогѣ его жилища, въ согбенномъ положеніи и одѣтаго въ ергакъ. Это былъ его любимый, зимній лагерный костюмъ.

Передавъ ему, что было нужно, мы стали прохаживаться возлѣ кибитки. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, слышу его здорованье, но не вижу никого. Сдѣлали еще два-три шага, слышу повтореніе того же, съ повышеніемъ голоса, но опять не вижу никого. Сдѣлали еще шагъ-другой, и самъ же Викентій Михайловичъ восклицаетъ: «да, какъ, я думалъ, что это ординарецъ, какъ! А это, какъ шинель на пнѣ, какъ!»

Другой случай его страсти здороваться съ нижними чинами былъ анекдотически выраженъ въ 1851 году, во время рубки лѣса на Качалыковскомъ хребтѣ. Послѣ учащенной перестрѣлки въ колоннѣ полковника Майделя, ретивое Викентія Михайловича не вытерпѣло, и онъ поѣхалъ къ войскамъ, высланнымъ на рубку. На пути встрѣчаются повозки съ ранеными, которыхъ было человѣкъ пятнадцать. Викентій Михайловичъ не упустилъ поздороваться и въ этомъ случаѣ, на что былъ тихій, плаксивый отвѣтъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Да, какъ вѣдь это раненые, а можетъ быть, какъ и убитые, а я, какъ и здороваюсь съ ними.

Какъ видите, старикъ самъ сознался въ неумѣстности своего привѣтствія, а про него разсказывали, что онъ привѣтствовалъ не только раненыхъ, но и убитыхъ.

Другая прославленная личность, жившая въ то время въ Грозной, былъ полковникъ Сусловъ, командиръ Гребенскаго казачьяго полка. Послѣ геройской обороны нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, окруженныхъ тысячной непріятельской партіей, между Амиръ-Хаджи-Юртомъ и укрѣпленіемъ Куринскимъ, полковникъ Сусловъ сдѣлался извѣстенъ въ цѣлой Россіи. Въ описываемое время этотъ штабъ-офицеръ жилъ въ Грозной, безъ мѣста, и былъ въ опалѣ у князя Воронцова, по извѣтамъ и доносамъ гребенскихъ казаковъ. Много темнаго, можетъ быть, справедливаго, но не доказаннаго, разсказывали про него во время пяти-лѣтняго его командованія полкомъ.

Хотя Сусловъ не лишенъ былъ ума и военныхъ способностей, но я долженъ сказать, что онъ не располагалъ въ свою пользу,—и общее мнѣніе было противъ него. Говорилъ онъ или слишкомъ вкрадчиво и тихо, или слишкомъ громко и рѣзко, но плаксиво; ханжилъ, хотѣлъ фарисействовать, но не всегда умѣлъ; ходилъ иногда согбенно, а иногда козыремъ, слишкомъ ужь поднявши носъ. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ, рѣзкими переходами, уподоблялся барометру во время непогоды.

Въ мое пребываніе въ Грозной, съ марта по іюнь, кромѣ небольшихъ хищническихъ происшествій и нѣсколькихъ незначительныхъ тревогъ, возлѣ самой крѣпости, ничего не случилось замѣчательнаго.

Приближалось покосное время, а потому генералъ Нестеровъ, до выступленія на покосъ, назначилъ Куринскому полку инспекторскій смотръ, и я отправился съ нимъ въ крѣпость Воздвиженскую. Не узналъ я Ханкальскаго ущелья, гдѣ столько прогремѣло выстрѣловъ и столько было изувѣченныхъ непріятельскими ядрами и гранатами, во время построенія Воздвиженской, такъ здѣсь порѣдѣлъ лѣсъ отъ частыхъ рубокъ. Тѣмъ болѣе, не узналъ той крѣпости, въ которой я провелъ годъ послѣ ея заложенія. Не было ни землянки, въ которой я жилъ, ни тѣхъ огромныхъ землянокъ, въ которыхъ помѣщались войска. Только цитадель, двѣ башни и валъ, обращенный къ Аргуну, напоминали мнѣ первоначальное существованіе этой крѣпости. Такъ она расширилась, перестроилась и украсилась полковымъ штабомъ, казармами и частными домами, преимущественно офицерскими.

Изъ Воздвиженскаго ѣздили въ Урусъ-Мартанъ, укрѣпленіе, выстроенное въ 1847 году, на рѣкѣ Мартанѣ, на баталіонъ пѣхоты. Черезъ Гойтинскій лѣсъ вела широкая просѣка; такой же широты просѣка проходила и черезъ Гехинскій лѣсъ.

Малая Чечня, столь густо населенная, и эти два лѣса, столь грозные и дорого стоившіе намъ въ 1844 году, теперь были безмолвны. Все населеніе Малой Чечни или ушло въ горы и Большую Чечню, или поселилось у нашихъ укрѣпленій. У красиваго Урусъ-Мартанскаго укрѣпленія раскинуты были два огромныхъ аула; такое же огромное чеченское населеніе сосредоточивалось у Грозной и Воздвиженской. И всѣмъ этимъ успѣхомъ обязаны мы генералу Фрейтагу, оставившему лѣвый флангъ въ 1847 году, по случаю назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ въ Варшаву.

Между тѣмъ, покосъ, самое безпокойное и тревожное время, оканчивался и приближался день пріѣзда въ Чиръ-Юртъ главнокомандующаго, князя Воронцова, который ежегодно объѣзжалъ почти весь Кавказъ. На этотъ же разъ онъ ѣхалъ даже съ своей супругой.

Такія поѣздки сопряжены были съ большими хлопотами и значительными издержками для начальниковъ частей, потому что съ княземъ ѣздила всегда большая свита, а теперь, по случаю проѣзда и княгини, поѣздъ значительно увеличивался. Что касается войскъ, то этотъ проѣздъ главнокомандующаго не былъ для нихъ обременителенъ, потому что князь Воронцовъ не любилъ никакихъ смотровъ, слѣдовательно, не было ни ученій, ни приготовленій, а войска оставались при своихъ занятіяхъ. Только для конвоированія требовалось значительное число войскъ; но для этого преимущественно употреблялись казаки и драгуны.

Такіе объѣзды, безъ сомнѣнія, были полезны, потому что на мѣстѣ рѣшались разные вопросы и недоразумѣнія, влекущіе за собою огромную

переписку заочно, и часто рѣшаемые не такъ, какъ бы слѣдовало. Но такія поѣздки не были бы и обременительны, еслибы свита князя не была такъ велика, да еслибы лица, ее составлявшія, были менѣе требовательны и взыскательны.

На встрѣчу князя Воронцова Нестеровъ со мною выѣхалъ изъ Грозной около первой половины іюля, слѣдовательно, въ самое жаркое время года. Путь нашъ лежалъ черезъ Николаевскій мостъ, Гребенскій полкъ, Шелкозаводскій мостъ и по Кумыкской плоскости до Хасавъ-Юрта.

У Николаевскаго моста я въ первый разъ увидѣлся съ командиромъ Гребенскаго полка, полковникомъ барономъ Розеномъ, съ которымъ мнѣ не только пришлось служить вмѣстѣ до 1853 года, но и впослѣдствіи часто встрѣчаться. Баронъ Розенъ, по тихому своему характеру, добротѣ и рыцарской честности, былъ бы вполнѣ достойнымъ человѣкомъ, еслибы не былъ до крайности подозрителенъ, не любилъ посплетничать и выдумать то, чего никогда не бывало. При встрѣчѣ съ нимъ непремѣнно услышишь отъ него не одну небывалую нелѣпицу.

— Да откуда вы это слышали, баронъ? спросишь у него.

— Да ужь я знаю навѣрное, мнѣ сказалъ такой-то, по секрету, отвѣтитъ онъ шопотомъ и таинственно.

А на повѣрку выходитъ неправда. Выдумалъ, сидя на балконѣ своего дома, подъ воркованье голубей, которыми онъ всегда былъ окруженъ. Эти его недостатки вредили ему много и заставляли всѣхъ вести себя съ нимъ осторожно.

Переходя по перекладинамъ еще не оконченнаго Шелкозаводскаго моста, тоже на сваяхъ и деревяннаго, но только вдвое выше Николаевскаго, я невольно вспомнилъ о медленной и затруднительной переправѣ войскъ въ 1844 году. Видѣлъ и теперь, съ какимъ затрудненіемъ перевезенъ былъ на паромѣ нашъ экипажъ, потому что въ Терекѣ была большая вода. Да и когда же не бываетъ лѣтомъ въ этой рѣкѣ большой воды? Вѣдь на Казбекѣ, съ котораго Терекъ беретъ свое начало, вѣчный снѣгъ, а дождь въ горахъ почти ежедневный.

Честь и слава полковнику Иванову и его помощникамъ, преодолѣвшимъ препятствія и выстроившимъ эти два моста, о которыхъ четыре года тому назадъ не смѣли думать и помышлять; такъ велики и неодолимы казались препятствія его предшественникамъ къ устройству мостовъ на Терекѣ.

Кумыкская плоскость не измѣнилась. Дорога по-прежнему грязная, каменистая, безчисленное множество канавъ съ узкими, колеблющимися мостиками, проведенными для орошенія полей, преимущественно рисо-

выхъ. Тѣ же грязные аулы: Аксай, Османъ и Баташъ-Юртъ. Только укрѣпленіе Ташъ-Кичу обновилось и подкрасилось.

Зато Хасавъ-Юртъ совершенно переродился; это, если не городъ, то богатое мѣстечко. Заложенная въ 1844 году штабъ-квартира Кабардинскаго полка теперь незамѣтна за огромнымъ форштадтомъ и строющимся новымъ полковымъ штабомъ. На форштадтѣ возвышается церковь и много красивенькихъ домовъ и лавокъ.

Въѣзжаемъ въ укрѣпленіе, видимъ почетный караулъ, офицеровъ и полковаго командира, князя Барятинскаго, въ полной парадной формѣ. Послѣ всѣхъ продѣлокъ при подобныхъ почетныхъ встрѣчахъ, мы вошли въ залу, гдѣ былъ накрытъ столъ и гдѣ я былъ представленъ Нестеровымъ князю, котораго я хотя видѣлъ, но не былъ съ нимъ знакомъ. Послѣ вкуснаго и сытнаго обѣда, съ хорошими винами и, разумѣется, съ шампанскимъ, я началъ освѣдомляться у князя Мирскаго, моего знакомаго еще съ экспедиціи 1844 года, когда онъ былъ юнкеромъ въ Кабардинскомъ полку, гдѣ бы мнѣ помѣститься; но въ это время подошелъ хозяинъ.

— Вы мой гость и останетесь у меня; спать будете вотъ здѣсь, въ бильярдной, сказалъ онъ ласково, взявши меня за руку.—Помѣстилъ бы васъ въ другомъ мѣстѣ, да нѣтъ лишней комнаты, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Вечеромъ собрались бароны Майдель и Николаи, тоже бывшіе командиры Кабардинскаго полка, маіоръ Властовъ, бывшій ставропольскій губернаторъ, и еще нѣсколько офицеровъ.

Заигралъ бальный оркестръ, подъ управленіемъ полковаго капельмейстера Дюча, извѣстнаго музыканта и даже композитора. Кто слушалъ музыку, кто игралъ на бильярдѣ; я же съ Майделемъ и Николаи составили партію въ ералашъ для Нестерова. Послѣ ужина, около полуночи, все разошлось и успокоилось.

Домъ, въ которомъ помѣщался князь Барятинскій, дѣйствительно былъ не великъ. Почти одинаковой величины гостиная, зала и бильярдная, спальня и еще отдѣльная комната,—вотъ все помѣщеніе. Не было роскоши и во внутреннемъ убранствѣ комнатъ; вмѣсто ковровъ на полу было натянуто сѣрое сукно; мебель удобная, но не богатая; драпировка приличная. Не было ни люстръ, ни канделябръ, ни столовыхъ часовъ. Такая простота меня удивила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порадовала, потому что это выражало князя Александра Ивановича вполнѣ военнымъ человѣкомъ, которымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Въ военное время, каковымъ былъ тогда весь Кавказъ, можно пить и ѣсть хорошо, пожалуй, волочиться за женщинами, но предаваться роскоши въ палатахъ было бы и смѣшно, и вредно.

На другой день было получено увѣдомленіе объ отсрочкѣ пріѣзда

князя Воронцова въ Чиръ-Юртъ, почему, вмѣсто двухъ дней, какъ предполагалось, пришлось жить въ Хасавъ-Юртѣ восемь сутокъ. И я ни мало не тяготился этимъ, потому что ни мало не былъ стѣсненъ въ моемъ помѣщеніи, желаніяхъ и дѣйствіяхъ.

Если нужно было куда-нибудь съѣздить, дрожки или верховая лошадь были къ моимъ услугамъ; желалъ читать—газеты въ гостиной; тутъ же и книги въ небольшой походной библіотекѣ князя. Пилъ и ѣлъ отлично; спалъ на тонкомъ голландскомъ бѣльѣ и мягкомъ тюфякѣ; по вечерамъ слушалъ отличную музыку цѣлаго оркестра, или одного Дюча на скрипкѣ или фортепіано; игралъ въ ералашъ и почти всегда вставалъ съ выигрышемъ. Да этакъ не только восемь дней, но и цѣлую жизнь прожить бы хорошо.

Впрочемъ, были и служебныя занятія. Кромѣ инспектированія войскъ въ Хасавъ-Юртѣ, ѣздили для той же цѣли въ Куринское, Герзель-аулъ и Внезапную. Послѣдняя мнѣ была извѣстна съ 1844 года. Что же касается Куринскаго и Герзель-аула, то эти укрѣпленія я видѣлъ въ первый разъ.

Куринское начало строиться въ 1842 году и до сихъ поръ не могло считаться оконченнымъ или, правильнѣе сказать, исправлялось постоянно; такъ дурно сложены были каменныя стѣны и оборонительныя казармы, въ которыхъ была постоянная сырость и течь, а стѣны часто обрушались.

Герзель-аулъ, построенный на Аксаѣ, извѣстенъ кровавой драмой, разыгравшейся въ 1824 году,—смертью генераловъ Лисаневича и Грекова, погибшихъ отъ кинжаловъ нѣсколькихъ фанатиковъ-кумыковъ и въ отмщеніе за это исколотыхъ штыками. Изъ этого же укрѣпленія началъ, въ 1842 году, наступательныя свои дѣйствія въ Ичкерію генералъ Граббе, и въ него же возвратился, потерпѣвшій пораженіе, нашъ отрядъ. Въ Герзель-аулъ же прибылъ, въ 1845 году, графъ Воронцовъ съ войсками, которыя были изнурены голодомъ и деморализованы огромными потерями, во время прохода черезъ ичкеринскіе лѣса.

Въ Куринскомъ начальникомъ укрѣпленія и командиромъ Донскаго полка, тамъ расположеннаго и занимавшаго постъ Карасинскій, находящійся почти въ центральномъ пунктѣ отъ Ташъ-Кичу, Шелководскаго моста, Умаханъ-Юрта и самаго Куринскаго,—былъ полковникъ Баклановъ. Этотъ человѣкъ, какъ по военнымъ способностямъ, такъ и по другимъ качествамъ, заслуживаетъ, чтобы остановиться на немъ.

Баклановъ участвовалъ въ Персидской и Турецкой 1828 года кампаніи, въ качествѣ простаго казака, былъ при Вельяминовѣ на правомъ флангѣ субалтернъ-офицеромъ и, наконецъ, командовалъ третью очередь полкомъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ и пріобрѣлъ славу боеваго и распорядительнаго начальника. Донской полкъ, которымъ онъ коман-

довалъ, всегда былъ лучшимъ въ боевомъ отношеніи. Это онъ, въ особенности, доказалъ на полкѣ, которымъ командовалъ въ періодъ, немного позже описываемаго, и который былъ принятъ отъ Шрамкова въ жалкомъ состояніи, но въ короткое время поставленъ имъ на отличную боевую ногу.

Баклановъ доказалъ, что онъ подъ своимъ начальствомъ могъ имѣть не только иррегулярную часть, но и всѣхъ родовъ регулярныя войска, и умѣлъ, распоряжаться ими, и водить ихъ въ бой. Многіе набѣги и дѣла съ чеченцами, во время пребыванія въ Куринскомъ, служатъ тому доказательствомъ. Онъ имѣлъ хорошихъ лазутчиковъ и проводниковъ не только изъ туземцевъ, но и изъ казаковъ, притомъ и самъ зналъ хорошо мѣстность. Его боялись не только казаки, съ которыми онъ обращался сурово, но и чеченцы, устрашенные его набѣгами. Чеченки пугали дѣтей его именемъ. Чтобы унять расплакавшагося ребенка, достаточно было сказать: «идетъ Баклу!» (такъ называли Бакланова въ горахъ) или «отдамъ Баклу»—и дитя унималось.

Да и лицо-то у Бакланова, съ длинными рыжими усами и двумя бородавками, было страшное, въ особенности, когда онъ наряжался въ бурку, или овчинный тулупъ и мохнатую шапку,—его любимый нарядъ. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ, силенъ и лихой наѣздникъ. Не упоминая о его другихъ недостаткахъ, нужно сказать, что онъ любилъ выпить, и когда его разсудокъ отуманивался винными парами, то онъ дѣлался необузданнымъ и неукротимымъ. И тогда дѣлалъ буйства, безчинства и могъ надѣлать глупостей, какъ начальникъ, и въ военномъ отношеніи.

Въ день пріѣзда князя Воронцова въ Чиръ-Юртъ, я отправился съ генераломъ Нестеровымъ въ эту штабъ-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка, уже прославленнаго своими подвигами въ персидскую, турецкую и кавказскую войны, и стяжавшаго новую славу въ послѣднюю войну въ Азіатской Турціи.

Эти мѣста въ особенности меня интересовали, какъ въ первый разъ посѣщаемыя. Съ Чипчака, высокаго каменистаго хребта, представляется передъ вами картина обнаженной дагестанской природы. Эта картина — и величественно поражаетъ, и непріятно дѣйствуетъ на васъ своею безжизненностью, тѣмъ болѣе, что позади себя вы только-что оставили пространство, богатое лѣсомъ, тучными пашнями и пастбищами.

Передъ вами, на берегу Сулака, прорывающагося здѣсь между высокими, крутыми, каменистыми берегами, находится укрѣпленіе Чиръ-Юртъ. Съ Чипчака съ нему ведетъ крутой, не совсѣмъ хорошо обдѣланный спускъ. Переправа черезъ быстрый Сулакъ совершается по плашкоутному мосту, прикрѣпленному толстыми желѣзными цѣпями къ такимъ же береговымъ столбамъ. Двѣ башни охраняютъ этотъ мостъ.

Продѣланная по скалистому правому берегу Сулака довольно широкая дорога ведетъ въ штабъ-квартиру полка, отстоящую отъ переправы версты на двѣ.

Вотъ, направо панорама истинно дагестанской природы. Вы видите сначала Белгатой, Зурамакентъ и Міатлы, далѣе лѣсистыя Зубудскія высоты и, наконецъ, горы Ибрагимъ-Дада, знакомыя намъ съ 1844 года. Налѣво же голая, безжизненная природа Дагестана продолжается только на нѣсколько верстъ; далѣе же вьется Сулакъ, текущій широкимъ ложемъ и въ низменныхъ зеленѣющихъ берегахъ, на которыхъ виднѣются Темиръ-аулъ и Султанъ-Янги-Юртъ, отстоящіе верстъ на восемнадцать, но вы усмотрите въ зрительную трубку аулъ Костекъ и находящееся противъ него, по другую сторону Сулака, укрѣпленіе Кази-Юртовское.

Строющаяся штабъ-квартира Нижегородскаго полка далеко еще не окончена, а къ постройкѣ дома полковаго командира еще не приступали, потому что не торопился этимъ генералъ Крюковской, личность весьма замѣчательная по своей простотѣ въ жизни, здравому уму, безукоризненной честности и храбрости.

Начавъ службу въ томъ же полку, которымъ теперь командовалъ, генералъ Крюковской, во время прикомандированія къ Кавказскому казачьему войску, командовалъ сначала Горскимъ полкомъ, а потомъ Хоперской бригадой. За разбитіе закубанцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе въ 1843 году на станицу Беклешовскую, былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Генералъ Крюковской былъ высокъ ростомъ, строенъ, его длинные усы придавали его пріятной физіономіи воинственность; говорилъ немного, но иногда остро, съ польскимъ акцентомъ, и, если не ошибаюсь, былъ по рожденію бѣлоруссъ.

Отличаясь простотой своей жизни, Крюковской не былъ скупъ и былъ готовъ каждаго принять и раздѣлить незатѣйливую, но сытную трапезу. Въ такой же простотѣ онъ жилъ въ той самой землянкѣ, которая построена была со времени перехода Нижегородскаго полка изъ Царскихъ Колодцевъ, а это совершилось въ 1845 году. Офицеры, привыкшіе жить весело при его предшественникахъ, въ особенности, въ командованіе полкомъ Безобразова, были недовольны такой жизнью Крюковскаго, смѣялись надъ нимъ и приписывали это его скупости.

— Я такъ живу не по скупости, какъ думаютъ мои подчиненные, а потому, что не хочу мучить солдатъ для своихъ прихотей. Пусть они прежде построятъ казармы для себя и конюшни для коней.

Такъ разсуждалъ Крюковской въ откровенной бесѣдѣ съ своими знакомыми. И не былъ ли онъ болѣе правъ и великодушнѣе такихъ начальниковъ, которые прежде всего хлопотали о своихъ помѣщеніяхъ.

Князь Воронцовъ прибылъ въ Чиръ-Юртъ съ огромной свитой, спу-

стя нѣсколько часовъ по нашемъ туда пріѣздѣ. Болѣе тридцати колясокъ, тарантасовъ и перекладныхъ сопровождало его. Кого тутъ не было! Кромѣ десятка военныхъ генераловъ и гражданскихъ превосходительствъ, тутъ были и чиновники дипломатической канцеляріи, и адъютанты, и камердинеры, и повара, и камеръ-фрау, и горничныя. Эти послѣднія необходимы были для княгини, пожелавшей тоже видѣть Кавказскій край. Въ числѣ прибывшихъ, которыхъ я зналъ, были: начальникъ главнаго штаба, Коцебу, директоръ канцеляріи, Щербининъ, докторъ Андреевскій, адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, и казначей Александровскій, бывшій пензенскій губернаторъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть командующаго войсками Прикаспійскаго края или прежняго Дагестана, князя Аргутинскаго-Долгорукова. И этотъ случай не замедлилъ мнѣ представиться.

Когда я шелъ, по площади, къ Нестерову, то встрѣтился съ генералъ-адъютантомъ, переступающимъ маленькими учащенными шагами, въ мѣшковатомъ сюртукѣ, съ азіатской саблей на поясной портупеѣ, застегнутой на животѣ, съ фуражкой, надѣтой на сторону. Я остановился, отдавъ ему честь. Онъ сдѣлалъ то же; вперилъ въ меня свои огромные глаза и, спросивъ мою фамилію, добавилъ:

— Вы, вѣрно, пріѣхали съ генераломъ Нестеровымъ и, не дождавшись отвѣта, пошелъ, переваливаясь, далѣе.

Но и этого было достаточно, потому что мнѣ извѣстно было, что князь Аргутинскій не любилъ говорить. По поводу молчаливости его вотъ что мнѣ разсказалъ генералъ Кишинскій, къ которому онъ былъ особенно расположенъ. Придя къ князю по какому-то неважному дѣлу, и въ такое время, когда онъ не занятъ и, переговоривъ съ нимъ, о чемъ желалъ, Кишинскій, просидѣвъ въ молчаніи нѣсколько минутъ, всталъ и хотѣлъ уходить.

— Садитесь, поговоримте, сказалъ князь, взглянувъ на него.—Глахуни, трубку! прибавилъ онъ.

Глахуни былъ все: и слуга, и переводчикъ, и нукеръ; онъ находился при немъ неотлучно.

По прошествіи снова въ молчаніи нѣсколькихъ минутъ, Кишинскій опять всталъ.

— Посидимте, поговоримте. Глахуни, трубку! произнесъ опять князь. И снова наступило молчаніе, продолжавшееся минуты три.

— Знаешь что, любезный Кишинскій, сказалъ князь, вставая съ дивана,—возьми изъ Шуры баталіонъ и два орудія, и ступай къ Аймаякамъ. Я самъ пріѣду туда.

Это было въ 1848 году, за нѣсколько дней до вторженія Шамиля въ Даргинскій округъ. А это доказываетъ, какъ хорошо соображалъ, и

какія вѣрныя свѣдѣнія имѣлъ князь Аргутинскій о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ непріятеля.

Проѣздъ главнокомандующаго по лѣвому флангу не сопровождался особенными случаями. Но это путешествіе было кружнѣе прежнихъ поѣздокъ, потому что князь Воронцовъ въ первый разъ проѣхалъ по Кизлярскому полку и посѣтилъ городъ Кизляръ. Эту часть лѣваго фланга и я видѣлъ въ первый разъ. Станицы Кизлярскаго полка и городъ почти ежегодно подвергаются, лѣтомъ, наводненіямъ Терека, которыя, въ особенности, бываютъ страшны и разрушительны въ то время, когда вода мгновенно прорываетъ береговые устои. Такія прорвы весьма опасны, потому что вода, устремляясь въ нихъ изъ Терека съ неимовѣрной силой и въ огромной массѣ, не только затопляетъ сады, поля и луговыя пространства, но и производитъ большія разрушенія. Одна изъ такихъ прорвъ образовала, не знаю только когда именно, особый рукавъ, огибающій Кизляръ съ сѣвера и, по массѣ воды, равняющійся настоящему Тереку. Прорвы производятъ такую же тревогу между жителями, какъ и появленіе непріятеля. Все населеніе спѣшитъ съ заранѣе заготовленными кольями и хворостомъ къ прорвѣ, и весь успѣхъ зависитъ въ устройствѣ плотины, или устоя, въ прорванномъ водою мѣстѣ.

Надъ укрѣпленіемъ береговъ Терека трудились не одни жители, но туда посылались и значительныя части войскъ, а также затрачено было много денегъ, пока не устроились дамбы въ нѣсколько рядовъ и въ нѣсколько верстъ длиною. Хотя это предохранило Кизляръ и его окрестности отъ общаго наводненія, но не избавило жителей станицъ отъ постоянныхъ прорвъ и частыхъ затопленій.

Уѣздный городъ Кизляръ, Ставропольской губерніи, не замѣчателенъ ни своею крѣпостью, построенной еще въ царствованіе Анны Іоанновны, ни своими домами, ни своимъ населеніемъ, состоящимъ преимущественно изъ армянъ; но между жителями есть и татары, и персіане, называемые «тезиками»; они составляютъ низшій классъ населенія. Кизляръ если и замѣчателенъ, то только своими виноградными садами и тѣмъ огромнымъ количествомъ вина, вывозимаго въ Россію, которое, съ поддѣлкою, случается часто пить русскому помѣщику, подъ именемъ иностраннаго. Въ этомъ городѣ климатъ весьма вредный и нездоровый, въ особенности убійственны здѣсь лихорадки; жара несносная, а отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ покоя. Причиною этому болота и камыши, которыми окруженъ городъ. Эти-то камыши и сады способствовали укрывательству хищническихъ партій и частымъ происшествіямъ, случавшимся въ окрестностяхъ Кизляра. Случалось, что, за одно съ чеченцами, участвовали въ хищничествахъ и жители-татары.

Вскорѣ послѣ проѣзда главнокомандующаго, а именно въ половинѣ

августа, было собрано въ Грозной пять баталіоновъ, при шести орудіяхъ, и шесть сотенъ казаковъ, съ которыми генералъ Нестеровъ двинулся внизъ по Сунжѣ.

Въ восемнадцати верстахъ отъ Грозной и въ четырехъ отъ соединенія Аргуна съ Сунжей, предположено было устроить небольшое укрѣпленіе, гарнизонъ котораго обязанъ былъ наблюдать за нижней Сунжей и ея лѣсистыми берегами. Но, прежде расположенія здѣсь лагеремъ, необходимо было укрѣпиться и очистить отъ лѣса правый берегъ Сунжи, что и было исполнено двумя баталіонами, съ незначительной перестрѣлкой, стоившей намъ, впрочемъ, нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. Мнѣ же стоило потери моего любимаго коня, носившаго меня по полямъ непріятельскимъ еще съ 1844 года. Онъ былъ прострѣленъ пулею въ животъ и тутъ же палъ на мѣстѣ.

Во время постройки укрѣпленія Тепли-Кичу, названнаго такъ по имени бывшаго здѣсь аула и рѣчки, тутъ же впадающей, съ правой стороны, въ Сунжу, большихъ дѣлъ не было. Перестрѣлки же были очень частыя, въ особенности въ то время, когда начали прорубаться на поляну, отстоящую отъ Сунжи верстахъ въ двухъ, на которой находились кукурузныя поля и сѣнокосныя мѣста чеченцевъ, живущихъ по Аргуну. Два раза появлялся конный непріятель, въ значительномъ числѣ, на лѣвомъ берегу Сунжи, по близости отъ отряда, но при первомъ движеніи нашей кавалеріи поспѣшно удалялся и переправлялся за Аргунъ.

Въ началѣ октября, пользуясь покойнымъ и хорошимъ временемъ, я отправился въ станицу Сунженскую, чтобы видѣться съ Слѣпцовымъ, съ которымъ я подружился вскорѣ послѣ моего прибытія на Кавказъ, когда онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба.

Слѣпцовъ имѣлъ хорошее состояніе, былъ статенъ и красивъ собою. Его пламенная, кипучая натура требовала сильныхъ ощущеній и развлеченій, и онъ съ увлеченіемъ предавался картамъ и любви. Онъ жаждалъ почестей и отличій, и въ короткое время достигъ славы. Но безграничное честолюбіе преждевременно свело его въ могилу.

Въ 1849 году Слѣпцовъ уже былъ полковникомъ, украшенъ георгіемъ и имѣлъ всѣ кресты, которые даются въ его чинѣ. Сунженскій полкъ, которымъ онъ командовалъ и который онъ сформировалъ четыре года тому назадъ, заслужилъ знамя, и почти каждый казакъ былъ кавалеромъ. Казаки обожали его за храбрость, справедливость и получаемыя ими награды; но и страшно боялись, потому что онъ сильно ихъ наказывалъ и, въ пылу минутнаго гнѣва, даже расправлялся съ ними собственноручно. Казачки видѣли въ немъ своего покровителя, защитника, щедраго помощника въ нуждѣ, и иначе не называли его, какъ «своимъ отцомъ».

Сунженскій полкъ состоялъ въ то время изъ пяти, уже отстроенныхъ станицъ: Сунженской, гдѣ помѣщался штабъ полка и управленіе кордонной линіи; Троицкой и Михайловской, находящихся на Сунжѣ; Ассинской, выдвинувшейся на десять верстъ впередъ на Ассѣ, и Магометъ-Юртовской, въ Малой Кабардѣ, между Моздокомъ и Назраномъ или Владикавказомъ. Но этимъ не ограничивалось поселеніе на Сунжѣ; предполагалось построить еще нѣсколько станицъ на этой рѣкѣ.

Сунженскіе казаки, несмотря на недавнее свое поселеніе, благодаря попечительности и заботливости своего полковаго командира, и имѣя приволье въ поляхъ, пастбищахъ и лѣсѣ, жили въ довольствѣ и спокойствіи

Засунженскіе чеченцы или покорились, или ушли далеко въ горы, потому что Слѣпцовъ не оставлялъ въ покоѣ не только плоскость, но и верховья Сунжи, Фортанги, Ассы, Шалажей. Большія партіи непріятеля не смѣли переходить Ассу, и даже самъ Шамиль, потерпѣвшій неудачи, не желалъ встрѣчаться болѣе съ Слѣпцовымъ и его сунженцами.

Слѣпцову, какъ начальнику Сунженской линіи, подчинялись укрѣпленія: Назрановское, Нестеровское, Алгусъ Алинское и Ачкоевское. Онъ вѣдалъ мирныхъ назрановцевъ, галашевцевъ и карабулакъ, живщихъ между Камбилѣевкой и Ассой. Слѣпцовъ хотя былъ подчиненъ начальнику Владикавказскаго военнаго округа, которымъ былъ въ то время генералъ Ильинскій, но въ своихъ распоряженіихъ и дѣйствіяхъ онъ былъ вполнѣ самостоятеленъ.

II.

Зимняя экспедиція въ Большой Чечнѣ въ январѣ и февралѣ 1850-го года.

Въ Кавказской войнѣ лѣса, вообще, служили однимъ изъ важныхъ препятствій при дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, за которыми непріятель умѣлъ въ нихъ стойко держаться и наносить намъ самый чувствительный вредъ. Изъ всѣхъ же горскихъ племенъ чеченцы были самыми стойкими и искусными защитниками своихъ лѣсовъ, въ особенности послѣ ихъ возстанія, когда и то населеніе, которое до 1840-го года жило на открытой мѣстности, боясь наказанія съ нашей стороны, ушло въ лѣса.

Чтобы проходить черезъ лѣса съ меньшими потерями и имѣть возможность проникать въ ихъ глубь, необходимость указывала прорубать

и дѣлать въ нихъ просѣки. Такъ дѣйствовали Ермоловъ и Вельяминовъ при первоначальномъ покореніи Чечни, такъ начали мы дѣйствовать съ 1846-го года. Но въ дѣйствіяхъ этихъ періодовъ была большая разница.

Рубка лѣса при Ермоловѣ и Вельяминовѣ производилась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчалось со стороны непріятеля особенное сопротивленіе. Такъ, напримѣръ, рубили лѣсъ въ Ханкале, возлѣ Герменчука, Гельдигена и Маюртупа, потому что въ этихъ мѣстахъ встрѣчались съ непріятелемъ, собравшимся въ большомъ числѣ, и что, по густотѣ лѣса, нельзя было пройти черезъ него. Притомъ вырубался орѣшникъ и кустарникъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Рубки такого рода были непродолжительны и производились, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ, лѣтомъ и зимою.

Совсѣмъ другимъ образомъ производилась рубка просѣкъ съ 1846-го года, сначала въ Малой, а потомъ въ Большой Чечнѣ. Съ этого времени, проложеніе просѣкъ приняло опредѣленный, систематическій порядокъ; онѣ прокладывались не для прохода войскъ въ опредѣленный моментъ, или для извѣстнаго случая, а служили постояннымъ и надежнымъ сообщеніемъ. Для этого нельзя было прокладывать просѣку какъ-нибудь, а нужно было срубать деревья до основанія, а еще лучше—доходить до корня. Нужно было сдѣлать просѣку шириной въ двѣ-три версты, чтобы обезпечить проходящія по ней колонны не только отъ ружейнаго, но и отъ артиллерійскаго огня.

Отъ послѣдняго огня не нужно было оберегать войска, проходящія черезъ лѣсъ, ни Ермолову, ни Вельяминову, потому что въ ихъ время непріятель не имѣлъ артиллеріи. Орудія явились при Шамилѣ, когда онъ, изъ нашихъ же полевыхъ орудій, взятыхъ имъ разновременно, преимущественно же въ 1843-мъ году, образовалъ у себя подвижную артиллерію, на манеръ нашей конной.

Кровавый опытъ указалъ на необходимость такого рода просѣкъ. Начальнымъ опытомъ была Ичкеринская экспедиція генерала Граббе въ 1842-мъ году, окончательнымъ — Даргинскій походъ въ 1845-мъ году графа Воронцова. Опытность же въ Кавказской войнѣ генерала Фрейтага указала на то, что рубка просѣкъ должна производитьси не иначе, какъ зимой.

Убѣжденія этого генерала, что рубку просѣкъ необходимо производить зимой, основывались на слѣдующихъ данныхъ: 1) что непріятель по своей одеждѣ, а въ особенности легкой обуви, неимѣнію подножнаго корма, и встрѣчая недостатокъ въ продовольствіи, не можетъ быть продолжительное время въ сборѣ; 2) что лѣсъ, не будучи покрытъ листомъ, болѣе обнаженъ, слѣдовательно, непріятель скорѣй можетъ быть открытъ, менѣе опасенъ намъ нечаянными нападеніями и болѣе подверженъ нашимъ выстрѣламъ, и 3) что лѣсъ быстрѣе рубится и уничтожается на-

*

шими войсками, какъ необходимый на костры, въ особенности въ большіе морозы; а для скорѣйшаго истребленія лѣса признавалось полезнымъ располагать отрядъ, при началѣ рубки, внутри самаго лѣса, разумѣется, если этому не препятствовали другія обстоятельства.

На такихъ основаніяхъ производились рубки просѣкъ въ предшествовавшіе годы въ Гойтинскомъ и Гехинскомъ лѣсахъ; на томъ же основаніи предположено было приступить къ рубкѣ просѣки въ 1850-мъ году въ Шалинскомъ лѣсу.

Это былъ первый рѣшительный наступательный шагъ въ Большую Чечню. Всѣмъ извѣстно было, что Шамиль поклялся воспрепятствовать русскимъ въ рубкѣ этой просѣки, и что имъ было сдѣлано распоряженіе не только къ поголовному ополченію чеченцевъ, но что дѣлались заготовленія продовольствія для тавлинцевъ.

Генералъ Нестеровъ, какъ человѣкъ нерѣшительный, подъ разными предлогами, откладывалъ сосредоточеніе войскъ: то не заготовлено сѣно, то не имѣется боевыхъ патроновъ и зарядовъ въ достаточномъ количествѣ. Безъ боевыхъ патроновъ и зарядовъ нельзя совершить ни одного военнаго предпріятія; безъ сѣна же нельзя имѣть въ необходимомъ числѣ кавалеріи. Но первыхъ имѣлось въ достаточномъ количествѣ; что же касается сѣна, то его. дѣйствительно, заготовлено было мало. Поэтому нужно было уменьшить число кавалеріи и обоза, первоначально предполагавшихся, что и было исполнено на самомъ дѣлѣ. Кавалеріи было уменьшено на двѣ сотни, а большую часть перевозочныхъ средствъ рѣшено было держать въ крѣпости Воздвиженской, какъ ближайшей къ мѣсту дѣйствія отряда.

Войска, сосредоточенныя въ Воздвиженской, въ числѣ десяти баталіоновъ, дивизіона драгунъ, двадцати орудій и пяти сотенъ казаковъ, въ половинѣ января перешли мостъ на Аргунѣ и, въ виду незначительнаго непріятеля, двинулись внизъ по правому берегу этой рѣки.

Пройдя восемь верстъ, отрядъ расположился четырехугольнымъ лагеремъ на двухъ уступахъ праваго берега Аргуна, примкнувъ заднимъ фасадомъ къ этой рѣкѣ. На лѣвомъ берегу былъ чеченскій аулъ Большая Атага, и въ этомъ мѣстѣ, черезъ Аргунъ, производилось съ давнихъ поръ арбяное сообщеніе.

Уступами лагерь раздѣлялся на верхній и нижній. Верхній лагерь полукружіемъ былъ занятъ тремя баталіонами Кабардинскаго полка, всей кавалеріей и двѣнадцатью орудіями. Эти войска были ввѣрены начальству генерала Козловскаго. Всѣ остальныя войска, а именно: три баталіона куринцевъ, два тенгинскихъ, одинъ навагинскій, одинъ сводный линейный и восемь орудій, расположились по тремъ фасамъ нижняго лагеря; тутъ же помѣщался начальникъ отряда и штабъ. Кавалерія была расположена въ верхнемъ лагерѣ, потому что впереди

ея, версты на полторы, было открытое и ровное пространство. Далѣе тянулся Шалинскій лѣсъ,—цѣль нашихъ дѣйствій.

Переходъ изъ Воздвиженской и занятіе лагеря сопровождались незначительной перестрѣлкой, преимущественно съ коннымъ непріятелемъ, разъѣзжавшимъ небольшими партіями. На другой день была произведена рекогносцировка и опредѣлено мѣсто рубки просѣки въ томъ именно пунктѣ, гдѣ лѣсъ, по разсказамъ проводниковъ, съуживался, и гдѣ проходила ермоловская просѣка, чего, впрочемъ, нельзя было замѣтить по одинаковой чащѣ и величинѣ деревьевъ съ прочимъ Шалинскимъ лѣсомъ.

Мѣсто, избранное для просѣки, отстояло отъ лагеря въ четырехъ верстахъ. Это было невыгодно въ томъ отношеніи, что терялось напрасно время на переходъ туда и обратно войскъ, назначаемыхъ на рубку. Поэтому высказано было мнѣніе о расположеніи лагеря противъ предполагаемой просѣки, тоже на Аргунѣ, но генералъ Нестеровъ не согласился на это. Онъ находилъ, что берега Аргуна тамъ круче и лѣсистѣе; что съ лѣвой стороны лѣсъ подходилъ бы слишкомъ близко къ лагерю; что нужно было прокладывать черезъ рѣчку и ея крутые берега дорогу, чтó потребовало бы на ея устройство много времени и рабочихъ рукъ, тогда какъ на занятомъ лагерномъ мѣстѣ проходила старая чеченская дорога, и, наконецъ, что сообщеніе съ Воздвиженскою было далѣе и подвозъ продовольственныхъ припасовъ затруднительнѣе.

Но все это не составляло особенно важныхъ препятствій и легко могло быть устранено. Лѣсъ на Аргунѣ и съ лѣвой стороны скоро былъ бы уничтоженъ на варку пищи, печеніе хлѣба и для костровъ; сверхъ того, лѣвый лѣсъ можно было занять небольшою частью пѣхоты, расположенной въ засѣкѣ, или земляномъ укрѣпленіи. Проложеніе дороги черезъ Аргунъ не составляло особаго труда, да пожалуй, можно было ее и совсѣмъ не прокладывать, а сообщеніе производить черезъ рѣку по старой чеченской дорогѣ до мѣста, занятаго лагеремъ, и до новаго лагеря переѣздъ совершался бы по правому берегу Аргуна. Однако, эти доводы не подѣйствовали на Петра Петровича, и лагерь остался, по-прежнему, въ четырехъ верстахъ отъ мѣста просѣки.

Первая рубка, 19-го января, произведена была подъ начальствомъ барона Меллера-Закомельскаго. Три баталіона куринцевъ составляли главную основу этой колонны. Войска выступили за два часа до разсвѣта съ тѣмъ, чтобы въ темнотѣ не только дойти до мѣста просѣки, какъ уже упомянуто, отстоящей отъ лагеря верстахъ въ четырехъ, но и занять часть лѣса, которую, въ продолженіе дня, можно было вырубить. Лѣсъ былъ густой и состоялъ, преимущественно, изъ орѣшника и чинара; былъ также и молодой дубъ.

Занятіе лѣса было совершено безпрепятственно, и до полудня не-

пріятеля было мало, но съ этого времени массы его увеличились. Жаркая перестрѣлка завязалась въ передовой и боковыхъ цѣпяхъ, и даже изъ лѣсу, съ лѣвой стороны, показывались значительныя конныя толпы непріятеля, въ тылу нашей конницы. Рубка продолжалась до трехъ часовъ, когда баронъ Меллеръ быстро отступилъ изъ лѣсу перекатными цѣпями и съ картечнымъ огнемъ. Потеря была небольшая.

На другой день, тоже до разсвѣта, выступила на рубку лѣса колонна, преимущественно состоящая изъ кабардинцевъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Вревскаго. Порядокъ рубки и часъ возвращенія были тѣ же, какъ и предъидущаго дня, но число убитыхъ и раненыхъ было несравненно болѣе, потому что занимать позицію пришлось уже съ боемъ, и жаркая перестрѣлка происходила въ продолженіе всей рубки. При выходѣ же колонны изъ лѣса, непріятель преслѣдовалъ ее со особеннымъ ожесточеніемъ, и даже покушался броситься въ шашки; но картечь остановила его. Въ этотъ же день, около девяти часовъ вечера, непріятель открылъ перекрестную канонаду по лагерю изъ двухъ орудій, и хотя послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ поспѣшилъ убраться, но отъ этой стрѣльбы тоже были раненые.

На третій день на рубку лѣса, по случаю праздника, не ходили, но за-то непріятель вечеромъ открылъ канонаду по лагерю изъ трехъ орудій съ фронта и съ фланговъ. Раздались выстрѣлы залпами и съ нашей стороны, а между тѣмъ, несмотря на туманъ, часть кавалеріи садилась на коней для движенія впередъ. Но непріятель прекратилъ канонаду, и все въ лагерѣ успокоилось. Не успокоились только медики, да въ походныхъ лазаретахъ раздавались стоны раненыхъ.

Чтобы, если не овладѣть орудіями, то напугать непріятеля, и тѣмъ отучить его стрѣлять по лагерю, было предоставлено генералу Козловскому по первому непріятельскому выстрѣлу немедленно двинуть кавалерію, и съ наступленіемъ вечера выдвинуть на версту вправо и влѣво по уступу по двѣ роты пѣхоты. Но въ этотъ вечеръ непріятель открылъ пальбу изъ двухъ орудій противъ передняго фаса. Три сотни казаковъ и эскадронъ драгунъ, бывшіе въ готовности, быстро двинулись впередъ.

Хотя непріятельскія орудія ускакали, но изъ прикрытія три чеченца поплатились жизнью, и сверхъ того, принесено было въ лагерь нѣсколько шашекъ, ружей, бурокъ и папахъ. Этимъ прекратилась канонада по лагерю.

За-то ежедневная канонада производилась сначала изъ двухъ, а потомъ изъ трехъ орудій, по войскамъ, высылаемымъ на рубку лѣса, что̀ замедляло наши работы и увеличивало наши потери. Много было тяжело раненыхъ, съ размозженными и оторванными членами.

Непріятельская стрѣльба была медленна; производилось по выстрѣлу черезъ двѣ-три минуты. А такая стрѣльба была весьма непріятна и тя-

жела для частей, собственно рубившихъ деревья. Прикрытія хотя были ближе отъ непріятеля, но они располагались въ лѣсу, тогда какъ каждое срубленное дерево открывало рабочихъ; притомъ у каждаго поваленнаго дерева нужно было обрубить вѣтви, разрубить на части и предать огню. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе было дерево, тѣмъ болѣе было надъ нимъ возни для его истребленія, а такихъ деревьевъ было не мало въ Шалинскомъ лѣсу. Рабочіе мѣнялись съ прикрытіемъ, а когда наступила смѣна, то первые съ поспѣшностью оставляли топоры и, повеселѣвъ, съ радостью отправлялись въ цѣпь.

21-го января баронъ Николаи, съ кабардинцами своего баталіона, составлявшими правое прикрытіе, имѣлъ жаркую схватку съ андійскимъ наибомъ Абакеръ Дебиромъ, начальствовавшимъ тавлинцами. Когда кабардинцы начали входить въ лѣсъ, то тавлинцы, уже находившіеся въ немъ, сдѣлавъ залпъ изъ ружей, бросились съ своими длинными кинжалами, но были отброшены штыками. Повторился новый залпъ и новый гикъ, но кабардинцы, устоявъ и противъ этого удара, въ свою очередь ударили въ штыки; тавлинцы не устояли и отступили съ большой потерею; однако, и наша потеря тоже была значительна. Въ числѣ раненыхъ былъ баронъ Николаи, пулею въ шею, отъ которой онъ долго хрипѣлъ и мучился.

Такое рукопашное жаркое дѣло было единственное въ этой зимней экспедиціи. Вообще, нужно замѣтить, что рукопашныя схватки бывали чаще въ Дагестанѣ, при защитѣ ауловъ, нежели въ Чечнѣ.

Несмотря на сопротивленіе шамилевыхъ полчищъ, простиравшихся, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, до 10 тысячъ пѣшихъ и конныхъ, и всю изобрѣтательность Шамиля и его наибовъ вредить намъ, несмотря на большія наши потери и огромный трудъ,—просѣка подвигалась впередъ.

Въ началѣ февраля уже оставалось нѣсколько десятковъ саженъ до Шалинской поляны, по которой протекали: ближе Шавданъ, небольшая, но глубокая и тинистая рѣчка, а далѣе Бассъ или Джалка. Но просѣка была не широка, и на ней было много срубленныхъ, но не сожженныхъ деревьевъ.

Чтобы придать болѣе успѣшности работамъ и даже облегчить войска, баронъ Вревскій и другіе начали уговаривать Нестерова стать лагеремъ противъ просѣки, а и того лучше, двинуться черезъ лѣсъ и стать на Шалинской полянѣ. О послѣднемъ предположеніи онъ и слышать не хотѣлъ и назвалъ это даже безумствомъ. Что же касается передвиженія лагеря противъ просѣки, то, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ согласился на это, но на другой день измѣнилъ свое намѣреніе, и лагерь остался на прежнемъ мѣстѣ, и рубка продолжалась прежнимъ порядкомъ.

8-го и 11-го февраля войска наши, ходившія на рубку просѣки,

подъ начальствомъ полковниковъ Майделя и Серебрякова, имѣли особенно жаркія дѣла съ непріятелемъ. Кромѣ канонады изъ орудій, велась перестрѣлка въ цѣпяхъ, а 11-го числа, сверхъ того, была рукопашная схватка въ авангардной цѣпи.

12-го февраля мы окончательно прорубились черезъ лѣсъ, и войска съ радостью увидѣли Шалинскую поляну и толпы коннаго и пѣшаго непріятеля, расположеннаго по сторонамъ двухъ орудій.

Открытъ былъ огонь изъ нашихъ шести орудій, и непріятель поспѣшно скрылся изъ виду. Это былъ единственный случай въ эту экспедицію, когда мы видѣли непріятельскія орудія и когда наша артиллерія произвела по нимъ нѣсколько прицѣльныхъ выстрѣловъ. Обыкновенно же наша артиллерія дѣйствовала по шамилевскимъ орудіямъ, не видѣвши ихъ, а по дыму днемъ или огню ночью, потому что непріятель ставилъ свои орудія въ лѣсу или за завалами. Сверхъ того, изъ опасенія обхода нашими войсками, онѣ часто перевозились съ одного мѣста на другое; а какъ наибы и начальники частей отвѣчали своей головой за потерю ввѣряемыхъ имъ орудій, то они были весьма нерѣшительны въ своихъ дѣйствіяхъ, держались въ отдаленіи и за естественными препятствіями.

14-го февраля генералъ Нестеровъ поѣхалъ на просѣку осмотрѣть ее; это былъ первый его выѣздъ изъ лагеря впередъ. Онъ былъ пасмурнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго.

Былъ морозный, но солнечный день. По войскамъ, высланнымъ для уширенія просѣки и уничтоженія срубленныхъ деревьевъ, подъ начальствомъ полковника Майделя, производилась канонада изъ трехъ непріятельскихъ орудій, расположенныхъ въ отдаленіи, въ боковыхъ перелѣскахъ.

— Съ нами вся кавалерія; можно было бы произвести славную атаку, сказалъ я, обращаясь къ барону Майделю, но съ намѣреніемъ, такъ громко, чтобы слышалъ Нестеровъ.

Петръ Петровичъ нахмурился еще сильнѣе и, не сказавъ ни слова, ударилъ плетью лошадь. Мы поѣхали рысью по дорогѣ, проведенной по серединѣ просѣки.

Непріятель, вѣроятно, замѣтивъ движеніе на просѣкѣ и толпы кавалеріи, произвелъ нѣсколько учащенныхъ выстрѣловъ. Изъ безсмѣннаго конвоя Нестерова разорванной гранатой одного казака ранило, а подъ другимъ убило лошадь. Нестеровъ ѣхалъ рысью до выѣзда изъ просѣки. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе Майделю черезъ часъ возвратиться въ лагерь.

Черезъ двое сутокъ отрядъ оставилъ лагерную стоянку, которую онъ не покидалъ въ продолженіе тридцати двухъ дней. Куринцы, съ шестью орудіями, отправились въ Воздвиженскую; кабардинцы, тенгинцы, ка-

заки и остальная артиллерія—въ Грозную, откуда направились по своимъ штабъ-квартирамъ.

Несмотря на значительную потерю, простиравшуюся до 700 убитыхъ и раненыхъ, изъ коихъ послѣдніе были, преимущественно, тяжело ранены и, большею частью, отъ артиллерійскаго огня; несмотря на трудность работъ, сопряженныхъ, вообще, съ проложеніемъ просѣкъ, войска, составлявшія отрядъ, находились въ весьма хорошемъ состояніи. Болѣзненность въ нихъ была самая незначительная.

Да иначе и не могло быть, потому что солдаты, стоя лагеремъ на одномъ мѣстѣ, пользовались всѣми удобствами въ хозяйственномъ отношеніи. Продовольствовались, вмѣсто сухарей, печенымъ хлѣбомъ, доставляемымъ изъ Воздвиженской и пекшимся въ устроенныхъ на мѣстѣ печахъ. Пища у нихъ была хорошая, ежедневно съ говядиной, чтó не истощало экономическихъ харчевыхъ суммъ, потому что изъ отпускаемыхъ добавочныхъ винныхъ порцій войска могли удѣлять часть денегъ на улучшеніе своей пищи.

Вода въ Аргунѣ здоровая и находилась подъ рукой, чтó дозволяло устроить походныя, въ палаткахъ, бани; кромѣ того, въ праздничные дни, когда не производилась рубка, войска, по частямъ, ходили въ Воздвиженскую для мытья въ баняхъ. Одежда у солдатъ была теплая, всѣ были одѣты въ полушубки; лѣсу для костровъ вдоволь, притомъ же зима была сухая и не очень холодная: свыше 15 градусовъ было только нѣсколько дней, а то холодъ стоялъ между 8 и 10 градусами Реомюра. Лошади артиллерійскія, кавалерійскія и подъемныя находились въ хорошихъ тѣлахъ, потому что сѣно отпускалось изъ казенныхъ складовъ исправно и въ опредѣленномъ количествѣ. Что же касается зерноваго фуража, то таковымъ обязаны были довольствовать сами начальники частей. Впрочемъ, на всякій случай, запасы овса имѣлись въ провіантскихъ складахъ. Оставалось въ запасѣ и сѣно еще въ достаточномъ количествѣ.

Изъ всего этого оказывается, что еслибы генералъ Нестеровъ желалъ продолжать военныя дѣйствія, то они вовсе не были бы отяготительны для войскъ, тѣмъ болѣе, еслибы эти дѣйствія приняли болѣе рѣшительный характеръ, и произведено было наступательное движеніе. Такія дѣйствія оживили и воодушевили бы наши войска, а упадшій духомъ непріятель еще болѣе былъ бы потрясенъ нравственно.

Но можетъ быть и къ лучшему, что отрядъ былъ распущенъ. Что, еслибы то восторженное, ненормальное состояніе разсудка, которое случилось съ Нестеровымъ черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ нашемъ въ Грозную, произошло во время наступательныхъ дѣйствій отряда. Вѣдь могло бы надѣлаться много глупостей, пока поняли бы болѣзненное состояніе начальника отряда.

Тяжело мнѣ разсказывать о томъ времени, когда добрый, уважаемый Петръ Петровичъ сдѣлался предметомъ сожалѣнія; когда этотъ серьезный, гордый и всегда державшій себя съ достоинствомъ человѣкъ дѣлалъ и говорилъ столько нелѣпо смѣшнаго, страннаго и неприличнаго, что сталъ невольнымъ посмѣшищемъ другихъ; когда прежде искали его общества, теперь его бѣгали и боялись, какъ сумасшедшаго.

Но его напрасно бѣгали и боялись, потому что онъ зла не дѣлалъ, а напротивъ, былъ до крайности добръ и щедръ. Раздавалъ деньги и вещи, которыя, разумѣется, возвращались назадъ, если это не случалось съ такими людьми, которые желали этимъ воспользоваться. Обѣщалъ небывалыя награды, которыя, разумѣется, никогда не могли исполниться. Если и могли его нѣкоторые бояться, то развѣ за ѣдкія, колкія, но часто справедливыя насмѣшки, остроты, сарказмы и каламбуры. Только однѣ женщины должны были его бояться и бѣгать, потому что во время умственнаго своего разстройства онъ находился въ сильномъ чувственномъ настроеніи и былъ весьма наглъ и нахаленъ съ ними, и то только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Первые дни по возвращеніи Нестерова изъ отряда въ Грозную онъ былъ въ восторженномъ и необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Онъ давалъ обѣды, вечера. Изъ его разговора видно было, что онъ придаетъ особенно важное значеніе только-что оконченной имъ зимней экспедиціи, а, къ несчастію, нашлись люди, которые ему потворствовали и поддакивали. Онъ считалъ Шамиля уничтоженнымъ, непріятеля несуществующимъ. Его воинственное настроеніе дошло до того, что онъ, по обыкновенію очень осторожный, ѣздилъ по окрестностямъ Грозной съ женою и свояченицами одинъ, и не хотѣлъ брать конвоя; а потому, поневолѣ, всегда выѣзжали съ нимъ всѣ служащіе въ штабѣ и бралось нѣсколько мирныхъ чеченцевъ. Сверхъ того, въ ту сторону, куда отправлялся поѣздъ, выѣзжали казаки и располагались въ скрытомъ мѣстѣ.

Всѣ окружающіе Нестерова видѣли и понимали его ненормальное состояніе разсудка, но не понимала только его жена, да не хотѣли или боялись понимать его родственники; а это тѣмъ болѣе было опасно, что могло вести не къ успокоенію больнаго, а къ большему разстройству его болѣзненнаго состоянія. Но всякій въ то же время утѣшалъ себя надеждой, что это пройдетъ.

Сидишь, да и думаешь, или разсуждаешь съ кѣмъ-нибудь: «ну что, если Петръ Петровичъ сдѣлаетъ какія-нибудь неумѣстныя распоряженія, могущія компрометтировать войска и край».

Употребить строгія мѣры.—А если онъ опомнится, да придетъ въ себя, вѣдь онъ начальникъ.

— Нѣтъ, лучше дѣйствовать съ хитростію. Нужно уговорить его выѣхать изъ Грозной. Пусть ѣдетъ въ Тифлисъ.

Прихожу къ нему съ дѣлами и, между прочимъ, завожу разговоръ:

— А что, ваше превосходительство, вамъ не дурно бы съѣздить въ Тифлисъ къ главнокомандующему?

—Прекрасно, благодарю, завтра же ѣду, отвѣтилъ онъ.

Немедленно былъ призванъ воинскій начальникъ, маіоръ Кульманъ, и сдѣлано было имъ распоряженіе о выѣздѣ.

Но пустить его одного нельзя; нужно, чтобы и жена и любимая свояченица, а пожалуй и другая, съ нимъ ѣхали. Какъ же это сдѣлать? Нужно дѣйствовать черезъ ихъ брата.

Ему было объяснено въ подробности болѣзненное состояніе Нестерова. Онъ, встревоженный, побѣжалъ къ своимъ сестрамъ, и успѣхъ былъ полный. На другой день, къ общей радости, съ пышными проводами нашъ больной начальникъ выѣхалъ изъ Грозной.

Проѣздъ Нестерова по Сунженской линіи былъ торжественный. Его провожалъ большой конвой. Генералъ Слѣпцовъ встрѣтилъ его въ станицѣ Михайловской съ почетнымъ рапортомъ. Въ Сунженской обѣдъ и вечеръ съ пѣснями и плясками сунженскихъ казаковъ. Утомленный Нестеровъ успокоился и заснулъ ранѣе обыкновеннаго.

На другой день онъ отправился въ Владикавказъ, гдѣ и былъ задержанъ подъ разными предлогами до полученія отвѣта отъ князя Воронцова. Не помню хорошо, ѣздилъ ли онъ въ Тифлисъ и когда именно; но знаю, что главнокомандующій съ нимъ видѣлся и что докторъ Андреевскій подвергнулъ его сильнымъ меркуріальнымъ втираніямъ, хотя возстановившимъ его временно въ здоровьи, но преждевременно уложившимъ въ могилу.

III.

Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1850 году.

Со времени выѣзда изъ Грозной, въ февралѣ, больнаго генерала Нестерова, и до возвращенія его въ декабрѣ поправившимся, но не исцѣленнымъ, управлялъ лѣвымъ флангомъ, какъ старшій, знакомый уже намъ, Викентій Михайловичъ Козловскій.

Казенный домъ, выстроенный для бригаднаго командира, въ которомъ онъ жилъ, еще болѣе переполнился посѣтителями. Теперь являлись къ нему не только его знакомые, но и лица, связанныя разными служебными обязанностями; болѣе же всего собиралось у него въ залѣ азіатцевъ, въ особенности по вечерамъ.

Въ это время, обыкновенно, являлись лазутчики съ разными извѣстіями о непріятелѣ, иногда важными, а болѣе не заслуживающими вниманія. Такіе лазутчики являлись исключительно ради денегъ, а иной разъ для того, чтобы, въ свою очередь, узнать и высмотрѣть, что̀ и у насъ дѣлается.

Викентій Михайловичъ самъ принималъ лазутчиковъ и, по страсти говорить, бесѣдовалъ съ ними, разумѣется, черезъ переводчика, долѣе, нежели слѣдовало. А такъ какъ чеченцы носятъ съ собой непріятный запахъ и заражаютъ имъ комнатный воздухъ быстрѣе, нежели чичиковскій Селифанъ съ братіей, то зала и кабинетъ Викентія Михайловича, по вечерамъ, всегда были заражены непріятнымъ запахомъ; и хотя жена и свояченицы упрашивали его не пускать чеченцевъ къ себѣ въ домъ, но на эти ихъ просьбы мало обращалось вниманія.

Въ особенности, много лазутчиковъ приходило въ Грозную въ послѣднихъ числахъ марта. Всѣ они являлись съ извѣстіями объ огромномъ сборѣ чеченцевъ и тавлинцевъ въ Шалинской просѣкѣ, для построенія тамъ землянаго окопа.

Намъ было извѣстно: что этотъ окопъ строится во всю широту просѣки, слѣдовательно, долженъ быть длиною болѣе версты; что по бокамъ устраиваются редуты и батареи, въ которыхъ находится по орудію; что впереди окопа роется ровъ, земля изъ котораго употребляется для насыпки вала; что по серединѣ окопа будутъ ворота и что, противъ нихъ, до времени, ровъ не роется. Свѣдѣнія, какъ видите, довольно подробныя, въ особенности, если прибавлю, что даже извѣстны были приблизительные размѣры бруствера и рва окопа.

Главнымъ начальникомъ собранныхъ въ Шалинской просѣкѣ тавлинцевъ и чеченцевъ, и руководителемъ работъ по устройству окопа, былъ Ягья-Хаджи, одинъ изъ первыхъ любимцевъ и приближенныхъ Шамиля, который вѣдалъ артиллерію, мюридовъ, нашихъ бѣглыхъ и всѣ мастерскія.

Хотя непріятель, строившій Шалинскій окопъ, былъ пѣшій, что̀ иначе и не могло быть, по неимѣнію подножнаго корма, но присутствіе болѣе 5.000 вооруженныхъ человѣкъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Воздвиженской и Грозной, было весьма опасно. Пользуясь такимъ огромнымъ сборищемъ, конные чеченцы могли быстро собираться и, съ помощью своей пѣхоты, дѣлать нападенія на оказіи и колонны, посылаемыя въ лѣсъ за дровами. Поэтому необходимо было овладѣть Шалинскимъ окопомъ и разогнать собраннаго тамъ непріятеля.

Днемъ взятія Шалинскаго окопа было назначено 10-е апрѣля. Успѣхъ этого предпріятія зависѣлъ отъ скрытности нашего движенія и неожиданности появленія передъ непріятелемъ.

По сдѣланному предварительному сношенію, на разсвѣтѣ должны

были соединиться за Аргуномъ, на мѣстѣ бывшаго зимняго лагеря: два съ половиною баталіона куринцевъ, пять орудій и три сотни казаковъ, приведенныхъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ изъ Воздвиженской, и полтора баталіона, четыре орудія и шесть сотенъ казаковъ (въ томъ числѣ три сотни, прибывшія изъ Моздокскаго и Гребенскаго полковъ), выступившіе изъ Грозной.

За часъ до разсвѣта всѣ эти войска были на назначенномъ мѣстѣ Пѣхота съ артиллеріей поступила подъ начальство барона Меллера, а кавалерія поручена была полковнику Суслову. На разсвѣтѣ войска стояли передъ просѣкой: пѣхота съ лѣвой стороны, съ тѣмъ, чтобы, прикрываясь лѣсомъ, менѣе подвергаться выстрѣламъ непріятеля до штурма окопа; кавалерія стала противъ середины просѣки, гдѣ, какъ извѣстно, оставались, въ нѣсколько саженъ шириною, неперерытыя еще рвомъ пространства.

По мѣрѣ разсвѣта передъ нами началъ обозначаться валъ во всю широту просѣки. На немъ царствовали безмолвная тишина и спокойствіе; но не успѣли мы подвинуться на полверсты, какъ раздались выстрѣлы и крики часовыхъ, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ орудійный выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ окопъ, на всемъ своемъ протяженіи, покрылся вооруженными людьми, стоящими одинъ за другимъ въ два-три ряда. Отъ первыхъ лучей восходящаго солнца заблестѣли ружья и поднятые надъ головами огромные лезгинскіе кинжалы; раздались угрожающіе крики и ругательства; даже слышны были рожки и бубны; наконецъ, раздались выстрѣлы изъ двухъ орудій, поставленныхъ въ редутахъ.

Въ эти, по истинѣ, величественныя минуты, мы находились отъ окопа саженяхъ въ трехстахъ. Открытъ былъ огонь и изъ нашихъ орудій, а между тѣмъ куринцы начали пробираться лѣсомъ къ окопу. Видимъ уже нашу пѣхоту во рву, уже нѣкоторые изъ храбрецовъ на валу; но пули или кинжалы сражаютъ ихъ. Послѣ этого не должна была оставаться въ бездѣйствіи и кавалерія, несмотря на неудобную для ея дѣйствія мѣстность. Но то, что трудно или даже невозможно для регулярной кавалеріи, легко преодолѣвается казаками. Взятіе Шалинскаго окопа служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Послѣ минутнаго колебанія земли, отъ ударявшихъ въ нее тысячъ лошадиныхъ копытъ и сотрясенія въ воздухѣ отъ громкаго крика «ура!» когда пронеслись облака густой пыли, на валу уже не было непріятеля. Окопъ былъ во власти нашей пѣхоты, какъ побѣдителей. Кавалерія же исчезла, она рубитъ и преслѣдуетъ бѣгущаго непріятеля; но она должна скоро возвратиться, потому что далѣе Шавдана не должна продолжать своего преслѣдованія.

Непріятель исчезъ, пораженный неописаннымъ страхомъ и понес-

шій огромную потерю изрубленными. Сотни тѣлъ валялись за валомъ и на пространствѣ между окопомъ и Шавданомъ. Множество ружей, кинжаловъ, бурокъ, папахъ, черкесокъ набрано было казаками. Огромное количество лопатъ, кирокъ и другихъ землекопательныхъ орудій лежало за валомъ и, въ особенности, въ редутахъ. Можно было бы скоро разрушить окопъ; но заставлять работать побѣдителей, утомленныхъ боемъ и ночнымъ движеніемъ, было бы грѣшно; притомъ же, нужно было поскорѣй возвратиться во-свояси, потому что Воздвиженская и Грозная оставались почти безъ войскъ; да и раненые, которыхъ насчитывалось съ убитыми до ста человѣкъ, требовали—первые успокоенія, а послѣдніе погребенія.

Несмотря на то, что наше пребываніе въ Шалинскомъ лѣсу продолжалось не болѣе шести часовъ, но солдатики много перерыли, перепортили въ окопѣ; инструменты переломали и только лучшіе лопаты, кирки и топоры взяли съ собою. И все это дѣлалось безъ приказанія, а по собственной ихъ волѣ. Къ вечеру мы были уже въ Грозной.

Съ наступленіемъ весны, въ особенности, съ появленіемъ подножнаго корма, что̀ обыкновенно бывало не позже половины апрѣля, кончался періодъ зимнихъ дѣйствій и приступалось къ лѣтнимъ занятіямъ. Эти послѣднія заключались, преимущественно, въ построеніи новыхъ станицъ, укрѣпленій, башенъ и постовъ. Съ весною же начинали чаще появляться непріятельскія партіи, а слѣдовательно, и было болѣе тревогъ возлѣ укрѣпленій и станицъ.

Выгоняемый на пастбище скотъ и выѣзжающіе на полевыя работы жители были главной приманкой и искушеніемъ для непріятеля Возлѣ такихъ-то мѣстъ онъ чаще всего появлялся, и здѣсь-то происходили чаще всего тревоги. Иногда ему случалось отогнать нѣсколько штукъ скота, изрубить, или захватить въ плѣнъ нѣсколько хлѣбопашцевъ; но, повторяю, это случалось весьма рѣдко; большею частью, онъ возвращался ни съ чѣмъ, а иногда, и потерпѣвшимъ пораженіе.

Поэтому пастьба скота и полевыя работы производились подъ прикрытіемъ небольшихъ частей войскъ, и были самымъ скучнымъ и тяжелымъ для нихъ дѣломъ. На случай же тревоги, въ укрѣпленіяхъ и станицахъ назначались дежурныя части, которыя должны были быть въ готовности и, по второму выстрѣлу изъ орудія, вмѣстѣ съ подвижнымъ кавалерійскимъ резервомъ, гдѣ такой находился, поспѣшать за ворота, въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы. Дальнѣйшія дѣйствія зависѣли отъ обстоятельствъ.

По третьему выстрѣлу, не только всѣ войска, но и все населеніе укрѣпленія или станицы поднималось на ноги.

Третій выстрѣлъ означалъ, что непріятель показался въ значительномъ числѣ, и случилось что-нибудь на пастьбѣ или на полевыхъ рабо-

тахъ. Жители спѣшили на валъ изъ любопытства; войска же и начальство бѣжало и скакало за ворота для поданія помощи и преслѣдованія непріятеля, съ добычей или безъ нея.

Съ іюня мѣсяца декораціи въ жизни жителей лѣваго фланга нѣсколько измѣнялись. Наступало время покоса. Каждому необходимо было сѣно для зимняго продовольствія лошадей и скота. Кто самъ косилъ, а кто заготовлялъ сѣно изъ-полу. Офицерамъ назначалось опредѣленное число косцовъ изъ нижнихъ чиновъ, которымъ производилась назначенная плата; такимъ же образомъ содержались косцы въ частяхъ и при заготовленіи казеннаго или экстреннаго сѣна для зимнихъ экспедицій, которое, до сего времени, покупалось не дешево у чеченцевъ.

Къ покосному времени каждый готовился заблаговременно; запасался косами, граблями, веревками, брусками; чинилъ повозки, исправлялъ сбрую. Въ особенности такія приготовленія были замѣтны между войсками, и чѣмъ часть была болѣе, тѣмъ болѣе было суеты и хлопотъ между солдатами. Нужно было заготовить сѣно для подъемныхъ лошадей, полковыхъ или баталіонныхъ быковъ, ротныхъ и офицерскихъ лошадей и скота; сколько для этого нужно исправныхъ повозокъ, косцовъ и покоснаго инструмента! А тутъ еще новая забота для части, до сего времени небывалая,—подавай извѣстное число косцовъ, да непремѣнно лучшихъ, для заготовленія сѣна въ казну для зимней экспедиціи.

Но вотъ наступилъ покосъ, и укрѣпленіе или станица опустѣла. Они оживаютъ на день или на нѣсколько часовъ, когда привозится готовое сѣно съ покоснаго мѣста въ сѣнникъ, гдѣ каждая часть, каждый житель имѣетъ свое мѣсто для склада сѣна. Сѣнникъ устроенъ въ безопасномъ мѣстѣ отъ огня и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилья; притомъ охраняется часовыми Такая перевозка сѣна во время покоса, продолжавшагося пять-шесть недѣль, совершалась разъ двадцать и болѣе, что́, впрочемъ, зависѣло отъ состоянія погоды.

Такъ какъ, во время покоса, другихъ полевыхъ работъ не производилось, а на пастьбу скотъ не выгонялся, то чеченцы рыскали вокругъ покосовъ, гдѣ и происходили частыя тревоги. То зажгутъ сѣно, сложенное въ копны, то сдѣлаютъ нападеніе на отдѣлившихся косцовъ, то нападутъ на скотъ.

Колонному начальнику много хлопотъ и отъ своихъ. То нужно чинить судъ и расправу съ поссорившимися, или подравшимися поселянами, то отвести другое мѣсто для косцовъ штаба или казеннаго сѣна. А тутъ сдѣлалась тревога, непріятель напалъ на скотъ; поднялась суета, бѣготня, крикъ, плачъ бабъ и мальчишекъ; но, къ счастью колоннаго начальника, тревога оказалось пустою или незначительною.

Все это я разсказалъ не потому, чтобы это вело къ чему-нибудь осо-

бенному, исключительному. 1850-й годъ, за исключеніемъ введенія заготовленія экстреннаго сѣна, ничѣмъ не отличался, въ своей тревожной жизни, отъ предшествовавшихъ лѣтъ. Если же я коснулся этого разсказа, вслѣдъ за взятіемъ Шалинскаго окопа, то потому, что была весна и началъ появляться подножный кормъ. Притомъ, если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ все-таки пришлось бы разсказать о занятіяхъ и тревожной жизни войскъ и жителей.

Между тѣмъ, къ августу окончился покосъ. Грозненскій сѣнникъ былъ заваленъ сѣномъ; въ особенности, громадны были скирды экстреннаго сѣна; онѣ подобно Казбеку и Эльбрусу, поднимающимся гордо надъ Кавказскимъ хребтомъ, возвышались надъ прочими скирдами.

Викентію Михайловичу пришло желаніе объѣхать Кумыкскую плоскость, повидаться съ любимыми кабардинцами, которыми онъ командовалъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ порубить лѣсъ на Качалыковскомъ хребтѣ.

Здѣсь, мимоходомъ, замѣчу, что у генерала Козловскаго была слабость уничтожать лѣсъ, разумѣется, съ военною цѣлію, и онъ не упускалъ представлявшагося къ тому малѣйшаго случая. Бывало, когда полковой штабъ былъ еще во Внезапной, возьметъ баталіонъ или нѣсколько ротъ и орудіе, да и отправится на Дылымскую гору или на Кокрекъ, гдѣ порубитъ часа два, а иногда и постреляетъ въ собравшихся ауховцевъ, и возвратится довольный, что пооткрылъ окрестности крѣпости.

Передъ выѣздомъ изъ Грозной, сдѣлано было распоряженіе о направленіи въ укрѣпленіе Куринское дивизіона Нижегородскаго полка. Сверхъ того, взято было изъ Хасавъ-Юрта, Герзель-аула и Карасинскаго поста два баталіона, четыре орудія и три сотни казаковъ, такъ что, въ первыхъ числахъ августа, въ Куринскомъ, считая и войска, въ немъ расположенныя, сосредоточилось: четыре баталіона, преимущественно кабардинцевъ, Донской полкъ Бакланова, сотня кизлярцевъ и восемь орудій.

Качалыковскій хребетъ, у восточной подошвы котораго и находилось укрѣпленіе Куринское, былъ продолженіемъ одной изъ отраслей Андійскаго хребта и отдѣлялъ Большую Чечню отъ Кумыкской плоскости. Вершины и покатости, въ особенности юго-западная, нисходящая круто къ Мичику, были покрыты строевымъ лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно, дубомъ и чинаромъ. Отъ Куринскаго до вершины хребта была проложена дорога, и по сторонамъ вырубленъ лѣсъ.

Этотъ проходъ постоянно наблюдали и сторожили чеченцы, а за Мичикомъ, противъ него, находилось «к а п у», т. е. укрѣпленіе съ небольшимъ гарнизономъ и вооруженное однимъ орудіемъ. Сверхъ того, берега

Мичика, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились переправы, были отвѣсно обрыты и на нихъ устроены завалы.

Всѣ эти распоряженія исходили отъ Шамиля. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, Баклановъ часто появлялся не только на Мичикѣ, но и за этой рѣкой и держалъ жителей въ постоянномъ страхѣ и ужасѣ.

До возстанія Чечни, покатости Качалыковскаго хребта густо были населены. По эту сторону находились довольно большіе чеченскіе аулы: Карасу, Ноинберды, Ойсунгуръ, гдѣ теперь было Куринское и Исти-су. Но съ 1840 года, сначала все ушло на западную покатость Качалыка, а потомъ переселилось за Мичикъ. Слѣдовательно, въ описываемое время, за этой рѣкой скопилось огромное населеніе.

Такъ какъ вершина этой части Качалыковскаго хребта, по которой проходила дорога, находилась не далѣе двухъ верстъ отъ укрѣпленія, то не было надобности назначать кавалерію въ прикрытіе, а на рубку высылалась одна пѣхота при нѣсколькихъ орудіяхъ.

Кромѣ дѣла 10 августа съ чеченцами, засѣвшими въ лѣсу ночью и встрѣтившими колонну полковника Майделя не только залпомъ изъ ружей, но и шашками,—что стоило намъ нѣсколько убитыхъ и до десятка раненыхъ кабардинцевъ,—другихъ дѣлъ не было, и даже непріятель не показывался на вершинѣ. Онъ ограничивался стрѣльбою изъ трехъ орудій, поставленныхъ за Мичикомъ и дѣйствовавшихъ изъ-за вала черезъ амбразуры.

Отъ такой канонады хотя потеря была незначительная, но она усиливалась всякій разъ, когда начальникъ отряда выѣзжалъ на хребетъ съ кавалеріей, и завязывалъ канонаду съ непріятелемъ, а тѣмъ болѣе, если наши войска спускались къ Мичику. А Викентій Михайловичъ частенько это дѣлывалъ, то изъ желанія пострѣлять, то полюбоваться Большою Чечнею и горами, или показать эту, по истинѣ, прекрасную картину кому-нибудь изъ прибывшихъ въ Куринское. Такая безцѣльная прогулка на Качалыковскій хребетъ была странна и неумѣстна. Казаки и драгуны называли ее «погуляйкой, да пострѣляйкой».

Къ числу причинъ, побуждавшихъ Викентія Михайловича появляться на этомъ хребтѣ, были фугасныя ракеты. Эти громадныя по своей величинѣ и составу ракеты были высланы къ намъ, на лѣвый флангъ, для производства надъ ними опытовъ, и первое испытаніе ихъ подъ Куринскимъ было самое неудачное.

По назначенію своему, фугасныя ракеты слѣдуетъ употреблять въ дѣйствіе на мѣстности ровной и на недальнихъ разстояніяхъ, преимущественно, для взрыва передовыхъ крѣпостныхъ верковъ. Между тѣмъ, по непремѣнному желанію генерала Козловскаго, первый опытъ надъ этими ракетами былъ произведенъ въ то время, когда вовсе не су-

ществовало этихъ условій; главное же, мѣстность совершенно не соотвѣтствовала ихъ назначенію. Ими приходилось дѣйствовать сверху внизъ на мѣстности, пересѣченной и изрытой оврагами.

Наступила вторая половина августа, когда пришло желаніе генералу Козловскому показать Большую Чечню съ Качалыковскаго хребта полковнику Суслову, прибывшему въ отрядъ благодарить за генеральскій чинъ.

На этотъ разъ, по случаю пріѣзда кого-то отъ Шамиля, непріятель находился въ болѣе воинственномъ настроеніи. Не успѣли наши войска, состоящія изъ драгунъ, четырехъ орудій и баталіона, показаться на вершинѣ Качалыка, какъ непріятель открылъ пальбу изъ трехъ орудій. Между тѣмъ, завязалась и ружейная перестрѣлка съ чеченцами, перешедшими Мичикъ. Оставить хребетъ безъ того, чтобы не прогнать чеченцевъ за Мичикъ, было уже неловко, а потому было сдѣлано наступленіе пѣхоты съ частію спѣшенныхъ драгунъ. Войска возвратились къ вечеру. Потеря теперь была значительнѣе противъ прошлыхъ разовъ. Убиты артиллерійскій офицеръ Погребниковъ и два нижнихъ чина, да ранено шесть человѣкъ, всѣ ядрами и гранатами. Викентій Михайловичъ былъ недоволенъ и сконфуженъ.

— Да какъ, напрасно я ходилъ сегодня на хребетъ, какъ! проговорилъ онъ, чмокая, обращаясь ко мнѣ.

— Думаю, что не только теперь, но и прежде, отвѣчалъ я. Пора бы и распустить войска; вѣдь имъ нужно будетъ и приготовиться къ пріѣзду государя наслѣдника, добавилъ я.

—Да какъ, сдѣлайте распоряженіе какъ о роспускѣ отряда, послѣ завтра какъ, прибавилъ онъ.

Войска, не принадлежащія къ составу гарнизона и подвижнаго резерва Куринскаго, разошлись по своимъ штабамъ, послѣ двадцатидневнаго пребыванія въ этомъ укрѣпленіи, а я отправился въ Грозную.

Во время нашего пребыванія въ Куринскомъ, когда, такъ сказать, переливая изъ пустаго въ порожнее, тратили, безъ особенной пользы, и время и людей, генералъ Слѣпцовъ вторично овладѣлъ Шалинскимъ окопомъ, который былъ возобновленъ и отстроенъ. Въ его редутахъ постоянно находилось съ сотню вооруженныхъ чеченцевъ и тавлинцевъ; но орудій уже не было. Этотъ окопъ, по числу въ немъ гарнизона, былъ не опасенъ и не обращалъ на себя вниманія, но Слѣпцовъ, соскучившись отъ бездѣйствія, при постройкѣ станицъ Самашкинской и Алканъ-Юртовской, а также поисками въ Малой Чечнѣ, вознамѣрился проникнуть за Аргунъ и овладѣть Шалинскимъ окопомъ.

Задумано и сдѣлано. Въ цвѣтистой и многорѣчивой реляціи, ма-

стерски описывалось сосредоточеніе и скрытое движеніе войскъ и трудность переправы черезъ ревущій Аргунъ. Между другими причинами, побудившими овладѣть Шалинскимъ окопомъ, было указано и на отвлеченіе непріятеля отъ отряда, рубившаго просѣку на Качалыковскомъ хребтѣ.

Овладѣніе Шалинскимъ окопомъ было однимъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ подвиговъ героя Слѣпцова. Онъ палъ смертію, подобно многимъ славнымъ, храбрымъ дѣятелямъ Кавказа, сраженный изъ-за завала пулей чеченца. Это было въ декабрѣ, когда отрядъ, подъ его начальствомъ, производилъ рубку лѣса въ верховьяхъ Гехи, по которому чеченскій наибъ Саибдулла осмѣлился стрѣлять изъ орудія, поставленнаго на лѣсистой горѣ.

Слѣпцовъ не долго могъ переносить, какъ самъ выражался, «такое глумленіе непріятеля надъ нимъ и его отрядомъ», и сдѣлано было имъ распоряженіе къ овладѣнію орудіемъ. Распредѣлены были казаки на три части и указаны были пути, по которымъ они должны были скакать по первому выстрѣлу. Но это предпріятіе разстроилось со смертію главы атаки, который, будучи слишкомъ пылокъ и имѣя отличнаго коня, отдѣлился слишкомъ впередъ отъ скакавшихъ за нимъ казаковъ.

Смертію Слѣпцова поражены были войска и въ особенности казаки. Стенаніе и плачъ были неописанные по всѣмъ станицамъ Сунженскаго полка. Когда же привезено было тѣло Слѣпцова на Сунжу, то все населеніе рвалось, чтобы прикоснуться, облобызать покойнаго. Многіе припадали съ такими тяжкими стенаніями и рыданіями къ его праху, что трудно было ихъ оторвать отъ него. Такими же печально-раздирающими сценами сопровождалось и погребеніе любимаго ими начальника. Станица Сунженская по Высочайшему повелѣнію, въ память героя, погибшаго такимъ молодымъ,—ему не было и 40 лѣтъ,—названа Слѣпцовскою.

IV.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ.

Слѣдуя порядку моихъ записокъ, мнѣ приходится теперь представить Кавказъ въ то время, когда не только войска, но и разнородное населеніе этого богатаго природой и событіями края предавалось празднествамъ, можетъ быть, своеобразнымъ и характеристичнымъ, но выражающимъ безпредѣльно-восторженную радость, благоговѣйную любовь и преданность. Такому ликованію предавался Кавказъ съ 12-го

сентября по 28-е октября 1850 и съ 12-го же по 24-е сентября 1861 годовъ, когда въ Бозѣ почившій государь императоръ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ эту отдаленную окраину своего обширнаго государства.

Въ 1850 году, тогдашній наслѣдникъ всероссійскаго престола осчастливилъ посѣщеніемъ Кавказъ по волѣ своего державнаго родителя, чтобы не только ознакомиться съ богатствами природы и разнороднымъ составомъ населенія этого отдаленнаго края, но и благодарить войска, въ немъ находившіяся, за трудную и боевую ихъ службу.

Окружной городъ Черноморіи — Тамань, хотя древній, но ничтожный, съ мазанковыми постройками, не замѣчательный и по своимъ окрестностямъ, имѣлъ счастіе первый привѣтствовать на кавказской территоріи великаго князя цесаревича, высадившагося съ парохода со свитою, въ которой въ числѣ другихъ лицъ были: — графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и лейбъ-медикъ Энохинъ. 12-е сентября, — въ Тамани — былъ первый, а 28-го октября, — въ Среднемъ Егорлыкѣ — послѣдній день ликованія Кавказа.

Однако не все сорока-шести-дневное пребываніе августѣйшаго гостя на кавказской территоріи будетъ подлежать моему описанію. Я разскажу здѣсь, какъ очевидецъ, только проѣздъ наслѣдника престола по лѣвому флангу Кавказской линіи, а именно отъ Чиръ-Юрта до станицы Слѣпцовской, что́ на Сунжѣ. Съ удовольствіемъ описалъ бы своеобразныя, гомерическія празднества, которыми привѣтствовало Закавказье своего высокаго гостя, какъ выражающія нравы, обычаи и бытъ тамошняго населенія; но, не будучи очевидцемъ такихъ празднествъ, я лишенъ возможности это исполнить.

На пространствѣ, заключающемся между Сулакомъ, Терекомъ и Сунжею, обитаемомъ, за исключеніемъ мирныхъ кумыковъ, непріязненнымъ намъ чеченскимъ племенемъ, не только въ 1850 году, но и позднѣе происходили кровавыя побоища; такія побоища въ особенности были часты и кровопролитны во время зимнихъ экспедицій, когда прорубались просѣки и прокладывались дороги черезъ завѣтные лѣса, которые Шамиль стойко отстаивалъ не съ одними чеченцами, но и съ тавлинцами. Что эта часть Кавказа была самая опасная и тревожная, служатъ доказательствомъ нижеслѣдующія дѣйствія нашихъ войскъ противъ непріятеля только въ одномъ 1850 году. Въ январѣ и февралѣ мы деремся съ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ, во время проложенія просѣки черезъ Шалинскій лѣсъ отрядомъ, состоящимъ подъ начальствомъ генерала Нестерова и расположеннымъ на правомъ берегу Аргуна. Въ апрѣлѣ съ боя овладѣваемъ окопомъ, построеннымъ поперекъ Шалинской просѣки, и разгоняемъ тысячное сборище тавлинцевъ. Въ августѣ

перестрѣливаемся съ чеченцами, во время рубки лѣса на Мичикѣ, со стороны Куринскаго укрѣпленія. Независимо этого, сколько разъ приходилось отражать нападенія непріятеля на скотъ, находившійся на пастьбѣ, и на жителей, занимавшихся полевыми работами, возлѣ Воздвиженской, Грозной, Урусъ-Мартана и станицъ на Сунженской линіи; или выбивать непріятеля изъ засадъ тѣмъ войскамъ, которыя посылались за дровами и строевымъ лѣсомъ въ Ханъ-Кале и другія мѣста. Сколько было тревогъ не только на передовыхъ пунктахъ, но за Терекомъ въ предѣлахъ Кизлярскаго, Гребенскаго и Моздокскаго полковъ, отъ появленія небольшихъ хищническихъ партій. Даже совершались чеченцами такіе наѣзды, какъ разграбленіе, въ началѣ октября 1850 г., на Кумѣ ставки калмыцкаго султана и сожженіе ими на Астраханскомъ трактѣ почтовой станціи.

Не мало было хлопотъ и заботъ для генералъ-маіора Козловскаго, который, по болѣзни генерала Нестерова, завѣдывалъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, и для меня, какъ главнаго его помощника, чтобы сдѣлать путешествіе наслѣдника престола безопаснымъ и безостановочнымъ. Кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго съ конной артиллеріей конвоя, нужно было по пути слѣдованія назначить мѣста для пѣхотныхъ эшелоновъ, величина которыхъ, отъ роты до двухъ батальоновъ и отъ одного до четырехъ орудій, зависѣла отъ мѣстности и близости непріятеля. Кромѣ Хасавъ-Юрта, Червленной, Грозной и Воздвиженской, въ которыхъ были ночлеги, нужно было собрать извѣстное число упряжныхъ лошадей во Внезапной, у Шелкозаводскаго моста, въ станицѣ Щедринской и укрѣпленіи Горячеводскомъ, какъ промежуточныхъ пунктахъ; а это не такъ легко было сдѣлать, потому-что подъ экипажи свиты, начальствующихъ лицъ и курьеровъ требовалось до ста сорока упряжныхъ лошадей. Кромѣ разнородныхъ распоряженій на ночлежныхъ пунктахъ по пріему высокаго гостя и удобному размѣщенію свиты его высочества и начальствующихъ лицъ, его сопровождавшихъ, необходимо было сдѣлать разныя распоряженія во Внезапной, Шелкозаводской, укрѣпленіи Горячеводскомъ, гдѣ назначены были завтраки, по пріему депутацій отъ кумыковъ, кизлярскихъ жителей и мирныхъ чеченцевъ.

Убѣдившись на мѣстѣ, что все будетъ исполнено по возможности лучшимъ образомъ, я съ генераломъ Козловскимъ прибылъ въ Чиръ-Юртъ, штабъ-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка, находившуюся на Сулакѣ, 18 октября 1850 года, то-есть наканунѣ пріѣзда туда цесаревича. Командиромъ нижегородскихъ драгунъ былъ вновѣ полковникъ князь Чавчавадзе, вступившій въ командованіе этимъ храбрымъ полкомъ послѣ генерала Круковскаго, незадолго предъ тѣмъ

назначеннаго наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Князь Чавчавадзе принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ и первыхъ грузинскихъ фамилій; былъ красивъ собою, но слабъ здоровьемъ, безгранично добръ, простодушенъ и безотчетно храбръ. Подвиги, совершенные нижегородскими драгунами, подъ предводительствомъ князя Чавчавадзе, въ 1853 и 1854 годахъ, на поляхъ Башкадыклярскихъ и Кюрюкдарскихъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о его доблестной храбрости и героизмѣ.

Великій князь цесаревичъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго князя М. С. Воронцова, начальника главнаго штаба П. Е. Коцебу и командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, пріѣхалъ въ Чиръ-Юртъ около пяти часовъ, запыленный и утомленный, потому что былъ весьма жаркій день, а восьмидесяти-верстный переѣздъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры не могъ считаться для экипажной ѣзды удобнымъ.

Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что на другой день предполагалось выѣхать по возможности ранѣе, — вскорѣ послѣ обѣда, начиная съ великаго князя все успокоилось и предалось отдохновенію. Да и въ противномъ случаѣ какія удовольствія, кромѣ полковой музыки и пѣсенниковъ, могли развлечь вниманіе высокаго гостя, тѣмъ болѣе, что штабъ-квартира по недавности своего существованія была недостроена, а окрестности ея не живописны. Все голь, да каменныя горы, изрѣдка поросшія корявыми и тощими деревьями.

Переѣздъ отъ Чиръ-Юрта черезъ Внезапную въ Хасавъ-Юртъ былъ не великъ, только 36 верстъ. Но чтобы имѣть возможность подъѣзжать къ пѣхотѣ съ артиллеріей, расположенной нѣсколькими эшелонами по пути слѣдованія,—что необходимо было по лѣсистой мѣстности и близости непріятеля,—государю наслѣднику угодно было совершить этотъ переѣздъ верхомъ, а на это нужно было употребить не менѣе семи часовъ. Слѣдовательно, чтобы не прибыть слишкомъ поздно въ Хасавъ-Юртъ, выѣхали изъ Чиръ-Юрта въ десять часовъ. Въ конвоѣ находилось два дивизіона нижегородскихъ драгунъ съ двумя конными орудіями. Пѣхотные эшелоны состояли преимущественно изъ кабардинцевъ, и при первомъ изъ нихъ, расположенномъ на Акташѣ, почти на половинномъ разстояніи между Чиръ-Юртомъ и Внезапной, находился командиръ полка полковникъ баронъ Майдель, умершій впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и комендантомъ Петропавловской крѣпости.

Во Внезапной, гдѣ былъ завтракъ, его высочество принималъ почетныхъ жителей Андреевой, Костека и другихъ кумыкскихъ ауловъ, осмотрѣлъ крѣпость, любовался живописнымъ Ауховскимъ лѣсистымъ ущельемъ, по которому протекаетъ Акташъ. При этомъ съ любопыт-

ствомъ выслушалъ оригинальный [1]) разсказъ генерала Козловскаго о нападеніи Шамиля 30-го сентября 1843 года на деревню Андрееву.

Сущность этого разсказа состояла въ слѣдующемъ. Шамиль, давно собираясь наказать непослушныхъ ему и преданныхъ намъ андреевцевъ, наконецъ отдалъ эту огромную и богатую деревню на разграбленіе приведеннаго имъ ополченія, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ 4.000 человѣкъ при 4-хъ орудіяхъ. Въ то время, когда ворвавшіеся въ аулъ тавлинцы и чеченцы, осиливая отчаянно сопротивлявшихся имъ жителей, приближались къ мечети, когда десятки разграбленныхъ сакель пылали въ огнѣ, когда Шамиль, стоя на возвышенномъ лѣвомъ берегу Акташа, на мѣстѣ старой Внезапной крѣпости, окруженный преданными ему мюридами, восклицалъ что «Андреева его!» — послышались на площади крики «ура!» Это спѣшили кабардинцы съ своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Козловскимъ, на выручку вѣрныхъ андреевцевъ. Не велика была ихъ сила, какихъ-нибудь двѣсти человѣкъ [2]), да одно орудіе; но велика была ихъ мужественная храбрость и рѣшимость ихъ полководца. Непріятель штыками и картечью былъ прогнанъ изъ аула съ потерей, разъ въ десять превышавшей нашу, состоявшую изъ 8 раненыхъ егерей, да 35-ти убитыхъ и раненыхъ андреевцевъ. Послѣ этого имамъ Шамиль поспѣшилъ отступить къ Акташъ-Ауху, гдѣ и распустилъ свой сборъ.

Когда по окончаніи разсказа наслѣдникъ престола, обнявъ Козловскаго, спросилъ его, какъ онъ рѣшился на такой подвигъ, то старый кавказскій слуга со скромностью отвѣтилъ:

— Кабардинцы своихъ враговъ не считаютъ и всегда честно, благородно исполняютъ свой долгъ.

Въ Хасавъ-Юртъ, штабъ-квартиру Кабардинскаго полка, начавшую свое существованіе съ 1845 года,—великій князь цесаревичъ прибылъ около шести часовъ. На лѣвомъ флангѣ почетнаго караула, составленнаго исключительно изъ георгіевскихъ кавалеровъ, кромѣ другихъ офицеровъ полка, находились заслужившіе впослѣдствіи извѣстность: подполковникъ баронъ Николаи, капитанъ Властовъ, штабсъ-капитаны Гейманъ и князь Святополкъ-Мирскій, а также раненый въ руку въ зимнюю экспедицію баталіонный медикъ К. Ѳ. Брошніовскій.

На лѣвомъ же флангѣ караула находился рослый, плечистый, съ

---

[1]) Разсказы В. М. Козловскаго были оригинальны, потому что, кромѣ причмокиванія, безпрестанно слышались слова: „какъ, такъ, бишь“. **М. О.**

[2]) Во время появленія Шамиля въ окрестностяхъ Внезапной и нападенія на Андрееву, для защиты этихъ пунктовъ, въ распоряженіи полковника Козловскаго находилось пять слабаго состава ротъ и учебная команда, при двухъ подвижныхъ орудіяхъ,—численность которыхъ не превышала семисотъ человѣкъ. Четыре роты охраняли крѣпость, форштадтъ и аулъ; одна же рота и учебная команда составляли подвижной резервъ. **М. О.**

длинными рыжими бакенбардами и усами, съ огромными бородавками на лицѣ, донской полковникъ; то былъ Яковъ Петровичъ Баклановъ [1]), гроза и страхъ чеченцевъ и въ особенности мичиковцевъ.

Послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, сопровождавшагося восторженными воинственными тостами, августѣйшій гость бесѣдовалъ съ офицерами, разспрашивалъ георгіевскихъ кавалеровъ изъ нижнихъ чиновъ, за что и когда получили кресты. Въ особенности его высочество занимали интересные разсказы князя А. И. Барятинскаго о болѣе достойныхъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ. При этомъ было обращено особое милостивое вниманіе государя наслѣдника на бойкіе, смѣлые, юмористическіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дышащіе безконечною преданностью и любовью, отвѣты нѣкоторыхъ солдатъ изъ хоровъ пѣсенниковъ, собранныхъ въ саду передъ домомъ полковаго командира. Впрочемъ, такіе характеристическіе типы были не рѣдкость и въ другихъ кавказскихъ полкахъ. И не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ ту несоизмѣримую, совершенно иную, школу, которую проходили тогда солдаты Кавказа и солдаты, служившіе внутри Россіи.

Штабъ-квартира храбраго Кабардинскаго полка, ярко освѣщенная тысячами шкаликовъ и разноцвѣтныхъ фонарей, съ раздававшимися въ ней музыкой, пѣснями и криками «ура!», успокоилась только около полуночи, когда все стихло и потухли огни въ домѣ полковаго командира, занятаго въ эту памятную для кабардинцевъ ночь высокимъ гостемъ.

Слѣдующій ночлегъ былъ въ Червленной, отстоящей отъ Хасавъ-Юрта въ семидесяти верстахъ. Въ Ташъ-Кичу, укрѣпленіи, построенномъ въ 1819 году при Аксаѣ,—аулѣ, не уступающемъ по величинѣ и богатству Андреевой, представлялись аксаевскіе и другихъ ближайшихъ ауловъ почетные жители. Независимо этого, собралось много другихъ кумыковъ и мирныхъ чеченцевъ, пріѣхавшихъ изъ дальнихъ ауловъ, а равно изъ Куринскаго и Умаханъ-Юрта. Каждый изъ нихъ желалъ видѣть наслѣдника престола, подъ державою котораго они будутъ благоденствовать.

На лѣвомъ берегу Терека у Шелкозаводскаго моста, гдѣ въ домѣ смотрителя былъ приготовленъ завтракъ, встрѣтила великаго князя депутація, прибывшая изъ города Кизляра. Тутъ же представились: наказный атаманъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска Круковскій, ставропольскій губернаторъ Волоцкой и командиръ Гребен-

---

[1]) Мужественно храбрый и благоразумно-распорядительный Я. П. Баклановъ былъ не только командиромъ одного изъ донскихъ полковъ, на Кумыкской плоскости расположенныхъ, но и командующимъ войсками въ укрѣпленіи Куринскомъ. Своими рѣшительными дѣйствіями за Мичикомъ онъ до того сдѣлался извѣстенъ и страшенъ въ горахъ, что самые лучшіе предводители и наѣздники терялись при его появленіи. М. О.

скаго полка, баронъ Розенъ. Сотня молодцовъ-гребенцевъ на лихихъ коняхъ и въ богатомъ оружіи назначена была въ конвой. Понеслось до сорока дормезовъ, колясокъ, тарантасовъ и перекладныхъ по гладкой дорогѣ; заджигитовали казаки. Въ часъ съ небольшимъ проѣхали двадцати-верстное пространство отъ Шелковой до Щедринской, и почти столько же времени было употреблено на перепряжку и переѣздъ отъ Щедрина до Червленной.

Старики Червленной и другихъ станицъ Гребенскаго полка встрѣтили государя наслѣдника съ хлѣбомъ-солью. Тутъ же на площади передъ домомъ полковаго командира собрались казачки, разодѣтыя въ богатые бешметы и увѣшанныя въ нѣсколько рядовъ ожерельями; изъ нихъ многія въ полумракѣ дѣйствительно были хороши и граціозны, когда начались хороводы. Этимъ удовольствіямъ не помѣшала даже тревога, которыя, въ то время, такъ часто случались на Терекѣ, въ особенности въ дни торжествъ и празднествъ. Но тревога оказалась пустою. Партія хищниковъ намѣревалась переправиться на нашу сторону, однако была открыта секретами и, понеся потерю, принуждена была отказаться отъ своего предпріятія.

На другой день вся Червленная вышла за станицу, чтобы проводить своего будущаго монарха. На нѣсколькихъ столахъ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ, между огромными куличами, стояли подносы съ виноградомъ и сосуды съ роднымъ «чихиремъ».

Послѣ добрыхъ пожеланій его высочествомъ казакамъ, и когда поѣздъ тронулся къ Николаевскому мосту, началась особаго рода джигитовка. Понеслись на своихъ лихихъ коняхъ гребенцы, но не одни: кто держалъ передъ собою на сѣдлѣ сестру, у кого стояла на лѣвомъ стремени жена, которыя, держа въ рукахъ стаканы или «чепурки» съ чихиремъ, поили своихъ братьевъ и мужей, а также пили сами за здоровье провожаемаго ими августѣйшаго гостя. Все это совершалось на скаку съ выстрѣлами и разными эволюціями до Николаевскаго моста, на разстояніи восьми верстъ, и къ чести и молодечеству казаковъ не случилось ни одного паденія.

Отъ Терека до Грозной на тридцати-верстномъ разстояніи, кромѣ конвоя, состоявшаго изъ моздокскихъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, была разставлена эшелонами пѣхота съ артиллеріей. Въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, гдѣ была перепряжка и завтракъ, представлялись почетные жители Стараго и Новаго Юрта, а также другихъ мирныхъ чеченскихъ ауловъ, жившихъ по правую сторону Терека противъ Моздокскаго полка.

Несмотря на то, что и этотъ переѣздъ совершонъ былъ его высочествомъ большею частію верхомъ, но въ Грозную прибыли довольно

рано. Въ этой крѣпости нѣтъ ничего замѣчательнаго; да и окрестности ея самыя обыкновенныя [1]).

23-го октября 1850 г. переѣздъ отъ Грозной до Воздвиженской былъ въ двадцать семь верстъ. Кромѣ шести сотенъ гребенскихъ, моздокскихъ и донскихъ казаковъ и четырехъ конноказачьихъ орудій, составлявшихъ непосредственный конвой отъ Грозной, Ханкале было занято двумя батальонами куринцевъ при дивизіонѣ орудій; а на половинѣ дороги былъ расположенъ батальонъ куринцевъ же, четыре орудія и донской полкъ Тацына. При пѣхотномъ эшелонѣ, расположенномъ въ Ханкале, находился командиръ Куринскаго егерскаго полка, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Въ Ханкале былъ завтракъ въ палаткахъ. Съ провозглашеніемъ тоста за здоровье государя наслѣдника, ущелье огласилось громкимъ «ура!», а вслѣдъ затѣмъ раздались боевые выстрѣлы изъ орудій и открытъ былъ батальный огонь. Все бросилось изъ палатокъ, чтобы посмотрѣть на полетъ ядеръ и гранатъ. Хотя не было непріятеля, но картина была боевая, тѣмъ болѣе для тѣхъ, впрочемъ, немногихъ, которые слышали въ первый разъ полетъ ядеръ, разрывъ гранатъ и свистъ сотенъ пуль. Нѣкоторые думали, что мы атакованы непріятелемъ, но въ Ханкале, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ мирныхъ чеченцевъ, не было ни одного немирнаго. Его высочество очень любовался этой картиной.

За то значительныя конныя толпы непріятеля разъѣзжали за Аргуномъ, въ то время, когда выѣхали изъ ущелья на открытое мѣсто. Даже единочные конные показывались внѣ пушечнаго выстрѣла и по эту сторону рѣки. Пальба изъ орудій продолжалась, но только не по непріятелю: его высочеству угодно было произвести ученіе конно-казачьей артиллеріи.

Переѣздъ отъ Воздвиженской, черезъ Урусъ-Мартанъ, на Сунженскую линію былъ совершонъ еще съ бо́льшими военными предосторожностями. Гойтинская и Гехинская просѣки были заняты пѣхотой съ артиллеріей. Генералъ Слѣпцовъ съ сунженцами и четырьмя орудіями долженъ былъ встрѣтить государя наслѣдника у входа въ Гехинскій лѣсъ.

Ожидать непріятеля въ большомъ числѣ нельзя было; да никто объ этомъ и не думалъ. Однако могло собраться въ короткое время нѣсколько сотъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ изъ того населенія, которое гнѣздилось въ лѣсныхъ трущобахъ въ верховьяхъ Гойты, Мартана, Рошни и Гехи; что и случилось на самомъ дѣлѣ.

---

[1]) Впрочемъ, государь наслѣдникъ, подобно другимъ мѣстамъ, посѣтилъ госпиталь и объѣхалъ Грозную. Не была забыта и землянка Ермолова, въ которой жилъ Алексѣй Петровичъ во время постройки этой крѣпости въ 1818 году. **М. О.**

Еще не доѣзжая укрѣпленія Урусъ-Мартанскаго, въ опушкѣ лѣса начали показываться одиночные всадники. За этимъ же укрѣпленіемъ непріятель не только началъ чаще появляться въ опушкѣ лѣса, отстоящаго на нѣсколько верстъ отъ дороги, но небольшія партіи конныхъ чеченцевъ, джигитуя и гикая на открытомъ пространствѣ, затѣвали перестрѣлку съ находящимися въ цѣпи казаками. Подъѣзжаемъ къ небольшой рѣчкѣ Рошнѣ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ лѣвой стороны приближался лѣсъ къ дорогѣ версты на полторы, показалась значительная толпа непріятеля. Не успѣлъ кто-то крикнулъ: «чеченцы!», указывая въ ту сторону, откуда они показались, какъ его высочество, ударивъ плетью своего коня, помчался по указанному направленію.

Все помчалось за цесаревичемъ. Старикъ М. С. Воронцовъ, герой Бородина и Краона, ѣхавшій по нездоровью въ экипажѣ, встрепенулся, вздрогнулъ и съ замирающимъ сердцемъ, за отвѣтственность въ случаѣ несчастья, вскочилъ на коня и, какъ юноша, помчался за наслѣдникомъ престола. Но вмѣсто опасности онъ увидѣлъ торжество. Непріятель бѣжалъ, и только лежало тѣло убитаго чеченца, да бѣгали нѣсколько лошадей безъ сѣдоковъ. Картечь изъ двухъ орудій и шашки казаковъ нанесли пораженіе непріятельской толпѣ. Впрочемъ, и у насъ, кромѣ двухъ лошадей, оказались легко ранеными казакъ и мирный чеченецъ.

Тутъ же оцѣнена была отвага, съ которою его высочество бросился на непріятеля, и главнокомандующій, по предоставленному ему праву, поздравилъ его георгіевскимъ кавалеромъ, о чемъ, по прибытіи въ Сунженскую, вошелъ съ представленіемъ къ государю императору.

Теперь мнѣ, какъ очевидцу, остается разсказать о завтракѣ у входа въ Гехинскій лѣсъ, въ которомъ, до прорубки просѣки генераломъ Фрейтагомъ въ 1846 году, не разъ происходили кровавыя побоища. Этимъ и закончу мое описаніе проѣзда наслѣдника всероссійскаго престола по лѣвому флангу Кавказской линіи.

Всѣмъ, ѣдущимъ со стороны Гехи, издали виднѣется высокій курганъ—называемый Юсуповымъ; находящаяся же позади этого кургана просѣка еще рельефнѣе обрисовываетъ его. Но въ два часа 24-го октября 1850 года подъѣзжавшіе къ Юсупову кургану всадники еще далѣе могли его замѣтить, по причинѣ раскинутыхъ на немъ бѣлыхъ шатровъ.

Однако приближавшагося къ Юсупову кургану великаго князя интересовали не бѣлые шатры, на немъ раскинутые, а войска, по близости его расположенныя. Горя желаніемъ поскорѣе привѣтствовать молодцовъ-сунженцевъ и ихъ героя-полководца, его высочество болѣе чѣмъ за версту поскакалъ въ галопъ и остановился въ то время, когда подскакалъ къ нему съ рапортомъ черноволосый, съ пламеннымъ взоромъ, тон-

кими, красивыми чертами лица, молодецки сидѣвшій на своемъ лихомъ конѣ, молодой генералъ. То былъ Слѣпцовъ—гроза не только чеченцевъ, но и самого Шамиля, котораго онъ разбилъ сначала на Натхоѣ, а потомъ на Фартангѣ. И этотъ герой, любимый вообще подчиненными и обожаемый своими сунженцами, спустя два мѣсяца палъ смертью, подобно многимъ славнымъ храбрымъ дѣятелямъ Кавказа, сраженный изъ-за завала пулей чеченца.

Громкимъ русскимъ «ура!» привѣтствовали сунженцы наслѣдника цесаревича. Во время же тоста, провозглашеннаго за роскошнымъ завтракомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею, во славу августѣйшаго георгіевскаго кавалера, не только Гехинскій лѣсъ, но и берега Валерика, столь славно воспѣтые нашимъ поэтомъ М. Ю. Лермонтовымъ, не разъ запечатлѣнные кровью русскихъ, огласились радостными криками расположенныхъ тамъ трехъ батальоновъ тенгинцевъ и навагинцевъ. Боевые же орудійные выстрѣлы, смѣшанные съ ружейными залпами, далеко разнесли это радостное событіе по лѣсистымъ предгоріямъ Кавказа.

V.

Зимняя экспедиція въ Большой Чечнѣ въ 1851 году.

Въ концѣ 1850 года, генералъ Нестеровъ снова вступилъ въ управленіе лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи.

Было ошибочно возвращать Нестерова на то же мѣсто, гдѣ у него проявилось первоначальное разстройство разсудка, гдѣ самыя ничтожныя обстоятельства или восторгали его, или возрождали въ немъ непріятныя воспоминанія. Если бы ему дали другое назначеніе, то, можетъ быть, онъ жилъ бы до сихъ поръ и, по настоящее время, былъ бы полезенъ отечеству.

Приготовленія къ зимней экспедиціи, которая должна была начаться наступленіемъ новаго года, не могли быть такъ сложны, какъ въ прошлую зиму. Сѣна было много; зарядовъ тоже.

Цѣль экспедиціи состояла во взятіи Шалинскаго окопа, совершенномъ уничтоженіи его, уширеніи Шалинской просѣки и наступательныхъ дѣйствіяхъ къ Герменчуку и Шали.

Составъ отряда, по числу батальоновъ пѣхоты и орудій, былъ тотъ

же, какъ и въ прошломъ году; кавалерія же, по количеству заготовленнаго экстреннаго сѣна, была значительно увеличена. А это придало болѣе подвижности нашимъ дѣйствіямъ.

Еще въ прошлую зимнюю экспедицію сознавалась потребность въ удаленіи непріятельскихъ орудій отъ нашихъ войскъ, посылаемыхъ на рубку просѣки, съ убѣжденіемъ, что достигнуть этого иначе нельзя, какъ держать его въ угрожающемъ положеніи кавалеріей, выдвигаемой на Шалинскую поляну и поддержанной пѣхотой. Но, по малочисленности кавалеріи, нельзя было объ этомъ думать, въ особенности, до тѣхъ поръ, пока мы не прорубились на Шалинскую поляну. На этомъ основаніи, при дивизіонѣ драгунъ собрано было съ лѣваго фланга и Владикавказскаго округа восемь сотенъ казаковъ.

По указаніямъ князя Воронцова, начальникомъ отряда былъ назначенъ Козловскій, начальникомъ кавалеріи — Крюковской, начальникомъ штаба—баронъ Меллеръ-Закомельскій; сверхъ того, въ качествѣ помощниковъ были назначены: князь Барятинскій и баронъ Вревскій; Нестеровъ же, оставаясь въ Грозной, долженъ былъ руководить военными дѣйствіями и устранять могущіе встрѣчаться недостатки и недоразумѣнія. Мнѣ тоже приказано было, изъ главнаго штаба, оставаться въ Грозной. Слѣдовательно, я дѣлался невольнымъ посредникомъ между отрядомъ и Нестеровымъ и даже, по желанію его, отправился съ Козловскимъ и войсками, выступившими изъ Грозной, въ Воздвиженскую, гдѣ сосредоточивался отрядъ, но съ тѣмъ, что онъ долженъ былъ возвратиться черезъ недѣлю, ко времени составленія журнала о военныхъ дѣйствіяхъ.

4-го января отрядъ выступилъ изъ крѣпости Воздвиженской въ составѣ: трехъ баталіоновъ кабардинцевъ, четырехъ баталіоновъ куринцевъ, трехъ баталіоновъ тенгинцевъ и навагинцевъ, роты саперъ, дивизіона нижегородскихъ драгунъ, восьми сотенъ Горскаго, Моздокскаго, Гребенскаго и Кизлярскаго полковъ, двѣнадцати орудій пѣшей и восьми орудій конно-казачьей артиллеріи.

Кабардинцами командовалъ баронъ Майдель; куринцами, по случаю назначенія барона Меллера начальникомъ штаба отряда, завѣдывалъ полковникъ Серебряковъ; дивизіонеромъ драгунъ былъ полковникъ Тихоцкій. Всѣ они были храбрые и испытанные въ кавказской войнѣ штабъ-офицеры; а потому каждый изъ нихъ могъ быть колоннымъ начальникомъ, для исполненія отдѣльнаго порученія.

Отрядъ, переправившись черезъ Аргунъ по мосту, двинулся правымъ берегомъ этой рѣки и расположился лагеремъ совершенно противъ просѣки, на томъ мѣстѣ, на которое, по общему желанію, слѣдо-

вало бы перенести лагерь Нестерову, во вторую половину прошлогодней экспедиціи.

Передъ лагеремъ возвышался во всю ширину Шалинской просѣки обновленный окопъ, занятый сильно непріятелемъ и вооруженный двумя орудіями. Сверхъ того, самъ Шамиль, съ огромнымъ сборищемъ, занималъ Шали, Герменчукъ и другіе ближайшіе аулы по Джалкѣ.

Штурмовать окопъ стоило бы большихъ потерь, а намъ нужно было сберегать отрядъ для будущаго, а потому рѣшено было обойти его. Рѣдкій лѣсъ, находившійся съ небольшимъ въ верстѣ, влѣво отъ окопа, способствовалъ этому движенію.

Обходную колонну составили шесть баталіоновъ кабардинцевъ и куринцевъ, вся кавалерія и двѣнадцать орудій, въ томъ числѣ четыре конныхъ. Эти войска должны были выступить изъ лагеря совершенно налегкѣ и съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы до разсвѣта пройти Шалинскій лѣсъ. Сверхъ того, должны были быть въ готовности два баталіона тенгинцевъ съ четырьмя орудіями, рота саперъ и 20 транспортныхъ повозокъ съ лопатами и кирками, и выступить изъ лагеря къ окопу, когда войска, составляющія обходную колонну, будутъ занимать просѣку съ противуположной стороны. Остальные, затѣмъ, три баталіона съ четырьмя орудіями должны были оставаться въ лагерѣ для его охраненія. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы съ вечера 7-го января.

За два часа до разсвѣта слѣдующаго дня, войска, назначенныя къ обходную колонну, выступили изъ лагеря и двинулись влѣво, къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось совершить переходъ черезъ Шалинскій лѣсъ.

На разсвѣтѣ холоднаго, но довольно яснаго утра, мы уже находились на Шалинской полянѣ и двигались къ просѣкѣ, когда послышались первые непріятельскіе сигнальные выстрѣлы.

Одновременно съ этимъ и когда съ лѣвой стороны отъ Герменчука и Шали начали показываться одиночные всадники, огромныя массы пѣшаго непріятеля бѣжали изъ просѣки. Это былъ тотъ непріятель, который занималъ окопъ и, объятый ужасомъ, спасался бѣгствомъ, за увезенными оттуда двумя орудіями. Преслѣдовать его было поздно и далеко; притомъ, намъ нужно было думать о скорѣйшемъ занятіи окопа и быть готовыми для встрѣчи съ Шамилемъ. Первое было достигнуто послѣ незначительной перестрѣлки съ чеченцами, засѣвшими въ лѣсу, съ правой стороны просѣки. Такимъ образомъ, Шалинскій окопъ, стоившій столько труда и усилій непріятелю, былъ занятъ въ третій разъ, и въ этотъ разъ не для того, чтобы его тотчасъ же и оставить, но чтобы разрушить до основанія.

Въ то время, какъ пять баталіоновъ, разставленные по всей длинѣ окопа, приступили къ разрушенію его, кавалерія съ конной артиллеріей, предводимая Крюковскимъ, расположилась въ боевомъ порядкѣ на полянѣ. Два баталіона съ четырьмя орудіями, занявшіе стрѣлками перелѣски, обязаны были, въ случаѣ надобности, поддержать кавалерію.

Спустя часа полтора по занятіи окопа, показалась отъ Герменчука, слѣдовательно, съ лѣвой стороны относительно просѣки, огромная масса непріятеля; какъ оказалось впослѣдствіи, это была кавалерія съ артиллеріей. Во время ея медленнаго движенія, пѣшій непріятель пробирался Шалинскимъ лѣсомъ отъ того мѣста, гдѣ прошла обходная колонна и появился съ другой стороны, за Шавданомъ. Непріятельская кавалерія, остановившись версты за полторы отъ насъ, открыла огонь изъ находившихся при ней четырехъ орудій, запряженныхъ шестерикомъ бѣлыхъ лошадей. Все это исполнялось по приказанію Шамиля, лично здѣсь присутствовавшаго.

Произведено было наступленіе нашей кавалеріей; но она не успѣла пройти и половины разстоянія, какъ Шамиль началъ отступать. Преслѣдовать его было неблагоразумно, какъ потому, что мѣстность, впереди лежащая, была изрѣзана нѣсколькими канавами, такъ и потому, что кавалерія могла пострадать отъ огня пѣшаго непріятеля, занявшаго перелѣски, отъ котораго и теперь было уже нѣсколько раненыхъ драгунъ и казаковъ. Кавалерія остановилась; нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ заставили разсѣяться и пѣшаго непріятеля.

На полянѣ все успокоилось и затихло, но ненадолго. Завязалась сильная перестрѣлка, въ тылу кавалеріи, съ баталіономъ, прикрывавшимъ просѣку справа; но, съ движеніемъ кавалеріи въ эту сторону, и она къ полудню прекратилась.

Такъ какъ предположено было не возвращаться въ лагерь до сумерекъ, дабы сколь возможно болѣе разрушить окопъ, а на ночь оставить въ немъ два баталіона съ четырьмя орудіями, то былъ данъ отдыхъ. Кавалерія была отведена ближе къ просѣкѣ, и по частямъ разрѣшено было покормить лошадей взятымъ въ саквахъ овсомъ; отправлены были въ лагерь команды за водою для питья. Тѣ же части, которыя назначались на ночь въ окопъ, должны были привезти туда артельные котлы, воды и припасы, необходимые для варки пищи на ужинъ.

Какъ во время отдыха, продолжавшагося около двухъ часовъ, такъ и послѣ него, когда совершались работы по разрушенію окопа, не случилось ничего особеннаго. По непріятелю, разъѣзжавшему за Шавданомъ и собиравшемуся въ толпы, производилась рѣдкая пальба изъ орудій. По временамъ, слышалась ружейная перестрѣлка въ цѣпяхъ

праваго и лѣваго прикрытія. Такимъ образомъ, занятіе Шалинской просѣки и окопа не стоило намъ большихъ усилій, а со стороны непріятеля не оказано было стойкаго сопротивленія. Потеря наша, преимущественно, у драгунъ и казаковъ, состояла изъ трехъ убитыхъ и 25-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ продолженіе ночи войска, оставленныя въ окопѣ, тревожимы были непріятелемъ, съ которымъ не разъ завязывалась ружейная перестрѣлка, а одинъ разъ произведено было нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій.

На разсвѣтѣ баталіоны, ночевавшіе въ окопѣ, были смѣнены высланными изъ лагеря, которые, съ ротою саперъ, должны были приступить къ дальнѣйшему разрушенію окопа, въ то время, когда выдвинется на поляну кавалерія съ баталіономъ пѣхоты и восемью орудіями.

Разрушеніе вала, на протяженіи болѣе версты, въ которомъ земля окрѣпла отъ времени, а въ особенности, отъ сильныхъ морозовъ, бывшихъ въ декабрѣ и продолжавшихся въ январѣ, несмотря на усердіе солдатъ, считалось дѣломъ нелегкимъ.

Чтобы облегчить эти работы, въ основаніи вала закладывались небольшіе фугасы, которые взрывались одновременно десятками, посредствомъ гальванической батареи.

Это былъ первый опытъ примѣненія въ военномъ дѣлѣ гальванизма и оказался весьма удачнымъ, на лѣвомъ флангѣ, а можетъ быть, и на всемъ Кавказѣ. Солдаты тѣшились, какъ землю взбрасывало вверхъ на нѣсколько аршинъ и удивлялись, что десятки взрывовъ происходили одновременно и мгновенно, отъ одной искры на гальванической батареѣ, и вотъ какъ, во время отдыха, между собой объ этомъ разсуждали:

— Вотъ бисовы хлопцы эти сахперы: не даромъ я ихъ мнкался, сказалъ пожилой куринецъ съ Георгіевскимъ крестомъ, грѣясь возлѣ костра съ другими товарищами.

— А что такое, дядя? обратился къ нему молодой солдатъ.

— А хиба не бачилъ, якъ вони палять. Антилеристъ стрѣляе изъ пушки запаленнымъ хфитилемъ, а у сахпера нема и этого, проговорилъ онъ, набивая свою коротенькую трубку табакомъ.

— Да и огонь-то вспыхнетъ въ одномъ мѣстѣ, а земля летитъ вверхъ въ десяти мѣстахъ, сказалъ другой молодой куринецъ.

— То-то-н-е, сказалъ, что чертовы хлопцы, и годи, отвѣчалъ кавалеръ-куринецъ, затянувшись, плюнувъ на костеръ и отходя отъ него.

Между тѣмъ, какъ продолжалось разрушеніе вала фугасами, лопатами и кирками, преимущественно же средней его части, гдѣ прохо-

дила черезъ просѣку дорога, артиллерія, выдвигаемая съ кавалеріей и баталіономъ пѣхоты на поляну, пострѣливала по конному непріятелю, разъѣзжавшему за Шавданомъ.

Однако, и непріятель не бездѣйствовалъ; онъ тоже стрѣлялъ изъ своихъ орудій, расположенныхъ на курганахъ и возвышеніяхъ. Но эта стрѣльба, по отдаленности и большому углу возвышенія, даваемому орудіямъ, была для насъ безвредна.

Ядра не могли рикошетировать, а, падая, врывались въ землю; съ гранатами, если ихъ не разрывало на воздухѣ, дѣлалось то же.

Однажды, пѣшій непріятель, пробравшись отдаленными перелѣсками, собрался въ значительномъ числѣ съ обѣихъ сторонъ просѣки, съ намѣреніемъ броситься на рабочихъ, бывшихъ на валу. Но онъ былъ во-время открытъ. Рабочіе бросили лопаты и кирки, схватили ружья, ударили въ штыки, и пѣшій непріятель съ урономъ былъ опрокинутъ. Такую же неудачу потерпѣла непріятельская кавалерія отъ нашей, перешедшая Шавданъ. Два трупа и одна лошадь остались по эту сторону Шавдана, а по другую его сторону бѣгало нѣсколько лошадей безъ сѣдоковъ, которые попадали съ нихъ, будучи или убиты, или тяжело ранены отъ нашего картечнаго огня.

Въ такомъ порядкѣ происходили военныя дѣйствія до половины января, когда я возвратился въ Грозную. Только наканунѣ моего отъѣзда изъ отряда, лазутчики дали знать, что за Шавданомъ устраиваются батареи и завалы для дѣйствія изъ орудій, на болѣе близкомъ разстояніи, и что эти завалы постоянно охраняются тавлинцами.

Нѣкоторыя изъ начальствующихъ лицъ предложили начальнику отряда сдѣлать ночное движеніе къ мѣсту построенія заваловъ и разогнать строющаго и охраняющаго ихъ непріятеля. Однако, на это Викентій Михайловичъ не согласился, чѣмъ были не мало удивлены его нерѣшительностью въ эту минуту, тогда какъ онъ, во многихъ случаяхъ, дѣйствовалъ всегда рѣшительно, хотя и болѣе опрометчиво.

По прибытіи моемъ въ Грозную, я разсказалъ со всею подробностію Нестерову о всемъ, что происходило въ отрядѣ. Петръ Петровичъ слушалъ меня со вниманіемъ, крутя свои усы, что онъ дѣлалъ въ минуты серьезной думы, или веселаго раздумья.

— Съ Шамилемъ не такъ-то легко сладить, какъ думали. Я потрепалъ его сильно въ прошломъ году, теперь же пусть козелъ и рыжій песъ съ нимъ потягаются, сказалъ онъ, вставая, смѣючись.

— А что подѣлываютъ князь Барятинскій и баронъ Вревскій. Довольны ли они своимъ положеніемъ, что подчиняются козлу,—добавилъ онъ, снова засмѣявшись, и началъ ходить по комнатѣ.

— Кажется, довольны, отвѣчалъ я, слѣдя съ безпокойствомъ за движеніями Нестерова.

Я былъ удивленъ сказаннымъ имъ. Мысль, что не возвращается ли болѣзнь къ нему, меня сильно встревожила. Пришелъ воинскій начальникъ маіоръ Кульманъ съ вечернимъ рапортомъ. Но я ничего не замѣчалъ страннаго или особеннаго ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ Петра Петровича.

На третій-четвертый день по моемъ пріѣздѣ изъ отряда, Нестеровъ прислалъ за мною, что̀ не было въ его обычаѣ.

«Не случилось ли что-нибудь особенное», думалъ я, поспѣшая къ нему.

— Напишите начальнику отряда предписаніе, что я ему, положительно, запрещаю переходить Шавданъ, а заниматься исключительно расширеніемъ просѣки. Я къ нему писалъ письмо, но онъ, кажется, не понялъ или не хочетъ понимать меня; а можетъ быть, и другіе его подстрекаютъ.

Все это было сказано Петромъ Петровичемъ серьезно и спокойно.

Теперь понятно было, почему Викентій Михайловичъ отказался отъ предложенія разорить завалы. Предписаніе же, теперь посылаемое, было основано на свѣдѣніяхъ, полученныхъ Нестеровымъ, о приготовленіяхъ въ отрядѣ къ овладѣнію завалами, изъ-за которыхъ производилась канонада по нашимъ войскамъ, выдвигаемымъ на поляну и уширяющимъ просѣку, что̀ видно было и изъ журнала военныхъ дѣйствій.

Хотя приказаніе, отданное мнѣ Нестеровымъ, было противно моимъ собственнымъ убѣжденіямъ, но, чтобы не раздражать его, безъ малѣйшаго возраженія было исполнено, но не скрѣплено мною. Если замѣтитъ, отговорюсь, что позабылъ; но къ этой лжи не нужно было прибѣгать. Изъ всего этого я видѣлъ, что Нестеровымъ, по-прежнему, обладала нерѣшительность; а можетъ быть подстрекнуто было самолюбіе, чтобы его зимняя экспедиція не затмилась настоящей.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ отряда, который я, по желанію Петра Петровича, посѣтилъ на трое сутокъ, въ началѣ февраля, и съ которымъ я возвратился въ Грозную 2-го марта, прибывъ туда за нѣсколько дней до его роспуска.

17-го января, когда завалы и батареи были кончены, непріятель открылъ огонь изъ орудій по нашимъ войскамъ, единственно уширявшимъ просѣку. Такъ какъ цѣль была огромная, по необходимости расположенія нашихъ войскъ во всю ширину просѣки, и притомъ горцы, не видя противодѣйствія съ нашей стороны, по причинѣ воспрещенія переходить за Шавданъ, причинили въ колоннахъ, посылавшихся на уширеніе просѣки, весьма чувствительныя потери.

Какъ и въ прошлую экспедицію, привозили въ лагерь убитыхъ и раненыхъ съ размозженными членами. Сверхъ того, не только происходили частыя перестрѣлки съ прикрытіемъ, но непріятель, ободряясь съ

каждымъ днемъ отъ нашего бездѣйствія, началъ преслѣдовать наши войска, возвращавшіяся въ лагерь съ просѣки, до разрушеннаго окопа.

Чтобы напугать его и отучить отъ преслѣдованія, были заложены фугасы впереди окопа. Взрывъ ихъ былъ столь удаченъ, что опаленные, опрокинутые и обсыпанные землею чеченцы прекратили свое преслѣдованіе на будущее время. Черезъ сутки же прекратилась и стрѣльба изъ непріятельскихъ орудій, потому что посланный ночью 7-го февраля полковникъ Серебряковъ съ куринцами разрушилъ и сжегъ завалы, изъ-за которыхъ производилась эта пальба.

Съ половины февраля, когда наши войска занялись истребленіемъ лѣса, растущаго по Шавдану, и устройствомъ переправы черезъ эту, хотя не широкую, но топкую и обрывистую рѣчку, то непріятель, съ усиліемъ и энергіей, началъ противодѣйствовать намъ. Иной разъ доходило до шашекъ и кинжаловъ. Но штыкъ, по-прежнему, бралъ перевѣсъ, и пораженный непріятель отступалъ. Въ особенности, сильное пораженіе нанесено было непріятелю 20-го февраля барономъ Вревскимъ.

Блистательная же атака 27-го февраля казаковъ и, въ особенности, драгунъ закончила зимнюю экспедицію. О ней нѣсколько распространюсь, тѣмъ болѣе, что, находясь въ то время въ отрядѣ, я узналъ нѣкоторыя подробности.

Для очистки поляны отъ отдѣльныхъ рощицъ и окончательнаго устройства переправы черезъ Шавданъ, было назначено подъ начальствомъ князя Барятинскаго пять баталіоновъ, вся кавалерія (за исключеніемъ двухъ сотенъ) и десять орудій. Три баталіона рубили перелѣски вправо и влѣво; два баталіона доканчивали два моста на Шавданѣ; кавалерія же, бывшая подъ начальствомъ Тихоцкаго, въ бездѣйствіи стояла у этой рѣки.

Около полудня огромныя массы пѣшаго и коннаго непріятеля, неизвѣстно съ какою цѣлію, показались съ лѣвой стороны. Князь Барятинскій немедленно приказалъ кавалеріи перейти Шавданъ и ударить на непріятеля. На подкрѣпленіе двинуты были баталіоны, устраивавшіе переправу; мѣсто же ихъ заняли баталіоны, рубившіе лѣсъ.

Атака кавалеріи была неожиданна для непріятеля. Конные чеченцы ускакали и оставили своихъ пѣшихъ собратій и тавлинцевъ на истребленіе казаковъ и, въ особенности, драгунъ. Князь Чавчавадзе съ своимъ эскадрономъ рубилъ бѣгущаго и объятаго ужасомъ непріятеля до самой Джалки. Пораженіе было огромное. Множество ружей, шашекъ, кинжаловъ, бурокъ, папахъ, черкесокъ было набрано казаками. Драгунамъ же было не до добычи; они, исключительно, занимались избіеніемъ непріятеля. Но нужно было думать и объ отступленіи. Сыгранъ былъ аппель. Собралось все; не было только князя Чавчавадзе съ своимъ

*

эскадрономъ, но и онъ вскорѣ присоединился. Эта блистательная атака стоила намъ пяти человѣкъ раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и князь Чавчавадзе, раненый въ руку кинжаломъ. Что же касается непріятеля, то его потеря считалась сотнями.

Этимъ окончились военныя дѣйствія Чеченскаго отряда, продолжавшіяся почти два мѣсяца, и вотъ какое заключеніе было сдѣлано въ послѣднемъ журналѣ, безъ измѣненія перепечатанное въ приказѣ главнокомандующаго.

Несмотря на отчаянное сопротивленіе болѣе 10-ти тыс. чеченцевъ и тавлинцевъ, собранныхъ Шамилемъ на поляхъ шалинскихъ, и почти ежедневную канонаду, не менѣе какъ изъ четырехъ орудій, отрядъ съ честію, славою и побѣдою исполнилъ Высочайшія предначертанія. Шалинскій окопъ, стоившій непріятелю столь непомѣрныхъ трудовъ, и который считался непреодолимымъ оплотомъ, совершенно разрушенъ. Прошлогодняя просѣка расширена почти вдвое, вновь вырубленнымъ пространствомъ лѣса, на которомъ проложено три дороги для всякаго рода повозокъ. Все впереди лежащее пространство до Герменчука во всей подробности обрекогносцировано и снято инструментально на планъ, а также сдѣланы удобныя переправы черезъ Шавданъ и Басъ.

И все это совершено съ огромными кровавыми потерями для непріятеля, понесенными отъ отличнаго дѣйствія нашей артиллеріи, ракетъ, стойкости, неутомимости и храбрости пѣхоты и молодецкихъ атакъ кавалеріи.

Несмотря на полный успѣхъ въ началѣ военныхъ дѣйствій, когда 8-го января Шалинскій окопъ былъ занятъ нашею пѣхотою обходнымъ движеніемъ, безъ боя,—несмотря на славную атаку, произведенную нашею кавалеріею, подъ предводительствомъ храбраго атамана генерала Крюковскаго, и пораженія, нанесеннаго многочисленнымъ толпамъ непріятеля въ этотъ день,—тавлинцы и, въ особенности, чеченцы, съ ожесточеніемъ и единодушіемъ отстаивали свой завѣтный лѣсъ.

Хотя они понесли огромный уронъ въ лѣсу отъ штыковъ храброй пѣхоты и артиллерійскаго огня, 16, 18 и 23-го января, а также 1-го февраля на Шалинскомъ окопѣ отъ взрыва фугасовъ, но они упорствовали и продолжали съ нами драться съ отчаяніемъ, даже на открытыхъ поляхъ шалинскихъ.

Несмотря на то, что потери непріятеля и тамъ считались десятками, а были дни, что доходило и до сотенъ, какъ, напримѣръ, 20-го февраля, когда наши войска состояли подъ начальствомъ всегда хладнокровно-мужественнаго распорядительнаго генерала барона Вревскаго, однако горцы упорствовали по-прежнему, но не изъ фанатизма и не по внутреннему влеченію, или изъ кровавой мести къ намъ, но по принужденію, исполняя ужасную волю Шамиля.

Онъ требовалъ отъ чеченцевъ и тавлинцевъ новыхъ жертвъ, и они гибли снова, несмотря на то, что между ними не существовало согласія и единства, и что, во второй періодъ нашихъ военныхъ дѣйствій, несогласія и неудовольствія еще болѣе усилились, и дошло до того, что Шамиль приказалъ отрубить нѣсколькимъ лезгинамъ головы за безчинства, произведенныя ими въ сакляхъ чеченцевъ.

Но 27-го февраля, этотъ кровавый день, въ который болѣе 270 тавлинцевъ погибло на поляхъ шалинскихъ отъ блистательной атаки нашихъ драгунъ и казаковъ, направленныхъ княземъ Барятинскимъ, непріятель пораженъ былъ невыразимымъ ужасомъ. Онъ, положительно, отказался драться съ русскими и произвольно разбѣжался по домамъ, съ полнымъ негодованіемъ и ропотомъ не только на своихъ наибовъ, которые ихъ бросили, въ этотъ печальный для нихъ день, на жертву, ускакавъ сами,—но и на Шамиля, какъ главнаго виновника ихъ несчастія.

28-е число доказало это на самомъ дѣлѣ, потому что непріятеля нигдѣ не было видно, несмотря на то, что наши войска, дойдя до мѣста бывшаго аула Герменчукъ, были близки отъ мѣстъ главнаго населенія Большой Чечни.

Такое блестящее окончаніе описанной зимней экспедиціи снова неблагопріятно подѣйствовало на разсудокъ добраго, благороднаго Петра Петровича.

Будучи во все время продолженія ея, какъ мы видѣли, мрачнымъ, задумчивымъ, молчаливымъ, или гнѣвнымъ и раздражительнымъ, онъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, сдѣлался неестественно веселымъ, говорливымъ и восторженнымъ. По его приказанію войска, возвращавшіяся изъ отряда, были встрѣчены салютаціонной пальбой изъ орудій, стоявшихъ на валу крѣпости Грозной. Съ начальствующими лицами, хотя встрѣтился ласково и привѣтливо, но въ обращеніи его проглядывалъ если не высокомѣрный, то покровительственный тонъ. Начались обѣды, вечера, танцы, которыхъ онъ до того времени не дѣлалъ, а, напротивъ, жилъ полнымъ затворникомъ.

Такое неестественно-восторженное состояніе Нестерова не вело къ добру, хотя каждый старался отдалить отъ себя мысль, чтобы это могло окончиться катастрофой, и такой печальной, какъ вскорѣ послѣ того кончилъ Петръ Петровичъ свое земное, столь блестящее, поприще.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАСКОЛА [1]).

I.

Свѣтопреставленіе.

Насколько малоопытны въ вѣроученіяхъ и въ выборѣ себѣ духовныхъ пастырей старообрядцы, можно видѣть изъ массы примѣровъ, какъ какой-нибудь шарлатанъ, бѣжавшій Богъ знаетъ откуда, обманываетъ этихъ загрубѣлыхъ фанатиковъ своимъ глубокимъ пониманіемъ догматовъ «древле-православной» церкви, объясняя имъ въ обратную сторону ихъ настоящій смыслъ, подводя къ слову и не къ слову тексты священнаго писанія, и, войдя въ довѣріе ревнителей старины, обираетъ ихъ елико возможно. Добывши какъ-нибудь ставленую [2]), иногда и очень неблаговиднымъ путемъ, и преобразившись съ помощію ея изъ шарлатана въ самодѣльнаго «служителя алтаря», «бѣглый попъ» идетъ къ раскольникамъ съ исключительною цѣлію легкой наживы. Рѣдкіе изъ этихъ духовныхъ отцовъ приносятъ хоть какую-либо существенную пользу старообрядцамъ; большинство же, ради корыстныхъ цѣлей или просто по своему глупому религіозному упрямству, дѣлаютъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы. Несмотря на это, приверженцы старой вѣры безъ разбора и безусловно вѣрятъ такимъ людямъ, за что́ нерѣдко отдѣлываются своимъ горбомъ.

Послѣ уничтоженія въ 1828—1830 годахъ Иргизскихъ скитовъ, въ Самарѣ, въ то время уѣздномъ городѣ Симбирской губерніи, въ этомъ центрѣ приволжскаго старообрядчества послѣ Саратова, у тамошнихъ раскольниковъ бѣглопоповщинскаго толка появился нѣкій «бого-

---

[1]) По документамъ Оренбургскаго центральнаго архива и разсказамъ современниковъ.

[2]) Такъ называется грамота, выдаваемая отъ епархіальнаго начальства рукоположеннымъ въ санъ священника.

угодный» человѣкъ, по имени Іеронимъ. Ему какимъ-то образомъ удалось избѣгнуть правительственной кары и спастись цѣлымъ и невредимымъ отъ иргизскаго погрома.

Долгое время скрывался онъ у самарскихъ купцовъ, живя такъ скромно, что многіе старовѣры даже не знали о его существованіи. Только въ началѣ 1844 года, когда уже иргизскій погромъ сталъ забываться, онъ открылъ себя и остальнымъ раскольникамъ.

Своей подвижнической жизнью и почтенной наружностью шестидесятилѣтняго старца, убѣленнаго сѣдинами, начитанностію священнаго писанія и умомъ, Іеронимъ привлекъ къ себѣ многихъ ревнителей старины. Старообрядцы толпами стекались къ нему въ домъ купца Царицына, гдѣ была и старообрядческая молельня,—послушать его ученіе. Отецъ Іеронимъ говорилъ много и говорилъ, по отзывамъ его послѣдователей, очень хорошо. Онъ говорилъ о святости древле-православной вѣры, о заблужденіяхъ никоніанъ, о грѣхѣ, кончинѣ міра и о послѣднемъ днѣ, убѣждая старообрядцевъ покаяться.

«Братія! Кайтеся во грѣсѣхъ вашихъ, — нынѣ бо приблизилося царство небесное. Скоро, скоро свершится вселенское чудо: пріидетъ конецъ міру сему». «Се Сынъ Человѣческій, сѣдя на облацѣхъ небесныхъ, снисходитъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ». «Кайтеся и молитеся о содѣянныхъ вами прегрѣшеніяхъ, пока еще есть время. Господь терпѣливъ и многомилостивъ, иже не до конца прогнѣвайся на ны. Онъ—многомилостивый, услыша молитвы наша, проститъ намъ прегрѣшенія наша вольныя и невольныя, содѣянныя яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и вся проститъ, яко благъ и человѣколюбецъ».

Такъ говорилъ о. Іеронимъ, и старообрядцы искренно и глубоко вѣрили словамъ своего учителя и были убѣждены, что должно случиться что-то необычайное. Самая наружность Іеронима внушала къ нему довѣріе, а его «постный» видъ указывалъ въ немъ человѣка не простаго. Кромѣ того, онъ находился подъ покровительствомъ такихъ лицъ, какъ, напримѣръ: купцы Шепелевъ, Хворостянскій, Кузнецовъ и Романовъ, считавшіеся первыми богачами на всю Самару и людьми умными—начитанными среди старообрядцевъ. Плохаго человѣка они, конечно, не пригласили бы къ себѣ.

Проповѣдуя слово Божіе и говоря о кончинѣ міра, отецъ Іеронимъ даже указывалъ послѣдній день и именно 26-го марта, первый день св. Пасхи. Въ числѣ признаковъ скорой кончины міра, онъ указывалъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что въ томъ году праздникъ Благовѣщенія пришелся на Страстную субботу, чего будто бы до тѣхъ поръ не бывало. Кромѣ того, онъ вычислилъ, что цифра 1844 (текущій годъ) равняется числу «звѣриному»,—упоминаемому въ Апокалипсисѣ. Нако-

нецъ, онъ положительно увѣрялъ, что во снѣ ему являлся ангелъ Господень и предвѣщалъ сошествіе Сына Божія въ праздникъ Воскресенія Христова.

Староверы окончательно убѣдились такими словами своего пастыря и толпами шли въ единственную свою моленную, устроенную по образцу иргизскихъ церквей съ куполомъ, въ саду купца Царицына,—каяться въ грѣхахъ своихъ, причемъ каждый несъ доброхотныя пожертвованія, которыя шли на увеличеніе и безъ того богатой казны хозяина, а не на богоугодное дѣло, какъ они думали. Многіе изъ нихъ такъ глубоко, искренно повѣрили доводамъ о. Іеронима, что, ради «скорѣйшаго» спасенія своей души, за баснословно-дешевыя цѣны спускали все свое нажитое трудомъ добро и отдавали деньги своему учителю для раздачи бѣднымъ. Одинъ только хлѣбный торговецъ Хворостянскій роздалъ нищимъ до 40.000 пудовъ пшеницы, не говоря уже о другихъ. За три же дня до Пасхи, въ пятницу на Страстной недѣлѣ, по настоянію своихъ отцовъ, сорокъ человѣкъ парней и дѣвушекъ, остриженные по-старообрядчески въ кружало, ушли отъ суеты мірской спасать свою душу постомъ и молитвой въ Коптевъ оврагъ, находящійся въ 25-ти верстахъ отъ города Самары, по Симбирскому тракту. Тамъ, гдѣ сходятся два громадной величины поперечныхъ камня, извѣстныхъ среди жителей подъ названіемъ «братьевъ», образуя очень узкій проходъ, чрезъ который можно перешагнуть,—подъ навѣсомъ ихъ пріютились принужденные постники. Въ Самарѣ оставшіеся старики и старухи проводили время, день и ночь, въ молитвѣ, наставляемые и укрѣпляемые о. Іеронимомъ.

Съ нетерпѣніемъ всѣ ждали кануна праздника Пасхи. Вечеромъ этого дня, богобоязненные старообрядцы сшили себѣ саваны, устроили гробы и легли въ нихъ дожидаться страшнаго пришествія Господня, которое, по увѣренію Іеронима, должно будетъ совершиться ровно въ 12-ть часовъ ночи, т. е., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пропоется «Христосъ воскресе».

Наконецъ, давно желанный день насталъ. Въ полночь, на колокольняхъ самарскихъ церквей начался обычный пасхальный благовѣстъ, и толпы православныхъ съ шумомъ двинулись къ храмамъ Божіимъ. Кругомъ на улицахъ стоялъ какой-то неопредѣленный гулъ. Старообрядцы, слыша этотъ шумъ народныхъ массъ, двигающихся по улицамъ, принимали его за кончину міра и невольно, лежа въ гробахъ, крестились, призывая имя Спасителя. «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ», шептали ихъ уста.

Вотъ прошли первый, второй и третій день праздника, а старообрядцы, въ ожиданіи послѣдняго дня земнаго бытія, отложивъ всѣ житейскія попеченія, съ часу на часъ ждали пришествія Господня.

Дворовый скотъ, оставшійся у нѣкоторыхъ раскольниковъ, стоялъ въ заперти голоднымъ, и некому было позаботиться о немъ. Безпокойное ржаніе лошадей, жалобное мычаніе коровъ и блеяніе овецъ наводили тоску на душу сосѣдей православныхъ. Жалко было смотрѣть на несчастныхъ животныхъ. Виновникъ же всей этой кутерьмы, видя, что пророчество его не сбылось, заблагоразсудилъ скрыться поскорѣе, оставивъ старообрядцевъ на волю судебъ.

Замкнутость домовъ въ старообрядческомъ кварталѣ, между тѣмъ, смущала весь городъ. Ясно, что тамъ происходило что-то таинственное. Это не могло не обратить на себя вниманіе властей. Бывшій въ то время самарскій полиціймейстеръ [1], Рудковскій, рѣшился узнать, что̀ происходитъ у раскольниковъ, и секретно началъ дѣйствовать. Скоро дѣло выяснилось.

Принявъ мѣры къ розыскамъ отца Іеронима, полиціймейстеръ отправился къ богатымъ и вліятельнымъ старовѣрамъ. Но на всѣ увѣщанія его старовѣры долгое время отвѣчали молчаніемъ и тогда только согласились выйти изъ гробовъ, когда имъ сказали, что учитель ихъ бѣжалъ, и пригрозили употребить вооруженную силу.

Между тѣмъ, услыхавъ о розыскѣ отца Іеронима, который, какъ оказалось, отъ страха бѣжалъ только въ Коптевъ оврагъ и скрылся тамъ среди прежде уѣхавшихъ туда постниковъ, къ Рудковскому явился какой-то крестьянинъ деревни «Большой Колокъ» и заявилъ, что, ѣдучи въ пятницу на Страстной недѣлѣ на базаръ въ Самару, онъ видѣлъ, какъ по направленію къ Коптеву оврагу ѣхало нѣсколько подводъ съ парнями и дѣвушками. Полиціймейстеръ немедленно распорядился воротить ихъ обратно въ Самару.

Невольные постники очень обрадовались, узнавъ о своемъ освобожденіи: они и плакали, и смѣялись въ одно и то же время. Только одинъ отецъ Іеронимъ не принималъ никакого участія во всеобщемъ восторгѣ. Онъ косо смотрѣлъ на освободителей и всю дорогу до Самары хранилъ глубокое молчаніе. Въ Самарѣ онъ былъ посаженъ въ секретную, гдѣ его долго пытали и допрашивали, но, не добившись ничего, переслали въ губернскій городъ Симбирскъ, гдѣ надъ нимъ были «чинимы судъ и расправа». Постановленіемъ суда отецъ Іеронимъ былъ приговоренъ къ пятидесяти ударамъ плетьми и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Старикъ едва могъ перенести публичное наказаніе. Его чуть живаго сняли съ эшафотной скамьи.

На экзекуцію Іеронима съѣхалось много самарскихъ старообряд-

---

[1] Хотя Самара и была въ то время уѣзднымъ городомъ, но по обширности имѣла полиціймейстера такъ же, какъ теперь городъ Екатеринбургъ.

цевъ. У нихъ сердце обливалось кровью при взглядѣ на страданія любимаго учителя. Несмотря на то, что онъ сдѣлалъ массу вреда, нѣкоторыхъ разоривъ, а многихъ совсѣмъ пустивъ по міру, они искренно жалѣли его и плакали во время его наказанія.

Между двумя старушками-старовѣрками, послѣ наказанія отца Іеронима, какъ разсказываетъ очевидецъ, въ то время четырнадцатилѣтній юноша, происходилъ такой разговоръ.

— Матушка, Пелагея Ивановна! вбѣжала, запыхавшись, въ горницу бабушки этого свидѣтеля сосѣдка,—неушто ты не вѣдаешь, что случилось у насъ?

— Что, мать моя? не слѣзая съ печки, спросила ту хозяйка.

— Рази не слыхала?

— Не вѣдаю, мать моя!

— Такая, матушка Пелагея Ивановна, притча совершилась, что сказать языкъ чуть-чуть повернется.

— Что же такое? испуганно переспросила та.

— Вѣдь отца-то нашего Іеронима плетьми наказали, да еще въ Сибирь ссылаютъ. Болѣзный! баютъ, насилу всталъ.

— Ахъ! Матушка Владычица, помоги ему! Дай ему, Господи, силы потерпѣть за вѣру «православную»,—моментально соскочивъ съ печи, скороговоркой проговорила Пелагея Ивановна, крестясь большимъ двуперстымъ крестомъ на мѣдныя иконы.

Старообрядцы съ особеннымъ почетомъ проводили отца Іеронима въ ссылку, надѣливъ всѣмъ необходимымъ на дорогу. Они сердечно соболѣзновали о «претерпѣніи» своего учителя и сильно убивались послѣ его отъѣзда. Горько было имъ, что опять остаются безъ пастыря духовнаго, котсрый могъ бы напутствовать ихъ въ жизни.

Впрочемъ, сравнительно еще не долго пришлось горевать самарскимъ старовѣрамъ. Въ 1851 году, въ Самарскомъ уѣздѣ, верстахъ въ сорока отъ г. Самары, только-что переименованномъ въ предшествовавшемъ году въ губернскій городъ, на такъ называемой Новой мельницѣ у купца Мурахтанова появилась новая личность, выдававшая себя за бѣглаго попа Іосифа.

Тщательно скрываясь тамъ отъ глазъ правительства, онъ только изрѣдка, по приглашенію ревностныхъ старообрядцевъ, посѣщалъ ихъ дома и не иначе, какъ переодѣвшись простымъ мужикомъ. Съ нимъ была его походная полотняная церковь, въ которой онъ совершалъ всѣ требы. Слава о его благочестіи росла, съ каждымъ днемъ увеличивая его послѣдователей. Къ нему на Новую мельницу старообрядцы текли со всѣхъ сторонъ.

Но самарскія власти скоро узнали о его дѣятельности, и губернаторъ Волховскій предписалъ поймать его. Отецъ Іосифъ, однако, ка-

кимъ-то образомъ пронюхалъ объ этомъ и въ одну ночь бѣжалъ на Уралъ къ тамошнимъ раскольникамъ. Посланные на Новую мельницу для поимки его казаки не нашли тамъ, и по приказанію полиціймейстера, барона Крюденеръ, были посланы за нимъ въ погоню. Но ожиданія не увѣнчались успѣхомъ. Іосифъ успѣлъ уже переѣхать границу Самарской губерніи и ударился прямо на станицу Нижнеозерную. Такъ дѣло и кануло бы въ вѣчность.

Прошелъ годъ. Самарцы опять затосковали безъ учителя духовнаго, а гдѣ его взять? Кто-то изъ старовѣровъ отправился добывать попа въ уральскихъ предѣлахъ, изъ скита Сыртовскаго. Услыхавъ объ этомъ, Іосифъ поспѣшилъ снова прибыть на Мурахтановскую мельницу. Но въ этотъ разъ не долго ему пришлось поповствовать. Власти принялись сильно слѣдить за нимъ. Поимку бѣглеца взялъ на себя жандармскій полковникъ. Скоро таинственныя священнодѣйствія отца Іосифа стали не тайной. И вотъ какъ-то въ темную ночь, когда на мельницѣ онъ совершалъ всенощную, полиція, во главѣ съ жандармскимъ адъютантомъ, накрыла его. Іосифа арестовали. При немъ оказалось пять тысячъ рублей, которые и отобрали у него вмѣстѣ съ походною церковью. Отцу Іосифу жаль было разставаться съ ними. Онъ не столько горевалъ о потерѣ церкви, сколько о деньгахъ: Онъ сильно убивался по нимъ. Онъ просилъ, онъ молилъ возвратить ихъ ему.

— Если присоединишься къ единовѣрію, отвѣтили ему,—то тебѣ возвратятъ деньги.

Іосифъ согласился, но, увы, денегъ не возвратили ему. Старообрядческій учитель не перенесъ этого финансоваго кризиса. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Самары, на дорогѣ, онъ умеръ отъ удара.

II.

Дѣянія Бѣлокриницкаго собора въ 1846 году [1]).

28-го октября 7354 года (такъ обозначено у старообрядцевъ) послѣ обѣдни въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ собрались всѣ заправилы этого

---

[1]) Описаніе это составлено по даннымъ, собраннымъ въ 1853—57 гг. подполковникомъ Кузьминымъ-Короваевымъ, командированнымъ въ Саратовскую губернію по Высочайшему повелѣнію для отысканія скрывавшагося тамъ раскольническаго епископа Аѳанасія. Ему, между прочимъ, удалось при обыскахъ, захватить копію съ подлинныхъ рукописей „О соборномъ дѣяніи Бѣлокриницкаго монастыря, на которомъ раскольники австрійскаго толка приняли себѣ лже-митрополита Амбросія“ и „Раскольниковъ-поповщинцевъ.

монастыря и прихожане-старообрядцы. На амвонѣ въ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, былъ поставленъ убранный налой съ св. Евангеліемъ и съ зажженною передъ нимъ свѣчей. По обѣимъ сторонамъ амвона, вдоль церкви къ входнымъ дверямъ, для засѣданія присутствующихъ, были разставлены въ нѣсколько рядовъ стулья и скамейки. а посрединѣ, на другомъ налоѣ, были приготовлены «Кормчая» и другія книги «на случай справокъ въ божественномъ писаніи».

Послѣ троекратнаго ударенія въ большой колоколъ, собравшіеся передъ церковью старообрядцы, по приглашенію священно-инока и настоятеля, вошли въ церковь и «при обычномъ началѣ» [1]), размѣстились на приготовленныхъ мѣстахъ. Съ одной стороны заняли стулья настоятель монастыря, инокъ Геронтій, со всѣми своими соборными старцами и прочими иноками, а съ другой—священно-инокъ Іеронимъ, за нимъ уставщикъ Бѣлокриницкой церкви Кипріанъ Тимоѳеевъ, потомъ депутаты отъ Молдавіи, ясскіе купцы: Никифоръ Пикзатьевъ, Яковъ Ивановъ, Желѣзняковъ и Логинъ Анфѣевъ и депутаты отъ бѣлокриницкихъ слободъ: Климуцкой, Соколинской и Миходской. Прочіе же единовѣрные христіане, собравшіеся изъ окрестныхъ селъ въ безчисленномъ множествѣ «предстояще со угнетеніемъ», наполнили всю церковь и даже притворъ.

Когда водворилось молчаніе, настоятель монастыря, вставъ съ своего мѣста и сотворивъ Іисусову молитву, обратился къ присутствующимъ, указывая на Евангеліе.

— Отцы святіи и братіи и вси православные христіане! Видите святое Евангеліе—воньмите, яко самъ Христосъ, Праведный Судія, посредѣ насъ присутствуетъ, то убо должны мы разсуждать и строить принадлежащее дѣло безъ всякаго лицемѣрія, сообразно святыхъ писанію и волѣ Божіей, а именно: приступающаго нынѣ въ наше древле-истинное православіе отъ нынѣшней греческой религіи господина высопреосвященнѣйшаго митрополита Амбросія какимъ чиномъ принять долженствуемъ?

Присутствующіе отвѣтили:

— Откройте и предложите народу, —какія есть во святомъ писаніи по сему предмету правила святыхъ соборовъ и какіе примѣры были подобны тому въ древле-православной церкви.

замѣчанія и соображенія св. Кановов церковныхъ по прочтеніи такъ-называемаго соборнаго дѣянія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, 28-го октября 7354 года (отъ Адама), служащихъ къ опроверженію этого дѣянія въ каноническомъ смыслѣ власти епископовъ". Обѣ эти рукописи весьма цѣнятся старообрядцами и даже до сихъ поръ, такъ что отыскать ихъ составляетъ много трудностей. Оренбур. центр. архивъ 1853 г. № 11, стр. 125—145.

[1]) Положить начало—терминъ, означающій сдѣлать три земныхъ поклона.

По предложенію настоятеля, инокъ Павелъ прочиталъ собору «краткое соображеніе», которое было представлено отцамъ Славскаго скита для такого же соборнаго разсужденія, «обще со всѣми тамошними задунайскими обществами», нѣкоторыя выдержки изъ Кормчей книги и въ заключеніе дѣяніе Задунайскаго собора, списанное и доставленное въ Бѣлокриницкій монастырь инокомъ Онуфріемъ, бывшимъ лично на этомъ соборѣ 23-го іюня 1846 года въ Задунайскомъ старообрядческомъ скиту.

На соборѣ этомъ, отъ всѣхъ задунайскихъ старообрядческихъ обществъ Сѣряковой славы и Журиловки греческаго митрополита Амбросія, согласно 95-го правила 6-го вселенскаго собора и 69 и 70—Карѳагенскаго, признано было принять третьимъ чиномъ, причемъ, въ видѣ примѣра, были приведены случаи, какъ на 7-мъ вселенскомъ соборѣ патріархъ Тарасій принималъ многихъ епископовъ третьимъ чиномъ и даже въ Россіи Даніилъ, епископъ берестенскій, поставленный митрополитомъ Сидоромъ, родомъ латинщика, который хиротонисованъ папой Римскимъ, —былъ принятъ кіевскимъ митрополитомъ Іоной также третьимъ чиномъ.

Выслушавъ всѣ правила дѣянія Славскаго собора, молдавскіе депутаты, посовѣтовавшись между собой, предложили собранію: «дабы ради многихъ немощныхъ и обширнонесвѣдущихъ въ писаніи приступающаго нынѣ въ наше православіе греческаго митрополита Амбросія—принять вторымъ чиномъ», но бѣлокриницкіе депутаты и весь народъ возстали противъ этого и требовали, чтобы Амбросій былъ принятъ третьимъ чиномъ. Начались споры и пререканія. Одни говорили одно, другіе требовали другое. Чтобы положить конецъ этому, одинъ изъ молдавскихъ депутатовъ Логинъ Анфѣевъ, вставъ передъ «соборомъ» обратился къ настоятелю.

— Отецъ святой! Принятіе господина митрополита третьимъ чиномъ сообразно правиламъ святыхъ отецъ и сбывшимся свято подобіямъ есть воистину правильно; но нѣтъ ли какого средства, чтобы учинить принятіе 2-мъ чиномъ и на томъ бы можно утвердиться святымъ писаніемъ безъ погрѣшительности. Тогда бы соборное наше дѣйствіе согласовало и съ прежнимъ воздержнымъ обычаемъ, какъ мы уже издавна принимали священниковъ и успокоило бы совѣсть прочихъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, не могущихъ участвовать въ теперешнемъ нашемъ соборѣ.

Настоятель и прочіе иноки отвѣтили, что принятіе митрополита вторымъ чиномъ не составитъ погрѣшности, но только обнаружится одна неуважительная жестокость, на которую не видно подобнаго образца въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ, ибо для всѣхъ, хотя бы и прочихъ приходящихъ отъ ереси въ православіе столь важное въ древне-

вселенской церкви положено снисхожденіе, что даже и крещеніе подлежащихъ «за единъ стыдъ обнаженіе ради повелѣно принимать безъ перекрещиванія». (Кормчая LXI, 606).

— Принять Амбросія вторымъ чиномъ, говорилъ далѣе настоятель— можно тогда, когда онъ самъ пожелаетъ того, о чемъ есть «безсумнительныя свидѣтельства»! въ 8-мъ правилѣ 1-го вселенскаго собора въ толкованіи преясно говорится: «Отъ приходящихъ еретикъ ко святой Божіей соборной апостольской церквѣ вси убо крещаемы бываютъ совершенно, другіе же токмо мvромъ помазуются, иные же токмо проклинаютъ свои ереси... и согрѣшающимъ и кающимся прощаются грѣхи, аще же нѣціи отъ нихъ епископы, паки въ семъ чину да пребываютъ».

Геронтій еще привелъ цитату изъ Кормчей (л. 35) и изъ книги Никифора патріарха, что «сіи вси втораго чина еретицы (т. е. епископы) второе не покрещеваются, но, точію прокленьше ереси, помазуются святымъ мvромъ и пріемлются, аще отъ нихъ хиротонисаніи въ своемъ чину да пребываютъ».

Видимо послѣдней выдержкой онъ хотѣлъ убѣдить народъ, что Амбросія должно непремѣнно принять вторымъ чиномъ; но не достигъ этого. Присутствующіе старовѣры, не причастные къ монастырскимъ интересамъ, возстали противъ такого обратнаго сужденія смысла священнаго писанія. Нѣкоторые изъ прихожанъ рѣшились спросить Геронтія,—«можно ли священнику принять епископа, когда по церковнымъ правиламъ меньшій отъ большаго благословляется», намекая этимъ на то, что самъ настоятель имѣетъ священническій санъ.

Геронтій, однако, не растерялся и столько привелъ текстовъ изъ Кормчей, изъ книги Іоанна Златоуста, изъ Толковаго апостола, 7 и 8 правилъ Лаодикійскаго собора и друг. книгъ, что большій отъ меньшаго не только благословляется, но что «меньшій большаго даже связуетъ и разрѣшаетъ», и такъ замаскировалъ вопросъ, что старовѣры, мало знающіе священное писаніе, не нашли словъ возразить ему. Настоятель торжествовалъ. Присутствующіе покорно склонили свои головы. Такимъ образомъ, вопросъ о принятіи Амбросія вторымъ чиномъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Оставалось только дѣло за тѣмъ, чтобы митрополитъ, «имѣя здравый смыслъ, набожную душу и правдивую совѣсть», самъ согласился на это. Постановлено было соборомъ съ такимъ предложеніемъ послать къ нему депутатовъ.

Собраніе тѣмъ и покончило дѣло. Всѣ «единодушно» положили передъ Евангеліемъ обычный началъ и съ миромъ разошлись.

На другой день, въ понедѣльникъ, послѣ всенощной, настоятель съ нѣкоторыми старцами отправились къ Амбросію. Войдя къ нему въ келію и сдѣлавъ обычные поклоны св. иконамъ, настоятель предложилъ митрополиту присоединиться къ ихъ «православной церкви» посред-

ствомъ втораго чина, т. е. съ мѵропомазаніемъ [1]). Амбросій «съ великою радостію» согласился и, обратившись къ настоятелю съ братіей, сказалъ:

— Изволяю на ваше предложеніе, отцы святые, только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтелемъ Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго.

Отцы поклонились въ знакъ согласія. Побесѣдовавъ затѣмъ о правилахъ церковныхъ, митрополитъ «повелѣлъ» начать часы къ божественной литургіи, а самъ, облачившись въ святительскую мантію, «въ достодолжномъ сопровожденіи» вошелъ въ церковь, войдя въ которую сотворилъ обычный началъ (такъ какъ съ 12-го по 27-е октября, пребывая въ монастырѣ, нѣсколько приспособился къ старовѣрскимъ обычаямъ).

Отдавъ поклоненіе народу, онъ вошелъ въ алтарь, гдѣ, облачившись въ епископскія ризы, снова вышелъ на амвонъ, на которомъ были уже поставлены рядомъ два налоя: на одномъ былъ приготовленъ для митрополита списанный греческими буквами по-русски чинъ проклятія отъ ересей; на другомъ—положенъ для священника раскрытый Номоканонъ.

Ставъ передъ царскими вратами, Амбросій громогласно началъ отреченіе на русскомъ языкѣ, выговаривая каждое слово чисто и отчетливо, такъ какъ умѣлъ говорить по-славянски.

Послѣ проклятія ересей, онъ исповѣдался въ алтарѣ у священноинока Іеронима и былъ помазанъ мѵромъ.

Когда все это кончилось, священникъ монастыря, отворивъ царскія двери, вышелъ на амвонъ и «возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявя достоинство митрополита». Слѣдомъ за нимъ съ трикиріемъ и дикиріемъ вышелъ и Амбросій и благословилъ молящихся «по чину». Пѣвцы грянули владыкѣ «многая лѣта» [2]).

Послѣ этого священникъ, принявъ благословеніе отъ митрополита, началъ обѣдню и «совершалъ чинослуженіе по уставу». По окончаніи

---

[1]) Принятіе первымъ чиномъ значитъ, что присоединяющійся долженъ креститься, отречься отъ прежняго вѣроученія и мѵропомазаться, при второмъ чинѣ—отреченіе и мѵропомазаніе и при третьемъ—только отреченіе.

[2]) „Вотъ зрѣлище трогательное и радость восхитительная,—говорится въ подлинномъ „Дѣяніи Бѣлокриницкаго собора“,—Всемогущимъ Божіимъ промысломъ нынѣ устроися, на что вси людіе всякаго возраста со слезами взирали и каждый, ощущая въ душѣ своей истинное удовольствіе, и всякъ изъ глубины сердца своего приносилъ благодареніе Господу Богу, явившему людямъ своимъ—новому Израилю милость свою премногу, и подобно нѣчто евангельскому гласу мнози себѣ повторяли, яко во истину блаженни очи наши, что мы нынѣ видимъ, яже отъ многихъ лѣтъ не видѣли и отцы наши“.

литургіи всѣмъ соборомъ съ подобающею честью и пѣснопѣніями, митрополита проводили до келіи, въ дверяхъ которой Амбросій остановился и, обратившись къ народу, благословилъ его и отпустилъ съ миромъ. Народъ сталъ расходиться, а монастырскіе отцы съ братіей и съ почетными гостями были приглашены настоятелемъ «на утѣшеніе и поздравленіе» — трапезовали чѣмъ Богъ послалъ и весь день праздновали.

Дѣяніе это Бѣлокриницкаго собора для большей, должно быть, убѣдительности, было написано и засвидѣтельствовано подписями отъ монастырскихъ отцовъ—настоятеля инока Геронтія, а отъ депутатовъ всѣхъ обществъ — священно-инока Іеронима съ приложеніемъ монастырской печати.

Цѣль этого собора, какъ надо думать, была привлечь на сторону австрійскихъ старовѣровъ-старообрядцевъ другихъ сектъ въ Россіи, чтобы, соединясь воедино, составить одну самостоятельную духовную паству, отдѣленную отъ греко-россійской церкви, съ своимъ собственнымъ владыкой-митрополитомъ и, такимъ образомъ, совершенно выдти изъ-подъ начала русской православной митрополіи и составить свою отдѣльную «авто-кефальную» церковь. Но, къ счастію нашему, Бѣлокриницамъ не удалось это. Первыми возстали противъ нихъ не власть, не православное духовенство, а сами же старообрядцы-бѣглопоповщинскаго толка и въ своихъ замѣчаніяхъ въ пухъ и правъ разбили доводы Бѣлокриницкаго собора, по принятіи лже-митрополита Амбросія. Вотъ эти замѣчанія.

III.

Замѣчанія и соображенія, служащія къ опроверженію дѣянія Бѣлокриницкаго монастыря въ каноническомъ смыслѣ власти лжеепископовъ.

Единая истинная Христова церковь есть Святая, Соборная и Апостольская, потому что неуклонно держится на основаніи «краеугольнаго камени Христа» и управляется неизмѣнно правилами, преподанными отъ св. апостоловъ, отъ св. вселенскихъ соборовъ и отъ св. отцовъ церкви, не сокращая, не пріумножая и не извращая эти правила произвольными толкованіями. Какъ же бы она нареклась Апостольскою, если бы ни во что ставила апостольскія постановленія, и какъ бы она

назвалась Соборною, когда бы преступала правила св. соборовъ и св. отецъ?

Начало соборному управленію церковью положено св. апостолами, а за ними повторено всѣми св. соборами и св. отцами, и церковь православная точно держалась этого. Ни лютыя гоненія отъ язычниковъ до лѣтъ Равноапостольнаго Константина, ни еретическія гоненія и треволненія, бывшія въ вѣкахъ послѣдующихъ, не давали св. церкви предлога втунѣ оставлять соборныя постановленія и узаконенія.

По церковнымъ правиламъ соборомъ именуется собраніе епископовъ, а не простолюдиновъ [1]). Между тѣмъ на Бѣлокриницкомъ соборѣ не присутствовало ни одного епископа, за исключеніемъ иноковъ и мірянъ. Можно ли послѣ этого это «сходбище» «невѣдающихъ церковныхъ каноновъ самозванцевъ» назвать соборомъ? Отчего бы просто «смиренно» не назвать это сходбище собраніемъ или совѣщаніемъ. «Воистину гордостію учинилось такое святотатство, что, не боясь ни Бога и Его Святой Апостольской Соборной церкви, именемъ «собора» украсило себя бѣлокриницкое собраніе».

Не только каноническія, т. е. законодательныя церковныя собранія, но и молитвенныя собранія христіанъ самовольныя есть нарушеніе церковныхъ постановленій. Когда миряне творятъ церковныя молитвословія, а тѣмъ паче таинства, самовольно, безъ пресвитера по волѣ епископа, то согрѣшаютъ тяжко и своими молитвословіями не благословленіе и благодать Божію обрѣтаютъ, но повинны осужденію, такъ опредѣляется 6-мъ прав. Гангрскаго отбора: «аще кто, кромѣ церкви, особо собранія составляетъ и, презирая церковь, церковная творити хощетъ, не имѣя съ собою пресвитера, да будетъ подъ клятвою». И не только на законодательныхъ соборахъ, но и на частныхъ народныхъ собраніяхъ по дѣламъ церковнымъ произносить «слово» дозволено только лицу, имѣющему священническій чинъ и «принявшему чрезъ рукоположеніе отъ Бога благодать учительства» (64 пр. Трульскаго собора). Кто же нарушитъ это правило, то долженъ быть отлученъ отъ общенія съ церковью (1, Коринѳ. XII, 18—29).

На Бѣлокриницкомъ соборѣ для собравшихся были поставлены стулья. Нѣкоторые изъ присутствующихъ сидѣли, другіе же (міряне) «стояша со угнетеніемъ», и настоятель обращался къ нимъ, «возглашая»: «отцы святіи и братіе и вси православные христіане».

Смѣшно, если бы не было такъ грустно. Удивительно нахальство называть этихъ «предстоящихъ со угнетеніемъ» отцами святыми. Кто

---

[1]) Зри св. апостолъ 37, 8-е правило Трульскаго собора и 14 прав. Карѳагенскаго собора. (Сравн. прав. 12 и 29 того же собора).

имъ далъ на это право? Таковы ли канонически поставленные члены должны быть отцы церковнаго собора? Таковы ли были отцы соборовъ Никейскаго 1-го, Анкирскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Антіохійскаго и проч. вселенскихъ и помѣстныхъ, или соборовъ кіевскихъ и московскихъ, «отъ древнихъ лѣтъ собиравшихся въ Россіи?» Таковыхъ ли необлеченныхъ ни саномъ, ни властію повелѣваютъ созывать всѣ каноны св. соборовъ и св. отецъ для совѣщаній по дѣламъ церковнымъ. Воистину не вѣдаютъ бо, что творятъ.

При обсужденіи предложенія настоятеля «какимъ чиномъ принять Амбросія» совершены два тяжкихъ прегрѣшенія противъ правилъ церковныхъ. Вопросъ этотъ совсѣмъ не подлежитъ обсужденію мірянъ. Какимъ порядкомъ принять въ общеніе съ церковью вновь желающаго поступить члена ея, кто бы онъ ни былъ, разрѣшается властію только епископа. На всѣ роды отступленій отъ церкви и принятія вновь въ нее существуютъ особыя правила, которыя точно указываютъ, что разсужденіе и примѣненіе церковныхъ законовъ въ встрѣтившихся случаяхъ дѣло епископовъ (7 прав. Анкирскаго собора). Пресвитеру же предоставлено право только на исповѣди частной примирять съ церковью православныхъ христіанъ, кающихся въ своихъ тайныхъ прегрѣшеніяхъ (52 прав. св. апостолъ). Но когда исповѣдь и самые подвиги покаянія совершаются открыто, предъ всею церковью, то имъ «подобаетъ совершитися» подъ личнымъ управленіемъ епископа. Таковы подвиги покаянія грѣшниковъ, обличенныхъ въ явныхъ и соблазнительныхъ грѣхахъ; таковы же подвиги покаянія лицъ, приносящихъ покаяніе въ своемъ отступленіи отъ церкви и просящихъ о принятіи вновь въ нѣдра ея (6-е прав. Карѳаг. собора).

Судить же мірянамъ епископа—есть второе и главнѣйшее преступленіе противъ правилъ церковныхъ Бѣлокриницкаго собора. Каждое духовное лицо, даже пресвитеръ и діаконъ, должны быть судимы соборомъ епископовъ (14 прав. Карѳ. соб.) Пожелавшій стать во главѣ какой-либо церкви (надо подразумѣвать епархіи) епископъ, хотя бы избранный «волею цѣлаго народа», не можетъ стать епископомъ безъ соизволенія совершеннаго собора. «Аще который епископъ, не имѣющій епархіи, вторгнется въ церковь, не имѣющую епископа, и восхититъ престолъ ея безъ соизволенія совершеннаго собора, таковой да будетъ отверженъ, хотя бы его избралъ весь народъ, который онъ себѣ восхитилъ. Совершенный же соборъ есть тотъ, на которомъ присутствуетъ съ прочими и митрополитъ» (16 прав. Антіохійск. собора).

Въ бѣлокриницкомъ дѣяніи еще рѣшался вопросъ: «можетъ ли священникъ пріять епископа, когда по церковнымъ правиламъ меньшій отъ большаго благословляется»; и къ разрѣшенію его приведено через-чуръ много умствованій и разглагольствованій единственно съ

цѣлію, дабы забросать словами свою совѣсть и дать ей что-либо къ мнимому успокоенію. Сказано много, но изъ всего сказаннаго ничего не слѣдовало бы говорить, какъ не соотвѣтствующаго обсуждаемому вопросу. Между тѣмъ, отъ прегрѣшенія, или отъ забывчивости, или намѣренно не приведены тѣ каноны, которые прямо даютъ точный отвѣтъ бѣлокриницкимъ вопрошателямъ. Въ 6-мъ правилѣ Карѳ. собора говорится: «примиряти съ церковью кающися на литургіи да не позволено будетъ пресвитеру». Почему-то также не былъ приведенъ текстъ изъ 16 прав. Антіох. собора (см. выше) о принятіи епископа въ управленіе епархіей.

Умолчавши правила эти, бѣлокриницкіе заправилы тѣмъ скрыли отъ своихъ единовѣрныхъ собратій, что всѣ ихъ дѣйствія къ принятію митрополита и дѣйствія самого Амбросія, дабы стать надъ ними архипастыремъ, «вельми погрѣшительныя», отреченныя св. церковью; закрыли отъ своихъ братій, что епископъ, входящій въ церковь такимъ порядкомъ, какимъ вошелъ къ нимъ Амбросій, говоря языкомъ канонически-церковнымъ, вторгся въ церковь, восхитивъ престолъ ея; закрыли отъ единовѣрцевъ, что всуе обольщаютъ себя надеждою и радостію, получая такого архипастыря, о которомъ канонъ церковный глаголетъ: «таковой да будетъ отверженъ, хотя бы его избиралъ весь народъ».

«Прислушайтесь, бѣлокриницкая братія, къ симъ реченіямъ Антіохійскаго соборнаго канона,—говоритъ далѣе въ своихъ замѣчаніяхъ бѣглопоповецъ—составитель ихъ,—прислушайтесь слухомъ разума, а паче слухомъ сердца—сердца, внимающаго древней Вселенской церкви: не явно ли есть, яко всуе трудистеся, зиждуще свою отдѣльную церковь, еще въ 341 году отъ Рождества Христова, еще за 1505 лѣтъ до вашего Бѣлокриницкаго собора ваше самоизвольное избраніе себѣ Амбросія въ архипастыри уже было отвержено святыми отцами, рекшими: «таковой да будетъ отверженъ». И по что уставщики и законники бѣлокриницкіе, мимошедшіе сіе антіохійскихъ св. отецъ правило, возвитійствоваша, приводяще примѣры отъ древнихъ событій и святоподобій? Намѣренное витійство отъ истины слухъ и разумы всѣхъ отклонити хотящее. Но тщетно,—истина бо ничѣмъ же помрачитися возможетъ. Тщетно извращати событія, кои сами о себѣ глаголютъ».

Такими вѣскими аргументами опровергнули бѣглопоповцы дѣяніе пресловутаго Бѣлокриницкаго собора, чѣмъ много помогли вторженію въ Россію этой раскольнической секты, явно направленной противъ власти духовной и гражданской. Не будь этихъ «Замѣчаній и соображеній», разосланныхъ поповцами въ значительномъ количествѣ экземпляровъ изъ Москвы по приволжскимъ городамъ, вскорѣ послѣ «соборнаго бѣлокриницкаго дѣянія», трудно поручиться за то, что боль-

шинство старовѣровъ-поповцевъ, особенно малограмотныхъ, плохо свѣдущихъ св. писаніе, были завлечены въ сѣти австрійскаго согласія.

У каждаго истинно-вѣрующаго поповца вы, надѣюсь, найдете хоть одинъ экземпляръ этихъ замѣчаній, и онъ бережетъ ихъ какъ зѣницу ока. При спорахъ съ австрійскими старовѣрами они часто прибѣгаютъ къ нимъ и указываютъ противникамъ неточности. Поэтому старообрядцы бѣлокриницкой секты до сей поры враждуютъ съ старообрядцами бѣглопоповщинскаго толка.

Сообщилъ **П. Л. Юдинъ.**

Итальянскіе историческіе документы о Россіи.

Съ 1890 года, въ Римѣ, при папской библіотекѣ и архивѣ, служащими въ нихъ архивистами сталъ издаваться «Ватиканскій Сборникъ рѣдкихъ и неизданныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и библіотеки апостольскаго престола» [1]). Въ предисловіи къ первому выпуску редакція «Сборника» (во главѣ которой стоялъ покойный директоръ папскаго архива, ученый кардиналъ Гергенротеръ) сочла необходимымъ заявить, что въ «Сборникѣ» «будутъ печататься документы, относящіеся до всѣхъ народовъ, безъ опредѣленнаго плана, а по мѣрѣ того, какъ эти документы будутъ находимы... Нашимъ лозунгомъ, читаемъ мы въ этомъ предисловіи,—будетъ: laboremus! На нашемъ знамени будетъ: любовь къ правдѣ, къ церкви и къ отечеству. Нашъ девизъ: источники, вѣчно источники! Не довольствоваться никогда работой изъ вторыхъ рукъ, восходить къ источникамъ, гдѣ единственно находится историческая истина,—та истина, у которой мы, архивисты, должны составлять почетную стражу... Наконецъ, мы увѣрены, что наше предпріятіе симпатично его святѣйшеству Льву XIII, который слишкомъ хорошо знаетъ, что католической церкви нечего опасаться истины, такъ какъ совершенно справедливы слѣдующія прекрасныя слова графа де-Мэстра: папамъ нужна только истина, и они нуждаются только въ истинѣ...»

Въ составѣ редакціи и сотрудниками «Ватиканскаго Сборника» мы видимъ весьма крупныхъ представителей изъ ученаго католическаго міра, а именно: вице-директоръ, аббатъ L. Tosti; оба подфрекета папской библіотеки: монсиньоръ Carini и аббатъ Cozza-Luzzi, бывшій профессоръ Римскаго университета, лингвистъ, знающій теоретически и русскій языкъ; де-Росси, археологъ, недавно выбранный въ почетные

---

[1]) „Spicilegio Vaticano di Documenti inediti e rari“, etc. Roma. Er. Löscher. 1890.

члены Петербургскаго университета, и др. «Сборникъ» выходитъ выпусками («fascicolo») страницъ по 160 приблизительно; четыре выпуска составляютъ одинъ томъ; ежегодно появляется не болѣе одного тома. На первый взглядъ «Сборникъ» представляетъ дѣйствительно какъ-будто бы случайное собраніе подвернувшихся подъ руку и часто даже незначительныхъ документовъ, чѣмъ онъ и отличается отъ всевозможныхъ «кодексовъ», «монументовъ» и тому подобныхъ изданій печатныхъ источниковъ, извлеченныхъ изъ архивовъ съ спеціальной задачей, по извѣстной программѣ. У папскихъ архивистовъ, вѣроятно, не имѣется достаточно денежныхъ средствъ на такое спеціальное изданіе. Тѣмъ не менѣе они постарались придать своему скромному «Сборнику» опредѣленную окраску: каждому печатаемому источнику предшествуетъ отъ редакціи или отъ лица, нашедшаго документы, предисловіе (avvertenza), большею частью краткое, однако настолько ясное и содержательное, что, прочтя его, понимаешь, почему данный документъ нашелъ мѣсто въ «Ватиканскомъ Сборникѣ». Эти-то предисловія придаютъ всему изданію извѣстный характеръ и заставляютъ предполагать въ издателяхъ не простыхъ и безпристрастныхъ стражей истины, но, прежде всего, преданнѣйшихъ слугъ папъ и католической церкви. А такъ какъ, къ несчастью, жизнь папъ и истина—не только не синонимы, но даже нерѣдко папы слишкомъ удалялись отъ истины, то ревнивая защита ихъ неизбѣжно приводитъ, по меньшей мѣрѣ, къ односторонней оцѣнкѣ фактовъ. Такое впечатлѣніе производитъ, въ особенности, предисловіе къ тѣмъ источникамъ, содержаніе которыхъ касается Россіи. На нихъ мы и остановимся.

Въ первомъ выпускѣ «Сборника» напечатано письмо императора Павла I къ папѣ Пію VII, отъ 15-го декабря 1800 года. Вотъ текстъ этого письма, до сихъ поръ нигдѣ, кажется, не появлявшагося у насъ (подлинное на французскомъ языкѣ).

«Его Святѣйшеству Верховному Первосвященнику.

Святѣйшій Отецъ. Узнавъ, что настоящее положеніе дѣлъ въ Италіи причиняетъ много безпокойства Вашему Святѣйшеству, и что новое вторженіе французовъ въ Ваше государство можетъ вынудить Васъ покинуть Св. Престолъ и искать въ другомъ мѣстѣ безопаснаго убѣжища, я, страстно желая выказать мои личныя чувства къ В. С., спѣшу предложить Вамъ для резиденціи мѣсто въ своихъ католическихъ земляхъ, ручаясь впередъ за то, что я съумѣю устроить такъ, чтобы Вы ни въ чемъ не чувствовали недостатка, и обставить Ваше пребываніе соотвѣтственно тому высокому положенію, на какое угодно было Провидѣнію Васъ возвести. Если В. С. примете мое предложеніе и если обстоятельства (чего не дай Богъ!) принудятъ Васъ покинуть Римъ, то Вы можете получить всѣ необходимыя для путешествія услуги отъ моего посланника

при Его Величествѣ, королѣ Сициліи; съ своей стороны посланникъ приложитъ все стараніе, чтобы обезпечить убѣжище надежное и спокойное главѣ Римско-Католической религіи.

Съ особеннымъ почтеніемъ
Вашего Святѣйшества
преданнѣйшій

Спб., 15-го декабря Павелъ».
1800 года.

Можно было бы ожидать, что издатель письма, г. Palmieri, пояснитъ важность этого документа его отношеніемъ какъ для характеристики своеобразной личности православнаго русскаго императора, игравшаго видную роль въ судьбѣ итальянскихъ государствъ въ эпоху французской революціи, такъ и для уясненія печальнаго положенія папскаго престола въ ту эпоху. Между тѣмъ, мы находимъ въ предисловіи къ источнику только слѣдующія строки: «Не лишено своего значенія, въ настоящее время, опубликованіе письма Павла I, самодержца всея Россіи, къ несчастному (umile) Пію VII, которому побѣды и честолюбіе человѣка, называвшаго себя преемникомъ Карла Великаго, грозили опасностью—потерять то, что самъ Карлъ, тысяча лѣтъ тому назадъ, или подтвердилъ или подарилъ Апостольскому престолу». Видимо, для г. Palmieri, «въ настоящее время» особенно важно было указать или напомнить, каковы отношенія были въ началѣ XIX вѣка къ Римѣ: дружественное со стороны русскаго царя и хищническое надменное со стороны перваго консула Французской республики, попиравшаго историческія преданія.

Еще болѣе странный комментарій предшествуетъ другому документу, относящемуся также до Россіи и напечатанному въ третьемъ выпускѣ. Документъ озаглавленъ такъ: «Любопытнѣйшіе нравы господъ пословъ московскихъ, которые находятся теперь въ Ливорно, проѣздомъ въ Венецію». Рукопись хранится въ папской библіотекѣ, въ Codex Vaticanus Latinus № 8891. Это описаніе посольства такъ характерно и, опять-таки, врядъ ли извѣстно нашимъ историкамъ, что мы рѣшаемся привести его здѣсь цѣликомъ.

«Пословъ двое: первый—князь (prencipe), а второй—секретарь посла; впрочемъ, оба они на равномъ положеніи. При нихъ четыре человѣка для почета (uomini di rispetto) и священнослужитель или священникъ, который носитъ всегда на шеѣ маленькій ковчегъ, съ зажженными свѣчами, а внутри (ковчега) находится Божія Матерь и св. Николай, ихъ покровители [1]). Къ св. Николаю они прибѣгаютъ съ мо-

---

[1]) „Il papasso e prete, quale porta sempre al Collo un Tabernacolo con lumi accesi; entro vi è la Madonna e S. Nicolo.

литвами о своихъ нуждахъ; а въ случаѣ неисполненія просьбъ, жестоко стегаютъ святаго.

Всего въ составѣ посольства 32 человѣка. Первый посолъ чрезвычайно красивой наружности. Они носятъ платье на ватѣ, такъ какъ боятся холода, какой бываетъ въ ихъ странѣ, весьма обширной. Сверху носятъ одежду на собольемъ мѣху, украшенную жемчугами; ходятъ, подпоясавъ животъ, какъ буфоны, серебрянымъ или золотымъ поясомъ. Слугъ своихъ они бьютъ собственноручно, и до того варварски, что четверо или пятеро (изъ нихъ) были при смерти; а одинъ сбѣжалъ и не розысканъ. Они наказали также и своего священника, заставъ его пьянымъ: они продержали его день и ночь привязаннымъ къ ножкѣ постели.

Денегъ при нихъ очень немного и только одинъ вексель на нѣсколько тысячъ «пеццъ» по 8 (лиръ). За то у нихъ на 100 тысячъ скуди соболей и другихъ мѣховъ; затѣмъ большое количество ревеню, икры и разной соленой рыбы, и до того отъ нихъ пахнетъ (запахомъ) рыбой, что (другіе) заболѣваютъ; и гдѣ они пробыли одинъ часъ, тамъ воняетъ 12 часовъ.

Они всегда стѣснены въ своихъ расходахъ, такъ какъ не привыкли имѣть текущихъ счетовъ. Музыкантамъ, которые играли и пѣли, они хотѣли дать двѣ giuli (въ 30 сантимовъ каждая приблизительно). Губернатору Ливорно, который оказалъ имъ много любезныхъ услугъ, они подарили три собольихъ мѣха. Въ банѣ, гдѣ для нихъ было все прекрасно устроено, они дали три testoni (приблизительно по 1 франку 68 сантимовъ каждый).

Всѣ дома, даже маленькіе, имъ представляются большими дворцами. Хотя въ Ливорно имъ было предоставлено удобное помѣщеніе, но они пользуются только двумя комнатами, въ которыхъ всѣ и живутъ, и спятъ вмѣстѣ въ постели — тутъ же и посолъ — изъ страха, чтобы не упасть. Нѣсколько разъ губернаторъ Ливорно, по приказанію свѣтлѣйшаго великаго герцога, дарилъ ихъ прохладительными напитками, а въ особенности, въ большомъ количествѣ виномъ. Вина они держатъ очень много, сливъ его все въ одну бочку, безъ различія бѣлаго отъ краснаго, безъ различія сортовъ; а теперь, такъ какъ наступаетъ время отправляться, они все вино превратили въ водку, чтобы удобнѣе везти съ собой, и пьютъ это вино поминутно.

Когда губернаторъ повезъ ихъ по городу ради прогулки въ коляскѣ, жители сильно удивились тому, что при выходѣ изъ коляски они не позволяли отворять дверцы, а перелѣзали черезъ нихъ и, такимъ образомъ, соскакивали наружу.

Когда московиты замѣтили, что губернаторъ и тѣ, которые съ нимъ обѣдали, ѣдятъ супъ ложкой, а мясо съ вилки, то и они брали мясо,

трепали его вилкой, а потомъ клали себѣ въ ротъ. Первый посолъ положилъ-было въ ротъ кусокъ мяса, не растрепавъ его вилкой, но (снова) вынулъ его изо рта, растрепалъ вилкой, опять положилъ въ ротъ и съѣлъ. Однажды увидѣли они очень красивую женщину въ коляскѣ и нѣсколько разъ чрезвычайно настойчиво спрашивали, кто она такая. Имъ отвѣчали, что это жена врача. Вечеромъ, вернувшись домой, первый посолъ заявилъ, что онъ чувствуетъ сильную боль, говоря, что болитъ плечо, что поэтому желалъ бы позвать того врача. Когда же врачъ былъ приглашенъ, посолъ не хотѣлъ позволить себя лѣчить, объявивъ, что пойдетъ къ нему на домъ, и потомъ назойливо старался войти въ домъ доктора. Послѣдній, понявъ дурныя намѣренія посла, не позволилъ ему войти. Тогда посолъ началъ шумѣть, и большаго труда стоило сдержать его. Имъ очень нравились красивыя женщины, и на нихъ они издержали много штукъ соболей.

Кто навѣщаетъ пословъ и заходитъ къ нимъ, долженъ пить водку большими стаканами.

Они мало выходятъ изъ дому, а когда выходятъ, то одѣваются очень торжественно, съ большими молитвами и церемоніями, и водятъ съ собой всегда своего священника, съ ковчегомъ на шеѣ, и велятъ оказывать ему повиновеніе и почтеніе, а если кто отказывается выказывать передъ священникомъ наружные знаки почтенія, того они, согласно ихъ обычаямъ, бранятъ.

Возятъ они съ собой смѣшной багажъ, а именно пустые ящики, пустыя бочки, говоря, что путешествовать съ большимъ багажемъ—признакъ величія; поэтому они нагружаютъ пятнадцать судовъ, чтобы перевезти вещи во Флоренцію; но можетъ быть оставятъ багажъ здѣсь, когда узнаютъ, сколько будетъ стоить везти его на мулахъ.

Въ Ливорно были даны два балета. Имъ понравилось второе представленіе, которое ихъ (просто) ошеломило, такъ какъ устроитель спектакля заготовилъ большое количество дублоновъ по 2, по 4, по 6 и по 12 и также множество дублоновъ по 1; съ этими монетами играли женщины великолѣпно, хотя объяснялись только знаками, и каждая сказала не болѣе трехъ или четырехъ разъ: «grazie». Все это, конечно, не было понято московитами, которые были въ изумленіи, увидѣвъ столько золота на сценѣ; поэтому они поспѣшили отказаться отъ спектакля изъ опасенія, какъ бы не потерпѣть какого-нибудь ущерба, будучи мало опытными и несвѣдущими.

Во Флоренціи (посольство) ожидали въ понедѣльникъ или во вторникъ. Они будутъ приняты, какъ королевскіе послы, содержаніе ихъ будетъ на государственный счетъ. Встрѣчены они будутъ у воротъ дворца великаго герцога пальбой изъ пушекъ со всѣхъ крѣпостей, и

дана будетъ смѣшная комедія болѣе для глазъ, нежели для ушей, и будетъ данъ большой балъ, такъ какъ имъ эти развлеченія нравятся больше, чѣмъ другое».

По догадкамъ издателя, монсиньора Carini, авторомъ описанія посольства былъ человѣкъ изъ народа, сициліецъ по происхожденію (на что указываетъ діалектъ), лично наблюдавшій московскихъ гостей въ Ливорно. Кромѣ того, по нѣкоторымъ соображеніямъ, издатель предполагаетъ, что документъ относится къ первой половинѣ XVII вѣка. Что же касается до другихъ вопросовъ, напримѣръ: что это было за посольство, съ какой цѣлью оно посѣтило Италію, каковъ былъ результатъ его—объ этомъ монсиньоръ Carini ничего не сообщаетъ въ своихъ комментаріяхъ. Зато онъ считаетъ удобнымъ, по поводу приведеннаго источника, «напомнить» вкратцѣ о сношеніяхъ Рима съ русскимъ правительствомъ. Свое изложеніе онъ основываетъ на сочиненіяхъ: Margeret (L'Etat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie. Paris. 1821 г.; Cilli—Historia di Moscovia; Карамзина и даже Соловьева; однако, главными авторитетами для автора служатъ, повидимому, Theiner и Pierling—Le Saint Siège, la Pologne et Moscou. Paris. 1885.

Въ какомъ свѣтѣ излагаются M. Carini всѣмъ извѣстные факты, показываютъ слѣдующія слова, которыми заканчивается предисловіе къ любопытному описанію посольства. Упомянувъ о перепискѣ Петра Великаго съ папой Климентомъ XI, по вопросу объ общемъ походѣ противъ турокъ, о неудачной попыткѣ этого папы—добиться сліянія церквей; объ уничтоженіи, наконецъ, патріаршества въ Россіи, авторъ дѣлаетъ заключеніе: «Такимъ образомъ, церковь русская, вслѣдствіе новаго своего устройства, превратилась какъ бы въ тѣло съ тремя головами, которыми являются ея три первые чина (митрополиты: московскій, кіевскій и новгородскій, члены Святѣйшаго Сунода), причемъ истинной главой остается одинъ только царь. Тогда какъ, еслибы—пишетъ Theiner—Россія отозвалась на радушный призывъ участвовать на общемъ пиру христіанскаго міра, слившись тѣсно съ матерью-церковью, она пріобрѣла бы свою цивилизацію нѣсколькими вѣками ранѣе, и не было бы пролито столько крови, и польскіе епископы, въ продолженіе ста и болѣе лѣтъ, не мочили бы своими слезами суровыхъ и ледяныхъ дорогъ Сибири!..» Какъ эти мысли вяжутся съ разсказомъ о московскихъ послахъ XVII вѣка—трудно сказать; но что онѣ характеризуютъ направленіе «Сборника» въ отношеніи Россіи—это безспорно. Если же имѣть въ виду, что въ богатѣйшихъ рукописями «апостольскихъ архивахъ» — т. е. въ Ватиканской библіотекѣ, въ папскомъ тайномъ архивѣ—найдется не мало еще любопытныхъ и, дѣйствительно, цѣнныхъ документовъ касательно всѣхъ го-

сударствъ, то становится крайне прискорбно, что почтенная редакція «Ватиканскаго Сборника» руководствуется какъ въ своихъ комментаріяхъ, такъ, пожалуй, и въ выборѣ сыраго матеріала иными какими-нибудь мотивами, а не исключительно желаніемъ пролить свѣтъ на прошлое и тѣмъ способствовать великому дѣлу—возстановленію и распространенію исторической истины.

К. Шварсалонъ.

3-го марта 1893 г.
Спб.

КЪ ИСТОРІИ КРУТИЦЪ ВЪ МОСКВѢ.

Крутицкая архіерейская каѳедра одна изъ древнѣйшихъ въ русской церкви. Основаніе ея относится ко времени татарскаго владычества. Митрополитъ Кириллъ II въ 1261 году рукоположилъ епископа Митрофана и назначилъ ему мѣстопребываніе въ Золотой Ордѣ, въ ея столицѣ Сарай. Отсюда епископы, имѣвшіе пребываніе въ Ордѣ, стали называться сначала только сарскими, а потомъ сарскими и подонскими (отъ рѣки Дона). Около двѣнадцати сарскихъ епископовъ жили на Дону. Въ половинѣ XV вѣка, послѣ прекращенія существованія Орды, владыки сарайскіе переселились въ Москву и тамъ устроили себѣ постоянное мѣстопребываніе на Крутицахъ. Отъ новаго мѣстопребыванія епископы сарайскіе стали называться крутицкими; живя здѣсь, сдѣлались ближайшими помощниками и викаріями московскихъ митрополитовъ и патріарховъ. Одновременно съ учрежденіемъ патріаршества (въ 1589 г.) крутицкіе владыки получили санъ митрополита. Этотъ высокій санъ преемственно носили четырнадцать крутицкихъ владыкъ; изъ нихъ шесть и погребены на Крутицахъ. Послѣднимъ митрополитомъ, похороненнымъ въ Крутицкомъ архіерейскомъ домѣ, былъ Трифиллій (по фамиліи Иниховъ), хиротонисанный 20-го іюля 1699 года и скончавшійся 28-го іюня 1702 года. А всего на Крутицахъ похоронено, въ разное время, болѣе пятнадцати архіереевъ. Съ 1711 года крутицкіе владыки, до самаго уничтоженія крутицкой архіерейской каѳедры, носили титулъ то епископовъ, то архіепископовъ. Послѣднимъ епископомъ, умершимъ на Крутицахъ, былъ Иларіонъ Григоровичъ (съ 1748 г.), умершій 3-го декабря 1760 года. Послѣ смерти Иларіона, на Крутицахъ святительствовали еще четыре епископа, изъ которыхъ послѣднимъ былъ (съ 1782 г.) Амвросій Подобѣдовъ, въ мартѣ 1785 года переведенный въ Казань съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, и умершій на покоѣ, въ Новгородѣ, въ санѣ митрополита въ 1818 году. Съ 1785 года, до самаго закрытія крутицкой епархіи, въ 1788 году, ею управляла Московская сѵнодальная контора.

Указомъ императрицы Екатерины II, даннымъ Сvноду 6-го мая 1788 года, Крутицкая епархія была закрыта, и бывшій архіерейскій домъ, на Крутицахъ, Высочайше повелѣно было передать изъ духовнаго вѣдомства въ вѣдомство московскаго главнокомандующаго. По распоряженію П. Д. Еропкина, занимавшаго тогда этотъ постъ, Крутицкій архіерейскій домъ назначенъ былъ для помѣщенія въ немъ, формировавшагося тогда, гусарскаго эскадрона, а вскорѣ затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ и приспособленій, совершонныхъ на счетъ городскихъ суммъ, въ Крутицкомъ архіерейскомъ домѣ получила помѣщеніе Московская полицейская команда. Съ этого времени Крутицкій архіерейскій домъ сталъ называться Крутицкими казармами.

Благочестивымъ москвичамъ сильно не нравилось обращеніе архіерейскаго дома въ казармы. Время отъ времени происходили гласныя о томъ заявленія, принимавшія иногда оффиціальный характеръ и подававшія поводъ къ перепискѣ.

Въ 1806 году, монахиня Московскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, Нектарія, урожденная княжна Хованская, просила государя Александра I объ обращеніи Крутицкаго дома въ богадѣльню, для убѣжища въ немъ несчастныхъ женщинъ, удаляющихся отъ свѣтской жизни, которыя, живя въ ономъ, могли бы своими трудами снискивать себѣ пропитаніе и содержать самый домъ.

Монахиня Нектарія, вѣроятно, имѣла солидныя связи въ Петербургѣ, и ей удалось чрезъ вдовствующую императрицу Марію Θеодоровну подать на Высочайшее имя прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!

Многія женскаго пола души находятся при душеспасительномъ расположеніи и въ семъ благочестивомъ расположеніи отъ міра и суетъ его желаютъ удалиться и себя пріуготовить къ монашескому житію, но по важности онаго, еще не искусивъ себя, въ оное вступить не дерзаютъ. На сіи благочестіемъ расположенныя души, призри, Всемилостивѣйшій Государь, милостивымъ окомъ, яко чадолюбивый отецъ благоволи для сего древній въ Москвѣ, освященный Богомъ архіерейскій, гдѣ и ихъ мощи опочиваютъ, домъ упраздненный Крутицкій, дабы устроить его хотя яко домъ богадѣльный на общежитіе содержащихъ женскаго пола души, препоруча его въ главное устроеніе и распоряженіе архипастырю нашему преосвященнѣйшему митрополиту московскому, а содержаніе онѣ свое нужное будутъ снискивать своими маломощными трудами и оный домъ содержать, и симъ общимъ, а для бѣдныхъ спокойнымъ состояніемъ и свободнымъ отъ мірскихъ суетъ житіемъ могутъ достигнуть просвѣщенія ума и отъ навыка добродѣтельной жизни совершеннаго спасенія душамъ своимъ, а потому и будутъ молить непрестанно Всевышняго о здравіи и спасеніи Вашего Императорскаго Величества и всего Вашего августѣйшаго дома. Мы уповаемъ несумнительно, что Ваше Императорское Величество, устрояя въ Москвѣ многія для больныхъ и бѣдныхъ тѣломъ съ довольнымъ на нихъ содержаніемъ мѣста, не презрите сію нашу мольбу, которая ничего не ищетъ и ничего не требуетъ, какъ

одного спокойствія души и вѣчнаго ея спасенія. А мѣсто Крутицкое, яко чрезъ пятьсотъ лѣтъ бывъ занимаемо духовными и архіерейскими особами, кажется весьма пристойно и для бѣдныхъ сего града желательно, чтобы оное духовными и спасенія желающими было занимаемо.

Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая монахиня Нектарія, московскаго дѣвичьяго Рождественскаго монастыря, рожденная княжна Хованская".

18-го октября 1806 года.

Для того, чтобы еще болѣе обезпечить себѣ успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, монахиня Нектарія, зная хорошо, что ея прошеніе передано будетъ на разсмотрѣніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, князя А. Н. Голицына, обратилась къ одной дамѣ, нѣкоей Аннѣ Васильчиковой, пользовавшейся благоволеніемъ сѵнодальнаго оберъ-прокурора, съ просьбою посодѣйствовать ей въ ея дѣлѣ и расположить въ ея пользу князя Голицына. А. Васильчикова писала князю Голицыну:

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, князь
Александръ Николаевичъ!

Зная Вашу добродѣтельную душу и состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ и на опытѣ получая исполненія Вами моихъ просьбъ, и нынѣ Васъ покорнѣйше прошу постараться выполнить просьбу монахини Нектаріи, рожденной княжны Хованской, поданную нынѣ вдовствующей императрицѣ; такъ какъ духовное то дѣло, непремѣнно просьба къ Вамъ сойдетъ, о н а я ж е о б щ е е ж е л а н і е м н о г и х ъ в з я л а н а с е б я подать по ревностному своему усердію къ несчастнымъ. Я же имѣю честь ее Вамъ рекомендовать въ милость Вашу, такъ какъ мнѣ довольно знакомую и жизни духовной мнѣ извѣстную. А я затѣмъ остаюсь въ ожиданіи Вашего о семъ попеченія къ Вашему Сіятельству съ истиннымъ и отличнымъ почтеніемъ покорнѣйшею услужницею

Анна Васильчикова".

Дѣйствительно, государь прошеніе Нектаріи сдалъ на разсмотрѣніе князя Голицына, который, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, обратился съ запросомъ къ московскому митрополиту Платону и спрашивалъ его мнѣнія относительно просьбы Нектаріи.

10-го декабря 1806 года митрополитъ Платонъ писалъ князю Голицыну:

„Сіятельнѣйшій князь, Александръ Николаевичъ,
Милостивый Государь!

По случаю просьбы монахини Нектаріи, урожденной княжны Хованской, требуете, Ваше Сіятельство, отъ меня мнѣніе, и я мню, что въ быломъ Крутицкомъ архіерейскомъ домѣ, существовавшемъ около пятисотъ лѣтъ, сихъ набожныхъ и спокойствія въ молитвахъ и въ спасеніи души своея ищущихъ учрежденіе, на основаніи ихъ просьбы, будетъ возставлено, то таковымъ, Всемилостивѣйшій Государь, мудрымъ снисхожденіемъ и просительницамъ, но я думаю и с а м о й п у б л и к ѣ м о с к о в с к о й б л а г о в о л и т ъ д о с т а в и т ь в е л и к о е у д о в о л ь с т в і е и заставитъ всегда прославлять

свое милосердіе. Что же подлежитъ до свѣдѣнія моего о просьбѣ сей, то мнѣ о ней нѣсколько было не безъизвѣстно. Впрочемъ, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства, Милостивый Государь,
усердный богомолецъ и слуга
Платонъ, митрополитъ московскій".

Князь Голицынъ, судя по ходу дѣла, самъ расположенъ былъ въ пользу ходатайства монахини Нектаріи и подкрѣпилъ его мнѣніемъ московскаго митрополита. 26-го іюня 1807 года онъ доложилъ дѣло Нектаріи государю, который не уважилъ ходатайства и не соизволилъ передать Крутицы въ духовное вѣдомство. Мало того, монахинѣ Нектаріи, чрезъ московскаго митрополита, сдѣлано замѣчаніе, что она не имѣла права, минуя свое начальство, утруждать государя императора.

Лѣтомъ, 1816 года, вновь возникла переписка по поводу Крутицкаго дома, поводъ къ которой подалъ самъ главнокомандующій города Москвы, А. П. Тормасовъ. Онъ, безъ всякаго сношенія съ духовнымъ начальствомъ, распорядился-было разобрать домовую церковь бывшихъ крутицкихъ владыкъ для того, чтобы на освободившемся мѣстѣ построить конюшни. Распоряженіе вполнѣ неразумное и, кромѣ того, крайне обидное для религіознаго чувства. Какъ-будто на Крутицахъ не нашлось никакого другаго мѣста для конюшенъ, что для устройства нихъ нужно было жертвовать и древнею церковью, и гробницами, по меньшей мѣрѣ, пятнадцати архіереевъ. На бѣду главнокомандующаго, при разборкѣ церкви нѣкоторые склепы похороненныхъ въ нихъ епископовъ открылись. Заговорила вся Москва.

Управляющій московской митрополіей, архіепископъ дмитровскій Августинъ [1]), счелъ нужнымъ сообщить о событіи на Крутицахъ синодальному оберъ-прокурору.

Отъ 17-го іюля 1816 года, преосвященный Августинъ писалъ князю Голицыну:

„Сіятельнѣйшій князь,
Милостивый благодѣтель мой!

Съ 3-го числа сего мѣсяца, по отбытіи моемъ въ Троицкую Сергіеву лавру, Москва наполнилась слухами, якобы открылись нетлѣнныя мощи въ бывшемъ архіерейскомъ Крутицкомъ домѣ. Случай къ таковымъ слухамъ подало то, что господинъ главнокомандующій, его высокопревосходительство Александръ Петровичъ Тормасовъ, не задолго предъ тѣмъ, безъ всякаго ко мнѣ отношенія, приказалъ разобрать бывшую архіерейскую домовую церковь во имя Воскресенія Христова, съ придѣломъ св. Николая Чудотворца. При разбираніи оной церкви и придѣла открылся гробъ покойнаго преосвящен-

---

[1]) Августинъ Виноградскій, хиротонисанъ 7-го февраля 1804 года во епископа дмитровскаго, викарія московскаго; съ 30-го августа 1814 года архіепископъ дмитровскій, съ 19-го февраля 1818 года архіепископъ московскій; умеръ 3-го марта 1819 года и погребенъ въ Сергіевой лаврѣ.

наго Иларіона, скончавшагося въ 1760 году, что явствуетъ изъ надписи надъ нимъ. Такъ же открылись надписи надъ гробами слѣдующихъ преосвященныхъ: епископа Евфимія, преставльшагося въ 7007 (1499) году; а по пренесеніи мощей его погребеннаго на семъ мѣстѣ въ 7052 (1544) году, епископа Симеона, преставльшагося въ 7091 (1582) году, митрополита Геласія, преставльшагося въ 7110 (1601) году, епископа Досифея, преставльшагося въ 7052 (1544) году.

Нѣкоторые изъ любопытства опускались въ тотъ склепъ, гдѣ стоитъ гробъ вышеупомянутаго преосвященнаго Иларіона; рвали бархатъ, которымъ обитъ гробъ; снимали самую крышку съ гроба, видѣли въ немъ митру и останки, по увѣренію нѣкоторыхъ, предающіеся тлѣнію.

Его высокопревосходительство, Александръ Петровичъ, предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на Крутицы, для освидѣтельствованія открывшагося гроба; но я отказался, потому что таковое свидѣтельство болѣе надѣлало бы шуму; а, напротивъ, просилъ его, чтобы задѣлали всѣ отверстія къ тѣмъ склепамъ, въ коихъ почиваютъ вышесказанные святители, что и сдѣлано. Но слухи еще не умолкають. Много толкуютъ о томъ, что въ семъ мѣстѣ, гдѣ былъ монастырь и каѳедра архіерейская, существовавшая въ продолженіи 527 лѣтъ; и гдѣ по вѣроятности покоятся прахи не только сихъ, о коихъ по надписямъ извѣстно, но и другихъ россійскихъ святителей [1]), строятъ конюшни.

16-го сего числа сего мѣсяца, господинъ оберъ-полиціймейстеръ, Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, отъ имени его высокопревосходительства, Александра Петровича, предложилъ мнѣ, чтобы надъ гробами вышеупомянутыхъ архіереевъ воздвигнуть обелискъ, и въ ономъ помѣстить тѣ надписи, кои находятся надъ гробами ихъ, дабы тѣмъ успокоить ропщущій народъ. Я отвѣтствовалъ, что нахожу нужнымъ отнестись о семъ къ Вашему Сіятельству, и буду просить наставленія, какъ поступить въ семъ случаѣ.

Почему, обращаясь къ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу снабдить меня наставленіемъ Вашимъ, что лучше и приличнѣе сдѣлать по сему предмету. Мнѣ кажется, что обелискъ поставить не прилично; да и мнѣніе народное о мощахъ оныхъ не только симъ не истребится, но паче умножится. Довольно, думаю я, надъ каждымъ изъ упомянутыхъ покойныхъ архіереевъ положить надгробные камни. Но болѣе бы успокоился и удовольствовался народъ, коли бы въ ономъ Крутицкомъ бывшемъ монастырѣ, вмѣсто конюшень и казармъ, устроена была или больница, или духовное училище.

Прилагаю при семъ списокъ съ надписей надгробныхъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Вашего Сіятельства, милостиваго благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга, Августинъ, архіепископъ дмитровскій".

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода, князь Голицынъ, написалъ московскому главнокомандующему, Тормасову, чтобы онъ остано-

[1]) Дѣйствительно, здѣсь кромѣ указанныхъ владыкъ погребены еще слѣдующіе крутицкіе владыки: Трифонъ († 1507 года), Савва († 1554 года), Нифантъ († 1558 года), Галактіонъ († 1568 года), Павелъ I († 1636 года), Серапіонъ († 1653 года), Павелъ II († 1675 года), Варсанофій († 1688 года), Трифиллій († 1702 года). Строевъ, „Списки іерарховъ", 1033—1038.

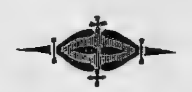
вилъ постройку конюшенъ на мѣстѣ, гдѣ была домовая церковь на Крутицахъ, а надъ гробами похороненныхъ патріарховъ, согласно съ мнѣніемъ преосвященнаго Августина, поставилъ камни, съ соотвѣтствующими надписями.

Одновременно съ сообщеніемъ Тормасову, князь Голицынъ писалъ и преосвященному Августину, и поручалъ ему снестись съ московскимъ главнокомандующимъ по вопросу о томъ, не согласится ли онъ передать Крутицы, какъ древнюю архіерейскую каѳедру и многовѣковую церковную собственность, въ духовное вѣдомство; тогда, по мнѣнію сѵнодальнаго оберъ-прокурора, всѣ возникшіе въ народѣ толки прекратились бы. Но московскій главнокомандующій, на отношеніе къ нему преосвященнаго Августина, отвѣтилъ, что онъ несогласенъ возвратить Крутицы въ духовное вѣдомство, потому что онѣ необходимо нужны для драгунскихъ командъ, и что для послѣднихъ много уже устроено на Крутицахъ. Причемъ А. П. Тормасовъ увѣрялъ и успокоивалъ преосвященнаго Августина, что онъ домовую архіерейскую церковь разбирать не будетъ и никого въ ней помѣщать не намѣренъ, а что камни на гробахъ похороненныхъ тамъ архіереевъ будутъ положены.

Преосвященный Августинъ увѣдомилъ князя Голицына объ отвѣтѣ главнокомандующаго. Князь Голицынъ поручалъ Августину воспользоваться пріѣздомъ государя въ Москву и лично переговорить съ нимъ по дѣлу о Крутицахъ. Но въ пріѣздъ государя въ Москву Августину, къ сожалѣнію, не представилось удобнаго случая въ разговорѣ съ государемъ коснуться вопроса о Крутицахъ, которыя и до сихъ поръ остаются потерянными для духовнаго вѣдомства.

Священникъ **В. Жмакинъ**.

10-го февраля 1893 г.
Спб.



ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

Соликамскія преданія [1]).

I.

Бритье бородъ.

Весной 1705 года, въ Соликамскъ посланъ указъ о бритьѣ бородъ и перемѣнѣ русскаго платья на нѣмецкое. Долго размышлялъ соликамскій воевода о томъ, какъ объявить горестную новость подчиненнымъ, главное—какъ добиться, чтобъ воля его царскаго величества не осталась неисполненною; наконецъ, рѣшилъ: огласить законъ въ церкви, да тутъ же и покончить дѣло.

Дождавшись перваго воскресенья, градоначальникъ шлетъ жителямъ Соликамска повѣстку явиться къ обѣднѣ въ соборъ: есть-де отъ двора государева указъ такой, который должны выслушать всѣ, и послѣ невѣдѣніемъ его отнюдь себя не оправдывать. Граждане поспѣшили въ храмъ. Когда обѣдня кончилась, воевода велитъ народу пріостановиться, самъ всходитъ на амвонъ и громко прочитываетъ роковую бумагу, за подписью «Петръ». Ужасъ объялъ православныхъ, свѣдавшихъ, чего требуетъ императоръ. «Послѣдніе годы! послѣдніе годы!» шептали между собой старики, покачивая головами и, хотя не говорили, но думали: «нѣтъ, пускай въ нашемъ животѣ и смерти будетъ воленъ великій государь, но не покоримся обычаю еретиковъ!» Но срокъ исполненія указа былъ уже близокъ. Лишь только огорченная толпа поворотила изъ церкви, какъ вдругъ встрѣтила задержку. Солдаты, заранѣе поставленные здѣсь, схватываютъ каждаго взрослаго мужчину: одинъ изъ стражей держитъ бѣдняка за руки, другой остригаетъ ему усы и бороду, третій, припавши внизъ, обрѣзываетъ полы кафтана, выше колѣнъ. Картина была по-истинѣ жалостная! У рѣдкихъ жертвъ достало смѣлости оборонять свое лицо и платье; большая часть несчастныхъ, не обращая вниманія на гибель наряда, торопились

---

[1]) Изъ бумагъ Ѳ. А. Прядильщикова, пермскаго старожила и лѣтописца.

ловить валившіеся изъ-подъ ножницъ клочья волосъ и прятали ихъ за пазуху. При видѣ остриженныхъ отцовъ и мужей, дѣти и жены подняли страшный вой, словно надъ покойниками, и возвратъ семействъ въ дома уподобился похоронному шествію.

Многіе изъ соликамцевъ, сохранивъ остатки бородъ до дня своей кончины, завѣщали положить поруганную святыню, вмѣстѣ съ ними, въ гробы. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

II.

Соликамскій воевода и разбойники.

Въ одинъ изъ 1730 годовъ окрестности Соликамска до того наводнились шайками разбойниковъ, что не стало отъ нихъ пропуска по дорогамъ ни конному, ни пѣшему; даже села и деревни нерѣдко были ограбляемы среди бѣлаго дня. Житье и въ городѣ сдѣлалось небезопаснымъ. Вынужденный крайностью обстоятельствъ, воевода рѣшился лично поискать злодѣевъ. Онъ сталъ во главѣ отряда, состоявшаго изъ десятковъ двухъ инвалидовъ, на-половину калѣкъ, и сотни городскихъ и сельскихъ обывателей, вооруженныхъ чѣмъ попало. Всѣ соликамцы чаяли побѣды и одолѣнія супостатовъ; самъ предводитель отряда, едва-ли не больше другихъ, надѣялся на успѣхъ своего предпріятія.

Дѣло было подъ осень. Взявши съ собой достаточное количество съѣстнаго и промочительнаго, рать выступила за городъ около полудня и къ вечеру дошла до камскаго перевоза,—значитъ, отмахала чуть-ли не десять верстъ! Здѣсь было рѣшено остановиться бивуакомъ. Видно, и тогда держались пословицы: «тише ѣдешь—дальше будешь». Освободясь отъ доспѣховъ, простые ратники развели огни, сварили кашицу, похлебали и затѣмъ полегли спать на полянѣ. У главнаго костра происходилъ ужинъ всѣхъ мало-мальски чиновныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы. Выпивка и закуска затянулись едва не до первыхъ пѣтуховъ. Много господа ѣли и пили, а болтали и того болѣе. Подгулявшій командиръ велъ громкую рѣчь о разбойникахъ, ругалъ ихъ на-чемъ свѣтъ стоитъ, грозился до одного переловить и перевѣшать. Свита поддакивала. Наконецъ, компанія, сотворя молитву, улеглась и вскорѣ заснула крѣпко, сладко, точно на домашнемъ ложѣ. Никто не позаботился учредить караулъ.

На грѣхъ, отрядъ разбойниковъ, человѣкъ до сорока, скрылся въ сосѣднемъ перелѣскѣ, откуда могъ не только видѣть бивуакъ, но и слышать брань, которою его тамъ осыпали. «Хорошо, други!» говоритъ атаманъ, «кушайте во здравіе, да намъ, голоднымъ, оставьте что-нибудь; а какъ легко ловить и казнить вольныхъ молодцовъ—попытайтесь!» Давши противникамъ разоспаться, злодѣи подкрались къ нимъ, овладѣли, прежде всего, ружьями, по-

томъ пинками разбудили хмѣльнаго воеводу и связали. Нѣкоторые изъ солдатъ и мужиковъ вскочили-было на ноги, съ цѣлью обороняться, но храбрость тотчасъ исчезла въ смѣльчакахъ, когда сдѣлано было разбойниками нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ. «Ложись на земь!» крикнули побѣдители, и трусы растянулись на полянѣ, словно убитые. Начальникъ провинціи и его штабъ почитали этотъ моментъ послѣднимъ въ жизни.

Атаманъ спрашиваетъ плѣнника: «какъ же, твое почтеніе, хвасталъ, что всѣхъ насъ поймаешь и злой смерти предашь?» Несчастный молчалъ. Долго издѣвались бродяги то надъ нимъ, то надъ его свитой: поносили особу правителя непристойными словами, давали пощечины тѣмъ, кого знали съ дурной стороны, стращали прицѣломъ въ нихъ изъ фузеи, словомъ, потѣшались сколько было угодно душѣ. Въ заключеніе атаманъ произноситъ приговоръ. «Ты», говоритъ онъ воеводѣ, «ты хотя иногда и держалъ нашу братью въ колодахъ, однакожъ, знаемъ по слухамъ, пыталъ не люто и кормами не обижалъ. Ну, за это будешь живъ, а за похвальбу и давишнюю брань дадимъ тебѣ память». Варвары обнажили бѣдняжку, приказали лечь на полянѣ и больно высѣкли таловымъ прутьемъ. Свитѣ тоже досталось въ свою очередь.

По окончаніи расправы, разбойники взяли себѣ лучшія ружья ратниковъ, платье людей чиновныхъ; не забыли также прихватить недопитыя баклажки съ водкой и недоѣденные припасы, что̀ все было погружено въ лодки, заблаговременно спрятанныя въ кустарники. На прощанье атаманъ сказалъ воеводѣ: «Если опять вздумаешь искать насъ, то помни—съ живаго тебя снимемъ кожу!» Размѣстившись по лодкамъ, разбойники поплыли въ темную даль. Эсаулъ, какъ водилось у разбойниковъ, затянулъ пѣсню:

Не шуми, мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай намъ думу думати.
Ужь какъ робѣтъ на допросъ идти,
Предъ грознаго царя бѣлаго...

На слѣдующее утро партія, вмѣстѣ съ воеводой, вернулась въ Соликамскъ и была распущена, съ наказомъ—не разглашать о случившемся при перевозѣ.

III.

Случай[1]).

„Хорошо тому служить, у кого бабушка ворожитъ".

Въ царствованіе Павла, въ С.-Петербургѣ проживала одна бѣдная вдова-чиновница, обладавшая умѣньемъ гадать надъ чашкою кофе.

---

[1]) Изъ бумагъ Ѳ. А. Прядильщикова, пермскаго старожила и лѣтописца.

Однажды она приглашена была показать свои фокусы въ небогатомъ дворянскомъ домѣ, гдѣ, въ числѣ гостей, были два-три офицера. Когда дамы, охотницы до гаданья, удовлетворили свое любопытство, находившійся тутъ артиллерійскій поручикъ выразилъ желаніе знать отъ ворожеи: «что ожидаетъ его въ будущемъ?» Ворожея налила въ чашку кофе, долго глядѣла въ нее, наконецъ, отворотилась, видимо изумленная чѣмъ-то необыкновеннымъ.

— Ну, что? спрашиваетъ поручикъ,

Женщина снова посмотрѣла въ кофе и снова отворотилась, молча, съ испугомъ на лицѣ.

Поручикъ, повторивъ свой вопросъ, прибавилъ:

— Вы, сударыня, не отлагайте сказать правды; какова бы она ни была, я не струшу.

— Не смѣю говорить, робко отвѣчаетъ сивилла.

Офицеръ настаиваетъ. Наконецъ, получаетъ отвѣтъ, чуть не съ испугомъ:

— Вы будете... вы будете.. хотя и не царь, а что-то въ родѣ того...

Компанія гостей аплодировала поручику, совершенно растерявшемуся при столь оригинальномъ предсказаніи. Скрѣпя сердце, онъ тоже разсмѣялся, но продолжалъ мучить любопытствомъ бѣдную колдунью.

Прошло много лѣтъ послѣ этой сцены. Чиновница-ворожея состарилась въ нищетѣ и думала уже о другой жизни. Въ одно утро является въ ея квартиру ливрейный лакей и проситъ пожаловать, вмѣстѣ съ нимъ, къ военному министру, Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Старушка растерялась. Лакей вѣжливо повторилъ приглашеніе и старался успокоить бѣдняжку. Дѣлать было нечего, старуха собралась и поѣхала въ присланномъ экипажѣ.

Войдя въ пріемную министра, она рѣшительно не знала, о чемъ ей предстоитъ объясняться съ знатнымъ вельможей. Вскорѣ повели ее въ кабинетъ графа. Лишь только переступила она порогъ, сидѣвшій у письменнаго стола графъ самъ милостиво заговорилъ:

— Здравствуй, старая знакомка!

Старуха поклонилась, въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ.

— А помните ли? какъ вы ворожили въ домѣ у такихъ-то?

— Извините, ваше сіятельство, не могу привести себѣ на память этого случая.

— Ну, да дѣло не въ томъ, скажите-ка, имѣете ли вы какое-нибудь состояніе?

Ободренная ласкою, чиновница созналась въ своей крайней бѣдности, но отъ просьбы о помощи удержалась.

— Вотъ что вамъ предложу, сказалъ Аракчеевъ:—переходите ко мнѣ въ домъ, получите здѣсь комнату, столъ—и живите себѣ покойно.

Старуха залилась слезами и готова была упасть въ ноги благодѣтелю.

— Не плачьте, не плачьте! Еще спрошу васъ: имѣете вы родныхъ?

— Имѣю, ваше сіятельство, одного только внука, молодаго человѣка, ко-

торый обучался въ горномъ корпусѣ, а нынѣ служитъ по горной части въ Перми.

— Какую онъ занимаетъ должность?

— Находится, пишетъ мнѣ, въ канцеляріи бергъ... бергъ-инспектора—извините, не умѣю назвать...

— Хорошо, я позабочусь и о немъ.

Старуха снова начала плакать и благодарить за милости.

Черезъ нѣсколько дней старая ворожея переселилась къ благодѣтелю и поступила подъ покровительство сожительницы графа, пресловутой Настасьи.

Въ 1822 году пермскій бергъ-инспекторъ, Андрей Терентьевичъ Булгаковъ, получаетъ изъ Петербурга письмо такого содержанія: «въ канцеляріи Вашей, милостивый государь, состоитъ на службѣ практикантъ горнаго корпуса Соломірскій. Примите участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка, я прошу Васъ, и дайте ему классную должность, какую онъ по способностямъ и поведенію заслуживаетъ». Подписано: «графъ Аракчеевъ». Булгаковъ едва опомнился при видѣ подписи (такъ былъ всѣмъ страшенъ Аракчеевъ). Соломірскій немедленно потребованъ на-лицо и спрошенъ: какимъ образомъ онъ извѣстенъ военному министру? Практикантъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что никогда и ни чрезъ кого не могъ быть извѣстенъ графу Аракчееву.

Здѣсь кстати сказать, что потомки Соломірскаго, внука ворожеи, сдѣлались впослѣдствіи богатѣйшими заводчиками въ Пермской губерніи. Такъ имъ и до настоящаго, кажется, времени принадлежатъ громадные многіе большіе заводы.

Сообщилъ **М. А. Констанскій.**

IV.

Выписка изъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, къ В. Д. О столоверченіи [1])

О стологаданіи печально слышать, что многіе, какъ дѣти на новую игрушку, бросились на оное, не подумавъ, что это за-игрушка и чѣмъ кончиться можетъ игра. Раздѣляю ваше мнѣніе, что занятіе это непозволительно.

Представимъ себѣ, что сынъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, не довольствуется симъ и, встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему не дано ключа, поддѣлываетъ ключъ, и отпираетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы

[1]) Редакція не могла узнать, къ кому было адресовано письмо.

посмотрѣть, что тамъ скрыто? Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи или ворожбѣ, въ томъ числѣ и о столгаданіи, по самому простому взгляду на сіе дѣло.

Но если внимательнѣе посмотримъ на опыты—судъ долженъ сдѣлаться строже.

Я не любопытствую; но общее любопытство, а въ нѣкоторыхъ желаніе знать истину, и отречься отъ лжи и вреда, приведены въ такое движеніе, что до меня сами собою доходятъ многія свѣдѣнія о стологадательныхъ опытахъ, и притомъ такими путями, что нельзя сомнѣваться о истинѣ сихъ свѣдѣній.

Столъ назначилъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, день въ сентябрѣ, въ который должно случиться важное происшествіе. День прошелъ – и происшествія не случилось. Что, еслибы, при вѣрѣ въ стологаданіе, вздумали сдѣлать какія-нибудь распоряженія, соотвѣтственныя предсказанному происшествію? Это необходимо кончилось бы стыдомъ; а могло кончиться и вредомъ.

Предъ однимъ страстнымъ стологадателемъ столъ оклеветалъ жену его. Теперь, говорятъ, борющійся съ подозрѣніемъ мужъ и оскорбленная жена проводятъ безсонныя ночи.

Сихъ немногихъ опытовъ довольно, чтобы понять, какъ много виновны и какъ ведутъ себя къ наказанію не покоряющіеся премудрому и благому Богу, запершему отъ насъ сокровенное и будущее и покушающіеся открыть оное поддѣльными ключами.

Но это не все. Стологадатели поняли, что дерево не можетъ понимать вопросовъ и давать сообразные съ вопросами отвѣты. Посему они спрашивали, кто имъ отвѣчаетъ, и многіе изъ нихъ получили въ отвѣтъ имена разныхъ умершихъ. Теперь спрашивается: дѣйствительно ли стологадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно, и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семъ послѣднемъ случаѣ сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена; но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ; отецъ лжи—есть діаволъ, и такъ, стологадатели должны осторожно размышлять, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и отъ кого хотятъ узнать сокровенное. Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія Великаго, относительно демоновъ: «если выдаютъ они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ».

Но если отвѣчающіе стологадателямъ суть дѣйствительно умершіе, то судъ о семъ дѣлѣ давно произнесенъ самимъ Богомъ, чрезъ пророка Моисея, въ восемнадцатой главѣ книги Второзаконія: да не навыкнеши творити по мерзостямъ языковъ тѣхъ: да не обрящется въ тебѣ очищая сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуя волхвованіемъ и чаруяй и птицеволшебствуяй, чародѣй, обовая обованіемъ, утробоволхвуяй, и знаменосмотритель и во-

прошаяй мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія; сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего (ст. 9—12). Знаютъ ли сей судъ столоволхвователи, вопрошающіе мертвыхъ? Помышляютъ ли, какому строгому осужденію подлежитъ дѣло ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которыя хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе!

Еслибы кто изъ столгадателей сказалъ, что онъ не домогается бесѣды съ мертвыми, а просто отъ стола получаетъ знаки въ разрѣшеніе вопросовъ любопытства или надобности: справедливость требуетъ сказать и сему: не правъ и ты. Ты не знаешь, кто тебѣ отвѣчаетъ, но знаешь, что дерево отвѣчать не можетъ: слѣдовательно, ты долженъ заключить, что неизвѣстный, тебѣ отвѣчающій, есть одинъ изъ тѣхъ, которые наименовали себя другимъ при подобныхъ опытахъ.

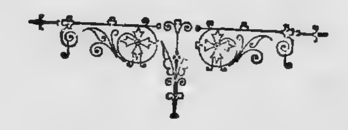
Въ четвертой главѣ Пророчества Осіи читается слѣдующее изреченіе: въ знаменіяхъ вопрошаху, и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху тѣмъ. Яснѣе съ еврейскаго: народъ мой древо свое вопрошаетъ; и жезлъ его отвѣчаетъ ему. Пророкъ показываетъ два вида гаданія: древомъ и жезломъ. Подъ именемъ древа, безъ сомнѣнія, разумѣются деревянные столы, отъ которыхъ неизвѣстными намъ пріемами получаемы были отвѣты. (Суд. XVIII, 5, 6). Очевидно, это дѣло богопротивное, какъ соединенное съ идолопоклонствомъ. Подъ именемъ жезла отвѣчающаго разумѣется гаданіе посредствомъ жезловъ, по примѣтамъ, на которую сторону они падаютъ, бывъ поставлены, или ложатся ли замѣченною стороною вверхъ или внизъ, и проч., что́ называлось жезлогаданіемъ или жезловолхвованіемъ. Хотя въ семъ второмъ видѣ гаданія не видно отношенія къ идолопоклонству, однако, онъ, вмѣстѣ съ первымъ, осужденъ пророкомъ, какъ измѣна истинному Богу: духомъ блужденія прельстишася и соблудиша отъ Бога своего. Отъ сего обвиненія не можетъ увернуться столгаданіе, какъ бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ.

Для тѣхъ, которые смотрятъ на столгаданіе, какъ на новое открытіе неизвѣстной донынѣ силы въ природѣ, и на семъ, можетъ быть, думаютъ основать для себя законное право продолжить надъ нею изслѣдованіе, небезполезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только разумнаго, но и случайнаго новаго открытія въ природѣ; они только какимъ-то образомъ пробрались въ область стараго языческаго суевѣрія. Тертуліанъ въ 23 главѣ своей апологіи христіанства, обличая мечты языческой магіи (magia phantasmata) и приписывая ихъ дѣйствію демоновъ, говоритъ: per quos et caprae et mensae divinare consveverunt: чрезъ нихъ и козы, и столы обыкновенно производятъ гаданія. Онъ только не объясняетъ, какіе пріемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ.

Скажетъ ли кто, что его столъ говоритъ нѣчто достойное принятія. Не должно и симъ прельщаться. Духъ пытливый въ отроковицѣ города Филиппова говоритъ о Павлѣ и Силѣ, повидимому, достойное пріятія: сіи человѣцы рабы Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія (Дѣян. XVI, 17); но апостолъ не только не былъ симъ доволенъ, но и не могъ перенести сего съ терпѣніемъ: онъ изгналъ духа.

Простите, что я разговорился. Для васъ сіе не нужно: но, можетъ быть, симъ возбудится ваше вниманіе, чтобы ближнему, могущему принять, подать совѣтъ премудраго: высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ себе не испытуй; яже ти повелѣна сія разумѣвай; нѣсть бо ти потреба тайныхъ. Во избытцѣхъ дѣлъ твоихъ не любопытствуй; вящшая бо разума человѣческаго показана тебѣ суть. Многи бо прельсти мнѣніе ихъ и мнѣніе лукаво погуби мысль ихъ. (Сир. III, 24).

1853 г.



Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

VII-й годъ изданія. ОБЪ ОТКРЫТІИ ПОДПИСКИ НА 1894-ый годъ

От редакціи изданій газеты

Наши подписчики въ 1894 г. получатъ ТРИ ОТДѢЛЬНЫХЪ БОЛЬШИХЪ ИЗДАНІЯ.

Газета „ПРАВДА" большое политическое, экономич., научн., общественное и литературное еженедѣльное изданіе, болѣе 700 серьезныхъ оригинальныхъ статей. Въ „Правдѣ" нѣтъ перепечатокъ. Въ каждомъ нумерѣ 18 самостоятельн. отдѣловъ. Въ годъ большихъ нумеровъ **52**

Цѣль газеты — служить національн. интерес. Россіи и славянъ и культурно-соціальн. преуспѣянію русскаго народа, осуществлять общечелов. идеи правды, добра, знанія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ.

Газета „Правда" настольный органъ серьезной трудовой интеллигенціи.

„Журналъ ПРАВДА" роскошное художественно-иллюстрированное изданіе. Масса оригин. рисунковъ, исполнен. въ лучш. артистич. завед. Европы на современ. темы, образцы шедевр. искусства, портреты, чертежи и пр. Беллетр., поэзія, туалеты, гигіена и пр. Въ г. больш. нум. **52**

Цѣль журнала — сочетать изящное съ полезнымъ, дѣйствовать на умы художественными образами и способствовать общекультурному развитію.

„Журналъ Правда" необходимый настольный органъ семьи.

„Книги ПРАВДЫ" изящное литературное и научное изданіе, заключ. крупныя произвед. литерат. и науки. Въ 1894 г. будутъ помѣщены новыя произведенія: Зола, Доде, румынской королевы Елизаветы, М. Нордау, Б. Пруса, Захеръ-Мазоха и мн. другихъ. Въ годъ книгъ **12**

Кромѣ того по примѣру прошлаго года, будутъ даны произведенія классиковъ и научное, именно: Соч. ВИКТОРА ГЮГО—2 т. Соч. ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА—2 т. Сочин. МОЛЬЕРА — 1 томъ и наконецъ, еще соч. знам. ученаго **Е. КАРО. — ПЕССИМИЗМЪ.**

Новый замѣчат. трудъ ученаго и академика Е. CARO — Le pessimisme — достоенъ «конца вѣка» — fin de siècle, заключаетъ всесторон. критику, заполонившаго европ. общест. ученія кориф. пессимизма: Леонарда, Шопенгауера, Гартмана и др.

„Книги Правды" составляютъ полезную и интересную библіотеку.

ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ замѣняютъ ежедневную политическую газету и иллюстрированные и ежемѣсячные журналы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ съ пересыл. во всѣ мѣста Имперіи: СЕМЬ р., на полгода ЧЕТЫРЕ р. Допускается разсрочка: при подпискѣ ЧЕТЫРЕ р. и въ мартѣ остальные ТРИ р.

Редакція и главная контора „Правды" при книжномъ складѣ „Правды": С.Петербургъ, набережн. Екатерининскаго канала, 102.

Издатель-Редакторъ П. Н. ПОДЛИГАЙЛОВЪ.

Книжный складъ „ПРАВДЫ" имѣетъ огромный выборъ всевозможныхъ книгъ. Цѣны внѣ конкурренціи.

Выписывающимъ книгъ на 5—20 руб скидка 5 проц., свыше 20 р. скидка 8 проц.; за пересылку уплачивается особо, по разстоянію. 2—3

Годъ 4-й.

Открыта подписка на 1894 г.

4 р. за 12 книгъ со всѣми прилож.

на ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ каждое 1-е число, — въ каждой книгѣ не менѣе 400 страницъ большаго формата.

Въ программу изданія входятъ: Романы. Повѣсти и разсказы. Драматическія произведенія. Историческій отдѣлъ. Мысли знаменитыхъ людей.

Въ 1894 году «ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться въ объемѣ предъидущихъ трехъ лѣтъ.

Годовые подписчики и по разсрочкѣ изъ казенныхъ и частныхъ учрежденій, за ручательств. гг. казначеевъ, при январьской книгѣ 1894 года получатъ безплатное **приложеніе** отдѣльн. изданіе **„Двадцатый вѣкъ“** (Электрическая жизнь), со множествомъ **иллюстрацій Робида.**

Полугодовые подписчики получатъ означенное приложеніе лишь при возобнов. подписки на второе полугодіе 1894 г.

Подписная цѣна на 1894 годъ прежняя:

съ доставкою и пересылкою **4 рубля**, безъ доставки и пересылки **3 руб. 50 коп.**

Пробные №№ высылаются за 50 коп. марками.

Гг. служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежден. пользуются разсрочкою, за поручительствомъ гг. казначеевъ или завѣдующихъ подпиской.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи «Вѣстника Иностранной Литературы» Гостин. дв., Зеркальн. лин., № 63, Магаз. П. Ѳ. Пантелеева (прот. Пажеск. Корп.) въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровск. лин. и въ книжн. магазинѣ «Новаго Времени», а гг. иногородные благов. адресоваться въ редакцію журнала, С.-Петербургъ, Верейская улица, соб. домъ № 16.

Подписка на 1893 годъ продолжается по той же цѣнѣ.

Многимъ изъ нашихъ гг. подписчик. неизвѣстно, что за пересылку періодич. изд. существ. Высочайше утвержден. такса, значительно пониженная противъ почт. таксы на перес. книгъ и друг. вещей. посылк. или бандер., на основаніи которой за пересылку нашего журнала во всѣ мѣста Россіи взимается 10% съ подписн. цѣны, что состав. 40 к. за 12 кн. «Вѣстника», но право это дается всѣмъ редак. только на срокъ съ 1 янв. по 31 дек. кажд. текущ. года, и съ наступл. 1 янв. нов. года за перес. книгъ предъид. года, а также и прежн. лѣтъ, взим. уже не 10% съ под. цѣны, а по вѣсу и разстоян. По такому разсч. за перес. 12 кн. «В. И. Л.» приход. плат. при разст. отъ Петерб. до 500 вер. 1 р., отъ 501 до 1000 в.—2 р., а свыше 1000 в.—3 р., что и вынудило контору редак. назнач. за перес. «Вѣстника» 1891 и 1892 гг., при разстоян. отъ СПб. свыше 500 в. особую плату, но такъ какъ такое же обстоят. повтор. и въ будущ. 1894 г. для книгъ за 1893 г., то въ интересахъ гг. подписч., желающ. получ. журн. за 1893 г. за 4 р., рекомен. имъ своевр. озаботиться подпиской, чтобы мы имѣли возможность выслать книги за 1893 г. до наступленія 1 янв. 1894 г.

Кромѣ того, можно пріобрѣтать безъ достав. и перес.: въ конторѣ журн., СПб., Гостин. дв., магазинъ П. Ѳ. Пантелеева, № 63,—за 3 р. 50 к.; въ МОСКВѢ, въ конторѣ Печковской и въ книжныхъ магазин. «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Карбасникова — въ Москвѣ и Варшавѣ, М. О. Шаха — въ Кишиневѣ и М. И. Николадзе—въ Батумѣ за 4 руб. каждый годовой комплектъ. 3—3

Редакторъ Ѳ. И. БУЛГАКОВЪ. **Издатель Г. Ф. ПАНТЕЛЕЕВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIV годъ. **ОСКОЛКИ** годъ XIV.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 №№ въ годъ), иллюстриров. юмористич. журн. «ОСКОЛКИ» съ каррикатурами, вступая въ **четырнадцатый** годъ своего существ., будетъ издаваться въ 1894 г. подъ той же редакц., по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1893 г. - Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большихъ иллюстр., помѣщая на своихъ стран. въ теченіе года до **1000** юмористич. и каррикатурн., худож. выполн. рисунк., какъ въ краск., такъ и черныхъ, и до **1300** юморист и сатирич. статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легк. фельет. наброск. изъ текущей жизни, разск., сценъ, шаржей, парод й, очерк., анекд., шутокъ, изреченій, каламб., шарадъ, загадокъ и пр.— Время отъ времени редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загад. **НА ПРЕМІЮ.** — Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ въ концѣ **1894 г. безплатную премію: Юморъ И. С. ТУРГЕНЕВА въ рисункахъ.**

ЦѢНА за журналъ: съ доставк. и перес. на годъ съ безпл премiей **9** р., на полгода безъ преміи **5** р., на три мѣсяца безъ преміи **3** р., за границу на годъ **10** р.; безъ достав. и пересылки: на годъ съ безпл. преміей **8** р., на полгода безъ прем. **4** р. **50** к., на три мѣсяца безъ прем. **2** р. **50** к.— За пересылку преміи приплаты *не полагается.* — Допускается разсрочка подписной платы черезъ гг. казнач. или по личн. соглаш. подписч. съ **Главной конторой** журн. «ОСКОЛКИ». Подписавш. съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписн. суммы. — Подписка принимается: въ Главной конторѣ журн. «ОСКОЛКИ» въ Спб. (Спасская ул., д № 17)

2—3 *Редакторы-Издатели:* Н. ЛЕЙКИНЪ и Р. ГОЛИКЕ.

Открыта подписка на 1894 годъ на ежедневную политическую общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылк. въ другіе города

на годъ — 7 рублей.

Подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою по 1 р. въ мѣсяцъ до уплаты всей суммы.

Для ознакомленія — №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чис. мѣсяца. За перемѣну адреса съ иногородн. 25 к., обязательно сообщать прежній адресъ.

Плата за объявленія: за строку петита, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, въ 1-й разъ 10 к., а въ слѣдующіе разы 5 к. На 1-й страницѣ вдвое дороже. За 20 до 100 разъ, уступка отъ 10% до 40%. За объявл судебн. пристав. о публичн. продаж по 1 руб. 50 к. за одинъ разъ. За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р.—за 75, 4 р.—за 38, и 2 р. за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отд. объявл. и пр. 5 р съ 1000 экз. или 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и пріемъ объявленій въ Орлѣ: въ отдѣлен. конторы при книжн. магаз., Болховская, д. Толстопятова. Въ книжн. магаз. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ Ельцѣ: исключительно у В. Е. Рощупкина, на Торговой, контора «Надежды». Въ Брянскѣ: въ библіот. М. И. Юдина. Въ Ливнахъ въ магазинѣ г-жи Черемисиновой. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

Издаваемый Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ.

Въ 1894 г. будетъ выходить въ объемѣ книжекъ 1893 г. при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ 1893 г., между прочимъ напечатано: Деревенскій эскизъ. Ив. Бунина. По спос. Коха. Очеркъ Т. Барвенковой. Въ избѣ. Разск. Ю. Безродной. Гимназ. Изъ семейн. хрон. Н. Гарина. Мечтат. Н. Н. Златовратскаго. Грѣхъ. Ром. П. В. Засодимскаго. Дѣти полка. С. В. Иллича. Голодн. г. В. Г. Короленка. Въ потьм. Пов. А. Куприна. Дама. Разск. И. Котлова. Дѣтск. тѣни. Очерки. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Карт. париж. жизни. М. Прокофьевой. Подкид. (Приск.). Гл. Успенскаго. Недораз. въ жизни. Разск. Густава-афъ-Гейерстама. Избир. Разск. Н. Кобринской. Дверь изъ слон. кости. Ром. Уальтера Безанта. Мои воспом. Д. Т. Гнѣдина. Некрас. и Салтык. Изъ посмертн. бум. Г. З. Елисеева. Изъ литературн. воспомин. Э. Греньe. Соврем. Европейск. биржа. Б. Ф. Брандта. Крит. народничества. В. В. Полноправ. сельск. общ. и безправн. сел. Н. Дружинина. Пьянство и борьба съ нимъ въ стар. Россіи. Историч. очерки Н. П. Загоскина. Народно-хозяйств. набр. Н. А. Карышева. Крестьян. хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ. М. М. Ковалевскаго. 1) Культурные скиты. 2) Культ. одиночки въ дер. С. Н. Кривенко. Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писат. и обществ. дѣятель. В. В. Лесевича. 1) О дневн. Башкирц. 2) Русск. отраж. француз. символизма. 3) Литер. и жизнь. Н. К. Михайловскаго. Г. Сементк. о русск. общ. Н. В. М. О сѣверн. дѣл. и дѣлишк. Н. В. Максимова. Француз. синдик. А. Мурашкинцева. Агроном. противн. общины. Д. Протопопова. Изъяны творч. П. П. Перцова. Очерки изъ ист. быта рабоч. на сибирск. золот. промыс. В. И. Семевскаго. 1) Въ дебряхъ метаф. 2) Ребяч. идеал. (Cogitata metaphysica Г. Волынскаго). М. М. Филиппова. 1) На Адам. верш. 2) Въ тропич. пустынѣ. 3) Въ странѣ хун-хузовъ и туман. 4) Мимоход. въ Японіи. Путев. впечат. С. Н. Южакова. О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. В. Якубовича. Какъ не слѣд. обработыв. статистич. матер. В. Г. Яроцкаго. Міръ невид. борьбы. Біологич. очеркъ П. Крылова. Біологич. очерки: Живорожд. и паразит. В. А. Фаусека. Въ прилож.: Измѣненія личн. А. Бинэ. (Перев. подъ ред. д-ра Б. В. Томашевскаго). Хроника внутрен. жизни. Хроника заграничной жизни. Новыя книги.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставк. и перес. **9** рублей. безъ доставки **8** руб., заграницу **12** руб.

Уступокъ съ подписной цѣны **никому не дѣлается**.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается разсрочка для иногородн. и городск. подписчик. съ доставкой—при подп. **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подп. **3** р., къ 1-му апр. **3** р. и 1 іюля **3** р.; для городск. подписч. безъ дост. по **1** р. въ мѣс. до 1-го сент. — Книжн. магаз., доставл. подписку, могутъ удерж. за коммиссію и перес. денегъ **40** к. съ кажд. годов. экземпляра. — Разсрочекъ подписной платы, при подпискѣ чрезъ книжн. магаз., не допускается.

Адресъ: *С.-Петербургъ, Литейный пр., 46.* 3—3

Редакторы: **П. В. Быковъ, С. И. Поповъ**

Годъ изданія 82-й.— ОТКРЫТА ПОДПИСКА —1894.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Съ ежемѣсячн., еженедѣльн. приложеніями и книжками

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ

Въ ежеднев. нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, дух. и воен. сферахъ, а также важныя новости для столичной, внутр. и иностран. жизни, по свѣдѣніямъ специал. корреспонд. газеты и телеграммамъ, **одновременно съ другими дорогими изданіями**, а потому газета **«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»** въ первомъ изданіи вполнѣ замѣняетъ собою **дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.**

Кромѣ ежедневн. нумеровъ, подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО:

1) **52 нумера ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ **еженедѣл. иллюстриров. журнала.**
2) **книжки «Романы и повѣсти».** Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ.
3) **12 нумеровъ «Моды и Рукодѣлія»,** замѣняющихъ для семьи **«Модный журналъ».**
4) **стѣнной календарь** (съ картою Россіи), отпечат. въ ТРИ краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ доставкою по Имперіи):

На годъ **8 р.** || На полгода **4 р. 50 к.** || На три мѣс. **2 р. 50 к.** || На одинъ мѣс. **1 р.**

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художеств. изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома: безъ дост. 75 к., съ дост. ОДИНЪ рубль

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА **И. Е. РѢПИНА.**

Бурлаки на Волгѣ

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

«ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ».

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. **Айвазовскаго,** проф. **Семирадскаго,** проф. **Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной** и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, не имѣющихъ возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій эрмитажъ и Академію художествъ Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостиныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

Русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. **Александръ III.** 2) Е. И. В. Гос. Имп. **Марія Θеодоровна.** 3) Е. И. В. Гос. Имп. **Александръ II** (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. **Іоаннъ Сергіевъ** (Кронштадтскій). **Писатели:** 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ **ТРИ** руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы СПБ., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе высылается по требованію БЕЗПЛАТНО. 3—3

Годъ изданія 59-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1894.
НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ 3—4 листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ 7—10 рис. альбомн. размѣра.

Кромѣ того при нумерахъ журнала выдается безплатно **160 приложеній:** **12 КНИГЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Книжки выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 15—20 листовъ.—**40 НУМЕРОВЪ „Иллюстрированные романы и повѣсти.“**—**24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“** съ рисунк.—**12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.**—**12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину.—**12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ“** для фортепіано и пѣнія.—**5 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для выпиливанія“** (новѣйшихъ рисунковъ).—**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ.

20 НУМЕРОВЪ „Жизнь и хозяйство“ и 20 НУМЕРОВЪ „Забавы для юношества“ (съ рис.)

Въ числѣ ежемѣсячн. литерат. прил. въ 1894 г. будетъ, выдано ДВА нов. изданія:

1) Полное иллюстрированное собраніе сочиненій **ЛОРДА БАЙРОНА.**
2) Полное иллюстрир. собраніе разсказовъ Шехерезады **ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.**

Предлагаемыя **два** новыя большія и цѣнныя иллюстриров. изданія будутъ выданы **полностью** въ теченіе **одного** подписнаго года, несмотря на то, что стоимость этихъ изданій въ отдѣльной продажѣ превышаетъ **втрое** подписную цѣну нашего журнала.

ДВѢ ПРЕМІИ БЕЗПЛАТНО.

Годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подп. сумму, получатъ одновременно двѣ бол. прозрачныя картины для украшенія оконъ, замѣняющія живопись на стеклѣ

1) «ПѢСНЯ ЛЮБВИ» и 2) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ».

Новыя картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ безплатной преміи, годовые подписчики въ 1894 г. могутъ получить слѣдующія НОВЫЯ художественныя произведенія:

1) Большую акварель съ картины проф. **И. Е. Рѣпина: „Бурлаки на Волгѣ“** (22×14 в.).
Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, составляющимъ собственность Е. И. В. Вел. Князя Владиміра Александровича.

2) Новый альбомъ большихъ акварелей, художественно воспроизведенныхъ съ картинъ „ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ“. Въ коллекцію альбома вошли произведенія: проф. **Айвазовскаго**, проф. **Семирадскаго**, проф. **Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной** и др.

3) Художественная новость МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ **русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ. (Величина бюстовъ: выс. 12—13 д., шир. 7—8 д.). Первую серію составляютъ:** 1) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ III.** 2) Ея И. В. Гос. Имп. **МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.** 3) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ II** (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. **ІОАННЪ СЕРГѢЕВЪ** (Кронштадтскій). **Писатели:** 5) Пушкинъ 6) Лермонтовъ 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна за бюстъ изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ 3 р. (безъ пересылки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкою по Имперіи 8 р. Безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к.

1) **Годовые подписчики**, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки **75** коп., съ доставкою **одинъ** рубль.

2) Подписавшіеся одновременно на журналъ **„Живописное Обозрѣніе“** и газету „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ (первое изд.) съ доставк. и внесшіе сполна годовую подписную сумму за **оба** изданія, получаютъ, на выборъ, картину или альбомъ **безплатно.**

Подробное иллюстрир. объявленіе объ изданіяхъ высылается по требованію **безплатно.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Спб. Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40. 3—3

Открыта подписка на 1894 годъ (изданія IX годъ).

5 руб. за годъ безъ доставки. За гран. 10 р.

ЗВѢЗДА

6 р. за годъ съ дост. и пер. во всѣ г. Россіи.

еженедѣльный художественно-литературный журналъ.

Годовые подписчики въ теченіе **1894** года получатъ: **52 №№.** еженедѣльнаго иллюстрир. худож.-литературн. журнала „ЗВѢЗДА". **12 КНИГЪ** ежемѣс. «Литературнаго журнала», каждая книжка котор. содерж. болѣе 300 стр. плотн. печати. **26 №№.** «МОДНАГО ЖУРНАЛА», который составл. по лучш. парижск. журн. и даетъ въ годъ до 500 рис. **26 №№.** «РАЗВЛЕЧЕНІЯ», въ которомъ будутъ помѣщ. анекдоты, остроты, юмористич. разсказы, стихотвор., каррикат. и рисунки. **12 №№.** «НАУКА и ЗАБАВА», заключ. въ себѣ шахматн. и шашечн. задачи, игры, ребусы, шарады, фокусы и пр. **12 №№.** «ПОЛЬЗА и ДѢЛО», съ массою практич. указаній по всѣмъ отраслямъ домашн. и сельск. хозяйства. **12 №№.** «ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ», содержащ. въ себѣ образцы канвов. работъ, вышив., узор. и пр. **6 №№.** «МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и пр. **6 №№.** «ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ ЧЕРТЕЖЕЙ», составлен. по новѣйш. рисунк. 1 «ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ», котор. будетъ розосланъ при перв. № журн. «Звѣзда». **РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ въ 12 ТОМАХЪ** составл. знамен. серію подъ общимъ заглав.: **Ругоны-Маккаръ**, будутъ выданы въ 1894 г. въ ежемѣс. книг. «Литературнаго журнала» *До сихъ поръ не было такого изданія.* — Собран. отдѣльн. том., изданіе это обойдется въ 20—25 р. Изданіе будетъ снабжено портрет. и факсим. Эмиля Золя, вступ. статьей І. І. Ясинскаго и біогр., написан. В. В. Чуйко

Для напечатанія въ будущемъ **1894** г. въ журналѣ „ЗВѢЗДА" редакція уже располагаетъ слѣдующими произведеніями: Альбовъ М. Н.—разск. «У трехъ березъ». Астафьевъ С. Л.—истор. ром. «Царевна Ксенія». Атава С. Н.—разск. «Нервы». Баранцевичъ К. С.—пов. «Отецъ и сынъ». Бѣжецкій А. Н.—разск. Гиппіусъ З. Н.—разск. «Передъ смертью». Головачева-Панаева А. Я. — пов. «Недоразумѣніе». Желиховская В. П. — пов. «Звѣзда Чикаго». Заринъ А. Е. — разсказъ «Сгорѣла». Леманъ А. И.—ром. «Портретъ». Луговой А. А —разск. Льдовъ К. Н.—разсказъ «Свѣтлая любовь». Назарьева К. В.—разск. «Рабыня». Полонскій Я. П.—разск. «Изъ воспоминаній». Сафоновъ С. А.—«Черная точка». Тютчевъ Ф. Ф.—повѣсть «Ясновельможная контрабандистка». Чермный А. Н.—пов. «Въ открытомъ морѣ». Чюмина О. Н. — разск. «Порвалось» Ясинскій І. І. — пов. «Осиновая роща». А также стихотворенія: Астафьева Л. А., Будищева А. Н., Величко В. Л., Лебедева В. П., Льдова К. Н., Мережковскаго Д. С., Полонскаго Я. П., Талина Ф. Е., Фофанова К. П. и др.

Кромѣ того для напечатанія въ этомъ же году имѣются: «Царь Петръ Великій»—историч. ром. А. Волкова. «Пошутилъ съ огнемъ», «Струсилъ»—два разск. М. Туганъ-Барановской. «Одинъ день»—пов. А. Мстиславскаго. «За честь»—пов. Е. Новиковой. «Невозвратное»—пов. М. Гербановскаго. «Одиночество»—разсказъ А. Ефимова. «Хуторки» — мелкіе разск. А. Будищева. «Золотые годы»—повѣсть Н. Соколова. «Горе-охотники»—разск. А. Максимова. «Волшебныя чернила»—пов. В. Блэка. «Домъ съ привидѣніями» — уголовный романъ Уильки Коллинза и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки **ПЯТЬ** руб., съ достав. въ Спб. и пересылкою по Имперіи **ШЕСТЬ** руб., за границу ДЕСЯТЬ рублей. Допускается разсрочка; при подпискѣ **2** руб., къ 1 апрѣля **1** руб., къ 1 іюля **2** руб. и 1 октября **1** руб.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ одиннадцатый **безплатно**

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „ЗВѢЗДА": С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

2—3

Издатель П. Сойкинъ.

V годъ изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ изд. годъ V

ПРИРОДА И ЛЮДИ

популярно-научный иллюстрированный еженедѣльный журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія.

(Подписной годъ **съ 1-го ноября 1893 года** по 1-е ноября 1894 года).

«Природа – лучшая наставница»,—гласитъ давно извѣстная истина. «Природа — лучшая въ мірѣ книга, изученіемъ которой должны заниматься всѣ». Но мало того,—природа есть вмѣстѣ и занимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересный для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности міръ существъ разумныхъ.—Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ **«Природа и люди»**.

Въ наступающемъ году журн. **«Природа и люди»** сохранитъ прежн. программу. Въ **1894** подписномъ **году** журналъ **«Природа и люди»** дастъ своимъ подписчикамъ: **52** еженед. **номера**. Каждый № въ разм. 2 лист. бол. формата (16 стран. плот. печ.). **12** книгъ литер. прил.. Книги будутъ выход. ежем. въ разм. 120 до 160 стран. каждая **БЕЗПЛАТНО** столь цѣн. прилож., которое будетъ выходить подъ общ. названіемъ: **ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА.**

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги **«Полезной библіотеки»**: 1) «Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ» — Г. Парвиля. Перев. А. Лякиде, подъ редак. проф. С. Глазенапа. 2) «Научныя развлеченія»—д-ра В. Буринскаго. 3) «Подъ водою»—Л. Фигье. Пер. подъ редак. и съ дополн. П. Лебедева. 4) «Первая помощь отъ несчастныхъ случаевъ» — проф. Ф. Эсмарха. Пер. подъ ред. д-ра С. Груздева. 5) «Первые обитатели Москвы» — большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка, Г. Полозова. 6) «Самоучитель фотографіи»—Ф. Дилайе. Переводъ подъ редак. Е. Буринскаго. 7) «Рыболовъ-любитель»—Ѳ. Пескова. 8) «Пять внѣшнихъ чувствъ»—Л. Фигье. Пер. подъ ред. д-ра Ю. Малиса. 9) «Электричество въ домашн. быту»—. В. Тюрина. 10) «Жизнь земли» (поп. геол.)—проф. Ф.Пуше. 11) «Дом. обиходъ»(Сб. пол. сов. и рец. по всѣмъ отрас. хоз.)— Ф. Груздева. 12) «Чудеса гипнот.»—д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающ. году будутъ напечатаны: «Храмъ науки»—б. ром. І. Ясинскаго. «Новая жизнь»—б. ром. А. Лемана. «Аріасвати»—фант. ром. Н. Соколова. «Черная душа»—разск. Ѳ. Тютчева. «Мститель»—разск. В. Гусаревича. «Морфинистка»—разс. А. Зарина. «Мірскія диковинки»—рядъ разс. В.Желиховской. «Лиллипуты»—научн. ром. А. Бленара. Разсказы: проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка. «Жертвы моря»—Моряка (псевд.). «Тайны алхиміи»—очер. Н. Павловича. «Письма изъ Африки» - Г. Сенкевича. «Страна чудесъ» и «Въ царствѣ рулетки»—разс. изъ путеш. С. Дмитревскаго. «Лазуревый гротъ»—очеркъ С. Донскаго. «Орочони»—этнограф. очеркъ А. Максимова. «Изъ песковъ Судана»—очерки послѣдн. путеш. д-ра А. Елисѣева. «Очерки изъ путешествія по Абиссиніи»—извѣстн. путешеств. В. Машкова. «Семь церквей Апокалипсиса»—В. Желиховской «Столицы міра»—разс. С. Донскаго. «Плеяды» и «Сатурнъ, его кольца и спутники»—очерки проф. С. Глазенапа. «Друзья человѣка»—б. оч. д-ра зоол. А. Никольскаго. «Ящерицы, плачущія кровавыми слезами» — В. Максимова. «Чтеніе мыслей» — П. Соловьева. «Воля»—П. Успенскаго. «Черезъ сто лѣтъ»—оч. В. Битнера. «Живая машина»—очеркъ І. Ясинскаго. Рядъ попул. біогр. русскихъ учен. и путешеств. Очерки изъ астрон., зоол., ботан., метеор., физич. геогр., минер., геол., физ., химіи, медиц., техн., по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу **«Наука и забава»**, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣт. и открытіяхъ. Полезные совѣты и рецепты. Фокусы и забавы и пр., и пр. Большинство статей иллюстрировано изящными рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ, В. Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П., Соколовскій Э. К. и другіе.

Подписная цѣна на еженед. журналъ «Природа и люди» съ прилож. 12-ти книгъ «Полезной библіотеки»: безъ дост. **4** р., съ дост. и перес. **5** р.; заграницу **8** р. — Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р., къ 1 февраля **1** р. и къ 1 мая остальные.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольш. колич. экземп., цѣна котор. въ брошюров. видѣ, со всеми прилож. **4** р. за кажд. годъ, а въ роскошн. переп. **5** р. Перес. съ наложен. платеж. по вѣсу и разст. Подписка принимается въ конт. редак. **«Природа и люди»**. Спб., Стремян. ул., с. д. № 12.

2–3 Редакторъ *С. Груздевъ*. — Издатель *П. Сойкинъ*.

Открыта подписка на **1894** годъ.
(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи; характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи**; II) **документы, извѣстія и замѣтки**; III) **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ нумерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ**.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

На годъ: съ пересылкой и доставкой — **10** руб., безъ доставки и пересылки — **8** руб. **50** коп.; заграницу — **12** руб.

Разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры **„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“** за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. ГАМАЛѢЙ. Редакторъ В. НАУМЕНКО.
1—3

ГОДЪ XVI. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ГОДЪ XVI.
на 1894 годъ
(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . **6** руб. ✖ На полгода . . **3** руб. **50** коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету **по уменьшенной цѣнѣ**, а именно: за годъ **4 руб.**, за полгода **2 руб. 50 коп.**

Газета въ 1894 г. будетъ вестись по той же программѣ и при участіи тѣхъ же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи, въ г. ЕКАТЕРИНБУРГѢ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-Издатель *А. М. Симоновъ*. Редакторъ *П. Н. Галинъ*.
1—3

Открыта подписка на 1894 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ОХОТЫ И ЖИВОТНОВОДСТВА
(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Органъ Отдѣленія Охоты при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Общест. Акклиматизація животныхъ и растеній.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

(50 №№) въ объемѣ отъ 2-хъ печатныхъ листовъ, съ рисунками, портретами, чертежами и т. п. въ текстѣ.

РУССКІЙ ОХОТНИКЪ.

Кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ безплатно

ОСОБУЮ ЦѢННУЮ ПРЕМІЮ.

Цѣна: на годъ **6 руб.** съ доставкой и пересылкой; на полгода **3 р. 50 к.**

Заграницу на годъ 9 руб., на полгода 5 руб. – Допускается разсрочка по 1 р.

Съ № 1 открывается **новый отдѣлъ** безплатныхъ объявленій для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ основаніяхъ: каждый годовой подписчикъ „Русскаго Охотника“ имѣетъ право на **безплатное** помѣщеніе въ количествѣ 12 разъ всякаго объявленія, касающагося охоты, спорта, животноводства и акклиматизаціи въ размѣрѣ не свыше 40 словъ (за каждое лишнее противъ этой цифры слово приплачивается по 5 коп. почт. марк.); объявленія, присылаемыя до четверга каждой недѣли, попадаютъ въ очередный №.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Постановленія и распоряженія, касающіяся охоты. 2) Передовыя статьи. 3) Правила и способы производства правильной охоты: ружейной, псовой и ловчими птицами. 4) Охотничьи разсказы и очерки. 5) Замѣтки ружейныхъ, псовыхъ, рыболововъ, голубоводовъ и другихъ охотниковъ. 6) Исторія и техника оружія, и. другихъ принадлежностей всякой охоты. 7) Статьи о животноводствѣ: собакахъ, лошадяхъ и птицахъ, ихъ разведеніи, воспитаніи, содержаніи, лѣченіи и дрессировкѣ. 8) Отчеты о выставкахъ, садкахъ и проч. 9) Статьи о размноженіи дичи. Монографіи о всякихъ животныхъ. 10) Новости, усовершенствованія, открытія. 11) Корреспонденціи, касающіяся охоты. 12) Охотничья библіографія. 13) Разныя извѣстія изъ періодическихъ изданій относительно охоты, птицеводства и животноводства. 14) Вопросы и отвѣты. 15) Объявленія, относящіяся до охоты.

Редакторъ-Издатель **Кн. В. П. УРУСОВЪ.**

Пробный нумеръ безплатно.

Главная контора редакціи: **МОСКВА**, Гагаринскій пер., домъ Курилко.

Отдѣленія конторы редакціи: 1) **ПЕТЕРБУРГЪ**, Б. Конюшенная, Оруж. магазинъ Венигъ. 2) **КІЕВЪ**, Крещатикъ, Американскій оружейный магазинъ. 3) **САРАТОВЪ** Нѣмецкая ул., Оруж. магазинъ В. В. Онезорге. 4) **САМАРА**, Оруж. магазинъ Ф. А. Неймана. 5) **СИМФЕРОПОЛЬ**, Оруж. магазинъ К. Ф. Киблера. 6) **ПЕНЗА**, Оруж. магазинъ Л. Я. Пудовкина. 7) **ОРЕЛЪ**, Оруж. магаз. Н. М. Кубышкина. 8) **СТ. РУССА**, магазинъ поручика Осипова.

1—3

X годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г. X годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №.№. и 12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книгъ.

Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стр., или отдѣльный романъ или законченный сборникъ разсказовъ, стихотвореній и проч.

НАСТУПАЮЩИМЪ 1894 годомъ ЗАКОНЧИТСЯ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ со дня выхода 1-го № журн. «Вокругъ Свѣта». Настоящій годъ будетъ для журнала ЮБИЛЕЙНЫМЪ,

а потому редакція и издатель намѣрены употребить всѣ силы для того, чтобы журналъ въ этомъ году превзошелъ, такъ сказать, самъ себя.—Въ концѣ года будетъ выданъ подписчикамъ увеличенный

ЮБИЛЕЙНЫЙ НУМЕРЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ **двухъ печатныхъ листовъ**, со множествомъ отдѣльн. рисунковъ (въ годъ болѣе 2.000 столб. текста и до 400 рисунк.)

Въ журналѣ по прежнему будутъ участвовать: Д. Н Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н Н Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ и мн. друг.— Иностранная литература путешествій и приключеній; между прочимъ, будутъ помѣщены: новый романъ Жюля Верна, съ рисунк. Беннета; романъ новогреч. писателя Димитрія Бикеласа съ рисунк. Ралли; ром. Л. Жаколіо (прод. ром. „На океанѣ“); новѣйшій романъ Андрэ Лори; очень оригинальный романъ военнаго характера, написаннаго капитаномъ Данри и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки Стивенсона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Брауна, Каниве и друг.

НЕ ВЪ ПРИМѢРЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ ГОДАМЪ РЕДАКЦІЯ

въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

БЕЗУСЛОВНО-ОРИГИНАЛЬНУЮ, ХУДОЖЕСТВ. ПРЕМІЮ

6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)

съ акварелей Н. Н. Каразина

Эти картины, размѣръ каждой $6^1/_2 \times 13$ вершк., сдѣланы художн. по спеціальному заказу редакціи и изображаютъ собою въ лицахъ и аксесуарахъ природу и людей всего земнаго шара: **Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи**, и отдѣльно **Россіи**.

Оригинальность замысла и художеств. исполненія позволятъ занять нашей преміи исключительное положеніе среди всѣхъ друг., предлагаемыхъ друг. журн., премій.

Подписная цѣна на журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ съ доставкой и пересылкой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

На годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

при подпискѣ 2 рубля, 1 апрѣля и 1 іюля по 1 рублю.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Сытина.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ Россіи. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе **1893** г. въ **„РУССКОЙ ШКОЛѢ“** напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: 1) Маленькіе моряки (изъ воспомин. о Морскомъ корпусѣ). К. М. Станюковича. 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній М. И. Семевскаго. 3) Неугаданный (Педагогич. случай). С. В. Максимова. 4) Епархіальныя женскія училища въ первое 50-ти-лѣтіе ихъ существованія. Д. Д. Семенова. 5) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединен. Штатахъ Сѣверной Америки. П. Г. Мижуева. 6) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигіены и воспитанія. В. В. Гориневскаго. 7) Первая всероссійская гигіеническая выставка въ 1893 г. А. С. Виреніуса. 8) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. П. М. Головачева. 9) Характеристика учениковъ. Ѳ. С. Матвѣева. 10) Внѣклассная школьная литер. С. П. Незлобина. 11) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. О. И. Роговой. 12) Педагоги и взаимопомощь. Н. Ѳ. Арепьева. 13) Пенсіонное обезпеч. народн. учителей. А. М. Тютрюмова. 14) Состояніе народн. образов. въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго 15) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго. 16) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго. 17) Воскресныя школы въ Ставрополѣ Кавказскомъ Я. В. Абрамова. 18) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасьева. 19) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (дидактич. совѣты учителямъ народныхъ школъ). Его же. 20) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С.-И. 21) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой. 22) Система мѣръ распростран. сельско-хозяйств. свѣдѣній въ средѣ народа. Е. Д. Максимова. 23) Геометрія въ городскихъ училищахъ. В. А. Латышева. 24) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго. 25) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ѳ. Соколова. 26) О церковно-славянск. языкѣ. А. И. Тарновскаго. Кромѣ того въ **„РУССКОЙ ШКОЛѢ“** 1893 г. заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій (болѣе 80 рецензій); ежемѣсячная хроника народнаго образованія, Я. В. Абрамова; отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго Комитетовъ грамотности; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образов. въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ съ доставкою **6** р. **50** к., для иногородн.—**7** р.

Учителямъ и учительницамъ начальныхъ сельскихъ школъ дѣлается **уступка въ 1 руб.** и, кромѣ того, допускается **разсрочка** подписной платы: при подпискѣ **три руб.**, а остальные три руб. **не позже 1-го іюня.**

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова «Новаго Времени» и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-Издатель: Я. Г. Гуревичъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 ГОДЪ

XXV НИВА XXV

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики «Нивы» получатъ въ теченіе 1894 г.:

52 №№. художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключ. въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 КНИГЪ соч. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

выходящ. въ началѣ кажд. мѣсяца, будутъ заключ. въ себѣ слѣд. соч. Ѳ. М. Достоевскаго:

КНИГА I. «Бѣдные люди», ром. «Двойникъ», петерб. поэма. КНИГА II. «Господинъ Прохарчинъ», разск. «Романъ въ девяти письмахъ», «Хозяйка», пов. «Ползунковъ», «Слабое сердце», пов. «Чужая жена», «Честн. воръ», «Елка и свадьба», п. КНИГА III. «Бѣлыя ночи», ром. «Неточка Незванова», «Маленькій герой», «На Европейскія событія 1854 г.», стих. «Дядюшкинъ сонъ», пов. КНИГА IV. «Село Степанчиково и его обитатели». I и II ч., изъ запис. неизв. КНИГА V. «Записки изъ мертваго дома», ром. въ 2 ч. «Скверный анекдотъ», разск. КНИГА VI. «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». «Записки изъ подполья», повѣсть. «Крокодилъ», пов. «Игроки», романъ. КНИГА VII. «Униженные и оскорбленные», ром. въ 4 ч., съ эпилог. КНИГА VIII. «Вѣчный мужъ», разск. КНИГА IX. «Преступленіе и наказаніе», ром. въ 6 ч. съ эпилог. Ч. I, II и III. КНИГА X. «Преступленіе и наказаніе», ром. Ч. IV, V и VI. КНИГА XI. «Идіотъ», ром. въ 4 ч. Ч. I и II. КНИГА XII. «Идіотъ», ром. Ч. III и IV.

При 1-й книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, грав. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальн. произв. Ѳ. М. Достоевскаго: «Бѣсы», «Подростокъ», «Дневникъ писателя» и «Братья Карамазовы», то мы нынѣ же приним. на себя обязательство дать ихъ, какъ безплатн. прилож. при «Нивѣ» 1895 г., такъ что подписчики «Нивы» за 1894 и 1895 г. получ. безплатно «Полное собраніе сочиненій» М. Ѳ. Достоевскаго.

12 выпусковъ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ срединѣ каждаго мѣсяца, и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№. безплатн. ежемѣсяч. прилож. «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ», содержащ. до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№. безплатнаго ежемѣсяч. приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

2 ОФОРТА Проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) «Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ» и 2) «Лѣсная рѣчка».

2 КАРТИНЫ: 1) «Островъ Наргенъ», проф. Ю. Ю. Клевера, отпечатанная 15 красками. 2) «Неро-Фіордъ въ Норвегіи», художн. Расмуссена, отп. 18 краск.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1894 годъ, печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложеніями:

Безъ доставки въ С.-Петерб. — **5** р., съ доставкою въ С.-Петерб. — **6** р. **50** к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) — **6** р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — **7** р. За границу — **10** р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6. 3—3.

VII-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. VII-й г. изд.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики **«СѢВЕРА»** въ **1894** г. получатъ: **52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала** въ 56—64 столбц. кажд., сброшюр. въ изящн. цвѣтную обложку —**12** №№ отдѣльн. иллюстр. «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», составл. по лучш. модн. парижск. журн. —**12** отдѣльн. **выкроекъ**: изъ нихъ 6 вырѣзн. въ натурал. велич. и 6 на отдѣльныхъ листахъ. — Ежемѣсяч. **безплатное** прилож. «Библіотека Сѣвера» **12** томовъ сочин. извѣстнѣйш. русск. и иностран. писателей и путешественн.

Въ предстоящемъ году въ «Библіотекѣ Сѣвера» будутъ напечатаны: изъ пріобрѣт. редакціей въ собственность, **полнаго собр. сочиненій** **Н. Д. АХШАРУМОВА:** «Чужое имя», романъ. «Мандаринъ», романъ. «Концы въ воду», пов. «Ночное», разсказъ. «Смерть Слѣпцова», кавказская быль.

Сочиненія баснописца **И. А. КРЫЛОВА**, съ художест. иллюстр.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО. Стихотворенія. — В. Н. ГОЛОВИНА. «Кругосвѣтное путешествіе», подъ редакц. Э. Ю. Петри. — «МЕЛЬМОТЪ-СКИТАЛЕЦЪ», ром. Матюренъ. —Остальн. соч. **Н. Д. АХШАРУМОВА** будутъ помѣщ. въ библіотекѣ **«Сѣвера» 1895** г. Такимъ образомъ подписчики **«Сѣвера»** получатъ это полное цѣнное литературное приложеніе безплатно.

Другое **безплатное** приложеніе: **ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ. —1** томъ: РУССКІЙ СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ. Популярное изложеніе организаціи новаго и переустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ прилож 7-ми, нигдѣ не напечатан. писемъ о сельскомъ хозяйствѣ А. Н. Энгельгарта) соч. С. Ѳ. Шарапова. — **1** томъ: КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растеній). Н. Е. Семенова.

Безплатное художеств. прилож. къ журналу: **роскошный альбомъ акварелей**

къ избраннымъ Стихотвореніямъ Н. А. НЕКРАСОВА.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» и друг., **10** художественно исполненныхъ акварелей художника Петра Соколова. — Къ альбому будетъ приложенъ портретъ *Н. А. Некрасова*, исполн. акварелью съ портрета И. П. Крамскаго, находящагося въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. Художеств. обложка альбома исполн. акварелью Н. Н. Каразинымъ. Всѣ рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительн. текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность **«Сѣвера»** и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1 стѣнной **отрывной** на 12 мѣсяцевъ табель-календарь, отпечатан. красками. Всѣ приложенія «Сѣвера» высылаются подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО**.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ достав. въ С.-Петербургѣ **6 руб.** Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской **6 руб. 50 коп.** Съ доставк. и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 руб.** — Разсрочка подписной платы за **«СѢВЕРЪ» 1894** г допускается на слѣдующихъ условіяхъ: для гг. городскихъ подписчиковъ въ **два** срока: Безъ доставки: при подпискѣ **3** руб., 1 іюня 1894 г. **3** руб. Съ доставкою: при подпискѣ **3** руб. **50** коп., 1 іюня 1894 г. **3** руб. **50** коп. Для гг. иногородныхъ подписчиковъ въ **два** срока: при подпискѣ **4** руб., 1 іюня 1894 г. **3** руб. Въ **три** срока: при подпискѣ **3** руб., 1 мая 1894 г. **2** руб. и 1 августа 1894 г. **2** руб. — Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежд. (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и друг. городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою **помѣсячно.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи **«СѢВЕРЪ»**, Екатерининская, № 4.

Издатель *Е. А. Евдокимовъ.* Завѣдующій художеств. отдѣломъ *Н. Н. Каразинъ*

2—3 Редакторъ *Вл. А. Тихоновъ.*

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ городѣ **Казани** ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграфн. Агентства и отъ собствен. корреспондентовъ.— **Послѣдняя почта.** — **Передовыя статьи** по различнымъ общественнымъ вопросамъ.— **Обзоръ текущей прессы и журналистики.** — **Областной отдѣлъ.** Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. — **Казанская хроника:** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. — **Судебная хроника.** Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ Казанской судебной палатѣ. — **Библіографія.** — **Театръ и музыка:** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. — **Ежедневное обозрѣніе** текущей заграничной жизни. — **Наука литература и искусство.** — **Сельское хозяйство и промышленность.**—**Педагогика и народное образованіе.**—**Торговый отдѣлъ:** корреспонденціи и телеграммы. — **Фельетонъ.** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ „Воскресн. Бесѣдъ" г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. — Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ **контингента сотрудниковъ,** уже сплотивш. вокругъ редакціи **„ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА"**, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ **корреспондентовъ** въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893 г. основатель и бывшій редакторъ-издатель **„ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА", профессоръ Н. П. ЗАГОСКИНЪ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—75 к.; безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

Для иногороднихъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА" на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также **въ ея отдѣленіяхъ:** при музыкальномъ магазинѣ **„Восточная Лира"** (Воскресенская улица, домъ Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ **Н. Я. Башмакова** (Воскресенская, Пассажъ), **А. А. Дубровина** (Гостиный дворъ, № 1), въ **зданіи Биржи, у секретаря,** и въ **иногороднихъ отдѣленіяхъ** конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующ. образомъ

КАЗАНЬ, редакція «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА».

Редакторъ-Издатель **Н. В. Рейнгардтъ.**

1—3 Издатель **В. М. Ключниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

8-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ,

газета Донскаго края,

выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

ПРОГРАММА: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донскаго края и сосѣднихъ губерній, фельетонъ, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ „**ДОНСКАЯ РѢЧЬ**" читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящемъ году, какъ и въ минувшія семь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія и помѣститъ рядъ статей, касающихся экономическаго положенія края, военнаго быта казаковъ, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—**5 руб.**, на полгода—**3 руб.**, на 1 мѣс.—**1 руб.**

Адресъ: **НОВОЧЕРКАССКЪ**, въ редакцію **„ДОНСКОЙ РѢЧИ"**.

1—3 Редакторъ-Издатель Ив. ПОПОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства". 5) Послѣднія извѣстія. 6) Городская и земская хроника. 7) Вѣсти съ юга: корреспон. „Южнаго Края". 8) Со всѣхъ концовъ Россіи: (корресп. „Южнаго Края" и извѣстія др. газетъ). 9) Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. 10) Наука и искусство. 11) Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. 12) Судебн. хроника. 13) Критика и библіографія. 14) Смѣсь. 15) Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 16) Календарь. 17) Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назнач. къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. д. и др. 18) Сторон. сообщ. 19) Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. — Кромѣ того, газета получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы. — Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки: на годъ—**10 р. 50 к.**, на 6 мѣс.—**6 р.**, на 3 мѣс.—**3 р. 50 к.**, на 1 мѣс.—**1 р. 20 к.** Съ доставкою: на годъ—**12 р.**, на 6 мѣс.—**7 р.**, на 3 мѣс.—**4 р.**, на 1 мѣс.—**1 р. 40 к.** Съ перес. иногородн.: на годъ—**12 р. 50 к.**, на 6 мѣс.—**7 р. 50 к.**, на 3 мѣс.—**4 р. 50 к.**, на 1 мѣс.—**1 р. 60 к.** — Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ **ХАРЬКОВѢ**—въ главной конторѣ газеты **„ЮЖНЫЙ КРАЙ"**, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

1—3 Редакторъ-Издатель **А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
НЕОФФИЦІАЛЬНУЮ ЧАСТЬ
ТОБОЛЬСКИХЪ
ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
на 1894 годъ.

Газета будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ до двухъ печатныхъ листовъ и болѣе; городскіе подписчики, кромѣ того, будутъ ежедневно получать телеграммы.

Программа газеты будетъ нѣсколько расширена. Въ нее войдутъ: 1) передовыя руководящія статьи по вопросамъ, касающимся сибирской жизни; 2) текущія замѣтки; 3) телеграммы: собственныя и сѣвернаго агентства; 4) городская хроника; 5) засѣданія мѣстныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, городской думы и другихъ учрежденій; 6) судебныя извѣстія; 7) сибирскія вѣсти; 8) статьи по мѣстнымъ исторіи, археологіи, статистикѣ и другимъ предметамъ; 9) отголоски печати (извлеченія изъ руководящихъ статей органовъ сибирской печати и пріуралья), 10) корреспонденціи; 11) разныя извѣстія; 12) библіографическія замѣтки и проч.

Въ фельетонѣ будутъ помѣщаемы стихотворенія, разсказы, очерки, этюды, наброски и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—**3 руб.**, полгода—**2 руб.**, треть—**1 руб. 50 коп.** и мѣс.—**1 руб.**; для сельскихъ управленій и школъ на годъ—**2 руб.**, полгода—**1 руб.**, треть—**75 коп.** и мѣсяцъ—**50 коп.** Лица, желающія получать газету брошюрованною, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ: за годъ—**50 коп.**, полгода—**30 коп.**, треть года—**20 коп.** и мѣсяцъ—**10 коп.**

Редакторъ **Е. В. Кузнецовъ.**

1—3

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ третій конкурсъ на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Өедоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября сего 1894 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апрѣля 1895 года.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Өедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской Исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-е ноября предшествующаго конкурсному года.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ или же на имя его Секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ приложенномъ въ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самойрукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Өедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 р. и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, Общество избираетъ изъ среды себя особую Коммиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой Коммиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Коммиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ Членовъ Общества; а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ Коммиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ, мѣсяцѣ Коммиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества, 24-го апрѣля въ день кончины Геннадія Өедоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году преміи, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ котораго она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 рублей, употребляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ каждаго присужденія Общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміею сочиненія. 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ
и
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

«**Церковный Вѣстникъ**», какъ духовно-академическій органъ, имѣя своей задачей распространять среди духовенства и общества результаты богословской науки, въ то же время знакомитъ и съ современною церковно-религіозною жизнію, не упуская изъ вниманія и соприкасающейся съ нею жизни свѣтскаго общества; въ **Христіанскомъ чтеніи** печатаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, а также толкованія на книги Ветхаго Завѣта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала **7 руб**. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» **5 руб.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 руб**. За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 руб**., за каждый отдѣльно **7 руб**. съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ». Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 26—30, кв. № 8).

1—3 *Редакторъ проф. А. ЛОПУХИНЪ.*

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для САМОУЧАЩИХСЯ, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 страницъ), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна **3 рубля**. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей. См. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1876 года, книга 10-я, стр. 103-я (такого одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается КРАТКАЯ ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРІЯ (68 стр.) Ѳ. Журова. Цѣна **25 коп**.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору: въ городъ ШУЮ, Ѳедору Гавриловичу ЖУРОВУ, за пересылку не прилагаютъ. 1—1

БИБЛІОГРАФЪ

1894. ЖУРНАЛЪ ГОДЪ X.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.

Отд. 1-й. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія: 1) Исторія литературы и просвѣщенія (изслѣдованія, статьи и матеріалы). 2) Книговѣдѣніе. Прошлое и настоящее книжнаго дѣла: книгопечатанія, библіотековѣдѣнія, книжной торговли, книгоиздательства и т. п. 3) Критика и библіографія. 4) Разныя извѣстія и замѣтки; вопросы и отвѣты. — (Выходитъ 4 раза въ годъ).

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) Каталогъ новыхъ книгъ. 2) Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3) Rossica (указат. иностран. сочин. о Россіи). 4) Правительствен. распоряж. по дѣламъ печати. 5) Замѣтки о новыхъ книгахъ. 6) Библіограф. извѣстія и объявленія.—(Выход. 6 разъ въ годъ).

Въ *приложеніяхъ* печатаются отдѣльныя работы по библіографіи и прочимъ отдѣламъ, входящимъ въ программу журнала.

Журналъ «Библіографъ» *рекомендованъ* Учен. Комит. М-ства Народн. Просв. для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужск. и женскихъ;— *одобренъ* Учебн. Комит. при Св. Синодѣ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ; — *помѣщенъ* по распоряженію Военно-Учебнаго Комитета въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: В. А. Алексѣевъ, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Д. Бочаговъ, С. Н. Брайловскій, П. В. Быковъ, Н. Н. Вакуловскій, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, I. I. Змигродскій, К. А. Ивановъ, проф. В. С. Иконниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, А. I. Лященко, акад. Л. Н. Майковъ, А. I. Маленнъ, В. И. Межовъ, В. Н. Перетцъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Полетаевъ, С. И. Понамаревъ, А. А. Савичъ, В. И. Саитовъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, В. Ѳ. Солнцевъ, В. И. Срезневскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, Н. М. Тупиковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** руб., за-границу **6** р.

(Лѣтніе мѣсяцы журналъ не выходитъ).

Отдѣльно: 1-го отдѣла вып. 1 р. **25** к.; съ перес. **1** р. **50** к.; 2-го отдѣла № **30** к., съ перес. **40** к.

Плата за объявленія: страница — 12 р.; 3/4 стран. — 10 р.; 1/2 стран. — 7 р.; 1/4 стран. — 4 р.; 1/8 стран. — 2 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ **«Посредникъ»** (Спб., Невскій пр., д. № 54) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** — А. Суворина (Спб., Невскій пр., д. № 38) и въ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.— *Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.*

Адресъ редакціи: **С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Никольская площадь, домъ 4, кв. 5.**

Оставшіеся *въ ограниченномъ числѣ* полные комплекты *«БИБЛІОГРАФА»* за прошлое время съ 1885 г. продаются по **5 руб.** (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

1—2 Редакторъ *Н. М. ЛИСОВСКІЙ*

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой: на 12 мѣсяц.—10 р., на 6 мѣсяц.—5 р. 50 к., на 3 мѣсяца - 3 р., на 1 мѣсяцъ—1 р. 30 к.

На города съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—11 р., на 6 мѣсяц.—6 р., на 3 мѣсяца—3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 50 к.

За границу съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—18 р., на 6 мѣсяц.—9 р., на 3 мѣсяца—4 р. 80 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 90 к.

«РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ МОСКВУ, въ контору «РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородних подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка**, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается. 2—3

Открыта подписка на 1894 годъ

Годъ изданія XI.

КОЛОСЬЯ

За годъ . . 8 р.
1/2 года . . 4 р.
Заграницу. 11 р.

Редакція: С.-Петербургъ, Николаевская, 16.

Ежемѣсячный журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни.

Редакція ставитъ себѣ задачею, исключительно, служить проводникомъ всего прекраснаго, нравственнаго и гуманнаго.

Въ общемъ содержаніе каждаго № журнала представляетъ слѣдующее: Романы, повѣсти и разсказы (отечеств. и иностран. литерат.), выдающіяся произвед. будутъ иллюстрированы.—Драмы, комедіи и водевили выдающихся драматурговъ.— Поэмы и стихотворенія. — Путешествія. Историческіе и біографическіе очерки о всѣхъ выдающихся дѣятеляхъ (съ портретами) —Художественное обозрѣніе по всѣмъ отраслямъ искусствъ.—Научная хроника о всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ.—Литературно-критическій отдѣлъ (о научныхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ).—Историко-литературныя монографіи и замѣтки.— Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія: по философіи, психологіи, біологіи, физикѣ и химіи, политико-экономической наукѣ, астрономіи, психо-физикѣ, правовѣдѣнію, соціологіи.— Фельетонъ (въ прозѣ и стихахъ). — Обзоръ общественной жизни. — Осы и пчелы. (Юмористика). 1—3

Открыта подписка на 1894 годъ на

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ,

первый въ Россіи еженедѣльный иллюстрированный журналъ для **религіозно-нравственнаго чтенія**, одобренный всѣми вѣдомствами.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Паломникъ" въ 1894 г. дастъ своимъ читателямъ: **52 еженедѣльныхъ №№.** по два листа каждый, съ рисунками (около 300 рисунковъ годъ) и **4 книги** приложеній (по 18-ти листовъ каждая).

Помимо разнообразнаго матеріала, имѣющагося въ редакціи по всѣмъ отдѣламъ программы, въ „Русск. Поломникѣ" за 1894 г. будутъ продолжаться: *Библія въ картинахъ*, рисунки къ книгамъ Ветхаго Завѣта. — *Дневникъ отца Іоанна Кронштадтскаго.* — Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ помѣщены: *Св. Василій Великій, его жизнь и избранныя творенія.*— *Размышленіе о жизни и вѣчности*, соч. Ея Величества королевы англійской Викторіи. — *Духовныя стихотворенія О. Н. Чюминой.* — *Церковно-историческія повѣствованія*, оригинальныя и переводныя извѣстн. авторовъ и мн. др.—Въ музыкальн. отдѣлѣ будутъ помѣщены *Ноты церковныхъ пѣснопѣній*, исполняемыхъ на литургіи, всенощномъ бдѣніи, молебствіяхъ и пр.

Всѣмъ подписчикамъ будетъ разосланъ снимокъ съ

Чудотворной иконы Скорбящей Божіей Матери,

что на Стеклянномъ заводѣ въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна **шесть рублей** въ годъ съ правомъ разсрочки платежа подписной суммы.

Адресъ редакціи „РУССКАГО ПАЛОМНИКА": С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 13.

1—1 Редакторъ-Издатель А. И. ПОПОВИЦКІЙ.

Открыта подписка на 1894 годъ

НА

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ **7** *руб. въ Москвѣ и* **8** *руб.* **50** *коп. съ пересылкой въ другіе города Россіи.*

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), или въ книжные магазины И. Глазунова (на Кузнецкомъ мосту), Карбасникова и Ѳ. А. Богданова (въ Петровскихъ линіяхъ). 1—1

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ первый выпускъ ПЯТАГО ТОМА

И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ПЯТЫЙ И СЛѢДУЮЩІЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО РОСКОШНАГО ИЗДАНІЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи **К. К. Сентъ-Илера.**

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Лёше при содѣйствіи доктора Гааке.

☛ **ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ** безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго нѣмецкаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по **6** р., съ перес. **6** р. **50** к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ **ДЕСЯТИ ТОМАХЪ**, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на полученіе **ПЯТАГО** *тома, который будетъ разосланъ въ январѣ 1894 года, высылаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересылкой 5 руб. 50 коп. Въ отдѣльной продажѣ* **ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ** *и* **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЫ** *стоятъ 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп.*

═ *Чтобы дать возможность каждому пріобрѣсти это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ* **пятый томъ** *получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:*

1) При подпискѣ вносится **1** руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній **ШЕСТОЙ** выпускъ будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО.** ═

Для служащихъ допускается разсрочка, со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на **слѣдующіе томы.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ **С.-Петербургѣ** въ **Товариществѣ „Общественная Польза“**, Б. Подъяч., 39 и въ **Москвѣ**, въ магазинѣ Картографическаго заведенія **А. Ильина**, Петровскія линіи № 17.

☛ Подписывающіеся на **V ТОМЪ** изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпусковъ не получаютъ ☚

═ Подписывающіеся теперь же на **пятый томъ** могутъ подписаться и на **первые** четыре тома, при чемъ какъ за **первый**, такъ за **второй, третій** и **четвертый** томы высылаютъ по **5** руб. **50** коп. съ пересылкою.

☛ Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплетахъ съ кожаннымъ корешкомъ и углами приплачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фун.

неудачу при штурмѣ укрѣпленій лѣвой половины оборонительной линіи. Въ слѣдующей главѣ говорится о причинахъ перевѣса осадныхъ батарей, заложеніи новыхъ батарей на 5-мъ отдѣленіи и количествѣ орудій и числѣ артиллерійской прислуги, штабъ и оберъ-офицеровъ на батареяхъ этого отдѣленія въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Затѣмъ говорится о вылазкахъ со втораго бастіона, и нѣсколько подробнѣе о вылазкѣ съ 12-го на 13-е іюля, о военныхъ совѣтахъ и приготовленіяхъ къ наступленію.

„Среди этихъ приготовленій къ наступленію, которыя производились въ великой тайнѣ, но которыя, не менѣе того, были извѣстны не только всѣмъ своимъ, но чрезъ лазутчиковъ даже и врагамъ нашимъ, насталъ и августъ мѣсяцъ“—такъ начинается десятая глава воспоминаній г-на Врочевскаго. Дальнѣйшее содержаніе ея: бой 4-го августа на Черной рѣчкѣ, пятое бомбардированіе, болѣзнь генерала Тотлебена, окончательный перевѣсъ огня осаждающихъ надъ артиллеріею обороняющихся. Утромъ 24-го августа началось шестое бомбардированіе Севастополя, а въ два часа дня, прекративъ огонь по городу, непріятель началъ поражать укрѣпленія Корабельной и въ особенности Малаховъ курганъ (изъ 110 осадныхъ орудій), такъ что Малаховъ курганъ и сосѣднія съ нимъ батареи 4-го отдѣленія были наполовину срыты непріятельскими снарядами. „26-го августа цѣлый день артиллерійскій бой кипѣлъ на всѣхъ укрѣпленіяхъ Севастополя и на осадныхъ батареяхъ непріятеля неумолчно, съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ; только Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ, по которымъ усиленно дѣйствовали батареи непріятеля, вынуждены были замолчать и замирали подъ градомъ чугуна и свинца, ежеминутно ожидая взрыва своихъ пороховыхъ погребовъ, разносимыхъ страшными ударами и взрывами навѣсныхъ бомбъ большихъ калибровъ“. Далѣе въ этой главѣ авторомъ приводятся числовыя данныя относительно количества сдѣланныхъ непріятелемъ выстрѣловъ и нашихъ потерь въ людяхъ 24-го, 25-го и 26-го августа, и описывается ужасная ночь съ 26-го на 27-е августа.

Глава одиннадцатая: Ш т у р м ъ 27-го а в г у с т а, самая содержательная по важности событій, говоритъ намъ о первой, второй, третьей и четвертой атакахъ 2-го бастіона, о взрывѣ на батареѣ Никифорова, боѣ на Малаховомъ курганѣ и его окончательномъ паденіи, объ атакѣ и боѣ на 3-мъ и 5-мъ бастіонахъ и смежныхъ съ послѣднимъ люнетахъ. Довольно подробно авторъ распространяется о главныхъ причинахъ паденія Малахова кургана и приводитъ числовыя данныя о потеряхъ съ обѣихъ сторонъ. По его словамъ, въ личномъ составѣ Севастопольскаго гарнизона потеря въ этотъ день была громадна, а именно: 7 генераловъ, 46 штабъ-офицеровъ, 372 оберъ-офицера и 12.488 нижнихъ чиновъ; союзники, по оффиціальнымъ отчетамъ, потеряли всего 10.000 человѣкъ: французы—7.570, въ томъ числѣ 9 генераловъ и 419 офицеровъ; англичане—2.450, въ томъ числѣ 3 генерала и 154 офицера; сардинцы 40 человѣкъ, изъ нихъ 5 офицеровъ; на самомъ дѣлѣ потери союзниковъ были гораздо значительнѣе. Личными воспоминаніями автора заканчивается эта глава.

Въ послѣдней главѣ говорится о переправѣ на Сѣверную сторону и значеніи этой переправы; рисуется картина оставляемаго города и Сѣверной стороны ночью на 28-е августа. Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣкоторыя интересныя цифровыя данныя, касающіяся обороны Севастополя, почерпнутыя изъ различныхъ сочиненій. Во время одиннадцатимѣсячной обороны Севастополя наши войска понесли потери убитыми, ранеными, контуженными и безъ вѣсти пропавшими 102 тысячи челов.; въ сраженіяхъ въ Крыму внѣ Севастополя 26 тысячъ; умерло отъ болѣзней за это время до 9 тысячъ; выздоровѣло отъ ранъ до 53 тысячъ, такъ что дѣйствительная, безвозвратная потеря съ нашей стороны за время Крымской кампаніи простирается отъ 83 до 85 тысячъ челов. Союзныя войска понесли слѣдующія потери: подъ Севастополемъ 54.310 чел., внѣ Севастополя 9.465 чел., а всего 63.775 чел. Выпущено артиллерійскихъ снарядовъ: нашею артиллеріею въ Севастополѣ 1.027.000; артиллеріею союзниковъ—1.356.000. Израсходовано пороху: нашею артиллеріею 150.000 пудовъ, союзниками 271.650 пудовъ; ружейныхъ патроновъ: нашими войсками 16.560,000, одними французами—28.500.000; о числѣ патроновъ, израсходованныхъ англичанами, сардинцами и турками, свѣдѣній не имѣется. „Всѣ вышеприведенныя цифры,—говоритъ М. А. Врочевскій,—весьма внушительны, а цифры потерь нашихъ войскъ отъ огня—даже ужасающи! Но, несмотря на этотъ разгромъ, несмотря на взятіе непріятелемъ Керчи, Кинбурна, и оставленіе нами дымящихся развалинъ Севастополя, армія наша все-таки не была побѣждена, и въ сентябрѣ 1855 года стояла передъ врагомъ, готовая мужественно отражать его новыя покушенія. Этотъ разгромъ блистательно доказалъ міру геройскую стойкость нашей славной арміи, даже при плохомъ тогдашнемъ ея вооруженіи“... Заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія обращеніемъ къ героямъ-мученикамъ, покоящимся въ братскихъ могилахъ Севастополя, и приводитъ слѣдующее четырестишіе:

Пусть ангелъ Божій свѣтозарный
Могилы ваши осѣнитъ,
А гимнъ Россіи благодарной
Надъ ними вѣчно пусть звучитъ!...

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*23 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*21 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*3 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*33 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 и 1893 гг., 12 книгъ, съ портретами, по 9 руб.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. ФЕВРАЛЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ А. С. Даргомыжскаго. Грав. въ Лейпцигѣ Геданъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1894.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1894 г.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

Имя Флорентія Ѳеодоровича Павленкова извѣстно всей грамотной Россіи: его знаетъ и школьникъ, едва лишь умѣющій разбирать русскую грамоту, и покончившій съ среднимъ образованіемъ юноша, и вступившій на жизненное поприще общественный дѣятель.

Многочисленныя и разнообразныя по своему содержанію изданія г. Павленкова вполнѣ заслуженно пользуются самою широкою распространенностью.

Чтобы судить объ обширности и разнообразіи дѣятельности г. Павленкова, достаточно перечислить нѣкоторыя рубрики его изданій. Между ними выдающееся мѣсто занимаютъ: литература, публицистика и законовѣдѣніе, популярно-научныя книги, для дѣтей и юношества, учебныя руководства и пособія, библіотеки: сказочная, пушкинская, лермонтовская и др. Дѣятельность г. Павленкова не ограничивается однимъ издательствомъ книгъ: имъ составлено нѣсколько пособій для начальнаго образованія (азбуки: наглядная, родная, наглядно-звуковыя прописи и др.), редактированы нѣкоторые переводы (напр. „Научныя развлеченія" и „Мученики науки", Г. Тисандье), сдѣлано нѣсколько переводовъ съ французскаго лично (напр. „Соціальная жизнь животныхъ", Эспинаса и „Единство физическихъ силъ", Секки) и въ сообществѣ съ другими лицами („Полный курсъ физики", А. Гано, „Электричество и магнетизмъ", А. Гано и Ж. Манэврье). Такимъ образомъ, въ лицѣ г. Павленкова мы имѣемъ незауряднаго дѣятеля, который вполнѣ заслуженно можетъ быть причисленъ къ категоріи людей замѣчательныхъ.

Неутомимый труженикъ на поприщѣ издательства, преодолѣвая всевозможныя трудности и подчасъ даже давленія (извѣстныя, впрочемъ, лишь людямъ, знакомымъ съ закулисной, такъ сказать, стороной книжнаго дѣла), почтенный издатель съ каждымъ днемъ обогащаетъ книжный міръ новыми вкладами.

Съ осени 1890 года г. Павленковымъ издается біографическая библіотека подъ названіемъ „Жизнь замѣчательныхъ людей", состоящая изъ двухъ отдѣловъ - русскаго и иностраннаго.

Обратимся теперь къ детальному разсмотрѣнію біографій русскаго отдѣла.

I.

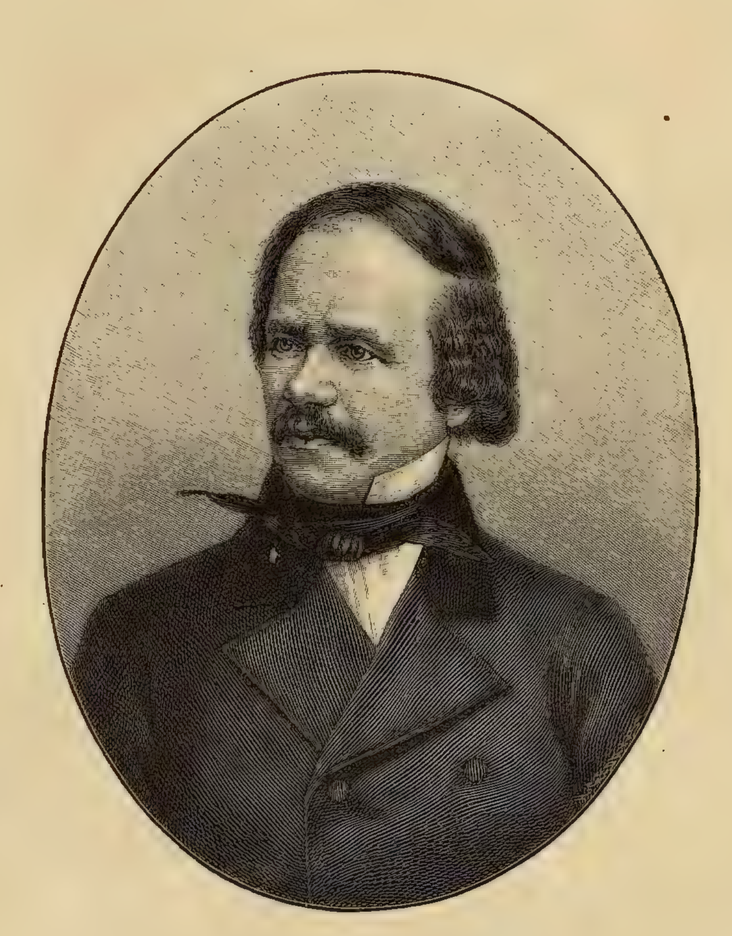
Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ В. А. Мякотина. Ц. 25 к.

Въ предисловіи къ своему труду г-нъ Мякотинъ замѣчаетъ, что написать полную біографію Аввакума, этого первоапостола и главнаго борца раскола, значило бы вмѣстѣ написать и исторію самаго раскола за первые двадцать лѣтъ его существованія, но такъ какъ эта задача слишкомъ обширна, то авторъ избралъ наиболѣе важную и характерную сторону богатой событіями жизни Аввакума, а именно идейное ея содержаніе, представляющее собою яркую страницу изъ исторіи того умственнаго движенія, какое происходило въ Московской Руси XVII столѣтія,—и обратилъ преимущественное вниманіе на эту сторону, поставивъ на второй планъ подробности бытовой обстановки.

Въ первой главѣ авторъ останавливается предварительно на той атмосферѣ, въ которой пришлось жить и дѣйствовать протопопу Аввакуму, и излагаетъ происхожденіе тѣхъ воззрѣній, защитникомъ и распространителемъ которыхъ былъ Аввакумъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи умственнаго движенія великорусскаго народа за XVII-е столѣтіе. Не лишены интереса приводимые авторомъ отзывы нѣкоторыхъ иностранцевъ о русскихъ. Одинъ изъ нихъ, Ульфельдъ, такъ отзывается о видѣнныхъ имъ русскихъ: „какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы сами, они считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчій въ разсужденіяхъ... и не удостоиваютъ выслушать другихъ, перебиваютъ слова". Другой иностранецъ, Бэръ, говоритъ о знатныхъ россіянахъ того времени, что они скорѣе согласятся уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли. „Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога" и т. д. Маржеретъ, жившій въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ,—повѣствуетъ, что невѣжество народа было таково, что „не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; онъ ненавидитъ науки и особенно языкъ латинскій..." По словамъ того же Маржерета, въ московскихъ церквахъ въ его время никогда не бывало проповѣдей, а другой иностранецъ, Олеарій, разсказываетъ, что патріархъ отправилъ даже въ ссылку одного священника, вздумавшаго, вопреки обычаю, проповѣдовать въ церкви.

Далѣе авторъ говоритъ о результатахъ сближенія русскихъ людей съ иностранцами, сближенія, вызваннаго насущными нуждами и потребностями государства. Ближайшимъ результатомъ этого сближенія явилось раздѣленіе общества на враждебныя партіи, борьба двухъ противуположныхъ воззрѣній. „Съ какого бы пункта ни начиналась эта борьба, она неизбѣжно приводила против-

Дозволено цензурою. Спб. 24 января 1894 г. Тип. Высочайше утв. Товар. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39



А. С. ДАРГОМЫЖСКIЙ.

1813 † 1869.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

ФЕВРАЛЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА V [1]).

Модный департаментъ новаго министерства, сельско-хозяйственный.—Директоръ его фонъ-Брадке.—Мое поступленіе туда начальникомъ отдѣленія.—Незнакомая мнѣ дѣятельность и затруднительныя минуты, мною испытанныя.—Уставы для фермъ и образцовыхъ садовыхъ заведеній.—Пріемы въ законодательныхъ работахъ.—Отсутствіе спеціальныхъ знаній въ административномъ мірѣ.—Мои доклады министру.—Шеншинъ и его промышленные вечера.—К—скій и его красавица жена.—Кукольникъ, Брюлловъ, Глинка, Рамазановъ Булгаринъ.—Опять Отрѣшковъ.—Его промышленная предпріимчивость и смѣшная репутація.—Путешествіе наше, вмѣстѣ съ нимъ, къ князю Барятинскому.

Между тѣмъ въ то время, пока я занимался въ V отдѣленіи дѣлами С.-Петербургской губерніи, въ министерствѣ начались уже значительныя измѣненія по личному составу. Я не говорю уже объ управляющихъ палатами, которые переставлялись и смѣщались, какъ шашки. Но уже и по департаментамъ новыя личности стали появляться вмѣсто старыхъ. Такъ точно изящный и ученый 3-й департаментъ перешелъ уже въ руки Брадке, бывшаго предъ тѣмъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Самое это назначеніе свидѣтельствовало, что департаментъ этотъ именно ученый и что въ высшемъ его управленіи должны лежать не общія правила чиновничества, но начала науки и просвѣщенія. Но какъ никакой департаментъ не можетъ быть свободенъ отъ примѣси чиновничества или формалистики, то для этой части данъ ему былъ, въ качествѣ вице-директора, Холодовскій, который на ней, какъ говорится, зубы съѣлъ. Брадке, какъ человѣкъ, былъ ангелъ доброты, кротости,

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, январь, 1894 г.

и всѣ подчиненные, дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ слова, любили его, какъ отца. Но—увы! какъ директоръ, онъ оказался несостоятельнымъ и скоро сталъ въ самыя дурныя отношенія съ Киселевымъ.

Я не могъ не слѣдить за всѣми этими измѣненіями и, чѣмъ болѣе происходило перестановокъ, тѣмъ болѣе я досадовалъ на установленіе чиновныхъ разрядовъ, которые отнимали у меня возможность двинуться впередъ. Поэтому, когда въ V отдѣленіи наступило время представленія къ наградамъ, я требовалъ чина и затѣмъ рѣшительно отъ всего отказывался. Хотя срокъ, установленный для производства за отличіе, у меня еще не выходилъ, но Высочайшее повелѣніе о производствѣ меня состоялось съ такимъ условіемъ, чтобы оно было объявлено тогда, когда срокъ этотъ кончится. Это былъ, кажется, первый примѣръ подобнаго производства и принадлежитъ безспорно изобрѣтательному уму Карнѣева; но впослѣдствіи этотъ примѣръ подхватили и ввели въ общее употребленіе. Въ чиновномъ мірѣ, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности: ученой, торговой, промышленной и т. п., стоитъ только одному выдумать и пустить въ ходъ какую-либо хорошую и полезную штуку, какъ тотчасъ она сдѣлается общимъ достояніемъ. Съ штабъ-офицерскимъ чиномъ, котораго такъ нелѣпо и упорно требовалъ отъ меня Киселевъ, какъ непремѣннаго условія для моего повышенія—я самоувѣренно сталъ ждать, какъ Гоголевскій ревизоръ, когда и откуда придетъ курьеръ звать меня управлять, если не министерствомъ, то отдѣленіемъ. Надобно здѣсь замѣтить, что тѣ дѣла, которыми я занимался въ старомъ департаментѣ, по новому распредѣленію отошли ко 2-му департаменту министерства. Занятія мои по V отдѣленію и по канцеляріи министра сближали меня съ дѣлами 1 го департамента. Слѣдовательно, отъ этихъ двухъ департаментовъ съ наибольшею вѣроятностію могъ я ожидать предложеній, тѣмъ болѣе, что Клоковъ, намѣревавшійся пріобрѣсти меня при самомъ образованіи министерства, не оставлялъ увѣрять меня, при каждой встрѣчѣ, что это намѣреніе сохраняетъ онъ во всей твердости и рано или поздно—непремѣнно исполнитъ его. Но предложеніе явилось съ другой стороны. Оно явилось со стороны 3-го департамента, на который я, по его исключительному устройству,

никогда не могъ и разсчитывать. Случилось это слѣдующимъ образомъ: Брадке, по вступленіи въ директоры этого департамента, скоро отправился въ губерніи, для обзора различныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, и управленіе департаментомъ перешло къ Холодовскому, какъ вице-директору. Холодовскій, всмотрѣвшись въ личный составъ департамента, убѣдился, что въ этомъ составѣ есть много прожектеровъ и ученыхъ, но собственно дѣловыхъ людей очень мало. Особенно страдало I-е отдѣленіе, въ которомъ сосредоточено было завѣдываніе агрономическими учрежденіями и которое переходило уже много разъ изъ рукъ въ руки съ одинаковымъ успѣхомъ. Холодовскій, въ борьбѣ съ неопытностью завѣдывающихъ этимъ отдѣленіемъ, съ безпрерывными промахами, которые въ немъ совершались, предложилъ мнѣ взять это отдѣленіе. Предложеніе это не могло не погрузить меня въ страшныя недоумѣнія: если, съ одной стороны, тщеславное желаніе поступить скорѣе въ разрядъ начальниковъ отдѣленій, что въ мои лѣта представлялось очень эффектнымъ, не говоря о матеріальныхъ выгодахъ, и увлекало меня, то съ другой—сознаніе въ себѣ полнѣйшаго отсутствія малѣйшей подготовки къ занятіямъ, мнѣ предлежащимъ, и опасеніе, какъ говорится, срѣзаться на новомъ поприщѣ—значительно смущало меня. Но V-е отдѣленіе и особенно доблестный начальникъ его научили меня, какъ я говорилъ уже, ни предъ чѣмъ не отступать и смѣло атаковать затрудненія, какъ бы обширными они ни представлялись. Я принялъ предложеніе и поступилъ начальникомъ отдѣленія въ 3-й департаментъ. Пока шли переговоры, письменныя сношенія и другія формальности, возвратился и Брадке изъ своего путешествія. Само-собою разумѣется, что предварительныя сношенія съ нимъ исполнены были величайшей съ его стороны деликатности и привѣтливости. Я намекалъ на свою неопытность и требовалъ снисхожденія. Онъ увѣрялъ, что департаментъ счастливъ, пріобрѣтая чиновника съ такою репутаціею. Однимъ словомъ, пройденъ весь тотъ церемоніалъ, который обыкновенно совершается въ подобныхъ случаяхъ. Личностью своею Брадке не могъ не произвести на меня самаго отраднаго впечатлѣнія. Крошечный, сѣдой, лысый, горбатый, онъ былъ безобразенъ; но въ то же время онъ былъ выше всякаго красавца силою великолѣпной души, которая отражалась во всѣхъ

его словахъ, поступкахъ и даже манерахъ. Его нельзя было не любить и не почитать, и всѣ, кого судьба ставила въ какія-либо соотношенія съ нимъ, его любили и почитали. Послѣ любезностей, имъ сказанныхъ, мои опасенія еще болѣе усилились. Я сильно боялся не угодить ему.

Какъ теперь помню день, когда формально и окончательно явился я въ департаментъ и обратилъ на себя глаза всѣхъ. Директоръ тотчасъ повелъ меня въ отдѣленіе и представилъ мнѣ чиновниковъ, къ нему принадлежащихъ. Вслѣдъ затѣмъ и прежде, чѣмъ я успѣлъ перемолвить слово съ новыми моими сотрудниками, онъ выноситъ какія-то бумаги и проситъ разсмотрѣть ихъ и составить, для представленія завтра министру, соображенія, какъ разрѣшить вопросъ. Признаюсь—такого порученія я и ожидать не могъ. Человѣку, только-что вступившему въ департаментъ, не имѣющему ни малѣйшаго понятія о новыхъ дѣлахъ, которыми онъ долженъ заниматься, поручить немедленно составить какія-то и о чемъ-то соображенія, для представленія завтра же министру—было въ высшей степени оригинально со стороны Брадке. Былъ ли то опытъ для моихъ способностей, или увѣренность, что для этихъ способностей ничто не трудно, я не знаю; но знаю, что для меня это былъ моментъ тяжелый и непріятный. Кровь ударила въ голову, и я съ минуту колебался: приняться ли за составленіе требуемыхъ соображеній или просить необходимаго и весьма естественнаго дозволенія предварительно ознакомиться съ дѣлами. Но я тотчасъ сообразилъ, что отступленіе было бы постыдно и произвело бы, на первыхъ же порахъ, невыгодное впечатлѣніе. Въ переданныхъ бумагахъ я нашелъ какое-то представленіе и справки, составленныя департаментомъ. Дѣло было въ томъ, что изъ Кизлярскаго училища винодѣлія отправлено было куда-то, въ Нижній Новгородъ, для продажи вино, но осталось непроданнымъ и начало портиться. Вопросъ былъ въ томъ, что съ нимъ дѣлать? Я схватилъ бумагу, перо и мгновенно написалъ красивымъ почеркомъ, какимъ я владѣлъ тогда, докладъ министру, съ такимъ мнѣніемъ, чтобы поручить это несчастное вино покровительству мѣстнаго губернатора и просить его продать его немедленно, какимъ бы то средствомъ и по какимъ бы то цѣнамъ ни было. Соглашаюсь вполнѣ, что ника-

кого мудренаго изобрѣтенія тутъ не было, хотя и теперь, чрезъ десятки лѣтъ, я бы ничего другаго, въ данномъ случаѣ, придумать не могъ; но быстрота и бойкость, съ которыми я взялся за дѣло и сдѣлалъ его, спасли мою репутацію и внушили достодолжное уваженіе ко мнѣ моихъ сотрудниковъ. Потомъ я возами сталъ отправлять къ себѣ на квартиру дѣла отдѣленія и, просиживая за ними ночи, быстро и исторически ознакомился со всѣмъ, что̀ каждый дѣльный начальникъ отдѣленія знать долженъ.

Составъ моего отдѣленія, какъ и всѣхъ отдѣленій въ мірѣ, только въ самой незначительной части, былъ хорошъ, а въ общемъ видѣ далеко не удовлетворителенъ и имѣлъ много такъ называемаго между чиновниками балласта. На бѣду, самый капитальный изъ моихъ столоначальниковъ Смирновъ самъ разсчитывалъ быть начальникомъ отдѣленія, и когда меня назначили, сталъ, на первыхъ порахъ, въ непріязненныя ко мнѣ отношенія и, разумѣется, былъ самымъ дурнымъ помощникомъ. Личность эта слишкомъ замѣчательна, чтобъ не посвятить ей нѣсколько словъ. Огромнаго роста съ формами Геркулеса, онъ былъ оригиналъ въ высшей степени. Онъ или вовсе не ходилъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, или предъ тѣмъ, какъ идти въ департаментъ, дѣлалъ прогулку въ Парголово и обратно. Такъ точно онъ или держалъ самую строжайшую діету, или вдругъ съѣдалъ десять порцій бифштекса. Все это онъ дѣлалъ по какимъ-то своимъ исключительнымъ умозаключеніямъ и объяснялъ самыми серьезными доводами. Будучи вообще человѣкомъ очень образованнымъ, онъ былъ одолѣваемъ любознательностью безпримѣрною. Нѣтъ знанія, нѣтъ искусства, съ которымъ бы онъ, хоть не много, не познакомился. Онъ игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, разумѣется, очень дурно; рисовалъ,—конечно, еще хуже. Достаточно сказать, что въ мое время, при ограниченныхъ средствахъ столоначальника, онъ продолжалъ учиться фехтовать и ѣздить верхомъ, что̀ не мало забавляло его сослуживцевъ. Женщинъ онъ терпѣть не могъ и не могъ даже выносить ихъ присутствія, а когда впослѣдствіи мы командировали его въ Горыгорѣцкій институтъ, по какому-то дѣлу, онъ мгновенно и неожиданно тамъ женился. Когда, наконецъ, у него родился первый ребенокъ, онъ нашелъ почему-то нужнымъ объявить объ этомъ въ газетахъ. Впослѣдствіи онъ слу-

жилъ въ инженерномъ вѣдомствѣ военнаго министерства и, какъ слышно было, знаменитый Тотлебенъ былъ отъ него въ восхищеніи. Я лично смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, ибо, несмотря на всѣ его странности, онъ вообще былъ порядочный человѣкъ. Съ теченіемъ времени я старался измѣнить составъ отдѣленія и наполнилъ его молодыми людьми изъ числа первыхъ кандидатовъ университета, которые охотно вступали въ нашъ модный департаментъ и еще охотнѣе прикомандировывались къ моему отдѣленію.

Вскорѣ послѣ вступленія моего въ 3-й департаментъ, я долженъ былъ приступить къ огромному и капитальному труду—составленію новыхъ уставовъ для агрономическихъ нашихъ заведеній. Началось съ учебныхъ фермъ. Жеребцовъ, который особенно умѣлъ, на первыхъ порахъ, составить себѣ репутацію всевозможнаго знатока, раздѣлилъ всю Россію на нѣсколько полосъ, сходныхъ по почвѣ, климату, роду хозяйства и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Въ каждой изъ этихъ полосъ предназначено устроить образцовую ферму, которая, примѣняясь къ мѣстности, показывала бы, какъ должно хозяйничать, и распространяла бы усовершенствованные способы по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Для этихъ фермъ надлежало составить положеніе и инструкціи, на основаніи которыхъ они должны были дѣйствовать. Какъ ни затрудняло меня незнакомство съ дѣятельностью подобнаго рода, но дѣло шло отлично, и Брадке постоянно восхищался и моею быстротою, и моими соображеніями. Подкрѣпляемый его одобреніемъ, я съ положительнымъ успѣхомъ защищалъ свои произведенія въ ученомъ комитетѣ, состоящемъ при департаментѣ и, несмотря на атаки милѣйшаго изъ его членовъ и вообще изъ числа людей, князя Одоевскаго—скоро пріобрѣлъ тамъ, по отношенію къ своимъ дѣламъ, большой вѣсъ, разумѣется, не ученостью, которой у меня почти не было, но силою яснаго взгляда и знанія практическаго дѣла, точно такъ же, какъ я пользовался уже такимъ же вѣсомъ въ общемъ присутствіи нашего департамента, куда вносились всѣ затруднительные вопросы изъ отдѣленій. Потомъ, когда воротились изъ-за границы молодые люди, посланные туда собственно для агрономическаго образованія, надлежало распоряжаться самымъ учрежденіемъ учебныхъ фермъ, что̀ не могло не представлять тысячи самыхъ сложныхъ и разнородныхъ вопросовъ. Принесли ли эти

фермы какую-либо практическую пользу отечественному сельскому хозяйству, не знаю; но въ то время учрежденія эти казались намъ имѣющими громадное значеніе.

Затѣмъ очередь дошла до образцовыхъ садовыхъ заведеній. Составленіе для нихъ новаго подробнаго устава съ различными историческими и статистическими выводами не представляло, по крайней мѣрѣ для меня, вышедшаго изъ школы V отдѣленія, большихъ затрудненій, потому что, согласно пріемамъ, оттуда заимствованнымъ, и пріемамъ, безспорно разумнымъ, всѣ уставы, какіе въ теченіе моей служебной и неслужебной дѣятельности выпадали на мою долю, я писалъ широкими чертами, относя всѣ подробности къ инструкціямъ, сколько потому, что не могъ, большею частью, опредѣлить этихъ подробностей, столько же и потому, что дѣйствительно считалъ, въ своемъ убѣжденіи, нелѣпымъ представлять на Высочайшее утвержденіе частности, подобныя тѣмъ, которыми такъ обильно набитъ нашъ Сводъ Законовъ. Впослѣдствіи взглядъ этотъ сильно распространился и едва-ли не перекинулъ, въ послѣднее время, нашихъ законодателей въ противуположную крайность. Я видѣлъ много новыхъ законоположеній въ высшей степени серьезнаго значенія, но облеченныхъ въ такое изложеніе, которое было, какъ говорится, короче утинаго носа. Если, въ такомъ видѣ, они и имѣли то достоинство, что открывали министрамъ и ближайшимъ дѣятелямъ большую свободу въ ихъ дѣйствіяхъ, то, съ другой, представляли уже опасеніе произвола въ такихъ предметахъ, которые должны имѣть прочное основаніе. Въ особенности такихъ краткихъ черезчуръ законовъ было много, какъ я припоминаю по министерству народнаго просвѣщенія, при управленіи имъ Головнина, вышедшаго изъ прогрессивной школы. Цѣлыя и обширныя части преобразовывались на основаніи нѣсколькихъ параграфовъ. Но въ то время, о которомъ говорю, я имѣлъ еще то побужденіе избѣгать въ моихъ уставахъ подробностей, что у насъ былъ ученый комитетъ, который я считалъ величайшимъ мастеромъ для установленія всевозможныхъ техническихъ подробностей. Но, увы! мое убѣжденіе было ложно, мои соображенія были невѣрны. Приведу одинъ примѣръ. Едва было утверждено положеніе о садовыхъ заведеніяхъ, какъ Брадке пригласилъ меня поспѣшить составленіемъ для нихъ технической ин-

струкціи. Удивленный такимъ неожиданнымъ порученіемъ, я замѣтилъ, что это должно быть, по моему мнѣнію, предоставлено ученому комитету, гдѣ есть спеціалисты, начиная съ того же Кеппена, о которомъ я выше говорилъ. Брадке отвѣчалъ, что отъ комитета нѣтъ надежды и дождаться инструкціи, и вновь просилъ меня заняться этимъ дѣломъ. Отказываться долѣе было невозможно, и я, не имѣющій понятія о садоводствѣ и съ трудомъ отличающій яблоню отъ груши, долженъ былъ изложить для самыхъ опытныхъ и глубокихъ садоводовъ наставленіе, какъ они должны разводить сады. Разумѣется, въ самомъ департаментѣ, при текущихъ дѣлахъ, я не могъ этого сдѣлать и потому, зайдя въ библіотеку и набравъ тамъ нѣсколько подходящихъ къ моему дѣлу книгъ, я пробѣжалъ ихъ дома, а на другой день была уже готова инструкція. Удивительно здѣсь не то, что я написалъ инструкцію по предмету, о которомъ не имѣлъ понятія, но то, что инструкція эта, внесенная на разсмотрѣніе ученаго комитета, найдена была вполнѣ удовлетворительною и соотвѣтственною цѣли, что̀, конечно, не могло не изумить меня самого болѣе, чѣмъ кого-либо. Обстоятельство это показываетъ, во-первыхъ, что при недостаткѣ у насъ въ то время спеціальныхъ людей обязанность ихъ исполнялась просто способными людьми, а во-вторыхъ, что если у насъ и были спеціальные люди, то они были очень плохи. Никто болѣе меня не сознавалъ, что такой порядокъ не естественъ и вреденъ; никто болѣе меня не желалъ, чтобъ этотъ порядокъ замѣнился правильнымъ и полезнымъ. Къ сожалѣнію, я видѣлъ и впослѣдствіи, что многихъ просто способныхъ и смѣлыхъ людей смѣшивали съ людьми знающими. Впрочемъ, разнородный опытъ показалъ мнѣ, что спеціальныхъ людей надо держать въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ и не отрывая ихъ отъ ихъ спеціальности, спрашивать только ихъ мнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда это представится нужнымъ. Спеціальные люди, внѣ ихъ среды, самые плохіе дѣятели. Умственныя ихъ силы, сосредоточиваясь на ихъ спеціальности, какъ будто не способны уже воспринимать другихъ впечатлѣній и примѣняться къ другой дѣятельности. Въ этомъ же департаментѣ были начальниками отдѣленій: академикъ Кеппенъ, о которомъ я говорилъ, и Шопенъ, также извѣстный своими статистическими трудами, преимущественно по части Кавказа. Они были самыми плохими, до

смѣшнаго, распорядителями и скоро были замѣнены другими. Кеппенъ, который управлялъ 2 отдѣленіемъ, замѣненъ былъ Струковымъ, бывшимъ впослѣдствіи инспекторомъ сельскаго хозяйства южной Россіи. Струковъ былъ сильнымъ моимъ соперникомъ. Владѣя большимъ образованіемъ и безпримѣрною дѣятельностью, онъ имѣлъ также большое значеніе въ департаментѣ, хотя во всѣхъ своихъ проектахъ онъ былъ несчастливъ и именно потому, что не имѣлъ той практической дѣловой опытности, которой у меня было такъ много. Отношенія мои съ Струковымъ были впрочемъ самыя дружескія, и впослѣдствіи я былъ глубоко пораженъ, когда узналъ, что онъ заключилъ свою карьеру такъ же, какъ и другой мой пріятель, Хрущевъ, т. е. сошелъ съ ума.... Только мы одни съ Струковымъ и ходили къ докладу министру.

Въ докладахъ этихъ былъ такой порядокъ: каждый департаментъ имѣлъ свой день, въ который директоръ этого департамента, сопровождаемый начальниками отдѣленій, являлся къ министру. Докладъ нашего департамента былъ по средамъ. Въ эти дни самъ Брадке и всѣ чиновники чрезвычайно рано собирались въ департаментъ для окончательныхъ приготовленій къ докладу. По другимъ департаментамъ первоначально ходили къ докладу всѣ начальники отдѣленій, которыхъ дѣла докладывались. Но Киселевъ скоро забраковалъ многихъ, боязливыхъ и не имѣющихъ дара слова. Брадке, вслѣдствіе ли этого опыта или по собственнымъ соображеніямъ, бралъ съ собою только двухъ начальниковъ отдѣленій: меня и Струкова, и между нами распредѣлялись, независимо отъ нашихъ собственныхъ дѣлъ, дѣла другихъ отдѣленій, подлежащія докладу. Предпочтеніе это, безъ сомнѣнія, основывалось на томъ, что мы были смѣлы и рѣчисты. И дѣйствительно: несмотря на то, что всѣ трепетали Киселева, я любилъ ходить въ докладъ и смѣло смотрѣть въ огромные его глаза, которые онъ любилъ устремлять упорно на того, съ кѣмъ говорилъ... При этихъ докладахъ мы могли видѣть замѣчательную самостоятельность Брадке и то непріязненное впечатлѣніе, которое она производила на Киселева. Я не имѣлъ случая лично видѣть формуляра Брадке, но мнѣ говорили, что въ немъ есть замѣчательная и характеризирующая его отмѣтка Аракчеева, слѣдующаго содержанія. «способенъ и достоинъ, но жаль, что часто забываетъ свой малый

чинъ передъ старшими». И дѣйствительно: кроткій и тихій съ подчиненными, онъ совершенно перерождался въ объясненіяхъ съ Киселевымъ и никакъ не покорялся предъ его величіемъ. Послѣ сильныхъ споровъ и столкновеній съ министромъ, онъ мгновенно утихалъ и по-прежнему становился самымъ добрѣйшимъ начальникомъ. Я живо помню, какъ почти ежедневно, по окончаніи присутствія, его маленькая фигурка катилась между мною и Струковымъ на Васильевскій островъ, гдѣ всѣ мы тогда жили. Вообще это было пріятнѣйшимъ періодомъ моей службы, и я не думалъ нисколько о какой-либо перемѣнѣ своего положенія, если бы вновь и опять совершенно неожиданно не явились обстоятельства, которыя вызвали эту перемѣну.

Служа въ 3-мъ департаментѣ, я поддерживалъ крѣпко мои отношенія съ лицами V отдѣленія и постоянно былъ знакомъ съ ними самымъ близкимъ образомъ. Никакой балъ въ этой средѣ не обходился безъ моего сильнаго участія, тѣмъ болѣе, что мои серьезныя занятія не мѣшали мнѣ быть записнымъ франтомъ и отчаяннымъ танцоромъ. Клоковъ, когда приходилось ему сочинить какой-нибудь праздникъ, начиналъ съ того, что всю власть и всѣ распоряженія передавалъ въ мои руки. Также точно я постоянно присутствовалъ на тѣхъ балахъ и вечерахъ Шеншина, о которыхъ я уже выше говорилъ. Балы эти совершенно оправдывали то убѣжденіе, что петербургское общество всегда радо веселиться, кто бы ни предлагалъ ему это удовольствіе. Несмотря на сомнительную свою репутацію, Шеншинъ успѣвалъ сосредоточивать на своихъ вечерахъ довольно порядочное общество, придавая имъ полухудожественный, полулитературный характеръ и выкидывая съ своей стороны всевозможныя штуки, начиная съ огненныхъ фейерверковъ, которые всѣхъ забавляли и всѣмъ нравились. Помѣщеніе у него, въ домѣ Струкова, на Англійской набережной, было весьма эффектное и обставлено различными минералогическими, зоологическими и другими собраніями, которыя свидѣтельствовали о его обширной учености и вообще внушали достодолжное уваженіе, особенно людямъ непривычнымъ. Постояннымъ и наиболѣе почетнымъ гостемъ въ эти дни у Шеншина былъ извѣстный графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, бывшій въ то время вице-предсѣдателемъ академіи художествъ и привлекавшій всѣхъ

своимъ кроткимъ обращеніемъ и прекраснымъ лицомъ добраго старца. Тамъ я видѣлъ дочь его, только-что вышедшую за К—го, извѣстнаго въ свое время литератора, и удивлялся рѣдкому соединенію красоты въ этой парѣ. Тогда я не зналъ еще, что этотъ господинъ, вмѣстѣ съ блестящею наружностью, надѣленъ былъ самыми низкими свойствами. Еще менѣе могъ я предугадать, что союзъ этотъ не проченъ и что красавица, на которую нельзя было довольно налюбоваться, должна будетъ впослѣдствіи трудомъ добывать себѣ хлѣбъ и приносить свои рукодѣлья въ магазинъ, который потомъ, на другомъ поприщѣ, мнѣ суждено было устроить для бѣдныхъ. Объ этомъ несчастномъ бракѣ въ то время ходило много поэтическихъ разсказовъ.

У Шеншина я видѣлъ постоянно Нестора Кукольника, которому было суждено потомъ жениться на нѣмкѣ, самаго отвратительнаго разбора и свойства. Судьба этого человѣка замѣчательна. Я помню, что вскорѣ послѣ прибытія моего въ Петербургъ всѣ граждане его были объяты самымъ неистовымъ восторгомъ отъ Торквато-Тассо. Всѣ наперерывъ читали звучные стихи этого произведенія, и трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестящѣе той, какою въ то время пользовался Кукольникъ. О личности его ходили самые разнообразные слухи и всегда съ примѣсью чего-нибудь поэтическаго. Говорили, что онъ красавецъ собой, что многія женщины и дѣвы заочно влюблялись въ него, и что онъ былъ героемъ самыхъ романтическихъ приключеній. Увы! судьба скоро свела меня съ тѣмъ кружкомъ, главою котораго былъ Кукольникъ, а самыми дѣйствительными членами: Брюлловъ, Глинка, Яненко, Струговщиковъ и др. Кто бывалъ въ этомъ кружкѣ, тотъ зналъ, что всякое поэтическое обаяніе тамъ исчезало и что главнымъ занятіемъ его были оргіи довольно дурнаго тона. Придумывалась напр. какая-нибудь лоттерея-томбола, что въ то время было еще новизной, и задавался пиръ. Когда винные запасы истощались, Кукольникъ говорилъ рѣчь и собиралъ съ присутствующихъ деньги на подкрѣпленіе или возобновленіе этихъ запасовъ. Время проводилось самымъ дурнымъ и безобразнымъ образомъ. Пѣсни преобладали. Въ большомъ ходу была: «рюмочки по столику похаживаютъ», а еще болѣе: «ходитъ вѣтеръ у воротъ» изъ извѣстной драмы Кукольника. Въ этой пѣснѣ

Яненко производилъ страшный фуроръ, выдѣлывая языкомъ скрипичное пичикато. Кукольникъ, несмотря на то, что писалъ и ставилъ на сцену драму за драмой, быстро падалъ, какъ литераторъ и какъ человѣкъ. Скоро онъ вовсе оставилъ литературу и обратился въ довольно плохаго чиновника военнаго министерства. Потомъ онъ связался съ какою-то нѣмецкою камеліею плохаго сорта, которая совершенно завладѣла имъ и сдѣлалась его женою. Я видѣлъ много разъ, какъ знаменитый нѣкогда поэтъ лобызалъ руки у своей толстой и размалеванной Амаліи Ивановны и вотъ по какому случаю. Впослѣдствіи, когда я былъ дѣятельнымъ членомъ общества посѣщенія бѣдныхъ, я, при содѣйствіи графа Соллогуба, учредилъ магазинъ, куда бѣдные могли всегда сбывать свои произведенія, и гдѣ бѣдныя, съ другой стороны, могли пріобрѣтать недорогія вещи. Для управленія этимъ магазиномъ требовалась женщина, знающая рукодѣльную часть, и мы опредѣлили въ эту должность одну госпожу Допплеръ, тоже старую грѣшницу, большую пріятельницу Амаліи Ивановны. Допплеръ была за многими мужьями и между прочимъ попала какъ-то за извѣстнаго скрипача Допплеръ, который, однако, не оцѣнилъ супружескаго счастія, скрылся куда-то и пропалъ безъ вѣсти. Самъ Допплеръ пользовался поддержкой извѣстнаго покровителя всѣхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, графа М. Ю. Віельгорскаго; къ нему же стала ходить потомъ и брошенная Допплеромъ жена. Графъ Віельгорскій сбылъ ее на руки своему зятю, графу Соллогубу, а тотъ мнѣ, и она опредѣлена была начальницей магазина. При безпрерывныхъ съ ней сношеніяхъ, я узналъ и Амалію Ивановну. Дружба ихъ была такъ сильна, что Кукольникъ, изъ любви къ женѣ, воспитывалъ на свой счетъ нѣкоторыхъ дѣтей Допплеръ и вообще дѣлалъ ей значительныя пособія. Впослѣдствіи Кукольникъ съ женою переселились въ Таганрогъ, но отношенія наши съ нимъ не прекращались, и мы, хотя рѣдко, но переписывались. Беру на удачу одно или два письма, полученныя мною отъ него на Кавказѣ:

«Я весьма обрадовался случаю, что старинный мой знакомый В. Д. Б. отправляется на службу въ Грузію и будетъ въ Тифлисѣ, слѣдственно будетъ, если позволите, и у васъ, разскажетъ и обо мнѣ, и можетъ быть будетъ столько счастливъ—уговоритъ васъ написать мнѣ хоть строчку. Я же теперь съ вами сосѣдъ, вышелъ въ отстав-

ку, здоровья ради и ради здоровья поселился въ Таганрогѣ. Слава тебѣ, Господи! я въ пристани. Далъ бы то Богъ, чтобъ какъ-нибудь бурей не сорвало меня съ брошеннаго якоря. Надоѣло скитаться по житейскому морю. Можетъ быть, и мы съ женой, въ качествѣ путешественниковъ и любителей природы, вздумаемъ перекинуться чрезъ горы и взглянуть на Тифлисъ; но на это едва-ли скоро рѣшимся, потому что надо прежде усѣсться вплотную и поустроиться. Надѣясь на ваше всегда доброе ко мнѣ расположеніе, я позволилъ себѣ заочно познакомить васъ съ В. Д. Б. Я увѣренъ, что, если бы встрѣтилась надобность, вы по старой пріязни ко мнѣ не откажете помочь моему дорогому пріятелю вашимъ заступничествомъ. Честность, благородство, твердый характеръ не всегда проходятъ сквозь Каудинскіе фуркулы службы и жизни безпрепятственно. Мы съ вами многіе тому видѣли опыты. Я заболтался, но это свойство и старости, и совершенной независимости, въ которую я наконецъ вскочилъ, точно въ волшебный и упоительный кругъ. Какъ сладостно не имѣть никакой другой обязанности, кромѣ обязанности быть человѣкомъ». Вотъ другое письмо его: «Отозвался казакъ на солодкомъ меду; такъ и я; въ тишинѣ моего таганрогскаго уединенія съ удовольствіемъ поминаю людей, которыхъ помнить пріятно. Рѣдко пишу къ нимъ потому, что не знаю—будетъ ли имъ пріятно читать мои посланія; но всегда радъ случаю, когда какое нибудь дѣло позволяетъ мнѣ утѣшить себя бесѣдою съ ними. Подобному случаю обязанъ я и настоящимъ удовольствіемъ. У васъ есть въ Тифлисѣ театръ и оркестръ. Не нужно ли для этого оркестра очень хорошихъ двухъ артистовъ: первую скрипку и віолончель. Покойный Алфераки сформировалъ для Таганрога превосходный оркестръ; но сдѣлалъ большую глупость: умеръ, и нашъ оркестръ разстраивается. Эти два не хотѣли бы возвращаться во-свояси, а желали бы имѣть гдѣ-либо постоянный ангажементъ. Вы были всегда столько добры ко мнѣ, а потому я и позволилъ себѣ обезпокоить васъ покорнѣйшею просьбою. Можетъ быть для тифлисскаго оркестра такіе два артиста будутъ пригодны. Наше protégé m-me Допплеръ вступила со мною въ родство. Племянникъ мой П—кій (профессоръ, по части минералогіи, или нумизматики) женился на ея дочери. Я отъ души ихъ благословилъ. Говорятъ, что на Кавказѣ водятся удивительные цвѣ-

ты, особенно восхваляютъ тамошніе георгины. Тифлисъ нынѣ, какъ слышно, много цивилизованъ; слѣдственно, тамъ вѣроятно есть и ученые садоводы, и опытныя заведенія, откуда бы можно получить хорошія сѣмена. Безконечно обязали бы, еслибъ, въ избыткѣ великодушія, указали, къ кому въ Тифлисѣ по этому предмету можно бы обратиться. При вашихъ серьезныхъ занятіяхъ, просьбы мои, можетъ быть, возбудятъ смѣхъ; но въ моемъ положеніи георгинъ имѣетъ для меня болѣе прелести, чѣмъ георгіевская звѣзда».

Съ Брюлловымъ я не былъ въ непосредственныхъ личныхъ сношеніяхъ; но извѣстно, что безнравственность его, по своей громадности, равнялась его таланту. Я часто видалъ художника М. и сестру его, молодую дѣвушку. Самъ М. былъ невѣжественный господинъ, и всѣ говорили, что сестра его была цѣною того успѣха, который онъ пріобрѣлъ своею извѣстной картиной: «Дѣвушка со свѣчой». Общее мнѣніе было таково, что Брюлловъ если и не совсѣмъ написалъ, то отдѣлалъ своими руками эту картину, что́ и не подлежитъ сомнѣнію потому, что послѣ столь блестящаго дебюта М. не произвелъ уже ничего и погрязъ въ своемъ ничтожествѣ.

Съ Глинкою, напротивъ, одно время мы почти ежедневно видѣлись въ одномъ семействѣ, гдѣ обожали музыку и любили покутить. Это время, кажется, было самымъ несчастнымъ въ жизни Глинки. Служебныя отношенія его по придворной капеллѣ разстраивались. Измѣна жены выставила имя его на позоръ. Онъ, какъ говорится, пилъ безъ просыпу, и мы съ грустію видѣли, какъ онъ губитъ громадный талантъ. Въ то время была поставлена только «Жизнь за царя»; о «Русланѣ и Людмилѣ» ходили одни только слухи. Подъ веселую руку онъ пѣлъ намъ изъ нея многія вещи. Потомъ я потерялъ его изъ виду, что́ и не было трудно, потому что онъ безпрерывно то уѣзжалъ, то пріѣзжалъ и вообще былъ больше заграницею, чѣмъ въ Петербургѣ. Глинка былъ малаго роста и представлялъ фигуру мало симпатичную. Гладко остриженный, съ прищуренными глазами, онъ во внѣшности своей имѣлъ что-то себялюбивое и задирающее. Но вообще онъ казался человѣкомъ благовоспитаннымъ и образованнымъ. Многіе находили, что онъ пѣлъ мастерски; я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія, потому что онъ не пѣлъ,

а кричалъ, не имѣлъ настоящаго голоса и почти всегда, когда пѣлъ, былъ пьянъ. Въ этомъ же семействѣ я встрѣчалъ брата Кукольника, Платона, который владѣлъ необычайнымъ искусствомъ гримасничать, чтò, впрочемъ, и не было для него труднымъ, потому что физіономія его, и въ естественномъ ея видѣ, представляла замѣчательную гримасу. Тамъ же я встрѣчалъ Рамазанова, который впослѣдствіи былъ извѣстнымъ профессоромъ скульптуры, а въ то время веселымъ молодымъ человѣкомъ. Тогда онъ знаменитъ былъ двумя искусствами: чрезвычайно бѣгло игралъ на фортепьянахъ, не зная ни одной ноты, и плясалъ такъ, какъ ни одинъ цыганъ не пляшетъ. Вообще онъ держалъ себя на подобіе gamin de Paris. Я помню, что когда мы глубокою ночью расходились съ веселаго вечера и когда на улицѣ не встрѣчалось даже извощиковъ, Рамазановъ, не одинъ разъ, ложился за оледенѣлой бочкой проѣзжаго водовоза и такимъ образомъ доѣзжалъ до Невы.

Обращаясь опять къ Шеншину, я долженъ сказать, что постояннымъ его посѣтителемъ въ извѣстные дни былъ знаменитый Ѳаддей Булгаринъ. Какъ человѣкъ и какъ литераторъ, онъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ нужно было здѣсь распространяться объ этой личности, но я не могу не замѣтить, что онъ былъ искусный и интересный разскащикъ. Около него постоянно собирались многочисленныя группы. Своимъ глухимъ голосомъ и отрывистою рѣчью онъ велъ неистощимые разсказы изъ всего, чтò онъ видѣлъ и слышалъ въ своей разнообразной и продолжительной жизни. Впослѣдствіи я видѣлъ и слышалъ другихъ болѣе искусныхъ разскащиковъ, напр. Щепкина и особенно фельдмаршала князя Барятинскаго, котораго въ этомъ отношеніи, по справедливости, можно назвать неподражаемымъ идеаломъ; но въ то же время Булгаринъ доставлялъ всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ, большое наслажденіе. Всѣ, кто не игралъ въ карты, не танцовалъ, садились подлѣ него и слушали его.

Наконецъ у Шеншина же я встрѣчался постоянно съ Наркизомъ Отрѣшковымъ. Кто не знаетъ Отрѣшкова? Есть личности, которыя неизвѣстно, какъ и почему, дѣлаются извѣстными всему міру. Къ числу подобныхъ личностей принадлежалъ и Отрѣшковъ. Спросить кого-нибудь въ Петербургѣ: знаетъ ли онъ Отрѣшкова — все то же, что спросить: знаетъ ли онъ, гдѣ Казанскій соборъ? Точно такъ и

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

я, прежде чѣмъ познакомился съ нимъ, зналъ уже, что есть въ Петербургѣ Отрѣшковъ и даже зналъ его фигуру, подобно всѣмъ, которые непремѣнно ее знали. Такой общей извѣстности, конечно, не могла не содѣйствовать его разнообразная дѣятельность. Началъ онъ, кажется, съ изданія «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній», который потомъ перепродалъ въ другія руки, потомъ онъ учредилъ какіе-то фаэтоны или омнибусы, и когда предпріятіе это было въ хорошемъ положеніи—также перепродалъ его. Потомъ, когда я былъ уже знакомъ съ нимъ, онъ устроилъ перчаточную фабрику, подъ столь извѣстною всѣмъ столичнымъ жителямъ фирмою: «Олень». Я даже лично былъ на этой фабрикѣ, существовавшей гдѣ-то за Лѣснымъ институтомъ, и вотъ по какому случаю. Вскорѣ послѣ учрежденія этой фабрики, Отрѣшковъ просилъ у казны какихъ-то пособій на распространеніе какихъ-то новыхъ способовъ по этой части, имъ придуманныхъ и изобрѣтенныхъ. Отъ министерства финансовъ назначена была изъ спеціалистовъ коммиссія для обозрѣнія фабрики и изслѣдованія вопроса о пособіяхъ. Извѣстно, что обѣды имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ достиженія всякаго успѣха. Отрѣшковъ, разумѣется, сочинилъ обѣдъ на своей фабрикѣ, и на этотъ-то обѣдъ былъ приглашенъ и я въ числѣ прочихъ. Чѣмъ кончились изслѣдованія коммиссіи, я не знаю, но помню хорошо, что видѣлъ тамъ нѣсколько чистокровныхъ французовъ, выписанныхъ Отрѣшковымъ изъ Франціи; кучу кожи и множество перчатокъ. Впослѣдствіи Отрѣшковъ продалъ и эту фабрику особой компаніи, которую самъ образовалъ на паяхъ, или акціяхъ. По смерти Пушкина, Отрѣшковъ былъ издателемъ полнаго собранія его сочиненій. Брошюры, писанныя и изданныя имъ, исчислить невозможно. Нѣтъ вопроса, по которому бы онъ не высказалъ своего мнѣнія, придерживаясь преимущественно началъ политико-экономическихъ. При образованіи министерства государственныхъ имуществъ, онъ, какъ я выше сказалъ, поступилъ было туда, но недолго тамъ держался и снова обратился къ различнымъ предпріятіямъ и на этомъ-то пути сошелся съ Шеншинымъ. Можно было ожидать, что здѣсь нашла коса на камень, но скоро оказалось, что Отрѣшковъ въ отношеніи къ Шеншину былъ, какъ Расплюевъ говоритъ, не что иное, какъ «мальчишка и щенокъ». Если дотолѣ Отрѣшковъ и позволялъ себѣ кое-какіе грѣхи на счетъ

интересовъ ближнихъ, увлекая ихъ звучностью своихъ предпріятій, то здѣсь онъ самъ попался какъ муха въ сѣти злаго паука. Я помню страшныя сѣтованія Отрѣшкова на Шеншина и увѣренія, что онъ готовъ всѣмъ жертвовать, чтобъ только освободиться отъ сѣтей, которыми тотъ его опуталъ. И дѣйствительно, насколько я зналъ того и другаго—сравнительно съ Шеншинымъ Отрѣшковъ былъ агнцемъ, хотя и у него была не совсѣмъ блестящая репутація. На этой репутаціи нельзя не остановиться. Въ теченіе продолжительнаго моего съ нимъ знакомства я рѣшительно не зналъ ни одного факта, на основаніи котораго можно бы понять его репутацію и признать ее справедливо заслуженной. Точно также и никто изъ общихъ нашихъ знакомыхъ никогда не могъ указать за нимъ никакого чернаго дѣла. Откуда создалась у него дурная репутація—рѣшительно неизвѣстно. Я долго останавливался и размышлялъ надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ кажется, что у него сначала должна была образоваться «смѣшная» репутація, которая съ теченіемъ времени превратилась просто въ дурную. Смѣшную репутацію онъ долженъ былъ непремѣнно заслужить потому, что всегда лѣзъ въ самое высшее общество, гдѣ скоро и прославился своимъ французскимъ языкомъ. По этой части ходили тысячи анекдотовъ, большая часть которыхъ, быть можетъ, и не къ нему относилась. Но блестящѣе и остроумнѣе всѣхъ былъ слѣдующій. Въ самый разгаръ великолѣпія графини В—ой-Д—ой которая нѣкогда была предметомъ общаго обожанія всѣхъ петербургскихъ франтовъ высшаго полета и потомъ, разоренная и обезображенная, кончила свое существованіе въ одной изъ парижскихъ больницъ, Отрѣшковъ попалъ какъ-то на одинъ изъ ея роскошныхъ баловъ. Въ одной изъ кадрилей, на которую онъ пригласилъ блестящую хозяйку, онъ началъ осыпать ее французскими фразами. Графинѣ, привыкшей въ своемъ кругу къ чистѣйшему парижскому произношенію, не могли не быть забавными усилія этого господина. Она поддерживала разговоръ съ тою живою прелестью, которая такъ ее прославила. Вдругъ, Отрѣшковъ, наклонившись къ ея уху, говоритъ: «prenez garde, mon derrière nous écoute». Графиня, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣчала: «pour qu'il ne prenne pas part seulement à notre conversation»... Этотъ блестящій каламбуръ, разумѣется, немедленно разлетѣлся по всему Петербургу, и Отрѣш-

ковъ невольно сталъ героемъ, смахивающимъ на шута. Страсть къ французскому языку, столь неудачно проявившаяся, соединялась въ Отрѣшковѣ со стремленіемъ пооригинальничать всюду, гдѣ только было можно. Экипажъ у него былъ совершенно оригинальный и обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Кто не помнитъ большой, разбитой, бѣлой лошади, запряженной въ сани или дрожки, по-англійски, въ шорахъ, а на козлахъ огромнаго бѣловолосаго мужика, одѣтаго жокеемъ? Одѣвался онъ тоже оригинально: пальто у него было не такое, какъ у всѣхъ; шляпа у него была не такая, какъ у всѣхъ. Все это въ совокупности съ тѣми слухами, которые ходили о его французскомъ языкѣ, о его многоразличныхъ предпріятіяхъ, не могло не положить на него сильныхъ тѣней сомнѣнія, которыя, впрочемъ, нисколько не мѣшали ему держаться высшаго круга. Здѣсь извлекали изъ него, при случаѣ, нѣкоторую пользу, ибо, несмотря на оригинальничанье его, онъ несомнѣнно былъ довольно дѣловитый человѣкъ и при встрѣчѣ съ какимъ бы то ни было дѣломъ былъ несравненно состоятельнѣе многихъ господъ большаго свѣта, занятыхъ, большею частію, геральдическими соображеніями, придворными интригами, генеалогіею своихъ рысаковъ и другими подобными предметами, ввѣряя дѣйствительныя свои дѣла, какъ напр.: управленіе имѣніями, веденіе процессовъ—людямъ инаго сорта. То время, о которомъ говорю, было, кажется, самымъ блестящимъ временемъ для Отрѣшкова. Всѣ предъидущія свои операціи онъ завершилъ покупкою большаго имѣнія у Баташевыхъ. Объ этой покупкѣ тогда много говорили, хотя нѣкоторые и замѣчали, что это дѣло темное, потому, что имѣніе запутано въ страшныхъ процессахъ и продано баснословно дешево, на томъ основаніи, что на покупщика переходили и всѣ эти процессы. И дѣйствительно: эти зловѣщія предвѣщанія скоро осуществились. Но въ то время Отрѣшковъ изображалъ изъ себя большаго барина. Онъ занималъ огромную квартиру у Полицейскаго моста и держалъ большую прислугу. Каждаго входящаго въ эту квартиру, не могло не поражать множество народу, въ ней находящагося. Въ первой пріемной толпились простые люди, въ числѣ которыхъ всегда было много жидовъ, затѣмъ слѣдовала комната, наполненная дѣлами и писцами; въ слѣдующей комнатѣ дожидались разные повѣренные и уполномоченные; потомъ

шли гостиныя и наконецъ большой и роскошный кабинетъ, который не могъ не внушать посѣтителямъ значительнаго уваженія. Въ это именно время однажды, на вечеру у Шеншина, Отрѣшковъ, подойдя къ столу, за которымъ я игралъ въ карты, тихо сказалъ мнѣ: «мнѣ нужно переговорить съ вами; когда кончите игру—удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ». Игра скоро кончилась, и я спросилъ Отрѣшкова: въ чемъ дѣло? Онъ объяснилъ мнѣ, что для одного богатаго барина нуженъ разумный и честный человѣкъ, котораго можно было бы послать для обревизованія его имѣнія, и что такъ какъ мое отдѣленіе превосходно составлено, то не могу ли я рекомендовать кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ. Признаюсь, такое предложеніе не только не показалось мнѣ интереснымъ, но просто мнѣ не понравилось. Я холодно отвѣчалъ, что у меня много прекрасныхъ и способныхъ сотрудниковъ; но что едва-ли кто изъ нихъ будетъ пригоденъ для подобнаго порученія, гдѣ требуются и опытность своего рода, и особенныя свойства. «Впрочемъ», прибавилъ я, «я постараюсь собрать по этому вопросу свѣдѣнія вообще по департаменту и о результатахъ сообщу при новомъ свиданіи». Сознаюсь откровенно, что я и не думалъ собирать никакихъ свѣдѣній: такъ мало занимало меня это дѣло. Между тѣмъ, при новомъ свиданіи съ Отрѣшковымъ, онъ опять атаковалъ меня своими просьбами и, какъ я ни старался, въ своихъ отвѣтахъ, уклониться отъ этого порученія, онъ настоятельно требовалъ у меня дѣльнаго чиновника, утверждая, что въ этомъ отношеніи онъ далъ свое обязательство очень значительнымъ людямъ и во что бы то ни стало долженъ его исполнить. Я все-таки не терялъ надежды, что дѣло какъ-нибудь обойдется безъ моего участія, какъ Отрѣшковъ снова, спустя нѣсколько дней послѣ послѣдняго нашего свиданія, пріѣзжаетъ ко мнѣ на квартиру и повторяетъ свою убѣдительную просьбу. Когда я замѣтилъ, что для меня не совсѣмъ ясно, какой именно человѣкъ требуется, Отрѣшковъ сказалъ: «знаете что? Я откровенно вамъ скажу, что этотъ человѣкъ нуженъ князю Барятинскому. Лучше всего, если вы познакомитесь съ нимъ. Онъ самъ вѣрнѣе вамъ передастъ, что ему нужно. У него съ братьями громадное имѣніе, но страшно разстроено и запутано. Знакомство съ нимъ для васъ, во всякомъ случаѣ, будетъ пріятно, потому что онъ чистѣйшій аристократъ и адъютантъ

наслѣдника». Я согласился и живо помню, какъ скоро послѣ того, въ одинъ скверный осенній день, на сквернѣйшемъ извощикѣ, мы съ Отрѣшковымъ отправились къ Барятинскому. Онъ жилъ тогда на Сергіевской улицѣ въ прекрасномъ домѣ своей матери, впослѣдствіи перешедшемъ къ князю Владиміру Барятинскому. Когда гнуснѣйшій ванька притащилъ насъ къ этому палаццо—насъ ввели въ нижнія комнаты, которыя, по правой сторонѣ, составляли квартиру князя Александра, а по лѣвую —князя Владиміра. Великолѣпіе убранства комнатъ, до того мною невиданное, приводило меня въ несказанное удивленіе. При нашемъ прибытіи, князя не было въ его комнатахъ; онъ былъ на верху у княгини-матери, куда вела роскошная лѣстница, устланная коврами, обставленная зеркалами и цвѣтами и при самомъ входѣ нашемъ ослѣпившая меня. Князю пошли доложить о насъ и, спустя нѣсколько минутъ, онъ спустился съ верху и вошелъ къ намъ....

ГЛАВА VI.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.—Впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня.—Его внѣшняя красота.—Неожиданное для меня предложеніе принять его дѣла.—Мое упорство.—Различныя мнѣнія по этому вопросу въ моемъ служебномъ мірѣ.—Негодованіе Брадке и Киселева.—Мое согласіе.—Условія, установленныя между мною и княземъ Барятинскимъ —Историческое значеніе рода князей Барятинскихъ.—Бѣдность этого значенія.—Старанія князя Александра Ивановича о его возвышеніи.—Отецъ князя Александра—князь Иванъ Ивановичъ.—Маріинскій дворецъ, устроенный покойнымъ княземъ въ честь второй жены-красавицы Маріи Ѳедоровны.—Роскошь этого дворца.—Агрономическая и сельскохозяйственная дѣятельность князя.—Благоговѣніе его предъ англійскими порядками.—Написанныя имъ правила для воспитанія князя Александра.—Семейныя отношенія князя Александра Ивановича.—Отношенія къ матери.—Отношенія къ братьямъ.—Оригинальная суровость этихъ отношеній.—Нѣкоторыя черты, обрисовывающія ихъ свойство.—Необъятная гордость князя.

Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, было въ высшей степени поразительно. Надобно сказать, что между аристократическими семействами есть семейство Барятинскихъ, но мнѣ никогда не доводилось видѣть и узнать кого-нибудь изъ нихъ лично. Между тѣмъ, когда мнѣ случалось видѣть государя наслѣдника, а это было

преимущественно на блистательныхъ нѣкогда балахъ дворянскаго собранія, я постоянно видѣлъ подлѣ него великолѣпную личность. Молодой человѣкъ, нѣсколькими годами только постарше наслѣдника, безпримѣрно стройный, красавецъ собой, съ голубыми глазами, роскошными бѣлокурыми вьющимися волосами, онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ, составлявшихъ свиту наслѣдника, и обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Манеры его отличались простотою и изяществомъ. Грудь его положительно была осыпана крестами. Не знаю почему, но, съ перваго взгляда на него, я получилъ полнѣйшее убѣжденіе, что это непремѣнно какой-нибудь иностранный принцъ, убѣжденіе, смѣшанное съ нѣкоторою досадою, что у нѣмцевъ могъ уродиться такой красавецъ. Когда Барятинскій вошелъ къ намъ въ комнату, я тотчасъ узналъ въ немъ моего нѣмецкаго принца. Раскланявшись съ нами, онъ на одно мгновеніе отошелъ съ Отрѣшковымъ отъ меня въ сторону и, перемолвивъ съ нимъ нѣсколько словъ, обратился ко мнѣ:

— Я прошу васъ лично принять мои дѣла и имѣнія.

Сначала я не понялъ сущности его словъ; такъ они были для меня неожиданны. Посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ, я сказалъ:

— Ваше сіятельство! здѣсь есть недоумѣніе; Наркизъ Ивановичъ просилъ меня пріискать для васъ человѣка...

— Да, да! перебилъ меня Барятинскій,—я знаю; но мнѣ кромѣ васъ никого не нужно.

Я объяснилъ ему, что я служу такъ счастливо, служебныя отношенія мои такъ превосходны, что мнѣ никогда и въ голову не приходило жертвовать ими для какихъ бы то ни было частныхъ занятій... Барятинскій отвѣчалъ:

— Я готовъ на всѣ условія; напишите сами контрактъ и позаботьтесь вознаградить все, чѣмъ вы для меня пожертвуете. О будущемъ не говорю; я буду вѣчно вашимъ должникомъ и надѣюсь когда-нибудь быть и вамъ полезнымъ.

Смущаемый болѣе и болѣе такимъ неожиданнымъ напоромъ, я сказалъ:

— Ваше сіятельство совсѣмъ меня не знаете; меня поражаетъ ваша рѣшимость ввѣрить всѣ ваши интересы человѣку, вовсе вамъ незнакомому.

— Это правда, отвѣчалъ Барятинскій, — но я вѣрю всегда первому впечатлѣнію. Я глубоко убѣжденъ, что мои дѣла, по правдѣ сказать, очень разстроенныя, будутъ спасены, если будутъ въ вашихъ рукахъ.

Въ величайшемъ замѣшательствѣ и недоумѣніи, какъ выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія, я сказалъ:

— Простите, ваше сіятельство, какъ ни лестно ваше предложеніе, я и по совѣсти не могу принять его. Моя сфера — департаментъ; для другихъ дѣлъ я сознаю себя рѣшительно неспособнымъ, не имѣя никакой опытности. Позвольте мнѣ предложить самое усердное мое содѣйствіе къ пріисканію такого человѣка, для котораго подобное предложеніе будетъ величайшимъ счастіемъ и который будетъ для васъ несравненно полезнѣе, чѣмъ я...

— Отказа вашего я не принимаю, перебилъ меня Барятинскій — и прошу никого другаго не искать. Даю вамъ столько времени, сколько вы найдете нужнымъ, чтобъ обдумать мое предложеніе. Я сильно надѣюсь, что вы меня не бросите...

Отрѣшковъ остался у князя, а я возвратился домой въ какомъ-то туманѣ, не имѣя возможности собрать мысли, пораженныя этимъ неожиданнымъ предложеніемъ. Разумѣется, на другой же день оно сдѣлалось извѣстнымъ всему міру, меня окружавшему, и стало предметомъ публичнаго обсужденія. Мнѣнія раздѣлились... Вся молодежь, мои товарищи, были въ пользу предложенія. Кто тянулъ лямку чиновничества, тому это не покажется удивительнымъ. Подчиненные постоянной, ежедневной обязательной работѣ, дурно вознаграждаемые, чиновники большею частію жаждутъ свободы и средствъ. Начальникъ отдѣленія, лицо, уже довольно значительное въ департаментѣ, получалъ тогда 1.300 руб. въ годъ или 4.500 руб. ассиг., на которые съ трудомъ и натяжками едва можно поддерживать приличное существованіе; въ то же время на немъ лежала горой масса трудовъ и отвѣтственности. Между тѣмъ въ предложеніи Барятинскаго блистало самымъ заманчивымъ образомъ громадное, сравнительно, содержаніе, свобода, разъѣзды, сельскія занятія. Товарищи мои хоромъ утверждали, что въ этомъ предложеніи величайшее мое счастье и что каждый изъ нихъ возблагодарилъ бы Бога, если бы и на его долю послано было что-нибудь подобное. Заблоцкій, съ

его практическимъ умомъ, сильно поддерживалъ мнѣніе моихъ товарищей и просто называлъ глупостью мое упорство, утверждая и доказывая, что казенная служба никогда и никому не давала и не дастъ счастія. Его настоянія, сколько помню, имѣли на меня сильное вліяніе. Старики, напротивъ, были другаго мнѣнія, опираясь на извѣстныя истины, что мѣнять вѣрное на невѣрное опасно, что отъ добра добра не ищутъ и т. п. Прискорбнѣе всего было то, что мой добрый директоръ Брадке просто былъ въ негодованіи и отъ этого предложенія, и отъ моихъ видимыхъ колебаній. Онъ бранилъ Барятинскаго, называлъ его мальчишкой и самымъ настоятельнымъ образомъ убѣждалъ меня не измѣнять моего положенія, утверждая, что эта перемѣна не поведетъ ни къ чему хорошему. Въ числѣ различныхъ доводовъ, которыми онъ подкрѣплялъ свое мнѣніе, онъ приводилъ и то, что и по свойству моего характера, по его убѣжденію пылкаго и воспріимчиваго, я не могу удержаться долго и прочно на новомъ поприщѣ.

— Я васъ люблю, какъ сына,—говорилъ онъ,—и какъ сына—хорошо изучилъ. Я уже старикъ, я вашъ начальникъ, государемъ поставленный; но я видѣлъ, какъ иногда малѣйшее мое замѣчаніе или несогласіе съ вашимъ мнѣніемъ приводило васъ въ волненіе и бросало вамъ кровь въ голову. Можете ли вы переносить высокомѣрнаго мальчика, хоть будь онъ десять разъ княземъ? Да и въ состояніи ли онъ будетъ оцѣнить васъ? Онъ будетъ смотрѣть на васъ свысока, вы не перенесете этого и скоро разойдетесь съ нимъ, потерявъ и здѣсь и тамъ. Бога ради, не увлекайтесь и довѣрьтесь моей опытности, моей дружбѣ къ вамъ. Мнѣ будетъ искренно жаль, если вы испортите прекрасное начало вашей службы. Служба цѣнитъ васъ, и я убѣжденъ, что вы далеко могли бы пойти.

Свои, почти ежедневныя, настоянія добрый Брадке подкрѣплялъ ссылкою на министра, который также находилъ мой переходъ къ Барятинскому дѣломъ рискованнымъ и своимъ именемъ приглашалъ остаться въ департаментѣ, украшая это приглашеніе различными обѣщаніями, цѣнными для чиновника. Мое положеніе было истинно затруднительно. Если съ одной стороны я прислушивался къ заманчивымъ совѣтамъ моихъ друзей и особенно умнаго Заблоцкаго, то съ другой и въ настояніяхъ благороднаго Брадке я находилъ

много основательнаго. Мнѣ представлялось: что, если въ самомъ дѣлѣ, въ одно прекрасное утро, этотъ блестящій баринъ объявитъ мнѣ, что я ему болѣе не нуженъ? Я уже видѣлъ много печальныхъ опытовъ, какъ мѣста въ службѣ легко оставляются и какъ трудно добываются. Оборвавъ мои служебныя связи, потомъ трудно будетъ завязать ихъ снова. Не я же одинъ во всемъ мірѣ способный человѣкъ! Нельзя же думать, что послѣ моего перехода министерство будетъ грустить обо мнѣ и держать готовыми объятія на случай моего радостнаго возвращенія. Кромѣ того, если, посвятивъ свою дѣятельность Барятинскому, я безъ сомнѣнія буду получать несравненно высшее содержаніе, то такъ же несомнѣнно, что оно все или почти все будетъ уходить на мои потребности и затѣи, которымъ я необходимо долженъ дать иной видъ и размѣръ, иначе для чего бы я и сдѣлалъ этотъ переходъ. Такимъ образомъ въ то прекрасное утро, когда мнѣ будетъ объявлена разлука съ Барятинскимъ, я могу очутиться, какъ говорится, и нищъ, и убогъ—и изъ франтовскаго положенія мгновенно перейти въ положеніе, самое отвратительное. Между тѣмъ чиновники, большинство которыхъ всегда бѣдно, знаютъ, что за ними, на случай истощенія силъ, служебныхъ столкновеній и тому подобныхъ случаевъ, стоитъ пенсія, жалкая, ограниченная, но все-таки представляющая какое-нибудь матеріальное основаніе и обезпеченіе. Очевидно, что вопросъ о срокѣ моихъ отношеній къ Барятинскому и вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи на случай прекращенія этихъ отношеній становился для меня самымъ существеннымъ вопросомъ. Стоя на рубежѣ двухъ противуположныхъ мнѣній о моемъ переходѣ, я рѣшился сдѣлать его тогда только, когда вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ самымъ положительнымъ и удовлетворительнымъ для меня образомъ. Я смѣло представилъ его на усмотрѣніе князя, который въ продолженіе моихъ колебаній почти ежедневно присылалъ ко мнѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи моего рѣшенія. Барятинскій отвѣчалъ:

— Я предоставилъ вамъ самимъ написать условіе; обезпечивайте себя, какъ найдете справедливымъ; повторяю — я на все согласенъ.

На основаніи этого, истинно барскаго отзыва, состоялось между нами слѣдующее условіе: 1) содержанія я долженъ получать 12 тыс.

руб. ассиг. въ годъ. 2) Наши отношенія имѣютъ для обѣихъ сторонъ обязательную силу въ теченіе пяти лѣтъ. 3) По истеченіи пяти лѣтъ я получаю единовременно 25 тыс. руб. ассиг., а возобновленіе условія зависитъ отъ обоюднаго соглашенія. Свойство этого условія, которое въ свое время производило значительный шумъ въ мірѣ чиновниковъ, заслужило всеобщее одобреніе, и въ силу его я сдѣлался главноуправляющимъ всѣми дѣлами и имѣніями князей Барятинскихъ.

Князья Барятинскіе ведутъ свой родъ отъ святаго благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго, происходившаго отъ Рюрика въ одиннадцатомъ колѣнѣ, и отъ равноапостольнаго князя Владиміра—въ восьмомъ. Историческое значеніе ихъ, кажется, не очень блистательно. Въ этомъ отношеніи въ «Россійской родословной книгѣ» князя Петра Долгорукаго вотъ что сказано:

«Князь Өедоръ Петровичъ построилъ въ Сибири въ 1589 году городъ Сургутъ; въ 1600 году опредѣлилъ въ Лапландіи границы между Россіею и Даніею. Въ 1603 году былъ посломъ въ Крыму а въ 1607 году посломъ въ Стокгольмѣ.

Князь Яковъ Петровичъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ воеводъ своего времени, мужественный сподвижникъ знаменитаго князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, убитъ въ сраженіи подъ Клушинымъ.

Князь Михаилъ Петровичъ умеръ посломъ въ Персіи при дворѣ шаха Абаза.

Князь Юрій Никитичъ, храбрый полководецъ, за отличіе при усмиреніи Рязанскаго бунта, пожалованъ былъ въ бояре.

Князь Иванъ Петровичъ заключилъ съ шведами въ 1661 году миръ въ Кардисѣ, потомъ находился посломъ въ Стокгольмѣ и бояриномъ, а въ 1689 году постригся въ иноки.

Князь Данила Аөанасьевичъ былъ бояриномъ и начальникомъ Владимірскаго суднаго приказа; онъ и братъ его князь Алексѣй Аөанасьевичъ основали въ городѣ Брянскѣ въ 1694 году Поликарповъ монастырь, упраздненный въ 1764 году.

Князь Өедоръ Юрьевичъ находился окольничимъ, а сынъ его, князь Иванъ Өедоровичъ, во время войны съ Карломъ XII былъ полковникомъ втораго гренадерскаго полка, носившаго имя полка князя Барятинскаго; отличился въ персидскомъ походѣ 1722 года.

а впослѣдствіи въ царствованіе Анны Іоанновны былъ сенаторомъ, генералъ-аншефомъ, главнокомандующимъ въ Москвѣ и наконецъ въ послѣдніе два года жизни своей—правителемъ Малороссіи.

Старшій внукъ его, князь Иванъ Сергѣевичъ, былъ флигель-адъютантомъ Петра III, а въ царствованіе Екатерины Великой служилъ генералъ-поручикомъ и въ теченіе 12 лѣтъ (1773—1785) находился посланникомъ въ Парижѣ; онъ женатъ былъ на принцессѣ Екатеринѣ Голштейнъ-Беккской, дочери россійскаго генералъ-фельдмаршала и генералъ-губернатора лифляндскаго и эстляндскаго, принца Петра-Августа Голштейнъ-Беккскаго.

Сынъ его, тайный совѣтникъ князь Иванъ Ивановичъ (отецъ нынѣшнихъ Барятинскихъ), находился посланникомъ въ Мюнхенѣ, а по возвращеніи въ Россію употребилъ познанія свои на занятія сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ вотчинахъ и былъ однимъ изъ первыхъ агрономовъ своего времени».

Разработка вопроса объ историческомъ значеніи рода князей Барятинскихъ или, лучше сказать, о возвышеніи этого значенія сильно занимала князя Александра Ивановича. Вскорѣ послѣ установленія моихъ отношеній къ его дѣламъ, мы, вмѣстѣ съ нимъ, заподрядили какого-то молодаго студента, рекомендованнаго князю кѣмъ-то изъ аристократовъ, въ видѣ знатока исторіи, написать исторію рода князей Барятинскихъ. Студентъ, личность весьма болѣзненная, весьма долго занимался этимъ дѣломъ, перебралъ отъ насъ много денегъ и наконецъ сдѣлалъ что-то, но до такой степени слабое и неудовлетворительное, что князь съ пренебреженіемъ бросилъ произведеніе этого молодаго историка. Впрочемъ, студентъ, котораго я обязанъ былъ по временамъ подгонять, говорилъ мнѣ, что сдѣлать что-нибудь блестящее невозможно по неимѣнію необходимыхъ для того историческихъ данныхъ...

Когда впослѣдствіи князь Александръ Ивановичъ достигъ большей славы и большаго могущества на Кавказѣ, предъ нимъ сильно увивался одинъ изъ московскихъ обывателей, по прозванію Лазарикъ. Лазарикъ когда-то былъ зубнымъ врачемъ. Подобно всѣмъ зубнымъ врачамъ, происходя изъ жидовъ, онъ успѣлъ значительно разбогатѣть. Этотъ господинъ рѣшился во что бы то ни стало обратить на себя вниманіе могущественнаго человѣка и для этой цѣли

выдѣлывалъ предъ нимъ всевозможныя штуки. При проѣздѣ князя чрезъ Москву собиралъ, по выраженію самого князя, толпу какихъ-нибудь бродягъ и вмѣстѣ съ нею подносилъ князю хлѣбъ-соль «отъ имени Москвы», выманивалъ отъ московскихъ купцовъ разныя вещи и отправлялъ князю въ пользу благотворительныхъ заведеній Кавказа, обѣщая жертвователямъ выхлопотать за то медали; предлагалъ князю устроить, на какихъ-то особыхъ основаніяхъ, въ своемъ домѣ гостиницу «Гунибъ» собственно для пріѣзжающихъ сюда кавказцевъ съ тѣмъ, однако, чтобы онъ, Лазарикъ, былъ сдѣланъ директоромъ этого затѣйливаго учрежденія, а одинъ изъ сыновей его—помощникомъ директора и т. п. Этотъ же Лазарикъ, между прочимъ, преподнесъ князю исполненную по его заказу брошюру, подъ названіемъ: «Очеркъ исторіи рода князей Барятинскихъ».

Брошюру эту, не столько по достоинству ея, сколько по неимѣнію другихъ сочиненій, относящихся къ исторіи рода князей Барятинскихъ, я считаю не безполезнымъ приложить къ моимъ запискамъ.

Покойный князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій женатъ былъ два раза: въ первый разъ на дочери англійскаго лорда Шернборна и во второй на графинѣ Маріи Ѳедоровнѣ Келлеръ. Послѣ отца своего, едва-ли не самаго блистательнѣйшаго изъ Барятинскихъ, князя Ивана Сергѣевича, онъ наслѣдовалъ обширное имѣніе въ Курской и Харьковской губерніяхъ. Третью часть этого имѣнія, сколько извѣстно, онъ отдѣлилъ сестрѣ своей, княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ, вышедшей въ замужество за оберъ-гофмаршала графа Толстаго и купно съ нимъ произведшей на свѣтъ извѣстнаго громаднымъ своимъ ростомъ графа Александра Николаевича Толстаго, который такимъ образомъ, приходился двоюроднымъ братомъ князьямъ Барятинскимъ.

Я не знаю положительно, какія именно причины свели князя Ивана Ивановича Барятинскаго съ служебнаго поприща: любовь ли къ красавицѣ-женѣ, на которой онъ женился во второй разъ, или какія-нибудь политическія столкновенія, но онъ оставилъ рано службу и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ и построилъ великолѣпный дворецъ, назвавъ его по имени жены: «Марьино». Дворецъ этотъ пользовался большою извѣстностію въ Россіи. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ изъ частныхъ владѣній что-нибудь

болѣе роскошное и грандіозное. Я засталъ его уже далеко не въ прежнемъ великолѣпіи, когда никто изъ Барятинскихъ тамъ не жилъ, и всѣ разнообразныя части хотя и поддерживались, но уже не такъ тщательно и отчетливо. Я не помню числа комнатъ въ этомъ дворцѣ, но помню, что оно считалось сотнями. Въ этихъ комнатахъ сосредоточено было все, что страшное богатство, соединенное со вкусомъ, могло придумать, начиная съ оригинальныхъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ живописи и скульптуры. При дворцѣ состояли сотни обойщиковъ, слесарей, каретниковъ, штукатуровъ, лѣпщиковъ, живописцевъ, позолотчиковъ, рѣзчиковъ, столяровъ и т. п. мастеровъ, независимо отъ управителей, дворецкихъ, кастеляншъ и прочихъ чиновныхъ людей. Тамъ были лица, завѣдующія егермейстерскою частью, лица, завѣдующія рѣчною частью, т. е. лодками и всѣмъ, что сюда относится. Садовниковъ была бездна, потому что въ необъятномъ и роскошномъ паркѣ было множество оранжерей и другихъ садовыхъ затѣй. Тамъ былъ звѣринецъ съ стадами оленей и козъ. Тамъ были поэтическія «кашары», носящія имена дочерей князя, изъ которыхъ каждая имѣла въ своемъ завѣдываніи отдѣльный роскошный садъ и среди его поэтическій домикъ, гдѣ находилось нѣсколько коровъ самой возвышенной породы и всѣ принадлежности молочнаго хозяйства. И въ мое время Ивановское, столица владѣній Барятинскихъ, съ церквами, училищами, больницами, богадѣльнями, фабриками, гдѣ было возведено и Марьино, было еще благодатнымъ центромъ для всей Курской губерніи. Каждый, кому нужно было заказать хорошій экипажъ, прочную мебель, кто, отдѣлывая домъ, имѣлъ надобность въ слесаряхъ, обойщикахъ, малярахъ и другихъ мастерахъ; каждый, кто желалъ украсить свои комнаты цѣнными деревьями или кому нужно было пріобрѣсти какого-нибудь теленка или барана возвышенной породы— ѣхалъ въ Ивановское, съ увѣренностью найти тамъ все желаемое. Я чувствую, впрочемъ, что мои усилія изобразить роскошь и великолѣпіе Марьина не могутъ имѣть успѣха, и потому спѣшу заключить ихъ слѣдующимъ фактомъ: когда впослѣдствіи, при предварительныхъ соображеніяхъ о раздѣлѣ имѣній князей Барятинскихъ между братьями, предназначено было собственно для поддержанія Марьина отдѣлить 1.000 душъ со всѣми доходами и матеріальными

средствами, то мѣра эта оказалась тотчасъ неудобоисполнимою и недостаточною, надо было поддерживать его роскошное устройство всѣми средствами всего богатаго и обширнаго имѣнія. Наконецъ, Марьино знаменито тѣмъ, что удостоилось посѣщенія императора Александра Павловича.

Покойный князь былъ вообще человѣкъ замѣчательнаго ума и дарованій, а по своимъ свойствамъ и привычкамъ, былъ совершенный англичанинъ, что̀, безъ сомнѣнія, должно отнести къ продолжительному пребыванію его въ Англіи, гдѣ онъ убѣдился въ превосходствѣ тамошняго гражданскаго устройства предъ нашимъ. Лично управляя имѣніемъ, онъ ввелъ въ немъ устройство, доходившее до совершенства и составившее ему славу знаменитаго агронома. Я самъ видѣлъ прекрасныя поля тамъ, гдѣ были болота, —и лѣса, гдѣ лѣсовъ не было. Я самъ видѣлъ медали, полученныя имъ отъ разныхъ агрономическихъ обществъ за разныя сельско-хозяйственныя улучшенія, въ которыхъ осушеніе болотъ и вообще обращеніе мѣстъ безплодныхъ въ плодородныя занимало первое мѣсто. Отношенія крестьянъ къ владѣльцу установлены были на самыхъ разумныхъ началахъ, которыхъ дальнѣйшіе распорядители не дерзали касаться, не будучи въ состояніи придумать ничего лучшаго. Я боюсь увлечься въ скучныя хозяйственныя подробности, тѣмъ болѣе, что отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ теперь совершенно измѣнены; но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ, чтобы хоть въ краткихъ чертахъ обрисовать эти начала. Количество земли, состоящей при каждой деревнѣ, дѣлилось на хозяйственныя единицы. которыя повсюду называются тяглами, а затѣмъ распредѣленіе этихъ единицъ предоставлялось вполнѣ усмотрѣнію и средствамъ самихъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, если дозволяли средства, бралъ на себя, разумѣется съ согласія и утвержденія общества, два или три тягла, тогда какъ другой принималъ на себя только половину или даже четверть тягла. Экономія, представляющая интересы владѣльца, тутъ была совершенно въ сторонѣ и чуждая обязанности слѣдить за семейнымъ составомъ крестьянъ и другими измѣненіями внутренняго ихъ быта, и слѣдовательно свободная отъ всякихъ, въ этомъ отношеніи, столкновеній и пререканій, предоставляла все это самимъ обществамъ. Въ то же время каждому крестьянину предоставлялась свобода и

возможность оставаться на издѣльной повинности или переходить на оброчное положеніе и не на всегда, а каждое лѣто, смотря по обстоятельствамъ. Крестьянинъ, желающій нынѣшній годъ быть на оброкѣ, бралъ себѣ, вмѣстѣ съ своею крестьянскою землею, и господскую, причитающуюся на его тягло, и за всю платилъ извѣстный однажды установленный, оброкъ. На слѣдующій годъ онъ могъ переходить опять на издѣльную, повинность и такимъ образомъ крестьяне сообразовали порядокъ исполненія своихъ обязанностей съ условіями своего внутренняго быта, а экономія въ своихъ интересахъ не имѣла ни ущерба, пи замѣшательства. Однимъ словомъ, въ этомъ распорядкѣ какъ будто уже предугадывались тѣ благодѣтельные законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, которые прославляли добраго государя Александра II. Затѣмъ всѣ другія повинности крестьяне исполняли также по разсчету тѣхъ хозяйственныхъ единицъ, которыя каждому назначались. Такъ, наприм. экономія объявляла, что надобно вывезти туда-то столько-то четвертей хлѣба. Само крестьянское общество тотчасъ распредѣляло эту повинность по разсчету тяголъ, и она быстро и стройно исполнялась. Въ мое время, впрочемъ, эта извозная повинность представлялась для крестьянъ весьма обременительною, но не въ смыслѣ порядка ея исполненія, а въ отношеніи отдаленныхъ хлѣбныхъ поставокъ. Въ хлѣбородныхъ имѣніяхъ Курской губерніи хлѣбъ нельзя продать не только на мѣстѣ, но и въ другихъ, близъ лежащихъ, мѣстахъ. Сама необходимость заставляла продавать хлѣбъ съ поставками за 100, 150 и даже 200 верстъ, что не могло не имѣть дурнаго вліянія на благосостояніе крестьянъ. Говоря о хозяйственномъ устройствѣ Курскаго имѣнія Барятинскихъ, надо сказать, что такое устройство представлялось разумнымъ по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилось это имѣніе, гдѣ пропорція земли далеко не соотвѣтствовала массѣ населенія и гдѣ полученіе тягла скорѣе составляло благо, чѣмъ обремененіе. Само собою разумѣется, что въ имѣніяхъ гдѣ отношеніе земли къ народонаселенію находится въ противуположномъ видѣ, тамъ подобная система не могла бы имѣть мѣста. Покойный князь видѣлъ этотъ органическій недостатокъ своего имѣнія и именно для того, чтобы дать исходъ излишкамъ населенія въ Курскомъ имѣніи, купилъ 28 т. десятинъ земли въ Херсонской гу-

берніи, близъ Одессы, куда и совершалось постепенное переселеніе курскихъ крестьянъ. Въ то же время, кажется, не было ни одной отрасли фабричнаго дѣла, которое, по соотношенію съ сельскимъ хозяйствомъ, не было бы испытано княземъ. Но опыты эти были большею частію неудачны, и въ мое время оставалась одна суконная фабрика, которая, не принося никакого дохода, дѣлала намъ бездну хлопотъ.

Въ частномъ быту покойный князь, по разсказамъ людей, окружавшихъ его, также слѣдовалъ англійскимъ обычаямъ. Что касается до воспитанія и направленія своихъ дѣтей, то здѣсь господство англійской системы не подлежало уже никакому сомнѣнію. Впослѣдствіи князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ мнѣ, что покойный князь былъ убѣжденъ, что ко времени возраста его дѣтей англійскіе порядки будутъ уже приняты въ Россіи. Сообразно этому убѣжденію, онъ такъ велъ и воспитывалъ своихъ дѣтей. Старшій предназначался быть представителемъ родоваго значенія и владѣтелемъ маіората; другіе распредѣлялись на другія поприща. Такъ напримѣръ, по разсказамъ князя, исполненнымъ свойственной ему одному прелести, младшій изъ четырехъ братьевъ, князь Викторъ, приготовлялся въ «попы». И, дѣйствительно, кто зналъ этого прекраснаго юношу, тотъ не могъ не замѣтить плѣнительной черты простоты и смиренія, которыя его отличали. Набожность его выходила изъ предѣловъ, свойственныхъ каждому грѣшному гражданину. Онъ, кажется, не одинъ разъ посѣщалъ Іерусалимъ и поклонялся всѣмъ священнымъ мѣстамъ. Комнаты его значительно наполнены были различными священными принадлежностями, начиная съ сосуда съ іорданской водой. Изъ огромнаго запаса четокъ различныхъ видовъ однѣ онъ подарилъ моей женѣ, когда мы проѣзжали разъ въ Одессу чрезъ Николаевъ, гдѣ онъ жилъ и служилъ и гдѣ насъ поразила столько же удивительная по простотѣ обстановка его жизни, сколько удивительна была роскошь, окружавшая князя Александра. Чуждый всякаго честолюбія, онъ скоро оставилъ службу свою въ черноморскомъ флотѣ, и женился на дочери Бутенева, бывшаго нѣкогда нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ. На князѣ Александрѣ очевидно сосредоточены были всѣ надежды родоваго блеска и значенія, которыя онъ такъ блиста-

тельно и оправдалъ. Въ моихъ бумагахъ осталась копія съ инструкціи, которую покойный князь составилъ относительно воспитанія и образованія князя Александра. Вотъ она:

27. 9. Ивановское 1815.

Мои мысли о воспитаніи сына.

«До семилѣтняго возраста, воспитаніе мальчика должно быть скорѣе физическое, нежели нравственное; но понятіе о томъ, чтб справедливо и чтб несправедливо, слѣдуетъ внушить ему какъ можно ранѣе. Главные недостатки, проявляющіеся въ дѣтскомъ возрастѣ— ложь и обжорство. Къ первому изъ нихъ надобно быть неумолимымъ, такъ какъ ложь унижаетъ человѣческое достоинство.

Сына моего можно будетъ оставить подъ женскимъ присмотромъ до 5 лѣтъ. Когда онъ начнетъ бѣгать и прыгать, надобно стараться укрѣпить его тѣло физическими упражненіями и холоднымъ купаньемъ, къ которому слѣдуетъ пріучать его постепенно. Наиболѣе полезны рѣчныя купанья. Надобно пріобрѣсти для него двѣ или три маленькія верховыя лошади, на которыхъ онъ будетъ ѣздить поочередно, но безъ сѣдла, ибо ничто не можетъ дать такой хорошей посадки, какъ этотъ способъ ѣзды степныхъ народовъ. Наши крестьянскіе мальчики рано начинаютъ ѣздить верхомъ; пяти и шестилѣтнія дѣти уже скачутъ на отцовскихъ лошадяхъ съ удивительною смѣлостью.

Когда моему сыну минетъ 7 лѣтъ, то я желалъ бы, чтобы онъ началъ учиться по-славянски, по-латыни и гречески и въ особенности родному языку. До 12 лѣтъ онъ успѣетъ пріобрѣсти нѣкоторыя познанія въ этихъ языкахъ, а 14 или 15 лѣтъ будетъ въ состояніи, съ пользою, читать классическихъ авторовъ. Обученіе рисованію и ариѳметикѣ должно начаться одновременно съ изученіемъ мертвыхъ языковъ, т. е. съ семилѣтняго возраста. Съ 12 лѣтъ надобно развивать въ немъ любовь къ механикѣ, это будетъ не трудно; стоитъ только пріобрѣтать для него съ семи лѣтъ небольшія модели, чтобы возбудить его любознательность; въ особенности важно объяснить ему какъ можно яснѣе и проще основныя начала механики. Эта наука незамѣтнымъ образомъ приведетъ его къ изученію прикладной математики.

Основанная на высшей математикѣ, механика представляетъ науку отвлеченную для взрослыхъ, а тѣмъ болѣе для дѣтей. Надобно заставлять его чертить машины, въ особенности, чтобы онъ умѣлъ объяснять ихъ устройство. Вообще, было бы полезно развить въ немъ способность и умѣнье примѣнять на каждомъ шагу пріобрѣтенныя имъ знанія, соединяя теорію съ практикою. Механика заставитъ его полюбить земледѣліе, въ которомъ она такъ часто встрѣчаетъ примѣненіе, а земледѣліе пріохотитъ его къ химіи, съ которой оно тѣсно связано. Съ 8 до 15 лѣтъ, при обученіи надобно стараться заинтересовать его разными опытами, въ особенности слѣдуетъ поощрять его прилежаніе наградами, которыя должны состоять изъ хорошихъ книгъ, земледѣльческихъ орудій и иныхъ предметовъ, относящихся до изучаемыхъ имъ наукъ. Я желаю также, чтобы въ его распоряженіе было предоставлено нѣсколько десятинъ земли, на которыхъ онъ будетъ производить агрономическіе опыты. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ новый способъ доставить ему необходимое физическое упражненіе. Надобно дать ему легкій, хорошаго устройства, плугъ, сошникъ, борону, сѣялку, ручную борону и т. п.

Безусловно необходимо, чтобы онъ умѣлъ обращаться со всѣми этими орудіями, и зналъ, какъ вести многопольное хозяйство; онъ долженъ дѣлать анализы почвы, умѣть различать полевыя травы, вести на русскомъ языкѣ реестръ посѣвовъ и сбора разводимыхъ имъ растеній. Участокъ земли, данный ему, будетъ разсадникомъ хлѣбныхъ растеній, устроенный съ двоякою цѣлью: для его обученія и для доставки хорошаго качества сѣмянъ для моего обширнаго полеваго хозяйства.

Деньги, вырученныя имъ отъ обработки земли, пойдутъ въ пользу бѣдныхъ, онъ самъ будетъ раздавать ихъ. Я желалъ бы, чтобы въ возрастѣ 15 или 16 лѣтъ онъ былъ въ состояніи собственноручно изготовлять модели нѣкоторыхъ машинъ.

Химія встрѣчаетъ ежедневно такое обширное и полезное примѣненіе, что она должна входить въ курсъ хорошаго воспитанія. Она составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ отраслей знанія для крупнаго землевладѣльца и даже для государственнаго человѣка. Она въ особенности необходима въ нашей странѣ, гдѣ все еще

должно быть создано и гдѣ хорошій химикъ можетъ внести просвѣщеніе и даже создать нѣкоторымъ образомъ благосостояніе.

Я требую также, чтобы мой сынъ упражнялся въ межеваніи, подъ руководствомъ опытнаго и свѣдущаго инженера. Знаніе тригонометріи необходимо.

Перечень этихъ занятій показываетъ мое желаніе, чтобы сынъ мой воспитывался въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ для него пора путешествовать, т. е. до 16-ти-лѣтняго возраста. Чисто практическое, такъ сказать, воспитаніе, должно выработать въ немъ человѣка вполнѣ самостоятельнаго въ тѣ годы, когда прочіе мальчики разыгрываютъ еще комедіи, упражняются въ танцахъ, ходятъ въ караулы, забавляются куклами, вообще, проводятъ время въ пустякахъ.

Я желаю, чтобы онъ умѣлъ обращаться съ топоромъ и плугомъ, умѣлъ бы хорошо стругать и точить, умѣлъ бы вымѣрить всякій участокъ земли, плавать, бороться, носить тяжести, ѣздить верхомъ, прыгать, стрѣлять,—словомъ, чтобы физическія упражненія развили его тѣлесно и умственно.

Онъ долженъ поставить себѣ за правило выучивать ежедневно и отвѣчать наизусть нѣсколько стиховъ изъ классиковъ на греческомъ или латинскомъ языкѣ. Его память слѣдуетъ упражнять непрестанно.

Надобно пріучать его сочинять на русскомъ языкѣ рѣчи,—на темы нравоучительныя и историческія. Въ курсѣ исторіи надлежитъ, прежде всего, проходить съ нимъ отечественную исторію, точно такъ же, какъ и географію. Эти предварительныя познанія чрезвычайно пригодятся ему во время его шестилѣтняго путешествія по Россіи. Онъ долженъ произносить вслухъ сочиненныя имъ рѣчи, лучше всего одинъ разъ въ мѣсяцъ, предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей.

Всѣ способности развиваются въ путешествіи!... Все возбуждаетъ къ физической и умственной дѣятельности!... Во время путешествія, человѣкъ живетъ полною жизнію... Умственныя и физическія силы развиваются быстрѣе и съ такой силою и энергіей, о которой юноши, воспитанные въ городахъ и университетахъ, не имѣютъ и понятія. Мой сынъ увидитъ то, о чемъ другія дѣти знаютъ

по книгамъ. Это рано пріучитъ его относиться критически ко всѣмъ тѣмъ химерамъ, которыми питаютъ юношество въ академіяхъ, и презирать тѣ пороки, которые ихъ губятъ, когда они вертятся въ свѣтѣ. Подъ вліяніемъ путешествія, кругъ его понятій расширится. Необходимо знакомить его съ исторіей и статистикой каждой страны, которую онъ посѣтилъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтетъ массу знаній, которыя профессора статистики и исторіи никогда не были бы въ состояніи сообщить ему въ четырехъ стѣнахъ аудиторіи.

Я желаю, чтобы во время шести-лѣтняго путешествія, которое мой сынъ предприметъ по своему отечеству, его сопровождали:

1) Врачъ, хорошій химикъ и ботаникъ, безразлично какой національности.

2) Механикъ, англичанинъ, голландецъ или швейцарецъ.

3) Нѣмецъ, основательно знающій латинскій и греческій языкъ.

4) Какой-нибудь почтенный педагогъ, который будетъ руководить его воспитаніемъ вообще. (Я желалъ бы, чтобы этотъ наставникъ былъ твердаго и добраго характера, чтобы онъ былъ честенъ, основательно образованъ, хорошей нравственности, въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ и чтобы онъ ни въ чемъ не отступалъ отъ этого плана воспитанія).

5) Кромѣ того, я желалъ бы, чтобы моего сына сопровождалъ русскій наставникъ, хорошо знающій Россію, ея законы и исторію. Ему надобно разъяснять, по возможности, всѣ вновь появляющіеся указы, познакомить его со всѣми подробностями нащего судопроизводства, съ чудовищными злоупотребленіями, вкравшимися въ наше законодательство, надобно посѣщать съ нимъ и осматривать разныя общественныя заведенія и заводы Россіи, объясняя ему различные способы производства, словомъ, надобно обратить его вниманіе на все то, что встрѣтится интереснаго въ разныхъ губерніяхъ.

Онъ долженъ вести дневникъ своего путешествія на русскомъ языкѣ, переводя его на французскій, англійскій или какой-нибудь иной языкъ, на которомъ онъ будетъ свободно объясняться. Его слогъ долженъ быть ясный, правильный и сжатый.

Я требую, чтобы онъ путешествовалъ четыре года по Европейской Россіи и два года по Азіатской.

По окончаніи его шестилѣтняго путешествія по отечеству, на-

добно будетъ послать его моремъ изъ Кронштадта въ Голландію, изученію которой онъ посвятитъ годъ и откуда отправится въ Англію, гдѣ онъ проведетъ два года.

По прибытіи въ эту страну, надобно немедленно пріискать образованнаго человѣка, который могъ бы сопровождать его, съ вышеназванными лицами, въ поѣздку по всѣмъ тремъ королевствамъ Великобританіи. Я желаю, чтобы ему была основательно объяснена конституція этой страны и чтобы онъ обстоятельно ознакомился со всѣми, находящимися въ ней, чудесами современной цивилизаціи. Пробывъ два года въ Англіи, онъ объѣдетъ Европу слѣдующимъ путемъ: онъ начнетъ свое путешествіе съ Франціи, Испаніи и Италіи, откуда поѣдетъ въ Швейцарію и Германію, и возвратится въ Россію чрезъ Данію, Норвегію и Швецію. Я считаю лишнимъ настаивать на томъ, чтобы, путешествуя по Европѣ, онъ старался быть наблюдательнымъ, полагая, что онъ къ этому привыкнетъ съ 16-ти-лѣтняго возраста.

Возвратившись на родину 25 или 26 лѣтъ, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ ей полезенъ. Его надобно будетъ опредѣлить въ министерство внутреннихъ дѣлъ или финансовъ, и я полагаю, что онъ будетъ знать Россію лучше многихъ изъ министровъ, выдающихся дѣлами, изъ коихъ большинство не болѣе, какъ царедворцы, занимающіе извѣстныя мѣста, въ то время какъ за нихъ управляютъ корыстолюбивые и невѣжественные секретари.

Нѣтъ надобности говорить, что уроки Закона Божія будутъ преподаваться сыну священникомъ. Это само собою разумѣется. Не слѣдуетъ упускать изъ вида преподаваніе французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Во время путешествія по Россіи, надобно стараться внушить ему любовь къ своей родинѣ, желаніе изучить ее, быть ей полезнымъ и отличиться на службѣ своего монарха, котораго онъ долженъ уважать и которому долженъ повиноваться, каковъ бы ни былъ его характеръ, какъ своему государю, которому онъ присягалъ служить вѣрою и правдою. Ежели Господь судитъ моему сыну послужить своему отечеству ревностно, доблестно и честно, то онъ можетъ на закатѣ дней своихъ поселиться въ своихъ прекрасныхъ помѣстьяхъ, чтобы позаботиться о просвѣщеніи и благополучіи своихъ крѣпостныхъ людей и пріучить ихъ къ занятію

искусствами и ремеслами, которыя увеличатъ его доходы и дадутъ вмѣстѣ съ тѣмъ занятіе толпѣ праздной челяди. Я убѣжденъ, что, благодаря полученному имъ воспитанію, онъ усовершенствуетъ все то, что̀ я ему оставлю, сдѣлаетъ хорошую карьеру и слѣдовательно будетъ полезенъ своему отечеству. Прошу мою жену, какъ милость, не дѣлать изъ него ни военнаго, ни придворнаго, ни дипломата. У насъ такъ много героевъ, такъ много украшенныхъ орденами честолюбцевъ, такъ много царедворцевъ. Россія — больной исполинъ; служить государству и поддерживать его надлежитъ людямъ родовитымъ и имущимъ».

Едва-ли нужно говорить, что эта инструкція, свидѣтельствующая о возвышенномъ умѣ покойнаго князя, во многихъ своихъ частяхъ осталась неисполненною. Всему міру извѣстно, что князь Александръ Ивановичъ, вопреки особеннымъ настояніямъ своего отца, сдѣлался военнымъ и достигъ на этомъ поприщѣ такой высоты, славы и почестей, что покойный князь, конечно, не былъ бы въ претензіи за нарушеніе въ этомъ отношеніи его воли. Точно также, какъ окажется потомъ, князь Александръ Ивановичъ не считалъ особенно священною волю своего отца и относительно распредѣленія наслѣдственнаго имѣнія, установивъ это распредѣленіе на началахъ, быть можетъ, лучшихъ, но далеко не согласныхъ съ завѣщаніемъ...

Англійская система воспитанія, по которой на князѣ Александрѣ Ивановичѣ, какъ старшемъ сынѣ, сосредоточивался весь блескъ родоваго значенія, не могла не отразиться на семейныхъ отношеніяхъ его къ роднымъ. Трудно представить столь суроваго и недоступнаго отца въ отношеніяхъ къ своимъ сыновьямъ, какимъ былъ князь Александръ Ивановичъ въ отношеніяхъ къ своимъ братьямъ и вообще роднымъ. Но я никакъ не могу утверждать, чтобы эти отношенія истекали исключительно и единственно изъ англійскаго воспитанія и англійскихъ понятій о первородствѣ и чтобы они не были въ значительной степени просто проявленіемъ его натуры, безпримѣрно гордой и самолюбивой. Родные его боялись его до такой степени, которой я даже и понять никогда не могъ. Онъ зналъ это и гордился этимъ. Сама мать—княгиня Марья Ѳедоровна, не могла входить къ нему безъ доклада. Я былъ не разъ свидѣтелемъ,

когда княгиня, спустившись съ верху и постучавшись въ дверь комнаты князя—спрашивала: «можно ли войти?» и когда князь отвѣчалъ, что «теперь не могу васъ принять». Подобно тому, я былъ свидѣтелемъ, когда, на вопросъ посланнаго княгини: можетъ ли она его видѣть—князь отвѣчалъ: «доложи княгинѣ, что я теперь занятъ и принять ее не могу; когда буду свободенъ—дамъ знать». Княгиня, впрочемъ, жаловалась на такія отношенія; но князь мнѣ самому выражалъ убѣжденіе, что это такъ и должно быть. «Я объяснялъ княгинѣ», прибавлялъ князь, «что она уже потому не должна входить ко мнѣ безъ доклада, что она женщина, а я мужчина. При ея входѣ я могу быть раздѣтъ; у меня можетъ быть женщина».... Вообще, сколько я могъ наблюдать, отношенія князя къ матери отличались холодностью и сухостью и вовсе не были проникнуты тою искренностію и любовью, какъ мы привыкли видѣть въ простыхъ семействахъ. Пріѣзды его послѣ продолжительной разлуки съ матерью, отъѣзды вновь въ далекія страны и на долгіе сроки—не представляя ничего, что говорило бы о чувствахъ, сопровождались всегда чѣмъ-то въ родѣ сухаго и безжизненнаго церемоніала.

Братья его просто боялись: такъ онъ умѣлъ ихъ поставить. Когда имъ нужно было переговорить съ нимъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, они рѣдко рѣшались на это сами и большею частію избирали меня посредникомъ. Изъ тысячи примѣровъ приведу одинъ: князь Владиміръ хочетъ купить у князя Александра домъ. Что тутъ страшнаго? а между тѣмъ князь Владиміръ не рѣшается обратиться прямо къ князю, а проситъ моего посредства, и въ то уже время, когда я, занимая большія мѣста на Кавказѣ, нисколько не занимался частными дѣлами князя, которыхъ у него въ то время почти и не было. Вотъ выписка изъ письма, полученнаго мною отъ князя Владиміра въ октябрѣ 1857 г. «Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма меня обяжете, предложивъ князю Александру Ивановичу продать мнѣ домъ въ Милліонной улицѣ. Сколько помню, князь назначилъ за него 100 тысячъ рублей. Я съ удовольствіемъ далъ бы ему эту сумму; но такъ какъ невозможно мнѣ вдругъ заплатить всю сумму, то я прошу раздѣлить уплату на четыре года съ внесеніемъ ежегодно процентовъ съ оставшихся неуплаченными денегъ. Гувернеръ и гувернантки требуютъ большаго размѣщенія, поэтому я принужденъ въ этомъ

домѣ сдѣлать много передѣлокъ и даже возвести новый этажъ. Работы эти могу предпринять въ такомъ только случаѣ, когда домъ будетъ мнѣ вполнѣ принадлежать. Я съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта»... Въ письмѣ отъ 5-го марта 1858 г. князь Владиміръ писалъ мнѣ, между прочимъ, «начинаю съ того, что благодарю васъ за принятое вами участіе въ дѣлѣ продажи дома»... Странную и нѣсколько комическую исторію перехода этого дома я разскажу впослѣдствіи, а теперь обращаюсь собственно къ чертамъ, характеризующимъ отношенія князя Александра къ своимъ братьямъ.

Князь Анатолій просто трепеталъ князя Александра. И по правдѣ сказать: это былъ самый милѣйшій изъ Барятинскихъ, но въ то же время и самый беззаботный. Онъ былъ очень похожъ на князя Александра лицомъ и дарованіями. Внѣшнее сходство было до того поразительно, что многихъ обманывало, отчего не могло не происходить много замѣшательствъ и комическихъ сценъ. Въ то же время, за исключеніемъ князя Александра, онъ былъ умнѣе несравненно остальныхъ своихъ братьевъ и въ сферѣ своихъ дѣлъ всегда показывалъ много находчивости и изобрѣтательности, которыя и спасали его въ такіе трудные моменты, гдѣ другой навѣрно погибъ бы окончательно. Бѣда была въ томъ, что столь же роскошный, какъ и князь Александръ, онъ не имѣлъ ни его воли, ни его характера. Исторія его жизни была бы исторіею его долговъ. Онъ постоянно занималъ, платилъ и опять занималъ; запутывался, выпутывался и опять запутывался. Но разсказъ о его дѣлахъ будетъ имѣть свое мѣсто, а здѣсь я повторяю, что никто изъ родныхъ такъ не трусилъ князя Александра, какъ князь Анатолій. Вотъ два отрывка изъ его писемъ ко мнѣ въ 1847 году. 19 февраля онъ писалъ: «прежде чѣмъ представить дѣла мои князю Александру Ивановичу, мнѣ хотѣлось бы еще разъ переговорить съ вами, чтобы не ошибиться и показать все, какъ есть. Если вамъ свободно, сдѣлайте одолженіе заверните ко мнѣ сегодня въ 3 часа». 5-го марта князь писалъ: «Вы знаете, что ночи провожу я въ думахъ и раздумьяхъ о моихъ дѣлахъ (скоро отъ этого посѣдѣю и оплѣшивѣю), а какъ утро пришло, и ну всѣ мои мысли на бумагу. Вы тоже знаете, что я совершенно вамъ ввѣрился и полагаю надежды мои по устройству моихъ дѣлъ на ваши добрые совѣты и вашу помощь. По этому

мысли, которыя мнѣ приходятъ, я люблю отдавать на ваше обсужденіе. Разсмотрите прилагаемую бумагу, обдумайте и скажите мнѣ ваше мнѣніе. Вы лучше меня можете знать, возможно ли князю Александру Ивановичу сдѣлать мнѣ такую помощь или нѣтъ. Прошу васъ князю ничего не говорить, не сказавши мнѣ вашего отвѣта. Ужасное время для моей головы»...

Чтобъ еще яснѣе выразить отношенія князя къ роднымъ, приведу еще нѣсколько фактовъ, сюда относящихся. Одна изъ сестеръ князя, старшая и любимая имъ, была замужемъ за Давыдовымъ, Владиміромъ Петровичемъ, который, впослѣдствіи, когда по наслѣдству получилъ имѣніе извѣстной графини Орловой-Чесменской, силою и связями Барятинскихъ, получилъ фамилію графа Орлова-Давыдова. Когда въ 1859 г. послѣ покоренія восточнаго Кавказа и Шамиля, князь, въ санѣ фельдмаршала былъ въ Петербургѣ, я постоянно, какъ и всегда, находился при немъ. Въ это время графъ Орловъ-Давыдовъ особенно ухаживалъ за мной и лично былъ у меня нѣсколько разъ. При одномъ изъ этихъ свиданій, онъ сказалъ: «у меня есть большая къ вамъ просьба. Потрудитесь доложить князю Александру Ивановичу, не можетъ ли онъ удѣлить собственно мнѣ нѣсколькихъ минутъ. Я часто его вижу, но рѣшительно не нахожу средствъ переговорить съ нимъ наединѣ, а мнѣ это очень нужно». Просьба эта не могла не изумить меня, что̀ я и выразилъ графу. «При вашихъ близкихъ отношеніяхъ къ князю порученіе вашего сіятельства мнѣ кажется необыкновеннымъ. Я увѣренъ, что когда я доложу о немъ князю, и онъ найдетъ его такимъ же». «Не безпокойтесь», отвѣчалъ графъ, «мы всѣ хорошо его знаемъ. Исполните только мою просьбу, и я буду вамъ очень благодаренъ». Въ то время князь, окруженный безпримѣрнымъ величіемъ и осаждаемый безпрерывными посѣщеніями петербургской знати, былъ наименѣе доступенъ для самыхъ близкихъ людей; поэтому и удобная минута для доклада странной просьбы графа Орлова-Давыдова не скоро представилась. Когда, наконецъ, просьба эта была доложена мною, то, къ несказанному моему удивленію, князь не только не выразилъ, какъ я ожидалъ, никакого удивленія относительно существа ея, а напротивъ, сдѣлавъ весьма недовольную мину, сухо отвѣчалъ: «скажите ему, что я теперь не могу располагать своимъ временемъ,

но когда буду свободнѣе — я увѣдомлю его». Когда, года два спустя, именно въ іюлѣ 1861 г., я пріѣхалъ курьеромъ изъ Дрездена къ государю съ письмомъ князя о предстоящемъ его пріѣздѣ въ Петербургъ, государь поручилъ братьямъ его, князьямъ Владиміру и Анатолію, выѣхать къ нему на встрѣчу. Графъ Карлъ Ламбертъ, бывшій впослѣдствіи несчастнѣйшимъ изъ намѣстниковъ царства Польскаго и, по тѣсной дружбѣ своей съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, знавшій хорошо его семейныя отношенія, узнавъ о порученіи, сдѣланномъ государемъ братьямъ его, сказалъ: «ну, я не желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ». Въ то же время князь Анатолій, вмѣстѣ съ женой, постоянно приглашали меня къ себѣ преимущественно для совѣщаній объ этой встрѣчѣ и для разрѣшенія вопроса, какъ взглянетъ князь Александръ Ивановичъ, если князь Анатолій будетъ встрѣчать его съ женой?

Эти странныя сомнѣнія имѣли, между прочимъ, и то основаніе, что предъ тѣмъ, когда во время бытности князя за границею, разнеслась вѣсть о безнадежномъ его болѣзненномъ состояніи, князь Викторъ, меньшой изъ братьевъ, неожиданно къ нему пріѣхалъ и былъ встрѣченъ такъ сурово, что на другой же день долженъ былъ уѣхать обратно. Послѣ пріѣзда князя тѣмъ же лѣтомъ (1861 г.) въ Петергофъ, гдѣ была царская фамилія и гдѣ жилъ князь Анатолій на дачѣ, я, опять находясь при фельдмаршалѣ,—былъ свидѣтелемъ, что князь Анатолій, пріѣзжая къ нему одинъ или съ женою, никогда не поручалъ дежурнымъ прямо доложить о немъ, а предварительно боязливо разспрашивалъ: какъ его здоровье, въ какомъ онъ расположеніи духа, не занятъ ли и т. п., и тогда только рѣшался на докладъ, когда дежурные увѣряли, что рѣшительно ничто тому не препятствуетъ. Во время послѣдняго пребыванія фельдмаршала въ Вильнѣ (1862 г.), когда онъ былъ страшно боленъ и когда я отправлялъ въ Петербургъ братьямъ его депешу за депешей объ опасномъ его положеніи, никто изъ нихъ не рѣшался пріѣхать туда и только тогда, когда самъ государь спросилъ фельдмаршала: не хочетъ ли онъ видѣть котораго-нибудь изъ братьевъ, князь разрѣшилъ пріѣхать князю Владиміру. Я не говорю о личномъ обращеніи его съ братьями, которое было сурово, можно сказать, до крайней степени. Я былъ много разъ свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ въ этомъ

отношеніи. Свидѣтели, впрочемъ, нисколько не стѣсняли жестокости обращенія князя съ братьями; напротивъ, при свидѣтеляхъ, казалось, онъ особенно старался проявить свое подавляющее вліяніе на братьевъ. Во время послѣдняго пребыванія князя въ Петербургѣ (1862 году), предъ отъѣздомъ въ Вильну, когда всѣ мы жили въ Царскосельскомъ дворцѣ, однажды входитъ въ пріемную комнату князь Анатолій, въ то время уже командиръ Преображенскаго полка, и, послѣ обычныхъ боязливыхъ разспросовъ, проситъ доложить князю, что онъ желалъ бы видѣть его на одну только минуту, чтобъ проститься, такъ какъ онъ сейчасъ, съ частью своего полка, отправляется въ Новгородъ на церемонію открытія памятника тысячелѣтія Россіи. Когда доложили объ этомъ князю, онъ сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу, минуту задумался и, потомъ быстро выйдя въ пріемную, прямо подошелъ съ князю Анатолію со словами: «ну, прощай, прощай» и повернулся обратно. Тотъ началъ было: «когда я тебя увижу?» но князь на ходу нетерпѣливо отвѣчалъ: «не знаю; прощай, прощай, я занятъ» и скрылся въ кабинетъ. Пріемная была полна различными лицами. Князь Анатолій, красный отъ смущенія, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ растеряннымъ взглядомъ и вышелъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это истекало изъ страшнаго самолюбія князя, въ которомъ онъ самъ сознавался. «Когда я говорю съ кѣмъ-нибудь», сказалъ мнѣ однажды князь, «я всегда смотрю, не нарушаетъ ли онъ того разстоянія, какое должно между нами быть». И горе было тому, кто нарушалъ это разстояніе. На Кавказѣ былъ тифлисскимъ губернаторомъ Капгеръ, губернаторъ плохой, но человѣкъ славный и, главное, обладатель весьма красивой жены. По своимъ обязанностямъ онъ часто бывалъ у князя. Чуждый придворныхъ тонкостей и незнакомый съ натурою князя, онъ дѣлалъ страшные промахи. У князя была манера ходить по кабинету рядомъ съ тѣмъ, кому онъ говоритъ или кого слушаетъ. Слушать впрочемъ, онъ не любилъ и почти всегда самъ говорилъ. Когда онъ останавливался, чтобъ закурить папиросу, въ то же время—закуривалъ папиросу и Капгеръ; когда князь садился, продолжая свой разговоръ, на диванъ, рядомъ съ нимъ на томъ же диванѣ садился и Капгеръ. Это было въ глазахъ князя страшнымъ преступленіемъ, на которое князь и жаловался приближеннымъ людямъ, въ томъ

числѣ и мнѣ. Удаленіе Капгера съ Кавказа было рѣшено. Здѣсь нельзя не выставить великолѣпную черту характера и правилъ князя. Когда онъ хотѣлъ сбыть кого-нибудь—онъ всегда ставилъ его на мѣсто непремѣнно выше того, которое тотъ занималъ, такъ что люди, которые не нрáвились князю и отъ которыхъ онъ желалъ избавиться, непремѣнно были въ выигрышѣ. Такъ точно и Капгеръ плохой генералъ, плохой губернаторъ, по милости своихъ промаховъ, которыхъ князь не могъ переносить, сдѣланъ былъ сенаторомъ съ огромнымъ кавказскимъ содержаніемъ, которому завидовали, какъ онъ самъ мнѣ потомъ говорилъ, другіе сенаторы. Такъ точно, при самомъ вступленіи въ управленіе Кавказомъ, князь рѣшилъ раздѣлаться съ бывшимъ тогда ставропольскимъ губернаторомъ Волоцкимъ, который уже прежде былъ извѣстенъ князю, какъ человѣкъ ограниченный и совершенно неспособный осуществить тѣ планы, которые князь имѣлъ относительно Ставропольской губерніи и вообще того края. Волоцкому дано было знать, что на основаніи тѣхъ преобразованій, которымъ должна подвергнуться эта губернія, мѣсто губернатора предположено упразднить и что поэтому не угодно ли ему заблаговременно пріискать себѣ другое мѣсто. Волоцкой, дѣйствительно, отправился въ Петербургъ, но скоро возвратился и доложилъ князю, что безъ его высокаго покровительства онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать. Князь и его сдѣлалъ сенаторомъ также съ большимъ кавказскимъ содержаніемъ. Такимъ образомъ люди бездарные и неспособные, люди, которыхъ не могъ князь переносить, стали въ положеніе котораго съ трудомъ достигаютъ отличнѣйшіе изъ губернаторовъ.

Сознаю вполнѣ, что я въ своихъ разсказахъ весьма похожъ на знаменитаго мартыновскаго дядюшку-болтушку и страшно забѣгаю впередъ. Но я нисколько не забочусь о литературной стройности моихъ записокъ. Мнѣ желательно болѣе всего выразить, такъ или иначе, мои собственныя впечатлѣнія, какія производили на меня различныя явленія и личности. Изъ всѣхъ этихъ личностей князь Барятинскій, съ которымъ такъ сильно связана была судьба моя — безспорно самая замѣчательная, самая знаменитая. Его не знали въ молодости; завистливые враги затемнили его славное имя на рубежѣ его старости; но я умру съ убѣжденіемъ, что это былъ великій человѣкъ, разумѣется, какъ и всякій человѣкъ, съ недостатками и очень большими.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1841 — 1854).

ГЛАВА III [1]).

Стрижка волосъ.—Преподаватели.—Актовое стихотвореніе.—Наказаніе въ Казани уголовныхъ преступниковъ.

Послѣ Зейдлица короткое время былъ исправляющимъ должность инспектора Вертеловскій. Онъ принадлежалъ къ личностямъ весьма гуманнымъ, и при немъ гимназія стала скоро оправляться послѣ зейдлицовскаго, если можно такъ выразиться, нашествія. Благоразумная строгость, гуманность въ обращеніи съ воспитанниками и учителями, правильное пониманіе педагогическихъ задачъ, отсутствіе ненужной суеты и хлопотливости, характеризовавшихъ зейдлицовское инспекторство,—вотъ главныя черты временнаго инспекторства Вертеловскагс. Остается сожалѣть, что онъ не былъ утвержденъ инспекторомъ, а вскорѣ на мѣсто инспектора былъ назначенъ Иванъ Александровичъ Сахаровъ, изъ Нижняго Новгорода. При немъ я окончилъ 6-й и 7-й (послѣдній) классы гимназіи.

Сахаровъ всего больше обращалъ вниманіе на короткую

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г. январь.

стрижку волосъ. Онъ постановилъ, чтобы всѣ воспитанники стриглись подъ гребенку. Кромѣ того Сахаровъ былъ ярымъ сторонникомъ сѣченія розгами, которое онъ производилъ съ большимъ наслажденіемъ и злорадствомъ. Я уже сказалъ выше, что воспитанники старшихъ классовъ считали позоромъ для себя наказаніе розгами. Сахаровъ, зная это, старался подвергать сѣченію преимущественно воспитанниковъ высшихъ классовъ. При этомъ онъ часто натыкался на непріятныя исторіи: ученики не давались, а онъ хотѣлъ сломить ихъ упрямство, приказывалъ брать и раскладывать ихъ на коверъ силою, и особенно преслѣдовалъ учениковъ 4-го и 5-го классовъ. Что же касается 6-го и 7-го классовъ, то необходимо замѣтить, что Сахаровъ ихъ побаивался. Нѣкоторыя попытки его высѣчь розгами учениковъ 5-го и 6-го классовъ не прошли ему даромъ. Ученики не дались и, какъ говорили, преподнесли инспектору очень непріятные сюрпризы, которые онъ принужденъ былъ переварить. Случилось однажды, что воспитанники 5, 6 и 7-го классовъ не хотѣли остричься подъ гребенку, несмотря на частыя напоминанія Сахарова. Не хотѣли же они остричься подъ гребенку потому, что не считали себя воспитанниками военно-учебныхъ заведеній и этимъ какъ бы дѣлали упрекъ начальству, старавшемуся въ учебныхъ заведеніяхъ примѣнять военную выправку. Сахаровъ объявилъ, что если въ 24 часа волосы не будутъ обстрижены всѣми подъ гребенку, то со всѣхъ будетъ строго взыскано, но предварительно, въ ожиданіи этой стрижки, было объявлено, что всѣ, у кого длинные волосы, лишаются отпуска въ предстоящую масляницу. Ученики 5-го класса остриглись, но 6-й и 7-й классы не хотѣли остричься, находя, что волосы у всѣхъ довольно еще короткіе и что если остричься подъ гребенку, то будутъ походить на солдатъ. Распоряженія инспектора, по товарищескимъ отношеніямъ, никто не рѣшился исполнять, а равно по той же причинѣ никто не дерзалъ подчиниться рѣшенію оставаться безъ отпуска, а для того, чтобы рѣшить вопросъ—оставаться ли безъ отпуска,—сдѣлали сходку, на которой рѣшили—уйти изъ гимназіи самовольно, не въ отпускъ, но для катанья по случаю масляницы. И вотъ толпа человѣкъ въ 50-ть осадила парадныя двери гимназіи, ведущія на улицу, оттерла швейцара и гурьбой кинулась изъ гимназіи. Всѣ сѣли на татарскія

сани, въ изобиліи снующія во время масляницы по улицамъ Казани. Объ этомъ было донесено инспектору. Богданъ Ивановичъ Зоммеръ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ, истощилъ все краснорѣчіе и на русскомъ, и на нѣмецкомъ языкѣ, желая убѣдить воспитанниковъ не отлучаться изъ гимназіи, но, не успѣвая ни въ чемъ, долженъ былъ направиться къ инспектору съ донесеніемъ о случившемся. Послѣ Богданъ Ивановичъ говорилъ намъ: «Онъ мине такъ ругали за васъ, что я тоже чуть не умиралъ у нево въ залъ».

Съ катанья мы возвратились въ гимназію ровно черезъ часъ. Намъ объявили, что инспекторъ ожидаетъ насъ въ рекреаціонномъ залѣ и чтобы мы шли туда немедленно. Мы вошли въ залъ и по суровому выраженію лица инспектора увидѣли, что не все обстоитъ благополучно.

— Какъ вы смѣли отлучиться безъ дозволенія изъ гимназіи? Мы отвѣтили, что пошли не въ отпускъ, а только прокатиться.

— Я васъ проучу... Я докажу, что вы должны повиноваться начальству.

Затѣмъ, инспекторъ приказалъ намъ встать рядомъ и, подойдя къ первому ряду, началъ отсчитывать пятаго по порядку и каждому пятому приказывалъ встать по другую сторону, объявивъ, что всѣ, на кого палъ жребій, будутъ исключены изъ гимназіи. Послѣ этого, записавъ фамиліи отобранныхъ, приказалъ намъ разойтись.

На другой день насъ призывали къ инспектору въ кабинетъ, каждаго по очереди, и инспекторъ насъ допрашивалъ, требуя, чтобы указали зачинщиковъ бунта, какъ Сахаровъ называлъ нашу отлучку изъ гимназіи; но никто не выдавалъ товарищей, несмотря на угрозу—исключить немедленно изъ гимназіи. На другой же день послѣ этого событія, вечеромъ, мы сдѣлали совѣщаніе и рѣшили, что всѣ одинаково виноваты, и хотя вина обрушилась только на 11 человѣкъ, но всѣ обязаны выручать товарищей. Рѣшено было отправить депутацію къ инспектору. Въ эту депутацію были избраны трое отличнѣйшихъ и любимыхъ Сахаровымъ учениковъ.

Переговоры депутаціи съ инспекторомъ кончились тѣмъ, что онъ предложилъ ультиматумъ, состоявшій въ слѣдующемъ:

1) Чтобы всѣ немедленно остриглись подъ гребенку.

2) Чтобы выдали зачинщиковъ бунта.

3) Отвѣтъ представить въ 24 часа.

Была новая сходка, на которой обсуждался ультиматумъ инспектора. Было рѣшено объявить ему, что зачинщиковъ нѣтъ, что всѣ одинаково виноваты.

Депутація отправилась къ инспектору и заявила ему объ этомъ.

— Прекрасно! сказалъ Сахаровъ, я всѣхъ васъ исключу изъ гимназіи.

— Какъ угодно!—отвѣчала депутація.

Нѣсколько дней мы находились въ нерѣшительности. Требованіе инспектора—остричься подъ гребенку—однако всѣ исполнили, и онъ, пришедши въ гимназію, былъ пріятно удивленъ исполненіемъ этого приказанія. Затѣмъ насъ опять стали по одиночкѣ приглашать къ инспектору и допрашивать. При этомъ онъ излилъ все свое краснорѣчіе, продолжалъ угрожать исключеніемъ всѣхъ изъ гимназіи и говорилъ, что не пожалѣетъ и себя самого: исключитъ всѣхъ и самъ выйдетъ въ отставку, но настоитъ на своемъ. Однако никто не выдавалъ товарищей, утверждая упорно, что зачинщиковъ не было. Богданъ Ивановичъ Зоммеръ былъ подосланъ инспекторомъ развѣдать о зачинщикахъ, но ничего не узналъ.

Такое неопредѣленное положеніе продолжалось нѣсколько дней. О случившемся, какъ видно было изъ всего, инспекторъ не доложилъ директору Галкину, потому что послѣдній, являясь въ гимназію почти ежедневно, ни однимъ словомъ не обмолвился о случившемся.

Однако мы все-таки ждали, что насъ исключатъ изъ гимназіи, но этого не случилось. Сахаровъ, въ виду бывшихъ недоразумѣній съ прежними инспекторами—Скорняковымъ и Зейдлицомъ, побоялся обнаружить своевольную отлучку воспитанниковъ изъ гимназіи и ограничился тѣмъ, что велѣлъ намъ сбавить кому одинъ, кому два балла въ поведеніи. Сахаровъ казался сердитымъ, недовольнымъ, строгимъ, старался всѣми способами придираться то къ одному, то къ другому воспитаннику и поочередно садилъ въ карцеръ то того, то другаго изъ записанныхъ имъ 11 человѣкъ, заставляя ѣсть хлѣбъ и пить воду по 3—4 и по 5 дней.

Такимъ образомъ, все-таки многіе воспитанники сдѣлались козлами отпущенія грѣха остальнымъ воспитанникамъ.

Надзора за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ Сахаровъ, какъ инспекторъ, не проявлялъ вовсе. Онъ никогда не вошелъ даже въ классъ, чтобы убѣдиться, какъ идетъ преподаваніе. Всю свою обязанность онъ полагалъ, какъ видно, только въ поддержаніи между воспитанниками наружнаго порядка, почти военной дисциплины и выправки. Каждую субботу онъ производилъ расправу съ лѣнивыми и шалунами младшихъ классовъ, съ злорадствомъ и какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, такъ что его прозвали живодеромъ-сахаромъ-сахаровичемъ. Впослѣдствіи, послѣ Галкина, онъ сдѣлался директоромъ первой гимназіи, уже въ то время, какъ я былъ студентомъ университета.

Перейду теперь къ характеристикѣ учителей и преподавателей 1-й Казанской гимназіи въ мое время. Изъ нихъ особенно замѣчательны:

1) Злыгостевъ. Онъ былъ учителемъ латинскаго языка въ младшихъ классахъ, отличался хорошимъ знаніемъ латыни, уроки любилъ задавать не маленькіе и требовалъ хорошаго приготовленія ихъ и знанія.

Главнѣйшее пособіе къ изученію латинскаго языка онъ находилъ въ отчаянномъ драніи ушей воспитанниковъ, не приготовившихъ урока, а потому, спрашивая урокъ, будетъ ли то склоненіе, спряженіе или переводъ и разборъ, онъ становился подлѣ ученика и за каждую ошибку дралъ ему ухо, при чемъ сильно тянулъ вверхъ. Воспитанникъ для уменьшенія боли тянулся кверху, становился на цыпочки, какъ говорится, чтобы облегчить боль, испытываемую при надираніи ушей.

— Ты не тянись вверхъ, каналья, говорилъ учитель и продолжалъ спрашивать урокъ, уже не отнимая руки отъ уха ученика. На глазахъ ученика показывались слезы, онъ начиналъ всхлипывать отъ плача, какъ слѣдствія боли, и тогда прекращалось истязаніе, и ставилась единица. Ученики прозвали этого учителя «злымъ гостемъ».

Особой пользы такое преподаваніе не приносило, а тѣмъ болѣе, что велось оно безъ особой системы.

Злыгостевъ недолго оставался учителемъ латинскаго языка и за что-то былъ удаленъ изъ гимназіи. На его мѣсто былъ назначенъ Струве. Это былъ длинный, сухапарый, бѣлый, какъ ленъ, и

весьма наивный нѣмецъ. Онъ ввелъ всѣ нѣмецкія ухватки при преподаваніи латинскаго языка. Всѣ *s* были замѣнены звукомъ *з*. Такъ напримѣръ нужно было произносить не сумъ, а зумъ, не сунтъ, а зунтъ, не симилисъ, а зимилисъ.

Особенно Струве любилъ систему заохочиванія къ изученію латинскаго языка. Говоря о томъ, что при изученіи этого языка весьма важно знать коренныя формы глаголовъ, какъ правильныхъ, такъ и неправильныхъ, Струве избралъ такую систему заохочиванія къ изученію ихъ:

«Какъ важно знать коренныя времена глаголовъ правильныхъ и неправильныхъ,—говорилъ учитель,— это показываетъ намъ слѣдующій случай: трое молодыхъ людей въ жаркій лѣтній день отправились на прогулку въ отдаленную загородную мѣстность. Шли они скоро, очень устали и скоро почувствовали нестерпимую жажду.

«Они зашли въ первый попавшійся домъ попутнаго селенія и попросили пить воды. Старичекъ, къ которому они обратились, сказалъ имъ: «А знаете ли вы, какъ по-латыни—я пью?» Молодые люди отвѣчали: «bibo». «А знаете ли вы, опять спросилъ старичекъ, коренныя формы глагола «bibo». Молодые люди, которыхъ томила жажда, измѣнились въ лицѣ, потому что не твердо знали эти формы, но однако отвѣтили: первый—bibo, bibavi, bibatum, bibare, второй—bibo, babsi, babtum, bibere, и третій—bibo, bibi, bibitum, bibere. «Знаетъ только третій, и ему я дамъ напиться», сказалъ старичекъ, «а двумъ первымъ, которые не знаютъ, не дамъ воды», и выгналъ ихъ изъ избы. Такъ вотъ, до чего доводитъ незнаніе коренныхъ формъ глаголовъ» заключилъ свою рѣчь Струве. [1])

---

[1]) По этому поводу приводимъ не лишенный интереса варіантъ—со словъ одного священника, недавно умершаго въ преклонныхъ лѣтахъ. По его разсказу, дѣло было такъ: три ученика реторики (нынѣ 1-го класса семинаріи), возвращаясь пѣшкомъ домой на лѣтнія каникулы, зашли по дорогѣ въ домъ одного сельскаго священника отдохнуть и попросили попить. Священникъ, считавшійся когда-то знатокомъ латинскаго языка, обѣщалъ дать имъ воды подъ условіемъ, если они правильно скажутъ главныя формы глагола bibo. Одинъ изъ учениковъ сказалъ: bibo, bipsi, bibere; другой: bibo, bapsi, bibere а третій: bibo, bibi, bibere. Тогда священникъ, обратившись къ своему сыну-богослову,—съ которымъ онъ иногда перекидывался немногосложными фразами на латинскомъ языкѣ,—сказалъ: „da bibere bibi; bipsi, bapsi carebunt!" т. е. дай пить (сказавшему) bibi, а (сказавшіе) bipsi, bapsi—будутъ лишены (питья).

Ред.

Само собою разумѣется, что такая наивная шутка не оказала никакого дѣйствія на учениковъ, да и странно было слышать все это, хотя бы и въ 3-мъ классѣ, какъ аргументъ, подтверждающій необходимость изученія латинскаго языка!

Вообще, подъ руководствомъ Струве, успѣховъ въ изученіи латинскаго языка никакихъ не могло быть. Странная, непрактичная и устарѣвшая метода преподаванія, которой придерживался Струве, была главнымъ препятствіемъ для хорошихъ успѣховъ.

Въ старшихъ классахъ латинскій языкъ преподавалъ Гилярій Антоновичъ Лукашевскій. Онъ былъ полякъ сердцемъ и душой, большой патріотъ и латинскій языкъ зналъ превосходно. Онъ такъ любилъ латынь, что своего пятилѣтняго сына уже училъ этому языку. Его сынъ, 10—12 лѣтъ, читалъ Виргилія и Цицерона à livre ouverte, и вотъ его-то Гилярій Антоновичъ всегда приводилъ въ примѣръ. Помню, что мы изучали въ 4 классѣ просодію, переводили Саллюстія, Корнелія Непота, въ 5 классѣ—Цицерона и Тита Ливія, а въ 6 и 7-мъ классахъ Цицерона и Энеиду Виргилія. Особенно онъ любилъ Энеиду и то мѣсто ея, гдѣ описана осада и взятіе Трои, а также и то мѣсто по преимуществу, гдѣ говорится о деревянномъ конѣ, который, будучи наполненъ воинами, приблизился къ стѣнамъ Трои и былъ принятъ троянцами за божество. Лукашевскій читалъ Энеиду нараспѣвъ и переводилъ ее на русскій языкъ, запрещая записывать за нимъ переводъ. На слѣдующій урокъ онъ задавалъ переведенное мѣсто и требовалъ грамматическій разборъ переведеннаго, причемъ, какъ говорится, проходился по всей латинской грамматикѣ. Часто, читая и переводя означенное выше мѣсто изъ Энеиды, онъ плакалъ: крупныя слезы катились изъ глазъ его на книгу, и онъ обтиралъ ихъ шелковымъ платкомъ, который всегда былъ у него въ рукахъ, потому что, нюхая табакъ, онъ часто сморкался. Мы ломали себѣ голову, чтобы объяснить—почему Лукашевскій во время перевода не только проливалъ слезы, но и тяжко вздыхалъ? Наконецъ додумались, что онъ въ эту минуту вспоминалъ паденіе Варшавы въ 1831 году. Эта мысль пришла намъ въ голову потому, что мы знали его за бывшаго патріота, который, однако, ни однимъ словомъ не проговорился намъ о своемъ патріотизмѣ, проскальзывавшемъ особенно въ расположеніи, которое онъ обнаружи-

валъ къ воспитанникамъ, носившимъ фамиліи, сходныя съ польскими. Хотя между нами не было ни одного поляка, но видимо Лукашевскій старался найти между нами своего земляка.

Въ 4 классѣ изъ просодіи урокъ задавался два раза въ недѣлю. Лукашевскій, войдя въ классъ, спрашивалъ: кто сегодня будетъ отвѣчать урокъ?

Обыкновенно приготовлялись къ уроку только трое, которые вставали и отвѣчали урокъ, за который получали всего чаще 4 или 5 балловъ. Удовлетворившись отвѣтомъ троихъ учениковъ, учитель задавалъ урокъ на слѣдующій классъ. Но однажды произошелъ прекурьезный случай: всѣ очередные, приготовившіеся отвѣчать урокъ изъ просодіи, очутились внѣ класса. Одинъ ученикъ внезапно заболѣлъ, другой по какому-то случаю не пришелъ въ классъ (своекоштный), а третій, предъ самымъ классомъ Лукашевскаго, былъ отпрошенъ отцомъ по какому-то случаю, кажется, что по причинѣ внезапнаго отъѣзда отца изъ Казани; всѣ же остальные ученики не готовили урока вовсе. Лукашевскій входитъ въ классъ, сдѣлалъ перекличку и отмѣтилъ, кого нѣтъ, а затѣмъ произнесъ обычную фразу:

— Кто же сегодня будетъ отвѣчать?

Всеобщее молчаніе... Никто не встаетъ... Учитель изумленъ.

— Ото, кто же будетъ сегодня отвѣчать?

Всѣ молчатъ по-прежнему; учитель смотритъ въ журналъ и вызываетъ перваго попавшагося ему ученика, у котораго еще не было отмѣтки въ журналѣ.

Вызванный ученикъ стоитъ, какъ вкопанный. Изумленіе учителя возрастаетъ. Онъ вызываетъ другаго, третьяго и т. д. всѣхъ до одного. Всѣ упорно молчатъ и опустили глаза. Изумленію учителя нѣтъ предѣловъ, такъ какъ онъ, въ простотѣ сердечной, полагалъ, что всѣ готовятъ уроки изъ просодіи, и вдругъ всѣ молчатъ, какъ сфинксы.

— Ото, такъ-то вы приготовляете уроки изъ просодіи! А я, оселъ, думалъ, что вы честно относитесь къ дѣлу! Я думалъ, что вы учите уроки... Я дѣлалъ вамъ снисхожденіе, полагая, что вы, ослы, понимаете пользу просодіи... Ото, что же я вижу? Ото, что же я долженъ дѣлать?.. Ото, ото... скажите мнѣ, что же я долженъ

дѣлать съ вами, ослами? Ото, вы всѣ ослы!.. Ото, вы всѣ негодяи! Ото, мало ослы: вы всѣ подлецы! Ото, я не буду шутить! Ото, я позову сторожей и велю васъ влѣпить вотъ въ эту доску! Ото, ужь не я буду васъ вытаскивать... Ото, я велю имъ принести швабры и бить васъ до полу-смерти грязными швабрами... Ото, я повторяю, что вы подлецы! Ото, всѣмъ по кренделю! Ото, всѣмъ поставлю по нулю...

Окончивъ этотъ громовой монологъ, Лукашевскій вооружается перомъ и ставитъ всѣмъ ученикамъ по нулю, и потомъ продолжаетъ:

— Ото, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Ото, прекрасно! Ото, всѣмъ по кренделю! Ото, всѣмъ по нулю!

Мы всѣ находились въ страшномъ замѣшательствѣ, скрывая свою вину и внутренно упрекая себя въ этомъ внезапномъ раскрытіи нашей лѣности, въ этомъ обманѣ учителя, который относился къ намъ уже, какъ къ понимающимъ свою пользу.

Опять, спустя нѣкоторое время, раздается строгій голосъ учителя и укоризны сыплются одна за другой.

— Ото, мало вамъ по нулю! Ото, я васъ всѣхъ отдамъ подъ судъ! Я инспектору скажу, я доложу директору, я самому попечителю доложу... Ото, мало: я самому министру донесу! Ото, заговоръ! Ото, дѣйствіе скопомъ! Ото, будетъ вамъ, негодяи! Ото, въ будущій разъ всѣхъ спрошу просодію... Ото, шутить не позволю!.. Ото, въ Сибирь пойдете!

Вдругъ раздается звонокъ, оповѣщающій конецъ урока.

— Ото, помните, негодяи, въ будущій разъ всѣхъ спрошу... Ото, подлецы!

Съ этими словами учитель выходитъ изъ класса недовольный, сердитый и очень сконфуженный.

Немедленно послѣ урока мы обсудили этотъ инцидентъ и рѣшились послать депутацію къ Лукашевскому изъ лучшихъ учениковъ, получавшихъ лучшіе баллы изъ латинскаго языка. Рѣшено и сдѣлано. Депутація изъ пяти учениковъ отправилась къ Лукашевскому и повела такую рѣчь:

— Мы, Гилярій Антоновичъ, пришли просить прощенія у

васъ. Этого больше не повторится... Это послѣдній разъ... Простите насъ! сказали воспитанники...

— Ото, скопомъ, ото, возстаніе, ото, банды! отвѣчалъ онъ депутаціи, сверкая своими черными, блестящими отъ гнѣва глазами.

— Мы просимъ прощенія отъ всѣхъ товарищей... Больше этого не повторится... Простите насъ! —

— Ото, теперь простите! Ото, прошу покорно, цѣлый классъ ни слова!

Мы молчали.

— Ото, къ чему это поведетъ? вопросилъ опять Лукашевскій. Къ погибели... Ото, учиться не хотите... Ото, сговариваться — кому учить урокъ... выгонять вонъ... будете послѣ мошенничать, пьянствовать, сутяжничать... пойдете по Разгуляемъ, Разуваямъ... Ото, погибнете отъ того, что учиться не хотите... Ото, обманываете теперь учителя, а послѣ начнете плутовать, мошенничать, воровать... кончится тѣмъ, что въ Сибирь сошлютъ... отечество срамить... Ото не хотите быть вѣрными слугами... Ото, учителя срамить... Ото это — подло!

— Простите, Гилярій Антоновичъ! Это больше не повторится..

— Ото, не повторится!.. А какъ смѣли допустить это? Ото, посмотрю... идите... Ото, увижу...

— Благодаримъ васъ, Гилярій Антоновичъ!

— Ото, благодарить еще рано... ото, посмотрю... увижу... идите, сказалъ, нѣсколько смягчаясь, Гилярій Антоновичъ.

Мы вышли отъ него, успокоенные и почти убѣжденные въ томъ, что дѣло приметъ благопріятный оборотъ, и съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующаго урока просодіи. Наконецъ, дня черезъ два насталъ этотъ урокъ. Лукашевскій явился въ классъ. Послѣ оклика учениковъ и отмѣтки объ отсутствующихъ, Лукашевскій вскинулъ свои черные, большіе глаза на учениковъ и сказалъ:

— Ото, кто же сегодня отвѣчаетъ?

Всталъ одинъ ученикъ и началъ отвѣчать. Отвѣтъ на всѣ вопросы былъ безъ запинокъ.

— Ото, крендель (нуль) у тебя останется, а сегодня тебѣ

только тройку поставлю... надо подумать, чтобы впередъ не случилось... Ото, дѣйствовать скопомъ! кто же еще будетъ отвѣчать?

Всталъ другой ученикъ и отвѣчалъ отлично. Учитель молча поставилъ тройку и ему.

— Ото, довольно! Ото, дурака нашли! не хочу больше спрашивать... Ото, вижу, что сегодня всѣ знаютъ...

На слѣдующій урокъ просодіи уже не было рѣчи ни о чемъ. Все было забыто, ученики по-прежнему вставали по очереди и слѣдили за тѣмъ, чтобы не случилось повторенія бывшей уже исторіи.

Преподавая латинскій языкъ, Лукашевскій имѣлъ способность умѣрять сухость преподаванія нѣкоторыми, весьма любопытными, разсказами изъ римской и греческой исторіи, причемъ часто острилъ и даже смѣшилъ насъ. Онъ любилъ, чтобы мы наше довольство выражали громкимъ смѣхомъ, а кто не смѣялся и сидѣлъ задумавшись, тому онъ говорилъ:

— О чемъ задумался? Ото, вѣрно о небесныхъ миндолахъ!.. (измѣняя польское слово мигдолъ (миндаль) на русскій образецъ).

Всѣ мы хохотали и на эту остроту учителя.

Одному ученику, любившему часто почесывать и даже поковыривать носъ, Гиларій Антоновичъ часто задавалъ вопросъ:

— Ото, зачѣмъ изюмъ таскаешь изъ носу?

Общій хохотъ былъ отвѣтомъ на такое, всего чаще неожиданное, заявленіе учителя, отъ котораго краснѣлъ до ушей ученикъ, хозяйничавшій въ своемъ носу.

Несмотря, однако, на всѣ эти странности, Лукашевскій былъ учитель хоть куда. Зная превосходно латинскій языкъ, онъ, при изученіи классиковъ, училъ насъ строгому грамматическому и синтаксическому разбору, пояснялъ своеобразность формъ и оборотовъ латинской рѣчи, такъ что имѣвшіе охоту могли превосходно изучить латинскій языкъ подъ руководствомъ столь опытнаго учителя. Странности его объясняются той эпохой, въ которую онъ жилъ, учился и преподавалъ, да еще можетъ быть излишнею добротою и снисходительностью; но, вообще, онъ былъ хорошій, толковый, просвѣщенный преподаватель и добрый человѣкъ. Впослѣдствіи онъ былъ лекторомъ латинскаго языка въ Казанскомъ университетѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ.

Учителемъ русскаго языка въ высшихъ классахъ былъ Соколовъ. Это былъ одинъ изъ отличныхъ, образованныхъ и знающихъ дѣло преподавателей, приносившихъ истинную пользу методою своего преподаванія, постепенными упражненіями въ сочиненіяхъ и развитіемъ способностей и понятій учениковъ. Кромѣ того, онъ былъ превосходнымъ лекторомъ и часто читалъ намъ избранныя мѣста изъ русскихъ классическихъ сочиненій. Все это, сколько помню, дѣлало изученіе русскаго языка не только легкимъ, но и пріятнымъ, а потому и успѣхи были въ высшей степени хорошіе, такъ что изъ русскаго языка почти не было посредственныхъ учениковъ.

Учитель всеобщей исторіи Цилле былъ полякъ, но знающій въ совершенствѣ русскій языкъ и преподаваемый имъ предметъ—исторію. Преподаваніе исторіи, съ надлежащими разъясненіями и очень занимательными разсказами, шло столь хорошо и успѣшно, что лучшаго въ то время и требовать нельзя было. Цилле имѣлъ даръ заинтересовывать учениковъ, а потому всѣ охотно изучали исторію, и по классу исторіи почти не было посредственныхъ учениковъ.

Русскую исторію преподавалъ намъ въ VII классѣ учитель Соколовъ. Это также былъ образованный, просвѣщенный и гуманный учитель. Подъ его руководствомъ изученіе русской исторіи шло весьма успѣшно.

Французскій языкъ въ низшихъ классахъ преподавалъ Дютрессель, въ высшихъ Баронъ, нѣмецкій въ высшихъ классахъ преподавалъ Камбекъ, въ низшихъ Фабриціусъ.

Дютрессель. Это былъ французъ, не знавшій почти ни слова по-русски. Жена его знала по-русски и дѣлала ему переводы на русскій языкъ и переводила слова, которыя вписывались въ особую книжечку. Эти слова и переводы Дютрессель приносилъ въ классъ, вызывалъ лучшаго ученика и показывалъ ему по книгѣ, что задавалось, а равно отдавалъ книжечку со словами, переведенными женою учителя на русскій языкъ. При этомъ онъ говорилъ: «будущи разъ переводитъ dix строкъ и словъ такъ и такъ... Понимай?» Ученикъ отвѣчалъ учителю: «понимай». Раздавался общій хохотъ, учитель дѣлался сердитымъ и начиналъ спрашивать учениковъ. Заданный урокъ, обыкновенно, не спрашивался, потому что ученики,

увѣренные въ незнаніи учителемъ русскаго языка, прочитавъ по-французски, переводили по-русски то, что имъ вздумалось. Дютрессель скоро догадался, что его обманываютъ, и потому сосредоточилъ все вниманіе на спряженіи вспомогательныхъ глаголовъ — avoir и être, при чемъ онъ могъ знать, что его не обманутъ. Поэтому онъ говорилъ намъ по-французски: «кто не знаетъ вспомогательныхъ глаголовъ, тотъ не можетъ изучать французскаго языка». Цѣлый годъ, изъ урока въ урокъ, мы занимались спряженіемъ avoir и être. Учитель подходилъ къ избранному имъ ученику и, держа листъ въ рукѣ, спрашивалъ: «passé déѓeni du verbe avoir или être, conditionnel présent или passé, futur» и проч. Какъ только ученикъ отвѣчалъ на вопросъ, учитель говорилъ ему «карашо» и вручалъ мѣлъ. Тогда ученикъ шелъ къ доскѣ и писалъ отвѣтъ на доскѣ. Затѣмъ у другаго, третьяго и т. д. спрашивались наразбивку времена вспомогательныхъ глаголовъ. Потомъ учитель проставлялъ баллъ въ журналѣ, вызывая для этого какого-нибудь другаго ученика, который указывалъ ему фамилію спрошеннаго. Мы отлично, поэтому, изучили вспомогательные глаголы, но больше ничего не знали, да ничего другаго и не проходилось. Всѣ получали, благодаря такой методѣ преподаванія, по пятеркѣ (высшій баллъ). Учитель самообольщался и, ставя намъ высшіе баллы, полагалъ, что мы отлично знаемъ французскій языкъ, въ то время, какъ мы только знали отлично оба вспомогательные глагола.

Въ старшихъ классахъ преподавалъ французскій языкъ учитель Баронъ. Это былъ высокій, тощій, поджарый, истощенный французъ, который, какъ говорили, принадлежалъ къ остаткамъ наполеоновской арміи, гдѣ и служилъ барабанщикомъ. Дѣйствительно, осанка Барона напоминала барабанщика, особенно тѣмъ, что руки онъ держалъ какъ-то странно, какъ будто бы приготовлялся барабанить. Онъ, въ противуположность Дютресселю, отлично говорилъ по-русски, т. е. правильно, хотя мѣстами у него проскальзывалъ французскій акцентъ. Баронъ всегда былъ веселъ, улыбка не сходила съ его устъ; онъ очень любилъ разговаривать во время классовъ о предметахъ, вовсе не касавшихся изученія французскаго языка. При этомъ онъ лгалъ немилосердно и олицетворялъ крыловскаго лжеца. Разговоры касались Парижа, Франціи, наполеонов-

скихъ войнъ и всѣхъ чудесъ, которыя разбросаны, какъ говорилъ Баронъ, по всей Франціи. Стоило кому-нибудь изъ учениковъ спросить его о Парижѣ, или о чемъ бы то ни было, какъ онъ начиналъ неудержимо говорить и къ былямъ прилагать тысячи небылицъ. Ученики скоро подмѣтили эту слабость учителя и, какъ только Баронъ входилъ въ классъ, вскорѣ одинъ изъ учениковъ задавалъ ему какой-нибудь вопросъ о Парижѣ, или о Франціи. «О, батенька (это его любимое выраженіе) — это такое чудо, что трудно описать»,—отвѣчалъ Баронъ, и какъ только онъ намѣренъ былъ замолчать, другой ученикъ задавалъ ему новый вопросъ: опять слѣдовалъ неудержимый потокъ словъ. Ученики, которые завлекали учителя въ разговоръ, назывались застрѣльщиками. Застрѣльщики, каждый классъ другіе, обыкновенно садились на переднія скамейки и отлично исполняли свою обязанность: иногда весь классъ проходилъ только въ разговорахъ, а когда вдругъ раздавался звонокъ, оповѣщавшій конецъ класса, Баронъ говорилъ обыкновенно: «О, господа! Мы сегодня не много сдѣлали», и слегка сконфуженный выходилъ изъ класса. И какія чудеса пересказывалъ намъ Баронъ! Въ Парижѣ дома шести, семи, восьми, девяти, десяти - этажные; есть нѣсколько домовъ въ 12 и болѣе этажей; деревья громадныя и толстыя: въ ботаническомъ саду есть дубъ, вышиною 300 саженъ, толщиною же столь объемистъ, что пятьдесятъ человѣкъ, взявшись за руки, не могутъ обхватить его; что брильянтъ во французской коронѣ, регентъ, вѣситъ пять килограммовъ, что величина этого брильянта больше яйца страуса. На вопросъ же нашъ: какъ же король носитъ брильянтъ? — Баронъ отвѣчалъ, что корону, въ которую вправленъ регентъ, король не носитъ, а ее держатъ трое надъ его головой; что есть другая легкая корона, которую онъ надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ, и что въ этой послѣдней брильянтъ немного больше куринаго яйца. Или Баронъ разсказывалъ намъ о Тюльерійскомъ дворцѣ такія чудеса, что не прочтешь въ сказкахъ «Тысячи и одной ночи»: «Ватиканъ, дескать, великъ, потому что въ немъ считаютъ 11-ть тысячъ комнатъ (при этомъ Баронъ оговарился — «ихъ, батенька, никто не считалъ»), а Тюльерійскій дворецъ содержитъ до 30-ти тысячъ комнатъ». Одинъ ученикъ возразилъ учителю, что

«и въ Тюльерійскомъ дворцѣ, вѣроятно, никто не считалъ комнатъ». Баронъ слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ ученику:

— Дѣло, батенька, не въ томъ—считали ли тамъ комнаты или нѣтъ, а въ томъ — знаете ли вы сегодняшній урокъ? Ученикъ, въ свою очередь, сконфузился, потому что не ожидалъ такого поворота и урока не зналъ.

— Ну-ка, скажите, что̀ вамъ задано сегодня? продолжалъ Баронъ.

Ученикъ молчалъ, потому что не зналъ—что̀ задано.

— А, вы, батенька, не знаете, что̀ и задано. Я вамъ за это поставлю палочку.

И учитель взялъ перо и поставилъ единицу.

Несмотря на такіе инциденты, Баронъ не оставлялъ привычки лгать, и каждый классъ застрѣльщики вызывали его на разговоры, тема которыхъ варіировалась смотря по тому, что̀ приходило въ голову начинавшему разговоръ ученику. Если случалось, что въ классъ входилъ инспекторъ или директоръ, то Баронъ пресерьезно заявлялъ, что успѣхи учениковъ превосходные и при этомъ вызывалъ извѣстныхъ ему учениковъ, которые говорили по-французски, такъ какъ учились дома и имѣли гувернеровъ и гувернантокъ. Инспекторъ или директоръ восхищались успѣхами учениковъ, физіономія учителя сіяла удовольствіемъ и, какъ только начальство удалялось изъ класса, опять начинались разговоры и вранье учителя. Такое преподаваніе не приносило ни малѣйшей пользы: никто изъ французскаго языка не зналъ ровно ничего.

Камбекъ. Онъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ и въ то же время профессоромъ римскаго права въ университетѣ. Подъ руководствомъ этого учителя, весьма плохо знавшаго русскій языкъ, мы переводили Шиллера, Гёте и другихъ нѣмецкихъ классиковъ. Но какъ совершались эти переводы! Камбекъ сначала читалъ произведеніе, напримѣръ Шиллера, потомъ переводилъ; но, не зная русскаго языка, дѣлалъ страшныя грамматическія ошибки и коверканья русскихъ словъ, отчего переводъ походилъ на какую-то галиматью. Напримѣръ, однажды переводъ изъ Шиллера устами Камбека гласилъ слѣдующее: «ку-

старъ (кустарникъ), который стоитъ при рѣкѣ, которая протековаетъ (протекаетъ)».

Ученикамъ было вмѣнено учителемъ въ обязанность записывать переводъ и на слѣдующій урокъ переводить безъ ошибокъ. И вотъ, одинъ ученикъ записалъ вышеозначенный переводъ слѣдующимъ образомъ:

«Ты старъ (ему послышались эти слова—вмѣсто кустаръ), который стоитъ при рѣкѣ, которая протекаетъ (онъ поправилъ слово «протековаетъ» въ переводѣ Камбека)».

На слѣдующій урокъ Камбекъ спрашиваетъ этого ученика. Послѣдній прочиталъ сначала по-нѣмецки, а потомъ началъ переводить по записанному и говоритъ: «ты старъ» (вмѣсто кустаръ), и Камбеку, въ свою очередь слышится «кустаръ», и онъ говоритъ ученику: «карашо» (хорошо); ученикъ переводитъ дальше и говоритъ: «который стоитъ при рѣкѣ, которая протекаетъ». Учитель спрашиваетъ ученика: «какъ по-русски правильнѣе—протековаетъ или протекаетъ» и, получивъ отвѣтъ, что протекаетъ—правильнѣе, говоритъ: «очень карашо», и ставитъ ученику пятерку.

Такое комическое спрашиванье урока, производившее постоянные взрывы хохота и смѣха всего класса, повторялось каждый урокъ. Камбекъ, замѣчая смѣхъ и хохотъ учениковъ, возглашалъ при этомъ:

— О, Шиллеръ! думаль ли ты, что при твой переводъ будутъ смѣяться?.. Кто кочетъ смѣяться, пусть выходитъ на корридоръ... Я посылаю за инспекторъ.

Нерѣдко, Камбекъ, замѣчая смѣхъ и хохотъ, восклицалъ:

— Гошпода—урокъ дѣлъ казенный (урокъ казенное дѣло); я не позволяйтъ смѣяться...

При такомъ способѣ преподаванія, разумѣется, только по названію изучали нѣмецкихъ классиковъ, такъ какъ самое изученіе было не что иное, какъ самая жалкая пародія.

Однажды Камбекъ пришелъ на урокъ, въ VII (послѣдній) классъ, послѣ сытнаго обѣда, и вдругъ заснулъ въ классѣ и началъ храпѣть. Мы всѣ сидѣли и слушали храпъ учителя, и, разумѣется, со всѣхъ сторонъ начались догадки, насмѣшки, толки. Двое учениковъ даже въ это время провальсировали вокругъ каѳедры, на

которой спалъ учитель. На слѣдующій урокъ приходитъ въ классъ Камбекъ и говоритъ: «пришедши разъ у мине болѣлъ колова (голова) и я немнога клалъ ево на столъ и засыпалъ, но въ коротъ (городъ) говорютъ, што я билъ пьяный... Тотъ изъ васъ, кто это сказали, подлецъ! Повторяй гошпода—тотъ подлецъ!»

Я скажу еще нѣсколько словъ о Камбекѣ, когда я буду говорить объ университетѣ, гдѣ онъ читалъ римское право.

Здѣсь, для окончанія характеристики этого учителя, скажу еще, что, при спрашиваніи уроковъ и на экзаменѣ, онъ говорилъ ученикамъ, не отвѣчавшимъ на его вопросы:

— Я вамъ скажетъ, любезный: для того, штопъ (чтобы) этова знать—нужно думать, а безъ думать нельзя.

Фабриціусъ. Это былъ обрусѣвшій нѣмецъ, который отличался изысканностью манеръ и имѣлъ привычку благодарить ученика, хорошо отвѣтившаго урокъ. Но если ученикъ не зналъ урока, то Фабриціусъ только краснѣлъ и отходилъ отъ него, не благодаря его. Фабриціусъ никогда не выставлялъ дурныхъ отмѣтокъ въ классѣ и, если это было нужно, то проставлялъ ихъ внѣ класса. Онъ преподавалъ хорошо нѣмецкій языкъ и все, что мы пріобрѣли, этимъ обязаны именно Фабриціусу, и тѣмъ болѣе, что въ высшихъ классахъ при безтолковомъ преподаваніи Камбека, рѣшительно не было возможности научиться чему-нибудь. Нужно сожалѣть только о томъ, что въ высшихъ классахъ преподавалъ нѣмецкій языкъ не Фабриціусъ, но, кажется, слѣдовало бы это сдѣлать, еслибы начальство дало себѣ трудъ прослѣдить преподаваніе нѣмецкаго языка тѣмъ и другимъ учителями.

Математику и физику короткое время преподавалъ Поповъ, извѣстный математикъ и впослѣдствіи профессоръ университета, приносившій громадную пользу гимназіи, сіявшій какъ дорогой перлъ между сонмомъ всѣхъ тогдашнихъ преподавателей. Но вскорѣ мѣсто его заступилъ также извѣстный математикъ и впослѣдствіи профессоръ университета, Іосифъ Антоновичъ Больцани. Онъ прекрасно зналъ предметъ, но не умѣлъ преподавать. Преданіе говоритъ, что Больцани происходилъ изъ итальянскихъ евреевъ и прежде изученія математики имѣлъ мелочную лавочку, въ которой продавалъ: табакъ, спички, курительныя принадлежно-

сти, итальянскія струны и т. п. Одному ученику (было то въ Италіи, на его родинѣ, или въ Россіи, достовѣрно не знаю) понадобились струны для гитары, а денегъ у него не было, и потому онъ взялъ въ лавочкѣ Больцани струны въ долгъ, а въ залогъ оставилъ ариѳметику. Отъ нечего дѣлать Больцани началъ читать ариѳметику. Наука эта ему понравилась и легко далась. Оказалось, что онъ имѣлъ громадныя способности къ математикѣ. Впослѣдствіи, послѣ изученія ариѳметики, по совѣту одного профессора-математика (многіе говорятъ, что это былъ Поповъ, впослѣдствіи профессоръ Казанскаго университета), Больцани сталъ изучать алгебру, тригонометрію, геометрію, физику и т. д. Однимъ словомъ, у него оказались громадныя способности къ математикѣ; онъ закрылъ лавочку и промѣнялъ купеческую карьеру на педагогическую.

Больцани былъ человѣкъ больной, нервный и раздражительный. Въ немъ не было той привѣтливости и того умѣнья, которыя желательны въ преподавателѣ. Поэтому, уроки Больцани были проникнуты сухостью, читались быстро и скоро, не обращая вниманія на то — всѣ ли ученики достаточно подготовлены, чтобы понимать сложныя математическія выкладки, которыя Больцани производилъ на доскѣ, читая ученикамъ гимназіи университетскія лекціи. Большинство не могло понимать Больцани, потому что не было достаточно подготовлено, а потому и польза, несмотря на громадныя познанія учителя, была самая ничтожная: большинство учениковъ не знало ни алгебры, ни тригонометріи, ни геометріи, ни физики, т. е. всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя преподавалъ Іосифъ Антоновичъ Больцани. Страшная поспѣшность учителя, нерѣдко сильно увлекавшагося математическими выкладками, весьма вредила дѣлу изученія математики. Часто онъ по получасу дѣлалъ какія-нибудь трудныя извлеченія корней, уравненія и т. п. вычисленія, а потомъ вдругъ, оборотясь лицомъ къ ученикамъ, выбиралъ кого-нибудь, желая повѣрить, слѣдили ли за нимъ. При этомъ онъ вызывалъ ученика и приказывалъ ему повторить то, что было сказано имъ. Ученикъ выходилъ къ доскѣ и чаще всего молчалъ. Больцани смотрѣлъ на перо и на чернильницу и, если ученикъ долго молчалъ, то говорилъ ему «ну!». Послѣ троекратнаго «ну!» учитель быстро схватывалъ перо и, обмочивъ его въ чернильницу, ставилъ въ жур-

налѣ громадную единицу. Затѣмъ, онъ вызывалъ другаго, третьяго и т. д. Чтобы не получить единицы, нужно было сказать что-нибудь, хотя и не идущее къ дѣлу. Тогда учитель говорилъ ученику: «какой же вы безтолковый», и самъ начиналъ рѣшеніе задачи и разъяснялъ ученику всю суть дѣла, причемъ спрашивалъ, понимаетъ ли ученикъ, въ чемъ дѣло. Послѣдній обыкновенно отвѣчалъ: «понимаю» и избавлялся отъ дурнаго бала. Такимъ образомъ ловкіе и незастѣнчивые ученики ухитрялись ввести въ заблужденіе учителя, т. е. показать, что слѣдили за нимъ, чѣмъ и избавляли себя отъ единицы, которая непремѣнно ставилась тому, кто совершенно ничего не отвѣчалъ.

Къ чести Больцани нужно, однако, сказать, что онъ, кромѣ отличнаго знанія математики, и русскій языкъ изучилъ настолько, что почти не дѣлалъ ошибокъ. Это, особенно въ то время, была громадная заслуга, такъ какъ большинство иностранцевъ-учителей не только не знали русскаго языка, но и не старались его изучать. При томъ Больцани былъ труженикомъ всю жизнь, въ полномъ значеніи этого слова, и всегда остался правдивымъ и честнымъ человѣкомъ. Если же его метода преподаванія математики была не совсѣмъ удачна, то это искупается съ избыткомъ другими прекрасными качествами этого рѣдкаго человѣка. Вотъ краткая характеристика всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ личностей въ 1-й Казанской гимназіи въ періодъ времени съ 1841 по 1849 годъ.

Необходимо добавить, что, кромѣ собственно наукъ, въ гимназіи въ то время преподавалось рисованіе, гимнастика и танцы.

Рисованіе преподавалъ Иванъ Петровичъ Петровъ — личность старая, бездарная и не способная. Помню, что онъ часто говорилъ ученику, не могшему справиться съ даннымъ рисункомъ: «а гречневую кашу умѣешь ѣсть». Ученикъ отвѣчалъ, что умѣетъ. «Ну, такъ долженъ умѣть и рисовать». Уроки рисованія не сопровождались никакими поясненіями, учитель вовсе не обращалъ вниманія на учениковъ, и потому рѣшительно искусство рисованія не процвѣтало въ гимназіи.

То же слѣдуетъ сказать и о гимнастикѣ. Никакой правильной методы и никакой солидной постановки въ преподаваніи гимнастики не было.

Уроки танцованія давались только въ высшихъ классахъ, но не были обязательны. Танцовали хорошо только тѣ ученики, которые дома учились этому искусству, или брали частные уроки.

При гимназіи былъ собственный хоръ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ, отличавшихся хорошими голосами, а потому пѣніе въ церкви было довольно стройное. Регентомъ пѣвческаго хора былъ воспитанникъ высшаго класса Протопоповъ, отличавшійся особыми способностями къ пѣнію.

Въ то время въ гимназіи преподавался греческій языкъ, въ ущербъ одному изъ новѣйшихъ языковъ, отъ котораго по собственному выбору освобождались изучавшіе греческій языкъ.

Въ гимназіи обучалось нѣсколько человѣкъ и восточнымъ языкамъ—арабскому, персидскому и турецкому, въ ущербъ математикѣ, отъ которой освобождались всѣ посвятившіе себя восточнымъ языкамъ.

Ежегодно, по окончаніи учебнаго года, бывалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ торжественный актъ. Онъ начинался пѣніемъ молитвы: «Царю небесный». Послѣ нея слѣдовало чтеніе отчета и выдача присужденныхъ совѣтомъ наградъ отличнымъ ученикамъ. Награды состояли въ похвальныхъ листахъ, книгахъ и медаляхъ—одной золотой и одной серебряной (медали выдавались окончившимъ курсъ гимназіи ученикамъ). На актѣ присутствовали: мѣстный архіерей, попечитель, директоръ и, разумѣется, всѣ чины и воспитанники гимназіи. Иногда актъ 1-й и 2-й гимназіи соединялся въ одно торжество.

Актъ заключался въ мое время пѣніемъ особыхъ, на этотъ случай сочиненныхъ, стиховъ. Авторъ этого стихотворенія мнѣ не извѣстенъ; говорили, что стихи сочинены инспекторомъ Скорняковымъ, но насколько это справедливо—неизвѣстно. Другіе приписывали стихотвореніе перу мѣстнаго поэта Ибрагимова.

Стихи пѣлись воспитанниками гимназіи, подъ аккомпаниментъ военной музыки, на мотивъ извѣстнаго стихотворенія: «громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый россъ». Вотъ эти стихи:

1.

Торжествуй въ сей день священный
И въ восторгѣ веселись,

Градъ Казань благословенный,
Въ видѣ радостномъ явись!

2.

Горизонтъ твой озарится,
Новымъ свѣтомъ возблеститъ!
Просвѣщенье воцарится,
Родъ въ тебѣ свой утвердитъ!

3.

Николай, монархъ нашъ первый,
Благотворною рукой,
Зиждетъ храмъ тебѣ Минервы,
Вѣкъ даритъ тебѣ златой!

4.

Цвѣтущими наукъ садами,
Онъ краситъ вѣрную Казань,
Да зрѣлыхъ свѣдѣній плодами
Несутъ Руси святую дань.

5.

Въ восторгѣ чувствъ своихъ паря,
За все твое тебя возносимъ
И общимъ сердцемъ Бога просимъ:
Храни намъ, Господи, царя!

Пѣніе этихъ стиховъ на актѣ при мнѣ продолжалось 5 лѣтъ сряду и только впослѣдствіи, при инспекторѣ Сахаровѣ, было замѣнено пѣніемъ народнаго гимна.

Слѣдуя хронологическому порядку, соблюдаемому въ моихъ воспоминаніяхъ, не могу здѣсь умолчать объ одномъ событіи, совершившемся въ Казани въ маѣ 1849 года. Это—наказаніе шпицрутенами двухъ извѣстныхъ разбойниковъ—Быкова и его перваго сообщника Чайкина. Я присутствовалъ на этой ужасной экзекуціи, превосходящей все, что человѣкъ могъ придумать звѣрскаго и ужаснаго: всѣ роды смертей и казней, всѣ пытки инквизиціи блѣднѣютъ предъ этимъ страшнымъ наказаніемъ. Кто видѣлъ его хотя разъ въ жизни, можетъ судить о томъ—какой неувядаемый и нетлѣнный вѣнецъ сплелъ себѣ императоръ Александръ II-й отмѣною тѣлесныхъ наказаній! Но перехожу къ описанію самого событія. Нужно замѣтить, что Быковъ былъ атаманомъ шайки, долгое время

грабилъ и убивалъ, наводя страхъ на многіе уѣзды губерніи. Онъ неоднократно убѣгалъ изъ казематовъ и отличался свирѣпостью и нераскаянностію. Ему было присуждено 12.000 ударовъ шпицрутенами, а его сообщнику Чайкину, въ виду чистосердечнаго раскаянія, одна тысяча ударовъ была сбавлена, слѣдовательно послѣдній былъ осужденъ на 11.000 ударовъ. Выйдя въ этотъ день на Грузинскую улицу, я былъ пораженъ невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ: преступники, окруженные жандармами и войсками, при стеченіи несмѣтной массы народа, были везомы на позорной колесницѣ. Они сидѣли другъ противъ друга, у каждаго на груди была надпись: «у б і й ц а». Шествіе сопровождалось барабаннымъ боемъ, привлекавшимъ съ улицъ и изъ домовъ громадное количество народа, приставравшаго къ шествію, направлявшемуся къ Арскому полю. На этомъ громадномъ полѣ былъ выстроенъ цѣлый батальонъ мѣстнаго гарнизона, подъ командою командира его, полковника Корейши. По близости выстроеннаго батальона лежали громадныя кучи заготовленныхъ для наказанія шпицрутеновъ. Какъ ни жестоки и ужасны были преступленія Быкова и Чайкина, но какъ люди они все-таки заслуживали если не сожалѣнія, со стороны Корейши, то, по крайней мѣрѣ, не усугубленія присужденнаго неумолимымъ закономъ наказанія. Однако, Корейша превзошелъ строгость закона: шпицрутеновъ, по закону, должно входить три въ дуло ружья, но были заготовлены болѣе толстые шпицрутены, изъ коихъ, какъ тогда говорили, въ дуло ружья не помѣщалось даже и двухъ! Преступники сошли съ позорной колесницы и были напутствованы священникомъ, какъ предъ смертною казнью. Затѣмъ ихъ быстро раздѣли, обнаживъ туловище до ягодицъ; руки того и другаго были привязаны къ ружьямъ, за которыя каждаго преступника вели рослые, крѣпкіе и сильные солдаты. Преступники были блѣдны, но не потеряли присутствія духа, хотя, по прочтеніи конфирмаціи, на лицахъ обоихъ изобразился неописанный ужасъ. Перваго повели Быкова, а спустя нѣкоторое время Чайкина, такъ что оба шли другъ за другомъ, и, получая удары шпицрутенами, испускали раздирающіе душу крики и стоны. Уже послѣ первой тысячи ударовъ, спины ихъ побагровѣли, покрылись лоскутами изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью и вспухли, крики преступ-

никовъ сдѣлались слабѣе, голосъ какъ бы отказывался имъ служить, и во рту у нихъ пересохло. Несмотря, однако, на все это, полковникъ постоянно побуждалъ исполнявшихъ экзекуцію солдатъ,— бить преступниковъ сильнѣе. Онъ кричалъ во все горло: «бейте крѣпче, негодяямъ нѣтъ пощады!». Тѣхъ же солдатъ, которыхъ замѣчалъ, немедленно оставляли изъ фронта, замѣняя ихъ другими, а виновныхъ въ слабости наносимыхъ преступникамъ ударовъ тутъ же наказывали тесакомъ по ягодицамъ, приподнявъ фалды мундира. Зрѣлище вообще было страшное и потрясающее: Быковъ и Чайкинъ извивались подобно змѣямъ, желая облегчить страшную силу сыпавшихся на нихъ ударовъ, но мощныя руки ведшихъ ихъ мускулистыхъ солдатъ удерживали эти порывы. За наказуемыми шелъ докторъ Соколовскій [1]) (городской врачъ и врачъ при гимназіи). Быкову дали уже 5.000 ударовъ. Соколовскій осмотрѣлъ его и повидимому нашелъ слабымъ, потому что преступника положили на телѣжку, двое солдатъ везли телѣжку, и наказаніе продолжалось. День былъ вѣтреный: сильный вѣтеръ съ громадными столбами пыли билъ въ спину наказуемыхъ, и, пыль смѣшиваясь съ кровью, текшею потоками изъ исполосованной и превращенной въ бифштексъ спины преступниковъ, покрыла сплошную и вспухшую на спинѣ рану сѣрымъ налетомъ. Быкову на телѣжкѣ дали еще около 1.000 ударовъ и затѣмъ прекратили наказаніе, такъ какъ теперь слышны были только слабые, постепенно стихавшіе стоны его, вмѣсто прежде раздававшихся отчаянныхъ и раздирающихъ душу криковъ. Въ толпѣ народа были слышны рыданія, какъ выраженія сожалѣнія къ преступникамъ, многіе плакали, другіе молились, многія женщины падали въ обморокъ, но все это заглушалось барабаннымъ боемъ. Такимъ же образомъ былъ наказанъ и шедшій поодаль отъ Быкова—Чайкинъ. Онъ оказался слабѣе своего атамана и изъ присужденныхъ ему 11.000 ударовъ прошелъ не болѣе 3.000, и былъ положенъ на телѣжку, на которой дали ему еще 500 или 600 ударовъ. По прекращеніи наказанія обоихъ пре-

---

[1]) Этого врача не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Соколовскимъ, Алексѣемъ Андреевичемъ, который впослѣдствіи былъ профессоромъ фармакологіи въ Казанскомъ и Московскомъ университетахъ.

ступниковъ, съ слабыми признаками жизни, отправили въ городскую больницу для лѣченія, послѣ чего они, по выздоровлечіи, должны были получить таки опять недоданное число ударовъ. Судьбѣ однако угодно было сжалиться надъ несчастными: оба они умерли въ тотъ же день. Трупы ихъ доставлены въ анатомическій театръ при университетѣ, гдѣ и сдѣлали изъ нихъ скелеты, по которымъ и по сіе время изучаютъ анатомію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.

Въ Государственномъ Архивѣ хранится переписка императрицы Екатерины II съ графомъ Н. П. Румянцовымъ [1])—переписка интересная по затронутымъ въ ней вопросамъ и представляющая весьма важный матеріалъ для характеристики, между прочимъ, и графа Николая Петровича.

Румянцовымъ не посчастливилось въ русской исторической литературѣ. Не только о графѣ Н. П. Румянцовѣ, даже о его знаменитомъ отцѣ, Румянцовѣ-Задунайскомъ, нѣтъ до настоящаго времени ни одного серьезнаго изслѣдованія, достойнаго славной его дѣятельности [2]). Нѣтъ біографіи и графа Николая. Дипломатъ и археологъ, государственный канцлеръ и меценатъ ожидаетъ еще своего историка. Объ его дѣятельности ученой, вѣрнѣе, на пользу русской науки, собраны уже нѣкоторые матеріалы и даже составленъ сырой, но довольно полный сводъ [3]); гораздо менѣе извѣстна его дѣятельность по иностраннымъ дѣламъ, въ качествѣ представителя

---

[1]) Русское историческое общество, издавшее пять томовъ бумагъ Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, не напечатало писемъ императрицы къ графу Румянцову. Ставить это въ вину Обществу нельзя («Русская Старина», LXXVI, 5), такъ какъ нашъ Государственный Архивъ до настоящаго времени не приведенъ еще въ надлежащій порядокъ и пользованіе имъ сопряжено съ большими затрудненіями. Помѣщенные ниже документы хранятся въ трехъ разрядахъ: II, 123; V, 110; XV, 233.

[2]) Прекрасная монографія Д. Масловскаго, «Ларго-кагульская операція графа П. А. Румянцова» («Военный Сборникъ», 1893, 8 и 9), касается лишь малой части его военной дѣятельности.

[3]) В. Иконниковъ, „Дѣятельность графа Н. П. Румянцова на пользу разработки русской археологіи и исторіи“, въ „Русской Старинѣ“, XXXII, 47.

Россіи заграницей въ царствованіе Екатерины II и государственнаго канцлера временъ Александра I.

Графъ Николай Петровичъ получилъ очень хорошее для своего времени образованіе, и этимъ онъ обязанъ исключительно матери[1]). Въ началѣ 1774 года, графъ Николай, будучи 20-ти лѣтъ, отправился, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, 19-ти-лѣтнимъ графомъ Сергѣемъ, заграницу — «учиться и путешествовать» — подъ наблюденіемъ извѣстнаго Гримма, этого souffre-douleur императрицы Екатерины II. Путешественники посѣтили Голландію и Францію, Швейцарію и Италію, были въ Женевѣ, ѣздили на поклонъ къ Вольтеру. Въ Парижѣ, въ домѣ Неккера, графъ Николай поразилъ всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ и вѣрнымъ сужденіемъ. Бесѣда шла о «греческомъ проектѣ» Екатерины, о предположеніяхъ завоевать Грецію и занять Константинополь; всѣ находили планъ императрицы величественнымъ; спросили графа Н. П. Румянцова, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ неизвѣстны намѣренія моей государыни; но Россійская Имперія такъ уже обширна, что если предполагаютъ раздвинуть ея границы до такой степени, необходимо будетъ, для управленія ею, измыслить нѣчто болѣе мудреное, чѣмъ

---

[1]) Графиня Екатерина Михайловна Румянцова, рожденная княжна Голицына, была на одиннадцать лѣтъ старше мужа, знаменитаго полководца, графа Петра Александровича. Послѣ шести лѣтъ замужества, въ 1754 г. они разъѣхались, и дѣти остались на попеченіи матери, женщины умной, рѣшительной, твердой (Bilbassoff, „Revue d'histoire diplomatique“, 1888, 437). Въ автобіографіи графа С. П. Румянцова сказано, что воспитаніе ихъ было „довольно плохо“ („Русскій Архивъ“, 1869, 842). Это опровергается „Письмами графини Е. М. Румянцовой“, изд. гр. Д. Толстымъ, изъ которыхъ видно, что ея заботами былъ у нихъ гувернеромъ сперва нѣмецъ Мейеръ (32), потомъ французъ Моно (Государственный Архивъ, XI, № 116), учитель Лаянсъ (49); она постоянно заботится, чтобы дѣти не сидѣли безъ уроковъ (54); цѣлыя письма наполнены заботами объ образованіи дѣтей (72); о поѣздкѣ заграничной съ Гриммомъ заботилась она же (178, 192); объ отношеніи отца къ дѣтямъ говорится: „Вижу что отъ васъ дѣтямъ помощи не будетъ; на весь свѣтъ пошлюсь, что этими деньгами, что вы имъ пожаловали, нечѣмъ ѣздить, а мнѣ отъ себя удѣлить нонѣшній годъ нечего“ (195). Автобіографіи графа Сергѣя Румянцова много довѣрять нельзя: по его словамъ, императрица Екатерина „необыкновеннаго въ немъ человѣка усматриваетъ“ (843), Вольтеръ ему предсказываетъ: „вы, сударь, далеко пойдете“ (844), и т. п. Графъ Сергѣй писалъ свою автобіографію лишь въ 1838 году, будучи уже 83 лѣтъ, и 12 лѣтъ спустя по смерти брата, графа Николая, заслонившаго его своею громкою дѣятельностью.

всѣ ухищренія деспотизма» [1]). Такой отвѣтъ поразилъ даже Неккера и придалъ особое значеніе приглашенію Вольтера, писавшаго г-жѣ Эпиналь, пріятельницѣ Гримма: «Не знаю, гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ Румянцовыми. Ему слѣдовало бы завернуть въ Женеву: для рожденныхъ бытъ опорою неограниченной власти очень полезно ознакомиться съ республиканскимъ правленіемъ» [2]).

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія, графъ Н. П. Румянцовъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Германіи. Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся его депеши, живо рисующія бытъ Германіи того времени и политику мелкихъ германскихъ владѣтелей [3]). Екатерина была не вполнѣ довольна своимъ представителемъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. «Дивлюсь всему, что вы пишете мнѣ о Николаѣ Румянцовѣ, и молчу. Какъ жаль, что ни одинъ изъ племянниковъ не напоминаетъ своего дядю, фельдмаршала Голицына», пишетъ Екатерина Гримму въ 1784 году [4]). Въ 1791 году, императрица жалуется ему же, что Румянцовъ «отъ великаго ума напортилъ уже мнѣ, не сказавъ майнцкому коадъютору ни единаго слова изъ того, что я приказала сказать ему» [5]). Юный, неопытный, графъ Н. П. Румянцовъ обращалъ вниманіе на мелочи, горячился, и своею заносчивостью возбуждалъ противъ себя и своихъ, и чужихъ. Вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ долженъ былъ дѣлать ему замѣчанія; герцогъ Цвейбрюкенскій жаловался на его надменность, Фридрихъ II называлъ его нахаломъ,

---

[1]) Meister, „Le baron de Grimm"; см. Tourneaux, „Correspondance littéraire etc. par Grimm" etc. I, 11.

[2]) Voltaire, „Oeuvres complètes", 1846, XIII, 250.

[3]) Графъ Н. П. Румянцовъ былъ аккредитованъ при трехъ духовныхъ курфюрстахъ — кельнскомъ, трирскомъ и майнцкомъ, при пяти имперскихъ округахъ — верхне-рейнскомъ, нижне-рейнскомъ, швабскомъ, франконскомъ и вестфальскомъ, и при шести владѣтеляхъ — Вюртемберга, Цвейбрюкена, Бадена, Аншпаха, Гессенъ-Дармштадта и Гессенъ-Касселя.

[4]) „Сборникъ", XXIII, 303. Что писалъ императрицѣ Гриммъ — неизвѣстно: за 1784-й годъ не сохранилось ни одного письма Гримма. „Сборникъ", XLIV, 344.

[5]) „Сборникъ", XXIII, 545.

графъ Сегюръ обвинялъ его въ недостаткѣ чувства мѣры [1]). Всѣ эти нелестные отзывы вполнѣ подтверждаются въ депешахъ самого же графа Н. П. Румянцова [2]).

Германская миссія графа Н. П. Румянцова не имѣла успѣха; неуспѣшно окончилась позже и миссія его при французскихъ принцахъ крови. Обѣ эти миссіи преслѣдовали цѣли недостижимыя; но чѣмъ серьезнѣе и сложнѣе была дипломатическая задача, тѣмъ болѣе требовалось такта, выдержанности, которые графъ Николай пріобрѣлъ лишь значительно позже. «Одаренный голосомъ благозвучнымъ—писалъ о немъ И. И. Дмитріевъ въ 1807 году—онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью, противорѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ колокъ».

Дипломатической дѣятельности графа Н. П. Румянцова мѣшала сперва, въ молодыхъ годахъ, неопытность, часто увлекающаяся, позже, въ зрѣломъ возрастѣ, предубѣжденіе, всегда одностороннее. Оба брата, графы Николай и Сергѣй, получили одинаковое образованіе, и оба, по свидѣтельству Екатерины, «писавъ по-русски, думали на иностранномъ языкѣ» [3]); графъ же Николай и думалъ, и писалъ на иностранномъ языкѣ, т. е. на французскомъ, который въ то время былъ языкомъ науки, литературы, театра. Про графа Н. П. Румянцова, бывшаго при Александрѣ I министромъ иностранныхъ дѣлъ, миссъ Вильмотъ записала въ своихъ воспоминаніяхъ: «Министръ этотъ совершенно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловыя распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ его секретари переводили ихъ на русскій языкъ». Это еще полбѣды; но несчастіемъ для графа Николая было то, что онъ не только по языку, но и по мыслямъ и воззрѣніямъ вполнѣ «офранцузился». Для русскаго человѣка это только несчастіе, для русскаго сановника это уже позоръ, и графъ Николай дорого поплатился за него.

---

[1]) Ségur, „Mémoires“, 1825, p. 117, 118, 120 sqq.; Schmidt, „Unionsbestrebungen“, I, 182; Трачевскій, „Союзъ князей“, 71, 72.

[2]) Трачевскій, 138, 155, др.

[3]) Пекарскій, „Журн. дѣятельность Екатерины II“, 34.

Графъ Н. П. Румянцовъ, бѣжавшій изъ Кобленца, спасаясь отъ нападенія разъяренной толпы, видѣлъ въ Наполеонѣ спасителя дорогихъ графу порядка и законности. Бывши при Екатеринѣ II «оберегателемъ Бурбоновъ», онъ сталъ при Александрѣ I «поклонникомъ Наполеона». Въ 1810 году, когда «торговое положеніе» Сперанскаго спасло русскую торговлю, графъ Румянцовъ совѣтовалъ конфисковать англійскія суда, пришедшія въ русскіе порты; даже въ апрѣлѣ 1812 года, когда Наполеонъ рѣшилъ уже войну съ Россіею, графъ Румянцовъ отказывался контрасигновать отвѣтъ Александра Наполеону [1]). Графъ Николай былъ убѣжденъ, что спасеніе Россіи заключается только въ угожденіи Наполеону [2]), и когда французскія войска подошли къ предѣламъ Россіи, графа поразилъ апоплексическій ударъ.

Отечественная война окончательно опредѣлила послѣдующую дѣятельность графа Н. П. Румянцова. Титулуясь «государственнымъ канцлеромъ», но не принимая активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, глухой, графъ Николай посвящаетъ себя всецѣло «на благое просвѣщеніе». Эта дѣятельность не была для графа новою. Еще въ 1788 году онъ писалъ, между прочимъ, вице-канцлеру графу Остерману изъ Франкфурта-на-Майнѣ:

«Изъ всѣхъ принадлежностей моихъ точною собственностью почесть могу единую только пенсію, полученную въ качествѣ кавалера ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра. Сію собственность намѣренъ я обратить въ полезное обществу опредѣленіе, и, сообразуясь малости суммы, для достиженія желаемаго предмета слѣдующій способъ обрѣтаю:

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1869, 609.

[2]) По этому поводу въ нѣмецкой литературѣ былъ высказанъ слѣдующій взглядъ на графа Н. П. Румянцова: „Graf Rumäntsow war ein ziemlich leerer vornehmer Herr und in Folge dessen nie weiter die Hauptperson als eben dem Anschein nach. Er vermochte wenig oder nichts über den Kaiser, der ihn übersah und durchschaute, und so hatte denn auch seine wirklich absurde Vorliebe für Napoleon und ein Bündniss mit Frankreich nicht den bösen Einfluss, den man ihr zur Zeit zuschrieb (Bernardi, „Geschichte Russlands", II, 553). Этотъ взглядъ, основанный на подробномъ изученіи „европейской политики" того времени, вызвалъ патріотическій протестъ Е. Барсова въ „Древней и Новой Россіи", 1877, II, 22.

«Прошу Ваше Сіятельство изходатайствовать всевысочайшее монаршее соизволеніе, дабы изданы были въ печать негоціаціи и депеши тѣхъ россійскихъ министровъ, кои со времени царствованія блаженной памяти Петра Великаго въ дѣлахъ употреблены были и коихъ донесенія въ разсужденіи отдаленія временъ безъ неудобства могутъ быть обнародованы, и на издержки тисненія или въ награду тому, коему порученъ будетъ трудъ пересмотра, употребить принадлежащую мнѣ въ качествѣ кавалера вышеозначеннаго ордена пенсію. Отъ Вашего Сіятельства зависитъ разпорядить употребленіе сихъ денегъ или соразмѣрно съ числомъ издаваемыхъ въ печать книгъ или же съ теченіемъ времени употребляемаго на составленіе оныхъ.

«Если Ваше Сіятельство почтете невозможнымъ изходатайствовать позволеніе обнародовать оныя депеши, коихъ и самый давнѣйшій срокъ не весьма еще отдаленъ отъ нашихъ дней, то прошу въ такомъ случаѣ обратить всю мою годовую пенсію въ награжденіе тому, кто лучше сочинитъ, по мнѣнію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, повѣствованіе мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ россійскихъ съ протчими державами постановленій со времени царствованія государей дома Романовыхъ [1]), предлагая каждый годъ отъ имени коллегіи новый трактатъ въ предметъ таковаго изслѣдованія.

«Не отрынте, Милостивый Государь, сіе мое прошеніе, будьте у всевысочайшаго престола ходатаемъ исполненія онаго и скажите, что, видя Монаршій великій трудъ, дослѣжающій благо общее и въ малыхъ его частяхъ, не дивно, что каждый сынъ отечества таковымъ духомъ заражается и разсуждая безсиліе свое не коснѣетъ однакоже и маломощіе свое на таковой же конецъ обратить».

Въ 1796 году, по смерти отца, «маломощіе» исчезло, и графъ Н. П. Румянцовъ сталъ обладателемъ 30.000 душъ крестьянъ. Отецъ, графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, стяжалъ себѣ великую славу единственно оружіемъ; сынъ, графъ Н. П. Румянцовъ, доказалъ, что можно оказать великія услуги родинѣ non solum armis, какъ

---

[1]) Это намѣреніе осуществлено, сто лѣтъ спустя, проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, въ его образцовомъ „Собраніи трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами".

значилось въ его гербѣ. Наслѣдовавъ огромное состояніе отца, графъ Николай снаряжаетъ «Рюрикъ» въ кругосвѣтное плаваніе, изслѣдуетъ Берингов Проливъ, учреждаетъ коммиссію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, воодушевляетъ въ ученыхъ любовь къ русской исторіи и археологіи, издаетъ ихъ труды и открываетъ всѣмъ доступъ въ Румянцовскій Музей.

Помѣщаемыя ниже тридцать писемъ не могутъ, конечно, исчерпывать всю корреспонденцію императрицы Екатерины II съ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Екатерина называла графа Николая saint Nicolas [1]), поручала ему такія деликатныя миссіи, какъ прiисканіе невѣсты для своего любимца, великаго князя Александра Павловича [2]), возлагала на него переговоры съ французскими принцами крови, братьями злосчастнаго Людовика XVI, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ вопросахъ. Очевидно, переписка, длившаяся болѣе 15-ти лѣтъ, не могла ограничиваться такимъ скуднымъ числомъ документовъ. Это предположеніе подтверждается бумагами, уже обнародованными, какъ, напр., указомъ Екатерины графу Н. П. Румянцову, отъ 21-го февраля 1783 года, о приглашеніи въ русскую службу гессенцевъ, знающихъ инженерное искусство [3]). Со временемъ, въ архивахъ князей Голицыныхъ и другихъ родственныхъ Румянцовымъ родовъ, отыщутся, вѣроятно, болѣе многочисленныя собранія документовъ; въ настоящее же время, печатаемое нами собраніе есть наиболѣе полное.

Главный интересъ печатаемой переписки сосредоточивается на революціонномъ движеніи во Франціи. Другіе вопросы, затронутые въ этой перепискѣ, отступаютъ на второй планъ не столько по своей сравнительной мелочности, сколько вслѣдствіе того, что они не такъ полно и не съ такою точностію очерчиваютъ императрицу и ея корреспондента.

Какъ всѣ современные революціи государи Европы, Екатерина

---

1) „Сборникъ“, XXIII, 485, 495 sqq.
2) „Русск. Стар.“, LXXVI, 6.
3) Полн. Собр. Зак., № 15667.

не ожидала [1]) и не понимала французской революціи; но она лучше и полнѣе всѣхъ своихъ «братьевъ» воспользовалась ею. «Европейскіе государи и ихъ министры были чужды даже того смутнаго предчувствія, которое волнуетъ народъ при приближеніи революціи. Они видѣли въ ней не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ періодическихъ недуговъ, которымъ подвержено государственное устройство всякаго народа. Важнѣйшіе государи Германіи, собравшись въ Пильницѣ, въ 1791 году, говорили, правда, что опасность, угрожающая королевской власти во Франціи, обща всѣмъ властямъ Европы, что она угрожаетъ всѣмъ тронамъ вообще, но, въ дѣйствительности, они ничему этому не вѣрили. Документы того времени свидѣтельствуютъ, что все это было для нихъ ничѣмъ инымъ, какъ только благовиднымъ предлогомъ, скрывавшимъ ихъ намѣренія и маскировавшимъ ихъ въ глазахъ толпы. Они сами были вполнѣ убѣждены, что французская революція есть мѣстный и временной случай, изъ котораго они хотѣли извлечь свою пользу» [2]). Хотѣли всѣ, но съумѣла «извлечь пользу» одна только Екатерина.

Русская императрица хорошо понимала, что революціонная Франція опасна сосѣднимъ державамъ, но никакъ не Россіи. Французская революція можетъ угрожать войною и пропагандой своего политическаго ученія не только сосѣдямъ, но и всѣмъ европейскимъ монархіямъ, кромѣ Россійской Имперіи. Не имѣла вліянія Польша, можно ли опасаться вліянія Франціи? Тѣмъ не менѣе, Екатерина громко говоритъ о необходимости энергически дѣйствовать противъ французской революціи, возбуждаетъ Австрію и Пруссію къ посылкѣ войскъ въ предѣлы Франціи, въ Парижъ. Почему? Вовсе не ради французскихъ дѣлъ, которыя ее мало печалили. Вотъ ея собственныя слова: «Je me casse la tête, чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches.

---

[1]) Въ доказательство предвидѣнія Екатерины приводятъ ея слова: „Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи во Франціи быть должно“ (Храповицкій 303), но забываютъ, что эти слова были сказаны только въ августѣ 1789-го года, т. е. post factum.

[2]) Токвиль „Старый порядокъ и революція“. Спб. 1861, 2.

У меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали» [1]). Это откровенно, ясно, мудро: не Францію съ ея новыми «принципіями» имѣла Екатерина въ виду, а Турцію и Польшу, преимущественно же Польшу, гдѣ ей мѣшали Пруссія и Австрія, особенно же Австрія, защищавшая конституцію 3-го мая. «Я боюсь—писала Екатерина—Австрію и Пруссію гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами». Вотъ почему Екатерина въ своихъ письмахъ высказываетъ готовность послать корпусъ войскъ на французскую границу, но всякій разъ, въ послѣднюю минуту, является непреодолимое препятствіе — она говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Этого не понимали ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, гдѣ уже серьезно обсуждали, что «по занятіи Франціи, нужно будетъ оставить въ ней русскія войска, которыя менѣе нѣмецкихъ могутъ быть подвержены опасности увлечься французскими приманками» [2]). Екатерина хорошо понимала, что не «не менѣе», а вовсе не способны увлечься подобными приманками, что они вполнѣ доказали тогда же въ Польшѣ.

Такое «поведеніе» Екатерины не представляется какою-либо новостью, для всѣхъ неожиданною. Десять лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1785 году, въ вопросѣ о противодѣйствіяхъ «германской лигѣ», союзу князей, который былъ измышленъ Фридрихомъ II для приниженія Іосифа II, союзника русской императрицы, Екатерина «готова была попробовать самыя сильныя дипломатическія средства въ помощь Іосифу и даже показывать видъ, что раздражается, обижается, грозитъ; какъ только эти средства не удавались и нужно было заставить говорить пушки вмѣсто перьевъ, Екатерина вдругъ успокоивалась и становилась на почву ганноверскихъ законниковъ, къ великой досадѣ вѣнскихъ артистовъ дипломатическаго искусства» [3]).

Въ обоихъ вопросахъ, о германской лигѣ и французской

---

[1]) Храновицкій, 386.

[2]) Elles sont moins sujettes à être ébranlés que le militaire allemand, qui ne resistera pas également aux appas de la séduction française. Соловьевъ, „Паденіе Польши“, 258, 292.

[3]) Трачевскій, 299.

революціи, Екатерина дѣйствовала не случайно, а по системѣ, строго обдуманной и заранѣе принятой, всегда имѣя въ виду единственно и исключительно интересы Россіи. Этого не понималъ ея преемникъ, императоръ Павелъ I, пославшій Суворова въ Италію.

В. А. Бильбасовъ.

Императрица Екатерина графу Румянцову.

10[1]).

28-го іюля 1782 года.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему дѣйствительному камергеру, чрезвычайному посланнику и полномочному министру графу Румянцову.

Нашъ генералъ-инженеръ и генералъ-квартирмейстеръ Бауеръ[2]), имѣя въ нѣмецкой землѣ разныя свои дѣла, просилъ Насъ о заступленіи Нашемъ въ потребномъ случаѣ для скорѣйшаго и надежнѣйшаго доставленія ему справедливаго по онымъ удовлетворенія. По Нашему особливому къ нему благоволенію, которое заслуживаетъ онъ ревностною его службою, превосходными знаніями и многими трудами въ пользу Государства Нашего подъемлемыми, Мы, снисходя на прошеніе его, повелѣваемъ вамъ по требованіямъ или исканіямъ его или повѣренныхъ его подкрѣплять оныя и употреблять всевозможное со стороны вашей стараніе въ пользу его, удостовѣряя владѣтелей, у коихъ дѣла его случатся, что Мы то примемъ съ Нашимъ Императорскимъ благоволеніемъ и признаніемъ. Пребываемъ, впрочемъ, вамъ Нашею Императорскою милостію всегда благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, іюля 28-го дня 1782 года.

На подлинномъ рукою Ея Императорскаго Величества подписано:

Екатерина.

---

1) „Русск. Стар.", 1892 г, октябрь.

2) Θедоръ Вилимовичъ, 1731—1783, родомъ изъ Ганау, въ Гессенѣ; онъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ Бокенгеймъ, близъ Франкфурта-на-Майнѣ. Въ русской службѣ съ 1769 г., за Кагулъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени; устроилъ водопроводы въ Московской и Петербургской губерніяхъ, былъ начальникомъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса. „Изображеніе жизни Θ. В. Бауера". Спб., 1785 г.

11.

St.-Pétersbourg, 8 Janvier 1792.

Monsieur le conseiller privé Comte de Roumiantzoff.

Les trois expéditions, que Vous avez faites pour ici par le Comte Stackelberg [1]), le Sieur Camorovsky [2]) et le sergent aux gardes le Prince Bariatinsky, me sont parvenues dans leur temps. J'ai attendu, pour faire connaître mes intentions sur les objets contenus dans ces expéditions, les réponses de l'Empereur et du Roi de Prusse sur les lettres [3]) que je leur ai adressées sur les affaires de France. La substance de ces réponses Vous doit déjà être connue tant par le compte qu'en a rendu le Comte d'Esterhasi [4]) dans l'endroit, où Vous êtes, que par la publicité de la circulaire que la Cour de Vienne à adressée à tous ses ministres aux Cours étrangères. Le Roi de Prusse s'est entièrement referé aux déterminations de l'Empereur. Ce n'était nullement répondre ni à mes intentions, ni à mes désirs. Aussi me suis-je attachée à combattre le parti que ces Princes semblaient avoir pris. Je n'ai rien negligé pour les convaincre de la nullité du consentement extorqué au Roi de France à l'acte constitutionnel, auquel on l'a fait souscrire, ainsi que de l'insuffisance de ce moyen pour le garantir des dangers, qui le menacent, lui et la Reine, son épouse, et encore plus pour mettre son honneur à couvert par un acte, qui met au contraire le sceau à sa dégradation. A ces représentations faites avec cette énergie analogue à celle de l'intérêt, que je prends à leur objet, j'ai fait joindre un plan de mesures efficaces à arrêter et exécuter à une époque fixe et convenue entre moi et les Cours de Vienne, Berlin, Stockholm, Madrid, Naples et Turin. Des courriers, déjà partis, ont porté mes ordres à tous mes ministres à ces Cours de leur proposer ce plan et de presser leurs résolutions. Il ne me reste à présent qu'à attendre l'effet de cette démarche, la seule que les circonstances m'ayent permis de faire. C'est aussi à ce qu'il me parait, le parti que les Princes eux mêmes ont à prendre; car ni vos rapports, ni ceux du Prince de Nassau [5]), ni les mémoires, que les Princes

---

[1]) Графъ Густавъ Оттоновичъ, 1766—1850, подполковникъ (Госуд. Архивъ, разр. XV, № 233: письмо графа Безбородко). Въ „Біографическомъ Словарѣ", издаваемомъ русскимъ историческимъ обществомъ, онъ помѣщенъ подъ „Стакельбергомъ" („Сборникъ", LXII, 297), а его отецъ упомянутъ два раза: „Стакельбергъ, графъ Оттонъ" (298), и „Штакельбергъ, баронъ Отто" (452), между тѣмъ это одно и то же лицо.

[2]) Евграфъ Ѳедотовичъ, 1769—1843, сержантъ Измайловскаго полка, состоявшій при графѣ Безбородко для курьерскихъ посылокъ, позже графъ, генералъ-адъютантъ; авторъ „Записокъ" („Осьмнадц. Вѣкъ", I; „Русск. Архивъ", 1867). Въ „Біографическомъ Словарѣ" ошибочно показанъ „Камаровскимъ".

[3]) Письма эти еще не обнародованы. На содержаніе письма къ королю Фридриху Вильгельму II есть указанія въ письмахъ Екатерины къ графу О. М. Стакельбергу, въ то время послу въ Стокгольмѣ. „Русск. Стар.", III, 620 sqq.

[4]) Младшій братъ бывшаго при Елизаветѣ Петровнѣ посла. „Сборникъ", XXVIII, 90.

[5]) См. „Русск. Стар.", LXXVI, 10.

m'ont fait parvenir, ne présentent leurs moyens isolés sous un jour favorable à quelque grande entreprise, dont on puisse se promettre un succès solide et réel, à moins que des évènements imprévus et subits n'en offrent la perspective et la probabilité. Vous ferez part aux Princes de tout ce que je viens de Vous marquer ci-dessus, en les assurant, en mon nom, que je serai aussi attentive à mettre à profit pour eux les dispositions que les Cours susmentionnées me feront connaître, que je l'ai été à les exciter et à les provoquer.

Mais il s'ouvre actuellement une nouvelle scène, qui, à mon avis, est faite pour hâter le dénouement des affaires françaises en général. Je veux parler de la démarche inconsidérée et offensante, à laquelle l'assemblée nationale vient de porter le Roi contre les Princes d'Allemagne, qui accordent asile aux émigrants français. Le Roi de Prusse vient déjà de s'expliquer avec moi sur la résolution qu'il a prise de repousser à force ouverte l'invasion que la France tenterait en Allemagne. Il a proposé à l'Empereur de prendre le même parti et de se concerter avec lui sur les moyens les plus prompts et les plus efficaces pour armer tout l'Empire Germanique contre cette entreprise. Il n'est point de doute que l'Empereur n'accède volontiers à ce parti, qui lui est dicté d'un côté par ses devoirs de Chef de l'Empire et d'un de ses principaux Co-états et qui de l'autre éloigne tous les inconvéniens qu'il croyait devoir redouter pour le Roi son beau-frère et la Reine sa soeur, s'il n'avait paru qu'uniquement en qualité de défenseur de leurs droits et de vengeur de leurs offenses. Cette nouvelle explosion, si elle se réalise, comme il y a tout lieu de le croire d'après le mauvais esprit qui donne à présent l'impulsion à tous les évènements en France, présente aux Princes français les chances les plus heureuses et dont ils peuvent tirer un parti décisif, en se conduisant avec prudence et habilité et en allant à leurs fins, sans faire semblant de s'apercevoir de celles des autres. Quoique l'objet de cette guerre qui peut s'allumer change de nature, ou tout au moins de motif apparent, la marche des Princes doit être la même et surtout sagement graduée. Leur premier soin doit être de tâcher de rentrer dans leur patrie, de s'y soutenir par les moyens dont ils s'entoureront et de travailler à rendre au Roi les droits et l'autorité qui lui appartiennent. Toute sollicitude, toute crainte qu'ils montreraient pour un but subséquent avant d'avoir rempli le premier, seraient capables de l'entraver et de le faire manquer. En un mot qu'ils songent bien que dans leur situation, ils doivent s'occuper d'abord à recouvrer et ne songer qu'en suite à défendre et à conserver. Ces reflexions m'ont été suggerées par le compte que Vous me rendez des confidences que le Sieur de Roll Vous a faites des ouvertures prussiennes relativement à l'Alsace, la Lorraine et la Flandre française. Je suis bien éloignée de conseiller à ces Princes d'entrer en arrangement sur cet objet. Je sais même qu'ils n'en ont nullement le droit et que toutes les promesses, qu'ils feraient à cet égard, ne seraient valables qu'autant que des circonstances impérieuses, qui leur dicteraient la loi à eux-mêmes, les rendraient telles. Mais comme il y a une très grande différence entre consentir et s'aheurter à une proposition, il serait à désirer qu'ils tinssent un juste milieu, si la question se renouvelle à cet égard et ce serait vraiment un coup de partie pour eux et le comble d'adresse de leur part, s'ils réussissaient par amorce de ce genre à produire un redoublement d'activité de la part des Puissances qui pourraient se repaître de pareilles vues. Quelques raisonnables et surtout applicables aux circonstances que soyent ces conseils, Vous vous garderez bien de les donner en mon nom, ni d'aucune manière, si la question même n'est remise sur le tapis. Dans ce dernier cas seul, Vous vous déciderez à proposer ces idées

aux Princes, comme les vôtres propres; car, venant de ma part, elles leur paraitraient dériver des notions particulières que j'aurais eu sur des dessins analogues de la part de quelques Puissances, ce qui n'est pas et ce qui serait pourtant capable d'exalter et de tourmenter des imaginations qui ne sont pas toujours réglées le mieux du monde. J'en vois des preuves dans les plans, dont quelques uns de ces émigrés vous entretiennent et nommement dans celui que Vous a exposé un Marquis de Beauharnais [1]) et dont Vous faites mention dans une de vos dernières dépêches. Sans disconvenir qu'il n'y ait des choses sensées et praticables dans ce plan, il n'en est pas moins vrai qu'il est plus pressant de détruire l'anarchie et le désordre qui régnent à présent dans le Royaume, que de vouloir établir un nouvel ordre de choses et surtout de le manifester indiscretement; car cela n'est bon qu'à introduire la défiance et la désunion entre les coopérateurs, qui ne sauraient trop s'entendre entre eux. Voilà ce que Vous aurez soin d'observer à tous ceux qui viendront vous confier leurs systêmes pour un futur gouvernement de la France. Vous ajouterez à ceux qui en sont susceptibles par la droiture de leur bon sens que c'est à force d'avoir voulu gouverner le Royaume sans y être appellé et sans y être exercé, qu'on est parvenu à le bouleverser et qu'au lieu de cette masse de lumières, qu'on se vante d'y avoir répandu, on l'a couvert de ténèbres qui forment un véritable chaos.

Mais l'union la plus essentielle à entretenir, c'est celle des Thuilleries et de Coblentz. Vous tâcherez de faire parvenir à la Reine de France que l'intérêt que j'ai marqué pour Elle et l'amitié que je lui porte, m'authorisent à lui conseiller de ne montrer de l'éloignement pour aucun des émigrés et surtout pour la maison de Condé, dont elle peut tirer les services les plus essentiels contre ses vrais ennemis, qui ne sont nulle part qu'à Paris. Vous profiterez de cette occasion pour représenter également à cette Princesse la nécessité qu'il y a qu'elle écrive elle-même où quelle fasse écrire, en son nom, par le Baron de Breteuil [2]), à l'Empereur et au Roi de Prusse pour les presser de se déclarer et d'agir avec force et vigueur. Il serait bon qu'en même temps et à la même fin les Rois d'Espagne, de Sardaigne et de Naples conjointement avec la Diète de l'Empire viennent avec leurs instances auprès de ces Princes, pour invoquer leur appui et leur assistance contre l'attaque, dont l'Empire d'Allemagne est menacé de la part de la France.

Je ne vois au reste dans cette attaque aucun sujet de danger pour les Electeurs de Mayence [3]) et de Trèves [4]). Unis avec les Princes possessionnés le long du Rhin et bien loin de disperser et de renvoyer de leurs Electorats les français émigrés, mais les ralliant au contraire en Corps d'Armée, ils seront en état de soutenir le premier choc des français nationaux, qui seront aussi peu

---

[1]) François marquis de Beauharnais, 1756—1823, генералъ-маіоръ въ арміи принца Конде.

[2]) Louis Auguste Le Tonneler, baron de Breteuil, 1733 - 1807, бывшій французскій посланникъ въ Петербургѣ; съ 1783-го года—министръ двора, противившійся собранію états-généraux; въ 1789-мъ году—первый министръ, эмигрировавшій вскорѣ за взятіемъ Бастиліи.

[3]) Friedrich Karl von Erthal, послѣдній майнцкій курфюрстъ, умеръ въ 1802-мъ году.

[4]) Clemens Wenzel Prinz von Sachsen, послѣдній трирскій курфюрстъ, избранный въ 1768 году.

nombreux que mal composés; car c'est une pure jactance que ces soixante mille hommes qu'on a annoncés aux Princes français et une bien plus grande que les 150 mille, dont le nouveau Ministre de la guerre a parlé dans son discours à l'Assemblée nationale, tandis qu'il est de notorieté publique qu'il n'existe nulle part en France ni magasins de vivres, ni dépots d'armes, ni argent pour les former surtout avec tant de promptitude. Si en effet une invasion en Allemagne a lieu, elle ne sera exécuté que par quelques bandes de brigands qui viendront piller quelque village, d'où les paysans seuls seront, peut être, en état de les chasser avec leurs fourches. Je ne saurais donc croire que Electeurs de Mayence et de Trèves et tant d'autres Princes, qui ont réclamé avec tant de fermeté et de noblesse leurs droits usurpés par l'assemblée prétendue nationale, s'en laissent imposer par cette nouvelle bravade qu'elle intente contre eux: mais il sera, peut être, nécessaire qu'ils en fassent le semblant, pour faire arriver plutôt les secours, qu'ils sont en droit de demander au Chef de l'Empire et au Roi de Prusse.

Le cas de réclamer ce secours auprès de ces deux Princes, sera aussi celui de recourir aux garants des Traités de Vestphalie et de tous ceux qui assurent le constitution de l'Empire Germanique. Voici ma réponse à l'Electeur de Trèves à la lettre par laquelle il a demandé mon intervention à ce titre. Pour votre information du contenu de cette réponse, j'en fais joindre ici une copie [1]). En remettant l'original à l'Electeur de Trèves, Vous lui direz des choses obligeantes sur sa démarche envers moi et Vous lui ferez sentir l'utilité, dont elle peut être pour lui et pour tous les membres de l'Empire. Vous m'informez que les Cours de Vienne et de Berlin se joignent à celles d'Hanovre pour traverser sous mains à la Diète de Ratisbonne la reconnaissance formelle de ma qualité de garante de la constitution germanique et de l'état actuel des possessions dans cet Empire. Si cela est vrai, je ne suis point surprise de ce procédé de ces Cours. Après la nullité, dans laquelle la France se voit actuellement réduite, il leur importe, sans doute, d'écarter toute influence étrangère et formidable en Allemagne, afin d'y dominer et de disposer des choses au gré de leurs intérêts et de leur ambition. Mais leur façon de voir ne me paraît pas exactement bien calculée, car je trouverai toujours des titres suffisants et faciles à justifier dans les motifs d'équité et de justice, qui dirigent mes actions et dans les moyens qu'il a plu à la providence de me départir pour défendre les opprimés et opposer une digue à une ambition injuste et contraire aux principes d'équilibre général. Il m'est, peut-être, non seulement indifférent, mais même avantageux de n'être chargée d'aucun titre qui m'oblige d'intervenir ou qui me mette dans le cas d'être requise, quand même ma convenance du moment ne s'y trouve pas: mais il n'en est pas de même pour les Princes d'Allemagne du second ordre et plus d'un d'entre eux a dû la conservation de sa puissance et de sa considération au droit qu'il avait de recourir à la protection et à la défense d'une Puissance garante. En un mot toute la charge de cette garantie serait pour moi et tout le bénéfice pour les Princes qui en auront besoin, pour se mettre à couvert des violences et des injustices que les plus forts voudraient exercer contre eux. Que ces Princes donc et tous ceux qui n'ont pas les mêmes intérêts que les Cours de Vienne et de Berlin pesent et jugent mes motifs avec ceux de ces Cours et qu'ils se décident. Voilà ce que Vous représenterez à l'Electeur de Trèves, en Vous acquittant de la commission, dont je Vous charge

---

[1]) Копіи въ собраніи румянцовскихъ бумагъ не оказалось.

*

auprès de lui et Vous employerez les mêmes arguments auprès de tous les Princes ou leurs représentants avec lesquels Vous discuterez cette question.

Le Langrave de Hesse Darmstadt[1]) m'ayant écrit au sujet de deux régiments que le Prince de Nassau a démandé à lever dans ses Etats pour le compte des Princes, frères du Roi très chrétien, je lui adresse ci-joint ma réponse[2]) que Vous lui ferez parvenir par la voie la plus propre.

En revenant aux affaires de ces Princes, j'ai à Vous faire connaître mes intentions, afin que Vous les leur transmettiez, par rapport aux nouvelles demandes qu'ils me font d'argent. Celui que je leur ai fait déjà avancer, fait une somme assez considérable. Je leur en ai promis encore en temps et lieu et je leur tiendrai assurément parole, mais je n'en puis parler avant la conclusion de ma paix et à l'époque, où tout sera prêt et arrangé pour les faire agir. Cette époque sera aussi celle, où ma paix avec les Turcs faite, le cours de change haussera et produira une somme plus signifiante qu'elle ne le serait dans ce moment-ci et qui sera alors aussi plus utilement employée. Quant aux démarches qu'ils désirent que je fasse en Suisse pour leur procurer des troupes à stipendier, cette opération convient à tous égards mieux à l'Espagne, qu'à moi et je n'ai pas manqué de la recommander à la Cour de Madrid, comme point des plus essentiels à l'appui du concours qu'elle voudra employer dans les affaires de Frances. Mais j'ai vu avec peine que le Sieur de Calonne[3]) se laisse aller à des démarches indiscrètes et tendantes à me compromettre. J'ai su qu'en négociant de l'argent en Hollande, il a avancé gratuitement que je cautionnerais ces emprunts. Un banquier de la Hage, nommé Boas, auquel entre autres on s'est adressé pour cet emprunt, est venu s'informer auprès de nom Ministre en Hollande le Sieur Kalitscheff[4]), s'il étai vrai, que je me chargeais de garantir l'emprunt en question. Non moins gratuitement le Sieur de Calonne a avancé dans le mémoire envoyé à la Cour d'Espagne, que je n'attendais que l'ouverture de la navigation pour faire embarquer mes troupes conjointement avec celles du Roi de Suède, pour aller au secours des Princes. Je n'ai donné ni directement ni indirectement aucune promesse, ni espérance de pareil envoi et je ne puis trouver que très déplacé qu'on me prête des intentions que je n'ai point manifestées et qui, peut-être, donneraient à l'Angleterre un pretexte pour sortir de sa neutralité. Il me semble que j'ai assez donné de preuves réelles de ma bonne volonté, pour qu'on s'en tienne là et qu'on attend celles que je pourrai en donner altérieurement sans les annoncer avant que les circonstances soyent assez prononcées pour pouvoir me déterminer d'une manière convenable. Vous ferez sentir M-r de Calonne modérement et avec douceur qu'il importe infiniment de mettre plus de reserve et de circonspection en tout ce qui me regarde, qu'il ne l'a fait dans ces deux occasions. Vous ferez la même observation aux Princes, mais de manière à ne pas les décourager dans les espérances

---

[1]) Людовикъ X, 1753—1830, ландграфъ съ 1790-го года.

[2]) Отвѣта этого нѣтъ въ нашихъ бумагахъ.

[3]) Charles Alexis de Calonne, 1734—1802, государственный контролеръ съ 1783-го года; министръ, по совѣту котораго въ 1787-мъ году была созвана Assemblée des notable; позже впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ Лотарингію. „Une mauvaise et creuse tête de Calonne", писала объ немъ Екатерина („Сборникъ", XXXIII, 673; „Русск. Архивъ", 1878, III, 233).

[4]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, 1746—1805, позже вице-канцлеръ.

qu'ils ont conçues de moi et que je justifierai assurément autant qu'il sera en mon pouvoir. Sur ce je prie Dieu qu'Il Vous ait monsieur le conseiller privé compte de Romiantzoff en sa sainte garde.

Catherine.

à St. Pétersbourg, le 8 Janvier 1792.

11.

(Переводъ).

С.-Петербургъ, 8-го января 1792 года.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ.

Три депеши, присланныя вами сюда съ графомъ Штакельбергомъ, г. Камаровскимъ и сержантомъ гвардіи княземъ Барятинскимъ, своевременно дошли до меня. Чтобъ объявить мои намѣренія по предметамъ, содержащимся въ этихъ депешахъ, я ожидала отвѣтовъ императора и короля прусскаго на посланныя имъ мною письма о дѣлахъ Франціи. Сущность этихъ отвѣтовъ уже должна быть вамъ извѣстна, какъ изъ отчета, поданнаго графомъ Эстергази въ Регенсбургѣ, гдѣ вы находитесь, такъ и по обнародованному циркуляру, съ которымъ вѣнскій дворъ обратился ко всѣмъ своимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ. Король прусскій совершенно положился на рѣшеніе императора. Это отнюдь не согласуется ни съ моими намѣреніями, ни съ моими желаніями. Потому-то я и принялась оспаривать рѣшеніе, которое, повидимому, приняли эти государи. Я не пренебрегла ничѣмъ, чтобы убѣдить ихъ какъ въ недѣйствительности вынужденнаго согласія короля французскаго на конституціонный актъ, который его принудили подписать, такъ и въ недостаточности этой мѣры для того, чтобы оградить его отъ опасностей, угрожающихъ ему и его супругѣ королевѣ, а тѣмъ болѣе для того, чтобы оградить его честь поступкомъ, который, напротивъ, налагаетъ на него клеймо униженія. Къ этимъ увѣщаніямъ, сдѣланнымъ со всею энергіей, свойственной тому интересу, который я принимаю въ этомъ дѣлѣ, я приказала присоединить планъ дѣйствительныхъ мѣръ, подлежащихъ принятію и приведенію въ исполненіе въ опредѣленное и условленное время между мною и дворами вѣнскимъ, берлинскимъ, стокгольмскимъ, мадридскимъ, неаполитанскимъ и туринскимъ. Курьеры, уже отправившіеся туда, повезли всѣмъ моимъ посламъ при этихъ дворахъ мои приказанія предложить имъ этотъ планъ и поторопить ихъ рѣшеніемъ. Въ настоящее время мнѣ остается только ожидать послѣдствій этого шага, единственнаго, который обстоятельства дозволили мнѣ сдѣлать. Мнѣ кажется, что это рѣшеніе должны принять и сами принцы, такъ какъ ни ваши донесенія, ни донесенія принца

нассаусскаго, ни записки, доставленныя мнѣ принцами, не представляютъ ихъ отдѣльныхъ силъ въ благопріятномъ свѣтѣ для какого-либо большаго предпріятія, отъ котораго можно было бы ожидать прочнаго и дѣйствительнаго успѣха, если только внезапныя и неожиданныя событія не представятъ на это надежды и вѣроятія. Сообщите принцамъ обо всемъ, указанномъ мною вамъ выше, завѣряя ихъ, отъ моего имени, что я не упущу обратить въ ихъ пользу намѣренія вышесказанныхъ дворовъ, которые я подталкивала и возбуждала.

Но въ настоящее время открывается еще новая сцена, которая, по моему мнѣнію, способна только ускорить развязку французскихъ дѣлъ вообще. Я говорю о необдуманномъ и оскорбительномъ шагѣ, которымъ національное собраніе возбудило короля противъ германскихъ государей, дающихъ пристанище французскимъ эмигрантамъ. Король прусскій объяснился уже со мною по поводу рѣшенія своего открытою силой отразить вторженіе въ Германію, на которое Франція могла бы покуситься. Онъ предложилъ императору принять такое же рѣшеніе и обсудить вмѣстѣ съ нимъ мѣры, самыя быстрыя и самыя дѣйствительныя, чтобы вооружить всю Германскую имперію противъ этого предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ охотно согласится на это предложеніе, которое, съ одной стороны, подсказано ему его обязанностями, какъ главы имперіи, и одного изъ ея главнѣйшихъ государствъ, а съ другой — устраняетъ всѣ неудобства, которыхъ, какъ ему казалось, онъ долженъ былъ опасаться для своего зятя-короля и для своей сестры-королевы, еслибы онъ явился исключительно въ качествѣ защитника ихъ правъ и мстителя за нанесенныя имъ оскорбленія. Эта новая вспышка, если она осуществится, какъ это можно предполагать, благодаря злому духу, который даетъ теперь толчекъ всѣмъ событіямъ во Франціи, представитъ французскимъ принцамъ самые благопріятные шансы, которыми они могутъ воспользоваться въ рѣшающемъ смыслѣ, если будутъ дѣйствовать осторожно и ловко, и, стремясь къ своей цѣли, не подадутъ вида, что замѣчаютъ, къ чему стремятся другіе. Еслибы даже предметъ этой войны, которая можетъ вспыхнуть, измѣнился по существу или, по крайней мѣрѣ, по внѣшней причинѣ, дѣйствія принцевъ должны быть одинаковы и, въ особенности, разумно постепенны. Ихъ первой заботой должно быть—вернуться на родину, укрѣпиться тамъ средствами, которыми они себя тамъ окружатъ, и стараться возвратить королю права и авторитетъ, которые ему принадлежатъ. Всякія хлопоты, всякія опасенія, которыя они проявили бы къ послѣдующему намѣренію, прежде нежели будетъ приведено въ исполненіе первое — способны только осложнить его и помѣшать его осуществленію. Словомъ, пусть они сознаютъ, что въ ихъ положеніи имъ прежде всего слѣдуетъ возстановить, а потомъ уже они могутъ подумать о томъ, какъ защи-

тить и сохранить. Эти разсужденія были мнѣ внушены присланнымъ вами отчетомъ о признаніяхъ, сдѣланныхъ вамъ господиномъ де-Роллемъ о прусскихъ предложеніяхъ, касающихся Эльзаса, Лотарингіи и французской Фландріи. Я далека отъ мысли совѣтовать этимъ принцамъ входить въ соглашенія по этому предмету. Я даже знаю, что они отнюдь не имѣютъ на это права, и что всѣ обѣщанія, сдѣланныя ими въ этомъ отношеніи, были бы дѣйствительны лишь настолько, насколько ихъ дѣлали бы таковыми настоятельныя условія, которыя имъ самимъ диктовали бы законы. Но такъ какъ очень большая разница соглашаться на предложенія или не соглашаться, то надо бы желать, чтобы они придерживались благоразумной середины, если возобновится вопросъ по этому поводу, и, дѣйствительно, для нихъ было бы весьма благопріятно и верхомъ ловкости съ ихъ стороны, еслибы, благодаря такого рода приманкѣ, имъ удалось произвести удвоеніе дѣятельности со стороны державъ, которыя могли бы льстить себя подобными надеждами. Какъ бы разумны и, главное, какъ бы приложимы къ даннымъ обстоятельствамъ ни были эти совѣты, вы должны остерегаться высказывать ихъ отъ моего имени или какимъ бы то ни было способомъ, если этотъ вопросъ не будетъ снова поднятъ. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ вы можете рѣшиться предложить принцамъ эти разсужденія подъ видомъ вашихъ собственныхъ; потому что, исходя отъ меня, они могутъ имъ показаться проистекающими изъ моихъ особыхъ мнѣній объ аналогичныхъ намѣреніяхъ со стороны нѣкоторыхъ державъ, чего вовсе нѣтъ, но что̀, однако, могло бы возбудить и потревожить умы, не всегда настроенные наилучшимъ образомъ. Я вижу тому доказательства въ планахъ, о которыхъ сообщаютъ вамъ нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ, а именно въ планѣ, изложенномъ вамъ маркизомъ Богарнэ и упоминаемомъ вами въ одной изъ вашихъ послѣднихъ депешъ. Хотя нельзя не признать, что въ этомъ планѣ есть своя доля разумнаго и практичнаго, тѣмъ не менѣе, справедливо, что гораздо настоятельнѣе уничтожить анархію и безпорядокъ, царящіе теперь въ королевствѣ, нежели стремиться водворить новый порядокъ вещей, а особенно нескромно разглашать объ этомъ; ибо это пригодно лишь къ тому, чтобы поселить недовѣріе и несогласіе между сподвижниками, которые врядъ ли поймутъ другъ друга. Вотъ то, что̀ вы постараетесь дать замѣтить всѣмъ тѣмъ, которые будутъ повѣрять вамъ свои системы будущаго управленія Франціей. Къ этому вы можете еще присовокупить для тѣхъ, которые способны понять, благодаря своему прямому здравому смыслу, что именно стремленіемъ управлять королевствомъ, не будучи къ тому ни призваны, ни привычны, они довели его до разстройства, и вмѣсто массы свѣта, которымъ они хвастаютъ, что озарили его, погрузили его во тьму, образовавшую настоящій хаосъ.

Но самое существенное соглашеніе, которое надо теперь поддерживать, это—соглашеніе между Тюильри и Кобленцомъ. Постарайтесь дать знать королевѣ французской, что участіе, которое я выказывала къ ней, и дружба, которую я къ ней питаю, даютъ мнѣ право совѣтовать ей не выказывать отчужденности ни къ одному изъ эмигрантовъ, а въ особенности къ дому Конде, отъ котораго она можетъ ожидать себѣ самыхъ существенныхъ услугъ противъ своихъ настоящихъ враговъ, которые находятся только въ Парижѣ. Воспользуйтесь этимъ случаемъ, чтобы представить также этой государынѣ необходимость написать ей самой или приказать барону Бретэлю написать отъ ея имени императору и королю прусскому, чтобы побудить ихъ объясниться и дѣйствовать сильно и твердо. Было бы полезно, чтобы въ то же время и съ тою же цѣлью испанскій, сардинскій и неаполитанскій короли, совмѣстно съ имперскимъ союзнымъ сеймомъ, обратились со своими настояніями къ этимъ государямъ, чтобы просить у нихъ поддержки и помощи противъ нападенія, которое грозитъ Германской имперіи со стороны Франціи.

Я, впрочемъ, не вижу въ этомъ нападеніи никакого повода къ опасности для курфирстовъ майнцскаго и трирскаго. Соединившись съ прирейнскими князьями и не только не разсѣявая или изгоняя изъ своихъ курфиршествъ французскихъ эмигрантовъ, но, наоборотъ, присоединяя ихъ къ войскамъ, они будутъ въ состояніи выдержать первый натискъ французскихъ націоналовъ, которые будутъ столь же малочисленны, какъ и неустроенны; ибо чистое хвастовство—тѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, о которыхъ было объявлено французскимъ принцамъ и, еще тѣмъ большее—150 тысячъ, о которыхъ новый военный министръ говорилъ въ своей рѣчи въ національномъ собраніи, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что нигдѣ во Франціи не существуетъ ни провіантскихъ магазиновъ, ни оружейныхъ складовъ, ни денегъ для образованія ихъ, особенно съ такою поспѣшностью. Если, дѣйствительно, случится вторженіе въ Германію, то оно будетъ произведено лишь нѣсколькими разбойничьими шайками, которыя явятся грабить какое-нибудь селеніе, крестьяне котораго будутъ, можетъ быть, въ состояніи сами по себѣ прогнать ихъ своими вилами. Я, поэтому, не могу повѣрить, чтобы курфирсты майнцскій и трирскій и многіе другіе государи, которые съ такой твердостью и съ такимъ благородствомъ требовали назадъ свои права, отнятыя у нихъ мнимо-національнымъ собраніемъ, устрашились этой новой угрозы, которую Франція затѣваетъ противъ нихъ; но, можетъ быть, имъ окажется необходимымъ сдѣлать видъ, что они боятся, чтобы скорѣе подоспѣла помощь, которой они имѣютъ право просить у главы имперіи и у короля прусскаго.

Случай требовать помощи отъ этихъ двухъ государей послужитъ

также къ тому, чтобы прибѣгнуть къ поручителямъ за вестфальскій договоръ и ко всѣмъ вообще, обезпечивающимъ конституцію Германской имперіи. Вотъ мой отвѣтъ курфирсту трирскому на письмо, въ которомъ онъ проситъ моего посредничества на этомъ основаніи. Для свѣдѣнія вашего о содержаніи этого отвѣта, я приказала присемъ же приложить и копію съ него. Вручая оригиналъ курфирсту трирскому, наговорите ему любезностей по поводу его обращенія ко мнѣ и дайте ему понять ту пользу, которую оно можетъ принести ему и всѣмъ членамъ имперіи. Вы сообщаете мнѣ, что вѣнскій и берлинскій дворы присоединяются къ ганноверскому, чтобы секретно помѣшать на регенсбургскомъ сеймѣ формальному признанію меня поручительницей германской конституціи и настоящаго положенія владѣній въ этой имперіи. Если это правда, то я вовсе не удивляюсь такому поступку этихъ дворовъ. Послѣ того ничтожества, къ которому приведена теперь Франція, несомнѣнно, имъ весьма важно отстранить всякое чужеземное и грозное вліяніе въ Германіи, чтобы господствовать въ ней и всѣмъ распоряжаться по произволу своихъ интересовъ и своего властолюбія. Но мнѣ кажется, что ихъ взгляды не совсѣмъ хорошо разсчитаны, потому что я всегда найду себѣ достаточныя и легко оправдываемыя права въ тѣхъ побужденіяхъ къ правосудію и истинѣ, которыя руководятъ моими дѣйствіями, и въ тѣхъ средствахъ, которыми Провидѣнію угодно было надѣлить меня для того, чтобы защищать притѣсненныхъ и ставить преграды честолюбію, которое несправедливо и противно принципамъ всеобщаго равновѣсія. Мнѣ, пожалуй, не только безразлично, но даже выгодно, что на меня не возложено никакого права, которое обязывало бы меня вмѣшиваться или давало бы поводъ требовать этого отъ меня, хотя бы мнѣ это было даже неудобно въ данную минуту; но съ второстепенными германскими князьями совсѣмъ не то, и многіе изъ нихъ сохраненіемъ своего значенія и власти обязаны своему праву прибѣгать къ покровительству и защитѣ державы-поручительницы. Словомъ, вся тягость этого поручительства была бы на моей сторонѣ, а вся выгода—на сторонѣ государей, которымъ оно понадобится, чтобы оградить себя отъ насилій и несправедливостей, которыя захотѣли бы имъ причинить болѣе сильныя державы. Пусть же эти государи и всѣ другіе, интересы которыхъ иные, нежели у дворовъ Вѣны и Берлина, взвѣсятъ и обсудятъ мои побужденія сравнительно съ побужденіями тѣхъ дворовъ, и примутъ рѣшеніе. Вотъ на что вы укажете курфирсту трирскому, исполняя возлагаемое мною на васъ порученіе къ нему, и употребите тѣ же доводы для всѣхъ государей или представителей ихъ, съ которыми вы будете обсуждать этотъ вопросъ.

Такъ какъ ландграфъ гессенъ-дармштадтскій писалъ мнѣ по поводу двухъ полковъ, которые принцъ нассаусскій просилъ набрать въ его

владѣніяхъ на счетъ принцевъ, братьевъ христіаннѣйшаго короля, то я и обращаюсь къ нему съ прилагаемымъ при семъ отвѣтомъ, который вы доставите ему наиболѣе подходящимъ образомъ.

Возвращаясь опять къ дѣламъ этихъ принцевъ, я должна сообщить вамъ мои намѣренія, чтобы вы ихъ передали имъ, касательно новыхъ просьбъ о деньгахъ, съ которыми они ко мнѣ обратились. Тѣ деньги, которыя уже выданы имъ по моему приказу, составляютъ довольно значительную сумму. Я имъ обѣщала еще денегъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, и, конечно, сдержу свое слово; но не могу говорить объ этомъ до заключенія мира и до того времени, когда все будетъ готово и устроено для того, чтобы заставить ихъ дѣйствовать. Это время будетъ то самое, когда, по заключеніи мною мира съ турками, курсъ подымется и образуетъ сумму болѣе значительную, нежели какою она была бы въ данную минуту, а также и употребленную тогда съ большею пользой.

Что же касается до попытокъ, которыя они желаютъ, чтобы я сдѣлала въ Швейцаріи, дабы доставить имъ возможность имѣть наемныя войска, то эта операція во всѣхъ отношеніяхъ болѣе прилична Испаніи, нежели мнѣ, и я не преминула рекомендовать ее мадридскому двору, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ пунктовъ для подтвержденія содѣйствія, которое она захочетъ оказать Франціи. Но я съ грустью вижу, что г. де-Калоннъ занятъ переговорами, которые нескромны и клонятся къ тому, чтобы компрометтировать меня. Я узнала, что, хлопоча о деньгахъ въ Голландіи, онъ безпричинно утверждалъ, что я поручусь за этотъ заемъ. Одинъ банкиръ въ Гагѣ, по имени Боасъ, къ которому, на ряду съ прочими, обратились по поводу этого займа, обратился за свѣдѣніями къ моему министру въ Голландіи, г. Колычеву, правда ли, что я беру на себя поручительство въ займѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Не менѣе безосновательно г. де-Калоннъ утверждаетъ въ запискѣ, посланной имъ испанскому двору, что я ожидала лишь открытія навигаціи, чтобы посадить на суда свои войска, вмѣстѣ съ войсками короля шведскаго, съ цѣлью идти на помощь принцамъ. Ни прямо, ни косвенно не давала я никакихъ обѣщаній, никакихъ надеждъ на подобную присылку и нахожу лишь весьма неумѣстнымъ, что мнѣ приписываютъ намѣренія, которыхъ я вовсе не высказывала и которыя, пожалуй, дали бы Англіи предлогъ выйти изъ своего нейтралитета. Мнѣ кажется, что я дала достаточно существенныя доказательства моего добраго расположенія, чтобы на томъ и остановились, и выжидали тѣхъ, которыя я буду сверхъ того въ состояніи дать еще въ дальнѣйшемъ будущемъ, не объявляя о нихъ прежде, чѣмъ обстоятельства опредѣлятся настолько, чтобы я могла рѣшиться болѣе подходящимъ для меня образомъ. Вы осторожно и мягко дадите понять г. де-Калонну, что крайне важно быть болѣе

осторожнымъ и осмотрительнымъ во всемъ, что̀ касается меня, нежели онъ былъ въ этихъ двухъ случаяхъ. То же самое вы дадите замѣтить и принцамъ, но такъ, чтобы не отнимать у нихъ надеждъ, которыя они возлагаютъ на меня и которыя я, конечно, оправдаю, насколько это будетъ въ моей власти.

Затѣмъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ, молю Бога, чтобы онъ хранилъ васъ подъ святымъ своимъ покровомъ.

Екатерина.

Въ Санктъ-Петербургѣ, 8-го января 1792 г.

12.

à Sarskoi Selo. $\frac{2}{14}$ Juin 1792.

Monsieur le conseiller privé Comte de Roumiantzoff.

J'ai reçu les dépêches du $\frac{6}{17}$ et du $\frac{8}{19}$ May que vous m'avez adressées par courrier exprès. Le tableau que vous y faites de la position actuellee des affaires des Princes ne m'était pas inconnu en grande partie; mais vous y avez ajouté des détails, qui l'ont rendu encore plus intéressant. Les mesures, dont les Princes s'occupaient et qu'ils vous ont confiées à votre retour auprès d'eux pour publier un manifeste dans le Royaume de France et y prendre titre et qualité étaient en effet trop prématurées et je suis bien aise qu'elles ayent été déconseillées, car on ne peut guères espérer de fruit de ces sortes de mesures si elles ne sont soutenues par des moyens de force suffisante. J'ignore quel sera celui de la lettre qu'ils ont écrite au Roi d'Hongrie et de Bohême, mais j'ai déjà quelques notions que malgré la solidité des raisons, quelle renferme et la beauté et l'énergie de style avec lesquelles elles sont exposées, elle a déplu à Vienne comme à Berlin.

Les Princes savent que peu de temps avant que la nouvelle de la déclaration de guerre faite par la cohuë nationale de Paris fut arrivée à la Cour de Vienne, cette Cour de concert avec celle de Berlin me fit part de la résolution que l'une et l'autre ont prise d'agir efficacement dans les affaires de France et toutes deux m'invitèrent d'y participer. Je ne balançai point et en leur promettant mon concours, j'ai plaidé en même temps pour les intérêts des Princes et insisté pour qu'on leur assignât dans cette occurence la place et le role qui conviennent à leurs droits et à leurs titres. Bientôt après la Cour de Vienne, comme partie attaquée, me requit de lui fournir les secours stipulés par mes traités avec elle. Cette circonstance ne m'a point paru d'une nature à dévoir altérer les principes que j'ai adoptés et manifestés sur les affaires de France depuis leur commencement. La Cour de Vienne ne m'a pas fait connaître non plus qu'il en eût resulté quelque changement dans les siens et jusque-là je crois superflue toute inquiétude pour chercher à l'approfondir. C'est la conduite que je conseille aux Princes de suivre aussi, vu le danger, qu'il y a pour eux de laisser transpirer des soupçons, qui, s'ils sont fondés, ne pourront qu'exciter un redoublement de soins pour perpétuer jusqu'au bout leur inaction et leur in-

signifiance, et s'ils ne sont pas; ne pourront servir qu'à leur aliéner cette Cour et à leur attirer toute sorte de désagrément de sa part. D'ailleurs la prévoyance du mal, lorsqu'on n'est pas en état de s'y opposer, ne sert souvent qu'à l'agraver et quelquesfois empêche par le decouragement qu'elle produit la marche vers le bien. Il importe donc qu'aussi longtemps que les Princes n'auront pas de moyens indépendants ils continuent à marquer dans leurs discours et dans leurs démarches autant de déférence que ce confiance pour les avis et les intentions des deux souverains, sans l'aveu desquels ils ne sauraient que je sache rien entreprendre au moins de sitôt. Dans une pareille situation, il me semble, il ne leur reste autre chose à faire qu'à suivre les évémements et à tâcher d'en tirer le meilleur ou le moins mauvais parti qu'il sera possible. Cependant toujours animée du désir de leur être efficacement utile, je me suis rendue aux instances qu'ils m'ont faites pour une nouvelle avance d'argent. Je vous en fais passer ci-joint la valeur de deux cent cinquante milles roubles en lettres de change que vous remettrez à leur disposition. Je ne leur ai point deguisé dans la lettre, dont j'ai chargé pour eux le prince de Nassau, l'effort que je fais en les obligeant de cette manière dans les circonstances où je me trouve moi-même, ayant besoin dû toutes mes ressources tant pour soutenir mes affaires en Pologne que pour fournir à l'entretien du Corps des troupes que j'envoie à leur secours. J'espère que ces considérations jointes à leur propre jugement les porteront à ménager cet argent de manière qu'il ne puisse point leur manquer à l'exécution de quelque entreprise utile à leurs intérêts, qu'ils se verront peut-être en état de concevoir et d'exécuter. En tous cas ils verront dans ce procédé de ma part que loin de vouloir les abandonner, comme des gens mal-intentionnés ont voulu le leur faire entendre, je persiste toujours dans mes bonnes intentions à leur égard.

Quant à la démarche que le Baron de Breteuil a jugé à propos de faire auprès de ces Princes, en leur envoyant son adjoint l'Eveque de Pamiers, démarche, dont vous me rendez compte dans une de vos dépêches, je n'y vois dans le fait que le dessein et l'envie de regagner leur confiance, quoique la pluspart de choses que son envoyé a été chargé de débiter eussent été destituées de tout fondement. Ne voulant point charger ce Ministre de les avoir forgées lui-même, je préfère de croire, comme cela est en effet possible, qu'il a été lui-même induit en erreur. Je n'invite point les Princes à lui accorder leur confiance; mais je suis persuadé qu'il leur sera très avantageux de s'entendre avec lui et de se faire instruire de ses démarches. Dans cette persuasion je lui ai fait écrire par le Vice-Chancelier pour lui recommander de suivre desormais un plan de relations non interrompues avec les Princes, à fin de les tenir au fait de tout ce qui peut avoir rapports aux intérêts du Roi et du Royaume de France. Pour prévenir toute défaite et tout prétexte ce défiance contre leurs entours, je vous ai fait indiquer comme un intermédiaire par lequel sa correspondance et ses communications pourront passer en toute sûreté. En conséquence vous écrirez au Baron de Breteuil pour lui faire part de ces ordres et de lui offrir votre Ministère et en même temps vous tâcherez de faire gouter cet arrangement aux Princes et de les engager à se prêter à ce rapprochement que je leur propose et que je crois réellement avantageux au bien de leurs affaires. Et sur ce je prie Dieu, qu'Il vous ait, Monsieur le conseiller privé comte de Roumiantsoff, en sa sainte et digne garde.

Catherine.

12.

(Переводъ).

Царское Село, 2 (14) іюня, 1792.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ. Я получила депеши отъ 6 (17) и отъ 8 (19) мая, которыя вы мнѣ прислали съ нарочнымъ. Картина настоящаго положенія дѣлъ принцевъ, которую вы рисуете, въ большей своей части уже была мнѣ извѣстна; но вы добавили къ ней подробности, которыя сдѣлали ее еще болѣе интересной. Мѣропріятія, которыми заняты были принцы, и которыя они довѣрили вамъ, по вашемъ возвращеніи къ нимъ, для обнародованія манифеста во французскомъ государствѣ и принятія тамъ титула и владѣнія, были, дѣйствительно, преждевременны, и я очень рада, что имъ это отсовѣтовали, потому что врядъ ли можно надѣяться на плоды подобныхъ мѣропріятій, если ихъ не поддерживаютъ достаточныя военныя силы. Не знаю, каковъ будетъ результатъ письма, которое они написали королю Венгріи и Богеміи, но я уже имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія, что оно не понравилось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ.

Принцы знаютъ, что незадолго до того, какъ до вѣнскаго двора дошла вѣсть, что народная чернь въ Парижѣ объявила войну, этотъ дворъ, совмѣстно съ берлинскимъ, сообщилъ мнѣ о рѣшеніи, которое они приняли, какъ тотъ, такъ и другой, сильно вмѣшаться въ дѣла Франціи, и оба пригласили меня содѣйствовать этому. Я вовсе не колебалась и, обѣщавъ имъ свое содѣйствіе, въ то же время ходатайствовала за интересы принцевъ, настаивая на томъ, чтобы имъ отвели въ этомъ случаѣ мѣсто и роль, которыя подобаютъ ихъ титулу и правамъ. Вскорѣ затѣмъ вѣнскій дворъ, какъ сторона атакованная, просилъ меня предоставить ему подкрѣпленіе, условленное въ договорахъ моихъ съ нимъ. Мнѣ казалось, что это обстоятельство такого рода, что оно не должно измѣнить принципы, которые я приняла и высказала относительно французскихъ дѣлъ съ самаго ихъ начала. Равнымъ образомъ и вѣнскій дворъ не сообщалъ мнѣ, чтобы отъ этого произошла какая-либо перемѣна въ его собственныхъ воззрѣніяхъ, а до тѣхъ поръ я считаю излишнимъ всякое стараніе углубляться въ этотъ вопросъ. Вотъ образъ дѣйствій, которому я и принцамъ также совѣтую слѣдовать, въ виду опасности, являющейся для нихъ въ обнаруженіи подозрѣній, которыя, если только они основательны, могутъ лишь побудить къ удвоенію старанія до конца продолжить ихъ бездѣйствіе и незначительность; если же не окажется ни того, ни другаго, то они могутъ послужить лишь къ тому, чтобы вѣнскій дворъ отшатнулся отъ нихъ, и чтобы навлечь на нихъ непріятности еще и съ этой стороны. Впрочемъ, пред-

видѣніе бѣды, когда не имѣешь средствъ ей противиться, зачастую бываетъ помѣхой и лишь увеличиваетъ уныніе въ стремленіи къ благу. Слѣдовательно, весьма важно, чтобы принцы—до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ своихъ, независимыхъ средствъ—продолжали бы высказывать въ рѣчахъ своихъ и дѣйствіяхъ столько уваженія, сколько и довѣрія къ совѣтамъ и намѣреніямъ обоихъ государей, безъ содѣйствія которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, они ничего не могутъ предпринять, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. При такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, имъ ничего больше не остается, какъ только слѣдить за событіями и стараться извлечь изъ нихъ какъ можно больше выгоды, или меньше вреда. Тѣмъ не менѣе, проникнутая желаніемъ быть имъ дѣйствительно полезной, я поддалась ихъ настоятельнымъ просьбамъ о новой выдачѣ денегъ. Я прилагаю вамъ при семъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей векселями, которые вы и предоставите въ ихъ распоряженіе. Въ письмѣ, которое я поручила принцу нассаускому имъ передать, я не скрыла усилій, которыхъ мнѣ стоило оказать имъ такого рода одолженіе при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я сама нахожусь, нуждаясь во всѣхъ своихъ средствахъ сколько для того, чтобы поддержать свое вліяніе въ Польшѣ, столько же и для покрытія содержанія корпуса, который я посылаю къ нимъ на помощь. Надѣюсь, что эти причины, въ соединеніи съ ихъ собственными разсужденіями, побудятъ ихъ беречь деньги такъ, чтобы въ нихъ не было недостатка для выполненія какого бы ни было полезнаго въ ихъ интересахъ предпріятія, которое они, пожалуй, будутъ въ состояніи задумать и выполнить Во всякомъ случаѣ, они, въ этомъ поступкѣ съ моей стороны, увидятъ, что я не только далека отъ желанія ихъ покинуть, какъ это старались дать имъ понять злонамѣренные люди, но что я по-прежнему питаю къ нимъ добрыя намѣренія.

Что же касается той попытки, которую баронъ Бретэль счелъ умѣстнымъ сдѣлать передъ этими принцами, пославъ къ нимъ своего представителя, памирскаго епископа, о чемъ вы мнѣ сообщаете въ одной изъ вашихъ депешъ, то я въ ней, право, не вижу ничего, кромѣ намѣренія и желанія снова овладѣть ихъ довѣріемъ, хотя большая часть того, что его посланному было поручено передать, лишена всякаго основанія. Не желая напрасно обвинять этого посланца въ томъ, будто онъ самъ все это выдумалъ, я предпочитаю думать,—какъ это, дѣйствительно, возможно,—что баронъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе. Я не приглашаю принцевъ оказывать ему довѣріе; но я убѣждена, что имъ будетъ весьма выгодно быть съ нимъ заодно и потребовать, чтобы онъ увѣдомлялъ ихъ о своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ убѣжденіи, я приказала вице-канцлеру написать Бретэлю и посовѣтовать ему слѣдовать впредь плану безпрерывныхъ сношеній съ принцами, на тотъ конецъ,

чтобы они слѣдили за всѣмъ, что̀ только можетъ имѣть отношеніе къ интересамъ короля и королевства Франціи. Во избѣжаніе всякой неудачи и всякаго предлога не довѣрять окружающимъ, я указала на васъ, какъ на посредника, черезъ котораго его письма и сообщенія могутъ доходить въ полной безопасности. Согласно съ этимъ, вы напишете барону Бретэлю, чтобы дать ему знать объ этихъ приказаніяхъ и предложить ваше посредничество; въ то же время постарайтесь, чтобы это распоряженіе понравилось принцамъ и чтобы они склонились подчиниться сближенію, которое я имъ предлагаю и которое я дѣйствительно считаю выгоднымъ для пользы ихъ дѣлъ. А затѣмъ, молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ, подъ своимъ святымъ и благимъ покровомъ.

Екатерина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. ХАРИТОНОВА.

Начало службы въ С.-Петербургѣ [1]).

Рубини и начало итальянской оперы. — Мои вокальные успѣхи и громкая извѣстность среди дилеттантовъ въ Петербургѣ. Назначеніе графа М. С. Воронцова главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ.—Разыгравшаяся исторія между нимъ и статсъ-секретаремъ Позеномъ.—Выходъ послѣдняго въ отставку и закрытіе особаго отдѣленія по дѣламъ Закавказскаго края. — Образованіе канцеляріи кавказскаго комитета, въ которой я занялъ должность помощника управляющаго дѣлами В. П. Буткова. — Усиленныя занятія въ этой канцеляріи и командировка въ Москву. — Важнѣйшіе проекты, представленные намѣстникомъ въ 1846 году.—Инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства и общіе по этому вѣдомству Высочайшіе приказы.—Назначеніе предсѣдателемъ Тифлисской казенной палаты.—Данный мною прощальный музыкально-танцовальный вечеръ.—Выѣздъ изъ Петербурга и остановки на пути въ Воронежѣ и Владикавказѣ. — Переѣздъ по Военно-Грузинской дорогѣ до самаго Тифлиса.

После разсказанныхъ эпизодовъ возвращаюсь къ собственной исторіи. Въ первый составъ временнаго отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи поступили младшими чиновниками: Мертва́го, Хвостовъ, Гернетъ и Арсеньевъ, все лицеисты, бывшіе съ Позеномъ на ревизіи: первый изъ нихъ мой товарищъ VII-го, а остальные трое VIII и IX-го выпусковъ. Я же оставался внѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ, потому что, съ выходомъ изъ канцеляріи военнаго министерства въ 1836 году, не поддерживалъ прежнихъ служебныхъ связей и былъ, по обыкновенію, забытъ.

Между тѣмъ мнѣ очень не нравилось, да и было обидно для моего самолюбія продолжать службу въ должности помощника производителя дѣлъ общаго присутствія послѣ назначенія Гарт-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1894 г.

мана, перебившаго мнѣ дорогу, а потому я, при первомъ случаѣ, какой представился, перешелъ въ настоящій составъ инженернаго департамента столоначальникомъ въ февралѣ 1843 г. Хотя при этомъ переходѣ я не подвинулся впередъ, а остался при прежнемъ содержаніи, однако получилъ казенную квартиру въ Инженерномъ замкѣ, въ которой и поселился съ матушкой, переѣхавшей навсегда въ Петербургъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ занятія мои по службѣ увеличились настолько, что не оставляли свободнаго времени, какъ прежде, для чтенія и частыхъ посѣщеній театра. За то пѣнію я предался со страстію, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ то время пріѣхалъ знаменитый теноръ Рубини и далъ великимъ постомъ концертъ, на который собрался, какъ говорится, весь Петербургъ. Концертъ состоялъ главнымъ образомъ изъ morceaux d'ensemble; въ немъ участвовали и тѣ два итальянца, басы Пиццолато и Чіабато, съ которыми я пѣлъ квартеты изъ «Лучіи» и «Пуританъ» въ первомъ публичномъ концертѣ; самъ же Рубини исполнилъ только двѣ аріи: изъ «Ніобе» и изъ «Марино-Фальеро». Надо вообще замѣтить, что въ то время главную часть вокальныхъ концертовъ составляли дуэты, тріо и даже цѣлые финалы. Не то, что теперь, напр., г-жа Лавровская дерзаетъ наполнять весь концертъ своимъ одиночнымъ пѣніемъ. Ни Рубини, ни Віардо, ни прежде еще m-me Sontag (она же графиня Росси) не рѣшались на подобный подвигъ. Кромѣ двухъ концертовъ, данныхъ въ залѣ Дворянскаго собранія (тогда еще новой) въ свою пользу, Рубини участвовалъ во многихъ благотворительныхъ концертахъ и между прочимъ въ Инвалидномъ 19-го марта, гдѣ онъ исполнилъ, при аккомпаниментѣ громаднаго военнаго оркестра, знаменитую арію изъ Stabat mater: «Cujus animam». Послѣ этого Рубини, по волѣ государя, приглашенъ былъ на 15 сценическихъ представленій въ Большомъ театрѣ, съ участіемъ артистовъ русской и нѣмецкой оперныхъ труппъ. Онъ пѣлъ въ пяти операхъ и дебютировалъ въ «Отелло», такъ какъ считалъ роль мавра лучшею въ своемъ репертуарѣ. Остальныя четыре оперы были: «Лучія», «Пиратъ», «Соннамбула» и «Пуритане». Когда Беллини писалъ послѣднія двѣ оперы, то онъ имѣлъ въ виду именно Рубини, постоянно пѣвшаго въ Парижѣ и Лондонѣ, а потому-то теноровыя партіи въ нихъ такъ высоки. Арія Эльвина, напримѣръ, въ «Сон-

намбулѣ» держится вся на четырехъ верхнихъ нотахъ: *fa*, *sol*, *la*, *si*, а въ «Пуританахъ» обязательно приходится брать нѣсколько разъ верхнее *re*, въ послѣднемъ же cantabile, начинающемся словами: Credeasi misera, Рубини доходилъ до *fa* suraigu (въ сопранной октавѣ). Такой высоты не достигалъ послѣ него ни Кальцолари, ни Марини. Одинъ нашъ Никольскій на сценѣ бралъ эту ноту, но довольно слабо и слишкомъ коротко, такъ что она не производила потрясающаго дѣйствія па публику. Эти 15 представленій съ однимъ Рубини начались на Ѳоминой недѣлѣ, весной 1843 года, и рѣшили учать итальянской оперы, такъ какъ, несмотря на очень высокія цѣны, почти тѣ же, что и теперь (т. е. въ началѣ 1885 года), всѣ мѣста въ театрѣ были абонированы на расхватъ. Я съ товарищами былъ абонированъ въ ложѣ 3-го яруса, подлѣ царской, по 7 рублей за представленіе. Весь раекъ и галлерея были наполнены офицерами и чиновниками. Въ первый сезонъ итальянской оперы 1843—44 г. принимали еще участіе нѣкоторые артисты русской оперы. Такъ: теноръ Михайловъ исполнялъ партію Родриго въ «Отелло», Петровъ — партію Лепорелло въ «Донъ-Жуанѣ», Базиліо въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и отца въ «Лучіи», Артемовскій—перваго баса въ «Пуританахъ» и крестьянина Мазетто въ «Донъ-Жуанѣ».

Пріѣздъ Рубини имѣлъ громадное вліяніе на мой голосъ и вообще на мое пѣніе. Слушая его, я выработалъ себѣ фальцетный регистръ, безъ котораго невозможно тенору пѣть съ надлежащими оттѣнками и съ легкостью въ отдѣлкѣ фіоритуръ. При этомъ діапазонъ моего голоса настолько поднялся, что я могъ исполнять самыя высокія партіи, писанныя для Рубини и Дюпре. Съ другой стороны, близкое знакомство съ Даргомыжскимъ и Глинкою привело къ тому, что я былъ признанъ лучшимъ исполнителемъ ихъ романсовъ, особенно бравурныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ пѣлъ даже въ публичныхъ концертахъ, подъ аккомпаниментъ самихъ композиторовъ. Однажды М. И. Глинка выкинулъ со мной такую штуку. Въ какомъ-то утреннемъ концертѣ, въ залѣ Браницкой [1]),

---

[1]) Теперь она въ домѣ кн. Юсупова и составляетъ часть помѣщенія С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ.

я долженъ былъ пѣть извѣстный романсъ его: «Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца», оканчивающійся словами: «Грома сильнѣй огласятъ небеса», изъ которыхъ первыя два я обыкновенно протягивалъ полнымъ голосомъ на верхнемъ *la* октавой выше противъ того, какъ написано. Запѣлъ я смѣло и съ увлеченіемъ, какъ всегда, но постепенно, подходя къ концу романса, почувствовалъ утомленіе, потому что долженъ былъ постоянно напрягать голосъ, и сталъ уже опасаться, возьму ли верхнюю ноту съ должною энергіей; однако. хотя съ усиліемъ, но докончилъ романсъ какъ слѣдуетъ, къ удовольствію автора и публики. Я потомъ сказалъ Михаилу Ивановичу о своемъ затрудненіи во время пѣнія, а онъ мнѣ отвѣтилъ: «Да я вамъ аккомпанировалъ тономъ выше и былъ увѣренъ, что вы не спасуете, а для тенора съ здоровой грудью чѣмъ выше пѣть, тѣмъ лучше и эффектнѣе». Оказалось, что я долженъ былъ взять полнымъ груднымъ голосомъ *si* naturel. Вообще, безъ похвальбы скажу, что одного моего имени въ афишахъ или программахъ было достаточно, чтобы привлечь публику въ концертъ, и потому я былъ приглашаемъ на всевозможные музыкальные вечера, дававшіеся съ благотворительною цѣлью, и участвовалъ даже въ одномъ изъ большихъ концертовъ, даваемыхъ ежегодно въ залѣ Дворянскаго собранія въ пользу женскихъ школъ патріотическаго общества. Тогда концерты эти составлялись изъ однихъ любителей, наполнялись лучшимъ обществомъ и удостоивались посѣщенія царской фамиліи. Въ тотъ разъ, когда я пѣлъ въ числѣ солистовъ, принимали въ немъ участіе, изъ пѣвицъ и пѣвцовъ: княжна Лобанова, дѣвица Фрейгангъ (дочь нашего генеральнаго консула въ Венеціи), фрейлина П. А. Бартенева, Иванъ Матвѣеевичъ Толстой (впослѣдствіи графъ и министръ почтъ) и князь Григорій Волконскій (сынъ фельдмаршала, бывшій впослѣдствіи посланникомъ, кажется, въ Неаполѣ), а изъ музыкантовъ: свиты Е. В. генералъ-маіоръ А. Ѳ. Львовъ (скрипка) и гофмейстеръ, графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій (віолончель). Передъ тѣмъ, въ этихъ концертахъ по части пѣнія отличались графиня Росси (soprano) и И. Н. Андреевъ (теноръ). Хоры составлялись также изъ любителей, съ прибавкою, однако, нѣсколькихъ голосовъ изъ придворныхъ пѣвчихъ.

*

Чаще и больше всего я занимался пѣніемъ съ Даргомыжскимъ, будучи коротко знакомъ въ семействѣ его отца, которое жило тогда на Моховой, въ домѣ Есакова. Я пѣлъ не только его романсы, но и нѣкоторые нумера изъ его двухъ оперъ: «Эсмеральда» и «Русалка» гораздо прежде, чѣмъ онѣ были поставлены на сцену. Первая была раньше написана и представляетъ собою слабое подражаніе мейерберовскому «Роберту», а вторая, послѣ успѣховъ Глинки, задумана въ русскомъ національномъ стилѣ и выросла, такъ сказать, на моихъ глазахъ и ушахъ. Я, конечно, былъ первымъ исполнителемъ теноровой каватины въ «Русалкѣ»: «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила». Изъ романсовъ же его нѣкоторые, какъ, напр.: «Одѣлась туманами» прямо написаны для моего голоса, а дуэтъ Рыцари посвященъ даже мнѣ и В. П. Опочинину. Былъ я также приглашенъ А. Ѳ. Львовымъ къ исполненію теноровой партіи въ нарочно написанной имъ для итальянцевъ оперѣ «Bianca è Gualtiero». И хотя онъ, въ своихъ запискахъ, читанныхъ мною въ «Русскомъ Архивѣ» (см. № 5—1884 года), и говоритъ, что опера съ такимъ трудомъ принята была на сцену и не имѣла у насъ полнаго успѣха по какимъ-то интригамъ, возстановившимъ противъ него бывшаго директоромъ театровъ А. М. Гедеонова и даже министра императорскаго двора, князя П. М. Волконскаго, но я хорошо помню, что итальянскіе артисты всячески старались отдѣлаться отъ новой оперы, особенно Рубини, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ никакой другой музыки, кромѣ итальянской, не поетъ. И вотъ съ этой-то цѣлью, т. е. чтобъ убѣдить итальянцевъ, что въ новой оперѣ такая же музыка, какую они привыкли исполнять въ операхъ Россини, Доницетти и Беллини, Львовъ придумалъ устроить у себя на дому пробную репетицію, въ которой и я участвовалъ, съ полнымъ оркестромъ и придворными пѣвчими. Бѣдный Рубини долженъ былъ разучивать неблагодарную партію на старости, передъ концомъ своей артистической карьеры, которую онъ заключилъ у насъ въ послѣднемъ спектаклѣ на масляницѣ 1845 года. Давали «Соннамбулу», и знаменитый теноръ, не щадя своего голоса, превзошелъ себя, поддерживаемый въ особенности пѣвицею Віардо: ихъ забросали букетами цвѣтовъ и поднесли всѣмъ тремъ, т. е. Рубини, Віардо и Тамбурини, цѣнные подарки. Несчастная же

опера «Bianca è Gualtiero» дана была всего два или три раза, незадолго передъ масляницей, и отняла только у публики лишній случай послушать итальянскихъ соловьевъ въ ихъ лучшихъ партіяхъ. А Ѳ. Львовъ написалъ еще другую оперу на русское либретто, соч. гр. Соллогуба, подъ названіемъ Ундина. Я также пѣлъ ее на пробной репетиціи съ г-жею Шоберлехнеръ (когда-то извѣстною пѣвицей), и это новое произведеніе почтеннаго виртуоза и сочинителя духовныхъ концертовъ, исполненное артистами русской оперы прежде въ Москвѣ, а потомъ уже въ Петербургѣ, не имѣло, сколько извѣстно, ни малѣйшаго успѣха и, послѣ двухъ представленій, навсегда исчезло изъ нашего опернаго репертуара. Вообще, читая записки Львова, удивляешься его самообольщенію въ отношеніи способности къ драматической музыкѣ, которою онъ до того времени совсѣмъ не занимался.

Однимъ словомъ, я вошелъ въ моду, какъ пѣвецъ-любитель, и въ началѣ 1844 года получилъ, между прочимъ, отъ М. П. Позена, бывшаго моимъ первымъ въ началѣ службы руководителемъ, приглашеніе бывать у него по воскресеньямъ. Онъ жилъ тогда довольно открыто на Мойкѣ (близъ Синяго моста) въ собственномъ домѣ и желалъ, конечно, имѣть меня своимъ гостемъ для развлеченія моимъ пѣніемъ собиравшагося у него общества, но при этомъ заинтересовался моею службой и предложилъ мнѣ свое покровительство. Я заявилъ ему о своемъ желаніи выйти изъ военнаго министерства, гдѣ мнѣ ничего особеннаго не предстояло впереди.

Прежде всего, по его рекомендаціи, директоръ 3-го департамента министерства государственныхъ имуществъ Брадке представилъ меня въ начальники отдѣленія на вакансію, открывшуюся послѣ Инсарскаго, который вышелъ тогда въ отставку, чтобы поступить управляющимъ къ князю А. И. Барятинскому, и съ которымъ мнѣ довелось служить потомъ вмѣстѣ, когда его патронъ былъ назначенъ, послѣ Н. Н. Муравьева, намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ. Между тѣмъ на свободную вакансію начальника отдѣленія былъ назначенъ самимъ министромъ кто-то другой, по желанію великаго князя Михаила Павловича, находившагося въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ къ графу П. Д. Киселеву. Затѣмъ, по его же, Позена, рекомендаціи, я долженъ

былъ поступить чиновникомъ особыхъ порученій къ главноуправляющему путями сообщенія и подалъ уже о переводѣ моемъ докладную записку директору канцеляріи Заикѣ, но тутъ уже я самъ отказался, по настоятельному желанію матушки, которая боялась деспотическаго характера графа Клейнмихеля, походившаго во многомъ на своего знаменитаго учителя и начальника, графа Аракчеева.

Почти вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ же 1844 года, служившій во временномъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, П. А. Булгаковъ былъ назначенъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, тамбовскимъ губернаторомъ [1]), и я былъ въ седьмомъ небѣ, когда Позенъ, управлявшій этимъ вновь созданнымъ имъ отдѣленіемъ, предложилъ мнѣ у себя вакантную должность старшаго чиновника. Однако и тутъ мнѣ не повезло. Надо же было такъ случиться, что на это самое мѣсто сталъ просить графъ (впослѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ за своего племянника Безобразова. Позенъ, пригласивъ меня къ себѣ, прямо сказалъ, что онъ не можетъ исполнить даннаго мнѣ обѣщанія и прибавилъ: «Я надѣюсь, что вы, несмотря на вашу молодость, поймете, что такимъ лицамъ, какъ графъ А. Ѳ. Орловъ, не отказываютъ ни въ чемъ». Тогда я, зная о желаніи моего лицейскаго товарища Димитрія Димитріевича Мертваго, служившаго въ томъ же временномъ отдѣленіи, выйти въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ и управлять большою бумагопрядильною фабрикой подъ Москвой, просилъ опредѣлить меня на открывавшуюся послѣ него вакансію младшаго чиновника. Позенъ, конечно, на это охотно согласился, и я такимъ образомъ вышелъ, наконецъ, изъ военнаго министерства въ апрѣлѣ 1844 года и хотя опять безъ всякой существенной для себя выгоды отъ такого перемѣщенія, но съ видами на дальнѣйшее въ бу-

---

[1]) Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, послѣ многихъ лѣтъ губернаторства въ Тамбовѣ и Калугѣ, былъ назначенъ, при военномъ министрѣ Сухазанетѣ, генералъ-провіантмейстеромъ и пожалованъ въ статсъ-секретари; попалъ въ члены редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, но, послѣ неосторожнаго спича на обѣдѣ въ первую годовщину освобожденія крестьянъ, былъ уволенъ отъ должности и болѣе 20 лѣтъ, оставаясь въ немилости, числился только по военному министерству, безъ всякихъ занятій и, конечно, безъ повышенія и наградъ. Онъ умеръ, кажется, въ 1883 году.

дущемъ повышеніе по службѣ. Безобразовъ, занявшій мѣсто старшаго чиновника, былъ совершенно неопытенъ въ дѣлахъ и въ канцелярскомъ производствѣ, хотя и вышелъ изъ Петербургскаго университета кандидатомъ правъ [1]). Позенъ видимо тяготился имъ и былъ очень доволенъ, когда тотъ, по случаю женитьбы на дочери генерала Сухозанета, внучкѣ кн. Бѣлосельскаго, за которою получилъ въ приданое милліонъ рублей серебромъ, отпросился въ отпускъ на три мѣсяца. Исправленіе его должности поручено было мнѣ, и тутъ я успѣлъ заявить себя опытнымъ дѣльцомъ и хорошимъ редакторомъ. Позенъ былъ очень мною доволенъ, высказывая это въ резолюціяхъ на моихъ докладахъ и черезъ В. П. Буткова, который былъ также старшимъ чиновникомъ и завѣдывалъ другою экспедиціею.

По вступленіи Безобразова въ должность, Позенъ, желая устроить мое служебное положеніе, предложилъ мнѣ мѣсто вице-губернатора въ Шемахѣ, которое занималъ тогда баронъ Н. Торнау, получившій въ недавнее относительно время (въ 1878 году) печальную извѣстность по дѣлу г-жи Гулакъ-Артемовской и вынужденный, состоя въ должности члена Государственнаго Совѣта, подать въ отставку. Я почти принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе, и нужно было только выждать, когда кончится полученный барономъ Торнау шестимѣсячный заграничный отпускъ, послѣ котораго онъ (по словамъ Позена) не долженъ былъ возвратиться на свое мѣсто. Между тѣмъ военныя дѣла на Кавказѣ пошли очень дурно и послѣ потери нѣсколькихъ укрѣпленій въ Дагестанѣ, государь Николай Павловичъ рѣшилъ смѣнить бывшаго тогда начальникомъ края и войскъ генералъ-адъютанта Нейдгарта. На его мѣсто

---

1) Это тотъ самый Николай Безобразовъ, который потомъ, въ 1858 году, заявилъ себя такимъ ярымъ крѣпостникомъ и пустился было въ литературу, но былъ осмѣянъ, какъ и другіе, однихъ съ нимъ воззрѣній на предстоящую реформу освобожденія крестьянъ, дворяне-благодѣтели: Гр. Бланкъ, кн. С. П. Голицынъ и Х. Козловъ. Безобразовъ развилъ свои соображенія по крестьянскому дѣлу въ особой книжкѣ подъ названіемъ: Объ усовершеніи узаконеній, касающихся вотчинныхъ правъ дворянства. Съ нею можетъ соперничать развѣ Печатная Правда кн. С. П. Голицына. Объ этихъ двухъ произведеніяхъ, для характеристики того времени, любопытствующіе могутъ прочесть въ Современной Лѣтописи „Русскаго Вѣстника“ 1858 года (т. 15, стр. 125 и 153 и т. 16, стр. 27).

былъ прежде всего приглашенъ и вызванъ въ Петербургъ генералъ Герштенцвейгъ, командовавшій на югѣ однимъ изъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, но онъ рѣшительно отказался по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни. Извѣстно, что онъ потомъ въ 1848 году застрѣлился: это отецъ того Герштенцвейга, который въ 1861 году былъ генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ и, послѣ какой-то ссоры съ намѣстникомъ графомъ Ламбертомъ, также кончилъ жизнь самоубійствомъ. Послѣ отказа Герштенцвейга, государь недоумѣвалъ, кѣмъ замѣстить генерала Нейдгарта, и въ этой нерѣшительности прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока Позену не пришла мысль указать, черезъ графа А. Ѳ. Орлова, на бывшаго уже давно новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графа М. С. Воронцова. Сколько мнѣ извѣстно, кн. Чернышевъ предлагалъ на мѣсто Нейдгарта генераловъ Остенъ-Сакена и кн. Долгорукова (бывшаго послѣдовательно въ Вильно и въ Харьковѣ генералъ-губернаторомъ). Но ни тотъ, ни другой не соотвѣтствовали видамъ государя, желавшаго поставить на Кавказѣ такого начальника, который, соединяя военныя и административныя способности и пользуясь Высочайшимъ довѣріемъ, могъ бы дѣйствовать самостоятельно. Такимъ лицомъ дѣйствительно представлялся въ то время графъ М. С. Воронцовъ, и потому государь, ухватившись за мысль о его назначеніи на Кавказъ, удивлялся даже, какъ онъ самъ прежде всего не остановилъ на немъ своего вниманія. Какъ бы то ни было, императоръ Николай Павловичъ поспѣшилъ предложить Воронцову, въ собственноручномъ письмѣ, начальствованіе надъ войсками и управленіе краемъ на Кавказѣ, съ званіемъ главнокомандующаго и намѣстника. На Позена же было возложено приготовить къ пріѣзду Воронцова, въ особой запискѣ, обзоръ мѣръ, принятыхъ и предположенныхъ по гражданскому устройству Закавказскаго края, а также проектъ Высочайшаго рескрипта, въ которомъ были бы опредѣлены съ точностью значеніе и власть намѣстника, его права и отношенія къ мѣстнымъ и высшимъ государственнымъ установленіямъ.

Назначеніе графа Воронцова на Кавказъ состоялось въ декабрѣ 1844 года, а самъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1845 года, и тутъ вскорѣ разыгралась исторія съ Позеномъ, послѣ ко-

торой онъ вышелъ въ отставку и, временное отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по дѣламъ Закавказскаго края было закрыто, а, вмѣсто него, учреждена канцелярія Кавказскаго комитета. Исторія эта заключалась въ слѣдующемъ: Надо прежде всего сказать, что хотя Позенъ имѣлъ свой докладъ у государя (по средамъ), какъ статсъ-секретарь, управлявшій временнымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, но журналы Кавказскаго комитета подносились на Высочайшее утвержденіе предсѣдателемъ комитета, княземъ Чернышевымъ. Позенъ, будучи самъ членомъ комитета, желалъ освободиться и отъ такой слабой зависимости. Онъ предложилъ съ этою цѣлью назначить Воронцова, въ званіи намѣстника, главнымъ начальникомъ на Кавказѣ, а самъ возымѣлъ мысль стать къ нему въ тѣ же отношенія, въ какихъ находился статсъ-секретарь по дѣламъ царства Польскаго къ намѣстнику, фельдмаршалу князю Паскевичу. Но Чернышевъ, которому Позенъ былъ обязанъ своимъ необыкновенно скорымъ возвышеніемъ [1]), проникъ, должно быть, его намѣреніе и задумалъ поссорить его съ Воронцовымъ, въ чемъ и успѣлъ. Чернышевъ выставлялъ передъ Воронцовымъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что ему, въ званіи намѣстника, не подобаетъ сноситься по всѣмъ дѣламъ гражданскаго управленія, идущимъ въ Петербургъ, съ статсъ-секретаремъ Позеномъ, какъ это было установлено для главноуправляющаго генерала Нейдгарта, при учрежденіи временнаго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Такія рѣчи тѣмъ болѣе подѣйствовали на Воронцова, что государь, на первомъ же пріемѣ, передавая ему составленные во временномъ отдѣленіи обзоръ мѣръ по гражданскому устройству Закавказскаго края и проектъ Высочайшаго рескрипта о правахъ и отношеніяхъ намѣстника кавказскаго, предложилъ ему за всѣми подробностями и нужными объясненіями по обзору обращаться къ статсъ-секретарю Позену;

---

[1]) Позенъ перешелъ въ военное министерство изъ департамента податей и сборовъ, гдѣ занималъ должность начальника отдѣленія, въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ 1828 году, а въ 1831 году онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и въ 1836-мъ пожалованъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества.

проектъ же рескрипта государь приказалъ разсмотрѣть въ особомъ совѣщаніи съ нимъ, Позеномъ, и Чернышевымъ. Прежде, однако, чѣмъ они собрались, Воронцовъ прислалъ къ Позену своего чиновника особыхъ порученій Щербинина сказать, между прочимъ, что проектъ рескрипта требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ редакціи, а именно: во 2-мъ пунктѣ, которымъ опредѣляется вновь даруемая намѣстнику власть разрѣшать на мѣстѣ всѣ тѣ дѣла, которыя, по существовавшему до того порядку, представлялись отъ главнаго управленія Закавказскимъ краемъ на разрѣшеніе министерствъ, Воронцовъ предлагалъ замѣнить послѣднія слова выраженіемъ: которыя представлялись въ министерства. Позенъ на это справедливо замѣтилъ, что онъ признаетъ свою редакцію болѣе правильною потому, что изъ поступающихъ въ министерства дѣлъ одни вносятся на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ или Государственный Совѣтъ, а по Закавказскому краю — въ особый комитетъ [1]), по другимъ же испрашивается всеподданнѣйшимъ докладомъ Высочайшее государя императора соизволеніе, и только остальныя дѣла разрѣшаются, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, собственною властью министровъ. Само собою разумѣется, что только послѣднія могли подлежать разрѣшенію намѣстника. Но Воронцовъ не удовольствовался этимъ объясненіемъ или тѣмъ, какое съумѣлъ передать ему Щербининъ, а вновь прислалъ его къ Позену, настаивая на требуемомъ измѣненіи редакціи. Тогда у Позена въ разговорѣ съ чиновникомъ Воронцова вырвались такія слова: «Что жъ, послѣ этого, не желаетъ ли графъ царской власти?» Слова эти были переданы въ точности Воронцову, и когда на другой день назначено было совѣщаніе для обсужденія проекта Высочайшаго рескрипта, то онъ, сѣвъ за столъ и обращаясь къ предсѣдателю князю Чернышеву, началъ свою рѣчь такъ: «Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ дѣлу, я долженъ сказать вашему сіятельству, что этотъ господинъ (указывая на Позена) осмѣлился произнести слѣдующія (вышеприведенныя) слова».... Тогда Позенъ

---

[1]) Онъ назывался тогда комитетомъ по дѣламъ Закавказскаго края, получилъ же названіе Кавказскаго комитета только въ 1845 году, когда въ раіонъ управленія намѣстника вошла и Кавказская область, переименованная вскорѣ потомъ въ Ставропольскую губернію.

вскочилъ съ мѣста и сказалъ въ свою очередь: «Я не господинъ, а статсъ-секретарь Его Величества».

На этомъ прервано было, конечно, засѣданіе, и Чернышевъ съ радостію доложилъ о случившемся государю. Между тѣмъ Позенъ явился, по заведенному порядку, въ среду (чуть ли не на другой день) во дворецъ, для личнаго доклада по дѣламъ временнаго отдѣленія; но тутъ Чернышевъ, бывавшій ежедневно у государя съ докладомъ, какъ военный министръ, отворивъ дверь изъ кабинета, сказалъ Позену: «Его Величество сегодня васъ принять не можетъ».

Возвратившись домой, огорченный Позенъ пригласилъ на совѣтъ, какъ ему поступить, бывшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ графа А. Ѳ. Орлова, гр. В. Ѳ. Адлерберга (подъ ближайшимъ начальствомъ котораго онъ служилъ, когда занималъ должность управляющаго военно-походной Его Императорскаго Величества канцеляріею) и гр. Закревскаго, бывшаго тогда въ немилости со времени увольненія его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Первые двое утѣшали его и совѣтовали перенесть съ твердостью минутное неудовольствіе государя, вызванное неосторожными словами его передъ чиновникомъ Воронцова, присланнымъ для объясненій по дѣламъ службы, а послѣдній настаивалъ на необходимости подать въ отставку. Позенъ послѣдовалъ внушенію Закревскаго и въ поданномъ имъ прошеніи, не выставляя никакихъ побудительныхъ причинъ, выразился коротко, испрашивая Высочайшаго соизволенія на увольненіе его отъ должности и отъ службы. Видно было, что государь остался недоволенъ такимъ холоднымъ прошеніемъ и написалъ резолюцію твердымъ карандашемъ: уволить.

Такимъ-то образомъ сошелъ со сцены этотъ очень извѣстный въ служебномъ мірѣ дѣятель, находясь въ полномъ развитіи умственныхъ и физическихъ силъ: ему не было даже 50 лѣтъ. Безъ разсказаннаго случая Позену готовилась, можетъ быть, блестящая будущность, потому что государь Николай Павловичъ зналъ его близко, любилъ его доклады и высоко цѣнилъ его способности; въ обществѣ предвидѣли въ немъ будущаго министра финансовъ, чего и самъ Канкринъ опасался, употребивъ всѣ старанія къ тому, чтобы Позенъ не заступилъ его мѣсто. Отъ себя прибавлю, что

Россія во всякомъ случаѣ ничего не потеряла бы отъ такого назначенія, по сравненію его съ ближайшими преемниками Канкрина.

Выше я упомянулъ о близкихъ отношеніяхъ Позена къ гр. А. Ѳ. Орлову: они установились вслѣдствіе того, что послѣдній, принявъ незадолго передъ тѣмъ (въ 1843 году), послѣ смерти гр. Бенкендорфа, III-е отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, не довѣрялъ во многихъ случаяхъ управлявшему этимъ отдѣленіемъ генералу Дубельту и нуждался въ хорошемъ сотрудникѣ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которыя тогда поручались шефу жандармовъ. Такимъ сотрудникомъ явился Позенъ, къ которому гр. А. Ѳ. Орловъ началъ обращаться за совѣтомъ и содѣйствіемъ, какъ лицу, знакомому со вкусами и взглядами государя на внутреннюю политику и притомъ владѣвшему хорошимъ перомъ. Кончилось тѣмъ, что всеподданнѣйшіе доклады по важнѣйшимъ дѣламъ, имѣвшимъ государственное значеніе, составлялись имъ, Позеномъ, такъ сказать, инкогнито и подносились государю отъ графа Орлова, какъ его собственные.

Въ оправданіе М. П. Позена, которому я, какъ и многіе другіе, обязанъ своимъ служебнымъ образованіемъ, прибавлю, что во всей разсказанной мною исторіи его съ М. С. Воронцовымъ онъ по существу былъ совершенно правъ, и представленный имъ проектъ Высочайшаго рескрипта о правахъ намѣстника кавказскаго оставленъ былъ безъ всякаго измѣненія, съ прибавкою только собственною рукою государя, въ началѣ рескрипта, передъ словомъ «повелѣваю»: «и въ полномъ довѣріи къ лицу вашему». Рескриптъ этотъ изданъ 30-го января 1845 года и вошелъ въ полное собраніе законовъ (т. XX, № 18679). Прилагаю его здѣсь въ копіи для любопытства, такъ какъ онъ теперь, за упраздненіемъ намѣстничества на Кавказѣ, сохранилъ только историческое значеніе (см. приложеніе).

Весь ходъ дѣла по составленію рескрипта я знаю очень хорошо, потому, что самое дѣлопроизводство по этому предмету находилось въ моихъ рукахъ, какъ чиновника временнаго отдѣленія, а о столкновеніи Позена съ Воронцовымъ я слышалъ отъ В. П. Буткова, который къ первому былъ очень близокъ. Позенъ, прощаясь съ чи-

новниками закрываемаго временнаго отдѣленія, обратился особенно ко мнѣ и сказалъ: «Ничего не успѣлъ я сдѣлать для васъ, какъ желалъ и чего вы заслуживаете, а теперь, какъ отставной, и не могу. Впрочемъ, я просилъ Владиміра Петровича (т. е. Буткова) устроить ваше служебное положеніе и увѣренъ, что онъ для васъ вполнѣ меня замѣнитъ». И дѣйствительно я въ Бутковѣ нашелъ внимательнаго, заботливаго и дружески расположеннаго начальника. 3-го февраля 1845 года онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами Кавказскаго комитета, а я его помощникомъ. Это мое назначеніе было дѣйствительнымъ повышеніемъ, хотя новая должность моя положена была, на первый разъ, только въ VI классѣ и съ окладомъ содержанія по 1.500 руб. въ годъ, т. е. приравнена къ должности начальника отдѣленія въ министерскихъ департаментахъ. Другимъ помощникомъ управляющаго дѣлами былъ назначенъ Арсеньевъ [1]) и между нами двумя дѣла были раздѣлены, какъ они въ упраздненномъ временномъ отдѣленіи распредѣлялись между двумя экспедиціями, изъ которыхъ въ каждой было по одному старшему и по два младшихъ чиновника. Съ поступленіемъ въ канцелярію Кавказскаго комитета мы были причислены къ 1-му отдѣленію Собственной Е. И. Величества канцеляріи и сохранили такимъ образомъ присвоенные сей послѣдней мундиръ и другія права. Занятій въ новой канцеляріи Кавказскаго комитета сначала было меньше вѣроятно потому, что многое изъ того, что представлялось прежде въ Петербургъ, получало, по власти, данной намѣстнику, разрѣшеніе отъ него самого; да, кромѣ того, Воронцовъ занялся на первыхъ порахъ болѣе военными дѣлами и предпринялъ въ 1845 году противъ Шамиля знаменитую экспедицію въ Дарго, извѣстную въ кавказской арміи подъ именемъ сухарной [2]).

Графъ Воронцовъ, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, немедленно образовалъ особую канцелярію намѣстника изъ двухъ отдѣленій бывшей до того канцеляріи главнаго управленія Закавказскимъ кра-

---

[1]) Юлій Константиновичъ, сынъ извѣстнаго статистика, также лицеистъ IX выпуска 1838 года, былъ послѣдовательно олонецкимъ и тульскимъ губернаторомъ; умеръ въ 1872 или 1873 году.

[2]) Она довольно интересно разсказана въ воспоминаніяхъ Эссермана („Русск. Вѣстн." 1876 г., № 4, стр. 418—422).

емъ, предоставивъ остальную часть ея съ директоромъ Васильковскимъ въ вѣдѣніе начальника гражданскаго управленія, генералъ-лейтенанта Ладинскаго, который также былъ вновь назначенъ на мѣсто генерала Гурко, занимавшаго эту должность при Нейдгартѣ Директоромъ же канцеляріи намѣстника назначенъ былъ Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, служившій при графѣ Воронцовѣ въ Одессѣ и женившійся тамъ на дѣвицѣ Маразли, сестрѣ нынѣшняго городскаго головы.

Вскорѣ, однако, Ладинскій,—можетъ быть потому, что онъ былъ пріятель Позена и самое назначеніе его рѣшено было еще до пріѣзда Воронцова въ Петербургъ,—былъ отстраненъ фактически отъ всякаго участія въ рѣшеніи текущихъ дѣлъ. Между тѣмъ, по наказу, изданному для главнаго управленія Закавказскимъ краемъ 12-го ноября 1842 года (Пол. Соб., № 16205), вся переписка съ губернаторами и вообще съ мѣстными учрежденіями края входила въ кругъ непремѣнныхъ обязанностей начальника гражданскаго управленія. Ладинскій такимъ образомъ оставался только предсѣдателемъ совѣта; отданная же сначала въ его вѣдѣніе канцелярія главнаго управленія была въ скоромъ времени закрыта, и всѣ дѣла изъ нея перешли въ канцелярію намѣстника, кромѣ дѣлъ совѣта: для производства ихъ возстановлена была особая канцелярія, и правителемъ дѣлъ совѣта назначенъ былъ знаменитый впослѣдствіи, по Дадіановскому или Мангрельскому дѣлу, Д. И. Кипіани [1]).

Возвращаясь къ собственной исторіи, я, слѣдуя хронологическому порядку, долженъ сказать, что еще въ концѣ 1844 года открылась у меня сыпь, образовавшаяся на подбородкѣ отъ простаго порѣза во время бритья и сдѣлавшаяся столь упорною, что никакія средства не могли прекратить ее въ продолженіе 2½ лѣтъ. Впрочемъ, и теперь мало, а тогда и совсѣмъ не было между петербургскими врачами спеціалистовъ по части накожныхъ

---

[1]) Онъ послѣ этого дѣла два раза былъ въ отставкѣ, затѣмъ, въ 1880 году, номинально причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ, а въ 1885 году утвержденъ кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. За дерзкое письмо къ экзарху Грузіи онъ и отъ этой должности по особому Высочайшему повелѣнію былъ уволенъ въ 1886 году, съ высылкою въ г. Ставрополь, гдѣ его нашли убитымъ въ собственной квартирѣ, въ октябрѣ 1887 года.

болѣзней, которыя вообще признавались продуктомъ внутренняго худосочія или такъ называемой золотухи, и противъ нея употреблялись разные декохты. Лѣтомъ же 1845 года меня послали въ Ревель, гдѣ я долженъ былъ брать теплыя морскія ванны. Отправился я въ первый разъ моремъ на частномъ финляндскомъ пароходѣ и попалъ въ страшную бурю. Вѣтеръ былъ какъ разъ противный, такъ что мы шли ночью только три версты въ часъ и на проѣздъ, совершаемый обыкновенно въ 18 часовъ, употребили 33 часа. На пароходѣ было до 150 [1]) пассажировъ, которые почти всѣ лежали въ растяжку: только я, да еще человѣка три выдержали качку, но чтобы не подвергнуться морской болѣзни, я долженъ былъ все время, въ дождь и вѣтеръ, оставаться на палубѣ. Пріѣхавъ въ Ревель поздно, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, я принужденъ былъ остановиться въ городской гостиницѣ, но каждое утро и потомъ вечеръ проводилъ въ Екатериненталѣ, гдѣ собиралась публика и особенно много моряковъ. Въ кургаузѣ столъ отличался дешевизной: всякая порція не превосходила цѣною 20 коп., и я, слѣдуя примѣру моряковъ, послѣ просмотра всей карты блюдъ, кончалъ обыкновенно тѣмъ, что спрашивалъ къ ужину гюнеровъ, т. е. цыплятъ. Одновременно со мной въ Ревелѣ былъ В. П. Опочининъ и купался въ открытомъ морѣ, гдѣ постоянно была холодная вода, доходившая до 7° по Реомюру. Въ Ревелѣ я пробылъ всего четыре недѣли и возвратился, въ половинѣ августа, на большомъ военномъ пароходѣ, съ старымъ адмираломъ гр. Гейденомъ [2]), тестемъ Опочинина. Заходили мы въ Гельсингфорсъ и пробыли тамъ цѣлый день: городъ съ окрестностями и тамошній кургаузъ мнѣ очень понравились. Обратное же путешествіе наше финляндскими шкерами было чуть ли не самое пріятное, какое я испыталъ въ жизни. Лунная ночь и почти полнѣйшій штиль на морѣ, которое было чисто и гладко, какъ стекло, сами по себѣ уже оча-

---

[1]) Въ ихъ числѣ былъ молодой человѣкъ, только-что поступившій на службу и сильно страдавшій отъ качки, Е. Я. Стааль, нынѣ занимающій высокую должность посла въ Лондонѣ.

[2]) Это отецъ двухъ нынѣшнихъ генералъ-адъютантовъ Логина и Ѳедора Логиновичей Гейденовъ, занимавшій въ то время скромную должность главнаго командира Ревельскаго порта.

ровательны, а тутъ еще пріятное общество и военная музыка довершали прелесть путешествія. Мы пѣли съ Опочининымъ, играли въ карты и ужинали на открытомъ воздухѣ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, не спускались въ каюту и совсѣмъ не ложились спать: такъ было восхитительно хорошо на палубѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, я проводилъ время большею частью въ дамскомъ обществѣ и распѣвалъ со всѣми возможными любительницами, которыхъ было довольно много. Назову главнѣйшихъ: П. А. Бартенева, Римская-Корсакова, двѣ сестры Билибины, Вердеровская (Шиловская), двѣ сестры Хотяинцевы, двѣ сестры Степовыя (Энгельгардтъ и Яфимовичъ), Косинская (Тишина), Курута, Зассъ. Но послѣ того, какъ къ концу года, съ наступленіемъ зимы, вновь открылась моя несносная болѣзнь (mentagra), я сократилъ свои знакомства. Лѣтомъ 1846 года я былъ командированъ отъ Кавказскаго комитета въ Москву, для присутствованія при вступительныхъ и отчетныхъ экзаменахъ кавказскихъ воспитанниковъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и въ медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Передъ тѣмъ, т. е. весной, я ѣздилъ на такіе же экзамены въ училище правовѣдѣнія, въ восточное отдѣленіе Петербургскаго университета, въ институтъ путей сообщенія и въ строительное училище. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ установлено было нѣсколько штатныхъ вакансій или, по-нынѣшнему, стипендій для кавказскихъ уроженцевъ, съ цѣлію, давъ имъ спеціальное образованіе, приготовить къ разнымъ родамъ службы въ Закавказскомъ краѣ и черезъ то уменьшить вызовъ туда русскихъ чиновниковъ съ особо предоставленными имъ преимуществами. Учрежденіе стипендій для кавказскихъ воспитанниковъ предложено было въ 1844 году статсъ-секретаремъ Позеномъ и Высочайше одобрено по всеподданнѣйшему докладу, мною составленному, когда я исправлялъ (за Безобразова) должность старшаго чиновника въ бывшемъ временномъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи [1]). Черезъ мѣсяцъ послѣ пребыванія въ Москвѣ, я предста-

[1]) Впослѣдствіи число вакансій для кавказскихъ воспитанниковъ и самыхъ заведеній, въ которыхъ они приготовлялись, увеличено, а именно: Вы-

вилъ отчетъ по возложенному на меня порученію и соображенія къ облегченію способовъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ кавказскимъ воспитанникамъ, за что былъ награжденъ именнымъ Высочайшимъ благоволеніемъ, объявленнымъ мнѣ въ предписаніи предсѣдателя Кавказскаго комитета князя Чернышева отъ 10-го августа 1846 года.

Въ то же время послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ штатѣ канцеляріи Кавказскаго комитета, вслѣдствіе которыхъ Ю. К. Арсеньевъ вышелъ отъ насъ, и я остался одинъ помощникомъ управляющаго дѣлами, съ повышеніемъ по должности въ V-й классъ и по мундиру въ V-й разрядъ. Хотя послѣднее обстоятельство и доставило мнѣ нѣкоторое удовольствіе, но я былъ огорченъ тѣмъ, что меня не сравняли съ старшими чиновниками Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и въ окладѣ содержанія, который былъ выше получаемаго мною только на 500 рублей. Это объясняется тѣмъ, что на оставшійся свободнымъ отъ другаго помощника управляющаго дѣлами окладъ содержанія учреждены были вновь двѣ должности: секретаря и помощника секретаря; испрашивать же о прибавкѣ на канцелярію, сверхъ штата, еще 500 руб. князь Чернышевъ, при извѣстной скупости его на деньги, не рѣшился. Находясь въ Москвѣ, я опять лѣчился и послѣ 7-ми часовъ вечера не позволялъ себѣ выходить на воздухъ. Это болѣзненное состояніе и отсутствіе всякихъ знакомствъ въ Москвѣ не оставило во мнѣ пріятныхъ воспоминаній о шестинедѣльномъ пребываніи въ первопрестольной столицѣ.

Къ концу 1846 года занятія по канцеляріи Кавказскаго комитета значительно усилились по случаю представленія многихъ законопроектовъ, изъ которыхъ главнымъ и самымъ важнымъ былъ проектъ, разрѣшившійся Высочайшимъ на имя князя Воронцова рескриптомъ 14-го декабря 1846 года объ имущественныхъ правахъ хановъ, бековъ, агаларовъ и прочихъ лицъ высшаго мусуль-

---

сочайше утвержденнымъ 11 іюня 1849 г. положеніемъ о воспитаніи кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ, назначено для этого 17 заведеній и въ нихъ вакансій 160, въ томъ числѣ 118 для туземцевъ и 42 для дѣтей русскихъ чиновниковъ, служившихъ или умершихъ на службѣ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ.

манскаго сословія, а также меликовъ изъ армянъ. Можно упомянуть еще о двухъ проектахъ: новаго административнаго раздѣленія Закавказскаго края и соединенія карантиновъ и таможенныхъ учрежденій въ одно общее управленіе.

О первомъ скажу, что, по положенію 10-го апрѣля 1840 года (Гáновскому), весь Закавказскій край былъ раздѣленъ по гражданскому управленію только на двѣ части: Грузино-Имеретинскую губернію и Каспійскую область. Кн. Воронцовъ представилъ о необходимости образовать еще двѣ области, подъ именемъ Имеретинской и Дагестанской. Государь пожелалъ имѣть справку о существующемъ различіи между областью и губерніей, и тогда было доложено, что въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній на такое различіе, но принято вообще называть областью извѣстную часть государственной территоріи, въ которой есть особый начальникъ, пользующійся правами губернатора, но нѣтъ всѣхъ губернскихъ учрежденій. Послѣ этого Его Величеству, при утвержденіи новаго административнаго раздѣленія Закавказскаго края, угодно было повелѣть: всѣ отдѣльныя части его назвать одинаково губерніями и притомъ не по національностямъ ихъ населенія, а по именамъ губернскихъ городовъ. Такимъ образомъ явились четыре губерніи: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская [1]) и Дербентская, а начальникамъ ихъ присвоено званіе военныхъ губернаторовъ. Чѣмъ вызвана была эта послѣдняя перемѣна, я не знаю: по крайней мѣрѣ объ ней не упоминалось въ представленіи кн. Воронцова. Если этимъ думали возвысить значеніе или обаяніе губернаторской власти, то горько ошиблись. Закавказскіе туземцы очень хорошо понимали, что при такихъ начальникахъ губерній, какими были, напримѣръ, военные губернаторы: Бѣлявскій (въ Кутаисѣ), Лукашъ (въ Тифлисѣ), Чиляевъ (въ Шемахѣ) и Щерба-Нефедовичъ (въ Эривани), нужно обращаться за настоящимъ дѣломъ не къ нимъ самимъ, а къ вице-губернатору или къ правителю канцеляріи и совѣтнику губернскаго правленія. А между тѣмъ пе-

---

[1]) Вслѣдствіе неоднократныхъ землетрясеній въ Шемахѣ, производившихъ страшное разрушеніе, губернскія учрежденія переведены были потомъ въ Баку, и самая губернія переименована въ Бакинскую, какъ она и нынѣ называется.

реименованіе въ военные губернаторы начальниковъ закавказскихъ губерній преградило на долго (на все время управленія кн. Воронцова и Муравьева) путь къ достиженію этой важной должности для лицъ, вполнѣ къ ней подготовленныхъ, если они не состояли въ военномъ чинѣ. Первый послѣ того гражданскій губернаторъ въ Тифлисѣ былъ К. И. Орловскій, назначенный при князѣ Барятинскомъ въ 1860 году.

Перехожу къ другому, поступившему въ Кавказскій комитетъ, проекту соединенія карантинной и таможенной частей въ одно общее управленіе. До того времени числилось 15 карантиновъ за Кавказомъ, да столько же въ Кавказской области, т. е. на пространствѣ нынѣшнихъ Ставропольской губерніи и областей: Терской и Кубанской, и всѣмъ имъ, при отсутствіи чумы, десятки лѣтъ совершенно нечего было дѣлать. Между тѣмъ существовало особое карантинное управленіе въ качествѣ отдѣльнаго вѣдомства; центральными органами его были: въ Тифлисѣ—такъ называемый комитетъ о предохраненіи Закавказскаго края отъ чумной заразы и въ Екатериноградѣ—особый инспекторъ карантиновъ на Кавказской линіи. Поэтому сократить до крайней возможности персоналъ карантинныхъ чиновниковъ и ввести ихъ въ составъ таможенныхъ учрежденій представлялось весьма полезною мѣрою. Но въ представленіи намѣстника были и другія предположенія,—и въ числѣ ихъ самымъ капитальнымъ являлось ходатайство о возстановленіи на Кавказѣ такъ называемаго порто-франко, подъ которымъ разумѣлся не безпошлинный привозъ европейскихъ товаровъ, а слабый 5% таможенный сборъ съ товаровъ, привозимыхъ въ черноморскіе порты Закавказскаго края изъ-за границы. Такой сборъ установленъ былъ первоначально въ 1821 году и отмѣненъ потомъ введеніемъ общеевропейскаго тарифа въ 1831 году. Приводились всевозможные аргументы, чтобы доказать, какъ благоденствовалъ край въ этотъ 10-ти лѣтній періодъ и какъ много потерялъ онъ отъ того, что торговля въ Персіею европейскими товарами избрала себѣ другой путь на Требизондъ и дала жизнь такъ называемому малоазійскому транзиту. Но какъ ни настойчиво было ходатайство кн. Воронцова о возстановленіи на Кавказѣ порто-франко, оно, встрѣтивъ въ Кавказскомъ комитетѣ сильныя возраженія, не было удовлетворено, но

имѣло послѣдствіемъ то, что для черноморскихъ портовъ Закавказскаго края изданъ былъ особый облегчительный тарифъ и кромѣ того дозволенъ безпошлинный провозъ транзитомъ европейскихъ товаровъ изъ Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале въ Персію черезъ Тифлисъ и Нахичевань. Это и есть начало знаменитаго закавказскаго транзита, который еще недавно возбуждалъ такіе жаркіе споры въ печати, въ правительственныхъ сферахъ и, наконецъ, къ счастію, отмѣненъ.

Для представленія личныхъ объясненій по проекту о соединеніи частей таможенной и карантинной въ одно общее управленіе, командированы были намѣстникомъ въ С.-Петербургъ два чиновника: Уманецъ и Дюкруаси, принимавшіе главное участіе въ составленной на сей предметъ особой въ Тифлисѣ коммиссіи. Но самое дѣло представлено было въ необработанномъ видѣ, т. е. просто къ коротенькому представленію кн. Воронцова приложено было, въ нѣсколькихъ томахъ, подлинное производство коммиссіи, какъ это практиковалось при Сафоновѣ и послѣ, при Щербининѣ, канцеляріею намѣстника, которая вообще оказывалась для трудныхъ и сложныхъ дѣлъ несостоятельною. Нуженъ былъ такой искусный докладчикъ, какъ В. П. Бутковъ, чтобы извлечь изъ этой груды бумагъ и журналовъ коммиссіи все существенное, подлежавшее обсужденію и разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ. Составленная имъ собственноручно, въ недѣлю времени, на тридцати листахъ почтовой бумаги, записка, разосланная на предварительное разсмотрѣніе членовъ Кавказскаго комитета, отличалась такимъ яснымъ и полнымъ изложеніемъ дѣла, что вызвала въ присутствіи комитета лестный отзывъ министра юстиціи гр. Панина, который, какъ извѣстно, не былъ вообще расточителенъ на похвалы и комплименты.

Какъ упомянутые здѣсь, такъ и разные другіе проекты, представленные кн. Воронцовымъ въ 1846 году, были всѣ доложены Кавказскому комитету, разсмотрѣны и Высочайше утверждены въ половинѣ декабря, послѣ чего Бутковъ отпросился на двѣ недѣли, для отдыха и развлеченія, въ Москву, которую онъ такъ любилъ, и я остался исправлять его должность. Между тѣмъ, именно къ этому времени, я отъ простуды совершенно оглохъ и не могъ яв-

ляться съ личнымъ докладомъ къ предсѣдателю комитета, а потому Бутковъ, предложивъ заступать его въ такихъ случаяхъ состоявшему при кн. Чернышевѣ, по званію военнаго министра, А. П. Суковкину, просилъ меня все-таки устроить дѣло такъ, чтобы до его возвращенія не встрѣтилось надобности въ личномъ докладѣ. Съ этою цѣлію онъ посовѣтовалъ мнѣ, при представленіи исполнительныхъ бумагъ къ подписанію и всеподданнѣйшихъ докладовъ на разсмотрѣніе, излагать на почтовомъ листѣ, въ видѣ справки, все то, что могло бы возбудить сомнѣніе или вопросъ и потребность личнаго объясненія. Я такъ и поступалъ и, къ удовольствію Владиміра Петровича, всѣ бумаги и доклады возвращались, за время его отсутствія, ко мнѣ же подписанными и съ резолюціями, безъ всякихъ отмѣтокъ, которыя требовали бы предварительнаго личнаго объясненія. Между тѣмъ, пока я больной сидѣлъ дома, занимаясь чтеніемъ и дѣлами канцеляріи Кавказскаго комитета, пріѣзжаетъ однажды въ 1-мъ часу ночи фельдъегерь отъ кн. Чернышева съ пакетомъ, на которомъ было написано: весьма нужное. Вскрываю пакетъ и нахожу въ немъ представленіе намѣстника о награжденіи князя Сергѣя Кочубея, за особенный подвигъ, орденомъ Владиміра 4-й степени, съ резолюціею: приготовить всеподданнѣйшій докладъ къ 9-ти часамъ утра. Составить докладъ, конечно, было не трудно и не долго, но, главное, нужно было ночью добыть писаря, который у меня на квартирѣ переписалъ бы его безъ ошибки и безъ скобленія тѣмъ каллиграфическимъ почеркомъ, какимъ писались тогда, да и теперь пишутся всеподданнѣйшіе доклады. Все было, однако, исполнено по приказанію кн. Чернышева; но, спрашивается, настояла ли такая спѣшная надобность въ представленіи ходатайства кн. Воронцова, особенно для лица, имѣвшаго, по званію военнаго министра, ежедневный у государя докладъ? Подвигъ же Кочубея состоялъ въ томъ, что онъ открылъ въ горахъ мѣсторожденіе каменнаго угля, пройдя для этого съ Кубани малый Кавказскій хребетъ, среди непокорныхъ горцевъ, будучи переодѣтъ въ черкесское платье. Открытый имъ минералъ и есть, кажется, тотъ Твкибульскій каменный уголь, который теперь обращаетъ на себя такое вниманіе правительства и торговаго міра, что для него строится особая вѣтвь желѣзной до-

роги. Къ 1-му января 1847 года Бутковъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а я получилъ вновь Высочайшее благоволеніе, о чемъ отдано было въ первомъ Высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству, вышедшемъ за подписью статсъ-секретаря Танѣева, какъ главноуправляющаго инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства. Этотъ департаментъ только-что передъ тѣмъ былъ учрежденъ по собственной иниціативѣ [1]) государя Николая Павловича, просуществовалъ 11-ть лѣтъ и въ 1858 году, по какимъ-то интригамъ противъ А. С. Танѣева, былъ закрытъ, что, по моему мнѣнію, сдѣлано напрасно: возобновленіе общихъ по всему гражданскому вѣдомству Высочайшихъ приказовъ было бы во многихъ отношеніяхъ полезно. Тогда легче было бы, напримѣръ, регулировать производство за отличіе въ чины, особенно высшіе, въ чемъ все больше и чаще допускаются отступленія отъ первоначально установленнаго въ 1835 году росписанія должностей по классамъ и не обходился бы законъ, запрещающій представлять къ награжденію чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника лицъ, занимающихъ должности ниже V класса. Прежде, напримѣръ, никогда не было въ этомъ чинѣ совѣтниковъ губернскаго правленія, ни предсѣдателей казенныхъ палатъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, какъ теперь, потому, что инспекторскій департаментъ не допустилъ бы, безъ особаго доклада государю, такого нарушенія закона, который требуетъ вообще, чтобы чиновники получали чины соотвѣтственно классамъ ихъ должностей и не были производимы далѣе, какъ однимъ чиномъ выше сихъ классовъ. При правильномъ же производствѣ за отличіе не возникалъ бы и самый вопросъ объ упраздненіи гражданскихъ чиновъ, который еще недавно поднимался и едва-ли можетъ быть съ пользою разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

---

[1]) Независимо отъ того, что я слышалъ въ свое время, по какому случаю государю пришла самая мысль объ учрежденіи инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, видно это и изъ самыхъ первыхъ словъ Именнаго указа, даннаго сенату 5-го сентября 1846 года, который начинается такъ: «Въ попеченіи Нашемъ о гражданскихъ чинахъ Имперіи во всемъ, касающемся устройства ихъ государственной службы, признали Мы за благо усвоить Собственному руководству Нашему завѣдываніе сими чинами въ полномъ ихъ составѣ» и т. д.

Въ началѣ 1847 года дѣла по Кавказскому комитету нѣсколько поутихли, и здоровье мое стало поправляться, но сыпь окончательно не проходила, и доктора совѣтовали мнѣ, для полнаго излѣченія, переѣхать на югъ въ теплый климатъ, если не навсегда, то на очень продолжительное время. Для этого я долженъ былъ перемѣнить родъ службы и получить соотвѣтственное мѣсто въ южныхъ губерніяхъ. Въ ожиданіи же такого случая, Бутковъ былъ такъ добръ и внимателенъ, что устроилъ мнѣ командировку отъ военнаго министерства на лѣто въ Пятигорскъ для ревизіи тамошняго военнаго госпиталя, что дало бы мнѣ право получить казенную подорожную и прогоны на поѣздку туда и обратно. Между тѣмъ пришло представленіе намѣстника о назначеніи предсѣдателя казенной палаты въ Тифлисѣ, статскаго совѣтника Назорова, членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, завѣдывающимъ и почтовою частію, на мѣсто убитаго лошадьми генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе [1]), но безъ указанія преемника Назорову по казенной палатѣ. Тогда Бутковъ, пригласивъ меня въ кабинетъ, сказалъ: «Вотъ вамъ, Алексѣй Александровичъ, хорошій случай перейти на службу въ Тифлисъ: хотите ли, чтобы я переговорилъ объ этомъ съ Сафоновымъ?» Нужно сказать, что послѣдній былъ также командированъ изъ Тифлиса (безъ всякой, впрочемъ, надобности) для представленія объясненій по разнымъ ходатайствамъ и проектамъ, которые поступили въ Кавказскій комитетъ и получили Высочайшее утвержденіе въ декабрѣ 1846 года, о чемъ я упомянулъ выше. Теперь же, передъ отъѣздомъ, онъ ходилъ къ Буткову ежедневно, въ ожиданіи награды, такъ какъ, по его словамъ, онъ не могъ возвратиться въ Тифлисъ безъ видимаго знака Монаршей милости, и добился того, что получилъ изъ кабинета въ подарокъ золотую табакерку. Почетной награды ему нельзя было дать потому, что онъ въ томъ же 1846 году получилъ къ Пасхѣ какую-то звѣзду. Я, конечно, охотно согласился на сдѣланное мнѣ Бутковымъ предло-

[1]) Онъ извѣстенъ болѣе какъ грузинскій поэтъ и былъ отцомъ князя Давида Александровича Чавчавадзе, женившагося на княжнѣ Аннѣ Ильиничнѣ Грузинской (изъ бывшаго царскаго дома) и умершаго въ 1884 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта Фамиліи Чавчавадзе принадлежало до послѣдняго времени селеніе Цинондалы, знаменитое по выдѣлкѣ лучшаго кахетинскаго вина. Теперь оно куплено удѣльнымъ вѣдомствомъ.

женіе, но Сафоновъ сказалъ въ отвѣтъ, что, сколько ему извѣстно, намѣстникъ обѣщалъ предоставить, при первой возможности, мѣсто V-го класса статскому совѣтнику Беру, который тогда занималъ должность товарища предсѣдателя Тифлисской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, но что онъ все-таки напишетъ кн. Михаилу Семеновичу и отрекомендуетъ меня какъ слѣдуетъ его сіятельству. Передавая такой отвѣтъ Сафонова, Бутковъ прибавилъ отъ себя, что такъ какъ Беръ старый сослуживецъ кн. Воронцова и переведенъ имъ изъ Одессы въ Тифлисъ, то ему, конечно, и будетъ отдано предпочтеніе при избраніи кандидата на вакантную должность предсѣдателя казенной палаты. Я послѣ этого пересталъ и думать о переходѣ на службу въ Тифлисъ, какъ вдругъ неожиданно получается письмо отъ министра финансовъ Вронченко, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что кн. Воронцовъ обратился къ нему съ запросомъ, могу ли я, по своимъ способностямъ и служебной опытности, занять мѣсто предсѣдателя казенной палаты въ Тифлисѣ, и просилъ, въ случаѣ согласія на то его, министра, дать ходъ оффиціальному представленію, тутъ же приложенному къ письму кн. Воронцова. Чернышевъ былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла, и неудовольствіе его могло бы все дѣло испортить, еслибы Бутковъ не успѣлъ его успокоить и объяснить странное обращеніе намѣстника къ министру финансовъ о чиновникѣ канцеляріи Кавказскаго комитета неумѣлостью или промахомъ Десимона [1]), который тогда, за отсутствіемъ Сафонова, временно исправлялъ должность директора канцеляріи намѣстника.

[1]) Андрей Францовичъ Десимонъ, служившій прежде лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, перешелъ въ 1838 году чиновникомъ особыхъ порученій къ генералу Головину, назначенному тогда же, послѣ барона Розена, главнымъ начальникомъ въ Грузіи и на Кавказѣ. При введеніи же положенія 10-го апрѣля 1840 года о гражданскомъ управленіи въ Закавказскомъ краѣ, Десимонъ занималъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, должность директора канцеляріи главноуправляющаго, но въ 1842 году, во время ревизіи статсъ-секретаря Позена, перемѣщенъ вице-губернаторомъ, а занимавшій эту должность въ Тифлисѣ Васильковскій назначенъ на его мѣсто директоромъ канцеляріи. Перемѣщеніе это состоялось по распоряженію кн. Чернышева, находившагося тогда на Кавказѣ и имѣвшаго отъ государя большія полномочія, какъ объяснено мною выше. Въ 1847 году Десимонъ назначенъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія въ Тифлисѣ и состоялъ въ этой должности болѣе 20 лѣтъ, послѣ чего онъ переведенъ былъ въ Петербургъ членомъ коммиссіи прошеній и умеръ въ 1880 году.

Послѣ того я черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, предсѣдателемъ Тифлисской казенной палаты, о чемъ отдано въ Высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству 18-го февраля 1847 года. Это назначеніе рѣшило участь моей жизни и службы, ибо я нашелъ на далекомъ Кавказѣ здоровье и семейное счастье, пріобрѣлъ извѣстность, какъ служебный дѣятель, осыпанъ милостями покойнаго государя и возвратился оттуда, черезъ 18 лѣтъ, сенаторомъ, относительно еще молодымъ (49 лѣтъ), оставивъ по себѣ недурную память. Но тогда я еще не могъ предвидѣть всего, что меня ожидаетъ, и не легко было мнѣ разставаться съ Петербургомъ, гдѣ я провелъ первую молодость, имѣлъ обширное знакомство и былъ на хорошей по службѣ дорогѣ, гдѣ я покидалъ престарѣлую мать, можно сказать, навсегда, друзей, товарищей и милое дамское общество, въ которомъ я постоянно вращался. Понятно, поэтому, что я не очень торопился отъѣздомъ. Впрочемъ, я и не могъ скоро представиться министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко потому, что онъ, будучи большимъ формалистомъ, признавалъ Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству вошедшими, такъ сказать, въ законную силу не прежде, какъ по полученіи ихъ въ министерствѣ оффиціальнымъ путемъ, т. е. при «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», къ которымъ приказы прилагались для опубликованія и разсылки. Князю Чернышеву, напротивъ, я откланялся тотчасъ послѣ назначенія. Отпуская меня съ подобающимъ наставленіемъ, онъ, между прочимъ, сказалъ, что на меня, какъ на бывшаго чиновника Кавказскаго комитета, будутъ обращены всѣ взоры въ Тифлисѣ и вообще на Кавказѣ, а потому я долженъ отличаться примѣрнымъ усердіемъ къ службѣ, строгимъ исполненіемъ долга и заслуживать однѣ похвалы. Теперь, когда прошло болѣе 25-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Закавказскій край, могу, положа руку на сердце, сказать, что я довольно точно выполнилъ завѣтъ свѣтлѣйшаго князя Александра Ивановича, бывшаго верховнымъ моимъ начальникомъ во все время первоначальной моей службы въ Петербургѣ въ продолженіе 11-ти лѣтъ. Говорю такъ смѣло не только по собственному внутреннему сознанію, но и по отзывамъ, которые мнѣ случалось слышать отъ совершенно постороннихъ лицъ, бывавшихъ на Кавказѣ.

Кромѣ обыкновенныхъ сборовъ въ дальнюю дорогу, мнѣ, при переходѣ на службу въ отдаленный и малоизвѣстный край, предстояло еще познакомиться и съ новою должностью, на которую я былъ назначенъ, не будучи къ ней подготовленъ. Что меня особенно затрудняло, это отсутствіе положительнаго закона для дѣйствій казенной палаты по казначейской части и по контролю, который сосредоточивался тогда въ палатѣ для ревизіи всѣхъ учрежденій въ губерніи, какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Счетный уставъ тогда еще не былъ изданъ, и мнѣ пришлось собирать отдѣльныя правила, инструкціи, циркуляры и формы отчетности. Въ этомъ помогли мнѣ братья Кобылины, Андрей и Семенъ Михайловичи, бывшіе весьма извѣстными въ служебномъ мірѣ и самому государю начальниками отдѣленій въ департаментѣ государственнаго казначейства [1]).

Они указывали мнѣ все, что я долженъ былъ изучать, и къ нимъ я обращался за разъясненіемъ казавшагося мнѣ, при первомъ чтеніи, неяснымъ въ казначейской инструкціи или формахъ отчетности; для практики же я ходилъ въ Петербургскую казенную палату и уѣздное казначейство. Такъ тщательно готовился я къ новой должности, оставаясь еще въ Петербургѣ, съ тою цѣлію, чтобы не явиться передъ своими подчиненными въ Тифлисѣ совершеннымъ новичкомъ. При этомъ нужно сказать, что, по тогдашнему учрежденію казенныхъ палатъ, кругъ ихъ дѣйствій былъ весьма обширный, и потому обязанность предсѣдателя трудная, не говоря уже объ установленномъ въ самомъ законѣ порядкѣ производства дѣлъ, по которому ни одна журнальная статья или исполнительная бумага не могла пройти безъ его предварительнаго просмотра и собственноручной отмѣтки или резолюціи на представленномъ проектѣ, который и подшивался къ дѣлу. Никакихъ перебѣленныхъ писарскою рукою отпусковъ въ дѣлѣ не допускалось. Подобный порядокъ дѣлопроизводства принятъ былъ только въ губернскихъ учрежденіяхъ царства Польскаго.

[1]) Ихъ неоднократно приглашали изъ разныхъ министерствъ на высшія должности, но графъ Канкринъ постоянно удерживалъ ихъ и, докладывая объ этомъ государю, испрашивалъ всякій разъ прибавку къ жалованью и почетныя награды. Оба они состояли давно въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣя по звѣздѣ, что въ то время было большою рѣдкостью.

Кромѣ этихъ служебныхъ занятій, я объѣзжалъ всѣхъ знакомыхъ, дѣлая прощальные визиты, и заканчивалъ день въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ меня особенно радушно принимали. Передъ самымъ же отъѣздомъ я хотѣлъ отблагодарить дамъ, въ обществѣ которыхъ такъ пріятно проводилъ время, и устроилъ для нихъ прощальный музыкально-танцовальный вечеръ, съ угощеніемъ и ужиномъ, въ особо нанятой залѣ, одной изъ тѣхъ, которыя отдаются обыкновенно для свадебныхъ обѣдовъ и вечеровъ. Танцовали, конечно, больше, чѣмъ музицировали; подъ самый же конецъ, послѣ ужина, я спѣлъ на прощанье извѣстный романсъ Глинки, съ хоромъ, на слова Кукольника:

„Прощайте, добрые друзья,
„Насъ жизнь раскинетъ вразсыпную,
„Все такъ, но гдѣ бы ни былъ я,
„А вспомню васъ и затоскую“ и проч.

Находясь въ пріятно-грустномъ настроеніи, я пѣлъ съ увлеченіемъ, не щадя своего молодаго и звучнаго голоса, а хоръ любителей, послѣ каждаго куплета, припѣвалъ: «ты правъ, пѣвецъ, да не совсѣмъ» и проч.

Черезъ нѣсколько дней я собрался, наконецъ, въ дорогу и выѣхалъ изъ Петербурга 30-го марта. Простившись съ матушкой, я усѣлся въ тарантасъ и, направляясь къ московской заставѣ по Обуховскому проспекту, завернулъ еще разъ къ Г. Ѳ. Гогелю, который занималъ тогда казенную квартиру въ домѣ института путей сообщенія, какъ помощникъ директора института. Въ эту должность онъ былъ назначенъ изъ капитановъ л.-гв. Волынскаго полка, по избранію вновь назначеннаго, при гр. Клейнмихелѣ, директоромъ института генералъ-маіора Энгельгардта, служившаго прежде въ томъ же полку и женившагося на старшей дочери вице-адмирала Степоваго, Елизаветѣ Михайловнѣ, сестрѣ m-me Гогель и m-me Яфимовичъ. Пробывъ у нихъ съ часъ времени въ пріятномъ обществѣ ежедневныхъ гостей, я въ 1-мъ часу морозной ночи покинулъ любимый Петербургъ на долго, на цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ.

Добрался я до Москвы, по-тогдашнему, довольно скоро, т. е. на третьи сутки; останавливался же на этомъ переѣздѣ только въ Нов-

городѣ, для ночлега отъ усталости, которую чувствовалъ послѣ всѣхъ въ день выѣзда изъ Петербурга хлопотъ и тревогъ, да еще часа на четыре въ Клину у моего лицейскаго товарища Мертваго [1]), о которомъ я упомянулъ выше. Въ Москвѣ я пробылъ три дня, пока чинился тарантасъ, и 6-го апрѣля отправился далѣе, заѣхавъ, около Серпухова, въ деревню къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Гогель, такъ какъ у меня были къ ней письма изъ Петербурга. Это жена Ивана Ивановича Гогеля, который не задолго передъ тѣмъ назначенъ былъ въ Тифлисъ же помощникомъ начальника главнаго штаба войскъ на Кавказѣ и доводился двоюроднымъ братомъ Григорію Ѳедоровичу Гогелю.

Въ Воронежѣ я нашелъ много знакомыхъ и, между ними, двухъ дѣвицъ Хотяинцевыхъ (уже не молодыхъ), которыя прежде жили въ Петербургѣ, пока не прожились, и были въ числѣ извѣстныхъ пѣвицъ-любительницъ. Пѣвалъ и я съ ними. Между прочимъ участвовали мы вмѣстѣ въ исполненіи всего «Stabat mater» Россини въ квартирѣ директора морскаго кадетскаго корпуса Римскаго-Корсакова, котораго жена, молодая и красивая дама, сама была дилеттанткой, имѣя небольшой, но очень пріятный, высокій soprano. Всѣхъ исполнявшихъ ораторію было двѣнадцать, по три на каждую партію, т. е. три сопрано, три контральто, три тенора и три баса. Хотяинцевы воспользовались моимъ пріѣздомъ и затѣяли концертъ съ баломъ въ залѣ Дворянскаго собранія въ пользу бѣдныхъ. Такъ какъ безъ morceaux d'ensemble нельзя было обойтись, то мы рѣшились исполнить извѣстную уже намъ интродукцію изъ «Stabat mater». Недоставало только баса, и тогда Хотяинцевы пригласили одного изъ мѣстныхъ молодыхъ людей, помѣщика Савельева, у котораго былъ изрядный баритонъ, но музыки онъ не зналъ вовсе, и много намъ стоило труда, чтобы сколько-нибудь подготовить его къ исполненію басовой партіи. Послѣ концерта открылся балъ, на которомъ и я отличался, танцуя, какъ говорится, лихо вальсъ à deux temps и польку tremblante. Собравшіеся губернскіе чи-

---

[1]) Дмитрій Дмитріевичъ Мертваго, послѣ отставки, былъ въ Москвѣ предсѣдателемъ гражданской палаты, а потомъ оберъ-прокуроромъ въ 7-мъ д-тѣ правительствующаго сената и умеръ въ шестидесятыхъ годахъ.

повники вѣрить не хотѣли, чтобы передъ ними былъ настоящій предсѣдатель, и принимали меня за самозванца въ родѣ гоголевскаго Хлестакова. Дѣйствительно, я былъ тогда молодъ (31 года), а на видъ казался еще моложе, между тѣмъ, какъ предсѣдателемъ казенной палаты назначался обыкновенно человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и оставался въ этой должности, пока не прогонятъ, до конца жизни. То были въ великороссійскихъ губерніяхъ блаженныя времена, когда откупъ выплачивалъ губернатору и предсѣдателю казенной палаты, въ видѣ жалованія, отъ 10 до 12 тысячъ руб. въ годъ за то только, чтобы они не придирались и смотрѣли сквозь пальцы на продажу водки пополамъ съ водой и въ неурочное время дня и ночи.

Въ Воронежѣ я пробылъ такимъ образомъ 6 дней и стоялъ въ отличной гостиницѣ Шванвича, который былъ женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Тулиновой, сестрѣ извѣстнаго всему Петербургу по своимъ странностямъ богача, умершаго за границей въ 1884 году. Въ той же гостиницѣ помѣщался дворянскій клубъ, въ который собирались и дамы одинъ или два раза въ недѣлю.

Скорому путешествію моему отъ Воронежа препятствовали, главнымъ образомъ, переправы во время самаго большаго разлива рѣкъ, особенно въ Аксаѣ черезъ Донъ, гдѣ мнѣ пришлось плыть на баркасѣ болѣе 12 верстъ. Наконецъ я добрался до Ставрополя и, запасшись, по обыкновенію, ружьемъ, двигался уже оттуда съ конвоемъ. Изъ Георгіевска я сдѣлалъ лишнихъ 35 верстъ въ сторону и заѣхалъ въ Пятигорскъ собственно изъ любопытства взглянуть на знаменитые минеральные источники. Я предвидѣлъ, конечно, что они мнѣ понадобятся для изгнанія всякой дряни, какою пичкали меня петербургскіе доктора при лѣченіи отъ простой и самой невинной сыпи; но могъ ли я предугадать, что̀ случится со мною въ Пятигорскѣ и такъ скоро, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ перемѣщенія моего изъ столицы на Кавказъ?.. Я пріѣхалъ уже къ вечеру и, переночевавъ въ какой-то плохой гостиницѣ, прошелся по горамъ, осмотрѣлъ Ермоловскія ванны, Михайловскій источникъ и, опять черезъ Георгіевскъ, отправился далѣе, пріѣхавъ въ тотъ же день въ Екатериноградъ (117 верстъ отъ Пятигорска). Далѣе, на разстояніи ста верстъ, проѣздъ становился опаснымъ,

такъ что, послѣ 5 часовъ дня, никого не выпускали изъ станицы и не давали почтовыхъ лошадей, отъ чего я во Владикавказъ прибылъ только на третій день; тутъ же случилась опять остановка, впрочемъ, совершенно случайная. Ожидали пріѣзда изъ Тифлиса главнокомандующаго, который направлялся на лѣто въ экспедицію и потому, кромѣ фельдъегерей и экстра-почты, никого не пропускали черезъ горы. Такимъ образомъ я пробылъ во Владикавказѣ 4 дня, проводя все время, начиная съ обѣда, у Алексѣя Петровича Опочинина, который стоялъ тутъ съ своей батареей [1]). Его милѣйшая жена, Варвара Яковлевна, урожденная княжна Орбельянъ, извѣстная болѣе подъ именемъ Бабали (уменьшительное грузинское имя, соотвѣтствующее нашему Варинька), была тогда еще молодая и красивая дама. У нихъ жила и сестра ея, Софія Яковлевна, вышедшая потомъ за князя Дмитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго, игравшаго впослѣдствіи такую важную роль при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, въ качествѣ его помощника по званію главнокомандующаго и намѣстника на Кавказѣ.

По пріѣздѣ князя М. С. Воронцова во Владикавказъ, я представился ему вмѣстѣ съ ожидавшими его главными и мѣстными начальниками. Въ тотъ же день намѣстникъ пригласилъ меня къ обѣду, черезъ сына своего князя Семена Михайловича или какъ его коротко называли prince Simon, бывшаго тогда еще камеръ-юнкеромъ и числившагося на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Извѣстна любезность князя Михаила Семеновича, какъ хозяина, и я былъ ею очарованъ. Тутъ за обѣдомъ я въ первый разъ видѣлъ М. П. Щербинина, В. П. Александровскаго и Э. С. Андреевскаго, три весьма извѣстныя въ свое время личности на Кавказѣ. Всѣ они сопровождали главнокомандующаго въ экспедицію противъ горцевъ: первый — въ званіи директора секретной и походной части канце-

---

[1]) Позже онъ командовалъ Тенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ и наконецъ, дослужившись въ должности тифлисскаго коменданта до чина полнаго генерала, умеръ въ нынѣшнемъ (1885) году. Братъ его, Владиміръ Петровичъ, служилъ по немъ, 18 мая, въ церкви Инженернаго замка панихиду, на которой и я былъ и встрѣтилъ тамъ старыхъ кавказскихъ сослуживцевъ: Рославлева, Властова, Черняева, кн. Трубецкаго и гр. Левашова съ женой. Послѣднюю я было не узналъ: такъ она за 20 лѣтъ перемѣнилась.

ляріи намѣстника [1]), второй—какъ чиновникъ особыхъ порученій, исполнявшій обязанности походнаго казначея, а третій — въ качествѣ домашняго доктора, хотя онъ числился по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ и вскорѣ потомъ былъ назначенъ управляющимъ медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ. Андреевскій былъ единственный человѣкъ, имѣвшій на Воронцова вліяніе, которымъ онъ позволялъ себѣ иногда пользоваться для своихъ личныхъ видовъ и выгодъ. Происходило это отъ того, что князь Михаилъ Семеновичъ, сильно заботившійся о своемъ здоровьѣ, вѣровалъ въ Андреевскаго, какъ доктора, безгранично и, подчиняясь всѣмъ его медицинскимъ требованіямъ, не могъ отказать ему и въ такихъ ходатайствахъ, которыя до него вовсе не касались. Такое вмѣшательство его въ чужія дѣла порождало разныя столкновенія, кончавшіяся обыкновенно не въ пользу тѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ борьбу. Князь Воронцовъ имѣлъ, впрочемъ, полное основаніе довѣрять Андреевскому, потому что онъ былъ дѣйствительно искусный врачъ, изучившій организмъ своего постояннаго паціента, и спасъ его, между прочимъ, отъ серьезной глазной операціи, которую собирался дѣлать извѣстный хирургъ Пироговъ, когда онъ былъ на Кавказѣ въ 1846 году. Глазъ у Воронцова такъ

[1]) Эта должность была учреждена, можно сказать, самимъ государемъ по слѣдующему случаю, бывшему въ 1845 или 1846 году, когда я служилъ въ канцеляріи Кавказскаго комитета, и потому хорошо мнѣ извѣстному. Разсматривая формуляръ Щербинина и замѣтивъ, что онъ показывается состоящимъ при намѣстникѣ и владѣетъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ въ 1.000 душъ, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ спросить: чѣмъ онъ занимается и какими средствами пріобрѣлъ столь значительное имѣніе. Въ поступившемъ на такой запросъ донесеніи объяснено было, что Щербининъ, получивъ въ наслѣдство общее родовое имѣніе, продалъ свою часть и на вырученныя деньги купилъ другое, которое и числится за нимъ, какъ благопріобрѣтенное; занятія же его состоятъ въ завѣдываніи, при разъѣздахъ главнокомандующаго, дѣлами по секретной походной части. Тогда послѣдовала Высочайшая резолюція о присвоеніи ему званія директора секретной и походной части канцеляріи намѣстника. Должность эта долго потомъ сохранялась, и первымъ послѣ Щербинина директоромъ походной канцеляріи былъ столь извѣстный на Кавказѣ, а нынѣ и всей Россіи, баронъ Александръ Павловичъ Николаи. Впрочемъ, о немъ я еще часто буду упоминать, если мнѣ удастся довести до конца настоящія воспоминанія. Когда же я пріѣхалъ на службу въ Тифлисъ, онъ былъ въ чинѣ надворнаго совѣтника, камеръ-юнкеромъ и занималъ должность младшаго чиновника особыхъ порученій при намѣстникѣ.

разболѣлся во время экспедиціи въ Дагестанѣ, что опасались за потерю зрѣнія, о чемъ начальникъ штаба Коцебу доносилъ государю. Но Андреевскій употребилъ какія-то меркуріальныя втиранія, и больной излѣчился радикально.

Наконецъ я тронулся изъ Владикавказа въ путь черезъ Кавказскій хребетъ и совершилъ этотъ трудный тогда переѣздъ по такъ называемой Военно-грузинской дорогѣ [1]), въ первыхъ числахъ мая, довольно благополучно, при ясной погодѣ. Жаль, что не сохранилось моихъ писемъ, въ которыхъ я описывалъ этотъ переѣздъ; теперь же воспроизвести тѣ впечатлѣнія и ощущенія, которыя я испытывалъ, вступая впервые въ Дарьяльское ущелье и поднимаясь на Гутъ-гору, — невозможно. Спустившись въ Квишеты, гдѣ имѣлъ свою штабъ-квартиру полковникъ Аваловъ, носившій довольно странный титулъ начальника горскихъ народовъ Тифлисской губерніи, я уже собственно прибылъ въ Закавказскій край, хотя настоящая Грузія или та часть ея, которая называлась Карталиніей, начинается нѣсколько дальше, примѣрно отъ Ананура верстъ за 60 передъ Тифлисомъ.

«Анануръ и за нимъ Душетъ,—два небольшихъ города, въ которыхъ выразился уже характеръ плодородной Грузіи, съ ея безпечнымъ населеніемъ, живущимъ подъ теплымъ небомъ: здѣсь уже встрѣчались тяжелыя неуклюжія двухколесныя арбы, запряженныя парой буйволовъ, еле-еле переставляющихъ ноги; загорѣлый, въ разстегнутой красной рубахѣ, съ черными кудрявыми волосами, погонщикъ, распѣвающій во всю здоровую глотку какую-то неуловимую мелодію, прерываемую гикомъ на животныхъ и хлопаньемъ кнута; женщины, укутанныя въ бѣлыя чадры (покрывала), въ кошахъ (туфли на высокихъ каблукахъ), поглядывающія исподлобья. Далѣе виноградные сады, фиговыя, персиковыя деревья;

---

[1]) Дорога эта въ самомъ трудномъ мѣстѣ отъ Казбека до Кайшаура или до самаго спуска въ Квишетахъ была разработана только при князѣ Барятинскомъ въ 1858 или 1859 году инженеромъ путей сообщенія Статковскимъ, и съ тѣхъ поръ переѣздъ через горы совершается легко по зигзагамъ прекраснаго шоссе, такъ что вы не чувствуете ни спусковъ, ни подъемовъ и не нуждаетесь въ употребленіи тормазовъ. А прежде, бывало, если съ разсвѣтомъ выѣдешь, напр., изъ Коби и къ вечеру доберешься до Кайшаура благополучно, т. е. сдѣлаешь всего 16 верстъ, то и слава Богу.

становится непомѣрно жарко, солнце палитъ, воздухъ какъ-то особенно сухъ, земля тверда, какъ камень, тряска и пыль невыносимы. Мцхетъ, древняя столица грузинскихъ царей, остался уже позади; переѣхалъ я по прекрасному мосту рѣку Куру у сліянія ея съ Арагвой; духаны (кабаки) стали умножаться, транспорты арбъ съ дровами, ословъ, навьюченныхъ корзинами съ зеленью, съ угольями, все болѣе и болѣе стѣсняютъ дорогу; все чаще попадаются верховыя женщины, сидя по-мужски, подъ большими зонтиками; иногда сзади мужчина на той же лошади, иногда же, напротивъ, мужчина въ сѣдлѣ, а женщина сзади, свѣсивъ ноги въ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ чулкахъ, держитъ въ рукахъ свои коши... Движеніе стало замѣтно увеличиваться, чувствуется близость большаго города, составляющаго цѣль долгаго путешествія. Поднявшись на небольшой холмъ, я увидѣлъ передъ собою огромную котловину со множествомъ сидящихъ другъ на другѣ строеній, съ быстрой рѣкой, разрѣзывающей эту картину; вдали, на высокомъ лѣвомъ берегу, большія бѣлыя зданія, очевидно, казенныя; далѣе неизмѣримая равнина, сливающаяся на горизонтѣ съ полосой высокаго хребта горъ. Еще спускъ мимо памятника, гдѣ императоръ Николай въ 1837 году упалъ изъ опрокинутаго испугавшимися лошадьми экипажа, переѣздъ черезъ рѣчку Веру, опять подъемъ — и я очутился въ Тифлисѣ» [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ

(къ стр. 108-й).

1845 года января 30. Высочайшій рескриптъ, данный на имя генералъ-адъютанта графа Воронцова.—О усиленіи правъ главноуправляющаго гражданскою частію на Кавказѣ (Полн. Собр. Зак., XX, № 18679).

---

[1]) Все это описаніе приближенія къ Тифлису и въѣзда въ городъ принадлежитъ не мнѣ, а талантливому перу Зиссермана, у котораго я заимствовалъ изъ его воспоминаній о Кавказѣ („Русск. Вѣстн.“, 1876 г., кн. III, стр. 60, 61), такъ какъ и Военно-грузинская дорога и г. Тифлисъ были въ 1847 году такими же, какъ и въ описываемое имъ время, т. е. въ 1842 году.

«Графъ Михаилъ Семеновичъ! Возложивъ на васъ, вмѣстѣ съ званіемъ Главнокомандующаго войсками на Кавказѣ, и главное начальство надъ гражданскою частью въ томъ краѣ, въ качествѣ Моего Намѣстника, находя нужнымъ для пользы службы усилить права, которыя донынѣ были даны Главноуправляющимъ гражданскою тамъ частію и въ полномъ довѣріи къ лицу вашему, повелѣваю: 1) къ общему составу гражданскаго на Кавказѣ управленія, въ высшемъ отношеніи, присоединить и область Кавказскую, и, на семъ основаніи, Кавказскому областному начальству, по всѣмъ дѣламъ, власть его превышающимъ, не обращаясь въ Министерства, входить къ вамъ съ представленіями. Затѣмъ отъ усмотрѣнія вашего, по прибытіи на мѣсто, будетъ зависѣть сообразить и представить на Мое утвержденіе: отмѣнить ли вовсе вліяніе на гражданское управленіе области Командующаго войсками на Кавказской линіи, или ограничить это вліяніе извѣстными предѣлами. 2) Всѣ тѣ дѣла, которыя, по существующему нынѣ порядку, представлялись отъ Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ на разрѣшеніе Министерствъ, предоставляется вамъ разрѣшать на мѣстѣ. Движеніе и разрѣшеніе дѣлъ законодательныхъ подчиняется порядку, нынѣ существующему. 3) Начальникъ гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ будетъ, вмѣсто васъ, постоянно предсѣдательствовать въ Совѣтѣ Главнаго Управленія. Вы опредѣлите на мѣстѣ, какія именно дѣла могутъ быть разрѣшаемы самимъ Совѣтомъ и по какимъ затѣмъ дѣламъ долженъ онъ испрашивать у васъ разрѣшеній. 4) Сверхъ того предоставляется вамъ, когда вы найдете нужнымъ, принимать на мѣстѣ всѣ мѣры, обстоятельствами требуемыя, донося прямо Мнѣ, какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о причинахъ, къ нимъ васъ побудившихъ.

«Открывая вамъ такимъ образомъ всѣ способы къ употребленію съ полною властію неусыпной дѣятельности вашей и многолѣтней опытности въ дѣлахъ государственнаго управленія на пользу края, вамъ ввѣреннаго, Я увѣренъ, что дѣйствія ваши и на семъ новомъ поприщѣ будутъ сопровождаться такими же успѣхами, какими донынѣ навсегда ознаменовалась долговременная, полезная Престолу и Отечеству, служба ваша».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки М. Я Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій (начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи) [2].

Въ половинѣ марта 1851 года обнаружилось болѣзненное состояніе разсудка начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, генерала Нестерова. Къ концу мѣсяца онъ уже — выражаясь словами солдатъ — «сильно чудилъ». За нимъ былъ учрежденъ самый бдительный тайный надзоръ, и въ крайнемъ случаѣ рѣшено было употребить силу.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта на письмо мое, посланное съ особымъ нарочнымъ въ Тифлисъ къ начальнику главнаго штаба Коцебу, въ которомъ въ подробности было изложено болѣзненное состояніе Нестерова и выставлены были нѣкоторыя особенно рѣзкія его продѣлки. Наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ полученъ. Павелъ Евстафьевичъ Коцебу писалъ, что, по болѣзни Нестерова, главнокомандующій назначилъ управлять лѣвымъ флангомъ князя А. И. Барятинскаго, который немедленно и выѣзжаетъ изъ Тифлиса.

Князь Александръ Ивановичъ прибылъ въ Грозную вечеромъ, въ великій четвергъ. Явившись къ Нестерову, онъ объявилъ ему, что князь Воронцовъ желаетъ его немедленно видѣть и переговорить

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1894 года, январь.

[2]) Этотъ отрывокъ изъ записокъ М. Я. Ольшевскаго былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ въ 1879 году, т. XXV, іюнь и іюль.

*

съ нимъ о чемъ-то важномъ. Петръ Петровичъ выѣхалъ изъ Грозной съ княземъ Барятинскимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ его проводитъ до Николаевскаго моста, откуда поѣдетъ въ Прикаспійскій край. На самомъ же дѣлѣ, онъ ночью возвратился въ Грозную и вступилъ въ управленіе флангомъ. Нестеровъ же, вмѣсто того, чтобы видѣться съ главнокомандующимъ, былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и скончался въ полномъ разстройствѣ своего разсудка.

Прежде чѣмъ коснусь изложенія военныхъ дѣйствій и важныхъ происшествій, случившихся въ двухлѣтнее управленіе князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ, опишу его жизнь, привычки, наклонности и характеръ. Это я считаю необходимымъ сдѣлать собственно для того, чтобы представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не такимъ, какъ на него многіе смотрѣли и ложно его понимали. Я считаю себя обязаннымъ это сдѣлать изъ уваженія къ личнымъ его качествамъ и достоинствамъ. Не знать князя Барятинскаго я не могъ, судя по тѣмъ близкимъ и долгимъ служебнымъ отношеніямъ, въ которыхъ я находился, какъ подчиненный.

За исключеніемъ экстренныхъ случаевъ и болѣзни, что случалось въ то время довольно рѣдко, князь Барятинскій къ девяти часамъ утра былъ уже одѣтъ въ форменный сюртукъ, въ которомъ онъ и оставался до полуночи. Съ девяти часовъ начинались служебныя занятія и продолжались до двухъ часовъ. Въ то время являлся воинскій начальникъ, представлялись пріѣзжавшія въ Грозную, по служебнымъ или собственнымъ дѣламъ, разныя лица, начинались доклады, подписывались бумаги.

Желая все знать, князь Александръ Ивановичъ требовалъ, чтобы ему обо всемъ докладывалось; но длинныхъ докладовъ не любилъ. Въ первые дни моей съ нимъ службы, я, желая показать мою точность, знаніе дѣла и края, сначала являлся къ нему съ подробными докладами о каждомъ дѣлѣ, но, когда замѣтилъ его нетерпѣніе при нѣкоторыхъ изъ нихъ и что другіе онъ прерывалъ, переходя къ постороннему разсказу, я перемѣнилъ систему докладовъ. Самыя сложныя дѣла я старался выражать въ сжатомъ видѣ съ моимъ мнѣніемъ и видѣлъ полный успѣхъ въ этомъ. Князь Барятинскій иногда не соглашался съ моимъ мнѣніемъ; иную бумагу оставлялъ безъ вниманія, прося перейти къ слѣдующей, или заводя разговоръ о постороннемъ предметѣ; иной же разъ, обладая хорошею памятью и зная край, о докладываемомъ предметѣ дѣлалъ самыя мѣткія и справедливыя замѣчанія, или разсказывалъ характеристику лица, о которомъ шла рѣчь. Если же случались такія бумаги, которыя по важности, сложности или запутанности своего содержанія, требовали размышленія, или заставляли колебаться,— онъ оставлялъ их у себя по нѣскольку дней. Такія бумаги онъ нѣсколько разъ перечитывалъ, требовалъ разныхъ справокъ и давалъ ихъ

считать такимъ лицамъ, отъ которыхъ надѣялся получить полезный совѣтъ. Слѣдовательно, несмотря на нетерпѣливость своего характера, онъ былъ остороженъ въ тѣхъ случахъ, гдѣ опасался быть опрометчивымъ или несправедливымъ. Такія бумаги возвращались имъ лично исполнителю съ словеснымъ мнѣніемъ, безъ резолюцій и замѣтокъ, которыхъ онъ избѣгалъ какъ потому, что вообще не любилъ писать, такъ и потому, что зналъ—какого труда будетъ стоить, чтобы ихъ разобрать. И, дѣйствительно, много времени тратилось на то, чтобы прочесть его письмо или резолюцію, сдѣланныя имъ въ его отсутствіе—такъ почеркъ былъ мелокъ и буквы неясны, несмотря на грамматическую правильность рѣчи.

Въ два часа князь Барятинскій обѣдалъ. Къ этому времени собирались въ столовой лица, прибывшія въ Грозную по дѣламъ и приглашенныя къ обѣду, а равно чины, принадлежащіе къ управленію лѣваго фланга и къ штабу 20-й пѣхотной дивизіи; не исключаемы были и переводчики чеченскаго и татарскаго языковъ, полагаемые по штату при начальникѣ лѣваго фланга. Такимъ образомъ, за столъ садилось ежедневно не менѣе двадцати человѣкъ.

Обѣдъ состоялъ, по обыкновенію, изъ четырехъ блюдъ, сытныхъ, вкусныхъ, но неизысканныхъ. Вино, налитое въ графины, было кахетинское или крымское—южнаго берега.

Послѣ обѣда всѣ расходились, или оставались на часъ-другой немногіе, по приглашенію. Въ это время подавали кофе и ликеръ.

По вечерамъ, около восьми часовъ, домъ князя опять наполнялся. Кто являлся по дѣламъ службы, а кто, по приглашенію, для составленія партіи въ ералашъ или на бильярдѣ; первые расходились послѣ чая, по окончаніи своихъ служебныхъ занятій; послѣдніе же оставляли князя послѣ ужина, иногда за-полночь Тутъ же, по вечерамъ, дѣлались самыя спѣшныя распоряженія, и разсылались нарочные по разнымъ направленіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, если отъ лазутчиковъ, являвшихся всегда съ наступленіемъ темноты, получались заслуживающія вниманія и вѣроятія свѣдѣнія о покушеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля. А въ то время были получаемы довольно часто такія свѣдѣнія, напримѣръ, что непріятель намѣревается угнать скотъ у такого-то укрѣпленія, или напасть на жителей, занимающихся полевыми работами у такой-то станицы, или сдѣлать засаду противъ нашихъ войскъ, посланныхъ въ такой-то лѣсъ за дровами.

Изъ всего сказаннаго оказывается, что обыкновенная жизнь князя Александра Ивановича въ Грозной была, дѣйствительно, обыкновенная и не отличалась ни роскошью, ни стѣснительными требованіями. Даже въ формѣ было облегченіе, потому что всѣ окружающіе его приходили къ нему безъ шашекъ. Онъ жилъ, какъ добрый начальникъ съ своими

подчиненными, которыхъ желалъ видѣть—какъ можно чаще, а въ экстренныхъ случаяхъ—имѣть исполнителей возлѣ себя.

Ни обѣдъ, ни вечеръ не были обязательны—каждый могъ располагать ими по своему желанію. Но, какъ онъ всегда спрашивалъ о тѣхъ, которые рѣже являлись къ обѣду или по вечерамъ, но которыхъ, между тѣмъ, онъ желалъ видѣть чаще,—то каждый и старался избѣгать этихъ вопросовъ.

Во время зимнихъ экспедицій и, вообще, военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, жизнь князя была еще проще, и онъ еще чаще видѣлся съ своими подчиненными. Самъ онъ помѣщался въ палаткѣ, подбитой сукномъ и немного больше офицерской. Для столовой разбивалась калмыцкая кибитка, и то въ такомъ только случаѣ, если предполагалось оставаться на одномъ мѣстѣ не менѣе двухъ сутокъ. Въ ней обѣдали, ужинали и пили чай—походный штабъ и всѣ состоящіе при князѣ и приглашаемые имъ, такъ что иной разъ садилось за столъ до тридцати человѣкъ. Несмотря на это, не было ни тѣсноты для сидящихъ за столомъ, ни бѣготни и суеты для прислуги, потому что все примѣнено было самымъ практическимъ образомъ къ походной жизни, какъ основанной на опытѣ. Вмѣсто четырехугольныхъ столовъ, было устроено нѣсколько такихъ складныхъ въ аршинъ шириною столиковъ, которые, будучи приставлены къ рѣшетчатымъ бокамъ кибитки, составляли такой же внутренній кругъ, какъ и основаніе кибитки. Такимъ образомъ, всѣ сидящіе за столомъ были обращены лицомъ къ бокамъ кибитки, а спиною къ центру. Не было ни стекла, ни фарфора или фаянса, а для обѣда и ужина употреблялся походный серебряный сервизъ князя, сдѣланный въ Англіи и сгорѣвшій въ 1856 году въ Тифлисѣ, вмѣстѣ съ караванъ-сараемъ Тамамшева, гдѣ онъ находился на сохраненіи.

За исключеніемъ щей или супа, прочія готовыя кушанья, которыхъ за обѣдомъ было три, а за ужиномъ два, заблаговременно ставились на столъ въ особенныхъ блюдахъ съ крышками и на канфоркахъ, подогрѣваемыхъ спиртомъ; по числу же кушаньевъ, передъ каждымъ ставилось столько же мелкихъ тарелокъ, ножей и вилокъ.

При такой предварительной сервировкѣ стола, достаточно было двухъ или трехъ человѣкъ прислуги, которые разнесли бы супъ или щи, да убрали бы послѣ каждаго кушанья тарелки. А это избавляло не только отъ излишней толкотни прислуги въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, какъ кибитка, но и двери были заперты, что̀, въ особенности, необходимо было соблюдать при сильномъ морозѣ и метели.

Все свободное отъ занятій время князь Александръ Ивановичъ любилъ проводить внѣ палатки, прогуливаясь къ кѣмъ-нибудь по лагерю или сидя у костра. Этому послѣднему удовольствію онъ, въ особен-

ности, любилъ предаваться послѣ обѣда и въ сумерки до ужина. И въ это время частенько раздавался смѣхъ и хохотъ отъ разсказаннаго имъ самимъ, или кѣмъ-нибудь другимъ, анекдота, или остраго словца. А князь любилъ пошутить и мастерски умѣлъ поразсказать, и самый обыкновенный случай представить въ смѣшномъ или забавномъ видѣ.

Случалось, что призывались къ костру и пѣсенники, и что смѣхъ и хохотъ, выражаясь по-просту, происходили или отъ выкинутаго колѣнца ложечника-плясуна, или отъ залихватскихъ пѣсенъ запѣвалы и всего хора. Случалось и такъ, что смѣхъ, хохотъ и пѣсни прерывались отъ полета пуль или просвистѣвшаго ядра, но не ради неожиданности, и тѣмъ болѣе страха, а оттого, что всякій ожидалъ приказанія или распоряженія начальника. Но такіе случаи, по опытности князя въ кавказской войнѣ, мало его безпокоили. Пошлетъ кого-нибудь изъ присутствующихъ узнать о случившемся—и все продолжается попрежнему.

Его мужество и личная храбрость хорошо извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ съ нимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; для тѣхъ же, кто его не зналъ, служатъ доказательствомъ—его раны. Первую тяжелую рану, въ животъ, онъ получилъ въ началѣ своей службы, вообще, и боевой на Кавказѣ. Это было въ 1834 году, когда предпринята была экспедиція къ Шапсугамъ, подъ начальствомъ Вельяминова [1]). Второй разъ онъ раненъ въ ногу при взятіи горы Азалъ-тау, въ экспедицію 1845 года съ графомъ Воронцовымъ. Князь былъ хладнокровно распорядителенъ, предпріимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ. Явнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ этому служитъ то, что войска, находившіяся подъ его начальствомъ, не были понапрасну тревожимы, или чтобы они подвергались частымъ безцѣльнымъ передвиженіямъ. Если же что-нибудь предпринималось, то оканчивалось всегда полнымъ успѣхомъ и пораженіемъ непріятеля—слѣдовательно, совершалось неторопливо и вполнѣ обдуманно. Примѣромъ служатъ: движеніе нашихъ войскъ на Автурскія поля въ іюнѣ 1851-го года, проходъ по Большой Чечнѣ въ 1852 году и занятіе Мичика въ 1853 году. Все это было совершено съ весьма незначительной для насъ потерей, но было важно въ смыслѣ потрясенія власти Шамиля [2]).

---

[1]) Барятинскій глубоко уважалъ и по-своему боготворилъ Вельяминова; князь многое заимствовалъ изъ кавказской опытности этого замѣчательнаго дѣятеля и сподвижника Ермолова.

[2]) По мнѣнію многихъ сослуживцевъ кн. Барятинскаго—это были первые шаги князя Александра Ивановича на пути къ исполненію зрѣло обдуманнаго и всесторонне разработаннаго имъ плана совершеннаго покоренія восточнаго Кавказа.

Князь Барятинскій, будучи предпріимчивъ и твердъ въ своихъ предположеніяхъ, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и остороженъ. Осторожность его, въ особенности, замѣтна была при разспросахъ о той мѣстности, по которой нужно было проходить. Онъ хорошо зналъ на опытѣ, какія важныя препятствія представляетъ природа въ кавказской войнѣ, и сколь часто самыя лучшія соображенія разрушались объ эти преграды. И такая осторожность тѣмъ болѣе замѣчательна, что отъ природы онъ былъ нетерпѣливъ.

Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о непріятелѣ и мѣстности, нужно было не только имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ и проводниковъ, но и умѣть ихъ хорошо разспросить. Черезъ деньги достигалось первое, черезъ умѣнье—послѣднее. Слѣдствіемъ же соединенія и того и другаго въ одно цѣлое—былъ постоянный успѣхъ, во вредъ непріятелю. Во время двухъ-лѣтняго управленія князя Барятинскаго лѣвымъ флангомъ не было такого случая, гдѣ бы непріятель, хотя маломальски, торжествовалъ, а напротивъ несъ пораженія на каждомъ шагу. Если же Шамиль и началъ терять обаяніе во мнѣніи чеченцевъ, то именно съ этого времени.

Никто другой,—какъ князь Барятинскій, свергнулъ Шамиля съ вершинъ Кавказа и заточилъ въ Калугу. Онъ былъ единственнымъ главнымъ дѣятелемъ въ умиротвореніи Кавказа. Но я вовсе не намѣренъ исключительно восхвалять князя Барятинскаго и обращаюсь къ его слабостямъ и недостаткамъ, хотя, по истинѣ сказать, мнѣ не хотѣлось бы о нихъ говорить. Въ этомъ случаѣ, любовь и уваженіе къ человѣку, о которомъ я теперь говорю, борятся съ безпристрастіемъ и справедливостью, столь присущими тому историческому изданію, на страницахъ котораго помѣщаю я эти записки.

Будучи по рожденію и воспитанію аристократомъ, князь Александръ Ивановичъ хотя старался отречься отъ привычекъ, слабостей и недостатковъ, укоренившихся вслѣдствіе воспитанія, но не могъ вполнѣ достигнуть этого. Такъ онъ часто говорилъ, что не любитъ маменькиныхъ сынковъ, бабушкиныхъ внучковъ и тетушкиныхъ племянничковъ, а покровительствуетъ чисто заслугамъ и уму; но на дѣлѣ не всегда такъ исполнялъ. Не одинъ полкъ получили на Кавказѣ такія личности, которыя ни по заслугамъ, ни по уму не заслуживали этого, которыя вовсе не понимали нуждъ, требованій солдата, какъ никогда не служившія во фронтѣ, которыя чуждались солдата и во время своего командованія.

Кто большею частію были адъютанты князя и состоящіе при немъ, какъ не личности, которымъ ничего нельзя было поручить, потому что напутаютъ и надѣлаютъ чепухи, а между тѣмъ кто, какъ не они, получая чины и отличія въ дѣлахъ съ непріятелемъ, чаще всего получали выс-

шія назначенія. Это дѣлалось не всегда ради просьбъ матушекъ, бабушекъ и тетушекъ, а иной разъ и изъ тщеславія. Какимъ образомъ будутъ окружать его люди, хотя умные, но безъ приличныхъ манеръ, не говорящіе по-французски; какимъ образомъ не быть между ними графамъ и князьямъ, хотя бездарнымъ, но все же сіятельнымъ. Вѣдь много такихъ случаевъ, гдѣ отъ адъютанта требуются только наружный лоскъ и знаніе иностранныхъ языковъ. Вѣдь и самому князю приходило иногда желаніе провести время по-аристократически и поболтать по-французски. Согласенъ; зачѣмъ было лишать удовольствія окружить себя такими образованными и милыми людьми. Но зачѣмъ было назначать ихъ полковыми командирами и давать имъ такія мѣста, занимая которыя, они были болѣе вредными, нежели полезными слугами.

Князя Барятинскаго нельзя было назвать надменнымъ аристократомъ; пожалуй, онъ не былъ и большимъ гордецомъ; но онъ былъ самолюбивъ и слабъ къ лести, отъ чего люди вообще не изъяты. Выслушивалъ и правду, но только, если она не задѣвала его самолюбія. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ иногда мелоченъ. Его, иной разъ, задѣвали такія вещи, на которыя другой вовсе не обратилъ бы вниманія. А въ такихъ случаяхъ, своею важностію, невниманіемъ и холодностію умѣлъ озадачить и дать понять свое величіе и ничтожество того, которому онъ давалъ понять свое неудовольствіе. Князь никогда не обижалъ, а тѣмъ болѣе не оскорблялъ словами, потому что никогда не горячился и не выходилъ изъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ умѣлъ мастерски владѣть собою, и неудовольствіе его выражалось краснотой лица и хмуреніемъ бровей. Къ чести князя необходимо также сказать, что онъ былъ незлопамятенъ: неудовольствіе и гнѣвъ скоро проходили и забывались имъ. Самолюбіе дѣлало его, иной разъ, некстати упрямымъ, напримѣръ, въ мнѣніяхъ своихъ о людяхъ. Составивъ себѣ хорошее или дурное мнѣніе о комъ-нибудь, онъ, хотя и видѣлъ, что ошибается, но не сознавался въ этомъ и продолжалъ обращаться по-прежнему, ласково и привѣтливо, или холодно и невнимательно.

Про князя Александра Ивановича говорилось много несправедливаго, незаслуженнаго и даже обиднаго. Одни говорили изъ зависти, другіе изъ неудовольствія, третьи изъ страсти поболтать и посплетничать. Такъ, напримѣръ, выставляли его лѣнивымъ сибаритомъ, дурнымъ администраторомъ. Но все это сущая ложь. Что онъ не былъ лѣнивъ, а тѣмъ болѣе не былъ сибаритомъ, это доказываютъ зимнія экспедиціи, продолжавшіяся по два и болѣе мѣсяца, и всегда производившіяся подъ личнымъ его начальствомъ. Жизнь его въ отрядѣ, какъ видно изъ сдѣланнаго выше очерка, была простая и обыкновенная, и если былъ излишекъ, то дѣлался не ради его личныхъ удобствъ, а для другихъ.

Дѣятельность же его, напротивъ, была огромна. Онъ вставалъ очень рано, почти ежедневно по нѣскольку часовъ не сходилъ съ коня; а при большихъ движеніяхъ случалось, что и сутки проводилъ на сѣдлѣ; часто и продолжительно бесѣдовалъ онъ съ лазутчиками, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималось что-нибудь рѣшительное. И при всемъ этомъ, онъ не оставлялъ безъ вниманія текущихъ дѣлъ и переписки.

Князь Барятинскій многаго не понималъ въ администраціи, съ той точки зрѣнія, какъ мы привыкли смотрѣть на нее; а тѣмъ болѣе онъ не могъ быть рутинеромъ-бюрократомъ, что̀, по нашимъ понятіямъ, должно сосредоточиваться въ администраторѣ и чѣмъ оцѣниваются его достоинства. Князь не умѣлъ пересмотрѣть и разобрать сложнаго дѣла, не могъ составить форменной бумаги, какъ истый бюрократъ, потому что это пріобрѣтается временемъ и практикой, а онъ никогда не занимался канцелярскимъ дѣломъ. Да и нужно ли это знаніе въ высшихъ административныхъ инстанціяхъ? Не ошибаются ли, наоборотъ, тѣ государственные люди, которые часы проводятъ въ кабинетныхъ занятіяхъ, надъ исправленіемъ бумагъ и разсмотрѣніемъ пустыхъ дѣлъ? Вѣдь черезъ это невольно упускаются изъ виду болѣе важныя дѣла. Такой администраторъ, который, изъ недовѣрія или изъ страсти къ бюрократизму, обращаетъ много вниманія на редакцію бумагъ и тому подобное,—болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Онъ невольно отягощаетъ мелочами не только самого себя, но и другихъ. Для администратора достаточно яснаго взгляда на дѣло и правильнаго его направленія, а не мелочной, обидной провѣрки докладчика или щепетильнаго исправленія бумагъ. А князь не лишенъ былъ здраваго смысла и яснаго ума, въ особенности, что̀ касалось военнаго дѣла. Онъ зналъ и понималъ край, непріятеля, бытъ и нужды солдатъ—лучше многихъ другихъ.

Князя Барятинскаго выставляли отъявленнымъ волокитой, нарушавшимъ спокойствіе и семейное счастіе своихъ подчиненныхъ, награждавшимъ мужей за женъ, утопавшимъ, ради женщинъ, въ оргіяхъ и удовольствіяхъ. Въ этомъ тоже мало правды. Странно было бы съ моей стороны, еслибы я силился доказать, что онъ не любилъ женщинъ, и что женщины, въ свою очередь, не любили его за его красоту, ловкость, любезность, щедрость. Но не было того, чтобы онъ растлѣвалъ нравы и порождалъ соблазнъ между своими подчиненными. Всѣ подчиненные, когда онъ былъ полковымъ командиромъ и начальникомъ лѣваго фланга, положительно засвидѣтельствуютъ, что не было такого скандальнаго случая, чтобы нарушено было имъ спокойствіе и семейное счастіе подчиненнаго, а слѣдовательно, не было причины награждать мужей за женъ. Такого сближенія съ подчиненными онъ не дозволилъ бы себѣ по гордости и самолюбію. Притомъ мнѣ не разъ приходи-

лось слышать отъ него самого, какъ имъ всегда обвинялся тотъ начальникъ, который замѣшивался въ женскихъ интригахъ съ подчиненными. Не было и того, чтобы онъ, ради женщинъ, предавался непомѣрнымъ удовольствіямъ. Изъ грозненскихъ дамъ у него никто не бывалъ, и только раза два гостили у него по нѣскольку дней Опочинины и Ивановы, да прожила около недѣли извѣстная віолончелистка Христіани, которая, при всей своей любезности и веселости, не могла заинтересовать собой, потому что была не молода и довольно безобразна.

Кромѣ сдѣланнаго мною общаго очерка образа жизни, характера, привычекъ и наклонностей князя Барятинскаго, я буду стараться говорить о томъ же и впослѣдствіи, где только это будетъ возможно и кстати.

VII.

Зимняя экспедиція князя Барятинскаго въ 1852 году.

Зимняя экспедиція 1852-го года не отличалась отъ предшествовавшихъ экспедицій ни предварительнымъ заготовленіемъ въ Воздвиженской сѣна, продовольствія, снарядовъ и патроновъ, ни составомъ отряда по числу баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и орудій. Зато измѣнились самыя дѣйствія. Отрядъ уже не ограничивается посылкой колоннъ изъ лагеря для рубки лѣса и отраженіемъ нападеній непріятеля во время такихъ работъ, а періодически переходитъ и самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Простоявъ на Аргунѣ восемь сутокъ и произведя съ незначительной перестрѣлкой нѣсколько рубокъ, по направленію къ Шали и Герменчуку, отрядъ, 14-го января 1852 г., передвигается на Джалку, гдѣ еще нѣсколько дней продолжаетъ рубить лѣсъ впереди этой рѣки. Несмотря на такія дѣйствія, угрожающія населенію Большой Чечни, непріятель дерется слабѣе прошлыхъ лѣтъ. Сборъ его уже не такъ многочисленъ. Шамиль уже не ободряетъ чеченцевъ и тавлинцевъ своимъ присутствіемъ, не требуетъ отъ нихъ клятвъ на стойкое сопротивленіе и не грозитъ смертію, въ случаѣ пораженія. Черезъ лазутчиковъ извѣстно, что имамъ собирается прибыть въ Автуръ, но что еще не выѣзжалъ изъ Веденя. Можетъ быть, непріятель не такъ охотно дерется и потому, что зима суровая, менѣе 15° по Реомюру не бываетъ. И дѣйствительно, холодъ большой, но погода ясная, сухая. Русскій человѣкъ не боится морозовъ, если онъ одѣтъ тепло, да сытно ѣстъ. Солдаты же имѣютъ полушубки, ѣдятъ ежедневно говядину и часто

пьютъ водку. Отрядъ расположенъ посреди лѣса,—слѣдовательно, пылаютъ частые и огромные костры. Вокругъ нихъ не только днемъ, но и ночью, смѣхъ, говоръ, потому что большой морозъ не позволяетъ оставаться долго въ палаткѣ. Будучи одѣтъ въ овчинное пальто, мѣховые сапоги и покрытъ енотовой шубой,—да и то, бывало, выбѣжишь раза два-три въ продолженіе ночи погрѣться возлѣ костра. Гдѣ же солдатику вылежать всю ночь въ полушубкѣ и шинели, но безъ теплыхъ сапогъ, и не прибѣгнуть къ отрадному, спасительному костру.

20-го января вечеромъ назначено было ночное движеніе пяти баталіонамъ кабардинцевъ и куринцевъ и двумъ ротамъ Эриванскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Майделя [1]), всей кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Крюковскаго, и десяти орудіямъ. Всѣ эти войска должны были выступить на-легкѣ, съ патронными ящиками, имѣя по одной повозкѣ на роту, эскадронъ и сотню; продовольствія имѣть для людей и лошадей на двое сутокъ. Всѣ знали, что идемъ впередъ, но куда именно — неизвѣстно. Передъ выступленіемъ, палатки всего отряда должны быть сняты, тяжести уложены, и остающіяся войска должны отступить на Аргунъ, гдѣ и расположиться лагеремъ на мѣстѣ, занятомъ отрядомъ шесть дней тому назадъ.

Въ десять часовъ отрядъ раздѣлился на двѣ части; большая его часть, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, переправилась черезъ Джалку; меньшая же начала отступленіе къ Аргуну.

Наступленіе производилось къ Автуру и Гельдигену. Эти два аула, отстоящіе отъ Джалки верстахъ въ 15—20, принадлежали къ самымъ богатымъ и населеннымъ Большой Чечни. Притомъ, въ Автурѣ находились склады продовольствія для андійцевъ, гумлетовцевъ, салатовцевъ и другихъ тавлинскихъ или дагестанскихъ обществъ, собранныхъ Шамилемъ для защиты Чечни. Тутъ же находились два орудія, изъ которыхъ непріятель изрѣдка пострѣливалъ, съ весьма дальней дистанціи, по войскамъ, высылавшимся на рубку лѣса. Сюда же ожидалось прибытіе изъ Веденя Шамиля. Слѣдовательно, занятіе и уничтоженіе этихъ двухъ ауловъ, въ особенности же Автура, было важно для насъ.

Проводникомъ былъ чеченецъ Бота, хорошо говорившій по-русски. Онъ былъ офицеромъ нашей милиціи, но въ 1844 году ушелъ къ Шамилю и былъ наибомъ мичиковскимъ, а потомъ опять перешелъ къ намъ. Хотя, по такимъ его дѣйствіямъ, не слѣдовало бы ему довѣряться, но князь Барятинскій обласкалъ его, купилъ ему домъ въ Грозной, осыпалъ его деньгами, обѣщалъ не забыть его и въ будущемъ.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, комендантъ Петропавловской крѣпости баронъ Е. И. Майдель умеръ въ 1881 году.

И Бота вполнѣ оправдалъ себя, и былъ весьма полезенъ, не только въ настоящей зимней экспедиціи, но и въ слѣдующихъ.

Движеніе отъ Джалки къ Автуру, по причинѣ мороза и знанія мѣстности Ботою, направлявшимъ такъ искусно войска, что они обходили всѣ встрѣчавшіеся на пути хутора,—было открыто непріятелемъ на разсвѣтѣ, когда мы начали подходить къ Хулхулау. По правую сторону этой незначительной въ зимнее время рѣки, на огромномъ возвышенномъ плато, окаймленномъ горами, покрытыми лѣсомъ, и былъ раскинутъ Автуръ.

Раздались сигнальные выстрѣлы и крики сторожевыхъ. Поднялась тревога въ аулѣ; женщины и дѣти спасались въ горы и лѣса; мужчины же спѣшили занять возвышенный правый берегъ Хулхулау. Но картечь разсѣяла эти толпы, и мы, съ самой незначительной потерей, заняли Автуръ и расположились въ немъ, не предавая его уничтоженію. Все имущество, за исключеніемъ унесеннаго жителями, находилось въ нашихъ рукахъ. Торопиться войскамъ истреблять сакли не было надобности, потому что имъ объявлено было, что они останутся тутъ ночевать, и все, что найдутъ въ нихъ, будетъ принадлежать имъ. Такъ какъ въ аулѣ найдено много скота, куръ, кукурузы и проса, то пиръ готовился на славу.

Но князь Барятинскій не думалъ еще объ отдыхѣ. Цѣль движенія еще не была вполнѣ достигнута. Впереди находился еще Гельдигенъ, который отстоялъ въ пяти верстахъ отъ Автура. Дорога вела къ нему хотя перелѣсками, но ровная и хорошая.

Для движенія къ Гельдигену было назначено изъ каждаго баталіона по двѣ роты, половина кавалеріи и шесть орудій; прочія же войска остались занимать Автуръ.

Наступленіе къ Гельдигену, оставленному жителями немедленно по полученіи извѣстія объ участи, постигшей автурцевъ, преданіе его огню и обратное движеніе къ Автуру—все это было совершено, съ незначительной перестрѣлкой, въ продолженіе четырехъ часовъ, такъ что къ полудню всѣ уже были въ Автурѣ, предаваясь полной роскоши, какую могъ представить богатый чеченскій аулъ. Солдаты наѣлись вдоволь говядины, баранины, куръ и пшеничной каши. Лошадямъ тоже было раздолье, потому что кромѣ овса, взятаго изъ лагеря, было много сѣна и кукурузы.

Перестрѣлка велась самая незначительная. Автурцы, ошеломленные потерею своего аула и имущества, еще не опомнились. Тавлинцы же и жители ближайшихъ хуторовъ занимались устройствомъ заваловъ и батарей на пути нашего отступленія.

На разсвѣтѣ 21-го января 1852 г., весь Автуръ запылалъ, а когда начало всходить солнце, то кавалерія съ четырьмя конными орудіями

находилась въ движеніи, вверхъ по Хулхулау. Густыя толпы пѣшаго непріятеля—бѣгомъ, конные—вскачь, оставивъ завалы, устроенные верстахъ въ пяти отъ Автура, спѣшили въ ущелье, чтобы занять входъ въ него.

Встрепенулся и Шамиль, прибывшій наканунѣ вечеромъ и ночевавшій у своего наиба Талгика. Вѣдь по Хулхулаускому ущелью вела дорога къ Веденю, отстоящему отъ Автура въ 25-ти верстахъ. Раздались выстрѣлы изъ двухъ непріятельскихъ орудій. Огромныя массы непріятеля толпились спереди и съ правой стороны. Этого было достаточно, потому что намъ только нужно было отвлечь непріятеля отъ той дороги, по которой слѣдовало проходить. Такъ какъ движеніемъ кавалеріи желаемая цѣль была достигнута, конница начала быстро отступать, и когда присоединилась къ пѣхотѣ, то завалы были обойдены ею, а черезъ канавы переброшены мосты изъ бревенъ и досокъ, взятыхъ изъ Автура. Хотя непріятель поздно замѣтилъ, что онъ обманутъ и одураченъ, но гнѣвный и бѣснующійся Шамиль приказалъ своимъ наибамъ настойчиво преслѣдовать насъ кавалеріей.

Несмотря на то, что непріятель, устрашенный гнѣвомъ своего имама, рвался изъ всѣхъ силъ, несмотря на то, что онъ въ одномъ лѣсу успѣлъ предупредить насъ и, спѣшившись, съ остервенѣніемъ бросился въ шашки на наше лѣвое прикрытіе и арріергардъ,—мы возвратились въ лагерь къ тремъ часамъ съ небольшой потерей. Было три человѣка убитыхъ, да 25 раненыхъ.

По возвращеніи изъ Автура, отрядъ отдыхалъ въ продолженіе шести дней, и только одинъ разъ была послана усиленная колонна на рубку лѣса за Джалку.

27-го января утромъ были отправлены въ Воздвиженскую всѣ тяжести и половина палатокъ. Съ наступленіемъ же вечера, приказано было снять и остальныя палатки и быть въ полной готовности къ движенію, имѣя съ собою на четыре дня продовольствія. Всѣ полагали, что двинемся впередъ.

— Нашъ князь хочетъ добраться до Шамиля. Вотъ знатная будетъ пожива, когда возьмемъ Ведень—разсуждали между собою солдаты.

Но, вмѣсто движенія впередъ, отрядъ началъ переправляться чрезъ Аргунъ.

— Вишь ты, какъ князь-то хитро-мудро дѣйствуетъ,— продолжали разсуждать солдаты; и тогда только увѣрились, что двигаются въ противуположную сторону отъ Большой Чечни, когда увидѣли знакомую имъ Гойтинскую просѣку.

Отрядъ, за исключеніемъ шести ротъ куринцевъ, своднаго линейнаго баталіона, двухъ донскихъ сотенъ и четырехъ орудій, отправленныхъ въ Воздвиженскую и Грозную съ палатками,—перейдя Гойтин-

скій лѣсъ, повернулъ налѣво къ горамъ. Здѣсь, по верховьямъ Гойты, Мартана, Рошни и Гехи, въ горныхъ и лѣсныхъ трущобахъ, находилось множество хуторовъ, въ совокупности составлявшихъ населеніе болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячь семей.

Эти трудно-доступныя мѣста начали заселяться съ 1845 г., и, по мѣрѣ прорубки Гойтинскаго и Гехинскаго лѣсовъ, а также движенія нашихъ отрядовъ зимою съ 1846-го по 1848-й годъ подъ начальствомъ Фрейтага и Слѣпцова,—населеніе постоянно усиливалось новыми переселенцами изъ разныхъ ауловъ Малой Чечни и наконецъ дошло до настоящей цифры. Будучи защищено естественными преградами, это огромное населеніе жило тамъ безнаказанно, тогда какъ, въ свою очередь, оно часто безпокоило наши войска и мирныхъ чеченцевъ, жившихъ возлѣ укр. Урусъ-Мартанскаго, во время покосовъ, полевыхъ работъ и заготовленія дровъ. Небольшой гарнизонъ Урусъ-Мартана не могъ быть для нихъ опасенъ.

Чтобы нанести рѣшительный и окончательный ударъ этому населенію, необходимо было занять одновременно все пространство между верховьями Гойты и Гехи. Но для этого недостаточно было однихъ войскъ нашего отряда, а потому князь Барятинскій согласился дѣйствовать одновременно съ барономъ Вревскимъ, бывшимъ въ то время начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа. Баронъ Вревскій долженъ былъ дѣйствовать между Мартаномъ и Гехи, а нашъ отрядъ—между Гойтой и Мартаномъ.

Ночь, въ которую предпринято было движеніе къ верхнегойтинскимъ хуторамъ, хотя была менѣе морозна, чѣмъ та ночь, въ которую совершалось движеніе къ Автуру, но она была непріятнѣе по холодному вѣтру и рѣдкому туману, походящему на мглу. Не разъ пробѣгала дрожь по тѣлу, и вообще было какъ-то непріятно. Чѣмъ ближе подвигались мы къ предмету дѣйствія, тѣмъ туманъ становился сильнѣе, а вѣтеръ стихалъ. Проводники нѣсколько разъ сбивались съ пути, войска должны были останавливаться.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ остановился на возвышенности, но впереди ничего не было видно, хотя Бота увѣрялъ князя, что хутора находились передъ нами. Но вотъ началъ озаряться востокъ, а туманъ исчезать,—и впереди насъ представилось огромное гористое пространство, усѣянное множествомъ отдѣльныхъ сакель, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ срубленными деревьями, между которыми находились участки въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, засѣянныхъ кукурузою.

Влѣво, гдѣ мѣстность была болѣе изрыта балками и оврагами, и гдѣ населеніе было гуще, направлены были, подъ начальствомъ полковника Майделя съ дивизіономъ горныхъ орудій, четыре баталіона. Кавалерія, съ однимъ баталіономъ и орудіями, была двинута, подъ на-

чальствомъ Крюковскаго, вправо. Князь Барятинскій, съ двумя баталіонами, четырьмя орудіями и эскадрономъ драгунъ, остался на возвышеніи.

Четыре баталіона, посланные влѣво, исчезли въ балкахъ и оврагахъ, и только частая ружейная перестрѣлка и рѣдкіе орудійные выстрѣлы давали знать, что тамъ завязалось дѣло. Наконецъ, по удаляющимся выстрѣламъ можно было догадываться, что пѣхота быстро подвигается впередъ. И дѣйствительно, полковникъ Майдель дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ. Онъ съ быстротою и съ незначительною потерею занялъ огромное пространство съ юго-восточной стороны, предавая все истребленію, потому что непріятель не хотѣлъ сдаваться, но сопротивлялся, а, слѣдовательно, умиралъ.

Совсѣмъ другимъ образомъ начались дѣйствія кавалеріи. Вмѣсто того, чтобы обскакать хутора съ западной стороны, по мѣстности довольно открытой и ровной, мы видимъ, что часть ея несется между хуторами, и что за нею, какъ бы въ догонку, летитъ другая, большая часть.

— Не быть добру—вскрикиваетъ князь, направляя на-перерѣзъ 2-й баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка.

И дѣйствительно, слова князя, къ несчастію, оправдались. Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ съ извѣстіемъ переводчикъ Арцу, что много казаковъ перебито. Всѣ мы были поражены этою вѣстью; но болѣе всѣхъ былъ пораженъ князь не столько за отвѣтственность, сколько изъ любви и уваженія его къ Крюковскому.

— Драгуны, за мной!—крикнулъ онъ, ударяя плетью своего коня.

И драгуны, и всѣ окружавшіе помчались за нимъ. Но когда мы прискакали къ тому мѣсту, гдѣ лежали тѣла Крюковскаго, подполковника Полозова и еще нѣсколькихъ казаковъ, то непріятеля уже не было и не слышно было перестрѣлки; пылали только сакли, да валялось множество чеченскихъ труповъ. Эриванцы, драгуны и казаки отомстили за смерть своихъ собратій.

Этимъ печальнымъ эпизодомъ окончилось совершенное истребленіе верхне-гойтинскихъ хуторовъ, которые пылали повсемѣстно. Много погибло чеченцевъ, защищая своихъ женъ, дѣтей, имущество и жилища. Плѣнныхъ было мало, однѣ только женщины и дѣти, но скота и имущества захвачено достаточно. Не менѣе успѣшны были дѣйствія барона Вревскаго по Рошнѣ и Гехи. Несмотря на это, потеря наша, сравнительно съ другими дѣлами, была большая. Кромѣ Крюковскаго и Полозова, былъ убитъ сотникъ Дороховъ, виновникъ происшедшаго безпорядка, и 25 нижнихъ чиновъ—почти все казаки; да ранено до 80 человѣкъ—въ томъ числѣ наполовину казаковъ.

Сотникъ Владикавказскаго казачьяго полка Дороховъ былъ крайне

заносчивъ, вспыльчивъ и раздражителенъ. Два раза онъ былъ разжалованъ въ рядовые: одинъ за дуэль, на которой убилъ своего товарища, а другой разъ—за оскорбленіе начальника; былъ хорошо образованъ и много читалъ. Съ Крюковскимъ онъ былъ на товарищеской ногѣ; не знаю только, по какимъ причинамъ они были такъ близки между собою. Дороховъ былъ начальникомъ ракетной команды при кавалеріи. Крюковской приказалъ ему выѣхать на близъ-лежащую возвышенность и пустить по разнымъ направленіямъ нѣсколько ракетъ. Но когда онъ, или не понявъ приказанія, или неумѣстно увлекаясь, скрылся за указаннымъ возвышеніемъ, то Крюковской, приказавъ подполковнику Полозову слѣдовать за нимъ съ двумя сотнями, поскакалъ за Дороховымъ, но, вмѣсто того, чтобы остановить его, попалъ подъ залпъ выстрѣловъ десятка чеченцевъ, засѣвшихъ въ саклѣ и за заборомъ,—и вмѣстѣ съ Полозовымъ и еще нѣсколькими казаками—палъ мертвымъ. Виновникъ же этого безпорядка, Дороховъ, былъ найденъ съ девятью казаками ввѣренной ему команды, въ полу-верстѣ далѣе, голымъ и обезображеннымъ.

Тѣло Крюковскаго было отвезено въ станицу Екатериноградскую, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, какъ командиръ Горскаго полка, и было предано землѣ съ подобающею честію наказнаго атамана. Миръ праху твоему, добрый, честный и благородный человѣкъ!

На другой день отрядъ выступилъ изъ Урусъ-Мартана. Войска, принадлежавшія къ составу Воздвиженскаго гарнизона, направились въ эту крѣпость. Эриванцы, тенгинцы и навагинцы пошли прямымъ путемъ въ свои штабъ-квартиры на Сунженской линіи. Всѣ же остальные затѣмъ войска двинулись на отдыхъ въ Грозную. Но этотъ отдыхъ былъ непродолжителенъ. 1-го февраля 1852 г. отрядъ, въ составѣ восьми баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ и своднаго линейнаго дивизіона драгунъ, пяти сотенъ и четырнадцати орудій, переправившись чрезъ Аргунъ, не переходя Ханкале, у подножія восточной горы этого ущелья,—расположился лагеремъ на правомъ берегу этой рѣки, у бывшаго аула Берды-келя, съ тѣмъ, чтобы отъ него прорубиться на Джалку.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго избрать такое направленіе, была та, что это былъ кратчайшій путь къ Маюртупу и Мичику, слѣдовательно, пролегающій поперекъ всей Большой Чечни, притомъ болѣе удаленный отъ горъ и менѣе лѣсистый. Тутъ же, между Джалкой и Аргуномъ, толпилось значительное населеніе, которое полезно было заставить или принести намъ покорность, или удалиться въ горы. Кромѣ того расположеніе здѣсь отряда было выгодно и въ хозяйственномъ отношеніи, потому что Грозная, гдѣ находились главные военные и продовольственные склады и имѣлись огромные запасы сѣна, отстояла отъ Берды-келя только въ четырнадцати, а отъ Джалки въ

двадцати верстахъ. Только Аргунъ, и то вначалѣ, когда не были сдѣланы спуски и устроены мосты черезъ нѣсколько его рукавовъ, представлялъ нѣкоторыя затрудненія въ сообщеніи. Идущая же здѣсь чеченская арбяная дорога пролегала по мѣстности ровной и большею частію открытой.

Рубка лѣса сначала по Аргуну, а потомъ между этой рѣкой и Джалкой, производилась съ незначительной перестрѣлкой и преимущественно съ жителями окрестнаго населенія. Только наибъ Талгикъ съ значительной партіей и даже съ двумя орудіями покушался вначалѣ нѣсколько разъ препятствовать нашимъ работамъ. Но послѣ пораженія, нанесеннаго ему кабардинцами и нашей кавалеріей 8-го февраля, гдѣ онъ, будучи раненъ, едва не попался въ плѣнъ и не были захвачены орудія,—прекратились и эти покушенія непріятеля.

А потому войска наши, не встрѣчая сопротивленія со стороны чеченцевъ, несмотря на свой уменьшенный составъ, работали очень успѣшно. Хотя лѣсу было истреблено много, но безъ малѣйшаго изнуренія для отряда, потому что давались частые отдыхи. Притомъ и погода стояла постоянно хорошая. Дни были солнечные, теплые, тихіе. По ночамъ морозъ простирался не свыше восьми градусовъ по Реомюру.

Доказательствомъ тому, какъ покойна была наша лагерная стоянка и какъ прекрасна была погода,—служитъ то, что два раза на масляницѣ пріѣзжала, съ другими дамами, княгиня Воронцова къ своему мужу, командиру Куринскаго полка, чего нельзя было допустить прежде—и не столько по тревожному положенію лагеря, сколько по холодному времени.

10-го февраля 1852 г., прибыли съ Сунженской линіи въ отрядъ два баталіона тенгинцевъ, съ своимъ полковымъ командиромъ, генералъ-маіоромъ Веревкинымъ. Вслѣдъ затѣмъ, прибыли въ отрядъ четыре сотни Гребенскаго, Моздокскаго и Горскаго полковъ.

Такое усиленіе отряда заставляло каждаго предполагать что-нибудь особенное. Эти толки росли и разнообразились, еще и потому, что въ отрядъ прибылъ дивизіонъ горныхъ орудій, а саперы занимались устройствомъ двухъ складныхъ мостовъ, отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, и заготовленіемъ фашинъ. Но до 2-го марта отрядъ продолжалъ заниматься, по-прежнему, рубкой лѣса. Вечеромъ этого числа отдано было приказаніе снять палатки и уложить всѣ тяжести. Восемь баталіоновъ кабардинцевъ, куринцевъ, тенгинцевъ, рота саперъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ линейныхъ казаковъ, шестнадцать орудій, въ томъ числѣ по дивизіону конныхъ и горныхъ — должны были быть готовы къ выступленію съ полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и зарядовъ. Каждый солдатъ и казакъ долженъ былъ имѣть съ собою на четыре дня сухарей и по

фунту вареной говядины. Каждая рота, эскадронъ и сотня должны были взять по одной порожней, но съ хорошею упряжью, повозкѣ и имѣть съ собою опредѣленное число носилокъ, для раненыхъ и перевязочныя средства по положенію. Сверхъ того, на 50 транспортныхъ повозкахъ были уложены въ ящикахъ, привезенныхъ изъ Грозной, боевые заряды, патроны и ракеты, также два складныхъ моста для переправы черезъ канавы. Не была забыта походная аптека и фирбантъ. Въ полночь всѣ означенныя войска, такимъ образомъ снаряженныя, выступили изъ лагеря и двинулись по просѣкѣ на Джалку. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: баталіонъ куринцевъ, сводный линейный баталіонъ, два орудія, двѣ сотни дунайскихъ и сотня донскихъ казаковъ, переправившись на разсвѣтѣ съ тяжестями черезъ Аргунъ, должны были прибыть въ Грозную.

Воинскому начальнику этой крѣпости предписывалось: тяжести кабардинцевъ отправить черезъ Николаевскій и Шелкозаводскій мосты въ мѣста ихъ расположенія; ротные котлы съ недѣльной провизіей прочихъ войскъ направить, подъ особымъ прикрытіемъ, чрезъ Брагуны и Умаханъ-Юртъ, въ Куринское, съ тѣмъ, чтобы они прибыли туда не позже вечера другаго дня; палатки же и прочія тяжести этихъ послѣднихъ войскъ оставить въ Грозной до особаго распоряженія.

Сверхъ того, въ день выступленія отряда было послано особое предписаніе полковнику Бакланову въ Куринское. Ему предписывалось стянуть въ это укрѣпленіе изъ Герзель-аула и Хасавъ-Юрта такое число войскъ, чтобы онъ могъ выступить за Мичикъ, когда получитъ о томъ особое приказаніе, съ своимъ Донскимъ полкомъ, четырьмя конными орудіями, и ни въ какомъ случаѣ не менѣе, какъ съ шестью ротами пѣхоты.

Часа за два до разсвѣта мы переправились чрезъ Джалку, а съ восходомъ солнечнымъ, у аула Іомене, расположеннаго на канавѣ, проведенной изъ Хулхулау, той же самой рѣки, на которой находился и Автуръ—завязалась первая перестрѣлка съ одиночными всадниками.

Цѣль этого движенія была по преимуществу нравственная. Нужно было, наконецъ, доказать чеченцамъ, что наступило то время, когда мы можемъ пройти тамъ, гдѣ желаемъ, и что не помѣшаютъ этому никакія усилія и увѣренія Шамиля. Такъ, онъ увѣрялъ чеченцевъ, что не пропуститъ русскихъ въ Большую Чечню черезъ Шалинскій лѣсъ. Также точно онъ утѣшалъ ихъ послѣ разоренія Автура, что русскіе погибнутъ, если вторично перейдутъ Хулхулау. Въ утѣшеніе и успокоеніе чеченцевъ онъ напоминалъ имъ 1842-й и 1845-й годы. И легковѣрные чеченцы вѣрили ему. Но Шамиль дѣлалъ это собственно только для ободренія чеченцевъ; въ душѣ же сознавалъ, что ему не сладить съ русскими, потому что они, послѣ Ичкеринскаго и Даргинскаго походовъ,

сдѣлались, въ свою очередь, опытнѣе. Между тѣмъ, силы непріятеля отъ безпрерывныхъ и часто кровопролитныхъ боевъ постоянно слабѣли, тогда какъ наши не уменьшались, потому что постоянно пополнялись. Здѣсь, кстати, упомяну, прежде чѣмъ приступлю къ разсказу о двухъдневномъ проходѣ съ боемъ черезъ Большую Чечню,—объ отданномъ войскамъ княземъ Барятинскимъ особомъ приказаніи. Оно было основано какъ на сохраненіи большаго порядка въ войскахъ, такъ и на распоряженіи, сдѣланномъ самимъ Шамилемъ.

Приказаніе заключалось въ томъ, чтобы войска не занимались зажженіемъ, разореніемъ и грабежемъ сакель въ тѣхъ аулахъ, черезъ которые они будутъ проходить. «Грабежъ тѣмъ болѣе будетъ неумѣстенъ,—прибавлялось въ приказаніи,—что сакли будутъ пусты, потому что Шамиль, послѣ разоренія Автура, приказалъ жителямъ ближайшихъ къ отряду ауловъ хранить все имущество въ лѣсахъ».

И дѣйствительно, это приказаніе Шамиля, существовавшее и прежде, послѣ разоренія Автура, строго подтвердилось, и всѣ аулы, лежащіе по эту сторону Хулхулау, положительно были оставлены; да и по ту сторону этой рѣки нѣкоторые были брошены, а жители всѣхъ прочихъ были въ постоянной готовности къ спасенію въ близъ-лежащіе лѣса. Слѣдовательно, разгромъ Автура навелъ немалый всеобщій страхъ на чеченцевъ. И дѣйствительно, положеніе Чечни было жалко и ужасно. Но что же дѣлать: послѣдствія войны всегда одинаково безчеловѣчны и жестоки.

Первая встрѣча съ Шамилемъ, заблаговременно намъ подготовленная, была на Хулхулау. На переправѣ черезъ эту небольшую горную рѣку, затруднившую насъ не быстротой и глубиной, но шириной ложа и еще болѣе многими канавами, была открыта перекрестная и, по обыкновенію, отдаленная пальба изъ четырехъ орудій. Завязалась и сильная ружейная перестрѣлка съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ перелѣскахъ. Но переходъ былъ совершенъ съ незначительной потерей. Пѣшій непріятель былъ отброшенъ штыками, конный же, показавшійся въ значительномъ числѣ съ правой стороны, былъ опрокинутъ драгунами и казаками за Гельдигенъ.

Движеніе продолжалось. Но, не пройдя и двухъ верстъ отъ Хулхулау, отрядъ былъ остановленъ глубокой канавой, на которой не только были разобраны мосты, но и матеріалъ отъ нихъ былъ унесенъ, а берега обрыты отвѣсно. Однако, два складные моста, уложенные на транспортныхъ повозкахъ, немедленно были перекинуты черезъ канаву для переѣзда орудій и повозокъ, а для перехода войскъ были устроены саперами спуски, и не болѣе какъ черезъ часъ отрядъ уже былъ по ту сторону канавы.

Въ это время гремѣла перестрѣлка со всѣхъ сторонъ; въ особен-

ности, она была сильна въ арріергардѣ, гдѣ были куринцы, и въ лѣвомъ прикрытіи, занятомъ тенгинцами. Между тѣмъ непріятельскіе орудійные выстрѣлы пронизывали колонну и немало безпокоили фурлейтовъ и сидящихъ на повозкахъ раненыхъ, которыхъ значительно прибавилось.

У Кулишъ-Юрта, что̀ въ пяти верстахъ отъ Хулхулау, Шамиль, одновременно съ пѣхотой, засѣвшей въ лѣсу съ правой стороны, произвелъ нападеніе кавалеріей на авангардъ; но кабардинцы съ кавалеріей отразили его съ большимъ урономъ. Этимъ прекратился бой, такъ что остальныя семь верстъ до Маюртупа были пройдены съ ничтожной перестрѣлкой.

Маюртупъ, какъ и всѣ другіе аулы, мимо которыхъ намъ приходилось проходить, заблаговременно оставленный жителями, былъ занятъ нами съ наступленіемъ сумерекъ, безъ малѣйшаго сопротивленія. Здѣсь рѣшено было переночевать, и войска расположились вокругъ аула бивуакомъ.

Этотъ отдыхъ былъ необходимъ какъ для войскъ, такъ, въ особенности, для раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ оказалось 52 человѣка; да сверхъ того, было убито 4 человѣка.

Эта потеря могла считаться небольшою, если принять во вниманіе, что съ девяти часовъ и до четырехъ по-полудни, на протяженіи четырнадцати верстъ, войска должны были постоянно драться и неразъ прокладывать себѣ путь штыками и картечью. Такую незначительную потерю надо отнести къ неторопливому слѣдованію войскъ, правильному направленію боковыхъ прикрытій, всегда идущихъ въ надлежащемъ разстояніи, хорошему выбору позицій для артиллеріи и своевременному употребленію въ дѣло кавалеріи.

Спустя часа три послѣ прихода въ Маюртупъ столь огромнаго числа незваныхъ гостей, въ немъ все поуспокоилось и притихло. Послѣ 36 часовъ проведенныхъ безъ сна, и тридцативерстнаго похода, каждый нуждался въ отдыхѣ. Кто предавался сну въ саклѣ, кто подъ навѣсомъ, а кто возлѣ потухающаго костра. Успокоились напоенные, накормленные и перевязанные раненые. Только изрѣдка раздавались стоны тяжело-раненыхъ и ампутированныхъ, которыхъ было человѣкъ съ двѣнадцать. Въ особенности страдалъ сотникъ конно-казачьей артиллеріи Чуксѣевъ, которому раздробило ядромъ ногу.

Но бодрствовали еще долго—князь Барятинскій и походный штабъ, собиравшій разныя свѣдѣнія и дѣлавшій распоряженія о пополненіи зарядовъ и патроновъ.

Александръ Ивановичъ бесѣдовалъ съ лазутчиками и проводниками, а болѣе всего совѣщался съ Ботою. Тутъ же, у него въ саклѣ, изготовлялось въ двухъ экземплярахъ предписаніе полковнику Я. П. Ба-

кланову. Ему писалось, чтобы онъ съ тѣми войсками, о которыхъ упоминалось въ предписаніи, заблаговременно къ нему посланномъ,— двинулся за Мичикъ и, по первымъ выстрѣламъ, слѣдовалъ къ маюртупскому орѣшнику на соединеніе съ нами, у выхода изъ этого лѣса.

Предписаніе полковнику Бакланову заготовлялось въ двухъ экземплярахъ потому, что предполагалось послать въ укр. Куринское, отстоящее отъ Маюртупа верстахъ въ двадцати, двухъ надежныхъ чеченцевъ, разумѣется, за хорошую плату, по двумъ различнымъ направленіямъ. Это дѣлалось на всякій случай, для большей вѣрности. Еслибы не довелось доѣхать одному, то доѣдетъ другой. Но этого не случилось. Оба нарочные доѣхали до Куринскаго благополучно и своевременно, такъ что Баклановъ исполнилъ съ точностью все на него возложенное.

Ночлегъ въ Маюртупѣ, этомъ богатомъ и большомъ аулѣ, былъ проведенъ совершенно покойно. Ночь была хотя довольно холодная, но ясная. Чистое небо, озаренное лучами восходящаго солнца, предвѣщало такой же хорошій, теплый день, какъ и прошедшій. Съ разсвѣтомъ, безъ барабаннаго боя и трубныхъ звуковъ, войска начали выходить изъ аула и выстраиваться по обѣимъ сторонамъ Гудермеса, согласно составленной диспозиціи.

Вывезены были изъ аула перевязанные, напоенные чаемъ и накормленные раненые; а за ними везлись на отдѣльныхъ повозкахъ, которыхъ, по раздачѣ зарядовъ и патроновъ, было много свободныхъ,— и убитые, съ тѣмъ, чтобы ихъ предать вѣчному покою не на вражьей, а на своей землѣ. Наконецъ, выѣхалъ князь Барятинскій со штабомъ, а Маюртупъ не пылалъ, потому что не приказано было его жечь. Маюртупъ безмолвствовалъ, и мы оставляли его, какъ бы прощаясь съ невидимыми существами, гостепріимно насъ угостившими—такъ было въ немъ покойно и тихо, когда выступилъ изъ него арріергардъ. Однако, каждый понималъ, что это затишье передъ боевой бурей. Черезъ лазутчиковъ князь Барятинскій зналъ, что Шамиль готовитъ намъ кровавый сюрпризъ за Гудермесомъ, въ Маюртупскомъ лѣсу, извѣстномъ по въ немъ стойкому сопротивленію чеченцевъ еще со временъ Ермолова и Вельяминова.

— Если же русскіе не потерпятъ пораженія въ этомъ лѣсу, то мы ихъ поразимъ на Гонсолѣ и Мичикѣ, — такъ снова обнадеживалъ Шамиль чеченцевъ.

Сообразно съ этими свѣдѣніями, по переправѣ черезъ Гудермесъ, текущій здѣсь въ крутыхъ берегахъ, и по подъемѣ на правый его берегъ, по довольно хорошей арбяной дорогѣ,—отрядъ двинулся въ Маюртупскій лѣсъ. Три баталіона куринцевъ, съ четырьмя орудіями, составляли авангардъ и лѣвое прикрытіе; два же баталіона тенгинцевъ,

съ дивизіономъ горныхъ орудій, прикрывали справа. Этотъ лѣсъ начинался саженяхъ во ста отъ Гудермеса и тянулся версты на полторы. Тамъ, гдѣ росли большія чинары и дубъ, онъ былъ рѣдокъ, тамъ же, гдѣ росъ орѣшникъ, была чаща. Орѣшникомъ начинался и кончался лѣсъ; въ серединѣ же, гдѣ пролегала дорога, онъ былъ довольно рѣдокъ.

Куринцы и тенгинцы двинулись черезъ лѣсъ подъ непріятельскими выстрѣлами изъ четырехъ орудій, поставленныхъ на двухъ курганахъ, и, когда прикрытія окаймили съ обѣихъ сторонъ проходящую черезъ него дорогу, были двинуты повозки. Пальба изъ непріятельскихъ орудій, расположенныхъ на этотъ разъ довольно близко, участилась и была весьма мѣтка. Подгонять фурлейтовъ не было надобности, и переѣздъ повозокъ, несмотря на стоны и крики раненыхъ отъ толчковъ по корнямъ деревьевъ и частымъ выбоинамъ, былъ совершенъ весьма быстро къ авангарду, выходившему на чистое мѣсто, гдѣ уже ожидалъ Баклановъ, исполнившій въ точности данное ему приказаніе.

Еслибы съ такою же быстротою могъ пройти черезъ лѣсъ арріергардъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ при 4 орудіяхъ, бывшій подъ начальствомъ барона Николаи, и могли двигаться боковыя прикрытія, то мы совершили бы это движеніе съ самой незначительной потерей. Но огромныя массы пѣшаго непріятеля ударили сначала на тенгинцевъ, а потомъ на кабардинцевъ въ то время, когда двинулся обозъ.

Разсчетъ чеченцевъ былъ тотъ, чтобы, прорвавъ цѣпи, ворваться въ середину, какъ это не разъ удавалось имъ прежде, однако, на этотъ разъ, такой разсчетъ былъ совершенно неуспѣшенъ. Завязалась сильная перестрѣлка и рукопашная схватка у тенгинцевъ и кабардинцевъ. И тѣ и другіе молодецки выдержали напоръ непріятеля. Слѣдованіе кабардинцевъ черезъ лѣсъ перекатными цѣпями было превосходно; нужно было удивляться хладнокровію и стойкости, съ которыми встрѣчали непріятеля штыкъ и картечь заднихъ частей, когда переднія оставляли съ быстротою свои позиціи.

Хотя проходъ черезъ Маюртупскій лѣсъ удвоилъ нашу потерю, и, притомъ, раны большею частію были тяжелы, но онъ былъ славенъ для насъ и унизителенъ для Шамиля, потому что снова сильно поколебалъ его во мнѣніи чеченцевъ.

— Да мы гораздо больше нанесли бы вреда русскимъ на ночлегѣ въ Маюртупѣ, нежели теперь — говорили недовольные чеченцы.

Мы всѣ были рады соединенію съ Баклановымъ. Мы радовались не усиленію нашего отряда семью ротами, шестью сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, потому что и безъ того были самостоятельны и сильны, чтобы окончить предпринятый нами походъ черезъ Большую

Чечню; но всѣ знали, что Баклановъ и многіе изъ его казаковъ знаютъ трудную мѣстность, по которой намъ оставалось пройти до Куринскаго,—если не лучше, то не хуже самого Боты. А на этомъ десятиверстномъ разстояніи особенно трудными препятствіями считались Гонсолъ и Мичикъ.

О послѣдней изъ этихъ рѣчекъ я упоминалъ уже ранѣе и еще подробнѣе буду говорить о ней ниже. Что же касается Гонсола, притока Мичика, то хотя онъ протекалъ въ еще болѣе отвѣсныхъ и высокихъ берегахъ, нежели Мичикъ, но за то менѣе поросшихъ лѣсомъ. Слѣдовательно, обѣ эти рѣчки могли если не остановить, то затруднить наше движеніе.

Но переходъ черезъ Гонсолъ, противъ нашего ожиданія, былъ совершенъ безпрепятственно со стороны непріятеля. Были видны только огромныя его массы, тянувшіяся по подножію Черныхъ горъ отъ Маюртупа къ Мичику. По переправѣ черезъ Гонсолъ, около полудня, былъ данъ отдыхъ. Торопиться было нечего, потому что до Мичика оставалось не болѣе трехъ верстъ, да столько же отъ Мичика до Куринскаго. Солдаты поѣли сухарей съ чистой родниковой водицей, а у кого уцѣлѣла говядина, тотъ полакомился и ею; полежали на рыхломъ и быстро тающемъ отъ теплаго солнышка снѣгу. Кавалерія и артиллерія напоили и накормили своихъ лошадей остатками овса. Въ этотъ двухъ-часовой отдыхъ, значительная масса непріятельской кавалеріи собралась на ровномъ и открытомъ плато между Гонсоломъ и Мичикомъ. Съ движеніемъ отряда впередъ Бакланову приказано было произвести атаку кавалеріей. Два баталіона тенгинцевъ посланы для поддержки кавалеріи и на случай дѣла съ непріятельской пѣхотой, которая легко могла скрываться въ пересѣченныхъ мѣстахъ.

Атака была произведена съ свойственною Бакланову смѣлостію и стремительностью; непріятель былъ опрокинутъ и болѣе версты преслѣдуемъ драгунами, казаками и картечью изъ конныхъ орудій. Нѣсколько тѣлъ осталось на мѣстѣ атаки, и много лошадей бѣгало безъ сѣдоковъ. Эта молодецкая атака была причиной того, что Шамиль оборонялся на Мичикѣ весьма слабо и ограничился одной канонадой изъ орудій.

Наконецъ отрядъ, при лунномъ свѣтѣ, прибылъ въ Куринское и расположился бивуакомъ вокругъ этого укрѣпленія.

Первой заботой было удобно размѣстить и успокоить раненыхъ и контуженныхъ, которыхъ привезено было въ Куринское 143 человѣка; изъ нихъ треть—были ранены или сильно контужены ядрами и гранатами. Сверхъ того, 12 человѣкъ было убито.

Потеря, какъ видно, очень небольшая, даже, можно сказать, ничтожная, если принять во вниманіе двухъ-дневной бой съ многочисленнымъ

непріятелемъ. Да иной разъ взятіе аула обходилось намъ несравненно дороже, несмотря на то, что непріятеля было немного, да и орудій у него не было. Еще разъ повторяю, что это должно приписать обдуманному и неторопливому слѣдованію войскъ и своевременному и правильному употребленію ихъ въ бою.

Князь Барятинскій въ этомъ движеніи вполнѣ подтвердилъ свою опытность въ кавказской войнѣ и умѣнье управлять войсками во время боя. Каждый, начиная отъ старшаго подчиненнаго и до послѣдняго солдата, былъ увѣренъ, что съ княземъ не можетъ быть пораженія...

VIII.

Зимняя экспедиція князя Барятинскаго въ 1853 году на Мичикѣ.

Еще лѣтомъ 1852 года, передъ наступленіемъ покоса, было рѣшено княземъ Барятинскимъ, что будущая зимняя экспедиція будетъ производиться на Мичикѣ. По этой причинѣ въ Куринскомъ было заготовлено много экстреннаго сѣна. Въ это же укрѣпленіе къ концу года было свезено продовольствіе на два мѣсяца для 10-ти тысячъ человѣкъ; туда же доставленъ былъ изъ Грозной и Хасавъ-Юрта комплектъ готовыхъ боевыхъ зарядовъ на двадцать орудій и патроновъ по числу десяти баталіоновъ.

Зимнія военныя дѣйствія должны были начаться не позже половины января; а потому, 10-го числа, въ Куринскомъ сосредоточилось собственно для дѣйствій, не считая гарнизона этого укрѣпленія, десять баталіоновъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, шесть сотенъ казаковъ и двадцать шесть орудій.

Князь Барятинскій съ этими войсками, на разсвѣтѣ 12-го января, двинулся къ Исти-су, гдѣ, поднявшись на Качалыковскій хребетъ по арбяной дорогѣ, расположился лагеремъ на западной покатости, у бывшаго аула Хаби-Шавдана.

Переходъ черезъ хребетъ и занятіе лагернаго мѣста для отряда совершились съ незначительной перестрѣлкой и безъ потери для насъ. Хаби-Шавданъ, примыкавшій къ лѣвому фасу широко раскинутаго лагеря, отстоялъ отъ Мичика версты на полторы и находился отъ просѣки, уширеніемъ которой наши войска занимались въ 1850 году, верстахъ въ пяти.

Все разстояніе между лагеремъ и Мичикомъ было покрыто или густымъ орѣшникомъ, или остатками садовъ и сухаго бурьяна, росшаго на поляхъ, принадлежащихъ жителямъ бывшаго здѣсь аула. Со

всѣхъ же прочихъ сторонъ лагерь былъ окруженъ горами, глубокими оврагами и густымъ строевымъ лѣсомъ, преимущественно же чинаромъ и дубомъ. По оврагу, находящемуся съ лѣвой или южной стороны, протекалъ небольшой ручей Хаби-Шавданъ, именемъ котораго назывался и существовавшій здѣсь аулъ. Кромѣ того, здѣсь же находилось много родниковъ чистой, хорошей воды.

Коснусь причинъ, почему описываемая зимняя экспедиція была предпринята на Мичикъ, и почему путемъ дѣйствія было избрано это новое направленіе, а не старая дорога и просѣка.

Главная причина, побудившая князя Барятинскаго предпринять эту экспедицію на Мичикъ, была та, что пространство между этой рѣкой и Гудермесомъ было гуще населено сравнительно съ другими мѣстами Большой Чечни, и что мичиковцы часто безпокоили Кумыкскую плоскость своимъ хищничествомъ. А потому надо было заставить ихъ или переселиться въ наши предѣлы, или уйти въ горы. Если же князь не двинулся на Мичикъ по старой просѣкѣ, а, избравъ новое направленіе, расположился на Хаби-Шавданѣ, то этимъ руководили его, своего рода, благоразумныя соображенія.

Двинувшись по старой просѣкѣ, иначе нельзя было расположиться лагеремъ, какъ на Мичикѣ, потому что между этой рѣкой и Куринскимъ не было воды. Положимъ, что неожиданное занятіе Мичика и обошлось бы намъ безъ потери, но сообщеніе наше было бы небезопасно. Гористая же и лѣсистая мѣстность по ту сторону Мичика подвергала бы нашъ отрядъ постояннымъ тревогамъ и безнаказаннымъ выстрѣламъ изъ непріятельскихъ орудій. Притомъ, и вода въ Мичикѣ могла быть попорчена непріятелемъ, къ чему не разъ онъ прибѣгалъ, когда мы стояли лагеремъ, въ прошломъ году, на Бассѣ. Тогда какъ расположеніемъ у Хаби-Шавдана не только устранялись всѣ эти препятствія, но и былъ обойденъ Гонсолъ, впадавшій въ Мичикъ лѣвѣе лагеря. Между тѣмъ, отрядъ держалъ непріятеля постоянно въ угрожающемъ положеніи, будучи расположенъ лагеремъ и на этой позиціи. Первымъ дѣломъ отряда была вырубка лѣса позади лагеря и устройство, по возможности, лучшаго и удобнаго сообщенія съ Куринскимъ, откуда доставлялось все продовольствіе,—что и было достигнуто въ самое короткое время. Потомъ занялись уничтоженіемъ лѣса вправо и влѣво отъ лагеря.

Все это совершалось безпрепятственно, или съ самой ничтожной перестрѣлкой, мало причинявшей намъ вреда. Притомъ, и погода намъ благопріятствовала. Морозовъ сильныхъ, такихъ, какъ въ прошломъ году, не было, а между тѣмъ, не было большихъ и частыхъ тумановъ. Дни, большею частью, были теплые, солнечные. По ночамъ холодъ не

превышалъ десяти градусовъ. Отрядъ вполнѣ пользовался всѣми хозяйственными удобствами лагерной зимней стоянки.

Противъ нашего лагеря, за Мичикомъ, былъ собранъ многочисленный непріятель, состоявшій, по-прежнему, изъ чеченцевъ и тавлинцевъ.

Прибывшій изъ Веденя Шамиль, черезъ нѣсколько дней по нашемъ расположеніи на Хаби-Шавданѣ, былъ, противъ обыкновенія, ласковъ и привѣтливъ съ чеченцами. Въ бесѣдахъ съ ними, утѣшалъ ихъ и обѣщалъ помочь имъ отъ претерпѣнныхъ ими разореній и лишеній, если только они будутъ его слушаться и исполнять его приказанія. При этомъ не упустилъ случая по-прежнему увѣрять ихъ, что онъ не дозволитъ русскимъ перейти Мичикъ, если чеченцы храбро и стойко поддержатъ его.

И чеченцы, обвороженные небывалымъ ласковымъ обращеніемъ Шамиля, предали забвенію всѣ прошлыя невзгоды и были убѣждены въ справедливости его словъ.

— Нѣтъ, русскіе не могутъ перейти Мичикъ, говорили они, глядя на его высокіе и отвѣсные берега, которые, притомъ, были обрыты во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась малѣйшая возможность къ переправѣ.

Сверхъ того, чтобы занять умы чеченцевъ и заставить ихъ еще болѣе увѣриться въ невозможности перехода черезъ Мичикъ, Шамиль заставлялъ ихъ по ночамъ на лѣвомъ берегу строить завалы и земляныя укрѣпленія. Находившійся за Мичикомъ, противъ нашего лагеря, аулъ Гурдали былъ занятъ Шамилемъ, его сыномъ Казы-Магометомъ и приближенными мюридами.

Намъ простымъ глазомъ хорошо было видно, какъ Шамиль, пренебрегая на этотъ разъ даже этикетомъ, выходилъ на саклю для бесѣды съ собиравшимся народомъ, но всегда не одинъ, а окруженный нѣсколькими изъ своихъ мюридовъ, съ вынутыми изъ чахловъ винтовками. Намъ слышны были раздававшіеся въ честь его привѣтственные выстрѣлы. Даже разъ видно было въ зрительную трубу, какъ на томъ возвышеніи, на которомъ въ прошломъ году нанесено было Баклановымъ пораженіе непріятелю, училась кавалерія съ 4-мя орудіями, изъ которыхъ производилась пальба по лагерю и войскамъ, высылаемымъ впередъ и влѣво для вырубки орѣшника и садовъ.

Стрѣльба по лагерю была рѣдкая и почти для насъ безвредная. Только разъ, кажется, въ праздникъ Срѣтенія Господня, во время служенія литургіи въ походной церкви, огромный наметъ которой служилъ постоянною цѣлью для непріятеля, пролетѣвшее надъ головами молящихся ядро, при паденіи своемъ, убило одного куринца, да другаго сильно контузило.

За то непріятель ни разу не оставлялъ въ покоѣ войскъ, высылаемыхъ впередъ лагеря и влѣво, на Мичикъ, для вырубки орѣшника и садовъ, а равно, когда дѣло дошло до разрушенія заваловъ, начивая отъ впаденія Гонсола, вверхъ по Мичику.

Разскажу при этомъ о случившемся со мною происшествіи въ одну изъ такихъ рубокъ орѣшника и садовъ. 18-го февраля, въ то время, когда полковникъ Бажановъ съ двумя баталіонами тенгинцевъ и четырьмя орудіями выступилъ уже изъ лагеря на работу, лазутчики дали знать о намѣреніи непріятеля, пробравшагося въ верховья Мичика, сдѣлать нападеніе на рабочихъ. Поэтому я былъ посланъ княземъ Барятинскимъ предупредить объ этомъ полковника Бажанова и осмотрѣть работы.

Лошадь, на которой я поѣхалъ, была недавно куплена, весьма горяча и непривычна къ выстрѣламъ. Передавъ Бажанову все, что́ нужно было, я поѣхалъ впередъ. Въ это время летитъ ядро и въ нѣсколькихъ шагахъ дѣлаетъ рикошетъ. Лошадь моя дѣлаетъ огромный прыжокъ въ сторону, попадаетъ въ яму передними ногами, и я, отброшенный отъ нея на нѣсколько шаговъ, падаю безъ чувствъ на землю.

Въ моментъ моего паденія, всѣ окружавшіе думали, что я убитъ, но когда подняли и осмотрѣли меня, то убѣдились, что, кромѣ ушиба на щекѣ, нѣтъ другаго поврежденія, нѣтъ и сильной контузіи, отъ которой я могъ бы умереть.

Между тѣмъ, проходитъ нѣсколько минутъ, а я нахожусь въ безчувственномъ состояніи. Успѣлъ прискакать изъ лагеря докторъ Добротинъ, видѣвшій мое паденіе, и готовился уже пустить кровь; но въ это время я началъ говорить.

Спрашиваю: гдѣ мы? Мнѣ отвѣчаютъ, что на Мичикѣ. Ничего не помню—нѣтъ сознанія. Такъ прошло еще нѣсколько секундъ. Наконецъ, я пришелъ въ полное сознаніе и дошелъ до лагеря безъ предложенной мнѣ помощи, положительно отказавшись отъ настоянія докторовъ пустить мнѣ кровь.

Я былъ на-волосъ отъ смерти и, признаюсь, пріятно такъ умирать, потому что такая смерть мгновенна, нечувствительна и безъ малѣйшихъ страданій. Я остался невредимъ и годенъ для дальнѣйшей службы. Конь же мой, виновникъ моего паденія и причина этого разсказа и разсужденія, поступилъ въ число неспособныхъ, потому что вывихнулъ себѣ правую ногу...

...Февраль мѣсяцъ 1852 года приходилъ къ концу, а съ нимъ вмѣстѣ оканчивались рубка лѣса и разрушеніе заваловъ вверхъ по Мичику, къ старой просѣкѣ.

Шамиль, по-прежнему, жилъ въ Гурдали и, по-прежнему, показываясь на саклѣ, бесѣдовалъ съ чеченцами, и они еще болѣе утверди-

лись въ томъ мнѣніи, что мы не можемъ перейти Мичикъ, а слѣдовательно, сдѣлались самонадѣяннѣе, хвастливѣе—характеристичная черта всѣхъ мусульманскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что отрядъ покойно продолжалъ стоять лагеремъ на Хаби-Шавданѣ, пользуясь, по-прежнему, всѣми удобствами лагерной зимней стоянки. Только заготовленіе въ большомъ количествѣ складныхъ лѣстницъ, отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а также фашинъ и туровъ,—распространяли говоръ по отряду, что предстоитъ скорое взятіе Мичика.

Наступило 27-ое февраля—день новаго торжества князя Барятинскаго, новаго униженія Шамиля, новаго окончательнаго разочарованія и бѣдствій чеченцевъ.

Съ вечера полковникъ Баклановъ получилъ приказаніе отъ князя выступить изъ Куринскаго съ десятью сотнями казаковъ, эскадрономъ драгунъ, двумя баталіонами куринцевъ и шестью орудіями, по старой просѣкѣ, съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы на разсвѣтѣ быть за Мичикомъ.

Чтобы сохранить это движеніе въ возможной тайнѣ и чтобы даже передвиженіе войскъ не могло породить какихъ-либо толковъ и преждевременныхъ предположеній,—25-го февраля, то-есть за день до перехода черезъ Мичикъ, было отправлено шесть ротъ куринцевъ, эскадронъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и два орудія, съ прислугою, какъ очередныя для мытья въ банѣ. Утромъ же, наканунѣ штурма, выступила изъ отряда колонна за провіантомъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ казаковъ. Донской же полкъ Бакланова и четыре конно-казачьихъ орудія и до того времени, бо́льшею частью, находились въ укрѣпленіи Куринскомъ и на посту Карасинскомъ.

Переходъ черезъ Мичикъ съ меньшею для насъ потерею и нанесеніе непріятелю, по возможности, сильнаго пораженія—зависѣли, единственно, отъ скрытнаго и неожиданнаго появленія Бакланова за Мичикомъ. Если онъ будетъ открытъ до перехода черезъ эту рѣку, то орудійные выстрѣлы въ его колоннѣ будутъ служить сигналомъ къ движенію всего отряда за Мичикъ. Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ служить отвлеченіемъ для штурмующихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго.

Если же Баклановъ, съ ввѣренными ему войсками, достигнетъ Мичика, незамѣченный непріятелемъ, то, начавъ переправу черезъ эту рѣку, онъ долженъ извѣстить объ этомъ черезъ особаго нарочнаго, посланнаго кратчайшимъ путемъ.

Успѣхъ обходнаго движенія Бакланова былъ полный. Онъ не былъ открытъ непріятелемъ по эту сторону Мичика. Этому способствовалъ, отчасти, небольшой туманъ, а главное, небрежность и безпеч-

ность караульныхъ чеченцевъ, которые спали и были захвачены живьемъ безъ выстрѣла.

Между тѣмъ, въ отрядѣ на Хаби-Шавданѣ, за исключеніемъ одного баталіона и сотни казаковъ, оставляемыхъ въ лагерѣ, на разсвѣтѣ все было готово къ наступленію.

Артиллерійскія лошади запряжены, драгунскія осѣдланы, три баталіона кабардинцевъ и эриванскій гренадерскій баталіонъ снабжены штурмовыми лѣстницами, фашинами, турами, лопатами и кирками. Эти четыре баталіона съ дивизіономъ горныхъ орудій назначались, собственно, для перехода черезъ Мичикъ, у того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Гонсолъ.

Десять орудій съ двумя баталіонами тенгинцевъ и эскадрономъ драгунъ должны были расположиться по Мичику, правѣе штурмующей колонны и немедленно открыть пальбу по аулу Гурдали, а также обстрѣливать все пространство до Мичика. Когда штурмующія войска переправятся черезъ Мичикъ, то артиллерія направляетъ свои выстрѣлы сообразно съ дѣйствіемъ этихъ войскъ, стараясь обстрѣливать все впереди ихъ находящееся пространство. Тенгинцы же должны немедленно приступить къ устройству переправы противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ расположены. Съ нетерпѣніемъ ожидалось извѣстіе отъ Бакланова. Наконецъ, оно получено, и войска выступили изъ лагеря по диспозиціи.

Не вполнѣ разсѣявшійся туманъ скрывалъ наше движеніе изъ лагеря, а слѣдовательно, способствовалъ успѣху. Артиллерія съ тенгинцами и драгунами двинулась къ Мичику прямо: штурмующая колонна влѣво, къ устью Гонсола. Князь Барятинскій со штабомъ находился при кабардинцахъ.

Загремѣли наши орудія вправо, начался спускъ и эскалада лѣваго берега Мичика кабардинцами.

Въ это время непріятель не оставался въ бездѣйствіи. Когда Баклановъ началъ переправляться черезъ Мичикъ, а мы выступать изъ лагеря, въ непріятельскомъ станѣ раздались два орудійныхъ выстрѣла, которые были сигналомъ къ общей тревогѣ. Непріятельская кавалерія начала собираться, между Гонсоломъ и Мичикомъ, противъ Бакланова, пѣхота—занимать Гонсолъ и Мичикъ. Орудія сначала были двинуты за кавалеріей; но, потомъ, по приказанію Шамиля, были отвезены назадъ и оставались все время въ совершенномъ бездѣйствіи.

Бакланову легко было сладить съ непріятельской кавалеріей, потому что въ то время, когда она собралась въ значительномъ числѣ, переправа черезъ Мичикъ приходила къ концу. Произведенная имъ атака раздѣлила непріятеля на двѣ части, и тѣ, которые попали въ

уголъ между Гонсоломъ и Мичикомъ, были или изрублены, или, большею частью, расшиблись, бросаясь съ крутаго берега въ Гонсолъ.

Непріятельская пѣхота, поражаемая ядрами и гранатами изъ десяти орудій слѣва и картечью изъ четырехъ горныхъ орудій съ фронта, не выдержала и отступила къ Гурдали, и только сотня-другая чеченцевъ, засѣвшая за завалами, въ изгибахъ Мичика, поражала выстрѣлами кабардинцевъ, спускавшихся въ эту рѣку и эскаладировавшихъ лѣвый ея берегъ. Но и эти смѣльчаки обратились въ бѣгство, когда увидѣли пораженіе своей кавалеріи.

По окончаніи труднаго перехода черезъ Мичикъ кабардинцевъ и эриванцевъ и по соединеніи съ куринцами и казаками Бакланова, разъѣзжавшаго, на страхъ врагамъ, въ овчинномъ тулупѣ и мохнатой папахѣ,—произведено было наступленіе; но непріятеля уже не было ни въ Гурдали, ни въ лѣсу, находящемся позади этого аула.

Онъ собрался у подножія Черныхъ горъ, но, съ движеніемъ нашихъ туда, поспѣшилъ скрыться въ лѣсъ.

Хотя это было явнымъ доказательствомъ, какъ велики были его страхъ и пораженіе, однако, преслѣдовать его по лѣсистымъ горамъ было бы неблагоразумно и безцѣльно, тѣмъ болѣе, что у насъ было много дѣла на Мичикѣ. На этой рѣкѣ необходимо было устроить хорошія переправы, на что требовались не часы, а дни. Тѣмъ болѣе, князь не хотѣлъ ограничиться только уже начатыми тремя переѣздами, а устроить еще два - одинъ у бывшаго аула Мазлагаша, а другой на Гонсолѣ. Всѣ эти работы производились въ продолженіе двухъ недѣль и совершенно безпрепятственно со стороны непріятеля.

12-го марта отрядъ оставилъ Хаби-Шавданъ и Мичикъ, и войска разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ веселыми, довольными и съ самой незначительной потерей. Было только 4 убитыхъ, да 65 раненыхъ, въ томъ числѣ 18 человѣкъ было ранено при занятіи Мичика.

Итакъ, Шамиль, выражаясь по-персидски, еще разъ «наѣлся грязи»,—выраженіе, которое такъ любилъ Хаджи-Баба,—и на этотъ разъ больно много.

Всѣ его надежды на удержаніе чеченцевъ рушились однимъ ударомъ въ нѣсколько часовъ, и еслибы не восточная война, то положительно можно сказать, что Чечня принесла бы намъ безусловную покорность, а съ нею и покореніе восточнаго Кавказа совершилось бы нѣсколькими годами ранѣе. Правда, можетъ быть, это покореніе не было бы столь славно; можетъ быть, Шамиль не жилъ бы у насъ плѣнникомъ, потому что онъ, униженный не только въ глазахъ чеченцевъ, но терявшій свою власть и между жителями Дагестана, собирался оставить Ведень и намѣревался пробраться тайкомъ въ Турцію.

Положительно было извѣстно, что въ Веденѣ заготовлялось много

вьючныхъ лошадей, и что часть имущества, болѣе драгоцѣннаго, была отправлена въ Технуцалъ, вскорѣ послѣ возвращенія или, правильнѣе сказать, бѣгства Шамиля съ Мичика. Онъ поспѣшно уѣхалъ оттуда не столько изъ опасенія нашего преслѣдованія, сколько изъ боязни раздраженныхъ чеченцевъ.

IX.

Замѣчательныя непродолжительныя военныя дѣйствія въ періодъ управленія лѣвымъ флангомъ князя Барятинскаго.

Съ 1850 по 1853-й годъ, въ продолженіе трехъ-лѣтняго пребыванія моего на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, кромѣ описанныхъ зимнихъ экспедицій, происходили непродолжительныя лѣтнія движенія и дѣйствія нашихъ войскъ. Они преимущественно состояли въ уничтоженіи засѣянныхъ непріятельскихъ полей и заготовленнаго сѣна, въ разореніи ауловъ и въ противодѣйствіи покушеніямъ непріятеля нападать на нашъ скотъ и жителей, занимавшихся полевыми работами. Такія покушенія въ особенности часто предпринимались чеченцами въ 1851 году.

Но описывать каждое изъ нихъ было бы безцѣльно и безполезно, тогда какъ очеркъ главныхъ покушеній непріятеля и противодѣйствій имъ съ нашей стороны, полагаю, будетъ не только не безъинтересенъ, но еще болѣе охарактеризуетъ образъ войны, веденной нами съ чеченцами. А потому здѣсь разскажу только: о движеніи въ 1851 году на герменчукскія и автурскія поля, о быстромъ сосредоточеніи и движеніи войскъ къ Назрану, въ іюнѣ 1852 года, о пораженіи непріятеля въ октябрѣ того же года на Сунжѣ и объ истребленіи ханкальскихъ хуторовъ.

Наступательное движеніе на герменчукскія и автурскія поля, находящіяся между Джалкой и Хулхулау, было предпринято княземъ Барятинскимъ въ ночь съ 27-го на 28-ое іюня, единственно съ цѣлью уничтоженія огромныхъ посѣвовъ проса и кукурузы.

Движеніе это замѣчательно по быстротѣ сосредоточенія войскъ, а также скрытности и скорости исполненія, отчего, преимущественно, зависѣлъ успѣхъ каждаго предпріятія въ кавказской войнѣ. Неожиданное появленіе у предмета дѣйствія и быстрое отступленіе по достиженіи цѣли—вотъ чѣмъ долженъ былъ руководиться начальникъ въ подобнаго рода предпріятіяхъ; несоблюденіе же этихъ правилъ увеличивало безъ пользы наши потери.

Въ этомъ случаѣ и то и другое было соблюдено во всей точности, а потому цѣль движенія достигнута съ самой незначительной для насъ

потерей. По цѣли своего назначенія, отрядъ, преимущественно, долженъ былъ состоять изъ кавалеріи, потому что она скорѣй могла уничтожить кукурузу и вытоптать просо. Поэтому, предписано было—въ ночь 25-го іюня, командиру Гребенскаго полка, барону Розену, со всѣмъ полкомъ и двумя конными орудіями, къ вечеру 27-го числа прибыть въ Грозную, занявъ кордонъ льготными казаками и двумя сотнями Кизлярскаго полка. Отъ командира Моздокскаго полка были вытребованы къ тому же времени три сотни съ двумя же конными орудіями.

Въ полночь съ 27-го на 28-ое іюня 1851 года, князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной совершенно на-легкѣ, съ девятью сотнями и дивизіономъ конныхъ орудій, прибывшими съ Терской линіи, и двумя сотнями дунайскихъ казаковъ, шестью ротами и двумя орудіями, принадлежавшими къ составу гарнизона этой крѣпости.

Всѣ эти войска, по переходѣ черезъ Ханкале, направились къ той переправѣ черезъ Аргунъ, гдѣ въ зимнюю экспедицію былъ расположенъ лагеремъ Чеченскій отрядъ.

Несмотря на огромную воду и сильное теченіе Аргуна, во время переправы черезъ который опрокинулось одно орудіе,—переходъ отряда черезъ эту рѣку совершился благополучно, и на разсвѣтѣ послѣдовало соединеніе, на Шалинской просѣкѣ, съ двумя баталіонами куринцевъ, четырьмя орудіями и тремя сотнями донскихъ казаковъ, прибывшихъ по предварительно-сдѣланному распоряженію изъ крѣпости Воздвиженской, подъ начальствомъ полковника Серебрякова.

Движеніе до Герменчука хотя совершалось по мѣстности знакомой, но она представлялась намъ теперь въ иномъ, болѣе прекрасномъ, живописномъ видѣ. Мы привыкли ее видѣть съ обнаженными, обледенѣлыми деревьями, съ полями и пастбищами, покрытыми толстымъ слоемъ снѣга. Теперь же она представлялась намъ зеленѣющимъ лѣсомъ, съ плодами на фруктовыхъ деревьяхъ, и полями, поросшими тучной, высокой и цвѣтистой травой. Съ переходомъ же черезъ Джалку и съ минованіемъ нашего укрѣпленія, выстроеннаго генераломъ Галофѣевымъ въ 1840 году, когда онъ стоялъ здѣсь съ отрядомъ, вскорѣ послѣ возстанія чеченцевъ,—мы вступили въ огромное пространство высокой кукурузы и густаго зеленѣющагося проса.

Такъ какъ это пространство было предметомъ нашего дѣйствія, то кавалерія была послана впередъ для уничтоженія полей, а пѣхота съ артиллеріей расположились на удобныхъ мѣстахъ для прикрытія кавалеріи и противодѣйствія непріятелю, открывшему насъ при переправѣ черезъ Джалку и теперь съ поспѣшностью собиравшемуся изъ Автура и другихъ ближайшихъ ауловъ.

Когда кукуруза была порублена шашками казаковъ, а просо вы-

топтано ихъ лошадьми, — князь Барятинскій двинулся съ войсками вправо на мезеинскія поля. По уничтоженіи здѣсь, такимъ же порядкомъ, посѣянныхъ, въ огромномъ количествѣ, проса и кукурузы, отрядъ вышелъ на Аргунъ къ Атагинской переправѣ. Здѣсь переправилась только одна кавалерія, пѣхота же съ артиллеріей, взятыя изъ Грозной, были направлены на Воздвиженскій мостъ, единственно по той причинѣ, чтобы не подвергать ее безъ надобности случайнымъ опасностямъ, потому что и здѣсь, какъ и на утренней переправѣ, нужно было плыть нѣсколько саженъ.

Переправлять же пѣхоту на казачьихъ лошадяхъ, какъ это было сдѣлано утромъ, было бы грѣшно, да и опасно по утомленію лошадей, тѣмъ болѣе, что оставалось до Грозной не менѣе двадцати верстъ, тогда какъ ни одинъ изъ казаковъ, прибывшихъ съ Терека, не сдѣлалъ, въ продолженіе полутора сутокъ, менѣе восьмидесяти верстъ, а были и такія части, которыя въ 36 часовъ сдѣлали болѣе ста верстъ, напримѣръ, тѣ изъ гребенскихъ казаковъ, которымъ пришлось ѣхать изъ станицъ Шелковой и Новогладковской.

Это движеніе стоило намъ самой незначительной потери. У насъ было ранено только девять человѣкъ, несмотря на то, что непріятель, при переходѣ нашемъ съ автурскихъ на мезеинскія поля, собрался въ весьма большомъ числѣ и дрался съ отчаяніемъ,—тогда какъ чеченцы понесли несравненно бо́льшую потерю. Кромѣ раненыхъ, у нихъ были и убитые, потому что они не разъ попадали подъ нашу картечь.

Но они не отказались бы и отъ бо́льшихъ жертвъ, еслибы могли спасти свои поля, съ истребленіемъ которыхъ тысячи семействъ лишались пропитанія. Мѣра жестокая, но необходимая въ войнѣ съ горцами. Какъ бы жестоки мѣры ни были, но, если онѣ клонятся во вредъ непріятеля, должны, безъ колебанія, приводиться въ исполненіе.

Уничтоженіе хлѣбныхъ посѣвовъ заставляло чеченцевъ, скорѣе другихъ мѣръ, покоряться намъ, переселяясь въ наши предѣлы, причемъ имъ оказывалось пособіе и деньгами, и хлѣбомъ, отпускаемымъ изъ нашихъ провіантскихъ складовъ. Слѣдовательно, за жестокимъ наказаніемъ слѣдовала и милость для покорныхъ и покаявшихся; кромѣ того, съ истребленіемъ посѣвовъ и запасовъ сѣна, Шамиль лишался возможности имѣть въ сборѣ тавлинцевъ, призываемыхъ имъ зимою для защиты Чечни, что̀ оказалось и на самомъ дѣлѣ, потому что сборъ непріятеля въ зимнюю экспедицію 1852 года былъ замѣтно менѣе противъ предшествовавшихъ двухъ зимъ.

Въ началѣ іюня 1852 года, Шамиль съ огромнымъ скопищемъ, простиравшимся до 5—6 тысячъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ и тавлин-

цевъ, пройдя скрытно по горамъ, вторгся въ Владикавказскій военный округъ.

Это вторженіе было предпринято имъ съ двоякою цѣлью: чтобы во-первыхъ, возстановить противъ насъ галашевцевъ, карабулакъ, ингушей и назрановцевъ и, во-вторыхъ, поднять себя во мнѣніи своихъ подвластныхъ, въ особенности же, чеченцевъ, довѣріе которыхъ къ нему, послѣ блестящаго нашего движенія черезъ всю Большую Чечню, сильно было поколеблено.

Шамиль, будучи въ сношеніи съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ этихъ обществъ, былъ сильно увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія. Онъ питалъ себя надеждой не только о взятіи Нестеровскаго Назрана и разграбленіи станицъ по Сунжѣ, но мечталъ о занятіи Джераховскаго укрѣпленія на Военно-Грузинской дорогѣ, а можетъ быть, и самаго Владикавказа.

О сборѣ непріятеля и приготовленіяхъ Шамиля князь Барятинскій и баронъ Вревскій заблаговременно знали, но только не извѣстно было, куда непріятель двинется. Шамиль могъ съ одинаковою быстротой и неожиданностью появиться на Кумыкской плоскости, у Стараго Юрта, даже на Терекѣ и на Сунженской линіи, и даже возлѣ Назрана и Владикавказа. Хотя послѣдніе два пункта находились отъ Веденя далѣе прочихъ, но гористая и лѣсистая мѣстность способствовала движенію. Притомъ извѣстно было, кромѣ начальства, и другимъ, что Шамиль находится въ сношеніи съ назрановскими старшинами. А потому очень естественно было большее вниманіе обратить на Владикавказскій округъ, нежели на лѣвый флангъ.

Князь Барятинскій и баронъ Вревскій, жившіе между собою очень дружно, чтó случалось въ то время между начальниками-сосѣдями очень рѣдко, положили помогать другъ другу, въ чемъ и нельзя было сомнѣваться по рыцарской честности обоихъ.

На лазутчиковъ нельзя было въ это время полагаться, но только не потому, что нельзя было имѣть вѣрныхъ лазутчиковъ, а оттого, что имъ неизвѣстны были намѣренія и предпріятія Шамиля. Горецъ вообще, а чеченецъ въ особенности, за хорошія деньги продастъ не только соотчича, но не пожалѣетъ брата и отца. Примѣровъ тому немало, несмотря на то, что Шамиль подвергалъ лазутчиковъ самымъ неистовымъ и ужаснымъ наказаніямъ. Не только сами лазутчики, уличаемые и подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ русскими, наказывались смертью, но отвѣтчиками были ихъ родители и родственники, въ особенности, если они были достаточные люди. Тогда къ преступленію объ измѣнѣ примѣшивалась и корысть наибовъ и мюридовъ. Такъ, въ Автурѣ былъ раздавленъ доскою, положенною на грудь, на концы которой насѣло по нѣскольку человѣкъ, братъ ушедшаго къ намъ лазут-

чика. Въ Герменчукѣ были выколоты глаза отцу за подозрѣніе сына въ сношеніяхъ съ русскими.

Лазутчикамъ не всегда можно было вѣрить, собственно потому, что они могли не знать намѣреній и предположеній Шамиля, который былъ остороженъ и скрытенъ въ военныхъ предпріятіяхъ если не болѣе, то не менѣе самого князя Барятинскаго. А это было тѣмъ болѣе для насъ опасно, что онъ, находясь въ центральномъ положеніи, могъ дѣйствовать во всѣ стороны по радіусамъ, тогда какъ мы могли противодѣйствовать ему по окружностямъ, часто слишкомъ удаленнымъ отъ центра.

Въ такихъ предпріятіяхъ Шамиля лазутчики могли быть полезны только съ того времени, когда непріятель, выступивъ съ мѣста сбора, находился въ движеніи къ предмету дѣйствія. Но и здѣсь надо было быть весьма осторожнымъ и свѣрять извѣстія одного лазутчика съ другимъ. Вѣдь Шамиль могъ двинуться по одному направленію и измѣнить его, могъ послать въ одну сторону слабѣйшую, а съ сильнѣйшей двинуться въ другую—однимъ словомъ, употреблять такія же хитрости противъ насъ, какія мы употребляли противъ него, т. е. платить тою же монетою.

А потому у князя Барятинскаго, кромѣ нѣсколькихъ партій лазутчиковъ, содержались такіе одиночные лазутчики, разумѣется, за большую плату, которые, отдѣлясь скрытно изъ партіи во время самаго движенія, прискакивали лично къ князю въ Грозную, или передавали своимъ роднымъ и друзьямъ о направленіи, принятомъ Шамилемъ. Такимъ же образомъ получено было Александромъ Ивановичемъ свѣдѣніе 17-го іюня о движеніи Шамиля въ Владикавказскій округъ. Немедленно были посланы нарочные съ предписаніями по четыремъ различнымъ направленіямъ: въ Воздвиженское, къ князю Воронцову—о направленіи въ Грозную шести ротъ, двухъ сотенъ и четырехъ орудій; въ Хасавъ-Юртъ, къ барону Николаи—о направленіи, въ Грозную же, черезъ Умаханъ-Юртъ и Тепли Кичу,—двухъ баталіоновъ, трехъ сотенъ и четырехъ орудій, гдѣ и оставаться въ составѣ гарнизона впредь до приказанія; въ Червленную, къ барону Розену—о движеніи трехъ сотенъ прямымъ путемъ отъ Николаевской переправы на ст. Михайловскую; въ Науръ, командиру Моздокскаго полка—о направленіи трехъ сотенъ въ Михайловскую же.

При этомъ считаю необходимымъ добавить, что всѣ означенныя лица были предварены, что потребованныя отъ нихъ войска должны быть въ полной готовности и немедленно должны быть двинуты туда куда будетъ указано по полученіи дополнительнаго предписанія. Пятый нарочный былъ посланъ къ барону Вревскому. Ему писано: «такъ какъ Шамиль положительно двинулся въ ввѣренный ему округъ, то войска

лѣваго фланга немедленно двигаются вверхъ по Сунжѣ и къ 4-му іюня соберутся возлѣ Назрана въ числѣ трехъ баталіоновъ, десяти орудій и десяти сотенъ казаковъ, дальнѣйшее дѣйствіе которыхъ будетъ зависѣть отъ движенія непріятеля. Черезъ двое сутокъ, если окажется нужнымъ, прибудутъ еще два баталіона съ четырьмя орудіями».

На разсвѣтѣ 2-го іюня 1852 года князь Барятинскій выступилъ изъ Грозной съ шестью ротами, двумя сотнями и четырьмя орудіями, приказавъ и войскамъ, долженствующимъ прибыть того же числа вечеромъ изъ Воздвиженской, слѣдовать за нимъ. По прибытіи на ночлегъ въ станицу Михайловскую, тамъ уже были найдены шесть сотенъ моздокскихъ и гребенскихъ казаковъ. На разсвѣтѣ, 3-го числа, прибылъ туда же и эшелонъ изъ Воздвиженской.

4-го іюня, въ день, указанный въ отзывѣ къ барону Вревскому, князь Барятинскій, со всѣми означенными войсками, былъ расположенъ уже лагеремъ у Назрана.

Это укрѣпленіе, построенное въ тридцатыхъ годахъ, взамѣнъ находившагося по близости Преграднаго Стана, имѣло цѣлью наблюдать за назрановцами и ингушами и обезпечивать сообщеніе съ Моздокомъ черезъ Малую Кабарду. Оно находилось въ 24-хъ верстахъ отъ Владикавказа и состояло изъ каменныхъ высокихъ стѣнъ, фланкируемыхъ башнями, и форштадта, обнесеннаго землянымъ валомъ, съ положенною наверхъ колючкою. На вооруженіи находились до 12-ти разныхъ калибровъ орудій. Кавказскій линейный № 8-ой баталіонъ составлялъ постоянный гарнизонъ этого укрѣпленія. Назранъ нѣсколько разъ подвергался серьезнымъ нападеніямъ Шамиля и его сподвижника Ахверды Магомы. Въ 1856 же году это укрѣпленіе штурмовали сами возмутившіеся назрановцы, которые дорого поплатились за таковую дерзость.

Шамиль, въ тотъ день, когда войска лѣваго фланга имѣли ночлегъ въ Михайловской, прибылъ въ Галашки и, узнавъ, что дорога въ Назранъ и до Владикавказа занята барономъ Вревскимъ, а по Сунжѣ двигается князь Барятинскій, направился черезъ Джерахъ на Военно-Грузинскую дорогу. Но когда узналъ, что и тамъ сосредоточены два баталіона съ четырьмя орудіями, то ограничился тѣмъ, что, взявъ подать съ галашевцевъ и обязавъ ихъ клятвой въ вѣрности, въ злобѣ возвратился въ Ведень и распустилъ недовольныхъ тавлинцевъ, а въ особенности чеченцевъ, по домамъ. При этомъ онъ приказалъ чеченскимъ наибамъ, какъ можно чаще, безпокоить русскихъ на покосахъ, въ лѣсу, отгонять скотъ и нападать на жителей, занимающихся полевыми работами. Разрѣшилъ даже, по праву имама, дѣлать такія же нападенія на мирныхъ чеченцевъ, не признающихъ его власти, а покоряющихся гяурамъ. Угрожалъ этимъ же и тѣмъ чеченцамъ, которые имѣютъ намѣреніе перейти къ русскимъ.

1-го октября 1852 года было получено свѣдѣніе отъ надежныхъ лазутчиковъ о намѣреніи непріятеля угнать скотъ грозненскихъ жителей, и что по этому случаю наибъ Талгикъ, по предоставленному ему Шамилемъ праву, собираетъ огромную партію со всей Чечни. На другой день эти свѣдѣнія подтвердились. Однимъ же мазуномъ, т. е. пятисотеннымъ, бывшимъ тоже у насъ лазутчикомъ, утромъ 2-го октября, были доставлены вотъ какія подробныя распоряженія, сдѣланныя Талгикомъ по случаю этого нападенія:

Весь сборъ раздѣляется на три части. Небольшая партія, состоящая человѣкъ изъ ста лучшихъ наѣздниковъ, переправившись скрытно черезъ Сунжу у Алдовъ, что́ съ западной стороны Грозной, бросится на скотъ и, не обращая вниманія на прикрытіе, погонитъ его къ Нефтянкѣ и далѣе къ Чертугаевской переправѣ на Сунжѣ. Другая партія отъ 200 до 300 худоконныхъ покажется изъ Ханкале, собственно для отвлеченія, одновременно съ той партіей, которая бросится на скотъ со стороны Алдовъ. Она будетъ держаться отъ крѣпости внѣ пушечнаго выстрѣла. Главный же сборъ, состоящій изъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, будетъ скрываться въ лѣсу, по обѣимъ сторонамъ Сунжи, на Чертугаевской переправѣ, что́ на половинномъ разстояніи между Грозной и Тепли-Кичу, и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ грозненскаго гарнизона.

Изъ этого оказывается, какъ хороши были соображенія, руководившія Талгикомъ, и распоряженія, сдѣланныя имъ къ овладѣнію грозненскимъ скотомъ. Не имѣвши объ нихъ предварительныхъ свѣдѣній черезъ лазутчиковъ, легко было увлечься той партіей, которая должна была показаться изъ Ханкале, направить туда подвижной резервъ и большую часть гарнизона и тѣмъ безнаказанно отдать въ руки непріятеля весь скотъ, а слѣдовательно, предоставить ему полное торжество и разореніе грозненскихъ жителей. Но князь Барятинскій, имѣя свѣдѣнія о покушеніи непріятеля на грозненскій скотъ и вполнѣ вѣря имъ, потому что онъ имѣлъ эти свѣдѣнія отъ такого лазутчика, который неоднократно оправдывалъ его довѣріе,—потребовалъ отъ него извѣстія, хотя за часъ до нападенія на скотъ, о подтвержденіи всѣхъ сдѣланныхъ Талгикомъ распоряженій. Если же все исполнится такъ, какъ онъ извѣститъ, то за это получитъ 150 рублей.

Согласно со свѣдѣніями, доставленными лазутчикомъ-мазуномъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Скотъ, по-прежнему, выгнанъ на пастьбу, но только немного попозже, не такъ далеко отъ крѣпости, и подъ большимъ прикрытіемъ. Вмѣсто слабой роты и одного орудія, обыкновенно высылаемыхъ въ прикрытіе, назначено двѣ роты съ орудіемъ, да скрыта была въ ближайшей балкѣ сотня дунайскихъ казаковъ. Начальнику прикрытія прика-

зано было расположиться съ ротами и орудіемъ на Алханъ-Юртовской дорогѣ и наблюдать за Сунжей къ Алдамъ; скотъ держать по близости этой дороги, не дозволяя ему далеко расходиться. При появленіи непріятеля, встрѣтить его огнемъ изъ орудія и пѣхоты, не оставляя своего мѣста; когда же онъ, прискакавъ въ то мѣсто, гдѣ будетъ находиться скотъ, начнетъ гнать его, то дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы не дозволить ему угнать скотъ по тому направленію, по которому онъ сдѣлалъ нападеніе, т. е. къ Алдамъ. Дунайцы должны были содѣйствовать въ этомъ пѣхотѣ, дѣйствуя противъ непріятеля холоднымъ оружіемъ.

Съ выгономъ скотины на пастьбу, всѣ остальныя затѣмъ войска грозненскаго гарнизона были въ полной готовности. Три роты куринцевъ съ однимъ орудіемъ предположено было направить, на перерѣзъ непріятелю, на Нефтянскую башню, къ Чертугаевской переправѣ. Сотня грозненскихъ казаковъ, сотня дунайцевъ, баталіонъ и два орудія, переправившись черезъ Сунжу, какъ можно поспѣшнѣе тамъ, гдѣ будетъ удобнѣе, должны были спѣшить къ Чертугаевской переправѣ по правому берегу.

Къ третьему часу, когда у князя оканчивался обѣдъ, прискакавшій отъ мазуна, закутанный въ башлыкъ, но намъ знакомый чеченецъ, далъ знать о скоромъ нападеніи на скотъ, и что Талгикъ не измѣнилъ сдѣланныхъ имъ распоряженій.

Все приготовилось по первому выстрѣлу къ движенію. Наконецъ, раздался сигнальный выстрѣлъ, съ батареи противъ Ханкале, по непріятелю, показавшемуся изъ этого ущелья. Вслѣдъ за этимъ, послышались сигнальные выстрѣлы съ западной батареи и съ Нефтянской башни—о появленіи непріятеля со стороны Алдовъ и на Чертугаевской переправѣ.

Князь Барятинскій приказалъ мнѣ находиться при войскахъ, направляемыхъ, на-перерѣзъ, на Нефтянскую башню, и дѣйствовать съ ними рѣшительно противъ непріятеля, переправившагося на эту сторону Сунжи,—самъ направился къ тѣмъ войскамъ, которыя должны были дѣйствовать по правому берегу, въ тылъ непріятелю.

Всѣ распоряженія были своевременны и совершенно согласовались съ дѣйствіями непріятеля, а потому успѣхъ былъ самый блестящій. Не воспользовавшись ничѣмъ, непріятель потерпѣлъ огромное пораженіе. Много убитыхъ было у него по ту сторону Сунжи, въ особенности на Чертугаевской переправѣ, гдѣ сильно пострадала, отъ картечнаго и ружейнаго огня, та партія, которая бросилась на скотъ со стороны Алдовъ и гнала его до Нефтянки.

Но окончательное пораженіе непріятелю было нанесено на правомъ берегу Сунжи, тѣми войсками, которыми лично управлялъ князь Баря-

тинскій. Кромѣ множества раненыхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Талгикъ, до 300 тѣлъ осталось на мѣстѣ боя, погибшихъ отъ ядеръ, картечи, пуль, шашекъ и пикъ. Много лошадей, оружія и одежды было набрано казаками и мирными чеченцами грозненскихъ ауловъ. Намъ же это пораженіе стоило 4-хъ легко раненыхъ, да нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ нашими ядрами и гранатами коровъ и быковъ.

12-го декабря 1852 года были истреблены хутора, гнѣздившіеся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ Ханкальскаго ущелья, а жители, въ числѣ 480-ти душъ обоего пола, со скотомъ и имуществомъ, приведены плѣнными въ Грозную и поселены на жительство между чеченцами, живущими у этой крѣпости двумя аулами. Ханкальское ущелье, находящееся въ восьми верстахъ отъ Грозной, составляютъ двѣ горы, довольно высокія, продолговатыя и поросшія строевымъ лѣсомъ. Восточная гора образуетъ обрывистый лѣвый берегъ Аргуна, между аулами Бердыкель и Большой Чечень; западная же составляетъ своими отлогостями правый берегъ Гойты, впадающей въ Сунжу верстахъ въ трехъ выше Грозной. Ханкальское ущелье пріобрѣло историческую извѣстность съ 1806 года, когда командующій войсками на Кавказской линіи, генералъ Булгаковъ, желая проникнуть въ глубь Чечни, встрѣтился тутъ съ главною массою чеченскаго населенія и, послѣ значительной потери, принужденъ былъ возвратиться обратно.

Въ Ханкале же, въ 1818 году, генералъ Ермоловъ имѣлъ кровавый бой съ огромнымъ сборищемъ чеченцевъ, перекопавшихъ дно ущелья глубокимъ рвомъ и засѣвшихъ за высокимъ валомъ. Но Алексѣй Петровичъ, овладѣвъ этимъ окопомъ и расположившись съ своей ставкой на курганѣ, называемомъ и по настоящее время Ермоловскимъ, не двинулся впередъ до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ на ружейный выстрѣлъ дремучій лѣсъ и тѣмъ не сдѣлалъ свободнымъ проходъ въ Чечню на будущее время. Еще въ 1844 году, въ Ханкале раздавались непріятельскіе орудійные выстрѣлы по нашимъ транспортнымъ колоннамъ, перевозившимъ провіантъ и военные запасы изъ Грозной въ строившуюся въ томъ году крѣпость Воздвиженскую, и не разъ привозились десятки раненыхъ непріятельскими ядрами и осколками гранатъ. Но съ построеніемъ крѣпости Воздвиженской и послѣ молодецкихъ зимнихъ поисковъ, произведенныхъ по разнымъ направленіямъ, оставленнымъ тамъ подвижнымъ резервомъ, а главное—послѣ прорубки Гойтинской и Гехинской просѣкъ—Ханкальское ущелье утратило свое прежнее значеніе, и въ немъ только по временамъ раздавались выстрѣлы изъ засадъ по нашимъ войскамъ, посылаемымъ туда изъ Грозной за дровами и строевымъ лѣсомъ, для разныхъ построекъ.

Такія засады устраивали какъ сами жители хуторовъ, гнѣздив-

шихся въ глубокихъ и лѣсистыхъ балкахъ, которыми въ особенности была изрыта часть восточной горы ущелья, обращенной къ Аргуну, такъ и собиравшіяся въ этихъ балкахъ и хуторахъ непріятельскія партіи. Укрывавшіяся здѣсь партіи чеченцевъ нападали также на грозненскихъ жителей, занимавшихся полевыми работами, и на выгоняемый на пастьбу ихъ скотъ. Такія нападенія чеченцы могли производить изъ Ханкальскаго ущелья, съ большимъ успѣхомъ, предпочтительно передъ другими мѣстами, потому что, кромѣ скрытаго и внезапнаго нападенія, они могли имѣть отъ жителей ханкальскихъ хуторовъ самыя положительныя свѣдѣнія о томъ, чтó дѣлалось въ Грозной. Иногда случалось, что перехватывались нарочные, посылаемые изъ Грозной въ Воздвиженскую и обратно.

Изъ этого очерка оказывается, что такое близкое сосѣдство ханкальскихъ хуторовъ было весьма вредно для Грозной, въ особенности въ то время, когда ея жители начали заниматься хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ; а потому неудивительно, если князь Барятинскій обратилъ на нихъ свое вниманіе съ первыхъ дней вступленія въ управленіе лѣвымъ флангомъ. Если же истребленіе ханкальскихъ хуторовъ замедлилось въ исполненіи, то лѣтомъ, когда лѣсъ покрытъ листомъ, такого рода предпріятія, какъ сопряженныя съ большими потерями, княземъ безъ крайней надобности не предпринимались; зима же 1851—1852 годовъ сначала прошла въ приготовленіяхъ, а потомъ и въ совершеніи самой экспедиціи въ Большой Чечнѣ, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Притомъ князь охотнѣе совершалъ подобнаго рода предпріятія въ сильные морозы, потому что зналъ по опыту, что чеченцы во время сильныхъ морозовъ становились безпечнѣе и даже дрались съ меньшимъ мужествомъ и отвагой. Поэтому, для истребленія ханкальскихъ хуторовъ была избрана половина декабря, когда морозы доходили до 15 градусовъ.

11-го декабря со срочной оказіей [1]) было послано предписаніе командующему войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковнику Ляшенко, выступить ночью, съ двумя баталіонами, двумя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, къ Ханкале, и у входа въ ущелье, повернувъ колонну направо и пройдя версты полторы по направленію на аулъ Большой Че-

---

[1]) Подъ оказіями вообще разумѣлись особыя колонны, съ которыми отправлялись проѣзжающіе, пересылалась корреспонденція, перевозился провіантъ и разные другіе предметы. Такія оказіи были срочныя, то-есть назначаемыя въ извѣстные дни, и экстренныя—по мѣрѣ надобности; кромѣ того были оказіи сквозныя и встрѣчныя; послѣднія состояли въ томъ, что колонны выступали одновременно съ противуположныхъ пунктовъ и сходились на опредѣленныхъ мѣстахъ. Между Грозной и Воздвиженской такимъ пунктомъ соединенія колоннъ былъ Ермоловскій курганъ. М. О.

чень, остановить пѣхоту съ артиллеріей, а самому съ казаками прибыть часа за два до разсвѣта къ Ермоловскому кургану, для полученія личныхъ приказаній. Все это было исполнено полковникомъ Ляшенко въ точности, и когда онъ прибылъ къ кургану, то нашелъ тамъ князя съ шестью ротами, тремя сотнями и четырьмя орудіями.

Объяснивъ полковнику Ляшенко цѣль ночной экспедиціи, князь Барятинскій отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

1) Одну роту куринцевъ съ двумя орудіями оставить на высотахъ, находящихся впереди того мѣста, гдѣ остановлена пѣхота, а другую расположить по-полувзводно между этими высотами и ауломъ Большой Чечень; въ нѣкоторомъ же разстояніи позади этой послѣдней роты расположить по-полусотенно казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они производили между собою разъѣзды и перехватывали всѣхъ чеченцевъ, намѣревающихся спастись бѣгствомъ, и

2) Съ прочими шестью ротами и двумя орудіями, двинувшись на Большой Чечень, занять обрывистый берегъ Аргуна и стараться войти въ связь съ полковникомъ Берсеневымъ, который съ пѣхотой и двумя горными орудіями, прибывшими изъ Грозной, долженъ охватить хутора со стороны этой крѣпости; казаки же съ двумя орудіями, занимая Ермоловскій курганъ, будутъ производить разъѣзды до высотъ, занятыхъ ротой куринцевъ.

«Надѣюсь, что ханкальцы не окажутъ большаго сопротивленія, когда узнаютъ отъ чеченцевъ, посланныхъ мною, что они окружены войсками со всѣхъ сторонъ. Постарайтесь, Михаилъ Васильевичъ, исполнить возлагаемое на васъ порученіе до разсвѣта, и я ручаюсь за полный успѣхъ», прибавилъ князь, протягивая Ляшенкѣ руку.

Первые выстрѣлы раздались со стороны, обращенной къ Грозной; это, какъ оказалось, были выстрѣлы сторожевыхъ чеченцевъ. Спустя же минутъ десять, послышалась сначала рѣдкая, а потомъ учащенная ружейная перестрѣлка; раздалось даже нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Но пальба вскорѣ прекратилась, а вслѣдъ затѣмъ начали выходить по разнымъ направленіямъ къ нашимъ войскамъ женщины и дѣти.

Ханкальцы, узнавъ отъ посланныхъ къ нимъ чеченцевъ, что они окружены со всѣхъ сторонъ войсками, немедленно прекратили перестрѣлку и только просили о помилованіи. И они были помилованы. Имъ приказано было вывозить на арбахъ и выносить на себѣ, по ближайшимъ дорогамъ, свое имущество, потому что ихъ жилища будутъ преданы огню. Къ полудню собралось къ Ермоловскому кургану 480 душъ обоего пола, 82 арбы, нагруженныя имуществомъ, и до 250 овецъ и козъ. Конныхъ было только четырнадцать ханкальцевъ. На арбахъ лежали два убитыхъ и восемь раненыхъ.

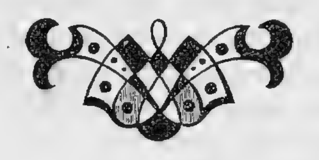
И у насъ оказалось четыре раненыхъ куринца изъ колонны пол-

ковника Ляшенко—потеря ничтожная, въ сравненіи съ успѣхомъ предпріятія. А чему слѣдуетъ приписать такой успѣхъ, какъ не вѣрному плану, быстротѣ и непроницаемой тайнѣ, съ которой была совершена экспедиція? И званіе генералъ-адъютанта было вполнѣ заслуженной наградой князю Барятинскому.

Этимъ заключаю мой разсказъ вообще о лѣвомъ флангѣ и, въ особенности, о военныхъ дѣйствіяхъ и покушеніяхъ непріятеля, въ управленіе краемъ князя Барятинскаго, по причинѣ назначенія его, по окончаніи зимней экспедиціи на Мичикѣ, начальникомъ главнаго штаба. Онъ со славой и торжествомъ оставилъ Грозную, передавъ своему преемнику, генералъ-маіору барону Врангелю, состояніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ въ блестящемъ положеніи.

Повторяю еще разъ, что Чечня была сильно потрясена. Шамиль былъ униженъ многими нанесенными ему пораженіями. Чеченцы столько же боялись его, сколько и ненавидѣли, за тѣ несчастія и бѣдствія, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ ихъ избавить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ и упустить ихъ изъ-подъ своей власти.

(Продолженіе слѣдуетъ).



ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія неизвѣстнаго.

(1844—1884).

I.

Какъ бывшій кадетъ временъ императора Николая, начинаю мои воспоминанія замѣтками о кадетскихъ корпусахъ сороковыхъ годовъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ то время ни одно учебное заведеніе не пользовалось у правительства такимъ фаворомъ, какъ кадетскій корпусъ. Это было любимое дѣтище императора Николая, близко принимавшаго къ сердцу преуспѣяніе этихъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ поставлять для арміи и флота потребный контингентъ офицеровъ. Въ то время воспитаніе, даваемое кадетскимъ корпусомъ, считалось наиболѣе подходящимъ видамъ правительства, и признавалось удобнымъ и цѣлесообразнымъ подчинить военному вѣдомству даже такое спеціальное дѣло, какъ горное и путей сообщенія, и тогда существовали кадетскіе корпуса горный и путей сообщенія. Будущіе горные инженеры и путейцы также тщательно обучались маршировкѣ и всякой военной муштрѣ, какъ и заправскіе пѣхотинцы, и такимъ образомъ тратили непроизводительно не мало времени въ ущербъ изученію своей спеціальности.

Неудивительно поэтому, что эти учебныя заведенія не могли давать странѣ вполнѣ свѣдущихъ спеціалистовъ, и дѣло горное и путейское терпѣло отъ этого существенный ущербъ.

Вообще въ то время въ правящихъ сферахъ любили, чтобы все учащееся маршировало и, какъ извѣстно, одно время была сдѣлана попытка ввести муштру и въ университетъ, откуда одновременно была изгнана философія; впрочемъ, она и теперь еще отсутствуетъ.

Въ то довольно отдаленное отъ насъ время, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ глазахъ многихъ родителей кадетскій корпусъ пред-

ставлялся наиболѣе желаннымъ убѣжищемъ и пріютомъ для ихъ дѣтей. Сдать въ корпусъ свое дѣтище значило, по ихъ мнѣнію, навсегда пристроить свое чадо и освободиться отъ всякихъ родительскихъ хлопотъ, возложивъ ихъ на корпусное начальство. Не выйдетъ, молъ, прямо въ офицеры—начальство сдастъ его въ юнкера въ армію, а тамъ онъ все-таки дослужится чина и человѣкомъ будетъ. Поэтому, когда корпусное начальство предлагало родителямъ взять къ себѣ обратно ихъ сына, какъ неблагонравнаго или неуспѣвающаго, то иные папаши и мамаши (а такихъ было не мало) на-отрѣзъ отказывались принять своихъ сыновей, предоставляя ихъ участь на милостивое благоусмотрѣніе попечительнаго начальства.

Контингентъ воспитанниковъ въ кадетскихъ корпусахъ составляли сыновья потомственныхъ дворянъ, преимущественно служившихъ всей обширной «Землѣ Русской». Нерѣдко привозили дѣтей въ корпуса за многія сотни и даже тысячи верстъ и затѣмъ, при тогдашнихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія, родители, обыкновенно люди средняго и малаго достатка, при томъ занятые хозяйствомъ или службой, уже во всю жизнь, случалось, не видѣли болѣе своихъ сыновей, если они, по выходѣ въ офицеры изъ корпусовъ, сами не заблагоразсудили навѣстить своихъ родителей. А случалось это далеко не всегда, ибо дѣти, выросшія внѣ всякой нравственной связи съ семьей, охладѣвали къ ней и относились къ родителямъ безучастно.

Кадетскій корпусъ въ сороковыхъ годахъ былъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ: отпуски кадетъ допускались по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, но ими могли пользоваться лишь тѣ кадеты, родственники коихъ жили въ томъ же городѣ, гдѣ былъ корпусъ, или въ ближайшихъ окрестностяхъ, а такихъ кадетъ обыкновенно было далеко не много, остальные за все время нахожденія въ корпусѣ были лишены возможности видѣться съ семьей, такъ какъ лѣтнихъ каникулъ не полагалось, и на лѣто кадетъ выводили въ лагерь.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ то время существовалъ малолѣтній кадетскій корпусъ, спеціально назначенный для пріема сиротъ. Обыкновенно процентъ круглыхъ сиротъ былъ сравнительно не великъ, а контингентъ питомцевъ этого корпуса составляли дѣти, лишившіяся отца или матери и, надобно сказать, что всегда находилось болѣе, чѣмъ позволяли средства заведенія, сердобольныхъ матерей и отцовъ, которые спѣшили сдать своихъ совсѣмъ малыхъ дѣтей въ этотъ корпусъ, уподобляясь кукушкамъ, кладущимъ свои яйца въ чужое гнѣздо.

Режимъ въ кадетскомъ корпусѣ близко напоминалъ солдатскую казарму. Раннимъ утромъ посреди корпуснаго двора барабанщикъ усердно стучалъ на своемъ громкомъ инструментѣ повѣстку, предупреждающую, что пора вставать, еще черезъ четверть часа тотъ же бара-

банъ билъ зорю, и всѣ должны были быть на ногахъ, умываться, чиститься, одѣваться. По барабанному бою вставали и ложились спать, по барабану ѣли, учились и молились, даже перемѣна блюдъ за обѣдомъ возвѣщалась особымъ барабаннымъ звукомъ. Кромѣ того, во время обѣда или ужина развлекали насъ, кадетъ, довольно оригинальною музыкой. Назначался дежурный горнистъ, который тутъ же въ столовой наигрывалъ съ малыми промежутками военные сигналы; дежурные офицеры обращались къ кадетамъ съ вопросами, что означаетъ тотъ или другой сигналъ, и требовали подражать его звукамъ.

Почему даже за обѣдомъ трубили намъ сигналы—должно быть находили, что въ то время, когда идетъ работа желудка,—ухо становится болѣе воспріимчивымъ и тверже усваиваетъ звуки сигналовъ!..

Когда утренній туалетъ воспитанниковъ былъ готовъ, на что назначалось строго опредѣленное время, слышалась команда строиться и затѣмъ «вольнымъ шагомъ маршъ!» И кадеты шли фронтомъ, въ ногу, въ ротный залъ для утренней молитвы, оттуда тѣмъ же строевымъ порядкомъ направлялись къ завтраку въ столовую, маршируя не только по корридорамъ, но даже и на лѣстницахъ. Въ столовой по барабану пѣли молитву, по барабану пили чай, далѣе опять молитва по барабану и обратное шествіе строемъ въ дортуары. Здѣсь послѣ краткаго перерыва кадетъ опять ставили во фронтъ и вольнымъ шагомъ направляли по классамъ на уроки. Но и здѣсь не обходилось безъ барабана, который возвѣщалъ перемѣны урокамъ и окончаніе ученья.

Послѣ окончанія умственныхъ занятій наступали физическія, т. е. муштры; по крайней мѣрѣ пять разъ въ недѣлю происходили шереножное и одиночное ученья, при чемъ не малую роль игралъ «тихій учебный шагъ» въ три пріема и всякая эквилибристика съ ружьемъ (ружейные пріемы); гимнастика, танцы и фехтованье допускались разъ, много два раза въ недѣлю — муштра преобладала во всемъ. Этой же муштрѣ (ротное, баталіонное ученье) посвящалось почти все лагерное время, около двухъ мѣсяцевъ, а лѣтнихъ отпусковъ, какъ было уже сказано, не полагалось. И такая муштровка длилась не годъ, не два, а цѣлыхъ семь, восемь и даже девять лѣтъ. По неволѣ эта муштра наскучила и опошлилась въ глазахъ кадетъ. Съ десятилѣтняго возраста ставили кадетъ подъ ружье, когда дѣтскій организмъ совсѣмъ еще не окрѣпъ, и вслѣдствіе этого искривленіе позвоночника среди кадетъ было нерѣдкимъ явленіемъ.

Обученіе муштрѣ лежало на обязанности офицеровъ, они же исполняли роль воспитателей, но какіе это были воспитатели, объ этомъ скажу ниже, а теперь посвящу еще нѣсколько строкъ такъ называемому фронтовому образованію въ кадетскихъ корпусахъ сороковыхъ годовъ.

Фронтовому образованію придавалось въ то время первостепенное значеніе. Въ кадетскихъ корпусахъ высшая философія заключалась въ изученіи всѣхъ тонкостей фронтовой службы. Для вящшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, въ корпуса командировались офицеры изъ образцоваго полка, это были своего рода художники, артисты въ дѣлѣ вытягиванія носковъ, выпячиванія груди, бряцанья ружьемъ и всякой фронтовой науки (военнаго устава и строевой службы).

Корпусные офицеры всемѣрно старались подражать «образцовымъ». И тѣ и другіе трудились не напрасно: фронтовое образованіе кадетъ было доведено до совершенства. Въ то время, до крымской войны, въ шагистикѣ и всякой муштрѣ видѣли фундаментъ военнаго образованія и посвящали ему слишкомъ много времени, въ ущербъ образованію не только общему, но и военному въ высшемъ значеніи этого слова.

Радовались, глядя, какъ кадеты изображали заправскихъ солдатъ, выступали въ лагерь съ солдатскими пѣснями, забывая, что корпуса подготовляли будущихъ руководителей арміи, къ которымъ время предъявитъ гораздо болѣе серьезныя требованія, чѣмъ игра въ солдаты.

Въ результатѣ оказывалось, что кадетъ сороковыхъ годовъ, поступая на дѣйствительную службу, оказывался прежде всего хорошимъ фронтовикомъ, но въ то же время имѣлъ лишь общія понятія о спеціальныхъ военныхъ наукахъ. Случалось и такъ, что въ цѣломъ пѣхотномъ полку, въ которомъ насчитывалось до 100 офицеровъ: въ томъ числѣ, по крайней мѣрѣ 8, 10 процентовъ бывшихъ кадетъ, не находилось ни одного, который съумѣлъ бы обучать солдатъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ обязанностямъ артиллерійской орудійной прислуги, на случай убыли послѣдней въ бою. Этимъ дѣломъ занимался фейерверкеръ, а пѣхотные офицеры только наблюдали.

Изъ корпусовъ спеціальныхъ, и именно инженернаго и артиллерійскаго, кадеты выпускались только въ саперы и артиллерію, и, конечно, они были лучше подготовлены къ своей спеціальности, хотя все же болѣе теоретически; что же касается кадетъ, окончившихъ спеціальные курсы въ другихъ корпусахъ, то знаніе ими артиллеріи и фортификаціи было поверхностно, хотя это обстоятельство не мѣшало поступленію ихъ въ саперы и артиллерію, какъ скоро они имѣли 9 и даже 8 балловъ по этимъ предметамъ и вакантныхъ мѣстъ было достаточно. И вотъ когда началась великая восточная война, часто бывали случаи, когда для спѣшнаго возведенія какого нибудь незначительнаго полеваго укрѣпленія: окоповъ, редута, люнета, приходилось прибѣгать къ помощи сапернаго унтера (саперныхъ офицеровъ недоставало), ибо никто изъ полковыхъ офицеровъ ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ. И выходило такъ, что саперный унтеръ-офицеръ дирижировалъ работами, пѣхотные солдаты были рабочею силою, а ихъ офицеры у него надсмотрщиками.

Если бы время, которое тратилось кадетами на муштру, уже и безъ того изученную до тонкости, употреблялось на практическое ознакомленіе съ сапернымъ дѣломъ въ лагерное время (начиная съ средняго кадетскаго возраста), то это было бы гораздо полезнѣе какъ для здоровья кадетъ, такъ и для успѣха военнаго дѣла. Но въ то отдаленное время такое занятіе, какъ плетеніе туровъ, копанье земли и возка тачекъ, хотя бы и самыхъ миніатюрныхъ, считалось дѣломъ для кадетъ не подходящимъ — не дворянскимъ. За то была въ великой чести маршировка тихимъ шагомъ и вообще «фронтовое образованіе»; но, какъ извѣстно, въ восточную войну это образованіе не помогло намъ противъ усовершенствованнаго оружія и военной техники союзниковъ.

Вотъ выстроенъ въ линію кадетскій батальонъ въ трехъ-шереножномъ строѣ; все выравнено въ струнку, все въ строжайшей симметріи; мертвая тишина, только вѣтеръ слегка играетъ черными султанами блестящихъ касокъ. Раздается команда и, глядя, какъ въ одинъ тактъ и въ одинъ уровень подымаются руки съ ружьями, можно подумать, что передъ вами не юноши, почти полудѣти, а маріонетки, приводимыя въ движеніе отлично устроеннымъ механизмомъ. Слышится новая команда, и батальонъ начинаетъ двигаться, свертываться въ компактную массу (колонну), опять развертываться въ линію, и все это продѣлывалось такъ отчетливо и равномѣрно, какъ машина.

Помню, какъ однажды императоръ Николай Павловичъ, предъ которымъ мы продѣлывали всѣ эти эволюціи, даже умилился духомъ и сказалъ, что большаго совершенства онъ и требовать не можетъ; а вѣдь императоръ былъ великимъ знатокомъ всякой муштры. Императоръ Николай часто навѣщалъ корпуса не только столичные, но и провинціальные, зналъ отлично всѣхъ корпусныхъ директоровъ, выдающихся офицеровъ (служакъ), а въ корпусахъ столичныхъ даже иныхъ кадетъ.

Воскрешаю въ моей памяти то давно прошедшее время ранней юности и какъ живо и отчетливо вижу теперь покойнаго государя. Вотъ онъ, въ своей исторической каскѣ и мундирѣ, приближается къ фронту кадетъ; играетъ музыка, наклоняется знамя и, какъ одинъ человѣкъ, нѣсколько сотъ кадетъ звякнули ружьями, отдавая честь.

— Здравствуйте, дѣти! веселымъ голосомъ привѣтствуетъ императоръ кадетъ. Затѣмъ довольно медленно идетъ вдоль фронта, по временамъ останавливаясь и обращаясь къ тому или другому кадету съ ласковымъ словомъ или шуткой. Тогда мы всѣ впередъ знали, что смотръ будетъ удачный и во всѣхъ отношеніяхъ благополучный. Всѣ сознавали это, ибо видѣли, что государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Но бывали случаи, когда императоръ, подходя къ строю, обращался къ кадетамъ съ отрывистою холодною фразой: «здравствуйте, господа» и за тѣмъ проходилъ вдоль фронта, угрюмый и сосредоточенный, а глаза

его съ стальнымъ блескомъ глядѣли сурово и, казалось, насквозь пронизывали ряды фронта. Въ такихъ случаяхъ не обходилось безъ выговоровъ, замѣчаній и всякихъ внушеній. То аммуниція оказывалась не хорошо пригнанной, то кантъ не на мѣстѣ или какая-нибудь злосчастная пуговица оказывалась пришитою вверхъ ногами и т. п. Это было вѣрнымъ признакомъ, что государь недоволенъ и не въ духѣ.

Такія встрѣчи случались и тогда, если въ корпусѣ недавно произошелъ какой-нибудь «казусъ», вызвавшій со стороны императора неудовольствіе на кадетъ.

Расположеніе духа императора играло подчасъ не малую роль въ успѣхѣ или неуспѣхѣ смотра. Будучи еще въ корпусѣ, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Наканунѣ происходилъ Высочайшій смотръ кадетъ и былъ весьма удачный, а на другой день мы, кадеты, по желанію государя, присутствовали, въ качествѣ простыхъ зрителей, на смотру пѣхотнаго полка. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ кадеты густой толпой окружали императора, сидѣвшаго верхомъ на конѣ, и составляли ближайшую его свиту. По временамъ государь обращался къ кадетамъ съ веселой шуткой и то и дѣло остерегалъ малышей-шалуновъ, норовившихъ шмыгнуть подъ брюхомъ неподвижно-стоявшей лошади государя.

Но на этотъ разъ было не такъ. Объѣхавъ войска, выстроенныя въ колоннахъ, государь отдалъ приказаніе начать церемоніальный маршъ, а затѣмъ, приблизившись къ публикѣ, онъ замѣтилъ впереди какого-то субъекта въ бекешѣ или венгеркѣ и украшеннаго такими залихватскими усами, что ему позавидовалъ бы любой старый гусаръ временъ Бурцева и Давыдова. Государь подъѣхалъ къ владѣльцу усовъ и спросилъ, гдѣ онъ служилъ? Получивъ отвѣтъ, что «нигдѣ», императоръ обратился къ коменданту, говоря:

— Взять этого усатаго звѣрька на гауптвахту и сбрить ему усы.

Въ публикѣ это вызвало своего рода сенсацію, тѣмъ болѣе, что большинство не знало, въ чемъ дѣло, а только всѣ видѣли, что одного изъ зрителей сажаютъ въ коляску и везутъ подъ конвоемъ на гауптвахту. Онъ испуганно моргалъ глазами, проклиная, вѣроятно, свои усы и свое любопытство, выдвинувшее его впередъ другихъ, такъ сказать, на-показъ всѣмъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича усы были исключительною принадлежностью и привилегіей военнаго сословія. Не даромъ въ одномъ старинномъ романсѣ сказано: «усы героя украшаютъ, усы герою видъ даютъ».

Ношеніе усовъ, такъ называемымъ, приватнымъ (штатскимъ) людямъ строго воспрещалось и преслѣдовалось неукоснительно. Вотъ почему злосчастный «усатый звѣрокъ» попалъ на гауптвахту, гдѣ надъ его

усами была произведена насильственная операція бритвою военнаго цирульника.

Уже этотъ инцидентъ съ усами показалъ намъ, кадетамъ, что государь не въ духѣ, и Орловъ замѣтилъ вскользь, что наканунѣ получены непріятныя извѣстія съ Кавказа... Мы, кадеты, поняли, что быть грозѣ, и стояли чинно, строемъ, хотя никто этого не требовалъ.

Дѣйствительно, гроза не замедлила разразиться. Не успѣли еще пройти тихимъ церемоніальнымъ шагомъ первыя колонны, какъ послышался грозный голосъ императора: «ногу вздергиваютъ!»...

Для читателей, не посвященныхъ въ тонкости маршировочнаго искусства временъ императора Николая, не понятно, какую погрѣшность, какую вину составляло это вздергиваніе ноги. Вздергивать ногу значило подымать ее не плавно, не естественно, хотя, къ слову сказать, и самый тихій шагъ являлся чѣмъ-то неестественнымъ и годился развѣ въ гимнастическихъ залахъ да въ циркахъ. Теперь этотъ тихій шагъ давно не существуетъ въ войскахъ.

Это вздергиваніе ноги вызвало цѣлый градъ выговоровъ и распеканій со стороны императора. Офицеры и солдаты смутились, растерялись и дѣйствительно начали дѣлать ошибки даже въ построеніяхъ фронта. Смотръ еще не окончился, а уже около двухъ дюжинъ офицеровъ были посланы на гауптвахту, затѣмъ очередь дошла до штабъ-офицеровъ, командировъ полковъ; далѣе до дивизіоннаго генерала и начальника корпуснаго штаба. Уцѣлѣлъ только корпусной командиръ. Впрочемъ, еще до возвращенія во дворецъ, генералъ и штабъ-офицеры были освобождены изъ-подъ ареста, а нѣсколько позже и всѣ офицеры, причемъ было приказано: «случай сей въ формулярный списокъ ихъ не заносить».

Гроза не миновала и насъ, кадетъ, хотя задѣла насъ только, такъ сказать, мимоходомъ. Государь возвращался со смотра верхомъ и ѣхалъ шагомъ, а мы держались возлѣ него. Государь, обращаясь къ кадетамъ, сказалъ:—Вотъ вы теперь отлично знаете службу, кажется, лучшаго и требовать нельзя, а какъ поступите на дѣйствительную службу, такъ уставъ за печь, карты въ руки, да кутежи, а службу на крючокъ!.. и прочее въ этомъ родѣ.

Какъ видите, досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

На другой день государь опять производилъ смотръ тѣмъ же войскамъ и остался доволенъ; нижніе чины получили по 2 руб., а офицеры благодарность.

Посѣщая кадетскіе корпуса, императоръ Николай нерѣдко являлся къ обѣденному времени и тогда садился съ кадетами за столъ и ѣлъ, что̀ подавали всѣмъ. Поэтому въ корпусахъ столичныхъ кормили кадетъ несравненно лучше, чѣмъ въ провинціи, гдѣ только къ пріѣзду государя и высшаго начальства заботились улучшать пищу кадетъ.

Продовольственною частью въ корпусахъ завѣдывали въ то время такъ называемые **экономы**; они изрядно набивали себѣ карманы въ ущербъ кадетскимъ желудкамъ. Экономами были чиновники провіантскаго вѣдомства, а такъ какъ они въ отношеніи «пріобрѣтенія» должны были руководствоваться не однимъ только умноженіемъ, но не упускать изъ виду и дѣленіе, то потому контроль надъ продовольственною частью былъ слабъ, особенно въ провинціальныхъ корпусахъ. Впрочемъ, въ то время, такъ называемые «безгрѣшные доходы» были явленіемъ весьма обыденнымъ. Въ корпусахъ эти доходы практиковались умѣреннѣе, чѣмъ въ другихъ учрежденіяхъ, гдѣ каждая почти должность была соединена съ негласнымъ правомъ на извѣстный доходъ. Вѣроятно, съ того времени и перешло къ намъ извѣстное изреченіе: «Дайте мнѣ на прокормленіе одного казеннаго воробья, и я проживу безбѣдно съ семействомъ». Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы **такіе воробьи** совершенно исчезли въ наше время. Даже въ такое народное бѣдствіе, какъ недавній голодъ, ловкіе люди нашли «воробьевъ» и хорошо и ловко къ нимъ пристроились.

Въ сороковыхъ годахъ кадетскіе корпуса, особенно провинціальные, имѣли огромное хозяйство: свои мастерскія, швальни, столярни, аммуничныя, слесарныя, пекарни, сапожныя, переплетныя, а въ иныхъ корпусахъ были даже особыя пожарныя команды. Въ каждомъ корпусѣ былъ свой лазаретъ, своя аптека для кадетъ и служащихъ. При корпусѣ состояла особая **служительская** рота изъ мастеровыхъ солдатъ, содержаніе которыхъ относилось на корпусной бюджетъ, достигавшій въ общемъ довольно значительной цифры. На такую сумму можно было въ то время содержать небольшой университетъ. При корпусѣ числилось три врача: одинъ старшій и два младшихъ. Если принять въ соображеніе, что въ сороковыхъ годахъ на все населеніе уѣзда полагался одинъ врачъ, а на тысячу солдатъ одинъ медикъ, то нельзя не признать, что врачебный персоналъ въ корпусахъ былъ сравнительно великъ и свидѣтельствовалъ о большой заботливости и попеченіи о здоровьи кадетъ.

Вообще въ матеріальномъ отношеніи бытъ кадетъ былъ обставленъ довольно сносно, но съ нравственной стороны оставалось желать очень многаго.

Роль наставниковъ и воспитателей выполняли строевые офицеры; они прежде всего и преимущественно занимались «фронтовымъ образованіемъ» кадетъ и блюли за ихъ поведеніемъ. Въ большинствѣ это были люди съ слабымъ умственнымъ развитіемъ, ихъ кругозоръ былъ весьма ограниченный и не простирался далѣе прописной морали и устава о строевой службѣ. За рѣдкими исключеніями это были люди, не понимавшіе и не умѣвшіе изучить дѣтскую и юношескую натуру. Мно-

гіе изъ корпусныхъ наставниковъ напоминали извѣстнаго гоголевскаго учителя, который наружное благонравіе и смирное поведеніе ставилъ превыше всего и не переносилъ бойкихъ и рѣзвыхъ учениковъ. Чичиковы отлично понимали такихъ наставниковъ и умѣли ладить съ ними, но многіе способные и умные воспитанники, бойкіе и отзывчивые на все доброе и честное, нерѣдко оставались позади тупицъ и пройдохъ, благодаря неумѣлости и ограниченности наставниковъ.

Грубое и безтактное обращеніе съ кадетами вызывало нерѣдко со стороны послѣднихъ протесты, оканчивавшіеся обыкновенно очень печально для протестующихъ, и развѣ какой-нибудь счастливый случай спасалъ ихъ.

Фельдфебель роты младшаго возраста (въ то время кадетъ производили въ военные ранги: ефрейтора, унтеръ-офицера и фельдфебеля), возмущенный крайне грубымъ и дерзкимъ обращеніемъ съ нимъ дежурнаго офицера, «позволилъ себѣ» рѣзко возразить ему, подкрѣпляя слово жестомъ. Это было нарушеніе дисциплины, проступокъ тяжкій, хотя всецѣло вызванный безтактностью и грубостью офицера, который не замедлилъ принести жалобу батальонному командиру. Злосчастному фельдфебелю угрожало по меньшей мѣрѣ исключеніе изъ корпуса, а то пожалуй, и сѣрая шинель, т. е. ссылка въ полкъ рядовымъ до выслуги. Къ счастью для фельдфебеля, батальоннымъ командиромъ былъ въ то время въ нашемъ корпусѣ человѣкъ, стоявшій цѣлою головою выше нравственнаго уровня нашихъ наставниковъ-офицеровъ. Кадеты любили его и глубоко уважали. Онъ вскорѣ предсталъ предъ ротою, опечаленный и озабоченный случившимся инцидентомъ, разъяснилъ кадетамъ всю важность проступка и печальныя послѣдствія, ожидавшія виновнаго. Тогда вся рота, точно сговорившись, бросилась къ командиру, окружила его, стала умолять въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ пощадить фельдфебеля. Командиръ былъ глубоко тронутъ этими просьбами малышей, ходатайствовавшихъ за своего ближайшаго начальника.

— Я твердо вѣрю, сказалъ батальонный командиръ, обращаясь къ кадетамъ, что проступокъ фельдфебеля былъ невольный. Не можетъ быть, чтобы человѣкъ, снискавшій такую горячую любовь своихъ подчиненныхъ, былъ не способенъ глубоко раскаяться въ своихъ проступкахъ.

Благодаря заступничеству батальоннаго командира, фельдфебель отдѣлался выговоромъ и арестомъ, и могъ окончить курсъ блистательно, затѣмъ вышелъ въ гвардію, далѣе поступилъ въ генеральный штабъ, и я встрѣчалъ его фамилію уже лѣтъ 15 тому назадъ въ спискѣ генераловъ, и при томъ выдающихся.

Такія личности, какъ приведенный выше батальонный командиръ,

являлись въ наше время единичными исключеніями. Они, къ сожалѣнію, не долго оставались въ корпусѣ, ихъ находили слишкомъ либеральными или, какъ тогда выражались —слабыми.

Былъ у меня товарищъ—очень бойкій и рѣзвый мальчикъ, и эта черта характера стоила ему не мало слезъ и огорченій. Блюстители благонравія и смиреннаго поведенія воздвигали противъ него настоящее гоненіе. Чего, чего не перенесъ только онъ, начиная отъ сидѣнья на хлѣбѣ и водѣ до порки и при томъ самой жестокой, немилосердной порки, а все же благонравіе не прививалось. Рѣшено было сего воспитанника, какъ вреднаго и неисправимаго (къ слову сказать, онъ былъ прекрасной нравственности) удалить изъ корпуса, предложивъ роднымъ взять его къ себѣ, а буде сего они учинить не пожелаютъ, то сослать его въ кантонисты.

Здѣсь я долженъ пояснить, что въ то время существовали кантонистскіе батальоны и при нихъ отдѣленія «благородныхъ кантонистовъ». Въ эти отдѣленія поступали сыновья неимущихъ личныхъ дворянъ, а для кадетъ это были своего рода арестантскія роты, куда ссылались безнадежные по поведенію кадеты, не достигшіе 16—17-ти лѣтняго возраста и не могущіе, слѣдовательно, быть высланными въ полки рядовыми или юнкерами.

Мой безнадежный товарищъ избѣгъ этой участи, благодаря протекціи, которую, по просьбѣ родныхъ, оказалъ ему одинъ изъ офицеровъ. Онъ взялъ опальнаго кадета на свои поруки и, такимъ образомъ, далъ ему возможность продолжать курсъ ученья, которое онъ окончилъ блистательно и вышелъ въ гвардію съ прикомандированіемъ въ академію генеральнаго штаба, т. е. удостоился самой высшей награды. А вѣдь спасла его отъ «благородныхъ» кантонистовъ одна только случайность!

Большинство офицеровъ-наставниковъ были тупые рутинисты, они терпѣть не могли бойкихъ дѣтей и юношей, и преслѣдовали ихъ съ какою-то неумолимою жестокостью и постоянствомъ, и не рѣдко были причиною того, что молодые люди, способные и могущіе быть полезными государству, выходили недоучками или надломленными натурами. Не мало изъ такихъ гонимыхъ неудачниковъ вынуждены были тянуть солдатскую лямку гдѣ-нибудь на Кавказѣ или въ линейномъ батальонѣ въ азіатскихъ степяхъ, гдѣ среда окончательно заѣдала ихъ.

Воспитательная задача офицеровъ заключалась главнымъ образомъ въ муштровкѣ тѣла и духа, въ смыслѣ подавленія послѣдняго. Отношенія, основанныя на взаимной любви, признавались излишними нѣжностями; страхъ былъ началомъ премудрости корпуснаго воспитанія.

И дѣйствительно въ младшемъ возрастѣ кадеты боялись своихъ наставниковъ-офицеровъ; но боязнь далеко не то, что уваженіе, а по-

тому кадеты средняго, особенно старшаго возраста, подвергали своихъ наставниковъ злымъ насмѣшкамъ и безпощадной критикѣ. Не рѣдко кадеты умышленно обращались съ разными «учеными» вопросами къ своимъ наставникамъ-офицерамъ, дѣлая это съ цѣлью позабавиться надъ ихъ невѣжествомъ и самоувѣренностью.

— Иванъ Ивановичъ, позвольте узнать, что такое гипотенуза? — спрашиваетъ кадетъ дежурнаго офицера во время вечернихъ занятій.

— Занимайтесь своимъ очереднымъ урокомъ, вѣдь на завтра вамъ естественная исторія не задана, отвѣчаетъ офицеръ, и довольный своею находчивостью, продолжаетъ обходъ столовъ, возлѣ которыхъ кадеты твердятъ уроки. Но еще болѣе доволенъ кадетъ; онъ лукаво поглядываетъ на товарищей, которыхъ угостилъ даровымъ представленіемъ.

Такихъ примѣровъ полнѣйшаго невѣжества тогдашнихъ офицеровъ-воспитателей можно было бы привести множество, но я приведу здѣсь еще одинъ случай, который особенно живо запечатлѣлся въ моей памяти.

Кадеты уже промаршировали въ классъ. Сейчасъ начнутся занятія. Въ одинъ изъ классовъ входитъ дежурный офицеръ и приказываетъ читать молитву «предъ ученьемъ». Выходитъ впередъ одинъ изъ учениковъ и, обращаясь къ офицеру, смиренно говоритъ: «У насъ первый урокъ—нѣмецкій языкъ,—можно читать молитву на этомъ языкѣ». Офицеръ былъ въ добродушномъ настроеніи, а потому благосклонно разрѣшилъ нѣмецкую молитву, сопровождая разрѣшеніе глубокомысленнымъ замѣчаніемъ, что Господа можно славить на всѣхъ языкахъ. Кадетъ подходитъ къ иконѣ и громко говоритъ первую строфу изъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Перчатка». Окончивъ эту оригинальную молитву, кадетъ оборачивается, чтобы полюбоваться, какой эффектъ произвела на товарищей его смѣлая и рискованная выходка. Въ дверяхъ онъ видитъ спину спокойно удаляющагося офицера, но, о, ужасъ! Тамъ же онъ замѣчаетъ приземистую и коренастую фигуру учителя нѣмецкаго языка, почтеннаго Карла Ивановича, онъ же и старшій корпусной врачъ... Карлъ Ивановичъ все видѣлъ и слышалъ, и потому такъ отчаянно ерошитъ громадную шевелюру своихъ вьющихся черныхъ, какъ смоль, волосъ. Учитель быстро затворяетъ двери, затѣмъ грозно надвигается на виновнаго, долго уничтожаетъ его своимъ взглядомъ и отрывисто говоритъ:

— Читать молитву!..

Въ продолженіе всего урока Карлъ Ивановичъ очень взволнованъ и встревоженъ. За малѣйшую ошибку онъ рветъ и мечетъ и яростно стучитъ кулакомъ по каѳедрѣ. Въ немъ, видимо, происходитъ борьба двухъ чувствъ: жалости и негодованья. Карлъ Ивановичъ, хотя медикъ и протестантъ, но въ душѣ онъ весьма религіозенъ, и его глу-

боко возмущаетъ такое легкомысленное отношеніе къ значенію молитвы. Онъ отлично понимаетъ мотивы этого поступка, а также и печальныя послѣдствія, угрожающія дерзкому шалуну. Все это вмѣстѣ взятое несказанно волнуетъ добрѣйшаго Карла Ивановича, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ дѣлать видъ, какъ будто ничего не слышалъ. Къ концу урока онъ нѣсколько успокоивается и повидимому принимаетъ какое-то рѣшеніе. И дѣйствительно, какъ только грохотъ барабана возвѣстилъ перемѣну, Карлъ Ивановичъ приказалъ провинившемуся кадету слѣдовать за собою. Товарищи думали, что быть бѣдѣ, но вскорѣ успокоились, замѣтивъ, что учитель направлялся въ лазаретъ. Здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, оставшись глазъ на глазъ съ проштрафившимся кадетомъ, Карлъ Ивановичъ задалъ ему жестокую нравственную головомойку, представилъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ его поступокъ и довелъ виновнаго до искренняго раскаянія, затѣмъ оставилъ его въ лазаретѣ на три дня, посадивъ на одинъ габеръ супъ (овсянку). Другихъ послѣдствій этотъ случай не имѣлъ для названнаго кадета, а могъ окончиться весьма печально, тѣмъ болѣе, что мистифицированный или, вѣрнѣе, одураченный офицеръ-наставникъ былъ человѣкъ крайне самолюбивый и мнилъ себя образованнымъ, хотя это образованіе ограничивалось твердымъ знаніемъ артикулъ устава да стихами Пушкина «Братья разбойники». Вызвана же эта шалость была въ высшей степени ненормальными отношеніями между кадетами и ихъ воспитателями.

Когда я пишу эти строки, предо мною встаетъ изъ далекаго прошлаго симпатичная фигура Карла Ивановича. Вотъ онъ въ внушительной позѣ стоитъ передъ младшимъ классомъ и учитъ читать по-нѣмецки. Заданный урокъ, уже прочитанный порознь, теперь читается вслухъ всѣмъ классомъ. Двадцать или двадцать пять дѣтскихъ голосовъ воспроизводятъ нѣмецкія слова въ одинъ тактъ, усердно выбиваемый Карломъ Ивановичемъ линейкою по книгѣ. Онъ весь—вниманіе и слухъ. Малѣйшій неправильный звукъ или произношеніе, и учитель прерываетъ чтеніе, пѣтушится, шумитъ и приказываетъ начинать снова. Это была своеобразная гимнастика для легкихъ, и въ то же время слухъ усваивалъ правильную нѣмецкую рѣчь и произношеніе.

Во время урока Карлъ Ивановичъ то и дѣло кипятился, и слова «лѣнтяй», «невѣжа», «замарашка» сыпались у него, какъ изъ рога изобилія.

— Какъ по-нѣмецки водка? спрашиваетъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь къ классу.

Всѣ молчатъ, ибо такого слова еще не учили, но одинъ изъ кадетъ случайно вспомнилъ требуемое слово и кричитъ: «Шнапсъ!»...

Учитель приходитъ въ негодованіе—Schnaps, какой Schnaps, кричитъ онъ, такъ извощики говорятъ, должно сказать: Brantwein.

Вообще на первый взглядъ Карлъ Ивановичъ казался какимъ-то свирѣпымъ педагогомъ, строгимъ и неумолимымъ. На самомъ же дѣлѣ это былъ добрѣйшей души человѣкъ, другъ дѣтей и опытный педагогъ, хотя довольно эксцентричный.

Занятія въ его классѣ шли успѣшно, и царила безусловная тишина, шумѣлъ за всѣхъ одинъ учитель, набрасываясь на тѣхъ, кто слабѣе зналъ урокъ, а если такихъ слабыхъ было много, то тутъ же въ классѣ начиналось повтореніе, а потому процентъ неуспѣвающихъ былъ очень малъ.

Лазаретъ для Карла Ивановича былъ въ своемъ родѣ святилищемъ, гдѣ священнодѣйствовалъ только онъ и его коллеги не только по части медицинской, но и вообще хозяйственно-административной. Онъ не допускалъ активнаго вмѣшательства въ управленіе лазаретомъ корпуснаго начальства, и лазаретъ содержался въ образцовомъ порядкѣ, рѣдкой чистотѣ и даже роскоши.

Лазаретъ Карла Ивановича былъ хорошимъ убѣжищемъ для кадетъ не только во время болѣзни, но и при нравственномъ и физическомъ переутомленіи, а также иногда и спасительною станціей отъ излишнихъ нападокъ со стороны «строеваго» начальства.

Въ сороковыхъ годахъ въ нашихъ школахъ розги считались самымъ вѣрнодѣйствующимъ воспитательнымъ средствомъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства розги примѣнялись далеко не такъ усердно и не такъ артистически, какъ въ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ это сильно дѣйствующее средство было излюбленнымъ двигателемъ воспитанія. Розочная экзекуція была доведена въ кадетскихъ корпусахъ сороковыхъ годовъ до крайнихъ предѣловъ. Среди контингента корпусныхъ офицеровъ-наставниковъ были особые любители истязаній розгами и упражнялись въ этомъ дѣлѣ съ жестокостью и безсердечіемъ, способнымъ озадачить даже самого Аракчеева.

Розги были обыденнымъ наказаніемъ въ кадетскихъ корпусахъ и не являлись чрезвычайною мѣрой, къ которой прибѣгали въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Ни одинъ волостной судъ не приговаривалъ крестьянъ къ розгамъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это дѣлали въ отношеніи кадетъ корпусные офицеры; они истязали кадетъ за самые незначительные проступки, а такая система воспитанія крайне неблагопріятно вліяла на нравственность кадетъ. «За одного битаго двухъ не битыхъ даютъ», говорили эти насадители военныхъ добродѣтелей и въ розгахъ видѣли «панацею» отъ всѣхъ нравственныхъ недуговъ ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей и юношей.

Розги примѣнялись не только къ малолѣтнимъ кадетамъ, но и къ среднему и даже старшему возрасту—иногда наканунѣ выпуска въ офицеры.

Нельзя сказать, чтобы чрезмѣрно частое примѣненіе розогъ не вызывало со стороны кадетъ сильныхъ протестовъ. Такіе протесты случались, какъ одиночныя явленія, но протестовали иногда и цѣлымъ скопомъ. Нечего и говорить, что подобные случаи обыкновенно оканчивались очень печально для протестовавшихъ,—ихъ высылали рядовыми на Кавказъ впредь до выслуги, но правъ и преимуществъ, присвоенныхъ имъ, какъ дворянамъ, они не теряли. Кто изъ бывшихъ кадетъ того времени не знаетъ подобныхъ случаевъ, ибо ихъ было не мало.

Кадеты, высылаемые изъ корпусовъ рядовыми (въ солдаты), подвергались этому наказанію исключительно за неодобрительное поведеніе, если оно выражалось, главнымъ образомъ, въ явномъ неповиновеніи начальству, особенно за безпокойный характеръ. Высылка въ полкъ рядовымъ являлась для взрослыхъ кадетъ высшею мѣрою наказанія, которое могло послѣдовать только по Высочайшей резолюціи. Императоръ Николай лично интересовался такими случаями, и въ подтвержденіе этого я приведу здѣсь слѣдующій, вполнѣ достовѣрный, фактъ. Одинъ кадетъ, который хотя учился хорошо, но проявлялъ, по мнѣнію корпуснаго начальства, крайне безпокойный характеръ, былъ назначенъ въ юнкера, въ уваженіе оказанныхъ имъ успѣховъ въ наукахъ. Императоръ собственноручно зачеркнулъ слово «въ юнкера» и написалъ «въ рядовые» на Кавказъ или въ одинъ изъ полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Когда затѣмъ послѣ Высочайшаго смотра въ Вознесенскѣ (въ 1852 г.) бывшій кадетъ былъ представленъ въ юнкера за отлично хорошее поведеніе, то государь сдѣлалъ слѣдующую собственноручную отмѣтку: «нѣсколько мѣсяцевъ слишкомъ мало на исправленіе, притомъ онъ ничего не потеряетъ, такъ какъ срокъ для производства въ офицеры назначенъ». Военное начальство было очень озадачено такою резолюціею и, когда началась восточная война и пришлось упомянутаго рядоваго представить въ юнкера за отличное мужество и поведеніе, то даже главнокомандующій арміей князь Паскевичъ, имѣвшій право производить за военное отличіе въ чины до полковника включительно и которому было сдѣлано представленіе о производствѣ въ юнкера названнаго рядоваго, не счелъ себя въ правѣ утвердить представленіе и повергъ его на Высочайшее усмотрѣніе. Разумѣется, представленіе было Высочайше утверждено, но для этого, при тогдашнихъ путяхъ сообщеній, потребовалось цѣлыхъ десять мѣсяцевъ. Тотчасъ по полученіи Высочайшей резолюціи, новый юнкеръ былъ представленъ въ офицеры, а все же въ результатѣ онъ потерялъ не мало, ибо могъ

быть произведенъ въ первый чинъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, а въ военное время это значитъ очень много.

Привожу здѣсь случаи одиночныхъ протестовъ кадетъ противъ розочной экзекуціи. Факты эти имѣли мѣсто въ одномъ корпусѣ, притомъ въ сравнительно короткое время. Я не имѣю въ виду обличить когонибо, я очерчиваю лишь общими штрихами картину жизни въ кадетскихъ корпусахъ сороковыхъ годовъ, а потому не называю ни дѣйствующихъ лицъ, ни мѣста дѣйствія; замѣчу однако, что сообщаемые мною факты безусловно вѣрны, и я разсказываю ихъ, какъ очевидецъ.

Рота кадетъ средняго возраста только-что возвратилась съ классныхъ уроковъ и выстроилась въ ротномъ залѣ. Ротный командиръ, извѣстный артистъ по части розогъ, проходитъ по фронту и останавливается передъ однимъ кадетомъ, у котораго замѣтилъ въ рукѣ, кромѣ книгъ, аспидную доску безъ рамокъ.

Командиръ беретъ доску, тычетъ её подъ носъ кадету и грозно спрашиваетъ:

— Это что, почему доска безъ рамокъ?

— Рамки были старыя и распались, отвѣчаетъ кадетъ.

— Щенокъ паршивый, вотъ я тебѣ задамъ распались! кричитъ капитанъ и норовитъ ударить кадета доской по лбу. Кадетъ инстинктивно отступаетъ шагъ назадъ, доска падаетъ къ ногамъ капитана и разбивается въ дребезги. Это приводитъ его въ ярость, онъ хватаетъ несчастную жертву за воротникъ куртки и приказываетъ стоящимъ тутъ же въ сторонѣ дядькамъ тащить его въ цейхгаузъ (Дядьками назывались тогда старшіе служители изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ; они же обыкновенно выполняли экзекуцію надъ кадетами подъ личнымъ наблюденіемъ офицера).

— Свести его въ цейхгаузъ и приготовить розогъ! командовалъ разгнѣванный капитанъ.

Въ цейхгаузѣ хранилась аммуниція и одежда кадетъ, тамъ же обыкновенно происходило наказаніе розгами.

Вскорѣ за удалившимися дядьками и осужденнымъ на казнь кадетомъ послѣдовалъ и ротный командиръ, и, войдя въ цейхгаузъ, приказалъ приступить къ экзекуціи.

Но здѣсь произошла ужасная драма, при воспоминаніи о которой у меня и теперь стынетъ кровь въ жилахъ. Осужденный кадетъ, видя, что ему не избѣжать позорнаго наказанія и что служители уже приближаются къ нему, отскочилъ въ уголъ; въ рукахъ у него блеснулъ острый, какъ бритва, «завьяловскій ножикъ», однимъ взмахомъ онъ хватилъ имъ себѣ по шеѣ, перерѣзавъ горло и упалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Оказалась перерѣзанною сонная артерія, кровь цѣлыми потоками лилась съ несчастной жертвы и заливала полъ цейхгауза.

Поднялась страшная суматоха, прибѣжали доктора, явилось высшее корпусное начальство; но предъ ними уже лежалъ, утопая въ крови, трупъ кадета.

«Но какія послѣдствія имѣла эта ужасная кровавая драма»? спроситъ читатель.

Да въ сущности никакихъ послѣдствій этотъ случай не имѣлъ. Правда, на первое время корпусное начальство стало уже не такъ усердно прибѣгать къ розгамъ, но только на первое время, а тамъ опять все пошло по-старому. По поводу самоубійства кадета производилось что-то въ родѣ слѣдствія, были и жандармы, допрашивали кадетъ, указанныхъ корпуснымъ начальствомъ, и признали, что якобы погибшій кадетъ былъ психически разстроенъ и совершилъ самоубійство въ припадкѣ помѣшательства. Къ тому же зарѣзавшійся кадетъ былъ изъ очень далекихъ мѣстъ, чуть ли не круглый сирота, и не было кому разоблачить это вопіющее дѣло. «А ротный командиръ, на голову котораго пала кровь этого полуребенка, этотъ Иродъ, избивавшій дѣтей, какія послѣдствія имѣлъ для него этотъ кровавый эпизодъ?» спросите вы. У него была кое-какая протекція, и онъ остался въ корпусѣ продолжать свою воспитательную миссію. Теперь такому субъекту не довѣрили бы не только воспитаніе дѣтей «передоваго сословія», ему не поручили бы даже пріюта для самыхъ закоренѣлыхъ малолѣтнихъ преступниковъ.

Въ ротѣ младшаго возраста, вскорѣ послѣ описаннаго случая, было покушеніе на самоубійство, не имѣвшее несчастныхъ послѣдствій, только благодаря случайности.

Какому-то малышу предстояла порка, и когда служители вели его на расправу, онъ вырвался у нихъ съ рукъ и въ отчаяньи бросился внизъ головою съ лѣстницы третьяго этажа. По счастью, на мѣстѣ паденія оказалась большая куча древесныхъ опилокъ, и несчастный отдѣлался одними ушибами; поступилъ въ лазаретъ, затѣмъ вскорѣ былъ взятъ родителями. Но какія послѣдствія въ будущемъ имѣло на здоровье его это страшное паденіе — мнѣ неизвѣстно.

Кадетъ старшаго возраста сдѣлалъ какую-то неважную провинность противъ субординаціи, за это былъ посаженъ въ карцеръ и присужденъ, кромѣ того, къ тѣлесному наказанію. Въ ночь, наканунѣ экзекуціи, онъ бѣжалъ изъ запертаго карцера, находившагося въ третьемъ этажѣ корпуснаго зданія. Дезертиръ-кадетъ, рискуя сломать себѣ шею, спустился съ окна по водосточнымъ трубамъ и исчезъ. Почти два мѣсяца былъ онъ въ бѣгахъ, къ великому смущенію корпуснаго начальства, наконецъ, его случайно удалось розыскать гдѣ-то за сотни верстъ отъ корпуса. Бѣглецъ былъ сданъ въ руки корпуснаго начальства, ко-

торое подвергло его усиленному наказанію розгами, затѣмъ на него была надѣта сѣрая куртка, въ этомъ нарядѣ его провели по кадетскому двору и сдали роднымъ, какъ исключеннаго изъ заведенія.

Во время обученія одиночной муштрѣ въ ротѣ самаго старшаго возраста офицеру показалось, что одинъ изъ кадетъ не старается, что онъ съ недостаточнымъ усердіемъ продѣлываетъ ружейные пріемы. За такую небрежность воспитатель набросился на виновнаго, обозвалъ его мерзавцемъ, негодяемъ и въ заключеніе обѣщалъ «порку». Кадетъ былъ самолюбивъ и вспыльчивъ, онъ бросился на офицера, сорвалъ съ него эполеты и нанесъ ему, какъ выражаются юристы, обиду дѣйствіемъ.

О послѣдствіяхъ такого поступка нечего распространяться. Виновный былъ сосланъ рядовымъ въ отдаленный линейный баталіонъ, причемъ предварительно надъ нимъ была произведена экзекуція. Наказали розгами уже не келейно въ цейхгаузѣ, а въ актовомъ залѣ, въ присутствіи кадетъ всего корпуса, при торжественной обстановкѣ и съ предварительными рѣчами.

Такого рода церемоніи никакого воспитательнаго значенія не имѣли, внушая кадетамъ жалость къ пострадавшему и омерзѣніе къ самой формѣ наказанія.

Офицеръ, получившій тяжкое оскорбленіе, вынужденъ былъ оставить корпусъ; его перевели въ какой-то пѣхотный полкъ. Спрашивается, могъ ли бы случиться подобный печальный случай, если бы корпусные наставники отвѣчали своему назначенію?

Палочная дисциплина, основанная исключительно на страхѣ, не одобрялась бывшимъ въ концѣ сороковыхъ годовъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. По его мысли, графомъ Ростовцевымъ былъ выработанъ тогда же подробный проектъ реформы воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе императора Александра Николаевича, какъ извѣстно, эта реформа была осуществлена: кадетскіе корпуса были преобразованы въ военныя гимназіи. Теперь онѣ опять переименованы въ кадетскіе корпуса, и имъ приданъ военный характеръ. Но, во всякомъ случаѣ, вопреки мечтаніямъ любителей добраго стараго времени, оно кануло въ вѣчность безвозвратно. Теперь немыслимы въ кадетскихъ корпусахъ порядки императора Николая, иначе пришлось бы отрицать прогрессъ. Невозможно допустить и мысли, чтобы въ наше время были терпимы такіе наставники-офицеры, какими обиловали корпуса въ сороковыхъ годахъ.

Въ заключеніе достаточно сказать, что среди этихъ наставниковъ, помимо ихъ невѣжества и неразвитости, попадались люди глубоко развращенные. Подкрѣплю эти слова примѣромъ. Одинъ офицеръ-наставникъ былъ по Высочайшему повелѣнію лишенъ правъ и разжалованъ

въ рядовые за попытку склонить кадета къ учиненію грѣха, за который, по словамъ библіи, погибли города Содомъ и Гоморра... Вотъ какіе были въ то доброе время воспитатели... Слава Богу, что все это давно прошло и быльемъ поросло.

По прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ можно говорить объ этомъ добромъ времени безъ горечи и желчи, но вздыхать о тогдашнихъ порядкахъ и желать ихъ возврата могутъ развѣ люди, все еще оплакивающіе крѣпостное право со всѣми его аксессуарами: негласными судами, капитанъ-исправниками, откупщиками, Сквозникъ-Дмухановскими и Держимордами... Нѣтъ, это время прошло безвозвратно. Жизнь идетъ впередъ и предъявляетъ все новыя и новыя требованія. Въ исторіи человѣчества бываютъ моменты, когда это движеніе пріостанавливается, но съ тѣмъ, чтобы потомъ съ удвоенною силою двигаться впередъ.

Закончу мои воспоминанія о кадетскихъ корпусахъ николаевскаго времени указаніемъ на болѣе свѣтлыя явленія въ ихъ жизни.

Если контингентъ корпусныхъ офицеровъ-наставниковъ въ общемъ былъ плохъ и не отвѣчалъ своему назначенію, то этотъ недостатокъ отчасти вознаграждался сравнительно хорошимъ подборомъ учителей. Болѣе обезпеченный матеріальный бытъ корпуснаго учителя и другія благопріятныя условія привлекали въ кадетскіе корпуса того времени лучшія наши педагогическія силы, и извѣстно, что многіе выдающіеся и извѣстные ученые и литераторы были преподавателями въ корпусахъ.

Общеобразовательная программа была довольно обширна: въ нее входили всѣ предметы нынѣшнихъ реальныхъ училищъ, а нѣкоторые въ большемъ объемѣ, обязательно съ двумя языками, французскимъ и нѣмецкимъ, и кромѣ того въ спеціальныхъ классахъ проходили курсъ нынѣшнихъ военныхъ училищъ (спеціально военной науки). Кадеты съ средними способностями и прилежные, оканчивая курсъ ученія съ средними баллами, 8—9, довольно твердо и основательно усваивали себѣ знаніе предметовъ общеобразовательнаго курса и могли, по выходѣ изъ корпуса, утилизировать свои знанія и совершенствоваться въ дѣлѣ саморазвитія.

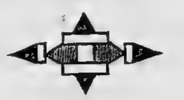
Мнѣ пріятно теперь, послѣ многихъ лѣтъ, помянуть добрымъ словомъ нашихъ корпусныхъ учителей. Мы, кадеты, имѣли съ ними общеніе только въ классахъ, но ихъ любовь къ наукѣ, добрыя отношенія къ учащимся, много содѣйствовали подъему нравственнаго уровня кадетъ и, такимъ образомъ, хотя отчасти исправляли вредъ, причиняемый грубостью и невѣжествомъ большинства тогдашнихъ воспитателей-офицеровъ.

Иные изъ этихъ воспитателей не задумывались дѣлать даже доносы на учителей, обвиняя ихъ въ вольнодумствѣ. Такъ, учитель естествен-

ныхъ наукъ вынужденъ былъ оставить корпусъ, какъ заподозрѣнный въ желаніи якобы поколебать истины святаго писанія. Кадетъ обратился къ этому учителю съ вопросомъ: былъ ли всемірный потопъ въ полномъ значеніи этого слова? Учитель пояснилъ, что, по мнѣнію многихъ ученыхъ, потопъ не могъ быть на всемъ земномъ шарѣ и что этого опредѣленно и въ библіи не говорится. Вотъ за это толкованіе учитель подвергся гоненіямъ и, оставивъ педагогическое поприще, избралъ другой родъ службы.

Если кадетскіе корпуса сороковыхъ годовъ дали отечеству немало дѣльныхъ, развитыхъ и образованныхъ людей, то это обстоятельство всецѣло должно быть приписано заслугамъ учителей. Конечно, не во всѣхъ корпусахъ былъ одинаково удачный подборъ учителей, но вообще высшее начальство корпусовъ всячески старалось привлечь лучшія педагогическія силы. Этому доброму примѣру не мѣшаетъ подражать и теперь, а большинство прежнихъ порядковъ въ кадетскихъ корпусахъ сороковыхъ годовъ навсегда предать забвенію.

Неизвѣстный.



Замѣтка

къ статьѣ „Къ исторіи Крутицъ въ Москвѣ“ [1]).

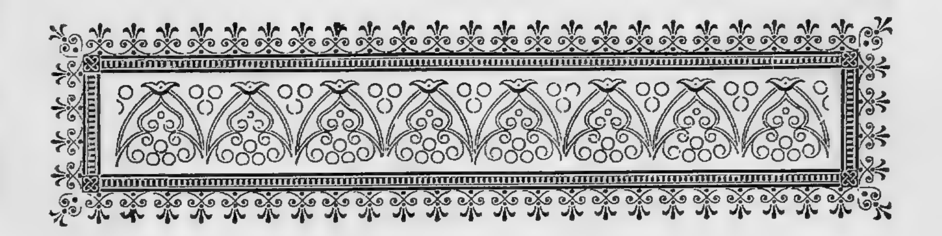
Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ вся Москва опять заговорила о Крутицахъ. Это произошло по слѣдующему поводу. Служившій на Николаевской желѣзной дорогѣ, рядовой Онуфрій Крайневъ настойчиво заявлялъ, что онъ во снѣ слышалъ голосъ: „иди и объяви, что въ Москвѣ, на Крутицахъ, въ казармахъ, есть разоренный храмъ [2]), тамъ почиваютъ мощи св. Ѳеодора“. Молва народная распространила вѣсть объ этомъ по всей Москвѣ. Народъ сталъ стекаться на Крутицы въ большомъ числѣ. Многіе стали просить служить панихиды. Дѣло получило такую громкую извѣстность, что московскій митрополитъ Филаретъ счелъ нужнымъ довести объ немъ до свѣдѣнія Свят. Сѵнода. Одновременно съ этимъ для успокоенія народнаго броженія, онъ распорядился объявить благочинному надъ духовенствомъ, въ вѣдѣніи котораго находились Крутицкія церкви, слѣдующее: „какъ упраздненную на Крутицахъ Воскресенскую церковь, подъ которою погребены нѣкоторые архіереи, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I повелѣлъ возстановить, и потомъ то же самое повелѣлъ въ Бозѣ почившій императоръ Николай Павловичъ, по представленію своего наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра Николаевича, то весьма желательно, чтобы церковь сія была дѣйствительно возстановлена, на что, сколько извѣстно, уже и обращено вниманіе“ [3]).

---

[1]) См. „Русск. Старину“, январь 1894 года.

[2]) Упраздненная церковь во имя Воскресенія Христова, бывшая нѣкогда домовою церковію крутицкихъ владыкъ.

[3]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ митроп Филарета“, томъ дополнительный, № 133 471—473.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

и

Вальтеръ-Скотты-могильщики.

«Исторія очень легко дѣлается орудіемъ партій. Событія были нѣмы и темны; люди настоящаго освѣщаютъ ихъ какъ хотятъ; прошедшее, чтобы получить гласность, переходитъ черезъ гортань настоящаго поколѣнія, а оно часто хочетъ быть не просто органомъ чужой рѣчи, а суфлеромъ; оно заставляетъ прошедшее лжесвидѣтельствовать въ пользу своихъ интересовъ».

Искандеръ.

I.

Въ послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ читающая публика стала предъявлять особенный спросъ на историческіе романы. Литература, конечно, не замедлила удовлетворить этому требованію. За границей появились даже археологическіе, такъ называемые—профессорскіе романы, у насъ, въ Россіи, цѣлая плеяда писателей, въ угоду публикѣ, принялась передѣлывать отечественныя хроники, ученыя историческія сочиненія и мемуары—въ «историческія повѣствованія». Впрочемъ, нужно оговориться, что историческіе романы начали выходить въ Россіи чуть-ли не съ самаго появленія исторіи Карамзина. На этомъ поприщѣ еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія подвизались Булгаринъ и Гречъ, Загоскинъ и Лажечниковъ, Зотовъ и Фурманъ, Борисъ Ѳедоровъ и Масальскій. Но въ позднѣйшее время количество такихъ романовъ особенно увеличилось. Съ легкой руки графа Алексѣя Толстаго, какъ-бы возобновившаго своимъ «Княземъ Се-

ребрянымъ» забытый навремя родъ литературы, гг. Данилевскій, Вс. Соловьевъ, Саліасъ, Мордовцевъ и другіе вывели предъ лицо читающей публики едва-ли не всѣхъ выдающихся дѣятелей прошлыхъ столѣтій, пересказали намъ чуть-ли не всѣ замѣчательные случаи нашей исторіи.

За это, конечно, нельзя не сказать имъ спасибо. Ученыя монографіи и трактаты по исторіи у насъ до настоящаго времени пишутся все еще такъ мудрено и подъ часъ такимъ языкомъ, что среднему читателю иногда бываетъ трудно съ ними справиться, такъ какъ въ немъ подобныя серьезныя творенія большею частію возбуждаютъ непобѣдимую зѣвоту и непреодолимый сонъ. Историческіе романы, хотя тоже не безъ грѣха въ этомъ отношеніи, все же читаются значительно легче и все же, между массою ненужнаго балласта, улетучивающагося тотчасъ же изъ головы читателя, сообщаютъ ему мимоходомъ кое-какія историческія свѣдѣнія, которыя, говорятъ, въ такомъ обработанномъ видѣ запоминаются значительно удобнѣе, чѣмъ, напримѣръ, по учебнику Устрялова.

Но если эти романы легко читаются, то и дѣлаются они также не менѣе легко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кажется, по поводу «Великаго Раскола» г. Мордовцева, въ одномъ журналѣ былъ сообщенъ рецептъ, по которому русскіе Вальтеръ-Скотты приготовляютъ свои историческіе романы. Дѣло оказывается не особенно мудренымъ. На письменный столъ кладутся рядомъ «Исторія Россіи» Соловьева, монографія какая-нибудь, относящаяся къ данной эпохѣ, и мемуары подходящаго историческаго дѣятеля; затѣмъ выписывается отсюда строкъ десять, оттуда строкъ двадцать, изъ третьяго мѣста строкъ пятнадцать,—потомъ опять оттуда, опять отсюда и такъ, по очереди, продолжается до конца «романа» или «историческаго повѣствованія». Къ выпискамъ для пущей важности, для картинности и сочности слога, авторъ уже собственно отъ себя прибавляетъ между словъ «значитъ», «выходитъ» и тому подобныя вводныя реченія; подбираетъ подходящіе эпитеты: коли ночь, такъ «темная», коли день, такъ «свѣтлый», осень—«ненастная», зима—«морозная» и т. д.; присочиняетъ какую-нибудь подробность, въ родѣ того, какъ, напримѣръ въ «Великомъ Расколѣ» разстрига кидаетъ на престолъ не одну рубаху, какъ сказано у Аввакума, но и порты, и затѣмъ—«святая душа безъ портовъ радуется» [1]); наконецъ, придумывается, между прочимъ, какая-нибудь интрижка, самая немудрая, и «романъ» готовъ. Такого рода романъ появляется потомъ на страницахъ толстаго журнала и находитъ себѣ извѣстный кругъ читателей, быть можетъ, даже—поклонниковъ... Но de gustibus non disputandum!

[1]) Кстати, къ этой принадлежности всероссійскаго туалета нѣкоторые имѣютъ, очевидно, особенное пристрастіе: въ другомъ «историческомъ повѣствованіи» того же автора снова фигурируютъ порты, но уже каменные... Объ этомъ смотри далѣе.

Дѣло вовсе не въ этомъ. Если подобные романы-компиляціи читаются, если на нихъ существуетъ спросъ, то, конечно, всегда найдутся поставщики товара, который приходится по вкусу публики,—а именно отъ этого вкуса вѣдь и зависитъ качество товара. Но дѣло въ томъ, что поставщикъ подобнаго товара все же не простой ремесленникъ, а писатель, и—каковъ бы онъ ни былъ—все же таки на немъ лежатъ извѣстныя общественныя обязанности, которыя онъ принимаетъ на себя, выступая на арену печатнаго слова: noblesse oblige. Все же, печатая то или другое «историческое повѣствованіе», онъ долженъ имѣть извѣстную задачу, извѣстную цѣль, кромѣ платы по стольку-то съ листа; въ противномъ случаѣ, онъ снизойдетъ до беззастѣнчивости писателей толкучаго рынка, преподносящихъ читателямъ «историческія повѣствованія» о разбойникѣ Чуркинѣ: epistola non rubescit.

Такого рода мысли невольно приходятъ въ голову при чтеніи произведеній, въ родѣ «историческаго повѣствованія» г. Мордовцева, которое было напечатано въ «Наблюдателѣ» за 1885 годъ подъ заглавіемъ «Похороны» и которое, какъ оказывается, послужило прототипомъ для цѣлаго ряда подобныхъ «историческихъ повѣствованій».

Просматривая это странное произведеніе, невольно спрашиваешь себя: какую цѣль преслѣдовалъ авторъ въ своемъ повѣствованіи и кого именно онъ пытался въ немъ похоронить?

«Историческое повѣствованіе», о которомъ идетъ рѣчь, относится къ эпохѣ Петра Великаго и представляетъ рядъ отдѣльныхъ сценъ, часто не имѣющихъ между собою иной связи, кромѣ хронологической. Авторъ разсказываетъ и о тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, купающемъ, послѣ обильныхъ возліяній за столомъ, своихъ спальниковъ, и о царевнѣ Софьѣ, вздыхающей о своемъ голубчикѣ, Васенькѣ Голицынѣ, и о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ съ бѣдовымъ царевичемъ Петенькой, съ дѣтства возлюбившимъ потѣхи съ кокуйскими нѣмцами; пересказываются здѣсь и церковныя смуты, и стрѣлецкіе бунты, и крымскіе походы; появляются на сцену и плотникъ Брандтъ съ «аглицкимъ» ботомъ, и Тиммерманъ съ астролябіей, и Никита Зотовъ, и Лефортъ, и Алексаша Меншиковъ—словомъ предъ читателемъ проходятъ событія и лица, съ дѣтства извѣстныя и дорогія каждому русскому: такъ и чувствуешь, какъ перевертываются, одна за другой, страницы исторіи Соловьева, лежащей на письменномъ столѣ автора, и какъ онъ, пересыпая ихъ собственной головы разсказами о турецкой Иверской, о пашѣ въ штаникахъ и о каменныхъ портахъ, создаетъ все новыя и новыя главы своего «историческаго повѣствованія»... Впрочемъ, надобно отдать справедливость автору; онъ не ограничивается одною только исторіей Соловьева, но пользуется и другими источниками. Появляются, напримѣръ, статьи Пругавина о раскольникахъ-самосожигателяхъ—и въ «историческомъ

повѣствованіи» появляется глава о Палеостровскихъ мученикахъ, отъ огня волею пострадавшихъ, и о подустителѣ ихъ, Емельянкѣ изъ Повѣнца, котораго авторъ, для пущей важности, дѣлаетъ родственникомъ апостоловъ Петра и Павла; по Малороссійскому списку разсказывается о подвигахъ малороссійскихъ казаковъ подъ Азовомъ и вмѣстѣ съ лѣтописцемъ приписывается имъ взятіе Азова; по изслѣдованію Семевскаго «о всепьянѣйшихъ и всеглупѣйшихъ соборахъ», авторъ рисуетъ избраніе князя-папы и разсказываетъ подробно о его освидѣтельствованіи при посредствѣ прорѣзнаго стула и т. д...

Въ послѣднихъ главахъ этого «историческаго повѣствованія» все чаще и чаще выводится на сцену личность Петра I, но не того Петра, котораго съ дѣтства мы привыкли любить и чтить, которымъ мы привыкли гордиться, какъ геніальнѣйшимъ работникомъ, когда-либо трудившимся для блага русскаго народа;—не того Петра, о которомъ говоритъ нашъ лучшій поэтъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Петръ, выводимый авторомъ, личность совершенно инаго сорта: это «великанъ съ дубинкою»; глаза у него наливаются кровью, лицо подергивается, жилы на лбу вздуваются, какъ веревки; онъ такъ кричитъ, что всѣ вздрагиваютъ, и такъ стучитъ кулакомъ по столу, что опрокидываетъ даже такую массивную посудину, какъ кубокъ «Большаго Орла». Все это такія черты, которыя врядъ-ли могутъ возбудить въ комъ-нибудь симпатію, если только онѣ не вознаграждаются съ избыткомъ внутреннимъ содержаніемъ. Но и въ этомъ отношеніи Петръ у автора не лучше. До самаго конца повѣствованія онъ не сказалъ ни одного умнаго слова, не совершилъ ни одного порядочнаго дѣла, такъ какъ всѣ его дѣянія сводятся авторомъ исключительно къ однѣмъ прихотямъ, объясняются только страстью къ потѣхамъ. Подите и вѣрьте послѣ того свидѣтельствамъ современниковъ и очевидцевъ, въ родѣ датскаго посланника при дворѣ Петра, Юста Юля, который разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ съ перваго же свиданія былъ очарованъ пріятнымъ обращеніемъ и задушевною бесѣдой Петра! Авторъ «историческаго повѣствованія» совсѣмъ другаго мнѣнія на этотъ счетъ. Впрочемъ, кому же лучше знать... «Что подѣлаешь съ царемъ!»—восклицаетъ авторъ:—«онъ такой былъ охотникъ до потѣхъ съ дѣтства, такимъ и остался»... забывая, что потѣха потѣхѣ рознь.

Кого же старается похоронить авторъ? Посмотримъ.

Въ одной изъ книжекъ «Наблюдателя» за прежніе годы «историческое

повѣствованіе» автора начинается описаніемъ тріумфальныхъ воротъ, которыя были построены для торжественнаго вступленія въ Москву покорителей Азова. Описывая въ каррикатурномъ видѣ эти ворота,— «порты», какъ онъ ихъ называетъ,—сколоченныя, по его словамъ, костромскими плотниками и размалеванныя охрой и сурикомъ, авторъ, по обыкновенію, даетъ волю своему остроумію:

— Каменны, бабка, порты-то-во!

— Кто жъ ихъ надѣвать-то будетъ—каменны!—срамники!

Но здѣсь является необъяснимое противорѣчіе: какимъ образомъ, «порты», сколоченныя костромскими плотниками, слѣдовательно деревянныя, вдругъ оказываются каменными.

Народъ разсматриваетъ картины, нарисованныя на воротахъ, и снова даетъ пищу остроумію:

— Какой это Богъ! восклицаетъ Емельянко изъ Повѣнца:—есть гуси голландски, есть печи голландски, а боговъ голландскихъ нѣтъ.

Но вотъ показалась голова тріумфальнаго шествія, разсказываетъ г. Мордовцевъ. Какъ все это было дѣтски наивно, грубо-аляповато! какъ не похоже на тріумфальныя шествія римскихъ побѣдителей, когда за колесницею тріумфатора по sacra via вели скованныхъ царей, какого-нибудь Югурту, а за нимъ тысячи плѣнныхъ для растерзанія ихъ звѣрями въ Колизеѣ, и когда тріумфаторъ вступалъ не въ деревянныя, сколоченныя костромскими плотниками «порты», размалеванныя охрой и сурикомъ, а въ великолѣпныя арки изъ каррарскаго или пентеликскаго мрамора съ художественными мраморными барельефами и со всемірнымъ клеймомъ власти—S. P. Q. R.—Senatus populusque romanus!—страшное тавро владычества надъ вселенною! А тутъ—что-то дѣтское и не изящное...

Конечно, это очень не изящно, что ворота были не изъ каррарскаго или пентеликскаго мрамора, но на нѣтъ и суда нѣтъ; все же они были не деревянныя, сколоченныя костромскими плотниками, какъ утверждаетъ здѣсь авторъ, а каменныя порты, какъ онъ самъ обмолвился выше. На самомъ же дѣлѣ, на каменномъ мосту были устроены ворота, на подобіе римскихъ тріумфальныхъ воротъ: были поставлены двѣ пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, на нихъ—статуи Марса и Геркулеса, съ поверженными у ногъ ихъ турками и татарами; золото, парча, шелковыя ткани, знамена, пушки, ядра, картины, множество надписей въ стихахъ и въ прозѣ—все, что только можно было придумать, было употреблено на украшеніе этихъ воротъ. Очевидно, что между такими, дѣйствительно существовавшими, воротами и тѣми, которыя описываетъ авторъ, нѣтъ ни малѣйшаго сходства, а слѣдовательно и тирада его о «дѣтскомъ и неизящномъ» лишена основанія. Но для автора нужно, чтобъ было такъ, а не иначе, и потому онъ не церемонится съ фактами и, если нельзя ихъ подтасовать, просто ихъ извращаетъ или придумываетъ изъ собственной головы. Мы особенно останавливаемся на этомъ

*

обстоятельствѣ, такъ какъ подобное беззастѣнчивое отношеніе къ историческимъ фактамъ составляетъ характерную черту цѣлой школы, представителемъ которой служитъ указанный авторъ.

Но возвратимся къ повѣствованію о тріумфальныхъ воротахъ. Дѣйствительно, со стороны Петра было большою ошибкой не захватить съ собою для тріумфальнаго шествія нѣсколько тысячъ плѣнныхъ татаръ и турокъ, которыхъ, въ интересахъ особенныхъ наклонностей къ изящному его будущаго историка и романиста, можно было бы отдать на растерзаніе звѣрямъ,— хотя бы отечественнымъ медвѣдямъ—за неимѣніемъ Колизея, на одной изъ кремлевскихъ площадей, напримѣръ, около Архангельскаго собора... Но неосмотрительность подобнаго рода слѣдуетъ извинить «наивности и грубости дикаря, только-что нахватавшагося верхушекъ цивилизаціи»,—извинить тѣмъ болѣе, что и у западныхъ, цивилизованныхъ сосѣдей къ концу XVII вѣка такое обращеніе съ плѣнными уже вышло изъ употребленія. Что же касается отсутствія «какого-нибудь Югурты», прикованнаго къ колесницѣ тріумфатора, то самъ же г. Мордовцевъ упоминаетъ, что въ тріумфальномъ шествіи, имъ описываемомъ, вели и «Мурзу турецкую» и «пашу въ штаникахъ».

«Но и при всемъ томъ»,—продолжаетъ авторъ,— «много общаго было между тѣмъ и этимъ, ибо люди вездѣ и всегда одни: и тамъ за колесницей тріумфатора непремѣнно бѣжалъ клеветникъ до самаго Капитолія, и здѣсь шелъ за процессіей до самаго Кремля клеветникъ»,—но не грамотей-раскольникъ, Емельянко изъ Повѣнца, какъ утверждаетъ г. Мордовцевъ, а иной, позднѣйшій грамотей, какъ это будетъ видно ниже.

Впереди, разсказываетъ авторъ, восьмеркою цугомъ, волокли раззолоченныя сани на колесахъ, а въ саняхъ в а ж н о возсѣдалъ тріумфаторъ, генералиссимусъ и бояринъ, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, сверкая золотымъ шитьемъ кафтана и серебряною бородою. Тріумфаторъ скорѣе походилъ на икону «Миколы-Чудотворца», везомую въ Чудовъ монастырь, чѣмъ на героя.

На самомъ дѣлѣ Шеинъ, окруженный драбантами, ѣ х а л ъ в е р х о м ъ, в ъ ч е р н о м ъ б а р х а т н о м ъ к а ф т а н ѣ, унизанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями: с ъ б ѣ л ы м ъ п е р о м ъ н а ш а п к ѣ и о б н а ж е н н о ю с а б л е ю в ъ р у к ѣ,—насколько въ такомъ видѣ онъ походилъ на икону «Миколы-Чудотворца», везомую въ Чудовъ монастырь, пусть судитъ читатель.

«За первыми санями волокли вторыя, такія же пышныя, раззолоченныя. Въ нихъ сидѣлъ Лефортъ».

Лефортъ ѣхалъ на золотой колесницѣ, сдѣланной на подобіе морской раковины и украшенной изображеніями тритоновъ и другихъ морскихъ чудовищъ; откуда взялись сани у автора, догадаться трудно.

«Видно было, что со стыда онъ (то-есть Лефортъ) готовъ былъ сквозь землю провалиться... Такъ совѣстно было ему играть дурацкую роль;

но что подѣлаешь съ царемъ!—Онъ такой былъ охотникъ до потѣхъ съ дѣтства—такимъ и остался».

Причины, по которымъ г. Мордовцевъ вздумалъ навязывать такую странную стыдливость Лефорту, сколько извѣстно, вовсе не страдавшему излишней застѣнчивостью, можно объяснить только особенными цѣлями, которыми задался авторъ «историческаго повѣствованія». Адмиралъ только-что возникшаго, но уже побѣдоноснаго русскаго флота, по желанію признательнаго царя, торжественно вступаетъ во главѣ новорожденной арміи въ столицу, при безчисленномъ стеченіи ликующаго народа, при звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ: всѣ улицы, ведущія къ Кремлю, пестрѣютъ гирляндами, флагами, транспарантами; ружейная и пушечная пальба, звуки трубъ, литавровъ, барабановъ потрясаютъ воздухъ—гдѣ же тутъ дурацкая роль? Чего же тутъ стыдиться?

Но Лефорту автора такъ стыдно, что онъ готовъ сквозь землю провалиться; Лефортъ г. Мордовцева до того совѣстливъ, что ему кажется, будто онъ играетъ дурацкую роль, вступая въ Москву, какъ побѣдитель и герой. Жаль, что авторъ не сообщаетъ—настолько ли были застѣнчивы слѣдовавшіе за Лефортомъ вице-адмиралъ Лима и контръ-адмиралъ Лозеръ; также интересно было бы знать, стыдился ли Лефортъ, когда участвовалъ въ засѣданіяхъ и процессіяхъ всепьянѣйшаго собора? Но изъ разсказа г. Мордовцева достовѣрно то, что генералиссимусъ Шеинъ—конечно, въ качествѣ дикаря—былъ лишенъ этой деликатной стыдливости и нисколько не конфузился своей роли въ тріумфальномъ шествіи, несмотря на свое непростительное сходство съ «Миколою-Чудотворцемъ»; въ противномъ случаѣ г. Мордовцевъ, конечно, не преминулъ бы заявить, что и Шеину было совѣстно.

Но онъ, продолжаетъ г. Мордовцевъ, этотъ охотникъ до потѣхъ, уменъ; онъ не захотѣлъ самъ играть дурацкой роли въ этой процессіи, ибо она напоминала ему картину, какъ мыши кота хоронятъ...

Онъ шелъ пѣшкомъ за санями Лефорта, и не какъ царь, а какъ простой капитанъ Петръ Алексѣевъ.

— Батюшки! гляди-тко! самъ царь!

— И пѣшъ идетъ - вотъ диво!—точно бы ему саней не достало.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Торжественное вступленіе въ Москву побѣдоносной русской арміи напоминало картину, какъ мыши кота хоронятъ... Такимъ образомъ, всѣ мы, изучавшіе нѣкогда русскую исторію, жестоко ошибались, полагая, что Петръ предоставлялъ своимъ генераламъ главное мѣсто въ подобныхъ торжествахъ съ цѣлью почтить ихъ заслуги, развить въ нихъ чувство чести, побудить къ новымъ подвигамъ,—что самъ онъ съ умысломъ оставался въ тѣни—по врожденной ему скромности, потому, что лично для себя онъ не искалъ никакого блеска, никакихъ почестей. Авторъ открылъ, что все это дѣлалось Петромъ только для того, чтобъ

не играть самому дурацкой роли; что эту роль онъ навязывалъ своимъ генераламъ—въ награду за особенныя заслуги... Кто бы могъ предполагать въ Петрѣ «такое коварство!»

Но вмѣстѣ съ новой точкой зрѣнія на личность Петра, становится уже достаточно яснымъ, что клеветникъ, который слѣдовалъ за процессіей до самаго Кремля, былъ вовсе не Емельянко изъ Повѣнца.

Позади процессіи, разсказывается далѣе, на черной телѣгѣ высилась громадная висѣлица... Подъ висѣлицей, окованной цѣпями, сидѣлъ бывшій голландскій матросъ Яковъ Янсенъ, прежде состоявшій въ русской службѣ, а въ прошломъ году, во время первой осады Азова, бѣжавшій къ туркамъ, принявшій тамъ магометанство и тогда же натворившій много зла русскимъ: онъ открылъ туркамъ, что русскіе въ полдень, поѣвши и выпивши порядкомъ, обыкновенно спятъ мертвецки, и въ это время на нихъ всего удобнѣе напасть. Турки такъ и сдѣлали и „много дурна москалямъ учинили". Теперь, по сдачѣ Азова Петру, турки выдали ему и Якушку-перебѣжчика—для злой казни.

По разсказу выходитъ, что Янсена везли въ той же тріумфальной процессіи, по каменному мосту, чрезъ тѣ же тріумфальныя ворота, вслѣдъ за санями Шеина и Лефорта; но на самомъ дѣлѣ тріумфальное шествіе заключалось отрядомъ генерала Гордона, и въ то время, когда тріумфаторы проѣзжали по каменному мосту и геній, появлявшійся надъ тріумфальными воротами, привѣтствовалъ каждаго изъ нихъ стихами, чрезъ нижнія, Воскресенскія ворота, въѣзжала въ Москву другая процессія—въѣзжала та самая телѣга съ висѣлицей на высокихъ подмосткахъ, на которыхъ стоялъ Янсенъ, съ петлею на шеѣ, окруженный палачами и орудіями казни. Въ виду особенной цѣли, автору понадобилось перепутать факты, и онъ соединяетъ обѣ процессіи въ одну.

«Торжествующій первую викторію царь Петръ Алексѣевичъ,—заключаетъ онъ свое описаніе,—по случаю предстоящихъ побѣдныхъ празднествъ, готовитъ своимъ подданнымъ, въ лицѣ плѣннаго Якуньки, великолѣпное зрѣлище, почище боя гладіаторовъ, истинно «московское дѣйство»...

Хорошъ въ самомъ дѣлѣ царь! Это ли еще не кровожадность? Казнить того милаго Янсена, который во время первой осады Азова, ночью, заколотя осадныя пушки, бѣжалъ къ туркамъ и потомъ, руководя ихъ вылазками, надѣлалъ русскимъ столько вреда,—того Янсена, который былъ чуть-ли не главной причиной неудачи цѣлой кампаніи, который стоилъ Россіи столько слезъ, крови и денегъ—это ли еще не звѣрство? Истинно цивилизованный герой (по автору), конечно, отпустилъ бы перебѣжчика Якуньку съ миромъ, а вмѣсто него отдалъ бы на растерзаніе звѣрямъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ татаръ; и это было бы уже не «московское дѣйство», а нѣчто такое грандіозное, что дало бы повѣствованію

случай еще разъ заговорить о via sacra, о Колизеѣ, Капитоліи и—о сикофантахъ, всегда бѣгущихъ во слѣдъ за великими людьми..

Да, казнь плѣннаго (?) Якуньки дѣйствительно великолѣпное зрѣлище, почище боя гладіаторовъ, истинно «московское дѣйство». Но какъ на самомъ дѣлѣ поступали съ дезертирами иные, цивилизованные народы? Неужели такъ же, какъ варвары-москали? Интересно знать, какъ поступилъ бы съ Янсеномъ самъ авторъ, если бы былъ на мѣстѣ Петра—неужели, презирая слезы и кровь своего народа, далъ бы ему награду «за турколюбіе и искусство» въ измѣнѣ?

Во всякомъ случаѣ, трактуя объ отношеніи Петра къ Янсену, автору «историческаго повѣствованія» не мѣшало бы припомнить о томъ, какъ цивилизованный современникъ Петра, Карлъ XII, поступилъ съ Паткулемъ, когда тотъ имѣлъ несчастіе попасться ему въ руки. Такъ какъ это было уже не «московское», то интересно бы знать мнѣніе автора—какое это было «дѣйство»?...

Уже изъ этихъ немногихъ выписокъ можно видѣть, что авторъ, въ своемъ «историческомъ повѣствованіи», безпристрастіемъ историка вовсе не грѣшенъ; даже, напротивъ, въ немъ на каждомъ шагу обнаруживаются прокурорскія наклонности: онъ ставитъ Петру всякое лыко въ строку и даже факты подбираетъ въ интересахъ обвиненія. Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какъ беззастѣнчиво обращаются съ печатнымъ словомъ новѣйшіе романисты и насколько можно довѣрять ихъ quasi-историческимъ повѣствованіямъ.

Далѣе, перевертывая страницы историческихъ матеріаловъ, лежащихъ передъ нимъ на письменномъ столѣ, авторъ сначала заявляетъ признательность М. И. Семевскому, который оказалъ большую услугу русской исторіи, открывъ въ Государственномъ архивѣ и опубликовавъ во всеобщее свѣдѣніе уставы и церемоніалы всепьянѣйшихъ и всешутѣйшихъ соборовъ, замѣчательные тѣмъ, что ихъ сочинялъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ,—и затѣмъ разсказываетъ о первомъ всепьянѣйшемъ соборѣ въ Москвѣ, о процессіи членовъ собора по улицамъ московскимъ при звонѣ колоколовъ, со статуей Бахуса во главѣ, которую народъ принялъ-было за «турецку-Иверску», повѣствуетъ объ избраніи князя-папы, причемъ царь Петръ Алексѣевичъ игралъ роль архидіакона, и т. д.

Конечно, можно быть увѣреннымъ напередъ, что при такомъ удобномъ случаѣ авторъ не поскупится на рѣзкія, темныя краски. Такъ, къ вящшей характеристикѣ «державныхъ и полудержавныхъ дикарей» г. Мордовцевъ приводитъ (по Соловьеву) цѣлую страницу выписокъ изъ писемъ Петра и его современниковъ; но, приводя эти выдержки, характеризующія тогдашніе нравы, авторъ нигдѣ не дѣлаетъ попытки выяснить—ни насколько въ нихъ выразились личныя, индивидуальныя особенности авторовъ переписки, ни насколько въ этихъ письмахъ отразились черты

того добраго стараго времени, когда, напримѣръ, въ сосѣдней съ нами, сравнительно болѣе цивилизованной Польшѣ, по свидѣтельству современниковъ, пьянство было модою, господствовавшею одинаково, какъ подъ стрѣхой убогаго шляхтича, такъ и во дворцѣ милліонера-магната,— когда подобные же нравы существовали, чуть ли еще не въ высшей степени, какъ въ Германіи, такъ и въ остальной Западной Европѣ.

Въ свое время мы позволимъ себѣ привести нѣсколько фактовъ въ этомъ родѣ для доказательства того, что русскіе въ этомъ отношеніи далеко не составляли исключенія. Напротивъ, безчисленные примѣры неопровержимо доказываютъ, что наши учителя-цивилизаторы если не превосходили, то во всякомъ случаѣ не уступали своимъ ученикамъ ни въ пьянствѣ, ни въ дикомъ разгулѣ, ни въ тѣхъ безобразіяхъ, на которыя способны захмѣлѣвшія головы.

Но изъ разсказа автора оказывается, что этими свойствами отличаются только «державные и полудержавные дикари».

Изложивъ подробно ритуалъ избранія князя-папы, авторъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ:

> Послѣ этого начался настоящій чудовищный пиръ. Но и въ самый разгаръ вакханаліи царь думалъ о дѣлѣ. Алексашка, хоть и былъ пьянъ, но раньше другихъ замѣтилъ, что *лицо Петра вдругъ начало подергиваться, а глаза налились кровью...* Царь, повидимому, хотѣлъ что-то припомнить и не могъ. *Это начинало приводить его въ бѣшенство.*
>
> — Александръ! *крикнулъ онъ черезъ столъ, такъ что пьянные архижрецы и кардиналы вздрогнули:* — что я тебѣ нонѣ приказывалъ?
>
> — Объ Якушкѣ Янсенъ, государь, изволилъ приказывать, — чтобъ къ колесованію все было готово, отвѣчалъ Меншиковъ, глядя прямо въ глаза царю.
>
> — Не про то! *крикнулъ Петръ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что опрокинулъ Большаго Орла. Онъ былъ страшенъ. Жилы на лбу вздулись, какъ* веревки. Но Меншиковъ нашелся.
>
> — Объ новой фортеціи, государь, приказывалъ... О Таганрогѣ...
>
> — Да-да, вспомнилъ... Таганрогъ тамъ заложу...

Трудно себѣ представить что-нибудь антипатичнѣе этой фигуры Петра, съ налитыми кровью глазами, съ подергивающимся лицомъ, думающаго «о дѣлѣ» въ самый разгаръ вакханаліи; но автору въ слѣдующей главѣ удалось выставить его еще отвратительнѣе.

Въ этой главѣ своего «историческаго повѣствованія» онъ описываетъ собраніе заговорщиковъ въ домѣ полковника Цыклера. Передъ читателемъ выводятся блѣдныя, стертыя куклы съ ярлычками, приколотыми заботливымъ авторомъ: «Соковнинъ», «Цыклеръ», «Пушкинъ, предокъ нашего знаменитаго поэта» и т. д. Куклы эти пьютъ вино и говорятъ

разныя глупости. Одна изъ нихъ, между прочимъ, заявляетъ, что Петра нужно «ножей въ пять.»

— „Ножей въ пять!"—ворчитъ другая съ ярлыкомъ „стрѣлецъ Рожинъ":—и одного за глаза!

— Я предъ нимъ ни въ чемъ не согрубилъ, какъ бы оправдывался Цыклеръ,—это онъ называлъ меня бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ивана Милославскаго. А я бунтовщикомъ никогда не былъ, а что Милославскій мой собесѣдникъ—и то правда: я Милославскаго любилъ... А что онъ, потѣшникъ, похвалялся надъ моею женою и дочерью дурно учинить, потому что онѣ красавицы, и за это я бы ему ножъ въ бокъ.. Оттого онъ вездѣ пьянствуетъ, а ко мнѣ ни ногой.

Во время этого глупаго монолога, бросающаго въ Петра еще новый комъ грязи, является самъ Петръ.

— Нѣтъ, я здѣсь! раздался вдругъ чей-то голосъ.

Всѣ вздрогнули. На порогѣ стоялъ великанъ съ дубинкою—лицо перекосилось, глаза налиты кровью, нижняя челюсть ходенемъ ходитъ.

— Га! великій государь царь Иванъ Шестой Грозный!

Все, казалось, окаменѣло кругомъ; каждый застылъ—кто съ подъятой рукой, кто съ открытымъ ртомъ.

Великанъ сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ дубинку. Еще моментъ и...

— Нѣтъ! я не убью тебя здѣсь, какъ собаку—я перемучу тебя!—да съ Ивашкою Милославскимъ—я изъ гроба его выну... и смѣшаю съ нимъ (?) твою кровь...

Онъ стукнулъ дубинкою въ полъ, такъ что все задрожало...

— Слышишь, Ивашка! я достану тебя! Пускай еще разъ взглянетъ на тебя моя сестрица Софьюшка!

Онъ повелъ кругомъ налитыми кровью глазами.

— Въ Преображенское ихъ!.. А я пойду къ красавицамъ—къ царицѣ и царевнѣ Цыклершамъ...

И царь вышелъ въ ту дверь, которая вела въ теремъ.

Послѣ этого, что бы ни разсказывалъ далѣе авторъ въ своемъ «историческомъ повѣствованіи» — болѣе извратить, обезобразить, сдѣлать отвратительнѣе личность Петра уже невозможно, и автору при всемъ его желаніи. Петра спасаетъ только одно: г. Мордовцевъ слишкомъ поусердствовалъ,—слишкомъ густо наложилъ краски—и пересолилъ. Предъ вашими глазами мечется только плохой провинціальный трагикъ, завывая дикимъ голосомъ, вращая воспаленными очами и стуча объ полъ антрепренерскими сапожищами,—но насколько этотъ трагикъ похожъ на изображаемую имъ личность—это другой вопросъ, и ужь навѣрно ни одинъ зритель не рѣшитъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Намъ, по крайней мѣрѣ, этотъ безобразный великанъ съ дубинкою всего больше напоминаетъ чудовищнаго Ганса исландца. Но этотъ грѣхъ молодости Виктора Гюго можно оправдать тѣмъ, что автору его въ то время было

всего восемнадцать лѣтъ;—интересно знать, сколько лѣтъ было автору, когда онъ додумался до своего отвратительнаго «великана съ дубинкою»?

Затѣмъ, всѣ дальнѣйшіе разсказы о томъ, какъ издѣвался Петръ надъ приговоренными къ смерти заговорщиками, какъ заставлялъ Соковнина цѣловать истлѣвшій трупъ Ивашки Милославскаго—всѣ эти разсказы уже излишни.

Итакъ, кого же хоронитъ авторъ?

Въ августовской книжкѣ «Наблюдателя» за 1885 годъ авторъ заставляетъ самого «гиганта ростомъ и плечами», въ одеждѣ голландскаго матроса, съ нервно подергивающимся лицомъ и съ огромною суковатою дубиною въ рукахъ, утверждать, что это «похороны старой Московской Руси»; но всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе просмотрѣть «историческое повѣствованіе» г. Мордовцева, непремѣнно придетъ къ заключенію, что авторъ желаетъ похоронить—не старую Московскую Русь, а самого царя Петра Алексѣевича, и для того именно онъ рисуетъ личность Петра такими грязными красками, для того навязываетъ ему такую антипатичную фигуру, для того выставляетъ его пьяницей, буяномъ, развратнымъ насильникомъ, кровожаднымъ тираномъ. Поэтому именно, во всемъ «историческомъ повѣствованіи» Петръ Великій является великимъ развѣ только по одному росту, такъ какъ все то, что̀ могло бы бросить иной, болѣе благопріятный свѣтъ на личность царя-труженика, обойдено авторомъ съ особенной заботливостью, или—что̀ еще хуже – показано сквозь призму пристрастія.

Такъ, напримѣръ, о заграничной дѣятельности Петра читатель узнаетъ только изъ пристрастнаго разсказа его врага – царевны Софьи; но авторъ пользуется случаемъ и уже отъ своего лица сообщаетъ при этомъ, какъ въ анатомическомъ залѣ Петръ заставлялъ своихъ придворныхъ зубами разрывать мускулы разлагающагося трупа... И такъ повсюду: вездѣ хорошее умышленно обходится или извращается, а на дурномъ авторъ останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ и не жалѣетъ красокъ, описывая попойки, пытки, казни и тому подобныя сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ непремѣнно является Петръ, возбуждая въ читателѣ отвращеніе и ужасъ.

Въ другой статьѣ, по поводу подобныхъ же пріемовъ и попытокъ, мы выразились такъ: «но напрасно онъ (Мордовцевъ и tutti quanti) старается похоронить геніальный образъ Петра: для такой гигантской фигуры нуженъ высокій курганъ, насыпанный многотысячною дружиной, а не жалкій бугорокъ безсильнаго могильщика». Не изъ мелочнаго чувства авторскаго самомнѣнія мы позволили себѣ привести эту цитату; но намъ кажется, что именно только такимъ образомъ можетъ быть охарактеризована дѣятельность авторовъ подобныхъ quasi-«историческихъ повѣствованій»: пусть они считаютъ себя русскими Вальтеръ-Скоттами, но,

вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго, партійнаго отношенія къ историческимъ фактамъ, они всегда будутъ только Вальтеръ-Скотты-могильщики.

Да проститъ намъ читатель такой подробный разборъ произведенія, давно забытаго и похороненнаго въ массѣ печатной бумаги, наводняющей нашъ книжный рынокъ. Вовсе не литературныя достоинства побудили насъ остановиться на «историческомъ повѣствованіи» автора: этими достоинствами, какъ самъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ выписокъ, оно вовсе не обладаетъ. Но, какъ мы уже сказали раньше, произведенія этого автора, въ родѣ «Похоронъ», «Идеалиста и реалиста» и т. п., послужили прототипомъ для цѣлаго ряда подобныхъ же «историческихъ» повѣствованій, въ которыхъ авторы, по слѣдамъ г. Мордовцева, умышленно игнорируя все доброе и великое, что̀ сдѣлалъ Петръ для Россіи, обходя всѣ хорошія черты въ его характерѣ, останавливаются только на томъ, что̀ можетъ выставить его съ дурной стороны. По ихъ словамъ, Петръ только и дѣлалъ, что сидѣлъ въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа, рубилъ головы стрѣльцамъ, преслѣдовалъ жену (первую) и сына, и безобразничалъ въ пьяной и развратной компаніи своихъ безнравственныхъ фаворитовъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ послѣдователей г. Мордовцева выводитъ Петра въ своемъ историческомъ повѣствованіи «Подъ неотразимою десницей».

Къ одному изъ оконъ, выходившихъ въ сѣни, приблизилась со стороны переходовъ громадная мужская фигура, закутанная въ темный плащъ. Въ высокой шапкѣ, нахлобученной на самыя брови, этотъ скрытый въ темнотѣ и никому незримый посѣтитель-великанъ казался какимъ-то мрачнымъ, зловѣщимъ духомъ стараго дворца, потревоженнымъ людскою суетою и безтолковымъ гамомъ веселья... грозно хмурилъ онъ густыя брови, поглядывая изъ-за слюдяныхъ оконницъ на пляску и кривлянье карлицъ; грозно сверкали его огненныя черныя очи, когда онъ прислушивался къ звукамъ нестройной музыки, къ раскатистому смѣху царицыной служни и челяди...

— Веселитесь, шепталъ онъ сумрачно и злобно.—Тѣшьтесь дурацкими забавами своими! Не долго ужъ вамъ красоваться! Всѣхъ васъ переверну, всѣхъ заставлю плясать по своей дудкѣ!

И, отшатнувшись отъ окна сѣней, онъ быстро зашагалъ по переходамъ и исчезъ во мракѣ.

Этотъ таинственный незнакомецъ, закутанный въ широкій плащъ, съ шляпой, надвинутой на глаза (но безъ гитары подъ полою)—не кто иной, какъ Петръ, вернувшійся изъ перваго путешествія по Европѣ и въ роли корсиканскаго бандита или римскаго браво подсматривающій забавы своей жены, царицы Евдокіи Лопухиной. Здѣсь, какъ видитъ читатель, вліяніе Мордовцева еще не вполнѣ выразилось. Фразы: «посѣтитель-великанъ», «мрачный, зловѣщій духъ», «грозно хмурилъ онъ густыя брови», «грозно сверкали его огненныя черныя очи», «всѣхъ васъ пе-

реверну» и т. д.—навѣяны несомнѣнно г. Мордовцевымъ; но ultra-романтическая концепція всей сцены съ таинственнымъ незнакомцемъ въ широкомъ плащѣ безспорно принадлежитъ еще вліянію приснопамятныхъ россійскихъ Вальтеръ-Скоттовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—гг. Николая Греча и Рафаила Зотова (зри: Черную женщину и Таинственнаго монаха).

За то далѣе авторъ уже неуклонно слѣдуетъ по стопамъ г. Мордовцева и даже заимствуетъ его сугубо-реальную манеру излагать историческіе факты. Вотъ, напримѣръ, сцена въ кабакѣ «Залетахъ».

Среди обычнаго гама и шума голосовъ слышалась, главнымъ образомъ, одна надъ всѣмъ преобладавшая новость:

— Царь пріѣхалъ!.. Царь вернулся!..

— Вчера подъ вечеръ пріѣхалъ... Никто его не чаялъ...

— Перво-наперво въ Преображенское прикатилъ съ Францкомъ Лефортомъ да съ Головинымъ. Бояръ всѣхъ, говорятъ, на смерть перепужалъ...

... — И сказать страшно, братіе!—проговорилъ, закатывая глаза, о. Ѳедоръ (новое изданіе Емельянки изъ Повѣнца).—Что на немъ на одномъ грѣховъ, грѣховъ накопилось.. И кровей что пролито, и кощунственныхъ рѣчей что изрыгнуто, и пьянства, и блуда...

... — Вотъ такъ царь!—проговорилъ онъ (житнаго двора стряпчій Василій Костюринъ) въ полголоса, но такъ, что всѣ кругомъ легко могли разслышать.—Вчера пріѣхалъ—у жены-царицы не былъ, а въ Нѣмецкой слободѣ побывать успѣлъ!... Пусть всѣ знаютъ, каковъ у насъ царь-бусурманъ!.. Годъ, почитай, дома не былъ, а пріѣхалъ изъ Нѣметчины, не къ себѣ во дворецъ, не въ соборы кремлевскіе—молебны отслужить; а на треклятый Кокуй нѣмецкій... Тамъ съ Францкомъ со своимъ весь вечеръ прображничалъ и къ нѣмкѣ своей спать поѣхалъ.

Въ этой сценѣ авторъ желаетъ передать существовавшее о Петрѣ народное мнѣніе, а вотъ какъ должны были думать о немъ, по мнѣнію автора, родные.

— Каково, говоритъ царица Евдокія Ѳедоровна, каково мнѣ знать о мужѣ, что онъ себя и блудомъ, и пьянствомъ срамитъ, что онъ душеньку свою къ преисподней готовитъ, якшается съ бусурманами, перенимаетъ ихъ гнусные обычаи и веселье бѣсовское, и машкеры, и ни-вѣсть что... охъ, Господи!

— Жестокій онъ, братъ-то, безжалостный,—шептала, всхлипывая, царевна Марья:—роднаго дядю (Петръ Абрамовичъ Лопухинъ—родной дядя?!), старика пытать затѣялъ! Господи! подумать даже больно! (Дѣло идетъ объ убійствѣ десяти человѣкъ монастырскихъ крестьянъ Лопухинскими людьми. Судопроизводство тогдашнее извѣстно).—И чѣмъ болѣе она вглядывалась въ этотъ сумракъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе начинали выступать изъ него страшныя картины пытки и истязаній, происходившихъ въ застѣнкѣ... Скрипѣла, поднималась дыба... Хрустѣли кости рукъ, перетянутыя туго-на-туго ремнями.—Трещали суставы...

— Ты мнѣ за все отвѣтишь!—слышался царицѣ грозный голосъ Петра, злобно сверкавшаго гнѣвными очами.

Приближенные Петра отзываются о немъ тоже въ этомъ родѣ:

— Говорятъ, онъ только еще недавно изъ дворца вышелъ да по застѣнкамъ пошелъ—судей провѣрять да пытокъ досматривать...

— Въ четырнадцати застѣнкахъ работаютъ... Заплечныхъ мастеровъ изо всѣхъ подмосковныхъ городовъ сюда собрали.

— Выпито было много и, признаться, въ головѣ у всѣхъ шумѣло... Вдругъ царь на Шеина набросился—давай корить его посулами... Тотъ такъ и этакъ вилять... А царь-то выбѣжалъ да справился въ своей запискѣ, сколько Шеинъ за деньги въ полковники вывелъ, и вдругъ со шпагой кинулся на Шеина... Князь Юрій (Ромодановскій) за руку и ухвати царя, а тотъ его съ розмаха по рукѣ... Чуть-чуть всѣхъ пальцевъ не отсѣкъ... Досталось и Лефорту и Зотову...

Вотъ Петръ, являющійся уже не въ видѣ незнакомца:

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ отворилась настежь, и царь Петръ быстрыми, большими шагами вошелъ въ комнату, держа въ рукахъ какую-то бумагу, которую онъ быстро и жадно пробѣгалъ глазами. Его смуглое, выразительное лицо (сильно похудѣвшее и осунувшееся за послѣднее время) подергивалось легкими судорожными движеніями... На высокомъ челѣ ясно проступала зловѣщая морщинка надъ правымъ глазомъ.

Бояре встрѣтили царя низкимъ поклономъ и смолкли, въ ожиданіи бури...

— А скажи-ка ты мнѣ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, сказалъ Петръ, присаживаясь на столъ, складывая руки на груди и устремляя взоръ прямо въ очи князю-кесарю:—скажи-ка ты мнѣ, почему ты одни доносы принимаешь, а другіе подъ сукно кладешь?...

— А!? протянулъ многозначительно Петръ, сверкая глазами...

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи дьяка Безсонова, который бѣгомъ бѣжалъ за нимъ, указывая ему путь къ одному изъ застѣнковъ.

Просмотрите всю повѣсть, и вы увидите, что только въ этомъ состоятъ всѣ занятія Петра: онъ или пьетъ и дерется, или принимаетъ доносы и сидитъ въ застѣнкѣ... Когда же онъ работалъ? Вѣдь въ это самое время начиналась армія, строился флотъ, заводились фабрики и заводы; старый, отжившій порядокъ разрушался и замѣнялся новымъ—кто же все это дѣлалъ? Авторъ не даетъ на это никакого отвѣта: онъ идетъ по стопамъ г. Мордовцева, только вмѣсто «налитыхъ кровью глазъ» онъ употребляетъ «гнѣвныя сверкающія очи», а вмѣсто «лба», на которомъ «жилы налились, какъ веревки», рисуетъ «высокое чело» съ «обозначившеюся на немъ гнѣвною складкой»,—но затѣмъ, на всемъ пространствѣ повѣсти—ни одного добраго дѣла, ни одного хорошаго слова... Бѣдный труженикъ! добра, сдѣланнаго тобою, теперь никто не вспоминаетъ, а зло, на которое наталкивала тебя сама жизнь, еще до сихъ поръ даетъ пищу твоимъ могильщикамъ...

Для тѣхъ читателей, которые еще не убѣдились приведенными примѣрами въ существованіи особой школы, названной мною въ началѣ статьи, позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ изъ того же «историческаго повѣствованія». Авторъ этого повѣствованія измышляетъ эффектную сцену во вкусѣ раздирательныхъ мелодрамъ тридцатыхъ годовъ. По улицѣ несутъ покойника Лопухина; похоронная процессія наталкивается на рѣшетку, охраняемую часовыми. Происходитъ столкно-

веніе: въ это самое время за рѣшоткой проходитъ шутовская процессія всепьянѣйшаго собора и впереди ея—царь, въ качествѣ барабанщика Преображенскаго полка. Заупокойное пѣніе заглушается веселою музыкой. Народъ ропщетъ: «антихристово полчище! Народился видно, онъ окаянный! Гряди же, гряди себѣ на погибель!» Далѣе, авторъ разсказываетъ, что послѣ безсонной ночи Петръ пришелъ къ рѣшенію разъ навсегда отдѣлаться отъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Между тѣмъ пьяные бояре, прямо съ попойки у Лефорта, являются ходатайствовать о помилованіи осужденныхъ. Петръ отказываетъ. Тогда Лефортъ присоединяется къ ходатайствующимъ и называетъ Петра. «Bruder».

Молнія сверкнула въ очахъ Петра, разсказываетъ авторъ.

— Brruder!? — повторилъ онъ глухимъ и хриплымъ голосомъ, который напоминалъ рыканіе звѣря, сорвавшагося съ цѣпи.—Brruder!! Ахъ ты!...

Царь произнесъ страшное слово и ринулся на Лефорта. Сбивъ его на полъ мощнымъ ударомъ кулака, онъ сталъ безжалостно топтать его ногами, приговаривая:

— Здѣсь я тебѣ не брудеръ,—я царь!! Я покажу вамъ всѣмъ! Какъ тебя собаку, такъ и всѣхъ васъ растопчу ногами!

У несчастнаго Лефорта кровь лилась изъ носу и изъ ушей.

Далѣе царь приказываетъ Меншикову:

— Вели снять съ первыхъ трехъ подводъ пятерыхъ мятежниковъ, положи ихъ у моего дворца на плахѣ: здѣсь, при всѣхъ васъ сниму имъ головы! Самъ срублю и васъ рубить заставлю!...

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть, что г. Полевой, авторъ цитируемаго «историческаго» повѣствованія, неукоснительно слѣдуетъ по стопамъ г. Мордовцева. Онъ также подбираетъ только тѣ факты, которые могутъ набросить тѣнь на Петра, и также обходитъ все то, что было хорошаго и симпатичнаго въ личности царственнаго труженика; точно также его государственная и общественная дѣятельность, его неусыпные труды для блага родины и просвѣщенія подданныхъ—упорно замалчиваются. Петръ рисуется только въ застѣнкахъ, онъ только интересуется пытками, рубитъ руки и головы, топчетъ людей, бранится, грозитъ, сверкаетъ «очами»—другихъ занятій у него нѣтъ...

Такимъ представляется Петръ г. Полевому. Какая громадная разница съ упомянутымъ уже нами Юстомъ Юлемъ! Но тотъ былъ иностранецъ, предубѣжденный противъ русскаго варварства, а это—русскій писатель, умышленно рисующій только однѣ черныя стороны Петра, ради погони за дешевыми эффектами, годными только для уголовныхъ романовъ.

Мы имѣли терпѣніе просмотрѣть повѣствованіе Полеваго только въ трехъ первыхъ книжкахъ, но можемъ сказать напередъ, что, если авторъ останется вѣренъ самому себѣ и традиціямъ школы, то и въ слѣдующихъ главахъ повѣствованія мы увидимъ только однѣ отрицательныя стороны характера и дѣятельности Петра, и это понятно: чтобы дать что-нибудь

положительное, нужно безпристрастно изучить многостороннюю дѣятельность Петра, а это—во-первыхъ трудно и потребуетъ много времени, а во-вторыхъ не дастъ моднаго уголовнаго романа, пріятно возбуждающаго расшатанные нервы читателя.

Но возвратимся къ старому вопросу: честно ли обращаться такимъ образомъ съ печатнымъ словомъ? Добросовѣстно ли односторонній памфлетъ выдавать за «историческое повѣствованіе?»

Мы желали бы знать, какую идею хотятъ провести авторы подобныхъ произведеній; желали бы знать, какое чувство руководитъ ими, когда они такъ пристрастно подтасовываютъ факты? Хотятъ ли они доказать, что въ мірѣ совсѣмъ нѣтъ великихъ людей, по крайней мѣрѣ — pour son valet de chambre? Или это запоздалые, можетъ быть, даже безсознательные отголоски борьбы славянофиловъ съ западниками, въ которой первые такъ упорно старались доказать, что все доброе и хорошее было только въ до-Петровской Руси и что Петръ съ своими реформами былъ дѣйствительно чѣмъ-то въ родѣ антихриста? Неужели же геніальный труженикъ, весь свой вѣкъ работавшій для блага своей родины, въ годину бѣдствія сказавшій о себѣ: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего», и даже умершій преждевременною смертью ради спасенія погибающихъ, неужели такой человѣкъ только и заслуживаетъ того, чтобъ его послѣ смерти забрасывали грязью?

Мы далеки отъ намѣренія требовать, чтобы наши Вальтеръ-Скотты шли по стопамъ своихъ предшественниковъ, писавшихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, но зачѣмъ впадать и въ другую крайность: зачѣмъ на солнцѣ видѣть только одни пятна? Къ чему это пристрастіе, годное только для памфлетовъ? Теперь ужь, кажется, нѣтъ тѣхъ увлеченій страсти, тѣхъ крайностей, которыя вполнѣ естественны въ разгаръ борьбы и которыя заставляютъ тогда многое видѣть подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Со времени смерти Петра оканчивается уже третья четверть втораго столѣтія: кажется, уже пора отнестись къ нему безпристрастно и за недостатками, составляющими продуктъ воспитанія, вліянія среды, тогдашняго міросозерцанія, тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ, условій жизни, общественнаго положенія, наконецъ—политическихъ условій,—за этими недостатками пора уже видѣть и тѣ черты, которыя составляли индивидуальную особенность нравственной личности Петра, благодаря которымъ, несмотря на всѣ усилія его могильщиковъ, онъ вѣчно останется однимъ изъ величайшихъ дѣятелей всемірной исторіи.

Чѣмъ забрасывать грязью геніальную личность Петра, отчего бы авторамъ подобныхъ произведеній не сравнить его, напримѣръ, съ его царственными современниками? Нѣтъ, кажется, ни одной науки, въ ко-

торой бы сравнительный методъ не могъ быть употребленъ съ успѣхомъ,—поэтому, мы думаемъ, что и въ данномъ случаѣ онъ будетъ далеко не безполезенъ: онъ во всякомъ случаѣ дастъ намъ возможность опредѣлить, что̀ именно въ характерѣ Петра составляло принадлежность той эпохи, той среды, тѣхъ условій, въ которыхъ онъ поставленъ былъ дѣйствовать, и что̀ принадлежало лично ему, составляло его личную особенность, отличало его отъ другихъ его современниковъ.

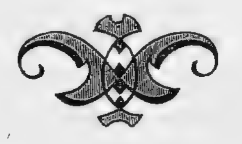
Г-нъ Мордовцевъ и его послѣдователи, выставляя на видъ исключительно однѣ отрицательныя черты въ характерѣ Петра, подробно описываютъ его «дикій разгулъ», жестокости, разводъ съ первой женой и отношенія къ сыну, освѣщая сообщаемые факты такимъ образомъ, какъ будто бы всѣ эти дѣянія составляютъ исключительную особенность Петра и отличаютъ его отъ всѣхъ его современниковъ, какъ какое-то чудовище, сосредоточивающее въ себѣ всѣ пороки. Но въ такихъ изображеніяхъ, помимо ихъ явной несправедливости, навѣянной узко-пристрастнымъ взглядомъ партіи, намѣренно замолчаны два вопроса, которые необходимо слѣдовало разрѣшить прежде, чѣмъ приступать къ подобнымъ описаніямъ: 1) то, что съ нашей точки зрѣнія жестоко, было ли жестоко для современниковъ Петра и 2) не составляли ли приписываемые ему пороки общихъ, широко-распространенныхъ свойствъ, характеризующихъ ту отдаленную эпоху, нравственные идеалы которой имѣли очень мало общаго съ идеалами нашего времени. Вообще жестоко ошибается тотъ, кто ищетъ золотой вѣкъ назади, во тьмѣ прошедшихъ вѣковъ. Это то же самое, что среди ночи отыскивать солнце на небѣ. Тотъ, кто поступаетъ такимъ образомъ, отрицаетъ всякій прогрессъ въ человѣчествѣ, и не назади, а впереди мы должны искать золотой вѣкъ, потому что нравственные идеалы развиваются въ человѣчествѣ точно такъ же, какъ наука и цивилизація: составляя въ отдаленные вѣка удѣлъ только немногихъ счастливо одаренныхъ и поставленныхъ въ исключительныя условія личностей, они мало-по-малу проникаютъ и воплощаются въ массу и будутъ совершать свое поступательное движеніе въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются достояніемъ всего человѣчества.

Сила привычки, взгляды, завѣщанные предками, имѣютъ слишкомъ подавляющее вліяніе на умственное и нравственное развитіе массъ; даже многое, что̀ не вяжется съ ходячимъ кодексомъ морали, чернится въ силу этой привычки, какъ обычай, какъ завѣтъ предковъ. Такимъ образомъ и мы на многія явленія современной жизни смотримъ хладнокровно, сквозь призму привычки, и считаемъ ихъ въ порядкѣ вещей,—а черезъ сто или двѣсти лѣтъ наши потомки не будутъ ли насъ за нихъ называть варварами и обвинять въ жестокости? Возьмемъ, напримѣръ, насилія, совершенныя при воцареніи Наполеона III, когда людей подозритель-

ныхъ новому правительству, какъ разсказываетъ Гюго въ «L'Histoire d'un crime», загоняли во дворы и просто-на-просто избивали свинцовыми палками по головамъ, какъ скотъ, назначенный на убой; возьмемъ колоссальный разбой, совершенный пруссаками въ 1870 году, вооруженный миръ, созданный по ихъ инціативѣ и превратившій европейскія государства изъ мирныхъ сосѣдей въ тайныхъ враговъ, готовыхъ ежеминутно броситься другъ на друга, отношеніе офицеровъ къ солдатамъ въ прусской арміи и солдатъ къ мирнымъ гражданамъ, гигантскія орудія смерти, изобрѣтенныя Круппомъ и К°, динамитъ и мелинитъ—развѣ все это не варварство? Какъ взглянетъ, напримѣръ, потомство на наши соціальныя отношенія, на отношенія богатыхъ къ бѣднымъ, хозяевъ къ рабочимъ, мужчинъ къ женщинамъ, на развратъ, проституцію, торговлю честью и человѣческимъ мясомъ или на наши судебныя ошибки и кары, заключенія до суда и слѣдствія, смертную казнь, Каэну, Каледонію, каторжныя работы—можемъ ли мы быть увѣрены, что все это не покажется нашимъ потомкамъ еще большимъ варварствомъ, чѣмъ пытки и казни стрѣльцовъ при Петрѣ Великомъ?

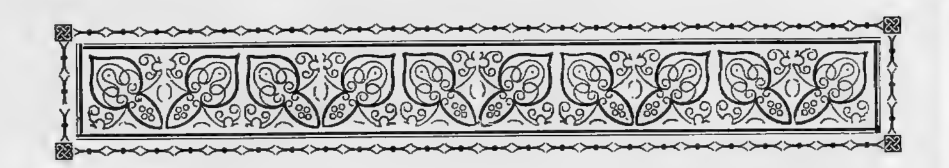
Н. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Поправка.

Вы получили отъ В. Д. Коншина письмо, въ которомъ онъ проситъ насъ заявить, что въ статьѣ В. В. Стасова, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины"—„Павелъ Михайловичъ Третьяковъ и его картинная галлерея", между прочимъ всецѣло приписывается ему одному, В. Д. Коншину, главное веденіе коммерческаго дѣла послѣ смерти родителя П. М. Третьякова, и какъ будто онъ одинъ былъ и руководителемъ и главнымъ хозяиномъ этого дѣла. Усматривая въ этомъ указаніи неточность, В. Д. Коншинъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ возстановить истину и заявить, что П. М. Третьяковъ своими личными трудами и заботами во все время принималъ совершенно одинаковое съ нимъ участіе въ постепенномъ развитіи дѣлъ ихъ торговаго дома.



А. С. ДАРГОМЫЖСКІЙ.

По поводу 25-лѣтія со времени смерти.

А. С. Даргомыжскій, родившійся 2 февраля 1813 года, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, и шести лѣтъ отъ роду его уже начали обучать игрѣ на фортепіано, а на 10 году былъ приглашенъ еще учитель игры на скрипкѣ. Музыкальный талантъ его сталъ проявляться очень скоро, такъ что въ 30-хъ годахъ, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ, какъ «сильный піанистъ; ноты онъ читалъ, какъ книгу». Успѣхи его были одинаково быстры какъ въ фортепіанной игрѣ, такъ и въ игрѣ на скрипкѣ.

Первая попытка къ самостоятельному музыкальному труду состояла въ томъ, что Даргомыжскій написалъ оперу «Лукреція Борджіа», которую, однако, онъ, по совѣту друзей, скоро оставилъ и принялся за другую «Эсмеральду». Въ 1839 г. опера была окончена и представлена въ театральную дирекцію, гдѣ она оставалась восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ Даргомыжскій писалъ романсы, сдѣлавшіеся до того популярными въ Россіи, что, по его словамъ, они и ему надоѣли. Наконецъ, 5 декабря 1847 года «Эсмеральда» была дана на сценѣ московскаго театра и имѣла большой успѣхъ; въ 1851 году «Эсмеральда» была дана на петербургской сценѣ. Въ 1848 году композиторъ представилъ новую оперу «Торжество Вакха», которую дирекція не приняла вовсе. Всѣ эти неудачи очень волновали Даргомыжскаго.

Въ этотъ же промежутокъ времени онъ началъ новую оперу «Русалка». Это было первое произведеніе чисто русской музыки, хотя и не оцѣненное современниками; къ тому же постановка ея была весьма плохая. Только чрезъ десять лѣтъ послѣ первой постановки оперы на сцену, она была оцѣнена по достоинству, когда композитору было уже 53 года отъ рожденія. Вообще неудачи и недоброжелательство дирекціи

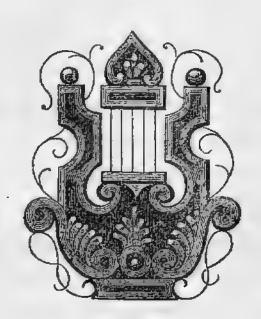
преслѣдовали талантливаго труженика, и утѣшеніемъ ему могло служить только то, что талантъ его былъ признанъ и оцѣненъ по достоинству западно-европейскими музыкантами. Онъ подробно описываетъ это въ своемъ путешествіи въ Брюссель, гдѣ увертюра изъ «Русалки» произвела необыкновенный эффектъ, а самъ композиторъ быстро сталъ брюссельскою знаменитостью.

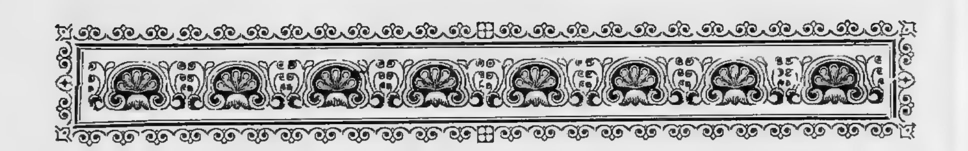
По возвращеніи въ Россію, Даргомыжскій принялся за новую оперу «Каменный гость». Эта опера въ исторіи оперной музыки представляется дѣломъ небывалымъ и единственнымъ: въ ней нѣтъ никакихъ арій, никакихъ ансамблей и никакихъ хоровъ; она вся состоитъ изъ речитативовъ и декламаціи, положенной на музыку. По отзывамъ музыкальныхъ знатоковъ, опера, несмотря на всѣ свои крайности, есть произведеніе даровитое, остроумное и вдохновенное. Опера была поставлена на сцену уже послѣ смерти Даргомыжскаго, который не успѣлъ довести ее до конца. Первый разъ опера была дана на сценѣ Маріинскаго театра 16 февраля 1872 года и не имѣла успѣха, ибо характеръ ея и достоинства публика не поняла.

Въ 1866 году здоровье Даргомыжскаго начало замѣтно ухудшаться, и 5 января 1869 года не стало талантливаго композитора, много потрудившагося на поприщѣ русскаго національнаго искусства.

Закончимъ этотъ очеркъ словами Ц. А. Кюи, который въ некрологѣ Даргомыжскаго писалъ:

Искусство понесло тяжелую, невознаградимую потерю, а русское искусство осиротѣло. Сотоварищъ и преемникъ Глинки, онъ неуклонно и съ необычайнымъ своеобразнымъ талантомъ велъ впередъ вокальную, романсную и оперную музыку и наконецъ довелъ ее до той правды, до того совершенства выраженія, дальше котораго, въ настоящую минуту, довести ее немыслимо. Потеря его тѣмъ болѣе невознаградима, что онъ умеръ въ полной зрѣлости и силѣ своего громаднаго таланта.. Но сдѣланнаго Даргомыжскимъ слишкомъ достаточно для того, чтобы онъ занялъ въ исторіи оперы одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ для того, чтобъ вмѣстѣ съ другимъ великимъ творцемъ „Каменнаго гостя“ можно было про него сказать: „Онъ памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“...





ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Кіевская Старина" 1893 года.

Особенности организаціи и карательныя мѣры въ Запорожьи. — Гайдамацкія движенія въ XVIII столѣтіи и участіе въ нихъ монаховъ кіевскихъ монастырей.—Состояніе бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго столѣтія.—Духовныя училища: Армейская и Александро-Невская семинаріи въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—С.-Петербургская духовная академія и ея знаменитые преподаватели:Иннокентій, Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, Г. П. Павскій и Григорій, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій.—Гражданскія учебныя заведенія: Зеньковское повѣтовое училище, Полтавская гимназія и Кременецкая гимназія, переименованная потомъ въ лицей.

Борьба православнаго украинскаго населенія съ произволомъ и жестокостями католическаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ повела къ образованію извѣстной въ исторіи «Сѣчи Запорожской», принимавшей горячее участіе въ освобожденіи угнетенныхъ братій на Украйнѣ.

Запорожская Сѣчь была обѣтованной землей, куда стекался простой народъ, стонавшій подъ игомъ панщины и находившійся въ самомъ безотрадномъ положеніи. Всѣ тѣ, кто любилъ свободу, кто, въ безшабашной удали и отчаянномъ молодечествѣ, искалъ забвенія невыносимо тяжелой жизни на родинѣ—всѣ бѣжали въ привольныя степи Днѣпровскаго понизовья.

«Здѣсь, въ этихъ степяхъ, на Днѣпрѣ было свито то гнѣздо отважныхъ удальцовъ, бывшихъ грозой своихъ сосѣдей, которые удивляли современниковъ и потомковъ своими безпримѣрными подвигами, рыцарскимъ мужествомъ и отчаянной храбростью».

Свободная жизнь, просторъ и освобожденіе отъ панскаго гнета привлекали въ Запорожье бѣглецовъ, и наплывъ ихъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Запорожье росло быстро и наполнялось уже не одними недовольными изъ Украйны, но и бѣглецами изъ Литвы, Бѣлоруссіи и даже изъ пограничныхъ областей Московскаго государства. Всѣ эти разнородные элементы сплачивались и объединялись подъ именемъ «Запорожской Сѣчи», организованной на началахъ полнаго братства и равенства. Запорожье не имѣло писаныхъ законовъ и управлялось обычаемъ, строго хранившимся стариками и передававшимся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Примѣненіе обычая къ карательнымъ мѣрамъ, которыя практиковались надъ преступниками и составляетъ содержаніе статьи г. А. Д—скаго подъ заглавіемъ «Система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи» [1]).

«Братство, говоритъ онъ, товарищество, цѣломудріе, святая православная вѣра, борьба съ невѣрными и защита слабыхъ, угнетенныхъ братій на Украйнѣ — вотъ тѣ начала, на которыхъ покоился весь строй запорожской общины. Во главѣ военнаго братства стоялъ кошевой атаманъ, выбиравшійся изъ казаковъ на общей радѣ 1-го января каждаго года. Казакъ, на котораго падалъ выборъ товарищества, на высотѣ своей власти не долженъ былъ забывать, что онъ такой же казакъ, какъ и его товарищи, и съ этой цѣлью новоизбранному кошевому нерѣдко вымазывали лицо грязью. Но, получивши булаву, кошевой атаманъ становился полновластнымъ властителемъ Сѣчи; его слово было закономъ; онъ творилъ судъ и расправу, онъ велъ въ сраженіе войско, и тотъ, кто осмѣливался бы поступить вопреки его приказанію, могъ поплатиться за это жизнью. Его власть ограничивалась только радой, общимъ собраніемъ всего сѣчеваго товарищества, бывшимъ высшимъ законодательнымъ органомъ. Приговоръ рады былъ приговоромъ всей войсковой общины, которому должны были подчиняться всѣ, начиная отъ простаго казака и кончая кошевымъ. Кошевой атаманъ являлся такимъ образомъ высшимъ исполнительнымъ органомъ, долженствовавшимъ всѣ важные и серьезные вопросы, напримѣръ о войнѣ и мирѣ, передавать на обсужденіе общей рады. За кошевымъ слѣдовала войсковая старшина,—войсковые судья, писарь и есаулъ, имѣвшіе опредѣленный кругъ дѣятельности и власти, и представители 38 куреней, на которые дѣлился кошъ, куренные атаманы. Всѣ эти должности были выборными и временными. Таковы въ общемъ были условія образованія Сѣчи и ея организація».

Доступъ въ Запорожье былъ свободенъ каждому, точно такъ же, какъ и выходъ изъ него, но только до тѣхъ поръ, пока казакъ не выбралъ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1893 г., № 1, стр. 1; № 2, стр. 209; № 3, стр. 442.

себѣ курень и не поступалъ въ составъ сѣчеваго товарищества; тогда онъ, принявъ на себя рядъ обязанностей, безусловно подчинялся господствующимъ тамъ обычаямъ. Убійство казака казакомъ, воровство между своими, посягательство на сѣчевое имущество признавались самыми тяжкими преступленіями. Запорожецъ принужденъ былъ отказаться отъ всякаго сношенія съ женщиною, которой было строго запрещено появляться въ Сѣчи, и казакъ, вводившій ее туда, подвергался тяжкимъ наказаніямъ.

«Запрещеніе ввода женщины въ Сѣчь, говоритъ авторъ статьи, распространялось не только на казаковъ, но и на всѣхъ постороннихъ лицъ, имѣвшихъ тамъ жительство или прибывавшихъ туда по какимъ-либо дѣламъ. Когда во время войны Россіи съ Турціей въ Сѣчь прибылъ гарнизонъ изъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Глѣбова, вызвавшаго къ себѣ жену, то толпа запорожцевъ, узнавшихъ объ ея пріѣздѣ, сейчасъ же окружила домъ Глѣбова и начала грубо требовать выдачи пріѣхавшихъ женщинъ. Большаго труда стоило Глѣбову успокоить казаковъ и, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, онъ былъ принужденъ немедленно отправить жену обратно».

Свобода личности признавалась въ Запорожьи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и хотя наказанія за преступленіе были очень строги, но въ нихъ не было особенной жестокости или утонченной изобрѣтательности къ причиненію преступнику излишнихъ страданій, которыми отличались карательные способы на Западѣ. Въ то время, когда на Западѣ и въ Московскомъ государствѣ существовали пытки, четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, закапываніе въ землю, повѣшеніе за ребра, содраніе кожи, вытягиваніе кишекъ и т. п.—запорожскіе казаки наказывали своихъ преступниковъ простымъ повѣшеніемъ, битьемъ кіями и въ рѣдкихъ случаяхъ закапывали въ землю, сажали на колъ или вѣшали за ребро. Отсѣченіе рукъ, ногъ, пальцевъ или отрѣзаніе языка не практиковалось въ войскѣ. Тамъ существовало лишь два рѣзкихъ типа наказаній: уничтожающія, стирающія преступника съ лица земли, и наказанія, которыя, воздавая преступнику должное, не дѣлали его неспособнымъ быть членомъ общины, если признавалось возможнымъ дальнѣйшее пребываніе его въ Сѣчи. Наказанія, направленныя на лишеніе свободы и чести, были противны духу казачества и почти никогда не примѣнялись.

Смертная казнь назначалась за убійство, воровство, грабежъ и разбой; за незаконные поступки и оскорбленіе войсковыми старшинами членовъ общины, посягательство на неприкосновенность сѣчеваго имущества, пьянство во время похода, трусость и проигрышъ старшиной сраженія; за нежеланіе подчиниться рѣшенію большинства, при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ на общихъ радахъ, и за отказъ отъ пред-

лагаемаго мѣста кошеваго атамана. Повѣшеніе опредѣлялось почти исключительно за преступленія противъ собственности и противъ нравственности.

За какія именно преступленія употреблялось посаженіе на колъ, неизвѣстно, такъ какъ въ памятникахъ по этому предмету указаній никакихъ не имѣется, но лица, близко знавшія Запорожье, свидѣтельствуютъ, что этотъ видъ наказанія сохранился до самаго конца существованія Сѣчи, и оно, вѣроятно, примѣнялось въ довольно широкихъ размѣрахъ во время борьбы съ поляками. Сохранилось даже описаніе этого орудія казни.

«Острая «паля» или колъ представлялъ собою деревянный столбъ въ 6 аршинъ и болѣе, на верху котораго укрѣплялся желѣзный шпиль въ два аршина длины. Посаженіе на колъ производилось слѣдующимъ образомъ: на желѣзный шпиль укрѣпленнаго вертикальнаго столба насаживали преступника такимъ образомъ, что шпиль выходилъ изъ затылка на полъ-аршина выше головы. Посаженный на колъ преступникъ оставался въ такомъ положеніи, пока не высохнетъ и не выкоренится, какъ вяленая рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ, какъ мельница и тарахтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю».

Утопленіе назначалось за пьянство во время морскихъ походовъ (выбрасывали за бортъ) и за измѣну православной церкви. Разстрѣляніе и отсѣченіе головы или совсѣмъ не употреблялось или носило характеръ случайный.

Битье или убіеніе кіями при столбѣ опредѣлялось за преступное прелюбодѣяніе, за неоднократное воровство и принятіе завѣдомо украденной вещи. Преступника обыкновенно привязывали къ столбу на площади станицы, ставили подлѣ него штофъ водки, хлѣбъ и клали нѣсколько дубинъ. «Каждый прохожій вправѣ задать ему столько палокъ, сколько ему угодно, послѣ чего можетъ дать ему выпить водки и поѣсть хлѣба. Въ этомъ положеніи оставляютъ виновнаго столько времени, сколько имъ заблагоразсудится, иногда до пяти сутокъ. Если послѣ такой пытки, онъ остается въ живыхъ, то снова вступаетъ въ свое общество».

Приговоры о смертной казни приводились въ исполненіе не палачами, которыхъ въ Запорожьи не было, а такими же преступниками, которые сами были приговорены къ смертной казни. Исполненіе приговоровъ пріостанавливалось во время праздниковъ и постовъ. Наказанія лишеніемъ свободы употреблялись весьма рѣдко и за маловажныя преступленія. Они состояли въ приковиніи къ столбу, приковaніи къ пушкѣ, содержаніи подъ арестомъ и заключеніи въ тюрьмѣ. Этотъ послѣдній видъ лишенія свободы не имѣлъ значенія наказанія, а примѣнялся лишь какъ мѣра пресѣченія преступнику возможности укло-

ниться отъ суда, затѣмъ къ тѣмъ преступникамъ, которые были уже осуждены и ждали только исполненія приговора.

Изъ наказаній церковныхъ существовали въ Запорожьи: публичное покаяніе въ церкви и ссылка въ монастырь на покаяніе.

«Такова, говоритъ А. Д—скій, была система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи. Обозрѣвая эту систему, мы не можемъ не признать, что она была отмѣчена желѣзной строгостью; видами наказаній, получившихъ самое широкое примѣненіе, были наказанія, направленныя на жизнь и тѣло преступника. Въ то время, когда другія формы наказаній, направленныхъ на свободу, честь и имущество, едва получили тамъ развитіе, смертная казнь и тѣлесныя наказанія щедрою рукою назначались за преступныя дѣянія самаго разнообразнаго характера, начиная отъ простой кражи и кончая тягчайшимъ видомъ преступленія — убійствомъ казака казакомъ. Мучительныя, квалифицированныя смертныя казни, уступавшія по изобрѣтательности и утонченности западо-европейскимъ, но грубыя и жестокія въ своемъ элементарномъ, первобытномъ примѣненіи, получили по своимъ формамъ и видамъ значительное развитіе и опередили въ этомъ отношеніи простую смертную казнь, которая примѣнялась въ однообразной и почти единственной формѣ — повѣшенія...

«Система эта, будучи строго выдержана сообразно духу и военной организаціи Запорожскаго войска, тѣмъ не менѣе при опредѣленіи размѣровъ уголовной отвѣтственности, помимо внѣшней стороны преступнаго дѣянія, принимала во вниманіе разнообразные оттѣнки субъективной виновности преступника и даже обстоятельства совершенно постороннія, лежавшія внѣ преступника и совершеннаго имъ преступленія. Такимъ образомъ допускалась возможность существованія институтовъ помилованія и разнообразной замѣны наказаній, которыя, имѣя довольно широкое примѣненіе, до извѣстной степени скрашивали общій суровый характеръ системы. Задача устрашенія и обезпеченія при такомъ характерѣ карательныхъ мѣръ вполнѣ достигалась; остававшіеся на висѣлицахъ и на колахъ трупы преступниковъ производили глубокое, потрясающее впечатлѣніе на проходящихъ, свидѣтельствовали о той страшной карѣ, которой подвергался каждый, кто рѣшился бы посягнуть на неприкосновенность и святость основныхъ принциповъ организаціи».

Религіозное преслѣдованіе православнаго украинскаго народа со стороны католиковъ, послужившее поводомъ къ образованію Сѣчи Запорожской, было причиною гайдамацкихъ движеній въ XVIII столѣтіи.

«Положеніе православныхъ въ Польшѣ, говоритъ авторъ статьи

«Гайдамацкія движенія въ XVIII столѣтіи» [1]), никогда не было завиднымъ, въ XVIII же вѣкѣ, на который всецѣло падаютъ гайдамацкія движенія, оно стало просто невыносимымъ. Вскорѣ послѣ московскаго договора 1686 года и вопреки его статьямъ, ограждавшимъ свободу православія въ польско-русскихъ областяхъ въ Украйнѣ (разумѣется, правобережной), начались религіозныя преслѣдованія православныхъ, которыя особенно усилились во время войны Россіи со Швеціей. Въ 1716 г., правда, повидимому только на время, была издана сеймомъ самая несправедливая и жестокая конституція, которой повелѣвалось всѣ, незадолго передъ тѣмъ выстроенныя, диссидентскія, слѣдовательно и православныя, церкви разрушить; богослужебныя диссидентскія собранія, проповѣди и проч.—прекратить; ослушниковъ подвергать—въ первый разъ—денежному штрафу, затѣмъ тюремному заключенію и, наконецъ, изгнанію... Съ этого момента и до 1768 года, года страшной коліивщины, религіозныя гоненія въ Украйнѣ идутъ, такъ сказать, усиленнымъ кресчендо. Католическое и уніатское духовенство и его ревностнѣйшій пособникъ—мелкая шляхта, во множествѣ разсыпанная по имѣніямъ магнатовъ, никогда не церемонилась въ выборѣ средствъ пропаганды уніи, а теперь, когда изъ Украйны уведены были всѣ казацкіе полки и беззащитный народъ отданъ былъ въ жертву шляхтѣ, церемонились и того менѣе».

Въ видахъ пропаганды оправдывались всѣ средства: грабежи, всякаго рода насилія и даже убійства. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія уніатскій митрополитъ Филиппъ Володкевичъ нанялъ войско въ нѣсколько тысячъ и ввелъ его въ Украйну. Въ сопровожденіи отрядовъ, уніатскіе чиновники разъѣзжали по странѣ и силою принуждали населеніе принять унію. Кто не соглашался, тому выворачивали руки и ноги, рвали рты и забивали кіями; не позволяли православнымъ родившихся—крестить, умершихъ—погребать. Кто не въ силахъ былъ переносить такихъ мученій и притѣсненій, собиралъ себѣ товарищей и начиналъ партизанскую войну съ притѣснителями, т. е. дѣлался гайдамакомъ. По мѣрѣ усиленія притѣсненій, росло и гайдамачество, представлявшее протестъ народа противъ существующаго порядка вещей и вызвавшее борьбу во имя вѣры и самозащиты въ глазахъ неминуемой смерти.

Въ гайдамачинѣ мѣстное православное духовенство не принимало почти никакого участія, оно находилось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и терпѣло не менѣе своей паствы; священники и монахи принуждены

[1]) Полное заглавіе этой статьи слѣдующее: „Гайдамацкія движенія XVIII столѣтія и монахи кіевскихъ монастырей (изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ)“ „Кіевская Старина“ № 5, стр. 228.

были оставлять свои приходы, скрываться въ лѣсахъ или бѣжать въ Россію [1]).

«Но кромѣ мѣстнаго, пишетъ авторъ, въ данное время въ Украйнѣ очень было много духовенства пришлаго,—духовенства, которое являлось сюда, въ польскую Украйну, изъ-за границы только навремя и которое безраздѣльно, такъ сказать, принадлежало за-границѣ—Россіи. Это были монахи кіевскихъ монастырей. Дѣло въ томъ, что въ это время въ предѣлахъ Польши, именно въ Украйнѣ, кіевскимъ монастырямъ принадлежало безчисленное множество угодій: монастырскіе села, хутора, пасѣки, лѣса занимали почти двѣ-трети всей территоріи Украйны. Для надзора за своими заграничными угодьями, братія отряжала когонибудь изъ себя. Такія лица назывались городничими; иногда къ городничему въ помощники присоединяли еще шафора, т. е. казначея. Вотъ это-то пришлое,—очень многочисленное — монашество и принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ».

Кіевскіе монахи занимали въ Украйнѣ видное и привилегированное положеніе. Они не были подчинены польской власти, были подсудны и давали отчетъ только русскому правительству и пользовались личной неприкосновенностью. Уличенный въ сношеніяхъ съ гайдамаками «городничій» подлежалъ суду братіи и монастырскаго начальства, смотрѣвшаго на гайдамачество, какъ на священную борьбу за вѣру отцовъ и готоваго оказать всякое содѣйствіе гайдамакамъ. Къ этому надо прибавить, что монастырскіе дворы, пасѣки, хутора, винокурни и проч. были разбросаны по лѣсамъ и стояли внѣ всякаго надзора. При нихъ, для исполненія хозяйственныхъ работъ, находилось большее или меньшее число послушниковъ и рабочихъ,—людей самаго разнообразнаго и часто сомнительнаго прошлаго.

«Зачастую, говоритъ авторъ, этотъ людъ, перебравъ всѣ способы къ существованію — идетъ, наконецъ, въ Кіевъ, поступаетъ въ число послушниковъ того или другаго монастыря, и или остается въ самомъ монастырѣ, или отправляется въ украинскія монастырскія угодья для

---

[1]) Главная бѣда для украинскаго духовенства состояла въ томъ, что его законная епархіальная власть, которая въ трудныя минуты его жизни могла бы наставить, оказать соотвѣтствующую помощь, возвысить голосъ въ защиту своихъ подчиненныхъ,—что эта власть находилась въ это время за границей польскаго государства: Украйна въ церковномъ отношеніи была подчинена частію епископу переяславльскому, частію митрополиту кіевскому, каѳедры которыхъ въ данное время находились уже въ предѣлахъ Россіи. Причемъ враги православія постарались сдѣлать совершенно невозможными всякія сношенія украинской православной паствы съ ея пастырями. Украинская православная паства была, такимъ образомъ, предоставлена самой себѣ.

Примѣчаніе автора статьи.

хозяйственныхъ работъ. Многіе живутъ тамъ мѣсяцъ, другой, зиму, а иные цѣлый годъ. Само собою разумѣется, что это стремленіе въ монастыри бездомнаго, гулящаго люда представляетъ собою явленіе вполнѣ понятное: здѣсь легче было пристроиться, пожить припѣваючи и безъ особенныхъ стѣсненій любое количество времени и, разъ надоѣстъ, тотчасъ же безпрепятственно уйти. Но такимъ положеніемъ дѣла въ самыхъ монастыряхъ и его угодьяхъ несомнѣнно создавалась самая благопріятная почва для составленія гайдамацкихъ ватагъ».

На монастырскихъ работахъ сталкивались и отважный запорожецъ, и ограбленный поселянинъ, и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ составляли гайдамацкій загонъ, привлекавшій къ себѣ запорожцевъ, охотниковъ до рискованныхъ предпріятій. Такія условія открывали «городничимъ» полную возможность принимать фактическое участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ, и въ 1759 году дворянинъ Богдановичъ жаловался въ пограничную коммиссію, что кіевскіе монахи поступаютъ «вопреки праву божескому, духовному и свѣтскому, стоятъ съ гайдамаками заодно и руководятъ ими».

Монахи сами организовывали гайдамацкія шайки, и если въ этомъ принималъ участіе городничій, тогда ватага эта доходила до значительныхъ размѣровъ. Такъ, настоятель Софійскаго монастыря, отецъ Демьянъ, собралъ «большую купу» желавшихъ идти гайдамачить, благословилъ ихъ на это дѣло, снабдилъ оружіемъ, купилъ на свои деньги пороха, олова для пуль и далъ провизіи на дорогу. Вступивъ въ польскіе предѣлы, такія шайки всегда находили притонъ у городничихъ, помогавшихъ имъ во всемъ. Если гайдамакамъ надо было скрыться отъ преслѣдованія, они скрывались у городничаго, получали отъ него все необходимое для пропитанія и уходили въ сосѣдній монастырскій лѣсъ безопасно.

«Уединенные, заброшенные въ глушь и свободные отъ какого бы то ни было надзора со стороны польскихъ властей, монастырскіе дворы зачастую служили для гайдамакъ сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ отдыха. Гайдамаки любили эти дворики: здѣсь ихъ встрѣчали сочувствующіе люди; здѣсь они чувствовали себя въ полной безопасности, и потому спокойно и беззаботно они здѣсь пьютъ, танцуютъ и веселятся... Городничіе, знающіе данную мѣстность во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ пришедшая со стороны гайдамацкая ватага, зачастую даютъ гайдамакамъ совѣты и направляютъ ихъ движенія въ ту или другую сторону, причемъ, еслибы вдругъ надъ ватагою стряслась какая-либо бѣда, обѣщаютъ гайдамакамъ покрыть ихъ имѣющимися подъ руками средствами. Это было особенно важно для гайдамакъ, и они, въ случаѣ крайней нужды, искали спасенія у городничаго ближайшаго монастырскаго двора. Однажды, при переправѣ гайдамацкой ватаги черезъ Днѣпръ, ее на-

стигла пограничная стража; нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ послѣдней удалось взять, другіе же, увильнувши, спаслись отъ ареста только тѣмъ, что бросились къ городничему села Плеское и получили отъ него паспорты».

Снаряженные монахами отряды направлялись, по ихъ указанію, на главнѣйшихъ притѣснителей православной вѣры: шляхту, жидовъ, уніатскихъ священниковъ. Наибольшее напряженіе дѣятельности кіевскихъ монаховъ въ формированіи шаекъ относится къ промежутку времени съ 1750—1760 годовъ. Съ шестидесятыхъ годовъ положеніе дѣлъ измѣняется: на сцену выступаетъ монахъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, который становится управителемъ украинскихъ церквей и организуетъ вездѣ твердое церковное управленіе. Помощникомъ ему является переяславльскій епископъ Гервасій, и эти два лица начинаютъ дѣйствовать инымъ путемъ—юридическимъ искомъ противъ религіозныхъ притѣсненій, которымъ подвергались православные. Мѣстная епархіальная власть стала настаивать на томъ, чтобы прекратить гайдамачество, и кіевскіе монахи мало-по-малу принуждены были отказаться отъ участія въ гайдамацкихъ движеніяхъ.

Пополненіе монастырей бродячимъ населеніемъ свидѣтельствуетъ о той низкой степени развитія чернаго духовенства, въ какой оно дѣйствительно и находилось. Не лучше было и положеніе бѣлаго духовенства, поставленнаго въ самыя тяжкія условія. Бѣдное, лишенное первыхъ потребностей, оно принуждено было перебиваться взятками и поборами. Объ одномъ изъ видовъ взяточничества знакомитъ насъ статья В. Хроневича—«Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства юго-западнаго края» [1]).

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ росписаніи штатовъ Волынской епархіи [2]), архіерею было назначено жалованья 1.000 руб. и на провизію 800 руб. Эта послѣдняя сумма назначалась на содержаніе всего архіерейскаго дома, штатъ котораго состоялъ изъ 12 человѣкъ, получавшихъ самое ничтожное жалованье. Такъ, экономъ получалъ 30 руб. въ годъ, духовникъ 15 руб., крестовый іеромонахъ 8 руб., соборный протопопъ 60 руб., ключарь 40 руб., а священники по 30 руб. На содержаніе консисторіи отпускалось 448 руб., и въ ней полагалось 19 человѣкъ служащихъ. Наиболѣе крупный окладъ былъ опредѣленъ секретарю консисторіи—80 руб., тремъ канцеляристамъ—по 40 руб., стряпчему—30 руб., шести копіистамъ—по 20 руб., двумъ сторожамъ и шести приставамъ—по 6 руб. и на канцелярскіе расходы 50 руб. Членамъ

---

[1]) „Кіевская Старина" 1893 г., № 3, стр. 399; № 4, стр. 78.

[2]) Учреждена въ 1795 году.

консисторіи, каковыми были протопопъ и нѣсколько священниковъ, жалованья вовсе не полагалось. Чѣмъ же существовали они?

«Въ старину,—говоритъ Хроневичъ,—было въ ходу положеніе, въ силу котораго можно было назначать священниковъ на половинную и даже на третью часть прихода. Этимъ обычаемъ и пользовались для поднятія консисторскихъ доходовъ, присоединяя къ нимъ и тѣ штрафы, которые налагались на благочинныхъ и священниковъ за неисполненіе предписаній консисторіи. Но доходы эти были ничтожны, не вѣрны, мало надежны и почти не достигали цѣли. Поэтому чиновники должны были сами промышлять себѣ средства къ существованію, которыя и заключались исключительно во взяточничествѣ.

«Самый прочный заработокъ доставляло канцеляристамъ писаніе прошеній для лицъ, обращавшихся къ епархіальной власти по извѣстнымъ дѣламъ... Вообще, тогда кандидаты, напримѣръ, священства почти не дерзали самолично писать просьбу архіерею: они еле выводили буквы, а о грамотности имѣли понятія настолько либеральныя, что слово иподіаконъ въ ихъ начертаніи принимало форму «и Поддияконъ». Естественно, что, пріѣхавъ въ епархіальный городъ, они обращались къ одному изъ канцеляристовъ за помощью».

Такіе-то кандидаты получали наконецъ приходъ и становились въ крайне затруднительное положеніе. Они должны были писать метрическія книги, составлять разныя вѣдомости, доставлять справки и, будучи безграмотны, обращались за помощью къ тому же канцеляристу, а иногда и къ благочинному. Тотъ и другой даромъ ничего не дѣлали, и бѣдному, необразованному священнику приходилось платить за все. Были благочинные, которые облагали священника по 2 коп. съ каждаго двора въ приходѣ, а съ дьячка брали по денежкѣ.

«Помимо этого, — говоритъ авторъ, — нужно сказать, что вообще благочинные не пропускали подходящихъ случаевъ для извлеченія изъ нихъ собственной пользы... Въ отношеніи къ окружному духовенству они пользовались гораздо большею властью, чѣмъ теперь, а потому и подходящіе случаи представлялись довольно нерѣдко. Благочинный могъ, напримѣръ, подвергать священника денежному штрафу, чего теперь нѣтъ и въ помпнѣ. Могъ онъ давать священнику довольно важныя командировки, сопряженныя съ большими расходами,—и тотъ не смѣлъ противиться».

Полномочія и власть благочинныхъ были весьма широки: ни одинъ священникъ не могъ получить мѣста безъ подписи благочиннаго на прошеніи прихожанъ, что они желаютъ имѣть намѣченнаго ими кандидата. Но чтобы такое прошеніе подписалъ благочинный, конечно, его надо было задобрить или одарить. Затѣмъ прошеніе это представлялось въ духовное правленіе, и ищущій священства долженъ былъ готовиться

къ новымъ посягательствамъ на его карманъ; онъ долженъ былъ отправиться въ епархіальный городъ, гдѣ ожидалъ его экзаменъ, разнаго рода допросы и испытанія. Если у него были деньги, то все проходило скоро и благополучно, а если нѣтъ, то дѣло затягивалось, и часто ищущій мѣста не достигалъ своей цѣли. Вообще поборы и взяточничество въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и за деньги можно было обѣлить всякое дѣло, даже и судебное.

Въ 1796 году, жители сел. Андреевичъ подали прошеніе, въ которомъ выставили около десяти обвинительныхъ пунктовъ противъ своего священника.

«Здѣсь,—говоритъ В. Хроневичъ,—между прочимъ, заявлялось, что, во-первыхъ, онъ иногда отказывается исповѣдывать больныхъ, говоря: «еще тебя чортъ не возьметъ»; во-вторыхъ, не пошелъ однажды погребать ребенка и сказалъ: «хотя брось его собакамъ, а я хоронить безъ денегъ не хощу»; въ третьихъ, женщины родильницы, просившія прочитать въ сороковой день положенную молитву, получали такой отвѣтъ: «пойдите до жида, онъ вамъ дастъ молитву»... Стремленія слѣдователей привести дѣло къ благопріятному концу не увѣнчались успѣхомъ. Видно, что священникъ дѣйствительно досадилъ крестьянамъ. Они порѣшили во что̀ бы то ни стало выжить его и почти поголовно повторяли все то, что̀ было написано въ прошеніи. Какъ ни хитри, какъ ни мудри, а надо писать подлинныя показанія. Такъ и было сдѣлано: такъ и въ бѣловой было написано и даже подписано благочиннымъ Луцкевичемъ. Но когда та же бѣловая поступила на разсмотрѣніе архіерея, то оказалось, что всѣ вышеперечисленныя, инкриминированныя выраженія были тщательно выскоблены ножикомъ и вмѣсто нихъ стояло слѣдующее: 1) «потерпи мало»; 2) «и самъ его погреби»; 3) «иди до дому». Эти краткія, небольшія измѣненія совершенно скрашивали слѣдственное дѣло и придавали ему совсѣмъ не тотъ грозный видъ, какой оно имѣло раньше».

Подобные поступки практиковались весьма часто и служили доказательствомъ того бѣдственнаго матеріальнаго положенія, въ которомъ находилось духовенство, а съ другой—объяснялись низкимъ уровнемъ образованія и дурною организаціею духовныхъ училищъ и мѣстныхъ семинарій. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились заведенія, предназначенныя для высшаго образованія духовенства. Съ обстановкою тѣхъ и другихъ заведеній знакомятъ насъ «Воспоминанія Іосифа Самчевскаго» [1]).

[1]) „Кіевская Старина" 1893 г. № 10, стр. 1; № 11, стр. 185; № 12, стр. 353.

Въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія онъ поступилъ въ Армейскую семинарію въ С.-Петербургѣ, учрежденную императоромъ Павломъ Петровичемъ и предназначенную для воспитанія дѣтей полковыхъ священниковъ. Домъ семинаріи находился въ 13-й линіи Васильевскаго острова, противъ Морскаго кадетскаго корпуса.

«Императоръ Павелъ, —пишетъ Самчевскій,—при учрежденіи ея повелѣлъ выдать въ церковь ея отъ двора богатую мальтійскую ризницу изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми при ней крестами; онъ же прислалъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ Армейской семинаріи былъ любимецъ императора Павла, протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантію, которою по смерти Озерецковскаго обитъ былъ его гробъ».

Главнымъ начальникомъ военной семинаріи былъ, конечно, оберъ-священникъ арміи и флота, протопресвитеръ Иванъ Семеновичъ Державинъ, членъ Святѣйшаго Синода, который и опредѣлилъ Самчевскаго въ семинарію. Въ числѣ главнѣйшихъ предметовъ обученія было пѣніе, и хоръ Армейской семинаріи пользовался въ то время большою извѣстностію, что̀ и заставляло участниковъ переносить такіе тяжелые труды, что они могутъ показаться невыносимыми въ настоящее время.

«Оберъ-священникъ, говоритъ авторъ воспоминаній, часто приглашался на выносы, а съ нимъ долженъ былъ находиться и хоръ его. Въ лѣтнее время эти выносы не только не затрудняли насъ, но даже доставляли пріятное развлеченіе, прогулку послѣ учебныхъ занятій; въ зимнее же время иногда, при большихъ морозахъ и сильномъ вѣтрѣ, мы должны были совершать очень далекія путешествія, провожая покойниковъ на Смоленское или Волковское кладбище. Надо замѣтить, что такіе проводы мы совершали въ однихъ сюртукахъ, въ холодной обуви, безъ перчатокъ, съ открытыми при томъ головами и съ нотными книгами въ рукахъ, которыя обыкновенно носили дисканты и альты. Помню, какъ однажды въ такой процессіи, при приближеніи къ Невѣ, во время ея ледохода, сильный холодный вѣтеръ помчалъ меня къ рѣкѣ и какъ регентъ, взявши меня за руку, остановилъ мое стремленіе. Съ большимъ трудомъ мы переправлялись тогда въ катерахъ съ гробомъ покойника. Послѣ трудной и долгой переправы, предстоялъ намъ еще далекій путь до кладбища, въ церкви котораго мы пѣли обѣдню и отпѣваніе. На обратномъ пути насъ, обыкновенно, везли уже въ каретахъ въ домъ покойника, гдѣ послѣ сытнаго угощенія мы забывали и морозъ, и вѣтеръ, и труды наши».

Воспитаніе въ семинаріи было суровое, и розга играла въ немъ видную роль. Учениковъ сѣкли учителя, сѣкли комнатные старшіе, сѣкъ и

ректоръ. Наказанію этому одинаково подвергались и малолѣтніе, и ученики богословія, но,—по словамъ Самчевскаго,—спустя три года наказанія эти вдругъ прекратились. Можетъ быть, говоритъ онъ, причиною тому было и самое время, обстоятельства котораго укротили учащихъ и учащихся въ семинаріи—это былъ 1812-й годъ. Въ этомъ году занятія въ Армейской семинаріи шли слабо и съ перерывами, и она сама была переведена въ 3-ю роту Измайловскаго полка. Пѣвчіе очень часто ходили за оберъ-священникомъ на Семеновскій плацъ, гдѣ совершались напутственныя молебствія передъ отправленіемъ полковъ гвардіи въ походъ, причемъ оберъ-священникъ благословлялъ полки иконами. Человѣкъ 15 семинаристовъ поступили тогда въ военную службу и нѣкоторые изъ нихъ возвратились изъ похода офицерами. Всѣми овладѣло воинственное настроеніе, и семинаристы вмѣсто уроковъ изучали воинскіе артикулы и маршировки съ палками въ рукахъ подъ команду сторожа Агаѳона.

Война кончилась, а вмѣстѣ съ нею наступила новая эпоха въ жизни Самчевскаго. Армейскую семинарію закрыли, а воспитанниковъ ея приказано было разослать по тѣмъ епархіямъ, въ которыхъ находились ихъ родные. Окончившій реторическій классъ и поступившій въ философскій, I. Самчевскій былъ переведенъ въ Александро-Невскую семинарію. Переводъ этотъ былъ не по душѣ ему по тому антагонизму, который существовалъ между невскими и армейскими семинаристами. «Невскіе семинаристы,—говоритъ онъ—называли насъ солдатами, а мы ихъ пучками потому, что они не задолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы».

Обстановка, въ которую попалъ переведенный, была гораздо хуже той, чѣмъ въ Армейской семинаріи. Комната, въ которой онъ долженъ былъ помѣститься, была похожа на темный, длинный и нечистый сарай, у самаго порога котораго была поставлена его кровать близъ бочки съ водою. Кормили семинаристовъ очень дурно. «Послѣ непріятныхъ впечатлѣній,—говоритъ I. Самчевскій,—какія произвела на меня Невская семинарія въ ея спальняхъ, классѣ и столовой, мнѣ вскорѣ пришлось видѣть и одежду, построенную казеннокоштнымъ ученикамъ, а съ ними и намъ, армейцамъ. Это была куртка и панталоны, пошитые изъ такого толстаго и грубаго сукна, которое было хуже всякаго солдатскаго. Я этого платья совсѣмъ не надѣвалъ и продалъ его за безцѣнокъ, благо оставалась у меня цѣлою одежда Армейской семинаріи».

Къ счастью, авторъ воспоминаній оставался въ семинаріи не долго и былъ переведенъ въ духовную академію, тогда почти только-что отстроенную. Величественное зданіе академіи было ограждено чугунною рѣшеткою и украшено колоннами съ фронтономъ и двумя надъ ними

изваянными ангелами; одинъ изъ нихъ держалъ золоченый крестъ, указывая на него другому колѣнопреклоненному ангелу.

Новоприбывшаго помѣстили въ чистой комнатѣ, гдѣ стояла желѣзная кровать, съ мягкимъ волосянымъ тюфякомъ, покрытымъ бумажнымъ теплымъ одѣяломъ, тремя простынями, двумя подушками и четырьмя наволочками. Все это, кромѣ кровати, поступало въ собственность студента. Бѣлья изъ довольно тонкаго холста давалось по три пары на годъ; суконный сюртукъ, жилетъ и панталоны темно-сѣраго цвѣта давались на два года, а лѣтній сюртукъ, три пары сапогъ, круглая пуховая черная шляпа и лосиныя перчатки на годъ. Пища состояла въ будни изъ двухъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ, была питательная и вкусная; на завтракъ давали хлѣбъ съ квасомъ. Помѣщенія студентовъ были просторны, теплы, свѣтлы и чисты. «Академическая усадьба имѣла чистый, хорошій воздухъ; она стояла въ концѣ Петербурга за Лаврою, фасадомъ на протекающую передъ нею Неву, и позади себя имѣла садъ. Такимъ образомъ академія представляла всѣ необходимыя условія для удобной жизни и для занятій студентовъ».

Прежде чѣмъ говорить о жизни студентовъ и ихъ воспитаніи, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на начальствѣ и преподавателяхъ, составлявшихъ славу академіи. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый Иннокентій, прославившійся своими проповѣдями и борьбою съ масонами. Преподавая богословіе и обладая прекраснымъ даромъ слова, онъ имѣлъ громадное вліяніе на учащихся. Ученики съ особеннымъ вниманіемъ слушали его лекціи и «иногда плакали».

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ, сильно распространилось масонство. «Директоры масонскихъ ложъ,—говоритъ Самчевскій,—особенно Лабзинъ, своими мистическими ученіями наносили раны церкви. Статскій совѣтникъ Станевичъ написалъ прекрасную книгу противъ масонства: «Плачъ матери на гробѣ младенца» [1]). Ректоръ Иннокентій, будучи вмѣстѣ и цензоромъ духовныхъ книгъ, съ горячимъ сочувствіемъ читалъ ее и одобрилъ къ печатанію, не обративъ вниманія на одну въ ней выноску, въ которой говорилось, что какая-то масонская книга напечатана съ соизволенія правительства. Масоны ухватились за эту выноску и черезъ придворныхъ довели до слуха государя, будто бы сочиненіе Станевича написано въ укоризну его величества. Государь повелѣлъ книгу Станевича запретить, цензора Иннокентія въ наказаніе поставить епископомъ въ Уфимской епархіи, что равносильно было ссылкѣ, но, по ходатайству оберъ-про-

[1]) Дѣйствительное заглавіе книги слѣдующее: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви".

курора Св. Синода—князя Мещерскаго[1]) и предстательству императрицы Маріи Ѳеодоровны, вмѣсто Уфы, Иннокентію назначена была Пенза[2]). Когда Иннокентій выѣзжалъ изъ Петербурга, ученики семинаріи и множество постороннихъ лицъ толпились на лаврскомъ дворѣ. Иннокентій, обходя церкви для прощальнаго поклоненія святынямъ, благословлялъ семинаристовъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ самыя кельи его, раздавалъ имъ свои печатныя проповѣди и книги, благословлялъ ихъ и со слезами говорилъ: «учитесь, дѣти! вотъ и я былъ такой же, какъ и вы, а теперь архіерей». Зимній возокъ уже былъ поданъ, Иннокентій вышелъ въ нагольномъ тулупѣ, который кн. Мещерскій (кн. А. Н. Голицынъ?) снялъ и надѣлъ на него свою енотовую шубу. Извѣстный архимандритъ Фотій, прощаясь съ Иннокентіемъ, рыдалъ и называлъ его столпомъ православія. Иннокентій поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ и уѣхалъ».

Мѣсто Иннокентія занялъ Филаретъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій. Самчевскій разсказываетъ, что когда Филаретъ, былъ сдѣланъ бакалавромъ и въ первый разъ взошелъ на каѳедру, то студенты оскорбились, видя передъ собою молодаго человѣка, пришедшаго учить ихъ, тогда какъ многіе были старше его годами, а нѣкоторые поступили въ академію даже изъ учителей семинаріи. Но когда Филаретъ прочитавши лекцію, ушелъ, то студенты остались въ изумленіи подъ впечатлѣніемъ превосходной, ими никогда не слышанной, лекціи. Въ другой разъ, будучи уже ректоромъ академіи, Филаретъ посѣтилъ аудиторію и слушалъ преподаваніе профессора Вѣтринскаго, сидя на скамьѣ со студентами. Вѣтринскій читалъ о неоплатоникахъ и о самомъ Платонѣ. Прослушавши часть лекціи, Филаретъ спросилъ студента Колоколова, понялъ ли онъ? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, Филаретъ просилъ профессора лучше объяснить, но и затѣмъ слушатели все-таки не поняли.

— Я учился философіи, сказалъ тогда Филаретъ, по Баумейстеру; не знаю, будетъ ли понятно мое объясненіе, и въ самыхъ понятныхъ словахъ объяснилъ читанное, спросилъ Колоколова:—а теперь понимаете ли?

— Понимаю, отвѣчалъ онъ.

Вѣтринскій всталъ и поклонился Филарету.

Филаретъ трудился для духовной академіи въ теченіе 15 лѣтъ, будучи бакалавромъ, профессоромъ, ректоромъ и ревизоромъ. Худой, ниже средняго роста, съ улыбкою на устахъ и съ окладистой черной бородой, Филаретъ былъ всегда спокоенъ и говорилъ довольно громкимъ, звучнымъ голосомъ; рѣчь его была всегда изящна, какъ бы отчеканена въ форму, готовую въ печать, въ моментъ ея произнесенія.

---

[1]) Оберъ-прокуроромъ тогда былъ кн. А. Н. Голицынъ.

[2]) Обстоятельства ссылки Иннокентія разсказаны авторомъ воспоминаній невѣрно и основаны на слухахъ.

«Но въ искрившихся его глазахъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—проявлялась проницающая, испытывающая сила: мы не могли смотрѣть на него прямо, когда передъ нимъ отвѣчали. Ни одного студента онъ не оставлялъ безъ возраженій, которыя сперва казались легкими, но потомъ изъ нихъ онъ развивалъ многіе вопросы, касавшіеся всѣхъ отдѣловъ науки».

Другимъ выдающимся профессоромъ богословія былъ Герасимъ Петровичъ Павскій. Его лекціи, составленныя для студентовъ Петербургскаго университета, увлекали новизною взглядовъ и прекрасною статьею о религіи. Выдающіяся способности Павскаго заставляли митрополита уговорить его поступить въ монашество, но Павскій рѣшительно отвѣчалъ, что хочетъ «обабиться», и вскорѣ женился. Это былъ добродушнѣйшій человѣкъ, веселый, общительный и простосердечный до наивности. «Будучи уже священникомъ съ магистерскимъ крестомъ,—говоритъ Самчевскій,—Павскій пріѣхалъ въ гости къ одному гвардейскому священнику и увидѣлъ на дворѣ снѣжную горку, съ которой дѣти катались на подушкѣ отъ кресла, всталъ съ саней и, не входя еще въ домъ, побѣжалъ на горку и съ нея скатился.

Товарищъ Павскаго, ректоръ Григорій Постниковъ, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій, былъ не менѣе замѣчательнымъ лицомъ. Вступивъ въ монашество, онъ былъ назначенъ бакалавромъ на каѳедру богословія, а потомъ инспекторомъ академіи и прежде своихъ товарищей получилъ степень доктора богословія за свои глубокія и обширныя познанія. Онъ основалъ первый въ Россіи духовный журналъ «Христіанское чтеніе» и писалъ самъ въ немъ очень много. Рѣчь Григорія была проста, тяжеловата, но ясна, положительна и опредѣленна; стоило прослушать со вниманіемъ его лекцію, чтобы запомнить ее и не заучивать впослѣдствіи.

«Съ простотою и прямотою характера у Григорія соединялась какая-то безъискусственная, какъ бы прирожденная его личности важность, важенъ онъ былъ и передъ студентами, и въ кругу профессоровъ, между которыми были соученики его по первому курсу... Всегда важный и всѣми уважаемый, епископъ Григорій былъ величественъ, когда въ церкви совершалъ священнодѣйствіе. Бывшій въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія ректоръ Черниговской духовной семинаріи, архимандритъ Іеронимъ, сказывалъ, что когда ему случалось служить съ Григоріемъ литургію, ему представлялось, будто онъ видитъ передъ собою священнодѣйствующаго Василія Великаго».

Серьезный и величавый по виду, Григорій чуждъ былъ холоднаго эгоизма и мелкой взыскательности; къ студентамъ былъ снисходителенъ безъ потачки, добръ на дѣлѣ и часто помогалъ ихъ роднымъ изъ своего кармана. Студенты уважали своего ректора и, не видя отъ него никакого

стѣсняющаго давленія, вели себя благопристойно; Григорій заботился о хорошемъ содержаніи и часто посылалъ къ студентамъ дежурнаго старшаго, чтобы узнать, какое улучшеніе въ пищѣ желаютъ они.

«Держась строго охранительнаго начала касательно церковныхъ постановленій, — говоритъ Самчевскій, — онъ однакожъ по докладу нашего врача о томъ, что студенты при усиленныхъ занятіяхъ заболѣваютъ отъ постной пищи, испросилъ у митрополита разрѣшеніе слабосильнымъ студентамъ давать во время постовъ скоромную пищу, разумѣется, исключая первой и послѣдней недѣли великаго поста. Но въ догматическихъ своихъ убѣжденіяхъ касательно вѣры и православія, Григорій былъ стоекъ, непреклоненъ и неуступчивъ предъ кѣмъ бы то ни было. Было обстоятельство, когда онъ, будучи уже петербургскимъ митрополитомъ, въ Синодѣ безбоязненно противился незаконнымъ притязаніямъ оберъ-прокурора. Сколь достопочтенна была личность Григорія, показываетъ отзывъ Филарета, который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ о немъ: «хотя Григорій и ученикъ мой; но и мнѣ есть чему отъ него поучиться». Вообще будучи строгъ болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, желая всѣмъ дѣлать добро и во всѣхъ видѣть доброе, Григорій во взглядахъ своихъ бывалъ односторонен и довѣрчивъ, отчего иногда ошибался въ людяхъ и ошибки свои самъ сознавалъ».

Располагая такими научными силами и имѣя въ своемъ составѣ такихъ блестящихъ профессоровъ, С.-Петербургская духовная академія стояла, можно сказать, во главѣ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго. Выпускаемые магистры и кандидаты не нравились епархіальнымъ архіереямъ, которые были сами не образованы и не имѣли ученыхъ степеней. Тѣмъ не менѣе академія стояла прочно, пока кн. Голицынъ оставался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и занималъ первенствующее мѣсто въ Синодѣ. Въ 1824 и 1825 г. обстоятельства перемѣнились: по интригамъ и настоянію партіи, враждебной кн. Голицыну, были закрыты масонскія ложи и самъ онъ уволенъ отъ обоихъ министерствъ. Первенствующимъ въ Синодѣ былъ митрополитъ Серафимъ, не расположенный къ новому образованію, и съ нимъ ярославскій архіепископъ Авраамій, ненавистникъ академій. Заступиться за послѣднихъ было некому: Филаретъ былъ въ Москвѣ и самъ терпѣлъ отъ Синода, пріостановившаго печатаніе его катехизиса, а ректоръ Григорій былъ подвластенъ митрополиту Серафиму.

Послѣдній, предсѣдательствуя въ коммиссіи духовныхъ училищъ, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы затруднить студентамъ полученіе званій магистровъ и кандидатовъ. Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи Серафимъ спросилъ кіевскаго митрополита Евгенія, какого онъ мнѣнія о духовныхъ академіяхъ. Евгеній отвѣчалъ, что онъ недавно въ коммиссіи и потому

не можетъ сказать своего мнѣнія. Серафимъ предложилъ ему разспросить ректора Григорія.

— Сколько въ прошедшемъ курсѣ выпущено магистровъ, спросилъ митрополитъ Евгеній.

— Двадцать пять, отвѣчалъ Григорій.

— Сколько напечатано было большихъ студенческихъ сочиненій?

— Одно.

— Отчего не всѣ двадцать пять?

— Потому что на изданіе нѣсколькихъ томовъ студенческихъ сочиненій академія не имѣла средствъ.

— Слѣдовало бы обратиться къ коммиссіи, замѣтилъ Евгеній, которая не пожалѣла бы на то денегъ.

— По какому печатному руководству, спросилъ потомъ Евгеній, читалось догматическое богословіе?

— Печатнаго, удовлетворительнаго по этому предмету руководства не имѣется, отвѣчалъ Григорій, и я читалъ богословіе по своимъ запискамъ, изъ которыхъ напечаталъ два трактата въ «Христіанскомъ чтеніи».

— Почему же вами до сихъ поръ не составлено и не напечатано полное руководство?

— Потому что такой трудъ потребовалъ бы много досужаго времени, а я былъ занятъ другими должностями.

— Вамъ бы слѣдовало отъ нихъ отказаться.

— Я повиновался волѣ начальства, возлагавшаго на меня эти обязанности, и теперь готовъ исполнить, что ему касательно меня угодно будетъ.

Весь этотъ разговоръ былъ, конечно, не болѣе, какъ придиркою, и огорченный Григорій предупредилъ студентовъ, что коммиссія духовныхъ училищъ не расположена къ академіи и что студенты должны приготовить къ экзамену большія разсужденія. Студенты усиленно работали, написали разсужденія, ихъ напечатали въ пяти томахъ, но, несмотря на то, коммиссія рѣшила при выпускѣ изъ академіи не давать никому степени магистра, а удостоивать ею черезъ два года и притомъ только тѣхъ, которые будутъ представлены епархіальными архіереями, съ одобрительными отзывами объ ихъ службѣ.

Григорій былъ назначенъ епископомъ въ Калугу и оставилъ академію, но не оставилъ ея своимъ вниманіемъ Филаретъ, бывшій уже въ то время митрополитомъ московскимъ. Отличенный по его рекомендаціи императоромъ Николаемъ I, Григорій сталъ восходить на іерархическія ступени и въ санѣ архіепископа тверскаго засѣдалъ въ Синодѣ, присутствовалъ при коронованіи императора Александра II и затѣмъ былъ возведенъ въ санъ митрополита петербургскаго.

Познакомившись по воспоминаніямъ Самчевскаго [1]) съ блестящею эпохою жизни С.-Петербургской духовной академіи, скажемъ нѣсколько словъ о состояніи общества и гражданскихъ учебныхъ заведеній, за тотъ же періодъ времени. Тѣ и другія свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ «Автобіографіи Степана Лукича Геевскаго» [2]), начинающаго свой разсказъ съ Отечественной войны и рисующаго передъ нами то состояніе, въ которомъ находились жители Малороссіи.

«Осенью 1812 года,—говоритъ онъ,—была необыкновенная тревога у насъ, въ Малороссіи..... ожидали Бонапарта... Это магическое слово наводило ужасъ на всѣхъ, и хотя оффиціальнымъ образомъ достовѣрно было извѣстно, что враги отечества нашего направятъ (направили?) путь свой къ Москвѣ совсѣмъ другой дорогой, однакожъ, несмотря на это, а равно и по преданію о походѣ на Россію Карла XII, котораго слава сокрыта въ могилѣ на нашей родинѣ, со страхомъ и ужасомъ ожидали французовъ. Волненіе въ народѣ, какъ я сказалъ, было необыкновенное. Ходили слухи объ антихристѣ и преставленіи свѣта; помѣщики, немного поумнѣе, страшились чужеземнаго ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь.... Формировались полки на счетъ дворянъ; на алтарь отечества приносили кто что могъ; молодой народъ, разумѣется, кромѣ маменькиныхъ сынковъ, горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ отечества, степные помѣщики, обзаведшіеся уже женой, домикомъ, хозяйствомъ и деньженками, разсуждали немного хладнокровнѣе; но однакожъ, по первому призыву правительства, въ самое короткое время, выставили лошадей, аммуницію, сухари, крупу и т. п. принадлежности похода....

«Въ это время начали подумывать, какъ бы сохранить хотя часть имущества въ случаѣ нашествія французовъ. Предположеній было много: одни совѣтовали продать лишнее и, обративши въ деньги, отдать ихъ въ приказъ; другіе разсуждали, что это невѣрно, ибо и приказъ можетъ быть разграбленъ непріятелемъ; а лучше отослать туда, гдѣ не будетъ Бонапарта. Но гдѣ же не будетъ Бонапарта? спрашивали третьи—вѣдь онъ хочетъ завоевать Россію—такъ слѣдовательно вездѣ найдетъ насъ... а гораздо вѣрнѣе зарыть въ землю деньги и другія драгоцѣнности, а прочее предоставить волѣ Божіей: лѣса и постройки хоть и сожжетъ, но вѣдь полей не укуситъ. Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и вотъ, въ лѣсахъ, ярахъ, пещерахъ, погребахъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ начали работать топоры, заступы, лопаты... Жены и дочери съ боязнью посматривали на эти приготовленія»...

[1]) Воспоминанія Самчевскаго не окончены, и продолженіе ихъ будетъ печататься въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 года.

[2]) „Кіевская Старина“ 1893 г. № 9, стр. 375; № 10, стр. 91; № 12, стр. 427.

Опасенія о возможности нашествія французовъ на Малороссію продолжались даже и тогда, когда русскія войска, преслѣдуя армію Наполеона, перешли уже границу.

Степанъ Лукичъ Геевскій родился 28 ноября 1813 года и на шестилѣтнемъ возрастѣ избавился изъ-подъ опеки женщинъ. Къ нему приставлены были два деревенскихъ мальчика—одинъ ровесникъ, а другой постарше, который и былъ его руководителемъ. Отецъ и мать мало обращали вниманія на сына, и онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, подвергая часто свою жизнь опасности: разъ упалъ въ прудъ и вытащенъ полумертвый, а другой, катясь съ высокой горы на санкахъ, ударился о бревно такъ сильно, что лишился чувствъ. Все это не мѣшало ему продолжать такую же свободную жизнь до десяти лѣтъ, когда отецъ рѣшилъ, наконецъ, отдать сына въ Зеньковское повѣтовое училище.

«Сборамъ не было конца,—говоритъ С. Геевскій,—шили бѣлье, выписали портнаго изъ города, который тутъ же, въ моихъ глазахъ, кроилъ и шилъ для меня платье: нанковый сюртучекъ, такую же куртку и двое панталонъ, два жилета, шубу изъ черныхъ барашковъ, шинель, не помню, тоже, кажется, нанковую, а можетъ быть и казимировую».

Отецъ Геевскаго подарилъ ему азбуку и рубль старинными пятаками, сложивъ всѣ вещи въ сундучекъ, заперъ его и отдалъ ключъ сыну; въ этотъ же сундучекъ были положены двѣ булки и голова сахару. Прощаясь съ сыномъ, отецъ не давалъ ему никакихъ наставленій и сказалъ только: «я надѣюсь на тебя, Степанъ. Ты не ударишь въ грязь лицомъ!» Молодой Геевскій долженъ былъ жить у смотрителя повѣтоваго училища и по договору отецъ платилъ за это 300 руб. ассигнаціями, голову сахару, фунтъ чаю, 2 четверти пшеницы и 10 ведеръ водки, «а кромѣ того обѣщано было безъ договору присылать домашней птицы и прочаго инаго м а л у ю т о л и к у».

Первымъ учителемъ С. Л. Геевскаго былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

— Ты, Карпъ, смотри учи панича хорошенько, сказалъ смотритель училища Иванъ Ивановичъ Кричевскій;—ты уже дошелъ до молитвъ, такъ азбуку и склады можешь преподавать.

Когда Геевскій дошелъ до молитвъ, то былъ переданъ сестрѣ смотрителя, Аннѣ Ивановнѣ, которая преподавала высшій курсъ, т. е. начиная отъ молитвъ до конца букваря. Занимаясь въ компаніи двухъ барышенъ, мальчикъ не былъ избавленъ отъ разматыванія нитокъ и шелку и нанизыванія бисера, а затѣмъ могъ уходить куда ему угодно и проводить время съ Карпомъ,—его первымъ учителемъ.

Едва только Геевскій выучилъ букварь и могъ читать книги, какъ былъ помѣщенъ въ нижнее отдѣленіе училища, т. е. въ самый первый классъ его.

«Представьте себѣ,—говоритъ онъ,—около 40 или 45 учениковъ раз-

нообразнаго происхожденія, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка, которымъ щеголяли сынъ городничаго и одинъ изъ пансіонеровъ Кричевскаго, до пестрядеваго халата, подпоясаннаго кромкой изъ сукна, въ которомъ просвѣщалась почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжитъ на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ склады; третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче дерутся за чубы и т. д. Представьте Игната Григорьевича (учителя и воспитателя), расхаживающаго среди всей этой кутерьмы по классу и безпрерывно покрикивающаго въ разныя стороны: «что ты тамъ шалишь, дуракъ!—Пять, помноженное на шесть, равняется тридцати, а не тридцати двумъ, оселъ!—Гамалѣя, читай Пентефрія, а не Пентерфія!—Стань на колѣни, Глоба!» и проч. проч. Представьте себѣ, говорю, все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года, и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище!»

Съ положеніемъ своимъ Геевскій скоро освоился, и находясь въ числѣ другихъ пансіонеровъ Кричевскаго, ежедневно возвращался къ нему на старомодныхъ дрожкахъ, на старой едва тащившей лошади, кучеромъ которой былъ Карпъ. Встрѣчая такой кортежъ, уличные мальчишки кричали, что везутъ горшки, и за то бывали часто биты соскакивающими съ дрожекъ пансіонерами.

Научившись бойко читать, красиво писать, С. Л. Геевскій на экзаменѣ громко разсказалъ о царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, рѣшилъ безошибочно задачу дѣленія и за это былъ переведенъ во второй классъ и награжденъ естественною исторіею съ изображеніемъ звѣрей. На другой день отецъ послалъ за это Игнату Григорьевичу: двѣ индѣйки, мѣшокъ пшеничной муки и горшокъ масла. Молодой Геевскій учился прилежно и былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

«Геометрію мы изучали,—говорилъ онъ—и теоретически, и практически: мѣрили сараи, рѣку, дороги, голубятню, столбъ, на которомъ висѣлъ училищный колокольчикъ, и церковь, сосѣднюю съ училищемъ. Географія какъ-то пришлась у насъ послѣ обѣда въ два часа, а потому учитель рѣдко бывалъ цѣлый классъ, а по большей части только въ началѣ, послѣ же ложился спать—мы оставались въ училищѣ, сами раскладывали и развѣшивали географическія карты, какъ намъ вздумается; одинъ обыкновенно говорилъ громогласно урокъ, разумѣется, какъ попало, а прочіе садились, а иногда и ложились на скамьяхъ, ѣли бублики, сухія груши, пряники; если проходилъ сластеникъ мимо окна, то мы покупали сластены и также ѣли.... Къ концу класса приходилъ учитель и наскоро задавалъ урокъ на слѣдующій разъ. Я еще забылъ сказать объ одномъ

довольно важномъ обстоятельствѣ. Такъ какъ Зеньковъ разбросанъ на довольно большомъ пространствѣ, а училище находится на самомъ краю города, то нѣкоторые бѣдные ученики, живущіе далеко, приносили съ собою и обѣдъ, очень часто даже и въ горшкахъ. Это дѣлалось съ вѣдома начальства; чтобы не было злоупотребленій, то оставленныхъ безъ обѣда запирали въ сарай. Впрочемъ, и туда проникало милосердіе».

При такихъ условіяхъ Геевскій кончалъ курсъ въ училищѣ, и 25 іюня 1825 года былъ назначенъ публичный экзаменъ. Училище было вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи, дворъ выметенъ, зала убрана приличною мебелью, свезенною со всѣхъ концовъ уѣзда, столъ накрытъ сукномъ, и на немъ положены похвальныя книги, поставлены глобусы и проч. День былъ ярморочный, и почетнѣйшіе посѣтители, окончивъ покупки и продажу, въ шестомъ часу послѣ обѣда стали съѣзжаться въ училище. Пріѣхалъ маршалъ (предводитель) дворянства, городничій, судья, стряпчій и помѣщики. Ученики пропѣли молитву, всѣ сѣли, и испытанія начались. По окончаніи экзамена, маршалъ раздавалъ награды и аттестаты, а затѣмъ ученики были распущены по домамъ.

Въ іюлѣ отецъ отвезъ Геевскаго въ Полтаву и помѣстилъ въ тамошнюю гимназію. Преподаваніе не отличалось особою методичностью: нѣмецъ, напримѣръ, диктовалъ дѣтямъ, которые не умѣли читать, и для того заставлялъ одного изъ учениковъ писать на доскѣ, а остальные копировали. Къ слѣдующему разу нужно было все это вызубрить, не понимая ни одного слова. Зазубриваніе вообще было въ большомъ ходу и по другимъ предметамъ. Осенью гимназистовъ обыкновенно распускали до того времени, пока грязь на улицахъ Полтавы замерзнетъ и можно будетъ ходить въ гимназію, не теряя сапогъ.

«Этого мало,—пишетъ Геевскій въ своей автобіографіи,—и во время обыкновенное, когда ни грязи, ни стужи и никакихъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, повидимому, не было, учителя наши приходили въ гимназію очень рѣдко, а въ классы и того рѣже. Это было для меня необъяснимой загадкой—я начиналъ думать, что такъ и должно быть. Но въ самой сущности дѣла это было вотъ какъ: директовъ И. Д. Огневъ былъ человѣкъ прекраснѣйшій и притомъ ученъ, какъ профессоръ, зналъ превосходно языки; но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, версты двѣ съ половиною отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто, и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе шести разъ въ годъ; разумѣется, кромѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ».

Примѣру директора слѣдовали и учителя. Семидесяти-лѣтній старикъ, учитель математики, ежедневно ѣздилъ на базаръ, дѣлалъ закупки, отвозилъ ихъ домой и затѣмъ часовъ въ 11 пріѣзжалъ въ гимназію,

когда не только первый, но и второй урокъ приходилъ уже къ концу. Имѣя кромѣ того хуторъ, онъ ежедневно ѣздилъ туда и потому пропускалъ послѣобѣденные часы. Лекціи онъ читалъ, не заботясь о томъ, понимаютъ ли ихъ и даже слушаютъ ли. Учитель латинскаго языка сильно пилъ запоемъ недѣли по двѣ и по три. Какъ ни были мало опытны ученики, но они все-таки сознавали, что ученіе идетъ не ладно и что гимназія была не болѣе, какъ пустыня, въ которую учителя являлись изрѣдка, какъ любопытные путешественники.—«А между тѣмъ годы проходили,—пишетъ С. Л. Геевскій,—насъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы.... Такъ и я по милости Божіей перешелъ теперь въ третій классъ—новое блистательное поприще для меня открылось».....

Въ то время въ гимназіи было всего четыре класса. Въ третьемъ преподавались уже физика, естественная исторія и словесность, учитель которой заставлялъ учениковъ сочинять на заданныя темы. Сочиненія писались каждымъ отдѣльно, но предварительно составлялся совѣтъ, что и какъ писать—гимназисты помогали другъ другу и въ мысляхъ, и слогѣ. «Въ это время,—говоритъ Геевскій,—явился уже и Булгаринъ со своими юмористическими статьями подъ именемъ похожденій по гостинымъ, заламъ и переднимъ—въ то время онъ замѣнялъ нынѣшняго Гоголя—хохотали вдоволь; сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, рукописная комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» и нѣкоторыя другія сочиненія очень много насъ занимали. Случалось, что и учитель давалъ намъ нѣкоторыя объясненія и замѣчанія; но чаще всего мы объясняли себѣ сами,—и не столько въ какомъ-нибудь ученомъ отношеніи, сколько касательно вкуса. Мы читали много, читали съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, а потому не мудрено, что умственныя способности наши развивались весьма порядочно, и у насъ проявлялись ученики, которые писали весьма порядочно прозой и стихами».

Любовь къ чтенію заставляла дѣтей пріобрѣтать книги, которыя потомъ и дарились гимназической библіотекѣ. Складываясь по двугривенному и гривеннику, гимназисты покупали книгу и прочитывали ее сначала вмѣстѣ, а потомъ по-одиночкѣ. Все это дѣлали люди бѣдные, ходившіе въ нанковыхъ сюртучкахъ и въ овечьихъ тулупчикахъ, въ юфтовыхъ сапогахъ, часто на босую ногу и безъ перчатокъ. Гимназисты развивались самобытно, почти безъ участія учителей проходили курсы, выдерживали экзамены и затѣмъ поступали въ университетъ.

Въ заключеніе нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ о Кременецкой гимназіи, бывшей разсадникомъ просвѣщенія всего юго-западнаго края и основателемъ которой былъ Ѳаддей Чацкій [1]).

Въ 1803 году былъ открытъ Виленскій университетъ, организація

---

[1]) Такъ озаглавлена статья, напечатанная въ „Кіевской Старинѣ" 1893 г. № 2.

котораго вмѣстѣ съ находившеюся при немъ семинаріею во многомъ принадлежала Ѳ. Чацкому.

«Задавшись,—говоритъ его біографъ [1]),—широкими просвѣтительными задачами, Чацкій остановилъ свое вниманіе на польско-католическомъ духовенствѣ, которое, по старой традиціи, считалось лучшимъ проводникомъ образованія. При учрежденіи Виленской семинаріи введено было опредѣленіе, чтобы на должности монастырскихъ настоятелей, проповѣдниковъ, учителей монастырскихъ школъ—назначались монахи, кончившіе курсъ Виленскаго университета или получившіе отъ него свидѣтельства о своихъ познаніяхъ. До «визитаторства» Чацкаго въ юго-западномъ краѣ (Волынской, Кіевской, Подольской губерніяхъ) насчитывалось 43 монастырскія школы, замѣнявшія уѣздныя училища. Чацкій предложилъ открыть еще 48 училищъ и завести при нѣкоторыхъ монастыряхъ астрономическія наблюденія. Предложеніе Чацкаго было принято, но осуществилось не вполнѣ. Жизни проекта мѣшали консерватизмъ и непривычность къ такимъ дѣламъ католическаго духовенства».

Не довольствуясь однимъ Виленскимъ университетомъ, Чацкій рѣшился открыть общеобразовательную гимназію въ Кременцѣ. Говоря пламенныя рѣчи и имѣя въ своихъ рукахъ подписной листъ, онъ въ короткое время собралъ 415.720 злотыхъ, пожертвованныхъ католическимъ духовенствомъ, русскими базиліанскими монастырями и князьями: Чарторійскими, Яблоновскими, Любецкими и Воронецкими. Вмѣстѣ съ Кременецкою гимназіею было рѣшено открыть парафіальныя школы при польскихъ костелахъ, для элементарнаго обученія. Школы эти учреждались также на добровольныя пожертвованія и, благодаря имъ, Чацкій, въ довольно короткій промежутокъ времени, успѣлъ открыть 126 начальныхъ школъ (85 въ Волынской, 26 въ Подольской и 15 въ Кіевской губерніяхъ) и 8 уѣздныхъ училищъ.

«Всѣ эти училища, какъ въ организаціи учебныхъ силъ, такъ и въ направленіи преподаванія, носили польскій патріотическій характеръ. Въ этомъ и заключалось ихъ отличіе отъ училищъ прежняго времени, имѣвшихъ только клерикально-католическое направленіе. Прежнія училища въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ Іосифъ Сѣмашко, имѣли болѣе римское религіозное, нежели польское патріотическое направленіе, и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Чарторійскій, руководимый извѣстнымъ Чацкимъ, преобразовалъ прежнія училища и завелъ множество новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ».

10 октября 1805 года была открыта Кременецкая гимназія,—«Колонія Виленскаго университета». Открытіе происходило самымъ тор-

---

[1]) Ѳ. Кудринскій, стр. 331.

жественнымъ образомъ, при многочисленномъ съѣздѣ властей и окрестныхъ помѣщиковъ. Рѣчи говорили: графъ Александръ Ходкевичъ отъ имени дворянства, Янъ Вельжинскій—отъ имени Виленскаго университета, Янъ Лернетъ — отъ имени варшавскаго общества любителей наукъ, наконецъ на трибунѣ явился самъ Чацкій—виновникъ торжества.

«Много слышало польское общество рѣчей Чацкаго, но такой блестящей и эффектной ему еще не довелось слышать. Говорятъ, что публика была положительно экзальтирована рѣчью Чацкаго, и восторгъ слушателей превзошелъ предѣлы этикета, положеннаго оффиціальнымъ торжествомъ. Въ этой рѣчи талантливый ораторъ превзошелъ самого себя. «Читая вашу рѣчь писалъ графъ Завадовскій, министръ народнаго просвѣщенія, которому Чацкій послалъ копію рѣчи—я такъ наслаждался, какъ наслаждались древніе греки, слушая Геродота, читавшаго имъ свою исторію. Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто природа, утомленная созданіемъ великихъ геніевъ, теперь уже отдыхаетъ, я могу указать на геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ музъ, умершихъ въ Аттикѣ...».

Основавъ гимназію, Чацкій принялъ всѣ мѣры къ ея благоустройству: пожертвовалъ ей всю свою библіотеку и купилъ за 7.500 червонныхъ злотыхъ огромную библіотеку короля Станислава Августа. Несмотря на то, что гимназія должна была открыто служить польскимъ интересамъ, Чацкій успѣлъ выпросить у императора Александра субсидію, и благодушный государь отдалъ въ пользу гимназіи доходы со всего Кременецкаго староства. Русская литература и русскій языкъ занимали въ преподаваніи второе мѣсто, а главное отводилось польскому языку и наукамъ. Когда, въ 1809 году, Варшавское герцогство было усилено присоединеніемъ земель отъ Австріи, политическія надежды поляковъ снова воскресли, и Кременецкая гимназія была переименована въ лицей. Энтузіазмъ поляковъ доходилъ тогда до крайнихъ предѣловъ, и Чацкому удавалось привести въ исполненіе самые невѣроятные проекты.

«Лицеисты,—говоритъ его біографъ,—дворянская молодежь, съѣхавшіеся въ Кременецъ для образованія, въ часы отдыха скучали. Глухой, еврейскій грязный городокъ не могъ доставить ни средствъ для благородныхъ развлеченій, ни соотвѣтствующаго общества. Чацкій, не задумывавшійся надъ препятствіями, предложилъ польскимъ достаточнымъ помѣщикамъ поселиться въ Кременцѣ съ своими семействами, среди которыхъ ученики имѣли бы возможность проводить свободное отъ занятій время. Нѣкоторые отозвались на предложеніе и завели свои дома на боковыхъ «семинарскихъ» улицахъ. Одна изъ этихъ улицъ и въ настоящее время носитъ названіе д в о р я н с к о й. Боковыя загородныя улицы и до сихъ поръ имѣютъ чистенькіе опрятные дома, тогда какъ главная кременецкая, узкая улица, по недоразумѣнію называемая

«Широкою», украшена скученными еврейскими домами пребезобразной архитектуры».

Не ограничиваясь этимъ, Чацкій успѣлъ составить крупный капиталъ въ 2.350.000 злотыхъ съ доходовъ поіезуитскихъ имѣній и дать ему назначеніе въ пользу училищъ. Располагая такими средствами, онъ расширилъ преподаваніе въ лицеѣ, устроилъ школу практической механики и землемѣровъ и завелъ типографію; въ угловыхъ башняхъ лицея были устроены приспособленія для астрономическихъ наблюденій; за лицейскими зданіями былъ разведенъ ботаническій садъ съ теплицами, въ которомъ было до 12 т. рѣдкихъ растеній. Предполагалось построить манежъ для верховой ѣзды и хирургическое отдѣленіе, но за кончиною Чацкаго ни то, ни другое не осуществилось.

Поляки смотрѣли на Кременецкій лицей, какъ на разсадникъ будущихъ дѣятелей, и преслѣдовали тайныя цѣли политическаго сепаратизма. «Главная ошибка всей дѣятельности Чацкаго заключалась въ томъ, что онъ слѣпо вѣрилъ въ политическую жизнь Польши. Онъ лучше зналъ историческое прошлое Польши, чѣмъ современное положеніе вещей. Его историческому полету воображенія недоставало трезваго пониманія современной международной политики. Кременецкій лицей, олицетворившій въ себѣ попытку искусственнаго политическаго самовозбужденія, подъ видомъ скромныхъ научно-образовательныхъ цѣлей былъ грандіознымъ надгробнымъ памятникомъ политической Польши. Чацкій, произнося эффектныя рѣчи при его открытіи, едва-ли предвидѣлъ, что его слова будутъ прощальною лебединою пѣснью «милой ойчизнѣ». Ни ботаника, ставившая своею цѣлью изученіе только мѣстной флоры, ни польская исторія, проходившаяся въ лицеѣ для поддержанія патріотизма, не могли уже пробудить «Рѣчи Посполитой». Обученіе лицеистовъ рыцарскому фехтованію и верховой ѣздѣ и самое положеніе лицея близъ границы хорошо говорили сами за себя, и только русское правительство глядѣло на всѣ затѣи Чацкаго снисходительно, считая ихъ какъ бы дѣтскими и безвредными».

Нужно было особенно крупное событіе, чтобы русское правительство уяснило себѣ задачи Кременецкаго лицея, въ теченіе двадцати лѣтъ бывшаго разсадникомъ польскихъ идей во всемъ юго-западномъ краѣ. Такимъ событіемъ было польское возстаніе 1830—1831 г. Въ этомъ возстаніи приняли участіе многіе ученики Кременецкаго лицея, и въ механической его кузницѣ готовилось оружіе для бунтовщиковъ.

Въ 1832 году лицей былъ закрытъ; профессора разошлись по гимназіямъ, а въ зданіи лицея помѣщается нынѣ Волынская духовная семинарія.

Н. Д—нъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Матеріалы и замѣтки.

Дѣло о чародѣйствѣ во второй половинѣ XVIII вѣка [1]).

Тяжкимъ гнетомъ висѣла надъ человѣчествомъ въ теченіе многихъ вѣковъ вѣра въ волшебство, и страхъ передъ могуществомъ чаръ ужасомъ охватывалъ сознаніе общества, которое, въ силу своихъ вѣрованій, сдѣлало изъ чародѣя, колдуна не только вреднаго члена, врача человѣчества, имѣвшаго въ рукахъ своихъ всегда ужасное средство причинить зло, но и еретика, противника Божественнаго закона, опиравшагося на темную, подземную силу духа зла, съ которымъ чародѣй связывалъ себя добровольнымъ договоромъ и взаимной услугой. Общество, съ своей глубокой вѣрой въ происхожденіе колдовства, сознавало свое полное безсиліе въ борьбѣ со зломъ, и только какъ бы вознаграждая себя, безжалостно преслѣдовало, старалось устранить тѣхъ опасныхъ людей, на которыхъ падало обвиненіе въ страшномъ преступленіи, изобрѣтая для нихъ наиболѣе жестокія и ужасныя казни.

У насъ на Руси до начала XVIII вѣка широко господствовала, начиная отъ царскаго дворца и кончая общественнымъ низомъ, глубокая вѣра и легко возбуждаемый страхъ предъ чародѣйствомъ... Кому неизвѣстно, что малѣйшее подозрѣніе, оговоръ, какое-либо непонятое слово или дѣйствіе, травы, жабьи кости, анатомическіе и зоологическіе препараты, — все это нерѣдко вызывало кровавые розыски. Приводимый ниже примѣръ показываетъ, какъ долго и крѣпко держалась вѣра въ волшебство и какъ даже въ вѣкъ Екатерины II возможны были еще процессы по обвиненію въ этомъ страшномъ, но и отживавшемъ уже свое время, преступленіи, судимомъ и наказуемомъ также по отжившему свои дни кодексу XVII вѣка, Соборному Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

---

[1]) Моск. арх. мин. юстиціи, Сольвычег. уѣзд. суда.

Весной 1756 года въ Яренскую воеводскую канцелярію поступило «доношеніе» отъ сотскаго Чакульской волости, Яренскаго уѣзда, которымъ сообщалось, что жена одного крестьянина Ѳедора Третьякова, «немощна и называетъ въ той скорби, въ порчѣ, крестьянина Андрея Козицына батюшкомъ». По словамъ доношенія такими же порчеными оказались еще четыре женки той же волости и одинъ крестьянинъ Петръ Вагузовъ, мужъ одной изъ порченыхъ женокъ, при чемъ всѣ они также «въ скорби и въ безумьи» называли своего сосѣда Козицына «батюшкомъ». Это, по мнѣнію волостнаго начальства, являлось достаточнымъ доказательствомъ для признанія виновникомъ ихъ порчи крестьянина Андрея Козицына. Кромѣ того мужъ одной изъ пострадавшихъ, Родіонъ Жигаловъ, припоминалъ на сходкѣ, что обвиняемый и первую его жену «до смерти испортилъ и чахла три года».

Опираясь на данную изъ Яренской канцеляріи инструкцію, въ которой, между прочимъ, въ 17 пунктѣ, предписывалось «прислать въ канцелярію тѣхъ, на кого злый слухъ происходитъ въ чародѣйствѣ, т. е. въ порчѣ», сотскій, вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже доношеніемъ, прислалъ и обвиняемаго Андрея Козицына.

Чрезъ нѣсколько дней, 8 мая, въ присутствіи канцеляріи предсталъ къ допросу и самъ чародѣй, еще крѣпкій старикъ 52 лѣтъ.

Въ своемъ показаніи Козицынъ отозвался полнѣйшимъ незнаніемъ всего того, въ чемъ его обвиняли, не слыхалъ онъ ни отъ кого о порчѣ своихъ односельчанъ, а «къ порчѣ людей травъ и коренья и прочаго къ тому случаю злаго зелія не знаетъ».

Вытребованы были въ канцелярію какъ сами потерпѣвшія, такъ и всѣ близкіе имъ люди, и 24 мая всѣ они допрошены. Главнымъ тутъ обвинителемъ выступилъ Родіонъ Жигаловъ, мужъ двухъ послѣдовательно испорченныхъ женъ.

Лѣтъ 5 тому назадъ, показывалъ онъ, первая жена его Ульяна въ лѣтнее время, въ рабочую пору, выгоняла однажды зашедшихъ въ ихъ огородъ свиней сосѣда Андрея Козицына, «и въ то время, увидѣвъ ее онъ, Андрей, бранилъ ее за то, при томъ говорилъ ей, что-де ты будешь за сердце свое держаться и ты-де жива будешь или я». Въ томъ же году, въ Филипповъ постъ, Ульяна «почала скорбѣть сердцемъ и скорбѣла года съ три и была въ чахотной болѣзни и великимъ постомъ померла». Послѣ того вскорѣ свидѣтель женился вторично, прожилъ счастливо и благополучно съ молодой женой уже полгода, какъ тутъ опять случилась бѣда, «съ цвѣтной недѣли заскорбѣла и эта жена его, Ѳедосья, икотною скорбью и въ той скорби начала называть Андрея Козицына отцемъ». «А онъ ли, Андрей, подлинно, заключилъ свое показаніе Жигаловъ, ее испортилъ и знаетъ ли онъ травы и чаровныя слова и прочее зелье къ порчѣ людей, того онъ не знаетъ».

Такимъ образомъ даже и этотъ самый рѣшительный изъ обвинителей ограничился только подозрѣніемъ. Только болѣзненная боязливость общества предъ подобными преступленіями заставляла продолжать дѣло, доискиваться въ что бы то ни стало и строить обвиненіе на такихъ шаткихъ основаніяхъ.

На очной ставкѣ съ Жигаловымъ относительно словъ, когда-то будто сказанныхъ первой женѣ, Ульянѣ, Козицынъ отозвался «запамятованіемъ».

«Подъ пристрастіемъ битья батожьемъ», подсудимый продолжалъ утверждать то же самое и не признавалъ себя виновнымъ, «а подлинно ль тѣ женки испорчены или притворно кричатъ, того не знаетъ». Такъ рѣзко былъ поставленъ на видъ вопросъ о притворствѣ, и однако онъ не возбудилъ вниманія судей, которымъ, конечно, небезъизвѣстны были указы великаго преобразователя Россіи противъ кликушъ; слѣдствіе пошло своимъ прежнимъ порядкомъ.

Что касается до самихъ порченыхъ, то всѣ онѣ показали слово въ слово одно и то же. Съ того времени, какъ начали онн «скорбѣть сердцемъ», разсказывали порченыя, «и стали бывать почасту въ безпамятствѣ и въ несостояніи ума, и въ томъ безумствѣ порча называетъ того Андрея батюшкой», о чемъ имъ, «какъ въ чувство приходятъ, сказываютъ разные люди». Въ половинѣ іюня произведенъ былъ повальный обыскъ, который однако не далъ ничего для доказательства виновности Козицына, такъ какъ «обыскные люди» о Козицынѣ показали, что «подлинно ли онъ еретичество, чародѣйство и волшебство за собой имѣетъ, того они не знаютъ». Единственнымъ результатомъ обыска было привлеченіе къ дѣлу невѣстки Козицына Агаѳьи, на которую взвели «похвальныя рѣчи», что будто она когда-то одной изъ кликушъ говорила: «я-де тебѣ не по-свекрову учиню».

Благодаря упорному отрицанію Козицынымъ всего, въ чемъ его обвиняли, дѣло было рѣшено скорѣе, чѣмъ это обыкновенно бывало въ судахъ того времени. 31 іюля уже состоялось рѣшеніе Яренской канцеляріи, которымъ какъ обвиняемаго Козицына, такъ и кликушъ, предписывалось распустить по домамъ, взявъ только съ обыскныхъ людей по Козицынѣ поручную запись. Менѣе другихъ при этомъ посчастливилось Агаѳьѣ (невѣсткѣ Козицына), о которой въ рѣшеніи канцеляріи прописывалось: «хотя въ показанныхъ похвальныхъ словахъ и запирается, только уповательно, что бранясь такія слова говорила, и для того ей учинить наказанье батожьемъ, дабы впредь жила смирно и отъ брани удерживалась, а паче такихъ похвальныхъ словъ не говорила». Съ такимъ наставленіемъ она была затѣмъ отпущена «въ домъ». Казалось бы, этимъ и должно было закончиться все дѣло, но ему суждено было снова всплыть и на этотъ разъ окончиться совсѣмъ иной

развязкой. Съ одной стороны страхъ передъ тяжкимъ обвиненіемъ заставилъ обыскныхъ людей отказаться дать по Козицынѣ подписку, съ другой консисторія преосвященнаго Варлаама, епископа велико-устюжскаго и тотемскаго, прописывая указъ Св. Сѵнода 1737 г. ноября 14, которымъ повелѣвалось: «гдѣ явятся въ церквахъ и монастыряхъ кликуши, также и въ городахъ и селахъ притворно-юродцы и босыя и съ колтунами, тѣхъ, для распросовъ, чего ради такія притворства, а кликуши въ церквахъ и монастыряхъ безобразія чинятъ, отсылать въ свѣтскій судъ безъ всякаго отлагательства», промеморіей требовала производства новаго слѣдствія «безъ упущенія». Казалось бы, слѣдствіе по смыслу указа должно было направиться на этотъ разъ противъ «порченыхъ», а не противъ Козицына, тѣмъ не менѣе оно пошло въ прежнемъ направленіи. Дѣло возобновилось, и какъ порченыя, такъ и оговоренный, снова забраны въ воеводскую канцелярію. Отдѣлавшись уже однажды отъ страшнаго обвиненія, благодаря полнѣйшему отрицанію всего, въ чемъ его обвиняли, утверждая все это даже «подъ пристрастіемъ», Козицынъ, казалось, долженъ былъ и теперь дѣйствовать въ томъ же направленіи. Однако на дѣлѣ, совершенно неожиданно, вышло совсѣмъ другое. «По добровольномъ увѣщаніи», какъ записано въ протоколѣ допроса, Козицынъ разсказалъ, что года 4 тому назадъ, на Пасху, зашелъ онъ выпить пива къ сосѣду своему Гордѣю Карандышеву, здѣсь онъ переночевалъ, а на утро они съ хозяиномъ снова принялись за пиво. Оставшись наединѣ, Карандышевъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ научиться людей портить, причемъ «показалъ у себя въ домѣ пятерыхъ дьяволовъ, которые невидимо въ избѣ были», и притомъ говорилъ, «ежели ты будешь людей портить, то оные дьяволы въ томъ тебѣ будутъ послушны». Козицынъ, по его словамъ, согласился на это обученіе, и тогда Карандышевъ потребовалъ, чтобы онъ отрекся отъ Бога, и «тѣ дьяволы стали быть видимы, весьма чернообразны; и онъ, Гордѣй, говорилъ тѣмъ дьяволамъ, чтобы они ему, Андрею, служили, и велѣлъ ему одного, яко надъ нимъ главнаго, называть Ерахтой, а прочимъ имянъ не сказалъ». Послѣ этого, по сознаніюКозицына, онъ неоднократно призывалъ дьяволовъ, «открекаясь отъ Бога, и посылалъ ихъ съ порчами», чѣмъ и перепортилъ всѣхъ упоминающихся въ дѣлѣ кликушъ, «за чинимыя отъ мужьевъ ихъ обиды и ненависть, а послѣ посылки оныхъ дьяволовъ, когда ему непотребны, отсылалъ къ сатанѣ»; а нынѣ, заключилъ Козицынъ свое показаніе, онъ «ихъ не призываетъ, а въ прежнихъ допросахъ не винился, боясь себѣ изтязанія». Трудно понять, что заставило Козицына взвести на себя обвиненіе въ такомъ страшномъ преступленіи, какъ волшебство и чародѣйство. Правда, позднѣе, снимая оговоръ съ Карандышева, Козицынъ говорилъ, что онъ все взвелъ на него по злобѣ, конечно, съ нашей точки зрѣнія, почти

невозможно себѣ представить, чтобы желаніе погубить другаго могло заставить человѣка подвергнуть себя всѣмъ ужасамъ тогдашняго розыска. Но какъ сознаніе подсудимаго съ передачей всѣхъ подробностей въ процессахъ о колдовствѣ было обычнымъ, хотя и очень любопытнымъ психологическимъ моментомъ, достойнымъ внимательнаго изученія въ вопросѣ о тяжкомъ вліяніи на жизнь общества вѣры въ волшебство, такъ не менѣе обыкновенны были доносы по злобѣ, страшное «слово и дѣло», съ опасеніемъ первому пострадать за все...

Разысканный и допрошенный Горгѣй Карандышевъ, 62 лѣтъ, сознался только въ питьѣ пива съ обвиняемымъ, относительно же волшебства отозвался, что «еретичества, такожъ чаровныхъ словъ и травъ и прочаго злаго зелья къ порчѣ людей за собой не имѣетъ и ни у кого тому не учивался».

Послѣ очной ставки, на которой оба остались при своихъ показаніяхъ, 22 октября приказано было водить ихъ обоихъ въ застѣнокъ, а Козицына пытать накрѣпко. Съ троекратной пытки [1]) Козицынъ говорилъ все прежнія рѣчи, и тѣмъ довелъ до пытки и Карандышева, который въ свою очередь былъ подвергнутъ 3-мъ пыткамъ, поднятъ на виску, но въ ученіи чародѣйству не сознался. Ничего не далъ «во изысканіе истины» и обыскъ, произведенный въ домѣ Карандышева.

Тогда снова принялись за Козицына, и четвертая страшная пытка, сопровождавшаяся 25 ударами кнута, извлекла новое показаніе. Снимая оговоръ съ Карандышева, Козицынъ разсказывалъ теперь, что чародѣйству учился онъ, будучи въ сибирскихъ городахъ, лѣтъ 15 тому назадъ у одного промышленнаго человѣка Ивана Поскотина, «а училъ онъ на словахъ для того, что грамотѣ не зналъ и волшебныхъ писемъ не давывалъ, призывалъ онъ, Поскотинъ, трехъ дьяволовъ, въ подобіе людей малымъ ростомъ, и тѣмъ дьяволамъ велѣлъ у него всегда въ послушаніи быть». При помощи этихъ дьяволовъ, по словамъ Козицына, по прибытіи изъ сибирскихъ городовъ, онъ и испортилъ знакомыхъ намъ крестьянскихъ женокъ, «а тѣхъ дьяволовъ послѣ того порченья уже никогда къ себѣ не призывалъ и никого не портилъ и чародѣйства никакого не чинилъ». Яренская канцелярія распорядилась потребовать чрезъ Важескую воеводскую канцелярію высылки изъ Илимской слободы прикосновеннаго теперь къ дѣлу, оговореннаго Поскотина. Послѣ трехъ промеморій (оригинальной, посланной 10 іюля, дубликатной—12 іюля и трипликатной—11 августа) только въ январѣ слѣдующаго 1758 года Важеская канцелярія отвѣтила, что Поскотинъ уже года 4, какъ умеръ, что̀ подтвердилось и въ Яренскѣ свидѣтельскими показаніями... Такимъ образомъ, по необходимости, приходилось прекратить

[1]) Октября 27, ноября 15 и декабря 9, всего дано ему 71 ударъ кнутомъ.

розыскъ, такъ какъ продолженіе его, по случаю смерти оговореннаго, сдѣлалось физически невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе переписка съ сибирскими городами о Поскотинѣ и разспросъ о немъ тамошнихъ жителей, не приведшій однако ни къ какому результату, тянулись еще цѣлыхъ 3 года. Только въ началѣ 1763 года закончилось это дѣло, начавшееся въ 1756 году; 28 марта Яренская канцелярія постановила окончательное рѣшеніе по дѣлу Андрея Козицына. Опираясь на 22 главу Уложенія царя Алексѣя Михайловича, канцелярія считала подходящимъ «означенному чародѣю и волшебнику Андрею Козицыну, который имѣлъ волшебство и заговоръ съ дьяволомъ и портилъ означенныхъ женокъ и затѣйно оговаривалъ Гордѣя Карандышева, при собраніи народа, давъ время къ покаянію, учинить казнь смертную сжееніемъ въ срубѣ, потому что онъ, Андрей, въ томъ изобличился подлинно и показывалъ, что онъ ихъ портилъ съ злости, дабы, на то смотря, другіе чинить не дерзали и отъ таковыхъ злодѣевъ православныхъ христіанъ прежде времени смерти быть не приключилось». Приговоръ Яренской канцеляріи былъ представленъ на утвержденіе въ Архангелогородскую губернскую канцелярію. Отмѣнивъ это рѣшеніе, губернская канцелярія, указомъ 30 августа, постановила новое, а именно, что, хотя Козицынъ и подлежалъ сожженію въ срубѣ, но въ силу Сенатскихъ указовъ 1754 года сентября 30 и 1760 г. октября 14, вмѣсто того, учинить ему жестокое наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставивъ на лбу и на щекахъ знаки, послать въ ссылку въ Сибирь для опредѣленія при Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ въ вѣчную работу. Архангелогородская канцелярія не забыла и о невѣсткѣ Козицына и предписала учинить ей нещадное наказанье плетьми. Вспомнимъ, что при освобожденіи ея она уже была наказана батогами, тѣмъ не менѣе, въ силу предписанія губернской власти, Яренская канцелярія сдѣлала новое постановленіе: «не замѣняя ей прежняго наказанія, высѣчь публично плетьми нещадно, дабы впредь она и другія похвальныхъ словъ употреблять не отваживались». Октября 17-го означенная канцелярія рапортовала въ Архангельскъ, что приговоръ приведенъ въ исполненіе, при чемъ Козицыну было дано 40 ударовъ кнутомъ. Но и послѣ этого дѣло еще не закончилось. Несчастный чародѣй продолжалъ сидѣть въ тюрьмѣ, а экстрактъ по его дѣлу съ приговоромъ изъ Архангельска отправленъ на утвержденіе (это послѣ его приведенія въ исполненіе!) Юстицъ-конторы. Утвержденіе это получено было только въ половинѣ 1765 года, причемъ контора поставила на видъ, что «въ рѣшеніи того дѣла главное сумнительство настоитъ, что тому колоднику чрезъ духовную персону отъ Божественнаго писанія увѣщанія не учинено». Что же касается до существа дѣла, то Юстицъ-контора, очевидно, не усмотрѣла тутъ никакого «сумнительства». Получивъ

этотъ отзывъ, Яренская воев. канцелярія нашла, что увѣщаніе учинить никогда не поздно, и вотъ, 23 сентября 1765 года, подвергла колодника новому допросу «съ довольнымъ увѣщаніемъ и истолкованіемъ». На этомъ допросѣ Козицынъ не прибавилъ ничего новаго, исключая развѣ болѣе подробнаго описанія внѣшности бѣсовъ, сказавъ по-прежнему, что когда Поскотинъ сталъ его оному обучать, то велѣлъ вмѣсто отрицанія отъ Бога, «носящій крестъ съ себя сложить, да и впредь, когда будетъ намѣреніе имѣть кого портить, на то время снимать же и Бога-Создателя въ памяти не содержать и притомъ выходя приводилъ во зимовье трехъ дьяволовъ, малорослыхъ, подобныхъ человѣку, у которыхъ по всему тѣлу шерсть и сами всѣ черные, а головы у нихъ, противъ человѣческихъ, вострыя, а одежды на нихъ не было, а на спросъ говорили человѣческимъ языкомъ, по-русски,... и потомъ, когда онъ, Козицынъ, намѣреніе имѣлъ кого испортить, и дьяволы являлись и наговоривши волшебными, упоминая дьявола, словами, хотя бъ на хлѣбъ печеный, на муху живую и прочее, чтобъ такое ни было, съ ними посылалъ, сказывая кого испортить, именно положить въ питье, и какъ выпьетъ, то бъ тѣ люди кричали и бились, и они, дьяволы, въ томъ дѣйствовали, а нынѣ онъ портить не умѣетъ и все то ученіе забылъ и дьяволы къ нему не являются».

24 марта 1766 г. Козицынъ, «за его тяжкія и малослыханныя злодѣйственныя вины и напрасное пролитіе крови», наконецъ былъ отправленъ въ назначенную для него ссылку, въ Нерчинскъ, скованный, въ заклепанныхъ кандалахъ, подъ «достаточнымъ и безопаснымъ конвоемъ», при чемъ двоимъ сопровождавшимъ его инвалидамъ дана была строгая инструкція съ описаніемъ примѣтъ колодника и наставленіемъ «до побѣгу его во время дороги отнюдь не допускать, а ножа или другаго вредительнаго орудія не давать».

Такъ закончилось это дѣло, тянувшееся цѣлыхъ десять лѣтъ и интересное для насъ не столько по бытовымъ подробностямъ и по процедурѣ суда того времени, которая достаточно извѣстна, сколько потому, что оно ясно показываетъ, какъ сильна была еще вѣра въ волшебство, какъ живо ощущался еще страхъ предъ чарами, не только при томъ въ глуши, въ какомъ-нибудь Яренскѣ, но даже въ центрѣ государства, гдѣ были Юстицъ-контора, не усмотрѣвшая ничего ненормальнаго во всемъ этомъ процессѣ.

А. Голомбіовскій.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Открыта подписка на 1894 годъ (изданія IX годъ).

5 руб. за годъ безъ доставки. За гран. 10 р.

ЗВѢЗДА

6 р. за годъ съ дост. и пер. во всѣ г. Россіи.

еженедѣльный художественно-литературный журналъ.

Годовые подписчики въ теченіе **1894** года получатъ: **52 №.№.** еженедѣльнаго иллюстрир. худож.-литературн. журнала „ЗВѢЗДА". **12** КНИГЪ ежемѣс. «Литературнаго журнала», каждая книжка котор. содерж. болѣе 300 стр. плотн. печати. **26 №.№.** «МОДНАГО ЖУРНАЛА», который составл. по лучш. парижск. журн. и даетъ въ годъ до 500 рис. **26 №.№.** «РАЗВЛЕЧЕНІЯ», въ которомъ будутъ помѣщ: анекдоты, остроты, юмористич. разсказы, стихотвор., каррикат. и рисунки. **12 №.№.** «НАУКА и ЗАБАВА», заключ. въ себѣ шахматн. и шашечн. задачи, игры, ребусы, шарады, фокусы и пр. **12 №.№.** «ПОЛЬЗА и ДѢЛО», съ массою практич. указаній по всѣмъ отраслямъ домашн. и сельск. хозяйства. **12 №.№.** «ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ», содержащ. въ себѣ образцы канвов. работъ, вышив., узор. и пр. **6 №.№.** «МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и пр. **6 №.№.** «ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ ЧЕРТЕЖЕЙ», составлен. по новѣйш. рисунк. 1 «ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ», котор. будетъ розосланъ при перв. № журн. «Звѣзда». **РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ въ 12 томахъ** составл. знамен. серію подъ общимъ заглав.: «Ругоны-Маккаръ», будутъ выданы въ 1894 г. въ ежемѣс. книг. «Литературнаго журнала» *До сихъ поръ не было такого изданія.* — Собран. отдѣльн. том., изданіе это обойдется въ 20—25 р. Изданіе будетъ снабжено портрет. и факсим. Эмиля Золя, вступ. статьей I. I. Ясинскаго и біогр., написан. В. В. Чуйко.

Для напечатанія въ будущемъ **1894** г. въ журналѣ „ЗВѢЗДА" редакція уже располагаетъ слѣдующими произведеніями: Альбовъ М. Н.—разск. «У трехъ березъ». Астафьевъ С. Л.—истор. ром. «Царевна Ксенія». Атава С. Н.—разск. «Нервы». Баранцевичъ К. С.—пов. «Отецъ и сынъ». Бѣжецкій А. Н.—разск. Гиппіусъ З. Н.—разск. «Передъ смертью». Головачева-Панаева А. Я. — пов. «Недоразумѣніе». Желиховская В. П. — пов. «Звѣзда Чикаго». Заринъ А. Е. — разсказъ «Сгорѣла». Леманъ А. И.—ром. «Портретъ». Луговой А. А —разск. Льдовъ К. Н.—разсказъ «Свѣтлая любовь». Назарьева К. В.—разск. «Рабыня». Полонскій Я. П.—разск. «Изъ воспоминаній». Сафоновъ С. А.—«Черная точка». Тютчевъ Ф. Ф.—повѣсть «Ясновельможная контрабандистка». Чермный А. Н.—пов. «Въ открытомъ морѣ». Чюмина О. Н. — разск. «Порвалось» Ясинскій I. I. — пов. «Осиновая роща». А также стихотворенія: Астафьева Л. А., Будищева А. Н., Величко В. Л., Лебедева В. П., Льдова К. Н., Мережковскаго Д. С., Полонскаго Я. П., Талина Ф. Е., Фофанова К. П и др.

Кромѣ того для напечатанія въ этомъ же году имѣются: «Царь Петръ Великій» —историч. ром. А. Волкова «Пошутилъ съ огнемъ», «Струсилъ»—два разск. М. Туганъ-Барановской. «Одинъ день»—пов. А. Мстиславскаго. «За честь»—пов. Е. Новиковой. Невозвратное»—пов М. Гербановскаго. «Одиночество»—разсказъ А. Ефимова. «Хуторки» —мелкіе разск. А. Будищева «Золотые годы»—повѣсть Н. Соколова. «Горе-охотники»—разск. А. Максимова. «Волшебныя чернила»—пов. В. Блэка. Домъ съ привидѣніями — уголовный романъ Уильки Коллинза и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки **ПЯТЬ** руб., съ достав. въ Спб. и пересылкою по Имперіи **ШЕСТЬ** руб., за границу ДЕСЯТЬ рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** руб., къ 1 апрѣля **1** руб., къ 1 іюля **2** руб. и 1 октября **1** руб.

◆◆ Доставившему подписку на десять экземпляровъ одиннадцатый **безплатно** ◆◆

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „ЗВѢЗДА": *С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.*

3—3 Издатель П. Сойкинъ.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой: на 12 мѣсяц.—**10** р., на 6 мѣсяц.—**5** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**3** р., на 1 мѣсяцъ—**1** р. **30** к.

На города съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—11 р., на 6 мѣсяц.—**6** р., на 3 мѣсяца—**3** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ—**1** р. **50** к.

За границу съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—**18** р., на 6 мѣсяц.—**9** р., на 3 мѣсяца—**4** р. **80** к., на 1 мѣсяцъ—**1** р. **90** к.

»РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ МОСКВУ, въ контору «РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка**, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ **6** р. и къ 1-му іюня **5** р. или б) при подпискѣ **5** р., къ 1-му марта **3** р. и къ 1-му августа **3** р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается. 3—3

Открыта подписка на 1894 годъ

Годъ изданія XI.

КОЛОСЬЯ

За годъ . . **8** р.
1/2 года . . **4** р.
Заграницу. **11** р.

Редакція: С.-Петербургъ, Николаевская, 16.

Ежемѣсячный журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни.

Редакція ставитъ себѣ задачею, исключительно, служить проводникомъ всего прекраснаго, нравственнаго и гуманнаго.

Въ общемъ содержаніе каждаго № журнала представляетъ слѣдующее: Романы, повѣсти и разсказы (отечеств. и иностран. литерат.), выдающіяся произвед. будутъ иллюстрированы.—Драмы, комедіи и водевили выдающихся драматурговъ.—Поэмы и стихотворенія. — Путешествія.—Историческіе и біографическіе очерки о всѣхъ выдающихся дѣятеляхъ (съ портретами) —Художественное обозрѣніе по всѣмъ отраслямъ искусствъ.—Научная хроника о всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ.—Литературно-критическій отдѣлъ (о научныхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ).—Историко-литературныя монографіи и замѣтки.—Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія: по философіи, психологіи, біологіи, физикѣ и химіи, политико-экономической наукѣ, астрономіи, психо-физикѣ, правовѣдѣнію, соціологіи.—Фельетонъ (въ прозѣ и стихахъ). — Обзоръ общественной жизни. — Осы и пчелы (Юмористика). 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе **1893** г. въ **„РУССКОЙ ШКОЛѢ“** напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: 1) Маленькіе моряки (изъ воспомин. о Морскомъ корпусѣ). К. М. Станюковича. 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній М. И. Семевскаго. 3) Неугаданный (Педагогич. случай). С. В. Максимова. 4) Епархіальныя женскія училища въ первое 50-ти-лѣтіе ихъ существованія. Д. Д. Семенова. 5) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединен. Штатахъ Сѣверной Америки. П. Г. Мижуева. 6) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигіены и воспитанія. В. В. Гориневскаго. 7) Первая всероссійская гигіеническая выставка въ 1893 г. А. С. Виреніуса. 8) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. П. М. Головачева. 9) Характеристика учениковъ. Ѳ. С. Матвѣева. 10) Внѣклассная школьная литер. С. П. Незлобина. 11) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. О. И. Роговой. 12) Педагоги и взаимопомощь. Н. Ѳ. Арепьева. 13) Пенсіонное обезпеч. народн. учителей. А. М. Тютрюмова. 14) Состояніе народн. образов. въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго. 15) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго. 16) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго. 17) Воскресныя школы въ Ставрополѣ Кавказскомъ Я. В. Абрамова. 18) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасьева. 19) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (дидактич. совѣты учителямъ народныхъ школъ). Его же. 20) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С.-И. 21) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой. 22) Система мѣръ распростран. сельско-хозяйств. свѣдѣній въ средѣ народа. Е. Д. Максимова. 23) Геометрія въ городскихъ училищахъ. В. А. Латышева. 24) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго. 25) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ѳ. Соколова. 26) О церковно-славянск. языкѣ. А. И. Тарновскаго. Кромѣ того въ **„РУССКОЙ ШКОЛѢ“** 1893 г. заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій (болѣе 80 рецензій); ежемѣсячная хроника народнаго образованія, Я. В. Абрамова; отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго Комитетовъ грамотности; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образов. въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ съ доставкою **6** р. **50** к., для иногородн.—**7** р.

Учителямъ и учительницамъ начальныхъ сельскихъ школъ дѣлается **уступка въ 1 руб.** и, кромѣ того, допускается **разсрочка** подписной платы: при подпискѣ **три руб.**, а остальные три руб. не позже 1-го іюня.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова «Новаго Времени» и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-Издатель: Я. Г. Гуревичъ.

3—3

БИБЛІОГРАФЪ

1894. **ЖУРНАЛЪ** **ГОДЪ X.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Съ портретами, снимками съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.

Отд. 1-й. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія: 1) Исторія литературы и просвѣщенія (изслѣдованія, статьи и матеріалы). 2) Книговѣдѣніе. Прошлое и настоящее книжнаго дѣла: книгопечатанія, библіотековѣдѣнія, книжной торговли, книгоиздательства и т. п. 3) Критика и библіографія. 4) Разныя извѣстія и замѣтки вопросы и отвѣты. — (Выходитъ 4 раза въ годъ).

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) Каталогъ новыхъ книгъ. 2) Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. 3) Rossica (указат. иностран. сочин. о Россіи). 4) Правительствен. распоряж. по дѣламъ печати. 5) Замѣтки о новыхъ книгахъ. 6) Библіограф. извѣстія и объявленія.—(Выход. 6 разъ въ годъ).

Въ *приложеніяхъ* печатаются отдѣльныя работы по библіографіи и прочимъ отдѣламъ, входящимъ въ програму журнала.

Журналъ «Библіографъ» *рекомендованъ* Учен. Комит. М-ства Народн. Просв. для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужск. и женскихъ;— *одобренъ* Учебн. Комит. при Св. Синодѣ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ; — *помѣщенъ* по распоряженію Военно-Учебнаго Комитета въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: В. А. Алексѣевъ, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Д. Бочаговъ, С. Н. Брайловскій, П. В. Быковъ, Н. Н. Вакуловскій, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродскій, К. А. Ивановъ, проф. В. (. Иконниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, А. І. Лященко, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, В. Н. Перетцъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Полетаевъ, С. И. Понамаревъ, А. А. Савичъ, В. И. Саитовъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, В. Ѳ. Солнцевъ, В. И. Срезневскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. . Титовъ, Н. М. Тупиковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** руб., за-границу **6** р.

(Лѣтніе мѣсяцы журналъ не выходитъ).

Отдѣльно: 1-го отдѣла вып. 1 р. **25** к.; съ перес. 1 р. **50** к.; 2-го отдѣла № **30** к., съ перес. **40** к.

Плата за объявленія: страница — 12 р.; $^3/_4$ стран. — 10 р.; $^1/_2$ стран. — 7 р.; $^1/_4$ стран. — 4 р.; $^1/_8$ стран. — 2 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ **«Посредникъ»** (Спб., Невскій пр., д. № 54) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** — А. Суворина (Спб., Невскій пр., д. № 38) и въ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.— *Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.*

Адресъ редакціи: **С.-ПЕТЕРБУРГЪ Никольская площадь, домъ 4, кв. 5.**

Оставшіеся *въ ограниченномъ числѣ* полные комплекты *«БИБЛІОГРАФА»* за прошлое время съ 1885 г. продаются по **5 руб.** (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

2—2 Редакторъ *Н. М. ЛИСОВСКІЙ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

8-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ,

газета Донскаго края,

выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

ПРОГРАММА: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донскаго края и сосѣднихъ губерній, фельетонъ, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ **„ДОНСКАЯ РѢЧЬ"** читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящемъ году, какъ и въ минувшія семь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія и помѣститъ рядъ статей, касающихся экономическаго положенія края, военнаго быта казаковъ, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—**5 руб.**, на полгода—**3 руб.**, на 1 мѣс.—**1 руб.**

Адресъ: **НОВОЧЕРКАССКЪ**, въ редакцію **„ДОНСКОЙ РѢЧИ"**.

3—3 Редакторъ-Издатель Ив. ПОПОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства". 5) Послѣднія извѣстія. 6) Городская и земская хроника. 7) Вѣсти съ юга: корреспон. „Южнаго Края". 8) Со всѣхъ концовъ Россіи: (корресп. „Южнаго Края" и извѣстія др. газетъ). 9) Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. 10) Наука и искусство. 11) Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. 12) Судебн. хроника. 13) Критика и библіографія. 14) Смѣсь. 15) Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 16) Календарь. 17) Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назнач. къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. д. и др. 18) Сторон. сообщ. 19) Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи — Кромѣ того, газета получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы. — Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки: на годъ—**10** р. **50** к., на 6 мѣс.—**6** р., на 3 мѣс.—**3** р. **50** к., на 1 мѣс.—**1** р. **20** к. Съ доставкою: на годъ—**12** р., на 6 мѣс.—**7** р., на 3 мѣс.—**4** р., на 1 мѣс.—**1** р. **40** к. Съ перес. иногородн.: на годъ—**12** р. **50** к., на 6 мѣс.—**7** р. **50** к., на 3 мѣс. — **4** р. **50** к., на 1 мѣс. —**1** р. **60** к. — Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ **ХАРЬКОВѢ**—въ главной конторѣ газеты **„ЮЖНЫЙ КРАЙ"**, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

3—3 Редакторъ-Издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ городѣ **Казани** ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграфн. Агентства и отъ собствен. корреспондентовъ.— **Послѣдняя почта**. — **Передовыя статьи** по различнымъ общественнымъ вопросамъ.— **Обзоръ текущей прессы и журналистики.** — **Областной отдѣлъ.** Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. — **Казанская хроника:** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. — **Судебная хроника.** Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ Казанской судебной палатѣ. — **Библіографія.** — **Театръ и музыка:** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.— **Ежедневное обозрѣніе** текущей заграничной жизни. — **Наука, литература и искусство.** — **Сельское хозяйство и промышленность.**— **Педагогика и народное образованіе.**—**Торговый отдѣлъ:** корреспонденціи и телеграммы. — **Фельетонъ.** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ „Воскресн. Бесѣдъ" г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. — Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ **контингента сотрудниковъ,** уже сплотивш. вокругъ редакціи **„ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА"**, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ **корреспондентовъ** въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893 г. основатель и бывшій редакторъ-издатель **„ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА"**, **профессоръ Н. П. ЗАГОСКИНЪ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—75 к.; безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

Для иногородніхъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.— 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА" на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ **„Восточная Лира"** (Воскресенская улица, домъ Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ **Н. Я. Башмакова** (Воскресенская, Пассажъ), **А. А. Дубровина** (Гостиный дворъ, № 1), въ зданіи Биржи, у секретаря, и въ **иногороднихъ отдѣленіяхъ** конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующ. образомъ:

КАЗАНЬ, редакція «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА».

Редакторъ-Издатель **Н. В. Рейнгардтъ.**
Издатель **В. М. Ключниковъ.**

3—3

V годъ изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ изд. годъ V

ПРИРОДА И ЛЮДИ

популярно-научный иллюстрированный еженедѣльный журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія.

(Подписной годъ **съ 1-го ноября 1893 года** по 1-е ноябрі 1894 года).

«Природа лучшая наставница»,—гласитъ давно извѣстная истина. «Природа — лучшая въ мірѣ книга, изученіемъ которой должны заниматься всѣ». Но мало того,—природа есть вмѣстѣ и занимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересный для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности міръ существъ разумныхъ.—Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ **«Природа и люди»**.

Въ наступающемъ году журн. **«Природа и люди»** сохранитъ прежн. программу. Въ **1894** подписномъ **году** журналъ **«Природа и люди»** дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженед. **номера**. Каждый № въ разм. 2 лист. бол. формата (16 стран. плот. печ.).

12 книгъ литер. прил.. Книги будутъ выход. ежем. въ разм. 120 до 160 стран. каждая **БЕЗПЛАТНО** столь цѣн. прилож., которое будетъ выходить подъ общ. названіемъ: **ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА.**

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги **«Полезной библіотеки»**: 1) «Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ» — Г. Парвиля. Перев. А. Лякиде, подъ редак. проф С. Глазенапа. 2) «Научныя развлеченія» - д-ра В. Буринскаго. 3) «Подъ водою» — Л. Фигье. Пер. подъ редак. и съ дополн. П. Лебедева. 4) «Первая помощь отъ несчастныхъ случаевъ» — проф. Ф. Эсмарха. Пер. подъ ред. д-ра С. Груздева. 5) «Первые обитатели Москвы» — большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка, Г. Полозова. 6) «Самоучитель фотографіи» Ф. Дилайе. Переводъ подъ редак. Е. Буринскаго. 7) «Рыболовъ-любитель» — Ѳ. Пескова. 8) «Пять внѣшнихъ чувствъ» — Л. Фигье. Пер. подъ ред. д-ра Ю. Малиса. 9) «Электричество въ домашн. быту» — В. Тюрина. 10) «Жизнь земли» (поп. геол.)—проф. Ф.Пуше. 11) «Дом. обиходъ»(Сб. пол. сов. и рец. по всѣмъ отрас. хоз.)— Ф. Груздева. 12) «Чудеса гипнот.» —д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающ. году будутъ напечатаны: «Храмъ науки» — б. ром. І. Ясинскаго. «Новая жизнь — б. ром. А. Лемана. «Аріасвати» — фант. ром. Н. Соколова. «Черная душа» – разск. Ѳ. Тютчева. «Мститель» — разск. В. Гусаревича. «Морфинистка» — разс. А. Зарина. «Мірскія диковинки» — рядъ разс. В.Желиховской «Лиллипуты» — научн. ром. А. Бленара. Разсказы: проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка. «Жертвы моря» — Моряка (псевд.). «Тайны алхиміи» — очер. Н. Павловича. «Письма изъ Африки» - Г. Сенкевича. «Страна чудесъ» и «Въ царствѣ рулетки» — разс. изъ путеш. С. Дмитревскаго. «Лазуревый гротъ» — очеркъ С. Донскаго. «Орочони» — этнограф. очеркъ А. Максимова. «Изъ песковъ Судана» — очерки послѣдн. путеш. д-ра А. Елисѣева. «Очерки изъ путешествія по Абиссиніи» — извѣстн. путешеств. В. Машкова. «Семь церквей Апокалипсиса» — В. Желиховской «Столицы міра» — разс. С. Донскаго. «Плеяды» и «Сатурнъ, его кольца и спутники» — очерки проф. С. Глазенапа. «Друзья человѣка» — б. оч. д-ра зоол. А. Никольскаго. «Ящерицы, плачущія кровавыми слезами» — В. Максимова. «Чтеніе мыслей» — П. Соловьева «Воля» — П. Успенскаго. «Черезъ сто лѣтъ» — оч. В. Битнера. «Живая машина» — очеркъ І. Ясинскаго. Рядъ попул. біогр. русскихъ учен. и путешеств. Очерки изъ астрон., зоол, ботан., метеор., физич. геогр., минер., геол., физ., химіи, медиц., техн., по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу «Наука и забава», извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣт. и открытіяхъ. Полезные совѣты и рецепты. Фокусы и забавы и пр., и пр. Большинство статей иллюстрировано изящными рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ, В. Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П., Соколовскій Э. К. и другіе.

Подписная цѣна на еженед. журналъ «Природа и люди» съ прилож. 12-ти книгъ «Полезной библіотеки»: безъ дост. **4** р., съ дост. и перес. **5** р.; заграницу **8** р. — Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р., къ 1 февраля **1** р. и къ 1 мая остальные.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольш. колич. экземп., цѣна кото . въ брошюров. видѣ, со всѣми прилож. **4** р. за кажд. годъ, а въ роскошн. переп. **5** р. Перес. съ наложен. платеж. по вѣсу и разст. Подписка принимается въ конт. редак. **«Природа и люди»**. Спб., Стремян. ул., с. д. № 12.

3—3 Редакторъ *С. Груздевъ*. — Издатель *П. Сойкинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ
и
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

«Церковный Вѣстникъ», какъ духовно-академическій органъ, имѣя своей задачей распространять среди духовенства и общества результаты богословской науки, въ то же время знакомитъ и съ современною церковно-религіозною жизнію, не упуская изъ вниманія и соприкасающейся съ нею жизни свѣтскаго общества; въ **Христіанскомъ чтеніи** печатаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, а также толкованія на книги Ветхаго Завѣта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала **7 руб**. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» **5 руб**., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» **5 руб**. За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 руб**., за каждый отдѣльно **7 руб**. съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ». Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 26—30, кв. № 8).

2—3 *Редакторъ проф. А. ЛОПУХИНЪ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1894** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIV годъ. # ОСКОЛКИ годъ XIV.

под редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 №№ въ годъ), иллюстриров. юмористич. журн «ОСКОЛКИ» съ каррикатурами, вступая въ **четырнадцатый** годъ своего существ., будетъ издаваться въ 1894 г. подъ той же редакц, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1893 г. Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большихъ иллюстр., помѣщая на своихъ стран. въ теченіе года до **1000** юмористич. и каррикатурн., худож. выполн. рисунк., какъ въ краск, такъ и черныхъ, и до **1300** юморист. и сатирич. статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легк. фельет наброск. изъ текущей жизни, разск., сценъ, шаржей, пародій, очерк., анекд., шутокъ, изреченій, каламб., шарадъ, загадокъ и пр —Время отъ времени редакція предлагаетъ ребусы шарады и за.ад. **НА ПРЕМІЮ. — Всѣ ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ **въ концѣ 1894 г. безплатную премію: Юморъ И. С. ТУРГЕНЕВА въ рисункахъ.**

ЦѢНА за журналъ: съ доставк. и перес. на годъ съ безпл премiей **9** р., на полгода безъ преміи **5** р., на три мѣсяца безъ преміи **3** р., за границу на годъ **10** р; безъ достав. и пересылки: на годъ съ безпл. преміей **8** р., на полгода безъ прем. **4** р. **50** к., на три мѣсяца безъ прем. **2** р. **50** к — За пересылку преміи приплаты *не полагается* — Допускается разсрочка подписной платы черезъ гг. казнач. или по личн соглаш. подписч. съ **Главной конторой** журн. «ОСКОЛКИ». Подписавш. съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписн. суммы. — Подписка принимается: въ Главной конторѣ журн. «ОСКОЛКИ» въ Спб. (Спасская ул., д № 17)

3—3 *Редакторы-Издатели*: *Н. ЛЕЙКИНЪ и Р. ГОЛИКЕ.*

VII-й годъ изданія. **ОБЪ ОТКРЫТІИ ПОДПИСКИ НА 1894-ый годъ**

От редакціи изданій газеты

„ПРАВДА".

Наши подписчики въ 1894 г. получатъ **ТРИ ОТДѢЛЬНЫХЪ БОЛЬШИХЪ ИЗДАНІЯ.**

Газета „ПРАВДА" большое политическое, экономич., научн., общественное и литературное еженедѣльное изданіе, болѣе 700 серьезныхъ оригинальныхъ статей. Въ „**Правдѣ**" нѣтъ перепечатокъ. Въ каждомъ нумерѣ 18 самостоятельн. отдѣловъ. Въ годъ большихъ нумеровъ **52**

Цѣль газеты — служить національн. интерес. Россіи и славянъ и культурно-соціальн. преуспѣянію русскаго народа, осуществлять общечелов. идеи правды, добра, знанія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ.

Газета „**Правда**" настольный органъ серьезной трудовой интеллигенціи.

„Журналъ ПРАВДА" роскошное художественно-иллюстрированное изданіе. Масса оригин. рисунковъ, исполнен. въ лучш. артистич. завед. Европы на современ. темы, образцы шедевр. искусства, портреты, чертежи и пр. Беллетр., поэзія, туалеты, гигіена и пр. Въ г. больш. нум. **52**

Цѣль журнала — сочетать изящное съ полезнымъ, дѣйствовать на умы художественными образами и способствовать общекультурному развитію.

„Журналъ **Правда**" необходимый настольный органъ семьи.

„Книги ПРАВДЫ" изящное литературное и научное изданіе, заключ. крупныя произвед. литерат. и науки. Въ 1894 г. будутъ помѣщены новыя произведенія: Зола, Доде, румынской королевы Елизаветы, М. Нордау, Б. Пруса, Захеръ-Мазоха и мн. другихъ. Въ годъ книгъ **12**

Кромѣ того по примѣру прошлаго года, будутъ даны произведенія классиковъ и научное, именно: Соч. ВИКТОРА ГЮГО—2 т. Соч. ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА—2 т. Сочин. МОЛЬЕРА — 1 томъ и наконецъ, еще соч. знам. ученаго **Е. КАРО. — ПЕССИМИЗМЪ.**

Новый замѣчат. трудъ ученаго и академика E. CARO — Le pessimisme — достоенъ «конца вѣка»— fin de siècle, заключаетъ всесторон. критику, заполонившаго европ. общест. ученія кориф. пессимизма: Леонарда, Шопенгауера, Гартмана и др.

„Книги **Правды**" составляютъ полезную и интересную библіотеку.

ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ замѣняютъ ежедневную политическую газету и иллюстрированные и ежемѣсячные журналы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ съ пересыл. во всѣ мѣста Имперіи: СЕМЬ р., на полгода ЧЕТЫРЕ р. Допускается разсрочка: при подпискѣ ЧЕТЫРЕ р. и въ мартѣ остальные ТРИ р.

Редакція и главная контора „**Правды**" при книжномъ складѣ „**Правды**": С.Петербургъ, набережн. Екатерининскаго канала, 102.

Издатель-Редакторъ **П. Н. ПОДЛИГАЙЛОВЪ.**

Книжный складъ „ПРАВДЫ" имѣетъ огромный выборъ всевозможныхъ книгъ. Цѣны внѣ конкурренціи.

Выписывающимъ книгъ на 5—20 руб скидка 5 проц., свыше 20 р. скидка 8 проц.; за пересылку уплачивается особо, по разстоянію. 3—3

Открыта подписка на 1894 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ И ЖИВОТНОВОДСТВА

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Органъ Отдѣленія Охоты при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Общест. Акклиматизаціи животныхъ и растеній.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

(50 №№) въ объемѣ отъ 2-хъ печатныхъ листовъ, съ рисунками, портретами, чертежами и т. п. въ текстѣ.

РУССКІЙ ОХОТНИКЪ.

Кромѣ того всѣ годовые подписчики получатъ безплатно

ОСОБУЮ ЦѢННУЮ ПРЕМІЮ.

Цѣна: на годъ **6 руб.** съ доставкой и пересылкой; на полгода **3 р. 50 к**

Заграницу на годъ 9 руб., на полгода 5 руб. - Допускается разсрочка по 1 р.

Съ № 1 открывается **новый отдѣлъ** безплатныхъ объявленій для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ основаніяхъ: каждый годовой подписчикъ „Русскаго Охотника" имѣетъ право на **безплатное** помѣщеніе въ количествѣ 12 разъ всякаго объявленія, касающагося охоты, спорта, животноводства и акклиматизаціи въ размѣрѣ не свыше 40 словъ (за каждое лишнее противъ этой цифры слово приплачивается по 5 коп. почт. марк.); объявленія, присылаемыя до четверга каждой недѣли, попадаютъ въ очередный №.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Постановленія и распоряженія, касающіяся охоты. 2) Передовыя статьи. 3) Правила и способы производства правильной охоты: ружейной, псовой и ловчими птицами. 4) Охотничьи разсказы и очерки. 5) Замѣтки ружейныхъ, псовыхъ, рыболововъ, голубоводовъ и другихъ охотниковъ. 6) Исторія и техника оружія, и. другихъ принадлежностей всякой охоты. 7) Статьи о животноводствѣ: собакахъ, лошадяхъ и птицахъ, ихъ разведеніи, воспитаніи, содержаніи, лѣченіи и дрессировкѣ. 8) Отчеты о выставкахъ, садкахъ и проч. 9) Статьи о размноженіи дичи. Монографіи о всякихъ животныхъ. 10) Новости, усовершенствованія, открытія. 11) Корреспонденціи, касающіяся охоты. 12) Охотничья библіографія. 13) Разныя извѣстія изъ періодическихъ изданій относительно охоты, птицеводства и животноводства. 14) Вопросы и отвѣты. 15) Объявленія, относящіяся до охоты.

Редакторъ-Издатель **Кн. В. П. УРУСОВЪ.**

Главная контора редакціи: **МОСКВА**, Гагаринскій пер., домъ Курилко.

Отдѣленія конторы редакціи: 1) **ПЕТЕРБУРГЪ**, Б. Конюшенная, Оруж. магазинъ Венигъ. 2) **КІЕВЪ**, Крещатикъ, Американскій оружейный магазинъ. 3) **САРАТОВЪ**, Нѣмецкая ул., Оруж. магазинъ В. В. Онезорге. 4) **САМАРА**, Оруж. магазинъ Ф. А. Неймана. 5) **СИМФЕРОПОЛЬ**, Оруж. магазинъ К. Ф. Киблера. 6) **ПЕНЗА**, Оруж. магазинъ Л. Я. Пудовкина. 7) **ОРЕЛЪ**, Оруж. магаз. Н. М.Кубышкина. 8) **СТ. РУССА**, магазинъ поручика Осипова.

3—3

Открыта подписка на **1894** годъ.
(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи; характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи**; II) **документы, извѣстія и замѣтки**; III) **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки, исполненные фототипіей** и б) **не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ нумерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ**.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

На годъ: съ пересылкой и доставкой — **10** руб., безъ доставки и пересылки — **8** руб. **50** коп.; заграницу — **12** руб.

Разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры **„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"** за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. ГАМАЛѢЙ. Редакторъ В. НАУМЕНКО.
3—3

ГОДЪ XVI. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ГОДЪ XVI.
на 1894 годъ
(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. . . . . **6** руб. На полгода. . **3** руб. **50** коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **начальныхъ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету **по уменьшенной цѣнѣ**, а именно: за годъ **4 руб.**, за полгода **2 руб. 50 коп.**

Газета въ 1894 г. будетъ вестись по той же программѣ и при участіи тѣхъ же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи, въ г. ЕКАТЕРИНБУРГѢ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-Издатель *А. М. Симоновъ.* Редакторъ *П. Н. Галинъ.*
3—3

VII-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. VII-й г. изд.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики «СѢВЕРА» въ 1894 г. получатъ: **52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала** въ 56—64 столбц. кажд., сброшюр. въ изящн. цвѣтную обложку —**12** №№ отдѣльн. иллюстр. «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», составл. по лучш. модн. парижск. журн. —**12** отдѣльн. **выкроекъ**: изъ нихъ 6 вырѣзн. въ натурал. велич. и 6 на отдѣльныхъ листахъ. Ежемѣсяч. **безплатное** прилож. «Библіотека Сѣвера» **12** томовъ сочин. извѣстнѣйш. русск. и иностран. писателей и путешествен.

Въ предстоящемъ году въ «Библіотекѣ Сѣвера» будутъ напечатаны: изъ пріобрѣт. редакціей въ собственность, **полнаго собр. сочиненій** **Н. Д. АХШАРУМОВА:** «Чужое имя», романъ. «Мандаринъ», романъ. «Концы въ воду», пов. «Ночное», разсказъ. «Смерть Слѣпцова», кавказская быль.

Сочиненія баснописца **И. А. КРЫЛОВА**, съ художест. иллюстр.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО. Стихотворенія. — В. Н. ГОЛОВИНА. «Кругосвѣтное путешествіе», подъ редакц. Э. Ю. Петри. — «МЕЛЬМОТЪ-СКИТАЛЕЦЪ», ром. Матюреня. —Остальн. соч. **Н. Д. АХШАРУМОВА** будутъ помѣщ. въ библіотекѣ **«Сѣвера»** 1895 г. Такимъ образомъ подписчики **«Сѣвера»** получатъ это полное цѣнное литературное приложеніе безплатно.

Другое **безплатное** приложеніе: **ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.** —**1** томъ: РУССКІЙ СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ. Популярное изложеніе организаціи новаго и переустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ прилож. 7-ми, нигдѣ не напечатан. писемъ о сельскомъ хозяйствѣ А. Н. Энгельгарта) соч. С. Ѳ. Шарапова. — **1** томъ: КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растеній). Н. Е. Семенова.

Безплатное художеств. прилож. къ журналу: **роскошный альбомъ акварелей**

къ избраннымъ Стихотвореніямъ Н. А. НЕКРАСОВА.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» и друг., **10** художественно исполненныхъ акварелей художника Петра Соколова. — Къ альбому будетъ приложенъ портретъ *Н. А. Некрасова*, исполн. акварелью съ портрета И. Н. Крамскаго, находящагося въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. Художеств. обложка альбома исполн. акварелью Н. Н. Каразинымъ. Всѣ рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительн. текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность **«Сѣвера»** и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1 стѣнной **отрывной** на 12 мѣсяцевъ табель-календарь, отпечатан. красками. Всѣ приложенія «Сѣвера» высылаются подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО**.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ достав. въ С.-Петербургѣ **6 руб.** Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской **6 руб. 50 коп.** Съ доставк. и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 руб.** — Разсрочка подписной платы за **«СѢВЕРЪ» 1894** г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ: для гг. городскихъ подписчиковъ въ **два** срока: Безъ доставки: при подпискѣ **3 руб.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб.** Съ доставкою: при подпискѣ **3 руб. 50 коп.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб. 50 коп.** Для гг. иногородныхъ подписчиковъ въ **два** срока: при подпискѣ **4 руб.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб.** Въ **три** срока: при подпискѣ **3 руб.**, 1 мая 1894 г. **2 руб.** и 1 августа 1894 г. **2 руб.** — Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежд. (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и друг. городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою **помѣсячно.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи **«СѢВЕРЪ»**, Екатерининская, № 4.

Издатель *Е. А. Евдокимовъ.* Завѣдующій художеств. отдѣломъ *Н. Н. Каразинъ*

4—3 Редакторъ *Вл. А. Тихоновъ.*

никовъ на почву церковныхъ порядковъ", такъ какъ образованными людьми въ ту эпоху было, главнымъ образомъ, духовенство, къ тому же интересы даже свѣтскихъ образованныхъ людей сосредоточивались вокругъ религіи и церкви.

Въ второй главѣ говорится о жизни Аввакума до первой ссылки. Родился Аввакумъ около 1620 года въ селѣ Григоровѣ, Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда. Дѣтство, проведенное Аввакумомъ въ семействѣ отца, сельскаго священника, не было ознаменовано ничѣмъ замѣчательнымъ. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ особенныхъ событіяхъ, которыя могли бы отразиться на судьбѣ ребенка. Отецъ его былъ самымъ зауряднымъ человѣкомъ своего времени, и извѣстіе о томъ, что онъ „прилежаше питія хмѣльнаго", не сообщаетъ ему, конечно, оригинальности. Но семейная атмосфера оживлялась вліяніемъ матери, „постницы и молитвенницы", которая съумѣла сообщить ему извѣстный способъ отношенія къ вещамъ, извѣстную точку отправленія для чувствованія и мышленія. Въ общеніи съ матерью, Аввакумъ выросъ и избралъ себѣ жену; затѣмъ онъ рукоположенъ былъ въ діаконы, наконецъ, въ священники, и вотъ мы видимъ его въ роли молодаго пастыря; эта дѣятельность поражаетъ неутомимой настойчивостью. Замѣчая проявленія распущенности въ быту глухой деревни, онъ разражался суровымъ словомъ укора и порицанія и своими деспотическими поступками возстановилъ противъ себя своихъ прихожанъ. Претерпѣвая гоненія, какъ „человѣкъ безпокойный", и переходя съ мѣста на мѣсто, Аввакуму удалось, наконецъ, попасть въ Москву, гдѣ онъ сдружился съ Иваномъ Нероновымъ, настоятелемъ Казанскаго собора, и пріобрѣлъ въ городѣ большую извѣстность между людьми всѣхъ сословій. Патріархъ Іосифъ назначилъ его въ число „справщиковъ", которымъ поручено было исправленіе печатавшихся церковныхъ книгъ. Рослая, худощавая фигура протопопа, съ длинной бородой и вьющимися волосами, была извѣстна и во дворцѣ. Такимъ образомъ въ Москвѣ ему открылась возможность отдохнуть отъ пережитыхъ треволненій и отъ долгой борьбы съ нищетой и насиліями. Вскорѣ патріаршій престолъ занялъ землякъ Аввакума, Никонъ, и весь ходъ вещей совершенно измѣнился.

По вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ тотчасъ же началъ проявлять свою желѣзную энергію. Прежніе справщики Московской типографіи были отставлены, книги ихъ были объявлены негодными, и духовенству даны были запрещенія повторять ошибки старины. Однимъ изъ первыхъ заявилъ протестъ Аввакумъ и началъ оппозицію, а съ этимъ вмѣстѣ начались и его бѣдствія. Наконецъ, его сослали въ Сибирь, и мы вступаемъ въ многолѣтнюю эпопею бѣдствій, обильно изливавшихся на Аввакума, вслѣдствіе суровости климата и условій сибирскихъ путей сообщенія, вслѣдствіе нужды и голода, своеволія, гнѣва и необузданности начальствующихъ (Глава III, Жизнь въ Тобольскѣ и Дауріи). Но вотъ Никонъ потерялъ свое значеніе въ Москвѣ и выѣхалъ изъ нея; Аввакумъ былъ возвращенъ въ столицу (Глава IV) и ласково встрѣченъ царемъ; нѣсколько знатныхъ домомъ открыли ему свои двери. Замѣтивъ, что, съ удаленіемъ личнаго его врага, Никона, ходъ дѣла не измѣнился, Аввакумъ сначала ограничивался „бранью съ отступниками", но затѣмъ „паки заворчалъ", вслѣдствіе чего царь на него „кручиновать сталъ", и въ результатѣ получилась новая ссылка на Мезень. Чрезъ полтора года послѣдовало опять возвращеніе въ Москву. Засѣдавшій здѣсь въ 1666—1667 г. соборъ по дѣлу Никона хотѣлъ порѣшить и съ раскольниками. Вмѣстѣ съ другими, Аввакумъ былъ доставленъ сюда для увѣщанія. Протопопъ горячо и упорно отстаивалъ старыя церковныя книги, и его присудили къ разстриженію; обрядъ былъ совершенъ въ Успенскомъ соборѣ; затѣмъ лишеннаго сана протопопа препроводили въ Угрѣшскій монастырь, а оттуда въ тюрьму Боровскаго монастыря. Послѣ годичнаго заключенія, Аввакума опять повезли на соборъ, куда прибыли восточные патріархи. Здѣсь онъ еще разъ, но уже въ послѣдній, проявилъ публично свое упорство, смѣлость и иронію. Дѣло окончилось заточеніемъ въ Пустозерскій острогъ. Обо всемъ этомъ говорится въ V-й главѣ.

„Въ послѣднихъ числахъ августа 1667 г. Аввакумъ и его товарищи были вывезены изъ Москвы и отправлены въ Пустозерскъ"— такъ начинаетъ В. А. Мякотинъ шестую, послѣднюю, главу своей книги. Въ острогѣ Аввакумъ просидѣлъ 14 лѣтъ, пропагандируя свои идеи въ литературныхъ произведеніяхъ (два посланія къ Алексѣю Михайловичу, обличеніе никоніанства, составленное при дѣятельномъ участіи дьякона Ѳеодора). Такъ какъ его неумалявшееся упорство оказывало вредное вліяніе на раскольниковъ, то рѣшено было предать узника казни. 1-го апрѣля 1681 года Аввавумъ и его три товарища были сожжены.

Таково, въ краткомъ пересказѣ, содержаніе очерка г. Мякотина. Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мельс и К°.). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*22 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*3 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*32 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 и 1893 гг., 12 книгъ, съ портретами, по 9 руб.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. МАРТЪ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Г. А. Леера. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1894 г.

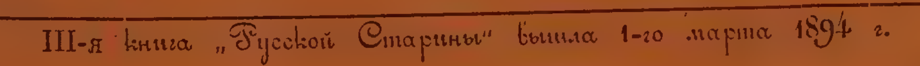
Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 страп. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1894.



III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1894 г.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

II.

М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова и многими рисунками.

III.

А. С. Пушкинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ Пушкина и многими рисунками.

Біографіи этихъ великихъ писателей настолько всѣмъ извѣстны, что мы считаемъ излишнимъ пересказывать содержаніе этихъ двухъ очерковъ, составленныхъ г-номъ Скабичевскимъ. При біографіи М. Ю. Лермонтова приложено нѣсколько рисунковъ: два портрета Михаила Юрьевича, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой (бабушки поэта), Юрія Петровича и Марьи Михайловны Лермонтовыхъ, Село Тарханы, Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ, Памятникъ поэту въ с. Тарханахъ, Дуэль его съ Мартыновымъ и автографъ: „Къ чему толпы неблагодарной“. При біографіи А. С. Пушкина рисунковъ еще больше: здѣсь мы имѣемъ пятнадцать портретовъ Александра Сергѣевича, рисованныхъ разными лицами, домъ Инзова въ Кишиневѣ и домъ въ Одессѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ, А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (съ картины г. Ге), портреты: А. П. Ганнибала, дѣда поэта со стороны матери, С. Л. и Н. О. Пушкиныхъ — родителей поэта, Н. Н. Пушкиной, жены поэта (урожденной Гончаровой), Пушкинъ въ Гурзуфѣ (по картинѣ г. Айвазовскаго), Дуэль Пушкина съ Дантесомъ (съ картины г. Наумова), Мѣсто этой дуэли, Пушкинъ въ гробу, Могила Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ. Съ внѣшней стороны обѣ книги изданы хорошо, портреты и рисунки исполнены прекрасно.

Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. Составилъ К. А. Ивановъ. Изд. 2-е, исправленное; цѣна 80 к.

Продолжительная педагогическая дѣятельность К. А. Иванова (онъ состоитъ преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ лицеѣ и С.-Петербургской 5-й гимназіи), сама по себѣ, уже говоритъ за достоинства его книги.

Въ теченіе одного года систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ выдержалъ два изданія: первое появилось въ іюлѣ мѣсяцѣ 1892 года, а второе въ іюлѣ прошлаго года. Такой успѣхъ выпадаетъ на долю немногихъ книгъ и еще болѣе, такъ сказать, подчеркиваетъ достоинства означеннаго труда.

Не вдаваясь въ изложеніе содержанія этого всѣмъ извѣстнаго, интереснаго и поэтическаго періода исторіи, составляющаго предметъ книги г-на Иванова, скажемъ, что автору не мало пришлось поработать надъ многочисленными (свыше ста) и лучшими историческими монографіями, и онъ блистательно выполнилъ взятую на себя задачу: дать живое и интересное изложеніе важныхъ историческихъ фактовъ, опуская или только вскользь упоминая объ фактахъ второстепенныхъ, и распредѣлилъ историческій матеріалъ согласно послѣдней программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ въ руководствѣ г-на Иванова отсутствуютъ тѣ излишнія и ненужныя подробности, которыя, обременяя память ученика, только препятствуютъ усвоенію сути предмета; здѣсь мы находимъ отчетливое, изящнымъ, литературнымъ языкомъ написанное, изложеніе главныхъ фактовъ, съ немногочисленными, обязательными для знанія, хронологическими данными.

Въ предисловіи къ первому изданію авторъ приводитъ слова изъ предисловія къ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Виталія Шульгина: „не увлекаясь притязаніемъ на званіе автора и имѣя въ виду главнымъ образомъ пользу учащихся, составитель предлагаемаго руководства помѣщалъ въ своемъ курсѣ почти безъ измѣненія тѣ статьи изъ иностранныхъ монографій и учебниковъ, которыя, по его убѣжденію, вполнѣ удовлетворяютъ назначенію руководства“, — и заявляетъ, что эти слова примѣнимы и къ его руководству, съ тою лишь оговоркою, что онъ совсѣмъ не обращался къ учебникамъ, а пользовался спеціальными научными монографіями какъ русской, такъ — преимущественно — иностранной литературъ.

Во второмъ изданіи своей книги авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, которыя, не касаясь научной стороны руководства, относятся только къ исправленіямъ вкравшихся нѣкоторыхъ неточностей и погрѣшностей, — всегда, впрочемъ, неизбѣжныхъ, — а также къ перестановкѣ и сокращенію текста. Такъ, нѣкоторые неважные эпизоды, развивающіе или иллюстрирующіе главный отдѣлъ, — помѣщены въ примѣчанія, частію выпущены совсѣмъ или же напечатаны мелкимъ шрифтомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ мѣстами пополнилъ содержаніе своей книги, сдѣлавъ нѣсколько вполнѣ цѣлесообразныхъ примѣчаній; жаль только, что авторъ не снабдилъ

Дозволено цензурою. СПб., 23 февраля 1894 г   Тип. Высочайше утв. товар. „Общ. польза", Б. Подъяч., 39.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ГЕНРИХЪ АНТОНОВИЧЪ ЛЕЕРЪ

начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

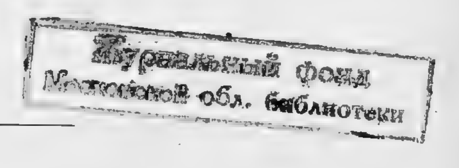
основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.


Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА VII [1]).

Дѣла князей Барятинскихъ.—Завѣщаніе покойнаго князя относительно имѣнія.—Постановленіе Государственнаго Совѣта.—Ранняя самостоятельность князя Александра Ивановича.—Составленіе имъ новаго плана относительно имѣнія.—Отношенія князя къ Столыпинымъ.—Сближеніе Отрѣшкова съ княземъ Александромъ Ивановичемъ.—Невѣроятный подвигъ Отрѣшкова.—Имѣнія князей Барятинскихъ.—Раздѣленіе имѣній на четыре удѣла.—Система управленія.—Моя неопытность при столкновеніи съ практическою хозяйственною дѣятельностью.—Мои занятія по имѣніямъ.—Впечатлѣніе на крестьянъ, оставленное моимъ управленіемъ.—Замѣчательный докторъ.

Англійскій взглядъ, который усвоенъ былъ покойнымъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, не могъ не отразиться и на его завѣщаніи. Я очень сожалѣю, что въ моихъ бумагахъ не сохранилась копія съ этого завѣщанія, и я не могу привести точное его изложеніе. Но я твердо помню сущность его. Покойный князь опредѣлялъ образованіе для старшаго сына, князя Александра,—маіората въ восемь тысячъ душъ. Остальное имѣніе распредѣлялъ разными частями, во-первыхъ, остальнымъ тремъ сыновьямъ: Владиміру, Анатолію и Виктору и, во-вторыхъ, женѣ, княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, и тремъ дочерямъ: Ольгѣ, Леонилѣ и Маріи. О дочери Елизаветѣ, родившейся отъ перваго брака и находившейся въ Англіи, у родственниковъ покойной жены его, въ завѣщаніи ничего не сказано. Послѣ смерти князя завѣщаніе это восходило въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ 9-го іюня 1827 года состоялось по этому предмету Высочайше утвержденное постановленіе:

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1894 г., февраль.

«Государственный Совѣтъ въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи слушалъ поступившее на разсмотрѣніе его, по Высочайшему повелѣнію, всеподданнѣйшее прошеніе вдовы тайной совѣтницы, княгини Марьи Барятинской, урожденной графини Келлеръ, объ учрежденіи, согласно послѣдней волѣ мужа ея, тайнаго совѣтника князя Ивана Барятинскаго, въ оставшемся послѣ него имѣніи маіората, въ пользу старшаго ихъ сына, князя Александра, и объ утвержденіи разныхъ ея по сему имѣнію предположеній.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи сего прошенія, сообразивъ истребованныя въ дополненіе къ оному разныя свѣдѣнія и духовное завѣщаніе тайнаго совѣтника князя Ивана Барятинскаго, на коемъ основана настоящая просьба вдовы его, хотя находитъ, что завѣщаніе сіе не заключаетъ въ себѣ полнаго акта, ибо и самимъ завѣщателемъ названо не оконченнымъ, что въ семъ завѣщаніи заключаются разныя несообразности и противорѣчія, и потому оное утверждено быть не можетъ, но, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, изыскивая способъ къ достиженію воли въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра 1-го, цѣлью коей, какъ изъ собранныхъ свѣдѣній объясняется, было сохраненіе различныхъ полезныхъ заведеній, устроенныхъ въ имѣніи князя Барятинскаго, мнѣніемъ полагаетъ постановить слѣдующее:

1) Все имѣніе тайнаго совѣтника князя Ивана Барятинскаго, какъ движимое, тлѣнію не подверженное, такъ и недвижимое, оставить до сопришествія всѣхъ дѣтей въ совершеннолѣтіе въ цѣлостномъ его составѣ.

2) Изъ сего имѣнія можетъ быть выдѣлена токмо слѣдующая по закону часть женѣ покойнаго князя Ивана Барятинскаго, четыремъ дочерямъ его; каждая изъ дочерей, сверхъ 500 душъ, имѣетъ получить еще по 200 тысячъ руб. ассигнаціями.

3) Еслибы обнаружилось, что князь Иванъ Барятинскій по предмету надѣленія имѣніемъ старшей дочери своей, княжны Елисаветы, сдѣлалъ особое распоряженіе, то надѣленіе ея имѣніемъ имѣетъ быть произведено уже на основаніи сего князя Барятинскаго распоряженія.

4) Вдова княгиня Барятинская можетъ выдѣлить часть свою, когда пожелаетъ; назначаемое же дочерямъ выдѣляется при выходѣ ихъ въ замужество, но доколѣ которая либо будетъ оставаться не замужемъ, часть ея имѣетъ также оставаться въ общемъ составѣ имѣнія до общаго раздѣла

5) Опекунское управленіе всѣмъ имѣніемъ поручить вдовѣ покойнаго тайнаго совѣтника, князя Ивана Барятинскаго, княгинѣ Маріи Барятинской, урожденной графинѣ Келлеръ, придавъ ей въ соопекуны, согласно желанія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Голубцова, и еще какое-либо лицо по Высочайшему назначенію.

6) Каждый изъ сыновей, по достиженіи совершеннолѣтія, вступаетъ также въ число соопекуновъ княгини Барятинской.

7) Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей сей опеки должна заключаться въ сохраненіи разныхъ полезныхъ заведеній, устроенныхъ въ поступающемъ подъ управленіе ея имѣніи.

8) Изъ доходовъ съ имѣнія имѣетъ быть откладываемо непремѣнно всякій годъ по 100 тыс. рублей ассигнаціями, кои и вносятся въ Опекунскій совѣтъ или Государственный банкъ, для приращенія процентами, и сверхъ того все то, что̀ отъ необходимыхъ законныхъ расходовъ можетъ еще остаться.

9) Опека сія обязана представлять положенные по закону отчеты Правительствующему Сенату, который наблюдаетъ за исполненіемъ предписываемыхъ ей правилъ.

10) По достиженія же всѣми дѣтьми совершеннолѣтія все имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, т. е. и составленный капиталъ изъ ежегоднаго взноса суммъ въ Опекунскій совѣтъ или Государственный банкъ съ процентами, на оный накопившимися, за выдѣломъ частей, означенныхъ во 2, 3 и 4 пунктахъ сего положенія, поступаетъ въ раздѣлъ между сыновьями, но при семъ:

11) Сыновья князя Ивана Барятинскаго, буде пожелаютъ исполнить волю ихъ родителя, могутъ, по общему ихъ на то согласію, войти со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ объ учрежденіи маіората въ пользу старшаго изъ нихъ, изъ имѣнія, завѣщаніемъ родителя на сіе предположеннаго».

На этомъ основаніи княгиня Марія Өедоровна сдѣлалась опекуншею и главною распорядительницею всего имѣнія. Разумѣется, она позаботилась, чтобъ прежде всего сдѣланъ былъ выдѣлъ части, ей слѣдующей, и выдѣлъ этотъ совершенъ былъ, какъ туземцы утверждали, самымъ выгоднымъ для нея образомъ. Тѣ же туземцы утверждали, что жизнь вела она безпримѣрно роскошную и на одинъ гардеробъ употребляла по сто тысячъ рублей, на ассигнаціи, въ годъ. Разумѣется, объ образованіи, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, запаснаго капитала, не было и помину. Когда выходила замужъ княжна Ольга за Давыдова, ей тоже выдѣлили 500 душъ и дали 200 тысячъ рублей ассигнаціями. При выходѣ въ замужество княжны Леонилы за князя Витгенштейна, вдовца, бывшаго уже разъ женатымъ на княгинѣ Радзивиллъ, ей не было выдѣлено 500 душъ, а дано 500 тысячъ рублей ассигнаціями. Наконецъ, при выходѣ княжны Маріи въ замужество за князя Ми-

хаила Кочубея, ей успѣли только дать 200 тысячъ рублей, а выдѣлъ имѣнія еще не былъ сдѣланъ, какъ эта прелестная, какъ всѣ говорили, женщина умерла, и вопросъ о наслѣдствѣ послѣ нея оставался не разрѣшеннымъ до моего вступленія въ управленіе дѣлами князей Барятинскихъ.

Надобно сказать, что еще при жизни покойнаго князя особеннымъ его расположеніемъ и довѣріемъ пользовался одинъ изъ незначительныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, нѣкто Векротъ, занимавшійся почти всю свою жизнь управленіемъ большими имѣніями и пріобрѣвшій громадную въ этомъ отношеніи опытность. Такъ какъ покойный князь самъ управлялъ имѣніемъ, то онъ и не имѣлъ надобности передавать это управленіе Векроту и держалъ его на положеніи домашняго человѣка и добраго совѣтчика. Подъ руководствомъ князя отлично дѣйствовали и распоряжались хозяйствомъ свои люди, такъ сказать, имъ самимъ воспитанные и образованные. Въ особенности, князь высоко цѣнилъ одного изъ этихъ людей, Ѳедора Рѣзникова и далъ ему характеръ главноуправляющаго. Но когда князь умеръ, Векротъ скоро овладѣлъ княгинею, увѣрилъ ее, что Рѣзниковъ плутъ и мошенникъ, взялъ имѣніе въ свое управленіе и сдѣлался полнымъ и неограниченнымъ распорядителемъ всѣхъ фамильныхъ дѣлъ Барятинскихъ. На сыновей князя, въ то время еще юныхъ, онъ смотрѣлъ, разумѣется, какъ на дѣтей, ничего не понимающихъ. Такъ шли дѣла, пока князь Александръ достигъ совершеннолѣтія и тотчасъ забралъ все въ свои руки съ поразительною самостоятельностью. Прежде всего онъ самъ сдѣлался опекуномъ имѣнія и попечителемъ своихъ братьевъ, не достигшихъ еще совершеннолѣтія, а потомъ тотчасъ принялся за вопросъ о наслѣдствѣ. По собственнымъ ли соображеніямъ или по совѣтамъ какихъ-либо англомановъ, онъ отвергнулъ и распредѣленіе, сдѣланное въ завѣщаніи отца, и многоразличныя соображенія, составленныя Векротомъ. На мѣсто всего этого онъ составилъ свой планъ слѣдующаго содержанія: части родоваго Курскаго имѣнія, выдѣленныя сестрамъ, воротить, заплативъ за нихъ деньгами; равнымъ образомъ, братьямъ частей, имъ слѣдующихъ изъ этого имѣнія, тоже не выдѣлять, а, оцѣнивъ ихъ, заплатить за нихъ оцѣночные капиталы, т. е. 1.200.000 рублей каждому, и только князю Анатолію отдать

отдѣльное Херсонское имѣніе, которое и называлось Анатоліевскимъ. Такимъ образомъ, удержавъ весь составъ Курскаго имѣнія въ цѣлости, сосредоточить его въ однѣхъ рукахъ и обратить въ маіоратъ. Строптивый и рѣзкій Векротъ, которому предложенъ былъ этотъ планъ, призналъ его нелѣпымъ и невозможнымъ къ исполненію и въ приличныхъ формахъ выразилъ это князю. Еще болѣе Векрота упорный въ своихъ мнѣніяхъ и въ стремленіи къ разъ опредѣленной цѣли, князь, въ то время еще совершенно неопытный, рѣшился пожертвовать Векротомъ въ пользу своего плана и искать другаго, болѣе смѣлаго исполнителя. Судьбѣ было угодно, чтобъ этотъ исполнитель явился въ лицѣ моемъ; хотя сильный и бойкій въ департаментской сферѣ, я, по части подобнаго дѣла, былъ столько же знающъ и опытенъ, какъ самъ князь. Петербургъ высшаго круга, какъ впослѣдствіи оказалось, смотрѣлъ съ большимъ недоумѣніемъ и сомнѣніемъ на нашъ союзъ. Слѣды этого сомнѣнія долго оставались и потомъ, когда уже дѣло было сдѣлано; и намъ съ княземъ много нужно было усилій и стараній, чтобъ окончательно стереть эти упорные слѣды. При первыхъ же нашихъ совѣщаніяхъ, князь убѣдительно просилъ меня употребить все возможное, чтобы исполнить основной его планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь на первыхъ же порахъ выразилъ необходимость отдѣлить, прежде всего, князя Анатолія. Наконецъ, князь просилъ меня ѣхать тотчасъ въ Москву, гдѣ дѣла князя Анатолія пришли въ самое напряженное состояніе, а потомъ въ имѣніе, чтобы принять его отъ Векрота и сдѣлать въ немъ тѣ распоряженія, какія найду полезными. Въ заключеніе, князь объявилъ, что даетъ мнѣ свою коляску, а денегъ у него нѣтъ ни копѣйки, и чтобъ я ухитрился отправиться какъ знаю и какъ умѣю.

Согласно этимъ главнымъ чертамъ новыхъ моихъ обязанностей, дѣла князя Анатолія, прежде всего, привлекли все мое вниманіе. Это былъ истинный enfant gaté въ семействѣ Барятинскихъ и когда еще былъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, то уже успѣлъ прославиться своимъ веселымъ характеромъ. Потомъ, поступивъ въ военную службу, онъ перенесъ свою шумную и веселую дѣятельность въ Москву. Тамъ долги его постоянно выростали, погашались и опять выростали. Изъ его собственныхъ разсказовъ и другихъ

свѣдѣній можно заключить, что въ то время вообще, такъ сказать, «лошадничество» во всѣхъ видахъ составляло разорительную статью для богатой молодежи и что катанье на тройкахъ было въ особенной модѣ. Чтобы опредѣлить, чего эта мода могла стоить князю Анатолію, достаточно сказать, что простой ямщикъ Балага, который постоянно ѣздилъ съ княземъ, впослѣдствіи содержалъ дилижансы на какомъ-то цѣломъ трактѣ и велъ обширную торговлю лошадьми, обогатившись собственно отъ щедрости князя. Скоро князь влюбился въ дочь сенатора Каблукова, дѣйствительно красавицу, и сталъ ея женихомъ. Все это романтическое время, конечно, не могло содѣйствовать сокращенію расходовъ князя, и я знаю много самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ изъ этого времени по разсказамъ Смагина, извѣстнаго всему свѣту лошадника, который даже и ходилъ всегда въ кучерской поддевкѣ и былъ большимъ пріятелемъ князя. Приведу одинъ изъ этихъ эпизодовъ. Однажды князь, будучи женихомъ, пріѣзжаетъ къ Каблуковымъ и застаетъ тамъ какого-то франта изъ гражданскихъ. Рѣчь идетъ о спектаклѣ, въ которомъ дается какая-то новая пьеса. Невѣста выразила тоже желаніе быть въ этомъ спектаклѣ. Князь, страдавшій въ эту минуту страшнымъ безденежьемъ, сказалъ, что онъ былъ въ театрѣ и что билетовъ нѣтъ, на что франтъ замѣтилъ, что онъ сейчасъ изъ театра, и что билеты еще есть. Князь выходитъ въ другую комнату и пишетъ Смагину записку, чтобы тотчасъ и во что бы то ни стало всѣ билеты были скуплены съ тою цѣлью, чтобы, когда явится посланный отъ Каблуковыхъ, онъ не могъ найти ни одного билета, и чтобы, такимъ образомъ, честь и достоинство князя были спасены. Смагинъ, вѣрный дружбѣ, такъ и сдѣлалъ и, получивъ кучу билетовъ, задумался: что съ ними дѣлать? Вопросъ этотъ онъ рѣшилъ слѣдующимъ образомъ: у князя, равно какъ у самого Смагина, вслѣдствіе неукротимой ихъ страсти къ лошадямъ, было множество долговъ барышникамъ, каретникамъ, кузнецамъ и т. п. Платежи имъ производились самымъ упорнымъ образомъ, и потому Смагинъ придумалъ, въ утѣшеніе ихъ, раздать имъ даровые билеты въ театръ. Такъ и сдѣлано, и въ этотъ вечеръ, къ немалому изумленію публики, въ партерѣ и ложахъ появились кафтаны, чуйки, бороды и головы въ кружалахъ. Смагинъ говорилъ, что онъ и самъ

не радъ былъ своей выдумкѣ: такъ много было ему возни съ этимъ народомъ. При входѣ каждаго полицейскаго они привставали и боязливо смотрѣли на Смагина. При появленіи полиціймейстера они вставали рѣшительно всѣ и такъ оставались. Одному, самому почтенному изъ этого люда, Смагинъ старался внушить, какъ это неприлично, и что надо сидѣть, кто бы тамъ ни вошелъ, на что тотъ отвѣчалъ: «слушаю, батюшка, только какъ бы чего не вышло...»

Какъ бы то ни было, князь женился на своей красавицѣ-невѣстѣ и хотѣлъ тотчасъ отправиться за-границу; но 400 тысячъ рублей ассигнаціями долгу, въ различныхъ векселяхъ, счетахъ и роспискахъ, образовали такой завалъ, говоря по-кавказски, что князь никакъ не могъ перескочить черезъ него и взывалъ о помощи къ князю Александру. Тутъ-то выступилъ на сцену Отрѣшковъ...

Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, бывшій въ то время адъютантомъ герцога Лейхтенбергскаго, былъ большимъ пріятелемъ князя Александра Ивановича и имѣлъ характеръ дѣловаго человѣка. Вслѣдствіе ли этой дѣловитости или по другимъ отношеніямъ, Столыпинъ былъ коротко знакомъ съ всезнающимъ Отрѣшковымъ, который бывалъ у него часто и тамъ познакомился съ княземъ Барятинскимъ. Однажды князь, при Отрѣшковѣ, выражалъ свое затруднительное положеніе, въ которое онъ поставленъ дѣлами князя Анатолія. Отрѣшковъ, который такъ дорожилъ аристократическими связями, тотчасъ предложилъ князю свое содѣйствіе, увѣривъ его, что онъ и по своимъ дѣламъ долженъ отправиться надняхъ въ Москву; слѣдовательно, для него ничего рѣшительно не стоитъ сдѣлать для князя, что будетъ можно. Князь съ благодарностью согласился, и Отрѣшковъ отправился въ Москву и дѣйствительно сдѣлалъ тамъ замѣчательное дѣло, въ которомъ было много ловкости, но много и нахальства. По прибытіи въ Москву, онъ занимаетъ тамъ большое и эффектное помѣщеніе, выпрашиваетъ жандарма, ставитъ его къ дверямъ, разсылаетъ всѣмъ его кредиторамъ вызовъ явиться къ нему въ извѣстный день съ своими документами; облекается въ этотъ день въ свой камеръ-юнкерскій мундиръ и говоритъ собравшемуся народу, большая часть кото-

раго состояла изъ купцовъ и мужиковъ, о которыхъ я выше говорилъ, торжественный спичъ, гдѣ упоминаетъ о той безнравственности, о той опасности, съ которыми они дерзаютъ требовать слѣдующихъ имъ долговъ и о возложенномъ на него порученіи разсмотрѣть эти долги и разсрочить ихъ, для постепеннаго погашенія. Эффектъ былъ вполнѣ удовлетворительный. Толпа, пораженная всею обстановкою этого посланника, торжественнымъ его тономъ, золотомъ его мундира и не знавшая, кѣмъ и откуда присланъ этотъ посланникъ, смутилась страшно и думала болѣе о сохраненіи своей личности, чѣмъ своихъ долговъ, тѣмъ болѣе, что въ значительной части ихъ примѣшивались различныя нечистоты, столь употребительныя въ быту различныхъ афферистовъ и ростовщиковъ. Столь успѣшно поразивъ этотъ людъ, Отрѣшковъ великодушно предложилъ имъ разсрочить уплаты. Почти всѣ согласились. Главная цѣль была достигнута: князь Анатолій Ивановичъ, съ молодой женой, освобожденъ изъ засады и отправился за-границу, гдѣ, какъ говорили, они положительно поражали чужестранныя государства невиданнымъ соединеніемъ блестящей красоты. Въ то же время Отрѣшковъ коснулся счетовъ по дѣламъ князей Барятинскихъ въ банкирской конторѣ Бранденбурга, которая продавала высылаемое въ Москву изъ имѣнія сукно и производила изъ вырученной суммы различные платежи. Счеты эти Отрѣшковъ нашелъ неудовлетворительными и перевелъ ихъ въ другую контору, плутоватаго и столь извѣстнаго въ то время, въ Москвѣ, Чумаги, который немедленно сцѣпился съ Бранденбургомъ и открылъ съ нимъ страшную войну.

Понятно, что Отрѣшковъ, возвратившись въ Петербургъ, съ одной стороны, своимъ несомнѣннымъ успѣхомъ по дѣламъ князя Анатолія, а съ другой своими разсказами о безпорядкахъ въ банкирскихъ счетахъ и вообще изложеніемъ своихъ экономическихъ соображеній, на что́ онъ былъ такой мастеръ, пріобрѣлъ большое вліяніе на князя Александра Ивановича и вслѣдствіе этого-то вліянія уполномоченъ былъ, какъ выше сказано, искать человѣка на замѣну Векрота. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что вліяніе это не было продолжительно и быстро слабѣло. Князь Анатолій Ивановичъ, которому, казалось, онъ болѣе всего былъ полезенъ, просто его возненавидѣлъ. Злые языки говорили, что при этихъ

операціяхъ Отрѣшковъ и себя не забылъ; но я положительно этому не вѣрю. Отношенія его къ князю Александру Ивановичу также постепенно охлаждались, чему не могло не содѣйствовать представленіе, по временамъ, Отрѣшковымъ дополнительныхъ по этой поѣздкѣ счетовъ. Въ первый же годъ моего управленія, когда одинъ изъ подобныхъ счетовъ не подтверждался никакими данными, князь Александръ Ивановичъ долженъ уже былъ употреблять слѣдующія политическія штуки: «посылаю Вамъ два письма», писалъ мнѣ князь въ августѣ 1843 года, изъ Царскаго Села или Петергофа, «одно для Васъ однихъ, другое можете отослать или дать прочесть, по Вашему усмотрѣнію, Наркизу Ивановичу. Оно облекаетъ нашу войну съ нимъ въ легкую, полушуточную форму, которая намъ теперь полезна для возстановленія нашихъ правъ, не ущербляя между тѣмъ общественныхъ нашихъ отношеній...» Въ другомъ письмѣ было сказано: «если въ кассѣ нашей довольно денегъ, чтобъ можно было Наркизу Ивановичу дать нужную ему сумму, то прошу Васъ, любезный Василій Антоновичъ, одолжить ему ее заимообразно, покуда разрѣшится вопросъ: въ чьихъ книгахъ ошибка? Признаюсь, что я бы восторжествовалъ, еслибы имѣлъ увѣренность, что перещеголялъ своего учителя въ отчетливости. Онъ всегда себя ставилъ мнѣ примѣромъ, а теперь, кажется, на моей улицѣ праздникъ. Если Вы увидите Наркиза Ивановича, то поклонитесь, пожалуйста, отъ меня...» Впослѣдствіи, когда судьба постоянно возвышала князя, а Отрѣшкова низводила внизъ—отношенія ихъ совершенно прекратились, и всѣ попытки Отрѣшкова къ возобновленію ихъ оставались совершенно тщетными. Когда онъ старался добиться личнаго свиданія—князь его не принималъ; письма его передавалъ просто своимъ чиновнымъ людямъ и подписывалъ самые сухіе, форменные отвѣты. По моему убѣжденію, князь былъ неблагодаренъ. Съ своей стороны, я, хотя и не думалъ искать установленія какихъ-либо отношеній между мною и княземъ Барятинскимъ, тѣмъ не менѣе, въ этихъ отношеніяхъ оказалось для меня много счастья, а потому я всегда смотрѣлъ на Отрѣшкова, какъ на виновника этого счастья, и постоянно старался выражать ему всѣми способами свою признательность. Такъ, когда Баташевское имѣніе, какъ девятый валъ въ

судьбѣ Отрѣшкова, вмѣстѣ съ отливомъ своимъ, унесъ изъ рукъ Отрѣшкова и всѣ тѣ крохи, которыя были у него до покупки этого фатальнаго имѣнія и когда, послѣ продолжительнаго исчезновенія его изъ Петербурга, онъ появился тамъ снова, совершенно въ другой, печальной обстановкѣ, я тотчасъ подалъ ему руку помощи и ввелъ его въ почтовое вѣдомство, гдѣ самъ тогда служилъ и гдѣ составилъ ужь себѣ имя. Я разсчитывалъ, по поступленіи его въ это вѣдомство, отправить его въ распоряженіе князя Горчакова, который, по случаю бывшей тогда восточной войны, имѣлъ большую надобность въ почтовыхъ чиновникахъ, и тѣмъ самымъ предоставить ему большое поприще для его талантовъ и способностей. «Стоя на почтовой почвѣ», говорилъ я, «вы можете поднимать всевозможные вопросы, и я не сомнѣваюсь, что графъ Адлербергъ и князь Горчаковъ тотчасъ оцѣнятъ и вашу дѣятельность, и богатство вашихъ знаній».

И дѣйствительно, отправившись въ Севастополь, Отрѣшковъ началъ, едва-ли не съ каждой станціи, высылать главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ, графу Адлербергу, тетради, заключающія различные проекты, мнѣнія и предположенія. Сначала добрый и трудолюбивый Адлербергъ упорно читалъ эти произведенія и исписывалъ ихъ своими резолюціями; но скоро потерялъ терпѣніе и велѣлъ предложить Отрѣшкову сосредоточить свою дѣятельность на главномъ предметѣ сдѣланнаго ему порученія, т. е., заниматься тѣмъ, что̀ ему прикажетъ князь Горчаковъ. Прибывъ въ Севастополь, Отрѣшковъ, по общему отзыву всѣхъ, тамъ бывшихъ, скоро успѣлъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей Горчакова. Но и этотъ успѣхъ не повелъ ни къ чему; напротивъ, пользуясь полномочіемъ князя Горчакова, какъ главнокомандующаго, дѣлать и по почтовой части всѣ тѣ распоряженія, какія, по военнымъ обстоятельствамъ, окажутся нужными, Отрѣшковъ, именемъ его, началъ производить такія штуки, которыя приводили рѣшительно въ отчаяніе почтовое вѣдомство и окончательно вооружили противъ него кроткаго Адлерберга, тѣмъ болѣе, что сынъ его, Николай Адлербергъ, бывшій въ то время таврическимъ губернаторомъ, столкнувшись на мѣстѣ съ Отрѣшковымъ самымъ непріязненнымъ образомъ, писалъ о немъ отцу самыя убійственныя

вещи. Когда, потомъ, графъ Адлербергъ, вмѣстѣ съ государемъ, былъ въ Севастополѣ, онъ, при всей кротости его, не хотѣлъ видѣть даже Отрѣшкова, который, такимъ образомъ, не только не получилъ, подобно всѣмъ другимъ, никакой награды за свою дѣятельность и не проложилъ, какъ я ожидалъ, дороги къ успѣхамъ въ государственной службѣ, но долженъ былъ скоро оставить и почтовое вѣдомство. Впослѣдствіи, когда князь Барятинскій былъ кавказскимъ намѣстникомъ, а я былъ ближайшимъ его сотрудникомъ, я не разъ упоминалъ передъ нимъ, во время разсужденій о недостаткѣ тамъ дѣловыхъ людей, имя Отрѣшкова подъ вліяніемъ тѣхъ же чувствъ, которыя руководили мною при введеніи его въ почтовое вѣдомство. «Ахъ, любезный Василій Антоновичъ!» отвѣчалъ Барятинскій, «я не чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ его репутаціей, да это и не мое дѣло. Пусть онъ исправитъ свою репутацію, и я его тотчасъ возьму...»

Снабженный указаніями князя и свѣдѣніями о положеніи его дѣлъ, я добылъ денегъ на предстоящую поѣздку, что̀ тогда для меня вовсе не было легко, и отправился въ Москву, гдѣ и былъ тотчасъ атакованъ, съ одной стороны, толпою кредиторовъ князя Анатолія, которая, очнувшись отъ погрома Отрѣшкова, съ новою яростью требовала денегъ, а съ другой—двумя плутоватыми банкирами, завѣдывавшими тамъ денежными счетами князей Барятинскихъ. Кредиторамъ я далъ единственный совѣтъ, какой можно было дать: вооружиться терпѣніемъ и ждать. Къ банкирамъ я сунулся-было въ ихъ книги и счеты съ коварною цѣлью открыть какія-либо съ ихъ стороны злоупотребленія, въ существованіе которыхъ вѣрили и князь, и Отрѣшковъ; но тотчасъ убѣдился, что тутъ, какъ говорится, «чортъ ногу переломитъ», а главное, что все облечено въ такую безукоризненную формальность и отчетность, которая, какъ непроницаемая кора, окончательно покрывала все, что̀ подъ ней находилось, вслѣдствіе чего и предложилъ князю отказаться отъ тщетныхъ усилій поймать въ чемъ-нибудь этихъ художниковъ. Изъ нихъ Чумага, къ которому Отрѣшковъ перевелъ счеты князей Барятинскихъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы перетянуть и меня на свою сторону, и приглашалъ меня почти ежедневно на свои людные обѣды... За однимъ изъ этихъ обѣдовъ я

замѣтилъ красивую даму съ двумя дочерьми, изъ которыхъ старшая, лѣтъ 17-ти, произвела на меня сильное впечатлѣніе своимъ гибкимъ станомъ и, особенно, своими большими и выразительными глазами... Москву я скоро оставилъ и отправился въ Курское имѣніе, гдѣ я долженъ былъ лицомъ къ лицу встрѣтиться съ практическою хозяйственною дѣятельностью, въ которой рѣшительно ничего не понималъ.

Имѣніе князей Барятинскихъ въ административномъ отношеніи было раздѣлено на четыре удѣла: Ивановскій, Снагостскій, Крупецкій и Ковенскій. Каждый удѣлъ образованъ былъ изъ нѣсколькихъ селеній и деревень, въ центрѣ котораго находилось большое село, которое и давало названіе удѣлу. Каждымъ удѣломъ управлялъ особый частный управитель. Ивановскій управитель, кромѣ обязанностей частнаго управителя, былъ въ то же время и главнымъ мѣстнымъ управителемъ на томъ основаніи, что Ивановское, какъ я сказалъ уже, было столицею имѣнія, гдѣ и сосредоточивалось все центральное управленіе.

Въ прекрасный лѣтній день я прибылъ въ Ивановское и проѣхалъ прямо на Марьино, гдѣ, по желанію князя, приготовлено было мнѣ великолѣпное помѣщеніе. Мнѣ, петербургскому чиновнику, вовсе не знакомому съ сельскимъ бытомъ, надо было много такта, чтобы при первомъ столкновеніи съ этимъ бытомъ, съ толпами мужиковъ, ожидавшихъ меня, съ коварными управителями изъ дворовыхъ, съ корыстолюбивыми и низкопоклонными попами и причетниками и тому подобнымъ людомъ, найти точку, на которой можно было бы прилично удержаться и не пересолить, такъ сказать, въ ту или другую сторону. Но если я сильно смущался рѣшительнымъ незнаніемъ міра, въ которомъ я долженъ былъ вращаться, то въ то же время я, по предыдущимъ опытамъ, крѣпко ужь надѣялся на собственныя силы, которыя дотолѣ никогда мнѣ не измѣняли. Сказавъ собравшимся предо мною толпамъ приличный спичъ, передавъ имъ поклонъ князя, я заключилъ объявленіемъ, что начну съ подробнаго обозрѣнія имѣнія, и что порядокъ этого обозрѣнія будетъ сообщенъ заблаговременно всѣмъ управителямъ. Черезъ нѣсколько дней я началъ это обозрѣніе, при которомъ особенно затрудняли меня два предмета: толпы народа, со-

средоточенныя всегда на господскихъ гумнахъ и встрѣчавшія меня съ хлѣбомъ и солью, съ которыми я не зналъ, чтó говорить, и огромныя скирды разнородныхъ хлѣбовъ, которыя я не умѣлъ различить. Но не слишкомъ вдаваясь въ хозяйственныя подробности, я заботился преимущественно о томъ, чтобы не сдѣлать или не сказать на первыхъ же порахъ какой-нибудь достославной глупости и произвести только выгодное впечатлѣніе своею личностью. Окончивъ это первоначальное обозрѣніе, я углубился въ конторскія дѣла и счеты, и былъ здѣсь въ болѣе знакомой сферѣ. Подобно тому, какъ было нѣкогда при поступленіи моемъ въ третій департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, я старался изучить исторически и во всѣхъ подробностяхъ каждую часть администраціи и хозяйства. Эти занятія не только не обременяли меня, но были главнымъ моимъ развлеченіемъ, потому что никакихъ другихъ развлеченій тамъ не было, а еслибы они и были, то я не могъ бы ими пользоваться, получивъ извѣстіе о кончинѣ моей матери, долго страдавшей въ глубоко-болѣзненномъ положеніи. Къ великому счастью, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ былъ большой любитель и знатокъ пѣнія и, образовавъ стройный хоръ—самъ управлялъ имъ. Такимъ образомъ, паннихиды по моей матери, исполняемыя самымъ торжественнымъ образомъ, доставляли душѣ моей и утѣшеніе, и наслажденіе, а посѣщеніе церкви было почти единственною причиною оставленія моего кабинета. Еще посѣщалъ я Векрота, котораго засталъ въ имѣніи. Близко познакомившись съ нимъ, я убѣдился, что онъ былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ: умный, образованный, честный, онъ имѣлъ одинъ недостатокъ—крутой и вспыльчивый характеръ, за который его многіе не любили. Онъ когда-то служилъ въ государственной службѣ и дослужился до чина статскаго совѣтника. На планы князя онъ смотрѣлъ недовѣрчиво и сильно жаловался на его барскую невнимательность къ дѣламъ и интересамъ имѣнія. Я не могъ не чувствовать глубокаго уваженія къ этому почтенному старцу и внутренно сожалѣлъ князя, что вслѣдствіе своей неопытности онъ не умѣлъ оцѣнить столь драгоцѣннаго для него человѣка. Быть можетъ, впрочемъ, онъ и цѣнилъ его по достоинству, но рѣшился разстаться съ нимъ потому единственно, что Векротъ,

въ своихъ отношеніяхъ къ князю, удерживалъ тонъ опекуна, а такого тона, по своей натурѣ, князь переносить не могъ, что впослѣдствіи, гораздо позже, на Кавказѣ, яснѣе выразилось и было причиною также паденія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностей. Какъ бы то ни было, я старался быть сколь можно пріятнымъ Векроту, несмотря на то, что князь смотрѣлъ на него неблагосклонно и сдѣлалъ все, чтобы устроить переѣздъ его въ его маленькое имѣніе самымъ спокойнымъ образомъ...

Ознакомившись, посредствомъ конторскихъ книгъ и счетовъ, а равно и объясненій съ управителями, съ положеніемъ имѣнія, я почувствовалъ подъ собою почву и сдѣлалъ вторичное обозрѣніе имѣнія, при которомъ уже говорилъ и дѣйствовалъ самостоятельнымъ и увѣреннымъ образомъ. Я выше уже говорилъ, что административныя и хозяйственныя начала имѣнія представлялись самыми удовлетворительными; но въ примѣненіи и исполненіи этихъ началъ я не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ. Облеченіе этихъ началъ, существовавшихъ только въ преданіяхъ и привычкахъ, въ строгую систему и установленіе строгаго контроля за точнымъ исполненіемъ ихъ—сдѣлалось предметомъ моихъ письменныхъ трудовъ; на практикѣ, идя по слѣдамъ покойнаго князя, я старался увеличить сколь можно экономическія поля посредствомъ осушенія болотистыхъ мѣстъ, расчистки кустарниковъ и т. п. Въ то же время, посредствомъ особо приглашенныхъ изъ Финляндіи землемѣровъ, я произвелъ хозяйственное измѣреніе земель имѣнія, при чемъ произведена новая нарѣзка полей съ наибольшими выгодами какъ для крестьянъ, такъ и для имѣнія; поселивъ много новыхъ деревень, составилъ ихъ изъ наиболѣе многолюдныхъ селеній съ цѣлію ближайшаго сопоставленія полей къ рабочимъ силамъ; ввелъ правильное лѣсное хозяйство; въ отношеніи крестьянъ къ экономіи учредилъ какъ по части повинностей, такъ и по части внутренняго ихъ быта, строгую опредѣлительность, назначивъ, что̀ должна вѣдать экономія и что̀ подлежитъ вѣдѣнію самихъ крестьянскихъ обществъ; однимъ словомъ, дѣлалъ и сдѣлалъ то, что̀ мои умственныя силы и сознаніе принятаго мною долга мнѣ указывали. Впрочемъ, прилагая при моихъ запискахъ одинъ изъ отчетовъ, которые я ежегодно представлялъ князю — я предоставляю каждому, по соб-

ственному усмотрѣнію, опредѣлять основательность и пользу моихъ дѣйствій на этомъ поприщѣ. Съ своей стороны считаю не излишнимъ сказать, что, спустя много лѣтъ, когда князь, передъ выступленіемъ въ большой походъ 1859 г., кончившійся покореніемъ Восточнаго Кавказа, прибылъ въ Грозную прямо изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ государемъ, онъ при огромной толпѣ генераловъ и другихъ лицъ сказалъ мнѣ: «я заѣзжалъ въ имѣніе. Мужики съ восторгомъ и благодарностью вспоминаютъ васъ; они говорятъ, что у нихъ такого начальника не бывало».

Впрочемъ, хозяйственная дѣятельность у меня стояла далеко не на первомъ планѣ. Главною моею задачею, какъ и князь находилъ, было устройство фамильныхъ его дѣлъ. На этомъ основаніи я постоянно жилъ въ С.-Петербургѣ и только изрѣдка навѣщалъ имѣніе и скорѣе для удовольствія, чѣмъ по необходимости. Такъ точно, когда я пріѣхалъ туда въ первый разъ, я никакъ не разсчитывалъ оставаться тамъ долго и въ этомъ убѣжденіи рѣшился вовсе не заводить никакихъ знакомствъ съ сосѣдними помѣщиками. Но разсчетъ этотъ поколебался страшнымъ образомъ, и вотъ по какому случаю. Въ имѣніи, именно въ селѣ Ивановскомъ, существовала большая больница, устроенная роскошнымъ образомъ. Высшее завѣдываніе этою больницею поручено было уѣздному врачу Вильчинскому, который получалъ за это съ экономіи значительное жалованье и долженъ былъ, по существу своихъ обязанностей, являться ко мнѣ. Вильчинскій—былъ замѣчательною личностью. Уроженецъ западныхъ губерній, онъ кончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ и потомъ попалъ въ уѣздные лѣкаря Льговскаго уѣзда, Курской губерніи, гдѣ было имѣніе графа Александра Николаевича Толстаго, о которомъ я говорилъ выше, и часть имѣній князей Барятинскихъ. У графа Толстаго была какая-то молодая и чахоточная родственница или воспитанница, которая и пользовалась у молодаго врача. Какъ шло лѣченіе — неизвѣстно; но эта дѣвушка страшно влюбилась въ него, и кажется сама и открылась въ любви. Вильчинскій женился на ней и взялъ въ приданое порядочное имѣніе. Жена скоро умерла, оставивъ ему ребенка, и Вильчинскій зажилъ бариномъ. Жилъ онъ въ имѣніи Толстаго «Деревенькахъ», въ 20-ти верстахъ отъ Ивановскаго, гдѣ занималъ хорошенькій де-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ревянный домикъ, прекрасно устроенный и меблированный. Вильчинскій, большой хлѣбосолъ, былъ другъ и пріятель всѣхъ помѣщиковъ губерніи. Все это я узналъ впослѣдствіи, а въ началѣ моего пріѣзда я имѣлъ съ нимъ однѣ только дѣловыя отношенія. Какъ-то разъ, передъ наступленіемъ Пасхи, Вильчинскій остался у меня обѣдать и между прочимъ замѣтилъ, что мнѣ должно быть скучно въ такомъ большомъ помѣщеніи. Я передалъ ему свой взглядъ на неудобство завязывать, при моемъ кратковременномъ пребываніи, туземныя знакомства. «Все это прекрасно», сказалъ Вильчинскій, «но я не понимаю, почему бы вамъ ко мнѣ по крайней мѣрѣ не пріѣхать отобѣдать; самая поѣздка доставила бы вамъ удовольствіе». «Пріѣзжайте», заключилъ онъ, «на первый день». Но на первый день предстояло много торжествъ въ Ивановскомъ, въ которыхъ я лично долженъ былъ участвовать. «Народу не понравится, если васъ не будетъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ заслуженныхъ людей, находившихся при мнѣ въ Марьинѣ—и я далъ слово пріѣхать къ Вильчинскому на другой день Пасхи. Отправившись къ нему, я до такой степени оказался вѣрнымъ своему намѣренію не заводить знакомствъ, что возвратился на Марьино только въ концѣ Ѳоминой недѣли, разъѣзжая все это время отъ одного помѣщика къ другому, въ видѣ плѣнника, котораго они положительно не выпускали изъ рукъ и удерживали постоянно на своихъ нескончаемыхъ праздникахъ.

ГЛАВА VIII.

Внутренній бытъ средней Россіи прежняго времени.—Сближеніе мое съ курскими помѣщиками. — Роскошь и удобство ихъ положенія. — Кутежи въ Коренной ярмаркѣ.—Замѣчательный обѣдъ.—Неудачи ораторовъ.—Всеобщее разореніе на цыганъ. — Блистательные пиры помѣщиковъ. —Великолѣпныя охоты.—Праздникъ, мною данный. — Могущество мѣстныхъ чиновниковъ.— Дѣвочка Богданова, впослѣдствіи знаменитая танцовщица.

Когда я пріѣхалъ къ Вильчинскому, то совершенно неожиданно нашелъ у него большое собраніе окрестныхъ помѣщиковъ. Тамъ былъ Н. А. Волжинъ, льговскій предводитель дворянства, старый

кавалергардъ и порядочный кутила, съ его милою женою, на которой онъ былъ женатъ во второй разъ. Тамъ былъ Н. А. Стремоуховъ, впослѣдствіи бывшій курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Н. Е. Денисьевъ, тогда еще молодой человѣкъ съ сѣдыми волосами, М. С. Деменковъ, одинъ изъ мѣстныхъ откупщиковъ, братъ того Деменкова, который нѣкогда дивилъ міръ роскошью и великолѣпіемъ своей Подмосковной. Все это были люди богатые, радушные и хлѣбосольные, такъ что еще не кончился обѣдъ, за которымъ мы всѣ усѣлись, какъ я буквально былъ осыпанъ приглашеніями къ одному на именины, къ другому на храмовой праздникъ, къ третьему на рожденіе и т. п. Отъ этихъ, во всякомъ случаѣ, любезныхъ приглашеній отказаться я не могъ и не умѣлъ, и подъ опекой Вильчинскаго, разъѣзжая изъ имѣнія въ имѣніе, убѣдился въ томъ несказанномъ благополучіи, въ какомъ пребывали наши достаточные помѣщики, до разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Бытъ помѣщичій былъ много разъ описанъ, и я не надѣюсь прибавить отъ себя что-нибудь новое; но меня не могло не поражать это, можно сказать, царское изобиліе, которое я видѣлъ во всемъ. Васъ обыкновенно приглашали не на нѣсколько часовъ, но на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ васъ кормятъ, забавляютъ, укладываютъ спать, пробуждаютъ и опять кормятъ и забавляютъ; довольство во всемъ безпримѣрное, прислуги бездна, экипажей и лошадей сколько угодно. У однихъ есть оркестры музыки, у другихъ хоры пѣвчихъ, у третьихъ псовыя охоты. Меня всегда и всюду называли типомъ русскаго человѣка. Понятно, что по своей натурѣ, чисто русской и значительно способной къ разгулу — я очень пришелся по вкусу туземнымъ помѣщикамъ и скоро сдѣлался закадычнымъ ихъ другомъ и пріятелемъ. Эта связь въ особенности укрѣпилась во время Коренной ярмарки, куда я, чрезъ мѣсяцъ или два, отправился по общему ихъ настоянію. Не знаю почему—но время этой ярмарки было всегда періодомъ самыхъ сильныхъ и разорительныхъ кутежей для курскихъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ старался сколотить сколько можно болѣе денегъ къ этому времени и отправлялся на ярмарку съ туго-набитыми карманами, для того, чтобъ тамъ опустошить ихъ и возвратиться домой безъ гроша. Мнѣ суждено было быть не только свидѣтелемъ этихъ явленій, но

и дѣятельнымъ участникомъ ихъ. Я самъ, снабженный для дѣловыхъ расходовъ и своихъ потребностей значительнымъ запасомъ денегъ, на ярмаркѣ вынужденъ былъ растратить ихъ совершенно и когда хотѣлъ въ кругу моихъ пріятелей сдѣлать какой-нибудь заемъ, оказалось, что и всѣ были въ такомъ же точно, какъ и я, положеніи. Цыгане въ особенности составляли разорительную статью. Съ наступленіемъ вечера, всѣ сходились къ нимъ для того, чтобъ сыпать деньгами. Кромѣ того, устраивались безпрерывно особые разорительные пиры.

Я помню, нашъ кружокъ, между прочимъ, затѣялъ дать великолѣпный обѣдъ по подпискѣ въ 100 р. ас. съ каждаго, что̀ въ то время составляло вовсе не маловажную сумму. На этотъ обѣдъ мы пригласили и губернатора, который далъ свое обѣщаніе. Разумѣется, цыгане составляли главную статью и были предметомъ многоразличныхъ соображеній. Надобно сказать, что незадолго предъ тѣмъ знаменитый хоръ знаменитаго Ильи, по какимъ-то внутреннимъ раздорамъ, распался на-двое. Лучшая часть, подъ командою извѣстнаго Ивана Васильева, отдѣлилась и составила особый и лучшій хоръ. Другая часть, руководимая Ильею, образовала другой хоръ, значительно слабѣйшій. Наши распорядители недоумѣвали, который изъ нихъ пригласить на нашъ обѣдъ. Одни находили невозможнымъ измѣнить старому другу Ильѣ, который потѣшалъ коренное общество многіе года. Другіе полагали, что существенная цѣль ихъ состоитъ въ устройствѣ хорошаго праздника, а не въ воздаяніи заслугъ чьихъ бы то ни было. Эта послѣдняя партія восторжествовала: приглашенъ былъ хоръ Ивана Васильева, а Илья долженъ былъ потерпѣть измѣну, тѣмъ болѣе для него чувствительную, что въ этотъ самый день съ нимъ случилось другое и, конечно, болѣе важное несчастіе. Утромъ онъ давалъ съ своимъ хоромъ концертъ въ зданіи ярмарки. Въ половинѣ концерта входитъ губернаторъ, которымъ тогда былъ Устимовичъ, человѣкъ кроткій и обходительный, но съ дурною репутаціею. При входѣ губернатора, рѣшительно всѣ мѣста были заняты, и онъ, не найдя мѣста, для него приготовленнаго, тотчасъ вышелъ и приказалъ объявить Ильѣ, чтобъ онъ въ тотъ же день выѣхалъ съ ярмарки. Конечно, тутъ была вина скорѣе полиціи, чѣмъ Ильи, но со стороны полицейскихъ не

было никакого разсчета оправдывать въ этомъ смыслѣ Илью, который такимъ образомъ долженъ былъ пострадать невинно и котораго всѣ сожалѣли. Наконецъ, съ наступленіемъ обѣда, все вниманіе присутствующихъ сосредоточилось на ожидаемомъ пріѣздѣ его превосходительства. Ожиданіе этого пріѣзда было чрезвычайно продолжительно и все-таки кончилось тѣмъ, что сѣли обѣдать безъ губернатора. Обѣдъ, разумѣется, былъ роскошный и веселый; вино лилось рѣкою, такъ что во второй половинѣ пошла шумная и веселая бесѣда, которую поджигали и которой акомпанировали неистовыя пѣсни цыганъ. Вдругъ, входитъ губернаторъ. Шумъ и разгулъ мгновенно стихли, и наступила не столько торжественная, сколько комическая, тишина. Каждый старался принять сколь можно серьезное выраженіе, что̀ стоило многимъ, едва-ли не каждому, большихъ усилій. Губернаторъ въ короткихъ словахъ извинился, что опоздалъ. Одинъ изъ главныхъ распорядителей нашихъ, Студзинскій, прежде незначительный уроженецъ одной изъ западныхъ губерній, а потомъ сдѣлавшійся богатымъ курскимъ помѣщикомъ, тотъ самый Студзинскій, который потомъ учредилъ и содержалъ вольныя почты на Московско-Харьковскомъ трактѣ, предпринялъ привѣтствовать губернатора рѣчью: «ваше превосходительство» — началъ онъ — позвольте... мы такъ счастливы... словъ не нахожу». Пока онъ путался въ вступительныхъ словахъ своего привѣтствія, Волжинъ устранилъ его рукою, сказавъ: «постой; ты, братъ, не умѣешь; дай я скажу». Потомъ онъ началъ: «ваше превосходительство! Мы васъ ждали; наши чувства — не сомнѣвайтесь» — и остановился. Въ эту минуту кто-то третій столкнулъ Волжина съ позиціи, сказавъ: «куда тебѣ» и едва только началъ «ваше превосходительство» — какъ губернаторъ, поставленный этою ораторскою борьбою въ самое комическое положеніе, прервалъ это положеніе словами: «Господа, я не сомнѣваюсь въ вашихъ чувствахъ и благодарю за нихъ. Будемъ продолжать обѣдъ». Крики «ура!» завершили дѣло, и обѣдъ, несмотря на неудачи нашихъ ораторовъ, которыми они сами и не думали огорчаться, пошелъ самымъ разгульнымъ и разорительнымъ образомъ, разорительнымъ потому, что Студзинскій безпрерывно производилъ съ насъ поборы въ пользу цыганъ или, лучше сказать, въ пользу одной цыганки. Въ то время особенно славилась и дѣй-

ствительно восхищала публику цыганка «Любаша». Дѣвушка эта, немножко косоглазая, имѣла въ себѣ много какого-то благородства и была симпатична въ высшей степени. Недостатокъ въ ея глазахъ не только не портилъ ее, но, напротивъ, придавалъ ей особую прелесть. Пѣла она восхитительно и приводила въ неистовый восторгъ любителей. Какъ только кончитъ она какую-нибудь пѣсню, то среди восторженной толпы, выражавшей свое восхищеніе криками, хлопаніемъ, появлялся Студзинскій и голосомъ, которымъ старался перекричать всѣхъ, возвѣщалъ: «Любашѣ по 100 р.» Волею или неволею надо было раскошеливаться, потому что спрятаться было некуда, а выказать при всѣхъ свою скупость или бѣдность равно было тяжко для самолюбія. Впрочемъ, въ эту минуту общаго одурѣнія едва-ли кто-нибудь и могъ имѣть какіе-либо разсчеты и соображенія. Съ постепеннымъ усиленіемъ общаго веселья и одушевленія явилась мысль выпросить у губернатора прощеніе Ильѣ, вытребовать его хоръ немедленно на нашъ праздникъ и слить его, если не на всегда, то на этотъ моментъ съ враждебнымъ хоромъ и наслушаться цыганскихъ пѣсенъ во всемъ ихъ великолѣпіи. Такъ и сдѣлалось. Губернаторъ не затруднился дать свое прощеніе, и наши кареты, посланныя за Ильею съ его компаніею—тотчасъ привезли его хоръ. Трудно изобразить мѣру того восторга, который объялъ всѣхъ, когда эти два хора соединились и подъ командою историческаго Ильи грянули пѣсню... Я помню, какъ у самихъ цыганъ глаза горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ. Многіе изъ цыганъ увѣряли меня, что они чувствовали невыразимую радость, видя предъ собою Илью, этого идеала всѣхъ цыганъ.

Нечего говорить, что обѣдомъ не кончился нашъ праздникъ и что обѣдъ былъ только началомъ нашего пиршества, которое могло кончиться единственно общимъ истощеніемъ силъ... Послѣ обѣда образовалось множество группъ; но самая шумная и многочисленная группа окружала прелестную «Любашу», которая, помѣстившись въ уголку съ гитарою въ рукахъ, была предметомъ общаго обожанія и общихъ просьбъ. Одинъ просилъ поцѣлуя, другой пѣсни... Она ко всѣмъ была мила и благосклонна. Я помню, что гитара ея, наполняясь золотомъ и ассигнаціями, нѣсколько разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія, подъ на-

именованіемъ «уголковыхъ», у многихъ рѣшительно опустошили карманы и долго жили въ памяти курскихъ помѣщиковъ. Что касается до «Любаши», то она великолѣпно заключила свою цыганскую карьеру, выйдя замужъ за кирасирскаго полковника не то Огарева, не то Офросимова. Спустя много лѣтъ, я видѣлъ ее въ ложѣ московскаго театра барыней, окруженной двумя или тремя дѣтьми.

Такой радушный кружокъ знакомыхъ, какой образовался у меня между курскими помѣщиками, людьми большею частію порядочными и состоятельными, не могъ не пріобрѣсти полной моей симпатіи. Когда потомъ я еще нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Ивановское, я находилъ тамъ такую же толпу друзей и пріятелей, какая у меня была и въ Петербургѣ. Приглашеніямъ не было конца, и лѣто, которое я всегда избиралъ для моихъ поѣздокъ туда, пролетало быстро и великолѣпно. Но изъ всѣхъ праздниковъ, которые задавали тамошніе бояре, наибольшее вниманіе оставили во мнѣ праздники Деменкова и особенно ежегодный храмовой праздникъ 1-го октября. Праздникъ этотъ, независимо отъ барской роскоши, которою сопровождались всѣ его части, замѣчателенъ былъ еще тѣмъ, что съ этого дня Деменковъ открывалъ свою великолѣпную охоту, для чего съѣзжались къ нему не только окрестные охотники, но и охотники сосѣднихъ губерній съ своими людьми, лошадьми и собаками. Первый день, т. е. 1-е октября, отдавался обѣду и слѣдовавшему за нимъ балу. На другой день совершалась охота. Я помню то неизъяснимое впечатлѣніе, которое производило на меня первое знакомство съ этою потѣхою, занимавшею столь видное мѣсто въ быту мирнаго благополучія нашихъ помѣщиковъ. У подъѣзда стояло множество приготовленныхъ экипажей разнаго вида, которые должны были отвезти дамъ на мѣсто дѣйствія. Съ ними же помѣщались нѣкоторые пожилые люди, которые не желали принимать въ охотѣ болѣе дѣятельнаго участія. Съ другой стороны стояли осѣдланныя лошади, приготовленныя для мужчинъ, въ такомъ числѣ, которое было бы достаточно для укомплектованія эскадрона кавалеріи. Послѣ роскошнаго завтрака, все общество разсаживалось въ экипажи и на верховыхъ лошадей, и двигалось къ избранному мѣсту. Затѣмъ двигались полки псарей, доѣзжачихъ и другихъ должностныхъ лицъ,

окруженныхъ положительно стадами собакъ, гончихъ и борзыхъ. Для меня все это составляло сплошную и безразличную массу; но потомъ я узналъ, что все это раздѣлялось на партіи, изъ которыхъ каждая принадлежала тому или другому помѣщику, и что между этими партіями существовало стародавнее соперничество. Когда прибывали на мѣсто, на избранномъ возвышеніи разстилали ковры и усаживали дамъ, а охотники, съ борзыми собаками, оцѣпляли сбереженный для этого праздника островъ. Тутъ, впервые, я узналъ, что островомъ назывался не островъ дѣйствительно, какъ его вообще понимаютъ, а болѣе или менѣе обширная котловина, заросшая кустарниками. Сберечь островъ значило не охотиться въ немъ до извѣстнаго дня, въ который и предполагалось найти тамъ болѣе обильную жатву. Когда островъ былъ оцѣпленъ, т. е. окруженъ охотниками, разставленными одинъ отъ другаго на извѣстномъ разстояніи, тогда давался знакъ «бросить гончихъ въ островъ». «Бросить гончихъ въ островъ» значило спустить ихъ со сворь, вслѣдствіе чего онѣ, какъ сумасшедшія, бросались въ котловину, поощряемыя многоразличными восклицаніями спустившихся туда въ слѣдъ за ними людей и хлопаньемъ бичей. Вскорѣ послѣ того, какъ гончія разсыпались по котловинѣ, раздавалось тявканье одной, потомъ другой, третьей, и затѣмъ вся котловина заливалась ихъ остервененнымъ лаемъ. Это значило, что гончія напали на слѣдъ звѣря и ринулись по этому слѣду, чтобъ, исполняя прямую свою обязанность, выгнать его изъ котловины и передать, для дальнѣйшихъ распоряженій, окружавшимъ ее борзымъ собакамъ. Для многихъ охотниковъ это завыванье гончихъ доставляло не только наслажденіе, но и вѣрныя свѣдѣнія о томъ: какого звѣря онѣ преслѣдуютъ и гдѣ именно этотъ звѣрь выбѣжитъ изъ котловины. Въ первый разъ я присоединился къ дамамъ, чтобы видѣть общность охоты, и страшно удивился, когда при первыхъ тявканьяхъ гончихъ, раздавшихся въ чрезвычайно отдаленномъ разстояніи, одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, старый помѣщикъ и охотникъ, утвердительно сказалъ: «гонятъ волка; онъ выбѣжитъ на насъ». И дѣйствительно, едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на опушкѣ кустарника, вблизи насъ, показалась огромная стая собакъ и впереди ея волкъ, удерживавшій ее въ почтительномъ разстояніи. Волкъ тотчасъ скрылся

въ кустарникахъ и, вѣроятно, и теперь здравствуетъ къ великому посрамленію одного изъ записныхъ охотниковъ, помѣщика А. Н Львова, милѣйшаго господина. Дѣло въ томъ, что Львовъ имѣлъ при себѣ двухъ собакъ, большихъ и длинношерстыхъ, которыхъ называлъ: «волкодавами». Когда показался волкъ, я видѣлъ, какъ Львовъ спустилъ своихъ собакъ со своры, и онѣ яростно кинулись къ промчавшейся предъ нами стаѣ; но мгновенно возвратились. Обстоятельство это, для меня, какъ неспеціалиста, совершенно непонятное, возродило страшный споръ между охотниками. Всѣ безъ исключенія смѣялись надъ волкодавами Львова и утверждали, что они дали уйти волку; Львовъ жарко защищалъ своихъ собакъ и между прочимъ объяснялъ ихъ недѣятельность тѣмъ предположеніемъ, что это, по всей вѣроятности, былъ не волкъ, а какая-нибудь собака изъ непомнящихъ родства и, что не страхъ, но единственно презрѣніе руководило его волкодавами. Впослѣдствіи я принималъ уже дѣятельное участіе въ самой охотѣ и быстро поддавался тому одурѣнію, которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыя минуты овладѣваетъ настоящими охотниками. Я садился на коня и бралъ свору борзыхъ собакъ. Меня становили на извѣстное мѣсто, и я съ трепетомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ подлѣ меня выскочитъ изъ котловины въ поле заяцъ. Сначала я спускалъ собакъ тогда, когда это было вовсе не нужно, т. е. когда заяцъ вылеталъ на отдаленномъ и недостижимомъ для моихъ собакъ разстояніи и подлежалъ попеченію другихъ охотниковъ, за что́, разумѣется, наши старшины и начальники и распекали меня порядочно. Но я скоро сталъ привыкать къ этому, въ существѣ не хитростному дѣлу, и впослѣдствіи лично былъ причиною погибели многихъ зайцевъ. Но охота въ островахъ никогда не доставляла мнѣ такого наслажденія, какъ охота въ «наѣздку», которая производилась слѣдующимъ образомъ. Избиралось обширное засѣянное поле. Съ одной стороны этого поля вся толпа охотниковъ выравнивалась съ своими собаками въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи, что́ походило на стѣну съ большими просвѣтами. Стѣна эта подвигалась медленно, и каждый охотникъ внимательно долженъ смотрѣть впередъ, чтобъ не прозѣвать зайца, спрятавшагося въ кочкахъ, что́ составляетъ употребительный способъ спасенія у этихъ звѣрковъ.

Когда кому-нибудь изъ охотниковъ удавалось заприметить зайца, укрывшагося за кочкой, онъ останавливался и кричалъ знаменитое «ату его»!» что служило для всѣхъ сигналомъ приготовленія къ травлѣ. Вотъ этотъ-то моментъ для меня и былъ особенно хорошъ. Когда всѣ люди, лошади, собаки насторожатъ уши и будутъ готовы, чтобъ неистово и мгновенно броситься на несчастную жертву, тогда одинъ изъ охотниковъ приближается къ зайцу, чтобъ спугнуть его. Одного приближенія охотника мало для этого, часто надо хлопать арапникомъ надъ самымъ зайцемъ, чтобъ заставить его разстаться съ своимъ ложемъ. Едва заяцъ выскочитъ въ поле, какъ въ тотъ же мигъ ринется за нимъ вся толпа охотниковъ и собакъ, и начнется самая безумная и самая отчаянная скачка, сопровождаемая неистовыми криками. Часто случалось, что во время этой скачки выскакивало много другихъ зайцевъ, до которыхъ дѣло вовсе не касалось, и поле усѣявалось ими. Собаки разбрасывались въ разныя стороны, за ними летѣли охотники, и все это, хоть и не имѣло блистательнаго результата, но представляло нѣчто въ родѣ хаоса, въ высшей степени оригинальнаго и увлекательнаго... Говоря объ этихъ охотахъ, я самъ сознаю, что въ глазахъ опытныхъ людей все это не что иное, какъ дѣтскій лепетъ; но я и не думаю претендовать сказать что-нибудь новое собственно по этой части; моя цѣль заключается въ томъ, чтобъ выяснить мои личныя впечатлѣнія, связанныя съ этой забавою богатыхъ владѣльцевъ, забавою, которую прогрессъ почти повсюду и совершенно уничтожилъ въ сію минуту.

Само собою разумѣется, что послѣ охоты все общество возвращалось къ хлѣбосольному хозяину, снова обѣдало, танцовало, засыпало и просыпалось, чтобъ снова ѣсть, пить и веселиться... При такихъ обычаяхъ продолжительнаго пированія гости съѣзжались съ значительными запасами домашняго скарба. Мущины имѣли при себѣ камердинеровъ со всѣми потребностями, къ которымъ они привыкли дома. Дамы привозили съ собой своихъ горничныхъ съ большимъ запасомъ гардероба, разсчитаннымъ на извѣстное число дней, которое каждый хотѣлъ тутъ провести. Людямъ женатымъ отводились особыя комнаты, приготовленныя самымъ комфортабельнымъ образомъ; холостые соединялись по два и по три въ одной

комнатѣ, снабженной также всѣмъ нужнымъ. Три дня былъ самый кратчайшій срокъ, въ теченіе котораго каждый долженъ былъ оставаться и прежде котораго весьма трудно было выбраться, разумѣется, за исключеніемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Любители жили по недѣлѣ, по двѣ, въ ожиданіи другаго праздника у другаго помѣщика, куда и переѣзжали прямо. У простаго народа образовалось особое мѣрило подобныхъ праздниковъ и именно по числу лошадей, на которыхъ пріѣхали гости. «У насъ, братъ, гости были на 600 лошадяхъ», говорилъ мужикъ своему пріятелю изъ другаго имѣнія. «А у насъ лѣтомъ на Вознесеніе была безъ малаго цѣлая тысяча», отвѣчаетъ тотъ съ чувствомъ превосходства...

Весьма естественно, что, пируя на другихъ праздникахъ, я долженъ былъ дѣлать и свои праздники. Марьино представляло къ тому обильнѣйшія средства. Нѣтъ такой затѣи, которой нельзя было бы тамъ исполнить. Поэтическая мѣстность, роскошнѣйшее помѣщеніе, богатство матеріальныхъ средствъ всякаго рода, искусство мастеровыхъ по всѣмъ отраслямъ — все это вмѣстѣ представляло обширное поле для самой затѣйливой фантазіи. Приведу изъ моихъ воспоминаній описаніе одного праздника, который я устроилъ однажды, 25-го іюля, въ день именинъ моей молодой жены. Приготовленія къ этому празднику производились по крайней мѣрѣ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ столяры, обойщики, маляры и почти всѣ спеціалисты не имѣли покоя. Всевозможные матеріальные склады, хранившіеся въ обширныхъ кладовыхъ Марьина, были перерыты, и изъ нихъ извлечено все, что̀ могло идти въ дѣло по сдѣланной для праздника программѣ. Разумѣется, всѣ эти приготовленія покрыты были всевозможною таинственностью. День начался поднесеніемъ мною виновницѣ праздника роскошнаго букета, какой только въ богатыхъ оранжереяхъ Марьина могъ быть составленъ; въ листьяхъ этого букета заключены были разныя ассигнаціи на довольно солидную сумму, которыя, сливаясь съ цвѣтами, вовсе не были замѣтны и открыты были совершенно неожиданно. Потомъ, взявъ жену подъ руку, я вывелъ ее на балконъ, предъ которымъ разстилалось обширное озеро. На озерѣ этомъ расположена была вся Марьинская флотилія, украшенная множе-

ствомъ флаговъ, имѣя на своихъ мачтахъ сдѣланные изъ живыхъ цвѣтовъ огромные вензеля именинницы. Когда, вслѣдъ затѣмъ, надо было ѣхать въ церковь, къ подъѣзду подана была прелестная линейка, извлеченная мною изъ хлама и тщательно возобновленная. Послѣ обѣдни, заключенной торжественнымъ молебномъ, я предложилъ женѣ и нѣкоторымъ гостямъ, съѣхавшимся еще наканунѣ, сдѣлать прогулку въ экипажахъ по парку—гдѣ въ различныхъ мѣстахъ устроено было множество затѣй, которыя исчислять считаю лишнимъ и не вполнѣ соотвѣтственнымъ естественному чувству скромности. Въ одномъ изъ роскошныхъ цвѣтниковъ, покрытомъ особо-устроенною палаткою, приготовленъ былъ завтракъ. Къ обѣду съѣхалось множество приглашенныхъ и неприглашенныхъ. Нечего говорить, что обѣдъ былъ роскошный, ибо это не можетъ подлежать и сомнѣнію по количеству и искусству поваровъ, находившихся въ Марьинѣ и дѣйствовавшихъ нѣкогда при устройствѣ пировъ самого князя. Тосты сопровождались пушечною пальбою, которая производилась до такой степени своевременно, что приводила всѣхъ присутствующихъ въ рѣшительное недоумѣніе. Стоило только кому-нибудь провозгласить тостъ, какъ въ ту же минуту раздавался залпъ, хотя мы обѣдали во внутреннихъ комнатахъ и никакой бѣготни, обнаруживающей переговоры съ артиллеріей, не было. Все это дѣлалось посредствомъ условныхъ знаковъ людей, находившихся въ комнатахъ, съ людьми, находившимися въ паркѣ при пушкахъ. Послѣ обѣда всѣ были приглашены сдѣлать прогулку въ экипажахъ, для того приготовленныхъ. Во время этой прогулки всѣ были поражаемы безчисленными сюрпризами. Но самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ было устройство великолѣпнаго павильона въ такомъ мѣстѣ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать. Павильонъ этотъ казался волшебнымъ. Почти все сукно, какое находилось на фабрикѣ, употреблено было на самую фантастическую драпировку, въ которой цвѣтные вензеля именинницы походили на звѣзды на темномъ небѣ. Казалось, все богатство Марьинскихъ оранжерей перенесено туда: такъ много было деревъ и цвѣтовъ. Меблированъ былъ этотъ павильонъ самымъ изящнымъ образомъ. Полъ былъ устланъ коврами. Посреди павильона стоялъ столъ, обремененный всевозможными фруктами, прохлади-

тельными питьями и всѣми принадлежностями къ чаю. Устройство этого павильона было предметомъ особенныхъ моихъ заботъ, которыя и не пропали даромъ, ибо павильонъ, своимъ изяществомъ и великолѣпіемъ, восхитилъ всѣхъ присутствующихъ. При наступленіи сумерекъ опять всѣ помѣстились въ экипажи и направились въ Марьино. Когда прибыли туда, экипажи подъѣхали прямо въ пристани, устроенной на пруду, подлѣ которой стояли всѣ суда, изящно иллюминованныя и также устланныя коврами. Суда, принявъ всѣхъ посѣтителей, отчалили; гребцы грянули пѣсню, а пушки, помѣщенныя на судахъ, открыли пальбу. Прогулка эта, на сильно освѣщенныхъ судахъ, когда весь паркъ покрытъ былъ темнотою ночи—по справедливости могла быть названа поэтическою. Когда гости вышли на берегъ и вступили въ комнаты, паркъ освѣтился множествомъ огней, а предъ самыми окнами, гдѣ помѣщались всѣ, засіялъ великолѣпный щитъ съ вензелемъ именинницы. Вечеръ проведенъ былъ въ различныхъ удовольствіяхъ: одни танцовали, другіе играли въ карты или на бильярдѣ, третьи гуляли въ паркѣ, наполненномъ толпами бабъ и мужиковъ, и оглашаемомъ ихъ звонкими пѣснями. Роскошный ужинъ заключилъ этотъ праздникъ, о которомъ много потомъ говорили и много вспоминали...

Не должно, однакоже, думать, что во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ туземнымъ міромъ я имѣлъ въ виду одну собственно веселую сторону. Напротивъ, тутъ была весьма серьезная и дѣловая сторона. Совершенно неопытный ни въ сельскомъ быту вообще, ни въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами мѣстной администраціи—я долженъ былъ искать сильныхъ связей, которыя бы подкрѣпляли меня и восполняли мою неопытность. Я видѣлъ, какъ на всѣхъ этихъ праздникахъ судьи, исправники, становые и другіе должностные люди имѣли замѣтную роль и какъ эти тароватые владѣльцы заигрывали съ ними и старались держаться съ ними на самой короткой и пріятельской ногѣ. Я знаю самыя невѣроятныя дѣла, которыя совершались этими господами. Я видѣлъ, какъ становой приказывалъ сотскому согнать извѣстное число дворянъ и поручалъ этимъ дворянамъ подписывать такія показанія, какія ему были нужны; я видѣлъ этихъ дворянъ, въ зипунахъ и съ бородами, но тѣмъ не менѣе, именно по своей бѣдности и невѣже-

ству, составлявшихъ страшную силу исправниковъ и становыхъ, однимъ словомъ, я видѣлъ страшное могущество этихъ господъ, и потому, во слѣдъ другимъ, находилъ выгоднымъ брататься съ ними. Я тутъ же могъ бы привести тысячи примѣровъ и доказательствъ, что мой разсчетъ былъ вѣренъ; но это завлекло бы меня такъ далеко впередъ, что мнѣ было бы еще труднѣе, чѣмъ теперь, возвратиться назадъ и возстановить сколько-нибудь послѣдовательность въ моихъ разсказахъ. Здѣсь замѣчу только, что одни укоры, которыми осыпали этихъ господъ, при всей ихъ справедливости, никогда не могли приносить существенной пользы. У насъ на Кавказѣ существовало такое убѣжденіе, что если переселить туземныхъ горцевъ на плоскость, они скоро сдѣлаются мирными, и наоборотъ, если водворить крестьянъ какой-нибудь Тамбовской губерніи въ горахъ, они обратятся въ хищниковъ и разбойниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что условія, въ которыхъ совершается дѣятельность каждаго человѣка, имѣютъ огромное вліяніе па свойство этой дѣятельности. Сфера, въ которой дѣйствуютъ или, по крайней мѣрѣ, въ мое время дѣйствовали всѣ эти исправники и становые, была сама виновата въ томъ, что эти господа дѣлали все, что́ хотѣли. Праздность, лѣнь, незнакомство съ дѣломъ, которымъ отличались большею частью наши помѣщики, открывали полный просторъ произволу полицейскихъ чиновниковъ. Можно ли представить взяточника среди людей честныхъ, дѣловыхъ и развитыхъ? Но наши помѣщики, если и были честны, то ужь нисколько не были дѣловиты. Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Вячеславъ Стремоуховъ, старый гвардеецъ и милѣйшій господинъ, былъ избранъ однажды попечителемъ сельскихъ магазиновъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Должность вовсе не головоломная. Тѣмъ не менѣе, онъ скоро былъ смѣненъ за неумѣнье исполнить и эту должность. Относя это къ интригамъ, направленнымъ противъ него, онъ говорилъ мнѣ, что съ трудомъ развязался съ этимъ мѣстомъ. «Вообразите», говорилъ Стремоуховъ самымъ искреннимъ образомъ, «когда новый попечитель сталъ требовать сдачи дѣлъ, я и отдалъ ему всѣ дѣла, какія самъ принялъ, вмѣстѣ съ описью».—«Не всѣ»—говоритъ. Я говорю: «какъ не всѣ? у меня больше нѣтъ» Стали повѣрять, представьте: оказалось одно дѣло лишнее, а онъ говоритъ— «не всѣ!»

Конечно, такой оригинальный взглядъ, быть можетъ, составлялъ исключеніе, тѣмъ болѣе невозможное въ настоящее время, когда переворотъ крестьянскаго дѣла и мировыя учрежденія вызываютъ среди тѣхъ же владѣльцевъ отличныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Но въ то время, я говорю по опыту, всѣ или боялись дѣла, или не понимали его, или, наконецъ, не хотѣли тревожить свою барскую лѣнь и потому давали полный просторъ исправникамъ, становымъ и пр., выплачивая имъ постоянные оклады деньгами, хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями. По имѣнію князей Барятинскихъ, также существовали оклады, и къ извѣстнымъ праздникамъ экономія отправляла возы съ пшеницей, овсомъ, крупой и т. п., назначенные въ приношеніе. Говоря о моихъ поѣздкахъ въ имѣніе князей Барятинскихъ, я считаю нелишнимъ упомянуть слѣдующее обстоятельство.

Однажды, на переѣздѣ въ это имѣніе, мы съ женой пріѣхали въ Курскъ и остановились въ лучшей гостиницѣ. Изъ сосѣдняго номера до насъ доходили звуки скрипки и шумъ танцевъ. Когда мы спросили: кто занимаетъ этотъ номеръ? намъ отвѣчали: «Богдановъ съ дѣтьми изъ Москвы!» Мы оставались въ Курскѣ нѣсколько дней и каждый вечеръ проводили у кого-нибудь изъ тамошнихъ нашихъ знакомыхъ. Почти на всѣхъ этихъ вечерахъ постоянно присутствовалъ Богдановъ съ дѣтьми, приглашенный за самую дешевую цѣну, чуть ли не по пяти рублей ассигн. за вечеръ. Сынъ игралъ на скрипкѣ, а папаша выплясывалъ съ дочерью мóдную тогда польку. Дочь эта была тогда дѣвочкой лѣтъ 14-ти и, конечно, ни ей самой, а тѣмъ менѣе курскимъ господамъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на бѣдную фиглярку, и въ голову не приходило, что впослѣдствіи эта дѣвочка будетъ знаменитой танцовщицей и наполнитъ міръ своей славой...

ГЛАВА IX.

Предварительныя мѣры по выдѣлу князя Анатолія.—Трудная задача взять свидѣтельство на 8 тыс. душъ.—Ужасъ, наводимый въ дѣлахъ этого рода гражданскою палатою на мѣстныхъ помѣщиковъ.—Злокачественныя продѣлки этого милаго учрежденія.—Законъ и его исполненіе.—Опять могущество мѣстныхъ чиновниковъ.—Сосѣди дворяне, сгоняемые сотскимъ.—Драбовское имѣніе графа Завадовскаго въ Полтавской губерніи,

Сознаю, что мнѣ давно пора возвратиться назадъ и съ проселочныхъ дорогъ, по которымъ я такъ долго блуждалъ, выбраться на главную... Во время перваго пребыванія моего въ Ивановскомъ я велъ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ самую дѣятельную переписку, которая съ его стороны имѣла предметомъ постоянное усиленное требованіе денегъ, а съ моей стороны—изложеніе моей хозяйственной дѣятельности. Въ маѣ 1843 года, прежде нежели я успѣлъ привести къ окончанію предназначенные мною законодательные труды, которыми я хотѣлъ привести въ систему и упрочить хозяйственныя и административныя начала по внутреннему устройству и управленію имѣніемъ — я получилъ отъ князя письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: «я перемѣнилъ намѣреніе отдать Херсонское имѣніе князю Анатолію Ивановичу; устройство сего удѣла возьметъ много времени, а выдѣлъ брата не терпитъ никакого отлагательства. Я рѣшился на покупку имѣнія, которое соотвѣтствуетъ моимъ и его видамъ, и для сего предмета посылаю вамъ довѣренность на исходатайствованіе свидѣтельства на залогъ 8 т. душъ, которое прошу какъ можно скорѣе мнѣ препроводить. Вамъ, я надѣюсь, поможетъ въ этомъ курскій губернаторъ, къ которому прилагаю письмо. Что касается до Анатоліевскаго имѣнія, то князь Викторъ Ивановичъ проситъ меня ему уступить его»... Само собою разумѣется, что на этомъ порученіи я долженъ былъ сосредоточить всѣ мои заботы и старанія. Ознакомившись со всѣми узаконеніями по части свидѣтельствъ, заключающимися въ сводѣ законовъ, и взявъ съ собою одного изъ такъ называемыхъ экономическихъ повѣренныхъ, наиболѣе опытнаго въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами,—я

въ тотъ же день отправился въ Курскъ, отстоящій отъ Ивановскаго въ 100 верстахъ. Дорога лежала чрезъ имѣнія Волжина, льговскаго предводителя, и я не могъ не заѣхать къ нему. По обыкновенію, я нашелъ у него толпу гостей. Когда я объявилъ имъ: куда и зачѣмъ ѣду, на меня посыпались со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и самыя зловѣщія предсказанія. Они утверждали, что изъ всѣхъ дѣлъ, которыя ставятъ помѣщиковъ въ сношенія съ мѣстной администраціей, нѣтъ ужаснѣе и разорительнѣе взятія свидѣтельствъ. Они утверждали, что взятка по рублю съ души—есть самая обычная и умѣренная взятка, которую надо дать; что годовой срокъ есть обычный и умѣренный срокъ, въ теченіе котораго можно наконецъ получить въ руки свидѣтельство. На мое замѣчаніе объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору, къ которому я имѣлъ письмо отъ князя Барятинскаго, и къ предсѣдателю гражданской палаты, котораго я встрѣчалъ постоянно на всѣхъ дворянскихъ пирахъ, гдѣ съ нимъ и познакомился—они утверждали, что губернаторъ слабъ и, будучи самъ не безупреченъ, не требуетъ и не можетъ требовать чистоты отъ другихъ, а предсѣдатель, несмотря на то, что общій пріятель, есть первый живодеръ въ губерніи. Предвѣщанія эти хотя и не могли произвести на меня благопріятнаго впечатлѣнія, но все-таки казались мнѣ чрезъ-чуръ преувеличенными. Увы! по пріѣздѣ моемъ въ Курскъ, я скоро убѣдился, что въ нихъ много справедливаго. Губернаторъ и предсѣдатель приняли меня отлично, вѣжливо, изъявили готовность сдѣлать все къ полному моему удовольствію и дали соотвѣтственныя приказанія подчиненнымъ. Но когда я обратился къ этимъ подчиненнымъ—меня буквально обдало холодомъ. Я мгновенно убѣдился въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что дѣло совершенно въ ихъ рукахъ, и во-вторыхъ, что тутъ безъ денегъ ничего не сдѣлаешь, несмотря ни на какія отношенія, ни даже на мои петербургскія манеры. Я не имѣлъ ни охоты, ни умѣнья спуститься въ это грязное болото и, предоставивъ моему довѣренному заключать тамъ всевозможные торги, условія и сдѣлки—оставилъ за собою, такъ сказать, высшее покровительство и право утвержденія. Когда сдѣлки были заключены, задатки даны—дѣло закипѣло, и тотчасъ были посланы вопросы едва-ли не во всѣ концы земнаго

шара. Намъ вручили кучу бумагъ съ такими же вопросами уѣзднымъ мѣстамъ и лицамъ.

Здѣсь я не могу не провести, руководствуясь опытомъ, параллели между закономъ и его исполненіемъ. Законъ требуетъ, чтобы при выдачѣ свидѣтельства обнаружено было положительно — въ чемъ именно состоитъ имѣніе, на которое испрашивается это свидѣтельство; для этого требуется удостовѣреніе сосѣднихъ помѣщиковъ, какъ лучшее обезпеченіе дѣйствительности дѣла. Это самая главная и существенная часть процесса, и объ ней-то именно я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Другія части—какъ напр. собраніе свѣдѣній о долгахъ, казенныхъ недоимкахъ, тяжбахъ — не представляютъ особеннаго интереса, за исключеніемъ того, что всѣ отвѣты на сдѣланные въ этомъ отношеніи вопросы должны быть непремѣнно оплачиваемы, иначе они не будутъ сдѣланы до втораго пришествія. Изслѣдованіе: въ чемъ именно состоитъ имѣніе, и собраніе всѣхъ относящихся сюда свѣдѣній и удостовѣреній возложено было на исправниковъ, а отъ нихъ, разумѣется, перешло къ становымъ. По разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ и особенно для того, чтобы не препятствовать переселенію курскихъ крестьянъ въ Херсонское имѣніе, я нашелъ полезнымъ, не закладывая селеній и деревень въ полномъ ихъ составѣ, подвергнуть изъ каждаго селенія или каждой деревни залогу извѣстную часть крестьянъ, а другую оставить свободною. Такимъ образомъ пришлось брать свидѣтельство на селенія и деревни, расположенныя въ трехъ уѣздахъ: Льговскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ, и, слѣдовательно, попасть въ лапы тремъ исправникамъ и цѣлой толпѣ становыхъ. Тутъ-то я и убѣдился, съ одной стороны—въ вѣрности разсчета, по которому я сдѣлался пріятелемъ всѣхъ этихъ господъ, а съ другой—въ страшномъ ихъ могуществѣ. Въ два уѣзда: Льговскій и Путивльскій я послалъ моихъ экономическихъ повѣренныхъ съ любезными письмами, къ кому слѣдовало, а въ Рыльскомъ, изъ котораго закладывалась наибольшая часть крестьянъ, самъ наблюдалъ за ходомъ этого дѣла. Ходъ этотъ начался съ того, что сама экономія составила подробное и, разумѣется, сколько можно блестящее описаніе закладываемаго имѣнія и показывала количество земли, угодій, хозяйственныхъ заведеній не столько, сколько было въ дѣй-

ствительности, но сколько было нужно для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ закона. Можно было полагать, что для удостовѣренія этого описанія нужно было обращаться съ просьбами къ дѣйствительнымъ и состоятельнымъ окрестнымъ помѣщикамъ. Ничуть не бывало. Становой призналъ это совершенно ненужнымъ и при мнѣ далъ сотскому приказъ, чтобы на другой день собрано было извѣстное число дворянъ. Я страшно удивился и не понималъ, въ чемъ дѣло. На слѣдующее утро, когда я вышелъ къ своимъ бурмистрамъ и крестьянамъ, я замѣтилъ между ними нѣсколько крестьянъ, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ. На мой вопросъ: кто они и что́ имъ надо?— они отвѣчали, что они дворяне и пришли по требованію становаго. Когда становой вышелъ вслѣдъ за мной, они, стоя безъ шапокъ, выслушали его приказаніе и затѣмъ удостовѣрили, своими безобразными подписями, правительство, что у ихъ сосѣда князя Барятинскаго дѣйствительно все то есть, что̀ въ описаніи изложено. Этимъ добрымъ сосѣдямъ поднесено по чаркѣ водки и отпустили ихъ, а подписанная ими бумага, которой они не читали и быть можетъ не въ состояніи были бы прочесть, при соединенныхъ усиліяхъ въ теченіе цѣлой недѣли, сдѣлалась актомъ, обезпечивающимъ милліонную ссуду. Такъ было и по другимъ уѣздамъ.

Чтобы объяснить, какую силу находили полицейскіе чины въ этихъ дворянахъ и вообще въ такъ называемыхъ окрестныхъ жителяхъ—приведу слѣдующій фактъ. По сосѣдству съ имѣніемъ Барятинскихъ водворился гдѣ-то въ Путивльскомъ уѣздѣ какой-то выгнанный землемѣръ Вишневскій и скоро стяжалъ громадную славу своимъ сутяжничествомъ. Много ходило разсказовъ о томъ, какъ онъ у того оттягалъ покосы, у этого—лѣсъ, а у этого и все имѣніе. Большая и могущественная экономія Барятинскихъ равнодушно выслушивала эти разсказы и съ презрѣніемъ смотрѣла на ничтожнаго сутягу. Этотъ ничтожный сутяга подалъ однажды въ Путивльскій земскій судъ жалобу на то, что крестьяне Барятинскихъ запахали у него полдесятины. Экономія не обратила на эту придирку никакого вниманія. Между тѣмъ для разрѣшенія спорнаго вопроса потребованы отъ нея планы. Плановъ не оказалось, что́ вѣроятно и пронюхалъ Вишневскій. Земскому суду оставалось поручить одному изъ становыхъ разрѣшить вопросъ на основаніи

*

показаній окрестныхъ жителей. Вишневскому того только и нужно было. Когда становой пріѣхалъ на мѣсто и собраны были толпы окрестныхъ жителей—началось всеобщее и страшное пьянство, разумѣется, на счетъ Вишневскаго. Пьяному народу давали подписывать, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, все, что хотѣли. Кончилось тѣмъ, что на основаніи этихъ пресловутыхъ показаній окрестныхъ жителей—пьяный становой отдалъ Вишневскому не полдесятины только, которыхъ тотъ первоначально требовалъ, а всю дачу, къ которой эта полудесятина принадлежала и которая заключала въ себѣ отъ 2 до 3 тыс. десятинъ. Тогда только Векротъ увидѣлъ, что это дѣло вовсе не шуточное, и началъ дѣйствовать; но дѣйствія его не могли уже уничтожить злохитростной продѣлки Вишневскаго. Разумѣется, по ходатайству экономіи, земскій судъ уничтожилъ беззаконное распоряженіе своего становаго, осыпавъ его выговорами и замѣчаніями; но Вишневскій перенесъ дѣло въ уѣздный судъ, гдѣ и выигралъ его. Экономія жаловалась гражданской палатѣ, которая рѣшила снова въ пользу Барятинскихъ. Вишневскій, сѣвъ въ допотопную одноколку и одѣвшись нищимъ, поѣхалъ въ Москву и принесъ сенату жалобу, что онъ разоренъ Барятинскимъ, въ чемъ увѣрялъ и сенаторовъ, обивая у нихъ пороги. Въ этомъ положеніи дѣло перешло на мое попеченіе, и я долженъ былъ употребить и много хлопотъ, и много расходовъ, чтобъ затушить его и отбиться отъ этого крючкотворца. Впрочемъ, это не единственный примѣръ. Въ то время эти примѣры были и въ другихъ губерніяхъ. Какой-нибудь выгнанный изъ службы сутяга покупалъ гдѣ-нибудь нѣсколько десятинъ и, водворяясь на нихъ, какъ гнусный паукъ, раскидывалъ сѣти, въ которыхъ онъ и запутывалъ неопытныхъ сосѣдей. При отсутствіи всякихъ дѣловыхъ знаній въ средѣ сельскихъ владѣльцевъ, при темнотѣ межевыхъ узаконеній и, наконецъ, при неясности поземельныхъ владѣній — подобный промыселъ былъ въ то время весьма выгоднымъ. Къ счастію, прогрессъ и усилія правительства по части внутренняго размежеванія помѣщичьихъ дачъ— сдѣлали этотъ промыселъ въ нынѣшнее время почти невозможнымъ.

Когда собраны были отъ всѣхъ земскихъ судовъ всѣ необходимыя бумаги, я отправился снова въ Курскъ и получилъ свидѣтельство на 8 тыс. душъ, которое и отправилъ въ Петербургъ князю

Александру Ивановичу. Итогъ всѣхъ расходовъ, употребленныхъ по этому дѣлу, разумѣется, я публиковалъ, конечно, не печатно, во всеобщее свѣдѣніе, и онъ удивлялъ всѣхъ своею небывалою умѣренностью. Послѣдовавшая же затѣмъ сенаторская ревизія Курской губерніи поставила самымъ невыгоднымъ для репутаціи тамошнихъ мѣстъ примѣромъ то обстоятельство, что когда всѣ другія, менѣе значительныя дѣла о выдачѣ свидѣтельствъ тянулись нескончаемое время, князю Барятинскому выдано свидѣтельство на 8 тыс. душъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Опытные люди мнѣ говорили, что выдача свидѣтельствъ составляетъ самую доходную статью для всѣхъ мѣстъ и особенно для гражданской палаты, которая даже имѣетъ рецептъ, по которому никогда не выдаетъ свидѣтельствъ, если не получитъ установленной взятки. Рецептъ этотъ слѣдующаго содержанія: по вашей просьбѣ о выдачѣ вамъ свидѣтельства гражданская палата дѣлаетъ множество вопросовъ о тяжбахъ и недоимкахъ по вашему имѣнію. Естественно, что всѣ отвѣты на эти вопросы никакъ не могутъ придти въ одинъ моментъ и вдругъ. Такимъ образомъ, получивъ напр. отзывъ отъ уѣзднаго суда, что никакихъ тяжбъ нѣтъ, она принимаетъ этотъ отзывъ къ дѣлу и ожидаетъ другихъ отзывовъ. По прошествіи нѣкотораго времени, она получаетъ и эти отзывы. Казалось бы, дѣло кончено — ничуть не бывало. Она спрашиваетъ уѣздный судъ: не возникло ли въ этотъ промежутокъ какихъ-либо тяжбъ? Уѣздный судъ снова отвѣчаетъ: нѣтъ! Тогда палата спрашиваетъ казенную палату: не накопилось ли во время сношеній съ уѣзднымъ судомъ какой-либо недоимки и этими очередными вопросами затягиваетъ дѣло до безконечности, пока проситель, выведенный изъ терпѣнія, не покорится силѣ обстоятельствъ и не внесетъ установленнаго сбора...

Вскорѣ послѣ отправленія свидѣтельства въ Петербургъ, я получилъ отъ князя Александра Ивановича въ іюнѣ 1843 года слѣдующее письмо: «на возвратномъ пути прошу васъ заѣхать Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ село Драбово графа Завадовскаго; управляющему онаго вы скажете, что пріѣхали по инструкціи князя Льва Викторовича Кочубея осмотрѣть имѣніе. Вы успѣете, хотя мелькомъ, взглянуть на все и узнать приблизительно количество десятинъ. Я жду васъ здѣсь со всѣми подроб-

ностями, относящимися до этого имѣнія, для окончанія покупки его для брата моего, князя Анатолія Ивановича».

Я скоро собрался въ путь и, взявъ съ собою знатока хозяйственныхъ дѣлъ изъ своихъ людей, получившаго прочное агрономическое образованіе въ Московской школѣ сельскаго хозяйства — отправился въ Драбово. Считаю лишнимъ приводить здѣсь описаніе этого имѣнія. Въ Полтавской губерніи оно пользовалось едва-ли не такою же извѣстностью, какъ Ивановское имѣніе князей Барятинскихъ въ Курской губерніи и было достойнымъ соперникомъ знаменитаго Диканьскаго имѣнія князей Кочубеевъ, въ той же Полтавской губерніи. Не говоря уже о великолѣпномъ барскомъ дворцѣ и другихъ роскошныхъ устройствахъ—имѣніе это славилось въ особенности извѣстнымъ конскимъ заводомъ, когда-то снабжавшимъ тяжелую гвардейскую кавалерію лучшими лошадьми. Равнымъ образомъ, нахожу мало интереснымъ излагать хозяйственныя мои соображенія по вопросу о покупкѣ этого имѣнія для князя Анатолія. Результатъ этихъ соображеній былъ тотъ, что сколько по хозяйственнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось имѣніе, столько же и по финансовымъ условіямъ, въ которыхъ находился князь Анатолій, я нашелъ покупку всего Драбовскаго имѣнія не только невыгодною, но и невозможною, а признавалъ полезнымъ пріобрѣсть только половину этого имѣнія, разумѣется, лучшую. Съ этимъ планомъ я отправился въ Петербургъ. Проѣзжая чрезъ Москву, я долженъ былъ видѣться по разнымъ дѣламъ съ нашимъ банкиромъ Чумагою. Мнѣ сказали, что онъ живетъ на дачѣ, въ Останкинѣ. Я отправился туда и отыскалъ его домъ, но тамъ мнѣ объявили, что онъ въ паркѣ. При входѣ въ паркъ, я скоро увидалъ его въ сопровожденіи двухъ дамъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, чрезвычайно красивыхъ и эффектныхъ. Въ этихъ двухъ дамахъ я узналъ мать и старшую дочь, которыхъ я видѣлъ у Чумаги на обѣдѣ при первомъ моемъ проѣздѣ чрезъ Москву. Впечатлѣніе, тогда произведенное на меня дочерью, страшно усилилось, и въ моей головѣ впервые мелькнула мысль о томъ: нельзя ли эту стройную и красивую дѣвушку обратить въ мою жену?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1841 — 1854).

ГЛАВА IV [1]).

Поступленіе въ университетъ.—Представленіе попечителю.—Инспекторъ Зоммеръ.—Шпіонство.—Профессоръ Аристовъ.—Другіе профессора.

Въ 1849 году, по окончаніи курса въ 1-й гимназіи, я поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Всѣмъ поступавшимъ на медицинскій факультетъ было сдѣлано повѣрочное испытаніе изъ латинскаго языка. Это испытаніе производилъ профессоръ римской и греческой словесности Фотеръ, извѣстный въ свое время лингвистъ. Большинство экзаменующихся у Фотера получили по тройкѣ. Баллъ этотъ признавался тогда недостаточнымъ для поступленія на медицинскій факультетъ.

По окончаніи экзаменовъ, насъ собрали всѣхъ въ актовомъ залѣ университета. Явился ректоръ университета, Симоновъ, и прочиталъ списокъ принятыхъ на медицинскій факультетъ «условно», а именно съ тѣмъ, чтобы эти условно-принятые при переходѣ изъ 1-го во 2-й курсъ сдали экзаменъ изъ латинскаго языка у профессора Фотера, причемъ они должны получить отмѣтку не менѣе

---

1) См. „Русск. Старину“, февраль 1894 г.

четырехъ. «Таково постановленіе совѣта университета», добавилъ Симоновъ.

Итакъ я и многіе другіе были приняты въ число студентовъ «условно». Намъ было приказано надѣть студенческую форму и приготовиться къ представленію попечителю округа.

Ректоромъ университета въ то время, какъ уже замѣчено выше, былъ Симоновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и профессоръ астрономіи. Попечителемъ округа былъ генералъ-маіоръ Молоствовъ.

Симонову, какъ профессору астрономіи, сколько мнѣ извѣстно, университетская обсерваторія обязана пріобрѣтеніемъ очень хорошаго и цѣннаго рефрактора, которое совершилось во время его заграничнаго путешествія съ ученою цѣлію. Больше ничего не могу сказать о немъ, такъ какъ отношенія ректора къ медицинскому факультету, въ то время, были весьма отдаленными, хотя долженъ замѣтить, что ректоръ Симоновъ не обладалъ для подобной должности административнымъ тактомъ. Ближайшимъ начальникомъ студентовъ былъ инспекторъ Василій Ивановичъ Ланге. Это былъ человѣкъ строптивый, недовѣрчивый, придирчивый, формалистъ, никогда не желавшій для студентовъ ничего хорошаго, всегда радовавшійся ихъ неудачамъ, смотрѣвшій на каждый ничтожный проступокъ, въ родѣ отступленія отъ формы, какъ на государственное преступленіе, неограниченно пользовавшійся своими правами, какъ имѣвшій большое довѣріе и большія полномочія отъ попечителя Молоствова; старавшійся, наконецъ, ввести въ университетѣ военную дисциплину и выправку, и ради этого постоянно преслѣдовавшій студентовъ. Вслѣдствіе этого, Ланге въ высшей степени былъ непопуляренъ между студентами и даже былъ ими ненавидимъ. Права университетскаго начальства въ то время были очень обширны. Политическія волненія того времени въ Западной Европѣ отразились неблагопріятно на университеты: число студентовъ въ Казанскомъ университетѣ, исключая медицинскаго факультета, было ограничено 300, былъ введенъ строгій надзоръ за студентами и почти военная дисциплина. Все это было съ руки человѣку съ такимъ безпокойнымъ и недоброжелательнымъ воззрѣніемъ, каковъ былъ тогдашній инспекторъ Ланге. Преслѣдованія

студентовъ за несоблюденіе формы, за длинные волосы, за неотданіе чести и т. п., были обычными: частыя заключенія въ карцеръ на хлѣбѣ и водѣ и даже удаленіе изъ университета за частое повтореніе, «упрямство и упорство (какъ выражался Ланге) въ выполненіи предписаній и распоряженій начальства», были въ то время явленіями весьма частыми и сильно раздражали студентовъ.

Инспекторъ имѣлъ нѣсколько помощниковъ, но, такъ какъ онъ любилъ во все вмѣшиваться самъ, то помощники были личностями безотвѣтными, во всемъ зависѣвшими отъ инспектора, и волей-неволей должны были проводить и поддерживать принципы инспектора.

Слѣдуетъ, однако, сказать къ чести помощниковъ, что всѣ они, съ рѣдкими исключеніями, были люди порядочные и гуманные, между ними назову Иванова, Львова, Холмогорова. Помощникъ Зоммеръ, какъ исключеніе, былъ придирчивъ, старался поддѣлываться къ инспектору и преслѣдовалъ студентовъ, но, будучи отъ природы трусливаго характера, дѣйствовалъ скрытно, и нельзя умолчать, что нерѣдко разставлялъ студентамъ, подъ видомъ хорошихъ съ ними отношеній, такія сѣти, которыя не только могли соперничать съ іезуитскими, но и превосходили послѣднія. Поэтому, когда студенты хорошо узнали Зоммера, стали его ненавидѣть, а онъ имъ отплачивалъ, за питаемую къ нему ненависть, всевозможными преслѣдованіями; но въ мое время чаша терпѣнія студентовъ не переливалась еще черезъ край.

Не довѣряя своимъ помощникамъ, исключая Зоммера, Ланге нашелъ еще одинъ путь для преслѣдованія студентовъ. При канцеляріи инспектора студентовъ находился служитель для посылокъ, изъ отставныхъ солдатъ, Дементьевъ. Вотъ этотъ-то человѣкъ и былъ избранъ Василіемъ Ивановичемъ Ланге, какъ главное довѣренное лицо для надзора за студентами. Дементьевъ подсылался для тайнаго подглядыванія за студентами и въ казенное помѣщеніе, гдѣ жили казеннокоштные студенты, и на частныя квартиры своекоштныхъ. Онъ сближался съ прислугой, окружавшей студентовъ, вывѣдывалъ, сколько и откуда студентъ получаетъ денегъ, какъ проводитъ время, кто у него бываетъ, не пьетъ ли водки, не ходитъ ли играть на бильярдѣ, не приходятъ ли къ

студенту женщины, и какія именно, всегда ли ночуетъ дома и пр. Все это Дементьевъ передавалъ инспектору на утренней ежедневной аудіенціи. Заручась довѣріемъ инспектора, Дементьевъ, какъ шефъ университетской тайной полиціи, сдѣлался необходимъ для В. И. Ланге, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ его и игралъ большую роль. Студенты чувствовали на себѣ гнетъ Дементьева, а потому побаивались его и относились къ нему съ особымъ уваженіемъ, зная, что дурно будетъ, если прогнѣвятъ Дементьева. Послѣдній, разумѣется, не упускалъ случая пользоваться своимъ положеніемъ: щедрыя подачи «на чай» или за поздравленія съ праздниками и т. д., говорятъ, дали Дементьеву возможность обзавестись порядочнымъ капитальцемъ.

Когда я былъ принятъ въ университетъ, то изъ инспекторской канцеляріи было сдѣлано распоряженіе, чтобы 29-го августа въ 12 часовъ дня, всѣ вновь принятые студенты собрались въ актовомъ залѣ, въ полной формѣ, для представленія попечителю округа, генералу Владиміру Порфирьевичу Молоствову. Повѣстку объ этомъ разносилъ самъ Дементьевъ, причемъ вступалъ съ нами въ разговоры и при этомъ выражался, напримѣръ такъ: «мы съ инспекторомъ порѣшили собрать всѣхъ студентовъ въ актовый залъ, попечитель хочетъ промуштровать ихъ предъ началомъ лекцій...»

Въ назначенный день и часъ собрались всѣ вновь принятые студенты въ актовомъ залѣ. Вскорѣ вошелъ попечитель Молоствовъ, въ сопровожденіи ректора Симонова, инспектора Ланге и всѣхъ помощниковъ послѣдняго. При этомъ присутствовали деканы всѣхъ факультетовъ, а во входныхъ дверяхъ зала виднѣлась фигура Дементьева, который, повидимому, также причислялъ себя къ начальствующимъ лицамъ и былъ одѣтъ, какъ теперь помню, въ форменный сюртукъ съ бѣлыми пуговицами и серебряными галунами на воротникѣ и обшлагахъ.

Попечитель Молоствовъ обратился къ намъ съ рѣчью. Вотъ она:

«Господа! Вы имѣли честь поступить въ число студентовъ университета... (длинная пауза). Вы надѣли форму... (опять пауза). У васъ теперь есть мундиръ, шпага и треугольная шляпа... Вы нѣкоторымъ образомъ уже не простые люди, а чиновники, хотя у васъ нѣтъ кокарды и темляка... (длинная пауза). Но это ничего:

если будете вести себя хорошо, то получите и кокарду, и темлякъ... Повторяю, для этого нужно вести себя хорошо... А какъ вести себя, это скажетъ и разъяснитъ вамъ инспекторъ студентовъ, который для того и приставленъ, чтобы наблюдать за вашимъ поведеніемъ... Прощайте, господа! Желаю видѣть васъ съ кокардою и темлякомъ!»

Окончивъ эту рѣчь, попечитель, въ сопровожденіи ректора и декановъ, вышелъ изъ залы, инспекторъ Ланге всталъ предъ нами и скомандовалъ: «Тише, господа! Извольте слушать». Воцарилась тишина, и мы начали слушать инспектора. Онъ сказалъ слѣдующее:

«Самое главное у меня—соблюденіе формы и отданіе чести начальствующимъ лицамъ... Я, господа, не буду вмѣшиваться въ науки, но буду строго слѣдить, чтобы форма соблюдалась... По улицамъ нельзя ходить разстегнутыми, нельзя выпускать воротничковъ; борода должна быть выбрита, волосы гладко острижены; усовъ не запускать; при встрѣчѣ съ попечителемъ, ректоромъ, со мною, съ губернаторомъ и генералами, отдавать честь, прикладывая правую руку къ козырьку... Въ праздничные и торжественные дни извольте надѣвать мундиръ и треугольную шляпу... Безъ шпаги никто не имѣетъ права выдти на улицу... Въ театръ вы можете ходить только въ ложу, съ родными, или въ кресла... Въ раекъ и на галлерею строго воспрещается... Хлопать въ ладоши и оказывать знаки одобренія или порицанія артистамъ воспрещено... Въ концерты, маскарады и т. п. не совѣтую вамъ ходить... Пить водку, вино, пиво, посѣщать трактиры, рестораны, пивныя, публичные дома строго воспрещено... Наказанія за проступки будутъ соотвѣтствовать степени виновности, отъ карцера до исключенія изъ университета... Извольте, господа, помнить, что я буду строгъ, и обратите вниманіе на все, чтò я сказалъ... Считаю также обязанностью сказать, что азартныя игры, какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ его, воспрещаются строго... Прошу васъ зайти въ канцелярію и вамъ объявятъ тамъ—какія формальности вы должны исполнить... Дементьевъ, сказалъ еще Ланге, обратясь къ нему: сведи гг. студентовъ въ канцелярію и разъясни, что слѣдуетъ... Прощайте, господа! И помните, что я буду строгъ».

Инспекторъ вышелъ въ сопровожденіи своихъ помощниковъ, а

мы остались въ залѣ съ Дементьевымъ и принялись довольно шумно обсуждать всю означенную тираду Ланге. Однако, Дементьевъ, по уходѣ инспектора и помощниковъ, всталъ передъ нами въ позицію командира и произнесъ густымъ баритономъ:

— Господа! Извольте слушать приказанія инспектора и слѣдовать за мною въ канцелярію для полученія инструкцій...

Засимъ Дементьевъ повернулся и началъ выходить изъ зала, а мы, пораженные всѣмъ слышаннымъ и недоумѣвающіе, стояли на мѣстѣ: кто обдумывалъ, кто резонировалъ, кто смѣялся. Дементьевъ, видя, что мы не спѣшимъ идти за нимъ, остановился и еще громче воскликнулъ:

— Угодно ли вамъ, господа, исполнить приказаніе г-на инспектора и слѣдовать за мною въ канцелярію? Если вамъ это не угодно, я доложу г-ну инспектору о сопротивленіи его приказанію.

Дѣлать было нечего: мы послѣдовали за Дементьевымъ въ канцелярію. Тутъ отъ насъ отбирались свѣдѣнія, касавшіяся того – не имѣетъ ли кто родственниковъ въ городѣ и куда будетъ ходить; у своекоштныхъ—адресы ихъ квартиръ; далѣе самъ Дементьевъ разъяснялъ намъ, въ какіе дни и какую форму носить. При этомъ невольно, каждый изъ насъ слушалъ Дементьева и смотрѣлъ на него, не какъ на простаго служителя, а какъ на лицо, принадлежащее до извѣстной степени къ сонму университетскаго начальства.

Инспекторъ Ланге, съ первыхъ же дней поступленія нашего въ университетъ, сталъ обращать самое строгое вниманіе на новичковъ. Онъ часто заглядывалъ въ то помѣщеніе, гдѣ жили казеннокоштные студенты, старался подкрадываться тихо въ корридоръ этого помѣщенія, часто подсылалъ Дементьева посмотрѣть—что дѣлается въ помѣщеніи казеннокоштныхъ. Дементьевъ, будто бы по какому-нибудь дѣлу приходилъ въ помѣщеніе къ служителю, который завѣдывалъ гардеробомъ казеннокоштныхъ студентовъ, и выпытывалъ у этого служителя все, что ему нужно было знать, и, конечно, докладывалъ Ланге. Часто того или другаго студента призывали къ инспектору, и онъ распекалъ его, а иногда и сажалъ въ карцеръ за проступокъ, котораго никто не могъ знать кромѣ товарищей, напримѣръ, за неприличный отзывъ объ инспекторѣ, или о какомъ-

нибудь профессорѣ. Вслѣдствіе этого возникало сомнѣніе, не шпіонничаетъ ли кто-нибудь изъ товарищей.

Студенты сначала ломали голову, стараясь узнать—откуда инспектору извѣстно все, что̀ дѣлается и говорится не только въ помѣщеніи казеннокоштныхъ въ университетѣ, но даже и на частныхъ квартирахъ, и только спустя долгое время убѣдились, что всѣ свѣдѣнія доходили черезъ Дементьева, который, сближаясь съ прислугой, окружавшей казеннокоштныхъ, и съ наемной у своекоштныхъ студентовъ, старался все вывѣдать, подслушать и доносилъ инспектору. Наказанія студентовъ лишеніемъ свободы (карцеромъ) и пищи (на хлѣбъ и воду) назначались столь часто и столь хладнокровно, притомъ за малѣйшія уклоненія въ формѣ, за длинные волосы, за непривѣтливый поклонъ начальству, за дурной отзывъ о казенномъ столѣ, за опозданіе приложить руку къ козырьку, при встрѣчѣ съ инспекторомъ, и за тому подобные проступки, что сдѣлались обыденнымъ явленіемъ въ студенческой жизни. Такая непомѣрная строгость инспектора заставила студентовъ изыскать всевозможныя мѣры, чтобы до нѣкоторой степени сдѣлать для себя наказаніе карцеромъ малочувствительнымъ и сноснымъ. И вотъ, явилась необходимость обратиться за помощью къ тѣмъ лицамъ, которыя присматривали за карцеромъ и носили пищу (хлѣбъ и воду) заключеннымъ въ карцерѣ студентамъ. Это были двое университетскихъ дядекъ, изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ. Въ мое время было два служителя при карцерѣ: одинъ старенькій, низенькій, хромой, котораго студенты прозвали Пипинъ-Короткій; другой—рослый, среднихъ лѣтъ, съ просѣдью въ бородѣ и на головѣ, прозванный Дагоберомъ. Явилась необходимость задобривать этихъ приставниковъ карцера, а иначе случалось голодать по 4—5 дней. Карцеръ помѣщался на вышкѣ, въ комнатѣ подъ крышей, и запирался крѣпкимъ засовомъ и висячимъ замкомъ. Одно только окно выходило на университетскій дворъ. Заключенный въ карцеръ никогда не оставался безъ пособія товарищей: они заготовляли провизію и привязывали коробку съ ней къ веревкѣ, спущенной изъ форточки на университетскій дворъ. Все это совершалось не безъ вѣдома Пипина-Короткаго и Дагобера, какъ блюстителей карцера. Если же карцернымъ приставникамъ хорошо заплатили, то прови-

зія и прямо доставлялась къ заключенному, къ нему впускались товарищи, приставники запирали всѣхъ на замокъ въ карцерѣ, и нерѣдко оргіи, игра въ карты и даже проведеніе въ карцеръ лицъ женскаго пола чередовались всю ночь, а утромъ Пипинъ-Короткій или Дагоберъ будили проведенныхъ къ заключенному товарищей и выпускали ихъ изъ карцера. Такимъ образомъ, карцеръ вовсе не былъ тяжелымъ наказаніемъ. Во все время пребыванія моего въ университетѣ, въ теченіе 5-ти лѣтъ, начальство и не думало, что въ карцерѣ совершаются такія дѣла. Говорятъ, что это все раскрылось около 60-хъ годовъ, когда случилось, что студенты перепились и передрались въ карцерѣ, и возникнувшій шумъ объяснилъ все дѣло.

Изъ помощниковъ инспектора Зоммеръ былъ самый придирчивый и неспокойный, и онъ былъ всего болѣе любимъ инспекторомъ Ланге. Впослѣдствіи за это онъ поплатился, во время бывшихъ въ университетѣ безпорядковъ, причемъ и самъ Ланге долженъ былъ оставить мѣсто инспектора. Все это случилось уже спустя долгое время послѣ окончанія мною курса, и описано на страницахъ «Русской Старины» бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, Шестаковымъ и профессоромъ Фирсовымъ («Русская Старина», 1889 г.).

Теперь скажу о профессорахъ университета, въ мое время читавшихъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Въ моихъ замѣчаніяхъ по этому предмету я буду стараться привести на память все, что́ можетъ служить для полной характеристики профессоровъ того времени.

Ординарный профессоръ Евменій Филипповичъ Аристовъ. Онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ между учащеюся молодежью. Преподаваемый имъ предметъ—описательная анатомія—читалъ демонстративно на трупахъ и препаратахъ, которые по преимуществу были изготовлены его прозекторами—Заганковымъ и Барминскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого профессора. Аристовъ отличался превосходнымъ знаніемъ своего предмета и читалъ сухой предметъ—описательную анатомію—столь увлекательно, что слушатели забывали эту сухость, и аудиторія профессора всегда была полна. Всѣ наперерывъ спѣшили за-

нять ближайшія къ анатомическому столу мѣста, чтобы яснѣе слышать лекцію и видѣть демонстрацію на трупахъ и препаратахъ. Каждая лекція начиналась вступленіемъ, въ которомъ профессоръ живымъ и увлекательнымъ языкомъ заохочивалъ слушателей къ изученію того или другаго отдѣла анатоміи.

Студенты, какъ я сказалъ, очень любили Евменія Филипповича за его прямой, честный характеръ, безпристрастіе, неподкупность, правду и даже строгость, необходимую въ дѣлѣ изученія столь важнаго предмета, какова анатомія, а потому посѣщали лекціи съ особеннымъ прилежаніемъ и рвеніемъ. Кромѣ того, Евменій Филипповичъ всегда отстаивалъ интересы студентовъ и принести имъ пользу какъ своимъ преподаваніемъ, такъ и всѣмъ, что́ онъ могъ для нихъ сдѣлать, считалъ своею священною обязанностью и тѣмъ рѣзко выдѣлялся изъ общаго состава профессоровъ того времени.

Репетицій въ теченіе цѣлаго года Аристовъ никогда не дѣлалъ, считая ихъ излишними. Онъ намъ говорилъ:

— Вы уже не дѣти, не ученики какой-нибудь начальной школы... Если вы собрались сюда для изученія анатоміи и желаете современемъ сдѣлаться врачами, то я полагаю, что посвятили себя па неустанныя занятія. Анатомію можетъ изучить только тотъ, кто изо дня въ день прилежно будетъ работать... Одной памяти, какъ бы она ни была выспренна, для изученія анатоміи недостаточно... Поэтому, не надѣйтесь на одну память, не зубрите анатомію, а работайте съ ножемъ въ рукахъ, изучайте все на трупѣ и на препаратахъ, оріентируйтесь и замѣчайте—гдѣ какая часть и органъ лежитъ и въ какомъ соотношеніи находятся къ другимъ частямъ и органамъ... Кто зубритъ анатомію, тотъ запомнитъ термины, названія многочисленныхъ органовъ и частей тѣла, каналовъ, отростковъ и бугорковъ костей, связокъ, мышцъ, сосудовъ, нервовъ и будетъ наизусть знать, гдѣ они лежатъ или проходятъ, а анатоміи все-таки знать не будетъ, потому что изучилъ анатомію не практически, не на трупѣ, не на препаратѣ, а теоретически, заучивая наизусть... Кто сознаетъ пользу и необходимость анатоміи для изученія медицины вообще,—а изученіе это немыслимо безъ знанія анатоміи,—тотъ долженъ изучить ее практически. Роль же ана-

томіи въ изученіи медицины столь важна, что, кажется, излишне объ этомъ распространяться; захотите ли быть операторомъ, хирургомъ, физіологомъ, акушеромъ, практическимъ врачемъ, или, вообще, избрать какую-либо спеціальность, безъ знанія анатоміи не обойдетесь, или останетесь навсегда посредственностью, необразованнымъ врачемъ. Итакъ, послушайте голоса опытнаго человѣка: изучайте анатомію прилежно и практически, и вы никогда не раскаятесь въ этомъ... Кто запуститъ нѣсколько лекцій анатоміи, тотъ уже никогда не догонитъ преуспѣвающаго въ изученіи анатоміи, а потому каждая лекція должна быть повторяема, изучаема всесторонне и практически на трупѣ и на препаратахъ. Я увѣренъ, что вы послѣдуете моему совѣту, а потому считаю излишнимъ спрашивать лекціи. Работы намъ, вслѣдствіе обширности предмета, очень много, и потому нѣтъ времени на репетиціи. Занявшись репетиціями, мы не успѣемъ пройти и половины того, что̀ намъ слѣдуетъ пройти... Такъ какъ васъ очень много (насъ было болѣе 40 человѣкъ), то и на экзаменѣ, по истеченіи года, намъ будетъ трудно разобраться. Для экзамена назначается одинъ день: отвѣты могутъ быть краткіе, и я, въ какія-нибудь 5—10 минутъ, не могу узнать—какъ вы изучили анатомію... Поэтому, вмѣсто частныхъ репетицій, я сдѣлаю въ концѣ года одну большую репетицію. Въ этомъ году 1-ое мая, день, когда начинаются экзамены, приходится въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, и потому къ 6-ой недѣлѣ великаго поста я составлю программу и сдѣлаю репетицію. Предупреждаю васъ, что кто будетъ знать пройденное на этой репетиціи, тотъ, стало быть, выдержитъ экзаменъ изъ анатоміи и, наоборотъ... Еще считаю обязанностью напомнить вамъ, что я буду строгъ и требователенъ... Я желаю, чтобы вы знали анатомію, и не могу дѣлать никакихъ поблажекъ... Вотъ все, что̀ я нахожу нужнымъ высказать вамъ, чтобы отношенія ваши ко мнѣ, какъ къ профессору, а мои къ вамъ, какъ къ будущимъ врачамъ, были точны и опредѣленны.

Эти слова, дышащія откровенностью, строгостью и глубокимъ наставленіемъ, тогда же были записаны мною почти съ совершенною точностью, и здѣсь я привелъ ихъ, какъ весьма назидательныя и драгоцѣнныя для тѣхъ, кто дорожитъ памятью незабвеннаго профессора, Евменія Филипповича Аристова.

Итакъ, началось изученіе анатоміи подъ руководствомъ опытнаго учителя. Остеологія, синдесмологія, міологія, ангіологія, нервологія и спланхіологія были пройдены постепенно. Профессоръ не пропустилъ ни одной лекціи, ни на одну іоту не уклонился отъ предначертаннаго имъ плана изученія анатоміи, читая лекціи въ высшей степени увлекательно и стараясь завлекать насъ къ изученію сухаго и труднаго предмета, который въ устахъ Евменія Филипповича сдѣлался въ высшей степени увлекательнымъ и пріятнымъ. Но нельзя сказать того же самаго о слушателяхъ: со многими изъ нихъ повторилось то же, что̀ и съ сѣменемъ, которое упало на тернистую и каменистую почву и не принесло надлежащаго плода. Это всего явственнѣе и выразилось на репетиціи, которую профессоръ сдѣлалъ на 6-ой недѣлѣ великаго поста.

Съ половины великаго поста начались опять лекціи анатоміи, такъ что вся описательная анатомія была окончена къ 6-й недѣлѣ поста.

Репетиція, которая замѣняла экзаменъ, происходила на шестой недѣлѣ великаго поста. Профессоръ принесъ программу и сдѣланные имъ самимъ билеты. Программа была составлена такъ, что каждый отдѣльный билетъ заключалъ: остеологію, синдесмологію, міологію, ангіологію, спланхіологію и нервологію. Напримѣръ, доставшійся мнѣ вопросъ былъ слѣдующій: «Ключица и лопатка. Связки колѣна. Сгибающія предплечіе мышцы. Aorta ascendens, arcus aortae, aorta descendens. Vena cava inferior. Renes. Pons varolii. Nervus trigeminus». Кромѣ билета профессоръ иногда дѣлалъ вопросы изъ разныхъ отдѣловъ анатоміи. Экзаменъ былъ демонстративный на препаратахъ. Кромѣ того каждый долженъ былъ сдать приготовленный имъ препаратъ и вкратцѣ отвѣтить на вопросы профессора, касавшіеся препарата. Кто отвѣчалъ плоховато, тому давался другой билетъ, но если отвѣтъ и на этотъ билетъ былъ плохой, то ставилась единица, или двойка—непереводный баллъ.

Хорошій отвѣтъ на билетъ влекъ еще нѣкоторые трудные вопросы и, если испытуемый отвѣчалъ на нихъ, то получалъ 4 или 5 балловъ, а въ противномъ случаѣ, т. е. если отвѣты на дополнительные вопросы были не совсѣмъ удовлетворительны, профессоръ съ тру-

домъ ставилъ тройку. Вообще репетиція была трудная и продолжительная: начавшись съ понедѣльника 6-й недѣли, она ежедневно продолжалась съ 10 часовъ утра до 3—4 часовъ и была окончена только къ четвергу Страстной недѣли. Получившіе по единицѣ и по двойкѣ на репетиціи не могли на экзаменѣ исправить эти баллы. Профессоръ сдержалъ слово: какъ бы кто ни отвѣчалъ на экзаменѣ — не могъ получить выше того балла, который былъ поставленъ на репетиціи.

Во 2-мъ курсѣ Аристовъ читалъ намъ общую и микрографическую анатомію, а въ 5-мъ патологическую анатомію. Онъ былъ противникомъ Вирхова и не признавалъ его «целлюлярной патологіи», а, слѣдовательно, оставался вѣренъ существовавшему до Вирхова гуморальному направленію вѣнской школы, и, кромѣ того, имѣлъ нѣкоторые особые взгляды, выраженные имъ въ его лекціи о тѣлосложеніяхъ (изъ общей анатоміи), которыя онъ дѣлилъ на крупно и мелковолокнистыя и т. п.

Вообще же Аристовъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ той эпохи, а потому былъ весьма любимъ и уважаемъ студентами и въ свою очередь оказывалъ имъ всевозможную защиту и покровительство, любилъ правду и каждому говорилъ ее прямо, рѣзко и открыто. Онъ не былъ любимъ начальствомъ, которое въ немъ заподозрило либерала, а потому онъ весьма туго получалъ чины и награды за отличіе по службѣ. Личности, менѣе Аристова достойныя и меньше его служившія, давно уже имѣли чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника, первыя степени орденовъ св. Станислава и св. Анны. Евменій Филипповичъ Аристовъ, болѣе 30 лѣтъ прослужившій университету, выпустившій нѣсколько поколѣній врачей, разсѣянныхъ по всему лицу русской земли и обязанныхъ ему отличнымъ знаніемъ анатоміи, не думавшій ни объ удовольствіяхъ, ни о комфортѣ, не имѣвшій въ жизни инаго идеала, кромѣ безупречнаго и вѣрнаго исполненія своихъ обязанностей, полагавшій все счастіе свое въ томъ, чтобы поучать анатоміи ввѣренныхъ его руководству студентовъ и приготовить изъ нихъ полезныхъ дѣятелей, кончилъ карьеру только статскимъ совѣтникомъ, полученнымъ имъ за выслугу лѣтъ, и орденомъ св. Станислава второй степени! По окончаніи службы, Евменій Филипповичъ Аристовъ удостоился боль-

шихъ овацій. Благодаря ученику его, Александру Васильевичу Петрову (теперь уже покойному профессору патологической анатоміи въ Казани), я получилъ краткую біографію Евменія Филипповича и его фотографическій портретъ, который храню, какъ драгоцѣнность. По окончаніи службы, Евменій Филипповичъ поселился въ Казани, вдали отъ города, въ скромномъ жилищѣ, гдѣ и провелъ остатокъ дней. Онъ скончался имѣя болѣе 70 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ Казани на Куртинскомъ кладбищѣ. Могила его, благодаря Александру Васильевичу Петрову, содержалась въ порядкѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1883 году, когда я посѣтилъ эту скромную могилу великаго труженика и правдиваго человѣка. Простая мраморная плита указываетъ то мѣсто, гдѣ онъ нашелъ свое вѣчное упокоеніе. Потомства онъ не оставилъ.

Профессоръ Блосфельдъ. Онъ преподавалъ въ 1-мъ курсѣ энциклопедію медицины и врачебное законовѣдѣніе, въ 4 и 5-мъ курсахъ—судебную медицину. Блосфельдъ зналъ хорошо судебную медицину, но метода преподаванія была плохая, и еще больше преподаваніе потому не клеилось, что онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Блосфельдъ былъ очень самолюбивъ и говорилъ о себѣ не иначе, какъ во множественномъ числѣ, называя себя «м и» (вмѣсто «мы»). Когда Вирховъ выступилъ съ целлюлярною патологіей и мало по малу сталъ пріобрѣтать европейскую извѣстность, то и гордость Блосфельда достигла того, что онъ однажды заявилъ намъ: «Ми, первый ученый въ Европѣ... Есть точно такой же, какъ «ми», въ Берлинѣ, это—Вирховъ, но онъ приходитъ къ намъ за совѣтомъ». Такое заявленіе Блосфельда вызвало много остротъ и насмѣшекъ на его счетъ. Вообще Блосфельдъ отличался многими странностями и не любилъ противорѣчій. Однажды на годичныхъ экзаменахъ, явились депутаты изъ другихъ профессоровъ медицинскаго факультета (прежде этого не было). Начался экзаменъ въ присутствіи этихъ депутатовъ. Экзаменуемые студенты отвѣчали различно, но каждому экзаменовавшемуся Блосфельдъ говорилъ: «хорошо! прекрасно! ми видимъ, что вы знаете превосходно». Онъ поставилъ всѣмъ по 5+ (высшая отмѣтка съ отличіемъ). Депутаты не мало изумлялись этому и возражали профессору, что всѣ студенты не могутъ знать на 5+. Профессоръ имъ отвѣчалъ: «ми

знаемъ лучше нашихъ студентовъ; ми убѣждены, что они знаютъ предметъ не хуже насъ». Депутатамъ не оставалось ничего, какъ пожать плечами. Послѣ Блосфельдъ хвалился намъ и говорилъ: «ми показали депутатъ, что наши студенты знаютъ судебную медицину не хуже ихъ... Ми думаемъ, что они больше къ намъ не приходятъ».

Въ 5-мъ курсѣ Блосфельдъ преподавалъ намъ практическую судебную медицину: происходило вскрытіе труповъ, причемъ онъ дѣлалъ нужныя демонстраціи; составлялись программы и судебно-медицинскіе акты. Это практическое преподаваніе шло лучше, нежели теоретическія лекціи, хотя и на практическихъ занятіяхъ профессоръ не былъ словоохотливъ и не любилъ дѣлиться своими познаніями съ слушателями, потому что онъ считалъ всѣхъ русскихъ неспособными къ изученію медицины вообще, и судебной въ особенности. Онъ часто говорилъ намъ на лекціяхъ, что «мозгъ нѣмца и мозгъ русскаго устроены нѣсколько различно: хотя тѣ же отдѣльные органы существуютъ и въ русскомъ, и въ нѣмецкомъ мозгѣ, но сочетаніе нервныхъ элементовъ и составъ ихъ у нѣмца иные, нежели у русскаго, и поэтому, дескать, русскій и мало способенъ къ умозрительнымъ наукамъ, къ которымъ относится философія и медицина, а такъ какъ еще Гиппократъ сказалъ, что «медикъ-философъ подобенъ Богу (Medicus philosophus Deo similis est), то русскій человѣкъ и не можетъ быть врачемъ въ гиппократовскомъ смыслѣ, чему препятствуютъ именно особенности его мозга, въ сравненіи съ мозгомъ нѣмца». Воздерживаюсь отъ комментарій и сообщаю только голый фактъ, предоставляя каждому дѣлать изъ него выводы.

Блосфельдъ любилъ много писать въ иностранныхъ медицинскихъ журналахъ и газетахъ, въ которые онъ постоянно отправлялъ свои статьи и потомъ самъ же, подъ чужимъ именемъ, писалъ рецензіи о своихъ статьяхъ и отправлялъ ихъ заграницу. Въ рецензіяхъ этихъ онъ хвалилъ свои статьи и обыкновенно начиналъ такъ: «мы прочитали превосходную или дѣльную статью казанскаго профессора судебной медицины Блосфельда... Должны отдать полную справедливость его научнымъ изслѣдованіямъ и изъявить наше изумленіе, что въ Казани, на дальнемъ востокѣ, существуетъ такой образцовый и дѣльный профессоръ, который

сдѣлалъ бы честь любому заграничному университету»... Это также не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

Профессоръ Клаусъ.—Онъ былъ извѣстный своею ученостью химикъ, сдѣлавшій нѣсколько открытій въ области химіи. Напримѣръ, онъ открылъ въ платиновой рудѣ металлъ рутеній и первый описалъ его. Объ этомъ онъ читалъ намъ весьма подробно. Въ первомъ курсѣ мы изучали подъ его руководствомъ неорганическую, во второмъ курсѣ органическую и животную химію. Лекціи сопровождались опытами; преподаваніе было добросовѣстное, но плохое знаніе русскаго языка весьма мѣшало Клаусу. Онъ, напримѣръ, называлъ двѣнадцатиперстную кишку—«двѣнадцати палечной кишокъ». Несмотря однако на все это, Клаусъ былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ того времени. Вскорѣ Клаусъ былъ переведенъ на каѳедру химіи въ Дерптъ, а на мѣсто его началъ намъ читать химію адъюнктъ-профессоръ Бутлеровъ (впослѣдствіи извѣстный ученый). Бутлеровъ тогда былъ очень молодъ, только начиналъ свое профессорское поприще, читалъ химію увлекательно, былъ любимъ студентами и приносилъ несомнѣнную пользу.

Профессоръ Китарры, въ описываемое время, былъ, если не ошибаюсь, экстра-ординарнымъ профессоромъ. Онъ читалъ намъ минералогію. Лекціи его были превосходны, сопровождались демонстраціями и приносили существенную пользу. Онъ тоже былъ въ то время однимъ изъ лучшихъ профессоровъ.

Эверсманъ.—Онъ былъ ординарнымъ и впослѣдствіи заслуженнымъ профессоромъ и читалъ намъ на 1-мъ курсѣ зоологію. Принадлежа къ извѣстнымъ ученымъ того времени, Эверсманъ, какъ профессоръ, былъ ниже всякой критики. Незнаніе русскаго языка, монотонность чтенія, отсутствіе всѣхъ данныхъ, характеризующихъ хорошаго преподавателя, и страшная поспѣшность — вотъ главныя черты Эверсмана. Вслѣдствіе этого, изученіе зоологіи шло не только туго, но смѣло можно сказать, что никто ея не зналъ. Эверсманъ не умѣлъ заохотить слушателей, не умѣлъ объяснить имъ всю важность изученія зоологіи и покоящейся на ней сравнительной анатоміи, столь необходимой для врача и естествоиспытателя.

То же самое слѣдуетъ сказать и о профессорѣ ботаники Кор-

нухѣ-Троцкомъ. Онъ былъ извѣстный ботаникъ, зналъ свой предметъ хорошо, но читалъ монотонно, безъ всякихъ демонстрацій, по ботаническому атласу. Несмотря на то, что при университетѣ имѣлся ботаническій садъ, профессоръ ни разу не потрудился сводить туда своихъ слушателей. Поэтому лекціи Корнуха-Троцкаго утомляли слушателей, были малосодержательны, безцвѣтны, монотонны и даже непонятны, а на основаніи этого никто не зналъ ботаники.

Богословіе на 1-мъ курсѣ читалъ намъ архимандритъ Гавріилъ. Онъ былъ въ высшей степени образованный богословъ, превосходный проповѣдникъ, говорившій проповѣди съ амвона безъ всякаго приготовленія и безъ тетради, которою пользуются многіе проповѣдники; но, несмотря на то, преподаваніе богословія, по крайней мѣрѣ, на медицинскомъ факультетѣ шло довольно туго, хотя нельзя не упомянуть о томъ, что нѣкоторые студенты изучали этотъ предметъ со вниманіемъ. На переходномъ (изъ 1-го во 2-й курсъ) экзаменѣ, какъ теперь помню, присутствовалъ тогдашній архіепископъ казанскій и свіяжскій Григорій (впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій). Онъ остался доволенъ отвѣтами экзаменовавшихся у него студентовъ, но нельзя утаить, что предъ экзаменомъ архимандритъ Гавріилъ извѣстныхъ ему лучшихъ студентовъ назначилъ къ архіерею; но такъ какъ студенты вызывались по алфавитному списку, то изъ вызванныхъ заразъ трехъ, онъ отбиралъ тѣхъ, кого слѣдовало направить къ архіерею, который вовсе не справлялся о фамиліи отвѣчавшаго. Такимъ образомъ, проэкзаменовавъ трехъ или четырехъ человѣкъ, архіерей уѣхалъ, и экзаменъ изъ богословія сошелъ блистательно. Я сказалъ выше, что архимандритъ Гавріилъ былъ хорошій проповѣдникъ и не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь случая, бывшаго на похоронахъ одной казанской аристократки, которая приходилась родственницей помощнику попечителя Лобачевскому, бывшему прежде профессоромъ чистой математики и отличавшемуся глубокомысленностію, свойственною истымъ математикамъ. Архимандритъ Гавріилъ въ началѣ своей рѣчи заявилъ правильно, что усопшей болярынѣ 60 лѣтъ отъ роду; но, продолжая рѣчь, онъ въ одномъ мѣстѣ ея вдругъ сдѣлалъ вопросъ: «что̀ была болярыня назадъ тому

70 лѣтъ?» Лобачевскій стоялъ впереди и со вниманіемъ слушалъ рѣчь отца Гавріила, и, когда дѣло дошло до упомянутаго вопроса, Лобачевскій, зная и лѣта покойной, и заявленіе проповѣдника въ началѣ рѣчи, что ей 60 лѣтъ, крайне удивился и не могъ удержаться, чтобы мимически не выразить своего изумленія по поводу сдѣланнаго вопроса: «что̀ была усопшая болярыня назадъ тому 70 лѣтъ». Архимандритъ Гавріилъ прочиталъ на лицѣ Лобачевскаго изумленіе и лютую улыбку и вспомнилъ, что усопшей было только 60, а не 70 лѣтъ. У него мгновенно созрѣло рѣшеніе поправить дѣло и вмѣстѣ отпарировать Лобачевскому его же оружіемъ, т. е. математикой. Сообразивъ быстро все это, архимандритъ Гавріилъ на свой вопросъ отвѣчалъ: «усопшая болярыня назадъ тому семьдесятъ лѣтъ была математическою точкой, которая существовала только въ воображеніи ея родителей, а потомъ, черезъ десять лѣтъ, она явилась въ этотъ свѣтъ»... и т. д. Разсказываютъ, что Лобачевскій послѣ дѣлалъ упреки архимандриту Гавріилу, что онъ въ проповѣдяхъ своихъ выходитъ изъ богословскихъ рамокъ и залѣзаетъ въ математику, а Гавріилъ отвѣчалъ ему (они были на ты): «а ты думаешь, что я не замѣтилъ, какъ ты обрадовался моей ошибкѣ и думалъ, что я нагорожу чепухи, нѣтъ! я во̀-время спохватился и за злорадство, написанное на твоемъ лицѣ, рѣшился побить тебя твоимъ же математическимъ оружіемъ»...

Архимандритъ Гавріилъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ говорилъ рѣчь при открытіи въ Казани памятника Державину. Это было въ 1846 году, при архіепископѣ Владимірѣ (предмѣстникѣ Григорія). Я былъ тогда ученикомъ 5-го класса 1-й Казанской гимназіи. Памятникъ Державину поставленъ былъ въ то время на университетскомъ дворѣ, противъ и по близости анатомическаго театра, между зданіемъ химической лабораторіи и университетской библіотеки. Въ день открытія было архіерейское служеніе въ университетской церкви. На открытіи присутствовали всѣ власти и профессора, во главѣ попечителя округа, всѣ преподаватели, студенты университета, ученики обѣихъ казанскихъ гимназій и всѣхъ городскихъ училищъ. По окончаніи службы въ церкви университета, всѣ вышли къ мѣсту памятника, который былъ задернутъ покровомъ. Воцарилась тишина, началась паннихида, и во время

пѣнія «вѣчная память» былъ отдернутъ занавѣсъ, скрывавшій памятникъ поэта. Тогда архіерей сѣлъ на пріуготовленное мѣсто, а архимандритъ Гавріилъ помѣстился на возвышеніи, устроенномъ при памятникѣ, и, стоя лицомъ къ архіерею, произнесъ свою знаменитую рѣчь: «Великъ Богъ русскій, благословенъ народъ русскій! Кромѣ малаго числа благочестивыхъ грековъ онъ одинъ сіяетъ чистотою богопознанія во всей вселенной! Богъ нашъ, изъ ничтожнаго разсѣянія языковъ, соединилъ насъ въ общество сильное, могущественное, связалъ насъ единодержавіемъ царей богобоязненныхъ, воспиталъ посреди насъ свою величественную невѣсту—св. церковь, покорилъ подъ ноги наши враговъ видимыхъ и невидимыхъ... Онъ создалъ эти зданія, въ которыхъ воспитывается юношество, покоится старость, врачуются болѣзни... Онъ создалъ и этого великана, царя русскихъ стихотворцевъ—поэта Гавріила Романовича Державина... Много было въ мірѣ поэтовъ: они назидали, поучали и нерѣдко развращали людей... Державинъ же воспарилъ въ небо богомыслія, изучилъ языкъ херувимовъ и серафимовъ, немолчно воспѣвающихъ Бога и его вѣчное царство, и на богатомъ русскомъ языкѣ написалъ свои безсмертныя оды: Богъ и безсмертіе души... и т. д.» Я здѣсь привелъ то, что заучилъ тогда, такъ какъ послѣ открытія памятника Державина, рѣчь Гавріила, весьма понравившаяся всѣмъ, ходила въ различныхъ спискахъ по рукамъ. Остальное изъ этой рѣчи (кромѣ того, что приведено выше) я теперь забылъ. Помню только, что рѣчь заключалась моленіемъ къ Богу о томъ, «чтобы на Руси никогда не прекращался рядъ народныхъ учителей и провозвѣстниковъ истины».

Впослѣдствіи архимандритъ Гавріилъ былъ удаленъ изъ Зилантова монастыря и переведенъ настоятелемъ какого-то отдаленнаго и незначительнаго монастыря. Причины этого удаленія достовѣрно неизвѣстны. Знаю только то, что по удаленіи изъ Казани архіепископа Григорія (который въ 1856 году послѣ коронаціи императора Александра II-го былъ назначенъ митрополитомъ с.-петербургскимъ), архимандритъ Гавріилъ неоднократно взывалъ къ университету, испрашивая ходатайства совѣта о возвращеніи его въ Казань; но возвращенія этого не состоялось. На мѣсто архимандрита Гавріила въ Казанскій университетъ профессо-

ромъ богословія былъ назначенъ протоіерей Владимірскій, теперешній ректоръ Казанской духовной академіи.

Лобачевскій Николай Ивановичъ былъ прежде профессоромъ математики въ Казанскомъ университетѣ, потомъ ректоромъ университета и наконецъ помощникомъ попечителя (при Молостововѣ). Это былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей Казанскаго учебнаго округа, отличавшійся гуманностью, превосходнымъ знаніемъ своего предмета—математики. Лекціи его, сколько я слышалъ, отличались чрезвычайнымъ интересомъ. Алгебра, дифференціальное и интегральное вычисленія — главная спеціальность Лобачевскаго. Онъ извѣстенъ спеціальными трудами своими по алгебраическимъ вычисленіямъ, въ которыхъ онъ открылъ новыя, дотолѣ невѣдомыя комбинаціи. Все это было надлежащимъ образомъ оцѣнено, къ сожалѣнію, только послѣ смерти Лобачевскаго, и теперь Парижская академія признала его величайшимъ математикомъ. Но такова участь большинства геніальныхъ людей: многіе изъ нихъ при жизни не были оцѣнены и терпѣли неудачи, такъ что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оправдывается евангельское изреченіе, что «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ». То же случилось и въ отношеніи Лобачевскаго, который плохо былъ оцѣненъ современниками и не успѣлъ пожать заслуженныхъ лавровъ.

Переводные экзамены изъ 1-го во 2-й курсъ на медицинскомъ факультетѣ начались 1-го мая 1850 года. По условію пріема въ университетъ, многіе изъ насъ должны были держать при переходѣ во II-й курсъ экзаменъ у профессора Фотера изъ латинскаго языка, хотя въ теченіе учебнаго года языкъ этотъ въ 1-мъ курсѣ намъ не преподавался. Этимъ экзаменомъ очень былъ озабоченъ тогдашній деканъ медицинскаго факультета, Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ, къ заступничеству котораго мы обратились.

Профессоръ римской и греческой словесности Фотеръ былъ извѣстный лингвистъ и знатокъ древнихъ языковъ. Онъ былъ проникнутъ мыслью, что знаніе латинскаго языка абсолютно необходимо для каждаго человѣка, а особенно для врача, а потому и требовалъ отличныхъ познаній въ этомъ языкѣ. Но откуда могли мы пріобрѣтать эти познанія, если, какъ замѣчено выше, латин-

скій языкъ на 1-мъ курсѣ не преподавался? Мы обратились съ просьбою къ декану, чтобы экзаменъ изъ латинскаго языка былъ отложенъ намъ еще на годъ. Дмитрій Ивановичъ принималъ къ сердцу всѣ нужды студентовъ и былъ отечески озабоченъ и даже опечаленъ тяготѣвшимъ на насъ экзаменомъ изъ латинскаго языка, и особенно потому, что онъ отлично зналъ упрямство Фотера. Этимъ же дѣломъ было озабочено и другое начальство университета, а именно ректоръ университета Симоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, устроить такъ, чтобы и студентовъ защитить, и Фотера удовлетворить, и совѣтъ университета, допустившій поступленіе многихъ студентовъ съ новымъ, при переходѣ изъ 1-го во 2-й курсъ, экзаменомъ изъ латинскаго языка, такъ сказать, обѣлить—было не легко.

Вслѣдствіе этого, деканъ факультета рѣшился войти въ переговоры съ профессоромъ Фотеромъ. Послѣдній былъ несговорчивъ и не хотѣлъ поступиться своимъ правомъ—экзаменовать насъ изъ латыни при переходѣ во 2-ой курсъ. Начался этотъ экзаменъ. Мы находились въ тревожномъ положеніи, а равно деканъ и ректоръ также были встревожены. Въ самомъ дѣлѣ, возникалъ вопросъ, о которомъ не подумали прежде: «что дѣлать съ студентами, если они не выдержатъ у Фотера экзамена или получатъ менѣе 4 балловъ, какъ это требовалось по условію пріема?» Рѣшеніе этого вопроса еще болѣе затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что экзаменъ изъ латинскаго языка происходилъ послѣ удовлетворительнаго окончанія студентами экзамена изъ спеціальныхъ предметовъ перваго курса. Дѣйствительно, удалить насъ изъ университета—было трудно; равно было бы трудно обязать къ новому экзамену при переходѣ изъ 2-го въ 3-й курсъ... Это значило бы продлить и запутать дѣло еще больше, потому что въ предстоящій годъ студенты еще болѣе могутъ забыть латинскій языкъ, преподаванія котораго на медицинскомъ факультетѣ не полагалось. Между тѣмъ Фотеръ сталъ экзаменовать строго и первому студенту поставилъ двойку. Тогда деканъ заявилъ Фотеру, что онъ менѣе трехъ никому не можетъ ставить, потому что мы экзаменуемся для того только, чтобы получить отмѣтку выше трехъ, а три балла имѣли мы при условномъ поступленіи въ университетъ; слѣдовательно,

цѣль экзамена состоитъ не въ томъ, чтобы Фотеръ оцѣнивалъ степень нашихъ познаній въ латинскомъ языкѣ, а въ томъ, чтобы онъ рѣшилъ—пріобрѣли ли мы познанія изъ латинскаго языка настолько, что можемъ быть удостоены четырехъ или пяти балловъ?

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Фотеръ, я отказываюсь экзаменовать...

— И этого вы не можете сдѣлать, сказалъ деканъ.—Вы, по постановленію совѣта, должны рѣшить—увеличились ли знанія студентовъ въ латинскомъ языкѣ противу той отмѣтки, съ которою они приняты, а заявлять, что знанія ихъ уменьшились, вы не имѣете права.

Фотеръ никакъ не ожидалъ такого заявленія со стороны декана; глаза его засверкали, лицо покрылось румянцемъ, и онъ отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ я не буду выставлять отмѣтокъ, просто напишу: увеличились или уменьшились ихъ познанія.

— И этого вы не можете дѣлать, потому что познанія должны быть оцѣниваемы баллами.

Фатеръ горячо отстаивалъ свои права, завязался оживленный споръ между нимъ и деканомъ. Ректоръ принялъ сторону декана, насъ попросили отойти отъ экзаменаціоннаго стола. Наконецъ, споръ замолкъ, и насъ опять стали вызывать къ экзамену. Фотеръ теперь началъ задавать легкіе переводы и легкіе вопросы, каковы: склоненія, степени сравненія, спряженія правильныхъ глаголовъ, и началъ ставить каждому экзаменующемуся по четверкѣ.

По окончаніи экзамена, деканъ объявилъ намъ, что пререканія съ Фотеромъ кончены, и что мы отнынѣ свободны отъ экзамена изъ латинскаго языка, а потому дѣлаемся уже безусловно студентами медицинскаго факультета.

Какіе мотивы руководили рѣшеніемъ Фотера—достовѣрно неизвѣстно; но, какъ говорили тогда, причиной перемѣны въ Фотерѣ было то, что ректоръ и деканъ убѣдили его не дѣлать скандала, такъ какъ, въ случаѣ, если онъ не поставитъ намъ по четверкѣ, мы подлежимъ исключенію изъ университета, а этого сдѣлать нельзя, ибо если совѣтъ университета находилъ отмѣтку «три» недостаточною, то и не долженъ былъ принимать насъ, а вслѣдствіе

этого и самъ Фотеръ не имѣлъ права, годъ тому назадъ, соглашаться на такое постановленіе совѣта и подписывать его безъ всякихъ оговорокъ.

Итакъ, мы избавились отъ тяготѣвшаго на насъ экзамена изъ латинскаго языка и были переведены во 2-й курсъ.

Во 2-мъ курсѣ общую и микрографическую анатомію читалъ намъ профессоръ Аристовъ. Онъ, какъ сказано выше, былъ противникомъ извѣстнаго берлинскаго профессора Вирхова, а потому на лекціяхъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался доказать несостоятельность его «целлюлярной патологіи», но слѣдуетъ сказать, что Аристову это не удавалось: по крайней мѣрѣ доводы противъ целлюлярной патологіи были слабы, и даже составленная Аристовымъ и собственноручно имъ написанная лекція «о тѣлосложеніяхъ», какъ противовѣсъ целлюлярной патологіи Вирхова, циркулировавшая тогда между студентами, не выдерживала конкурренціи съ Вирховымъ, низвести котораго съ пьедестала въ то время Аристову не удалось. Аристовъ, однако, до конца своей жизни не призналъ целлюлярной патологіи Вирхова за послѣднее слово науки и остался вѣренъ гуморальному направленію вѣнской школы.

Кромѣ преподаваемыхъ Аристовымъ предметовъ, во 2-мъ курсѣ читалъ намъ органическую и животную химію сперва Клаусъ, а потомъ Бутлеровъ; физіологію—ординарный профессоръ Берви, фармакологію, фармацію и рецептуру—деканъ медицинскаго факультета—Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ.

О двухъ первыхъ сказано уже выше. Остается сказать о Берви и Протопоповѣ, но такъ какъ послѣдній въ 3-мъ курсѣ читалъ намъ фармакологію и общую терапію, то объ немъ будетъ сказано нѣсколько ниже.

Профессоръ Берви. Онъ былъ довольно старъ, плохо зналъ русскій языкъ, лекціи физіологіи читалъ очень поверхностно и плохо. Не будучи совершенно знакомъ съ современнымъ состояніемъ физіологіи, не слѣдя за наукой, Берви наполнялъ свои лекціи ученіемъ о Духѣ міра, о жизненной силѣ, натуръ-философскими воззрѣніями, цитатами изъ Парацельса, Галена, Фабриціуса Abaquapendente, Спаланцани; новѣйшихъ работъ по физіологіи не признавалъ и всего вѣроятнѣе потому, что вовсе не зналъ ихъ. И это

неудивительно: онъ былъ когда-то морскимъ врачемъ, сдѣлалъ съ своимъ экипажемъ кругосвѣтное плаваніе и никогда не готовился къ столь отвѣтственной каѳедрѣ, какова физіологическая. Слѣдить за физіологическими открытіями и изслѣдованіями современныхъ европейскихъ физіологовъ онъ не могъ по той простой причинѣ, что не имѣлъ необходимой научной подготовки, не зналъ химіи и другихъ наукъ, безъ которыхъ немыслимо пониманіе и изученіе физіологіи. Намъ воспрещалось готовиться къ экзамену по современнымъ переводнымъ сочиненіямъ, какова въ то время была физіологія Миллера—руководство весьма солидное и отвѣчавшее тогдашнему состоянію науки. Если студентъ отвѣчалъ не по запискамъ профессора, а по Миллеру или другому руководству, то вѣроятно получалъ единицу или двойку. Записки же профессора были переполнены излишней, вовсе не идущей къ дѣлу и даже не входящей въ составъ физіологіи болтовней, а мѣстами даже и нелѣпостями. За то, въ ущербъ физіологическимъ познаніямъ, изъ лекцій и записокъ профессора, мы узнавали то, какъ онъ плавалъ по Атлантическому океану, какихъ ловилъ насѣкомыхъ, какихъ видѣлъ рыбъ, какъ ему жилось во время кругосвѣтнаго плаванія въ Новомъ свѣтѣ. Понятно, что студенты, жаждавшіе физіологическихъ знаній, не могли быть довольны лекціями Берви, который самъ, не давая пищи для положительныхъ познаній въ физіологіи, въ то же время воспрещалъ пользоваться хорошими учебниками, гдѣ физіологія излагалась не въ томъ абсурдно-болтливомъ тонѣ, какъ это было въ лекціяхъ профессора. Все это неоднократно вызывало взрывы негодованія, но въ мое время переносилось еще терпѣливо. Однако, чаша терпѣнія переполнилась, и все вышеозначенное привело къ тому письму, которое было написано Берви студентами въ 1855 году, когда я былъ уже врачемъ. Въ этомъ письмѣ, 70 человѣкъ, подписавшихся подъ письмомъ, умоляли профессора Берви, въ виду его старости и незнанія предмета (въ смягченныхъ, разумѣется, выраженіяхъ), уступить каѳедру физіологіи болѣе способнымъ и свѣжимъ силамъ. Профессоръ, однако, смотрѣлъ на дѣло иначе и, вѣроятно, сознавая свои достоинства, представилъ письмо студентовъ въ совѣтъ университета или ректору,—что онъ временно прекращаетъ чтеніе лекцій. Происшедшіе тогда безпорядки не

относятся къ описываемому времени, и они мнѣ, уже выбывшему тогда изъ университета, мало извѣстны, а потому скажу только, что дѣло кончилось выходомъ Берви въ отставку. Все это, впрочемъ, описано на страницахъ «Русской Старины» г. Фирсовымъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Русская Старина“ 1889 года.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. А. ХАРИТОНОВА [1]).

Служба при князѣ Воронцовѣ.

Служба на Кавказѣ въ управленіе перваго намѣстника князя М. С. Воронцова и его замѣстителя генерала Реада.

1847-й годъ.

Первоначальныя знакомства въ Тифлисѣ.—А. Ю. Копьевъ, И. И. Гогель.—Вечеръ у В. Н. Семенова —Пикникъ на Навтлугѣ.—Обѣды у гр. Девіера.—Н. В. Ханыковъ —Взятіе укрѣпленнаго аула Салты и Высочайшій рескриптъ на имя кн. Воронцова.—Генералъ Ладинскій.—Назначеніе князя В. О. Бебутова начальникомъ гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ.—Открытіе зимняго сезона баломъ у намѣстника 8 ноября —Главный составъ дамскаго общества.—Коммиссія для изысканія средствъ къ удовлетворенію расходовъ гражданскаго управленія изъ мѣстныхъ доходовъ края.—Проектъ соединенія двухъ казенныхъ палатъ въ одну Закавказскую.

Прибылъ я въ Тифлисъ къ вечеру въ 7 часовъ 6 мая 1847 года и, проѣхавъ почти весь городъ въ прямой линіи отъ Московской заставы, т. е. по Головинскому проспекту, черезъ Эриванскую площадь и по Ханской улицѣ [2]), остановился, до пріисканія квартиры, у Арзанова, учителя Тифлисской гимназіи, который незадолго передъ тѣмъ привозилъ кавказскихъ воспитанниковъ въ Петербургъ и самъ предложилъ мнѣ свое гостепріимство, по неимѣнію въ Тифлисѣ сколько-нибудь порядочной гостиницы. Впрочемъ, я черезъ нѣсколько дней нанялъ себѣ квартиру изъ четырехъ комнатъ, за 500 руб. безъ дровъ въ домѣ Деппера (перешедшемъ потомъ къ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1894 г.

[2]) До пріѣзда князя Воронцова она называлась Гановскою, по имени сенатора Гана, вводившаго положеніе объ учрежденіи гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ въ 1841 году.

аптекарю Шмидту) на Почтовой площади, очень близко отъ казенной палаты.

На другой же день послѣ пріѣзда, я представился начальнику гражданскаго управленія, генералу Ладинскому, и отправился въ казенную палату принять присягу на должность предсѣдателя, исполнивъ тѣмъ необходимый, по тогдашнимъ правиламъ, обрядъ, который теперь отмѣненъ и сохранился только для членовъ новыхъ судебныхъ учрежденій, дающихъ, при вступленіи въ должность, присягу по особо установленной формѣ. Сдѣлавъ затѣмъ оффиціальные и другіе визиты, я началъ постепенно знакомиться съ мужскимъ персоналомъ тифлисскаго общества. Большая часть тогдашнихъ молодыхъ людей уже теперь покойники, между ними я упомяну, во всякомъ случаѣ, о К. П. фонъ-Кауфманѣ, котораго я засталъ въ Тифлисѣ, въ чинѣ капитана гвардіи, старшимъ адъютантомъ въ управленіи начальника инженеровъ. Изъ оставшихся же въ живыхъ нѣкоторые сдѣлали блистательную карьеру, таковы: графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, князь Л. И. Меликовъ, баронъ А. П. Николаи, графъ Ѳ. Л. Гейденъ; другіе также выдвинулись каждый на своемъ поприщѣ: князь А. И. Шаховской (генералъ-отъ-артиллеріи, командовавшій корпусомъ во время послѣдней съ Турціею войны 1877—78 г.), А. Ѳ. Крузенштернъ (статсъ-секретарь), Р. И. Брауншвейгъ (неприсутствующій сенаторъ), баронъ Э. К. Делинсгаузенъ (корпусный командиръ), Я. П. Полонскій (извѣстный поэтъ и литераторъ)[1]. Что касается дамскаго общества, то я отложилъ всякія по этой части знакомства до сентября мѣсяца, когда обыкновенно начинала съѣзжаться публика съ дачъ и деревень. Княгиня Е. К. Воронцова была въ от-

---

[1]) Лорисъ-Меликова, князя Дондукова-Корсакова, и князя Шаховскаго я засталъ адъютантами, а Крузенштерна чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Воронцовѣ, Брауншвейга столоначальникомъ въ канцеляріи намѣстника, а Делинсгаузена прапорщикомъ въ должности адъютанта при начальникѣ главнаго штаба П. Е. Коцебу.

Позднѣйшая приписка. Делинсгаузенъ съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи, уволенъ отъ службы, А. Ѳ. Крузенштернъ умеръ въ Мюнхенѣ, въ апрѣлѣ 1887 года, и тамъ похороненъ, Брауншвейгъ умеръ въ августѣ 1888 года, графъ Лорисъ-Меликовъ въ Ниццѣ 12 декабря того же года, князь Л. И. Меликовъ въ 1892 г. въ Тифлисѣ, и наконецъ князь Дондуковъ-Корсаковъ въ 1893 году, въ своемъ имѣніи Псковской губерніи.

сутствіи, но скоро возвратилась изъ Имеретіи. Я успѣлъ быть ей представленнымъ и получилъ приглашеніе къ обѣду, послѣ чего могъ уже считать себя принадлежащимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя приняты были въ домѣ Воронцовыхъ, и, какъ знакомые, ѣздили къ княгинѣ по воскресеньямъ и четвергамъ утромъ съ визитами и по понедѣльникамъ на вечера, безъ особаго каждый разъ приглашенія.

Начиналось лѣто очень жаркое и вскорѣ, недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда, открылась холера довольно сильная: у меня въ палатѣ умерло отъ нея четверо, въ томъ числѣ ассессоръ палаты Кояндеръ, который часа за два до смерти долго держалъ мою руку, передавая мнѣ свои домашніе секреты. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ мало опасались тогда заразительности холеры.

Какъ холостякъ, не имѣвшій своего хозяйства, я сперва ходилъ обѣдать въ клубъ, который помѣщался тамъ же, гдѣ и Дворянское собраніе, противъ дома главнокомандующаго, отъ меня не далеко. Но вскорѣ потомъ я началъ столоваться у графа Девіера, вмѣстѣ съ Крузенштерномъ и Дюкруаси: въ нашей складчинѣ участвовало еще двое, но кто именно — теперь не помню. Впрочемъ, у насъ постоянно бывало нѣсколько гостей. Въ числѣ тѣхъ, которые навѣщали насъ чаще, былъ между прочимъ С. И. Романовъ, отставной провіантскій чиновникъ, почему-то зажившійся въ Тифлисѣ, злой шутникъ и балагуръ. Онъ воспитывался заграницей и владѣлъ отлично французскимъ языкомъ, но умѣлъ и по-русски ругаться. Больше всего доставалось отъ него самому намѣстнику и женѣ его, княгинѣ Е. К. Воронцовой, да приближеннымъ князя Михаила Семеновича: Сафонову и Андреевскому. Про Сафонова, который вообще не былъ дѣлецъ и занимался больше составленіемъ конфиденціальныхъ писемъ, Романовъ говаривалъ, напримѣръ, что когда Сафоновъ устанетъ диктовать, то садится самъ за столъ на мѣсто дежурнаго чиновника и продолжаетъ писать уже подъ его диктовку. Кончилась, однако, руготня Романова тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день намѣстникъ, пригласивъ его къ себѣ, спросилъ, что онъ находитъ дурнаго въ его управленіи, и когда тотъ затруднился отвѣчать, то безъ дальнѣйшихъ церемоній приказалъ выслать его изъ Тифлиса.

Въ Петербургѣ Романовъ нашелъ потомъ себѣ покровителя въ статсъ-секретарѣ Булгаковѣ, который назначилъ его смотрителемъ провіантскаго магазина гдѣ-то въ Измайловскомъ полку. Это давало ему возможность жить довольно открыто и собирать у себя гостей, между которыми бывало не мало старыхъ кавказцевъ. Я тамъ встрѣчалъ въ 1858 году, между прочими, Н. И. Вольфа (бывшаго тогда уже членомъ военнаго совѣта) и отставнаго генералъ-маіора барона Меллера-Закомельскаго [1]), которые всякій разъ дразнили меня разспросами о причинахъ быстраго возвышенія князя А. И. Барятинскаго.

Бывалъ у насъ еще другой, болѣе замѣчательный гость Николай Владиміровичъ Ханыковъ. Онъ пользовался извѣстностью какъ оріенталистъ и путешественникъ въ Бухару, но объ немъ я вспомнилъ здѣсь только какъ о великомъ спорщикѣ, который не оставлялъ никакого замѣчанія безъ возраженія. Разскажу здѣсь одинъ случай, оставшійся у меня въ памяти. Ѣздилъ онъ часто въ Коджоры, которыя только-что начинали въ 1847 году устраиваться, какъ ближайшее мѣстопребываніе для дачной жизни тифлисцевъ, отличаясь прохладнымъ климатомъ по своему возвышенному положенію (на 4.000 футъ надъ уровнемъ моря). А между тѣмъ въ городѣ была холера, и Ханыковъ, изъ страха передъ нею, былъ очень строгъ въ діэтѣ и сильно кутался. Я разъ его и спрашиваю: «вотъ вы, Николай Владиміровичъ, такъ бережетесь и другимъ совѣтуете беречься, а сами рискуете, при частыхъ переѣздахъ въ Коджоры и обратно, простудиться, подвергая себя рѣзкимъ переходамъ отъ тепла къ холоду». Онъ, минуту подумавъ, отвѣчалъ: «отчего же? Вотъ напримѣръ, изъ Персіи отправляютъ въ разныя мѣста, въ томъ числѣ и прохладныя, вмѣсто почты, посланцевъ, но между ними особенной смертности не замѣчено». Мы такъ и разразились общимъ хохотомъ. Что касается дѣятельности Ханыкова на Кавказѣ, то объ

---

[1]) Съ Н. И. Вольфомъ я былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и буду еще упоминать о немъ въ этихъ запискахъ, а Меллера-Закомельскаго я мало зналъ и слышалъ только часто противъ него обвиненіе въ томъ, что, командуя Куринскимъ егерскимъ полкомъ, онъ упустилъ Шамиля, когда имамъ, желая прорваться въ Кабарду, выступилъ, въ 1846 году, на Военно-Грузинскую дорогу между Владикавказомъ и Екатериноградомъ.

ней ничего особеннаго сказать нельзя. Онъ часто ѣздилъ то въ Персію, то въ Петербургъ, писалъ ученыя статьи въ кавказскомъ календарѣ и въ географическихъ запискахъ, измѣрялъ, вмѣстѣ съ Ходзько, высоты барометрическимъ способомъ, сочинялъ какіе-то проекты о мусульманскихъ училищахъ, но настоящимъ дѣломъ въ практическомъ или чиновничьемъ, если хотите, смыслѣ, онъ не занимался и былъ въ Тифлисѣ скорѣе наблюдателемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Вотъ бы кому вести дневникъ или составлять записки объ эпохѣ воронцовскаго намѣстничества, но онъ ихъ, кажется, не оставилъ и умеръ въ Парижѣ, занимаясь роскошнымъ изданіемъ трудовъ ученой экспедиціи въ Хорасанъ, въ которой онъ участвовалъ чуть ли не въ качествѣ предсѣдателя.

Съ половины іюня послѣ отъѣзда на воды въ Кисловодскъ княгини Воронцовой, Тифлисъ совершенно опустѣлъ; остались въ немъ только тѣ изъ служащихъ, которые привязаны къ должностямъ, какъ вообще губернскіе чиновники. Жары были невыносимые и доходили днемъ въ тѣни до 31° и ночью до 23° и 24° по Реомюру. Голова была постоянно мокра, а чтобы бѣлье не промокало на тѣлѣ, я сталъ, по примѣру другихъ, надѣвать подъ низъ шелковую, изъ канауса, рубашку. Это предохраняло и отъ простуды, которая вообще въ Тифлисѣ не ограничивается насморкомъ и кашлемъ, а принимаетъ тотчасъ воспалительный характеръ. Спасаясь отъ такихъ жаровъ и отъ духоты въ городѣ, я нанялъ домикъ съ садомъ въ Навтлугѣ, предмѣстьѣ Тифлиса, гдѣ помѣщались коммиссаріатская коммиссія и военный госпиталь. Я каждое утро ѣздилъ въ казенную палату и привозилъ съ собой дѣла, которыми занимался усердно. Въ усиленныхъ занятіяхъ находилъ я лучшее лѣкарство отъ скуки и грустныхъ мыслей о покинутомъ Петербургѣ.

Въ концѣ іюля послѣдовало открытіе въ Тифлисѣ торговаго депо и при немъ магазина русскихъ мануфактурныхъ издѣлій на манеръ такихъ же магазиновъ, устроенныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ и пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ министра финансовъ Ѳ. П. Вронченко. Управляющимъ торговаго депо явился Ѳ. Ѳ. Бобылевъ, который гораздо позже былъ редакторомъ газеты «Кавказъ» и оказался не дурнымъ для провинціальной газеты публицистомъ. Для устройства же оптовой торговли пріѣзжалъ представителемъ

московскаго купечества мануфактуръ-совѣтникъ Рогожинъ и заявилъ сразу большое требованіе на покупку лучшихъ кахетинскихъ винъ. Проба ихъ назначена была въ клубѣ и продолжалась съ обѣда, т. е. съ 2 часовъ дня, до 2 часовъ ночи; собравшееся общество до 30 человѣкъ выпило болѣе 100 бутылокъ отборнаго кахетинскаго вина. Въ числѣ пирующихъ былъ и знаменитый Гульбатъ Чавчавадзе, который одинъ выпилъ, можетъ быть, двѣ тунги, т. е. 10 бутылокъ. Но это было не простое пьянство, а веселый кавказскій кутежъ подъ открытымъ небомъ въ саду, находившемся при клубѣ, прямо противъ дома главнокомандующаго [1]. Вообще тогда на Кавказѣ жили весело и дружно, а пріѣзжіе просто отдыхали душой послѣ тѣхъ строгостей, какія практиковались въ Россіи. Такъ, т. е. Россіею, назывались въ Тифлисѣ внутреннія и вообще некавказскія губерніи. Впрочемъ, на строгости жаловались больше пріѣхавшіе изъ дальнихъ губерній, а не мы, петербуржцы; намъ была всего больше мила свобода курить на улицѣ (что̀ прежде строго запрещалось въ столицѣ), съ исправниками же или вообще съ полиціей и синими мундирами мы и прежде не имѣли дѣла. И потому въ первое время, какъ вспомнишь бывало о Петербургѣ, такъ и охватитъ всего какое-то щемящее, грустное чувство и незамѣтно потянешься въ прогулку на Веру, т. е. къ Московской заставѣ, чтобы сократить хоть на версту разстояніе, отдѣляющее отъ покинутыхъ друзей, или примешься писать къ одному изъ нихъ письмо, наполняя его воспоминаніями о прошедшемъ.

На первыхъ же порахъ я познакомился съ генераломъ И. И. Гогелемъ и полковникомъ Ю. А. Копьевымъ, которымъ былъ рекомендованъ изъ Петербурга ихъ родными. Съ первымъ раздѣляла

---

[1]) Замѣчу кстати, что кавказскія пирушки или, если хотите, попойки имѣютъ свои правила и законы, блюстителемъ которыхъ выбирается за столомъ во время обѣда или ужина одинъ изъ гостей и провозглашается т у л у м б а ш е м ъ. Главное правило заключается въ томъ, что пить не дозволяется экспромптомъ, а непремѣнно за тостами. Обыкновенный вездѣ въ Грузіи возгласъ при возліяніяхъ Бахусу слѣдующій: одинъ обращается къ другому съ тостомъ, произнося: А л л а-в е р д ы (Богъ далъ), а тотъ отвѣчаетъ: я х ш и і о л ъ (добрый путь, на здоровье) и непремѣнно выпиваетъ стаканъ. Никто изъ пирующихъ не остается безъ такого привѣтствія.

меня одна площадь (Александровская, на которой потомъ былъ устроенъ, при князѣ Барятинскомъ, великолѣпный садъ) и, несмотря на то, я, до пріѣзда его жены, бывалъ у него рѣдко, потому что былъ крѣпко занятъ по службѣ. Втораго же я навѣщалъ иногда по вечерамъ, и мы съ нимъ распѣвали старинные романсы и даже итальянскіе дуэты. Копьевъ былъ флигель-адъютантомъ, не задолго передъ тѣмъ командовалъ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, но, по какимъ-то наговорамъ или доносамъ, былъ отданъ подъ судъ, и, какъ арестованный, почти не выходилъ изъ дому. Разсказывали въ Тифлисѣ, что въ тотъ самый день, когда уже отдано было приказаніе арестовать Копьева, князь Воронцовъ встрѣтилъ его у себя на вечерѣ какъ ни въ чемъ не бывало и протянулъ ему руку. Кто зналъ близко покойнаго Михаила Семеновича, тотъ еще могъ этому повѣрить, но чтобы онъ поднялъ все дѣло изъ-за вражды къ отцу Копьева, какъ утверждаетъ въ «Русской Старинѣ» Фелькнеръ, противъ чего возсталъ въ свое время Щербининъ, то это совершенно невѣроятно и ни на чемъ не основано. Воронцовъ просто хотѣлъ показать примѣръ законной строгости противъ злоупотребленій, отъ кого бы они ни исходили, хотя бы отъ флигель-адъютанта, но, къ несчастью, на этотъ разъ ошибся и подъ конецъ самъ созналъ свою ошибку. Между тѣмъ Г. И. Филипсонъ, разсказывая въ своихъ запискахъ исторію съ Копьевымъ («Русскій Архивъ» 1884, кн. 2, стр. 382) приводитъ совершенно невѣрный фактъ, будто его «привезли въ Тифлисъ арестованнымъ и заключили, какъ государственнаго преступника, въ Метехскій замокъ, гдѣ онъ, съ особенною строгостью, содержался болѣе двухъ лѣтъ». Ничего подобнаго не было: онъ находился подъ домашнимъ арестомъ во все время состоянія подъ судомъ, который тянулся долго и кончился ничѣмъ. Копьевъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1849 г. и первоначально прикомандированъ былъ къ Образцовому пѣхотному полку, квартировавшему въ Царскомъ Селѣ, почему я объ немъ имѣлъ свѣдѣнія черезъ брата, служившаго въ томъ же полку ротнымъ командиромъ. Также невѣрно и то, что вскорѣ послѣ 1850 г., когда Филипсонъ встрѣтилъ Копьева командиромъ Полтавскаго полка въ 3-мъ корпусѣ, послѣдній будто бы оставилъ службу и умеръ только въ 1881 году. Въ отставку Копьевъ не выходилъ, былъ во время

Крымской кампаніи бригаднымъ командиромъ въ Южной арміи и умеръ гораздо раньше, кажется, въ 1857 году.

Въ исходѣ августа 1847 г. появились въ Тифлисѣ изъ лѣтняго пребыванія двѣ дамы: одна, столь извѣстная въ то время и долго потомъ,—княгиня Анна Ивановна Багратіонъ-Мухранская [1]) и другая, княгиня Е. А. Суворова, урожденная Хитрово. Мужъ послѣдней, князь Константинъ Аркадьевичъ, родной братъ извѣстнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора, состоялъ въ должности адъютанта при князѣ Воронцовѣ, впрочемъ, не долго. Для этихъ двухъ дамъ В. Н. Семеновъ [2]) устроилъ у себя въ саду, подъ Салалакской горой, вечеръ, на который собралась вся бывшая на лицо молодежь и причислявшіе себя къ ней господа отъ 35 до 40 лѣтъ. Вечеръ удался вполнѣ: много было веселья, шумныхъ разговоровъ, тостовъ, пѣнія куплетовъ и, наконецъ, танцевъ, національныхъ и общеевропейскихъ, на коврахъ, которыми устланъ былъ весь садъ, порядочно иллюминованный. Чудная лунная ночь, какія бываютъ только на югѣ, довершала очарованіе. Все это такъ понравилось дамамъ и кавалерамъ, что явилось общее желаніе повторить испытанное удовольствіе и для этого устроить за Навтлугомъ на берегу Куры пикникъ, въ которомъ платить должны были только холостые, а какъ такихъ, въ концѣ концовъ, оказалось всего семеро, то и пришлось каждому изъ насъ внести по 90 руб. Устроенный нами далеко за городомъ танцовальный вечеръ съ полковой музыкой, иллюминаціею и фейерверкомъ прошелъ весело и закончился легкимъ канканомъ, въ которомъ участвовала и присоединившаяся

---

[1]) Она была красива, увлекательна и служила предметомъ нѣжной страсти многихъ изъ тогдашней тифлисской молодежи. Одинъ изъ нихъ, князь Голицынъ (числившійся по дипломатической канцеляріи намѣстника), отъ безнадежной любви къ ней застрѣлился, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Тифлисъ.

[2]) Василій Николаевичъ Семеновъ, одинъ изъ старыхъ лицеистовъ, выпуска 1820 года, былъ тогда членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, имѣвшимъ въ своемъ завѣдываніи учебную часть, и надѣялся попасть въ кутаисскіе губернаторы. Онъ до такой степени разсчитывалъ на это назначеніе, что отзывался о новой губерніи, для которой онъ составлялъ особенное положеніе, не иначе, какъ: моя Имеретія. Впрочемъ, можетъ быть такъ бы и случилось, не послѣдуй Высочайшее повелѣніе, о которомъ я упомянулъ выше, чтобы въ закавказскія губерніи назначались впредь военные губернаторы.

къ двумъ названнымъ дамамъ высокая и чопорная К., мужъ которой занималъ видное положеніе въ краѣ. А такъ какъ на наше веселье и канканированіе глазѣли живущіе въ Навтлугѣ коммиссаріатскіе чиновники, то за такое легкомысленное поведеніе г-жа К. получила должное внушеніе отъ своего мужа, находившагося въ экспедиціи съ кн. Воронцовымъ въ Южномъ Дагестанѣ. Экспедиція эта, длившаяся все лѣто 1847 года, имѣла своимъ послѣдствіемъ взятіе штурмомъ укрѣпленнаго аула Салты, что считалось важнымъ военнымъ успѣхомъ, такъ что, по полученіи извѣстія объ немъ въ Тифлисѣ, служили торжественно въ Сіонскомъ соборѣ благодарственный молебенъ. За этотъ же подвигъ кн. Воронцовъ удостоился получить отъ государя Высочайшій рескриптъ, который оканчивался такъ: «Припоминая, что начальнымъ поприщемъ службы вашей «была часть гражданская и что вы, слѣдуя собственному влеченію, перешли въ военную службу во томъ краѣ, гдѣ нынѣ сынъ «вашъ, князь Семенъ, находится постоянно съ вами, раздѣляя всѣ «труды и опасности войны, Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи направить и его службу по пути, вами слѣдуемому. Въ сихъ «видахъ Я назначилъ сына вашего къ Себѣ флигель-адъютантомъ, «съ зачисленіемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ штабсъ-капитаномъ и съ состояніемъ при васъ, вполнѣ надѣясь, что и онъ, слѣдуя по стопамъ доблестнаго отца своего, будетъ подобно ему достойный и отличный воинъ.»

Взятіе Салтовъ совершилось 14-го сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста. По этому случаю генералъ Ладинскій, находившійся въ постоянной перепискѣ съ кн. Воронцовымъ, поздравляя его съ побѣдой, привелъ въ письмѣ извѣстную надпись на медали 1812 года: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Воронцовъ, какъ разсказывали тогда, принялъ это за намекъ, что не искусство полководца, а Божій Промыслъ рѣшилъ дѣло подъ Салтами. Не вытерпѣвъ, онъ высказалъ наконецъ, въ письмѣ къ предсѣдателю Кавказскаго комитета, свое неудовольствіе вообще противъ Ладинскаго, который дѣйствительно держалъ себя въ оппозиціи, не скрывая и разсказывая à qui voulait l'entendre, что онъ, занимая должность начальника гражданскаго управленія, незаконно устраненъ отъ прямаго участія въ дѣлахъ этого управленія, сосредоточив-

шихся въ рукахъ Сафонова, какъ директора канцеляріи намѣстника. Въ сущности онъ былъ правъ, но вѣроятно самъ подалъ поводъ намѣстнику избѣгать его потому, что въ началѣ ему поручались весьма важныя дѣла, въ томъ числѣ, напримѣръ, дѣло объ утвержденіи имущественныхъ правъ высшаго мусульманскаго сословія, окончившееся Высочайшимъ рескриптомъ на имя князя Воронцова 14-го декабря 1846 г. (о чемъ я упомянулъ выше при разсказѣ о моей службѣ по Кавказскому комитету). Какъ бы то ни было, Ладинскій былъ уволенъ не только отъ должности, но и отъ службы. Никакихъ проводовъ ему, сколько помнится, не было и только упомянуто въ газетѣ «Кавказъ», что 12-го декабря 1847 года выѣхалъ отставной генералъ-лейтенантъ Ладинскій. Начальникомъ гражданскаго управленія назначенъ былъ столь извѣстный издавна на Кавказѣ и прославившійся потомъ на всю Россію въ турецкую войну 1853—1855 г. князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Но въ то время меня, признаюсь, удивило такое назначеніе, и вотъ почему. Чуть ли не передъ самымъ выходомъ моимъ изъ канцеляріи Кавказскаго комитета кончилось тамъ знаменитое дѣло о фальшивыхъ документахъ, выдававшихся изъ временнаго Ахалцыхскаго правленія на земли турецко-подданнымъ при выселеніи ихъ въ Турцію, по окончаніи войны въ 1829 году. Кн. Бебутовъ, какъ областной начальникъ, былъ предсѣдателемъ правленія и слѣдовательно замѣшанъ въ томъ дѣлѣ, но кн. Воронцовъ, находя неудобнымъ подвергать его дѣйствія судебному разбирательству послѣ того, какъ онъ еще недавно, въ октябрѣ 1846 года, одержалъ побѣду надъ Шамилемъ при селеніи Кутиши, ходатайствовалъ о томъ, чтобы за давнопрошедшимъ временемъ и во вниманіе къ заслугамъ его, кн. Бебутова, все дѣло предать забвенію. Но министръ юстиціи графъ Панинъ былъ противъ прекращенія дѣла, и Кавказскій комитетъ, повидимому, съ нимъ согласился. Тогда государь Николай Павловичъ приказалъ запросить намѣстника царства Польскаго, князя Паскевича, какъ бывшаго въ 1829 и 30 годахъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, и тотъ донесъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе кн. Воронцова. Затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла по фальшивымъ документамъ Ахалцыхскаго временнаго правленія, и только такимъ образомъ кн.

Бебутовъ избавился отъ слѣдствія и суда. Можно ли было, послѣ этого, ожидать, чтобы тотъ же кн. Бебутовъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ времени, былъ назначенъ начальникомъ Закавказскаго края?

Пока я привыкалъ къ новымъ занятіямъ и образу жизни въ Тифлисѣ, матушка моя, оставшись одинокой послѣ отъѣзда моего на Кавказъ, обратилась съ просьбой къ государю о переводѣ брата моего Константина, служившаго въ Вильно дивизіоннымъ адъютантомъ при генералѣ Батуринѣ, въ Образцовый пѣхотный полкъ, на что̀ послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и братъ, въ сентябрѣ 1847 года, переѣхалъ вновь на службу въ Царское Село. Но такъ какъ этотъ переходъ состоялся помимо полковаго командира Максимовича (о которомъ я упоминалъ уже, какъ объ адъютантѣ моего отца), то зачисленіе брата въ постоянные кадры Образцоваго полка,—что̀ давало вообще право на двойной окладъ жалованья и на переходъ въ гвардію,—замедлилось на цѣлый годъ. Между тѣмъ матушка, въ началѣ іюня 1847 года, отправилась на свиданіе съ любимою дочерью, Анною Александровной, послѣ 25 лѣтъ разлуки, въ г. Ставрополь Симарской губерніи, гдѣ мужъ ея Мильковичъ былъ помѣщикомъ и въ то же время служилъ по удѣльному вѣдомству.

Пароходовъ на Волгѣ тогда еще не было, и матушка изъ Нижняго пустилась въ дорогу водой на какой-то расшивѣ и едва черезъ недѣлю времени добралась до Казани, гдѣ ее встрѣтила сестра Анна и отвезла къ себѣ въ имѣніе мужа. У Мильковичей матушка провела всю зиму и возвратилась въ свой милый Петербургъ,—какъ она его называла,—только въ апрѣлѣ 1848 года, поселилась же съ братомъ на одной квартирѣ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ и провела остатокъ дней своихъ.

Въ половинѣ октября 1847 года возвратился въ Тифлисъ, послѣ 5-ти мѣсячнаго отсутствія, князь Воронцовъ и съ нимъ пріѣхала княгиня Елизавета Ксаверіевна, проводившая лѣто на водахъ въ Кисловодскѣ. 8-го ноября открылся зимній сезонъ баломъ у намѣстника, и затѣмъ начались постоянные по понедѣльникамъ танцовальные вечера. Дамское общество въ Тифлисѣ состояло тогда изъ однѣхъ замужнихъ, а между ними были молодыя и красивыя особы. Въ числѣ ихъ отличались: княгиня А. И. Мухранская (о ко-

торой я уже говорилъ), княгиня Елена Эристова (къ которой питалъ потомъ слабость самъ намѣстникъ), Анастасія Петровна Ганзенъ и только-что вышедшая замужъ Юлія Ивановна Щербинина (урожденная Прибиль). Дѣвицъ же, ѣздившихъ на воронцовскіе балы, было только двѣ: княжна Настенька Орбельянъ (вышедшая потомъ за князя Александра Ивановича Гагарина) и Прибыткова, умершая въ Тифлисѣ въ началѣ 1854 года. Вскорѣ послѣ того и сестра ея, Надежда Лукинична Стишинская, съ которой жена моя постоянно находилась въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, оставила край, когда мужъ ея, по окончаніи Крымской войны и заключеніи мира, вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ въ имѣніи Воронежской губерніи, которое такъ хорошо устроилъ и расширилъ прикупкою сосѣднихъ земель.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 года я получилъ два предписанія намѣстника о назначеніи меня директоромъ театра по сценической части и членомъ особой коммиссіи по увеличенію мѣстныхъ доходовъ и сокращенію расходовъ на гражданское управленіе въ Закавказскомъ краѣ. Директорство по театру хотя и стоило мнѣ нѣкоторыхъ хлопотъ, но мало отвлекало отъ настоящаго дѣла. Напротивъ, обязанности по коммиссіи легли всею тяжестью на меня одного, потому что другіе два члена Ю. А. Гагемейстеръ (извѣстный впослѣдствіи директоръ Кредитной канцеляріи при министрѣ финансовъ Княжевичѣ) и И. А. Дюкруаси ограничились какими-то ничтожными предположеніями въ родѣ установленія пошлины на привозимыя піявки, и не касались главной задачи— объ удовлетвореніи всѣхъ расходовъ гражданскаго управленія изъ мѣстныхъ доходовъ края. Былъ назначенъ къ намъ въ коммиссію еще четвертый членъ, коллежскій ассесоръ В. Т. Бѣляевъ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что онъ, какъ казначей и начальникъ счетнаго отдѣленія канцеляріи намѣстника, долженъ быть финансистомъ. Но мы его игнорировали и не приглашали даже въ наши засѣданія потому, что совѣщаться съ нимъ было не о чемъ. Это былъ просто кассиръ или счетчикъ, а по понятіямъ и разговору Бѣляевъ представлялъ собою человѣка, о которомъ отзываются коротко, что онъ шутъ гороховый. Каковъ онъ былъ по части стилистики, приведу здѣсь окончаніе представленія его

къ наградѣ въ 1853 году, имъ самимъ сочиненное и записанное въ дневникъ одного чиновника, который служилъ вмѣстѣ съ нимъ по казначейству главнаго управленія намѣстника.

«Столь удовлетворительный успѣхъ коллежскаго совѣтника «Бѣляева во всѣхъ многотрудныхъ порученіяхъ, всегда съ значи-«тельнымъ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ, которыя были «возлагаемы на него отъ начальства, убѣждаетъ, что это есть «слѣдствіе сколько природныхъ и пріобрѣтенныхъ имъ способно-«стей, столько и примѣрной ревности къ службѣ, свидѣтельствую-«щихъ въ немъ въ высшей степени нравственнаго исполнителя и «добросовѣстнаго чиновника».

Тѣмъ не менѣе Бѣляевъ былъ для многихъ нужнымъ человѣкомъ, и за нимъ ухаживали всѣ тѣ, которые, нуждаясь въ деньгахъ, хотѣли занять изъ такъ называемой экстраординарной суммы, находившейся въ безотчетномъ распоряженіи намѣстника. И я, грѣшный человѣкъ, прибѣгалъ къ его могущественному въ этомъ отношеніи вліянію. Не знаю почему, но всѣ просьбы чиновниковъ и разныхъ неслужащихъ лицъ, преимущественно изъ мѣстной аристократіи, о заимообразныхъ пособіяхъ докладывались кн. Воронцову не директоромъ канцеляріи, а казначеемъ Бѣляевымъ, который обыкновенно произносилъ своимъ хохлацкимъ выговоромъ: «Отчего же не дать, ваше сіятельство, нуждающемуся чоловіку, коли можно». Заискивающіе у Бѣляева называли его ваше превосходительство, когда онъ былъ еще статскимъ совѣтникомъ, но потомъ онъ дослужился до настоящаго превосходительнаго чина и вышелъ въ отставку съ порядочнымъ состояніемъ. Онъ имѣлъ хорошій домъ въ Кукахъ (по ту сторону рѣки Куры въ Тифлисѣ) и одну или двѣ дачи въ Коджорахъ. Другихъ домовладѣльцевъ изъ чиновнаго люда въ то время я что-то не помню, а послѣ, гораздо позже, развилось ихъ, говорятъ, довольно много. Задача, разрѣшеніе которой поручено было намѣстникомъ нашей коммиссіи, была предложена министромъ финансовъ по пустому въ сущности поводу, а именно вслѣдствіе того, что Тифлисская казенная палата, для усиленія кассовыхъ средствъ въ подвѣдомственныхъ ей уѣздныхъ казначействахъ, потребовала 500 т. р. изъ главнаго казначейства, что случалось и прежде и не было

вовсе неожиданностью для министерства финансовъ. Между тѣмъ Кавказскій комитетъ одобрилъ предположеніе графа Вронченко, заключавшееся въ томъ, чтобы, обративъ мѣстные доходы Закавказскаго края на расходы по гражданскому его управленію, опредѣлить норму пособій изъ государственнаго казначейства въ теченіе извѣстнаго времени, примѣрно 5-ти лѣтъ, послѣ чего кавказское начальство должно было обходиться своими средствами, не требуя подкрѣпленій изъ общихъ государственныхъ источниковъ. Для обсужденія такого предположенія нужна была масса свѣдѣній и, хотя они находились въ генеральныхъ отчетахъ казенной палаты, но какъ ихъ было оттуда извлечь? Въ своей Тифлисской палатѣ я не могъ никому поручить сдѣлать это извлеченіе потому, что чиновники, занимавшіе должности бухгалтеровъ и контролеровъ, были вообще люди мало образованные, привыкшіе къ такъ называемой шаблонной работѣ по извѣстнымъ образцамъ и разъ заведенному порядку. Только долгимъ опытомъ пріобрѣтали они извѣстный навыкъ справляться собственно съ тѣмъ, что̀ отъ нихъ требовалось строго установленными формами и правилами отчетности. И такъ я самъ долженъ былъ заняться этимъ дѣломъ и рыться въ толстыхъ книгахъ и отчетахъ, чтобы добыть необходимыя для соображеній коммиссіи данныя о доходахъ и расходахъ за нѣсколько лѣтъ. При этомъ я долженъ сказать, что собираемыя мною свѣдѣнія могли касаться только двухъ губерній: Тифлисской и Кутаисской и центральнаго управленія; по двумъ же остальнымъ губерніямъ: Шемахинской и Дербентской [1]) подобныя свѣдѣнія затребованы были изъ Шемахинской казенной палаты. Вотъ это самое раздвоеніе отчетности, невыгодное или, по

---

[1]) Тогда только эти 4 губерніи, да еще особый Закатальскій округъ, подчиненный начальнику Лезгинской кордонной линіи, составляли Закавказскій край; впослѣдствіи же открыты были еще двѣ губерніи: Эриванская въ 1850 году и гораздо позже, уже при вел. князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, Елисаветпольская въ 1868 году. Но этимъ только измѣнено было административное раздѣленіе края; самое же пространство и населеніе его увеличилось лишь со времени послѣдней войны, когда къ намъ отошли въ 1878 году Батумъ и Карсская область. Въ послѣдней, по свѣдѣніямъ 1883 года, считалось 336 кв. миль и до 163.000 жителей (см. Кавказскій календарь на 1885 г стр. 233).

крайней мѣрѣ, затруднительное для статистическихъ выводовъ и общихъ соображеній, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ подобныхъ, гдѣ играютъ роль цифры денежныхъ оборотовъ, навело меня на мысль о пользѣ соединенія двухъ казенныхъ палатъ въ одну—подъ именемъ Закавказской; почему я, прежде еще окончанія копотливаго дѣла по разсмотрѣнію генеральныхъ отчетовъ, составилъ вполнѣ разработанный проектъ такого соединенія палатъ, представленный, отъ имени коммиссіи, въ первой половинѣ 1848 года и, по разсмотрѣніи въ Кавказскомъ комитетѣ, Высочайше утвержденный именнымъ указомъ 1-го декабря того же года. Это была первая съ моей стороны заслуга передъ государственнымъ казначействомъ, засвидѣтельствованная въ представленіи намѣстника (отъ 25-го ноября 1849 г. № 1294) такимъ образомъ: «Не ограничиваясь исполненіемъ прямыхъ обязанностей по должности предсѣдателя Тифлисской казенной палаты, статскій совѣтникъ Харитоновъ принималъ самое ревностное участіе въ многихъ отдѣльныхъ коммиссіяхъ и по одной изъ нихъ представилъ лично ему принадлежащее предположеніе о соединеніи двухъ въ Закавказскомъ краѣ казенныхъ палатъ въ одну,—предположеніе, утвержденіе котораго имѣло послѣдствіемъ сокращеніе расходовъ казны почти на 17 т. руб. въ годъ».

А такъ какъ одна общая для всего края Закавказская казенная палата просуществовала 22 года, съ 1849 по 1872 г., когда вновь была открыта вторая, Бакинская палата, то можно считать, что въ пользу государственнаго казначейства, отъ приведенія моего проекта въ исполненіе, осталось сбереженія въ 365 т. рублей.

1848-й годъ.

Поѣздка на ревизію уѣздныхъ казначействъ и соляныхъ промысловъ.—Пріѣздъ въ Эривань.—Уѣздный начальникъ Блаватскій и уѣздный судья К. И. Орловскій.—Эчміадзинъ.—Нахичевань.—Кульпы. — Александраполь. — Возвращеніе въ Тифлисъ и поѣздка на минеральныя воды въ Пятигорскъ.—Близкое знакомство въ домѣ коменданта П. А. Принца. — Женитьба моя и генерала В. М. Козловскаго.—Характеристика послѣдняго, какъ военнаго человѣка.—Возвращеніе съ женою въ Тифлисъ.—Встрѣча въ горахъ съ Гулькевичемъ.—Дальнѣйшая его карьера въ Петербургѣ.—Первое время нашей семейной жизни въ Тифлисѣ.—Н. П. Колюбакинъ и его жена.—Служебная дѣятельность моя по казенной палатѣ и личнымъ порученіямъ намѣстника.—Личныя объясненія по дѣлу о новыхъ правилахъ выдачи пенсій азіатцамъ.—Первый выѣздъ жены на балъ у кн. Воронцова.

Собранный мною матеріалъ для разрѣшенія главной, возложенной на коммиссію задачи объ удовлетвореніи впредь расходовъ гражданскаго управленія изъ мѣстныхъ доходовъ Закавказскаго края, я предположилъ разработать въ Пятигорскѣ во время полученнаго мною отпуска на Кавказскія минеральныя воды.

Но передъ тѣмъ я отправился, какъ предсѣдатель казенной палаты, на ревизію уѣздныхъ казначействъ и соляныхъ промысловъ въ той части Тифлисской губерніи, изъ которой впослѣдствіи (въ 1850 году образована была особая Эриванская губернія.

Я выѣхалъ изъ Тифлиса 17-го мая 1848 года, а на другой день 18-го мая произошелъ въ немъ отъ удара молніи взрывъ пороховаго погреба, устроеннаго въ древней крѣпостной башнѣ надъ ботаническимъ садомъ, который расположенъ на высокой горѣ. Всѣ стекла въ городѣ были перебиты, половина башни разрушилась и разлетѣлась по всей горѣ въ мелкихъ кускахъ, а часовой, стоявшій у погреба, остался цѣлъ и невредимъ.

Пріѣхавъ въ Эривань, я засталъ тамъ уѣзднымъ начальникомъ коллежскаго ассессора Блаватскаго и уѣзднымъ судьей коллежскаго ассессора К. И. Орловскаго. Первый изъ нихъ, пользуясь неизвѣстно почему, особеннымъ вниманіемъ князя Воронцова, имѣлъ право пріѣзжать безъ разрѣшенія въ Тифлисъ, когда сочтетъ нужнымъ, являться къ намѣстнику, докладывать ему непосредственно и получать отъ него приказанія И Блаватскій пользовался широко такимъ правомъ, не дѣлая изъ этого ни передъ кѣмъ секрета.

Князь Михаилъ Семеновичъ позволялъ себѣ иногда такія отступленія отъ служебнаго порядка въ тѣхъ, впрочемъ, случаяхъ, когда зналъ, что обращаться къ старшему лицу или начальнику совершенно безполезно.

Позже, при открытіи Эриванской губерніи, Блаватскій былъ назначенъ вице-губернаторомъ и вскорѣ женился на дочери извѣстной писательницы Зинаиды Р., Е. П. Ганъ, проживавшей въ Тифлисѣ у дѣда своего А. М. Фадѣева, который занималъ тогда должность члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Она вскорѣ, однако, покинула мужа и потомъ прославилась на весь міръ своими похожденіями: объ ней писали изъ Константинополя и даже изъ Америки.

Другая изъ названныхъ мною личностей К. И. Орловскій не пользовался, напротивъ, благоволеніемъ князя Воронцова, предубѣжденнаго противъ него за какія-то дѣйствія въ Нухѣ по званію управляющаго дѣлами общества шелководства, которое не задолго передъ тѣмъ закрылось и ликвидировало свои дѣла. Вѣроятно, неблагопріятныя для Орловскаго свѣдѣнія и отзывы были сообщены кн. Воронцову еще въ Петербургѣ кѣмъ-нибудь изъ бывшихъ членовъ правленія общества. Какъ бы то ни было, Орловскій, несмотря на родственныя по женѣ отношенія его къ М. П. Щербинину, бывшему въ 1850 году директоромъ канцеляріи намѣстника, не могъ выдвинуться впередъ за все время управленія кн. Воронцова. Только въ 1858 году кн. Барятинскій, уступая ходатайству своего директора канцеляріи А. Ѳ. Крузенштерна, согласился предоставить Орловскому мѣсто вице-губернатора въ Тифлисѣ, гдѣ онъ вскорѣ потомъ, именно въ 1860 году, былъ назначенъ губернаторомъ и оставался на этой должности болѣе 15 лѣтъ до самой смерти въ 1876 году. К. И. Орловскій былъ несомнѣнно умный и дѣльный чиновникъ, но главнымъ образомъ ловкій, т. е. обладалъ такимъ качествомъ, которое больше приноситъ пользы самому лицу, чѣмъ дѣлу или управляемымъ, почему кстати здѣсь скажу, что въ моихъ глазахъ ловкость (о которой у насъ такъ часто говорятъ въ похвалу государственному или общественному дѣятелю), не есть особенное достоинство въ администраторѣ и цѣнно развѣ въ дипломатѣ.

Собственно о г. Эривани, гдѣ я провелъ всего только одинъ день для отдыха и ревизіи уѣзднаго казначейства, мнѣ нечего сказать, кромѣ развѣ того, что видѣлъ тамъ крѣпость, взятую штурмомъ въ 1827 году.

За этотъ подвигъ начальствовавшій надъ войсками Паскевичъ получилъ первый почетный титулъ графа Эриванскаго, но говорятъ, что когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Эривань черезъ 10-ть лѣтъ, въ 1837 году, то произнесъ будто бы: «Такъ этотъ-то глиняный горшокъ и есть знаменитая Эриванская крѣпость?»

Изъ Эривани отправился я на соляные промыслы и прежде въ городъ Нахичевань, а потомъ въ сел. Кульпы на турецкой границѣ за Араксомъ, недалеко отъ впаденія въ него р. Арпачая. Эти два богатыя мѣсторожденія каменной соли достались намъ отъ Персіи и Турціи послѣ войнъ, окончившихся въ 1828 и 29 годахъ. Въ нахичеванскомъ мѣсторожденіи соль добывается пороховыми взрывами горы, гдѣ она заключена и получается комьями неправильной величины и при томъ смѣшанною съ землею, а въ Кульпинской горѣ соль чиста, какъ кристалъ, и просто вырубается киркою. Въ полученныхъ такимъ способомъ камняхъ кульпинской соли полагается вѣсу до $2^{1}/_{2}$ пудовъ. Вырубкою этою занимались приписанные къ промыслу казенные крестьяне сел. Кульпы, которые, сверхъ освобожденія отъ всѣхъ податей и повинностей, получали еще опредѣленную отъ казны плату по 2 коп. за крупную (въ камняхъ) и по одной коп. за мелкую, осыпавшуюся соль.

По дорогѣ въ село Кульпы, въ 17-ти верстахъ на западъ отъ Эривани, находится Эчміадзинскій монастырь, мѣстопребываніе верховнаго патріарха, католикоса всѣхъ армянъ и армяно-грегоріанскаго синода, открытаго въ 1837 году по Положенію объ управленіи дѣлами армяно-грегоріанской церкви. Я, конечно, остановился, чтобы осмотрѣть знаменитую обитель. Основаніе монастыря приписываютъ Григорію Великому, просвѣтителю Арменіи въ 303 г. по Р. Х. Имя Эчміадзинъ принадлежитъ собственно престолу и значитъ на армянскомъ языкѣ «сошелъ Единородный». Внутри ограды, на главномъ дворѣ, находится первопрестольный храмъ св. Георгія, Шогакатъ,—что значитъ изліяніе лу-

чей, — сохранившій, по преданію, размѣры, данные ему Григоріемъ Великимъ. Внутри же храма, высокаго и мрачнаго, освѣщеннаго двѣнадцатью узкими окнами, прорѣзанными въ куполѣ, стоитъ средній престолъ, помѣщенный между четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполъ. Онъ-то собственно и носитъ названіе Эчміадзинъ; четыре столба изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ его рѣзную сѣнь. Бронзовая рѣшетка окружаетъ престолъ, возвышающійся на двѣ ступеньки надъ помостомъ. По лѣвую сторону престола находится рѣзной тронъ, присланный папою Иннокентіемъ. Здѣсь обыкновенно становится патріархъ во время богослуженія.

Изъ Кульпъ я проѣхалъ на Александраполь, вдоль турецкой границы, чрезъ Талынь и Мостару, по такъ называвшейся царской дорогѣ, гдѣ прежде шелъ почтовый трактъ, а въ то время не было ни станцій, ни другаго пріюта для отдыха и ночлега, кромѣ буйлятниковъ, замѣнявшихъ наши постоялые дворы.

Городъ Александраполь, въ который я прибылъ для ревизіи уѣзднаго казначейства, образованъ изъ бывшаго здѣсь мѣстечка Гумры и названъ такъ вмѣстѣ съ крѣпостью, заложенною въ 1837 году, въ проѣздъ государя Николая Павловича, въ честь императрицы Александры Ѳеодоровны. Городъ лежитъ близъ рѣки Арпачая и возвышается надъ уровнемъ моря на 4.819 англ. фут. Климатъ прохладный и здоровый, лѣто и осень сухія, зима холодная, снѣгъ лежитъ иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, морозы доходятъ до 20° R. и болѣе, напоминая русскую зиму. По богатству строительнаго матеріала, онъ отлично обстроился и можетъ считаться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ края. Несмотря на то, населеніе его слабо увеличивается: въ 1848 году считалось до 11 т., а теперь числится слишкомъ 20 т. жителей. Въ двѣ послѣднія войны съ Турціею въ 1853—55 и въ 1877—78 годахъ Александраполь былъ главнымъ пунктомъ, откуда двигались наши войска впередъ на Карсъ и далѣе внутрь турецкой Арменіи.

Изъ Александраполя я проѣхалъ опять почтовымъ трактомъ, черезъ Делижанское ущелье, и возвратился въ Тифлисъ 6-го іюня, сдѣлавъ въ три недѣли 1.500 верстъ по плохимъ дорогамъ и въ самое знойное время года. Объ этомъ путешествіи моемъ по нынѣшней Эриванской губерніи могу прибавить еще замѣча-

ніе, что проѣздъ мой былъ совершенно безопасный и прерывался только тѣмъ, что беки выѣзжали на дорогу и, послѣ джигитовки со стрѣльбою холостыми зарядами въ знакъ почета (на подобіе нашихъ салютовъ), приглашали зайти къ нимъ и принять угощеніе шербетомъ и другими сладостями. Отказываться отъ такого приглашенія было невозможно, хотя вылѣзать изъ тарантаса и тащиться иногда за полверсты въ сторону, въ страшный зной, не представляло особеннаго удовольствія. Со мною былъ чиновникъ казенной палаты, который, немного понимая и говоря по-татарски, служилъ мнѣ переводчикомъ для взаимныхъ привѣтствій: инаго разговора у меня съ беками и быть не могло.

Въ другой разъ я былъ въ тѣхъ же мѣстахъ, черезъ 15 лѣтъ, въ концѣ 1863 и началѣ 1864 года, но тогда проѣздъ мой требовалъ сильнаго конвоя противъ разбойниковъ, которые открыто выѣзжали на большую дорогу и безнаказанно производили дневные грабежи. Впрочемъ, объ этой вторичной поѣздкѣ моей въ Эриванскую губернію на ревизію, которую я производилъ на правахъ сенатора, рѣчь еще далеко впереди.

По возвращеніи въ Тифлисъ, я пробылъ тамъ нѣсколько дней и, не вступая въ должность, отправился на лѣто въ Пятигорскъ, куда и прибылъ въ половинѣ іюня. Тутъ я прежде всего сдѣлалъ визиты: управляющему Кавказскими минеральными водами генералъ-маіору Всеволожскому и мѣстному коменданту полковнику Петру Александровичу Принцу, для пользованія же водами обратился къ вольно-практикующему врачу Патерсону. Послѣдній назначилъ мнѣ Ермоловскія ванны и употребленіе внутрь воды изъ Ермоловскаго же источника, самаго сильнаго по содержанію сѣры и температурѣ 37° R. Въ Ермоловскихъ ваннахъ я познакомился съ полковникомъ Николаемъ Михайловичемъ Левицкимъ, но болѣе мы сошлись съ нимъ въ домѣ А. П. Принца, въ семействѣ котораго я скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Намъ обоимъ понравились двѣ его дочери, очень еще молодыя, недавно выпущенныя изъ Харьковскаго института съ отличными дипломами: старшая Александра съ шифромъ, а вторая Анна—съ золотою медалью. Не стану описывать подробностей нашего знакомства, скажу только, что у насъ другаго разговора не было съ Левицкимъ, какъ о барышняхъ

Принцъ, плѣнившихъ насъ своею молодостью, красотой, образованіемъ и тою дѣвическою непорочностью и скромностью, передъ которою человѣку съ сердцемъ устоять невозможно. Мнѣ было тогда 32 года, Левицкому столько же, и такъ какъ мое служебное положеніе было обезпеченнѣе и прочнѣе, то я рѣшился прежде сдѣлать предложеніе, и 20-го іюля, въ Ильинъ день, былъ уже объявленъ женихомъ.

Само собою разумѣется, что тутъ мнѣ было не до казенной работы, которую я предположилъ исполнить въ Пятигорскѣ. Понялъ это и директоръ канцеляріи Сафоновъ и просилъ меня письмомъ: собранныя свѣдѣнія по дѣлу о доходахъ и расходахъ Закавказскаго края отправить въ Тифлисъ къ другому члену коммиссіи И. А. Дюкруаси. Я такъ и сдѣлалъ, но впередъ зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ потому, что съ цифрами надо умѣть обращаться, и заключающійся въ нихъ смыслъ раскрывается только передъ тѣмъ, кто привыкъ къ ихъ группировкѣ, разнымъ сопоставленіямъ и основаннымъ на нихъ статистическимъ выводамъ. Иначе въ массѣ цифръ потеряешься и ни къ какому заключенію не придешь, что̀ и случилось съ И. А. Дюкруаси, хотя онъ вообще былъ способный, опытный и образованный чиновникъ.

Лѣто 1848 года было жаркое и послѣ 30-ти Ермоловскихъ ваннъ я былъ въ постоянной испаринѣ; отчего, послѣ одной прогулки съ невѣстой, ея сестрой и матерью по горамъ я, отъ легкаго вѣтра, простудился и схватилъ лихорадку. Любопытно при этомъ, какъ она обнаружилась. Возвратясь съ прогулки въ домъ невѣсты, я за чайнымъ столомъ, въ присутствіи многихъ ея родныхъ и знакомыхъ, почувствовалъ вдругъ непреодолимое влеченіе ко сну до такой степени, что, предупредивъ объ этомъ будущаго тестя, отправился къ нему въ кабинетъ и прилегъ, чтобы заснуть. Но это не помогло, и на другой день я уже лежалъ въ постели: послѣ короткаго озноба появился сильный жаръ съ бредомъ. Болѣзнь моя продолжалась дней 10-ть. Рѣшено было свадьбу не откладывать и затѣмъ, какъ только я оправился отъ лихорадки и получилъ извѣстіе изъ Тифлиса, что квартира нанята и достаточно устроена,—о чемъ позаботился добрѣйшій Ю. А. Копьевъ,—я обвѣнчался съ дѣвицею Александрой Петровной Принцъ 17-го сентября, въ 1 часъ дня.

*

Въ то же лѣто 1848 года устроилось въ Пятигорскѣ еще нѣсколько партій или свадебъ. Разскажу объ одной, такъ какъ она касается человѣка, весьма извѣстнаго на Кавказѣ, генерала Викентія Михайловича Козловскаго. Онъ тогда былъ бригаднымъ командиромъ, сдавъ незадолго передъ тѣмъ, въ 1847 году, Кабардинскій пѣхотный полкъ полковнику флигель-адъютанту князю А. И. Барятинскому.

Пріѣхалъ Козловскій въ Пятигорскъ на курсъ съ непремѣннымъ желаніемъ жениться и началъ ухаживать за одной не очень молодой барышней, но потомъ перешелъ къ другой помоложе. Эта вторая была старшая дочь Скребицкаго, служившаго прежде интендантомъ въ Варшавѣ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, когда отецъ Левицкаго былъ тамъ комендантомъ, почему Козловскій обратился къ Левицкому, какъ хорошо принятому въ домѣ Скребицкихъ, съ просьбою явиться передъ барышней его ходатаемъ, но какъ тотъ только заикнулся о генералѣ-женихѣ, то храбрая дѣвица не задумалась спросить, почему онъ хлопочетъ за другихъ, а не за себя. Левицкій, конечно, не смутился такимъ вопросомъ, насколько онъ касался его самого, и сообщилъ Козловскому о печальномъ исходѣ своего ходатайства. Помню, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, во время разговора въ домѣ П. А. Принца о постигшей Козловскаго неудачѣ, пріѣзжаетъ вдругъ онъ самъ изъ Кисловодска поздно вечеромъ часу въ 11-мъ и говоритъ: «Поздравьте меня, какъ-какъ, я женихъ-съ». [1]). Всѣ переглянулись съ удивленнымъ видомъ, но онъ поспѣшилъ объяснить, что генералъ Лабинцевъ [2]), которому онъ покаялся въ своемъ грѣхѣ, взялся поправить дѣло и сдѣлалъ отъ его имени предложеніе Аннѣ Васильевнѣ Соляниковой. Это и была та первая барышня, на которую почтенный Викентій Михайловичъ обратилъ прежде всего

[1]) Эти два слова какъ-какъ онъ вставлялъ безъ разбора въ каждую фразу, хотя не былъ заикой, отчего рѣчь его дѣлалась иногда очень забавной, особенно, когда ему и безъ того приходилось употреблять это слово, напр.: „какъ ваше здоровье?“

[2]) Генералъ-лейтенантъ Лабинцевъ былъ тогда начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи, но вскорѣ переведенъ съ Кавказа начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи и умеръ не очень давно въ Вильнѣ, въ глубокой старости, богатымъ человѣкомъ.

свое вниманіе и вскорѣ потомъ на ней женился. Анна Васильевна Козловская, нѣсколько глуховатая, была достойная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, прекрасная хозяйка, добрая жена и попечительная мать. Мы позже были хорошо съ ней знакомы и сблизились, когда ея мужъ былъ переведенъ въ Петербургъ членомъ генералъ-аудиторіата и жилъ въ извѣстномъ домѣ Лисицына, противъ церкви Спаса Преображенія. Козловскій, какъ старшій между кавказскими ветеранами и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, былъ выбранъ въ предсѣдатели кавказскихъ вечеровъ, установившихся съ 1861-го года въ гостиницѣ Демута на 4-е февраля; теперь они давно прекратились.

Разставаясь въ этихъ воспоминаніяхъ съ В. М. Козловскимъ, я не могу не упомянуть о томъ, что̀ слышалъ отъ военныхъ людей о его храбрости. Въ самыя опасныя минуты, когда нужно было скоро и умно распорядиться противъ неожиданно или въ превосходныхъ силахъ показавшагося непріятеля, и когда другіе терялись или недоумѣвали, какъ лучше поступить, Козловскій, не будучи особеннымъ стратегомъ, удивлялъ своею находчивостью и, сохраняя полное хладнокровіе, умѣлъ выйти самымъ выгоднымъ образомъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Вотъ этого-то рода военное мужество, возвышающее природныя способности ума и силу энергіи по мѣрѣ возрастающей опасности, и есть то неоцѣненное качество въ начальникѣ отряда, которое встрѣчается не такъ часто даже между людьми, извѣстными своею личною храбростью, какихъ было много въ кавказскихъ войскахъ, да и вообще всегда было и будетъ, съ Божіею помощью, довольно въ русской арміи Обладая такимъ мужествомъ, В. М. Козловскій оставилъ по себѣ на Кавказѣ самую лучшую и въ другихъ отношеніяхъ репутацію, не помраченную такими хозяйственными распоряженіями, отъ которыхъ другіе наживались на счетъ солдата или государственной казны.

Послѣ свадьбы я оставался въ Пятигорскѣ еще нѣсколько дней и затѣмъ въ четверомѣстной коляскѣ, подаренной мнѣ тестемъ, отправился въ трудный путь по казачьимъ станицамъ, черезъ горы, и пріѣхалъ съ женой въ Тифлисъ только черезъ недѣлю, 29-го сентября.

На дорогѣ, когда мы поднимались на Гутъ-гору (самый высокій пунктъ въ Кавказскомъ перевалѣ), проѣхалъ на встрѣчу намъ, на перекладной, Гулькевичъ, служившій весьма недолго въ канцеляріи намѣстника столоначальникомъ. Онъ уѣзжалъ изъ Тифлиса навсегда и, какъ я узналъ потомъ, по резолюціи объ его увольненіи, пришедшей отъ князя Воронцова изъ Крыма, гдѣ онъ проводилъ вторую часть лѣта 1848 года у себя въ Алупкѣ. Но Гулькевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же нашелъ пріютъ у В. П. Буткова сначала въ качествѣ сверхштатнаго чиновника, а потомъ скоро былъ опредѣленъ въ канцелярію Кавказскаго комитета секретаремъ и въ 1857 году назначенъ, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, помощникомъ управляющаго дѣлами. Послѣ же того, какъ Бутковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта въ 1865 году, Гулькевичъ поступилъ на его мѣсто управляющимъ дѣлами Кавказскаго комитета и, наконецъ, въ 1867 году удостоился званія статсъ-секретаря Его Величества. Такое быстрое возвышеніе Гулькевича удивляло очень многихъ въ служебномъ мірѣ. Знавшіе его близко приписывали сдѣланную имъ карьеру необыкновенной ловкости и умѣнью ладить съ начальствомъ. Но когда онъ умеръ въ 1872 году, тогда имя его сдѣлалось предметомъ всеобщихъ разговоровъ и удивленія по поводу того, что онъ оставилъ послѣ себя значительное, имъ самимъ пріобрѣтенное, состояніе.

Что касается меня, то я философски относился къ подобнымъ перемѣнамъ, слышавъ еще съ дѣтства, какъ нашъ лицейскій докторъ Пешель опредѣлялъ девизъ Россіи: nil admirare (т. е. ничему не удивляйся).

Квартира для меня съ женой была нанята Копьевымъ въ томъ же домѣ (Деппера), гдѣ я стоялъ холостымъ, только въ верхнемъ этажѣ, а внизу поселился столь извѣстный на Кавказѣ, Николай Петровичъ Колюбакинъ, пріѣхавшій изъ Закаталъ, гдѣ онъ занималъ должность окружнаго начальника, но вынужденъ былъ ее оставить потому, что не сошелся съ генералъ-маіоромъ Горскимъ, который, какъ начальникъ Лезгинской кордонной линіи, пользовался, въ отношеніи къ Бѣлоканскому округу, правами губернатора. Съ Н. П. Колюбакинымъ, впрочемъ, не разъ случалось, что онъ

терялъ мѣсто изъ-за того, что не могъ ужиться съ своимъ начальствомъ. За такой строптивый, нетерпѣливый и вспыльчивый характеръ онъ заслужилъ на Кавказѣ прозвище не мирнаго, въ отличіе отъ брата своего, Михаила Петровича, который хотя былъ также съ душкомъ, но по крайней мѣрѣ сдержаннѣе въ разговорѣ и обращеніи. Въ этотъ разъ, т. е. въ исходѣ 1847 года Н. П. Колюбакинъ былъ зачисленъ, въ чинѣ подполковника, по Кавказскому корпусу, а когда графъ Девіеръ уѣхалъ прежде въ отпускъ, а потомъ вышелъ въ отставку, то онъ поступилъ на его мѣсто начальникомъ наградного отдѣленія въ корпусномъ штабѣ. Я хорошо и давно зналъ его потому, что онъ былъ мнѣ товарищъ по воспитанію, хотя лѣтъ на шесть старше: онъ выпущенъ изъ Лицейскаго пансіона офицеромъ въ 1829 году, когда я только-что переходилъ изъ пансіона въ лицей. Н. П. Колюбакинъ началъ службу въ какомъ-то армейскомъ гусарскомъ полку и за оскорбленіе дѣйствіемъ (какъ нынче выражаются) старшаго офицера былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ. Жена его, урожденная Александра Андреевна Крыжановская (родная сестра бывшаго послѣднимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ), будучи некрасива собою, отличалась однако своимъ умомъ, образованіемъ и кроткимъ характеромъ. Она очень скоро сблизилась съ моей женой и была ея руководительницей при вступленіи въ тифлисское общество. Самъ Н. П. Колюбакинъ также часто навѣщалъ насъ и былъ неистощимъ въ разговорѣ. Онъ говорилъ дѣйствительно хорошо и даже краснорѣчиво, особенно по-французски, такъ что жена, послѣ перваго знакомства съ нимъ, въ письмѣ къ своей сестрѣ отозвалась объ немъ, qu'il parle comme un orateur du XVIII siècle. Но спорить съ нимъ было невозможно, потому что при первомъ возраженіи онъ останавливалъ говорящаго словами: «Позвольте, я знаю, что вы хотите сказать» и продолжалъ самъ ораторствовать. Онъ допускалъ противнику сказать нѣсколько словъ только для того, чтобы найти въ нихъ пищу для дальнѣйшаго развитія своей темы. Я, напримѣръ, засталъ его разъ въ бесѣдѣ съ молодымъ княземъ Гагаринымъ, меньшимъ братомъ извѣстнаго любителя-художника, князя Григорія Григорьевича, который расписывалъ въ Тифлисѣ театръ и Сіонскій соборъ, былъ потомъ, при великой княгинѣ Маріи Нико-

лаевнѣ, вице-президентомъ академіи художествъ, а нынѣ состоитъ въ числѣ первыхъ чиновъ двора оберъ-гофмейстеромъ [1]). Князь Гагаринъ, только-что пріѣхавшій изъ Парижа и видѣвшій тамъ первыхъ дѣятелей второй республики, былъ еще совершенный юноша и, слушая Колюбакина, какъ онъ развивалъ передъ нимъ соціальныя идеи по поводу одной изъ пламенныхъ рѣчей Ледрю-Роллена, поддакивалъ ему, конечно, повторяя только: «Oui, c'est vrai, c'est vrai». Тогда тотъ напустился на него: «Mais, mon cher, on ne peut pas discuter avec vous, je veux entendre votre propre opinion sur le sujet, qui nous intéresse».

Лихорадка, которая еще передъ свадьбой тревожила меня въ Пятигорскѣ, возобновилась и по пріѣздѣ въ Тифлисъ. Между тѣмъ мнѣ предстояли хлопоты по устройству хозяйства въ новомъ моемъ быту семейнаго человѣка и безконечные выѣзды съ молодой женой, какъ для первоначальнаго знакомства съ тифлисскимъ обществомъ, такъ и съ постоянными визитами къ княгинѣ Воронцовой по четвергамъ и воскресеньямъ. Какъ ни тягостны они были для занятаго человѣка и разорительны для бѣднаго чиновника, потому что дамскіе туалеты были очень нарядны, но эти визиты были обязательны для лицъ, принятыхъ въ домъ Воронцова, такъ сказать, по знакомству, а я принадлежалъ къ ихъ числу, еще будучи холостымъ. Насъ тогда въ шутку называли имѣющими пріѣздъ ко двору, а впослѣдствіи это оправдалось и на самомъ дѣлѣ, когда намѣстникомъ былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Прибавьте къ этому, что два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ, ровно въ полдень, который возвѣщался выстрѣломъ изъ вѣстовой пушки [2]), бывали постоянно у намѣстника пріемы просителей, куда должны были являться, для личныхъ объясненій, начальники отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и я, какъ предсѣдатель казенной палаты. Послѣ этого судите, много ли оставалось у меня по утрамъ времени для занятій, которыхъ я не могъ оканчивать въ палатѣ, потому что тамъ было своего дѣла довольно: пріемъ

---

[1]) Онъ умеръ за границей въ началѣ 1893 года.

[2]) Впервые завелъ этотъ порядокъ (для провѣрки часовъ) кн. М. С. Воронцовъ въ Одессѣ, а потомъ уже въ Тифлисѣ, а оттуда онъ перешелъ въ прошлое царствованіе въ Петербургъ.

прошеній отъ наличныхъ просителей въ присутствіи, личныя объясненія по просмотрѣннымъ докладамъ съ совѣтниками, какъ начальниками отдѣленій, которыхъ было четыре, кромѣ ассессора и секретаря, производство торговъ на подряды, поставки и перевозки какъ по своему, такъ и по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, не исключая военныхъ: артиллерійскаго и коммиссаріатскаго [1]), подпись журналовъ и представленій высшимъ мѣстамъ и лицамъ, и т. п. Еще я долженъ сказать, что князь Воронцовъ любилъ имѣть свѣдѣнія и справки изъ ближайшаго источника и потому не ограничивался выслушиваніемъ докладовъ начальника главнаго штаба и директора гражданской канцеляріи, а требовалъ по дѣламъ сколько-нибудь сложнымъ начальника части и, по представленіи имъ личныхъ объясненій, объявлялъ уже свое рѣшеніе. Этимъ способомъ князь Михаилъ Семеновичъ узнавалъ главныхъ лицъ своего управленія, отличая тѣхъ, которые въ своихъ отвѣтахъ обнаруживали близкое знакомство съ дѣломъ и вообще знаніе своей части. Къ числу такихъ отличенныхъ принадлежалъ и я, отчего мнѣ, по его приказанію, приходилось часто ѣздить, для личныхъ объясненій, къ князю Бебутову, Сафонову, а иногда и къ начальнику штаба Коцебу.

Разскажу здѣсь одинъ случай, бывшій со мною именно въ описываемое время, т. е въ исходѣ 1848 года. На пріемы просителей у начальника стали появляться лица съ жалобами на то, что они не получаютъ своевременно пенсій. «Отчего подобныхъ жалобъ не было прежде?» спрашиваетъ намѣстникъ. «Новыми правилами измѣненъ порядокъ выдачи пенсій азіятцамъ,— отвѣчаетъ директоръ канцеляріи Сафоновъ,—и о неудобствѣ этого порядка есть представленіе казенной палаты, которое передано въ корпусный штабъ, такъ какъ тамъ составлялись правила и даны предписанія отъ вашего сіятельства о принятіи ихъ къ исполненію».—«Какія это правила?» спрашиваетъ вновь князь Воронцовъ, обращаясь къ Коцебу. —«На память не могу сказать, а соберу свѣдѣнія и представлю вашему сіятельству подробный докладъ». — «Только какъ можно

[1]) Торги на поставку провіанта для войскъ производились обыкновенно, по значительности операціи, въ совѣтѣ главнаго управленія, съ приглашеніемъ генералъ-интенданта.

скорѣе». — На другой же день посланъ былъ ко мнѣ конвойный казакъ съ приказаніемъ главнокомандующаго явиться немедленно. Отправляюсь и застаю въ княжескомъ кабинетѣ начальника штаба Коцебу съ докладомъ, въ которомъ онъ старался доказать необходимость новыхъ правилъ во избѣжаніе неправильныхъ выдачъ изъ уѣздныхъ казначействъ, по неизвѣстности имъ лично получающихъ пенсіи азіятцевъ. Я на это возражалъ, что, при точномъ соблюденіи казначейской инструкціи, не можетъ произойти ошибка въ личности пенсіонера, а если бы такая и случилась, то за нее, какъ за всякую неправильную выдачу, отвѣчаетъ уѣздный казначей, съ котораго всегда есть возможность взыскать изъ залога, представляемаго имъ при опредѣленіи на должность. Тогда Коцебу спрашиваетъ меня: «Отчего же двѣ другія казенныя палаты, Ставропольская и Шемахинская, приняли новыя правила къ точному исполненію и не представляютъ о ихъ неудобствѣ?» — «А потому именно, что я разсчитывалъ на возможность представить личныя объясненія, которыхъ его сіятельству теперь угодно было отъ меня потребовать». — «Да, да,—сказалъ князь Воронцовъ,—это вѣрно: что̀ можно при личномъ объясненіи рѣшить въ полчаса, на то употребляется иногда полгода и болѣе времени въ безплодной перепискѣ. Прошу васъ, Павелъ Евстафьевичъ, кончить это дѣло такъ или иначе; но чтобы ко мнѣ не поступали впредь жалобы отъ бѣдныхъ пенсіонеровъ». При предстоявшемъ затѣмъ окончательномъ совѣщаніи съ Коцебу, я засталъ у него помощника начальника главнаго штаба И. И. Гогеля и старшаго адъютанта Лазебникова, который и былъ сочинителемъ знаменитыхъ правилъ о выдачѣ пенсій азіятцамъ, утвержденныхъ главнокомандующимъ во время лѣтней экспедиціи въ Дагестанѣ на высотахъ Турчидаха. И Гогель и Лазебниковъ были близко знакомые мнѣ люди, но, нечего было дѣлать, приходилось опровергать всѣ ихъ доводы, и Коцебу, скоро убѣдившись, что я былъ правъ, сказалъ: «я долженъ, впрочемъ, сознаться, что мы во всякомъ случаѣ не въ свое дѣло вмѣшались, и теперь остается лишь рѣшить, какъ выйти изъ этого непріятнаго положенія». Я, съ своей стороны, предложилъ объявить въ приказѣ по корпусу, что новыя правила изданы были въ видѣ опыта и, какъ оказавшіяся на практикѣ неудобными, отмѣняются. Такъ,

послѣ доклада главнокомандующему, и было рѣшено. Директоръ канцеляріи Сафоновъ торжествовалъ, какъ соперникъ Коцебу по докладной части, а мнѣ князь Михаилъ Семеновичъ, при первомъ, послѣ того, свиданіи, сказалъ: «спасибо, любезный Харитоновъ, что ты меня и Павла Евстафьевича выручилъ [1]), а то мы съ нимъ, по милости штабныхъ сочинителей, попались было въ просакъ и безъ всякой надобности притѣснили бѣдныхъ пенсіонеровъ». Надо къ этому прибавить, что пенсіи азіятцамъ на Кавказѣ назначались по политическимъ видамъ: мелкія—собственною властью главнокомандующаго изъ такъ называемой экстраординарной суммы, а болѣе крупныя — по Высочайшимъ повелѣніямъ изъ суммъ государственнаго казначейства, и списки такимъ пенсіонерамъ изъ азіятцевъ содержались въ корпусномъ штабѣ, самое же удовлетвореніе они получали, по мѣсту жительства, прямо изъ ближайшихъ уѣздныхъ казначействъ общеустановленнымъ для всѣхъ пенсіонеровъ порядкомъ.

Будучи отвлекаемъ такимъ образомъ по утрамъ, я долженъ былъ заниматься настоящимъ дѣломъ дома по вечерамъ, что представляло своего рода неудобство для моей жены, недавно вышедшей изъ родительскаго дома, гдѣ она была постоянно окружена родными всѣхъ возрастовъ и не имѣла понятія объ одиночествѣ. Хорошо, что у насъ внизу, кромѣ Н П. Колюбакина и его жены, поселился также пріѣхавшій изъ Петербурга товарищъ Колюбакина по Лицейскому пансіону и пріятель Бутковыхъ, А. И. д'Андре: они оба навѣщали насъ почти ежедневно, а къ нимъ присоединялись и нѣсколько другихъ тифлисскихъ знакомыхъ. Между ними чаще бывали у насъ: Мих. П. Колюбакинъ, только-что переведенный тогда (въ концѣ 1848 года) вице-губернаторомъ изъ Кутаиса,

---

[1]) Князь Воронцовъ обращался такъ только съ тѣми, кого онъ отличалъ своимъ вниманіемъ и, напротивъ, говорилъ вы лицамъ мало знакомымъ или когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Впрочемъ, это было вообще въ духѣ прежняго времени, и со мной былъ лучшій примѣръ въ 1861 году, когда я уже въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника и въ Аннинской лентѣ являлся къ послу нашему въ Парижѣ, графу Киселеву. Тотъ меня прежде вовсе не зналъ и на второмъ или третьемъ пріемѣ, разспрашивая о Кавказѣ и угощая трубкою, началъ говорить мнѣ ты. Я такъ и понялъ, что ему понравился, и что простое его обращеніе со мною выражаетъ только его любезность и особое ко мнѣ вниманіе.

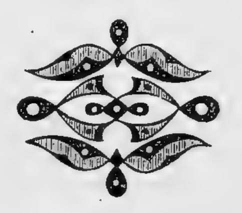
гдѣ онъ не поладилъ съ губернаторомъ Бѣлявскимъ, М. Е. Чиляевъ, Дюкруаси, графъ Девіеръ, А. Ѳ. Крузенштернъ и князь Иванъ Романовичъ Багратіонъ. Послѣдняго я зналъ еще въ Петербургѣ, когда онъ, служа въ гвардейскихъ кирасирахъ, отличался, какъ первый танцоръ, на балахъ Дворянскаго собранія, но почему онъ очутился въ то время въ Тифлисѣ, теперь не помню. Позже онъ командовалъ, въ чинѣ маіора, Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ и кончилъ свою службу на Кавказѣ несчастнымъ образомъ: на какомъ-то переѣздѣ съ полковой казной, онъ былъ убитъ разбойниками. Впрочемъ, и всѣ другія названныя здѣсь лица давно уже покойники. Упомяну объ одномъ, съ которымъ мы ближе были знакомы. М. П. Колюбакинъ долго служилъ тифлисскимъ вице-губернаторомъ, сохраняя военные чины, потомъ управлялъ короткое время Мингреліею и, наконецъ, достигъ губернаторскаго мѣста въ Баку, гдѣ и умеръ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ 1872 году. Онъ былъ женатъ на вдовѣ генерала Эспехо, извѣстной всему Кавказу Марьѣ Васильевнѣ. Я въ послѣдній разъ видѣлъ ее въ 1874 году, въ Маріенбадѣ, но она и до сихъ поръ проживаетъ въ Тифлисѣ, тогда какъ вдова другаго брата Н. П. Колюбакина, Александра Андреевна, не очень давно умерла.

Однимъ словомъ, у насъ собиралось въ первое время моей семейной жизни чуть не ежедневно отъ 8 до 10 одних кавалеровъ, которыхъ жена, несмотря на свою молодость и непривычку къ мужскому обществу, умѣла занять такъ, что они не скучали и обходились безъ картъ. Впрочемъ, то было вообще другое время, когда въ обществѣ искали, главнымъ образомъ, пріятной бесѣды, а участіе въ ней молодой, красивой и образованной дамы уже само по себѣ привлекало гостей. Я же на нашихъ скромныхъ вечерахъ выходилъ только на короткое время изъ кабинета къ чаю или чтобы пропѣть иногда какой-нибудь дуэтъ съ Копьевымъ или Багратіономъ.

Зимній сезонъ 1848 года открылся, по обыкновенію, баломъ у намѣстника въ день его именинъ 8-го ноября. Былъ на немъ проѣздомъ какой-то персидскій принцъ, котораго нужно было занимать, и хозяинъ въ облегченіе себѣ возложилъ эту скучную обязанность на князя Бебутова, Сафонова и управлявшаго дипломатическою канцеляріею Лелли. Это былъ первый балъ, на которомъ появилась

моя жена, какъ новый членъ избраннаго тифлисскаго общества, много танцовала съ лучшими кавалерами и произвела вообще благопріятное впечатлѣніе. Самъ П. Е. Коцебу (вообще холодный нѣмецъ) при встрѣчѣ со мной на другой день въ театрѣ поздравилъ меня съ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ. Жена также понравилась и княгинѣ Е. К. Воронцовой, которая ее всячески ласкала и, когда случалось намъ пропустить какой-нибудь понедѣльникъ (что̀ дѣлалось иногда просто изъ экономіи), то самымъ любезнымъ образомъ выговаривала ей и просила въ другой разъ не манкировать.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.

13 [1]).

Царское Село.
4-го іюля [2]) 1792 года.

Monsieur le Comte de Roumenzoff.

Ces lignes serviront à Vous prier de Vous mêler d'une affaire ennuyeuse. Voici ce dont il s'agit. Il y a environ deux ans que mon Ministre M-r Mordwinoff [3]) m'écrivit de Venise que M-r Sénac [4]) de Meilhan y était et qu'il souhaitait de venir en Russie et de s'occuper de l'Histoire du pays. Je ne le connaissais que par deux de ses ouvrages qui m'avaient paru bien écrits; je demandais à qui pouvait le connaître à peu près ce qu'on demande en pareil cas et j'appris, qu'ayant été intendant de je ne sais qu'elle province de France, il en avait rapporté une réputation d'intégrité qui lui faisait honneur. Je cherchais alors quelqu'un de sa nation qui pût me faire avoir des notions sûres sur le compte

---

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1894 года.

[2]) Отъ того же числа императрица писала графу Н. П. Румянцову другое письмо, помѣщенное въ „Русск. Архивѣ", 1869, 202.

[3]) Александръ Семеновичъ, полномочный министръ въ Генуѣ и Венеціи. Въ 1766 году онъ былъ принятъ на службу въ гардемарины и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ до 1776 года, когда произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ матросской дивизіи въ Петербургѣ, такъ какъ „по болѣзни въ море ходить не можетъ" (Веселаго, „Общій морской списокъ", IV, 390). Въ 1781 году поступилъ на службу по дипломатической части (П. С. З., №№ 15481, 15541). Сохранилось замѣчательное собственноручное письмо къ нему императрицы, отъ 4-го октября 1790 года, въ которомъ Екатерина высказываетъ свой взглядъ на древній періодъ русской исторіи и на задачи исторіи вообще (Смирдинъ, „Соч. Екатерины II", III, 413, 418; „Русск. Арх." 1866, 425; „Сборникъ", XLII, 113, 129). Въ „Біографическомъ Словарѣ", издаваемомъ русскимъ историческимъ обществомъ, А. С. Мордвиновъ не упомянутъ—пропускъ этотъ необходимо долженъ быть исправленъ, тѣмъ болѣе, что Мордвиновъ былъ тайный совѣтникъ.

[4]) Gabriel, 1736—1803, сынъ іезуита, военный интендантъ; въ 1790 году эмигрировалъ въ Россію, гдѣ былъ милостиво принятъ Екатериною II, отъ которой получалъ пенсію. Авторъ многихъ сочиненій и, между прочимъ, „Comparaison de Saint-Pierre de Rome avec Catherine II". Собственноручныя письма Екатерины къ нему см. въ „Сборникѣ", XLII, 144, 153, 156, 159, 165, 166, 168, 170, 174, 180, 187, 188, 190, 196, 199, 218 и 229.

du Comte d'Artois qui alors voyageait en Italie, J'ai cru que M-r de Meilhan pouvait être mon fait et pour en être plus sûre je consentis à son voyage en Russie sans jamais avoir articulé à Mordwinoff, et encore moins à M-r de Meilhan, dans quelles vues je le faisais venir. Dès qu'il fut arrivé, il ne me fut pas difficile à démêler que cet homme-là n'était pas du tout celui qu'il fallait pour que moi et M-r le Comte d'Artois puissions y prendre confiance. Il avait été le premier Matador de la société démocrate de la Comtesse de Tessé; elle et lui, cependant, avaient été obligés de quitter la France, parce qu'on ne les trouvait pas assez enragés. Enfin, Meilhan, venu ici, ne fut qu'un tissu de prétentions ridicules et importunes; outre cela, quoiqu'il ne manque pas d'esprit, mais comme il veut toujours primer et dire des choses non-entendues mais qui restent toujours en chemin, il est arrivé que personne ne pouvait le souffrir. D'abord il a voulu faire des plans de Finances; puis—devenir Ministre des Finances; ensuite—ambassadeur à Constantinople; puis—écrire l'Histoire; enfin, il ne s'arrêta à aucune idée. Après il prétendit qu'il ne pouvait avoir de l'esprit en Russie parce qu'il y faisait trop froid, puis il s'en alla. Comme il fait cher de vivre ici et qu'il avait perdu son bien, je lui avais fixé 500 R. par mois. Présentement, il me demande de lui donner quelques années de cet entretien avec extinction de la pension. Si Vous pouvez, en lui promettant deux ou trois ans d'avance, nous défaire du pensionnaire et de la pension, en vérité Vous me rendrez service et au Comte Bezborodko aussi, parce que je suis étrangement persécutée par le père, tout comme lui l'est par le fils. Je joins ici la lettre que je lui écris et que Vous lui enverrez si Vous voulez. Elle contient l'état des choses, en peu de mots, je la mets à cachet volant, afin que Vous la lisiez. Cet homme a la rage d'écrire: il m'a fait une lettre de 30 pages in-folio. S'il écrit ainsi l'Histoire, malheur à ceux qui la liront; je suis, d'ailleurs, persuadée, qu'il ne la fera pas du tout ou qu'il la fera mal, car il ne connaît ni la langue, ni le pays. Mais ne lui parlez pas de cette Histoire, à moins que Vous ne le persuadiez de l'impossibilité où il est de l'écrire. Adieu, portez-Vous bien.

Ce 4 Juin 1792, à Czarsko Selo.

13.

(Переводъ).

Господинъ графъ Румянцовъ!

Цѣль этихъ строкъ — просить васъ вмѣшаться въ очень докучную исторію. Вотъ въ чемъ дѣло. Года два назадъ, мой посолъ Мордвиновъ написалъ мнѣ изъ Венеціи, что г. Сенакъ де-Мельянъ тамъ, и что онъ желаетъ пріѣхать въ Россію и заняться ея исторіей. Я знала его лишь по двумъ его сочиненіямъ, которыя показались мнѣ хорошо написанными; я освѣдомилась у тѣхъ, кто могъ его знать, о томъ, о чемъ обыкновенно освѣдомляются въ подобныхъ случаяхъ, и узнала, что онъ былъ интендантомъ не знаю ужь которой изъ французскихъ провинцій и вынесъ оттуда репутацію честности, что̀ дѣлаетъ ему честь. Затѣмъ, я стала искать кого-либо изъ его соотечественниковъ, кто бы помогъ мнѣ

получить вѣрныя свѣдѣнія относительно графа д'Артуа, который въ то время путешествовалъ въ Италіи; мнѣ показалось, что г. де-Мельянъ можетъ мнѣ въ этомъ пригодиться, и чтобы въ томъ удостовѣриться, я согласилась на его пріѣздъ въ Россію, не высказывая никогда Мордвинову, а тѣмъ болѣе г. де-Мельяну, съ какою цѣлью я его призвала. Какъ только онъ пріѣхалъ, мнѣ не трудно было выяснить, что это вовсе не такой человѣкъ, къ которому и я, и графъ д'Артуа могли бы питать довѣріе. Онъ былъ первымъ матодоромъ общества демократовъ графини де-Тессè; однако, и ей и ему пришлось оставить Францію, потому что ихъ нашли недостаточно ярыми демократами. Наконецъ, по прибытіи своемъ сюда, Мельянъ оказался какъ бы сотканнымъ изъ претензій смѣшныхъ и докучныхъ, и, сверхъ того, случилось такъ, что никто его терпѣть не могъ (несмотря на то, что онъ довольно уменъ), такъ какъ онъ хочетъ всегда быть первымъ и говоритъ безтолковыя вещи, которыя у него на полдорогѣ прерываются. Сначала онъ хотѣлъ строить финансовые планы; затѣмъ сдѣлаться министромъ финансовъ; потомъ—посланникомъ въ Константинополѣ; затѣмъ—писать исторію и, подъ конецъ, не остановился ни на которой изъ этихъ мыслей. Послѣ того, онъ высказалъ мнѣніе, что онъ не могъ быть уменъ въ Россіи, потому что тамъ слишкомъ холодно, и затѣмъ уѣхалъ. Такъ какъ жить здѣсь дорого, а онъ потерялъ свое состояніе то я и назначила ему по 500 руб. въ мѣсяцъ; теперь онъ проситъ меня выдать ему это содержаніе за нѣсколько лѣтъ впередъ, съ погашеніемъ этой пенсіи. Если вы можете, обѣщая ему за два или за три года впередъ, освободить насъ отъ самого пенсіонера и отъ пенсіи, право, вы этимъ окажете мнѣ услугу, равно какъ и графу Безбородкѣ, потому что меня необычайно преслѣдуетъ отецъ, въ то время какъ его преслѣдуетъ сынъ. Прилагаю при семъ письмо, которое я ему написала, и которое вы ему отошлете, если вамъ это заблагоразсудится; въ немъ содержится суть дѣла, въ немногихъ словахъ; я его не запечатываю, чтобы вы его прочли. У этого человѣка страсть къ писанію: онъ прислалъ мнѣ письмо въ 30 страницъ in-folio. Если онъ также напишетъ исторію — бѣда тѣмъ, которые ее будутъ читать; впрочемъ, я убѣждена, что онъ ее вовсе не напишетъ, или напишетъ плохо, потому что не знаетъ ни языка, ни страны. Но не говорите съ нимъ объ этой Исторіи, или, въ крайности, убѣдите его въ невозможности ее написать.

Прощайте, будьте здоровы.

Царское Село, 4-го іюня 1792 г.

14.

Божіею Милостію, Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему тайному совѣтнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру графу Румянцову.

Представленіе ваше и желаніе братьевъ короля французскаго, чтобъ вы сопровождали ихъ въ походѣ, предпринятомъ ими для возстановленія законной власти и надлежащаго порядка вещей во Франціи, Мы приняли за благо; и вслѣдствіе того не токмо дозволяемъ вамъ туда отправиться, но и сохраняемъ въ полной силѣ своей тотъ самый кредитивъ, которымъ вы отъ Насъ при упомянутыхъ принцахъ уполномочены были.

По дѣятельнымъ предположеніямъ со стороны союзниковъ Нашихъ, императора римскаго и короля прусскаго, въ пользу дѣла, общаго всѣмъ государямъ и государствамъ, и по той ревности и твердости, съ каковыми братья королевскіе подвиги свои продолжають, Мы должны ласкать себя, что Всевышній увѣнчаетъ добрыми успѣхами справедливую сторону и что вскорѣ возстановится во Франціи законная власть въ особѣ королевской, слѣдовательно, и монархія тамошняя поступитъ паки на прежнюю степень ей приличную. Тогда ваше служеніе при братьяхъ королевскихъ окончится; но тѣмъ не меньше вы обязаны будете ожидать Нашихъ дальнѣйшихъ повелѣній въ Парижѣ или гдѣ по усмотрѣнію всѣхъ участвующихъ будетъ учреждено на первое время королевское пребываніе.

Вѣдая Наши добрыя расположенія къ королю и къ фамиліи его и до коликой степени на дѣлѣ самомъ Мы старалися вспомоществовать благимъ намѣреніямъ Принцевъ, вы, находясь при особахъ ихъ, не оставите и впредь совѣтами и услугами вашими пособствовать имъ по всей возможности и по колику то съ качествомъ министра Нашего согласовать будетъ. Сколь мы ни желаемъ, чтобъ все въ свой порядокъ приведено было кроткими и легкими способами и чтобъ во-первыхъ освобожденіе короля съ фамиліею его какъ наискорѣе послѣдовало; но въ буйствѣ злоумышленныхъ и ослѣпленіи безразсудныхъ не можемъ не воображать иногда и самыхъ неистовыхъ мѣръ, противу коихъ новыя усилія и не малое время употребить нужда заставитъ. Легко случится, что они увезутъ короля въ полуденныя провинціи и, хотя не отважатся поступить на звѣрскія крайности, станутъ однакожъ удерживать его для отдаленія конца ихъ продерзостей и для спасенія себя отъ праведной мести, имъ предстоящей. Въ подобномъ случаѣ

Наше мнѣніе всегда было и нынѣ таково же есть, чтобъ графъ Прованскій [1]), яко старшій въ королевскомъ родѣ, за отсутствіемъ и заключеніемъ въ неволѣ его христіаннѣйшаго величества и дофина его преемника престола, въ малолѣтствѣ сущаго, воспріялъ на себя качество и должность регента Франціи до тѣхъ поръ, покуда общія старанія и силы доставятъ брату его полную свободу, облекши себя въ званіе сіе торжественно со всѣми прежними обычаями и обрядами, присоединяя брата своего графа д'Артуа въ качествѣ генерала-порутчика королевскаго силъ французскихъ и составя совѣтъ изъ особъ благонамѣренныхъ, твердыхъ въ правилахъ старинныхъ монархическихъ и чуждыхъ всякихъ заблужденій: почему при настояніи таковаго дѣлъ положенія не оставьте представленіями и совѣтами подкрѣплять рѣшимость на сіе у братьевъ королевскихъ и ежели бы для признанія отъ другихъ помянутаго качества регента или для отвращенія трудностей и препятствій ваши старанія и добрыя услуги были нужны, то и оныя употребите съ надлежащею осторожностью приличнымъ образомъ; а сверхъ того поспѣшите Насъ тогда увѣдомить, дабы мы новою кредитивою васъ снабдить не умедлили. Впрочемъ отсылаемъ въ общѣ къ наставленіямъ, которыя Мы съ прошлаго года по временамъ и обстоятельствамъ по сей матеріи вамъ преподавали, пребывая вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ. Августа 16 дня 1792 года.

(Ея Императорскаго Величества рукою подписано):

«Екатерина».

15.

17-го августа 1792 года.

Monsieur le Comte de Roumenzoff.

Je pense que tous les malheurs de cette campagne ont résulté de ce qu'on s'est trompé dans le plan, qu'on n'a pas suivi le mien, nommement, qu'on a mis les Princes Français en arrière et non pas en avant; qu'on n'a pas voulu faire par des mains françaises ce qui devait l'être et qu'au lieu de donner du poids et de la force à ce parti, on a fait tout au monde pour le détruire. Outre cela, malheureusement la prophétie de feu le général quartier-maître Bauer qu'il m'a dit à moi et à plussieurs autres, entre nous soit dit, s'est vérifiée: les talents du Duc régnant de Bronswig [2]) ne sont pas et n'ont jamais été tels que l'opinion

---

[1]) Louis, comte de Provence, 1755–1824, старшій братъ (Monsieur) французскаго короля Людовика XVI, позже король Людовикъ XVIII.

[2]) Karl Wilhelm Ferdinand, 1735–1806, съ 1780 года владѣтельный герцогъ, племянникъ Фридриха II и знаменитаго полководца Фердинанда браун-

publique a bien voulu les croire, et c'est ce que Bauer savait de science certaine et ce que l'expérience lui avait prouvé. D'après l'opinion même d'une partie du Ministère Prussien, il faudra regarder comme un très-grand malheur si ce Duc garde le commandement de l'armée combinée. Autre malheur—ce cher Duc Albert de Saxe Teschen [1]) et son Epouse qui ont gâté les affaires aux Pays-Bas et en dernier lieu le premier s'est emparé du commandement de l'armée contre la volonté de l'Empereur, de l'armée et du conseil de guerre, et Vous avez vu ce qui en est résulté. Son Altesse Sérénissime a été battue la première par la Terreur; elle a pris 19 lanciers pour 80 et ainsi de reste. Son grand faiseur, dit-on, est un Lindenau, venu du service de Prusse. Il se peut très-bien aussi que les Hauts Alliés aient plus à coeur leur propre agrandissement que les affaires de la France, mais ce n'en est guère le chemin que de se laisser tromper par de honteuses négociations en politique et de se laisser battre lorsqu'il s'agit de vaincre. Par ce que Vous me dités qu'a conté l'adjudant du citoyen Valence [2]) au Comte de Lambert [3]), la victoire n'était pas bien difficile à obtenir le jour de la canonnade. Les détails que Vous me mandez là-dessus, de même que ceux sur la santé du Roi et de la Reine et sur le parti que Monsieur le Comte d'Artois a en France, sont infiniment intéressants et je Vous en remercie. Vous pouvez être assuré que je mettrai cette dépêche à part comme Vous le souhaitez. Selon les avis qui me viennent des Etats du Roi de Prusse les jeunes gens penchent vers la démocratie, mais tous les gens d'âge sont contre cette manie et en général il n'y a aucune apparence de révolte. Je pense que l'armée Prussienne qui est hors du pays avec le Roi, cesserait d'être démocrate si Sa Majesté parvenait à battre les Français. Les paradoxes du Duc de Bronswick et surtout ceux du Duc de Weimar [4]), à dire la vérité, sont un peu forts; mais on pourra s'en moquer s'ils n'influent pas sur les mesures de son beau-frère le Roi de Prusse. Au reste, ce Duc de Weimar pourrait bien tenir de la folie de son

---

швейгскаго. Фридрихъ В. высоко цѣнилъ его участіе въ Семилѣтней войнѣ, посвящалъ ему оды. Екатерина не любила его за масонство („Сборникъ“, XXIII, 167). Дюмурье, Хошъ и Пишегрю испортили его военную репутацію, окончательно погибшую при Iенѣ.

[1]) Albrecht Kasimir, 1738–1822, сынъ Августа III, короля польскаго и курфюрста саксонскаго. Въ 1766 году женился на эрцгерцогинѣ Христинѣ, дочери Франца I, и получилъ въ приданое княжество Тешенъ, въ австрійской Силезіи, и въ управленіе намѣстничество въ австрійскихъ Нидерландахъ, почему и жилъ въ Брюсселѣ. Возстаніе 1789 года прогнало ихъ въ Вѣну; по водвореніи порядка, вновь возвратился въ Брюссель, но въ 1792 г., разбитый при Жемаппѣ, уступилъ всю Бельгію французскому генералу Дюмурье.

[2]) Alexandre Timbronne, comte de Valence, 1757—1820, полковникъ шартрскихъ драгунъ, вступилъ въ 1789 году въ ряды революціонной арміи и сражался подъ командой Дюмурье, какъ „гражданинъ“. Въ 1812 году онъ былъ съ Наполеономъ въ Россіи, командуя кавалерійскою дивизіею.

[3]) Внукъ marquise de Lambert, извѣстной писательницы.

[4]) Karl August, Herzog von Sachsen-Weimar-Eisenach, 1757—1828, находился съ 1786 года въ прусской службѣ и дѣлалъ рейнскій походъ 1792 года въ качествѣ волонтера. Екатерина ошибалась: человѣкъ просвѣщенный и гуманный, другъ Гёте, герцогъ отличался свѣтскимъ умомъ и не походилъ ни на отца, ни на дѣда.

*

père et de son grand-père qui a été reconnu comme tel. On ne peut pas en dire autant du Duc de Bronswick; mais il y a de l'inhumanité à ne pas stipuler que les Emigrés soient compris dans l'armistice qu'il a malheureusement conclus. En général la chose du monde dont on s'est le moins du monde soucié, à ce qu'il paraît, dans cette campagne, c'est de la dignité et de l'honneur des Puissances en guerre contre les rebelles, tandis que ceux-ci étaient d'un orgueil et d'un insolence extrême.

Par tout ce que je Vous mande aujourd'hui dans ma grande dépêche[1]), Vous êtes assez instruit pour y trouver des règles de conduite sur tous les points. Vous prêcherez et parlerez pour les Princes et pour les émigrés, afin de faire envisager leur cause sous son vrai jour et comme je l'envisage. Outre cela, Vous tâcherez d'opposer en tous les cas toutes les raisons capables d'abattre la démocratie ou, au moins, tendantes à la diminuer, et si Vous y trouvez jour Vous emploierez Vos soins à faire embrasser la marche que j'ai proposée et que le Roi de Prusse affecte de céder à la Cour de Vienne cette direction dans toutes les occasions où il n'est pas désireux de paraître. Mon alliance est renouvelée avec chacune de ces Cours en particulier. Il est très-vrai encore que la Cour de Vienne aime mieux avoir notre secours en argent qu'en troupes. Selon mon traité avec la maison d'Autriche, je lui dois 13.000 hommes de secours; je lui en ai offert 15.000. Mais, puis-qu'elle souhaite de l'argent, je lui donnerai ce qui est stipulé par le traité en équivalent des 13.000 hommes, et si l'on m'en demande pour 15.000, j'aime mieux réserver le surplus de ce don pour l'employer à l'appui de la cause que je trouverai à propos de favoriser lorsque je verrai que cela est vraiment nécessaire Les propos du Comte Cobenzel[2]) au sujet des Princes et des émigrés prouvent bien la mauvaise volonté de sa Cour, manifestée tant de fois pendant cet hiver aux Princes et aux émigrés; mais, si la Cour de Vienne pense administrer le Royaume de France au nom du Roi de France, la vie de ce Roi, à coup sûr, ne sera pas de longue durée, et celle de la Reine et de son fils encore moins. C'est une réflexion qui, apparemment, n'était pas montée à la tête du Comte Cobenzel, lorsqu'il Vous a parlé, mais que, malgré cela, je tiens pour sûre: or si la famille du Roi est mise de côté adieu l'administration et Monsieur devient Roi et la haine contre les Princes ne tourne à rien moins qu'une haine implacable. Donc, si la Cour de Vienne ne saurait dans cette guerre sacrifier son intérêt à mon opinion, si opinion il y a, comme Vous le disait le susdit Comte, il m'est tout aussi impossible de me désister de mon opinion parce que je la crois bonne, honnête et glorieuse et qu'assurement je m'intéresserai toujours aux Princes, Frères du Roi de France, et à la noblesse française; je souhaite sincèrement que ceux-ci et la noblesse française ne soient pas détruits. Je crois impossible de rien faire en France selon un nouveau système et qu'il n'y a que l'ancien qui puisse y rétablir un état souffrable dans tous les cas possibles. Le Comte de Cobenzel a beau ouvrir la fenêtre pour entendre chanter l'air „Ça ira“ et qu'on admette à la présentation de l'Empereur autant de mauvais sujets comme M-r de la Mark[3])

---

[1]) Рескриптъ этотъ не обнародованъ еще.

[2]) Johann Philipp, Graf von Cobenzl, 1741—1810, вицеканцлеръ австрійскій.

[3]) Auguste-Marie-Raymond, prince d'Aremberg, извѣстный подъ именемъ comte de Marck, 1753—1833, полковникъ французской службы; позже онъ подружился съ Мирабо и сталъ революціонеромъ; еще позже перешелъ на сторону короля и королевы; послѣ ихъ казни, въ 1793 году, вступилъ въ австрійскую службу.

qu'on pourra trouver, il n'en sera ni plus ni moins vrai que la France se livrera plutôt au Princes qu'à la maison d'Autriche. Par parenthèse, Vous savez déjà que le frère de ce M-r de la Mark a épousé la fille de la Princesse Chahovskoy sans ma permission et que j'ai mis la mère et la fille en tutelle et que j'ai défendu à M-r d'Ahremberg, complice des deux révoltées de passer les frontières de la Russie, et ses enfants s'ils ne sont pas envoyés avant cinq ans en Russie et élevés ici dans notre religion, les bien passeront aux héritiers de la femme, qui se trouve en Russie [1]). Il y a une raison à tout cela qui est celle, que tout gouvernement a le même intérêt vis-à-vis des personnes de cette trempe-là. La conduite de la maison d'Autriche dans les Pays-Bas est telle, qu'il est à supposer qu'elle ne désire pas les posséder. Je trouve le projet du Prince Henri contenu . . . .
ni intentions que la Cour de Vienne. Bien au contraire, ils ne seront pas fâchés de voir finir les troubles le plus tôt possible, et par conséquent les dépenses et les peines, la gloire étant à son comble.

Par Votre lettre de Binghen du $\frac{20}{31}$ Juillet je vois que le ministère de la Cour de Vienne ne s'est pas plus confié à Vous à Frankfort sur l'entrevue de l'Empereur avec le Roi de Prusse, qu'avant et après cette entrevue qu'il n'en a dit au Comte Rasoumowsky [2]); dans la lettre que le Comte de Cobenzel Vous a écrite il paraît sentir ce manque, car elle est farcie d'excuses et de justifications sur ce qu'on a fait et pas fait. Les conversations que Vous avez eues avec le Comte de Cobenzel me confirment dans les notions que j'avais déjà: que malgré l'alliance les deux Hauts Alliés, ou plutôt leurs ministères, se jalousent beaucoup et que vis-à-vis de nous la Cour de Vienne affecte de mener le Roi de Prusse.

Dans Votre lettre du $\frac{\text{24 Juillet}}{\text{4 Août}}$ un parvait . . . .
Le choix d'Elliot [3]) pour intervenir dans cette affaire est encore un moyen parfait de plus pour n'en pas venir à bout, selon mon avis. Mais, comme Son Altesse Royale ne jouit pas chez le Roi son neveu d'un crédit fort étendu, et que le Duc de Bronswick aussi ne paraît pas regorger de confiance pour son cher

---

[1]) Письмомъ отъ 2-го марта 1792 года, Екатерина извѣщала князя А. А. Прозоровскаго, московскаго главнокомандующаго, что „живущая уже давно въ Парижѣ“ княгиня Варвара Александровна Шаховская выдала свою дочь, княжну Елизавету Борисовну, за князя Аремберга, „мошенничества котораго далеко распространяются“, и что бракъ этотъ не можетъ быть признанъ въ Россіи („Русск. Арх.“, 1872, 565); 24-го марта того же года послѣдовалъ указъ сенату, воспрещающій въѣздъ въ Россію „бунтовщику князю Арембергу“ (Арх. Сената, т. 172, л. 135; П. С. З., № 17033; „Чтенія“, 1860, III, 144; „Сборникъ“, XLII, 229) и опредѣляющій права наслѣдованія. 23-го декабря 1794 г., указомъ архіепископу санктпетербургскому Гавріилу, бракъ этотъ былъ расторгнутъ („Чтенія“, 1860, III, 144). Въ „Запискахъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго“ отмѣчены нѣкоторыя подробности („Осьмнадц. Вѣкъ“, I, 341); нѣкоторыя бумаги хранятся въ Госуд. архивѣ, разр. X, № 124.

[2]) Графъ Андрей Кириллович Разумовскій, 1752—1836; съ 1790 русскій посланникъ въ Вѣнѣ, назначенный въ помощники престарѣлому князю Д. М. Голицыну.

[3]) Англійскій посланникъ въ Дрезденѣ.

oncle, je pense que tout s'en ira en fumée et que le chevalier de Bouffleur [1]) n'en aura que la peine d'un voyage pittoresque à cheval de Rheinsberg à Paris qu'il fera imprimer un jour et que nous lirons.

L'aperçu sur les cabinets de Vienne et de Berlin contenu dans Votre dépêche du $\frac{\text{25 Juillet}}{\text{5 Août}}$, je regarde comme un fruit de Votre zèle et je Vous remercie de la confiance que Vous me marquez. Leur rapprochement est le fruit du caractère de Léopold II et du crédit de Bischofswerder [2]) chimiste tout comme l'autre. Léopold, naturellement rival de personne, avait à pacifier ses Etats presque tous prêts à se révolter par les changements trop précipités qu'y avait entrepris son père, lequel, outre cela, lui avait laissé une guerre malheureuse par l'unique raison qu'il l'avait voulu faire contre vent et marée défensife, tandis que la nature des choses exigeait qu'elle fût offensive. Léopold II fut bien aise d'écouter dans de pareilles circonstances tout ce qui pouvait diminuer les embarras. Son successeur monta au trône au moment où le Traité d'alliance avec la Prusse était conclu. Le premier évènement de ce règne fut que la France déclara la guerre au nouveau Roi. Dès ce moment, le Roi de Prusse, devenu son allié, fut obligé de l'assister. Il armait déjà à la suite d'un concert qui durait depuis la fuite du Roi de France, au mois de Juin de l'année passée, entre toutes les Puissances de l'Europe,—mais ici il devint auxiliaire. Ni l'une, ni lautre de ces Cours, bien loin d'agir gratis, sont toujours convenues qu'il leur fallait une compensation de frais. Celle-ci ne laissera pas d'intriguer l'Europe, car la France n'a pas d'argent. Consultée sur tout ceci, j'en dirai sans doute mon avis. D'ailleurs, le projet de l'échange de la Bavière et tout ce qui devait s'en suivre n'est pas nouveau pour Vous qui avez été employé à cette négociation. Je ne crois pas que le Duc des Deux-ponts inspire un intérêt plus vif pour le présent que par le passé; il me paraît qu'avec une tête despotique il a été jusqu'ici sous la dictée des démocrates et que Vous n'avez pas eu à Vous en louer, ni moi non plus. Quant à l'Electeur de Saxe, il est impossible qu'il veuille échanger son pays contre l'Alsace et la Lorraine: ce Prince est trop prudent pour un tel échange et il faut considérer l'Alsace et la Lorraine comme des pays ruinés avant qu'ils lui parviennent. Ainsi ce projet de l'Angleterre si tant il y a qu'elle l'aie, court risque de rester sans exécution. Je pense que l'inquiétude de l'Angleterre roule peut-être plus sur ce qu'on fera et pour approfondir les intentions peut-être imagine-t-on ce qui Vous en est revenu. Pour les affaires de la Pologne, il ne sera pas bien difficile de les finir.

Vous me renverrez les croix de St. Vladimir destinées aux deux officiers qui sauvèrent la Reine le 6 d'Octobre, puisque Vous n'avez pas jugé à propos de les en revêtir alors et qu'à présent c'est trop tard, le Roi de Prusse leur ayant donné son ordre. Je vois que le Prince de Kaunitz [3]) s'est emparé de Sé-

---

[1]) Stanislas, chevalier de Boufflers, 1737—1815, поэтъ и беллетристъ, одинъ изъ послѣднихъ „петиметровъ", отличавшійся нѣсколько циничнымъ языкомъ. Эмигрировалъ изъ Франціи въ 1789-мъ году.

[2]) Johann Rudolf von Bischofswerder, 1737—1803, генералъ, министръ и другъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II; сопровождалъ короля въ его походѣ въ Шампань въ 1792-мъ году. Онъ былъ мистикъ и иллюминатъ.

[3]) Wenzel Anton Fürst von Kaunitz, 1711—1794, государственный канцлеръ, любимецъ Маріи-Терезіи, творецъ церковной реформы Іосифа II, за что папа назвалъ его il ministro eretico. Ему приписываютъ пруссаки мысль о первомъ раздѣлѣ Польши.

nac de Meilhan et que Vous ne pouvez par cette cause mettre mes ordres à son égard en exécution. C'est une ennui retardé dont je Vous félicite et n'envie point de tout au Prince de Kaunitz le plaisir d'avoir à faire à un homme aussi pesant.

Votre seconde conversation avec l'Electeur de Cologne n'a pas été moins intéressante que la première. Vous pouvez être assuré que cette dépêche ne sortira pas de mes mains. S'il a raison, la situation du C. de V. et dans un état déplorable. Mais il serait bon de savoir si ce Prince lui-même n'est pas dans le système des cadets, avec une tête d'ainé. Or, le système des cadets est d'ordinaire, celui des frondeurs; il n'y a rien de plus aisé que cela, j'ai vu des sots y exceller; entre outre—Князь Василій Борисовичъ Голицынъ[1]) était le plus habile et intelligent frondeur que j'aie connu de ma vie. Ceci prouve encore, que la chose en elle-même n'est pas difficile. Le plus important serait donc de savoir pour sûr s'il voit juste. Je suis parfaitement de l'avis de l'oncle, sur l'estime qu'il fait de la personne de son neveu, et à la suite de ce sentiment j'ose espérer qu'il s'aura passer au travers des entraves qui pourraient nuire au bonheur et au succès de son règne; il a une carrière brillante à remplir et avec de l'esprit et du mérite on parvient aisément à ce qu'on se propose. L'alliance des deux maisons rivales étonne tous ceux qui n'ont pas vu celle de la maison d'Autriche et de Bourbon et le fameux pacte de famille entre la France et l'Espagne se conclure: tout cela était des phénomènes auxquels les yeux de l'Europe, cependant, se sont accoutumés. Je ne sais comment les Princes d'Allemagne se trouveront de celui-ci. Si les deux Atlas se cassent le nez il y aura peu de chirurgiens qui voudront les panser.

Toutes les autres anecdots que Vous me mandez sous la même rubrique sont bonnes à savoir et je Vous en remercie. Ce qui m'inquiète le plus c'est la santé de l'Empereur qui n'est pas telle, selon Votre rapport, qui je le souhaite.

Présentement, j'en viens à Votre lettre de Carlsruhe du $\frac{\text{30 Juillet}}{\text{18 Août}}$. J'y vois que Vous avez reçu mes ordres concernant ce parage au moment de l'élection de l'Empereur; — que Vous n'avez pu quiter Francfort qu'après le départ des Princes de Binghen et qu'arrivé à Carlsruhe Vous avez trouvé que la timidité de la Princesse Héréditaire[2]) l'avait empêché de préparer le Margrave[3]) à ce que Vous désiriez de lui. Je ne puis que savoir gré au Baron Edelsheim[4]) d'avoir déterminé la résolution de son Maître et d'avoir sû vaincre l'obstacle imprévu des scrupules du Prince Héréditaire[5]) sur le changement de religion de sa fille[6]), en lui conseillant du consulter un théologien qui lui a enfin prouvé

---

[1]) Сынъ адмирала, камергеръ, гвардіи капитанъ, 1729—1771, женатый на графинѣ Салтыковой. Кн. Голицынъ, „Родъ князей Голицыныхъ", Спб., 1892. № 123.

[2]) Амалія-Фридерика, наслѣдная принцесса баденъ-дурлахская, рожд. принцесса гессенъ-дармштадтская.

[3]) Карлъ-Фридрихъ, 1728—1811, маркграфъ баденъ-дурлахскій.

[4]) Wilhelm Baron von Edelsheim, † 1793, предсѣдатель баденскаго тайнаго совѣта.

[5]) Карлъ-Людвигъ, наслѣдный принцъ баденъ-дурлахскій, ум. въ 1801 г.

[6]) Луиза-Марія-Августа, 1779—1826; съ 1793-го года русская великая княгиня Елисавета Алексѣевна, супруга великаго князя Александра Павловича.

l'excellence de la religion apostolique grecque, jusqu'à ce que ce Prince ne dît qu'il voyait le moment où on allait lui conseiller à lui-même de l'embrasser aussi, ce qui Vous a mis en état de parler au Margrave. La sensibilité de ce Prince, de ce que mon choix est tombé sur les Princesses de sa maison, ne peut que m'être très agréable, de même que les sentiments de Monsieur son fils et sa reconnaissance sur le même sujet. Je vois que la conversation que Vous avez eue avec Madame la Princesse Héréditaire s'est aussi terminée à notre satisfaction, malgré tous les ombrages qu'on a tâché de faire naître dans son esprit et que je regarde comme des terreurs maternelles annexées à la chose et dont sa mère et la mienne ont été obsédées, mais qu'elles ont su vaincre. La Princesse Héréditaire a cependant un avantage sur sa mère et la mienne: c'est qu'elles a été ici elle-même, qu'elle jouit depuis longtemps de mon estime, de mon amitié, et qu'elle me doit connaître assez pour être persuadée que j'aurai un soin tout particulier de ses filles; — que si j'ai dit, que je les établirai, je tiendrai parole, et à la lettre je m'y tiens engagée d'honneur. Jamais on n'en dit tant, comme Vous l'avez remarqué, ni à sa mère, ni à la mienne; cependant toutes les deux vinrent en Russie,—la première avec trois filles, la seconde—avec sa fille unique, pour laquelle les partis ne manquaient pas.

La peine que le Prince et la Princesse Hédéritaires ont à se séparer de la cadette de leurs filles est bien marquée dans la lettre que cette Princesse m'écrit à ce sujet et que Vous m'avez envoyée. Je désirerais infinement que les deux Princesses vinssent ensemble et je ne trouve aucune difficulté à l'envoi de cette demoiselle d'Arnay [1]), suisse de naissance, avec les susdites Princesses. J'ai dit à la Comtesse Schouvalow [2]) au moment de son départ, ou plutôt à M-r Strékaloff [3]) que, si la Princesse Héréditaire voulait envoyer quelque dame avec ses filles, elle l'amène avec elle. Mais, en cas que la santé de la cadette des Princesses fût réellement si délicate qu'elle ne pût en effet supporter sans risque le voyage, il s'en suit de soi-même qu'il deviendra impossible de l'amener, j'en serais fâchée, je l'avoue. Car, selon le petit portrait en bague que je Vous renvoie, c'est une physionomie charmante et m-r Alexandre commence un tantinet à remarquer celles de cette espèce: il me disait hier à la comédie que les quatre actrices qui jouaient en avaient de bien maussades. Vous rendrez la ci-jointe à son adresse. Adieu, portez-Vous bien.

Ce 17 Août 1792.

Vous trouverez ci-joint encore une incluse, à cachet-volant tout comme l'autre pour les deux Princes, Frères du Roi de France. Dans la lettre qu'ils m'ont écrite et à laquelle celle-ci sert de réponse, ils me pressent d'envoyer mes troupes en France le plus tôt possible; mais, outre que les deux Puissances qui ont 15.000 hommes en France me demandent de l'argent et non des trou-

---

[1]) Гувернантка молодыхъ принцессъ; она сопровождала ихъ въ Петербургъ и возвратилась съ младшею принцессою въ Карлсруэ.

[2]) Екатерина Петровна, рожд. графиня Салтыкова, 1743–1816, замужемъ за гр. Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, 1744—1789, извѣстнымъ подъ названіемъ „le petit comte", поэтъ.

[3]) Степанъ Өедоровичъ, управлявшій кабинетомъ, сенаторъ. Екатерина называетъ его „стариннымъ другомъ дома" Шуваловой. „Русскій Архивъ", 1869, 206.

pes, ils m'assurent encore qu'ils finiront le tout dans une campagne; ainsi, mes troupes n'auront pas même le temps d'arriver que tout sera fini. D'ailleurs, les Puissances me tiennent encore dans une parfaite ignorance de leurs plans,—tant de la campagne, que de ce qu'ils sont intentionnés de faire en France. Vous voyez par là le rôle qu'on nous destine et que la besogne peut très-bien s'achever sans nous. Je Vous avoue, que, voyant cela, je ne suis aussi nullement empressée aussi de mettre en marche mes troupes, qui, cependant, n'ont pas perdu leur temps et commencent à entrer dans les Palatinats, qui avoisinent la grande Pologne et par conséquent se trouvent sur la route de la Silésie. Le temps nous éclaircira seul sur ce qu'il faudra faire.

Adieu encore une fois.

Ce 18 Août 1792.

(Переводъ).

15.

Господинъ графъ Румянцовъ.

Я думаю, всѣ бѣдствія этой кампаніи произошли отъ того, что въ планѣ ея ошиблись, моему — не послѣдовали, что французскихъ принцевъ помѣстили не въ авангардѣ, а въ тылу, — не захотѣли сдѣлать руками французовъ то, что слѣдовало ими сдѣлать, и, вмѣсто того, чтобъ придать партіи принцевъ вѣсъ и силу, сдѣлали все, чтобы ее уничтожить. Кромѣ того, къ несчастію, оправдалось пророчество покойнаго генералъ-квартирмейстера Бауера, которое онъ (между нами будь сказано) высказывалъ мнѣ и многимъ другимъ, что таланты владѣтельнаго герцога брауншвейгскаго не таковы, да и никогда не были такими, какими общественному мнѣнію заблагоразсудилось ихъ считать; а это-то именно и зналъ достовѣрно Бауеръ, что и подтвердилось на дѣлѣ. Даже по мнѣнію нѣкоторой части прусскаго министерства, будетъ большимъ несчастіемъ, если герцогъ сохранитъ за собою командованіе соединенной арміей. Другое несчастье—этотъ милый герцогъ Альбертъ саксенъ-тешенскій и его супруга, которые испортили нидерландскія дѣла и, въ концѣ концовъ, герцогъ завладѣлъ командованіемъ арміей противъ желанія императора, арміей и военнымъ совѣтомъ, и вы видѣли, что изъ этого вышло. Его высочество былъ первый побитъ терроромъ, принялъ 19 человѣкъ уланъ за 80 чел., и такъ далѣе. Его главный дѣлецъ, говорятъ, какой-то Линденау, бывшій въ прусской службѣ. Весьма возможно также, что союзники принимаютъ болѣе къ сердцу увеличеніе своихъ собственныхъ владѣній, нежели дѣла Франціи; но этого нельзя достигнуть, даваясь въ обманъ постыдныхъ политическихъ переговоровъ, или терпя пораженія, когда надо

побѣждать. Судя по тому, что, по вашимъ словамъ, разсказалъ графу Ламберту адъютантъ гражданина Валенса, не особенно трудно было добиться побѣды въ день канонады. Подробности, которыя вы мнѣ объ этомъ сообщаете, равно какъ о здоровьѣ короля и королевы и о партіи д'Артуа во Франціи, безконечно интересны, и я васъ за нихъ благодарю. Вы можете быть увѣрены, что сохраню въ тайнѣ эту депешу, какъ вы того желаете. Согласно извѣстіямъ, которыя приходятъ ко мнѣ изъ владѣній короля прусскаго, молодые люди склоняются къ демократіи, но всѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ противъ этой маніи, и вообще нѣтъ никакого намека на возмущеніе. Я думаю, что прусская армія, которая оставила страну вмѣстѣ съ королемъ, перестала бы быть демократической, если бы его величеству удалось побить французовъ. Парадоксы герцога брауншвейгскаго, а особенно герцога веймарскаго, правду сказать, слишкомъ ужь парадоксальны, но надъ ними можно будетъ посмѣяться, если они не повліяютъ на мѣропріятія его шурина, короля прусскаго. Впрочемъ, этотъ герцогъ веймарскій весьма можетъ быть расположенъ къ помѣшательству, какъ его отецъ и дѣдъ, который и былъ признанъ таковымъ. Про герцога брауншвейгскаго этого нельзя сказать; но безчеловѣчно было не выговорить въ условіи, чтобы эмигранты были включены въ перемиріе, которое онъ, къ несчастію, заключилъ. Вообще, о чемъ, повидимому, заботились меньше всего на свѣтѣ въ эту кампанію — о достоинствѣ и чести державъ, воюющихъ противъ мятежниковъ, въ то время, какъ мятежники были крайне горды и дерзки.

Все, что я вамъ сообщаю сегодня въ большомъ рескриптѣ, дастъ вамъ достаточныя свѣдѣнія, чтобы изъ нихъ вывести указанія для вашего поведенія по всѣмъ вопросамъ. Вы будете проповѣдывать и говорить въ пользу принцевъ и эмигрантовъ, съ цѣлью заставить смотрѣть на нихъ дѣла въ настоящемъ свѣтѣ, какъ я на нихъ смотрю. Сверхъ того, старайтесь выставлять во всякомъ случаѣ всѣ доводы, которые въ состояніи подорвать демократію или, по меньшей мѣрѣ, которые клонятся къ ослабленію ея. Если представится случай, употребите свои старанія, чтобы ходъ дѣйствій, который я предлагала, былъ принятъ и чтобы король прусскій дѣлалъ видъ, будто уступаетъ вѣнскому двору руководство во всѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ не пожелаетъ выступать.

Я возобновила свой союзъ съ каждымъ изъ этихъ дворовъ въ отдѣльности. Совершенно справедливо, что вѣнскій дворъ предпочитаетъ получать отъ насъ помощь деньгами, а не войскомъ. Согласно моему договору съ австрійскимъ домомъ, я обязуюсь ему помощью въ 13.000 чел.; я предлагала 15.000 чел. Но, такъ какъ онъ желаетъ денегъ, то я и дамъ, сколько положено по договору, соразмѣрно съ

13.000 чел.; а если у меня спросятъ на 15.000 чел., то я предпочту сохранить излишекъ этого пожертвованія, чтобы употребить его на поддержку того дѣла, которому я найду умѣстнымъ оказывать покровительство, если увижу, что это дѣйствительно необходимо. Отзывы графа Кобенцля о принцахъ и эмигрантахъ ясно доказываютъ нерасположеніе его двора, выраженное уже столько разъ за эту зиму и принцамъ, и эмигрантамъ. Но если вѣнскій дворъ намѣревается управлять французскимъ государствомъ отъ имени французскаго короля, жизнь этого государя, навѣрно, будетъ недолга, а жизнь королевы и ея сына и того менѣе. Это—разсужденіе, которое, повидимому, не приходило въ голову графу Кобенцлю, когда онъ съ вами говорилъ, но которое, несмотря на это, я считаю вѣрнымъ. Итакъ, если семья короля будетъ отстранена, прощай управленіе: графъ Прованскій сдѣлается королемъ, и ненависть къ принцамъ обратится по меньшей мѣрѣ въ непримиримую ненависть. Если же, въ этой войнѣ, вѣнскій дворъ не пожелалъ бы подчинить свои интересы моему мнѣнію — если есть таковое, какъ вамъ говорилъ вышесказанный графъ — то мнѣ такъ же точно невозможно отступиться отъ своего, потому-что я его считаю добрымъ, честнымъ и высокимъ, и что я, конечно, буду всегда интересоваться принцами, братьями короля французскаго, и французскимъ дворянствомъ; искренно желаю, чтобы они сами и французское дворянство не были уничтожены. Мнѣ кажется, что во Франціи ничего нельзя подѣлать при новыхъ порядкахъ, и что только старый можетъ тамъ возвратить сносное положеніе дѣлъ, въ какомъ бы ни было случаѣ. Хоть графъ Кобенцль и старается открывать окно, чтобы послушать, какъ поютъ «Ça ira», хоть и допустятъ до представленія императору еще столько же негодяевъ, какъ г. де-ла-Маркъ, сколько съумѣютъ найти, тѣмъ не менѣе останется несомнѣннымъ, что Франція скорѣе поддастся принцамъ, нежели австрійскому дому.

Кстати, вы уже знаете, что братъ этого де-ла-Марка женился на дочери княгини Шаховской безъ моего разрѣшенія и что я отдала подъ опеку и мать, и дочь. Я запретила г-ну Аренбергу, сообщнику двухъ возмущеній, переступать границы Россіи. Если его дѣти до истеченія пяти лѣтъ не будутъ присланы въ Россію и воспитаны здѣсь въ нашей вѣрѣ, то имѣнія перейдутъ къ наслѣдникамъ жены, которые находятся въ Россіи. На все это есть основаніе, а именно, что всякое правительство одинаково заинтересовано относительно людей этого рода.

Поведеніе австрійскаго двора въ Нидерландахъ таково, что надо предположить, что онъ не желаетъ ими владѣть. Я нахожу, что проектъ принца Генриха, заключающійся въ . . . . ни намѣреній вѣнскаго двора. Совсѣмъ напротивъ: они бу-

дутъ довольны увидѣть возможно скорѣе конецъ своимъ тревогамъ, а слѣдовательно и трудамъ, и издержкамъ, такъ какъ слава уже достигла верха своего величія.

Изъ письма вашего изъ Бингена, отъ $^{20}/_{31}$ іюля я вижу, что представитель вѣнскаго двора былъ съ вами откровененъ во Франкфуртѣ касательно свиданія императора съ королемъ прусскимъ не болѣе того, какъ онъ говорилъ съ графомъ Разумовскимъ прежде и послѣ этого свиданія. Въ письмѣ, которое писалъ вамъ графъ Кобенцль, онъ, повидимому, чувствуетъ этотъ недостатокъ уваженія, потому что оно начинено извиненіями и оправданіями въ томъ, что сдѣлано и чего не дѣлано. Разговоры, которые вы имѣли съ графомъ Кобенцлемъ, утверждаютъ меня въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя уже у меня были,—что, несмотря на союзъ, оба высокіе союзника, или скорѣе ихъ послы другъ другу очень завидуютъ и что относительно насъ вѣнскій дворъ дѣлаетъ видъ, будто руководитъ королемъ прусскимъ.

Въ вашемъ письмѣ отъ $\frac{\text{24 іюля}}{\text{4 августа}}$ . . . .

. . . .

Выборъ Элліота для посредничества въ этомъ дѣлѣ также прекрасное средство для того, чтобы не довести его до конца, согласно моему мнѣнію. Но, такъ какъ его королевское высочество не пользуется у своего племянника-короля слишкомъ обширнымъ довѣріемъ, и герцогъ Брауншвейгскій, повидимому, также не преисполненъ довѣрія къ своему дорогому дядюшкѣ, то я и думаю, что все это пойдетъ прахомъ, и что кавалеру де-Буффлеръ достанется лишь трудъ сдѣлать живописное путешествіе верхомъ изъ Рейнсберга въ Парижъ, которое онъ въ одинъ прекрасный день предастъ печати и которое мы прочитаемъ.

На обзоръ кабинетовъ Вѣны и Берлина, который заключается въ вашей депешѣ отъ $\frac{\text{25 іюля}}{\text{5 августа}}$, я смотрю, какъ на плодъ вашего усердія и благодарю васъ за довѣріе, которое вы мнѣ оказываете. Ихъ сближеніе—результатъ характера Леопольда II и вліянія Бишофсвердера, такого же пустомели, какъ и онъ. Леопольду, который, естественнымъ образомъ, никому не соперникъ, приходилось умиротворять свои владѣнія, которыя почти всѣ были готовы возмутиться противъ черезчуръ крутыхъ реформъ, предпринятыхъ его отцомъ, оставившимъ ему, сверхъ того, войну неудачную, по той единственной причинѣ, что онъ вопреки очевидности хотѣлъ вести ее оборонительно, тогда какъ обстоятельства требовали, чтобы она была наступательной. Леопольдъ II былъ очень радъ слушаться при подобныхъ обстоятельствахъ всего, что только могло уменьшить его затрудненія. Его наслѣдникъ взошелъ на престолъ въ то время, когда былъ заключенъ союзный договоръ съ Пруссіей. Пер-

вымъ событіемъ этого царствованія было то, что Франція объявила войну новому королю. Съ этой минуты король прусскій, сдѣлавшійся его союзникомъ, обязанъ былъ помогать ему. Онъ уже вооружался, вслѣдствіе соглашенія, которое продолжалось съ бѣгства короля французскаго, въ іюнѣ прошлаго года, между всѣми европейскими державами,—но теперь онъ являлся лишь вспомогательною силой. Какъ тотъ, такъ и другой дворъ были далеки отъ того, чтобы дѣйствовать безкорыстно; они уговорились всегда требовать возмѣщенія убытковъ. Это не преминетъ заинтересовать всю Европу, потому-что денегъ-то у Франціи нѣтъ. Если у меня обо всемъ этомъ спросятъ совѣта, я скажу свое мнѣніе. Впрочемъ, проектъ обмѣна Баваріи и все то, что должно было изъ него воспослѣдовать, не должно быть новостью для васъ, ведшаго эти переговоры. Я не думаю, чтобы герцогъ Цвейбрюкенскій внушалъ теперь болѣе живое участіе, чѣмъ прежде; мнѣ кажется, что, несмотря на свою деспотическую голову, онъ былъ до сихъ поръ въ подчиненіи у демократовъ и что вамъ нельзя было имъ похвалиться также, какъ и мнѣ. Что касается курфюрста Саксонскаго, невозможно, чтобы онъ хотѣлъ промѣнять свои владѣнія на Эльзасъ и Лотарингію: этотъ государь слишкомъ благоразуменъ для такого обмѣна, а на Эльзасъ и Лотарингію надо смотрѣть какъ на земли, которыя будутъ разорены прежде, чѣмъ попадутъ къ нему. Такимъ образомъ, этотъ проектъ Англіи, если только онъ у нея есть, рискуетъ остаться невыполненнымъ. Я думаю, что безпокойство Англіи касается, быть можетъ, скорѣе того, что будетъ дѣлаться, и, чтобы проникнуть намѣренія, тамъ, можетъ быть, придумываютъ то, о чемъ до васъ дошелъ слухъ.

Что касается польскихъ дѣлъ, то покончить ихъ будетъ не особенно трудно.

Возвратите мнѣ ордена св. Владиміра, предназначенные для двоихъ офицеровъ, которые спасли королеву 6 октября, потому что вы не нашли умѣстнымъ пожаловать ихъ тогда, а теперь уже слишкомъ поздно, такъ какъ король прусскій имъ уже далъ свои. Вижу, что князь Кауницъ завладѣлъ Сенакомъ де-Мельянъ и что, по этой причинѣ, вы не можете выполнить мои приказанія относительно его. Значитъ, отсрочена эта докучная забота, съ чѣмъ васъ и поздравляю; я вовсе не завидую князю Кауницу въ удовольствіи имѣть дѣло съ такимъ несноснымъ человѣкомъ.

Вашъ второй разговоръ съ курфюрстомъ Кельнскимъ не менѣе интересенъ, какъ и первый. Вы можете быть увѣрены, что эта депеша не выйдетъ изъ моихъ рукъ. Если онъ правъ, то состояніе графа де-В. находится въ отчаянномъ положеніи. Но было бы полезно узнать, не состоитъ ли самъ этотъ курфюрстъ въ разрядѣ «младшихъ», съ головой «старшаго»? Вѣдь, разрядъ «младшихъ» обыкновенно тотъ же, что и

фрондеровъ. Нѣтъ ничего легче этого: я видѣла, какъ въ этомъ отличались глупцы и, между прочимъ, князь Василій Борисовичъ Голицынъ. Онъ былъ самымъ ловкимъ и смышленымъ фрондеромъ, какого я встрѣчала за всю свою жизнь. Это опять-таки доказываетъ, что это дѣло само по себѣ не трудное. Самое же главное, конечно, разузнать въ точности, правильно ли онъ смотритъ. Я совершенно раздѣляю мнѣніе его дядюшки о личности племянника и, вслѣдствіе этого чувства, я смѣю надѣяться, что онъ сумѣетъ побороть препятствія, которыя могли бы повредить благополучію и успѣхамъ его царствованія. Ему предстоитъ выполнить блестящую карьеру, а при умѣ и достоинствахъ легко достигнуть того, къ чему стремишься. Союзъ обоихъ соперничествующихъ домовъ удивляетъ всѣхъ тѣхъ, кто не видалъ союза австрійскаго и бурбонскаго домовъ и знаменитаго семейнаго соглашенія, заключеннаго между Франціей и Испаніей. Все это были феномены, съ которыми, однако, свыклись глаза всей Европы. Не знаю, какъ отнесутся къ этому союзу германскіе князья. Если оба эти Атланта разобьютъ себѣ носы, немного найдется хирурговъ, желающихъ сдѣлать имъ перевязку.

Не безполезно знать и всѣ другіе анекдоты, которые вы мнѣ сообщаете подъ той же рубрикой, и я васъ за нихъ благодарю. Меня наиболѣе безпокоитъ здоровье императора, которое, по вашему донесенію, не таково, какъ бы я того желала.

Теперь обращаюсь къ вашему письму изъ Карльсруэ, отъ $\frac{\text{30 іюля}}{\text{10 августа}}$. Изъ него я вижу, что вы получили мои приказанія касательно этого дѣла въ моментъ избранія императора, что вы могли оставить Франкфуртъ лишь послѣ отъѣзда принцевъ Бингенскихъ, и что, по прибытіи въ Карльсруэ, вы нашли, что робость наслѣдной принцессы помѣшала ей приготовить маркграфа къ тому, чего вы отъ него желали. Я должна отдать справедливость барону Эдельсгейму, что онъ вызвалъ рѣшеніе своего повелителя и съумѣлъ побѣдить неожиданное препятствіе—сомнѣнія наслѣднаго принца относительно перемѣны вѣроисповѣданія его дочери, посовѣтовавъ ему обратиться къ богослову, который, наконецъ, доказалъ ему превосходство греческой вѣры, такъ что этотъ принцъ сказалъ, будто бы онъ ожидаетъ минуты, когда ему самому тоже посовѣтуютъ ее принять, что̀ и дало вамъ возможность говорить съ маркграфомъ. Если этотъ принцъ тронутъ тѣмъ, что мой выборъ палъ на принцессъ его дома, то мнѣ это можетъ быть только пріятно, равно какъ и чувства его сына и его благодарность по тому же поводу. Вижу, что разговоръ, который былъ у васъ съ наслѣдной принцессой, также закончился къ нашему удовольствію, несмотря на сомнѣнія, которыя старались возбудить у нея въ душѣ, и на которыя

я смотрю, какъ на материнскій страхъ, связанный съ этимъ дѣломъ: онъ преслѣдовалъ ея мать и мою, но онѣ съумѣли превозмочь его. Наслѣдная принцесса имѣетъ, однако, то преимущество надъ своей матерью и надъ моею, что она сама побывала здѣсь, что она съ давнихъ поръ пользуется моимъ уваженіемъ, моею дружбой, и что она должна знать меня настолько, чтобъ быть увѣренной, что я приложу объ ея дочеряхъ особыя заботы; что если я сказала, что ихъ пристрою, то и сдержу слово. И я буквально считаю себя обязанной къ тому честью. Какъ вы замѣтили, никогда не было столько говорено ни ея матери, ни моей; а между тѣмъ онѣ обѣ прибыли въ Россію: первая съ тремя дочерьми, а вторая—со своей единственной дочерью, для которой она не имѣла недостатка въ предложеніяхъ.

Тягость разлуки съ младшей дочерью для наслѣднаго принца и принцессы ясно замѣтны въ письмѣ, которое эта принцесса писала мнѣ по этому поводу, и которое вы мнѣ переслали. Я желала бы безгранично, чтобы обѣ принцессы пріѣхали вмѣстѣ, и не нахожу никакихъ затрудненій къ тому, чтобы прислать дѣвицу д'Арнэ, родомъ швейцарку, съ вышесказанными принцессами. Я сказала при отъѣздѣ графинѣ Шуваловой, или скорѣе г. Стрекалову, что если наслѣдная принцесса захотѣла бы прислать со своими дочерями кого-либо изъ дамъ, то, чтобы графиня взяла ее съ собою. Но въ случаѣ, если здоровье младшей дѣйствительно такъ нѣжно, что она не могла бы безъ риска перенести путешествіе, изъ этого слѣдуетъ, само собою, что привезти ее будетъ невозможно, и я, признаюсь, буду этимъ огорчена. Судя по маленькому портрету въ кольцѣ, которое я вамъ возвращаю, это прелестное лицо, а г. Александръ начинаетъ чуточку замѣчать лица подобнаго рода: онъ говорилъ мнѣ вчера на представленіи комедіи, что у четырехъ игравшихъ актрисъ они были пренепріятныя. Передайте прилагаемое при семъ письмо по адресу.

Прощайте, будьте здоровы.

17-го августа 1792 года.

При семъ вы найдете еще вложенное письмо, такъ же, какъ и то, съ открытой печатью, для обоихъ принцевъ, братьевъ короля французскаго. Въ ихъ письмѣ ко мнѣ, на которое это письмо служитъ отвѣтомъ, они настоятельно просятъ меня какъ можно скорѣе отправить мои войска во Францію. Но, помимо того, что обѣ державы, у которыхъ есть 15.000 чел. во Франціи, просятъ у меня денегъ, а не войска, онѣ еще увѣряютъ меня, что все покончатъ въ одну кампанію; такимъ образомъ, мои войска не успѣютъ прибыть, какъ уже все будетъ кончено. Сверхъ того, державы все еще держатъ меня въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ своихъ плановъ какъ относительно кампаніи, такъ и от-

носительно того, что они намѣрены дѣлать во Франціи. Изъ этого вы видите, какую роль намъ предназначаютъ и что это дѣло прекрасно можетъ покончиться и безъ насъ. Признаюсь вамъ: видя это, я также нисколько не спѣшу двигать свои войска, которыя, однако, не теряютъ времени и начинаютъ уже вступать въ воеводства, смежныя съ Великой Польшей, а слѣдовательно и находятся на дорогѣ въ Силезію. Только время выяснитъ намъ, что надо будетъ дѣлать.

Еще разъ прощайте!

18-го августа 1792 года.

Графъ Румянцовъ — императрицѣ Екатеринѣ.

16.

Франкфуртъ, 27 августа (7 сентября) 1792.

Всемилостивѣйшая государыня!

Графиня Шувалова, удовлетворяя просьбѣ Баденской Наслѣдной Принцессы, ѣздила въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стрѣкалова съ нею повидатся и пробывъ трое сутокъ въ Карлсругѣ, возвратилася во Франкфуртъ, отколь если ея здоровіе, или иное непредвидимое обстоятельство не воспрепятствуетъ, то выѣдитъ она, Всемилостивѣйшая Государыня, чрезъ двѣ недѣли, возвращаяся къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества въ собесѣдованіи извѣстныхъ вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, особъ. Въ день же выѣзда отправится къ Вашему Императорскому Величес тву курьеръ.

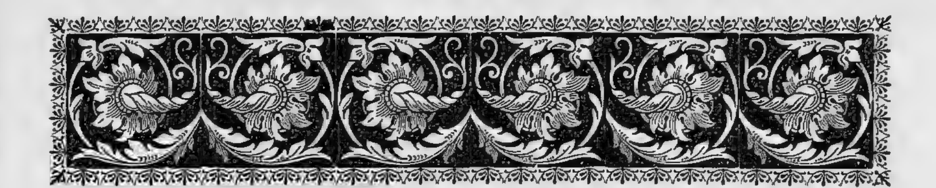
Есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданнѣйшій

Николай Графъ Румянцовъ.

Франкфуртъ,
27 августа / 7 сентября.

Сообщилъ **В. А. Бильбасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



ЗАПИСКИ
МУХАММЕДА НЕДЖАТИ-ЭФЕНДИ,
турецкаго плѣннаго въ Россіи
въ 1771–1775 гг.

ВМѢСТО КОММЕНТАРІЯ.

Эпоха первой екатерининской войны Россіи съ Турціей навсегда останется памятною въ исторіи политическаго роста нашего отечества. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 года представляетъ единственный въ своемъ родѣ актъ, свидѣтельствующій о силѣ русскаго оружія и дипломатической смышлености русскаго по духу и крови полководца, соединявшаго умѣнье владѣть мечемъ съ ясностью пониманія тѣхъ цѣлей и интересовъ, ради которыхъ мечъ этотъ былъ обнаженъ тогда. Румянцовъ былъ великій человѣкъ, еще не вполнѣ оцѣненный по достоинству исторіею. Не даромъ турки, касаясь такъ называемаго Восточнаго вопроса, рядомъ съ апокрифическимъ «Завѣщаніемъ Петра Великаго», обращаютъ особенное вниманіе на Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ. Если первое заключаетъ въ себѣ извѣстную политическую программу для будущаго Россіи на Востокѣ, мнимо или дѣйствительно начертанную ея великимъ преобразователемъ, то второй представляетъ блистательнѣйшій опытъ осуществленія этой программы, къ сожалѣнію, не нашедшій подобающаго повторенія въ послѣдующее время ни въ одну изъ многихъ бывшихъ послѣ того войнъ съ турками.

Обстоятельства, предшествовавшія тогдашней войнѣ и сопровождавшія ее, дотого были характерны во всѣхъ отношеніяхъ, что по-

служили потомъ для самихъ турокъ предметомъ какъ серьезныхъ размышленій, такъ и сатирическаго осмѣянія. То и другое нашло свое превосходное выраженіе въ памфлетѣ одного изъ участниковъ, съ турецкой стороны, заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, нѣкоего Ресми Ахмеда-эфенди. Въ свое время этотъ памфлетъ былъ переведенъ на русскій языкъ Сенковскимъ подъ заглавіемъ «Сокъ достопримѣчательнаго». Переводъ хоть не вездѣ точенъ и вѣренъ подлиннику и нерѣдко умышленно преувеличиваетъ игривость тона, не свойственную спокойному, флегматическому юмору турецкаго оригинала, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно живо воспроизводитъ картину политической безтолковости и фанатической безтактности турецкихъ государственныхъ мудрецовъ, нестроенія и безурядицы въ турецкой арміи и полной растерянности ея начальниковъ. Въ этомъ литературномъ памятникѣ сказалась необыкновенная политическая дальновидность автора, горячо протестовавшаго противъ неумѣстнаго воинственнаго задора турецкихъ сановниковъ и тупоумныхъ представителей турецкой фанатической духовно-ученой корпораціи въ Государственномъ Диванѣ. Не послушали тогдашніе вершители судебъ Турціи дѣльныхъ предостереженій умнаго Ресми Ахмеда-эфенди, затѣяли, въ угоду франко-австрійскимъ подстрекательствамъ, напрасную войну съ Россіею—и горько поплатились за свою затѣю. Зато и должны были выслушать потомъ безпощадную отповѣдь отъ того же самаго Ресми Ахмеда-эфенди въ упомянутомъ его трактатѣ, увѣковѣчившемъ любопытныя подробности этого достопамятнаго событія. Упрямые соотечественники автора все-таки не вняли его урокамъ; а европейскіе историки, по обычаю враждебные Россіи, въ родѣ напр. Цинкейзена, обвиняли его въ подкупѣ со стороны русскихъ.

Къ числу турецкихъ литературныхъ памятниковъ, относящихся къ той же замѣчательной эпохѣ войны Россіи съ Турціей, принадлежатъ и записки одного турка, попавшагося тогда въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, главнокомандующимъ турецкой арміи въ Крыму, который до присоединенія его къ Россіи составлялъ полузависимую провинцію Отоманской имперіи.

Авторъ предлагаемыхъ въ настоящемъ переводѣ записокъ называетъ себя полнымъ именемъ Эльхаджъ-Мухаммедъ-Ассеидъ Неджати-эфенди и состоялъ въ должности уполномоченнаго-довѣреннаго отъ финансоваго вѣдомства высочайшаго Дивана. Онъ соединялъ по-нашему въ своемъ лицѣ должности войсковаго секретаря и бухгалтера при дѣйствующей арміи въ Крыму, надъ которой начальствовалъ Ибрагимъ-паша. Записки же его въ турецкомъ подлинникѣ носятъ довольно неопредѣленное, даже нѣсколько странное заглавіе: Тарихи-Кырымъ (=«Исторія Крыма»). Такъ, по крайней мѣрѣ, они озаглавлены

въ кодексѣ Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ (№ 590 id). Кстати сказать: нашъ переводъ въ нѣкоторыхъ частяхъ восполненъ по рукописи, принадлежащей драгоману генеральнаго консульства въ Константинополѣ С. И. Чахотину, обязательно предоставившему намъ возможность воспользоваться ею для настоящаго перевода.

Историческая достовѣрность какъ личности Ибрагимъ-паши, бывшаго Эрзерумскаго вали и потомъ главнокомандующаго султанской арміи въ Крыму, равно какъ и фактъ плѣна его и пребыванія въ Петербургѣ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія и у турецкихъ историковъ, и въ русскихъ источникахъ. Турецкій государственный исторіографъ Васыфъ-эфенди подъ 1185(=1771) годомъ своей лѣтописи въ статьѣ «Извѣстіе о покореніи Крыма гяурами», говоритъ: «Ханъ съ нѣсколькими человѣками поспѣшилъ сѣсть на корабль и бѣжалъ къ Высокому Порогу (т. е. въ Стамбулъ). По причинѣ бѣгства хана среди жителей Крыма произошло смятеніе. Кто былъ посостоятельнѣе и побогаче, тѣ сѣли на прибрежные корабли и отправились въ Анадолу и въ другія мѣста. У головы не стало стержня Находившіеся въ удаленныхъ мѣстахъ укрѣпились въ горахъ и тамъ остановились. Назначенный защищать Ени-Калэ Абазехъ-паша и съ корабля не слѣзалъ, а, послѣ этого происшествія, сказавъ себѣ, что съ 120 человѣками завоевать какую-либо область выше силъ человѣческихъ, удалился къ берегамъ синопскимъ. Сераскеръ-паша тоже тронулся съ своего мѣстопребыванія, изъ Карасу, и по просьбѣ народа отправился въ Кэфу. Тогда непріятель овладѣлъ Карасу, и ясно было, что онъ намѣревался идти и на Кэфу. Для сраженія съ непріятелемъ отдѣлили 10.000 стрѣлковъ (т. е. вооруженныхъ стрѣлами); во время стычки явился перекопскій бей, объявилъ о заключеніи договора съ московцами и тѣмъ повергъ войско въ совершенное уныніе: люди вернулись въ Кэфу, а самъ онъ выбралъ тотъ же путь, которымъ пришелъ. А непріятель сошелся съ войскомъ, бывшимъ на Таманьской сторонѣ и соединился съ нимъ. Годныя къ дѣлу войска (турецкія) еще раньше бѣжали на корабляхъ, и сераскеръ-паша (т. е. Ибрагимъ-паша), не имѣя силъ сопротивляться, въ такомъ состояніи попался въ узы плѣна и отправился въ Петербургъ и нѣсколько времени былъ въ разлукѣ съ своей женою, семействомъ и друзьями» (Тарихи Васыфъ, 2 изд., т. II, стр. 100—101). Въ такихъ-то общихъ чертахъ изображено военное событіе, имѣвшее весьма важныя послѣдствія для обѣихъ воевавшихъ сторонъ.

Въ русскихъ источникахъ также находимъ довольно краткое извѣстіе, что во вторникъ 19-го іюля 1771 года курьеры Одоевскій, Щербининъ и Семеновъ привезли отъ генерала князя Василія Михайловича Долгорукова извѣстіе о покореніи Кэфы, Керчи и Ени-Калэ и о взя-

тіи въ плѣнъ трехбунчужнаго сераскера Ибрагимъ-паши (Прибавленіе къ № 57 «Спб. Вѣдомостей» за 1771 годъ). При этомъ между прочимъ прибавляется: «Въ полонъ взяты вышепоказанный сераскеръ, янычарской Сеидъ-Омеръ-ага и судья Ибрагимъ; другихъ же чиновныхъ и простыхъ турокъ взято въ лагерѣ и въ погонѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ». Автора нашихъ записокъ не оказывается въ числѣ наособицу поименованныхъ военно-плѣнныхъ: это значитъ, что его не считали за важное лицо, хотя онъ самъ постоянно выставляетъ себя какъ безотлучнаго спутника Ибрагимъ-паши во всѣхъ его экскурсіяхъ во время плѣна, и какъ знакъ особаго довѣрія къ нему паши отмѣчаетъ то, что онъ, во время возвращенія ихъ въ Турцію, былъ посланъ пашою впередъ съ донесеніемъ къ верховному везирю Иззетъ-Мухаммедъ-пашѣ. Но потомъ ни о самомъ Ибрагимъ-пашѣ, равно какъ ни о другихъ герояхъ записокъ Неджати не встрѣчается болѣе упоминаній въ тогдашнихъ повременныхъ извѣстіяхъ. Если и есть случайныя замѣтки, то въ такомъ родѣ, что, напримѣръ, «18-го февраля 1772 года была аудіенція императрицы плѣннымъ изъ Кэфы, на которой и сераскеръ тоже былъ» (Камеръ-фурьерскій журналъ. Спб. 1857, стр. 82); или, что «18-го апрѣля того же года на балѣ былъ султанъ (т. е. Шагинъ-Герай) и два сераскера» (Ibid., стр. 116); что «на куртагѣ 28 іюня былъ и сераскеръ, который взятъ въ Кэфѣ» (Idid., стр. 222); что «іюня 29-го на маскарадѣ былъ и сераскеръ» (Ibid., стр. 229). Равнымъ образомъ никакихъ нѣтъ подробностей объ освобожденіи Ибрагимъ-паши изъ плѣна и объ отъѣздѣ его. Только про другаго важнаго по своему положенію участника кампаніи, про вышеупомянутаго Абазехъ-пашу, сообщается такое извѣстіе изъ Константинополя отъ 3-го сентября 1771 г.: «Прошедшаго мѣсяца 27 числа выставлена была въ Сералѣ голова Абасы-паши для смотрѣнія народу. Султанъ приказалъ отрубить ему оную за то, что онъ не бралъ столько войска, сколько потребно было къ сопротивленію россіянамъ, имѣющимъ великіе успѣхи въ Крыму». (Прибавл. къ «Спб. Вѣдом.» № 85, вторникъ, октября 25-го 1771 г.).

Хронологія записокъ Неджати-эфенди содержитъ только слѣдующія даты: 27 ребі'у-ль-эввеля 1185 г. Гиджры (=11-го іюля 1771 г. по Р. Х.) Ибрагимъ-паша взятъ въ плѣнъ; 15 джемазіу-ль-эввеля того же года (=27-го августа) составленъ списокъ всѣхъ плѣнныхъ; 15 ша'бана (=24-го ноября) Ибрагимъ-паша со свитою выѣхалъ изъ Тулы; 9 шевваля 1185 (=16-го января 1772 г.) онъ прибылъ въ Петербургъ, 9 зиль-хыддже 1188 (=1-го февраля 1775 г.) выѣхалъ изъ Петербурга; 13 джемазіу-ль-эввеля 1189 (=2-го іюля 1775 года) плѣнные возвратились въ Стамбулъ.

Изъ содержанія записокъ Неджати-эфенди не видно, чтобы онъ составилъ ихъ по чьему-нибудь заказу или порученію; они, очевидно,

плодъ его долговременнаго и скучнаго досуга, котораго онъ не имѣлъ чѣмъ-либо заполнить, живя на чужой сторонѣ и въ чуждой ему обстановкѣ. Не видно также, чтобы авторъ записокъ предназначалъ ихъ для представленія въ какое-либо оффиціальное учрежденіе; самое большее, что онъ могъ сдѣлать—это преподнести ихъ кому-нибудь изъ турецкихъ сановниковъ, своихъ патроновъ по службѣ, интересовавшихся сдѣланными имъ во время войны наблюденіями, а также и воспоминаніями о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ России. Подобныя вещи были въ обычаѣ у турокъ въ прежнія времена: какой-нибудь досужій писатель своего времени—историкъ, поэтъ, и т. п.—сочинитъ напримѣръ политическій или сатирическій памфлетъ и пустить его въ обращеніе въ высшемъ стамбульскомъ обществѣ, у котораго такія литературныя произведенія считались непремѣнною приправою интимныхъ пиршественныхъ сборищъ. Этотъ обычай не чуждъ былъ и самимъ султанамъ турецкимъ. Про теперешняго султана Абду-ль-Хамида говорятъ, что его ежедневную усладу на сонъ грядущій составляетъ чтеніе подробнаго доклада о всѣхъ полученныхъ въ теченіе дня въ спеціальномъ дворцовомъ шпіонскомъ бюро доносахъ и городскихъ слухахъ.

Записки Неджати въ турецкомъ оригиналѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ статей неравнаго объема, съ особыми заглавіями каждая. Распредѣленіе матеріала хотя и не строго систематическое, но все же довольно отчетливое. Матеріалъ этотъ въ совокупности своей распадается на три части. Въ первой сообщаются краткія свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ, предшествовавшихъ плѣну крымскаго сераскера Ибрагимъ-паши, а вмѣстѣ съ нимъ и самого автора записокъ. Эта часть менѣе другихъ занимательная; но зато она драгоцѣнна въ историческомъ отношеніи. Авторъ, очевидецъ хода военныхъ дѣйствій на турецкой сторонѣ, прекрасно рисуетъ положеніе турецкой арміи—всю распущенность солдатъ, безпорядочность поведенія и недобросовѣстность начальствующихъ лицъ, хищничество интендантовъ. Правдивость его показаній свидѣтельствуется тѣмъ, какъ онъ изображаетъ тогдашнее настроеніе крымско-татарскаго населенія, которое вовсе не питало никакого страстнаго тяготѣнія къ единовѣрнымъ туркамъ и никакихъ особыхъ симпатій не проявляло къ нимъ, требуя за свое матеріальное содѣйствіе турецкой арміи такого же матеріальнаго и опредѣленнаго вознагражденія и не считая этой турецкой кампаніи въ какомъ-либо отношеніи полезной и желательной для себя.

Зато казанскіе татаре представлены въ запискахъ турецкаго плѣннаго совершенно въ иномъ свѣтѣ. Эта орда всегда отличалась наибольшею, сравнительно со всѣми остальными нашими инородцами магометанскаго закона, бытовою изолированностью, несмотря на близость сосѣдства съ русскимъ народонаселеніемъ и на свою кажущуюся при-

рученность и осѣдлую культурность. Причину такого одичалаго состоянія этой орды составляло и составляетъ чрезмѣрная размноженность среди нея тунеяднаго класса такъ называемаго татарско-магометанскаго духовенства, которое извѣстно своею необыкновенною невѣжественною фанатичностью, составляющею продуктъ традиціонной замкнутости этого класса, сторонящагося отъ всякой современной общественности и строющаго жизненные идеалы всецѣло на основахъ кораническоі мудрости. На этихъ закорузлыхъ старовѣровъ не подѣйствовало благотворно и то необычайное расположеніе, которое проявила императрица Екатерина къ нашему магометанству, всячески поощрявшая даже правительственными мѣрами распространеніе и утвержденіе ислама, ошибочно усматривая въ немъ посредствующее религіозно-культурное звено между язычествомъ и христіанствомъ, въ силу чего послѣдующею администраціею допущено было обращеніе нашихъ языческихъ инородцевъ въ магометанство. Мѣры эти, плодъ бюрократической доктрины, какъ и слѣдовало ожидать, принесли совершенно противоположные ожиданію результаты.

Въ числѣ солдатъ, конвоировавшихъ турецкихъ плѣнныхъ, пишетъ Неджати, находилось нѣсколько казанскихъ татаръ. Эти послѣдніе тотчасъ поспѣшили заявить свою симпатію единовѣрнымъ туркамъ и пустились въ откровенность съ ними. «Гяуры»,—такъ разсказывали казанскіе татаре,—«отобравъ насъ въ видѣ вспомогательнаго войска отъ Казанской губерніи, пять, шесть тысячъ человѣкъ и присоединивъ къ своему войску, послали противъ Крыма. Но муллы наши дали всѣмъ намъ такое наставленіе: «Когда вы, пойдя противъ мусульманъ, очутитесь супротивъ ихъ, то держите свои ружья кверху, а въ случаѣ коли удастся убѣжать—переходите на сторону исламскую: это спасительно». Сказавъ это, они (муллы) благословили насъ, и мы пошли, усвоивъ себѣ такого рода правило».

Кромѣ непосредственныхъ наблюденій надъ тѣмъ, что происходило на глазахъ самого автора записокъ, онъ пользовался также и слухами, доходившими до него чрезъ посредство людей, «посвященныхъ въ тайны», какъ онъ выражается, и пользовавшихся его довѣріемъ. Свои извѣстія онъ, по восточному обычаю, приправляетъ благочестивыми и патріотическими размышленіями, сопровождая ихъ цитатами изъ священныхъ преданій мусульманскихъ и даже иногда цѣлыми назидательными исторіями въ восточномъ вкусѣ. Къ Ибрагимъ-пашѣ онъ всюду относится съ большимъ уваженіемъ и симпатіею, но другихъ видныхъ участниковъ кампаніи безпощадно клеймитъ за ихъ неумѣлость, а еще болѣе за ихъ безсовѣстность въ исполненіи своего долга. Таковъ былъ, напримѣръ, дефтердаръ Эминъ-бей, самовольно растратившій казенныя деньги на свои собственныя надобности; или Абазехъ-Мухаммедъ-

паша, котораго авторъ прямо называетъ «злодѣемъ» и неоднократно принимается честить его по разнымъ поводамъ. Это, очевидно, тотъ самый паша, о казни котораго потомъ сообщалось и въ нашихъ русскихъ политическихъ извѣстіяхъ.

Что дѣлаетъ первую часть записокъ немножко спеціальною—это подробное перечисленіе состава турецкой арміи съ объясненіемъ арабскихъ наименованій частей ея, а также географическія и этнографическія описанія, въ которыя любитъ иногда пускаться авторъ, и которыя, безъ сомнѣнія, были интересны своею новизною для его соотечественниковъ. Но ихъ не много, и они также любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о степени географическихъ и этнографическихъ познаній даже образованныхъ турокъ прежняго времени. Въ особенности забавны искаженія именъ русскихъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ автору пришлось побывать проѣздомъ изъ Крыма въ Петербургъ и на возвратномъ пути изъ Россіи въ свое отечество. Но въ этихъ искаженіяхъ видна только непривычка турецкаго уха къ иностранной рѣчи. Зато имъ проявлено удивительное желаніе быть точнымъ: онъ отмѣтилъ даже поверстное разстояніе проѣханныхъ имъ станцій. Такую же точность хотѣлъ онъ соблюсти и въ изображеніи состава русскаго войска, стараясь подыскать въ турецкой военной терминологіи соотвѣтствующія русскимъ наименованія военныхъ частей и военныхъ чиновъ. Это свидѣтельствуетъ, что Неджати, будучи по своему служебному положенію человѣкомъ статскимъ, былъ все же настолько любознателенъ и наблюдателенъ, что не оказался совершеннымъ профаномъ и въ предметахъ, касавшихся военнаго дѣла.

Самая занятная—это вторая часть мемуаровъ Неджати, которая начинается статьею «Описаніе разныхъ крѣпостей у гяуровъ» и кончается подробнымъ маршрутомъ обратной поѣздки ихъ съ сераскеромъ, по освобожденіи изъ плѣна, вслѣдствіе заключенія мира. Достаточно одного перечня статей, входящихъ въ составъ этой части, чтобы оцѣнить интересъ записокъ плѣннаго турка, проявившаго большую наблюдательность, хотя и съ сохраненіемъ своей особенной точки зрѣнія, по временамъ дающей себя чувствовать въ своеобразномъ отношеніи автора къ описываемымъ у него явленіямъ чуждой ему жизни. Вотъ эти статьи: «Описаніе Петербурга», «Причина охлажденія императрицы къ крымскому сераскеру Ибрагимъ-пашѣ», «О комедіи», «О положеніи Шагинъ-Герая», «О маскарадѣ», «Описаніе праздника», «О прибытіи грамоты хана тифлисскаго», «О появленіи сильнаго противника кралицы Бугачура (Пугачева)», «Похвальное слово великой рѣкѣ Волгѣ», «О матери европейскихъ рѣкъ, великой рѣкѣ Дунаѣ», «Похвальное слово Московскому государству», «О вышеупомянутой рѣкѣ Невѣ», «Описаніе города», «Описаніе сада кралицы», «Загородный дво-

рецъ кралицы», «Еще другой загородный дворецъ», «Описаніе дома драгоцѣнныхъ камней (гранильной фабрики)», «Описаніе дворца», «О петербургскомъ адмиралтействѣ», «О таможнѣ», «О повинностяхъ и налогахъ въ Россіи», «О русскихъ селеніяхъ», «О воспитательномъ домѣ», «О пожарахъ», «Описаніе войскъ».

Эта часть мемуаровъ Неджати представляетъ большое сходство съ подобными же записками вышеупомянутаго Ресми Ахмеда-эфенди о пребываніи его въ Пруссіи въ качествѣ нарочитаго посланника, по характеру наблюденій, по роду наблюдаемыхъ предметовъ иностранной для турка жизни и отчасти по точкѣ зрѣнія на вещи. Означенныя записки Ресми Ахмеда-эфенди о посольствѣ его въ Пруссію также были переведены на русскій языкъ покойнымъ профессоромъ В. В. Григорьевымъ и напечатаны въ «Москвитянинѣ».

Само собою разумѣется, что вообще трудно ожидать отъ турка симпатіи къ русскимъ, да еще при такихъ горькихъ для автора обстоятельствахъ. Если присоединить къ этому еще ту непомѣрную спѣсь, которою всегда отличались османлы, даже когда эта спѣсь значительно посбита политическими неудачами Порты въ позднѣйшее время, то мы получимъ понятіе о внутреннемъ, такъ сказать, колоритѣ, которымъ оцвѣчены мемуары Неджати. Но встрѣчающіяся въ нихъ преувеличенія скорѣе забавны, нежели досадны, ибо, выдавая свою преувеличенность, не оставляютъ никакой тѣни на тѣхъ предметахъ, на которые эта тѣнь набрасывается авторомъ.

Напримѣръ Неджати разсказываетъ, что сераскеръ навлекъ на себя неудовольствіе императрицы только тѣмъ, что не позволилъ сѣсть рядомъ съ собою въ присланную за нимъ коляску мигмандару, подполковнику Михаилу; а такъ какъ послѣдній тоже заупрямился, то Ибрагимъ-паша совсѣмъ отказался ѣхать во дворецъ, даже несмотря на то, что императрица пригрозила ему высылкою его со всею его свитою въ 24 часа изъ Петербурга. До сихъ поръ все похоже на правду: мѣстничество у азіятцевъ и по сію пору играетъ огромную роль во взаимныхъ отношеніяхъ людей разныхъ ранговъ; поэтому можно повѣрить, что Ибрагимъ-паша не поѣхалъ въ коляскѣ, когда приставленный къ нему переводчикъ Крутъ хотѣлъ занять въ экипажѣ мѣсто рядомъ съ нимъ. Но то, что дальше разсказывается про трехмѣсячный домашній арестъ, которому будто бы подвергся Ибрагимъ-паша и его свита за свое невѣжество, безспорно преувеличено. Неджати пишетъ: «Во всякой комнатѣ было поставлено по два часовыхъ, и въ этомъ заточеніи мы не только пробыли девяносто дней, но намъ даже не давали ни пищи, ни огня, ни воды; приставленные къ намъ сторожа за деньги только доставляли намъ хлѣбъ, воду и свѣчи: они имѣли отъ этого выгоду, будучи сами голоднѣе насъ». Все, что тутъ правдоподоб-

наго, это то, что плѣннымъ туркамъ перестали выказывать особенное вниманіе, когда они начали куражиться. Невнимательность къ нимъ могла показаться для нихъ особенно чувствительною въ вопросѣ о продовольствіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи азіятскіе вкусы очень расходятся съ европейскими. Это напоминаетъ намъ аналогическій случай, имѣвшій мѣсто лѣтомъ 1892 г. на русскомъ пароходѣ, отбывавшемъ карантинную стоянку на Босфорѣ. Этотъ безпричинный карантинъ былъ очень выгоденъ туркамъ: благодаря ему, питалась на чужой счетъ цѣлая армія турецкихъ дармоѣдовъ, временно навербованныхъ Портою и сажавшихся въ качествѣ гвардіоновъ на подверженные карантину корабли. Когда мы отбывали карантинъ, то одинъ изъ нашихъ гвардіоновъ, по національности турокъ, все жаловался, что его не кормятъ. Что же оказалось?—Ему предлагали ѣсть съ судовой командою, которой готовили кушанье изъ солонины, а турку солонина пришлась не по вкусу, и вотъ онъ все ходилъ по палубѣ и стоналъ, жалобно похлопывая себя по животу и разсказывая, что ему не даютъ ѣсть, т. е. не даютъ ѣсть того, что ему было бы желательно. Нѣчто подобное могло быть и съ плѣнными турками. Впрочемъ, Неджати благоразумно оговаривается по этому поводу: «На это не было соизволенія кралицы; но всѣ эти затрудненія дѣлалъ мигмандаръ». Очень можетъ быть, что приставникъ, оскорбленный высокомѣрнымъ обращеніемъ съ нимъ басурманскаго вельможи, пересталъ быть къ нему предупредительнымъ; всегда чуткая къ взаимнымъ отношеніямъ господъ, прислуга тоже могла измѣнить свое обращеніе съ плѣнными, въ ея глазахъ нехристями.

Тѣмъ не менѣе однакожъ при всемъ нерасположеніи автора къ врагамъ своего отечества и при всемъ его турецкомъ чванствѣ, онъ въ концѣ концовъ не могъ не признать превосходства русскихъ войскъ надъ турецкими и откровенно засвидѣтельствовать, что причиною этого были разные безпорядки въ административномъ и военномъ строѣ Оттоманской имперіи. И вотъ третья, заключительная часть записокъ Неджати-эфенди такъ прямо и озаглавлена: «Причины разбитія войска исламскаго русскими войсками». Въ ней авторъ не говоритъ собственно ничего новаго: онъ повторяетъ въ ней стереотипныя жалобы на внутренніе порядки въ Турціи, которыя начали раздаваться еще съ XVII вѣка въ разныхъ сочиненіяхъ тогдашнихъ турецкихъ писателей, въ родѣ Кочубея, Вейси и др. Всѣ они нарекаютъ на разныя административныя злоупотребленія, повлекшія за собою паденіе стараго вотчиннаго института, бывшаго источникомъ коренной военной силы турецкой, такъ какъ эта организація покоилась на прошломъ экономическомъ бытѣ страны и не требовала для своего поддержанія никакихъ матеріальныхъ средствъ отъ правительства. Дополненіе къ этой національной милиціи составляло чисто-коренное войско янычарскаго очага, создан-

наго для опоры центральной власти, въ противовѣсъ вотчинно-дружинной милиціи, которая постепенно портилась въ своемъ строѣ и бытѣ подъ возраставшимъ преобладаніемъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія янычарскаго преторіанства и мало-по-малу совершенно исчахла, сократившись какъ-то сама собою, одновременно съ насильственнымъ уничтоженіемъ корпуса янычаръ въ 1826 году при султанѣ Махмудѣ II.

Нынѣшній султанъ Абду-ль-Хамидъ, какъ слышно, мечтаетъ возстановить это отжившее національное учрежденіе посредствомъ сформированія какихъ-то кюрдскихъ полковъ, въ родѣ нашихъ казачьихъ, на тѣхъ же экономическо-военныхъ началахъ, на какихъ покоилось положеніе крупныхъ и мелкихъ вотчинниковъ, обязанныхъ по первому призыву султана выставлять вооруженныхъ всадниковъ, пропорціонально доходамъ съ своихъ крупныхъ (зіʼамѐтъ) и мелкихъ (тимàръ) вотчинъ. Но что прошло, то прошло, и того не воротишь. Турки теперь находятся въ настроеніи, которое можно приравнять у насъ къ такъ называемому славянофильству. Европейцы натолковали имъ объ ихъ сельджукской самобытности, ничѣмъ, впрочемъ, себя не заявившей на протяженіи цѣлыхъ шести вѣковъ самаго благопріятнаго политическаго существованія. И вотъ они теперь тѣшатъ себя разными археологическими игрушками, нарицая города и полки именами Эртогруля, Орхана и т. п. славныхъ въ первоначальной исторіи Турціи предковъ царствующей династіи Османа.

Неджати-эфенди сокрушается о паденіи прежней военной организаціи, создавшей могущество Отоманской имперіи, но, кажется, не питаетъ никакихъ надеждъ на устраненіе коренныхъ причинъ этого паденія. Самое большее упованіе онъ, повидимому, возлагаетъ на просвѣщенность владыкъ государства. «Науки, трактующія объ управленіи подданныхъ», философствуетъ Неджати, «объясняютъ, что правовѣрный, вѣрующій въ единаго Бога правитель долженъ читать ихъ со вниманіемъ и размышленіемъ, для того чтобы брать изъ нихъ примѣры и пользоваться ими». Приведенные же имъ дальше въ примѣръ случаи съ однимъ изъ фараоновъ и съ славнымъ на мусульманскомъ востокѣ своею мудростью и справедливостью Нуширваномъ даютъ понять, что главный источникъ всѣхъ бѣдъ своего отечества нашъ авторъ видитъ въ томъ безшабашномъ грабительствѣ, которымъ въ былыя времена славилось правительство Отоманской Порты, пока его не превзошли въ этомъ отношеніи заправилы другихъ, болѣе просвѣщенныхъ странъ Европы.

Тонъ рѣчи нашего автора строгій и не лишенный нѣкотораго паѳоса. Но это не мѣшаетъ ему иногда переходить въ иронію или юморъ. Описывая послѣднее пораженіе турецкаго войска, сопровождавшееся

полономъ Ибрагимъ-паши, авторъ такъ отзывается о поведеніи при этомъ случаѣ командира турецкой эскадры: «Когда наши войска дрались съ русскими, Хасанъ-паша, препоясавшись поясомъ храбрости, вышелъ вонъ изъ лимана (Кэфы) и со всѣми кораблями ушелъ въ Анатолію». Для характеристики взаимныхъ отношеній крымскихъ татаръ и степныхъ ногайцевъ Неджати-эфенди приводитъ мусульманско-библейскую легенду о комарѣ, посланномъ Ноемъ изъ ковчега въ качествѣ эксперта разузнать, какое въ свѣтѣ самое вкусное мясо, въ видахъ удовлетворенія вкуса змѣи, оказавшей Ною услугу подъ нѣкоторымъ гастрономическимъ условіемъ. Параллель между ковчежными животными и крымцами отзывается сильною юмористическою солью. Наконецъ не лишенъ поучительнаго остроумія заключительный анекдотъ о царѣ, потерявшемъ власть и царство изъ-за легкомысленнаго желанія во что бы то ни стало разсмѣшить свою красавицу-жену, которую онъ страстно любилъ, но ничѣмъ не могъ привести въ веселое расположеніе. Неджати, разсказавъ этотъ анекдотъ, присовокупляетъ къ нему такую довольно смѣлую для его положенія мораль: «Изъ этой исторіи много вытекаетъ нравоученій, и одно примѣнимо къ нашей кампаніи: какъ она была ведена, это вѣдь всѣмъ извѣстно!» Значитъ, и по его заключенію, какъ и по мнѣнію Ресми Ахмеда-эфенди, въ описываемой ими обоими войнѣ Турціи съ Россіею было очень много смѣшнаго, если бы только оно не было для первой столь грустно.

Эта склонность турокъ къ ироніи, соединенная у нихъ съ магометанскимъ фатализмомъ, дѣлаетъ то, что они, несмотря на всякія постигавшія ихъ отечество невзгоды, до сихъ поръ не унываютъ. И, повидимому, не безъ основанія: сколько времени уже пророчатъ Турціи и паденіе, и раздѣленіе, а она себѣ существуетъ да существуетъ, на досаду досужимъ пророкамъ! Ея государственные люди сколь ни повинны въ разныхъ правительственныхъ прегрѣшеніяхъ, однакоже, очевидно, постигли тайну долговѣчности своего государства, заключающуюся во взаимной зависти и международной ненависти европейскихъ державъ, которая еще надолго сохранитъ балансъ висящаго на воздухѣ существованія Отоманской имперіи. Нашъ авторъ, какъ и другіе его современники, еще не дошли до проникновенія въ эту нынѣ всѣмъ вѣдомую тайну, да имъ еще и не было настоятельной необходимости въ этомъ проникновеніи, но несомнѣнно, что они выказали способность къ серьезной вдумчивости въ положеніе своего государства, выработавшейся у послѣдующихъ турецкихъ политиковъ въ настоящую политическую хитрость, благодаря которой Турція какъ-ни-какъ, а все еще живетъ да живетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ жить, пока не наступитъ для нея роковое «довольно!»

В. Смирновъ.

ЗАПИСКИ НЕДЖАТИ-ЭФЕНДИ

Исторія Крыма.

Всемогущій и вѣчный владыка, податель побѣды и помощи, отверзающій врата завоеваній, начерталъ перомъ всесовершенной мудрости и всепокоряющаго могущества благую вѣсть о побѣдѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы дали тебѣ явную побѣду»; «Повиноваться Божіей заповѣди о священной войнѣ есть безусловная обязанность и сообразно другому чудесному слову Божію: «Земля принадлежитъ Богу; Онъ даетъ ее въ наслѣдіе, кому захочетъ»!

Искреннѣйшія благословенія и привѣтствія благороднѣйшему и славнѣйшему изъ созданныхъ, пророку, посланному съ мечемъ для истребленія невѣрія и несправедливости, главѣ пророковъ и праведниковъ, заступнику предъ Богомъ въ день возмездія, избраннику божію Мухаммеду, который, призывая людей къ спасенію, сдѣлался для блуждающихъ въ горахъ невѣрія путеводителемъ къ странѣ истины!

Добрыя молитвы и пожеланія его потомкамъ и благочестивымъ сподвижникамъ, которые для прославленія слова Божія предавали смерти своимъ острымъ мечемъ сопротивныхъ и рѣзали на куски многобожниковъ и нечестивцевъ!

Русскіе, находясь въ мирѣ съ Высокою Портой, не обращая вниманія на условія мира, по врожденной имъ злобѣ, стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наносить Турціи вредъ и вообще поступать противно заключеннымъ договорамъ, вслѣдствіе чего повелитель шести странъ и семи поясовъ земли, могущественный и высокопочитаемый государь вселенной, преемникъ пророка на лицѣ земли, султанъ Мустафа-ханъ, сынъ султана Ахмедъ-хана, сына султана Мухаммедъ-хана, нашелся вынужденнымъ объявить этимъ злодѣямъ, называемымъ московами, священную брань и предпринять противъ нихъ войну. Когда падишахъ міра, движимый султанскою ревностью и царскимъ гнѣвомъ, рѣшился отомстить врагамъ, онъ издалъ высочайшій указъ.

Войска Анатоліи и Румеліи заняли назначенные имъ для охраны Хотинъ, Бендеры, Очаковъ, Крымъ и другія мѣста; изъ Высокаго Порога былъ также двинутъ корпусъ императорскихъ войскъ сначала на равнину, называемую Давудъ-паша, а потомъ переходами къ Ханъ-Тепэ.

12-го сэфэра 1183 г. (=17 іюня 1769 г. нов. ст.) главнокомандующимъ въ Крымъ назначенъ былъ заслужившій всеобщія похвалы си-

лихдаръ (оруженосецъ) султанскій, правитель Эрзерума, везирь и муширъ Ибрагимъ-паша—да увѣковѣчитъ Господь славу его! Такъ какъ по высочайшему повелѣнію назначеніе въ должности находившихся при немъ чиновъ изъ областей Требизондской и Эрзерумской предоставлено было ему, то мнѣ было приказано составить и написать списки всѣхъ упомянутыхъ должностей, и я былъ назначенъ отъ императорскаго управленія финансовъ состоять при Ибрагимъ-пашѣ въ качествѣ довѣреннаго секретаря. Сообразно смыслу стиха: «Не печалься, говоря: вотъ я остался на ногахъ! Таковъ этотъ міръ! Найдешь и должность и почетъ, лишь бы цѣло было въ рукахъ знаніе!»—я, во исполненіе высочайшаго повелѣнія относительно списковъ должностей и назначеній, поспѣшилъ отправиться къ вышеупомянутому мѣсту моего служенія и, выйдя на берегъ въ Кэфѣ въ Крыму, вручилъ тамошнему главнокомандующему какъ списки, такъ и повелѣніе о назначеніяхъ въ должности. Это было 5—6 ребі'у-ль-ахыра 1183 года (=9—10 іюля 1769 г.), а 27 ребі'у-ль-эввеля 1185 г. (=10 іюля 1771 г.) по винѣ татаръ я ни болѣе ни менѣе какъ очутился въ плѣну.—Вотъ-те и здравствуй! Стихъ: «Если не будетъ высшаго опредѣленія, то не приключится бѣды отъ изгнанія!». Однако положеніе жителей Крыма, ногайцевъ и другихъ племенъ вообще можно характеризовать такъ: татарскія племена всѣ вышли изъ повиновенія.

Стихъ: «Хотя вздоръ—всегда вздоръ, пустяки; но все же пусть выйдетъ онъ начистую, хоть это и трудно!» Корпусъ крымскихъ войскъ стоялъ въ степи у Кэфы; чтобы передвинуться къ Перекопской крѣпости, было необходимо, чтобы по исконному обыкновенію выставлено было 4.000 подводъ для перевозки продовольствія и другихъ походныхъ и военныхъ принадлежностей, о чемъ со стороны главнокомандующаго и было сообщено дружескими письмами доброжелателю и приверженцу Высокаго государства Шахбазъ-Гераю, калгѣ-султану, а приказаніемъ—всѣмъ другимъ крымскимъ начальникамъ. Посланіе главнокомандующаго было прочитано въ присутствіи калги-султана на собраніи всѣхъ шириновъ, мурзъ и государственныхъ сановниковъ, а они всѣ вотъ какой дали отпоръ, въ своемъ отвѣтѣ его милости султану: «Намъ еще нѣтъ никакой надобности въ османскомъ войскѣ», сказали они; «села наши и вся страна разорены, и поэтому бѣднымъ подданнымъ простительно не давать подводъ». Султанъ (т. е. калга-султанъ) возразилъ имъ: «Если вы не даете подводъ и не видите надобности въ войскѣ, то всѣ подайте заявленіе, которое мы и пошлемъ крымскому хану Девлетъ-Гераю и Высокой Портѣ; посмотримъ, какое на это послѣдуетъ повелѣніе». Они же не могли долѣе противиться, но дали только 2.700 подводъ, такъ что военныя принадлежности въ два раза, и то съ трудомъ, были перевезены въ Перекопъ. Оставя внутри крѣпости необходимый

гарнизонъ, войска вышли изъ Перекопа и стали лагеремъ на окраинѣ большой степи, на такъ называемомъ Ялгузъ-Агачскомъ полѣ. Немедленно ревностный главнокомандующій пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ начальниковъ янычаръ и сипаговъ эрзерумскихъ, требизондскихъ и египетскихъ, и когда совѣтъ собрался, то обратился къ нимъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «Своевременно ли будетъ сдѣлать нападеніе на невѣрныхъ москововъ теперь же совмѣстно съ калгою-султаномъ?» Всѣ дали утвердительный отвѣтъ и привѣтствовали высокостепеннаго везиря молитвой и хвалою. Тогда главнокомандующій назначилъ изъ собственнаго конвоя и другихъ войскъ 55 байраковъ (отрядовъ), а калга-султанъ, присоединивъ означенные байраки къ своимъ войскамъ, совершилъ двадцати-семидневный набѣгъ, во время котораго онъ набралъ плѣнныхъ и добычи, сжегъ много городовъ и селъ на пространствѣ 196-ти часовъ; кромѣ драгоцѣнныхъ и удобныхъ для захвата вещей, онъ захватилъ плѣнныхъ и другую добычу и, разоривши, пожегши и опустошивъ край, нанесъ врагамъ много вреда и убытковъ, послѣ чего возвратился въ Крымъ, побѣдоносно и радостно вступивъ въ Перекопъ, гдѣ ему и сдѣлана была торжественная встрѣча. Такъ какъ это было вслѣдъ за Хотинскимъ дѣломъ, то объ этой важной побѣдѣ и главнокомандующій и калга-султанъ послали письменныя донесенія въ главную императорскую квартиру и въ Порту.

Настало зимнее время; войскамъ разрѣшили и назначили зимовку, а главнокомандующій избралъ себѣ зимнимъ мѣстопребываніемъ жилище калги-султана—внутри Крыма, въ мѣстѣ, называемомъ Карасу-Базаръ. Приказъ стать крымскому корпусу на зимнія квартиры пришелъ черезъ 2 мѣсяца; но такъ какъ если бы войскамъ до полученія приказа пришлось оставаться въ Перекопской степи, то до истеченія 40 дней всѣ бы изъ войска погибли, и не осталось бы никого, то янычары избрали другое средство: чтобы захватить заготовленную въ Кэфѣ провизію для зимовки, они, связавъ дефтердара-эфенди (казначея-бухгалтера), привезли его съ собою изъ лагеря въ Кэфу и тамъ посадили въ тюрьму, а генералъ-квартирмейстеръ, прибывъ какъ будто добровольно, остался зимовать въ Карасу; такимъ образомъ ни главнокомандующему, ни кому другому янычары не давали ни одного зерна изъ опредѣленнаго тѣмъ пайка, захвативъ всѣ склады продовольствія. Изданнаго главнокомандующимъ приказа они тоже не послушались, такъ что поневолѣ зимовка вплоть до весны прошла безъ выдачи пайковъ и провіанта. Весною мудрому, какъ Асафъ, везирю была назначена Кутахія; а Эрзерумская область присоединена къ Карсу; калга-султанъ отрѣшенъ отъ должности, и на его мѣсто въ званіе калги возведенъ Исламъ-Герай-султанъ, который, прибывъ въ Бахче-Серай, тамъ и остался.

Весною 84-го (1770) года получено было извѣстіе, что безвѣрные

многобожники гяуры съ многочисленнымъ войскомъ идутъ на Перекопъ; опять по обычному порядку потребовали подводы для крымскаго корпуса, о чемъ было главнокомандующимъ письменно дано знать Исламъ-Гераю, калгѣ-султану, а находящимся въ Кэфѣ янычарамъ и египетскимъ войскамъ послано было приказаніе какъ можно скорѣе прибыть къ Перекопу. Отъ калги-султана извѣстное количество подводъ было послано въ главную квартиру паши, а часть подводъ направлена въ корпуса янычаръ и египтянъ, объ остальныхъ же подводахъ было сказано, что онѣ заготовляются. Между тѣмъ невѣрные московы начали осаду Перекопской крѣпости, и отъ калги-султана стали день за днемъ получаться такія донесенія: «Не мѣшаетъ, молъ, вамъ поторопиться прибыть сюда: иначе крѣпость уйдетъ (отъ насъ)». Мужественный главнокомандующій тотчасъ же окончилъ приготовленія къ походу; кстати тутъ къ нему прибыло нѣсколько сипаговъ изъ Кутахіи; онъ взялъ ихъ съ собой и, пославъ повторительное предписаніе войскамъ, находившимся въ Кэфѣ, самъ со своимъ штабомъ двинулся изъ Карасу и, дѣлая заразъ тройные переходы, въ одну изъ пятницъ прибылъ въ Перекопскую крѣпость. Взглянувъ изъ упомянутой крѣпости на расположеніе войска гяуровъ-московов, главнокомандующій съ изумленіемъ увидѣлъ, что вправо отъ крѣпости флангъ непріятеля упирался въ Гнилое море, а влѣво отъ крѣпости непріятельскій фронтъ достигалъ Чернаго моря, такъ что палатки ихъ занимали разстояніе $3\frac{1}{2}$ часовъ, и фронтъ войскъ не былъ прикрытъ траншеями. Увидя это, главнокомандующій подумалъ, что тутъ должна быть плутня татаръ, которые, вѣроятно, сказали гяурамъ: «Приходите, окружите поскорѣе крѣпость; вы ее легко возьмете, потому что османскихъ войскъ мало: одни изъ нихъ въ Карасу, другія въ Кэфѣ, остальныя въ другихъ мѣстахъ; повозокъ имъ крымцы не даютъ, и у нихъ до сихъ поръ нѣтъ провіанта, чтобы придти защищать крѣпость». Этимъ татаре ободрили невѣрныхъ московов, и эти гяуры возымѣли дерзость рѣшиться наступать; но когда вдругъ увидѣли войска правовѣрныхъ, всѣ ихъ предположенія разстроились, и они пришли въ смятеніе.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Они не могли знать, что̀ Всемогущій хозяинъ Богъ рѣшилъ въ Своей премудрости; всѣ затѣи татаръ парили на пегасѣ суетности, и войска прахоподобныхъ гяуровъ были уничтожены и разсѣяны съ помощію Бога и Его могуществомъ.

Дѣло въ томъ, что если врагъ внѣ, то противъ него есть средство; но какъ только окаянный будетъ внутри, положеніе становится затруднительнымъ. Сколько я понимаю, судя по отвѣтамъ умныхъ людей, несчастія и бѣды, случившіяся въ этотъ періодъ времени, во всякомъ вѣкѣ вызываются злыми намѣреніями сановниковъ, войскъ и подданныхъ; государи тутъ не при чемъ. Господь вселенной въ яснодоказательномъ

Коранѣ говоритъ такъ: «Богъ не измѣнитъ постановленнаго, пока они не измѣнятъ то, что въ думахъ ихъ!» Но для государей важнѣйшее дѣло заключается въ томъ, чтобы, крѣпко держась за твердую вервь шаріата, данную главою посланниковъ Божіихъ — да будетъ надъ ними миръ!—раздавать должности людямъ, достойнымъ ихъ. Короче сказать: на другой день, т. е. въ субботу, распорядительный везирь, сказавъ: «съ Божіею помощью!»—построилъ въ крѣпости войска и, приготовивъ полевыя орудія, въ благопріятный часъ далъ позволеніе пустить побѣдоносныя войска, сопутствуемыя благоспоспѣшествующею молитвою, въ атаку на невѣрныхъ. Мусульманское войско встрѣтилось съ гяурами. Пятнадцать часовъ длился бой, но, по милости и милосердію Всевышняго заступничествомъ угодниковъ Божіихъ и водительствомъ чудодѣйства убѣжища пророчества (Мухаммеда), враги вѣры были разбиты бой былъ ожесточенный, но Творецъ далъ намъ побѣду, такъ что ревность сераскера, побѣдоноснаго везиря, силихтара падишахова, Ибрагимъ-паши, заслужила признательность; дѣянія его достойны похвалы, и имя его прославилось въ этомъ мірѣ!

Въ арабскомъ языкѣ для названія войскъ по ихъ числительности существуютъ разнородныя наименованія: подъ названіемъ серійэ разумѣется малочисленное, но годное въ дѣло войско; высшій предѣлъ его численности 400 человѣкъ; такъ что отъ пяти до четырехъ сотъ человѣкъ, сколько бы ни было отборныхъ человѣкъ, все-таки называется серійэ: напримѣръ, пять человѣкъ, десять человѣкъ, пятьдесятъ человѣкъ, вплоть до четырехъ-сотъ человѣкъ, коли все отборный будетъ народъ—это все серійэ.—По словамъ нѣкоторыхъ названіе серійэ остается и до пяти-сотъ человѣкъ; но первое вѣрнѣе. Войско чвыше пяти-сотъ человѣкъ называется меншѐръ; то, которое свыше восьми-сотъ—называется джейшъ; то, которое свыше четырехъ тысячъ—называется хэджфель. Очень многочисленное войско называется хамейсъ, а войска, разсыпанныя въ разныя стороны, получаютъ названіе ба'съ; если же все войско собрано массой въ одно смѣсто, это называется кутибэ. Вотъ подраздѣленія, дѣлаемыя родам войскъ арабскими знатоками дѣла.

Я утверждаю, что находившееся у насъ войско не далеко былс численностью отъ упомянутыхъ родовъ войскъ, потому что двѣ тысячи считалось собственно въ прикрытіи главной квартиры его присутствія высокостепеннаго главнокомандующаго; три тысячи кутахійскихъ сипаговъ-тимаріотовъ (всадниковъ-вотчинниковъ) было; пятнадцать ты сячъ было безстыдныхъ татаръ, которые отдѣльно вдали стояли особымъ таборомъ. Невѣрные сдѣлали по татарамъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, и тѣ разсѣялись; а нѣсколько тысячъ татаръ, видя это, незамѣтно отступили назадъ. Въ эту же ночь обратили невѣрныхъ въ бѣг-

ство. Когда же настало утро, то по волѣ Божіей пошелъ такой сильный дождь, что сдѣлалась непроходимая грязь, и передвиженіе войскъ стало невозможно, отчего правовѣрныя войска и не могли преслѣдовать гяуровъ. Черезъ два дня послѣ этого сраженія прибыли египетскія войска и янычары и, узнавъ о случившемся, остались въ удивленіи и въ сильномъ смущеніи.

Разсказываютъ, что одно время персидскіе цари скоро-скоро все умирали. Одинъ изъ бывшихъ въ тѣ поры шаховъ созвалъ вельможъ и ученыхъ своего государства и спрашиваетъ, что́ бы это было за обстоятельство. Всѣ отвѣчали: «Это какая-то премудрость, которая намъ неизвѣстна». Когда же захотѣлось непремѣнно узнать, въ чемъ тутъ бѣда, они сказали: «Вотъ въ нашемъ сосѣдствѣ находящіеся индѣйскіе падишахи живутъ больше, чѣмъ по сту лѣтъ. Можетъ быть, они не дадутъ ли отвѣта, что-за причина кратковременности жизни нашихъ шаховъ. Хорошо бы, государь, снарядить посла, снабдить его подарками и грамотою, да послать спросить объ этомъ у царя индѣйскаго». Шахъ тоже счелъ это подходящимъ. Снарядили посла и съ нѣсколькими изъ улемовъ отправили подарки и грамоты. Они прибыли къ индѣйскому царю и вручили дары и грамоты. А въ тѣ поры въ рукахъ у царя была исторія. Вотъ онъ просматриваетъ ее; увидалъ у береговъ Океана одинъ островъ и, когда взялъ и взглянулъ на грамоту, повелѣлъ отвезти прибывшаго посла и состоявшихъ при немъ людей на такой-то островъ. Тѣ взмолились и говорятъ: «Государь, послу не погибать же; а ты дай отвѣтъ на грамоту»!—«А вотъ когда островъ, на который вы отправитесь, разрушится, тогда послѣдуетъ и отвѣтъ на вашу грамоту», сказалъ царь. И велѣно было тѣхъ людей забрать и заточить на тотъ островъ, оставить имъ провизіи и одинъ разъ въ годъ навѣдываться. Вотъ они съ годъ этакъ просидѣли въ заточеніи да и говорятъ однажды другъ-другу: «Братцы, вѣдь мы рѣшительно тутъ ни въ чемъ не повинны; только нужна милость Божія для погибели этого острова; соединимся сейчасъ и вознесемъ наши мольбы и прошенія!» Въ то время какъ они молились, вдругъ произошло что-то въ родѣ землетрясенія; островъ раздробился на части, и они лежатъ на берегу морскомъ ошалѣлые и изумленные. Этотъ ужасный гулъ въ полночь достигъ ушей падишаха, и онъ тотчасъ послалъ людей, велѣвши узнать, не въ сторонѣ ли моря тотъ гулъ. Когда пришло извѣстіе, что гулъ идетъ съ моря, было велѣно погнать людей на такой-то островъ, взять заточенныхъ на немъ, гдѣ ихъ найдутъ, и привести. Ихъ нашли на берегу моря и привели. Черезъ нѣсколько дней привели къ падишаху.—«Ну что, люди, получили ли отвѣтъ на свою грамоту»?—«Нѣтъ, государь».—«О люди! царь, который немилосердъ къ подданнымъ и бѣднякамъ и творитъ притѣсненія, развѣ найдетъ въ мірѣ спокойствіе и безопасность, и развѣ будетъ

долга жизнь его? Вотъ какъ вы просили и молили Господа Бога на островѣ, гдѣ вы находились въ заточенiи, чтобы спасти васъ, и островъ погибъ. Вотъ отвѣтъ на грамоту: усилiя людей сокрушаютъ горы».

Не знали, что главнокомандующiй заступничествомъ угодниковъ Божiихъ одержалъ блистательную побѣду. Въ это время явились крымскiе дворяне, ногайскiе мурзы и другiе сановники-канальи, какъ будто добровольно, и поздравили побѣдоноснаго везиря съ одержанною имъ побѣдою; что же касается невѣрныхъ, то они въ одну ночь пробѣжали 24-хъ-часовое разстоянiе и у Гази-Кермана перешли обратно свою границу, о чемъ намъ дали знать наши татаре, привезя извѣстiе, что въ предѣлахъ Крыма не осталось болѣе гяуровъ. Вслѣдствiе этого доклада, а также и письменнаго о томъ донесенiя отъ Исламъ-Герая, калги-султана, главнокомандующiй, оставя въ Перекопской крѣпости необходимое число войска, съ остальными войсками пошелъ впередъ и, занявъ мѣста бывшаго расположенiя русскихъ, простоялъ тамъ спокойно 8 дней, высылая по ночамъ караульные разъѣзды. Измѣнники и бездѣльники татаре какъ будто тоже высылали свои караулы впередъ нашихъ и потомъ, говоря: «Въ этой сторонѣ никого нѣтъ, поѣдемъ туда, поѣдемъ сюда, постоимъ вотъ тутъ», ѣздили то туда, то сюда и возвращались назадъ. Непрiятельская конница скрывалась въ $3^1/_2$-часовомъ разстоянiи; татаре же, находясь позади войскъ исламскихъ, поднялись и передвинулись на разстоянiе $1^1/_2$ часовъ, рѣшившись положиться на честность нашихъ войскъ. На другой день человѣкъ 15—20 изъ кавасовъ да изъ сипаговъ замѣтивъ между двумя линiями войскъ трехъ русскихъ всадниковъ, бросились на нихъ съ разныхъ сторонъ и, схвативъ ихъ, привели къ главнокомандующему, которому они и дали слѣдующее показанiе: «Вначалѣ, когда мы пришли, насъ было шестьдесятъ-семьдесятъ тысячъ, въ томъ числѣ пятнадцать тысячъ калмыковъ и десять тысячъ конныхъ казаковъ, остальные была пѣхота. Въ бою много погибло изъ калмыцкой конницы, да и провiанту у насъ оставалось только на одинъ день, поэтому все калмыцкое войско бѣжало; десять тысячъ конницы изъ оставшагося у насъ войска стоятъ въ $3^1/_2$-часовомъ разстоянiи отсюда, остальное же войско—въ 12-ти-часовомъ. Мы изъ конницы, которая передъ разсвѣтомъ должна была ударить вамъ въ тылъ; мы же были посланы сюда для обозначенiя пути и вотъ попались». Записавъ показанiя языковъ, ихъ отправили къ калгѣ, который увѣдомлялъ, что невѣрные перешли обратно свою границу, что̀ и подтвердилось показанiями плѣнныхъ; такъ и сообщено было письменно. Въ эту ночь татаре, подъ предлогомъ доставленiя языковъ главнокомандующему, огромной конной массой наскочили на лагерь; половина лагеря съ криками: «Помогите!» разбѣжалась, а паша, походивъ пѣшкомъ по лагерю изъ стороны въ сторону, не нашелъ ни одной души.—«Народъ Мухам-

меда», закричалъ онъ, «ступайте каждый въ свою палатку!» Отдавъ это приказаніе, онъ ушелъ въ свой шатеръ, а оставшіяся войска, успокоившись, заняли каждый свое мѣсто. Прежде бѣжавшіе ночью пробыли до утра у воротъ крѣпости и только перепугали тѣхъ, которые оставались въ крѣпости. Въ это время татаре опять обратили въ бѣгство непріятельскую конницу, въ погоню за которой была отряжена кавалерія, пустившаяся налегкѣ преслѣдовать непріятеля; да что толку?—Невѣрные въ эту ночь бѣжали; видя, что ничего не подѣлаешь, наши возвратились назадъ. Когда это положеніе татаръ сдѣлалось извѣстнымъ, турецкія войска, снявшись съ своего мѣста, вошли въ Перекопскую крѣпость, а татарское войско осталось внѣ крѣпости. Черезъ пятнадцать дней получено нами извѣстіе, что многочисленная непріятельская конница опять вернулась къ упомянутой крѣпости и разбила калгу-султана; сейчасъ же главнокомандующій отрядилъ противъ непріятеля конницу подъ начальствомъ египетскаго бея на помощь калгѣ; но когда было недалеко уже до непріятеля, калга-султанъ не позволилъ войскамъ исламскимъ идти далѣе, сказавъ: «Подождите здѣсь, потому что съ нашими татарскими войсками дѣло уже покончено; а вы, чего добраго, не различите татаръ съ калмыками, находящимися въ рядахъ невѣрныхъ, потомъ еще пожалуй выйдетъ столкновеніе, и это будетъ неловко»,—и хотѣлъ остановиться, но войска наши не остановились, отвѣтивъ, что остановятся только въ виду непріятеля.

Въ это время главнокомандующій прибылъ въ крѣпость и сидѣлъ на валу, возлагая свое упованіе на Бога, въ ожиданіи побѣды. Вдругъ видитъ онъ, что изъ водворенныхъ на жительство въ Крыму ногайскихъ племенъ Джанъ-Бойлу и Етишкэ-оглу нѣсколько мурзъ, захвативъ въ плѣнъ нѣкоторое число невѣрныхъ, ведутъ ихъ, чтобы продать внутри Крыма. Сераскеръ ихъ вернулъ и пожаловалъ имъ кафтаны, знаки отличія и денегъ. Увидя это, татаре и мурзы, окруживъ со всѣхъ сторонъ невѣрныхъ, начали захватывать ихъ въ плѣнъ и приводить; съ утра до вечера было захвачено отъ 300 до 500 гяуровъ набѣгами татаръ. Наше войско тоже дралось до полуночи и, обративъ презрѣнныхъ невѣрныхъ въ бѣгство, возвратилось. Это, благодаря Всевышнему, была тоже большая побѣда.

Въ это время, пока обнаружились бендерскія обстоятельства, немедленно было донесено въ императорскую главную армію и Порту, куда были отправлены также 15 плѣнныхъ офицеровъ и 3 языка, чтобы порадовать народъ Мухаммеда.—Стихъ: «Да восхваленъ будетъ Богъ за ниспосланіе Его всевышней помощи—этой доброй, возбуждающей радость вѣсти, полной веселья новости!»

Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, жители Крыма, татаре и ногайскія племена—всѣ по очереди писали въ Порту и въ главную квартиру

арміи. Въ теченіе этихъ дней о главной арміи, крѣпости Бендерахъ и другихъ крѣпостяхъ получались тревожныя вѣсти, а затѣмъ, когда крымскій ханъ Капланъ-Герай съ многочисленными татарскими полчищами ногайцевъ, буджакцевъ и едисанцевъ перешелъ сначала къ Очакову, а потомъ къ границамъ Крыма, подлые начальники упомянутыхъ племенъ Манбетъ (Мухаммедъ)-мурза и другіе мурзы изъ мѣста, называемаго Узу-Бой, написали невѣрнымъ письма съ изъявленіемъ покорности.—«Мы и крымскій ханъ», писали они, «а равно и другіе сановники Крымскаго государства и ширинъ-мурзы, вмѣсто того чтобы повиноваться османамъ, въ настоящее время лучше бы хотѣли быть слугами такого доброжелательнаго къ намъ правительства, какъ ваше». Также и калмыцкіе татаре, хотя въ перекопскомъ бою нѣкоторые изъ нихъ погибли, а остальные разбѣжались, но и они—подъ чернымъ колпакомъ вѣдь одна голова!—тоже пришли къ русскимъ и сказали: «Вотъ и мы къ вамъ съ повинною головой, опять служить въ вашихъ войскахъ». На этомъ основаніи они взаимно обмѣнялись договорами и дали другъ другу залоги. Закрѣпивъ такимъ образомъ союзъ, упомянутый ханъ съ небольшимъ числомъ волонтеровъ пришелъ въ Крымъ и увидѣлся съ главнокомандующимъ; въ разговорѣ паша подтвердилъ о положеніи главной арміи и сказалъ, что ногайскихъ татаръ, для того чтобы они преданно служили Портѣ, надобно бы съ семействами, дѣтьми и имуществомъ перевести за Дунай, чтобы они оставались въ Румеліи и на указанныхъ имъ мѣстахъ дрались бы съ невѣрными. Но слова Халиль-паши нисколько не подѣйствовали, и тотъ (ханъ), говоря: «Ногайскіе и буджакскіе татаре разбиты; поэтому каждый ищетъ для себя безопаснаго мѣста,—мы тоже, будучи разбиты и разсѣяны, пришли сюда; но мы очень нуждаемся въ небольшомъ количествѣ продовольствія и денегъ», просимъ у везиря денегъ и провизіи.—Волей-неволей паша приготовилъ для нихъ дней на восемь, на десять продовольствія и двѣ тысячи золотыхъ, и далъ-было это имъ, но потомъ подумалъ, что у его собственныхъ войскъ мало провіанта, и казна въ очень стѣсненномъ положеніи, а потому данное взялъ назадъ.

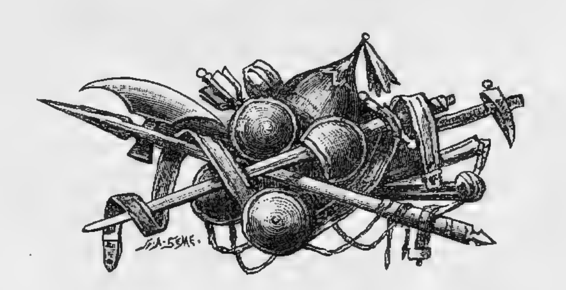
Черезъ восемь, десять дней послѣ этого, упомянутый ханъ, прибывъ въ Бахче-Сарай и собравъ крымскихъ сановниковъ, шириновъ и мурзъ, подтвердилъ имъ вышеприведенное состояніе ногайскихъ татаръ относительно невѣрныхъ, объяснилъ имъ, чего можно ожидать въ будущемъ, и прибавилъ: «Вамъ тоже нужно обмѣняться съ русскими мирными договорами, для того чтобы спасти Крымскую страну, ваши семейства, дѣтей и имущество».—«Государь», отвѣчали тѣ, «дай намъ въ руки грамоту, чтобы мы сообразно ей могли составить наши обмѣнныя грамоты».—Ханъ написалъ грамоту коллективно отъ имени всѣхъ; сначала онъ къ ней приложилъ свою печать; потомъ и другіе ее

подписали и приложили печати; все это было написано между людьми, посвященными въ тайну этого дѣла; но пока отправляли упомянутую грамоту къ невѣрнымъ, ханъ былъ отставленъ, и изъ Порты прибылъ мубаширъ (чиновникъ особыхъ порученій) съ высочайшимъ указомъ. Какъ только ханъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ посвященныхъ въ тайну и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Меня уволили въ отставку; сообразно полученному указу, слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать, или же отвѣчать?»—«Лучше ѣхать», единогласно отвѣчали сановники, «потому что тебѣ, ханъ, извѣстно, что большинство крымцевъ не знаютъ этой тайны; жители селъ и городовъ тоже не знаютъ ея; явится другой ханъ, Крымъ раздѣлится на двѣ партіи, и отвѣчать будетъ затруднительно. Къ тому же турецкія войска поддержатъ партію новаго хана, и мы тогда пропадемъ. Сдѣлай милость, —тебѣ ничего не сдѣлается,—поѣзжай сообразно указу». Тогда ханъ поневолѣ, сѣвъ въ сопровожденіи мубашира на гальонъ, уѣхалъ.

Если мнѣ зададутъ вопросъ, какимъ образомъ я узналъ объ этихъ обстоятельствахъ, то изъ числа посвященныхъ въ тайны было нѣсколько человѣкъ, съ которыми я около двухъ лѣтъ велъ дружбу, почему они и не скрывали отъ меня своихъ секретовъ: они были изъ числа недовольныхъ, потому что были изъ грамотныхъ.—«Все это не хорошо», говорили они, «но мы вынуждены такъ поступать». Доходили до насъ слухи еще и изъ другихъ источниковъ. Вотъ что мнѣ передавали: «Мы вами были довольны, потому что вы болѣе двухъ лѣтъ охраняли и защищали нашъ край и дрались съ невѣрными; дѣло извѣстное. А всѣ эти безпорядки происходили отъ ногайскихъ татаръ, а также и оттого, что ханы не имѣли своего мѣстопребыванія внутри Крыма, а все жили въ Каушанахъ (Бессарабіи); поэтому ширинъ-мурзы, находившіеся внутри Крыма, раздѣлились на партіи и вышли изъ повиновенія. Нѣкоторые при этомъ хвалили пашу; но что пользы? Турецкое правительство ни разу не спросило, что́ дѣлается въ Крыму, и въ какомъ положеніи Крымъ. «Бойтесь проницательности правовѣрнаго, ибо онъ смотритъ свѣтомъ Всевышняго!»—По смыслу этого изреченія, главнокомандующій, у котораго религіозность преобладала надъ административностью, писалъ безпрестанно въ главную квартиру арміи и въ Порту доклады, рапорты и просьбы какъ о настоящихъ отношеніяхъ къ невѣрнымъ приходящихъ изъ-подъ Бендеръ ногайцевъ и остававшихся внутри Крыма племенъ, шириновъ и мурзъ, такъ равно и о доставленіи на восемьдесятъ пятый годъ достаточнаго количества денегъ, продовольствія, подкрѣпленій, артиллеристовъ, бомбардировъ, минеровъ и вообще всѣхъ необходимыхъ для арміи военныхъ принадлежностей,—прибавляя, что на упомянутый годъ положеніе представляется ему труднымъ, и кончая словами: «Да сохранитъ насъ всѣхъ Всевышній своею милостью и благодатью! Аминь».

Пробывъ еще нѣкоторое время въ Перекопской крѣпости, съ приближеніемъ зимы, главнокомандующій назначилъ въ эту крѣпость нѣсколько войскъ янычаровъ, снабдивъ ихъ всѣмъ слѣдуемымъ продовольствіемъ, а также снабдивъ продовольствіемъ и содержаніемъ и перекопскаго бека Сахыбъ-Герай-султана, который требовалъ этого, говоря, что онъ съ двумя стами всадниковъ въ теченіе шести мѣсяцевъ до весны въ состояніи будетъ содержать караулъ. Затѣмъ упомянутый везирь съ остальными войсками прибылъ на зимнюю стоянку въ Кэфу. Беки этой провинціи доложили, что расходчики должны привезти содержаніе остающимся на зимовку коннымъ сипагамъ; на это послѣдовало разрѣшеніе, и въ ихъ руки выданы были буюрулду (приказы) съ условіемъ быть на мѣстѣ на кэфскомъ полѣ въ день весенняго равноденствія. Эти буюрулду, сообразно закону, были внесены въ реестры генералъ-губернаторской канцеляріи, и копіи съ нихъ выданы на руки бекамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Архимандритъ Фотій навсегда останется одною изъ замѣчательныхъ историческихъ личностей XIX вѣка. За нимъ навсегда останется значеніе выдающейся личности по одному тому уже, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ того переворота въ русской религіозно-общественной жизни, какимъ ознаменована вторая половина царствованія Александра I.

Какъ и всякая другая историческая личность, Фотій въ литературѣ нашелъ себѣ и защитниковъ, и еще болѣе противниковъ. Но тѣ и другіе писатели одинаково признаютъ за нимъ историческую важность принятой имъ на себя и выполненной роли церковно-общественнаго дѣятеля.

Объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ жизни архимандрита Фотія писалось не мало, но какъ на болѣе крупныя и обстоятельныя изслѣдованія о немъ можно указать на слѣдующія три монографіи.

Въ 1875 году г. Карновичъ напечаталъ [1]) статью подъ заглавіемъ: «Архимандритъ Фотій, настоятель новгородскаго Юрьева монастыря». Г-нъ Карновичъ изображаетъ дѣятельность Фотія болѣе или менѣе спокойно и безпристрастно. Онъ называетъ Фотія замѣчательною личностью, хотя довольно неразгаданною. Признавая за нимъ право и достоинство религіозно-общественнаго дѣятеля второй половины царствованія Александра I, авторъ статьи высказываетъ свое удивленіе предъ тѣмъ важнымъ фактомъ, что Фотій «аскетъ-монахъ, человѣкъ безъ до-

---

[1]) „Русская Старина“ 1875 годъ, томъ IV, іюль — августъ. А также отдѣльная книга Е. П. Карновича: „Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX вѣка“. Спб. 1884 г.

статочнаго образованія, безъ такой силы ума, которая могла бы тяготѣть надъ другими, безъ всякаго знанія общественной жизни, получаетъ вліяніе среди мірской знати и даже подаетъ совѣты по важнѣйшимъ дѣламъ государственнымъ». Не менѣе удивляетъ автора и то обстоятельство, что Фотій, при своемъ скромномъ іерархическомъ положеніи, долженъ бы быть далекъ отъ вопросовъ, получившихъ государственную важность.

Г-нъ Карновичъ не скрываетъ и непривлекательныхъ сторонъ въ личномъ характерѣ знаменитаго юрьевскаго архимандрита. По его мнѣнію, Фотій, какъ монахъ, вовсе не представлялъ въ своей личной жизни идеала строгаго монаха. Онъ признаетъ въ Фотіи и нѣкоторыя корыстолюбивыя побужденія въ его отношеніяхъ къ графинѣ Орловой, указываетъ на его самохвальство и заносчивость — черты, менѣе всего подходящія подъ уровень монашескаго смиренія.

Въ томъ же 1875 году г. Поповымъ напечатана была статья [1]) подъ заглавіемъ: «Юрьевскій архимандритъ Фотій и его церковнообщественная дѣятельность», которая уже выходитъ за предѣлы безпристрастія по отношенію къ изучаемому лицу. Г-нъ Поповъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается оттѣнить непривлекательныя стороны дѣятельности Фотія, иногда прибѣгая для этого къ довольно произвольнымъ предположеніямъ и поспѣшнымъ выводамъ. При всемъ томъ авторъ статьи все-таки признаетъ историческую важность дѣятельности Фотія и называетъ его типическимъ выразителемъ крайняго церковнаго консерватизма—въ противоположность религіозному либерализму, обнаруживавшемуся въ тогдашнемъ обществѣ.

Въ частности со стороны теоретическаго образованія и умственныхъ дарованій г. Поповъ называетъ Фотія недоучившимся и малоразвитымъ человѣкомъ. По своимъ умственнымъ талантамъ Фотій, по взгляду автора разсматриваемой статьи, нисколько не выдѣлялся изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, но онъ пріобрѣлъ себѣ значеніе какъ человѣкъ жизни, отличавшійся силою характера, смѣлостью поступковъ, стойкостью убѣжденій. Желѣзная воля Фотія, несокрушимая энергія, умѣнье словомъ и примѣромъ вдохнуть другимъ стойкость, необходимую для поддержанія извѣстныхъ убѣжденій, вообще сила характера—эти качества Фотія г. Поповъ признаетъ достойными удивленія. Къ свѣтлымъ чертамъ характера Фотія авторъ относитъ—религіозную настроенность, суровое подвижничество, глубокую беззавѣтную преданность православію. Но эти свѣтлыя черты—неотъемлемыя достоинства Фотія, омрачаются тѣмъ, что имъ недостаетъ главной христіанской добродѣтели — любви. Этимъ самымъ г. Поповъ объясняетъ и ту двой-

---

[1]) Труды Кіевской духовной академіи, 1875 годъ, февраль и іюнь.

ственность и противорѣчія, какія замѣчаются въ нравственномъ характерѣ Фотія. Послѣдній стремится къ строгому аскетизму и подвижничеству и въ то же время его честолюбіе неудержимо влечетъ къ видному общественному положенію. Выдавая себя за особеннаго посланника, Фотій въ то же время совершаетъ непримиримыя, по взгляду автора, съ этимъ званіемъ дѣйствія, напримѣръ, заискиваніе предъ Голицынымъ, раболѣпство предъ Аракчеевымъ, ученіе о безкорыстіи и пользованіе милліонами Орловой.

Еще далѣе въ нерасположеніи къ личности Фотія идетъ С. И. Миропольскій, напечатавшій въ концѣ 1878 года обширную статью подъ заглавіемъ: «Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ»[1]). Г-нъ Миропольскій считаетъ Фотія представителемъ ультраконсервативной церковной партіи и утверждаетъ, что Фотій былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ конца царствованія Александра I и что онъ дѣйствительно на своихъ плечахъ вынесъ первые и самые опасные моменты борьбы съ могущественнѣйшими представителями мистицизма.

Кромѣ этого отзыва, въ основѣ котораго лежитъ общеизвѣстный историческій фактъ, отрицать который никто не въ состояніи, въ статьѣ г. Миропольскаго едва-ли можно встрѣтить хоть одно доброе слово о Фотіи. Авторъ, наоборотъ, постарался собрать цѣлый лексиконъ обидныхъ словъ, которыми онъ и награждаетъ юрьевскаго архимандрита. Онъ называетъ Фотія фанатикомъ до послѣдней степени, ханжею, іезуитомъ, рьянымъ сыщикомъ, человѣкомъ съ истинно инквизиторскою дѣятельностью, суевѣромъ, человѣкомъ съ ехидствомъ, нѣкоторыя дѣйствія Фотія называетъ наглыми и нахальными и под. Для большей густоты красокъ, авторъ статьи причисляетъ его къ людямъ больнымъ, подверженнымъ частымъ галлюцинаціямъ.

Г-нъ Миропольскій бросаетъ невыгодную тѣнь на отношенія Фотія къ графинѣ Орловой, говоря, что она безусловно отдалась Фотію и стала въ рукахъ его покорнымъ орудіемъ фанатизма и разныхъ происковъ. Кромѣ того, авторъ разсматриваемой статьи утверждаетъ, что Фотій всячески обиралъ графиню Орлову.

Г-нъ Поповъ выставлялъ, какъ особенное достоинство Фотія, его строгое подвижничество и аскетическую жизнь. Г-нъ Миропольскій подвергаетъ сомнѣнію и эту свѣтлую черту его нравственнаго характера. Аскетизмъ Фотія онъ называетъ безчеловѣчнымъ уродованіемъ организма, самоистязаніемъ, способствовавшимъ развитію въ немъ духа нетерпимости. Мало того, у него проскальзываетъ такого рода взглядъ на строгое воздержаніе Фотія, который лишаетъ его всякой нравственной цѣны. Нѣкоторыя выраженія г. Миропольскаго ведутъ къ такого рода за-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1878 годъ, ноябрь—декабрь.

ключенію, по которому выходитъ, что Фотій держалъ строгій постъ — не во имя высокихъ нравственныхъ началъ, а въ силу органической невозможности употреблять другаго рода пищу. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ авторъ статьи пишетъ: «Фотію приходилось сидѣть за роскошнымъ столомъ и не имѣть возможности употреблять пищу благодаря хроническому катарру желудка [1]).

Нѣсколько странно звучитъ и отзывъ г. Миропольскаго о дѣлѣ Фотія, которое онъ называетъ очень грязнымъ и темнымъ [2]). Если подъ дѣломъ Фотія разумѣть борьбу его съ мистицизмомъ, то совершенно непостижимо, почему это и давно ли оно стало темнымъ и грязнымъ, когда религіозная несостоятельность мистицизма царствованія Александра I въ настоящее время является общеизвѣстнымъ фактомъ.

Не вполнѣ укладывается въ сознаніи читателя взглядъ г. Миропольскаго и на умственныя дарованія Фотія, котораго авторъ въ иныхъ мѣстахъ называетъ человѣкомъ съ ограниченными способностями, даже съ явными слѣдами скудоумія, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ характеризуетъ его какъ человѣка проницательнаго, находчиваго, обнаруживавшаго тонкій дипломатическій тактъ, человѣка, съумѣвшаго обойти и опытнаго въ интригахъ царедворца.

Какъ на выдающуюся особенность статьи г. Миропольскаго о Фотіи слѣдуетъ указать на то, что при составленіи ея авторъ пользовался автобіографіею Фотія въ полномъ ея видѣ, что рѣзко выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ о немъ статей, авторы которыхъ пользовались болѣе или менѣе отрывочными свѣдѣніями.

Нѣкоторые другіе историческіе писатели — строгіе судьи архимандрита Фотія, доходятъ до полнаго порицанія и глумленія надъ нимъ. Такъ П. И. Мельниковъ прямо называетъ Фотія протопопомъ Аввакумомъ XIX столѣтія [3]).

Н. В. Сушковъ, біографъ м. Филарета и его страстный почитатель, вслѣдствіе неблагопріятныхъ отзывовъ о Филаретѣ Фотія, называетъ послѣдняго коварнымъ человѣкомъ, клеветникомъ, жалкимъ человѣкомъ, изувѣромъ-самохваломъ [4]) и под.

Всѣ подобнаго рода строгіе критики и изслѣдователи впадаютъ въ крайность и забываютъ, что Фотій былъ человѣкъ борьбы, борьбы упорной, продолжительной и горячей, во время которой всякому борцу трудно удержаться въ предѣлахъ умѣренности.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1878 г., декабрь, 630, 588.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1878 г., декабрь, 619.

[3]) „Русскій Архивъ", 1873 г., кн. 11, 1434.

[4]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1869 годъ, кн. III, стр 188.

Безспорно, Фотій былъ одностороннимъ человѣкомъ, но никто не можетъ отвергнуть истинной ревности его о благѣ церкви. Строгіе критики Фотія, обвиняя его въ крайностяхъ, фанатизмѣ, въ то же самое время упускаютъ совсѣмъ изъ виду тѣ еще болѣе выдающіяся крайности и жесткія, иногда даже чисто инквизиторскія, мѣры, къ которымъ прибѣгали тайные и явные враги православной церкви. «Историку тогдашняго русскаго общества, говоритъ Е. П. Карновичъ о разсматриваемой эпохѣ, приходится отнестись къ графинѣ Орловой снисходительнѣе, нежели къ современнымъ ей великосвѣтскимъ русскимъ барынямъ, впадавшимъ въ модное отступничество подъ вліяніемъ разныхъ религіозныхъ проходимцевъ—католическихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ» [1]).

Архимандритъ Фотій служитъ камнемъ претыканія для послѣдующихъ историковъ; такимъ же камнемъ претыканія онъ служилъ и для многихъ изъ его современниковъ. Еще при его жизни взгляды на него современнаго русскаго общества расходились до діаметральной противуположности. Иногда одна и та же семья расходилась во взглядѣ на личность Фотія. Такъ, примѣръ, князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, служившій воспитателемъ морскаго корпуса и своими глазами наблюдавшій борьбу Фотія съ его противниками, съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ о. Фотію, котораго онъ называлъ «свыше избраннымъ благодатію Божіею защитникомъ церкви Божіей», а управляемый имъ Юрьевъ монастырь—хранилищемъ церковнаго православія, тогда какъ два старшіе его брата, князья Павелъ и Алексѣй Александровичи Ширинскіе-Шихматовы, жившіе въ деревнѣ, подъ Москвою, и получавшіе смутныя и отрывочныя свѣдѣнія о происходившемъ въ столицѣ религіозно-общественномъ движеніи, усвоили взглядъ на Фотія, какъ на противника церкви, а управляемый имъ монастырь называли гнѣздомъ раскола или даже еретичества [2]).

Одинъ изъ современниковъ и почитателей архимандрита Фотія составилъ въ защиту его особое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Начертаніе жизни, дѣяній, подвиговъ въ Бозѣ почившаго настоятеля новгородскаго первоклассннаго Юрьева общежительнаго монастыря священно-архимандрита Фотія, сдѣланное съ тою единственною цѣлію, чтобы снять хотя нѣсколько завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру, въ наши скудныя вѣрою и благочестіемъ времена, ту истину, что не оскуде преподсбный, и оправдать человѣка, котораго молва

---

[1]) „Русская Старина", 1875 годъ, іюль, 327—328.

[2]) Книга свящ. В. Жмакина: „Матеріалы для исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія". Спб., 1890 г., глава V, стр. 183.

людская огласила и нерѣдко оглашаетъ доселѣ тяжелыми для благоговѣйнаго сердца слухами». Это сочиненіе сохранялось въ рукописи и находилось въ числѣ бумагъ священника М. Я. Морошкина [1]). Къ сожалѣнію, ни о подробномъ содержаніи рукописи, но объ ея мѣстонахожденіи въ настоящее время не имѣется никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Другой современникъ о. Фотія и ближайшій свидѣтель его жизни и дѣятельности въ Юрьевѣ монастырѣ, одинъ изъ іеромонаховъ этого монастыря составилъ подробное описаніе аскетическихъ подвиговъ Фотія, предъ которыми самъ авторъ становился въ недоумѣніе и проникался сневольнымъ благоговѣніемъ къ своему священно-архимандриту. Это сочиненіе, остающееся и до сихъ поръ въ рукописи, носитъ названіе «Сказанія о Фотіи келліарха» [2]).

И въ печати имѣется нѣсколько сочиненій, направленныхъ исключительно къ прославленію и восхваленію архимандрита Фотія.

А. Н. Муравьевъ [3]), восхищаясь благолѣпіемъ Юрьева монастыря, съ благоговѣніемъ описываетъ дѣятельность Фотія, какъ возстановителя древняго чина иноческой жизни, какъ любителя пустыннаго житія скитскихъ отцовъ, какъ усовершенствователя церковнаго пѣнія.

Н. В. Елагинъ [4]), ссылаясь на отзывъ А. Н. Муравьева о Фотіи, подробно описываетъ его иноческіе подвиги, его благотворную дѣятельность по внутреннему и внѣшнему устроенію Юрьева монастыря и его кончину. Вся книга проникнута глубокимъ благоговѣніемъ къ личности Фотія.

Средній и болѣе спокойный взглядъ на личность архимандрита Фотія, какъ церковно-общественнаго дѣятеля, оставилъ послѣ себя профессоръ П. С. Казанскій. «Безспорно, говоритъ онъ, Фотій былъ человѣкъ энергическій; но личныхъ выгодъ онъ не искалъ; онъ возсталъ, будучи молодымъ монахомъ, противъ приверженцевъ такъ называемой внутренней церкви, когда все сильное въ столицѣ было на сторонѣ этихъ лицъ. Онъ выступалъ обличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ сильный А. Н. Голицынъ и до тѣхъ поръ боролся одинъ, пока его не выслали изъ Петербурга. Во имя церкви, во имя православія онъ опять началъ борьбу изъ Новгорода и достигъ низложенія Голицына, главнаго виновника смутъ церковныхъ. Фотій не хотѣлъ вступать въ сдѣлку, не хотѣлъ выжидать. Онъ не говорилъ: одинъ или два архимандрита не

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1868 годъ, стр. 951.

[2]) Содержаніе сказанія келліарха изложено въ статьѣ С. И. Миропольскаго. „Вѣстникъ Европы" 1878 г., ноябрь—декабрь.

[3]) Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ. Изд. 6-е, Спб. 1888 г. стр. 329—348.

[4]) Жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Спб. 1853 г.

спасутъ православія; онъ хотѣлъ говорить и дѣлать въ пользу православія, что онъ могъ. Строгій исполнитель заповѣдей церкви, прямо и просто вѣрующій ученію церкви, онъ хотѣлъ, чтобы и другіе также вѣровали и поступали. Въ своей борьбѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ казалось ему удобнѣе. Онъ иногда хитрилъ, думалъ быть политикомъ сообразно съ сферою, въ какой дѣйствовалъ. Но эта политика его, эта хитрость его такъ наивно простодушна, что можно только улыбнуться, читая описаніе его образа дѣйствій. Вносилась въ эту борьбу и своя доля самолюбія, можетъ быть безсознательно для самаго дѣятеля, доля несправедливой оцѣнки лицъ, которыя не тѣмъ путемъ хотѣли достигать той же святой цѣли. Но всѣ эти ошибки, всѣ эти неправильности не даютъ права топтать въ грязь память этого человѣка» [1]).

Представленный рядъ разнородныхъ, иногда доходящихъ до противуположности, взглядовъ на личность Фотія показываетъ, что историческая наука еще не произнесла объ немъ своего послѣдняго слова. Для того, чтобы представить нѣкоторую долю новаго матеріала для выясненія личности архимандрита Фотія, редакція «Русской Старины» предприняла изданіе полной его автобіографіи.

Свѣдѣнія объ автобіографіи и другихъ рукописяхъ, написанныхъ или собранныхъ Фотіемъ, появлялись въ печати довольно давно. О. архимандритъ Макарій [2]) въ 1858 году въ историческомъ описаніи Юрьева монастыря сообщилъ о сочиненіяхъ Фотія, хранившихся въ двадцати четырехъ книгахъ и тетрадяхъ. Въ 1869 году о запискахъ архимандрита Фотія небольшую замѣтку напечаталъ Н. В. Сушковъ [3]). Самое подробное описаніе сочиненій Фотія сдѣлалъ г. Лилеевъ въ 1880 году [4]).

Автобіографію или записки о своей жизни Фотій составилъ незадолго до своей кончины, именно въ 1834—1835 годахъ [5]). Фотій свои записки диктовалъ одному священнику о. Орнатскому, который записывалъ ихъ на-черно, а на-чисто переписывалъ ихъ другой священникъ, о. Николай Львовъ. Какъ видно изъ предисловія, записки написаны по усердной просьбѣ графини А. А. Орловой-Чесменской. Неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ г. Поповъ прибавляетъ еще, что графиня хотѣла тѣмъ снять тѣ тяжеловѣсные упреки, которыми награждало его современное

---

[1]) „Русскій Архивъ". 1870 г. 893—896. Статья: Фотина Павловна.

[2]) Это описаніе въ первый разъ напечатано было въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. россійскихъ 1858 г. кн. II. Во второй разъ оно напечатано было въ С.-Петербургѣ въ видѣ отдѣльной книги въ 1862 году. Мы пользовались вторымъ изданіемъ, стр. 72.

[3]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1869 годъ, кн. III, 187—202.

[4]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древн., 1880 годъ, кн. I, 1—18. Статья: Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій юрьевскаго архимандрита Фотія, хранящ. въ Черниговской семинарской библіотекѣ.

[5]) „Русскій Архивъ", 1873 годъ, томъ II, 1434 въ примѣчаніи.

общество [1]). Подлинникъ автобіографіи Фотія написанъ въ трехъ книгахъ, въ листъ большаго формата, четкаго почерка, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ собственноручныя поправки самого автора Всѣ три книги переплетены, каждая въ отдѣльности, въ красный сафьяный корешокъ, на которомъ вытѣснены инициалы имени графини Орловой. Находящаяся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» автобіографія представляетъ изъ себя точную копію съ подлинной рукописи Юрьева монастыря. Подлинная рукопись, содержащая въ себѣ автобіографію Фотія, имѣетъ свою особую исторію. Она первоначально составляла собственность графини Орловой и послѣ ея смерти (†1848 г.) поступила въ библіотеку Юрьева монастыря; затѣмъ она находилась нѣкоторое время въ рукахъ архіепископа херсонскаго Иннокентія (Борисова, умершаго въ 1857 году), взявшаго ее для своихъ ученобогословскихъ работъ непосредственно изъ Юрьева монастыря; отъ преосвященнаго Иннокентія подлинная рукопись автобіографіи Фотія перешла къ извѣстному церковному историку, преосвященному Филарету (Гумилевскому), архіепископу черниговскому, послѣ смерти котораго († въ 1866 году) она поступила въ библіотеку Черниговской духовной семинаріи [2]). Н. В. Сушковъ сообщаетъ еще объ одномъ спискѣ съ записокъ Фотія, находящемся въ Троице-Сергіевой лаврѣ [3]).

Историческая важность автобіографіи архимандрита Фотія выше всякаго сомнѣнія. Историческіе изслѣдователи, даже вовсе не сочувствующіе Фотію, и тѣ признаютъ ея историческую цѣнность. «Несмотря, говоритъ одинъ изъ нихъ [4]), на тенденціозное происхожденіе автобіографіи, одностороннія личныя воззрѣнія ея автора лишаютъ ее качествъ вполнѣ достовѣрнаго источника, но она безъ сомнѣнія имѣетъ важное значеніе для характеристики самого Фотія и личныхъ его взглядовъ». Но значеніе ея на самомъ дѣлѣ простирается несравненно шире. Она служитъ любопытнымъ и болѣе другихъ полнымъ источникомъ для характеристики не только личности одного Фотія, но и цѣлой эпохи второй половины царствованія Александра I. Здѣсь мы имѣемъ матеріалъ для характеристики выдающихся дѣятелей александровскаго царствованія какъ мистическаго, такъ и противомистическаго направленія. Въ автобіографіи Фотія предъ нами во всей силѣ и рельефности выступаетъ тотъ мистическо-сектантскій хаосъ, которымъ рѣзко очерчивается вторая половина царствованія Александра I. Конечно, въ автобіографіи найдется много рѣзкостей и крайностей, даже выходокъ по адресу разныхъ современныхъ религіознообщественныхъ дѣятелей—это несомнѣнно. Но

---

[1]) Труды Кіевской духовной академіи, іюнь, 697.

[2]) Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1880 г., кн. I, 1–18.

[3]) Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1869 г., кн. III, 196.

[4]) Поповъ. Труды Кіевской духовн. академіи. 1875 г., іюнь. 697.

несомнѣнно также и то, что въ показаніяхъ Фотія заключается и много исторической правды. Лица, изучавшія его подъ заранѣе установившимся угломъ зрѣнія, стараются при каждомъ удобномъ случаѣ заподозрѣвать достовѣрность приводимыхъ имъ свѣдѣній, но эти лица часто сами впадаютъ въ крайность и являются не вполнѣ справедливыми къ Фотію. Многія историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Фотіемъ въ его автобіографіи, подтверждаются иногда сохранившимися свидѣтельствами другихъ современниковъ, людей, нерѣдко принадлежавшихъ къ совершенно противуположному, чѣмъ Фотій, лагерю, или иногда людей совершенно нейтральныхъ. Это можно видѣть изъ подстрочныхъ примѣчаній.

Историческая важность автобіографіи Фотія сознавалось давно. Это видно между прочимъ изъ того, что время отъ времени въ разныхъ историческихъ изданіяхъ появлялись отрывки изъ нея. Обнародованіе отдѣльныхъ отрывковъ изъ автобіографіи архимандрита Фотія началось въ 1868 году.

Въ чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія [1]) въ Москвѣ напечатанъ незначительный отрывокъ изъ автобіографіи Фотія подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія о Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ». При изданія названнаго отрывка не указано ни источника, откуда именно онъ взятъ, ни лица, сообщившаго его редакціи. Напечатанный отрывокъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь цѣльнаго: онъ напротивъ состоитъ изъ цѣлаго ряда мелкихъ отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ книгъ и главъ автобіографіи Фотія и касающихся личности Филарета.

Въ томъ же 1868 году О. М. Бодянскій напечаталъ [2]) статью подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Фотія, архимандрита новгородскаго юрьевскаго монастыря». Въ статьѣ г. Бодянскаго помѣщенъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ разныхъ книгъ какъ автобіографіи Фотія, такъ и изъ другихъ, оставшихся послѣ него, сборниковъ бумагъ. Такъ въ указанной статьѣ напечатано: о сектѣ Котельникова, о судѣ надъ Иннокентіемъ Смирновымъ, о библейскомъ обществѣ, мнѣніе Фотія о Филаретѣ московскомъ, о Гаснерѣ, о Фесслерѣ, о масонахъ, письмо Фотія къ Александру I, письмо Александра I къ Фотію, отрывки изъ записки Фотія, поданной государю 29 апрѣля 1824 года. Статья Бодянскаго съ выдержками изъ записокъ Фотія составлена очень бѣгло и непослѣдовательно. Ей даже трудно усвоить названіе отрывокъ изъ записокъ Фотія, потому что эти отрывки берутся въ слишкомъ краткомъ видѣ, безъ точнаго указанія мѣста заимствованія, иногда передаются не буквально, а въ пересказѣ самого издателя, встрѣчаются и такого рода

[1]) Чтенія за 1868 г., вып. IV, 104—111.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. россійск., 1868 г., кн. I, отд. V, смѣсь, стр. 262—273.

отрывки, которые хотя и взяты изъ записокъ Фотія, но соединены съ собственными замѣчаніями издателя такимъ образомъ, что трудно разобраться, гдѣ говоритъ собственно самъ Фотій и гдѣ издатель его записокъ. Г-нъ Бодянскій напечаталъ свои отрывки изъ записокъ Фотія съ подлинныхъ бумагъ, когда онѣ находились еще въ библіотекѣ Юрьева монастыря. Бодянскимъ сдѣланы были извлеченія изъ двухъ рукописей Фотія, изъ которыхъ одна называется «тайна», а другая имѣетъ слѣдующее оглавленіе: «Историческое повѣствованіе о дѣлахъ церкви Христовой и вѣры православной 1824 года» (такое названіе имѣетъ третья книга автобіографіи Фотія).

Въ 1869 году П. И. Бартеневымъ напечатанъ былъ [1]) отрывокъ изъ автобіографіи Фотія подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Фотія, 1822 годъ». Отрывокъ г. Бартеневымъ напечатанъ со списка, сдѣланнаго однимъ принадлежащимъ къ духовному вѣдомству лицомъ съ подлинныхъ записокъ, хранившихся въ Юрьевомъ монастырѣ. Лицо, сообщившее списокъ, не указано. Сравнительно съ подлинною рукописью Фотія въ напечатанномъ г. Бартеневымъ отрывкѣ пропущены слѣдующіе разсказы: о графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, о явленіяхъ св. великомученика Георгія, представленіе Фотія къ наградѣ драгоцѣннымъ крестомъ. Эти и подобные имъ пропуски будутъ точно обозначаемы при напечатаніи полной автобіографіи. Напечатанный г. Бартеневымъ отрывокъ хотя и озаглавливается 1822 годомъ, но онъ далеко не обнимаетъ собою цѣлый годъ, онъ оканчивается изложеніемъ дѣятельности Фотія до 5 іюля 1822 года. П. И. Мельниковъ [2]) напечатанный г. Бартеневымъ отрывокъ ошибочно называетъ заимствованнымъ изъ третьей части (или книги) записокъ Фотія,—онъ взятъ изъ второй книги его автобіографіи.

Въ 1873 году П. И. Мельниковымъ сообщенъ былъ редакціи «Русскаго Архива» отрывокъ «Изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ въ 1819 году» [3]). Напечатанный здѣсь отрывокъ снабженъ подстрочными историческими примѣчаніями, проливающими нѣкоторый свѣтъ на упоминаемыя въ немъ историческія лица и событія. Напечатанный г. Мельниковымъ отрывокъ изъ записокъ Фотія имѣетъ пропуски сравнительно съ подлинникомъ. Пропущены: перечень мистическихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе Александра I, о сектѣ Р. Кошелева, о библейскомъ обществѣ, о переводѣ библіи на русскій языкъ, о ревности Фотія противъ секты Лабзина. Кромѣ того, въ напечатанный г. Мельниковымъ отрывокъ привнесена одна глава, относящаяся къ 1822 году—именно о сектѣ баронессы Криднеръ и подполковницы Татариновой.

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1869 годъ, стр. 937—944.

[2]) „Русскій Архивъ", 1873 годъ, кн. II, 1444.

[3]) „Русскій Архивъ", 1873 годъ, кн. II, 1434—1453.

ПОВѢСТВОВАНІЕ
священно-архимандрита отца Фотія

о родѣ его, воспитаніи домашнемъ и училищномъ, о состояніи и житіи въ должности учителя въ С.-Петербургѣ и о прочихъ прикосновенныхъ обстоятельствахъ и лицахъ.

Книга первая.

ВВЕДЕНІЕ.

Причина повѣствованія.—Содержаніе повѣствованія печальное.—О многихъ скорбяхъ, коими въ разныхъ видахъ наполнено повѣствованіе.

Не подвиги я хощу повѣствовать, здѣсь повѣствуя о бытіи и житіи временномъ отца Фотія, но слезы его желаю собрать въ сосудъ повѣствованія, повѣдая о горькомъ его бытіи и слезномъ житіи въ младенчествѣ, юношествѣ и лѣтахъ мужества. Никогда я не хотѣлъ, низкости и презрѣнности рода его стыдясь болѣе всего, на свѣтъ открыть униженіе его, нищету крайнюю, презрѣнность житія и состоянія даже въ превозносимомъ священномъ санѣ архимандрическомъ; но слезы Твоей Свѣтлости [1]), слезы твоей любви о Господѣ ко мнѣ,—съ коими ты, дѣвица, сіяющая знатностію рода, имени, извѣстная всѣмъ вѣрою, благочестіемъ и святостію житія, умоляешь составить повѣствованіе меня о немъ, отцѣ твоемъ и наставникѣ, — нудятъ меня повѣствованіе тебѣ писать.

Но какъ ты хощешь и молишь меня не только нѣкоторыя особенно достойныя происшествія и дѣла описать въ твоей памяти бывшія, въ твоихъ очахъ, твоимъ содѣйствіемъ учиненныя, или собывшіяся, но

---

[1]) Подъ знатною дѣвицею разумѣется здѣсь извѣстная духовная дочь о. Фотія, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Отецъ ея, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ (родившійся въ 1737 году и умершій въ 1808 году) прославился какъ побѣдитель турокъ и истребитель турецкаго флота при Чесмѣ въ 1770 году. Дочь его, графиня Анна Алексѣевна, родилась 2 мая 1785 года. Она была камеръ-фрейлиной при Высочайшемъ дворѣ и пользовалась при немъ большимъ вѣсомъ и значеніемъ. Около 1820 года графиня Орлова сдѣлалась духовною дочерью о. Фотія, поселилась впослѣдствіи вблизи Юрьева монастыря, въ которомъ и скончалась 5 октября 1848 года. Она погребена въ нижней церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы рядомъ съ архимандритомъ Фотіемъ. Елагинъ. „Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской". Спб. 1853. Нѣкоторыя частныя свѣдѣнія о графинѣ Орловой, соприкасающіяся съ личностью Фотія, будутъ указаны ниже.

ты нудишь меня писать отъ начала его житія все нужное, то не мало я колебался тебѣ принять на себя трудъ писать таковое излишнее повѣствованіе. Что я буду тебѣ писать въ то время житія его младенческаго, когда онъ былъ безъ смысла и разума еще совершеннаго? Чего никто самъ по первымъ лѣтамъ младенчества не помнитъ, токмо слышитъ отъ своихъ кровныхъ, старшихъ, воспитавшихъ себя съ дѣтства, отъ колыбели до того возраста, въ коемъ обыкновенно бываетъ отданъ уже изъ дому родительскаго въ наученіе: что слышалъ частію, и частію самъ знаю о немъ, во младенчествѣ бывшее, а послѣ въ жизни его до принятія образа Ангельскаго, и во образѣ Ангельскомъ, дѣвственномъ, иноческомъ, то я слышалъ, помню и знаю однѣ его слезы и горести. Родився онъ во дни слезъ многосемейнаго отеческаго дома, составленнаго изъ самыхъ старыхъ и малыхъ, возрасталъ со слезами, вся лѣта въ наученіи проводилъ, въ слезахъ, и по смотрѣнію Вышняго, вступилъ въ монашеское, ангелоподобное званіе, гдѣ онъ столько своего рода слезъ имѣлъ и горестей, что быша слезы его ему хлѣбъ день и нощь. (Псал. 41, ст. 4). Умоленъ бывъ отъ тебя повѣствованіе составить, я въ такое затрудненіе прихожу, желая повѣствовать нѣчто о немъ, что ничего не нахожу пріятнаго повѣствованія и преданія написанію; что я реку о немъ? я самъ по часту слыхалъ отъ устъ его со вздохомъ слова плачевныя отрыгаемыя, что онъ ни единаго блага не сотворилъ во все свое житіе такого, о коемъ бы ему его сердце рекло, что онъ благо сотворилъ истинное, кое могло бы предстательствовать за него на страшномъ Судѣ Господнемъ.

Итакъ пролію его слезы въ семъ повѣствованіи моемъ, слезы горести, когда ты сама вынудила меня проливать оныя; когда ты, слышавъ отъ устъ его многократно повѣсть его о слезахъ его однѣхъ, не удовлетворилась, а оныя же слезы однѣ и тѣ же, какъ часто видалъ, слыхалъ и знаю, опишу тебѣ и собственно для тебя, а не для инаго кого. Ты же, когда хощешь, держи его слезы, читай и вся слагай на сердцѣ твоемъ. Когда кто не могъ удовольствоваться очами своими, видя слезы въ другихъ живыя, многія, горькія, пусть здѣсь посмотритъ на его слезы. Слезы его здѣсь проливаемыя таковы, какъ я увѣренъ самъ, что не восхощетъ никто позавидовать онымъ, кто будетъ читать или слышать объ нихъ, судить же объ нихъ можетъ единъ Богъ -- Судія Праведный, хотяй прiитти и судити всей вселенной въ правду и имѣяй судити людямъ въ правоту (Псал. IX, ст. 9). Что до другихъ нужды? Я пишу повѣствованіе отца твоего о Господѣ тебѣ, чаду его возлюбленному: а посему мнѣ не стыдно тебѣ одной показать его горькія слезы; ты вѣрно не осудишь меня за мое слезное повѣствованіе; ты кротка, милостива, сердобольна, то съ проливающимъ слезы сама, можетъ быть, восхощешь иногда твои слезы пролить. Я всегда видѣлъ, что ты, ему радующемуся, сорадовалась, и пла-

чущему, ты плакала, скорбящему, ты соскорбѣла. Поплачемъ убо мы съ тобою вмѣстѣ, когда я буду тебѣ бѣдное, нищетское и плача достойное его житіе повѣдать и написанію предавать. Я надѣюсь на тебя въ томъ, что ты, вѣрно видѣвъ слезы его горькія, слезы временнаго житія его на землѣ, усердно помолишься о немъ, или втайнѣ Единому едина Богу предстоящи, да по кончинѣ его житія, не сподобившагося въ сей жизни вкушать радости, сподобитъ его Господь видѣти утѣшеніе вѣчныя радости, уготованныя Святымъ, не за однѣ слезы, но за безчисленные ихъ поты, крови и смерти. Онъ не имѣлъ ни единаго добра, сотвореннаго во все житіе свое на землѣ, какъ говорилъ о себѣ отецъ Фотій, за что бы чаялъ онъ отраду имѣть въ мѣстѣ вѣчныя радости; но не отчаяваюсь, что онъ утѣшеніе Святыхъ наслѣдитъ; ибо рече Господь: Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся (Мѳ. V, 4). Ибо онъ какъ отъ младенчества въ сирочествѣ, при воспитаніи въ бѣдности крайней, такъ и достигши званія и состоянія равно-ангельнаго священнаго, подвижническаго, Христа ради за вѣру и святую церковь много пріялъ искушеній и скорбей, до конца своего житія на земли. Онъ прилежалъ угодить не человѣкамъ, но Богу, и искалъ царствія Его и правды (Мѳ. VI, 33), а посему многими скорбями исполненъ былъ путь его жительства, по примѣру Святыхъ и Богоносныхъ отецъ, имъ же онъ подражать старался, и сущій по Бозѣ животъ въ себѣ начертать. Пріими съ любовію повѣсть сію, азъ же тебѣ оную описавъ представляю. Не ищи въ ней красныхъ словъ; я старался наблюсти истину простоту, и открыть безвѣстное, что можно подробно же всего описать невозможно, такъ много всего было въ его жительствѣ достопамятнаго и великаго. Хотя малое казалось быть предъ человѣками, но велико предъ Богомъ было многое: угодна бо душа его была Богу.

ГЛАВА I.

О родѣ и домашнемъ воспитаніи.

Родъ и воспитаніе.—Повѣсть о злорѣчіи рожденія.—Повѣсть о болѣзни матери.—Повѣсть о благословеніи матерію младенца сына Петра при смертной болѣзни.—Повѣсть о смерти матери Евфиміи.—Повѣсть объ отцѣ архимандрита Фотія, оставившемъ діаконскій санъ и вступившемъ во вторый бракъ для воспитанія чадъ своихъ.—Воспитаніе младенца Петра при мачихѣ и усердіе къ церкви Божіей.—Повѣсть объ начаткахъ обученія церковному чтенію.—О напрасныхъ наказаніяхъ отеческихъ за ученіе чтенію Часослова.—О началѣ чтенія въ церкви отрока Петра.

Отъ сотворенія всея твари и первозданнаго Адама, при обращеніи Індиктіона 14, лѣта 7300, а отъ воплощенія Бога Слова, 1792, Індикта

*

10, въ кругѣ солнца 20, а луны 4, іюня 7-го дня [1]) въ постъ Святыхъ апостолъ Петра и Павла въ воскресенье, въ царствованіе императрицы Екатерины II, Новгородскаго уѣзда Спасскаго погоста у чтеца Никиты родися сынъ Петръ. Рожденіе же тако бысть: отставный чтецъ Ѳеодоръ, отъ многихъ лѣтъ одержимый будучи недугомъ лютымъ отъ бѣса [что называютъ врачи падучею болѣзнію, по невѣрію своему], отъ житія сего на вѣчное волею Божіею преставился [2]). Сынъ же его былъ чтецъ церкви Преображенія Господня въ томъ Спасскомъ погостѣ на мѣстѣ его чтецомъ. Въ то время домъ сего чтеца Никиты составляли: жена его Евфимія; бабка его престарѣлая около ста лѣтъ Татіана; матерь его Екатерина, убогая, не владѣвшая перстами своихъ рукъ; отца его сестры-дѣвицы юныя: Татіана, Марія и Ирина. Отецъ его и всѣ въ домѣ отца плакали, рыдали о смерти дѣда, благочестіемъ, кротостію и смиреніемъ извѣстнаго; собирались издалеча свойственники, знаемые, и такожде сорыдали: единъ же былъ домъ у чтеца Никиты для всѣхъ, и тотъ былъ наполненъ родными, сродниками, знаемыми плачущими; тѣло отца его лежало въ одномъ и томъ же домѣ; женѣ его Евфиміи, которая была непраздна, уже приближался часъ родить ей. Время же было жаркое лѣтнее. Жена же его слабая здравіемъ, болѣзненная, чувствуя болѣзни, яко приходитъ часъ родить ей, не имѣла другаго мѣста въ болѣзняхъ рожденія укрыться, скрывая свои болѣзни подъ видомъ крайнія печали по умершемъ, старалась не прилагать скорбь на скорбь, печаль къ печали и слезы къ слезамъ, всему дому, и для совершеннаго своего сокрытія отъ очей всѣхъ, изыде тайно изъ мѣста плача и отъ

---

[1]) По метрическимъ записямъ Спасскаго погоста Фотій значится родившимся 6 іюня (Пожайскій. „Историческій Вѣстникъ" 1888 годъ, 148—151), но это обыкновенная неточность метрическихъ книгъ, съ которою часто приходится имѣть дѣло. По установившемуся среди сельскаго духовенства обычаю, запись родившихся вносится въ метрическія книги не тотчасъ послѣ совершенія крещенія, а спустя недѣлю, а иногда и болѣе. При такомъ порядкѣ вещей, очень легко перепутать числа рожденій и крещеній—тѣмъ болѣе, что вся заботливость причта простирается главнымъ образомъ на то, чтобы какъ-нибудь не пропустить кого-нибудь въ метрическихъ книгахъ. П. И. Мельниковъ („Русскій Архивъ" 1873 годъ, кн. II, 1443 стр.) неизвѣстно на какомъ основаніи 29 іюня называетъ днемъ рожденія Фотія. Авторъ историческаго описанія Юрьева монастыря, архимандритъ Макарій, согласно съ автобіографіей, днемъ рожденія Фотія указываетъ 7-е іюня. (Чтенія въ общ. исторіи и древностей россійскихъ, 1858 годъ. кн. 11. Мы пользовались вторымъ изданіемъ описанія, напечатаннымъ въ 1862 г. въ Петербургѣ). То же самое повторяетъ и Н. В. Елагинъ („Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской". Спб. 1853, 29.).

[2]) Г-нъ Пановъ въ своей статьѣ (Труды Кіев. дух. акад., 1875 г., іюнь, 698) впадаетъ въ ошибку, полагая, что Фотій родился въ день смерти своего отца. Въ ту пору умеръ, какъ видно изъ этого мѣста, дѣдъ Фотія.

гроба, сокрылась въ скотскій хлѣвъ во дворѣ своемъ. Болѣзненная Евфимія, какъ сокрылась въ скотскомъ хлѣвѣ, въ той часъ возъимѣла большую скорбь отъ болѣзней рожденія; всѣ общію скорбію объятые не вѣдали вины болѣзней Евфиміи. Она же едина будучи наединѣ въ убогомъ хлѣвѣ, не имѣла никого, кто бы подалъ ей хотя малую помощь въ болѣзненномъ часѣ ея рожденія: болящая родити, плачущая, рыдающая едина Единому Богу вѣдомая мати Евфимія взяла мало соломы, послала подъ себя среди хлѣва, гдѣ насталъ часъ родить ей; былъ же тогда день недѣльный, день воскресенія Господня; тѣло умершаго еще не было вынесено въ церковь, а во гробѣ въ дому лежало; ибо сродниковъ дальнихъ ожидали нѣкіихъ; того ради тѣло безъ нихъ не выносили въ церковь на погребеніе три дня; готовилось поминовеніе сродникамъ всѣмъ въ томъ же домѣ и знаемымъ. (Прежде нежели пріѣхали всѣ остальные сродники, и плачъ бысть общій великій въ дому по умершемъ, и никто ее не видитъ нигдѣ: тогда сестра чтеца Никиты средняя Марія, тетка, которая отъ юности Петра воспитывала, и нынѣ уже достигши старости живетъ, приходя прислуживаетъ племяннику своему сему, одежды моетъ и потребная вся на него измывая, пошла искать Евфимію). Евфимія же, не вѣдая како отъ болѣзней рожденія избавиться ей, и скорѣе родити ей, повѣсила веревку во хлѣвѣ, сдѣлала изъ нея петлю, и чрево увязающи, хотѣла тако висяще помощь сдѣлать своему рожденію; на сей часъ мукъ родить хотящія подоспѣла Марія тетка, и видящи дѣло странное, но не зная что сіе есть, почто матерь въ веревкѣ вѣшается, въ ужасѣ спасая ее, какъ отъ бѣды, схватила ее матерь его въ объятія свои, исторгая изъ веревки, и въ той часъ родился отъ утробы матери младенецъ, изшедъ изъ нея. Когда же родился Петръ младенецъ, то положенъ былъ на соломѣ посредѣ хлѣва, такъ какъ мѣста не было инаго нигдѣ лучше, тише во дворѣ и чище; по полудни же яко о часѣ третіемъ роди его мати его [1]), третіяго младенца, втораго сына послѣ великой скорби супругу своему тѣмъ къ большей его радости, что прежде родившіяся чада ея младенцы Матѳій и Ксенія не жили, а вскорѣ умирали послѣ рожденія своего. Тогда солнце сіяло въ оконце хлѣва, и прямо на него лежащаго младенца на соломѣ лучи облиставало, такъ какъ оконце было на полдень. Десная же рука его была подъята повыше главы его, и три ея первые персты были сложены, яко же есть обычай крестъ слагать и молиться: хотя десницу оную

---

[1]) Г-нъ Миропольскій ошибочно, какъ видно изъ приводимаго здѣсь мѣста, представляетъ, что мать Фотія въ третьемъ часу того же дня, когда родился Фотій, родила еще сына („Вѣстникъ Европы", 1878, ноябрь 24.) Здѣсь указывается только на часъ рожденія одного Фотія и на то, что онъ былъ третьимъ по счету ребенкомъ.

отнимая отъ главы, какъ слѣдуетъ, полагали, но послѣ паки десница тако была, поднималась, какъ бы кѣмъ явно держима со сложеніемъ креста, по образу того, кто даетъ присягу Богу въ вѣрности и клянется живущимъ на небесѣхъ.

Услышавъ слухъ о рожденіи Петра, приспѣла пріити на сей часъ жена священника Евдокія, и видѣвъ рождшагося лежащаго младенца нагаго еще (не нареченнаго именемъ еще), что очи имѣетъ отверсты, лице обращено къ свѣту солнца сіяющаго, и прямо въ солнце зритъ, сказала: что это? лишь изъ чрева матери родился, а се зритъ на свѣтъ, какой это человѣкъ будетъ? Какого можно добра ожидать отъ него? Кто раждается и можетъ прямо смотрѣть въ солнце очами? Вѣрно будетъ недоброй человѣкъ: таковые глаголы ея весьма не къ сердцу были матери Евфиміи. Слышавъ же тогда тетка Марія плюнула на сіи слова хульныя жены сея, дерзкія и рекла: что ты суесловишь? Развѣ ты была у Бога на умѣ? Можетъ быть Богъ дастъ, что сей младенецъ лежащъ святъ будетъ человѣкъ; и тотчасъ цѣловавъ его лежащаго, отъ очей старалась прикрыть наготу его, и что потребно было; ибо еще бабы не было, дабы все прибрать, все какъ должно очистить и сдѣлать. Вотъ каковы судьбы Божіи! Отъ перваго дня рожденія начала его преслѣдовать ненависть, клятва, судъ, и бысть о немъ пререканіе въ знаемыхъ.

Слухъ услышали о новорожденномъ вси сущіе въ дому; время уже поздо было, по вечеру вынесено было тѣло мертваго въ церковь, отпѣто, погребено; послѣ сродники и знаеміи пришедше, творили память по усопшемъ Ѳеодорѣ въ домѣ отца его, и не столько уже сѣтовали, сколько радовались, что младенецъ сынъ отцу родился въ самые часы плача и сѣтованія. Впрочемъ одни говорили: можетъ ли доброе знаменіе быть отцу и матери, когда рожденіе младенца бываетъ во дни смерти, погребенія, плача и сѣтованія въ дому? Иные же говорили: что сей младенецъ имѣетъ вскорѣ умрети, и къ скорби онъ родителей родился, а не на радость; другіе говорили: можетъ ли что быть благо и радости достойное отъ рождшагося, когда родилося отроча въ часъ плача, хотя и будетъ оно жить? Иные же благословляли Бога и рожденнаго младенца и за здравіе пили вино, ѣли и веселились. Когда совершилась память по умершемъ, чтецъ Никита утѣшився со всѣмъ домомъ, престалъ отъ скорби; звалъ священника Іоанна, и той крестилъ Св. крещеніемъ младенца рождшагося, и наречено во Св. крещеніи, при всѣхъ сродникахъ, по желанію отца и матери, было ему имя Петръ, во имя святаго Петра Аѳонскаго, празднуемаго 12-го іюня. Когда же Евфимія мати носила Петра во чревѣ своемъ, весьма сохраняла себя, часто чрево свое и зачатое въ немъ крестила рукою своею, когда чувствовала внутри взыграніе или болѣзнь.

По крещеніи младенецъ Петръ возрасталъ; отецъ же, чтецъ, вскорѣ

посвященъ бысть во діакона. По Петрѣ въ мартѣ 1794 года, въ санѣ діаконскомъ, родила Евфимія жена ему другаго сына, и наречено бысть тому во Святомъ крещеніи имя Евфимій [1]). По немъ родился отъ нея третій сынъ Іоаннъ; сей вскорѣ умеръ, и мати послѣ его рожденія содѣлалась такъ больна, что до смерти уже совершеннаго облегченія не имѣла. Дѣти же ихъ, Петръ и Евфимій, возрастали, и родители радовалися, что имѣютъ чадъ у себя сыновъ двухъ, и мати любила ихъ весьма. Мати же Евфимія была хотя болѣзненная, но благоразумна, кротка, тиха, милостива, благочестива; и болѣе всѣхъ любила въ домѣ Марію, сестру мужа, которая и при рожденіи младенца Петра способствовала ей.

Во время оно родители вмѣсто того, чтобы имъ въ радости обоимъ жить и воспитывать чадъ своихъ, къ великой скорби всего дома, заболѣла супруга его Евфимія болѣзнію смертною, возлегла на одръ и уже не воставала много дній. Чувствуя день отъ дня она болѣе ослабленія въ силамъ своихъ и предвидѣвъ смерть свою, просила сестру мужа Марію дѣвицу, когда не было въ домѣ его, привести тайно чадъ своихъ, милыхъ сердцу ея младенцевъ, Петра и Евфимія. Петру было въ то время четвертое лѣто отъ рожденія. Евфимій же весьма младъ былъ и не смыслилъ вовсе глаголати. Когда на благословеніе въ другій домъ приведенъ былъ задній къ матери, лежащей на одрѣ, Петръ, тамъ темно было; было едино оконце токмо посреди не закрыто; воззрѣвъ Петръ къ мѣсту одра, на немъ же лежала мати его, видѣвъ нѣчто дивное и яко свѣта сіяніе окрестъ ея бысть, и чувствуя духъ благоуханія, со сладостію стоялъ и смотрѣлъ на матерь свою вкупѣ и на видѣніе пресладкое окрестъ ея; тогда не разумѣлъ онъ, что сіе есть, послѣ же познавъ самъ все повѣдалъ часто. Тетка стояла подлѣ ихъ; мати же ихъ тогда сѣдящи на одрѣ о силѣ Божіей, опираясь на возглавіе свое, пріяла образъ Знаменія Богородицы руками своими, и держащи говорила Петру: чадо мое возлюбленное, чадо мое милое, что ты стоишь, не идешь ближе ко мнѣ, къ матери твоей? Или ты меня не любишь? Я знаю, о сладчайшее мое чадо, что ты меня любишь, и я тебя люблю; пріиди ты, солнце красное мое, радость моя, да благословляя благословлю тя во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и предамъ тебя въ руки Матери Божіей Царицѣ. Скоро, скоро ты не узришь

---

[1]) Упоминаемый здѣсь братъ Фотія Евфимій былъ впослѣдствіи священникомъ въ Шегринѣ, не особенно далеко отъ Юрьева монастыря. Фотій покровительствовалъ своему брату, давалъ ему большія суммы денегъ, купилъ для него домъ. Графиня А. А. Орлова нѣкоторыхъ дочерей о. Евфимія выдавала замужъ на свой собственный счетъ. Письма Фотія къ брату и роднымъ. „Русскій Архивъ“ 1871, кн. I, стр. 239—255.

меня, чадо мое, свѣтъ очей моихъ; во дни слезъ, плача родился ты; буди послѣ меня утѣшеніе отцу твоему во временномъ житіи, утѣшеніе и покой. Сіе глаголала, слезящи и болящи душею мати его, благословляя его; онъ же чувствуя несказанную радость, сладость, подошедъ сталъ близъ ея, она же пріяла его въ объятія своя, знаменала крестообразно лице его, голову его образомъ Божіей Матери—Знаменія [1]), дала ему лобызать оный, сама цѣловала его, и паки объемлюще его любезно, глаголала, слезящи: чадо мое, чадо сладкое, ты вскорѣ не узришь меня, матерь твою; и обратяся горѣ, воззвала рыдающи: Мати Божія! Ты буди вмѣсто меня сыну моему, все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани его подъ кровомъ Твоимъ; обратясь же къ нему сказала: когда ты, чадо, будешь предъ Богомъ предстоять, не забуди меня, помяни меня, матерь твою, родшую тя, живи съ Богомъ, учися, молися Богородицѣ, Господь съ тобою буди; тамъ увижду тебя, когда ты пріидешь ко мнѣ. По семъ благословила и другаго сына Евфимія младенца, но мало говорила, такъ какъ не разумѣлъ онъ еще рѣчей. Петръ же не спускалъ очей своихъ съ матери своея. Къ Маріи же теткѣ она говорила: возлюбленная моя Марія! буди ты сиротамъ вмѣсто меня матери, Богъ тебѣ воздастъ за нихъ. Петръ стоялъ у одра матери, видѣвъ видѣніе сіянія, благоуханія и сладости, мнилъ, что святая есть мати его, и тако съ нею бываетъ всегда; и мнилъ, что она здѣсь въ темнотѣ молится наединѣ втайнѣ Богу,—а посему желалъ быть съ нею и не хотѣлъ отоидти отъ нея никуда, а желалъ предстоять у ней и видѣть ее въ такомъ сладостномъ и пріятномъ для него видѣ, и не хотяй разстаться съ нею, говорилъ къ матери: куда ты идешь? возьми меня съ собою, мати моя; она же, слезящи, ему вѣщала: тебѣ нельзя со мною идти; я иду къ Богу, а тебѣ надобно жить; живи съ Богомъ. Благословивъ паки его со всею любовію горячею отъ слабости своея, жалости, преклонила главу свою на возглавіе; возлегла, велѣла взять отъ себя дѣтей обоихъ прочь, и ввести въ передній домъ; и Марія вывела ихъ за руки держащи. Послѣ приходилъ Петръ къ двери, толкалъ въ нее, гдѣ матерь лежала, хотѣлъ внити къ ней, но не допущенъ былъ. Ему въ дому говорили, что ты будешь дѣлать, когда мати твоя умретъ? Кто тебя будетъ любить? Онъ же вовсе не хотѣлъ

---

[1]) Икона Знаменія Пресвятыя Богородицы—одна изъ самыхъ почитаемыхъ въ Новгородской епархіи. Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы соединяетъ въ себѣ воспоминаніе о чудесномъ спасеніи новгородцевъ отъ нападенія суздальскаго князя въ 1170 году. Во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы еще въ XIV вѣкѣ построенъ былъ съ самомъ Новгородѣ соборъ, который и до настоящаго времени служитъ одною изъ лучшихъ и обширныхъ церквей въ Новгородѣ. Муравьевъ, «Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ», ч. I, 427–428.

вѣровать, что мати его когда-либо умретъ и ихъ оставитъ безъ себя; а посему и говорилъ: что мати моя не умретъ; не дастъ ей Богъ умереть и меня оставить. Я ее такъ люблю, что не отпущу отъ себя.

Богу же угодно было матерь Петра и Евфимія взять скоро къ себѣ. Въ недѣлю Св. Пасхи съ четвертка на пятокъ скончалась она о часѣ девятомъ; дѣти же тогда яко младенцы спали на одрѣ съ занавѣсою; въ полунощи отъ сна воспрянувъ, вотъ Петръ видитъ, что занавѣса вовсе отнята, многъ огонь въ домѣ, свѣча горитъ возжена у святыхъ образовъ, и отъ мѣста одра, гдѣ онъ спалъ съ братомъ, по всей стѣнѣ сидятъ сродники, знаеміи и всѣ печальны; и видя видитъ, что подъ святыми образами на десной сторонѣ дома къ церкви на востокъ лежитъ кто-то убранъ въ хорошее одѣяніе мертвъ; почему возбудилъ онъ тихо брата своего Евфимія, указывалъ, что самъ онъ видѣлъ. Родитель же его, видѣвъ воставшаго его отъ сна, подошедъ къ нему, говорилъ со слезами жалостно весьма: чадо мое Петре, иди, простися съ матерію твоею; ея уже нѣтъ на свѣтѣ; душенька ея улетѣла къ Богу въ руки. Взявъ его на руки свои, принесъ, посадилъ на перси тѣла матери умершія, лежащія, и слезя сказалъ: чадо мое Петре! простися съ матерію въ послѣдній разъ и цѣлуй ее; мати твоя умерла; онъ же младенецъ не хотѣлъ вѣрить родителю, что мати его умерла, и объемля тѣло радостно смотря на лице ея свѣтлое, бѣлое, кликалъ: мати, мати! ты жива; напрасно не хощешь поговорить; что ты не говоришь, не смотришь на меня? Или ты спишь? Или ты меня не любишь? посмотри на меня, мати моя; ты спишь, не хощешь посмотрѣть на меня; я здѣсь. И онъ дитя думалъ, что мати его жива воистину; а посему какъ всегда заживо дѣлывалъ при ея снѣ, дреманіи и молчаніи, тотчасъ десную руку свою подъ одежды ея вложилъ къ самой груди матерней, къ голому сердцу, осязая сосцы ея; когда же обрелъ мѣсто противу сердца, гдѣ біеніе есть его, дабы узнать, бьется ли ея сердце въ знакъ, что она жива; но осязавъ, почувствовалъ, что все хладно около сердца, не тепло, не біется сердце матери, какъ прежде осязая всегда находилъ, испугался и дивился, что матери сдѣлалось; и по слову отца облобызалъ матерь, взятъ былъ съ персей ея и на одръ несенъ, гдѣ такъ жалость пронзила младенческое его сердце, что закрылся одѣяніемъ и плакалъ много, но тихо лежа подъ одѣяніемъ. Послѣ когда несено было тѣло матери въ церковь, и онъ просился туда же; дабы утѣшить его плачущаго, несенъ былъ и посажденъ былъ во гробѣ ея во время ея отпѣванія тѣла; очей своихъ не опускалъ съ лица ея, и чаялъ, что мати его не востанетъ ли изъ гроба, дабы ему первому броситься къ ней порадоваться, лобзая ее и глаголя: Христосъ воскресе! воистинну воскресе! По чину Пасхи Святыя тѣло ея отпѣто было скоро, и со звономъ колокольнымъ было предано земли. Не стерпя видѣть, что

землею зарываютъ матерь его, бросался онъ въ яму за матерію, дабы зарыли и его вмѣстѣ съ нею. Послѣ же отъ жалости, когда память совершали въ домѣ по матери его, тогда не могій быть безъ матери, не помню, какъ утаився отъ всѣхъ, ушелъ онъ на могилу ея, которая саженъ 50 была отъ дому, никто не видалъ его, какъ онъ въ одной бѣлой срачицѣ прибѣжавъ палъ на могилѣ матери, объялъ мать сыру землю, растянувся на ней, рыдалъ и во слезахъ весь уснулъ, тутъ омертвѣвъ отъ хлада, такъ какъ въ то время въ одной былъ срачицѣ, а время было весеннее, апрѣль мѣсяцъ въ исходѣ; долго его искали въ дому всюду, когда пришли на могилу матери посмотрѣть, нѣтъ ли на ней, и нашли его всего въ слезахъ уснувшаго, взяли, принесли яко мертваго въ домъ; всѣ были въ ужасѣ о немъ, дабы не умеръ онъ съ печали по матери, старались его всячески обогрѣть, въ чувство привести и утѣшить, что матя его въ раю у Бога, скоро востанетъ, и онъ увидитъ ее. Отъ чего онъ много утѣшился и надеждою веселился. По смерти матери изъ памяти не выпускалъ Петръ ее: всѣмъ говорилъ о себѣ и матери своей плачущимъ, что скоро мати его воскреснетъ изъ гроба, пріидетъ къ нему; она какъ святая во святую недѣлю со славою погребена; она къ Богу пошла и въ раю сладкомъ. Непрестанно желая матерь видѣть, онъ сидѣлъ на томъ мѣстѣ у окна, гдѣ подъ святыми образами лежало тѣло ея, смотрѣлъ въ окно къ церкви, по цѣлымъ днямъ и многимъ часамъ, ожидая, не изыдетъ ли изъ гроба она, а особенно когда приходилъ день воскресенія Господня. Спрашивалъ у отца и родныхъ: скоро ли она будетъ? не идетъ ли она? Чувства въ немъ глубокія остались по смерти матери къ ней такъ, что не могъ забыть никогда несказанные для него ея знаки матернія нѣжности, любви сладостныя; хотя тогда младенецъ онъ былъ, когда мати его жила, и когда умерла, но помнитъ многое; и во всю жизнь свою отъ смерти матери своея доселѣ не могъ забыть любви къ себѣ матернія; лишь помянетъ любовь ея сладчайшую, вожделѣннѣйшую паче всего на свѣтѣ, весь исполнялся несказанныя сладости, отъ того едина память о любви матери, родшей его, исторгала токи слезъ изъ очей его, и блаженными щиталъ онъ всѣхъ чадъ, имѣющихъ въ живыхъ матерь. Въ тѣ лѣта, когда мати жива была, не помнитъ, что отецъ съ нимъ говорилъ, дѣлалъ, а матерь свою помнитъ, память ея изъ ума у него не выходитъ; чувство самое священное, сладостное онъ имѣлъ во всю жизнь, во всѣхъ скорбяхъ своихъ память того видѣнія и сіянія, кое онъ видѣлъ въ часъ, въ онь же она его благословила предъ смертію образомъ Пресвятыя Богородицы.

По смерти матери своея остался Петръ трехъ лѣтъ отъ рожденія десяти мѣсяцевъ и девятнадцати дней, а меньшій братъ Евфимій весьма малъ, яко двухъ лѣтъ и одного мѣсяца.

Отецъ его по смерти жены своея младъ остался во вдовствѣ, около 25 лѣтъ. Домъ его былъ изъ осьми человѣкъ самыхъ старыхъ, младыхъ и младенцевъ. Не было человѣка такого, который бы могъ питать, одѣвать дѣтей его. Родитель былъ весьма благъ, праводушенъ и честенъ, не хотѣлъ оставить чадъ своихъ безъ воспитанія добраго, и самъ въ юности быть въ преткновеніе къ другимъ, домъ же приводить до конца въ разстройство. Скончевался почти годъ по смерти матери; скорбь о воспитаніи должномъ чадъ своихъ безпокоила его. По совѣту благочестивыя бабы, и матери своей, помыслилъ оставить санъ діакона, паки ожениться ради воспитанія чадъ своихъ сирыхъ. Взялъ ихъ младенцевъ, престарѣлыхъ оставивъ въ домѣ убогихъ совершенно, привезъ въ зимнее время въ Новгородъ, представилъ архіерею своему [1]). Ожидая въ домѣ предстать предъ лице святаго владыки, съ моленіемъ пустилъ младенца Петра изъ рукъ своихъ; ему же полюбилися кельи святителя, и удалився ушелъ онъ въ залъ, куда не смѣлъ взойти родитель, маніемъ звалъ его отецъ къ себѣ, дабы пришелъ къ нему, но той хотѣлъ въ окно видѣть, что дѣлается внѣ дома, не могій же достать отъ полу до окна главою, видѣть, ниже сползти на оное, дивился, какъ высоко; въ то время исходитъ въ простомъ одѣяніи святитель Христовъ сѣдъ, и полюбился ему. Дитя, схвативъ за колѣни его платье, любовался смотря на него. Святитель же Божій, яко отецъ чадолюбивый съ ангелоподобною тихостію, свѣтлостію лица зря на него десницею взялъ за главу его и любезно держалъ. Подозвавъ родителя діакона Никиту, вопросилъ: твой ли сынъ? Отецъ его сказалъ, что сынъ его есть. Святитель милостиво сквозь слезы сказалъ: жаль мнѣ чадъ твоихъ, нужно воспитать ихъ въ добромъ состояніи. И по слезному прошенію его чадъ ради, устроилъ пастырь, дабы отецъ, отложивъ санъ діакона, и оставаяся чтецомъ при той же церкви Преображенія Господня,—вступилъ во второй бракъ. Господь, во благо устроя вся любящимъ Его, устроилъ тако. Діаконъ-родитель остался чтецомъ и вступилъ во второй бракъ для доставленія добраго воспитанія дѣтямъ, оставшимся безъ матери. Взялъ въ супружество того же погоста свѣщеносца Прокопія старшую дочь гораздо старѣе себя дѣвицу Ирину, яко лѣтъ тридцати бывшую. Когда изъ церкви второбрачный веденъ былъ съ новою матерію въ домъ, со крестомъ шелъ священникъ напередъ и прочіе съ ними. Сказано было младенцу Петру: чадо! мати твоя воскресла, идетъ съ отцемъ изъ церкви

---

[1]) Это былъ епископъ старорусскій, викарій Новгородской епархіи, Досиѳей (Ильинъ), хиротонисанный 25 марта 1795 года изъ архимандритовъ Новгородскаго Антоніева монастыря, съ 26 октября 1798 года епископъ орловскій; 4 іюня 1817 года за старостію былъ уволенъ на покой въ Челнскій монастырь; умеръ 6 іюня 1827 г.

Божіей; тогда дитя весьма возрадовался. Видѣвъ покровенное лице по обычаю отъ отца веденныя невѣсты въ домъ, желалъ видѣть, когда оное откроется. Сѣдя на столпѣ выше всѣхъ въ дому, главою до потолока досязая, не спускалъ очей своихъ, чтобы увидѣть лице своея матери. Внушаютъ ему, что она нѣсколько измѣнилась. Онъ же говорилъ, почто матерь сдѣлалась нынѣ не мила, и какъ вошла, то его забывъ, любезно не хотѣла воззрѣть на него, и за столъ ясти, пити сѣла прежде: сія ли мати есть истинная? Прежде всего къ сыну своему обращала она свою любовь, милѣе ей всего на свѣтѣ былъ сынъ ея. Когда сѣдя на столпѣ, зрѣлъ вся въ минуту поздравленія новобрачныхъ, вотъ снимается покрывало съ новыя матери и онъ видитъ, что не мати его родная, знаемая же ему дѣвица Ирина, и дивился много, зачѣмъ она пришла въ домъ. Послѣ всѣ гости какъ вышли изъ дому, новая мати въ знакъ любви своей обняла его, облобызала, дала поясъ красный изъ волны овчей, простаго холста бѣлый платъ, по краямъ шитъ безъ цвѣтовъ крестиками красными. Сіе весьма ему полюбилось. Ирина—новая матерь, ходя и проходя мимо его, дѣлала дѣла свои домашнія, дитя же Петръ очи всегда въ лице ей пущалъ, и ждалъ, воззритъ ли новая мати съ любовію всею, какъ всегда смотрѣла на него мати его Евфимія, какъ родная прежде. Взирала на него новая матерь, но не такъ часто. На любовь его она ни единожды тако не воззрѣла мило, якоже всегда взирала родная мати его Евфимія. Новая мати была благая жена, честная, благочестивая, но не такова, какова была родная: любила она чадъ, но не какъ своихъ родныхъ; тиха была, кротка, трезвенна, попечительна, но ищя при всѣхъ совершенствахъ матери новой Ирины, не можно было обрѣсти сердца какъ у рождшія, свѣтлаго ангелоподобнаго всегда лица. Ахъ! чувствительно по всему, что любовь матери рождшія ни съ чѣмъ сравнить не можно. Любовь Божія воплощенна въ любви матери рождшія, святыя, праведныя, и вся сладость, вся радость, вся утѣха, все блаженство младенцевъ, и ничто сравниться съ нею не можетъ земное.

Во время житія при новой матери младо отроча Петръ началъ чувствовать любовь родителя къ себѣ. Въ церковь Божію отецъ идяй къ божественной службѣ, бралъ его за правую руку, съ собою ведя, и приводилъ на гробъ матери у св. олтаря погребенныя; послѣ при созданіи новыя церкви, подлѣ самаго крыльца была ея могила, а нынѣ въ новомъ каменномъ храмѣ [1]). Моляйся на гробѣ матери, отрокъ, пріявъ благосло-

[1]) Въ одинъ изъ пріѣздовъ о. Фотія на родину, крестьяне стали просить его объ устройствѣ у нихъ каменной церкви взамѣнъ существовавшей деревянной и ветхой. О. Фотій построилъ имъ на свои средства каменный храмъ, а для священника каменный домъ Храмъ этотъ въ имя Спасителя былъ освященъ самимъ Фотіемъ въ 1835 году. Пожайскій. „Историческій Вѣстникъ", 1888 г., іюль, 148—151.

веніе отъ нея, входилъ въ церковь Божію. При исходѣ изъ церкви не рѣдко на пути отецъ его останавливая, вручалъ св. просфору отъ олтаря, кою священникъ Іоаннъ давалъ; ему сіе было великое утѣшеніе и въ сладость. По сему исходяй отъ хлада изъ церкви, обзирался часто чрезъ всю церковь къ св. олтарю, не вышлетъ ли Богъ ему просфору. Почти всегда за приходъ въ церковь Божію получалъ онъ награду и благословеніе—просфору отъ св. олтаря; желаніе его послѣ влекло уже всегда ходить въ церковь Божію; ибо думалъ онъ, что отъ Бога ему подается святая просфора, а не отъ человѣкъ—священника и отца, и матерь его въ раи о томъ Бога умолила; просфору онъ дитя всегда снѣдалъ самъ; донынѣ служай онъ отъ просфоры послѣ св. таинъ чувствуетъ сладость, каковой ни въ чемъ не находитъ изъ ястій. Снѣдая просфору отъ св. олтаря, онъ живость чувствовалъ въ себѣ, здравіе всегда; утѣшеніе, благословеніе веліе ему до нынѣ, аще кто изъ церкви даетъ ему просфору. Прабабка же Татіана въ то время была просфирня церковная; и помогала ей внука дѣвица Марія, тетка ему, и всегда особую малую просфору теплую та и другая давали Петру, или часть оныя прямо изъ печи горящія. Все сіе его утѣшало о матери, но мати его изъ сердца его не исходила.

Отроча младо Петръ, возрастая въ слезахъ, въ скудости и печали, возрасталъ возрастомъ и силою, и приспѣло время его обучать. Отецъ его, сотворивъ молитву послѣ Божественной службы, помолился Господу Богу, дабы Онъ открылъ въ наученіи ему свѣтъ познанія, и благословляя благословилъ его образомъ Знаменія Божіей Матери, коимъ мати его благословила, посадивъ за столъ по утру, началъ учить церковному букварю. Прежде всѣхъ словъ и складовъ, прямо давъ въ руку указку, уча училъ его въ началѣ крестяся говорить сіи слова: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. А потомъ самыя буквы училъ. Отрокъ, понятенъ будучи, вскорѣ данный урокъ изучалъ, родитель хвалилъ его, и съ отеческою любовію радуяся, его утѣшалъ, обнадеживая въ трудахъ ученія, что когда онъ будетъ добрѣ учиться, жить хорошо, смиренно, кротко, Бога будетъ любить, всегда въ церковь будетъ усердно ходить, Богъ ему раскроетъ разумъ въ ученіи, онъ будетъ добрый человѣкъ, въ рай его Богъ пуститъ, гдѣ и матерь свою увидитъ въ свое время; сіе весьма часто родитель благочестивый и боящійся Бога ему внушалъ. Время отъ времени вскорѣ онъ изучилъ азбуку; особенно въ немъ напечатлѣлись сіи священныя и яко таинственныя слова: Азъ, Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій. Б. Богъ, Божество, Богородица и проч. Ему казалось, въ храмъ дивныхъ таинъ входилъ, когда подъ титлами святыя оныя, священныя слова началъ учить, выходя внѣ дома и играя, повторялъ оныя слова начатки своего ученія послѣ складовъ: Азъ, Ангелъ, Архангелъ и проч.

Во время отсутствія изъ дома родителя Никиты на работы, онъ съ братомъ Евфиміемъ оставался подъ надзоромъ новыя матери, дабы оба учились безпрестанно. Братъ его Евфимій не былъ понятенъ и прилеженъ; приходя съ работъ въ домъ, спрашивалъ отецъ у матери, учились ли оба, и каково учились? Мачиха, не знавшая грамотѣ, когда, не боля о сиротахъ печальныхъ, бѣдныхъ и горькихъ, выставляла нерадѣніе въ нихъ; отецъ для повѣрки заставлялъ Часословъ церковный читать во гнѣвѣ, и въ страхѣ къ тому большія лозы съ собою приносилъ, грозя больно наказывать за лѣность; отъ сего такой страхъ и трепетъ обоихъ братій обнималъ, что Петръ, весь трепеща отъ страха, часто едва уста могъ отворять и читать, отъ многихъ слезъ и вздоховъ даже не могъ иногда видѣть словъ въ Часословѣ, боялся гнѣва и наказанія родительскаго. Отецъ, чѣмъ-либо приведенный въ ярость, схватывалъ Петра съ мѣста ученія отъ книги, главу между ногъ своихъ ущемивъ, всего обнаживъ, такъ наказывалъ жестоко, что единожды случилось, едва до смерти не убилъ его безвинно. Кто когда видѣлъ сіе, и старался отъ мученія его избавить. но отецъ самого того билъ во гнѣвѣ и ярости. Тетка Марія, нѣкогда его защищая, отца нечаянно повергла на полъ дома, выхвативъ Петра изъ крѣпко державшихъ его колѣнъ, унесла на себѣ въ другой домъ, запорами двери и окна затворила, дабы во гнѣвѣ не могъ родитель ворваться въ задній домъ и бить его, но во гнѣвѣ онъ усиливался взойти чрезъ окно въ домъ, дабы наказать жестоко младенца, но не возмогъ; Марія грозила убить его палицею; а послѣ сказала, что неизвѣстно ей куда онъ, дитя, ушелъ. Тамъ же долгое время лежалъ сокрытъ; когда же отъ гнѣва отецъ престалъ, хотѣлъ сына видѣть чрезъ нѣкое время, и клялся Маріи предъ Богомъ, что бить впредь его не будетъ напрасно, тогда она отверзла дверь родителю, и онъ въ ноги поклонился сестрѣ своей Маріи, что она его спасла отъ боя и его отца отъ бѣды. Съ сею теткою Маріею не всегда въ любви жила мачиха. Нелюбовь мачихи, или, лучше сказать, любовь новой матери погашала въ младенческихъ сирыхъ сердцахъ любовь горячую къ ней. Они сироты ее боялись, а болѣе боялись отца, боялись всѣхъ, дабы кто ихъ злорѣчіемъ не осыпалъ и не привелъ родителя на гнѣвъ.

При горькомъ сиротскомъ житіи, воспитаніи и обученіи чтенію церковному, вскорѣ изучилъ Петръ Часословъ; началъ учить его отецъ Псалтырю, но поучивъ немного съ начала, оставилъ онъ учить его, сказавъ, что онъ добрѣ безъ ученія все знаетъ читать, не нужно его болѣе учить чтенію. Рѣдко случалось, когда слово мудреное отецъ поправлялъ, чтобы ему выговорить чище. Послѣ когда приходилъ въ церковь, родитель его заставлялъ иногда часы читать при службѣ, или иное что, и усердно пріучалъ сына къ чтенію и пѣнію церковному, осыпалъ его ласками своея любви родительскія. Братъ же его Евфимій, какъ былъ не-

совсѣмъ понятенъ по юности своей, то когда родитель на поле выходилъ орать, или другое что дѣлать, съ собою бралъ его, на межѣ полосы посадивъ, въ минуту отдыха своего показывалъ ему обученіе. Когда былъ въ огородѣ работая что-либо, такъ же все попеченіе прилагалъ изучить его чтенію, дабы обоихъ вмѣстѣ въ наученіе отдать.

ГЛАВА II.

Воспитаніе внѣ дома родительскаго и опредѣленіе въ хоръ казанскихъ пѣвчихъ въ С.-Петербургѣ.

Опредѣленіе въ С.-Петербургѣ въ хоръ казанскихъ пѣвчихъ, воспитаніе, соблазны, порочное житіе пѣвчихъ, жестокость старшихъ къ младшимъ.—Бѣдность роднаго дяди, и двоюроднаго брата соблазнъ.—Оставленіе отъ родственниковъ и болѣзнь, понудившая возвратиться въ домъ отца.—Начальныя свѣдѣнія о монашествѣ.—Видѣніе Ангеловъ Господнихъ въ видѣ монаховъ схимниковъ въ олтарѣ.

Когда Петру было отъ рожденія десятое лѣто, бѣдность родителя нудила его отдать туда, гдѣ бы выгоднѣе ему было для содержанія и не требовалось отъ него много издержекъ; ибо отъ церкви мало ему дохода было, земли было мало; приходъ весьма малъ и бѣденъ; отецъ же прежде еще разорился, когда старался сложить волею съ себя санъ діаконскій и быть на ваканціи чтеца. Бѣдность родительская усугубляла сиротскую печаль въ сынѣ, дѣлала препоны къ подаянію добраго воспитанія и обученія наукамъ совершенно добрымъ. А посему онъ сперва отдалъ его въ Санкт-Петербургѣ въ Казанскій соборъ въ число пѣвчихъ; родный дядя его самъ бывъ пѣвчимъ прежде при семъ же соборѣ. Діаконъ Борисъ ходатайствовалъ о семъ, и Петръ былъ опредѣленъ, но частно. Въ хорѣ пѣвчихъ учитель былъ грубый человѣкъ, невѣжественный; жилъ въ одномъ домѣ, въ однѣхъ комнатахъ со всѣми пѣвчими. Зала проходная была у всѣхъ едина. У него была жена, сынъ, дочь дѣвица; прислуживала ему и пѣвчимъ женщина; добраго обученія никакого не было; смотрѣнія и нравоученія вовсе не было. Когда бывало время обучать по нотѣ отрока Петра (или другихъ дѣтей), старшіе пѣвчіе били его жестоко, ударъ удара жесточае ему дѣлали всегда въ голову. Вмѣсто лозъ за непонятіе старшій пѣвчій стебломъ лозы билъ его по рукамъ около плечъ, и до того бивалъ, что опухоль покрывала руки, и боль получалъ онъ великую въ головѣ. Отрады не было ему никакой; однѣ угрозы были, учащій пѣвчій говорилъ ему, убью до смерти, если не будешь скоро понимать. Слезы, печаль, а отъ сего болѣзнь, страданіе

объяли его. Онъ потерялъ все усердіе быть въ числѣ пѣвчихъ [1]), видѣлъ отрокъ, что вмѣсто обученія, просвѣщенія, пользы себѣ и родителю онъ не можетъ получить ничего, кромѣ болѣзни, преждевременной смерти. Жили всѣ пѣвчіе безъ присмотра; старшіе предъ лицемъ младшихъ производили между собою страшныя мерзости, безчинства, неистовства, кощунства всякія. Тотъ былъ въ похвалѣ между ими, который являлъ себя дерзновеннѣе въ порокахъ отроческихъ. Это сокрушало весьма отроческую душу Петра до конца. Начальникъ протоіерей собора [2]) во всю бытность его никогда не былъ для надзора за пѣвчими, не посѣщалъ жилище ихъ. Снѣдаясь печалію и имѣя веліе усердіе научиться всему доброму, началъ Петръ худѣть, болѣть, а потому не могъ даже пѣть; попеченія объ лѣченіи не было никакого. Вотъ онъ положилъ на сердцѣ хотя сбѣжать, но возвратиться въ домъ родителя для излѣченія. Болѣзнь же его была болѣе отъ печали, боль въ груди, кровохарканіе, слабость всего тѣла. Онъ слышавъ рѣчи о себѣ другихъ, что лучше его въ домъ отца уволить, нежели въ пѣвческомъ хорѣ пользовать; молилъ всѣхъ, кого могъ, дабы его въ домъ родителя уволить для выздоровленія.

Въ Санктъ-Петербургѣ тогда былъ дядя его Борисъ діаконъ; у него былъ сынъ Іоаннъ. Имѣлъ иногда отраду приходить Петръ въ домъ дяди своего; но онъ такъ бѣденъ былъ, что хлѣба куска иногда вовсе не было въ домѣ, оба съ братомъ двоюроднымъ сидѣли часто безъ насущнаго хлѣба. Жена дяди жила порочно, была безпечна о воспитаніи сына Іоанна и о домѣ. Когда проходили по Санктъ-Петербургу близъ лавокъ, то сродникъ отрокъ, видѣвъ оплошность сидѣльцовъ, схватывалъ разныя снѣдныя вещи и убѣгалъ; отроча же Петръ весь трепеталъ отъ страха, дабы и ему чего не случилось идущему съ нимъ за воровство.

Въ жилищѣ же пѣвчихъ у него сродники, тетки родныя, почти никогда не были, его видѣть и посѣщать, кромѣ тетки его Татіаны вдовы [3]); оная тетка не мало его утѣшала въ скорби бѣднаго и горькаго сироту. Объ отцѣ онъ слуху даже не имѣлъ, что онъ живъ есть. Сія тетка сердобольная испросила его на свои руки, дабы отправить въ домъ отца для выздоровленія, и отправила. Человѣкъ, который его нанялся доста-

---

[1]) У Фотія впослѣдствіи выработался прекрасный теноръ. Онъ любилъ церковное пѣніе и завелъ у себя въ Юрьевѣ монастырѣ великолѣпный хоръ пѣвчихъ. „Историческій Вѣстникъ“, 1888 г., іюль, 145—151.

[2]) Настоятелемъ Казанскаго собора въ то время (съ 1798 по 1810 г.) былъ протоіерей Өедоръ Васильевичъ Семевскій. „Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, томъ I, 151.

[3]) Тетку свою Татьяну, сестру его матери, Фотій особенно любилъ и называлъ ее сохранительницею жизни своей. Она умерла въ 1833 году; за одно ея погребеніе Фотій уплатилъ причту, который отпѣвалъ ее, шесть сотъ рублей. „Русскій Архивъ“, 1871 г. кн. 1, 250. Письма Фотія къ брату и роднымъ.

вить, не довезъ его до родительскаго дому, задержалъ вещи его, отъ покойныя его родительницы Евфиміи ему доставшіяся, о чемъ очень много скорбѣлъ. Пришелъ онъ въ домъ отца въ лѣтнее время около дней поста Петра и Павла. Обрадовался отецъ его, когда увидѣлъ его, но вмѣстѣ и скорбѣлъ, что онъ на руки ему опять достался; не смѣлъ онъ объявить, что не желаетъ впредь въ хорѣ пѣвчихъ быть, когда здравъ будетъ, а говорилъ отцу, что худое бываетъ, и какъ его до полусмерти бивали. Провелъ лѣто онъ и молилъ отца, дабы отдалъ онъ его въ наученіе туда, гдѣ лучше есть все, и откуда люди во святый монашескій санъ поступаютъ, Бога научаются познавать, жить праведно и рай получить.

Здѣсь вспомяну о монашествѣ, скажу о времени и случаѣ пришедшаго понятія и чувства отроку Петру о монашествѣ. Два были особенно случая, по Божію смотрѣнію, видѣть ему монаховъ. Прежде опредѣленія его въ хоръ пѣвчихъ, яко на шестомъ году отъ рожденія его, тетка Марія при своихъ ласкахъ спрашивала его младенца съ братомъ, кто восхощетъ жениться, и кто куда изъ нихъ хощетъ поступить, въ монашество ли, или въ санъ священства, то отроча Петръ вопрошалъ тетку, говоря: ты сперва скажи мнѣ, гдѣ лучше спастися мнѣ, рай получить, и чтобы матерь въ раю увидѣть и всѣхъ, которыхъ я люблю? Она же сказала ему: для сего лучше быть въ монашествѣ, въ монастырѣ, тамъ всѣ святые живутъ на землѣ, молятся, мяса не ядятъ, всегда постятся, не женятся, съ ними живутъ святые, ангели Господни. Еще что бываетъ, скажи мнѣ, спрашивалъ отрокъ тетку Марію? Она отвѣщала: митрополиты, архіереи и преподобные всѣ были монахи. Весьма полюбивъ рѣчи тетки, сказалъ онъ ей: я въ монашество лучше пойду; бѣда жениться; вотъ какъ матерь у меня умерла,—какое горе я терплю,—накормить меня и омыть никто не хощетъ. Въ зимнее время послѣ сего, какъ отца не было дома, дѣдъ его Маркъ чтецъ, отецъ матери умершія, восхотѣлъ не столько навѣстить сиротъ бѣдныхъ, а желалъ, чтобы послѣ матери оставшееся малое самое имѣніе себѣ взять обратно, дабы имъ и послѣдняго рубища въ благословеніе не осталось послѣ нея, пріѣхалъ онъ въ домъ родителя, а съ нимъ былъ монахъ, именемъ Ѳеофанъ, братъ священнику церкви, гдѣ Петръ родился, и домъ его отца былъ. Новая мати предложила имъ ястіе, питіе, старалась ихъ со всею любовію почтить. Тогда отроча въ концѣ стола стоя смотрѣлъ на монаха, видитъ, что онъ мяса и рыбы даже не ястъ, вопрошаетъ мачиху: почто монахъ хорошее все, что мы ядимъ, не ѣстъ? Она же говорила: молчи, не время, послѣ скажу, онъ приступивъ къ ней стужая ей въ слухъ кричалъ, скажи мнѣ, моя мати: почто мяса не ястъ монахъ, и всего постнаго мало? Почему она говоритъ ему тихо на ухо: онъ святый, а святые монахи не ядятъ мяса и рыбы. Святые развѣ не люди, какъ другіе, спросилъ

дитя. Она же сказала: имъ и Богъ не велѣлъ ясти, и сами не хотятъ; сыты они и безъ мяса. Паки вопрошая мачиху и смотря ей въ глаза говорилъ: почто же не хотятъ сами ясти и Богъ имъ не велѣлъ, а намъ велѣлъ? Мачиха, лаская его весьма, сказала: милое чадо! на что тебѣ знать рано все? Онъ ухвативъ ее за колѣна, смотря въ лице, ласкаяся, молилъ, говоря: скажи мнѣ, о мати, почто не ядятъ мяса святые монахи и не хотятъ, а мы хотимъ? Она говоритъ: кто хощетъ спастися, скорѣе въ рай войти, тотъ хощетъ Бога лучше слушать и поститься. По семъ пришедъ къ столу, смотрѣлъ въ лицо монаху Өеофану, который ему показался по сердцу. Власы онъ имѣлъ черные весьма, лицемъ блѣденъ, чистъ [1]), имѣлъ очи свѣтлыя, скромность, благоговѣніе были во всѣхъ его взорахъ, словахъ, обхожденіяхъ; молился онъ послѣ стола и кланялся низко; смотря на него, отрокъ почелъ за святаго его; такъ по сердцу ему милъ былъ, что оттолѣ о монашествѣ часто онъ думалъ. Всѣ же ему говорили, что матерь его свята; а потому въ святую недѣлю Богъ ее къ себѣ взялъ, и увѣряли, что она въ раи жива. Онъ вѣрилъ сему и молился, дабы она была въ раи и его къ себѣ взяла, пока малъ и грѣховъ мало у него и помышлялъ быть монахомъ и постникомъ.

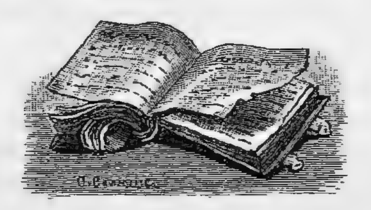
Другой же случай былъ видѣть монаховъ. Когда онъ былъ въ хорѣ казанскихъ пѣвчихъ, то случилося таковое видѣніе для него чудное не виданныхъ монаховъ. Въ великій четвертокъ назначено было умовеніе по чину въ церкви Казанской; слухъ былъ ему, что рано весьма въ соборъ пріѣхали отъ архіерея монашествующіе; ему сказали, что они уже сидятъ во святомъ олтарѣ одесную страну горняго мѣста. Онъ тотчасъ съ клироса вшелъ во святый олтарь, и видѣвъ сидящихъ двухъ монаховъ смотрѣлъ на нихъ; они же въ совершенномъ безмолвіи сидѣли; лица ихъ, какъ повѣдалъ онъ, покрыты у нихъ были чернымъ флеромъ, аки бы тонкими сѣтками отъ главы и до персей. Онъ дивился весьма имъ, долго на нихъ смотрѣлъ и желалъ узнать имена, кто они, для чего молчатъ; лица закрыты, сквозь сѣтки тонкія смотрятъ никогда не смотрятъ яко человѣки прочіе, не говорятъ; отъ нихъ же онъ ощущалъ благовоніе исходящее и въ сердце весьма напечатлѣвался образъ, какъ подобаетъ монаху быть виденъ, словомъ, дѣломъ и по всему внутреннему и внѣшнему. Спустя тридцать лѣтъ отъ роду искушать восхотѣлъ онъ: кто были схимники тогда? И тогда позналъ, что около

---

[1]) Подъ упоминаемымъ здѣсь Өеофаномъ не разумѣется ли Өеофанъ, извѣстный постникъ Новоезерскаго монастыря, умершій въ 1819 году. Объ немъ извѣстно, что онъ въ первую недѣлю великаго поста ничего не вкушалъ до субботы, кромѣ воды раза два, и лицо его не было сухо, а только бѣло и чисто. Письма митрополита Филарета къ архимандриту Антонію, томъ II, 391.

ста лѣтъ не было схимниковъ въ Лаврѣ [1]), и что они были не человѣки. но ангелы Господни, также и на клиросѣ не пѣвцы тогда рано въ соборѣ были, какъ онъ спрашивалъ и не отвѣчали ему, а Богъ вѣсть кто были. Петру никто не отвѣчалъ въ то время. Онъ нѣсколько разъ входилъ въ олтарь смотрѣть на оныхъ, бывшихъ тогда монаховъ. Долго же въ томъ смыслѣ утвержденъ былъ, что бываютъ всѣ таковые монахи, лица точно также у нихъ закрыты были, какъ у монахинь бываютъ закрыты, что сдѣлало въ немъ глубокое впечатлѣніе. Послѣ сего онъ не видалъ никогда во всю свою жизнь доселѣ таковыхъ строгихъ и тихихъ монаховъ съ закрытыми лицами. Ему же нѣкто тогда сказалъ, что они были схимники, но помнитъ, что они не имѣли схимническаго одѣянія и образа. Кто же они, явившіеся, были? Ангелы ли или люди? Неизвѣстно. Но обратимся къ повѣсти о томъ, что случилось по отдачѣ изъ дома отцемъ его паки въ наученіе новое.

(Продолженіе слѣдуетъ).



[1]) Въ царствованіе Александра I, въ этой лаврѣ подвизался извѣстный схимонахъ Алексѣй. При послѣднемъ своемъ посѣщеніи лавры въ 1825 году, императоръ посѣтилъ его и довольно долго пробылъ въ его кельѣ въ благочестивой бесѣдѣ съ строгимъ подвижникомъ Между прочимъ схимонахъ обратился съ слѣдующими словами къ своему высокому посѣтителю: „Государь, благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испортились. Въ 1812 г. наступило время исправленія, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты, государь нашъ, и долженъ бдѣть надъ нравами; ты сынъ православныя церкви и долженъ любить и охранять ее; такъ хочетъ Господь Богъ нашъ“. Выслушавъ слова старца, государь обратился къ находившемуся здѣсь митрополиту Серафиму и сказалъ ему: „многія краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова старца“. „Жалѣю, сказалъ государь схимнику, что я давно съ тобою не познакомился“. (Истор. стат. св. о Спб. епархіи т. VIII, 511—512).

Совершенно не понятно, почему архимадритъ Фотій, учившійся въ лаврѣ, долго жившій въ ней и уже будучи въ званіи архимандрита, въ нерѣдкіе пріѣзды свои въ Петербургъ, подолгу останавливавшійся въ ней, не зналъ о существованіи въ ней, схимника Алексѣя.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

и

Вальтеръ-Скотты-могильщики.

II [1]).

Высказавъ общія мысли объ историческихъ романахъ, касающихся личности Петра Великаго не будемъ фарисейски требовать, чтобы историческая личность, жившая почти за двѣсти лѣтъ до насъ, была нравственнѣе и чище не только своихъ современниковъ, но даже и насъ, ихъ отдаленныхъ потомковъ, и не будемъ кидать въ нее грязью, если она не удовлетворяетъ этому, по меньшей мѣрѣ странному, требованію. Будемъ справедливы и припомнимъ, что вѣкъ Петра былъ въ то же время вѣкъ инквизиціи и драгоннадъ, вѣкъ Бастиліи и lettres de cachet, вѣкъ Джеффриса, разъѣзжавшаго съ своими палачами по всей Англіи, вѣкъ мрачнаго, облеченнаго въ тайну венеціанскаго террора. Обозрѣвая цивилизованный и нецивилизованный міръ конца XVII и начала XVIII вѣка, мы видимъ, что жестокость составляла тогда обычное явленіе почти во всѣхъ актахъ государственной и общественной жизни, и тѣ пытки и казни, которыя совершались въ Россіи, не составляли единичныхъ явленій и въ остальной Европѣ. Но прилагая сравнительный методъ къ нашему изслѣдованію, мы оставимъ въ сторонѣ Францію и Англію, которыя въ ту эпоху не имѣли непосредственнаго вліянія на наши нравы и обычаи, и обратимъ вниманіе исключительно на сосѣднія страны, ближайшія къ Россіи. О самой Россіи мы не будемъ особенно распространяться: заливаніе горла растопленнымъ металломъ, сажаніе на колъ, четвертованіе, колесованіе, сжиганіе на кострѣ и всѣ роды пытокъ въ застѣнкахъ сыскнаго приказа—все это существовало не только въ жестокія времена Ивана Грознаго, не только въ смутные годы царствованія Михаила, когда не улеглись еще бурныя волны междуцарствія, но и при тишайшемъ отцѣ Петра, Алексѣѣ Михайловичѣ, который своимъ Уложеніемъ даже

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1894 г.

санкціонировалъ тѣ жестокости, въ которыя облекалось правосудіе въ до-Петровской Руси. Встряски на дыбы, завинчиваніе въ тискахъ перстовъ «пока іли повинитца, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать», стягиваніе головы веревкой такъ, что глаза вылѣзали на лобъ, отчего оной (т. е. пытаемый) изумленнымъ бываетъ—всѣ эти прелести изобрѣтены въ доброе старое время. Они достались Преображенскому приказу только, какъ наслѣдство, и практиковались чуть не цѣлое столѣтіе послѣ Петра. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ Россію, обратимся къ ближайшимъ ея сосѣдямъ.

Въ Польшѣ, какъ видно изъ лѣтописи Ierlicza (11, 79, 81, 94), власти употребляли самыя страшныя пытки и казни, какъ напримѣръ: раздираніе клещами, отрываніе членовъ, четвертованіе, сажаніе на колъ, поджариваніе на раскаленныхъ желѣзныхъ полосахъ, сдираніе кожи раскаленными камнями и т. п. Вѣшаніе, отрѣзываніе ушей и носовъ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ: въ 1702 г. подъ Немировымъ 70.000 плѣнныхъ казаковъ Палѣя были наказаны отрѣзаніемъ лѣваго уха (Любомірскій: Rolicza ludność w Polsce, 35). Жестокость была въ обычаѣ какъ въ общественномъ, такъ и въ семейномъ быту. Радзивилъ, по свидѣтельству Матушевича, вѣшалъ крестьянъ даже на охотѣ—за то, что не съумѣли загнать звѣря, какъ должно; сутяга Володкевичъ свидѣтелей противной стороны закапывалъ въ землю; другой Радзивилъ до того билъ своего сына, что сдѣлалъ его горбатымъ; матери сѣкли розгами своихъ дочерей, чтобы принудить къ замужеству и т. д.

Обращаясь къ Германіи, мы находимъ тѣ же пытки, ту же холодную, варварскую жестокость, возведенную въ законную принадлежность судебнаго процесса. Подсудимыхъ кормили по нѣскольку дней одною соленою пищей, не позволяя ничего пить, или заставляли проводить безъ сна 3, 4 и даже 5 ночей, пока обвиняемый, обезумѣвъ отъ истощенія, не признавался во всемъ, что на него взводили. Но это были только подготовительныя пытки. Настоящая пытка начиналась съ такъ называемаго жома: пальцы несчастныхъ сжимали до тѣхъ поръ, пока кровь не брызгала изъ ногтей. Вторую степень пытки составляли «испанскіе башмаки»—ими сжимали колѣна и икры до того, что кости ломались. Затѣмъ слѣдовала дыба. Пытаемымъ связывали руки назадъ и за веревку, охватывающую кисти рукъ, поднимали вверхъ по блоку, такъ что руки несчастныхъ, сломанныя и вывернутыя, поднимались выше головы. Для усиленія и безъ того уже невыносимыхъ мукъ, пытаемыхъ нѣсколько разъ быстро опускали и снова поднимали вверхъ. Иногда къ ногамъ висѣвшей жертвы привязывали различныя тяжести, или между ногъ вкладывали конецъ бревна, и на это бревно, по приказу судьи, становился палачъ и даже прыгалъ на немъ. Въ промежуткахъ между

пытками на дыбѣ снова употребляли жомъ, испанскіе сапоги, плеть, зажженую смолу и водку. И подобнымъ истязаніямъ подвергали даже беременныхъ женщинъ! Казни были такъ же варварски-жестоки, какъ и весь процессъ. Сжиганіе живьемъ, которому предшествовало разрываніе тѣла раскаленными щипцами, было во всеобщемъ употребленіи; затѣмъ слѣдовали колесованіе, четвертованіе, вырѣзываніе языка, висѣлица и т. п.

Вотъ какъ современный свидѣтель описываетъ тюрьмы тогдашняго времени:

«Тюрьмы помѣщались обыкновенно въ толстыхъ крѣпкихъ башняхъ, въ воротахъ, блокгаузахъ, въ подвалахъ, погребахъ, вообще въ глубокихъ, темныхъ, узкихъ, мрачныхъ конурахъ. Въ этихъ конурахъ устроены большія, толстыя доски, опускающіяся и поднимающіяся на винтахъ; въ нихъ продѣланы выемки, въ которыя продѣваютъ руки и ноги заключенныхъ, такъ что несчастные совершенно лишены употребленія этихъ членовъ. Въ другихъ тюрьмахъ существуютъ деревянные и желѣзные кресты, къ которымъ приковываютъ заключенныхъ за шею, спину, руки и ноги. Въ нѣкоторыхъ устроены толстыя, желѣзныя палки въ 5, 6 и 7 четвертей длины; съ каждой стороны такой палки придѣлано по желѣзной цѣпи, которой скованы за спиною руки заключеннаго; палки по серединѣ прикрѣпляются цѣпями къ стѣнѣ, такъ что заключенные постоянно должны находиться въ одномъ и томъ же положеніи. Иногда имъ, кромѣ того, привязываютъ къ ногамъ тяжелые желѣзные бруски, чтобы они не могли шевелить ногами. Въ иныхъ мѣстахъ продѣланы глубокія ямы, въ родѣ колодцевъ въ 15, 20 и 30 саженъ глубины, сквозь которыя поднимаютъ и опускаютъ заключенныхъ. Въ этихъ ямахъ и конурахъ такой холодъ, что ноги у арестантовъ совсѣмъ отмерзаютъ. Нѣкоторые заключенные находятся въ постоянномъ мракѣ, такъ что никогда не видятъ солнечнаго свѣта и не знаютъ, день ли, ночь ли; они съ трудомъ могутъ двигать членами, не могутъ лежать спокойно, окружены своими собственными испражненіями, имъ хуже, неудобнѣе каждой скотины, ихъ дурно кормятъ, они не могутъ спокойно спать, потому что ихъ осаждаютъ мрачныя мысли, безпокойство, дурные сны, страхъ и заразительныя болѣзни; ихъ мучатъ гады и насѣкомыя, кромѣ того, ихъ постоянно пугаютъ, оскорбляютъ и тиранятъ бранью, насмѣшками и угрозами тюремщики, палачи и ихъ помощники».

Изъ приведенныхъ краткихъ выписокъ можно видѣть, что въ этомъ отношеніи намъ нѣчему было позавидовать у своихъ цивилизованныхъ сосѣдей, а венеціанскія piombi врядъ-ли могли соблазнять кого-либо изъ узниковъ, томившихся въ нашихъ первобытныхъ острогахъ прошлаго столѣтія. Мы можемъ видѣть также, что понятіе о жестокости—понятіе относительное, и то, на что̀ хладнокровно смотрѣлъ судья ста-

рыхъ временъ, что даже считалъ необходимымъ аксессуаромъ судебнаго разбирательства, теперь навѣрное поставитъ въ конфузъ любаго прокурора, какъ бы ни былъ онъ ревностенъ въ отысканіи судебной истины. Для провѣрки этого положенія, мы смѣемъ посовѣтовать комунибудь изъ представителей судебной власти вообразить себя въ роли стариннаго судьи, присутствующимъ въ сыскномъ приказѣ при производствѣ допроса съ пристрастіемъ и отбирающимъ показанія подсудимаго при помощи встряски на дыбѣ, выламыванія членовъ, сдавливанія черепа, поджариванія тѣла горящими вѣниками и тому подобными прелестями стариннаго процессуальнаго ритуала. Какъ бы мы справились съ своими изнѣженными нервами, когда выдернутый зубъ, пораненный палецъ, видъ капли крови заставляетъ многихъ изъ насъ падать въ обморокъ?

Но обсуждая отношенія Петра къ виновникамъ стрѣлецкихъ бунтовъ, кромѣ силы привычки, вліянія обычая и завидной крѣпости нервовъ нашихъ предковъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ лицѣ стрѣльцовъ Петръ видѣлъ своихъ личныхъ враговъ, враговъ своего семейства и въ добавокъ того государственнаго идеала, который онъ намѣревался воплотить въ замѣну старыхъ, отжившихъ порядковъ. Онъ не могъ забыть, какъ эти московскіе янычары поднимали на копьяхъ обезображенные трупы его ближайшихъ родственниковъ, какъ съ буйными воплями пьянаго торжества они волочили эти окровавленные останки по грязнымъ улицамъ Москвы. Жестокія конвульсіи въ лицѣ Петра, которыя съ такимъ злорадствомъ подчеркиваетъ г. Мордовцевъ, остались, какъ неизгладимый слѣдъ, какъ вѣчное воспоминаніе о тѣхъ страшныхъ минутахъ, когда кровожадная толпа убійцъ рыскала въ покояхъ дворца, отыскивая даже подъ кроватью царицы несчастныхъ жертвъ, намѣченныхъ торжествующей партіей Милославскихъ.

Отсюда должна быть понятна та безпощадная месть, которой обрекъ своихъ враговъ молодой царь: такія сильныя натуры равно велики какъ въ любви, такъ и въ ненависти. Только кровью стрѣльцовъ, повинныхъ въ крови его родственниковъ, онъ могъ заглушить эту ненависть, и близъ него не было никого, кто могъ бы, кто имѣлъ бы необходимый авторитетъ поставить въ должныя границы его справедливый гнѣвъ.

Но кромѣ всего этого, уже изъ однихъ политическихъ разсчетовъ Петръ долженъ былъ уничтожить мятежное войско, традиціи котораго дѣлали его нетерпимымъ въ государствѣ: такъ долженъ былъ поступить Махмудъ II съ своими янычарами, и позднѣйшіе историки называли его за это умнымъ и дальновиднымъ политикомъ.

На отношеніяхъ Петра къ его первой супругѣ мы останавливаться

не будемъ; не будемъ также ссылаться на излюбленные, избитые примѣры Ивана Грознаго и Генриха VIII англійскаго. Но все же не можемъ не замѣтить, что для насъ чрезвычайно странно, какъ это г. Полевой не можетъ простить Петру того, что̀ въ наше время сдѣлалось такимъ зауряднымъ явленіемъ,—отчего то, что̀ прощаютъ талантливому выскочкѣ, Наполеону I, не хотятъ простить Петру, который имѣетъ за себя хоть то оправданіе, что его женили семнадцатилѣтнимъ юношей на нелюбимой женщинѣ, почти противъ воли и съ исключительной цѣлью, чтобъ онъ «не баловался»? Неужели чувства симпатіи и антипатіи, совершенно не зависящія отъ насъ, заслуживаютъ менѣе уваженія, чѣмъ честолюбивые разсчеты своего рода «мѣщанина во дворянствѣ»?

Перейдемъ къ отношеніямъ Петра къ сыну. Дѣйствительно, это печальная, исполненная глубокаго трагизма исторія: единственный сынъ и наслѣдникъ царя-преобразователя, благодаря невѣжественной, неразвитой, полуграмотной матери, попадаетъ въ руки враждебной партіи обскурантовъ и, въ силу ея вліянія, проникается ненавистью ко всему, чѣмъ жилъ и дышалъ его геніальный отецъ. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно, что Петръ, поставившій благо своего государства выше собственной личности, говорившій о себѣ: «а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога—жила бы только Россія», не задумался бы принести въ жертву своей идеѣ собственную жизнь. Поэтому, когда передъ Петромъ явилась такого рода страшная дилемма—или пожертвовать дѣломъ всей своей жизни и допустить Россію снова вернуться къ тѣмъ отжившимъ порядкамъ, къ тому китаизму и византійщинѣ, которые уже почти вычеркнули русскихъ изъ среды живыхъ прогрессирующихъ народовъ,—или поступиться сыномъ, по неспособности и лѣности, а болѣе всего по предубѣжденію, ставшимъ врагомъ дѣла, которому отецъ отдалъ всю свою душу—Петръ долженъ былъ выбрать послѣднее. Онъ не могъ колебаться, не могъ, въ угоду сыну и стоявшей за нимъ партіи фанатиковъ и обскурантовъ, отказаться отъ дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь, не могъ погубить для него и его близкихъ созданія рукъ своихъ, начинавшія уже тогда приносить давно и страстно ожидаемые имъ плоды; не могъ уничтожить то, что́ съ такимъ трудомъ создавалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, не могъ хладнокровно допустить, чтобъ все это было погублено, едва только закроются его глаза: это значило бы признать, что вся жизнь его прошла безполезно, что онъ потратилъ ее напрасно, напрасно подвергалъ себя тяжелымъ трудамъ и опасностямъ, даже рисковалъ жизнью—словомъ, всуе трудился. Энергическая натура Петра не была способна на такого рода компромиссъ. Онъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Александръ Македонскій, могъ завѣщать свое дѣло достойнѣйшему; онъ такъ и сдѣлалъ.

Но, можетъ быть, это дѣло потому поражаетъ такъ нашихъ высоконравственныхъ Вальтеръ-Скоттовъ, что на аренѣ всемірной исторіи оно стоитъ совершенно особнякомъ, что ему нѣтъ тамъ подобнаго? Къ сожалѣнію, дѣла такого рода далеко не представляютъ собою единичныхъ явленій. Даже въ той сферѣ, въ которой дѣйствовалъ Петръ, мы всего болѣе найдемъ подобныхъ примѣровъ. Не забиваясь въ глубь вѣковъ, не останавливаясь на такихъ фактахъ, какъ отношенія мрачнаго Филиппа II къ его сыну, Донъ-Карлосу, мы позволимъ себѣ указать на ближайшаго сосѣда и современника Петра, на прусскаго короля Вильгельма I. Его сынъ и наслѣдникъ, впослѣдствіи знаменитый Фридрихъ II, не раздѣлялъ грубыхъ вкусовъ своего отца къ пиву, табаку и солдатчинѣ, но посвящалъ свое время научнымъ занятіямъ, чтенію и музыкѣ. Этого было достаточно, чтобы отецъ возненавидѣлъ своего сына. Онъ сталъ преслѣдовать его на каждомъ шагу, оскорблялъ и даже билъ, какъ послѣдній сапожникъ. «Однажды утромъ, разсказывалъ Фридрихъ своей сестрѣ, когда я вошелъ въ комнату короля, онъ вдругъ схватилъ меня за волосы, бросилъ на землю, началъ бить и, несмотря на мое сопротивленіе, потащилъ къ ближайшему окну. Ему вздумалось разъиграть роль нѣмаго въ сералѣ: онъ взялъ шнурокъ отъ занавѣси и набросилъ мнѣ его на шею. Къ счастію, мнѣ удалось вскочить на ноги; я схватилъ его за руки и закричалъ. Камердинеръ пришелъ ко мнѣ на помощь и вырвалъ меня изъ его рукъ». Выведенный изъ терпѣнія такого рода обращеніемъ, Фридрихъ рѣшился бѣжать къ англійскому королю Георгу II, который приходился ему дядей по матери. Но попытка его не удалась. Онъ былъ схваченъ и приведенъ къ королю, который въ бѣшенствѣ бросился на сына съ обнаженною шпагой и, еслибъ не помѣшали присутствующіе, Фридриха навѣрно ожидала бы участь старшаго сына Ивана Грознаго. Тѣмъ не менѣе, за покушеніе къ побѣгу, заключенный въ Кюстринскую крѣпость, Фридрихъ, по настоянію короля, былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни; одинъ изъ друзей его, поручикъ Катте, былъ казненъ подъ окнами его тюрьмы. Только просьбы приближенныхъ лицъ и вмѣшательство иностранныхъ дворовъ (въ томъ числѣ и Петра I) остановили исполненіе приговора военнаго суда и спасли жизнь Фридриху.

Приведя эту исторію, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на слѣдующія обстоятельства: 1) Вильгельмъ ненавидитъ своего сына только за то, что тотъ читаетъ книги, пишетъ стихи и занимается музыкой; 2) бьетъ его, покушается даже удавить шнуркомъ отъ занавѣси; 3) за покушеніе къ побѣгу бросается на него съ обнаженною шпагой и затѣмъ приговариваетъ къ смертной казни, и 4) только вмѣшательство постороннихъ лицъ и лицъ, окружающихъ короля, спасаетъ жизнь Фридриха. Пусть читатель припомнитъ—таковы ли были отно-

шенія Петра къ царевичу Алексѣю Петровичу и также ли былъ ничтоженъ поводъ къ розни, возникшей между отцомъ и сыномъ? Пусть онъ также припомнитъ—за одно ли только покушеніе былъ судимъ царевичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что въ средѣ лицъ, окружавшихъ Петра, не только не оказалось такихъ, которыя приняли бы на себя защиту царевича, но нашлись даже лица, подобныя Толстому, какихъ, къ счастію Фридриха, не было при дворѣ его отца. Но главное, на что всего болѣе нужно обратить вниманіе—это тогдашнее состояніе русскаго государства. Въ то время, когда Пруссія пользовалась прочно установившимся порядкомъ, Россію раздирали внутреннія смуты, и борьба партій прогрессистовъ и консерваторовъ сопровождалась кровавыми заговорами и бунтами фанатическихъ сторонниковъ старины, во главѣ которыхъ, быть можетъ противъ намѣренія, только вслѣдствіе одной силы вещей, оказался несчастный царевичъ, и съ нимъ пришлось считаться, какъ съ предводителемъ партіи недовольныхъ, враждебной новому порядку въ государственной жизни Россіи. Мы увѣрены, что если читатель безпристрастно взвѣситъ всѣ эти обстоятельства, то онъ придетъ къ тому заключенію, что Петра не осуждать слѣдуетъ за это дѣло, но глубоко сожалѣть, сожалѣть тѣмъ болѣе, что надъ нимъ отяготѣлъ перстъ судьбы, тотъ самый fatum древнихъ трагиковъ, тотъ неумолимый рокъ, который такъ хорошо олицетворенъ ими въ полумиѳической исторіи несчастнаго Эдипа. Одиноко стоитъ на рубежѣ нашей новой исторіи исполинская фигура царя-труженика: даже въ собственномъ сынѣ нашелъ онъ не помощника, не продолжателя, но самаго страшнаго врага тому дѣлу, которому посвятилъ всю свою жизнь, отдалъ всѣ силы, всю энергію, въ пользу котораго отказался отъ личнаго счастья и покоя.

«Всѣ дѣла онъ дѣлаетъ одинъ», говоритъ о немъ датскій посланникъ Юстъ Юль («Русскій Архивъ» 1892 г. №№ 3—11), «ибо какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, долженъ самъ всѣмъ распоряжаться и притомъ рѣшать текущіе вопросы. Что же касается его невѣжественныхъ, грубыхъ подданныхъ, то отъ нихъ царь имѣетъ мало помощи, за то лично одаренъ совершеннымъ и высокимъ умомъ и такими широкими познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ».

Кстати, не мѣшало бы нашимъ доморощеннымъ Вальтеръ-Скоттамъ обращать побольше вниманія на свидѣтельства современниковъ Петра, подобныхъ только-что цитированному нами Юсту Юлю. Это, можетъ быть, застраховало бы ихъ отъ тѣхъ измышленій, которыя они выдаютъ за дѣйствительные историческіе факты. Иностранецъ, человѣкъ предубѣжденный противъ русскихъ, которыхъ считаетъ варварами, а потому едва не говорящій о нихъ словами древняго іудея: «можетъ ли быть что-либо доброе изъ Галилеи»,—Юстъ Юль съ перваго же свиданія съ

Петромъ проникается величайшимъ уваженіемъ къ его личности и затѣмъ, несмотря даже на нѣкоторыя непріятныя столкновенія съ нимъ, неизмѣнно сохраняетъ къ нему чувство самаго глубокаго почтенія и не находитъ для него другихъ сравненій, какъ только съ Александромъ Македонскимъ и Юліемъ Цезаремъ, личности которыхъ для него несомнѣнно воплощали въ себѣ все самое высокое, самое геніальное на землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ такія симпатичныя черты въ характерѣ Петра, которыя дѣлаютъ его совершенно непохожимъ на отвратительную фигуру «великана съ дубинкой», выводимую подъ именемъ Петра нашими Вальтеръ-Скоттами позднѣйшей генераціи въ ихъ «историческихъ» повѣствованіяхъ.

Описывая свое первое свиданіе съ Петромъ, Юстъ Юль говоритъ: «царь немедленно вступилъ со мной въ такой задушевный разговоръ, что, казалось, онъ былъ моимъ ровнею и зналъ меня много лѣтъ». Въ своихъ запискахъ онъ часто упоминаетъ о его простомъ и гуманномъ обращеніи съ людьми. «Какъ мнѣ говорили, пишетъ онъ, напримѣръ, «при полученіи добрыхъ и радостныхъ вѣстей, царь всегда спѣшитъ первый передать ихъ заинтересованному лицу и находитъ въ этомъ удовольствіе». Такъ онъ приводитъ слѣдующій примѣръ простосердечія и незлобивости Петра: «Камрадъ, сказалъ царь Юлю, послѣ ссоры на пиру,—отъ всего сердца прощаю вамъ то, въ чемъ вы, быть можетъ, предо мною виноваты, но прошу и васъ простить мнѣ, если я въ чемъ-нибудь провинился передъ вами, и позабыть прошлое». Противники Петра обыкновенно обвиняютъ его въ пристрастіи къ иностранцамъ, и это часто у нихъ самое главное обвиненіе; вотъ что́ говоритъ по этому поводу Юстъ Юль: «Царь никогда не назначаетъ начальникомъ иностранца, а всегда природнаго русскаго. Чтобъ заправлять дѣломъ и пускать его въ ходъ, царь сажаетъ подъ русскимъ иностранца, а русскій пожинаетъ лавры». Но лучшимъ наставникомъ и руководителемъ во всякомъ дѣлѣ былъ самъ Петръ. «Лицамъ, завѣдующимъ осадою Выборга, разсказываетъ Юль, успѣхъ достался легко, потому что, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Выборга, царь самъ осмотрѣлъ траншеи и каждому преподалъ нужныя наставленія - генералъ-адмиралу, инженерамъ и артиллерійскимъ офицерамъ: ибо его величество весьма прозорливъ, отлично знакомъ со всякимъ дѣломъ и имѣетъ вѣрный взглядъ на все. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ его указаній все было бы сдѣлано на-выворотъ». И поэтому Петру приходилось до всего доходить самому. «Большая часть королей, говоритъ Юль, своею славою обязаны совѣтамъ и содѣйствію разумныхъ и смышленыхъ людей, состоящихъ у нихъ на службѣ; между тѣмъ какъ царь, съ самаго вступленія своего на престолъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ почти что не имѣлъ помощниковъ вслѣдствіе чего поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ». И при этомъ онъ такъ

простъ, такъ доступенъ, такъ далекъ отъ византійской пышности и неприступности прежнихъ московскихъ царей. «Въ годовщину Полтавскаго сраженія, разсказываетъ Юль, царь въ соборѣ, по обыкновенію, всталъ среди пѣвчихъ, въ хорѣ которыхъ звучно и отчетливо пѣлъ, а потомъ вышелъ съ апостоломъ къ царскимъ вратамъ и громко прочелъ главу изъ посланія къ Римлянамъ»... «Царь работалъ на адмиралтейской верфи; а съ верфи пошелъ на вечеръ къ одному изъ своихъ корабельныхъ плотниковъ»... Онъ креститъ дѣтей у простыхъ солдатъ и матросовъ и празднуетъ у нихъ на крестинахъ и на имянинахъ. «Пожалуй, пишетъ онъ Меншикову, всѣмъ вышнимъ и нижнимъ офицерамъ и рядовымъ отдай поклонъ»...

И это тотъ самый Петръ, который, по словамъ его могильщиковъ, былъ чуть-ли не худшій между всѣми его окружающими!

Попытаемся провести небольшія параллели между нимъ и его современниками, останавливаясь преимущественно на тѣхъ чертахъ характера, которыя ставятся ему въ вину современными Вальтеръ-Скоттами и за которыми они не хотятъ видѣть въ немъ ничего добраго. Сначала мы посмотримъ на ту среду, въ которой Петру пришлось воспитываться и приготовляться къ государственной и общественной дѣятельности, посмотримъ, какіе примѣры онъ могъ видѣть въ дѣтствѣ и что́ могъ вынести изъ столкновеній съ окружающими его людьми.

«Русскій народъ, говоритъ Маржеретъ, не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ нельзя болѣе. Всѣ безъ изъятія мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ».

«Русскіе всякаго возраста, пола и званія, говоритъ Олеарій, до такой степени заразились страстью къ вину, что смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины валяются въ грязи по улицамъ. Ни одинъ не упуститъ случая вдоволь напиться, особенно горячаго вина. Не только чернь, но и бояре, самые послы царскіе, болѣе всѣхъ обязанные внушать уваженіе къ своему государю при дворахъ иностранныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ разсудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій посолъ царскій при дворѣ Карла IX, короля шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что наканунѣ аудіенціи найденъ былъ мертвымъ въ постели».

Флетчеръ и другіе иностранцы, посѣщавшіе до-Петровскую Россію, отзываются о русскихъ еще хуже, но иностранцы могли къ намъ относиться пристрастно: примѣръ тому современная нѣмецкая печать. Припомнимъ, что еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія извѣстный философъ Гегель подраздѣлялъ все человѣчество на два разряда: Men-

schen und die Russen!.. Поэтому посмотримъ лучше, какъ сами русскіе рисовали нравы своихъ соотечественниковъ въ данную эпоху.

«Мужчины, женщины, юные отроки и священнаго чина люди, говоритъ патріархъ Адріанъ, всегда упиваются; и виномъ, и табакомъ, и всякимъ питіемъ безъ сытости пьяны, и съѣдаютъ не только запрещенныя яства, но ревеніемъ и завистью другъ друга съѣдаютъ, убиваютъ, неправосудствуютъ и обижаютъ».

Вотъ, напримѣръ, каковы были нравы при самомъ дворѣ царскомъ. Побранились князья Долгорукіе съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ въ царскихъ хоромахъ. «Ахъ ты, пьяница! кричали они, не стѣсняясь мѣстомъ, въ которомъ находились:—ахъ ты, пьяница! да такихъ же собравъ пьяныхъ, водишь съ собою и, напоя держальниковъ своихъ, велишь бить брата нашего и водишь пьяную станицу не въ причинныя мѣста, куда и возить не надобно! Полно, увернулся за сани, быть было въ тебѣ ножу! Поди и теперь, вонъ братъ, князь Борисъ, дожидается у Спаса вверху: подери его за волосы; такъ изъ тебя и оходы вырѣжетъ. А се подь сюда: мы скорѣе вырѣжемъ и выпустимъ кишки и годовалыя дрожжи выбьемъ изъ тебя. Ты весь налитъ виномъ. Ты бы самъ, наливъ бѣлки, лучше объ уголъ ударился, чѣмъ брата нашего за волосы драть!»

«Русскіе, будучи народомъ грубымъ и неотесаннымъ, говоритъ Юстъ Юль, не умѣютъ отличать приличное отъ неприличнаго, и поэтому царю (т. е. Петру) приходится быть съ ними терпѣливымъ, въ ожиданіи того времени, когда они научатся, подобно другимъ народамъ, извѣстной выдержкѣ».

Но не одной грубостью и неотесанностію страдали русскіе. Стольники Владиміръ и Василій Шереметевы, князь Ухтомскій, Левъ и Григорій Ползиковы и Леонтій Шеншинъ на Москвѣ пріѣзжали середи бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ и домы ихъ грабили, и смертныя убійства чинили; княгиня Македонская «за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена»; стольника Всеволожскаго вдова Татьяна пріѣзжала къ Ѳефилатьеву «двора зажигать»; князь Александръ Крупскій битъ кнутомъ за то, что жену убилъ и т. д.

Мы могли бы привести множество примѣровъ въ подобномъ родѣ, но эти, первые попавшіеся подъ руку, достаточно иллюстрируютъ ту среду, въ которой приходилось развиваться и дѣйствовать молодому царю. Припомнимъ, что современный намъ поэтъ говоритъ о сравнительно недавнемъ прошломъ:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни свѣтской, человѣческой
Благотворное зерно.

Что же было тогда въ полудикомъ, невѣжественномъ обществѣ, въ которомъ даже простая грамотность была крайне рѣдкимъ явленіемъ, въ которомъ нравственность и религія замѣнялись одною обрядностью, лишенною смысла и содержанія? Другой современный поэтъ говоритъ съ горькимъ юморомъ:

По причинамъ органическимъ,
По завѣтамъ старины
Смысломъ здравымъ, юридическимъ
Мы совсѣмъ не снабжены!
Широки натуры русскія,
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ рамки узкія
Юридическихъ началъ.

Но иностранцы, укорявшіе насъ въ пьянствѣ, были сами нисколько не лучше насъ въ этомъ отношеніи, и не имъ кичиться передъ нами своимъ нравственнымъ совершенствомъ. Выше приведенная формула Гегеля доказываетъ только въ тысячный разъ, что и философъ не застрахованъ отъ глупости, особенно если ему вздумается смотрѣть на міръ въ пристрастныя очки узкаго націонализма.

Не будемъ останавливаться на нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ сосѣдяхъ. Вліяніе татаръ на наши нравы и обычаи слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы говорить о немъ еще разъ. Вопреки весьма распространенному мнѣнію о косности и предпріимчивости русскаго народа, онъ, какъ пчела, собиралъ, откуда могъ, все, что ему приходилось по вкусу; такъ и отъ татаръ онъ позаимствовалъ все, что показалось ему лучшимъ: широкія одежды и восточную лѣнь, раболѣпство и халуйство, батоги и кнутъ. Обратимся лучше къ другимъ нашимъ сосѣдямъ, съ которыми изстари русскіе имѣли постоянныя и довольно близкія сношенія. Мы говоримъ о полякахъ, которые тогда очень кичились передъ нами своею европейскою цивилизаціею. Посмотримъ, что говорятъ о себѣ сами поляки.

«Пьянство, разсказываетъ Матушевичъ, стало модой, равно господствующей, какъ подъ стрѣхой убогаго шляхтича, такъ и въ палаццо милліонера-магната». У гетмана Пацея всегда было разливанное море— и самъ онъ пилъ до того, что ночью, въ одной рубахѣ, присоединялся къ дворовымъ шляхтичамъ, кутившимъ въ сѣняхъ его дворца. Одного саксонскаго офицера онъ употчивалъ до бѣлой горячки, отъ которой тотъ скоро и умеръ. Гетманъ польный литовскій, Радзивилъ, во время маневровъ подъ Заблудовымъ, при встрѣчѣ Августа III, напился такъ сильно, что, провожая короля въ Бѣлостокъ, не разъ сваливался съ коня. Князь Карлъ Радзивилъ не любилъ пить изъ маленькой чарки, но вездѣ возилъ съ собою большой кубокъ, вмѣстимостію немного ме-

нѣе двухъ бутылокъ, и осушалъ его однимъ духомъ. Напившись пьянъ, онъ уходилъ въ каплицу и тамъ распѣвалъ молитвы до тѣхъ поръ, пока не засыпалъ или не вытрезвлялся. Пьянствомъ славились князь Янушъ Сангушко, каштелянъ Завихойскій, Борейко, коронный кравчій Адамъ Малаховскій, Мартинъ Матушевичъ, виленскій депутатъ Чижъ, маршалокъ Гурыньскій и множество другихъ. Комаржевскій и Швейковскій, напримѣръ, бились съ княземъ Любомірскимъ объ закладъ, что вдвоемъ выпьютъ бочку стараго венгерскаго, и выиграли пари.

Пьяные теряли разсудокъ и буйствовали. Тотъ же Радзивилъ, пьяный, въ высшей степени цинично оскорбилъ свою сестру; напившись вдвоемъ съ Пацеемъ, они стрѣляли изъ ружей въ проходившихъ мимо женщинъ. «Сущій адъ, говоритъ Матушевичъ, когда князь напьется съ своими пріятелями».

Отъ пьянства даже умирали. Такъ буквально опились виномъ подкоморій литовскій Мнишекъ, подстолій Ржевусскій, стародубровскій староста Завиша и многіе другіе.

Объ руку съ пьянствомъ шелъ необузданный развратъ. Въ Польшѣ, говоритъ Ширма въ своемъ дневникѣ, «co wieś, to zamtuz, a miasto Sodoma». Гетманъ Николай Потоцкій, разсказываетъ Іерличъ, больше радѣлъ о выпивкѣ, нежели о благѣ рѣчи посполитой; а по ночамъ, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, охотился за дѣвицами легкаго поведенія. Изъ-за пьянства и разврата, онъ погубилъ цѣлое войско Матушевичъ разсказываетъ, что сторонники Лещинскаго въ Кролевцѣ такъ широко пользовались удовольствіями, что почти всѣ заболѣли сифилисомъ. Кравчій литовскій Радзивилъ все время проводилъ среди любовницъ. У него былъ цѣлый гаремъ изъ женщинъ, похищенныхъ и отбитыхъ силой или купленныхъ у родственниковъ и господъ. Князь Карлъ Радзивилъ уже въ восемнадцати-лѣтнемъ возрастѣ перещеголялъ безчинствами и развратомъ записныхъ мастеровъ этого дѣла. Матушевичъ разсказываетъ, что коммиссаръ въ имѣніяхъ, принадлежащихъ Огиньскимъ, Велюньскій, обвинялся въ изнасилованіи пятидесяти дѣвицъ. У Петроконьскаго есть любопытное извѣстіе, что каноникъ Красовскій основалъ даже орденъ разврата и написалъ для него уставъ. Дамы не уступали въ этомъ отношеніи мужчинамъ и заводили любовныя связи съ монахами и гусарскими корнетами. Истощенные развратомъ прибѣгали къ возбуждающимъ средствамъ. Отъ подобныхъ средствъ даже умерли гетманъ Станиславъ Конецпольскій и графъ Станиславъ Потоцкій. Противоестественнымъ развратомъ, по словамъ Матушевича, прославился надворный маршалъ литовскій Янушъ Сангушко, подарившій одному изъ своихъ любимыхъ содомитовъ семнадцать деревень и городокъ Козьминъ...

Но довольно этихъ выписокъ. Приведенные факты достаточно показываютъ, что изъ сношеній съ тогдашнею Польшею мы не могли вы-

иести особенно нравственныхъ образцовъ. Но, скажутъ намъ ненавистники славянской расы, поляки такіе же дикари, какъ и русскіе, а ужь извѣстно, что люди дѣлятся на двѣ расы: die Menschen und die Russen...

Посмотримъ же, каковы были эти die Menschen, эти соотечественники Гегеля, о которыхъ даже и современныя свидѣтельства говорятъ, что они не особенно измѣнились съ тѣхъ поръ.

За исключеніемъ поляковъ, нѣмцы были самыми ближайшими нашими сосѣдями, и поэтому русскіе на первыхъ же порахъ столкновенія съ Европой должны были прежде всего ознакомиться съ европейскими обычаями — у нѣмцевъ. Вотъ какъ характеризуетъ нѣмецкіе нравы Ульрихъ фонъ Гуттенъ въ своемъ діалогѣ «Die Anschassenden:

Солнце. Вонъ собрались на совѣтъ государи и простые нѣмецкіе люди.

Фаэтонъ. Вотъ такъ совѣтъ! Стало быть, они и на совѣтъ, какъ въ драку, ходятъ пьяные?

Солнце. Да. Впрочемъ, есть между ними и трезвые, но за это земляки считаютъ ихъ чужими и презираютъ.

Фаэтонъ. Боже, какъ они шумятъ! какъ они бражничаютъ! какой невыносимый гвалтъ!

Дальше Фаэтонъ говоритъ: я вижу, тамъ голые мужчины и женщины купаются вмѣстѣ... Это не проходитъ, я полагаю, безъ вреда для ихъ цѣломудрія и чести.

Солнце. Ну, какой тутъ вредъ!

Фаэтонъ. Однако, я вижу, они тамъ цѣлуются.

Солнце. Это пустяки.

Фаэтонъ. Но они обнимаются.

Солнце. И это ничего: они зачастую и спятъ такъ, всѣ вмѣстѣ...

«Въ германскомъ дворянствѣ, говоритъ Шерръ, давно сохранялись варварскіе нравы среднихъ вѣковъ и исчезли только по мѣрѣ превращенія дворянъ въ придворныхъ по французскому образцу». Въ замкахъ своихъ дворянство предавалось глубокому кутежу, ссорилось, своевольничало, совершало разбойничьи подвиги. Швейнихенъ разсказываетъ, что существовали такъ называемые срамники, Unfläter, обязавшіеся клятвой, куда ни пріѣдутъ, дѣлать всякій срамъ, какой только могутъ. Они обязывались не молиться, не мыться и дѣлать всякія богомерзости.

Какъ и въ Польшѣ, пьянство было всеобщею модой въ Германіи. Швейнихенъ хвалится, что «онъ пріобрѣлъ пьянствомъ большую извѣстность и составилъ себѣ громкое имя, такъ какъ сколько ни пилъ, совсѣмъ не упивался». Бранденбургскій оберъ-камергеръ Куртъ фонъ Бургсдорфъ выпивалъ за обѣдомъ восемнадцать бутылокъ вина и хвалился, что, благодаря своей способности много пить, пріобрѣлъ не одну деревеньку отъ своего государя. Курфюрстъ Саксонскій, прощаясь съ

императоромъ Рудольфомъ II и благодаря за гостепріимство, съ простодушной откровенностью заявляетъ, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ въ гостяхъ у императора, онъ ни одного часа не пробылъ въ трезвомъ состояніи—до такой степени ему было весело...

Даже прекрасный полъ, говоритъ Шерръ, и притомъ самыя высокія и знатныя дамы вовсе не питали отвращенія къ доброму нѣмецкому «Schluk und Frunk». Графинѣ Аннѣ фонъ Штольбергъ, кведлинбургской игуменьѣ, для подкрѣпленія и услажденія, ежегодно требовалось три подводы вина; принцесса Анна Саксонская, дочь курфюрста Морица и жена Вильгельма Оранскаго, умерла отъ безпросыпнаго пьянства. При Саксенъ-Готскомъ дворѣ существовалъ уставъ «Hoftrink-Ordnung», т. е. порядокъ придворнаго питья. Тамъ, между прочимъ, въ § 9 говорится: «для утренняго и вечерняго питья нашей супругѣ подавать пива и вина, сколько пожелаетъ; для графинь и дворянокъ полагается утромъ четыре кружки пива и три вечеромъ». Затѣмъ количество отпускаемыхъ напитковъ уменьшалось параллельно съ мѣстомъ, занимаемымъ потребительницею въ придворной лѣстницѣ отличій и должностей. Такимъ образомъ возможность напиваться каждый день до-пьяна составляла привилегію высокаго званія и чина.

Уже сравнительно въ позднѣйшее время Билефельдъ такъ описываетъ придворныя развлеченія принца Фридриха прусскаго, впослѣдствіи знаменитаго короля Фридриха II. «Едва только мы сѣли за столъ, говоритъ онъ, какъ принцъ началъ произносить разные интересные тосты, на которые слѣдовало отвѣчать. Черезъ два часа мы почувствовали, что и самыя обширныя вмѣстилища все же имѣютъ дно и что въ нихъ нельзя постоянно лить вино, не давая ему никакого исхода. Необходимость заставила насъ забыть объ этикетѣ, и даже уваженіе къ присутствовавшей кронпринцессѣ не могло помѣшать намъ выходить освѣжаться въ сѣни. Передъ моимъ приборомъ стоялъ большой стаканъ воды. Когда я вышелъ, принцессѣ вздумалось сыграть надо мной злую, но милую шутку: она велѣла вылить воду изъ моего стакана и наполнить его шампанскимъ. Я уже потерялъ тонкость вкуса и, ничего не подозрѣвая, подливалъ себѣ вина въ вино. Чтобы довершить мою погибель, принцъ усадилъ меня рядомъ съ собой, разсыпался въ любезностяхъ, рисовалъ передо мною перспективу будущаго—насколько мои слабые глаза могли его видѣть—и при этомъ то-и-дѣло наливалъ мнѣ новые стаканы своего люнеля. Между тѣмъ прочее общество не меньше моего испытывало вліяніе нектара, лившагося потоками на этомъ банкетѣ. Одна изъ пріѣзжихъ дамъ, чувствуя себя такъ же неловко, какъ и мы, мужчины, вдругъ встала и удалилась на нѣсколько минутъ въ свою комнату. Мы нашли ея поступокъ геройскимъ и достойнымъ удивленія. Вино располагаетъ къ нѣжности. Мы осыпали возвратив-

шуюся даму изъясненіями въ любви. Наконецъ, нарочно или случайно, кронпринцесса разбила стаканы. Это было сигналомъ необузданной веселости и великимъ примѣромъ, которому мы не могли не подражать. Въ одну минуту стаканы полетѣли во всѣ стороны; весь хрусталь, фарфоръ, зеркала, подсвѣчники, посуда—все было разбито въ дребезги. Когда, наконецъ, веселость перешла уже въ безпорядокъ, принцъ, при помощи пажей, удалился въ свои комнаты».

Такимъ образомъ, оказывается, что московскіе саврасы въ своихъ безобразіяхъ подражаютъ ни-много-ни-мало самому Фридриху Великому...

Какіе нравы господствовали при германскихъ дворахъ, можно видѣть изъ того, чѣмъ, по словамъ Швейнихена, окончилось одно пиршество при Мекленбургскомъ дворѣ: «Кавалеры и дамы исчезли, разсказываетъ онъ, такъ что остались только двѣ дамы, я и еще одинъ кавалеръ, который началъ танцовать. Я послѣдовалъ его примѣру. Нашъ танецъ продолжался недолго. Мой добрый пріятель ускользнулъ съ своей дамой въ сосѣднюю комнату, и я отправился туда же, вслѣдъ за ними. Мы нашли въ комнатѣ двухъ кавалеровъ, лежавшихъ въ постели съ дамами. Кавалеръ, съ которымъ я только-что танцовалъ, также улегся въ постель съ своей дамой. Тогда я спросилъ даму, съ которой танцовалъ, что будемъ мы теперь дѣлать? она отвѣтила мнѣ по-мекленбургски: я также лягу вмѣстѣ съ вами на вашу постель. Я, конечно, не позволилъ себя долго просить объ этомъ».

Изъ этого разсказа читатель можетъ видѣть, что знаменитыя въ своемъ родѣ «похожденія англійскаго милорда Георга и маркграфини бранденбургской Луизы», которыми еще и понынѣ услаждаются наши кучера и дворники, составляютъ не что иное, какъ точнѣйшее воспроизведеніе нравовъ, существовавшихъ при германскихъ дворахъ въ доброе старое время. Sic transit gloria mundi.

Вотъ какъ лордъ Мальмсбюри отзывается о нравственности жителей столицы Пруссіи въ 1722 году: «По отношенію къ общественнымъ удовольствіямъ нѣтъ мѣста хуже Берлина. Это городъ, въ которомъ—если переводить fortis словомъ честный—нѣтъ ни vir fortis, ни femina casta (ни честныхъ мужчинъ, ни непорочныхъ женщинъ). Полная безнравственность господствуетъ среди лицъ обоего пола, во всѣхъ классахъ общества. Женщины—это гарпіи, павшія скорѣе отъ недостатка стыда, чѣмъ отъ недостатка чего-либо другаго. Онѣ отдаются тому, кто больше дастъ. Нѣжность и истинная любовь имъ чужды».

Позднѣе Георгъ Форстеръ такъ отзывался о жителяхъ того же города: «Гостепріимство и изящное наслажденіе жизнью превратились у нихъ въ развратъ, пьянство и обжорство. Женщины всѣ испорчены».

Послѣ такихъ отзывовъ, особенно забавно читать ламентаціи нѣ-

мецкихъ патріотовъ, что нравственность бѣдныхъ нѣмцевъ была испорчена французскими эмигрантами. Невольно является вопросъ: было ли что̀ портить?

Одинъ изъ такихъ патріотовъ, Лаукгардъ, разсказываетъ: «Я былъ свидѣтелемъ грустной нравственной порчи, занесенной французскими эмигрантами въ Германію. Въ Кобленцѣ, говорилъ мнѣ одинъ честный, старый трирскій унтеръ-офицеръ, съ двѣнадцатилѣтняго возраста нѣтъ болѣе дѣвушекъ; проклятые французы все такъ возмутили, что грѣхъ и стыдъ сказать. И это было совершенно справедливо: всѣ дѣвушки и всѣ женщины, не исключа̀я даже старыхъ монахинь, были развратны до невыносимости. Дочь одного купца сознавалась открыто въ обществѣ, что продала свою невинность одному французу за шесть каролиновъ. Нѣтъ, никогда прежде нѣмецкія дѣвушки не были испорчены до такой степени! (Вѣроятно, прежде онѣ продавались дороже). И вездѣ, куда ни попадали эмигранты, они дѣлали то же, что̀ въ Кобленцѣ. Весь бассейнъ Рейна отъ Кёльна до Базеля былъ зачумленъ и отравленъ этимъ отребьемъ человѣческаго рода».

Несчастные нѣмцы! Бѣдные «die Menschen»! Впрочемъ, и то сказать: какая же нѣмецкая добродѣтель можетъ устоять предъ шестью каролинами, въ особенности, если они хорошаго чекана и не обрѣзаны франкфуртскими мѣнялами?

Конечно, французскіе же эмигранты были виноваты и въ безнравственности нѣмецкаго духовенства. «Преемникъ Брейтенбаха на Майнцкомъ престолѣ, вѣтреный Эрталь,—говоритъ Шерръ,—открыто держалъ въ званіи обергофмейстерины любовницу, баронессу фонъ-Куденгофенъ, заставлялъ своего библіотекаря Гейнце читать себѣ романы, въ которыхъ яркими красками изображалось все сладострастіе грацій, и кровью страны питалъ толпу французскихъ эмигрантовъ, сдѣлавшихъ Майнцъ, подобно другимъ прирейнскимъ городамъ, вертепомъ порока. Безстыдство доходило до того при дворѣ архіепископа, что священники носили ленты своихъ крестовъ въ видѣ женскихъ дѣтородныхъ частей»... Но, однако, самъ же Шерръ проговаривается, что и раньше эмигрантовъ нравственность духовенства была не выше. «Мы не можемъ умолчать здѣсь,—говоритъ онъ,—объ одномъ замѣчательномъ фактѣ: при дворахъ духовныхъ лицъ, служившихъ прежде притономъ мрака и безнравственности, во второй половинѣ XVIII вѣка (только тогда!) начинаютъ показываться тамъ и сямъ свѣтлыя явленія». Причемъ же тутъ французскіе эмигранты? Очевидно, здѣсь повторяется исторія съ нѣмецкою невинностью.

Вотъ какъ Рисбекъ описываетъ благочестивую Баварію еще задолго до французскихъ эмигрантовъ: «Бюргеры, чиновники, духовныя лица,

студенты и крестьяне бранятся самыми скверными словами; всѣ соперничаютъ въ пьянствѣ, вездѣ рядомъ съ церковью стоитъ шинокъ и публичный домъ». И въ церквахъ, и въ шинкахъ, и въ публичныхъ домахъ съ одинаковымъ безстыдствомъ являлось самое грубое пьянство, самый грязный развратъ. «Тутъ попъ гладитъ рукою прекрасную грудь дѣвушки, полузакрытую нарамникомъ; тамъ сидитъ прелестный ребенокъ и держитъ одною рукой четки, другою – пр-апъ; эта женщина спрашиваетъ тебя, одной ли ты съ ней религіи, такъ какъ съ еретикомъ она не хочетъ имѣть дѣла; та, среди буйнаго разгула, вдругъ начинаетъ говорить о своихъ духовныхъ братьяхъ, о своихъ путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ, о пріобрѣтенныхъ индульгенціяхъ. Интересная сцена въ подобномъ родѣ произошла въ знаменитой церкви св. Маріи въ Оттинѣ: одинъ богатый священникъ передъ алтаремъ св. Маріи овладѣлъ дѣвушкой, за которой уже давно гонялся и которую могъ поймать только въ этомъ священномъ мѣстѣ».

Какъ видите, на французовъ только слава.

Вотъ какимъ образомъ Дюрръ въ романѣ, современномъ той эпохѣ, описываетъ нравы тогдашнихъ студентовъ: «Пробный годъ, слѣдуя обыкновенію, я провелъ безъ Бога, безъ совѣсти, безъ молитвы, непрерывно предаваясь дикому языческому карнавальному разгулу. Впрочемъ, напрасно я такъ выразился «языческому»: существовали ли когда язычники, которые бы вели подобную дьявольскую жизнь! Жрать, пьянствовать, шляться по улицамъ, швырять каменьями, выламывать окна, вламываться въ дома, осмѣивать честныхъ людей, тормошить новичковъ-студентовъ и разбойнически транжирить вмѣстѣ съ ними добро, нажитое потомъ и кровью ихъ родителей—таковы были мои ежедневныя занятія; объ ученьи я не заботился, да и когда было учиться?—все время было занято другими дѣлами. Прекрасный полъ при этомъ не былъ забытъ. Пеннали (настоящіе студенты, не фуксы) отличались безстыдствомъ и имѣли обыкновеніе прямо приступать къ дѣлу безъ всякихъ комплиментовъ, что весьма нравилось особамъ легкаго поведенія, и потому они имѣли къ этимъ особамъ болѣе свободный доступъ, чѣмъ другіе». Студенческія пѣсни того времени отличаются грубымъ безвкусіемъ и самымъ грязнымъ развратнымъ характеромъ. Вмѣстѣ съ самымъ развратнымъ поведеніемъ, кутежами и игрою, студенты были заражены позорнѣйшимъ суевѣріемъ, какъ это доказываетъ примѣръ іенскихъ студентовъ, устроившихъ въ 1715 году заклинаніе духовъ при добываніи клада. Годъ спустя въ Галле нѣсколько студентовъ вмѣстѣ съ публичными дѣвками устроили оргію, подъ конецъ которой стали богохульствовать, подражая страданіямъ Христа и наружному устройству Тайной Вечери. Упомянутый нами выше Лаукгардъ разсказываетъ о студенческихъ забавахъ, что между грубыми непристойностями, бывшими

въ модѣ въ Гиссенѣ, были особенно замѣчательны такъ называемое «генеральное испражненіе» и «страшное лицо». Первое устроивалось такъ: двадцать или тридцать студентовъ, напившись порядкомъ въ пивной, становились передъ домомъ, гдѣ жили женщины, навлекшія неудовольствіе, и по командѣ, со свистомъ, начинали всѣ вмѣстѣ мочиться, какъ животныя...

Но, кажется, этихъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть, что если нѣмцы не превосходили поляковъ пьянствомъ и безнравственностью, то во всякомъ случаѣ имъ не уступали. Кто же пожелаетъ подробно выяснить—чѣмъ die Menschen отличались отъ die Russen, тѣхъ мы отсылаемъ къ Шерру, Костманну, Штраусу, Гегенбаху и другимъ позднѣйшимъ историкамъ цивилизаціи въ Германіи: тамъ они увидятъ, что люди — всегда люди, и развитіе ихъ въ ту или другую сторону зависитъ отъ одинаковыхъ психологическихъ, соціологическихъ и міровыхъ законовъ.

О нравахъ французовъ, англичанъ и другихъ обитателей Западной Европы мы говорить не будемъ, во-первыхъ, потому, что это завело бы насъ слишкомъ далеко, а во-вторыхъ, вліяніе ихъ на русскіе нравы, въ силу географическихъ условій, могло быть только слишкомъ отдаленное, посредственное, благодаря китайской стѣнѣ, воздвигнутой нѣмцами на границѣ старой Россіи, для которой они долгое время служили единственнымъ связующимъ звеномъ съ Европой, вслѣдствіе чего простой народъ у насъ еще и теперь всѣхъ чужестранцевъ, только за исключеніемъ восточныхъ человѣковъ, называетъ собирательнымъ именемъ «нѣмецъ».

Для нашей цѣли довольно и тѣхъ выписокъ, которыя уже приведены нами. Читатели ясно могутъ видѣть изъ нихъ, что тѣ слишкомъ грубыя на нашъ взглядъ развлеченія и шалости, которыми забавлялись Петръ и его приближенные и за которыя такъ ожесточенно кидаютъ въ него грязью наши Вальтеръ-Скотты-могильщики, были совершенно въ духѣ того общества и той эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Петръ. За грѣхи цѣлой эпохи осуждать только одного его—слишкомъ неразумно, а требовать, чтобъ онъ опередилъ этическія понятія и идеалы своего времени слишкомъ на полтора или два вѣка — во всякомъ случаѣ недобросовѣстно.

Петру ставятъ въ вину его широкій грубый разгулъ, и особенно то, что онъ далъ этому разгулу организацію, въ лицѣ всепьянѣйшаго собора съ его папой, патріархами, владыками, съ его смиреннымъ архидіакономъ Петромъ, но при этомъ забываютъ, что русскій человѣкъ, несмотря на его кажущуюся простоту, часто представляетъ собой весьма хитрую загадку. Почему геніальный Суворовъ распѣвалъ пѣтухомъ и позволялъ себѣ другія странности, которыхъ никогда не дозволила бы себѣ жалкая

посредственность, заботливо сохраняющая свой наружный декорумъ именно для того, чтобы скрыть за нимъ отсутствіе всякаго внутренняго содержанія? Почему бы нашимъ новѣйшимъ Вальтеръ-Скоттамъ не обратить вниманіе хоть на то обстоятельство, что въ составъ всепьянѣйшаго собора входили только самые талантливые, самые умные, самые приближенные къ Петру люди? Не была ли это политическая комедія, которую державный архидіаконъ себѣ-на-умѣ разыгрывалъ съ своими quasi-патріархами для отвода чьихъ-нибудь глазъ? Не благодаря ли именно этой всешутѣйшей комедіи, простоватый Карлъ XII счелъ ничтожнаго Августа II опаснѣйшимъ союзникомъ и далъ время Петру и его птенцамъ настолько подрости и опериться, что подъ Полтавой они уже были въ состояніи заклевать самого Карла, того Карла, о которомъ Европа уже успѣла прокричать, какъ о геніальнѣйшемъ полководцѣ своего времени, но который собственно обязанъ своими временными успѣхами только тѣмъ военнымъ преданіямъ, которыя остались въ шведскомъ войскѣ со временъ Густава-Адольфа? Появившіяся въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ записки датскаго посланника Юста Юля, на которыя мы уже неоднократно ссылались, даютъ новое освѣщеніе этой потѣхѣ Петра: оказывается, что она существовала, между прочимъ, затѣмъ, что in vino veritas...

«Но что подѣлаешь съ такимъ царемъ! — говоритъ родоначальникъ нашихъ Вальтеръ-Скоттовъ-могильщиковъ, г. Мордовцевъ,—онъ (т. е. Петръ) такой былъ охотникъ до потѣхъ съ дѣтства—такимъ и остался».

Да, остался; но только до тѣхъ поръ, пока это было нужно. Тринадцать лѣтъ существовалъ всепьянѣйшій соборъ, но Петръ оперился, всталъ на ноги во весь ростъ, маска сдѣлалась болѣе не нужна, и соборъ распался.

«Но онъ, этотъ охотникъ до потѣхъ, былъ уменъ», проговорился г. Мордовцевъ, хотя и совершенно въ иномъ смыслѣ и по иному поводу. Да, уменъ; и вотъ именно на это свойство Петра и нужно было обратить вниманіе нашимъ Вальтеръ-Скоттамъ: тогда они не стали бы глумиться надъ его потѣхами. Это глумленіе было простительно его недальновиднымъ современникамъ, ослѣпленнымъ невѣжествомъ и фанатизмомъ, въ разгарѣ борьбы, когда разыгравшіяся страсти мѣшали хладнокровно обсудить совершающіеся факты; но что сказать о тѣхъ людяхъ, которые и черезъ полтора слишкомъ вѣка, прошедшихъ съ того времени, все еще не могутъ отрѣшиться отъ узкаго партійнаго взгляда невѣжественныхъ и своекорыстныхъ антагонистовъ Петра? Да, онъ былъ потѣшникъ, но потѣхи его имѣли глубоко разумное основаніе и во время нарвскаго пораженія, въ то время, когда вся русская армія постыдно бѣжала передъ шведами, только два полка потѣшниковъ сохранили честь русскаго оружія и, будь у нихъ тогда болѣе опытные

предводители, исходъ сраженія, по сознанію самихъ шведовъ, былъ бы совершенно иной.

Но довольно объ этомъ. Мы еще скажемъ нѣсколько словъ о потѣхахъ Петра, когда будемъ говорить о табачной коллегіи его ближайшаго сосѣда и современника, прусскаго короля Вильгельма I.

Самыми близкими сосѣдями Петра изъ современныхъ ему государей были: король шведскій, Карлъ XII, король польскій, курфюрстъ саксонскій, Августъ II, и только-что упомянутый нами прусскій король Вильгельмъ I, отецъ Фридриха II. О Карлѣ XII мы распространяться не будемъ; замѣтимъ только, что этотъ герой, имѣвшій особенную способность стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ, за что́ къ нему съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ къ Аннибалу, можно примѣнить классическую фразу: «vincere scis, Hannibal, victoria uti nescis», — этотъ герой въ юношескомъ возрастѣ залилъ кровью полъ и стѣны своего стокгольмскаго дворца, упражняясь въ благородномъ ремеслѣ мясника. Вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, Фридрихомъ голштинскимъ, онъ упражнялся на живыхъ баранахъ и телятахъ въ искусствѣ съ одного удара отрубать голову животному, въ ожиданіи случая примѣнить это искусство къ двуногимъ индивидуумамъ на бранномъ полѣ. Такого рода упражненія уже достаточно характеризуютъ этого недалекаго, но упрямаго и храбраго соперника Петра Великаго.

Король польскій, Августъ II, близкій сосѣдъ и союзникъ Петра, отличался такимъ необузданнымъ развратомъ, что даже трудно себѣ представить его государемъ христіанскаго государства, а не какого-нибудь королевства Ашантіевъ или Дагомеи. Его родная дочь, графиня Оржельская, была въ то же время и его любовницей, а до этого она была любовницей своего брата, графа Рутовскаго, одного изъ 354 побочныхъ дѣтей ихъ общаго отца и государя. Уже этого одного достаточно, чтобы характеризовать нравы, господствовавшіе при дворѣ Августа. Дворъ этотъ состоялъ изъ толпы фаворитовъ, кастратовъ, танцовщицъ, итальянскихъ, французскихъ и польскихъ развратницъ, побочныхъ дѣтей и алхимиковъ. При этомъ Августъ отличался безумною расточительностію, нисколько не заботясь о томъ, что разоренный имъ народъ страдаетъ отъ голода и дороговизны предметовъ первой необходимости. Съ какимъ цинизмомъ Августъ попиралъ всякій стыдъ, какъ постыдно издѣвался надъ нравственностью, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая. Августъ держалъ пари съ одною изъ своихъ любовницъ, графинею Козель, что можетъ выпустить монеты съ изображеніемъ ея дѣтородныхъ частей, и выигралъ это пари, приказавъ вычеканить гульдены, извѣстные въ нумизматикѣ подъ именемъ гульденовъ Козель.

Остальные дворы Германіи были немногимъ лучше. Вотъ какъ марк-

графиня Байрейтская рисуетъ нравы байрейтскаго двора. У пятидесятилѣтней Мессалины, маркграфини Софіи, супруги маркграфа Георга-Вильгельма, была дочь, возбуждавшая зависть матери своею красотой и добродѣтелью. Чудовищная мать рѣшилась погубить свое дитя. Она прибѣгла къ помощи нѣкоего Вобезера, камеръ-юнкера ея супруга, обѣщавъ ему 4.000 дукатовъ, если онъ соблазнитъ принцессу, и она забеременѣетъ. Такъ какъ обыкновенныя ухаживанія не имѣли успѣха, то маркграфиня доставила Вобезеру возможность спрятаться ночью въ комнатѣ принцессы. Ее заперли съ негодяемъ и, такимъ образомъ, несмотря на крики и слезы несчастной, ему удалось овладѣть ею. Опозоренная принцесса забеременѣла и родила двухъ близнецовъ. Маркграфиня тотчасъ схватила ихъ на руки и побѣжала разсказывать вездѣ, какая у нея развратная дочь...

Но ни одна изъ нѣмецкихъ земель не страдала отъ безнравственности своихъ государей болѣе Виртемберга. Виртембергскіе принцы, казалось, поставили себѣ задачею испытать, до чего можетъ дойти безнравственность и безстыдство. Герцогъ Леопольдъ-Эбергардъ женился сразу на трехъ своихъ любовницахъ; къ этому скандалу онъ присоединилъ еще и кровосмѣшеніе, переженивъ между собою тринадцать своихъ незаконныхъ дѣтей. Въ цисренанскомъ Виртембергѣ Эбергардъ-Людвигъ взялъ себѣ въ наложницы публичную женщину изъ Мекленбурга и возвысилъ ее въ званіе графини съ содержаніемъ въ 20.000 гульденовъ. Онъ даже формально женился на ней, несмотря на то, что его супруга, принцесса Баденъ-Дурлахская, была еще жива. Карлъ-Евгеній окружалъ себя итальянскими наложницами, женщинами до крайности безстыдными. Но сластолюбіе герцога, презиравшее и приличіе и нравственность, не довольствовалось подобными любовницами; онъ часто прибѣгалъ для удовлетворенія своей похоти къ насилію надъ женами и дочерьми своихъ подданныхъ, не щадя ни цвѣта невинности, ни семейнаго счастія, ни нравственности, ни женской чести.

Но довольно подобныхъ выписокъ: онѣ слишкомъ оскорбляютъ чувство человѣческаго достоинства, которое такъ жестоко попиралось въ ту безпросвѣтную эпоху. Нужны были бурныя грозы девяносто третьяго года, чтобы хоть отчасти очистить Европу отъ этихъ унизительныхъ гадостей. «Пьянство и гнуснѣйшій развратъ,—говоритъ Шерръ,—были въ то время самыми обыкновенными явленіями какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ кругу высочайшихъ особъ». И Шерръ совершенно правъ, произнося такой суровый приговоръ. Мы уже видѣли, до чего доходилъ цинизмъ при дворѣ Августа; герцогъ Лигницкій доводилъ свое безстыдство до такой степени, что не стѣснялся въ присутствіи пажей пользоваться правами мужа...

Наиболѣе нравственнымъ дворомъ, по крайней мѣрѣ въ то безнрав-

ственное время, благодаря личному характеру Фридриха-Вильгельма I, считался прусскій дворъ. Впрочемъ, и здѣсь король разъ позволилъ себѣ увлечься «благородною» страстью къ одной гоффрейлинѣ, но, вслѣдствіе своей неловкости въ подобныхъ дѣлахъ, вздумалъ начать романъ съ конца. Вслѣдствіе этого, пораженная неожиданностью красавица попотчивала его такой полновѣсной пощечиной, что король однажды навсегда рѣшилъ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ покушеній въ этомъ родѣ. Это была грубая, неотесанная личность. Вильгельмъ презиралъ науку и образованіе до того, что даже великаго Лейбница называлъ «ни на что негоднымъ человѣкомъ, неспособнымъ даже стоять на часахъ». Впрочемъ, этотъ честный Микель не любилъ лести и разъ, когда камердинеръ, читая вечернюю молитву, вмѣсто словъ: «Господь да благословитъ тебя!» изъ вѣжливости къ королю сказалъ: «Господь да благословитъ васъ!» король закричалъ: «собака, читай вѣрно! Предъ Богомъ я такой же песъ, какъ и ты». Но онъ былъ жестокій деспотъ какъ въ кругу семейства, такъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Его всѣ боялись. Одного еврея, который, испугавшись встрѣчи съ королемъ, вздумалъ убѣжать, онъ приказалъ высѣчь, приговаривая: «Не бояться, а любить, любить вы должны меня!» Насколько цѣлесообразенъ такой способъ возбужденія любви въ подданныхъ, предоставляемъ судить читателю. О томъ, какъ онъ обращался съ сыномъ, мы упоминали уже выше. За всѣмъ тѣмъ, это былъ лучшій изъ государей тогдашней Европы: онъ, по крайней мѣрѣ умышленно, не разорялъ своихъ подданныхъ, чего далеко нельзя сказать ни о прославленномъ свыше мѣры Людовикѣ XIV, ни о Карлѣ I англійскомъ, ни о Яковѣ II.

Единственнымъ развлеченіемъ Фридриха-Вильгельма была такъ называемая «табачная коллегія». Въ королевскихъ дворцахъ Берлина, Потсдама и Вустергаузена были устроены особенныя табачныя комнаты. Король проводилъ здѣсь цѣлые вечера въ обществѣ своихъ генераловъ, министровъ и прочихъ высокопоставленныхъ лицъ. Вся эта компанія, украшенная широкими орденскими лентами, усаживалась вокругъ большаго стола, на которомъ были разложены голландскія и прочія газеты. Всѣ были вооружены длинными голландскими глиняными трубками, предъ каждымъ стояла большая бѣлая кружка съ пивомъ. Пили ужасно много, и король отъ души радовался, когда могъ споить или довести табачнымъ дымомъ до дурноты своихъ коронованныхъ гостей. Главной забавой табачной коллегіи служилъ президентъ Берлинской академіи наукъ Гундлингъ, который постоянно былъ предметомъ самыхъ невѣроятныхъ штукъ, не разъ подвергавшихъ опасности самую его жизнь. Разъ, когда Гундлингъ былъ пьянъ, король велѣлъ положить къ нему на постель медвѣдя, и только случай спасъ несчастнаго президента академіи наукъ отъ смертоносныхъ объятій звѣря. Въ другой

разъ его комнату бомбардировали ракетами и шутихами. Часто, когда несчастный возвращался ночью изъ табакъ-коллегіи, дверь его комнаты оказывалась замурованной, и онъ напрасно отыскивалъ ее цѣлую ночь. Соперникомъ Гундлинга былъ Фасманъ, извѣстный авторъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. По приказанію короля, онъ сочинилъ сатиру на Гундлинга и прочелъ ее въ табачной коллегіи. Гундлингъ пришелъ въ такую ярость, что бросилъ въ лицо сатирику сковороду съ горячими угольями, приготовленными для закуриванія трубокъ. Тогда Фасманъ схватилъ противника, обнажилъ въ присутствіи короля извѣстную часть его тѣла и такъ обработалъ ее сковородой, что Гундлингъ нѣсколько недѣль не могъ сѣсть. Когда Гундлингъ умеръ отъ пьянства и былъ погребенъ въ винной бочкѣ, его мѣсто заступилъ магистръ Моргенштернъ. Между этимъ Моргенштерномъ, одѣтымъ въ шутовскую одежду, и профессорами Франкфуртскаго университета король устроилъ диспутъ на тему: «Всѣ ученые пустомели и дураки»..

III.

На этомъ мы можемъ покончить свои выписки, такъ какъ надѣемся, что ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы доказать нашу мысль. Изъ нихъ читатели могутъ легко убѣдиться, что тѣ черты характера, за которыя г. Мордовцевъ и другіе стараются забросать грязью свѣтлую личность Петра, были общими для людей того вѣка, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ. Жестокость, семейный деспотизмъ, пьянство, развратъ были тогда обыкновенными явленіями и въ общественномъ быту, и въ кругу коронованныхъ особъ. «Co wieś, to zamtuz, a miasto Sodoma», говоритъ Ширма о тогдашней Польшѣ; Шерръ, послѣ внимательнаго изученія Германіи XVII и XVIII столѣтій, выражается, какъ мы видѣли, еще энергичнѣе: «пьянство и гнуснѣйшій развратъ были въ то время самыми обыкновенными явленіями какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ кругу высочайшихъ особъ». Въ Польшѣ каноникъ Красовскій сочинилъ уставъ для ордена развратниковъ; въ Германіи этому ордену соотвѣтствовали такъ называемые срамники «Unfläter», существовали пьяные ордена «Sauforden» съ особо выработаннымъ уставомъ Jus potandi, быть можетъ, прототипомъ нашего всепьянѣйшаго собора; студенты тогдашняго времени пѣли:

Mihi est propositum
In taberna mori...

Мы могли бы еще болѣе подтвердить нашу мысль подробными выписками изъ скандалезныхъ хроникъ двора прославленнаго развратника и деспота Людовика XIV, изъ временъ регентства, оставившаго по себѣ не менѣе печальную память, или, наконецъ, изъ временъ Людовика XV, затмившаго своимъ развратомъ и мотовствомъ даже своего дѣда; затѣмъ мы могли бы перейти въ old merry England, къ двору Карла I и Іакова II; обильный матеріалъ доставили бы намъ итальянскіе дворы съ ихъ знаменитыми «куртизанками»—названіе, сдѣлавшееся на нѣкоторое время нарицательнымъ для особъ извѣстнаго рода; могли бы собрать массу жестокостей, совершенныхъ тогдашними правителями и судьями;—но, вѣрные своему первоначальному намѣренію, мы сочли возможнымъ ограничиться только ближайшими сосѣдями Россіи и тѣми выписками, которыя приведены нами выше.

Только на двухъ личностяхъ изъ среды царственныхъ современниковъ Петра мы остановились нѣсколько подробнѣе, на личностяхъ Августа II и Фридриха-Вильгельма I прусскаго. Но изъ приведенныхъ выписокъ читатели могли видѣть, что Августъ II далеко не составлялъ исключенія между тогдашними монархами Европы и что грубый, ограниченный деспотъ, превратившій царскій дворецъ въ грязную портерную, оказался самымъ нравственнымъ среди своихъ коронованныхъ собратій. Теперь мы позволили бы себѣ спросить нашихъ Вальтеръ-Скоттовъ-могильщиковъ, какое мѣсто по совѣсти отвели бы они Петру въ кругу всѣхъ этихъ коронованныхъ особъ? Не поставили ли бы они его выше ихъ всѣхъ, такъ какъ, имѣя съ ними общія нѣкоторыя отрицательныя стороны своего характера и дѣятельности, онъ безконечно превосходилъ ихъ своими положительными качествами, своей геніальностью, всесторонностію своихъ познаній и способностей, и тѣмъ благомъ, которое принесъ онъ своими неусыпными трудами своему невѣжественному и бѣдному государству? Или, можетъ быть, они все-таки не простили бы Петру его нѣкоторыхъ излишествъ—именно потому, что они слишкомъ просты и грубы? Но въ такомъ случаѣ развратъ, прикрытый внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ роскоши, въ ихъ глазахъ уже не развратъ, и человѣкъ, напивающійся до скотскаго состоянія благороднымъ венгерскимъ виномъ, уже не такъ отвратителенъ, какъ дикарь, захмѣлѣвшій отъ чашки огненной воды? Мы не можемъ раздѣлять этого взгляда. По нашему мнѣнію, развратъ—всегда развратъ, въ какихъ бы формахъ онъ ни проявлялся, и чѣмъ цивилизованнѣе и просвѣщеннѣе страна, въ которой онъ свилъ себѣ гнѣздо, тѣмъ онъ непростительнѣе.

Обратимся еще разъ къ Фридриху-Вильгельму. Мы видѣли уже его отношенія къ семейству и обществу, присутствовали на его развлеченіяхъ. Раньше мы уже провели небольшую параллель между нимъ и Петромъ Великимъ по поводу его отношеній къ сыну. Теперь позволимъ

себѣ только спросить: чѣмъ же табачная коллегія была лучше всепьянѣйшаго собора? Мы видѣли, что и тамъ «пили ужасно много» и что королю доставляло удовольствіе споить и довести до дурноты даже своихъ коронованныхъ гостей. Въ чемъ же разница? Развѣ въ томъ, что князя-папу въ табачной коллегіи замѣнялъ президентъ академіи наукъ? Но эта черта, по нашему мнѣнію, ставитъ табачную коллегію и ея учредителя далеко ниже Петра съ его всепьянѣйшимъ соборомъ. Можно осмѣивать невѣжество и фанатизмъ, можно осмѣивать заскорузлыхъ обскурантовъ, но относиться такимъ образомъ къ наукѣ, къ знанію—достойно только жалкаго, ограниченнаго мраколюбца, трепещущаго, чтобы лучъ свѣта не проникъ въ его затхлую казарму. Ставить на одну доску какого-нибудь патера Кукуфина и философовъ Лейбница и Вольфа простительно невѣжественному дикарю, а никакъ не королю quasi-цивилизованной страны. Совсѣмъ иначе относился къ наукѣ Петръ, этотъ геніальный самоучка, обязанный исключительно самому себѣ своими многосторонними знаніями и образованіемъ, которое ставило его въ число просвѣщеннѣйшихъ людей своего вѣка: онъ уважалъ и всячески ласкалъ ученыхъ людей, онъ старался привлечь ихъ въ свою полудикую страну, онъ звалъ къ себѣ того самаго Лейбница, котораго Фридрихъ-Вильгельмъ I считалъ никуда негоднымъ, онъ заводилъ школы, мечталъ объ учрежденіи университета и академіи наукъ, онъ указывалъ переводить нужныя книги, самъ редактировалъ ихъ и даже иногда самъ держалъ корректуру—и это при тѣхъ непрерывныхъ трудахъ и занятіяхъ, всесторонность которыхъ такъ поражала Юста Юля, утверждавшаго, что все, что дѣлается въ Россіи добраго и хорошаго, исходитъ отъ одного Петра, у котораго нѣтъ помощниковъ.

Но наши романисты держатся на этотъ предметъ другаго взгляда. «Нахватавшись верхушекъ цивилизаціи, говоритъ г. Мордовцевъ, державные и полудержавные дикари чувствуютъ себя уже «новыми людьми» и бросаются, сломя голову, въ отрицаніе старины,—своего рода нигилизмъ... Самые первые подвиги ихъ являются въ осмѣяніи старины, обряда, внѣшности. Сущіе Базаровы!».

Удивительный взглядъ! Точно авторъ проспалъ великое движеніе, происходившее передъ его глазами, и не понялъ, что когда въ жизни и въ религіи внутреннее содержаніе заглохло и иссякло подъ гнетомъ мертвящей обрядности, тогда самое первое, къ чему долженъ придти человѣкъ, сохранившій еще въ себѣ искру Божью – это отрицаніе, осмѣяніе, словомъ, борьба съ бездушной обрядностью, съ безжизненнымъ застоемъ, хотя бы они носили на себѣ всѣ признаки самой наидревнѣйшей старины? Неужели онъ не знаетъ, что безъ этого не возможенъ никакой прогрессъ въ человѣческомъ обществѣ?

Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ намъ останавливаться

на положительныхъ сторонахъ характера и дѣятельности Петра Великаго. Но для нашей цѣли было достаточно и того, чтобы обрисовать тотъ фонъ, на которомъ развилась эта колоссальная фигура, и до настоящаго времени, несмотря на двухъ-вѣковой промежутокъ, все еще тревожащая нашихъ Емельянокъ изъ Повѣнца и заставляющая ихъ извращать историческіе факты, съ цѣлью забросать грязью ненавистный образъ. Мы видѣли, что на этомъ мрачномъ фонѣ не проглядывала тогда ни одна свѣтлая точка, которая могла бы служить путеводною звѣздою. Къ этому мы должны прибавить еще, что даже тѣ свѣтильники, которые должны бы освѣщать пути, такъ смрадно дымили, что могли служить не помощью, а только помѣхою въ пути. Поневолѣ жаждущимъ свѣта и знанія приходилось искать ихъ не у своихъ, которые ихъ не знали, боялись и даже ненавидѣли, а у чужихъ, которые не считали тьму и невѣжество свыше опредѣленнымъ удѣломъ человѣка. Еще со временъ Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича дѣлаются слабыя, нерѣшительныя попытки исканія этого свѣта, и на Москвѣ появляются люди, подобные братьямъ Лихудамъ и Симеону Полоцкому. Но эти робкія попытки встрѣчали слишкомъ суровый отпоръ со стороны сильныхъ обскурантовъ, и нужна была могучая рука съ громаднымъ запасомъ энергіи, чтобы сломить это сопротивленіе лицемѣрнаго фанатизма, своекорыстія и грубаго невѣжества, этой стоглавой гидры, предсмертныя судороги которой наши Вальтеръ-Скотты-могильщики не могутъ простить Петру. Чѣмъ больше извивалась эта гидра, покрытая кровавою пѣной, въ безсильномъ бѣшенствѣ тщетно своими многочисленными жалами стараясь ужалить наступившую на нее пяту, тѣмъ бо̀льшимъ состраданіемъ и сочувствіемъ переполняются ихъ сердца къ безвременно погибшему мраку, когда безправіе, насиліе и разбой прекрасно уживались рука-объ-руку съ низкопоклонствомъ и лживою набожностью.

Обрисовавъ этотъ фонъ, мы перешли къ современникамъ Петра и остановились на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ тою цѣлью, чтобы читатель самъ могъ опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ Петръ въ средѣ своихъ коронованныхъ собратій. Если нѣкоторыя слабости, свойственныя тому разнузданному вѣку, были общими у Петра и его современниковъ, то пусть укажутъ намъ между всѣми этими лицами хоть одно, которое бы послужило благу своей родины съ такимъ самопожертвованіемъ, съ такимъ полнымъ забвеніемъ собственной личности, съ такою беззавѣтною преданностію своему дѣлу, наконецъ, съ такою не ослабѣвающей энергіей, какъ нашъ геніальный труженикъ, который въ безпрерывной работѣ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью, учась самъ и уча другихъ, успѣлъ на пространствѣ короткой человѣческой жизни развить дремавшія въ вѣковой косности силы народа и поставить въ число европейскихъ го-

сударствъ страну, подъ вліяніемъ несчастныхъ историческихъ условій забывшую свое прошлое и уже тяготѣвшую особенностями своего общественнаго и государственнаго быта болѣе къ косному азіатскому Востоку, чѣмъ живому энергическому Западу.

Пробѣгая страницы всемірной исторіи, мы не находимъ никого равнаго нашему Петру Великому и смѣло можемъ утверждать, что другой такой личности не было ни въ отдаленной древности, когда величіе измѣрялось количествомъ пролитой человѣческой крови, ни въ новыя времена, когда идеалъ полководца долженъ былъ уступить мѣсто идеалу правителя и законодателя.

Болѣе другихъ къ личности Петра подходитъ идеализированная преданіями и поэзіей личность Карла Великаго. Но различіе задачъ и цѣлей, къ осуществленію которыхъ стремились эти два геніальные государя, вноситъ глубокое различіе между дѣятельностію того и другаго: одному приходилось только охранять уже существовавшее государственное устройство; науку и цивилизацію, унаслѣдованныя отъ разрушившагося классическаго міра; другому приходилось создавать все вновь, самоотверженно вынося на себѣ одномъ ожесточенную борьбу съ невѣжествомъ и фанатизмомъ, и только личнымъ тяжелымъ трудомъ прокладая себѣ каждый шагъ впередъ, такъ какъ у него не было помощниковъ, подобныхъ прославленнымъ двѣнадцати пэрамъ Карла Великаго. Другой подобной личности, болѣе или менѣе близкой къ Петру, мы не видимъ и глубоко убѣждены, что въ настоящее время не найдется никого, кто вздумалъ бы серьезно сравнивать съ Петромъ ни того наивнаго эгоиста, именемъ котораго лесть и раболѣпство наименовали цѣлую эпоху, ни того коронованнаго комедіанта-философа, умѣвшаго пускать пыль въ глаза цѣлой Европѣ и подъ шумокъ ловившаго безъ помѣхи рыбу въ мутной водѣ, ни, наконецъ, того авантюриста, которому случай и счастье помогли основать на развалинахъ свободы свою недолговѣчную имперію. Здравая историческая критика настолько разоблачила этихъ прославленныхъ героевъ отъ ихъ мишурныхъ украшеній, что жалкій остовъ, скрывающійся подъ этою мишурою, уже ни въ комъ не можетъ возбудить къ себѣ ни уваженія, ни симпатіи.

Одиноко стоитъ на аренѣ всемірной исторіи гигантская фигура царственнаго работника. Чѣмъ болѣе всматриваешься въ его величественный образъ, тѣмъ болѣе сознаешь его печальное одиночество въ средѣ окружающихъ его людей, для которыхъ не были доступны ни высокіе идеалы, носимые имъ въ душѣ, ни великія цѣли, къ которымъ онъ стремился. Его государственная и общественная дѣятельность такъ многообразна, такъ всестороння, что на изученіе ея нужно положить цѣлую жизнь. Для того, чтобъ получить о ней опредѣленное понятіе, нужно

много серьезнаго, усидчиваго труда. Но трудъ, въ особенности серьезный, внимательный трудъ слишкомъ утомителенъ, тогда какъ пикантные анекдоты, потрясающія подробности даются безконечно легче. Масса не любитъ учиться; она предпочитаетъ, чтобъ ее развлекали. «on demanda, говоритъ Вольтеръ по этому поводу, pourquoi on aimait mieux lire l'histoire de Charles XII, qui a passé sa vie à détruire, que celle de Pierre le Grand, qui a consumé la sienne à créer. Nous conclûmes que la faiblesse et la frivolité sont la cause de cette préférence, que Charles XII fut le Don-Quichotte du Nord, et que Pierre en fut le Solon; que les esprits superficiels préfèrent l'heroisme extravagant aux grandes vues d'un legislateur; que les détails de la fondation d'une ville leur plaisent moins que la témérité d'un homme, qui brave dix mille Turcs avec ses seuls domestiques; et qu'enfin la plupart des lecteurs aiment mieux s'amuser que s'instruire». Именно поэтому наши Вальтеръ-Скотты-могильщики предпочитаютъ серьезному труду скабрезные анекдоты и преимущественно изъ этихъ послѣднихъ составляютъ свои историческія повѣствованія въ формѣ раздирательныхъ уголовныхъ романовъ, пикантныя подробности которыхъ пріятно раздражаютъ притупленные нервы скучающаго читателя. Поэтому они ведутъ свою публику не въ рабочій кабинетъ императора, въ которомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, раздумывая о благѣ своего народа, не въ сенатъ, не на корабельную верфь, а въ застѣнокъ Преображенскаго приказа или въ засѣданіе всепьянѣйшаго собора. Но достоинъ ли этотъ пріемъ сколько-нибудь уважающаго себя писателя?

Жизнь какъ отдѣльной особи, такъ и цѣлаго человѣческаго общества, неизмѣнно слагается изъ хорошаго и дурнаго, изъ печалей и радостей, словомъ—изъ добра и зла; еслибъ кто-нибудь, описывая эту жизнь, намѣренно обходилъ все хорошее и выбиралъ только одно дурное, то въ его описаніи не оказалось бы жизненной правды, потому что не было бы сходства съ дѣйствительностью. Еслибъ подобный методъ былъ приложенъ къ историческому роману или повѣствованію, то получился бы не романъ изъ жизни извѣстнаго историческаго лица и во всякомъ случаѣ не историческое повѣствованіе, а пасквиль, который далъ бы такое же понятіе объ описываемомъ лицѣ или эпохѣ, какъ если бы мы, желая познакомиться съ какою-нибудь интересною книгой по философіи или математикѣ, вздумали прочитывать только однѣ лѣвыя страницы, совершенно пропуская правыя—какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ о предметѣ можетъ получиться только смутное и даже превратное понятіе.

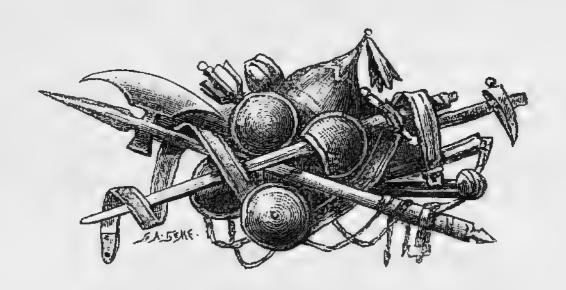
Не такъ поступали дѣйствительные художники: они не останавливались на однѣхъ только отрицательныхъ сторонахъ жизненныхъ явленій, но въ душѣ совершенно испорченныхъ жизнью, часто даже пре-

ступныхъ людей они съумѣли разглядѣть искру Божью и съумѣли найти такія положенія для своихъ героевъ, когда эта искра способна разгораться яркимъ пламенемъ. Возьмемъ для примѣра хоть Бретъ Гардта съ его калифорнскими бродягами и припомнимъ, какимъ яркимъ пламенемъ разгорается эта искра въ его прелестномъ разсказѣ: «Счастье Ревущаго Стана».

Вотъ какого отношенія къ жизни и человѣческой личности пожелали бы мы нашимъ Вальтеръ-Скоттамъ-могильщикамъ, если уже безпристрастное отношеніе къ историческимъ фактамъ для нихъ невозможно. Тогда по крайней мѣрѣ повѣствованія ихъ потеряли бы свой наркотическій, одурманивающій характеръ и вмѣсто того, чтобъ потворствовать низменнымъ страстямъ скучающей публики, могли бы будить въ ней болѣе человѣческія чувства, въ чемъ и состоитъ истинный долгъ каждаго уважающаго себя писателя.

Н. Соколовъ.

Пенза,
8 сентября 1893.



БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ.

(Эпизодъ изъ русской исторіи конца XVIII вѣка).

Въ концѣ іюня 1784 года петербургское придворное общество и иностранные послы были сильно взволнованы неожиданнымъ извѣстіемъ, полученнымъ изъ любимаго лѣтняго мѣстопребыванія императрицы Екатерины II, Царскаго Села. Обыкновенно отъѣздъ государыни въ это уединенное тогда мѣсто служилъ для всѣхъ временемъ какъ бы отдыха, потому что сама императрица проводила здѣсь время вдали отъ дѣлъ, развлекаясь прогулками и, какъ сама выражалась, «собственнымъ садоводствомъ», въ кругу самыхъ приближенныхъ лицъ. Новость была, дѣйствительно, по тогдашнему первѣйшей важности: оказалось, что совершенно неожиданно скончался безотлучно находившійся при императрицѣ ея 26-лѣтній генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Ланской. О томъ, что это былъ за человѣкъ и какую роль онъ отчасти игралъ при тогдашнемъ дворѣ и еще могъ играть впослѣдствіи, лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ письма (отъ 2 іюля 1784 г.) Екатерины II къ извѣстному германскому писателю Гримму: «Когда я начала это письмо я была счастлива и мнѣ было весело: дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются... Теперь уже не то: я погружена въ глубокую скорбь: моего счастія не стало!.. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери лучшаго моего друга... Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости... Это былъ юноша, котораго я воспитывала, признательный, съ мягкою душой, честный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ... Словомъ, я имѣю несчастіе писать

вамъ, рыдая... Не могу ни спать, ни ѣсть... Не знаю, что будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни не была я такъ несчастлива, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшій и дорогой другъ покинулъ меня».

И, дѣйствительно, смерть Ланскаго надѣлала и при дворѣ, и въ государственныхъ дѣлахъ столько хлопотъ, что почти всѣ потеряли голову. Хитрый дипломатъ Безбородко нашелся, кажется, прежде всѣхъ. Онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми наиболѣе близкими къ императрицѣ лицами уговорилъ ее вызвать Потемкина, бывшаго тогда въ своей Новороссіи, и даже успѣлъ въ этомъ настолько, что черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Ланскаго увѣдомлялъ этого вельможу, что императрица ждетъ его съ нетерпѣніемъ и что пріѣздъ его свѣтлости—единственное средство для прекращенія печали и душевнаго безпокойства государыни. Само собою разумѣется, Потемкинъ тотчасъ поспѣшилъ въ Петербургъ, куда въ особенности въ это время влекло его желаніе возстановить прежнее свое значеніе при особѣ императрицы, значеніе, передъ тѣмъ сильно поколебленное появленіемъ при дворѣ генерала Ланскаго.

Старанія Потемкина и его сторонниковъ оказались очень удачными; черезъ три мѣсяца императрица повидимому уже успокоилась; но всетаки писала тому же Гримму, что чувствуетъ себя по-прежнему «лишенною счастія», и только не ранѣе какъ почти черезъ годъ она извѣстила Гримма, что, наконецъ, въ ея домашнихъ дѣлахъ «возстановилась тишина и горизонтъ прояснился»; въ этомъ же письмѣ она извѣщала, что «сдѣлала надъ собой усиліе» и что у нея нашелся новый «другъ», человѣкъ «весьма способный и весьма достойный носить это имя»; кромѣ того императрица не безъ самодовольства извѣщала, что и прежніе друзья ея «не покидаютъ». Упоминаемый здѣсь новый «случайный человѣкъ», появившійся при дворѣ, былъ 30-лѣтній гвардейскій офицеръ, protégé Потемкина, Александръ Петровичъ Ермоловъ, родной братъ знаменитаго героя 1812 г. и Кавказа, генерала Алексѣя Петровича. Впрочемъ, этотъ «весьма способный и весьма достойный» счастливецъ пользовался при дворѣ вліяніемъ очень не долго; онъ скоро разошелся изъ-за чего-то съ могучимъ Потемкинымъ, да и сама императрица успѣла убѣдиться въ ограниченности его ума; черезъ годъ онъ получилъ «отставку» отъ двора, гдѣ въ теченіе года получилъ званіе флигель-адъютанта, до 1 мил. руб. деньгами и подарками, 6.000 душъ крестьянъ и двѣ польскихъ звѣзды. Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1836 г. Мѣсто его занялъ другой protégé Потемкина—27-лѣтній адъютантъ его—Дмитріевъ-Мамоновъ.

Но чѣмъ же такъ особенно отличился Ланской, что сразу, въ короткое время, пріобрѣлъ такое расположеніе Екатерины II, которое навѣрное создало бы въ будущемъ необычайное его могущество, если бы смерть рановременно не прекратила его дни?

Изъ сохранившихся свѣдѣній видно, что А. Д. Ланской принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи. Предокъ его, Францъ Ланской, выѣхалъ изъ Польши въ началѣ XVI вѣка и уже въ царствованіе сына Іоанна Грознаго, царя Ѳеодора Іоанновича, получилъ въ Россіи вотчину. Отъ этого Франца Ланскаго произошли три особыя вѣтви русской дворянской фамиліи Ланскихъ. Въ XVII столѣтіи младшая вѣтвь имѣла помѣстья въ Тульской области, а въ XVIII в. изъ нея же происходилъ нѣкто Дмитрій Артемьевичъ, служившій въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ поручикомъ; въ царствованіе Елисаветы Петровны (въ 1748 г.) этотъ Дмитрій Артемьевичъ за самоуправство, соединенное съ истязаніями родственницъ своего противника по процессу, былъ разжалованъ, но въ Семилѣтнюю войну онъ снова выслужился и въ 1772 г. принятъ былъ изъ отставки на службу съ назначеніемъ полоцкимъ комендантомъ; въ это время онъ имѣлъ уже чинъ бригадира. У этого Дмитрія Ланскаго было два сына и четыре дочери; изъ сыновей одинъ скончался въ молодыхъ годахъ, дослужившись, впрочемъ, до чина полковника; другой же,—Александръ, тоже скончался рано, но оставилъ память своимъ необыкновеннымъ счастіемъ. Отъ-то и есть герой нашего разсказа.

А. Д. Ланской родился 8 марта 1758 года. Получивъ обычное домашнее воспитаніе того времени, т. е. выучившись читать и писать по-русски, научившись говорить по-французски и танцовать, Ланской поступилъ въ гвардію въ модный тогда «кавалергардскій корпусъ». Въ то время кавалергарды имѣли особое значеніе; они не входили въ составъ гвардейскихъ войскъ, какъ нынѣ, а составляли особую почетную стражу при разныхъ придворныхъ торжествахъ. О значеніи этого «корпуса» можно было судить по тому, что самъ могущественный князь Потемкинъ въ чинѣ генералъ-аншефа и званіи вице-президента военной коллегіи дорожилъ званіемъ «поручика корпуса кавалергардовъ» и только въ февралѣ 1784 г., при производствѣ въ генералъ-фельдмаршалы съ назначеніемъ президентомъ этой коллегіи, получилъ званіе шефа кавалергардскаго корпуса. Неизвѣстно, во время ли службы въ кавалергардахъ, или же по другимъ обстоятельствамъ, но молодой Ланской вскорѣ послѣ вступленія на службу сдѣлался извѣстнымъ Потемкину. Это было въ началѣ 1780-хъ годовъ, когда кредитъ Потемкина чуть-чуть было не поколебался.

Дѣло въ томъ, что вліятельный въ то время protégé Потемкина 26-лѣтній флигель-адъютантъ императрицы, генералъ-маіоръ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, продержался при дворѣ не долго, главнымъ образомъ благодаря романической исторіи съ графинею Брюсъ, сестрою фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго. Графиня Брюсъ и Корсаковъ получили приказаніе отправиться въ Москву, куда обыкновенно

*

уѣзжали всѣ отставленные отъ двора вельможи; но случай этотъ невыгодно отразился и для князя Потемкина. Недоброжелатели Потемкина, пользовавшіеся всякимъ случаемъ повредить ему, спѣшили, чтобы при дворѣ теперь получилъ особое значеніе кто-нибудь изъ ихъ партіи, что́ отчасти и удалось генералу Толстому, который во время прогулки въ Петергофѣ обратилъ вниманіе императрицы на стоявшаго на часахъ красиваго офицера, къ которому въ особенности шелъ тогдашній кавалергардскій мундиръ: голубой съ красными отворотами и весь вышитый серебромъ. Императрица спросила о его фамиліи; Толстой доложилъ, что это Ланской. Но настоящее возвышеніе его началось нѣсколько позднѣе. На Пасхѣ этого же года сдѣлалось уже извѣстнымъ о томъ, что кавалергардъ Александръ Ланской назначенъ флигель-адъютантомъ при императрицѣ. Въ то время званіе это давало сразу огромныя преимущества; флигель-адъютанты считались въ чинѣ полковника, но сохраняли свое званіе и по производствѣ въ генералъ-маіоры; они носили особый мундиръ съ аксельбантами и вензелемъ императрицы; кромѣ того они имѣли право надѣвать мундиры всей арміи и могли оставлять свои полки и бригады во всякое время, даже въ военное, объявивъ только своему начальству, что отправляются къ своей должности ко двору. Ланскому въ это время только-что пошелъ 23-й годъ, но при всей своей представительности оказался человѣкомъ посредственнымъ; это чуть-чуть было сразу же не провредило начинавшейся его карьерѣ, но онъ по совѣту друзей своихъ поспѣшилъ задобрить могучаго Потемкина. При этомъ, по словамъ современныхъ біографовъ Потемкина, произошелъ инцидентъ, представляющій Потемкина съ несовсѣмъ выгодной стороны; онъ, говорятъ, согласился не мѣшать возвышенію Ланскаго, но потребовалъ отъ него подарка въ 200 тыс. руб., чѣмъ поставилъ Ланскаго за первыхъ порахъ въ затруднительное положеніе; этимъ однако же Потемкинъ не удовольствовался и вскорѣ же заставилъ Ланскаго купить одно изъ своихъ помѣстій за полмилліона рублей.

Какъ бы то ни было, но возвышеніе Ланскаго началось не по днямъ, а по часамъ. Тотчасъ же получилъ онъ обыкновенный подарокъ для «избранныхъ» флигель-адъютантовъ, а именно: 100 тыс. руб. на гардеробъ и собраніе медалей и книгъ по русской исторіи, изученіемъ которыхъ должно было заниматься очень усердно, потому что императрица часто любила бесѣдовать объ этихъ предметахъ; такой флигель-адъютантъ получалъ помѣщеніе во дворцѣ и казенный столъ по разсчету отъ 4 до 20 персонъ ежедневно; на содержаніе отпускалась новая сумма (по иностраннымъ источникамъ всегда не менѣе 300 тыс. талеровъ въ годъ) и кромѣ того всѣ родственники счастливца получали повышенія и многія милости. Въ томъ же 1780 году Ланской пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, что́ дало ему возможность

тотчасъ же зачислиться въ арміи чиномъ генералъ-маіора; черезъ годъ съ небольшимъ грудь его украсилась польскими звѣздами Бѣлаго Орла и Св. Станислава, которыя обыкновенно всегда сейчасъ же присылались королемъ Станиславомъ-Августомъ всѣмъ случайнымъ людямъ тогдашняго русскаго двора, и почти одновременно Ланскому пожалована была лента русскаго ордена св. Александра Невскаго. Въ слѣдующемъ 1783 году повышенія Ланскаго пошли еще быстрѣе. Въ началѣ этого года онъ получилъ русскій же (тогда впрочемъ называвшійся «голштинскимъ») орденъ св. Анны, затѣмъ чинъ генералъ-поручика и званіе шефа корпуса кавалергардовъ и шефа драгунскаго Смоленскаго полка. Въ этомъ же году Ланской сопровождалъ императрицу въ г. Фридрихсгамъ, гдѣ состоялось свиданіе Екатерины II съ королемъ шведскимъ Густавомъ III, причемъ послѣдній украсилъ Ланскаго орденомъ Полярной Звѣзды большаго креста. Наконецъ, въ февралѣ 1784 года Ланской удостоился получить самое важное придворное отличіе того времени—званіе генералъ-адъютанта при Ея Императорскомъ Величествѣ. Это званіе, въ то время получали только и то не всегда, генералъ-фельдмаршалы и генералъ-аншефы, и только одинъ Потемкинъ удостоился получить его въ чинѣ генералъ-поручика. Облеченныя въ званіе генералъ-адъютантовъ лица могли, кромѣ присвоеннаго имъ мундира, носить мундиры всѣхъ армейскихъ частей, кромѣ морскихъ; служба же ихъ была чередная по 8 дней, въ теченіе которыхъ они должны были находиться въ томъ дворцѣ, въ которомъ пребывала императрица, и исправлять тамъ должность коменданта. Къ нему поступали всѣ рапорты и ему были подчинены всѣ находившіеся во дворцѣ караулы. Очередной генералъ-адъютантъ ежедневно получалъ въ своемъ помѣщеніи столъ не менѣе какъ на 12 персонъ, хотя рѣдко случалось, чтобы онъ не былъ приглашаемъ къ общему столу государыни. Каждый очередной генералъ-адъютантъ носилъ особый знакъ своего высокаго достоинства,—черный жезлъ съ бантомъ изъ голубаго муаре и золотымъ набалдашникомъ, на верху котораго находился эмалевый черный двуглавый орелъ; этотъ жезлъ каждый разъ вручался вступавшему въ дежурство генералъ-адъютанту самою императрицею; обыкновенно смѣна происходила по воскресеньямъ, и государыня при этомъ сама назначала, кому быть дежурнымъ.

Одновременно со всѣми этими почестями увеличивалось и богатство Ланскаго. Современники насчитывали, что въ теченіе трехъ лѣтъ своего пребыванія при дворѣ (съ 1780 г.—1784 г.) Ланской получилъ только деньгами до 7 мил. руб., не считая цѣнныхъ подарковъ и брильянтовъ, о великолѣпіи которыхъ можно судить по тому напр., что одни пуговицы на его парадномъ кафтанѣ стоили до 80 тыс. руб. Независимо отъ этого, Ланской получилъ два дома въ Петербургѣ и домъ въ

Царскомъ Селѣ, и есть даже вѣрныя свѣдѣнія, что ему готовился графскій титулъ.

Понятно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили придворные и дипломаты за этимъ быстрымъ возвышеніемъ Ланскаго. Князя Потемкина не любили, но уважали; на другихъ случайныхъ людей тоже не обращали особеннаго вниманія, потому что почти всѣ они были люди, не подготовленные къ государственной дѣятельности и безъ природныхъ дарованій. Но Ланской явился опаснымъ для всѣхъ даже своихъ сторонниковъ съ той стороны, которой въ немъ и не подозрѣвали. Не обладая способностями, онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ при дворѣ, и всецѣло посвятилъ себя придворнымъ мелочамъ, стараясь въ то же время всѣми способами угождать императрицѣ. Придворныя хроники того времени говорятъ, что «по единогласнымъ отзывамъ всѣхъ знавшихъ его женщинъ, онъ былъ первымъ красавцемъ своего времени», но Ланской и это качество употребилъ въ свою пользу; между придворными дамами онъ прослылъ чѣмъ-то въ родѣ Іосифа... Все это вмѣстѣ привело къ желанному результату; Ланской сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ въ интимномъ кругу государыни, а это вызвало противъ него тотчасъ же интриги. Въ это время стали распускать слухи, что Ланскаго могъ бы замѣнить гораздо достойнѣйшій; даже называли этихъ будущихъ счастливцевъ. Серіозный наблюдатель этихъ событій, англійскій посолъ лордъ Мальмсбюри писалъ своему правительству по этому поводу: «Пока дѣла находятся въ такомъ положеніи: дворъ представляетъ картину смятенія и невнимательности, о которыхъ нельзя себѣ составить понятія, особенно потому, что Ланской велъ себя такъ безукоризненно, что не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы его отставить. Онъ не ревнивъ, ни непостояненъ, ни дерзокъ, не жалуется на немилость, приближеніе которой предвидитъ такимъ трогательнымъ образомъ, что государыня и ея довѣренныя лица равно озабочены насчетъ того, какъ отъ него отдѣлаться безъ жестокости». Главнымъ врагомъ Ланскаго, конечно, явился тотъ же Потемкинъ.

Однако интрига не удалась, и съ 1781 года кредитъ Ланскаго утвердился настолько, что спасовалъ даже самъ Потемкинъ. А Ланской продолжалъ искусно свою тактику. Стараясь притворяться безучастнымъ въ политическихъ дѣлахъ, Ланской изобрѣталъ всѣ способы обращать на себя постоянное вниманіе императрицы. Такъ, зная наклонность ея къ изящнымъ произведеніямъ искусствъ, Ланской прикинулся страстнымъ ихъ любителемъ. Счастье благопріятствовало ему настолько, что императрица сама пожелала руководить его занятіями. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму императрица такъ отзывалась объ этихъ занятіяхъ: «Этотъ молодой человѣкъ, при всемъ умѣ своемъ и умѣнья

держать себя, легко приходитъ въ восторгъ; притомъ же душа его горячая; чтобы дать понятіе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, скажу вамъ, что князь Орловъ отозвался о немъ одному изъ своихъ друзей: «вы увидите, какого человѣка она изъ него сдѣлаетъ!». Въ теченіе зимы онъ началъ поглощать поэтовъ и поэмы; на другую зиму—многихъ историковъ. Романы намъ наводятъ скуку, и мы жадно беремся за Альгаротти [1]) съ его товарищами. Не предаваясь изученію, мы пріобрѣтаемъ знанія безъ числа и любимъ водиться лишь съ тѣмъ, что есть наилучшаго и наиболѣе поучительнаго; кромѣ того мы строимъ и садимъ, мы благотворительны, веселонравны, честны и мягкосердечны».—Другіе, впрочемъ, были относительно Ланскаго инаго мнѣнія, и въ этомъ отношеніи весьма характеристиченъ отзывъ о немъ Безбородко въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову (въ 1789 г.); въ этомъ письмѣ Безбородко называетъ Ланскаго «сущимъ ангеломъ» сравнительно съ другимъ случайнымъ человѣкомъ, гр. Мамоновымъ, потому только, что Ланской «не слишкомъ усиливался вредить другимъ»... Суровый обличитель нравовъ XVIII вѣка, князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» говоритъ еще рѣзче: «Ланской жестокосердіе поставлялъ быть въ чести». Любопытенъ также отзывъ наблюдательнаго саксонскаго тайнаго совѣтника Гельбига, сохранившаго намъ любопытнѣйшія подробности о русскомъ дворѣ XVIII вѣка; онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи («Russische Günstlinge». Tubingen, 1809 г.), что значеніе Ланскаго въ глазахъ императрицы было безграничное; всякій сознавалъ, что ему стоило сказать слово, чтобы страшно навредить, и самъ Потемкимъ чувствовалъ, что его политическое бытіе зависѣло во многомъ отъ Ланскаго. Гельбигъ прибавляетъ, что со времени появленія при дворѣ Ланской постоянно хворалъ и, когда онъ умеръ, никто о немъ не жалѣлъ, потому что существованіе его для многихъ было вредно, не принесло никому пользы и сохранило только память, какъ о человѣкѣ, всю жизнь думавшемъ какъ бы хитростями и притворствами получить побольше богатствъ; безчувственность его ко всему, лично до него не касавшемуся, въ Ланскомъ была такъ развита, что онъ не хотѣлъ даже сдѣлать что-либо полезное для своихъ родныхъ.

Роль свою Ланской игралъ хорошо; ему постоянно везло; даже два несчастныхъ случая послужили ему въ пользу. Въ 1781 году, въ августѣ, въ царскосельскомъ дворцѣ молнія попала въ комнату, гдѣ былъ Ланской, и сдѣлала ему синякъ; другой разъ онъ на глазахъ государыни упалъ въ 1783 г. съ лошади и разбилъ себѣ грудь; оба эти слу-

---

[1]) Альгаротти—славный итальянскій писатель и знатокъ искусствъ (1712—1764 гг.). Фридрихъ Великій возвелъ его въ графское достоинство и поставилъ ему памятникъ въ Пизѣ.

чая вызвали душевное сожалѣніе императрицы и еще болѣе расположили ее къ Ланскому. Въ письмахъ Екатерины II къ Потемкину находимъ «поклоны отъ Саши» (т. е. отъ Ланскаго); это показываетъ опять то, какъ тактично держалъ себя этотъ послѣдній. Но изъ другихъ свѣдѣній узнаемъ, что тамъ, гдѣ было умѣстно, «Саша» пускался на своеобразныя хитрости. Въ перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ находимъ, напр., слѣдующія мѣста: «Генералу Ланскому смерть какъ хочется имѣть головку Греза; если вы достанете съ нея маленькую копію изъ эмали, онъ станетъ прыгать, какъ коза, и цвѣтъ лица его, всегда прекрасный, оживится еще болѣе, а изъ глазъ, и безъ того подобныхъ двумъ факеламъ, посыпятся искры»... «Каждое утро онъ шныряетъ по разнымъ мастерскимъ, гдѣ у него есть свои козлы отпущенія (souffre-douleur), которыхъ онъ мучитъ, словно каторжниковъ; съ полдюжины ихъ въ моей галлереѣ ежедневно работаютъ для него, и онъ доводитъ ихъ до изступленія». Зная, что предметы искусствъ, камеи и дорогіе камни тоже капиталъ, Ланской при каждомъ случаѣ не упускалъ случая сдѣлать цѣнное пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что императрица не жалѣла средствъ для его удовольствія. Услужливый нѣмецъ Гриммъ былъ въ этомъ дѣлѣ коммиссіонеромъ и, конечно, очень сожалѣлъ, когда по смерти Ланскаго Екатерина безъ церемоніи попросила остановить покупку дорого стоившихъ бездѣлушекъ. Не довольствуясь однимъ изученіемъ и пріобрѣтеніемъ цѣнностей, Ланской представлялъ изъ себя опытнаго художника и даже поднесъ императрицѣ «собственную работу»,—вырѣзанное на камнѣ изображеніе негритянки. Не лишены также значенія для характеристики Ланскаго и слѣдующія замѣтки въ письмахъ Екатерины къ Гримму: «Генералъ Ланской бываетъ радъ, какъ дитя, когда получаетъ письма отъ васъ; онъ ими хвастаетъ передо мною и говоритъ: «ко мнѣ пишетъ, а къ вамъ нѣтъ!» Позднѣе, она писала, что Ланской избралъ ее къ себѣ «въ секретари» и заставляетъ будто бы писать письма «подъ свою диктовку» и т. п.

Такимъ образомъ Ланской скоро достигъ того, чего не могли достигнуть другіе болѣе даровитыя, приближенныя къ Екатеринѣ II, лица, т. е. пріобрѣсти безусловное довѣріе ея; подтвержденіемъ этому лучше всего служитъ слѣдующій отзывъ ея о Ланскомъ въ тѣхъ же письмахъ къ Гримму: «Я ему (т. е. Ланскому) ежедневно говорю, что все ихъ племя отъ природы доброе; самъ же онъ перлъ изъ всего племени»... То же самое выразила Екатерина въ собственноручномъ письмѣ къ матери Ланскаго по случаю его смерти, писанномъ изъ Царскаго Села 25 іюня 1784 г.: «Ульяна Яковлевна! Вчерась, къ крайнему моему прискорбію, Александръ Дмитріевичъ, по пятидневной жестокой болѣзни, скончался. Зная, сколь поразитъ васъ сіе приключеніе, я желаю, чтобы Богъ послалъ вамъ крѣпость перенести печаль сію и сохранилъ бы васъ без-

вредно къ утѣшенію всего дома вашего. Будьте, впрочемъ, увѣрены, что я, помня незабвенно его ко мнѣ усердіе и преданность, сохраню на всегда мое истинное доброхотство къ вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто ему принадлежали». Наконецъ, самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, какого безграничнаго уваженія добился Ланской, служитъ то обстоятельство, что въ память его была выбита особая медаль; на одной сторонѣ ея изображенъ портретъ Ланскаго въ профиль съ надписью вокругъ: «Александръ Дмитріевичъ Ланской; ген.-пор. и ген.-адъют.», а съ другой—изображеніе пирамиды съ четырьмя тополями у подножія; на пирамидѣ вензель – A. L.; сверху надпись: «Въ память дружбы», а внизу: «Родился 1758 г. марта 8 д.; скончался 1784 года іюня 25 дня». Такая же медаль была сдѣлана съ надписями на французскомъ языкѣ.

Но отчего умеръ Ланской? Этотъ вопросъ долгое время служилъ для многихъ загадкой, потому что иностранные авторы мемуаровъ о Россіи XVIII вѣка часто изъ обыкновеннаго событія старались создать или романическій, или ужасный разсказъ. Такъ, съ легкой руки Массона, автора извѣстныхъ мемуаровъ о Россіи (изданныхъ въ Лондонѣ въ 1802 г.) пошелъ разсказъ, что Потемкинъ отравилъ Ланскаго; но обнародованная нынѣ переписка Екатерины II съ Гриммомъ и мемуары доктора Вейкарта, впервые напечатанные въ 1802 г. [1]), опровергаютъ всѣ легенды; ими же опровергается и сказка, нашедшая, къ сожалѣнію, мѣсто въ такомъ серьезномъ изданіи, какъ «Историко-Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, изд. С.-Петербургскимъ историческо-статистическимъ комитетомъ» (Спб. 1884 г., т. VIII, стр. 350). Въ этой сказкѣ передается, будто-бы Ланской отправился разъ на охоту за Царское Село; здѣсь неожиданно испугалъ его лошадь заяцъ, выскочившій изъ кустовъ; лошадь понесла и расшибла Ланскаго на смерть. Императрица будто бы видѣла все это съ балкона во дворцѣ и, когда Ланской умеръ, велѣла похоронить его на мѣстѣ катастрофы, основавъ при этомъ существующее въ Царскомъ Селѣ Казанское кладбище.

Въ дѣйствительности дѣло было такъ. Ланской никогда не отличался хорошимъ здоровьемъ; между тѣмъ онъ не берегъ себя, допуская разныя излишества; онъ любилъ неудобоваримыя кушанья, любимымъ напиткомъ его былъ пуншъ изъ токайскаго вина, смѣшаннаго съ аракомъ и ананаснымъ сокомъ. «Уже послѣ смерти Ланскаго», разсказываетъ д-ръ Вейкартъ, «его докторъ (гвардейскій врачъ Соболевскій) старался сдѣлать его Геркулесомъ при помощи кантаридъ. Со временемъ малый пріемъ (внутрь) уже не оказывалъ дѣйствія, вслѣдствіе

---

[1]) Извлеченія изъ нихъ находятся въ „Русскомъ Архивѣ" 1886 г., т. IV.

чего доза увеличивалась. Ланской въ самомъ началѣ своей болѣзни старался мазать себѣ тѣло и обкладывалъ пластырями, чего не соглашался дѣлать только съ шеею; а какъ извѣстно, шея находится въ прямой связи съ половыми частями, въ которыхъ онъ почувствовалъ страданіе при самомъ началѣ болѣзни. Возможно, что употребленіе кантаридъ расположило его къ ужасной болѣзни». Но собственно болѣзнію, сведшею въ могилу Ланскаго, была такъ называемая гнилая жаба или злокачественная скарлатина. Въ дополненіе къ этому приводимъ и разсказъ самой Екатерины о болѣзни Ланскаго изъ письма ея къ Гримму (изъ Царскаго Села отъ 14 сент. 1784 г.): «Изъ всѣхъ окружавшихъ генерала въ продолженіе этой злокачественной пятнистой горячки (fièvre maligne et pourprée), которая началась болью горла 19 іюня, я одна захватила горловую болѣзнь, отъ которой чуть было не умерла [1]). Представьте: въ этотъ самый день онъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что у него готовится опасная болѣзнь, отъ которой онъ не встанетъ. Я постаралась выбить у него эту мысль изъ головы, и мнѣ показалось даже, что онъ пересталъ думать о своей болѣзни. Въ половинѣ 5-го онъ ушелъ къ себѣ, въ 6-ть я вышла погулять въ садъ. Онъ пришелъ туда и вмѣстѣ со мной обошелъ вокругъ озера. Когда мы вернулись ко мнѣ въ комнату, онъ опять сталъ жаловаться, но просилъ меня съиграть обычную партію въ реверси; игра продолжалась недолго, потому что я видѣла, что онъ страдаетъ... Я посовѣтовала ему пойти къ себѣ и лечь въ постель; онъ такъ и сдѣлалъ... Врачъ нашелъ у него перемежающійся пульсъ и на другой день въ 7 часовъ поручилъ сообщить мнѣ, что онъ желалъ бы имѣть кого-нибудь изъ своей братіи для совѣщанія. Я послала ему Кельхена и отправила нарочнаго въ Петербургъ за Вейкартомъ. Къ полудню пріѣхалъ Вейкартъ; когда я узнала о его пріѣздѣ, я пошла къ больному, котораго нашла въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Вейкартъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Это нехорошо». Я сказала: «Что же это такое?»—Вейкартъ отвѣчалъ: «Злокачественная горячка,—и онъ умретъ».—Я сказала: «Неужели нельзя помочь? А молодость? А крѣпкое сложеніе»? [2])... Я позвала Кельхена; этотъ оказался болѣе политикомъ, но тоже не скрылъ своихъ опасеній. Между тѣмъ больной упорно не хотѣлъ ничего принимать; онъ далъ пустить себѣ кровь, поставилъ ноги въ воду, пилъ много воды и другаго питья, но не принялъ никакого другаго

---

[1]) Д-ръ Вейкартъ говоритъ, однакоже, что у государыни сдѣлалась только легкая боль въ горлѣ.

[2]) Въ своихъ запискахъ Вейкартъ говоритъ, что императрицѣ никто не разъяснилъ причины казавшейся силы организма Ланскаго. Она не знала что онъ пользовался возбуждавшими средствами.

лѣкарства. Въ четвергъ цѣлыя сутки онъ много спалъ, все лицо сильно опухло, и кончикъ носа побѣлѣлъ. Въ пятницу пріѣхалъ докторъ Соболевскій, его пріятель; онъ заставилъ его пить много холодной воды и давалъ ѣсть разваренныя винныя ягоды. Ни Вейкарта, ни другихъ онъ не хотѣлъ видѣть до самаго вечера, когда лихорадка усилилась съ жестокою тоскою. Въ субботу ему, повидимому, стало немного легче; но къ полудню началась рвота, рвало весь день, послѣ чего онъ сталъ икать и выступили багровыя пятна... Впрочемъ, въ субботу вечеромъ Вейкартъ приходилъ сказать мнѣ, что, если не послѣдуетъ прилива къ мозгу, больной, быть можетъ, еще и оправится.—Въ это время стояла сильная жара; въ воскресенье его перемѣстили въ болѣе прохладную комнату; онъ перешелъ туда на своихъ ногахъ... Въ три часа я пришла къ нему, и онъ говорилъ мнѣ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія, чувствуя себя очень худо наканунѣ. Въ это время онъ еще не заговаривался, но черезъ часъ у него открылся бредъ... Онъ называлъ всѣхъ по имени и отчеству; но между тѣмъ сердился на всѣхъ, что ему не хотятъ привести его лошадей и запречь ихъ въ постель... Такое раздраженіе подало намъ надежду, что его вырветъ желчью, но этого не случилось... Въ понедѣльникъ онъ сталъ слабѣть съ каждой минутой, я вышла отъ него, совсѣмъ ослабѣвъ»...

Смерть Ланскаго послѣдовала не въ присутствіи государыни. Это видно изъ приведеннаго письма, а также и слѣдующей выдержки изъ письма Безбородко кн. Потемкину (отъ 28 іюля 1784 г.): «Здоровье Ея Императорскаго Величества продолжаетъ быть въ такомъ состояніи, какъ я доносилъ вашей свѣтлости... Кровопусканіе сдѣлало, кажется, облегченіе. Изъ выпущенной крови первыя двѣ чашки были чрезвычайно инфламмированы. Боль въ горлѣ еще не проходитъ... Погребеніе (т. е. погребеніе Ланскаго) вчера по утру въ городѣ Софіи совершено. Сколько мы ни старались отправить его, взявъ всѣ распоряженія на себя и ни о чемъ не докладывая, но безпрестанно о томъ выспрашивали, а сіе только умножало болѣе печаль».

Странная судьба Ланскаго не прекратилась и послѣ его смерти. Саксонецъ Гельбигъ, вышеупомянутые разсказы котораго о случайныхъ людяхъ въ Россіи XVIII вѣка рѣзко выдѣляются по правдивости своей изъ ряда подобныхъ же повѣствованій другихъ его современниковъ, говоритъ слѣдующее: «Мечтательное юношеское желаніе Ланскаго быть погребеннымъ въ какомъ-нибудь романическомъ мѣстѣ Царскосельскаго сада было исполнено. Тѣло его похоронили въ саду, и мѣсто могилы означили простою, но дорого стоившею мраморною урною, которая видна была еще въ 1790 годахъ. Тѣло было оставлено тамъ до зимы;

но безнравственные злодѣи вынули тѣло изъ гроба, изуродовали и старались осквернить память умершаго позорными стихами, изобличавшими, однакоже, въ авторѣ дарованіе... Императрица, справедливо возмущенная этимъ, приказала положить гробъ его въ церковь близъ лежащаго городка Софіи, пока не была выстроена маленькая, но красивая часовня».—Если справедливо хоть кое-что о потревоженіи праха Ланскаго, то, въ виду приведеннаго выше письма Безбородки и оффиціальныхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ объ основаніи Царскосельской кладбищенской церкви во имя Казанской Божіей Матери, можемъ сказать, что дальнѣйшая часть легенды лишена основанія. Царскосельская кладбищенская церковь заложена 25 сентября 1785 года и освящена 8 марта 1790 года въ день годовщины рожденія А. Д. Ланскаго. Тѣло его было опущено въ землю въ 1784 г., т. е. еще до сооруженія храма, но, какъ видно изъ письма Безбородки, въ мѣстности, называвшейся городомъ Софіею, а не въ саду.

Очевидно, тутъ выходитъ какая-то путаница. Дѣйствительно, въ части Императорскаго большаго Царскосельскаго парка и теперь еще противъ дворца, въ такъ называемомъ «собственномъ Ихъ Величествъ садикѣ», можно видѣть монументъ, напоминающій о Ланскомъ. Это—родъ обелиска изъ розоваго мрамора. Долгое время не знали даже, что это за памятникъ, такъ какъ въ царствованіе Павла I съ него сняты были надписи, за исключеніемъ одной: «Коль велико удовольствіе честнымъ душамъ видѣть добродѣтели и заслуги, общими похвалами достойно вѣнчаемыя». Но теперь, съ возстановленіемъ даже изображенія Ланскаго, всѣмъ извѣстно, что это-то и есть памятникъ, сооруженный ему Екатериною и подавшій поводъ къ едва-ли вѣроятнымъ легендамъ. Что же касается могилы Ланскаго, то она находится тамъ, гдѣ и была во время погребенія; надъ нею высится теперь церковь Казанской Божіей Матери. Слѣдующая надпись вбита въ стѣну склепа: «Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ и кавалеръ-гардскаго корпуса и Смоленскаго драгунскаго полку шефъ, дѣйствительный камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Александръ Дмитріевичъ Ланской, родился 8 марта 1758 года, скончался 1783 года іюня 25 дня. По случаю кончины его сооружена сія церковь Екатериною Великой».

Замѣчательно, что въ надписи сдѣлана ошибка относительно года смерти Ланскаго. Въ самомъ храмѣ, въ углубленіи праваго клироса, поставленъ бѣлый мраморный памятникъ съ гербомъ Ланскаго: внизу надпись, что здѣсь же погребена сестра его Варвара Дмитріевна, въ замужествѣ за стат. сов. М. М. Мацневымъ.

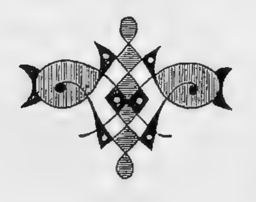
Авторъ, весьма извѣстной въ свое время, но мало достовѣрной книги Кастера (Vie de Catherine II, Paris. 1797, t. II) говоритъ, что императрица воздвигла Ланскому прекрасный мавзолей, и что по про-

шествіи двухъ лѣтъ придворные иногда замѣчали, что у этого памятника она заливалась слезами...—Другой иностранецъ передавалъ повторенное многими извѣстіе, что Екатерина по смерти Ланскаго даже надѣла по немъ трауръ...—Есть еще одинъ, но, кажется, болѣе другихъ достовѣрный разсказъ, хотя и заимствованный изъ иностраннаго источника (книга «Katharina die Zweite» 1797), что, умирая, Ланской все, что получилъ отъ императрицы, завѣщалъ возвратить ей же, но что государыня сама отказалась отъ этого и все передала его роднымъ, за исключеніемъ его библіотеки, собранія гравюръ и ландкартъ и другихъ драгоцѣнностей, за которыя выдала тѣмъ же родственникамъ соотвѣтственное денежное вознагражденіе.

Такова была жизнь этого «баловня счастія», оставившаго въ нашей исторіи только одно воспоминаніе: по его представленію государынѣ возстановленъ былъ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, въ которомъ въ 1784 г было до 400 воспитанниковъ (См. «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли», изд. 2, ч. 2-я, Спб. 1847 г., стр. 264). И только...

Въ заключеніе же нашего разсказа приведемъ слѣдующій анекдотъ. Въ «Запискахъ» своихъ извѣстный статсъ-секретарь Екатерины II, А. В. Храповицкій, откровенно признается, что разъ ему удалось въ 1792 году, т. е. черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Ланскаго, подглядѣть памятную записочку на столѣ императрицы Екатерины; въ этой записочкѣ было написано, чтобы, въ случаѣ смерти ея въ Царскомъ Селѣ, ее похоронили бы «на Софійскомъ кладбищѣ у Казанской Богородицы».

Н. Ширяевъ.



ИЗЪ БУМАГЪ СТАРАГО ПОМѢЩИКА.

I.

Наставленіе сыну моему Николаю Михайловичу Палицыну.

Марта 11-го дня, 1811 года.

1) Вставать всякое утро въ 6 часовъ, обуваться, умываться холодною водою и одѣваться поспѣшно; потомъ молиться Богу, полагая крестъ правильно, читая вслухъ, но не громко утреннія молитвы,— потомъ съ приличными поклонами, пожелавъ добраго утра предстоящимъ, въ 7 часовъ пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, что будетъ служить вмѣсто завтрака.

2) Въ 7 часовъ начинать ученіе и продолжать его, доколь выучишь урокъ, или какъ случится. Во всемъ ученіи никакими посторонними упражненіями, даже и мыслями не занимать себя, но все вниманіе обратить на урокъ, черезъ что скорѣе выучишь и лучше поймешь.

3) Въ 12 часовъ обѣдать и кушать простое кушанье, какъ-то: щи съ рѣшатнымъ хлѣбомъ, или что случится, жаркое и кашу; пить квасъ, а лучше, буде привыкнешь, хорошую воду. Во время стола сидѣть прямо, много не говорить, развѣ что необходимое, или на чей вопросъ говорить должно.

4) Послѣ обѣда до 2-хъ часовъ можешь заняться утѣшительнымъ упражненіемъ, какъ: играть на скрипкѣ, или фортопіано и пѣть, а въ 2 часа начинать учиться и продолжать такимъ же образомъ, какъ объ утреннемъ ученіи сказано, до 6-ти часовъ, или какъ нужда въ томъ настоять будетъ. Можешь часъ мѣста съ г. Греномъ гулять, дѣлая при томъ свои замѣчанія городу и прочему, что интересное глазамъ твоимъ попадетъ. Послѣ ученія и погулявъ, можешь опять заняться игрой и рисованіемъ, что и отдается въ твою волю. Въ 8 часовъ ужинать, тожъ, только на ночь не обременяй желудка, а въ 9 часовъ съ утренними правилами ложиться спать.

5) Къ учителямъ ходить или ѣздить вмѣстѣ съ г. Греномъ, который во время ученія твоего долженъ быть и возвращаться домой съ тобою. Во время преподаванія учителями уроковъ слушай со вниманіемъ; буде чего не понимаешь, можешь просить о повтореніи, хотя бы то и нѣсколько разъ случилось. Учителямъ изъявляй должное уваженіе, а въ наставленіяхъ, до наукъ и добрыхъ совѣтовъ относящихся, дѣлай безмолвное послушаніе.

6) Бѣлье перемѣняй въ недѣлю 2 раза, а потому бѣлье, одежда и обувь должна быть на тебѣ опрятна, вычищена, а не кой-какъ надѣта, ибо опрятство придаетъ человѣку веселую бодрость, а неопрятство дѣлаетъ всѣмъ гнусное отвращеніе, даже и самого себя повергаетъ въ презрѣнную ничтожность.

7) Въ воскресные дни ходи къ обѣдни, кою слушай со вниманіемъ, а особенно Евангеліе и Апостолъ, дабы ты зналъ подлинно знаменованіе ихъ; потомъ, привѣтствующихъ тебя ласково, посѣщай, а Григорья Андреевича Петрова чаще, яко начальника твоего по училищу, который можетъ разсудить иногда въ ученіи твоемъ, дѣлать тебѣ испытанія и во всѣхъ домахъ, въ кои ходить будешь, веди себя вѣжливо, смирно и учтиво.

8) На слугу своего не сердись и не бранись, а бить его и вовсе запрещается, но приказывай о должности повелительно, вѣжливо, со всякой скромной тихостью, но однакоже отнюдь не фамиліярно, чѣмъ пріобрѣтешь отъ него чистосердечную къ тебѣ любовь и повиновеніе.

9) Ежели случится говорить тебѣ съ посторонними, то разговоръ веди ясный съ учтивостью, не возвышая слишкомъ голоса, да и не унижая его, о тѣхъ только матеріяхъ, въ коихъ ты совершенно свѣдущъ, а о незнаемомъ совсѣмъ не говори, отзовись невѣденіемъ. Симъ единымъ средствомъ не попадешь въ болтливые дураки.

10) Бесѣды умныхъ людей (сирѣчь разговоры) со вниманіемъ слушай, замѣчая въ нихъ порядокъ здраваго разсужденія, дабы и тебѣ современемъ быть имъ подобнымъ.

11) Напротивъ того съ противоположными сему въ качествахъ своихъ не только знакомства не заводи, но и разговоровъ ихъ убѣгай, дабы и тебя не причли бы къ ихъ классу.

12) О новыхъ предметахъ, какіе глазамъ твоимъ попадаться будутъ, спрашивай приставника, не оказывая однако сильнаго удивленія, а также не пропускай безъ вниманія, ибо послѣднее будетъ означать тупость чувствъ твоихъ.

13) Съ однолѣтними себѣ, не узнавъ свойствъ ихъ, скоро не дружись, не говори съ ними о пустыхъ, ничего не значащихъ матеріяхъ, но обращайся только съ почтеніемъ, разговаривая о наукахъ и то тебѣ извѣстныхъ, о порядкѣ ихъ ученія, о музыкѣ и тому подобномъ.

14) Убѣгай лжи и пустословія, не разсказывай чего не видалъ и не слыхалъ, но говори сообразную понятію твоему единственную правду, или точно видимое, или слышанное, и то отъ правдиваго человѣка, коему во всемъ вѣру дать можно съ лучшимъ объясненіемъ безо всякой прибавки, ибо если тебя замѣтятъ одинъ разъ лжецомъ, то хотя послѣ ты и правду разсказывать будешь, вѣрить не будутъ, а жить безъ довѣрія между честными людьми совсѣмъ не можно, но долженъ уже ты въ знакомство свое пріискивать подобныхъ себѣ лжецовъ, съ коими въ столь гнусномъ и презрѣнномъ званіи вѣкъ свой влачить въ срамотѣ и безчестіи долженъ.

15) Будучи въ обществѣ, ни съ кѣмъ не шепчи, чужихъ разсказовъ, о комъ-либо въ худую сторону говоренныхъ, не одабривай, не только словами, но даже и мановеніемъ, или улыбкою лица, да и вовсе ихъ не слушай, дабы не почли тебя въ семъ злорѣчіи участвующимъ.

16) Въ разговорахъ не дѣлай смѣшныхъ тѣлодвиженій; шуточныхъ матерій часто не разсказывай, а особливо при не короткихъ людяхъ, ибо черезъ частое разсказываніе шутокъ сдѣлаться можешь шутомъ, а сіе названіе есть самое первое изъ подлѣйшихъ. При томъ гордымъ и надменнымъ не будь и не унижай себя ниже твоего званія, но держись середины, ибо въ обоихъ случаяхъ въ презрѣніе придешь.

17) Ежели случится тебѣ видѣть людей неблагообразныхъ лицомъ, или худо или неопрятно одѣтыхъ (что конечно въ жизни случиться можетъ), то отнюдь не показывай къ нимъ ни малѣйшаго презрѣнія, или насмѣшливаго вида, поелику видъ первой данъ природой, а послѣдній обремененъ видно бѣдностію,—слѣдовательно, ты долженъ единственно въ душѣ своей о нихъ пожалѣть и бѣдному, буде состояніе твое дозволитъ, помоги, и то сіе сдѣлай тогда только, когда узнаешь, что онъ отъ постороннихъ помощь принимаетъ, ибо весьма много есть бѣдныхъ, но благородныхъ и великихъ душевными качествами людей, кои и въ бѣдности не требуютъ ничьей помощи, но сносятъ терпѣливо, а посему въ послѣднемъ случаѣ должно поступать весьма осторожно.

18) Буде случится тебѣ по чьей-либо просьбѣ, или самопроизвольно, что кому обѣщать, то не обѣщай того, чего выполнить не можешь, а обѣщанное долженъ уже выполнить въ назначенный срокъ непремѣнно, и въ семъ-то случаѣ должно имѣть великую осторожность, дабы не назвали тебя обманщикомъ и невѣрнымъ человѣкомъ въ обѣщаніяхъ. Старшихъ себя лѣтами, а особливо престарѣлыхъ, уважай, въ собраніяхъ впередъ ихъ не ходи, садись всегда ниже ихъ, говори съ ними почтительно. Обязанъ ты кланяться имъ напередъ, не дожидаясь отъ нихъ себѣ поклона, да и всякаго состоянія людямъ, почтившимъ тебя поклономъ, долженъ ты отвѣтствовать равномѣрнымъ поклономъ. Начинающаго съ тобою говорить ты долженъ выслушать матерію его со

вниманіемъ до конца, не перебивая его рѣчей и тогда на предложеніе отвѣтствуй съ благопристойной участливостью и рѣшимостью.

19) О порокахъ своихъ (ежели они за тобою сверхъ всякаго чаянія моего будутъ) никому это въ похвалу свою (какъ и многіе пороками хвалятся) не разсказывай, но скрывай отъ всѣхъ и старайся исправиться отъ нихъ.

20) Ни про кого дурно не говори, а ежели ты и будешь вѣдать о чьихъ-либо порокахъ, то ими исправляй себя, ибо нѣтъ лучше учителя къ исправленію, какъ видѣть порокъ въ другомъ человѣкѣ. Я бы привелъ тебѣ много къ сему примѣровъ, но оставлю на будущія времена.

21) Зависти, мнѣ нетерпимой, отнюдь не питай, ибо какъ всѣми дарами, то-есть честію, богатствомъ и прочимъ награждаетъ по достоинствамъ каждаго Богъ, слѣдовательно, завидовать—есть негодовать на Бога, ибо когда и ты будешь того достоинъ, то и тебѣ все оное со временемъ дастся, а завидовать можешь только въ одномъ случаѣ, а именно: когда видишь ты моложе себя, или равнолѣтнихъ съ равными твоему талантами и дарованіемъ, учатся лучше тебя, то и въ семъ случаѣ зависть свою можешь удовольствовать прилежнымъ ученіемъ, чѣмъ и зависть твоя кончится.

22) Въ среды и въ пятницы и во всѣ посты дома скоромнаго не ѣшь, а въ людяхъ кушай, что поставятъ; по словамъ св. апостола: предлагаемое да ядимъ, или: не сквернитъ входящее въ уста, но изъ устъ.

23) Въ собраніяхъ не показывай унылаго лица, да и слишкомъ радостнаго, дабы не привлечь много вопрошающихъ, что съ тобой сдѣлалось? то-есть отчего ты печаленъ, или слишкомъ радостенъ. Вотъ тебѣ, сынъ мой, даю отцовское наставленіе мое, приличное теперешнимъ твоимъ лѣтамъ, а съ возвышеніемъ лѣтъ твоихъ и понятій (буде живъ буду!) соображаясь со временемъ и обстоятельствами, еще дополнять буду съ пространнымъ уже всего объясненіемъ, а теперь ты выполняй оное со всякой точностью, чѣмъ пріобрѣтешь мою къ себѣ любовь и уваженіе, ибо ничто для отца утѣшительнѣе и пріятнѣе быть не можетъ, какъ видѣть сына отъ честныхъ людей по добрымъ его качествамъ и поведенію уважаемаго и въ лучшемъ мнѣніи у общества. Ежели изъ предложенныхъ пунктовъ, какого ты не разумѣешь, то проси учителей о растолкованіи тебѣ ихъ, особливо Дм. Сем. Борзенкова.

М. Палицынъ.

II.

Наставленіе сыну моему Николаю Михайловичу Палицыну.

17-го іюля, 1815 года.

Я разсудилъ, судя по лѣтамъ твоимъ и довольному росту, отправить тебя одного съ слугою въ Дерптскій университетъ на почтовыхъ, что и предписываю тебѣ исполнить.

1) По пріѣздѣ въ Орелъ остановиться на квартирѣ и, одѣвшись во фракъ, идти къ губернатору, коему подай мое письмо, проси у него до Дерпта на двѣ лошади подорожнюю. Буде онъ потребуетъ еще какое о тебѣ доказательство, то ты подай земскаго суда свидѣтельство на проѣздъ тебѣ до Дерпта, тебѣ данное. За подорожнюю долженъ ты заплатить въ казну деньги, то плати не мелкими, а крупными ассигнаціями, а мелкія береги на прогоны. Получа подорожнюю, пошли на почтовый дворъ за лошадьми и на нихъ, не мало не мѣшкая, отправляйся въ путь, а своихъ лошадей, чтобъ выкормя, вели домой.

2) Во время дороги веди себя смирно, съ ямщикомъ и на станціяхъ съ приставами не бранись, но обходись вѣжливо, а притомъ и скоро очень ѣхать ямщика не принуждай, но только рысью. Изъ всѣхъ городовъ, черезъ кои ты поѣдешь, пиши ко мнѣ, а ежели въ которомъ не застанешь почту, или пріѣдешь въ непочтовый день, то оставляй письмо у почтмейстера и проси о пересылкѣ.

3) Отъ самой Глушицы [1]) и до Дерпта веди вѣрный журналъ вояжа своего, помѣщая все достойное вниманія, и притомъ описывай погоду, дорогу, урожай хлѣбамъ всѣхъ родовъ и цѣны онымъ, а особливо овсу, сѣну и съѣстнымъ припасамъ по всей дорогѣ, разстояніе станціи отъ станціи и города отъ города и всему интересному, и съ того журнала копію ко мнѣ доставь.

4) Пріѣхавъ въ Дерптъ, остановись на квартирѣ, узнай, какъ зовутъ директора университета и фамилію, что и надпиши на пакетѣ, въ тотъ же самый день, взявъ съ собою аттестатъ и свидѣтельство о дворянствѣ, явись къ нему, подай ему письмо мое и проси объ опредѣленіи тебя въ Дерптскій университетъ. Ежели онъ велитъ подать (о томъ)

---

[1]) Глушица—имѣніе Михаила Борисовича Палицына, Орловской губ. Елецкаго уѣзда, приходомъ въ село Свишни, было продано Ник. Мих. Палицынымъ г. Кожухову и отъ Кожухова перешло къ г. Турбину.

просьбу, то попроси кого изъ опытныхъ написать ее и, ни мало не медля, подай. Потомъ пріищи себѣ у нѣмца, или у учителя, но честнаго человѣка квартиру съ содержаніемъ тебя столомъ, чаемъ и со слугою и прачкой, а договаривайся помѣсячно, ибо въ теченіе мѣсяца можешь обо всемъ узнать подробно и со мною снестись, или нарочно сходи къ директору и проси въ разсужденіи квартиры наставленія его, у кого онъ присовѣтуетъ тебѣ жить, и буде назначитъ кого, то и договаривайся съ нимъ помѣсячно же, а на какихъ кондиціяхъ кончите и помѣщеніемъ и будетъ ли какая наука при томъ, пиши ко мнѣ.

6) О наукахъ, какія, какъ и для чего надобно учить, я ничего здѣсь тебѣ не напоминаю, потому что о нихъ много наставленій тебѣ дано, то и совѣтую прочитывать ихъ и слѣдовать имъ.

7) Веди себя опрятно, платье и обувь, чтобъ всегда было чисто, ибо опрятность придаетъ бодрость, а худое дѣлаетъ великое отвращеніе, а потому и нужно тебѣ оную наблюдать.

8) Знакомства короткаго отнюдь ни съ кѣмъ не заводи и пока не обживешься и не узнаешь людей въ точность, ни къ кому не ходи и къ себѣ никого не зови, но бесѣдуй съ книгами и хозяиномъ, а въ хорошее и свободное время прогуливайся, ибо въ незнакомомъ городѣ знакомиться надобно весьма осторожно для многихъ причинъ.

9) Деньги, сколько у тебя отъ дороги останется, совѣтую отдать подъ сохраненіе хозяину, у коего укоренишься жить, съ роспиской, а у себя не держи; бравъ же у него на надобности, на той же роспискѣ отмѣчай полученіе.

10) Смотря по обстоятельствамъ: ежели я на что надобенъ буду тебѣ, пиши ко мнѣ, я немедля къ тебѣ пріѣду, только ты всѣ случаи для коихъ меня вызывать будешь, опиши яснѣе и подробно, чтобы никакому недоразумѣнію не подвержены были.

11) Къ директору и ко всѣмъ достойнымъ уваженія учителямъ и профессорамъ ходи по праздникамъ однимъ, съ почтеніемъ и заслуживай отъ нихъ ученіемъ и поведеніемъ своимъ лучшее для себя расположеніе.

12) Узнай черезъ учителей, или хозяина своего, есть ли тамъ искусные музыканты и какихъ болѣе и, буде есть хорошіе, то по чему за урокъ или на мѣсяцъ беретъ. О всемъ ономъ дать мнѣ знать, но безъ сношенія со мною не нанимай ихъ, но самъ практикуйся.

13) Во всѣ праздничные и свободные дни ходи на богомолье и молись съ умиленіемъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ; а какая изъ того польза есть, о томъ въ ученыхъ тобою книгахъ пространно и внятно писано, слѣдовательно, нѣтъ надобности повторять о пользѣ, отъ того происходящей, о коей ты самъ давно знаешь.

14) На прогоны до мѣста и на содержаніе твое на первый случай

въ Дерптѣ, дается тебѣ денегъ 500 рублей, а какъ ты тамъ обживешься и по обстоятельствамъ узнаешь, какое число денегъ потребно тебѣ на годовое содержаніе, тогда пиши ко мнѣ, а я присылать буду по третямъ, или какъ лучше.

15) Расходы деньгамъ, какъ во время дороги, такъ и жизни въ Дерптѣ, веди аккуратно, напрасно денегъ не тратить, но на самую только надобность и съ тѣхъ расходовъ копію ежемѣсячно присылай ко мнѣ, а подлинные у себя храни впредь для щетовъ.

16) Человѣку, съ тобою живущему, приказано о поведеніи твоемъ писать ко мнѣ, слѣдовательно ты не возбраняй ему исполнять порученія моего; въ противномъ случаѣ строго на тебѣ взыщу.

17) Въ городѣ Островѣ, черезъ который ты поѣдешь, заѣзжай къ городничему Петру Филипповичу Ластовинову, отдай ему письмо мое и кланяйся отъ меня, но не долго у него будь, ибо надобно тебѣ поспѣшать, чтобы къ 1-му числу пріѣхать къ своему мѣсту.

18) Кибитку, если можно въ сараѣ на квартирѣ держать, то поставить, а буде сарая не будетъ, то продать ее, но дешевле ста руб. не отдавать, или въ семъ дѣлѣ такъ поступать, какъ обстоятельства того требовать будутъ, ибо собою цѣны не установишь.

19) Еще подтверждаю, не пропущай ни единой почты, пиши ко мнѣ о всѣхъ обстоятельствахъ, а паче, какъ ты учиться будешь, то-есть прилежно, или лѣниво.

Михаилъ Палицынъ.

Іюля 18-го дня, 1815 г.

NB. На всякій случай имѣй въ дорогѣ мѣдныя деньги, руб. 5. Во время дороги, да и вездѣ будь осторожень, дабы не обокрали васъ, а для того надобно всякую вещь прибирать и безъ прибору и безъ запору не покидай. Всякую вещь записывай въ книгу; а куда она послѣ дѣвалась, противъ ней должно отмѣтить. Денегъ всѣхъ никому не показывай, а имѣй ихъ гдѣ въ безопасномъ мѣстѣ и прячь ихъ; имѣй и то во время только дороги не болѣе 20-ти руб.; ежели выйдутъ, ты опять добавь.

Маршъ-рутъ съ Орла.

На	Брянскъ	138	верстъ.
»	Рославль	148	»
»	Смоленскъ	106	»
»	Порѣчи	74	»
»	Велижъ	40	»
»	Усвятъ	38	»
»	Вел. Луки	79	»
»	Бѣжецъ	90	»

На Новоржевъ	55	верстъ.
» Островъ	62	»
» Валкъ.	120	»
въ Дерптъ	81	»

III.

Приказъ сыну моему Николаю Михайловичу Палицыну.

27-го августа, 1817 года.

Испросилъ я у Франца Степановича позволеніе жить тебѣ у него, а съ тѣмъ вмѣстѣ содержать тебя и со слугою, столомъ и прочимъ къ тому принадлежащимъ, а при томъ, чтобы какъ надъ упражненіями твоими въ наукахъ, такъ и надъ поведеніемъ имѣлъ (равный моему) отеческій и строгій надзоръ, а въ случаѣ ослушанія взыскивалъ бы на тебѣ безъ малѣйшаго упущенія, а потому повелѣваю тебѣ отцовскою и непреложною моей властью во все продолженіе жизни твоей у него повиноваться ему, какъ мнѣ, всѣ приказы и наставленія его выполнять безмолвно, т. е. безъ отговорно, ибо честнѣйшее его свойство, мнѣ давно изъ опытовъ извѣстное, на таковую надъ тобой власть даетъ ему право, а потому, живши подъ надзоромъ попечительности его, исполняй нижеслѣдующее:

1 Долженъ ты вставать отъ сна ежедневно въ 6 часовъ и въ полчаса обуться, одѣться въ вычищенное платье и обувь, помолясь Богу, заняться до половины восьмаго часа, то-есть цѣлый часъ полезнѣйшими упражненіями, какъ-то: нѣмецкимъ и французскимъ переводами, а въ 8 часовъ быть въ университетѣ, ибо по близкому разстоянію на проходъ получаса довольно.

2) Всѣ слушанныя тобою лекціи всякій день записывай на-черно въ тетрадь, а дома приведи въ ясность, впиши въ бѣлую чистымъ письмомъ; тетрадцы бѣлыя имѣть на всякую науку особыя. Вести ежедневный журналъ всѣмъ встрѣтившимся случаямъ и упражненіямъ, хотя бы и не важнымъ, а буде не знаешь, какъ начать о предметахъ, то спроси у Гейтца, или Сандунова, то и веди по понятіямъ ихъ непремѣнно, ибо я въ томъ строгаго отчета потребую.

3) По окончаніи утреннихъ и вечернихъ классовъ приходить домой въ свое время, т. е. изъ утреннихъ въ половинѣ перваго, а изъ вечернихъ въ половинѣ седьмаго, не заходя отнюдь никуда и потомъ 8-й и 9-й часъ заниматься музыкой.

4) Какъ по неизъяснимой лѣности своей танцовальнымъ классомъ и въ субботу 3-й и 4-й часы ничѣмъ не занимаешься; но терять въ празд-

ности такое большое время по лѣтамъ твоимъ и по предмету будущаго состоянія твоего есть предосудительно, то буде изволишь, попроси Франца Степановича приговорить французскаго и нѣмецкаго учителей, у коихъ по урокамъ въ означенное время учись упомянутымъ языкамъ систематически, съ крайнимъ прилежаніемъ, а буде собственной охоты къ сему ученію не будетъ, то и не учись, ибо безъ прилежанія и охоты учиться не можно; а все то время учись математикѣ во всѣхъ ея отношеніяхъ; учителя же для сего онъ же Францъ Степановичъ пріищетъ, или пошли сыскать того штабъ-капитана А. М... онъ живетъ не далеко отъ Сухаревой башни, идя внизъ по трубѣ на лѣвой сторонѣ въ каменномъ домѣ на дворѣ, № 300. Сія наука для всякаго состоянія необходима есть, то и совѣтъ мой учиться ей, а впрочемъ какъ изволишь.

5) Въ классы и изъ классовъ къ сестрѣ и буде уволенъ будешь гулять, то ходить тебѣ съ слугою, а безъ слуги никуда не ходи, а въ случаѣ болѣзни его, проси слуги у Франца Степановича.

6) Фрака безъ необходимой надобности не носить, ибо онъ сдѣланъ для самыхъ рѣдкихъ случаевъ.

7) Денегъ собственно тебѣ я не ввѣрилъ, не потому, чтобы мнѣ было ихъ жаль, но потому, чтобы ты, управляя ими, не развлекалъ себя разными идеями отъ ученія, а болѣе всего для сохраненія носа твоего и хорошей прононсіи, а съ деньгами обѣи вещи потерять можешь. Но что нужно, требуй отъ Франца Степановича на самое нужное и не прихотливое, ибо нужно учиться, а щеголять будешь послѣ, когда выучишься и будешь человѣкомъ интереснымъ.

8) Надъ человѣкомъ, къ служенію тебѣ опредѣленнымъ, не дается тебѣ ни малѣйшей власти, не только бить, но и бранить, а въ случаѣ неисправности по должности его, относить къ Францу Степановичу; писемъ его, кои велѣно ему ко мнѣ писать, отнюдь тебѣ не смотрѣть и не принуждать его показывать тебѣ.

9) Я не распространяюсь далѣе въ наставленіяхъ моихъ, до наукъ и поведенія твоего относящихся, ибо объ оныхъ многое множество было тебѣ говорено, писано въ письмахъ и въ наставленіяхъ, тебѣ данныхъ, кои я уповаю, что твердо укоренились въ памяти твоей, то и совѣтую слѣдовать имъ, полагая, что они откроютъ тебѣ къ будущей и настоящей жизни твоей настоящее счастіе, увеселяющее умнаго человѣка — а впрочемъ воля твоя. Буде Тарасу Ильину потребенъ паспортъ, то дай ему по прилагаемой у сего формѣ. Дается тебѣ бумага разнаго рода, панготы(?) пакеты и золотобрѣзной довольное число, кою и употребляй на письменныя упражненія.

Михаилъ Палицынъ.

Сообщила М. Лопатина.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПОЛОНОФИЛЪ.

(Эпизодъ изъ времени польскаго возстанія 1831 г.).

По неизданнымъ документамъ.

Это произошло въ самый разгаръ польскаго возстанія. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ получилъ изъ Вологды, неизвѣстно отъ кого [1]) доносъ на тамошняго епископа Стефана (Романовскаго)[2]) въ томъ, что онъ по дружбѣ потворствуетъ сосланнымъ въ Вологду полякамъ, на соблазнъ и негодованіе всѣхъ жителей. Эти годы—1830 и 1831—были вдвойнѣ тревожны для высшихъ властей: съ одной стороны свирѣпствовало польское возстаніе, закончившееся жестокимъ штурмомъ и взятіемъ Варшавы 26-го августа 1831 года, съ другой стороны холерная эпидемія, охватившая почти всю Россію, заставила народъ съ отчаянія бунтовать и самовольно расправляться съ мнимыми «подсыпателями» холеры—докторами и поляками.

Получивъ донесеніе, вѣроятно, довольно доказательное (котораго въ имѣющихся въ нашихъ рукахъ бумагахъ нѣтъ), Бенкендорфъ отнесся съ «секретнымъ» отношеніемъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, дѣйствительному статскому совѣтнику, князю Петру Сергѣевичу Мещерскому (былъ оберъ-прокуроромъ съ 1817 по 1833 годъ) отъ 13-го октября 1831 го года за № 5203:

«Волынскій помѣщикъ, Пининскій, содержавшійся въ здѣшней крѣ-

---

[1]) Вѣроятнѣе всего, отъ жандармскаго полковника Дейера, служившаго въ Вологдѣ.

[2]) Стефанъ Романовскій 14 сентября 1813 года хиротонисанъ изъ архимандритовъ Каменецкаго Троицкаго монастыря въ епископы волынскіе и житомірскіе, съ 24 ноября 1828 года епископъ вологодскій и устюжскій, съ 1 марта 1841 года - епископъ астраханскій и кавказскій. Умеръ 4 декабря 1841 года. О немъ см.: «Волынскія епарх. вѣдомости» 1867 – 69 гг. ст. Н. Уводскаго. „Вологодскія епарх. вѣдомости" 1868 г. № 8 (автобіографія).

пости за содѣйствіе находившимся въ оной по дѣлу о польскихъ злоумышленныхъ обществахъ арестантамъ къ перепискѣ съ ихъ родственниками и пріятелями, сосланъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Вологду, куда послѣдовалъ за нимъ и сынъ его. Здѣсь нашли они себѣ сильнаго покровителя въ епископѣ Стефанѣ, который даже принялъ ихъ къ себѣ въ домъ, къ крайнему негодованію вологодскихъ жителей.

«Таковое покровительство доставило возможность Пининскому-отцу войти въ тайное сношеніе съ генералъ-маіоромъ, княземъ Гедройцемъ, сосланнымъ изъ Динабургской крѣпости въ городъ Устюгъ подъ строжайшій надзоръ полиціи, и потомъ, когда Пининскій-сынъ за неприличное его поведеніе былъ по Высочайшему повелѣнію посаженъ на гауптвахту,— преосвященный Стефанъ ежедневно посылалъ къ нему съ монастырскимъ служителемъ обѣдъ и ужинъ. Столь предосудительное потворство епископа Стефана поляку, сосланному за преступленія подъ надзоръ полиціи, и сыну его, обратившему на себя гнуснымъ поведеніемъ строгое по Высочайшему повелѣнію взысканіе, возлагаетъ на себя обязанность (sic) обратить на оное вниманіе Вашего Сіятельства, тѣмъ болѣе, что епископъ Стефанъ переведенъ въ Вологду изъ Волынской губерніи, вслѣдствіе дошедшихъ, какъ говорятъ, до Святѣйшаго Синода свѣдѣній на счетъ жизни его въ Житомірѣ, не соотвѣтствовавшей его сану».

Получивъ такое отношеніе отъ Бенкендорфа, оберъ-прокуроръ счелъ нужнымъ снестись съ самимъ преосвященнымъ Стефаномъ и, пославъ ему 30-го октября въ копіи это отношеніе, требовалъ на него объясненій и оправданія.

9-го декабря 1831 года, за № 3080, оберъ-прокуроръ получилъ отъ епископа Стефана слѣдующее «секретное» отношеніе:

«Вслѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства, октября отъ 30-го дня сего года, послѣдовавшаго съ отношенія къ Вашему Сіятельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, долгомъ поставляю отвѣтствовать Вашему Сіятельству.

«Первое. Что мною помѣщику Пининскому и сыну его никакого непосредственно, ни безпосредственно, особеннаго покровительства, какъ доведено до свѣдѣнія г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа, не было оказываемо, кромѣ того только, что я съ нимъ знакомъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда старшій Пининскій, апрѣля 2 дня 1830 года, въ среду на страстной недѣлѣ, предъ литургіею, явясь ко мнѣ и объясняя о себѣ, что онъ есть Волынской губерніи, Кременецкаго уѣзда помѣщикъ, съ приведеніемъ мнѣ на память (чтобъ я могъ его признать) производимыхъ имъ разныхъ дѣлъ заштатнаго замѣцкаго монастыря съ замѣцкимъ помѣщикомъ генераломъ Бобромъ, и что по тѣмъ дѣламъ, равно и по дѣламъ

своей церкви, въ бытность мою въ Волынской епархіи епископомъ, неоднократно у меня бывалъ, и я, признавъ его таковымъ, изъ любопытства вынужденъ былъ спросить его, по какому случаю прибылъ онъ въ Вологду, и когда онъ причину прибытія его въ Вологду объявилъ, то, усумнясь принять его на случай вторичнаго посѣщенія его, просилъ извиненія, что принять его впредь не могу, пока не получу отъ гражданскаго губернатора подробнаго обо всемъ свѣдѣнія, а 6-го числа апрѣля, въ день Св. Пасхи, зашедъ ко мнѣ послѣ литургіи изъ собора гражданскій губернаторъ (Брусиловъ) вмѣстѣ съ обоими Пининскими, и когда при семъ случаѣ на спросъ мой губернаторъ объяснилъ, что Пининскій въ Вологду присланъ не подъ арестъ, но на жительство до Высочайшаго впредь повелѣнія, и онъ во всякомъ благородномъ домѣ принятъ быть можетъ, то, послѣ сего, не видя для принятія къ себѣ того Пининскаго и съ сыномъ его препятствій и сомнѣнія, хотя въ нихъ никакой не имѣлъ надобности, въ воскресенье и праздничные дни заходившихъ ко мнѣ изъ собора послѣ литургіи съ прочими чиновниками принималъ, и таковое мною ихъ принятіе продолжалось до 4-го іюня, а съ сего числа до 29-го дня находился я для обозрѣнія церквей и духовенства въ городахъ: Тотьмѣ, Никольскѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ. По возвращеніи своемъ въ Вологду, при первомъ своемъ со мною свиданіи, они, Пининскіе, бывшіе у меня вмѣстѣ съ чиновниками и другими почетными особами, хвалясь ласковымъ и благорасположеннымъ обхожденіемъ съ ними, дружескимъ и усерднымъ пріемомъ въ домахъ всѣхъ почти вологодскихъ присутственныхъ чиновниковъ и дворянъ и жандармскаго полковника Дейера, объяснили при томъ, что они нашли въ Вологдѣ много чиновниковъ и дворянъ, знакомыхъ во время военной службы въ полкахъ, квартировавшихъ вблизи жительства ихъ, Пининскихъ, и въ домѣ ихъ, Пининскихъ, бывавшихъ, а сверхъ того одного изъ чиновниковъ родственника по женѣ, что самое совершенно завѣряло меня о Пининскихъ, что они имѣютъ полную свободу входить въ знакомство, и знакомство съ ними не можетъ никому служить порокомъ, тѣмъ паче, что я самъ всегда былъ очевидцемъ ласковаго съ ними, Пининскими, обращенія не только чиноначальниковъ и дворянъ, но даже и самыхъ г.г. сенаторовъ, ревизовавшихъ Вологодскую губернію [1]), ибо когда въ іюлѣ мѣсяцѣ нѣкоторые вологодскіе помѣщики давали для нихъ, г.г. сенаторовъ, обѣденные столы, то не было ни одного собранія, гдѣ бы не были Пининскіе, и всегда въ такихъ собраніяхъ съ ними всѣ обращались, какъ бы съ вологодскими уроженцами.

«Второе. Касательно принятія Пининскихъ въ архіерейскій домъ

---

[1]) О пребываніи въ Вологдѣ царственныхъ особъ и др. замѣч. историческихъ лицъ, ст. Н. Суворова, см. «Вологодскія епарх. вѣдомости» 1867—68 гг.

для квартированія, то сдѣлано мною не по другому чему, какъ изъ одного человѣколюбія и по врожденной моей склонности дѣлать всякому по возможности добро. Пининскіе, занимая у одного изъ жителей градскихъ квартиру и будучи она въ зимнее время по холоду въ ней жительству была неспособна, хозяинъ имъ отъ квартированія самъ отказалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и они въ продолженіе цѣлаго мѣсяца сколько ни старались о пріисканіи себѣ квартиры, но теплой и сухой найти не могли, не потому только, что мало имѣется теплыхъ квартиръ, но болѣе по случаю появленія въ то время въ городѣ Вологдѣ болѣзни холеры, какъ всѣми жителями овладѣли тогда страхъ и уныніе, и никто изъ нихъ хотя бы и имѣлъ отдаточные въ наемъ теплые покои,—постороннему человѣку не отдавалъ [1]); въ таковой будучи Пининскіе крайности, и притомъ зная они, что я и въ 1824 году принималъ въ архіерейскій домъ для квартированія бывшаго тогда въ Вологдѣ археолога г. Строева [2]) съ двумя его помощниками, то по ненайденію для него полиціею удобной у жителей квартиры, по поводу сему обратились ко мнѣ съ убѣдительнѣйшею просьбою дозволить имъ дать въ архіерейскомъ домѣ какую ни есть свободную теплую квартиру для сохраненія имъ въ такое опасное время жизни и для прожитія въ ней одной зимы, и я въ такомъ случаѣ, по долгу христіанскому, не могъ имъ отказать, почему, экономомъ дома и отведены были имъ, Пининскимъ, три небольшія комнаты въ третьемъ этажѣ съ платежемъ за оныя въ пользу архіерейскаго дома денегъ и съ нѣкоторою въ нихъ коштомъ ихъ, Пининскихъ, поправкою, гдѣ они, Пининскіе, и имѣли жительство съ октября мѣсяца того 1830 года до послѣднихъ чиселъ іюля сего года.

«Третье. Князь Гедройцъ по какому поводу пришелъ въ іюлѣ мѣсяцѣ къ Пининскому,—не знаю, а полагаю, что безъ всякаго приглашенія, ибо когда Пининскій привелъ его, Гедройца, ко мнѣ, то при семъ случаѣ объяснилъ мнѣ, что онъ, Пининскій, его, Гедройца, совсѣмъ не знаетъ и въ первый разъ въ жизни видитъ, а съ чего онъ къ нему пришелъ,—не постигаетъ; привелъ же его, Гедройца, ко мнѣ по убѣдительной просьбѣ только для того, что онъ, Гедройцъ, желаетъ у меня спросить, знаю ли я брата его, епископа Гедройца [3]), что и дѣйствительно князь Гедройцъ обращался ко мнѣ съ симъ только вопросомъ, на что въ отвѣтъ

---

[1]) Пининскихъ не пускали на квартиру, вѣроятно, главнымъ образомъ, какъ завѣдомыхъ поляковъ, которымъ приписывали распространеніе холеры.

[2]) См. „Вологодскія епарх. вѣдомости" 1867—68 гг., ст. Н. Суворова «О пребываніи въ Вологдѣ историч. лицъ».

[3]) Было два епископа—князя Гедройца: Симонъ Гедройцъ, епископъ адрамитенскій, предсѣдатель Римско-Католической коллегіи въ Петербургѣ, и Іосифъ Гедройцъ, епископъ самогитскій. Первый, Симонъ Гедройцъ, былъ по Высочайшему повелѣнію отправленъ въ апрѣлѣ 1831 г. изъ Петербурга въ

и было сказано, что «не знаю». Но, какъ онъ престарѣлый и дряхлый и весьма худо слышитъ, то не понялъ моего отвѣта, неоднократно повторилъ еще свои вопросы, на которые, будучи я уже тогда по слабости моего тогда здоровья, отвѣчать громко не могъ, то Пининскій, замѣтивъ сіе, вывелъ его, Гедройца, изъ моихъ комнатъ.

«Кромѣ сего случая, имѣлъ ли Гедройцъ какія свиданія и сношенія съ Пининскимъ, и сколько времени жилъ въ Вологдѣ, совсѣмъ не зналъ и не знаю, кромѣ того, что нынѣ г. губернаторъ между разговорами объяснилъ мнѣ, что Гедройцъ, присланный на жительство въ городъ Вологду, по распоряженію его, губернатора, отправленъ въ городъ Устюгъ, однако не подъ строжайшій присмотръ.

«Четвертое. Принятіе мною Пининскихъ для квартированія въ архіерейскій домъ якобы послужило къ крайнему негодованію всѣхъ жителей города Вологды; изъ объясненныхъ выше сего обстоятельствъ Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть,—могло ли быть какое негодованіе, когда они почти всѣми почтенными лицами были любимы, въ чемъ я совершенно увѣряюсь, что никакого негодованія не бывало, ибо ежели таковое отъ жителей градскихъ негодованіе происходило, то гражданскій губернаторъ Брусиловъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, благоразумный, пользующійся любовію жителей Вологодской губерніи всѣхъ сословій, исключая немногихъ, ревностный и вѣрный слуга Всемилостивѣйшаго Государя нашего, истинный христіанинъ, управляющій десять лѣтъ Вологодскою епархіею (губерніею?) и, можно сказать, знающій склонности каждаго жителя Вологды, не могъ бы мнѣ, по его ко мнѣ искренней откровенности, не объявить о происходящемъ отъ жителей за Пининскихъ ко мнѣ негодованіи, но сего отъ него, губернатора, мнѣ объявляемо не было.

возмутившуюся Польшу для „духовнаго увѣщанія“ мятежниковъ и разсылки увѣщательныхъ прокламацій, а также приведенія къ присягѣ русскому правительству усмиренныхъ. Въ маѣ Симонъ Гедройцъ получилъ жестокій упрекъ отъ шавельскаго предводителя мятежниковъ, Францискa Шеміота, въ измѣнѣ своей родинѣ, Польшѣ, и грозилъ ему судомъ потомства и божьимъ судомъ. Въ іюнѣ того же года Гедройцъ попросилъ увольненія отъ этой обязанности по болѣзни и въ концѣ іюня, не дождавшись увольненія, уѣхалъ къ Бальдонскимъ водамъ, близъ Риги. Онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени за эту поѣздку. Второй, Іосифъ Гедройцъ, живя среди мятежниковъ, былъ принуждаемъ дѣлать распоряженія въ пользу мятежа, которыя и дѣлалъ, но потомъ представилъ по этому поводу объясненія. У Гедройцевъ были два племянника, Казиміръ и Албанъ, которымъ Симонъ посылалъ 1.200 р. на содержаніе, вѣроятно, въ ссылкѣ... (См. «Русскій Архивъ», 1869 г. „Переписка Гедройца съ Блудовымъ“, стр. 1485—1542). Преосвященный Стефанъ, живя долго въ Польшѣ, не могъ не знать князей Гедройцевъ, особенно занимавшихъ столь высокій постъ въ духовной іерархіи.

«А сверхъ того, ежели бы о Пининскихъ начала публика разумѣть столь невыгодно,—не могли бы долѣе продолжать съ ними знакомства чиновники и дворяне; но оное продолжалось, и всегда они къ нимъ, Пининскимъ, ѣздили, въ томъ числѣ и жандармскій полковникъ Дейеръ взаимно съ ними перегащивался [1]).

«Пятое. Когда сынъ Пининскаго по Высочайшему повелѣнію посаженъ былъ на гауптвахту,—кто тамъ его кормилъ, я совершенно не зналъ, а нынѣ, по полученіи отъ Вашего Сіятельства сего предписанія, видя явную на себя клевету, вынужденнымъ нашелся учинить изысканіе, по какому поводу таковая клевета могла на меня произойти,—и открылось, что, дѣйствительно, принадлежащій архіерейскому дому штатный служитель, живущій внѣ архіерейскаго дома, сыну Пининскому на гауптвахту кушанье носилъ, потому что отецъ Пининскій, отправляясь въ Сольвычегодскъ, того служителя подрядилъ въ бытность сына его подъ арестомъ готовить на него кушанье и носить къ нему, такъ какъ по случаю свирѣпствовавшей тогда болѣзни холеры, изъ трактировъ получить кушанье было трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно; да ежели бы сынъ Пининскаго обратился посредствомъ кого-либо о оказаніи въ такой крайности ему пособія въ пропитаніи ко мнѣ, или къ другой какой-либо добродѣтельной особѣ,—по долгу христіанскому никто бы также не отрекся отъ благаго дѣла, руководствуясь благимъ на то примѣромъ Государя Императора, установившаго попечительные комитеты; слѣдовательно, отъ кого бы таковое благотвореніе сыну Пининскаго, яко арестанту, оказываемо ни было,—кажется, законопреступленіемъ признано быть не должно, ибо симъ никакого особеннаго покровительства къ Пининскимъ ни мало не доказывается, кромѣ одной христіанской добродѣтели; но изъ чего доноситель генералъ-адъютанту Бенкендорфу призналъ меня особеннымъ покровителемъ Пининскимъ,—не знаю, и что подъ покровительствомъ онъ разумѣетъ, и почему оно есть законопреступно?—не постигаю!..

«Ежели доноситель на меня есть изъ числа такихъ лицъ, которыя несправедливо вѣрили происшедшимъ въ народѣ нелѣпымъ слухамъ, что

---

[1]) Здѣсь вологодскій архіерей, видимо расположенный къ Пининскимъ, его старымъ знакомымъ еще по Волынской губерніи, весьма тонко закрывается расположеніемъ къ Пининскимъ интеллигенціи и высшихъ слоевъ вологодскихъ жителей. Наши высшіе слои всегда были мало разборчивы въ выборѣ своихъ любимцевъ, и часто свѣтскія манеры и хорошее состояніе вводили въ ихъ интимный кругъ завѣдомыхъ враговъ отечества. Всякій присматривавшійся къ бытовой сторонѣ русской исторіи замѣтилъ этотъ фактъ русскаго индифферентизма или ложно понятаго гостепріимства.

Слова доносителя въ полной мѣрѣ оказываются справедливыми, если мы примемъ во вниманіе взгляды и мнѣнія среднихъ и низшихъ слоевъ населенія, не зараженныхъ столь большимъ расположеніемъ къ свѣтскимъ манерамъ и умѣнью пролѣзать всюду.

свирѣпствовавшая смертоносная болѣзнь—холера происходила якобы отъ отравы воды и пищи поляками [1]), то посему можно допустить, что такой доноситель и одно мое приватное съ Пининскими знакомство могъ почитать преступленіемъ, столько же однако ошибочно, какъ и думать о смертности людей отъ отравы, а не отъ холеры.

«Шестое. Побудительныхъ причинъ къ доносу на меня г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу съ такимъ превратнымъ изложеніемъ событій и съ видимою цѣлью подвергнуть меня замѣчанію высшаго начальства со стороны моей никакихъ не нахожу, ибо я ни жизнію своею, ни распоряженіями своими въ дѣлахъ епархіальныхъ ни малѣйшаго къ неудовольствію повода ни духовенству, ни свѣтскаго званія лицамъ не подавалъ, кромѣ тѣхъ только духовнаго званія людей, съ которыми, яко оказавшимися за всѣми исправительными мѣрами въ духовномъ званіи нетерпимыми, поступлено по всей точности, какъ повелѣно Высочайшими указами, безъ всякаго послабленія, но и сіи, чувствуя важность своихъ преступленій и соотвѣтствующую онымъ мѣру наказанія, кажется, такъ же не должны бы питать ко мнѣ неудовольствія.

«Но, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ совѣсть свою и скрывъ свои поступки, жаловались въ видѣ невиннаго ихъ угнетенія жандармскому полковнику Дейеру съ обнесеніемъ меня невинно вышеписанными обстоятельствами, а г. Дейеръ, можетъ быть, доносчикъ о томъ г-ну генералъ-адъютанту Бенкендорфу.

«Къ таковому заключенію ведетъ меня то только, что безъ всякихъ видимыхъ причинъ онъ, г. Дейеръ, прекратилъ со мною свое знакомство и никогда уже по прежнему своему обыкновенію, даже и въ высокоторжественные дни, послѣ литургіи изъ собора съ прочими чиновниками ко мнѣ не заходитъ.

«Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.».

Получивъ этотъ отзывъ преосвященнаго Стефана изъ Вологды оберъ-прокуроръ составилъ докладъ государю императору Николаю Павловичу и 26 декабря 1831 года представилъ его. Получивъ собствен-

[1]) Этотъ предразсудокъ не чуждъ былъ и высшимъ сословіямъ, что доказывается письмами и воспоминаніями современниковъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма графа Д. Н. Блудова отъ 15-го іюля 1831 года къ женѣ въ Берлинъ:—«Разумѣется, нельзя и не должно вѣрить всему, что разсказываютъ, но, кажется, было что-то подобное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, вѣроятно не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ отравлять многихъ, а чтобы волновать умы: предпріятіе и средство равно достойны почтенныхъ мастеровъ и адептовъ революціи» («Русскій Архивъ» 1874 г. кн. I, стр. 841.). Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, какъ статсъ-секретарь, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, стоялъ очень близко къ смутнымъ событіямъ того времени и правительственнымъ по поводу ихъ мѣропріятіямъ.

норучную резолюцію государя, оберъ-прокуроръ, князь Мещерскій, отнесся въ Синодъ слѣдующею бумагою отъ 31-го декабря 1831 года за № 3614:

Святѣйшему Правительствующему Синоду
предложеніе.

«Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ о покровительствѣ и потворствѣ, оказанныхъ вологодскимъ преосвященнымъ Стефаномъ сосланному по Высочайшему повелѣнію въ Вологду подъ надзоръ полиціи волынскому помѣщику Пининскому и сыну его, обратившему на себя гнуснымъ поведеніемъ строгое по Высочайшему повелѣнію взысканіе. Истребовавъ по предмету сему отзывъ отъ вологодскаго преосвященнаго, я представлялъ оный на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе.

«Его Императорское Величество собственноручно на докладѣ моемъ резолюціею въ 26-й день сего декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: «Епископу сдѣлать строгій выговоръ за поступки, вовсе неприличные его сану, о чемъ и предложить Синоду». Высочайшую волю сію имѣю честь объявить Св. Синоду къ надлежащему исполненію, прилагая у сего въ копіяхъ какъ вышеупомянутое отношеніе ко мнѣ г. генералъ-адъютанта Бенкендорфа, такъ и отзывъ по содержанію онаго, полученный отъ вологодскаго преосвященнаго».

Согласно этой бумагѣ, Св. Синодъ въ ближайшемъ же засѣданіи въ январѣ новаго 1832 года составилъ постановленіе слѣдующаго содержанія: «1832 года, генваря 8 дня, по указу Его Императорскаго Величества Св. Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго прокурора и кавалера Петра Сергѣевича князя Мещерскаго слѣдующаго содержанія: (тутъ идетъ дословное повтореніе отношенія оберъ-прокурора къ Синоду) приказали: объ объявленномъ Высочайшемъ Е. И. В. повелѣніи преосвященному Стефану, епископу вологодскому, послать указъ.

Подлинное подписали: 13-го генваря 1832 года:
Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.
Филаретъ митрополитъ Московскій.
Григорій, архіепископъ Тверскій.
Никодимъ, архіепископъ Орловскій.
Духовникъ Павелъ Криницкій.
Духовникъ и оберъ-священникъ Николай Музовскій.
Оберъ-секретарь Алексѣй Дружининъ.
Секретарь Константинъ Павловскій.

Указъ посланъ 13-го генваря 1832 года.

Сообщилъ **А. В. Арсеньевъ.**

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

Небесные „гласы“ тюменскому ямщику противъ „новаго устава“ и „неистоваго креста“ (1662 г.).

Въ 1662 году, 16 іюня, явился въ Тюменскую «съѣзжую избу» мѣстный «ямской охотникъ» Петръ Денисовъ Шадра и разсказалъ воеводѣ Михайлу Даниловичу Павлову «и всему народу Тюменсково города», что 8 іюня, «на память» св. Ѳеодора Стратилата, когда онъ ночевалъ «на Березовомъ яру», во время благовѣста къ заутрени «пробудился-де онъ Петрушка отъ сна, хотѣлъ встать, и бысть ему страхъ великъ, пришла яко буря зѣльна и восхити ево нѣкая Божая сила—невѣсть-де во снѣ, невѣсть наявѣ,—и постави его на великомъ полѣ. И бысть ему гласъ—единъ страшенъ, другой умиленъ. И бысть свѣтъ великъ на поли томъ, и онъ Петръ обозрѣвся, видѣхъ—подлѣ него стоятъ два человѣка во свѣтлыхъ ризахъ и глагола ему: «Петръ! смотри-де ты, что будетъ!»—И ево свѣтъ облисталъ паче прежнего и видѣхъ—отъ небесъ идетъ престолъ, а на престолѣ образъ Пречистые Богородицы да крестъ. И перворeченные два человѣка рекоста ему: «Петръ! поклонися-де ты образу и кресту!»—И онъ Петръ, перекрестя лице свое, поклонися. И бысть церковь велика и онъ Петръ обрѣтесь въ церкви, передъ престоломъ, и видѣхъ у престола передъ образомъ свѣтлообразныхъ два человѣка, млады образомъ. И бысть отъ того образа пречистые Богородицы къ нему гласъ:

—«Скажи-де, ты, Петръ, градоначальнику и въ мірѣ умнымъ людямъ, а не глупымъ людямъ, что-де въ церквахъ служатъ по новому уставу, а не по правиламъ св. отецъ. Православная-де христіянская вѣра отъ еретиковъ мѣшаетца и

церкви свернятъ—служатъ по новому уставу, что преложили, а лица свои крестятъ неистовымъ крестомъ!»—И глагола предстоящимъ съ нимъ (?):

—«Возьмите-де у него руку и сложите крестъ, какъ подобаетъ христіяномъ лица крестить!»

«И емъ его за руку и сложили персты: большей перстъ, сирѣчь палецъ, черезъ два великіе персты подлѣ меньшого перста и середней великій перстъ пригнувъ мало.—И рекоста ему:

—«То-де истовой крестъ—православнымъ христіяномъ подобаетъ лица свои крестить, чтобъ-де православные христіяне за христіянскую вѣру и о крестѣ стояли. Только-де учнутъ впредь служить въ церквахъ по новому уставу, что еретики преложили, и матерна слова не покинутъ, и неистовымъ крестомъ лица свои учнутъ крестить—и житіе будетъ невѣчно, вскорѣ премѣнитца: Божій гнѣвъ на вся люди пріидетъ и житіе скончаетца—учнетъ-де Богъ люди казнити всякою нуждею, гладомъ и жаждею, и люди до Божія суда всѣ яко прегніютъ. И будетъ-де православные христіяне постоятъ за вѣру, а въ церквахъ учнутъ служить по прежнимъ уставомъ и по правиломъ св. отецъ 7 соборъ—и Господь Богъ дастъ православнымъ христіяномъ жизнь благу, умножитъ и плодовъ земныхъ и всякіе благодати и лѣта многа! И будетъ вѣра православная укрѣпитца и пѣніе церковное будетъ по прежнему уставу св. отецъ 7 соборъ—и Господь Богъ спуститъ гнѣвъ свой на еретики, на развращающихъ христіянскую истинную вѣру!»

«И много ему Петру умильна словеса глагола о христіянской вѣрѣ о укрѣпленіи, чтобъ православные христіяне жили со страхомъ Божіимъ. И по глаголѣхъ рече ему Петру первореченные два мужа:

—«Поклонись-де ты пречистой Богородицы образу и кресту!»—И онъ Петръ, перекрестя лице свое истово и поклонихся до земли, и слышахъ гласъ: «отведите-де ево назадъ!»—И обрѣтеся на томъ же первомъ великомъ полѣ. А церковь-де почала подыматца на небо и онъ Петръ отъ свѣта возрѣти на высоту небесную—и обрѣтесь на одрѣ своемъ, яко отъ сна возбудился. Трепетенъ бысть многія дни, отъ страха того во градъ итти не могъ. А прежъ-де того видѣнія по многія дни слышахъ гласъ къ себѣ: «живи-де ты, Петръ, опасно: увидишь-де ты чюдно видѣніе».—А никого не видѣхъ, только гласъ слышахъ».

Помѣта: «170 году, іюня въ 29 день подалъ (тобольскій воевода) бояринъ кн. Иванъ Андреевичъ Хилковъ въ соборной и апостольской церкви (т. е. въ Тобольскомъ Софійскомъ соборѣ) архіепископу», т. е. арх. Симеону, который переслалъ этотъ документъ въ Сибирскій приказъ. (Сибир. приказа столбецъ № 582).

„Гласы" крестьянской вдовѣ въ защиту „стараго пѣнія" и проч. (1662 г.).

Въ маѣ 1662 г. явилась въ Тобольскую съѣзжую избу, передъ воеводами бояриномъ кн. Ив. Андр. Хилковымъ и Дан. Семен. Яковлевымъ и дьяками Герас. Головнинымъ и Сем. Румянцовымъ—вдова «пашеннаго крестьянина» Авдотья Бакшѣева (изъ дер. Кондуски, Тобольскаго у.) и заявила, что ей не разъ слышались небесные «гласы» въ Знаменской церкви Абалацкаго погоста, о которыхъ она молчала, но о послѣднемъ «гласѣ» (18 мая, на Троицынъ день) должна объявить «всѣмъ православнымъ христіяномъ». Этотъ «гласъ» вѣщалъ Авдотьѣ, «что-де въ церквахъ Божіихъ учали пѣть латынское пѣніе, а старое пѣніе премѣнили, и у того-де пѣнія православнымъ христіяномъ стоять отнюдь не мочно. И учали-де православные христіяне боятца враговъ Божіихъ, которые смущаютъ православною христіянскою вѣрою, а Бога не боятца, и чтобъ-де православные христіяне то латынское пѣніе отставили и прибѣгнули бъ къ церквамъ Божіимъ съ чистыми сердцы съ покаяніемъ и пѣли бъ попрежнему—и имъ... будетъ милость Божія. А будетъ-де... латынского пѣнія не отставятъ и всякихъ злыхъ дѣлъ и неправды не отстанутъ—и на нихъ-де Господь Богъ пошлетъ моръ и гладъ и огненное запаленіе, и весь-де градъ и люди погибнутъ...»

«А что-де въ нынѣшнемъ во 170-мъ году былъ пожаръ въ Тобольску, подъ горою на посадѣ и згорѣли 2 церкви и многіе русскіе дворы и татарскіе юрты погорѣли жъ—и тотъ-де гнѣвъ Божій былъ градцкимъ людемъ за то, что русскіе люди жили съ татары, а таторовя съ русскими людьми жили вмѣстѣ и блудъ творили, и пили и ѣли съ ними вмѣстѣ жъ».

«Да ей же Овдотьѣ гласъ былъ: говорятъ-де въ міру всякіе люди, что гладъ и всякая скудость учинилась отъ начальныхъ людей: и то-де учинилось не отъ начальныхъ людей—отъ Бога за ихъ мирское согрѣшеніе!...» (Ibid., столбецъ № 582).

Эта запись также была представлена воеводами тобольскому архіепископу Симеону, а имъ отослана въ Москву, въ Сибирскій приказъ. Производился ли какой «розыскъ» по этому дѣлу (какъ и по предъидущему)—изъ документовъ Сибирскаго приказа не видно.

„Извѣтныя дѣла" 1666—67 гг.

Въ августѣ 1666 г. по государеву указу посланъ былъ въ Сибирь изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ жилецъ Ѳедоръ Охлопковъ—«сыскивать» про «неправды» и «плутости» сибирскихъ воеводъ и таможенныхъ го-

ловъ. Въ документахъ Сибирскаго приказа (столбецъ № 582) сохранился отрывокъ «челобитнаго дѣла» Охлопкова, именно—«выпись» приказа, въ которой перечисляются всѣ раскрытыя Охлопковымъ въ Сибири злоупотребленія воеводъ и другихъ служилыхъ людей. Любопытенъ слѣдующій перечень «извѣтовъ», поданныхъ Охлопкову въ Сибири:

«Сынъ боярской Яковъ Шульгинъ въ день Ангела великого государя говорилъ, вышедъ въ чорномъ платьѣ: «та-де радость ему не въ радость, кому-де радость, тотъ и празднуй, а у него-де и на умѣ ево нѣтъ»...

«Сынъ боярской Андрей Булыгинъ извѣщалъ на площеди на ссыльныхъ дѣтей боярскихъ на Матвѣя Сосновского, на Павла Шульгина, на Ѳедора Пущина, на Ивана Жаглова: «хотятъ-де они подѣлить межъ себя Якуцкой острогъ».

«На Лѣнскомъ-де Волоку соборной попъ извѣщалъ на приказного подьячего на Павла Иванова: «носилъ-де онъ Павелъ изъ государевы казны серебреные деньги шапкою къ воеводѣ къ Лаврентью Обухову для перемѣны на мѣдные деньги».

«На Тюмени воевода Иванъ Лодыгинъ велѣлъ сыну своему Ѳедору Уложенную печатную книгу зжечь...»

«Якутцкой-де сынъ боярской Ѳедоръ Пущинъ говорилъ у него Ѳедора Охлопкова на дворѣ: «укаряютъ-де ево многіе, бутто онъ нажилъ на Ламѣ 30 сороковъ соболей: и хотя-де онъ и нажилъ—не у царя де онъ отнялъ».—И тѣ-де рѣчи говорилъ онъ многожды. И наутрее-де тово дни приходилъ онъ Ѳедоръ Пущинъ къ нему Ѳедору Охлопкову на дворъ и билъ челомъ, чтобъ тѣхъ ево словъ не объявить».

Челобитная тобольскаго воеводы кн. Ивана Борисовича Репнина о смѣнѣ съ воеводства, 1672 г.

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу холопъ твой Ивашко Репнинъ челомъ бьетъ: въ нынѣшнемъ во 180 (1672)-мъ году, февраля въ 27 день, въ твоей... грамотѣ изъ Сибирского Приказу, за приписью дьяка Григорія Порошина, писано ко мнѣ холопу твоему: билъ челомъ тебѣ великому государю я..., чтобъ ты... пожаловалъ—велѣлъ меня... изъ Тобольска перемѣнить, и ты... пожалуешь—велишь перемѣнить меня... во 181 (1673)-мъ году. И въ томъ твоя великого государя воля должная наша тебѣ великому государю работать и до конца живота своего, какъ Богу. Извѣстно тебѣ великому государю, что и отцу твоему государеву... Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и тебѣ великому государю... отецъ мой бояринъ кн. Борисъ Александровичъ служилъ много-

лѣтно и мало не до гробу своего, дому не зналъ, а не искалъ ни въ комъ помощи, опричь вашей государской милости, и за то многую принялъ ненависть и огласку и терпѣнья. И я холопъ твой многіе годы волочусь безотвѣтно и работаю тебѣ великому государю во всякихъ дѣлѣхъ нелѣностно и безкорыстно, безо всякихъ прихотей: на то есть свидѣтель вѣренъ—Всевидящее Око! И жителемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я... былъ и нынѣ сибирцомъ вѣдомо (то). А какъ по твоему... указу сказано мнѣ (ѣхать) въ Сибирь, и въ то время билъ челомъ тебѣ... отецъ мой, (съ) смертнова своего одра выѣзжалъ, чтобъ ты.. пожаловалъ, для ево конечной болѣзни и одиночества, посылать меня... въ Сибирь не велѣлъ И о томъ, что не получилъ твоей государской милости, видя (отецъ) себя пуста и старость свою въ жатву преклоншуся и къ резанію готовещу, повсякъ часъ рвался и неутѣшно плакалъ, роспаляяся по мнѣ отеческою утробою, не щадя живота своего. И послѣ высылки моей холопа твоего съ Москвы не стало ево волею праведною Божіею вскорѣ, а мнѣ... конца ево видѣть и отеческаго благословенія и послѣдняго прощенія принять и противъ приказу души ево построить и по се время за согрѣшенія мое Богъ не сподобилъ. И нынѣ въ домишку вдовствуетъ и во всякихъ находящихъ напастѣхъ въ конешной своей старости животъ свой мучитъ мать моя бѣдная, не имѣя ни малые отъ горя своего страды, развѣ горькихъ своихъ бѣдныхъ слезъ и воздыханія: уже тому горькому ее терпѣнію мало не два года. А мнѣ... съ тѣхъ бѣдъ болѣзнь множитца, и вижу мало, и насилу брожу, и память рушитца, и весь дряхлъ, въ забвеніи шатаюсь! ей, ей, государь, неложно (говорю) и всѣмъ людемъ то въ Тобольску видимо! Да я жъ... изъ приказовъ на Москвѣ оскорбленъ многими дѣлы: съ деревнишекъ поборы емлютъ, и дворишка и деревнишка отнеты. А которые, государь, напередъ сего моя статья въ Сибири у вашихъ государскихъ дѣлъ ни бывали—и тѣмъ въ дѣлахъ было отсрочено и поборовъ съ нихъ не имано. А побить челомъ тебѣ... за меня... некому: отъ всѣхъ пустъ и на всякіе помощи безсемейство и одиночество мое тебѣ... извѣстно!—Милостивый государь царь!.. пожалуй меня безсемейнова и безпомочнова холопа своего, преклонись на милость преклоншаго ради и Бога и сошедшаго на землю и кровь свою проліявшаго нашего ради спасенія! прими, государь, горькіе рождшей моей и мои бѣдные слезы и воздыханія, яко Христосъ мытаревы! Буде есть грѣшнымъ покаяніе—отпусти связана настоящими нуждами, яко плѣнника во отраду! Вели, государь, меня холопа своего свободить изъ Тобольска къ Москвѣ и видѣть свои государскіе очи! Ты, государь, по Бозѣ намъ сирымъ милостивой избавитель! Государь царь, умилосердися, помилуй!» (Ibid., столбецъ № 569). Никакого приговора нѣтъ; челобитная подана 18 апрѣля 1672 г.

„Грамотка" нѣмецкаго полковника русской службы къ товарищу, 1665 г.

Въ декабрѣ 1665 года тобольскіе воеводы Петръ Ивановичъ Годуновъ и Михаилъ Посниковъ писали государю: «выспрашивали» они «у всякихъ людей: въ чемъ вамъ великимъ государемъ прибыль учинить? И въ нынѣшнемъ, государи, во 176-мъ году, декабря въ 12 день, сказалъ мнѣ... тайно полковникъ Индрикъ Эгратъ: писалъ-де къ нему изъ Томского города полковникъ Яганъ фанъ-деръ-Гейденъ грамотку, писана нѣмецкимъ письмомъ, о вѣдомости серебряной руды, и ту грамотку я... у него Индрика взялъ и велѣлъ перевесть на рускої языкъ, и тотъ переводъ послали мы... къ вамъ великимъ государемъ къ Москвѣ, подъ сею отпискою...»

«Переводъ съ нѣмецкого письма съ грамотки, что писалъ изъ Томского полковникъ Яганъ Фандергейденъ въ Тоболескъ къ полковнику Индрику Фанэграту:

«Твоя, государь, добрая дружба у меня отнюдь не будетъ забвенна, будетъ ли мнѣ Господь изъ сее неволи пособитъ и моя невинность на свѣтлость придетъ, и для ради чего я здѣсь такъ много принужденъ терпѣть, будтобъ я у всѣхъ большой бунтовщикъ или злодѣй былъ, развѣ едино въ семъ я виноватъ, что я воромъ ихъ измѣну и татьбу въ очи металъ и напоминалъ, чтобъ они царскому величеству вѣрны были, или иноко что имъ на зло изыдетъ ихъ воровство. Не сумляю се, что ты, государь, то все уже и доселѣ выразумѣлъ. Бью тебѣ, государь, челомъ—пособи моему переводчику Ондрѣю, чтобъ къ Москвѣ отпущенъ былъ: по нему я надѣюсь, что все государю вѣстно учинить какъ здѣсь живутъ, что Богъ помилуй! Нынече они здѣсь сильно вертятца, чтобъ серебро дѣлать. Дай имъ Господь счастье къ тому! И сегодня два новокрещены капитанъ Отонхансъ (и) Плесъ пошли отселе своего воровства лутче проявлять и серебряные руды искать, и они жъ хотятъ быть сицеву дѣлу зачальники и первые указчики.

«За лихо боюся, что поведетца имъ какъ повелося тѣмъ, что на Москвѣ руду... (пробѣлъ). А будетъ бы здѣсь были прямые къ сему дѣлу, могло быть нынѣ, что столь добро быть, да лихо отъ сехъ учениковъ мало добра надѣятца, и дѣятся у нихъ какъ голанцы говорятъ: «много каши, мало масла»,—такъ они много на себя взяли и много говорили, да безъ разума.

«Изволь, государь, скажи мое челобитье государю Петру Ивановичю Годунову и бей челомъ, чтобъ онъ изволилъ меня здѣшнему воеводѣ Микитѣ Андреевичу (Вельяминову) препоручить: будучи они себѣ други

и племянники, и чтобъ мнѣ не допустилъ въ конецъ не погинуть. Здѣсь я уже съ 32 мѣсяца ни копѣечки въ деньгахъ не взялъ. Будетъ тебя, государя, Богъ къ Москвѣ принесетъ—смилуйся! учини по своему обѣщанію—не поставь меня въ забвенье, гдѣ я еще отъ всѣхъ своихъ оставленъ живу и никого жъ вѣрного обрести не знаю. А посему тебя, государя, со всѣми твоими во вышняго Бога бреженіе поручаю и сердешно поздравляю я самъ и моя любимица и моя дщерка.

«Мое челобитье своимъ начальнымъ и своему писцу, которого руку я еще знаю». (Ibid., столбецъ № 569).

Челобитная томскихъ „богадѣленныхъ старчиковъ", 1661 г

«Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой изъ Сибири Томского города изъ богадѣльни нищей старчикъ Ивашко Нехорошовъ: въ прошломъ, государь, во 168-мъ году прислали меня нищаго отъ всей братіи богадѣленскихъ старчиковъ изъ Томского города къ Москвѣ бити челомъ тебѣ великому государю о твоемъ царскомъ жалованьѣ о годовой ругѣ о милостынѣ о денежной и о хлѣбной. И ты... насъ нищихъ своимъ царскимъ жалованьемъ пожаловалъ и твоя... грамота намъ дана, и нынеча мнѣ нищему съ тою грамотою сволочся въ Томской не на чемъ—мѣсто дальнее. А нынѣ, государь, по твоему... указу посылаютъ... денежную казну въ Томской, ратнымъ людямъ на жалованье, съ Томскимъ сыномъ боярскимъ и съ служилыми людьми, на твоихъ государевыхъ подводахъ. Милосердый государь...! пожалуй меня... вели, государь, меня приписать на тѣжъ подводы съ Томскими служилыми людьми...»—Помѣта: «написать въ памяти (въ Ямской приказъ) съ Томскими казаки служилымъ человѣкомъ».

Изъ царской грамоты Томскому воеводѣ Ивану Васильевичу Бутурлину и дьяку Прокофью Прокофьевичу Бобоѣдову, отъ 19 февраля 1661 г., узнаемъ, что Ив. Нехорошовъ подалъ челобитную о «годовой ругѣ» отъ имени своего и еще 11 «нищихъ старчиковъ» Томской богадѣльни—Ивана Тетеркина, Никифора Носа, Василья Басарги, Луки Королька, Петра Рая и др. Все это были томскіе казаки, которые «за старостью и за увѣчьемъ отставлены» отъ службы. Въ богадѣльню «построилъ» ихъ воевода Михайло Волынской, но никакого жалованья имъ «не учинилъ», такъ что они сами добывали себѣ пропитаніе, «скитаясь межъ дворъ». Старчикъ Нехорошовъ просилъ отъ имени своей братіи о дачѣ годоваго хлѣбнаго жалованья «противъ Тобольскихъ богадѣленныхъ нищихъ—по 2 чети ржи человѣку, да всѣмъ имъ 6 пудъ соли на годъ». Это челобитье было удовлетворено, да кромѣ того на Москвѣ единовременно выдано Нехорошову 24 рубля, для раздачи

всѣмъ 12 «старчикамъ»—по 2 рубля на человѣка. (Ibid., столбецъ № 533).

Дѣло о ношеніи царской грамоты „не по чину—за голенищемъ", 1660 г.

Въ сентябрѣ 1660 г. Енисейскій воевода Иванъ Ржевской и подъячій Викула Пановъ писали государю, что 14-го генваря того года казачій пятидесятникъ Игнатъ Ѳедотовъ «извѣщалъ словесно», что боярскій сынъ Ѳедоръ Усовъ «носитъ твою государеву грамоту за голенищемъ»... Воевода потребовалъ Усова въ съѣзжую пзбу, гдѣ у него «государева грамота вынята изъ-за рукава, и на той... грамотѣ припись дьячья приписана не такъ, какъ иныя твои государевы грамоты приписываны, и узнали мы... что та грамота написана воровски»... Воевода допрашивалъ Усова «съ большимъ пристрастіемъ» и «распросныя рѣчи», вмѣстѣ съ его «челобитной», отправилъ къ государю, отдавши Усова «на поруки» до государева указа.

Въ «распросныхъ рѣчахъ» Игнатъ Ѳедотовъ сказалъ: «сынъ боярской, Ѳедоръ Усовъ, носитъ государеву грамоту у себя за голенищемъ, а та-де грамота за государевою печатью. И онъ-де, Игнашка, ему говорилъ, что онъ тое грамоту носитъ не по чину: доведетца-де государева грамота носить и выше того — за пазухою».

Воевода и подъячій «распечатали» грамоту, вынутую у Усова «изъза рукава», и она оказалась написанною на имя воеводы стольника, Ивана Акинѳова, отъ 8 марта 163 (1655) г., съ неправильною «дьячьею приписью»: на настоящихъ государевыхъ грамотахъ «живетъ припись дьячья ниже подписки на склѣйкахъ, а у той грамоты припись дьяка Григорья Протопопова выше подписки»...

Ѳедоръ Усовъ показалъ: въ 1655 году былъ онъ въ Москвѣ и подалъ челобитную боярину Борису Ивановичу Морозову, который принялъ ее и отдалъ «человѣку своему», Кондратью Лунину, «и по тойде челобитной Лунинъ впослѣдствіи прислалъ Усову въ Енисейскъ съ сыномъ его Кузьмою «тое государеву грамоту», найденную нынѣ у него, но кто ту грамоту писалъ—онъ не знаетъ.

Но 20-го марта Усовъ подалъ воеводѣ челобитную, гдѣ представляетъ дѣло иначе:

«Царю государю... бьетъ челомъ холопъ твой Енисѣйскаго острогу сынчишко боярской Ѳедька Усовъ: судомъ, государь, праведного Бога и грѣхъ ради моихъ болѣзненъ я... бѣсновательною и иступительною болѣзнью, и внѣ ума въ той болѣзни написалъ я... на прежнево своево половника, на Кирилка Коростелева съ

сыномъ, ложную грамоту о указѣ, что онъ, Кирило, не дожилъ у меня... до сроку полтретьи годовъ. И отнявъ отъ прежніе твоей государевы московской подорожной твою великаго государя печать, приложилъ къ той ложной грамотѣ прилѣпомъ. И по извѣту Енисейского пятидесятника Игнатья Ѳедотова твой государевъ воевода Иванъ Ивановичъ Ржевской да подьячей Викула Пановъ выняли у меня... въ съѣзжей избѣ изъ-за пазухи (?) (грамоту). И въ томъ я холопъ твой передъ тобою великимъ государемъ виноватъ! Милосердый государь!.. пожалуй меня... виноватово, для моей убогой старости и болѣзни, и за прежніе мои къ тебѣ государю службы—вели, государь, тое мою страдничью вину отдать, потому что такое дѣло учинилось внѣ ума вражьимъ умышленьемъ! Царь-государь, смилуйся!» На оборотѣ подпись: «сію челобитную въ винѣ своей я, Ѳедька Усовъ, писалъ своею рукою и руку приложилъ».

При допросѣ по поводу этой челобитной Усовъ сознался, что въ первомъ своемъ показаніи онъ «себя поклепалъ»: челобитной онъ не подавалъ боярину Б. И. Морозову и «человѣкъ» послѣдняго, К. Лунинъ, никакой грамоты ему, Усову, не присылалъ въ Енисейскъ.

Приговоръ по этому дѣлу находимъ въ грамотѣ воеводѣ И. И. Ржевскому, отъ 30-го ноября 1660 г.: «какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бъ того Ѳедьку Усова, за ево воровство, велѣлъ передъ съѣзжею избою бить кнутомъ нещадно, чтобъ ему и инымъ впередъ неповадно было такъ воровать»... (Ibid., столбецъ № 533).

„Извѣтное дѣло" объ оскорбленіи царской „парсуны", 1660 года.

Въ февралѣ 1660 года явился въ Енисейскую съѣзжую избѣ «тюремной цѣловальникъ» Корнило Трофимовъ и заявилъ воеводу И. И. Ржевскому, что «тюремной сидѣлецъ, послуживецъ Еремія Пашкова, Ондрюшка Салтановъ, сказываетъ за собою государево великое дѣло»... Салтановъ немедленно приведенъ былъ къ воеводѣ и подъячему В. Панову, и «въ роспросѣ сказалъ: тюремной-де сидѣлецъ Григорей Плещеевъ стрѣляетъ изъ пищали по башнѣ, а на той-де башнѣ образъ Всемилостивого Спаса. А при воеводѣ-де при Офонасьѣ Пашковѣ и при Иванѣ Акинфовѣ ружья у него Григорья въ тюрьмѣ не было, а завелъ-де онъ то ружье при воеводѣ при Максимѣ Ртищевѣ и по се число у себя держитъ, и изъ тюрьмы выходитъ—стрѣляетъ по башнямъ.

«Да онъ же-де, Григорей, которые служилые люди походятъ на государевы службы, и онъ-де, Григорей, женъ ихъ и дочерей

воруетъ, и какъ-де они пріѣдутъ съ службъ — и онъ имъ посмѣхается и ихъ укоряетъ.

«Да онъ же-де Григорей, приходя въ заднюю тюрьму, говорилъ, что-де Литва одолѣетъ русскую силу. А слышали-де ту рѣчь цѣловальники Корнилко Плехань да Ивашко Васильевъ. А ему-де (Плещееву) черезъ такое великое дальное растояніе почему было вѣдать?

«Да подалъ (Салтановъ) листъ, а сказалъ: далъ-де ему тотъ листъ Ивашко Прохоровъ Безруково посмотрѣть, а на листу написано парсуна (портретъ), да назади листу написано русскимъ письмомъ: «сій изразецъ Ивана Прохорова Безруково», да въ другомъ мѣстѣ написано: «сій листъ Ивана Питиримова Игуменца».

«И спросилъ-де Ондрюшка ево Григорья Плещеева: «видалъ ли-де ты въ лицахъ парсуну царя Ивана Васильевича (Грознаго?) всеа Русіи?»—И онъ-де Григорей ему Ондрюшкѣ сказалъ: «видалъ-де!»—И онъ-де Ондрюшка тотъ листъ ему показалъ, и онъ-де посмотря листа на тое парсуну плюнулъ и молвилъ: «что-де то-за чортъ!?» — И бранилъ всякими непристойными словами И. онъ-де, Ондрюшка, ему молвилъ: «для-де ты чево такъ наругаешься, плюешь и бранишь такова великого государя парсуну?»—Потому-де онъ, Ондрюшка, про то въ съѣзжей избѣ воеводѣ И. И. Ржевскому и подьячему Викулѣ Панову и извѣстилъ, что-де такое великое дѣло потаить невозможно»...

Григорій Плещеевъ «въ роспросѣ сказалъ»: «изъ тюрьмы-де по Спасской башнѣ не стрѣливалъ, а стрѣлялъ-де съ воеводцково двора воевода Максимъ Ртищевъ, а онъ-де въ тое пору къ нему, Максиму, хаживалъ, и въ томъ-де онъ шлетца на тюремныхъ цѣловальниковъ, что онъ нарочно изъ тюрьмы не выхаживалъ и изъ пищали по башнѣ не стрѣливалъ: тѣмъ-де ево поклепали! И къ казачьимъ женамъ для блудново дѣла не хаживалъ и мужьямъ ихъ тѣмъ не посмѣхался и челобитья-де на нево въ томъ не бывало: и тѣмъ-де ево напрасно клеплютъ! И въ заднюю-де тюрьму приходя, такихъ рѣчей, что литовская сила рускую силу одолѣетъ — не говаривалъ. А какъ-де онъ въ заднюю тюрьму прежъ сего прихаживалъ, и къ нимъ-де ходили цѣловальники. А пищалей-де у него въ тюрьмѣ нынѣ нѣтъ, а прежъ-де сего при М. Ртищевѣ пищаль у человѣка ево была, и человѣкъ-де ево съ тою пищалью хаживалъ и стрѣлялъ птицъ, и тѣмъ-де онъ кормитца, и въ томъ шлетца на весь городъ. А парсуны-де, какову принесъ въ съѣзжую избу Ондрюшка Тотаринъ, у него не видалъ, и на нее-де не плевывалъ, и никакихъ поругательныхъ словъ не говаривалъ: тѣмъ-де ево поклепали! И отъ нево-де, Ондрюшки, такихъ рѣчей не слыхалъ, что-де парсуна царя Ивана Васильевича всеа Русіи».

Тюремные цѣловальники Корнило Плехань и Иванъ Васильевъ по-

казали согласно съ Григорьемъ Плещеевымъ, отвергая всѣ обвиненія Андрея Салтанова, о которомъ замѣтили: «того-де они слыхали отъ Ондрюшки сами, что-де онъ, Ондрюшка, хочетъ тѣми затѣйками къ Москвѣ выбитца»...

Иванъ Питиримовъ показалъ, что «парсуну» далъ ему Алексѣй Кузминъ, «человѣкъ» Петра Бекетова, а онъ передалъ «тюремному сидѣльцу» ее, А. Салтанову, тайно отъ тюремныхъ цѣловальниковъ. Подпись «рускимъ письмомъ» — его, Ивашки, «а польская-де подпись—невѣдомо чья рука».

А. Кузминъ: «парсуну-де царя Ивана Васильевича всеа Русіи» взялъ онъ у Ѳедора Баскакова, который «нынѣ умеръ».

Тюремной сидѣлецъ Тарасъ Аѳанасьевъ: «въ тюрьму-де приходя, Григорій Плещеевъ по многіе дни говорилъ: «дѣлалъ-де блудной грѣхъ съ казачьими женами Ивана Чабычакова, да съ Маринкою Кривухою». Да онъ же, Григорей, прихаживая къ нимъ въ тюрьму, говорилъ: «въ Литвѣ-де кровь льетца великая, а Литва-де справчива, кому-де Богъ помощи подастъ». Да онъ же сказалъ: «показалъ-де ему, Григорью, тюремной сидѣлецъ Ондрюшка Салтановъ парсуну царя Ивана Васильевича всеа Русіи, и онъ-де, Григорей, посмотря парсуны и плюнулъ—не такъ-де парсуна!» (т. е.—не похожа?..). А то-де слышали всѣ тюремные сидѣльцы».

Тюремной сидѣлецъ Богданъ Карташъ: когда А. Салтановъ показалъ имъ «парсуну царя Ивана Васильевича», Гр. Плещеевъ «посмотря, избранилъ и плюнулъ», говоря: «не такова-де парсуна царя Ивана Васильевича»... По башнямъ онъ, дѣйствительно, стрѣлялъ, но пересталъ это дѣлать, когда тюремные сидѣльцы ему замѣтили, что на Спасской башнѣ «стоитъ Спасова чюдотворная икона...» Но Плещееевъ не говорилъ такихъ рѣчей, что «Литва рускихъ людей осилѣетъ», что «Литва-де справчива—разорятъ-де и Москву» и проч.

Другіе тюремные сидѣльцы (6 человѣкъ) показали согласно съ Б. Карташомъ, а нѣкоторые ничего по этому дѣлу «не вѣдали».

Боярскій приговоръ по дѣлу: «169 году, октября въ 3 день, бояре слушавъ сеѣ отписки (т. е.—отписку Енисейскаго воеводы И. И. Ржевскаго) и роспросныхъ рѣчей приговорили: Григорья Плещеева, за непристойные ево слова, бить кнутомъ, а Ондрюшку Салтанова бить вмѣсто кнута батоги—на што онъ тое парсуну принималъ и у себя держалъ».

Грамота И. И. Ржевскому объ исполненіи боярскаго приговора (Гр. Плещеева велѣно «бити кнутомъ на козлѣ») послана 15 ноября 1660 года. (Ibid., столбецъ № 533).

Дѣло о „ворожебныхъ письмахъ", 1652 г.

Отписка воеводы Илимскаго острога Богдана Денисьевича Оладьина, въ апрѣлѣ 1652 года:

22 апрѣля явился въ съѣзжую избу «ссыльной торговой человѣкъ москвитинъ» Герасимъ Коноплинъ и «извѣщалъ словесно» на промышленнаго человѣка Никифора Ондрѣева, у котораго онъ нашелъ «ворожебныя письма», переданныя имъ воеводѣ. Коноплинъ привелъ въ избу и самого Ондрѣева. Воевода немедленно созвалъ въ съѣзжую избу духовенство города, служилыхъ, торговыхъ и другихъ людей: поповъ Спасскаго собора бѣлого попа Обросима Левонтьева и чернаго попа Филарета, таможенныхъ цѣловальниковъ Ивана Крюкова и Ивана Яковлева, 9 служилыхъ людей, 10 торговыхъ людей и др. При всемъ этомъ собраніи «ворожебныя письма» были осмотрѣны и прочтены соборнымъ попомъ Обросимомъ и таможеннымъ цѣловальникомъ Иваномъ Крюковымъ, «а самъ я, холопъ твой—замѣчаетъ воевода— того письма не челъ»...

Попъ Обросимъ и Ив. Крюковъ взяли принесенный Коноплинымъ «бумажникъ» Никифора Ондрѣева, прочли всѣ находившіяся тамъ «письма» и составили имъ слѣдующую роспись:

«Сонъ Богородицы», ево Микишкина рука.

Да молитва Екотерины Христовы мученицы.

Да молитва о томъ же снѣ: «Владыко Господи Іисусе», и о томъ же снѣ ево же Микишкины руки всѣ писаны.

Да въ тѣхъ же письмахъ нашли—молитва Христовы мученицы Екотерины, рука ево Микишкина.

Да другое письмо—Сонъ Богородицы, да написанъ крестъ, рука ево Микишкина.

Да третье письмо—слова звѣри ловить.

Четвертое письмо—слова писаны какъ чисту ходить, рука не ево Микишкина.

Пятой заговоръ—чтобъ на бабъ слова.

Шестое письмо—килной заговоръ.

Стихи Миколы Чюдотворца.

Молитва къ Богу и къ отрокомъ примѣнена.

Письмо о стаялыхъ т...хъ у...хъ.

Письмо—слова отъ грыжи и отъ зубовъ и каверзы розные.

(Письмо—) чтобъ крестьяне боялись ево Микишки и какъ рыбу ловить и многіе враки.

Тетратка, авъ ней слова розные отъ грыжи, слова по ухожеемъ ходить и о т...хъ у...хъ.

Слова — какъ руда (т. е. кровь) унимать, слова — рыбной заговоръ.

Слова—т...хъ у...ъ о стаяломъ и всякихъ розныхъ вракъ и тетратка письмо ево Микишкина рука.

Да въ тѣхъ же письмахъ нашли—молитва невѣдомо какое письмо: рѣчь непорусски, а писано порусски»[1]).

Воевода велѣлъ затѣмъ «накрѣпко пытать» Н. Ондреева, допрашивая, «гдѣ онъ такіе письма взялъ и у ково имянемъ?» — Ондреевъ «съ пытки сказалъ: молитву-де Екотерину я списывалъ самъ у промышленного человѣка у Левки Устюженина, на Ленѣ, а Сонъ Богородицы онъ же Левка далъ мнѣ, а воровскіе письма—бабьи привороты, чтобъ стояли т...е у...ы, и привороты и килные заговоры далъ ему тѣ всѣ враки, и звѣриные и на рыбные ловли, въ Енисейскомъ промышленной человѣкъ Иванъ, а чей онъ сынъ и которого города и села—того онъ Микишка не сказалъ, и у ково живетъ—того не вѣдаетъ же онъ Микишка. А далъ-де мнѣ тѣ всѣ враки онъ Ивашка на улицѣ....» О послѣднемъ заговорѣ, написанномъ русскими буквами, но на неизвѣстномъ языкѣ—Ондреевъ замѣтилъ, что это «слово отъ тресавицы» (т. е. лихорадки).

Послѣ второй пытки Ондреевъ сознался, что этотъ неизвѣстный Ивашка—енисейскій промышленный человѣкъ Иванъ Алексѣевъ «прозвищемъ Мотора, вычегженинъ» (самъ Ондреевъ былъ «сысолетинъ»), живущій въ дер. Нижней «у пашеннаго крестьянина у Сергѣя, а далъ-де ему то письмо на улицѣ, разговорясь пьючи на квасной квасъ. А онъ-де Ивашко молодъ, бороды нѣту, а грамотѣ умѣетъ. А далъ ему по добротѣ, одинъ на одинъ», въ прошломъ году, когда онъ, Ондреевъ, ѣхалъ изъ Енисейска на суднѣ съ торговымъ человѣкомъ Даниломъ, который «про то письмо не вѣдалъ. И въ томъ онъ Микишка во всемъ винился».

Въ третій разъ принялись пытать несчастнаго Ондреева, допрашивая его: «по тѣмъ письмамъ онъ Микишка ково порчивалъ ли?—И онъ Микишка съ пытки ничево не говаривалъ (т. е.—никого не оговаривалъ) и никого не порчивалъ и жонокъ къ себѣ не приворачивалъ»...

Затѣмъ Ондреевъ былъ посаженъ въ тюрьму «до государева указу», а объ отысканіи Ивана Моторы и заключеніи его въ тюрьму илимскій воевода писалъ Енисейскому воеводѣ Аѳанасію Пашкову. Въ заключеніе своей отписки (къ которой приложены «роспись» заговоровъ и «пыточныя рѣчи» Ондреева) Б. Оладьинъ говоритъ: «и я холопъ твой объ

[1]) Характерная черта, что составители росписи (а ниже и воевода) не одинъ разъ называютъ эти „ворожебныя письма"—„враками". *Н. О.*

томъ дѣлѣ не писать къ тебѣ государю не посмѣлъ, и мнѣ... во томъ дѣлѣ что ты, государь, укажешь?»

Къ сожалѣнію, конца дѣла не сохранилось, и чѣмъ оно кончилось—не извѣстно. На отпискѣ же Оладьина читаемъ такую помѣту Сибирскагь приказа: «справитца о вѣдунахъ, что имъ указано чинить, съ Казанскимъ Дворцомъ» (т. е. съ приказомъ).

«Списокъ» съ «ворожебныхъ писемъ» былъ посланъ въ Москву, но при дѣлѣ не сохранился. (Ibid., столбецъ № 586).

Челобитная „всего города" Туринска объ оставленіи воеводы на новый срокъ, 1687 г.

«Царемъ государемъ..... бьютъ челомъ изъ Сибири Туринскіе богомольцы Никольского монастыря игуменъ Пахомій съ братьею и Спасскіе и Покровскіе попы съ крылошаны и холопи ваши дѣти боярскіе и служилые и сироты ваши посадскіе людишки и ямскіе охотничишка и пашенные крестьянишка и всякіе Туринскіе градцкіе жители и Туринского уѣзду розныхъ волостей всѣ ясашные тотора: въ прошломъ, государи, во 190-мъ году, по вашему.... указу присланъ съ Москвы въ Туринской на вашу ...службу воевода Михайло Ивановичъ Алфимовъ, и будучи онъ въ Туринскомъ насъ богомольцовъ и холопей и сиротъ вашихъ по вашему... указу во всемъ бережетъ и всякіе ваши государевы дѣла дѣлаетъ и розсудъ чинитъ межъ нами въ правду, и никому намъ отъ него воеводы Михайла обидъ и налоги и утѣсненія нѣтъ, и вамъ великимъ государемъ радѣетъ и прибыль чинитъ въ денежномъ сборѣ и въ десятинной пашнѣ и во всякомъ строеньѣ. Милосердые государи ....! пожалуйте насъ... велите, государи, ему воеводѣ Михайлу быть въ Туринскомъ воеводою другую перемѣну, какъ вамъ... Богъ извѣститъ! Цари-государи, смилуйтеся пожалуйте!»—Челобитная «подписная»—съ рукоприкладствами челобитчиковъ.

Приговоръ: «193 году, сентября въ 25 день, государи пожаловали невелѣли ево до своего государева указу перемѣнить, учинить о томъ указъ боярину князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи». (Ibid., столбецъ № 936).

Сообщилъ **Н. Оглоблинъ.**

Генрихъ Антоновичъ Лееръ.

По поводу 35-ти-лѣтней литературной и профессорской дѣятельности.

Генрихъ Антоновичъ Лееръ, родился 4-го апрѣля 1829 года, въ г. Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1841 году поступилъ въ г. С.-Петербургѣ въ Ларинскую классическую гимназію, въ которой оставался до 1844 года (до V класса включительно). Въ августѣ того же года поступилъ въ Главное (нынѣ Николаевское) инженерное училище, въ которомъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Хотя въ инженерномъ училищѣ и не преподавалась военная исторія, но весьма интересно изложенный преподавателемъ фортификаціи, покойнымъ штабсъ-капитаномъ Квистомъ, разборъ переправы черезъ р. Березину заронилъ въ пылкую душу Генриха Антоновича первую искру все болѣе и болѣе возраставшей въ немъ любви къ военной исторіи, опредѣлившей на всю жизнь характеръ его дальнѣйшей дѣятельности. Эта любовь къ военной исторіи въ шестнадцатилѣтнемъ юношѣ не отвлекла его однако отъ изученія и прочихъ предметовъ учебнаго курса, и многіе изъ преподавателей его очень цѣнили. Такъ, напримѣръ, въ то время, въ училищѣ читалъ высшую математику извѣстный академикъ Остроградскій, который раздѣлялъ классъ на «геометровъ» и «землемѣровъ». Къ первой категоріи онъ относилъ лучшихъ учениковъ по математикѣ, ко второй—худшихъ; но про Генриха Антоновича онъ говорилъ, что онъ ни «геометръ», ни «землемѣръ», а просто «мой пріятель», и не мало времени удѣлялъ отъ лекцій на бесѣды съ Генрихомъ Антоновичемъ о военной исторіи до которой Остроградскій былъ большой охотникъ и въ которую, къ тому времени, Генрихъ Антоновичъ успѣлъ достаточно углубиться (имъ уже была переведена на русскій языкъ вся первая часть обширнаго сочиненія Роккапкура «Cours élementairs d'art et d'histoire militaires»).

Въ 1848 году Генрихъ Антоновичъ былъ произведенъ въ прапорщики полевыхъ инженеровъ съ оставленіемъ при Главномъ инженерномъ училищѣ, что соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ академическимъ курсамъ. По окончаніи офицерскихъ курсовъ въ 1850 г., онъ былъ переведенъ въ 3-й резервный (нынѣ 11-й) саперный батальонъ на Кавказѣ. Въ 1851 году участвовалъ въ зимнемъ походѣ въ Большой Чечнѣ, послѣ котораго за отличіе получилъ четырехмѣсячное старшинство въ чинѣ подпоручика.

Офицеры 11-го сапернаго батальона постановили, по случаю 35-тилѣтняго юбилея профессорской дѣятельности Генриха Антоновича, исполнившагося 4-го декабря 1893 года, помѣстить его портретъ въ своемъ офицерскомъ собраніи.

Въ 1852 году Генрихъ Антоновичъ поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), въ которой онъ и окончилъ курсъ въ 1854 году. По выпускѣ изъ академіи, онъ былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ на должность старшаго адъютанта, а въ 1856 году былъ назначенъ состоять при департаментѣ генеральнаго штаба и, по сдачѣ пробной лекціи въ бывшемъ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, началъ преподавательскую дѣятельность въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

По защитѣ диссертаціи «О вліяніи нарѣзнаго оружія на современное состояніе тактики», Генрихъ Антоновичъ 4-го декабря 1858 года былъ назначенъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, а черезъ годъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Въ 1864 году онъ былъ назначенъ на должность начальника офицерскихъ отдѣленій въ Николаевской инженерной академіи, съ оставленіемъ въ званіи адъюнктъ-профессора въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ томъ же году его назначили профессоромъ тактики, а въ 1865 году произвели въ полковники съ назначеніемъ инспекторомъ классовъ 2-го военнаго Константиновскаго училища. Въ этой должности Г. А. оставался до 1870 года.

Въ 1867 г. Генрихъ Антоновичъ былъ командированъ въ Пруссію и Францію для ознакомленія съ постановкою учебнаго дѣла въ военныхъ училищахъ и академіяхъ, а равно и съ наиболѣе выдающимися сторонами службы офицеровъ генеральнаго штаба.

Во время пребыванія его въ Берлинѣ покойный фельдмаршалъ Мольтке удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, причемъ подробно разспрашивалъ о его наблюденіяхъ, прощаясь, подалъ Г. А. руку и сказалъ: «я очень радъ, что вы нами такъ довольны».

Въ 1870 году Г. А. въ чинѣ генералъ-маіора былъ назначенъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, а послѣ на-

значеція членомъ военно-ученаго комитета, въ 1872 г.,—членомъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища.

Въ 1872 году Г. А. Лееръ сопровождалъ въ заграничномъ путешествіи по Австріи и Италіи великаго князя Николая Константиновича, которое имѣло цѣлью ознакомленіе съ арміями и вообще съ военными учрежденіями этихъ государствъ.

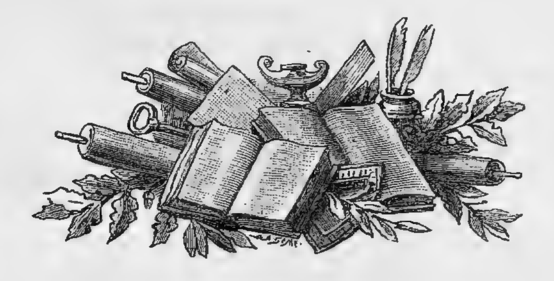
Въ 1874 году Генрихъ Антоновичъ получилъ званіе заслуженнаго профессора.

Съ 1881 по 1884 годъ Генрихъ Антоновичъ состоялъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Въ 1882 году, за отличіе по службѣ, внѣ правила, Генрихъ Антоновичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ этомъ же году онъ былъ командированъ на маневры во Францію.

Затѣмъ вплоть до назначенія Генриха Антоновича въ 1889 году начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, равно какъ и по настоящее время, онъ безпрерывно продолжаетъ свою дѣятельность по преподаванію стратегіи въ академіяхъ (въ Михайловской артиллерійской до 1886 г., въ Николаевской инженерной до 1891 г., а въ Николаевской академіи генеральнаго штаба по настоящее время). Во все время, несмотря на множество занятій, какъ профессоръ, онъ въ то же время неутомимо занимался литературными трудами. Масса его вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и заграницею ученыхъ трудовъ заслужили ему европейскую извѣстность.

Юбилей его былъ истиннымъ торжествомъ, которое почтили своимъ присутствіемъ великій князь Михаилъ Николаевичъ съ своими сыновьями.

Во время 35-ти-лѣтняго періода преподавательской дѣятельности Генрихъ Антоновичъ имѣлъ счастіе читать лекціи по стратегіи и военной исторіи государю наслѣднику цесаревичу съ 1886 до 1890 года и тактику ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Дмитрію Константиновичу, Николаю Михаиловичу, Михаилу Михаиловичу, Георгію Михаиловичу и ихъ высочествамъ принцу Николаю Петровичу Ольденбургскому и герцогамъ Георгію Георгіевичу и Михаилу Георгіевичу Мекленбургскимъ.



ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Матеріалы и замѣтки.

Переписка объ одной трети копѣйки.

ГЛАВНАГО ШТАБА
Его Императорскаго Величества.

УПРАВЛЕНІЕ
Генералъ-Инспектора по инженерной части.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
30-го октября 1821 года.
№ 770.

Управляющему Гофъ-Интендантскою Конторою Господину Гофмаршалу и Кавалеру Барону Альбедилю.

Узнавъ, что Инженерный Департаментъ, изъ суммы, положенной для заплаты квартиръ вдовамъ и сиротамъ, выведеннымъ изъ кухоннаго флигеля Михайловскаго замка, на мѣсто того, чтобы доставить въ Гофъ-Интендантское вѣдомство за 1821-й годъ должные 10.000 рублей, прислалъ только 9.999 рублей 99 коп., и не принимая въ оправданіе, что отпуская сумму сію по третямъ, не могъ Инженерный Департаментъ отпустить $^{1}/_{3}$ копѣйки, которой не существуетъ въ ходячей монетѣ,—сдѣлалъ я ему строгій выговоръ, а Вашему Превосходительству посылая при семъ означенную копѣйку и прося увѣдомить о полученіи оной, не могу умолчать объ удовольствіи моемъ видѣть, какъ тщательно соблюдаете Вы казенный интересъ, ибо, чтобы получить въ возвратъ копѣйку, не пожалѣли Вы казенной бумаги, конвертовъ и печатей для двухъ Вашихъ отношеній за № 4604 и 4835,—и третьяго о полученіи посылаемой къ Вамъ теперь суммы.

Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части: «Николай».

Сообщилъ графъ **К. Н. Ламздорфъ**.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СТАТЕЙ.

Отношенія Петра Великаго къ расколу. — Императрица Екатерина I по документамъ вѣнскаго архива. — Вопросъ объ избраніи кн. Меншикова герцогомъ курляндскимъ. — Учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта. — Кругъ его дѣятельности. — Кабинетъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. — Конференція при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. — Совѣтъ „въ высочайшемъ присутствіи" при Екатеринѣ II.

I.

Историческая литература еще не опредѣлила точно отношеніе Петра Великаго къ расколу. Многіе думаютъ, что великій преобразователь Россіи преслѣдовалъ его съ особою строгостію, и что, вслѣдствіе того, въ расколѣ сказалась сила противуправительственная или антигосударственная. Съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ, Е. В. Барсовъ помѣстилъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» статью подъ заглавіемъ «Петръ Великій въ его отношеніи къ поморскому расколу» [1]).

По мнѣнію Е. Барсова «серьезное изученіе литературы русскаго раскола приводитъ къ нѣсколько другимъ воззрѣніямъ на отношенія Петра Великаго къ расколу и даже къ самой крайней его партіи—къ безпоповщинѣ». Это изученіе указываетъ на весьма суровыя мѣры противъ раскольниковъ до вступленія на престолъ Петра 1-го. Московскій соборъ 1667 г. предалъ раскольниковъ проклятію, отдѣлилъ ихъ отъ православной церкви и опредѣлилъ имъ участь, равную съ Іудою предателемъ, съ жидами, Христа распявшими, съ Аріемъ и проч. Ря-

[1]) „Русское Обозрѣніе" 1894 г. № 1, стр. 137.

домъ съ этимъ гражданскія власти заковывали старообрядцевъ въ цѣпи и хомуты, били кнутомъ, рѣзали языки и тѣмъ возмущали набожныхъ людей.

«Ужасное изувѣрство, говоритъ Е. Барсовъ, было исходомъ изъ этой борьбы. Одни бросались со скалъ, другіе тонули въ рѣкахъ и озерахъ; иные же, и всего чаще, жгли себя цѣлыми сотнями. Не села только и монастыри, а и дебри и лѣса видѣли горѣвшихъ и слышали вопли, раздирающіе душу. Прочіе же, менѣе фанатичные, какъ распуженное стадо, скрылись въ дикихъ и непроходимыхъ мѣстахъ; скитались по мхамъ и болотамъ, питались древесной корой и грѣлись у кудій. Иные, наконецъ, для спасенія своего старовѣрія, бросали свою отчизну и бѣжали въ Польшу, Пруссію, Австрію, даже въ Турцію... Эта религіозная нетерпимость дала расколу историческія преданія, чудеса, мощи, подвижниковъ и мучениковъ. Для молодаго поколѣнія, которое выросло подъ вліяніемъ этихъ событій, старовѣрство явилось уже священнымъ завѣтомъ предковъ, запечатлѣннымъ ихъ кровію. Въ ожесточеніи, въ безсиліи для дальнѣйшей борьбы, расколъ замкнулся самъ въ себя и началъ знаменовать свое отреченіе отъ церкви «перекрещиваніемъ, а отъ государства—немоленіемъ за предержащихъ властей».

Всеобъемлющій геній Петра I возвышался до вселенскаго значенія православія, и не въ его духѣ было одно обрядовое служеніе Богу. Онъ стремился освободить народъ отъ односторонней обрядности, отъ старинныхъ полуязыческихъ наслоеній, и старовѣры, такъ упорно державшіеся за букву, за сложеніе пальцевъ, за число поклоновъ, казались ему болѣе странными, чѣмъ опасными, болѣе жалкими, чѣмъ достойными преслѣдованія. Въ своемъ манифестѣ Петръ I объявилъ, что не желаетъ приневоливать совѣсти человѣческой и когда, въ 1700 году, возвращаясь изъ Архангельска, долженъ былъ ѣхать мимо Выговской пустыни, то всѣ раскольники пришли въ страхъ и ужасъ. При переѣздѣ черезъ р. Выгъ, ему сказали, что неподалеку живутъ старовѣры-пустынники.

— Пускай живутъ, отвѣчалъ онъ.

«И проѣхалъ смирно, яко отецъ отечества благоутробнѣйшій», замѣчаютъ сами раскольники въ своихъ сказаніяхъ. Въ другой разъ, когда царь узналъ, что одинъ изъ главныхъ расколоучителей Семенъ Денисовъ томится четыре года въ тюрьмѣ, онъ сказалъ: «съ противными церкви святой съ разумомъ и кротостію надлежитъ поступати». Встрѣтивъ въ Архангельскѣ купцовъ старовѣровъ, государь спросилъ таможеннаго начальника: «что эти раскольники честные люди?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ сказалъ: «если такъ, то пусть вѣруютъ, чему хотятъ; когда ихъ уже нельзя обратить изъ суевѣрія

разсудкомъ, то, конечно, не пособятъ ни мечъ, ни огонь; а мучениками за глупость быть, то они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ».

Вмѣсто притѣсненія, Петръ I предоставилъ раскольникамъ многія права и льготы. Приписавъ выговскихъ раскольниковъ къ заводамъ, онъ далъ имъ полную свободу, освободивъ отъ платежа въ казну, дозволилъ принимать имъ новыхъ членовъ, отводить имъ земли для поселенія и разрѣшилъ даже имѣть свою печать, для снабженія паспортами тѣхъ, которые поселились для торговъ и промысловъ. Въ короткое время Выговская пустынь прославилась своею промышленностью, землепашествомъ, судостроеніемъ и рыболовствомъ. Въ выговскихъ общинахъ были заводы кирпичные, желѣзные; курили деготь, смолу и т. п. Подъ вліяніемъ такихъ льготъ и свободы, раскольники стали смягчаться и въ своемъ враждебномъ отношеніи къ правительству и принимали участіе въ государственныхъ событіяхъ. Во время войны съ Турціею, расколоучитель Денисовъ предлагалъ своей паствѣ молиться за монарха и славу русскаго оружія; побѣду надъ шведами они праздновали особо торжественно.

Достойно примѣчанія то, что Петръ, вмѣсто гоненія раскольниковъ, выдвинулъ противъ нихъ силы нравственныя: знаніе и убѣжденіе. Онъ самъ часто бесѣдовалъ съ ними, поощрялъ къ тому же и духовенство. Стали появляться сочиненія лучшихъ въ то время проповѣдниковъ, направленныя противъ раскола. «Независимо отъ этой письменной борьбы, — пишетъ Е. Барсовъ — завязалась борьба живая, открытая и гласная. Начались публичныя разглагольствія. По порученію Петра Великаго нижегородскій Питиримъ объявилъ публичный диспутъ чернораменскимъ раскольникамъ и представилъ 130 вопросовъ, требуя отъ нихъ отвѣта; тѣ, въ свою очередь, представили ему 240 вопросовъ для разрѣшенія; обмѣнъ отвѣтами совершился и окончился торжествомъ православія. Расколъ (въ лицѣ дьяконовцевъ) самъ сознался въ своемъ безсиліи. Въ виду такого нравственнаго успѣха, въ 1722 году Св. Синодъ обратился съ воззваніемъ къ раскольникамъ, приглашая явиться къ нему со своими сомнѣніями безъ всякой боязни, затѣмъ призывалъ и самихъ расколоучителей для кроткихъ собесѣдованій о предметахъ несогласія».

Въ этихъ собесѣдованіяхъ раскольники почувствовали свою несостоятельность и сознали необходимость въ знаніи и наукѣ. Одинъ изъ главныхъ предводителей раскола отправился въ Кіевскую духовную академію, изучилъ тамъ свободныя науки и, возвратившись на Выгъ, въ Повѣнецкихъ лѣсахъ устроилъ академію, въ которой преподавались грамматика и риторика, логика и философія. Эти науки способствовали тому, что всѣ лучшіе ученики Выговской академіи сознали пустоту

*

доктринъ раскола, одинъ за другимъ стали переходить въ православіе и явились противоборниками раскола. Результатомъ полемики было то, что самъ Денисовъ сказалъ рѣчь, въ которой убѣждалъ раскольниковъ молиться за Петра, называя его царемъ благовѣрнымъ и благочестивымъ. Скоро затѣмъ появилась знаменитая раскольничья книга «О моленіи царстѣмъ», которая примирила расколъ съ государствомъ.

Таковы были результаты политики Петра Великаго, но въ послѣдующія царствованія отношенія правительства къ раскольникамъ значительно измѣнились и притомъ въ худшую сторону.

II.

Кончина Петра I произвела большое впечатлѣніе въ Европѣ. Недоброжелатели Россіи, по словамъ А. Брикнера [1]), надѣялись, что Россія утратитъ то значеніе, которое она пріобрѣла въ послѣднее царствованіе. Русскій резидентъ въ Могилевѣ, Рудановскій, писалъ, что, по полученіи извѣстія о смерти Петра, «мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что Русская имперія уже погибла; всюду радость, стрѣльба и попойки». Въ Стокгольмѣ король и его сторонники были въ большой радости, полагая, что въ Россіи непремѣнно произойдетъ замѣшательство; въ Копенгагенѣ, по словамъ резидента Бестужева, «всѣ генерально съ радости опилися было».

Петръ I не успѣлъ оставить завѣщанія и назначить себѣ преемника, и партія Екатерины, во главѣ которой стоялъ герцогъ Голштинскій, одержала верхъ надъ сторонниками Петра II. Еще при жизни государя нѣсколько сенаторовъ, вмѣстѣ съ герцогомъ, упросили Екатерину не мѣшать имъ дѣйствовать въ ея пользу. Съ другой стороны, на сторонѣ Петра II были: Долгорукіе, Голицынъ, Репнинъ, Апраксинъ—все люди сильные и разсчитывавшіе на поддержку многихъ. Обѣ партіи вели упорную борьбу и, за 24 часа до кончины Петра I, все было улажено въ пользу великаго князя; но въ послѣднюю ночь произошла перемѣна, виновникомъ которой былъ Бассевичъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ А. Брикнеръ, что герцогъ Голштинскій въ минуту кончины Петра Великаго пользовался расположеніемъ и довѣріемъ Екатерины; благодаря этому одному, способный, энергичный, министръ герцога Карла-Фридриха (Бассевичъ) легко могъ оказать

---

[1]) Императрица Екатерина 1725—1727 г. (По документамъ вѣнскаго архива) А. Брикнера „Вѣстникъ Европы“ 1894 г. № 1, стр. 121.

сильное вліяніе на ходъ дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ именно въ это время находился въ близкихъ сношеніяхъ съ княземъ Меншиковымъ. Располагая войскомъ, забравъ въ свои руки значительныя денежныя средства, приверженцы Екатерины въ состояніи были устранить кандидатуру внука Петра Великаго».

Головкинъ предлагалъ обратиться къ народу съ вопросомъ: кому царствовать—Екатеринѣ или Петру II, но это предложеніе было отвергнуто. Репнинъ, Долгорукій, Голицынъ требовали подтвержденія выбора Екатерины голосованіемъ всѣхъ сословій, на это Ушаковъ отвѣчалъ, «что гвардія желаетъ видѣть на престолѣ Екатерину, и что она готова убить каждаго, не одобряющаго это рѣшеніе».

Екатерина была объявлена императрицею, но она и князь Меншиковъ опасались волненій, въ особенности въ Москвѣ, и отправили туда Мамонова съ порученіемъ распорядиться войсками для водворенія порядка. Тамъ, при приведеніи къ присягѣ, нѣкоторыя лица оказали сопротивленіе: одни говорили, что она «не прямая» императрица; другіе говорили—«креста цѣловать не будемъ, если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины». Толковали: «не статочное дѣло женщинѣ быть на царствѣ; она же иноземка». Было много и другихъ толковъ, но военная сила принудила всѣхъ покориться.

Иностранцы ожидали, что вступленіе на престолъ Екатерины вызоветъ безпорядки, и ея царствованіе будетъ не прочнымъ и не продолжительнымъ, но, къ удивленію ихъ, все прошло покойно, власть ея, въ первое время, была неограниченна, а затѣмъ вліяніе Меншикова оказалось настолько сильнымъ, что онъ явился истиннымъ властелиномъ Россіи. При пріемахъ иностранцевъ, Екатерина избѣгала бесѣды съ ними, поручала отвѣчать Остерману или кому-нибудь другому на привѣтственныя рѣчи. Оставаясь всегда въ своихъ покояхъ, императрица рѣдко показывалась, но любила ночныя прогулки... Фаворитизмъ игралъ большую роль при тогдашнемъ дворѣ, и Меншиковъ, Левенвольде и молодой Сапѣга играли довольно видную роль въ это время. Преимущество осталось, однакоже, за Меншиковымъ, какъ по старинному знакомству, такъ и по солидарности интересовъ при воцареніи. Изъ донесенія Рабутина Евгенію Савойскому видно, что царица боялась князя Меншикова.

Послѣднему «грозила опасность со стороны герцога Голштинскаго, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины. Соперничество между герцогомъ и княземъ въ продолженіе всего этого царствованія заставляло императрицу постоянно думать о примиреніи интересовъ обоихъ близкихъ къ ней лицъ. При этомъ она находилась въ чрезвычайно неловкомъ положеніи. Угождая Меншикову, котораго она опасалась, она нарушала выгоды герцога и его супруги, Анны Петровны; заступаясь

за Карла-Фридриха, она подвергала себя опасности сдѣлаться жертвою интригъ князя, которому она была обязана своимъ возвышеніемъ».

При слабости характера Екатерины, князь Меншиковъ въ борьбѣ съ герцогомъ, сталъ скоро побѣдителемъ. Честолюбіе князя не имѣло предѣловъ, и въ 1726 году онъ сталъ мечтать о пріобрѣтеніи Курляндіи или для себя или для 12-ти-лѣтняго своего сына. Чтобы примирить его съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ, предполагалось женить двоюроднаго его брата на дочери Меншикова. Всѣ эти комбинаціи не состоялись, а между тѣмъ Меншиковъ еще съ 1711 года хлопоталъ о курляндскомъ престолѣ и предлагалъ польскому королю 200 тыс. руб., если онъ поможетъ ему въ этомъ. При Петрѣ ему трудно было достигнуть желаемаго, но теперь князь считалъ это дѣломъ весьма возможнымъ. Въ апрѣлѣ 1726 года князь Меншиковъ писалъ князю Василію Лукичу Долгорукову въ Варшаву, что во время его похода въ Померанію многіе изъ знатныхъ и шляхетства желали имѣть его княземъ курляндскимъ. Прося содѣйствія Долгорукова, князь Меншиковъ уполномочивалъ его обѣщать нѣкоторую сумму фельдмаршалу Флемингу и Шембеку, если они окажутъ свое содѣйствіе. Узнавъ, что польскій король хлопочетъ о возведеніи на курляндскій престолъ своего побочнаго сына Морица Саксонскаго, князь Меншиковъ въ маѣ 1726 г. отправилъ на всякій случай въ Ригу 10 т. русскаго войска. Въ то же время вопросъ о замѣщеніи курляндскаго престола былъ переданъ на обсужденіе Верховнаго тайнаго совѣта, который и постановилъ, для отклоненія курляндцевъ отъ выбора въ герцоги лицъ, не желательныхъ русскому правительству, отправить въ Курляндію самого князя Меншикова подъ предлогомъ осмотра полковъ.

Въ инструкціи, данной Михаилу Бестужеву, отправленному въ Варшаву, было сказано: «Императрица имѣла зрѣлое разсужденіе и никого не имѣла найти удобнѣе свѣтлѣйшаго князя Меншикова, который ни съ какими другими посторонними державами не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ, его королевскому величеству и никакому другому государю противенъ быть не можетъ. Поэтому Ея Величество повелѣло ему, Бестужеву, просить его королевское величество, чтобы онъ по дружбѣ показалъ свое снисхожденіе и также склонилъ Рѣчь Посполитую на избраніе князя Меншикова, который всегда пользовался особенною его королевскою милостью и во всѣхъ случаяхъ показывалъ къ нему особенное благоговѣніе, а получа новое благодѣяніе, останется вѣчно благодаренъ».

Въ случаѣ же, если курляндцы князя Меншикова не изберутъ, то представить имъ въ герцоги «его королевскаго величества, герцога Голштинскаго двоюроднаго брата, втораго сына епископа любскаго».

Меншиковъ отправился въ Ригу, но на пути узналъ, что курляндцы выбрали уже Морица Саксонскаго.

«26-го іюня, говорилъ А. Брикнеръ, въ Митаву пріѣхалъ князь В. Л. Долгорукій. Призвавъ членовъ правительства, сеймоваго маршала и депутатовъ, онъ объявилъ имъ, что императрица графа Морица въ герцоги курляндскіе допустить никакъ не изволитъ, и если онъ уже выбранъ, то эти выборы должны быть уничтожены и долженъ быть избранъ или князь Меншиковъ, или герцогъ Голштинскій; въ противномъ случаѣ, императрица лишитъ ихъ своего покровительства и, быть можетъ, возбудитъ противъ нихъ Рѣчь Посполитую. Маршалъ отвѣчалъ, что сеймъ кончился, депутаты разъѣхались, а которые остались, тѣ ничего сдѣлать не могутъ; вновь созвать депутатовъ и уничтожить выборы нельзя, ибо это противно ихъ правамъ и обычаямъ; князя Меншикова избрать нельзя, потому что онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранскаго закона; герцогу же Голштинскому только 13 лѣтъ и до совершеннолѣтія никакой пользы Курляндіи отъ него не будетъ; притомъ они не могутъ избрать никого безъ позволенія королевскаго».

Такой самостоятельный отзывъ вызвалъ негодованіе не только князя Меншикова, но и Екатерины, и многіе опасались, что отказъ курляндцевъ можетъ имѣть послѣдствіемъ вооруженное вмѣшательство.

Послѣдующія событія какъ бы подтверждали эти предположенія. 8-го іюля князь Меншиковъ прибылъ въ Ригу, 10-го пріѣхалъ въ Митаву, съ многочисленнымъ конвоемъ и на слѣдующую ночь приказалъ войскамъ занять городъ. 11-го іюля Морицъ Саксонскій пріѣхалъ къ князю Меншикову и заявилъ, что выборъ его вполнѣ законный и что русское правительство обращается съ Курляндіею, какъ съ завоеванною страною. Меншиковъ объявилъ, что онъ, во что бы то ни стало, самъ желаетъ быть герцогомъ курляндскимъ, призвалъ къ себѣ маршала, капулера и нѣкоторыхъ депутатовъ, требовалъ новыхъ выборовъ и грозилъ имъ ссылкою въ Сибирь. Призванные не испугались угрозъ и отвѣчали, что могутъ получить приказанія только отъ польскаго короля. Меншиковъ грозилъ ввести въ Курляндію 20 т. войскъ и требовалъ вторичнаго созванія сейма. 13-го іюля онъ, однакоже, уѣхалъ, объявивъ, что если курляндцы не дадутъ рѣшительнаго и удовлетворительнаго отвѣта въ теченіе десяти дней, то онъ явится съ войскомъ, чтобы заставить ихъ исполнить свое желаніе.

Въ это время Морицъ писалъ графу Рабутину:

«Князь явился здѣсь какъ бы авторитетомъ, отъ котораго зависитъ судьба человѣчества. Онъ казался крайне удивленнымъ тѣмъ, что жалкіе смертные могли дѣйствовать столь необдуманно и столь мало понимали свои выгоды, что не желали чести быть подданными князя. На-

прасно они съ самымъ глубокимъ почтеніемъ объявили, что не могутъ считать его въ правѣ давать имъ приказанія; онъ имъ отвѣтилъ, что они говорятъ вздоръ и что онъ имъ это докажетъ ударомъ палки. Такъ какъ я не желалъ испытать на себѣ этого способа убѣждать людей, я сталъ думать о средствѣ заставить его возвратиться въ Ригу. Я предложилъ ему 100 т. руб., говоря, что тотъ изъ насъ обоихъ, кто сдѣлается герцогомъ курляндскимъ и будетъ признанъ въ этомъ достоинствѣ королемъ польскимъ, долженъ заплатить другому эту сумму. Онъ согласился принять это предложеніе и просилъ меня дать ему рекомендательное письмо къ польскому королю. Признаюсь вамъ, графъ, что я этого не ожидалъ; его желаніе показалось черезъ-чуръ страннымъ и смѣшнымъ. Но я ему не отказалъ въ исполненіи его просьбы. Мнѣ говорили, что мое рекомендательное письмо принесло ему пользу, и что онъ считалъ это письмо какъ бы доказательствомъ того, что я отказываюсь отъ Курляндіи. Прилагаю копію этого письма; прочтите его и составьте къ нему комментарій. Князь Долгорукій остался здѣсь для того, чтобы исполнять приказанія князя; ему совѣстно за это порученіе и онъ желалъ бы назначенія другаго на его мѣсто. Что вы скажете, графъ, объ образѣ дѣйствій князя Меншикова? Что о немъ скажутъ въ Вѣнѣ, какъ скоро тамъ получатъ извѣстіе о случившемся?».

Въ Петербургѣ были недовольны рѣзкими дѣйствіями кн. Меншикова, и ему приказано было оставить Митаву и возвратиться въ столицу. Уѣзжая, онъ приказалъ арестовать секретаря герцогини Анны Іоанновны Бестужева, запечатать всѣ бумаги самой герцогини и высѣкъ нѣкоторыхъ изъ слугъ ея. Это насиліе побудило герцогиню-вдову Анну Іоанновну отправиться въ Петербургъ, почти одновременно съ княземъ Меншиковымъ, съ жалобою на него императрицѣ Екатеринѣ. Въ столицѣ ожидали серьезныхъ столкновеній Меншикова съ герцогомъ Голштинскимъ и его супругою Анною Петровною. Князь Меншиковъ потребовалъ составленія коммиссіи, передъ которою онъ могъ бы оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ, и говорилъ, что «открытіе польскихъ проектовъ принудило его принять такія чрезвычайныя мѣры». Желаніе Меншикова было исполнено и указомъ Верховному тайному совѣту было повелѣно отобрать свѣдѣнія отъ Бестужева, кн. Меншикова и Долгорукаго «все ли они такъ чинили, какъ наши указы повелѣвали».

Слѣдствіе продолжалось не долго, и уже въ началѣ августа императрица Екатерина объявила, что «если то дѣло слѣдовать, то въ обширность пойдетъ, а курляндцевъ спрашивать невозможно», а потому и приказано было слѣдствіе прекратить и дѣло уничтожить. Аннѣ Іоанновнѣ были возвращены бумаги, запечатанныя кн. Меншиковымъ, герцогиня-вдова отправилась въ Митаву, кандидатура кн. Меншикова на курляндскій престолъ прекратилась, и онъ самъ временно потерялъ свое

вліяніе при дворѣ и администраціи. Императрица Екатерина приказала всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ исполнять только тѣ приказанія, которыя будутъ подписаны ею или президентами и всѣми членами коллегій. Герцогъ Голштинскій пріобрѣлъ нѣкоторый перевѣсъ надъ кн. Меншиковымъ, но не надолго, и уже 20 (31) августа австрійскій дипломатъ графъ Рабутинъ писалъ своему правительству: «Соперничество между княземъ и герцогомъ не прекратилось. Царица и герцогъ желаютъ ограничить власть Меншикова; однако сей послѣдній отъ этого не пострадаетъ и не потеряетъ своей власти».

Вражда между этими лицами постепенно усиливалась, а на сторону герцога перешли Толстой, Анна Петровна и Елизавета Петровна; даже великій князь Петръ Алексѣевичъ и сестра его Наталья Алексѣевна признавали необходимымъ ограничить власть Меншикова. Всѣ попытки ихъ въ этомъ отношеніи не увѣнчались успѣхомъ, а напротивъ того кн. Меншиковъ сталъ думать о томъ, какъ бы выдать свою младшую дочь за великаго князя. Старшая дочь князя была невѣстою Сапѣги, которымъ интересовалась Екатерина, и потому, желая разстроить эту свадьбу, готова была согласиться на бракъ этой дочери съ великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ. Герцогъ Голштинскій и его сторонники не желали дать согласія на этотъ бракъ, пока не будетъ дано формальнаго обѣщанія, что имъ будутъ уступлены Лифляндія и Эстляндія.

«Герцогъ, писалъ австрійскій дипломатъ Рабутинъ [1]), настаивая на уступкѣ Лифляндіи и Эстляндіи для обезпеченія дочерей императрицы, сказалъ ей, что иначе Анна и Елизавета будутъ принуждены покинуть Россію какъ нищіе, чего онъ, герцогъ, допустить не можетъ. Напрасно герцогу говорили, что не слѣдуетъ связывать вопроса о бракѣ Петра съ вопросомъ объ обезпеченіи дочерей Екатерины, что о семъ послѣднемъ предметѣ рѣчь впереди, но что уступка обѣихъ провинцій немыслима, потому что ими обезпечивается безопасность имперіи, и что виновники проекта раздѣла непремѣнно будутъ предметомъ общей ненависти. Распря продолжается, и обѣ партіи готовы уничтожить другъ друга».

Меншиковъ имѣлъ, однакоже, верхъ надъ своими противниками, пользовался расположеніемъ и довѣріемъ императрицы. Великій князь ежедневно бывалъ въ его домѣ и показывался публикѣ въ сопровожденіи членовъ семейства князя. Въ виду этого, герцогъ Голштинскій требовалъ: 1) Чтобы объявленіе о бракѣ сдѣлано было послѣ обезпеченія интересовъ герцога. 2) Чтобы императрица согласилась на бракъ Елизаветы Петровны съ епископомъ любекскимъ и назначила его

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1894 г. № 2, стр. 621.

генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи. 3) Герцогъ согласенъ на назначеніе великаго князя наслѣдникомъ престола, но съ тѣмъ, чтобы обѣимъ принцессамъ была назначена сумма денегъ на ихъ содержаніе, и 4) чтобы русское правительство поддерживало передъ Даніей его права на Шлезвигъ. На это Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ откладывать объявленія о бракѣ, и высказалъ, что это будетъ сдѣлано на 5 апрѣля, въ день рожденія императрицы. При этомъ князь заявилъ Рабутину, что если бы даже онъ и пожелалъ отказаться отъ брака его дочери съ великимъ княземъ, то не можетъ этого сдѣлать, потому что императрица твердо рѣшилась привести въ исполненіе свое намѣреніе. Настояніе принцессъ и извѣстія изъ Швеціи заставили императрицу задержать объявленіе о бракѣ, а вслѣдъ за тѣмъ 10 апрѣля Екатерина опасно занемогла. Недѣлю спустя состоялось формальное соглашеніе о престолонаслѣдіи въ пользу Петра II, а 6-го мая скончалась Екатерина I.

Еще во время болѣзни императрицы противники Меншикова имѣли намѣреніе препятствовать браку великаго князя. Въ числѣ ихъ были Девіеръ, Бутурлинъ, Толстой и Ушаковъ. Считая положеніе опаснымъ, герцогъ, Толстой и Ушаковъ совѣщались между собою.

— Если императрица скончается, говорилъ герцогъ, не распорядившись на счетъ престолонаслѣдія, то мы всѣ пропадемъ; нельзя ли теперь ея величеству говорить, чтобы объявила наслѣдницею дочь свою.

— Если прежде этого не сдѣлано, отвѣчалъ Толстой, то теперь поздно, когда императрица уже при смерти.

Ушаковъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Между тѣмъ, по словамъ Лефорта, произошло слѣдующее: въ воскресенье, 13 апрѣля, «въ виду того, что царица не можетъ уже выздоровѣть, были призваны во дворецъ начальники, а именно Верховный тайный совѣтъ, сенатъ, синодъ, гвардейскіе полковники и президенты коллегій для обсужденія мѣръ. Начали съ вопроса о престолонаслѣдіи: было четыре различныхъ мнѣнія: одно за принцессу Елизавету, другое за герцогиню голштинскую, третье за сына царевича и регенство Меншикова, до его совершеннолѣтія, и послѣднее, взявшее верхъ—за царевича на слѣдующихъ условіяхъ, всѣми ими подписанныхъ: сынъ царевича (Алексѣя) объявленъ наслѣдникомъ; несовершеннолѣтіе его окончится, когда ему будетъ 16 лѣтъ; до этого Верховный тайный совѣтъ останется, какимъ онъ есть, съ тою лишь разницею, что въ немъ будутъ участвовать Елизавета и Анна». Далѣе у Лефорта сказано, что «царевичъ и государство обязуются выплатить Аннѣ и Елизаветѣ по 1½ милліона звонкою монетою и раздѣлить поровну всѣ брильянты, оставшіеся послѣ царицы».

Таковы были результаты собранія за три недѣли до кончины Ека-

терины I. Торжество кн. Меншикова было полное и хотя въ засѣданіи не упоминалось о бракѣ великаго князя съ дочерью свѣтлѣйшаго, но всѣ понимали, что онъ желаетъ сдѣлаться тестемъ молодаго императора и въ дѣйствительности быть государемъ. «Препятствовать назначенію Петра наслѣдникомъ престола,—говоритъ А. Брикнеръ,—было невозможно. Въ собраніи участвовало множество лицъ; въ публикѣ знали о рѣшеніи собранія и о личномъ отношеніи самой Екатерины къ великому князю...» Въ послѣдніе дни жизни императрицы кн. Меншиковъ руководилъ всѣми дѣлами, и сама Екатерина вполнѣ отъ него зависѣла; герцогъ Голштинскій, его супруга и Елизавета Петровна не имѣли никакого значенія. Меншиковъ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не имѣлъ доступа къ императрицѣ кромѣ самого князя и его довѣренныхъ лицъ.

III.

Значительная сила, которую пріобрѣлъ кн. Меншиковъ въ управленіи государства съ самаго начала царствованія Екатерины I, возбуждала зависть и негодованіе среди вельможъ. Императрица стѣснялась произволомъ кн. Меншикова и искала среди окружавшихъ такое лицо, которое могло бы противодѣйствовать вліянію князя въ управленіи, и выборъ ея палъ сначала на гр. Толстаго, а потомъ на зятя герцога Голштинскаго, въ которыхъ Екатерина I видѣла твердую опору своей власти. Съ другой стороны, по словамъ Кампредона, «большинство именитѣйшихъ русскихъ людей думало о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни». Съ этою цѣлью былъ составленъ проектъ новой формы правленія, на подобіе англійскаго, и посланъ къ главнокомандующему кн. Голицыну въ Украйну. Чтобы примирить враждебныя партіи, Екатерина рѣшилась образовать такое учрежденіе, въ которомъ подъ ея предсѣдательствомъ могли бы участвовать важнѣйшіе сановники имперіи и лица разныхъ партій. Такимъ учрежденіемъ явился В е р х о в н ы й   т а й н ы й   с о в ѣ т ъ, учрежденный 8-го февраля 1726 года, т. е. во второй годъ царствованія императрицы. Причины его возникновенія и кругъ дѣятельности изложены въ статьяхъ: Александра Филиппова «П р а в и т е л ь с т в у ю щ а я   о л и г а р х і я   п о с л ѣ   П е т р а   В е л и к а г о» [1], и В. Г. Щеглова «Г о с у д а р с т в е н н ы й   С о в ѣ т ъ   в ъ   Р о с с і и» [2].

[1]) „Русская Мысль“ 1894 г. № 1, стр. 27

[2]) „Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея“, кн. 60, стр. 529

Появленіе Верховнаго тайнаго совѣта нельзя считать исключительно случайнымъ, вызваннымъ только борьбою партій, но необходимость такого учрежденія можетъ быть объяснена и неустройствомъ тогдашнихъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

«Въ исторіи нашихъ высшихъ центральныхъ учрежденій,—говоритъ А. Филипповъ,—XVIII-й вѣкъ является глубокознаменательною эпохой: падаетъ старый порядокъ учрежденій и возникаетъ новый; но едва вновь созданныя учрежденія начинаютъ дѣйствовать, какъ быстро теряютъ свой первоначальный обликъ или же вовсе вытѣсняются другими. Во весь XVIII-й вѣкъ, съ небольшими перерывами, идетъ какъ бы игра въ учрежденія и принципы права, положенные въ ихъ основаніе—сенатъ, коллегіи, Верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, конференція,—на ряду съ министрами и директорами отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, становятся одинъ на мѣсто другаго, оспариваютъ другъ у друга власть, спутываютъ до безконечности предѣлы взаимной компетенціи и, наконецъ, безслѣдно исчезаютъ».

Такая неустойчивость высшихъ правительственныхъ учрежденій XVIII вѣка объясняется тѣмъ, что петровскія учрежденія грѣшили коллегіальнымъ принципомъ, менѣе всего пригоднымъ для органовъ исполнительной власти. Какъ поправка къ этой коллегіальной организаціи, возникали личные административные органы съ дѣйствительными министрами, особыми совѣтами и проч. Центромъ, около котораго возникали и дѣйствовали эти учрежденія, были сенатъ, исполнявшій самыя разнообразныя и сложныя задачи. «Будучи поставленъ на мѣсто боярской думы, онъ долженъ былъ,—если не при Петрѣ Великомъ, то послѣ него—взять на себя ту политическую роль, какую играла когда-то, между прочимъ, боярская дума. Но сенатъ вовсе не былъ пригоденъ къ этой роли ни по своему составу, ни по своимъ основнымъ традиціямъ. Между тѣмъ необходимость такого учрежденія, въ будущемъ, стали оспаривать у сената тѣ олигархическія партіи и случайные «совѣты» министровъ (верховный тайный, кабинетъ и проч.), коимъ удавалось захватить въ свои руки власть въ данное время».

Такимъ учрежденіемъ явился и Верховный тайный совѣтъ, въ 1726 г. ставшій во главѣ сената, этого любимаго дѣтища Петра Великаго. Необходимость создать надъ сенатомъ высшее учрежденіе обнаружилась еще при великомъ преобразователѣ Россіи. Еще при Петрѣ I устраивались особыя совѣщанія высшихъ сановниковъ непосредственно съ монархомъ—совѣщанія, указывавшія на возможность образованія въ будущемъ особаго комитета или тайнаго совѣта. Въ виду важной роли, которую играли въ безпрерывныхъ войнахъ, веденныхъ Петромъ I, президенты военныхъ и иностранной коллегій выдѣлились изъ числа

другихъ, стали въ независимое положеніе относительно сената и сносились съ нимъ какъ съ учрежденіемъ равнымъ.

Отсюда, говорилъ А. Филипповъ, оставался лишь одинъ шагъ, чтобы стать надъ сенатомъ, почему, прежде всего, членами новаго Верховнаго тайнаго совѣта и дѣлаются именно три президента этихъ коллегій (Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ). Въ этомъ, на нашъ взглядъ, сказывается не одно вліяніе названныхъ президентовъ при Петрѣ Великомъ, а затѣмъ и послѣ него, но и то обстоятельство, что сама административная практика времени выдѣлила изъ себя особые личные органы, которые не вмѣщались въ сенатѣ и отчасти конкурировали съ нимъ уже при Петрѣ Великомъ; послѣ его смерти, при слабыхъ преемникахъ Петра Великаго для этой конкуренціи открывалось, конечно, еще больше простора. Естественно, поэтому, было ожидать, что если еще при Петрѣ Великомъ, для личныхъ или министерскихъ органовъ власти, при всей любви Петра къ коллегіальности въ управленіи, оставалось мѣсто для дѣйствія въ общей системѣ управленія, то послѣ него они постараются объединить въ одномъ общемъ учрежденіи или совѣтѣ министровъ, гдѣ каждый, не теряя самостоятельности во ввѣренной ему области управленія, находилъ бы для себя еще больше опоры въ мнѣніяхъ товарищей».

Верховный тайный совѣтъ учреждался подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, съ цѣлью облегчить ей бремя правленія, упорядочить и ускорить теченіе дѣлъ и быть учрежденіемъ, состоящимъ въ непосредственномъ отношеніи къ верховной власти. Сенату стоять въ такомъ положеніи было почти невозможно, какъ по многочисленности его состава, такъ и потому, что сенаторы имѣли сложныя обязанности по рѣшенію текущихъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Понимая это, Петръ Великій учредилъ должность генералъ-прокурора, который и былъ посредникомъ между имъ и сенатомъ. При преемникахъ Петра и при личныхъ счетахъ партій, посредничество одного лица оказалось неудобнымъ и вызвало созданіе совѣта, который могъ снимать съ каждаго изъ его членовъ извѣстную долю отвѣтственности и не мѣшалъ каждому проводить свои взгляды и интересы. Учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта обратило вниманіе иностранцевъ, и одни видѣли въ немъ учрежденіе ограничивающее, а другіе—укрѣпляющее власть императрицы. Прусскій посланникъ Мардефельдъ ближе другихъ понималъ значеніе Верховнаго тайнаго совѣта и находилъ, что сенатъ долженъ былъ получить второстепенное значеніе. Такъ и оказалось впослѣдствіи. Совѣтъ постоянно стремился къ преобладающему политическому значенію, верховному руководительству дѣлами страны, надзору за всѣми коллегіями, прямому и непосредственному отношенію къ верховной власти и къ пол-

ному представительству этой власти передъ страной. Однимъ словомъ, «совѣтъ стремится или слиться, или стать рядомъ съ императрицей, какъ величина ей равная, что́ отражается даже въ мелочахъ». Когда, однажды, въ совѣтѣ зашла рѣчь о томъ, писать ли къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну и другимъ персонамъ господинъ, то было опредѣлено, «чтобы въ указѣхъ господинъ никому не придавать, понеже въ ономъ великомъ тайномъ совѣтѣ ея императорское величество сама присутствовать изволитъ и всѣ указы по апробаціи ея величества отправляться имѣютъ». Совѣтъ отнимаетъ наименованіе правительствующаго учрежденія у сената и синода, такъ какъ находитъ, что слово правительствующій—непристойно для нихъ, конечно, потому что только онъ одинъ теперь, въ своемъ олигархическомъ единствѣ, является правительствующимъ и верховнымъ учрежденіемъ. Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта, правительствующій сенатъ переименованъ въ высокій сенатъ, а синодъ названъ святѣйшимъ.

При самомъ возникновеніи Верховнаго тайнаго совѣта онъ почти всецѣло находился въ рукахъ кн. Меншикова. По словамъ Миниха, «какъ сена́тъ, такъ и коллегіи должны были дѣйствовать согласно волѣ кн. Меншикова, который имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ и разногласныхъ дѣлахъ».

Для противодѣйствія ему въ составъ совѣта былъ введенъ сначала князь Д. М. Голицынъ, смертельный врагъ Екатерины, а затѣмъ герцогъ Голштинскій, ярый ея сторонникъ и противникъ князя Меншикова. Но умаляя единоличное значеніе князя Меншикова, Верховный тайный совѣтъ захватилъ въ свои руки все правленіе государствомъ и явился высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, посредствомъ котораго аристократія властвовала въ странѣ.

«Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта», говоритъ В. Г. Щегловъ, «измѣнилось значеніе въ управленіи сената и коллегій: они должны были ограничиться исполненіемъ повелѣній совѣта, посылаемыхъ имъ именемъ верховной власти. Верховный тайный совѣтъ сталъ надъ сенатомъ, съ первенствомъ котораго въ управленіи не могли помириться старые боярскіе роды: сенатъ въ ихъ глазахъ являлся представителемъ демократической табели о рангахъ, сравнивавшей знатныхъ, родовитыхъ людей съ остальными членами служиваго сословія. Верховный тайный совѣтъ уничтожилъ должность генералъ-прокурора—посредника между сенатомъ и верховною властью: совѣтъ самъ сталъ въ срединѣ между нею и сенатомъ. Послѣдній сначала не хотѣлъ уступить первенство въ управленіи Верховному тайному совѣту и долго отказывался принимать указъ совѣта объ его учрежденіи отъ секретаря совѣта, Степанова, на томъ основаніи, что Екатерина повелѣла быть сенату въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ, но, наконецъ, долженъ

былъ подчиниться совѣту. Сенатъ представлялъ ему доношенія о дѣлахъ. Съ сенатскими доношеніями являлись въ совѣтъ или сами сенаторы, или же секретари сената. Но ни тѣ, ни другіе не могли присутствовать въ засѣданіяхъ Верховнаго тайнаго совѣта. Несмотря на полную зависимость, въ какой сенатъ очутился отъ совѣта, первый не хотѣлъ помириться съ своимъ униженіемъ даже и послѣ того, какъ окончательно опредѣлилось его второстепенное положеніе въ управленіи Долго послѣ учрежденія совѣта, въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлялись разными персонами письменно или словесно высочайшія повелѣнія безъ вѣдома совѣта. Когда совѣтъ узналъ объ этомъ, въ немъ немедленно состоялся указъ, чтобы всѣ высочайшія повелѣнія, не исключая и тѣхъ, которыя касаются сената и коллегій, были прежде объявлены въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ».

Несмотря на то, сенатъ все-таки не отказывался отъ самостоятельныхъ распоряженій, пока, 1-го января 1727 года, императрица вновь подтвердила первенствующее положеніе Верховнаго тайнаго совѣта. Съ этихъ поръ въ совѣтѣ сосредоточились всѣ дѣла, и, захвативъ всю власть въ свои руки, онъ фактически управлялъ Россіей. Правда, совѣтъ дѣйствовалъ именемъ Екатерины, но въ дѣйствительности былъ органомъ знатныхъ членовъ, подъ вліяніемъ которыхъ находилась императрица во все время своего царствованія. Такими лицами были: герцогъ Голштинскій, Толстой, Головкинъ и, въ особенности князь Меншиковъ. Послѣдній былъ все: онъ давалъ окончательныя рѣшенія, именемъ императрицы объявлялъ повелѣнія самому Верховному тайному совѣту, докладывалъ о дѣлахъ воинскихъ, секретныхъ, жаловалъ въ военные чины, распоряжался финансовыми и морскими дѣлами и даже въ иностранныхъ дѣлахъ давалъ окончательное рѣшеніе.

Руководясь идеями и планами Петра I, совѣтъ принесъ большую пользу во внутреннемъ управленіи (облегчивъ крестьянъ и улучшивъ ихъ благосостояніе, упростивъ систему мѣстнаго управленія и проч.) и съумѣлъ поддержать честь и достоинство Россіи, доставивъ ей почетное мѣсто въ международномъ европейскомъ союзѣ. Съ учрежденіемъ совѣта дѣла шли быстрѣе и правильнѣе.

Между тѣмъ, власть князя Меншикова возросла настолько, что по его настоянію императрица назначила своимъ преемникомъ Петра Алексѣевича и въ духовномъ завѣщаніи выразила желаніе, чтобы онъ женился на одной изъ дочерей князя Меншикова. Какъ только умерла Екатерина, Петръ Алексѣевичъ былъ объявленъ императоромъ (7-го мая 1727 года), и князь Меншиковъ помѣстилъ его въ своемъ домѣ. Власть свѣтлѣйшаго достигла высшей степени развитія, и онъ назначенъ былъ генералиссимусомъ русскихъ войскъ. Всѣ враги его, при Екатеринѣ, были подвергнуты строгому наказанію. Герцогъ Голштинскій оставилъ Рос-

сію, а родственники Петра II—князья Голицыны и Долгорукіе, получили высшія придворныя и правительственныя должности. Это возвышеніе было поводомъ къ паденію самого Меншикова, деспотизмъ котораго былъ тягостенъ какъ для знати, такъ и для самого Петра II. По совѣту Долгорукихъ, князь Меншиковъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку. Долгорукіе стали во главѣ управленія, и двое изъ представителей этой фамиліи были назначены членами Верховнаго тайнаго совѣта. Петръ II былъ объявленъ женихомъ сестры И. А. Долгорукаго, Екатерины, но наканунѣ своего брака скончался (19-го января 1730 года).

Господство при Петрѣ II сначала Меншикова, а потомъ Долгорукихъ, отразилось на управленіи тѣмъ, что все дѣлалось сначала по волѣ Меншикова, а потомъ Долгорукихъ. Верховный тайный совѣтъ являлся органомъ различныхъ аристократическихъ партій, которыя пользовались имъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Но за то остальныя дѣла преобразователя (Петра I), которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время наверху.

Верховный тайный совѣтъ, сознавая свое первенствующее положеніе въ государствѣ, являлся органомъ не одних только аристократическихъ притязаній его членовъ, но охранялъ также права и достоинство монархической власти. Въ области законодательства совѣтъ продолжалъ работать надъ составленіемъ законовъ и организаціей учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ. Онъ же принимаетъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣръ, для удовлетворенія настоятельныхъ общественныхъ потребностей, облегченія податныхъ сборовъ съ населенія и увеличенія народнаго благосостоянія. Верховный тайный совѣтъ посылаетъ указы, чтобы во всемъ государствѣ судъ и расправа были равные и справедливые; въ обѣихъ столицахъ уничтожаетъ столбы, на которыхъ выставлялись тѣла и головы казненныхъ, и приказываетъ смертную казнь производить за городомъ и проч.

По кончинѣ Петра II, князь Д. М. Голицынъ, въ собраніи членовъ Верховнаго тайнаго совѣта, предложилъ возвести на престолъ герцогиню курляндскую, Анну Іоанновну.

«Когда», говоритъ Щегловъ, «остальные члены совѣта согласились съ княземъ Голицынымъ, послѣдній замѣтилъ, что нужно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы «себѣ полегчить, воли прибавить». «Россія весьма много претерпѣла», говорилъ Голицынъ, «отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, которыхъ Петръ привлекъ въ Русское государство. Надлежитъ сію безмѣрную власть огра-

ничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями. Эти условія (пункты) были составлены верховниками и отправлены съ депутатами (князьями В. Л. Долгорукимъ, М. М. Голицынымъ и генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ) въ Митаву для подписи ихъ Анной Іоанновной. Верховники дѣйствовали тайно: о подробностяхъ избранія Анны Іоанновны, которую согласились признать русскою государыней члены синода, сената и генералитета, въ обществѣ не знали ничего опредѣленнаго. Скрытнымъ образомъ своихъ дѣйствій члены Верховнаго тайнаго совѣта нажили себѣ массу враговъ среди свѣтскихъ сановниковъ, высшаго духовенства и шляхетства, не приглашенныхъ на совѣщаніе объ избраніи Анны Іоанновны».

Предложенные пункты были приняты, и она провозглашена императрицею. Помня, однакоже, какою властью пользовался ея отецъ, и желая возвратить себѣ самодержавную власть, Анна Іоанновна, для осуществленія своего намѣренія, рѣшилась опереться на войско. По прибытіи въ село Всесвятское, близъ Москвы, она объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Полки приняли это съ величайшею радостью и, къ удивленію членовъ Верховнаго тайнаго совѣта—это былъ первый шагъ къ самодержавію. Вслѣдъ за тѣмъ, императрица назначила графа С. А. Салтыкова подполковникомъ гвардіи и приказала Бирону немедленно прибыть въ Москву. По словамъ Манштейна, Анна Іоанновна старалась поселить вражду между членами Верховнаго тайнаго совѣта, возбуждала гвардію противъ Долгорукихъ и внушала мелкому дворянству, что при господствѣ совѣта никто изъ нихъ не получитъ ни чина, ни мѣста, а весь народъ будетъ рабомъ его. Арестъ Ягужинскаго былъ объясненъ своеволіемъ совѣта и на многіе другіе поступки его указывали, какъ на деспотизмъ и самовластіе. Императрица отказалась явиться въ засѣданіе Верховнаго тайнаго совѣта, чтобы подтвердить кондиціи, ограничивающія ея права. Настойчивость Анны Іоанновны испугала самихъ верховниковъ, и они готовы были сами предложить самодержавіе, но она отвѣчала, что для нея недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами. Подъ рукою Остерманъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ подчиненнымъ ему духовенствомъ, распускали слухи, компрометтирующіе всю фамилію князей Долгорукихъ. Партія недовольныхъ ими жаловалась, и, наконецъ, шляхетство подало императрицѣ челобитную, въ которой просило «сочинить вмѣсто Верховнаго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ было при Петрѣ I, и назначить въ него 21-го члена».

Убѣдившись въ побѣдѣ идеи самодержавія надъ аристократическими стремленіями дворянства, императрица разорвала пункты, объ-

явила себя самодержавною, и первымъ актомъ этой самодержавной власти было уничтоженіе Верховнаго тайнаго совѣта (4-го марта 1730 г.) и возстановленіе сената.

«Такъ», говоритъ Щегловъ, «несмотря на четырехлѣтнее господство въ управленіи русской аристократіи и соединенныя усилія знати и шляхетства къ упроченію своей власти и на будущее время, въ Россіи вновь восторжествовала идея самодержавія, пустившая глубокіе корни среди всего народа и самаго дворянства. Русская аристократія оказалась неспособною, въ виду сильнаго развитія самодержавной власти, удержать за собою управленіе государствомъ, которое попало въ руки знати послѣ Петра I, благодаря слабости его преемниковъ и нѣкоторымъ другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Весь ходъ событій 1730 года указываетъ на глубокую взаимную вражду и рознь между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства. Представители того и другаго преслѣдовали свои личные интересы даже при общемъ ихъ дѣлѣ, встрѣчавшемъ явное сочувствіе не только въ средѣ всей знати, гдѣ еще были живы аристократическія традиціи, но и простаго, родоваго дворянства. Полная неудача «затѣйки» 1730 г. оказалась гибельною для аристократическихъ плановъ русскаго дворянства, на мѣстѣ котораго въ царствованіе Анны Іоанновны становятся и овладѣваютъ всѣми дѣлами государственнаго управленія нѣмцы. На нихъ поспѣшила опереться Анна Іоанновна, которая сама стала почти нѣмкой въ теченіе своего 18-ти-лѣтняго пребыванія въ Курляндіи и не могла разсчитывать на знатное русское дворянство, едва не оставившее ее съ номинальной только властью. Нѣмецкая олигархія систематически искореняла родовитыхъ русскихъ людей (князей Долгорукихъ, Голицыныхъ и др.), мѣшавшихъ нѣмцамъ преслѣдовать свои эгоистическіе интересы. Въ продолженіе царствованія Анны Іоанновны знатные русскіе роды претерпѣли всякаго рода униженія со стороны самой императрицы и особенно ея любимца—Бирона».

Дѣйствуя самостоятельно и не желая, чтобы кто-либо управлялъ ею, императрица во многомъ ограничивала дѣятельность сената и не желала, чтобы онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла управленія, и предпочитала рѣшать ихъ съ лицами, пользующимися ея довѣріемъ. Изъ этихъ лицъ составленъ былъ кабинетъ, въ которомъ находились: Ягужинскій, Головкинъ, Салтыковъ и Черкасскій; но главными совѣтниками императрицы были Остерманъ и Биронъ.

Оффиціальное учрежденіе кабинета послѣдовало 10-го ноября 1731 г., и онъ явился въ одно и то же время государственнымъ совѣтомъ и министерствомъ. Во всякомъ случаѣ, это было высшее государственное учрежденіе, установленное, по словамъ Миниха, чтобы «наполнить пустоту между верховной властью и сенатомъ», учрежденіе, посылавшее

указы сенату и другимъ коллегіямъ. Безъ согласія кабинета не могло быть рѣшено ничего и нигдѣ. Словомъ, кабинетъ былъ олицетвореніемъ прежняго Верховнаго тайнаго совѣта и сохранилъ свое дѣйствіе до 1741 года. Разница между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ заключалась только въ томъ, что въ совѣтѣ преобладали русскіе, а въ кабинетѣ— нѣмцы.

«Сенатъ», говоритъ Минихъ (отецъ), «обратился при существованіи кабинета въ ничто. Старые сенаторы, какъ напримѣръ, князь Голицынъ и другіе, недовольные учрежденіемъ кабинета, никогда не ѣздили въ сенатъ, отговариваясь болѣзнью. Въ сенатѣ присутствовало только два лица: кригсъ-коммиссаръ Новосильцевъ и Сукинъ, который былъ обвиненъ въ лихоимствѣ. Фельдмаршалъ Трубецкой являлся въ сенатъ изрѣдка или по своимъ частнымъ дѣламъ, или же, чтобы выказать тамъ все свое ничтожество. Въ видахъ Остермана и Черкасскаго было, чтобы въ сенатѣ присутствовали только лица, ничего незначащія.

Предметомъ дѣятельности кабинета было обсужденіе вопросовъ общественной жизни, мѣръ по государственному управленію и иностранныхъ дѣлъ. Все это хотя и велось въ духѣ реформъ Петра I, но кабинетъ не былъ популяренъ въ странѣ, главнѣйшимъ образомъ потому, что управлялся иноземцами. Въ правленіе же Бирона и слабой правительницы Анны Леопольдовны, кабинетъ обратился въ дѣйствительнаго и безконтрольнаго правителя, прикрытаго именемъ малолѣтняго императора и правительницы. Первое мѣсто занималъ въ немъ фельдмаршалъ Минихъ, получившій званіе перваго министра въ Ея Императорскаго Величества консиліяхъ, и самый кабинетъ назывался консиліями Ея Императорскаго Величества. При Іоаннѣ Антоновичѣ кабинетъ былъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ и завѣдывалъ дѣлами иностранными.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, прекратилось господство нѣмцевъ, и на сценѣ явились русскіе люди: графъ С. Р. Воронцовъ, князь Черкасскій, князь Куракинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Шуваловъ и другіе. Императрица тотчасъ же возстановила учрежденіе своего отца, и въ указѣ было сказано, что отъ дѣятельности кабинета «произошло многое упущеніе въ дѣлахъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло». Правительствующему сенату повелѣно имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ управленіи всякаго званія государственныхъ дѣлъ; кабинетъ былъ упраздненъ, а вмѣсто него, для обсужденія важныхъ иностранныхъ дѣлъ, учреждена конференція, членами которой были назначены: канцлеръ — князь Черкасскій, вице-канцлеръ — Бестужевъ-Рюминъ, графъ Головинъ и князь Куракинъ.

Сенатъ пріобрѣлъ такую силу, что присвоилъ себѣ право самоизбранія и современемъ могъ обратиться въ сословную корпорацію. По словамъ Екатерины II, при вступленіи ея на престолъ, сенатъ «выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить. Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ столь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе забыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ, а на-послѣдокъ и къ намъ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, одна форма лишь канцелярская исполняется».

Такой захватъ власти сенатомъ происходилъ отъ того, что вообще Елизавета Петровна мало занималась дѣлами управленія и предоставила ихъ своимъ фаворитамъ. Тѣмъ не менѣе, единство въ управленіи и дружная взаимная дѣятельность принесли большую пользу. Сенатъ сдѣлалъ много улучшеній въ государственномъ управленіи и, въ особенности, по финансовой части, не прибѣгая къ отягощенію населенія излишними налогами. Сенатъ обратилъ вниманіе и на дѣло народнаго просвѣщенія: ему подчиненъ былъ первый русскій Московскій университетъ.

При такомъ значеніи сената, понятно, что конференція не имѣла большаго значенія и занималась исключительно дѣлами политическими. Въ 1747 году канцлеръ Бестужевъ предложилъ императрицѣ сочинить кабинетъ, для облегченія правленія государствомъ рѣшеніемъ спорныхъ въ сенатѣ и коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной имперіи. Но Елизавета Петровна не пожелала нарушать порядки, заведенные Петромъ, и кругъ дѣятельности конференціи оставленъ въ прежнемъ видѣ. Въ 1757 году, въ виду предстоящей войны съ Пруссіей, тотъ же Бестужевъ предложилъ учредить тайный военный совѣтъ, но императрица и на этотъ разъ повелѣла только, «для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній», чаще собираться существовавшей уже конференціи.

«Конференція», пишетъ Щегловъ, «получила теперь опредѣленный и постоянный составъ и для сношенія ея съ сенатомъ, синодомъ и прочими учрежденіями, былъ установленъ извѣстный порядокъ. Резолюціи конференціи должны были исполняться по экстрактамъ изъ ея протоколовъ, посылаемымъ въ сенатъ, синодъ и ихъ конторы, а въ прочія присутственныя мѣста конференція посылала рескрипты. Въ свою очередь, сенатъ, синодъ и ихъ конторы должны были извѣщать

конференцію объ исполненіи ея рѣшеній также экстрактами, а остальныя учрежденія—посылать реляціи. Свое первенствующее значеніе въ управленіи государствомъ конференція скоро дала почувствовать своему сопернику по власти—сенату, который опять очутился въ тѣни».

Петръ III, при вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ, что самъ будетъ управлять государственными дѣлами, уничтожилъ конференцію и приказалъ дѣла ея передать въ сенатъ и иностранную коллегію. Графъ Воронцовъ былъ противъ уничтоженія конференціи и въ докладѣ, поданномъ Петру III, отвергалъ всякую возможность для императора управлять самому всѣми государственными дѣлами. Воронцовъ предлагалъ образовать совѣтъ, необходимый по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ потому, что ни сенатъ, ни коллегія иностранныхъ дѣлъ предусмотрѣть ихъ не могутъ. Императоръ согласился съ мнѣніемъ графа Воронцова, и прежняя конференція, въ видѣ совѣта, была возстановлена, для управленія политическими и связанными съ ними вопросами внутренняго управленія.

Цѣлью совѣта было то, чтобы «намѣренія, принятыя къ пользѣ и славѣ имперіи и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ, наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли».

Совѣтъ этотъ не успѣлъ еще получить прочной организаціи, когда Петръ III принужденъ былъ уступить престолъ Екатеринѣ II. Она нашла финансы въ дурномъ состояніи, авторитетъ власти въ провинціяхъ въ упадкѣ, флотъ въ упущеніи, армію въ разстройствѣ и крѣпости въ развалинахъ. Въ сенатѣ дѣла исполнялись медленно, сенаторы не знали, о чемъ судятъ, и самъ сенатъ «вышелъ изъ границъ», удержавъ за собою право издавать законы.

Для устраненія всѣхъ этихъ безпорядковъ Панинъ предложилъ Екатеринѣ учредить «верховное мѣсто, изъ котораго яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все оживотворяющее, и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя». Составленный Панинымъ уставъ верховному правительству былъ переданъ на обсужденіе нѣсколькихъ лицъ, которыя отнеслись сочувственно къ уставу. Бывшій посланникомъ въ Англіи, графъ Воронцовъ писалъ Панину, что совѣтъ необходимъ, какъ высшее учрежденіе, въ которомъ должны разсматриваться важнѣйшія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла. Не такъ смотрѣлъ на дѣло образованія совѣта генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа.

«По мнѣнію Вильбуа, авторъ проекта, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени

подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя дѣйствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ».

«Императрица», замѣчаетъ Вильбуа, «можетъ выбирать въ число своихъ совѣтниковъ способнѣйшихъ людей, между тѣмъ какъ, въ случаѣ учрежденія императорскаго совѣта, ея воля будетъ связана избранными въ него членами... Для русскаго монарха нужна неограниченная власть. Императорскій же совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ».

Точно также и Бестужевъ указывалъ императрицѣ на опасность учрежденія императорскаго совѣта, съ которымъ она должна будетъ раздѣлить власть, пріобрѣтенную съ такимъ трудомъ. При недовѣріи къ Панину, желавшему видѣть на престолѣ Павла Петровича, императрица не согласилась на приведеніе въ исполненіе проекта Панина и, образовавъ совѣтъ, назначила графа А. Бестужева первымъ императорскимъ сановникомъ и первымъ членомъ учрежденнаго при дворѣ императорскаго совѣта. «Этотъ совѣтъ имѣлъ совѣщательный характеръ, собирался по мѣрѣ надобности и въ неопредѣленные сроки, но императрица, сознавая необходимость въ высшемъ государственномъ учрежденіи, въ 1763 году поручила фельдмаршалу Миниху написать проектъ такого учрежденія».

«Благо государственное», говоритъ Минихъ, «требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта. Этотъ совѣтъ долженъ состоять изъ многихъ лицъ, которыя, находясь у государственнаго кормила, могли бы искусно направлять всѣ дѣла имперіи, облегчать этимъ труды императрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности не особенно важныхъ дѣлъ».

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мнѣній и возникшей войны съ Турціею, послѣдовалъ въ 1769 году указъ объ образованіи совѣта въ высочайшемъ присутствіи, «дабы ничего проронено не было, что служить можетъ къ оборонѣ и безопасности государства, и дабы скорѣйшія сношенія установить между учрежденныхъ политическихъ и казенныхъ мѣстъ». Вслѣдъ затѣмъ совѣту былъ данъ наказъ, въ которомъ опредѣлена организація и порядокъ веденія дѣлъ. Засѣданія совѣта начались 22-го января 1769 года, въ присутствіи самой императрицы. Сначала въ совѣтъ поступали только военныя и иностранныя дѣла, а потомъ и дѣла внутренняго управленія, имѣвшія тѣсную связь съ внѣшними. Такимъ образомъ, вліяніе и власть совѣта постепенно распро-

страняется на всѣ отрасли управленія, и онъ становится органомъ верховнаго управленія государствомъ.

«Резюмируя все, сдѣланное Екатериной II», говоритъ г-нъ Щегловъ, «для преобразованія высшаго управленія въ Россіи, мы находимъ значительныя и важныя въ немъ измѣненія. Екатерина отдѣлила вполнѣ центральное управленіе отъ мѣстнаго, причемъ это послѣднее получило правильную организацію. Но и въ сферѣ высшаго управленія были совершены Екатериною II необходимыя для ея времени реформы. Три главныя функціи были раздѣлены между собою, и отправленіе ихъ поручено отдѣльнымъ учрежденіямъ: законодательство—совѣту, управленіе—генералъ-прокурору и другимъ отдѣльнымъ лицамъ, съ правами министровъ. Сенатъ сдѣлался высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но Екатерина не довела до конца свои преобразованія. Совѣтъ при ней не получилъ еще опредѣленнаго устройства, и самостоятельное участіе его въ законодательныхъ дѣлахъ ослаблялось личною дѣятельностью императрицы и обширными правами генералъ-прокурора и другихъ лицъ, которымъ она довѣряла разнаго рода важнѣйшія и другія государственныя дѣла. Личному элементу въ высшемъ управленіи также не было отведено при Екатеринѣ опредѣленнаго и надлежащаго мѣста: личное начало въ управленіи предоставлялось, главнымъ образомъ, генералъ-прокуроромъ, въ должности котораго соединялось нѣсколько отдѣльныхъ министерствъ. Нѣкоторыми дѣлами внутренняго управленія продолжалъ заниматься и сенатъ, хотя въ то же время болѣе точно выяснилось его значеніе какъ центральнаго судебнаго учрежденія».

Н. Д—инъ.

Вновь вышедшія историческія изданія.

Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи (матеріалы для исторіи Грузіи), изданные съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова (Изъ „Чтеній въ Имп. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ".) Москва 1893 г. Тип. университетская, 8 д., VI+43+XXVIII+II стр., 200 экз.

Гранстремъ, Э. Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV—XVI в. Сост. по проф. Шотту и другимъ. Съ 71 рисунк. и картой путешествій. СПБ. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 314+2 стр., 3.000 экз.

Забѣлинъ, И. Е. Опричный дворецъ Царя Ивана Васильевича (оттискъ изъ археолог. изв. и зам. 1893 г.) Москва 1893 г. Тип. товар А. И. Мамонтова. 8 д., 19 стр., 55 экз.

Записки Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ XVI. Одесса 1893 г. Тип. „Экономическая". 8 д., 88+271+35 стр., 250 экз.

Зарубежная Русь. 1, Угорская Русь. Ѳ. П. М. А. **Качковскій** и общество его имени на Галицкой Руси. Аѳ. Васильева. Петроградъ. Тип. В. Балашева и К°. 8 д., 75+6 стр., 1.000 экз.

Каманинъ, И. М. Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива № 2.049 (Оффиціальное изданіе архива). Кіевъ 1893 г. Тип. университетская (В. Завадзскаго). 8 д., 72 стр., 400 экз.

Леонтовичъ, Ѳ. И., заслужен. проф. Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права. СПБ. 1893 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 58 стр., 45 экз.

Лазаревскій, Ал. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 2-ой. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. 1893 г. Тип. Милевскаго. 8 д. IV+521+XXV стр., 600 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Лучицкій, И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. 1. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV и XV вв. (оттискъ изъ „Университетскихъ извѣстій" за 1893 г.). Кіевъ. 1894 г. Тип. Университетская. 8 д., 64 стр., 200 экз.

Покотиловъ, Д. Исторія восточныхъ монголовъ въ періодѣ династіи Минъ. 1368—1634 (по китайскимъ источникамъ). СПБ. 1893 г. Тип. Академіи наукъ. 8 д., VI+230 стр., 310 экз.

Потто, В. Исторія 44-го драгунскаго нижегородскаго Его Имп. Выс. Госуд. Наслѣдника Цесаревича полка Томъ III. Сост. при участіи въ сборѣ матеріаловъ князя В. П. Долгорукова. СПБ. 1894 г. Тип. Р. Голике. 4 д., VI+168 стр., 2.200 экз.

Такай-Швили, Е. Еще одинъ изъ источниковъ исторіи Грузіи царевича Вахушта (отд. оттискъ изъ „Записокъ восточн. отд. Имп. русск. археол. общ.") СПБ. 1893 г. Тип. Академіи наукъ. 8 д. Стр. съ 113 по 128, 210 экз.

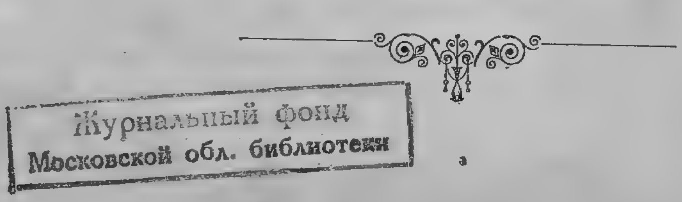
Уляницкій, В. Междукняжескія отношенія во владиміро-московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (къ вопросу о „двуименныхъ" или „союзныхъ" деньгахъ). Изъ чтеній въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ.). Москва. 1893 г. Тип. Университ 8 д, 54 стр., 110 экз.

Щербатовъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Сост. по неизданнымъ источникамъ. Томъ 4-й съ 2-мя картами и гербомъ. 1831 годъ. СПБ. 1894. Тип. Р. Голике. 8 д., 239+235 стр., 1.200 экз. Ц. 5 р.

Замѣтка.

Въ январьской книжкѣ „Русской Старины" помѣщено письмо бывшаго московскаго митрополита Филарета къ В. Д. О. При этомъ редакція замѣтила, что она не могла съ достовѣрностью узнать, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ этими иниціалами. Нынѣ мы получили достовѣрное свѣдѣніе, что письмо было адресовано къ Василію Дмитріевичу Олсуфьеву (впослѣдствіи графу).

Принося искреннюю благодарность лицу, сообщившему эту замѣтку, считаемъ долгомъ подѣлиться этимъ съ нашими читателями.



своего руководства ни рисунками, ни картами, составляющими, по нашему мнѣнію, далеко не излишнее прибавленіе ко всякой исторической книгѣ.

Считая повтореніе пройденнаго залогомъ вѣрнаго и прочнаго успѣха, авторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣлаетъ сопоставленія и сравненія разновременныхъ лицъ и событій. Для того, чтобы придать своему изложенію болѣе интереса и живости, имъ нерѣдко въ текстѣ или примѣчаніяхъ указываются наиболѣе замѣчательные источники, которые могли бы удовлетворить любознательности учащихся, развить эстетическое чувство и сообщить имъ любовь къ предмету—исторіи, имѣющей, какъ извѣстно, великое воспитательное значеніе.

Съ внѣшней стороны—въ типографскомъ отношеніи, книга г-на Иванова издана очень хорошо.

Такимъ образомъ, трудъ г-на Иванова, одобренный въ первомъ изданіи ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу, и нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія.

Сборникъ Пензенскаго губернскаго статистическаго комитета. Изданіе комитета подъ редакціею секретаря В. П. Попова. Выпускъ I. Пенза. 1893 г. Цѣна 50 к. Выпускъ II. 1894 г. Цѣна 30 к.

По примѣру многихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, издающихъ „Сборники", „Труды" и т. п., Пензенскій статистическій комитетъ съ прошлаго года началъ издавать „Сборникъ", заглавіе котораго выписано выше.

Содержаніе 1-го выпуска довольно разнообразно, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія, помѣщенныя въ немъ, статьи: А. Ѳ. Селиванова—Пензенскіе архипастыри: 1) Гай (Такговъ), первый епископъ пензенскій и саратовскій, 2) Моисей (Близнецовъ-Платоновъ), 3) Аѳанасій (Корчановъ); В. и Г. Холмогоровыхъ — Матеріалы для исторіи, археологіи, статистики и колонизаціи Пензенскаго края. XVII и XVIII ст.; Г. П. Мѣшкова—Пензенскій Троицкій женскій монастырь; М. П. Сацердотова—Указатель статей (мѣстнаго характера), помѣщенныхъ въ „Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ" за время съ 1888—1892 гг.; Н. Т. Никитина—Метеорологическій обзоръ 1892 года для города Пензы, составленный подъ наблюденіемъ метеорологической станціи при 1-й мужской гимназіи (съ приложеніемъ графической таблицы); В. М. Терехина—Археологическія раскопки и розысканія, произведенныя въ 1892 г. въ уѣздахъ Краснослободскомъ и Наровчатскомъ (съ таблицею рисунковъ); В. П. Попова—Статистическія таблицы о состояніи пчеловодства въ Пензенской губерніи за 1891 г. (съ приложеніемъ карты); Ф. Ф. Ѳедоровича—Краткія статистическія свѣдѣнія о лѣсахъ Пензенской губерніи за 1891 годъ.

Содержаніе 2-го выпуска исчерпывается всего только одною статьею В. Х. Хохрякова—Матеріалы для исторіи города Пензы,—заключающею въ себѣ слѣдующія рубрики: 1) Выпись съ строельныхъ книгъ 7174 г. города Пензы; 2) Выписки (съ 1666 г.) изъ дѣлъ Помѣстнаго приказа, Патріаршаго приказа и Коллегіи экономіи,—о прибыломъ вновь городѣ Пензѣ и о церквахъ города Пензы; 3) О Черкасскомъ городѣ и основаніи города Пензы; 4) Описаніе города Пензы 1783 г.; 5) О годѣ, съ котораго упоминается городъ Пенза; 6) Мнѣнія объ основаніи города Пензы. Статья г. Хохрякова снабжена многочисленными примѣчаніями и при ней приложены: копія плана города Пензы, конфирмованнаго 6 го октября 1785 г., и снимокъ части карты, изд. Дейріарда.

Несмотря на нѣкоторыя погрѣшности и недосмотры, нельзя не пожелать этому полезному предпріятію Пензенскаго статистическаго комитета самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что выходъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника находится въ тѣсной зависимости отъ степени сочувствія мѣстнаго общества къ этому изданію. „Если этотъ первый опытъ изданія Сборника не встрѣтитъ себѣ сочувствія въ мѣстномъ обществѣ и изданіе его не покроетъ тѣхъ издержекъ, которыя на него употреблены, то, къ сожалѣнію, комитету едва-ли удастся продолжать это благое и полезное начинаніе"—заявляется отъ редакціи.

Л. М. Савеловъ. Опытъ библіографическаго указателя по исторіи и генеалогіи россійскаго дворянства (корректурное изданіе). Москва. 1893. 156 стр.+II.

Задавшись цѣлью принести посильную пользу любителямъ отечественной генеалогіи, авторъ дополнилъ свой первоначальный трудъ, часть котораго (до буквы В) была напечатана въ „Библіографическихъ Запискахъ" за 1892-й годъ, и выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ. Это—довольно подробный,—если принять въ соображеніе источники, которыми онъ пользовался („лишь одною своею библіотекою", какъ заявлено въ предисловіи),—указатель по исторіи и генеалогіи россійскаго дворянства.

Несмотря на нѣкоторые пропуски и ошибки, что признаетъ и самъ авторъ, книга г. Савелова составляетъ немаловажный вкладъ въ нашу скудную генеалогическую литературу.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мельє и К°.). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*22 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*3 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*32 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами, по	9 руб.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ.**